

УІІІ - ІХ.
Б. П. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СКОРНИКЪ.

Выпуски восьмой и девятой.

БЫТЪ БѢЛУССА.
Словарь условныхъ языковъ.

В И Л Ъ Н А.

1912.

Б. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ.

БЫТЬ БѢЛОРУССА.

1928

ВИЛЬНА.

1912.

БЫТЬ БѢЛОРУССА.

Внѣшній бытъ. Народный календарь. Народныя вѣрованія.
Семейный бытъ. Родины, крестины. Свадьба. Похороны.
Дѣтскія игры.

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 16344

Содержаніе настоящаго выпуска составляет описаніе быта бѣлоруссовъ.

Часть матеріаловъ, вошедшихъ сюда, извѣстна мнѣ лично, какъ бѣлоруссу, другая собрана во время специальныхъ этнографическихъ экскурсій, совершавшихся при содѣйствіи И. Р. Географ. Об-ва въ 1886—1893 гг., и во время служебныхъ разъѣздовъ по восточной Бѣлоруссіи въ 1886—1906 гг. До настоящаго времени все это было разбросано по многочисленнымъ записнымъ книжкамъ, хранилось на отдѣльныхъ листкахъ и клочкахъ бумаги, и съ моей смертію неминуемо погибло бы. Вотъ почему я искренно радъ—независимо отъ цѣнности матеріаловъ,—что мнѣ удалось, наконецъ, собрать эти крупицы въ нѣчто цѣлое.

Кромѣ моихъ собственныхъ наблюденій и записей, сюда вошли и сообщенія моихъ почтенныхъ сотрудниковъ, за весьма немногими исключеніями лично мнѣ извѣстныхъ и пользовавшихся моими указаніями.

Изображенія внѣшняго быта бѣлорусса этнографы касались мало. За исключеніемъ труда А. Н. Харузина „Славянское жилище въ Сѣв. Западномъ краѣ“, (Вильна, 1907), который имѣетъ, прочемъ, другія цѣли и почти не затрагиваетъ восточной Бѣлоруссіи, и книги покойнаго Н. Я. Никифоровскаго „Очеркъ житейныя *Витебскаго* бѣлорусса“ (Вит. 1895), въ этой области трудно указать что-нибудь цѣнное. Даже А. С. Дембовецкій, въ извѣстномъ „Опытѣ описанія Могилевской губерніи“ (кн. 1, Могил. 1882), покойный Ю. О. Крачковскій въ соч. „*Бытъ* зап. русскаго селянина (Москва, 1874) и покойный П. В. Шейнъ въ т. III „Матеріаловъ“, посвященномъ описанію *быта* (Спб. 1902), даютъ по этому предмету только краткія свѣдѣнія. Своимъ очеркомъ внѣшняго быта бѣлоруссовъ я имѣлъ въ виду отчасти пополнить этотъ пробѣлъ въ бѣлорусскій этнографіи¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ очеркомъ дано мѣсто народному календарю. Бѣлорусскому народному календарю посчастливилось въ литературѣ гораздо болѣе, нежели внѣшнему быту. Послѣ исчерпывающей статьи покойнаго о. І. Бермана въ „Зап. И. Р. Г. О.“ (т. V, 1873), данныя по календарю приводились въ вышеупомянутыхъ трудахъ Дембовецкаго и Крачковскаго и нѣск. др. Мой очеркъ оставленъ самостоятельно и принялъ довольно крупные размѣры

¹⁾ Въ нѣсколькѣ измѣненной редакціи статья эта была напечатана въ 1911 г. въ „Зап. Сѣв.-Зап. отд. И. Р. Г. О-ва“.

благодаря включенію въ него описанія вертепа, праздничныхъ обрядовъ, съ ихъ пѣснями (свыше 570 №№), игръ и забавъ, приуроченныхъ къ извѣстнымъ днямъ обычаевъ, а также занятій населенія и т. п.

Къ календарю примыкаетъ третій отдѣлъ книги „Народныя вѣрованія“, повѣрья, суевѣрія, примѣты, средства отъ болѣзней. Все это настолько близко касается быта, что въ нѣсколькихъ случаяхъ мнѣ не удалось избѣжать повтореній. Отдѣлъ этотъ дополняетъ однородныя свѣдѣнія, приведенныя у меня въ IV вып. „Бѣлорусск. Сборн.“, у Никифоровскаго (Примѣты и повѣрья), у Шейна, въ III т. его „Матеріаловъ“. Съ болью душевною за бѣлорусскій народъ приходится читать этотъ очеркъ. Но не народъ тутъ виноватъ...

Слѣдующій отдѣлъ составляетъ описаніе семейнаго быта, обрядовъ родинныхъ и крестинныхъ, съ обрядовыми пѣснями, обрядовъ свадебныхъ, также съ пѣснями (всего свыше 600 №№), и наконецъ, погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ.

Въ описаніи родинъ и крестинъ я пользовался услугами самихъ повитухъ и ихъ кліентокъ, главнымъ образомъ, въ Могилевской губерніи. Похоронный обрядъ записанъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ той же губерніи, въ мѣстностяхъ, которыхъ не коснулись корреспонденты Шейна. Причитанія записывались и въ Витебской губерніи, но я воспользовался далеко не всѣми текстами ихъ, такъ какъ здѣсь возможно трудно-уловимое сочинительство собирателей,—что и имѣло мѣсто у Шейна (Матер. т. I, ч. 2, стр. 645 №№ 12 и 13, и 652, № 21). Авторы этихъ поддѣлокъ сознались мнѣ, при проѣздѣ, въ своемъ сочинительствѣ „непремѣнно въ риѣму“.

Сложный свадебный обрядъ описанъ въ шести уѣздахъ Витебской губерніи и въ четырехъ—Могилевской, въ такихъ пунктахъ, которыхъ не коснулись однородные матеріалы Шейна.

Нѣкоторые критики упрекали покойнаго Шейна въ обилие описаній свадебнаго обряда въ его „Матеріалахъ“. Я не могу согласиться съ ними. Пушкинъ призналъ, что каждая русская народная сказка есть поэма... Кто присутствовалъ на народной свадьбѣ, во всѣхъ ея сложныхъ архаическихъ подробностяхъ, тотъ съ такимъ же правомъ можетъ сказать, что каждая народная свадьба есть своеобразная опера... Все дѣло, значить, въ томъ, что мы мало знаемъ народную жизнь.

Кромѣ того, не надо упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ народной жизни совершается теперь трагическая ломка: древняя обрядность, носившая ореолъ святости, исчезаетъ и ничѣмъ не замѣняется. Безслѣдно исчезло кумованье, исчезаютъ Колядныя торжества—вертепъ, звѣзда, ряженье, Терешки, Ящурь

за ними исчезаютъ Купальные костры, исчезла сказка, гибнетъ пѣсня, исчезаетъ и нынѣшній свадебный обрядъ. Уже и теперь перестаютъ печь каравай, устраняютъ ритуальные посадки, молодые никого не допускаютъ къ своему брачному ложу („никѣму нима дѣла да маѣй жонки“) и т. д. Свадьба постепенно обращается въ обыкновенную пирушку. Не описать обрядъ наканунѣ его исчезновенія для этнографа было бы преступленіемъ предъ наукой, предъ исторіей культуры... Разнообразіе же свадебнаго обряда въ частностяхъ и трудность записи этихъ народныхъ оперъ (какъ трудны записи и народныхъ поэмъ—сказокъ) вынуждаютъ насъ избѣгать сводныхъ редакцій, при которыхъ неизбѣжно терялись бы мелкія подробности, а давать рядъ цѣльныхъ описаній обряда: маленькими, еле-замѣтными, черточками они дополняютъ другъ друга, но въ общемъ возстановятъ древній брачный ритуаль—насколько уже это возможно въ настоящее время.

Къ описанію быта взрослыхъ я прибавилъ и нѣсколько штриховъ изъ быта дѣтей, давъ описаніе ихъ 70 игръ и забавъ. Сознаю, что это мало, но полагаю, что при бѣдности бѣлорусской литературы этого рода и такой малый вкладъ имѣетъ свое значеніе и даетъ поучительный матеріалъ для исторіи культуры.

Понятно, что я не могъ вдаваться въ подробности по поводу приводимыхъ матеріаловъ; я воздержался даже отъ краткаго комментарія ихъ, хотя бы въ родѣ того, какимъ снабженъ VII вып. „Бѣлор. Сборн.“, и тѣмъ не менѣе долженъ былъ отказаться отъ помѣщенія въ настоящей книгѣ приготовленныхъ для нея этнографическихъ матеріаловъ: внѣобрядовыхъ пѣсенъ, припѣвовъ, загадокъ, пословицъ, заговоровъ, духовныхъ стиховъ.

Транскрипцію я избралъ фонетическую, приближающуюся къ произношенію; мягкіе *д* и *т* (дъз, тьс) изобразилъ буквами *д* и *т*; твердое *г* печатаю латинскимъ *g*; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ бѣлорусское *г* надо произносить какъ *h*. Въ сомнительныхъ случаяхъ я ставлю надъ гласными удареніе: *á*, *à*, *ó*, *ò* и т. д. Долженъ оговориться, что при печатаніи книги въ провинціальной типографіи я не могъ строго провести ударенія острое и тупое, и оба ихъ слѣдуетъ читать одинаково.

Заявляю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ записи проведены недостаточно послѣдовательно въ отношеніи твердости шипящихъ дзеканья—въ Витебскомъ, Городокскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ, и смѣны *ц* и *ч* въ Велижскомъ и Невельскомъ уѣздахъ, гдѣ записи сдѣланы не мною. Извѣстно, что пѣвцы и рассказчики поддѣлываются подъ рѣчь записывателя; этимъ слѣдуетъ объяснить фактъ, что во владиміровской и щербинской волостяхъ не уловлено дзеканье, а въ Невельскомъ уѣздѣ не вездѣ отмѣчено существующее тамъ цоканье; *жс*, *ч*, *ш*, *щ* изображены то мягко, то твердо.

Число моихъ сотрудниковъ по настоящему выпуску довольно велико. Списокъ ихъ прилагаю въ концѣ книги. Здѣсь же считаю долгомъ сказать всѣмъ имъ сердечное спасибо за ту готовность, съ которой они, изъ любви къ своей темной и бѣдной родинѣ, поспѣшили отозваться на мое приглашеніе подѣлиться съ русской этнографической наукой своими наблюденіями надъ народной жизнью.

Кстати отмѣчу, что указаніе пункта, гдѣ записано то или другое произведеніе или констатировано извѣстное бытовое явленіе, надо понимать только какъ фактъ записи ихъ въ данномъ пунктѣ, но не какъ предѣлы распространенія. Географія пѣсенъ еще ждетъ своего изслѣдователя и дастъ прелюбопытные матеріалы, между прочимъ по опредѣленію границъ расселенія славянскихъ племенъ въ западной Россіи, по вліянію на нихъ сосѣдей, по позднѣйшимъ передвиженіямъ населенія и т. д. На основаніи моихъ матеріаловъ я во всякомъ случаѣ могу сказать, что прототипы пѣсенъ захватываютъ большія пространства, и рѣки, напримѣръ— даже большія, какъ Днѣпръ, Двина, Сожь, Нѣманъ, вовсе не служили препятствіемъ для ихъ распространенія. Скорѣе границами служили тутъ большіе лѣса и болота (напр. Клясицкіе лѣса на границѣ Полоцкаго, Дриссенскаго и Себежскаго уѣздовъ, Бѣловѣжская пуща, Минскія болота и т. д.). Не менѣе широкія области захватываетъ и обрядъ, и указаніе въ книгѣ на извѣстный пунктъ, повторяю, свидѣтельствуетъ только о фактѣ записи тамъ обряда.

Одновременно съ симъ выходитъ девятый выпускъ „Бѣлор. Сборника“, заключающій словарный матеріалъ по условнымъ языкамъ, имѣющимъ распространеніе въ Бѣлоруссіи, съ параллелями великорусскими, малорусскими и польскими. Готовится къ печати десятый выпускъ, въ который войдутъ бѣлорусскія сказки.

Седьмой, восьмой и девятый выпуски могли появиться въ свѣтъ, исключительно благодаря теплomu вниманію къ моимъ скромнымъ работамъ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, въ лицѣ его предсѣдателя глубокоуважаемаго А. А. Шахматова.

Важнѣйшія опечатки.

Стр. 128 напеч. калядочки вм. калядачки; 160—съ пастухомъ вм. съ пастухомъ; 240—Господу вм. Госпаду; 317—параксизмъ; 335—дырагія вм. дырагія; 350—загукалася вм. загукала; 363—попá вм. папá; 544—Мать по дѣтямъ вм. по дѣтяхъ; 550—протчами вм. проими; войтойствахъ вм. войтовствахъ; 560—не не узнаетъ вм. не узнаетъ.

Внѣшній бытъ бѣлорусса.

Въ настоящее время патриархальный доселѣ быть бѣлорусса съ невѣроятною быстротою началъ поддаваться измѣненіямъ. Произошло это какъ то незамѣтно, но повсемѣстно. Повидимому, эволюцію эту вызвала установившаяся въ городахъ въ началѣ XX вѣка дороговизна на сельскіе продукты. При тѣхъ же трудахъ и тѣхъ же сборахъ, крестьянинъ началъ выручать за свои продукты втрое и вчетверо болѣе. Сначала это даже тревожило его совѣсть, но потомъ крестьяне свыклись съ высокими цѣнами, и въ деревнѣ появились деньги, бывшія раньше тамъ чрезвычайно рѣдкими гостями.

Въ результатѣ крестьянинъ получилъ возможность освободить себя отъ долгихъ и тяжелыхъ работъ по изготовленію холста и сукна и сталъ покупать на бѣлье и одежду дешевые ситцы, бумазеи, издѣлія лодзинскихъ фабрикъ, замѣнилъ лапти сапогами. Затѣмъ явилась возможность улучшить сбрую, приобрести окованную телѣгу, замѣнить допотопную соху плугомъ и т. д. Были, конечно, при этомъ и пересолы, въ родѣ зонтиковъ, перчатокъ, лакированныхъ сапоговъ и т. п., но это такъ извинительно послѣ тысячелѣтней нищеты.

Это обстоятельство обязываетъ этнографовъ спѣшить съ описаніемъ народнаго быта исчезающаго уклада, пока нивелирующая рука времени еще не окончательно изгладила всѣ особенности народной жизни.

По этимъ соображеніямъ я рѣшилъ внести въ настоящій выпускъ бытовые данныя по Могилевской губерніи вообще и по сѣверной части Быховскаго уѣзда, находящейся между р. Друтью съ запада и р. Днѣпромъ съ востока, въ частности.

Мѣстность эта еще въ началѣ XVII вѣка представляла дикую лѣсную трущобу, переходившую по захватному праву отъ Могилевского королевскаго замка къ Крошинскимъ, Корсакамъ, Соломерецкимъ, и отъ нихъ, уже по наслѣдству, къ Сапѣгамъ.

Извѣстная Варколабовская лѣтопись находитъ здѣсь въ концѣ XVI в. только три селенія: Батунь, Бѣлевичи и Заболотье. Баркулабъ Корсакъ основываетъ здѣсь Дашковку, Вендорожь, Лежневку, Куты, Новоселки. Всѣ остальные селенія этого района возникли уже позднѣе. Еще и въ настоящее время лѣсистость здѣсь достигаетъ 40% общей площади; въ то же отдаленное время здѣсь были сплошные лѣса, и колонизація края шла параллельно съ поступательнымъ движеніемъ лѣсныхъ промысловъ. Такъ возникли здѣсь Концы, Буды, Гуты, гдѣ добывались зола и поташъ, Приборье, Майданъ. Угольщина и просто Угѣлья (деревня), гдѣ выгонялся деготь и выжигался уголь. Съ постепеннымъ истребленіемъ лѣсовъ, промыслы

эти уменьшались и исчезали, но еще и въ настоящее время край этотъ служить однимъ изъ главнѣйшихъ поставщиковъ дровъ и угля для Могилева.

Населеніе здѣсь во многомъ дикое, но за то до послѣдняго времени сохранившее въ чистотѣ языкъ, костюмъ, бытъ и народныя преданія. Здѣсь въ свое время мною записаны прекрасныя бѣлорусскія сказки, часть которыхъ вошла въ III выпускъ „Бѣлорусскаго Сборника“.

Первою церковью была здѣсь Вендорожская, построенная въ 1586 году княземъ Богданомъ Соломерецкимъ, очевидно, въ видахъ просвѣщенія этого дикаго края. Съ того времени въ теченіе трехсотъ слишкомъ лѣтъ здѣсь возникло еще четыре церкви: въ Батунь-Дашковѣ, Бѣлевичахъ и въ Хоновѣ*).

Сообщенія съ внѣшнимъ міромъ этотъ уголокъ почти не имѣетъ. Почта для него получается въ с. Глухахъ, откуда направляется за р. Друть въ волостное правленіе за 20 верстъ, и уже отсюда раздается въ Бѣлевичи—12 в., Хоново—15 в. и т. д. До Могилева считается отсюда 30 в., до уѣзднаго города Быхова—48 в. Ближайшая желѣзнодорожная станція Дашковка—28 в. И при этомъ дороги очень часто непроѣзжны.

Главное занятіе жителей—земледѣіе и лѣсные промыслы. Но послѣдніе съ каждымъ годомъ падаютъ, вслѣдствіе постепеннаго уничтоженія лѣсовъ.

Средства къ жизни добываются продажей дровъ и съѣстныхъ продуктовъ въ базарные дни въ Могилевѣ. Еще Варколабовская лѣтопись занесла на свои страницы здѣсь многочисленныя „огородныя речи“: капусту, ботвинью, цыбулю, чеснокъ, маки, горохи, бобы, коноплю, рѣпу, гурки. Теперь къ этому перечню можно прибавить картофель, брюкву, рѣдьку, фасоль, разнаго рода хлѣбъ. Кромѣ того, лѣтомъ продаются грибы и ягоды, цыплята, молочные продукты, яйца, осенью—куры и гуси, овцы, бараны, зимою свиньи, весною телята.

Населеніе этого края живетъ небольшими селеніями. Изъ 59 находящихся здѣсь населенныхъ пунктовъ, только въ семи (12%) число дворовъ превышаетъ *сто*, а именно: въ Семукачахъ (156), Запоточѣ (108), Хоновѣ (100), Бѣлевичахъ (125), Новоселкахъ (110), Досовичахъ (111), Дашковѣ (120). Изъ остальныхъ въ одиннадцати (18%) число дворовъ колеблется между 50 и 88, въ шестнадцати (27%) между 20 и 50, а въ остальныхъ 25-ти число дворовъ не достигаетъ 20, въ томъ числѣ въ 20 поселкахъ дворовъ *меньше 10*. Такимъ образомъ, мелкіе поселки до 20 дворовъ составляютъ здѣсь свыше 42%. Мѣстность эта, слѣдовательно, должна бы

*) Варколабовская церковь была домашнею у Корсака.

причислена по характеру селеній къ переходному типу отъ Южной Бѣлоруссіи къ Сѣверной. Слѣдуетъ оговориться, что матеріалы для настоящаго очерка собирались въ періодъ, предшествовавшій разселенію крестьянъ на хутора.

I.

Особаго различія въ устройствѣ жилищъ между богатыми и бѣдными здѣсь не существуетъ, кромѣ того только, что нѣкоторые зажиточные хозяева вмѣсто одной крестьянской избы, „хаты“, устраиваютъ ихъ двѣ, при чемъ эти избы соединяются или посредствомъ холодныхъ сѣней или непосредственно.

Самая обыкновенная крестьянская хата имѣетъ въ длину 8 ар., а въ ширину 8 или же 7 арш. Хата нѣсколько меньшихъ размѣровъ считается малою, а немного большихъ размѣровъ—большою. Напримѣръ, хата 10 на 9 арш. считается очень большою.

По своему устройству хаты также не представляютъ различія и могутъ быть только курныя и чистыя, теплыя и холодныя; но ни хозяйской, ни рабочей половины, ни тѣмъ болѣе—свѣтлицы здѣсь не встрѣчается, и даже названія эти здѣсь не извѣстны.

Въ избѣ чаще всего устраивается 3 или 4 окна, при чемъ окна всегда приходится въ двухъ смежныхъ стѣнахъ избы, обращенныхъ къ солнечнымъ сторонамъ и непременно на югъ, но не къ полуночной сторонѣ. Окна приходится почти всегда на улицу и во дворъ, а именно: два къ улицѣ, одно или два во дворъ. Только изъ желанія устраивать окна къ солнечной сторонѣ случается нерѣдко, что избы не имѣютъ оконъ на улицу, если уличная сторона оказывается сѣверной.

Возкой бревенъ на постройку избы въ деревняхъ занимаются почти всегда зимою, и какъ при этой, такъ и при послѣдующихъ работахъ какихъ-либо примѣтъ не наблюдаютъ. Но, приступая къ новой работѣ, избѣгаютъ совпаденія съ однимъ изъ дней луннаго мѣсяца, который попадаетъ на третьей четверти и называется „зрушенья“.

Каждый хозяинъ самъ, безъ посторонней помощи, возитъ, „трелюетъ“, бревна на новую избу и только, въ случаѣ отдаленности лѣса, беретъ, съ платой, въ помощь сосѣдей или—какъ это было раньше,—собираетъ толоку. Въ настоящее время толокой только перевозятъ готовый срубъ или готовую избу (часто старую), купленную хозяиномъ на сторонѣ, иногда за нѣсколько верстъ отъ мѣста постройки.

Когда бревна доставлены на мѣсто, здѣсь ихъ очищаютъ отъ коры топоромъ и скобей и приступаютъ къ самой рубкѣ хаты. Но рубятъ и складываютъ хату не сразу, а сначала складываютъ бревна въ срубы, числомъ до трехъ.

Дѣлается это такъ. Берутъ сначала два бревна (обыкновенно бревно 5—6 верш. толщины) и на нихъ отмѣчаютъ по концамъ желаемый размѣръ избы въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, напр., по длинѣ 9 арш., затѣмъ на эти два бревна, разставленные другъ отъ друга приблизительно на ширину предполагаемой избы, накатываютъ другія два бревна и по концамъ ихъ отмѣчаютъ мѣста по желаемой ширинѣ, напр. 8 арш. Послѣ этого выравниваютъ бревна отъ очень замѣтныхъ горбинъ, сучковъ, но общей отески бревенъ не дѣлается. Затѣмъ, на означенныхъ мѣстахъ по концамъ вырубаютъ „чашки“ или гнѣзда, куда должны входить концами нѣсколько потесанныхъ другія бревна. Получается такимъ образомъ первое звено, или „вѣнецъ“.

Далѣе вырубается чашка въ двухъ верхнихъ бревнахъ, и накатываются еще два бревна поверхъ двухъ первыхъ бревенъ въ готовые чашки, при чемъ, по надлежащей примѣркѣ, эти два послѣднія бревна съ нижней своей стороны причерчиваются такъ называемой *дражкой* съ нижележащими бревнами. Смотря по надобности, въ первыхъ вырубается неглубокія выемки во всю длину бревна, такъ, чтобы верхнія бревна прилегали къ нижнимъ вплотную, безъ щелей и просвѣтовъ.

Такой обработкѣ подвергается каждая новая пара бревенъ, пока не получится срубъ въ 4 или 5 вѣнцовъ.

Начинается затѣмъ новый срубъ, для чего два первыхъ бревна накладываются еще на первый срубъ и по надлежащей обработкѣ съ двумя другими бревнами снимаются и укладываются въ первый вѣнецъ новаго сруба.

Когда окончатъ второй срубъ, приступаютъ къ третьему, который долженъ быть уже послѣднимъ. На немъ будетъ крыша. Верхній вѣнецъ этого третьяго сруба будетъ сдѣланъ точъ вточъ по размѣру прочихъ, и по счету онъ будетъ десятымъ или одиннадцатымъ; на немъ будутъ покоиться балки. На этотъ вѣнецъ накладывается еще одинъ, при чемъ два бревна, лежація по длинѣ избы, дѣлаются длиннѣе на аршинъ или немного болѣе, въ одну и другую сторону, что нужно для крыши.

Прежде, а иногда и въ настоящее время, вмѣсто общеупотребительныхъ стропилъ, для основы крыши дѣлали на двухъ противоположныхъ стѣнахъ по ширинѣ избы „лемеги“, причемъ бревна безъ чашекъ накладывались одно на другое такъ, что послѣдующія дѣлались короче нижележащихъ. Концы ихъ стесывались наискось такъ, что когда будетъ положенъ самый верхній наименьшій „лемегъ“, то выйдетъ родъ треугольника, имѣющаго покатость для будущей крыши почти въ 45°. Каждая пара лемеговъ противоположащихъ стѣнъ укрѣпляется „поботомъ“, или „наботомъ“, т. е. тонкими бревнами, которыми замѣняютъ латы въ обыкновенныхъ крышахъ со стропилами.

Если же устраиваются для крыши стропила,—что чаще и дѣлается, при теперешнемъ безлѣсѣ,—то стропиль устанавливаются всегда три пары: двѣ пары противъ угловъ избы и одна посрединѣ. На стропилахъ укрѣпляются латы въ разстояніи полуаршина или немного болѣе одна отъ другой.

Крыши на хатахъ, какъ и на всѣхъ прочихъ постройкахъ въ деревнѣ, за небольшими исключеніями, соломенные и двускатныя. Соломенная кровля дѣлается или *простая* или *гребенкою*. Въ простой крышѣ, послѣ заведенной стрѣхи изъ маленькихъ снопиковъ, каждый слѣдующій рядъ сноповъ настилается колосьями внизъ, въ гребенчатой же снопы кладутся „комлемъ внизъ“. Гребенчатая крыша считается лучшею, и болѣе прочною и красивою, но она требуетъ большаго количества соломы и умѣлой, чистой работы. Обыкновенно крыша сходится вверху подъ прямымъ угломъ.

Чтобы „завести крышу“, укрѣпляютъ у нижняго края ея, съ обѣихъ сторонъ, по длинѣ будущей крыши, три или четыре деревянныхъ крюка, для чего идетъ обыкновенно вырытая съ корнемъ еловая жердь. Крюки эти прикрѣпляются къ закату крыши, или же къ стропиламъ, деревянными колышками, или привязываются прочными веревками. Они спускаются концами на одинъ аршинъ ниже верхняго бревна стѣны. Здѣсь на нихъ укладывается лата, которая вмѣстѣ съ уложенными уже ранѣе латами и составляетъ всю основу крыши.

Приступая къ покрытію крыши соломой, хозяинъ беретъ два—три десятка кулей, развязываетъ ихъ и перевязываетъ вновь уже парными снопиками, въ одной вязи. Это нужно для сооруженія стрѣхи. Снопики эти называются „застрѣшниками“. Они задвигаются за крайнюю лату крыши въ рядъ, по длинѣ ея, а затѣмъ плотно прижимаются при помощи тонкой жерди, или „поплета“, который привязывается къ лежащей внизу латѣ. Дальнѣйшая работа идетъ уже быстрѣе. Если крыша простая, то слѣдующій рядъ сноповъ толстымъ слоемъ настилается уже колосомъ внизъ, причемъ слой этотъ покрываетъ собою первый почти до краевъ. Затѣмъ снова идетъ увязка „поплетомъ“. Третій слой напускается колосьями на второй и также увязывается поплетомъ. Такъ работа идетъ до верха, или до „вильчика“.

Когда солома обоихъ скатовъ крыши войдетъ въ соприкосновеніе комлями, тогда задѣлываютъ верхъ мятый соломой или льнянымъ мялемъ, чтобы не было щелей; для того же, чтобы вѣтромъ не взрывало крыши, вблизи вильчика накладываются по сторонамъ жерди или другія тяжести и поверхъ ихъ нѣсколько паръ козелъ, обитыхъ на-крестъ въ верхнихъ концахъ. Козлы кладутся по самому гребню такимъ образомъ, что одна пластина приходится съ одной стороны крыши, а другая—съ другой.

Этимъ и заканчиваются работы по устройству крыши.

Пространство подъ крышей, надъ потолкомъ, называется „гора“, или „верхъ“. Здѣсь, на скрѣпахъ между стропилами, развѣшиваются тонкія жердочки и на нихъ хранятся вѣшники, лыки и т. п. легкіе предметы. Здѣсь же часто зимуютъ куры, если для нихъ не находится мѣста подъ печкой. Въ свободное отъ употребленія время здѣсь хранятся громоздкія принадлежности пряденія и ткацкаго ремесла: самопрялки, вышки, воробы, мотовила, кросна, но бѣлье здѣсь никогда не развѣшивается.

Пристроекъ на крышѣ не дѣлается никакихъ. Если гдѣ водятся голуби, то для нихъ подъ крышей подвѣшиваются старыя корзины соломенные плетушки-кошолки и т. п.

Избу строить обыкновенно сами хозяева, а такъ какъ для передвиженія бревенъ необходимо не менѣе двухъ человѣкъ, то хозяинъ нанимаетъ еще себѣ товарища въ помощь, если не хватаетъ въ семьѣ своихъ рабочихъ рукъ.

Рубка срубовъ производится ранней весной, потому что бревна зимней заготовки еще сыры и обрабатываются легче сухихъ.

Съ постановкой избы на мѣсто не спѣшатъ: даютъ бревнамъ просохнуть, такъ что срубы остаются въ черновомъ видѣ часто годъ и два, и даже болѣе. Въ послѣднемъ случаѣ, ихъ иногда складываютъ наскоро, безъ проконопачиванія стѣнъ мхомъ, и покрываютъ временной соломенной крышей.

Если хозяинъ имѣетъ нужду въ постановкѣ новой избы на новомъ мѣстѣ, что бываетъ при семейныхъ раздѣлахъ, то на избранномъ имъ мѣстѣ для будущаго своего двора онъ выбираетъ самое удобное мѣсто для хаты, такъ, чтобы окна выходили на улицу, и во всякомъ случаѣ были къ солнечной сторонѣ.

Какъ дѣлалось прежде повсемѣстно, да и теперь еще у многихъ, ставятъ избу прямо на устояхъ „штакандархъ“, и только въ недавнее сравнительно время нѣкоторые крестьяне стали устраивать избы на деревянныхъ невысокихъ фундаментахъ. Въ первомъ случаѣ хозяинъ обходится безъ плотника, во второмъ часто приглашаетъ и плотника, чтобы завести фундаментъ правильно и прочно. Штакандары—дубовые короткіе, въ $\frac{3}{4}$ или $1\frac{1}{4}$ арш. длины и отъ 6 до 12 толщины, обрубки, врываемые въ землю по угламъ, а иногда еще и подъ стѣнами избы. Всѣхъ штакандаровъ, такимъ образомъ, бываетъ четыре, шесть или восемь. Когда штакандаръ поставленъ въ приготовленные ямы, провѣряютъ на глазъ или ватерпасомъ вертикальное положеніе и по надлежащей установкѣ, зарываютъ. Въ землю штакандаръ вшивается отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш., на поверхность выступаетъ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ арш.

Фундаментъ рѣдко бываетъ выше полуаршина. На фундаментъ идетъ прочный дубовый или сосновый лѣсъ. Первый вѣнецъ и

штакандархъ тоже дается прочный, изъ тѣхъ же породъ лѣса. Затѣмъ слѣдуетъ складываніе избы изъ сдѣланныхъ раньше срубовъ, при чемъ каждое положенное бревно густо проконопачивается мхомъ. Работа идетъ быстро при четырехъ рабочихъ. На высотѣ оконъ прорубается пока одно или два бревна; на мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть двери, также прорубается отверстіе. Окна отъ земли устраиваются не выше двухъ аршинъ, а дверь, ведущая въ избу, отъ земли отстоитъ не болѣе, какъ на $\frac{1}{2}$ арш.

На такой же высотѣ, или еще меньшей, настилается и полъ. Для настилки пола укладываются по ширинѣ избы не толстые, верш. въ 4—5, бруски: по одному у стѣнъ и одинъ или два посрединѣ избы; укладываются эти бруски на штакандархъ, низко врытыхъ надъ землей; на бруски настилаются доски-мостницы, при чемъ доска одна къ другой пригоняются не подъ шнуръ, а подъ „черту“, чтобы не стесывать сильно досокъ по краямъ. Въ рѣдкихъ только случаяхъ доски чистятся рубанкомъ. Это дѣлаютъ только зажиточные крестьяне, живущіе въ большихъ селеніяхъ—мѣстечкахъ; въ большинствѣ же хозяева довольствуются поломъ изъ „битыхъ досокъ“, т. е. наколотыхъ изъ колодокъ сосны, ели и даже ольхи и осины. Это вызывается дороговизною строевого лѣса и желаніемъ хозяина устроить избу своими руками безъ лишнихъ расходовъ. Нерѣдки еще случаи, что избы оставляются и совершенно безъ половъ, съ такъ называемыми земляными полами. Это часто бывало въ прежнее недавнее время, но встрѣчается и теперь у бѣдняковъ и въ селеніяхъ безлѣсныхъ. Своего лѣса крестьяне не имѣютъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые приобрѣли землю покупкою.

Подъ поломъ избы очень рѣдко устраивается яма для храненія овощей, такъ какъ у крестьянъ такое назначеніе выполняетъ пространство между верхнимъ поломъ (нары, на которыхъ спятъ) и нижнимъ. Это называется подпольемъ. Здѣсь же помѣщаютъ зимою и телятъ, ягнятъ, а по мѣстамъ молодыхъ козъ и недавно выведенныхъ птицъ.

Потолки въ настоящее время дѣлаются плоскіе. Для устройства ихъ, по длинѣ избы укладываются двѣ балки на высотѣ 3— $3\frac{1}{2}$ арш.; на эти балки настилаются доски, и „столъ“ готова. Теперь потолки дѣлаются изъ распиленныхъ досокъ, но еще въ недавнемъ прошломъ ихъ дѣлали изъ расколотыхъ вдоль осиновыхъ, еловыхъ и ольховыхъ обрубковъ—„плахъ“. Доски кладутся прямо въ рядъ, но не въ рѣшетку, а такъ какъ ихъ не строгаютъ, то въ потолкѣ бываетъ много щелей. Ихъ сверху засыпаютъ льнянымъ мялемъ-кострикой, мхомъ и иногда пескомъ,—если хозяинъ надѣется на прочность балоковъ. Въ старыхъ курныхъ избахъ сохранились еще потолки сводчатые, въ видѣ арокъ.

Обыкновенно изба ставится въ одинъ срубъ и только достаточные хозяева ставятъ еще одну отдѣльную избу, рядомъ съ первой, на разстояніи 5 или 6 арш. Разстояніе это задѣлывается двумя стѣнами, и такимъ образомъ, получаются двѣ отдѣльныя хаты, съ теплыми или, чаще, холодными сѣнями. Иные же хозяева, съ среднимъ достаткомъ, къ хатѣ пристраиваютъ тристѣнъ, т. е. три стѣны съ отдѣльной печью, или общую съ избой. Получается вторая комната. Кромѣ того подъ одну крышу съ избой и сѣнями ставится и такъ называемая „клѣтъ“, замѣняющая кладовую и амбаръ, а въ лѣтнее время тамъ устраиваются и постели, въ особенности для молодыхъ членовъ семьи.

Вотъ древній общепринятый способъ устройства жилища и само-
нужнѣйшихъ построекъ.

Особыхъ горницъ, или свѣтелокъ, здѣсь въ деревнѣ нѣтъ, но при двухъ избахъ одна—лучшая—исполняетъ назначеніе чистой, свѣтлой, и имѣетъ нѣсколько лучшую обстановку, а другая остается черною, рабочею. Какъ рѣдкость, можно встрѣтить въ чистой избѣ „комору“,—небольшую, отдѣленную досчатой перегородкой, комнату, назначенную для спальни и для храненія лучшихъ вещей и одеждъ. Иногда чистая изба остается безъ печи временно или всегда (чаще у шляхты), въ такомъ случаѣ эта изба служитъ лѣтомъ спальней, въ ней же принимаютъ и гостей. Она называется холодною, или лѣтнею. Въ избѣ, для различныхъ ея частей, есть разные названія: куть, передній уголъ, у стола, у порога, „коло лауки“, „ля полу“, коло припечку или печи, „у загнета“, далѣе—„у сѣнцахъ“, „коло сѣнецъ“, „коло ганокъ“. Отдѣляемая въ сѣняхъ или въ другой избѣ перегородкой небольшая комнатка называется коморою, коморкою.

Какъ уже сказано выше, окна устраиваются въ избѣ въ двухъ смежныхъ стѣнахъ, обращенныхъ преимущественно на улицу и къ солнечной сторонѣ. Въ прежнее недавнее время окна устраивались небольшихъ размѣровъ, напр. 12 вершк. длины и 10 вершк. ширины, при чемъ почти всегда дѣлалось три окна равнаго размѣра, а четвертое, противъ печи—поменьше; въ послѣднее время обращается болѣе вниманіе на то, чтобы изба была свѣтлѣе, и окна устраиваются большихъ размѣровъ, но все таки рѣдко болѣе аршина въ вышину и 12 вершк. въ ширину. Высота оконъ отъ земли снаружи не превышаетъ 2 арш., а внутри 1½ арш. или немного болѣе. Оконныя рамы устраивались прежде глухими, даже безъ форточекъ, почему проводить свѣжій воздухъ и удалять испорченный не могли; въ новѣйшее время, лѣтъ 10—15 назадъ, стали обращать вниманіе и на то, чтобы посредствомъ оконъ можно было провѣтривать хату, въ особенности въ жаркое лѣтнее время (на зиму окна плотно заклеиваются). Поэтому два ближайшія къ переднему углу окна дѣлаются створчатыми. Каждая створка имѣетъ два стекла, если окно имѣетъ три пары сте-

колъ; окна, состоящіе изъ двухъ паръ стеколъ, остаются глухими, или въ нихъ дѣлается „кватирочка“, т. е. задвижное стекло.

Устройствомъ дверей и оконъ занимаются плотники, или самъ хозяинъ, если онъ достаточно владѣетъ топоромъ, пилой и долотомъ.

Дверь въ избу устраивается изъ сѣней, а въ эти послѣднія входъ всегда бываетъ со двора, и никогда прямо съ улицы. Дверь имѣетъ не болѣе 2¼ арш. высоты, при ширинѣ 1½ арш. Внизу двери всегда бываетъ порогъ, на 2—3 верш. возвышающійся надъ поломъ избы. Снаружи, въ сѣняхъ, этотъ порогъ выше, въ особенности, если сѣни безъ пола. Дверь запирается посредствомъ желѣзной „клямки“ на крючкѣ, наружная же дверь въ сѣни имѣетъ чаще деревянную „закрутку“, а для запора вмѣсто висячаго замка чаще внутренній желѣзный, или деревянный „завалъ“—небольшой брусочекъ съ зарубками по верхнему краю, укрѣпленный къ косяку двери. Снаружи дверь отпираются ключемъ желѣзнымъ или деревяннымъ, который состоитъ изъ палочки „съ язычкомъ“, свободно вращающимся на концѣ этой палочки. Ключъ вкладывается въ дыру, продѣланную немного выше „завала“ или засова. Попадая своимъ язычкомъ на зарубку завала, ключъ запираетъ или отпираетъ засовъ и, слѣдовательно, дверь.

Въ мѣстной бѣлорусской избѣ, кромѣ общаго прокладыванія мхомъ при постановкѣ ея, другихъ какихъ-либо средствъ, какъ-то: промазыванія избы снаружи глиной или обшивки ея тесомъ, не употребляется; только у немногихъ, болѣе достаточныхъ, хозяевъ въ послѣдніе годы внутри избы дѣлается штукатурка, которая затѣмъ выбѣливается мѣломъ.

Ставни на окнахъ встрѣчаются не часто и составляютъ принадлежность такихъ избъ, которыя по своему внѣшнему виду нѣсколько пригляднѣе другихъ. Хозяева такихъ избъ, будучи сами порядочными плотниками, къ отдѣлкѣ своего жилища прилагаютъ замѣтно больше тщательности и усердія. У хозяевъ средняго достатка и бѣдныхъ ставень не встрѣчается, а вмѣсто нихъ, если на зиму не имѣется зимнихъ рамъ,—что уже встрѣчается изрѣдка,—навѣшиваются снаружи на ночь въ морозъ соломенные маты, или „коцы“.

Крыльцо къ сѣнямъ пристраивается у немногихъ хозяевъ. Устройство его самое простое: вмѣсто ступеней—одинъ или два обрубка деревянныхъ, или просто камень передъ дверью въ сѣни; затѣмъ, на двухъ деревянныхъ столбикахъ, опирающихся на бруски, простенькая прямая или съ небольшимъ скатомъ крыша изъ тонкихъ дощечекъ или драни. Красивое крыльцо—большая рѣдкость.

II.

По своему устройству, бѣлорусская варенная печь имѣетъ три слѣдующихъ разновидности: печь курная, печь, битая изъ глины, съ

трубой, и обыкновенная кирпичная, съ трубой. Всё онѣ почти всегда дѣлаются на деревянномъ фундаментѣ, но въ чистыхъ, хорошо устроенныхъ, избахъ большихъ селъ и мѣстечекъ не рѣдкость печь обыкновенная русская на каменномъ фундаментѣ. Въ настоящее время печей безъ трубъ не дѣлается даже у бѣдныхъ жителей деревень, и если встрѣчаются еще хаты-курницы, то это остатокъ прошлыхъ лѣтъ, главнымъ образомъ періода крѣпостного и ближайшаго къ нему вольнаго времени, когда народъ былъ бѣднѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Впрочемъ, у малосостоятельныхъ жителей и теперь устраивается печь съ небольшимъ отличіемъ отъ курной: для выхода дыма продѣлывается небольшая труба, выходящая не на крышу, а черезъ стѣну избы въ сѣни; во время топки такой печи дымъ проходитъ черезъ крышу сѣней и сосѣдней кѣлти. Но въ виду небезопасности такой печи въ пожарномъ отношеніи и этотъ способъ устройства печи уступаетъ мѣсто печи съ дымовыми трубами. На устройство кирпичной печи на деревянномъ фундаментѣ идетъ до тысячи кирпичей; часть ихъ покупается („палу, паленая“), но большую часть берутъ „сырца“, который изготовляется нерѣдко самимъ же хозяиномъ, если глину можно найти вблизи, „коло двора“. Но такъ какъ на покупку кирпича не всегда имѣются деньги, то во многихъ деревняхъ дѣлаютъ печи изъ глины, такъ называемыя „битыя“, въ которыхъ весь корпусъ печи состоитъ изъ одной глины и только „подъ“ печи, чело, шестокъ и труба дѣлаются изъ кирпича. На такой печи берегаются средства, такъ какъ всю работу выполняютъ сами хозяева и только кирпичную часть печи дѣлаетъ печникъ или, по мѣстному—„печкуръ“, „лѣпейка“.

Кирпичную печь устраиваетъ мастеръ печникъ и только деревянный фундаментъ устраиваетъ плотникъ или самъ хозяинъ.

Печь устраивается въ ближайшемъ къ двери углу, въ правомъ или лѣвомъ, а именно въ сосѣдствѣ съ той стѣной, которая остается безъ оконъ. Пространство печь занимаетъ $2\frac{3}{4} \times 2\frac{3}{4}$ арш., но сама печь имѣетъ съ лицевой стороны до 3 арш. и даже нѣсколько болѣе, если при ней имѣется сбоку „коминъ“.

Самая работа идетъ въ такомъ порядкѣ: на углу и вблизи стѣнъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ фундаментъ, врываются въ землю сосновые или дубовые штандары, при чемъ изъ земли штандаръ выступаетъ на четверть аршина или нѣсколько болѣе. На этихъ штандарахъ подъ прямымъ угломъ накладываются хорошо вытесанные деревянные брусья, которые составятъ первый вѣнецъ фундамента; скрѣпляются брусья такъ называемымъ нѣмецкимъ угломъ, свободные концы ихъ врубаются въ стѣны избы; второй вѣнецъ кладется сверху вровень съ первымъ, третій вѣнецъ уже выступаетъ отъ сруба всторону на $\frac{1}{2}$ арш. или $\frac{3}{4}$ арш., что необходимо для за печка и „загнета“ печи; въ срубѣ фундамента продѣлывается окон-

и поверхъ его настилаются толстыя доски или деревянные пластины, которыя и образуютъ исподъ печи. Послѣ этого начинается кладка печи изъ кирпича или „битье“ изъ глины. Здѣсь приводится описаніе работъ по устройству глинобитной печи.

Хозяинъ приглашаетъ къ себѣ на помощь двухъ—трехъ чело-вѣкъ и заготавливаетъ глину, которую въ свѣже-нарытомъ видѣ подвозитъ изъ ближайшаго мѣста; привозится также 2—3 воза булыжника средней и малой величины. Нижняя часть печи усыпается толстымъ слоемъ глины, съ пескомъ, по которому выкладывается не крупнымъ булыжникомъ, а затѣмъ поверхъ выравнивается глиной. Это фундаментъ для „подъ“, такъ какъ поверхъ этого слоя кладется уже рядъ кирпича во всю ширину печи, т. е. имъ устилается будущій—„подъ“, загнетъ и запечекъ, а также нижняя часть „комина“. Такъ какъ „подъ“ печи требуетъ особенной прочности и гладкости, то настилка его дѣлается не „сырцомъ“, а „паломъ“, т. е. обожженнымъ кирпичемъ.

Послѣ этого, отступя на $\frac{1}{2}$ аршина или немного болѣе отъ обѣихъ стѣнъ избы, устанавливаютъ два полукружія, называемыя „кобылами“, на такомъ разстояніи одно отъ другого, какова будетъ длина печи внутри (около $1\frac{1}{2}$ арш.); на нихъ настилаются доски, такъ что получается форма для образованія свода печи. Вокругъ этой формы насыпается глина, которая сильно уминается у стѣнъ, а съ двухъ другихъ боковъ или, какъ говорятъ—„отъ хаты“, ставятся ребромъ доски на такомъ разстояніи отъ деревянной формы, чтобы въ эти доски упирались стѣнки будущей печи; по мѣрѣ работы, доски еще прибавляются сверху. Для удержанія этихъ досчатыхъ стѣнокъ, ихъ подпираютъ бревнышками, которыя другимъ концомъ упираются въ стѣны избы. Этими досчатыми стѣнками снаружи и сводчатой формой внутри и дѣлается форма печи и размѣръ ея. Глину насыпаютъ между досками и сводомъ, не промачивая ее водой, такъ какъ при сильномъ утрамбовываніи ея тяжелыми чекушками она дѣлается влажною сама собой. Булыжникъ продолжаютъ прибавлять какъ по сторонамъ, т. е. въ стѣнки печи, такъ и поверхъ свода. Дѣлается это для того, чтобы печь сильнѣе нагрѣвалась и дольше удерживала тепло.

Когда надъ сводомъ получится слой глины въ $\frac{1}{2}$ арш. или нѣсколько болѣе, то обыкновенно считаютъ, что „бить довольно“. Верхъ печи, такъ называемый „черень“ или „черень“, гладко выглаживается и печь оставляется въ такомъ видѣ на нѣсколько дней „подсохнуть“. Деревянные упорки, досчатые стѣнки и „кобылы“ не вынимаются. Такъ какъ печь бьютъ обыкновенно тогда, когда еще въ избѣ нѣтъ ни оконъ, ни двери, да и потолокъ противъ печи не застланъ, то черезъ нѣсколько дней новая печь успѣетъ „зачерствѣть“. Тогда наружное „рыштованье“ снимаютъ, но затѣмъ оставляютъ печь еще на недѣлю, на двѣ просохнуть.

Въ это время прорѣзываютъ спереди отверстіе или „устье“ печи, а внутренній досчатый сводъ съ кобылами просто выжигается съ помощью заложенаго хвороста или соломы. Легкой топкой печь начинаютъ подсушивать изнутри.

Курная печь такимъ образомъ готова, но для обыкновенной нужно еще устроить трубу, а иногда и „коминъ“, по желанію. Эту работу выполняетъ уже печникъ изъ кирпича, для чего идетъ чаще „сырецъ“. На остающемся съ передней стороны свободномъ пространствѣ, отступя отъ края на 6—8 верш., печникъ закладываетъ стѣнку изъ кирпича, для свода, оставляя свободнымъ пространство для наружнаго входа въ печь; устраивается шестокъ, „печурки“, или „ямки“, гдѣ стребается жаръ; далѣе вмазываются вьюшки („юшки“). Для печи „юшка“ бываетъ горизонтальная, круглая; она вмазывается въ нижней части трубы противъ дымового хода; такая „юшка“ требуетъ и дверки, устраиваемой чаще сзади печи и рѣдко съ передней стороны, съ „хаты“; другая же „юшка“, въ видѣ четырехугольной пластины съ ручкой, вдѣлывается часто на ребро и служитъ для закрыванія дымового хода изъ комина. Круглая вьюшка закрывается только одной плиткой. Поэтому тепло быстро выходитъ въ трубу. Для избѣжанія этого на плитку кладутъ камень и все вьюшечное отверстіе затыкаютъ тряпками.

Почти всегда труба прямымъ ходомъ безъ лежака выводится на крышу. Для предохраненія трубы, по мѣстному тоже „комина“, отъ размыванія дождевой водой, ее обвязываютъ иногда лубками, берестю, но рѣдко покрываютъ известкой. Также рѣдко придаютъ ей и красивую форму.

Пространство подъ печью обыкновенно служитъ для помѣщенія куръ въ зимнее время.

Печи топятся повсемѣстно дровами и, не смотря на все болѣе и болѣе ощущаемый недостатокъ въ лѣсѣ, къ замѣнѣ дровъ другими матеріалами еще не переходятъ. Лучина, какъ освѣтительный матеріалъ, выходитъ уже изъ употребленія даже въ захолустныхъ и бѣдныхъ деревняхъ, будучи замѣняема керосиновой лампой. Нигдѣ также не употребляются „каганцы“ и „фитили“, въ которыхъ раньше жгли сало или растительное масло. Для добыванія огня служатъ фосфорныя спички и только за недостаткомъ ихъ прибѣгаютъ къ „жару“, т. е. къ горящему уголью, сохраняемому отъ одной до другой топки печи „въ ямкѣ“, или запечкѣ. Для раскуриванія трубки пожилые люди добываютъ еще огонь при помощи огнива и кремня, зажигая губку, ими самими приготовляемую. Но ни самодѣльных спичекъ, ни старинныхъ „сѣрничекъ“ уже не встрѣчается. Добываніе же „живого огня“ совершенно не извѣстно. Огонь отъ молніи особаго значенія здѣсь не имѣетъ, и пожаръ отъ молніи тушится наравнѣ съ пожаромъ отъ обыкновенныхъ причинъ. Но южнѣ этой области

существуетъ повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно затушить только молокомъ.

Снаружи избы не смазываются глиной и не бѣлятся; очень рѣдки избы съ выкрашенными ставнями. Если онѣ есть, то выкрашиваются въ синюю, голубую, коричневую или другую какую-либо одну краску, и рѣдко въ двѣ или три разныя краски. Большею же частью ставни остаются не выкрашенными. Украшенія рѣзныя встрѣчаются также очень рѣдко и ими украшаются только окна, да иногда ворота; рѣзба по карнизу исключеніе. Та незатѣйливая рѣзба, которою украшаютъ окна и ворота, состоитъ изъ пилообразныхъ дощечекъ; иногда зубцы выпиливаютъ дугообразно, съ высверливаніемъ дырочекъ въ полукругахъ. Къ верхней и нижней рамкѣ ставень придѣлываются иногда кружочки или удлинненные ромбики. Самыя дверки ставень въ избахъ никогда не дѣлаются филеичатыми, а просто состоятъ изъ двухъ (а иногда и одной сплошной) досокъ, взятыхъ на шипъ.

На воротахъ, которые въ деревенскихъ дворахъ никогда не бываютъ двустворчатыми, а всегда одностворчатыми и укрѣпляются на деревянномъ дубовомъ крюкѣ, вращающемся въ верейной шулѣ, украшенія почти отсутствуютъ, если не считать поперечную дощечку вверху воротъ, которой скрѣплены доски воротъ; иногда эта дощечка нарѣзывается пилообразно или подшивается веревочкой въ видѣ ломаной линіи. Надъ воротами навѣсы встрѣчаются у немногихъ хозяевъ и состоятъ изъ шелевочной обшивки въ видѣ крышки гроба. Въ большинствѣ случаевъ ограничиваются только деревянной распоркой, входящей концами въ верейныя шулы, или брускомъ, накладываемымъ на тѣ же шулы сверху. Калитки при воротахъ въ деревнѣ тоже очень рѣдко встрѣчаются. Вообще, устройство воротъ до-нельзя простое.

Внутреннимъ своимъ устройствомъ избы крестьянъ самыхъ бѣдныхъ и съ среднимъ достаткомъ почти во всемъ сходны, только избы вполне состоятельныхъ домохозяевъ имѣютъ нѣкоторое измѣненіе во внутреннемъ приспособленіи, меблировкѣ и проч.

Какъ уже было сказано, ближайшій ко входу уголъ занимаетъ печь; по своимъ размѣрамъ она равняется почти $\frac{1}{4}$ всей площади пола. У двухъ смежныхъ стѣнъ съ окнами протягиваются „лавки“—неподвижныя толстыя скамьи; въ томъ углу, гдѣ лавки сходятся, стоитъ столъ и при немъ небольшая скамейка—„слонъ“, „услонъ“. Красный уголъ, называемый „кутомъ“, украшается многими иконами, между которыми теперь рѣдко встрѣчаются писанныя на деревѣ, а большинство хромофотографированныя картины, вправляемыя въ рамки съ бордюромъ и подъ стекломъ, нерѣдко съ искусственными цвѣтами. Яркость цвѣтовъ—необходимая принадлежность иконъ, почему картины съ яркой окраской и стали замѣнять иконы, писанныя

на деревѣ. Деревянные иконы суздальскаго письма встрѣчаются въ бѣдныхъ избахъ въ заходустныхъ деревняхъ, какъ остатки прошлаго. Образа разставляются такъ, что въ самомъ углу ставится образъ большихъ размѣровъ и болѣе цѣнный, часто въ кіотѣ; по сторонамъ въ одну и другую сторону располагаются образа-картины. По изображеніямъ иконы весьма разнообразны, но главные иконы, наичаще встрѣчаемыя, это—икона Спасителя, Божіей Матери, Николая Чудотворца, а затѣмъ иконы Св. Троицы, наиболѣе чтимыхъ святыхъ и праздниковъ, и даже изображенія нѣкоторыхъ событій изъ жизни Иисуса Христа.

Образъ главный покрывается отдѣльнымъ полотенцемъ—„набожникомъ“; передъ нимъ подвѣшивается лампадка, но не вездѣ; у большинства къ самой иконѣ въ кіотѣ ставится свѣча и зажигается по большимъ праздникамъ; прочія иконы покрываются сплошнымъ „набожникомъ“. „Набожники“ всегда почти изъ домашняго, нарочито приготовляемаго, холста, концы котораго затканы узорами красною „заболотью“ и имѣютъ бѣлую или красную бахромку. Въ иныхъ мѣстахъ вышивки на полотенцахъ дѣлаются отъ руки, но безъ оригиналовъ, а на глазъ или, какъ говорятъ, „на память“. Орнаментъ на „набожникахъ“ исключительно геометрической.

У малозажиточныхъ крестьянъ къ домашней мебелировкѣ нужно прибавить такъ называемый „полъ“, или нижнія нары, расположенныя у печи и прилегающей къ ней стѣны, и у нѣкоторыхъ еще „палаты“, т. е. верхнія нары, поддерживаемыя столбиками. Въ домахъ зажиточныхъ крестьянъ, которые довольно рѣдки среди сельскихъ жителей, если имѣется чистая „хата“, то обстановка ея принимаетъ видъ нѣсколько городской, мѣщанскій; тамъ есть голландская печь, „грубка“, изъ мебели можно встрѣтить простые крашеные или некрашеные стулья, табуреты, замѣняющіе лавки обыкновенныхъ сельскихъ избъ; кровати подъ пологомъ, вмѣсто наръ; иногда платейный крашеный шкафъ и непременно въ одномъ изъ угловъ поставецъ для посуды, или „судникъ“, замѣняющій отчасти кухонный столъ. Въ красномъ углу стоятъ ярко блестящія иконы, украшенныя фольгой и позолотой. Имѣется лампадка.

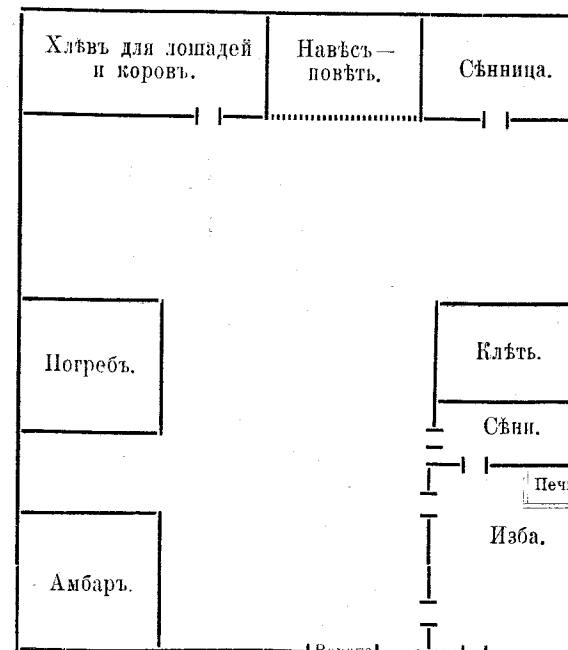
У каждаго хозяина, какого бы достатка онъ ни былъ, непременно въ хозяйствѣ должны быть двѣ или три бочки для заквашиванія капусты и буряковъ; боченокъ для воды—„водянка“, „жлукто“ или кадка на ножкахъ для запариванья бѣлья, корыта для рубки капусты и кормленія скота; „ночвы“, или „ночевки“, для просѣиванія муки и стирки бѣлья; „лубки“ или коробки изъ луба, замѣняющія корзины, дежа, ведра съ коромысломъ, лопата для вкладыванія хлѣба въ печь и лопата, или заступъ, кочегра деревянная съ желѣзнымъ наконечникомъ, два—три ухвата разной величины, помело „чепелѣ“ бываетъ не у всѣхъ; какъ и треножка. Изъ прочей дере-

вянной посуды: дежечки, баклажки, липовки, или кадушки для меду, „дойники“—подойники и проч. Изъ кухонной посуды: нѣсколько чугуновъ разныхъ размѣровъ, также горшки, горлачи, кувшины или жбаны, миски, кружка жестяная или мѣдная и уже рѣдко деревянный „корецъ“; солонка—деревянная чашка или небольшая выдолбленная кадушечка; нѣсколько ложекъ (по числу членовъ семьи) и большая ложка „полонникъ“, чашка съ деревяннымъ пестомъ для толченія сала „на заправу“ пищи, ступа съ двумя толкачами; пара рѣшетъ, изъ которыхъ одно называется сито или подситокъ, другое, болѣе рѣдкое, вытканное изъ мочалы, просто рѣшето; сѣвалка—обыкновенное лукошко, „розвины“ для ношенія сѣна и соломы и проч. Изъ орудій, кромѣ сохи, бороны, косы, серпа, имѣются одинъ или два столовыхъ ножа, кромѣ ножей, носимыхъ за поясомъ; топоръ; широкая пила для пилки дровъ, копаницы (мотыки), ножницы для стрижки овецъ и еще кое-какія плотничьи принадлежности: долото, сверла и проч.

III.

Всѣ хозяйственныя постройки деревенскихъ жителей, за исключеніемъ овина (гумна) и бани, располагаются въ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ къ другу, образуя дворъ почти всегда четырехугольной формы. Чтобы представить порядокъ построекъ и размѣръ ихъ, какъ и размѣръ всего двора, здѣсь даются планы дворовъ хозяина бѣднаго, средней руки и зажиточнаго.

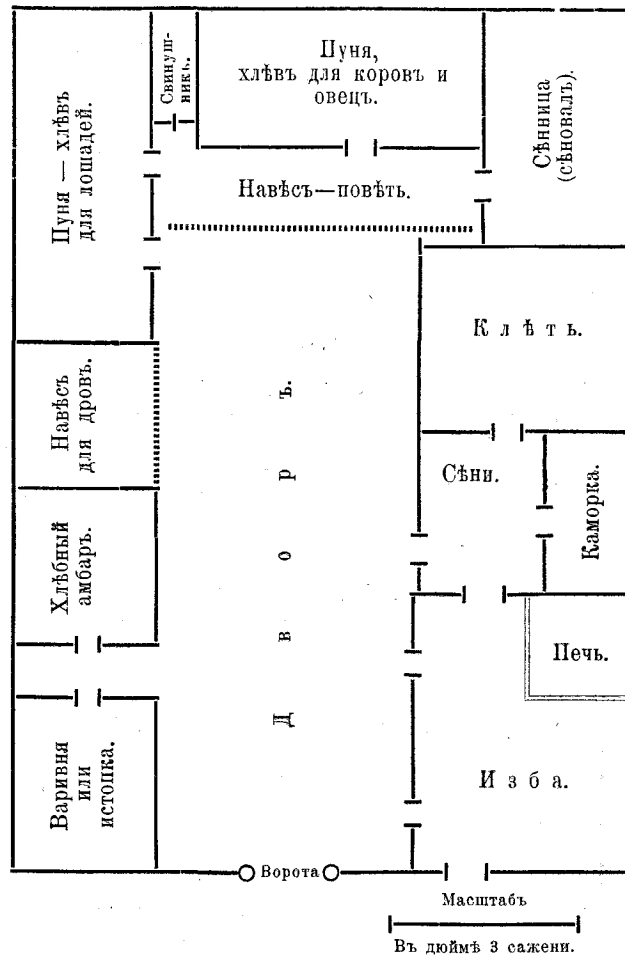
Дворъ бѣднаго хозяина.

Масштабъ
Въ добѣ 3 сажени.

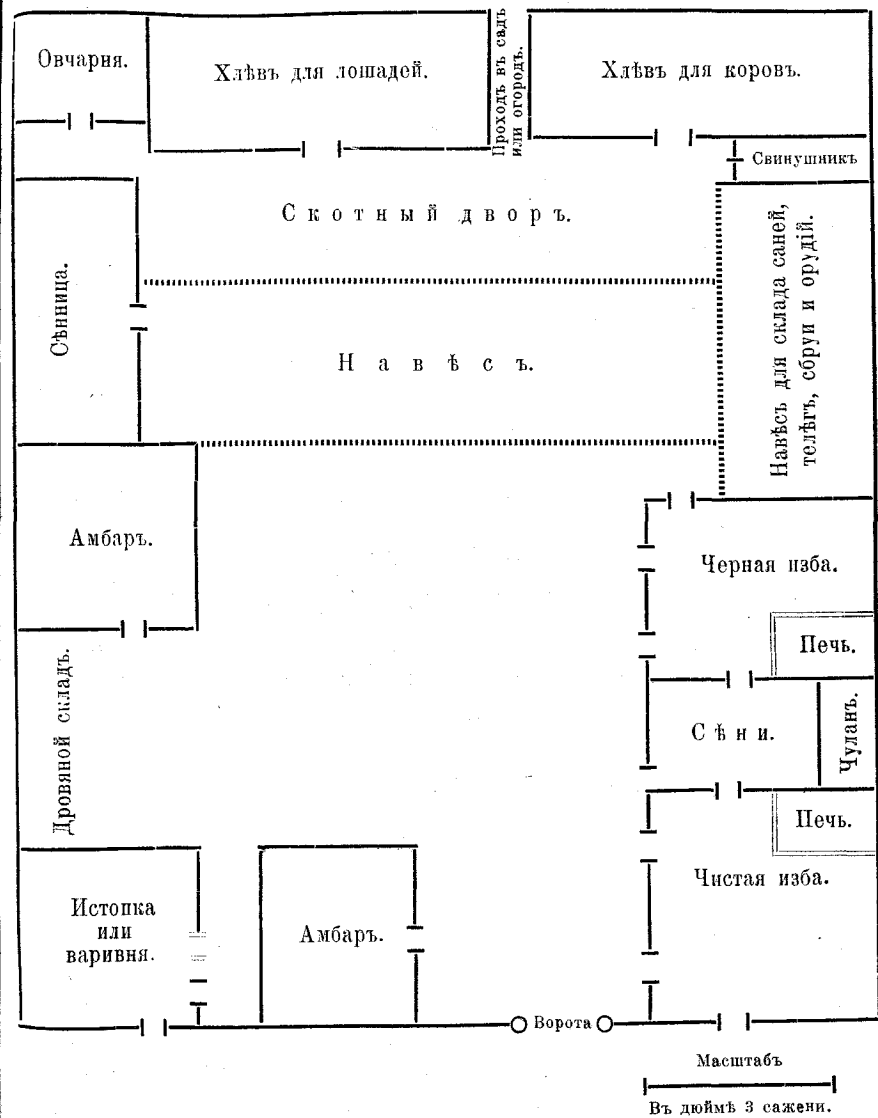
Овинъ ставится поодаль отъ двора, гдѣ нибудь въ концѣ усадьбы; при немъ иногда ставится и небольшой навѣсъ или сарай, для склада соломы и сѣна. Овинъ, или по мѣстному „гумно“, по своимъ размѣрамъ больше всякой другой изъ хозяйственныхъ построекъ и имѣетъ отъ 26 до 32 аршинъ длины и отъ 14 до 16 арш. ширины. Какъ и всякая другая холодная постройка, овинъ покрывается

Дворъ крестьянина средней зажиточности.

соломой, основой же крыши служатъ такъ называемыя „сохи“—высокіе парные столбы (отъ 3 до 4 паръ). На верху ихъ перекладины въ перекладинахъ посрединѣ укрѣплено по крючку; на нихъ кладется во всю длину постройки верхнее „сломяно“ (жерестъ) и по сторонамъ еще по одному. На эти основанія навѣшиваются длинныя крючья, на $1\frac{1}{2}$ арш. другъ отъ друга, къ крючьямъ привязывается „пошлетъ“ (тонкія длинныя жерди),—часто на разстояніи 6—8 вершковъ составляетъ рѣшетку крыши. Кроется гумно такъ же, какъ изба.

Дворъ зажиточнаго крестьянина.

Внутренность гумна такова: въ противоположномъ концѣ, прямо противъ воротъ, стоитъ „осѣтъ“ или „ѣвня“. Это теплая постройка на мху, съ потолкомъ, служащая для просушки хлѣба; внутри ѣвни, поближе ко входу, устроена невысокая, безъ трубы, печка. Надъ нею, на нѣкоторой высотѣ (около 2 арш. отъ ѣвни), устроенъ полоть изъ подвижныхъ шестковъ; это, собственно, осѣтъ; на этомъ полкѣ просушивается хлѣбъ въ снопахъ, который подаютъ черезъ окошко, продѣланное на высотѣ 2—3 арш. со стороны тока. Дверка устраивается иногда съ той же стороны, но чаще сбоку.

Отъ воротъ до осѣти, занимая средину гумна, идетъ токъ, на которомъ обмолачиваютъ просушенный хлѣбъ цѣпами. Токъ убивается толстымъ слоемъ глины, самой мягкой и жирной. Лучшей для этого глиной считается прирѣчная, называемая „глеемъ“. Предварительно смоченная, глина уминается лошадьми, а затѣмъ плотно и гладко утрамбовывается ручными чекухами. Только на такомъ току обмолачиваемый хлѣбъ бываетъ свободенъ отъ примѣси песка.

По сторонамъ тока, аршина на четыре ширины, расположены такъ называемыя „сторонки“ или „засторонки“. Онѣ отдѣляются отъ тока низкими, не болѣе $\frac{1}{2}$ арш. вышины, стѣнками, идущими параллельно сохамъ гумна. На „сторонахъ“ складываютъ снопы, правильными рядами, при чемъ къ току снопы обращены головками, „огузками“. Сложенный такимъ образомъ хлѣбъ составляетъ „кладъ“, „кладушку“, или просто „сторону“. По мѣрѣ обмолачивания ржи, часть соломы перевязывается въ кули, тертая же солома и колосовые складываются частью за осѣтью и по свободнымъ мѣстамъ по сторонамъ, частью же удаляются изъ гумна и складываются въ безформенную кучу или подъ навѣсъ.

Привезенный съ поля хлѣбъ, если онъ довольно сухъ, укладывается сразу въ гумнѣ; греча же складывается и внѣ гумна въ стогъ, если ея имѣется довольно много. Для солнечной просушки собраннаго съ поля гороха, сноповъ „пшена“ (проса), вики на сѣмена, а иногда и бобу, гдѣ его сѣютъ,—на такъ называемомъ „пригумникѣ“ устанавливается „стривье“; это двѣ суковатыя мачты, на которыя кладется еще нѣсколько жердей горизонтально. Наложанные на нихъ горохъ, вика и проч. остаются иногда до глубокой осени.

Баня не представляетъ чего-нибудь особеннаго въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ. Прежде всего, это небольшое четырехугольное (арш. 6—7 длины и ширины) строеніе съ потолкомъ, на которомъ настланъ мохъ и насыпана земля, съ кое-какимъ поломъ или вовсе безъ пола, и непременно съ самодѣльной каменной печкой, сложенной изъ крупнаго будыжника, въ одномъ углу, и полкомъ, расположеннымъ отъ печки къ другому углу. Укрѣпленъ полъ на столбикахъ на высотѣ $1\frac{1}{2}$ —2 арш., со ступенькой. Къ другимъ стѣнамъ приставляется лавочка, которую замѣняетъ часто обрубокъ дерева, стоитъ длинное корыто для воды, которое, за неимѣніемъ у нѣкоторыхъ кадки, служитъ для нагрѣванія воды; вода нагрѣвается раскаленными въ печи до-бѣла мелкими камнями. Къ потолку на веревкахъ привѣшены шесть. Во время топки дымъ изъ бани выходитъ черезъ маленькое окошечко безъ рамъ, лежащее противъ печи, а также и въ дверь. Нѣкоторыя бани бываютъ съ „примыльникомъ“, т. е. съ небольшою холодной, подъ одной крышей, пристройкой. Этотъ „примыльникъ“ защищаетъ отъ вѣтра моющихся въ банѣ во время раздѣванья

дѣванья, а также работающихъ женщинъ, когда тѣ мнутъ ленъ или ленку,—что производится непременно при баняхъ.

Амбары, или по мѣстному „клѣти“, устраиваются не выше 8 вершковъ надъ землей. Вымачиваются они или толстыми тесаными досками или вытесанными съ одной стороны бревнышками. Полка не имѣютъ. Для развѣшиванія же разной домашней утвари—обруи, „платья“, т. е. верхней одежды и проч. въ нихъ укрѣплены толстые шестки „курчины“, а для храненія зернового хлѣба устраиваются „засѣки“—закрома при одной изъ стѣнъ; они разгораживаются поперекъ на двѣ или три части; полъ и стѣны у нихъ замазываются глиною, во избѣжаніе течи зерна.

Хлѣвъ—холодная постройка для скота, состоящая изъ стѣнъ, по длинѣ въ три бревна, со двора же вмѣсто средняго бревна приделаны ворота. Внутри хлѣвъ разгораживается невысокой стѣной, если въ одномъ хлѣву стоитъ разный скотъ. Отдѣльныхъ стойлъ для лошадей и коровъ никогда не устраивается, равно какъ не вездѣ имѣются ясли и корыта или надолби для закладыванія корма.

Повѣть, или навѣсъ, болѣею частью занимаетъ пространство между двумя сосѣдними постройками и служитъ мѣстомъ постановки телѣтъ, саней, временнаго прикрытія для лошадей; здѣсь же на жердочкахъ размѣщаются часто и куры, для которыхъ особыхъ помѣщеній, кромѣ „подпечья“, не устраиваютъ.

Голубятни, какъ раньше уже сказано, особой не дѣлается, а для голубей, которые имѣются у немногихъ, служатъ сарай, хлѣва и крыши домовъ, гдѣ для нихъ подвѣшиваются разныя старыя коробки, корытца, и корзинки. Скворецень же здѣсь вовсе не знаютъ, какъ и самого скворца не умѣютъ отличать отъ другихъ птицъ по его пользѣ, приносимой человѣку истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Сажей для откармливанія свиней особыхъ не устраивается; помѣщеніе для свиней общее, которымъ служитъ маленькій хлѣвокъ, 3—4 арш. длины и ширины, гдѣ-либо подъ навѣсомъ или между двумя смежными постройками. Откармливаемые свиньи для корма выпускаются и кормятся въ сѣняхъ или въ самой избѣ, затѣмъ опять загоняются въ закуту.

О мельницахъ водяныхъ и вѣтряныхъ можно сказать, что тѣ и другія имѣются повсемѣстно, обслуживая мѣстныя потребности. Нѣкоторыя изъ большихъ водяныхъ и паровыхъ мельницъ обладаютъ довольно значительной силой, но большинство мельницъ водяныхъ перемалываютъ зерна немного, только въ весеннее и осеннее, богатое водою, время. Деревенскія мельницы малыхъ размѣровъ могутъ перемолоть отъ 200 до 300 пудовъ въ сутки.

Сукновальни устраиваются обыкновенно при водяныхъ мельницахъ въ одномъ зданіи, при одномъ и томъ же водяномъ колесѣ, и рѣдко въ отдѣльномъ зданіи, съ отдѣльнымъ собственнымъ валомъ.

Сукновалень здѣсь мало и каждая обслуживаетъ громадный районъ въ 2—3 волости, работая только весной.

Изъ прочихъ крестьянскихъ сооружений надо упомянуть еще навѣсы для просушки свѣже-приготовленного кирпича-сырца. Они устраиваются такъ, что представляютъ одну крышу, поддерживаемую рядомъ низкихъ столбиковъ по бокамъ и болѣе высокими посрединѣ. Крыша отъ земли отстоитъ на $\frac{3}{4}$ или 1 арш., и подъ ней свободно разгуливаетъ вѣтеръ.

Погребъ, для храненія картофеля и другихъ овощей, бываетъ по большей части у бѣдняковъ, бобылей или у жителей безлѣсныхъ мѣстностей; обыкновенно же онъ замѣняется „истопкой“ или „варивней“. Устраивается погребъ весь въ землѣ и только крыша и потолокъ находятся надъ землей. Для погреба вырывается четырехугольная яма, примѣрно 4 на 3 арш. и глубины $2\frac{1}{2}$ арш. или немного болѣе; стороны его укрѣпляются деревянными стѣнками, укрѣпленными въ „шулки“, потолокъ настиляется, при чемъ отъ потолка вглубь оставляется небольшой проходъ, гдѣ устраивается „творило“—люкъ; наконецъ, на столбикахъ, врытыхъ въ землю, устраивается небольшая двухскатная крыша. Если же можно воспользоваться холмикомъ (по мѣстному „бугромъ“) или горкой, то та же яма мало углубляется въ землю, а идетъ болѣе внутрь или въ длину бугра, при чемъ крыши можетъ и не потребоваться.

Ледниковъ крестьянами не устраивается вовсе.

Ямы для храненія зернового хлѣба дѣлаются въ виду безопасности ихъ въ пожарномъ отношеніи и сравнительной легкости устройства, причемъ дерева совершенно не требуется, что важно при недостаткѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Но устраиваются ямы въ настоящее время уже рѣдко.

Для ямы избирается мѣсто съ подпочвой, состоящей изъ глубокого залегающей глины; роется яма такъ, что входъ ея узокъ, верш. 8—10 въ діаметрѣ, а по мѣрѣ углубленія она постепенно расширяется, образуя форму кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Глубина ямы доходитъ до 3 и 6 арш. и можетъ вмѣстить отъ 10 до 15 четвертей хлѣба. Стѣнки ямы обшиваются берестой, укрѣпленной деревянными колышками.

Изгороди съ улицы чаще всего состоятъ изъ „прясла“. Это невысокія, аршина въ два, жердѣвые стѣнки, укрѣпляемые кольями, которые ставятся парами, образуя небольшіе промежутки, куда закладываются жерди и перематываются вѣтками изъ лозы или березоваго хвороста. Это здѣсь самая обыкновенная изгородь. Гдѣ нужно, въ такой изгороди оставляется прорѣха и здѣсь устанавливается „колвортъ“, чтобы можно было проѣхать съ телегой или возомъ.

Изрѣдка, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, такую изгородь замѣняютъ „плетень“, изъ лозовыхъ или березовыхъ вѣтвей; вмѣсто „колворота“

въ немъ устраивается „перелазъ“, т. е. проходъ, закладываемый между кольевъ досками.

Въ иныхъ мѣстахъ, чаще всего на хуторахъ, изгороди дѣлаются изъ кольевъ. Колья при этомъ устанавливаются вертикально близко другъ къ другу и скрѣпляются выше середины общей жердочкой. Сѣверныхъ *косыхъ* изгородей здѣсь нѣтъ.

Часто вблизи дворовъ и вокругъ усадебъ устраиваются изгороди изъ „частокола“. Частоколомъ же обносятся небольшіе палисаднички подъ окнами избъ у крестьянъ. Частоколъ дѣлается изъ лозы, молодого березняка и ельника. Въ такой изгороди устраиваютъ калитку или небольшія ворота, сколоченныя изъ досокъ или заплетенныя честоколомъ же по деревянной рамкѣ со столбикомъ для установки въ землю.

IV.

Новорожденного одѣваютъ обыкновенно въ „мятликъ“, который представляетъ собою кусокъ чистой, мягкой матеріи или хорошо проношеннаго, вымытаго, мягкаго холста. Въ немъ дѣлается разрѣзъ для продѣванія на голову ребенка; сшивать въ этомъ мятликѣ ничего не нужно, равно какъ не надо и рукавовъ. Такой мятликъ надеваютъ на ребенка до 4—6 мѣсяцевъ, послѣ чего для него шьются изъ холста или ситца рубашечки. Вмѣстѣ съ тѣмъ со дня рожденія и до 6—9 мѣс. младенца пеленаютъ, для чего употребляется четырехугольный кусокъ хорошо проношеннаго холста, аршина $1\frac{1}{2}$ длиною, небольшой бѣлый или цвѣтной платокъ и обыкновенный поясъ, который носится мужчинами вмѣсто кушака и по мѣстному называется „сповивачъ“. Со второго или третьяго мѣсяца ребенку на голую головку одѣвается сшитая по мѣрѣ головки шапочка или „чепчикъ“. Въ такой шапочкѣ и рубашкѣ ребенокъ остается до тѣхъ поръ, пока научится хорошо ходить и бѣгать, послѣ чего у дѣвочки на голову повязывается платокъ, одѣвается кофточка или лифчикъ, на ноги обуваютъ чулочки и черевички, а чаще всего лаптишки. У мальчиковъ же до 2—3 лѣтъ голову повязываютъ тоже платкомъ, въ особенности, когда ребенка выносятъ на открытый воздухъ въ холодъ или жару, поверхъ длинной рубашки одѣвается лифчикъ, называемый жилеточкой, обувь та же, что и у дѣвочки; штанишки начинаютъ носить мальчикъ съ четырехлѣтняго возраста или еще позже. Тогда же ко всему этому костюму присоединяется и верхняя одежда—курточка или свиточка. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого возраста устанавливается уже опредѣленная одежда для дѣтей мальчиковъ и дѣвочки; мальчикъ начинаетъ носить шапку, дѣвочка платокъ и юбочку.

У дѣвочки украшеніемъ служатъ бусы или „крани“, которые, понятно, остаются украшеніемъ и въ слѣдующихъ возрастахъ женщинъ. На „мотки“ этихъ бусъ или крапель подвѣшиваются мѣдныя

крестики и образки разной величины, покупаемые у разношниковъ и на ярмаркахъ. Мальчики носятъ только крестики, иногда по нѣсколько вмѣстѣ. Сами дѣти готовятъ незатѣйливыя украшенія: лѣтомъ и осенью нанизываютъ на нитки ягоды шиповника, также порѣзанные на мелкіе кусочки стержни растений „блекота“, стержень листьевъ тыквы, длинные стебли водяной кувшинки, цвѣты сосны, и это на время у нихъ служить вмѣсто бусъ или ожерелья.

У взрослыхъ мужчинъ нижней одеждой, по бѣлорусски „платъ-емъ“, служатъ „сорочка“ и „штаны“. Они шьются изъ грубаго домашнего холста, причемъ воротникъ въ рубашкахъ довольно широкий, откладной съ прямымъ, а не съ косымъ, какъ въ русской рубашкѣ, воротомъ. Такая рубашка шьется со сборками у ворота или же безъ сборокъ съ „подолкой“. Застегивается воротникъ обыкновенно тесемкой, ленточкой, кусочкомъ ситца. Подолъ рубашки и концы рукавовъ по большей части затканы неширокимъ, въ видѣ полосокъ, узоромъ изъ красныхъ нитокъ. Такія рубашки чаще носятъ по праздничнымъ днямъ и отличаются большей бѣлизной и тонкостью ткани. Рубашка носится всегда на выпускъ и подолъ ея едва не доходитъ до колѣнъ.

Порты, или *штаны* въ теплое время года носятъ одиночными и только въ зимнее время поверхъ ихъ одѣваются теплые „суконники“, т. е. штаны домашнего сукна. Какъ тѣ, такъ и другіе штаны, вмѣсто пояса и пуговицъ стягиваются веревкой—„учкуромъ“ и спереди завязываются узломъ. Вмѣсто кушака бѣлоруссы носятъ самодѣльные пояса, которые бываютъ разной ширины и различнаго узора. Изготавливаются пояса или простымъ плетеньемъ изъ суконныхъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта, нитокъ, или ткуются при помощи небольшихъ бердичекъ или дощечекъ, дающихъ нѣсколько иной противъ плетения узоръ и большую плотность. Пояса для верхней одежды часто украшаются кистями изъ шерстяныхъ же цвѣтныхъ нитокъ. Поверхъ рубахи нѣкоторые носятъ жилетъ, часто изъ сукна домашнего изготовления и обыкновенно окрашеннаго въ синій цвѣтъ, или же изъ домашней шерстяной ткани въ узоръ—полоску или клѣтку, разныхъ цвѣтовъ, красного, желтаго, голубого и проч. Впрочемъ, для жилетовъ идутъ какіе-нибудь остатки, куски отъ той цвѣтной или узорчатой матеріи, которая женщинами готовилась для собственнаго костюма: юбки, куртки и проч. Жилетъ украшается блестящими металлическими, такъ называемыми *солдатскими*, пуговицами. Спинка дѣлается изъ домашнего холста, пряжки не употребляются.

Верхнюю одежду бѣлорусса составляютъ: кожанъ, „балахонъ“ и „свитка“. Кожанъ шьется изъ домашнихъ овчинъ, балахонъ изъ камчатнаго холста, а свитка изъ домашнего бѣлаго сукна, (рѣдко изъ сѣраго, по подражанію шляхтѣ). На-бѣло выработанныя овчины

придаютъ шубѣ ярко-бѣлый цвѣтъ. Шуба носится иногда одна, иногда же поверхъ шубы одѣваютъ балахонъ и свитку. Свита по воротнику, бортамъ, фалдамъ и рукавамъ у большинства жителей обшивается синими, зелеными или красными шнурками, но преимущественно синими. Смотря по узорамъ обшивки, знатокъ можетъ почти съ достовѣрностью угадывать, изъ какой мѣстности происходитъ тотъ или другой бѣлоруссъ, хотя бы встрѣтить его пришлось и не въ бѣлорусской губерніи. Вся верхняя одежда шьется мѣстными портными бѣлоруссами, которые называются „кравцами“.

Постоянной обувью жителей служатъ лапти, обуваемые на онучи или портянки съ помощью тонкихъ веревочекъ—оборъ, а изрѣдка и оборъ ременныхъ. Изъ другихъ видовъ обуви иногда встрѣчаются „похлопни“, или „постолы“, заимствованные у жителей великоруссовъ. Способъ плетения и обуванія обыкновенныхъ бѣлорусскихъ лаптей также характеренъ для разныхъ мѣстностей. Въ Быховскомъ уѣздѣ лаптю стараются придавать извѣстное изящество, а обуванію—легкость и аккуратность.

Въ зимнее время головнымъ уборомъ служатъ теплыя шапки изъ чернаго „смушка“, мѣхомъ наружу, или поддѣльнаго каракуля на ватѣ; но надо сказать, что опредѣленнаго головного убора, какъ извѣстная бѣлорусская „маргелка“ или „магерка“, уже рѣдко встрѣчаемая у стариковъ захолустныхъ деревень, въ настоящее время не существуетъ. Лѣтомъ носится жителями картузь разнаго, но довольно обыкновеннаго фасона, наичаще чернаго цвѣта. Въ послѣднее время вошли въ моду черныя фуражки военнаго покроя съ разноцвѣтными околышами—синими, зелеными, желтыми, красными и т. п.

Еще не въ очень отдаленномъ прошломъ, и не дагѣ двадцати лѣтъ назадъ, одежда бѣлорусскихъ женщинъ была однообразна и характерна. Она имѣла такой видъ: на головѣ у замужней женщины была повязана „наметка“, одѣта она была всегда въ свитку, обута въ лапти; нижней одеждой служила бѣлая рубашка съ откладнымъ воротникомъ, а въ праздники съ затканными „поликами“ и концами рукавовъ; самотканная суконная юбка, вмѣстѣ съ лифомъ синяго или краснаго цвѣта. За исключеніемъ женскаго лифа—„кабата“, или „шворка“, который иногда дѣлался изъ покупной шерстяной матеріи, все остальное было своего издѣлія. Дѣвушки въ то время носили ту же одежду и только, для отличія отъ замужней женщины, носили вмѣсто наметки бѣлые или цвѣтные платки, а у себя дома пользовались свободой носить голову открытой „ходить простоволосой“, заплетая волосы въ одну косу съ лентой или въ двѣ косы и обвязывая ихъ кольцомъ вокругъ головы, повыше ушей. Съ выходомъ въ замужество дѣвушка должна была носить волосы скрученными въ два толстыхъ жгута и непременно повязанными платкомъ или наметкой.

Въ настоящее время одежда женщины въ вышеописанномъ видѣ осталась только въ глухихъ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ большихъ городовъ и весьма бѣдныхъ. Здѣсь, въ будніе рабочіе дни, какъ нижняя, такъ и верхняя одежда еще своего издѣлія, но въ праздничномъ нарядѣ у замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ уже, кромѣ рубашки, все покупное, сшитое часто по-городскому, и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, хотя преобладающимъ остается цвѣтъ красный. Замужняя женщина повязываетъ голову какимъ-либо ярко пестрымъ платкомъ, при чемъ концы платка, обвивая голову, запрятываются, образуя родъ чалмы; поверхъ этого носится еще платокъ въ накидку съ свободными концами. Такъ теперь носятъ платки и дѣвушки, поверхъ небольшихъ платочковъ, завязываемыхъ ниже подбородка. Иногда, второй платокъ, если онъ не очень великъ, повязывается концами назадъ и укрѣпляется узломъ. Въ настоящее время платки, или по мѣстному „хустки“, всегда яркихъ цвѣтовъ, въ прежнее же время носились платки только бѣлаго домашнего холста съ затканными узорами. У замужнихъ подъ такимъ платкомъ была наметка, повязываніе которой для разныхъ мѣстъ представляло значительныя различія и вообще было довольно сложнымъ.

Головной уборъ невѣсты въ недавнемъ прошломъ состоялъ изъ особо устроеннаго кокошника, убранаго искусственными цвѣтами, яркими кусочками матерій и лентъ, причемъ на распущенные волосы свѣшивалось нѣсколько лентъ, длиною „до пояса“.

Употребленія, вмѣсто косметическихъ средствъ, бодяги или другихъ какихъ-либо предметовъ, здѣшнія дѣвушки и женщины не знаютъ, подкрашиванія лицъ и бровей не дѣлаютъ и только для сведенія веснушекъ и загара употребляютъ нѣкоторыя средства, какъ напримѣръ, обмываніе лица парнымъ молокомъ, сывороткой, огуречнымъ рассоломъ и т. п.

Серьги носятъ не всѣ женщины; браслеты вовсе не носятъ; какъ ожерелья, носятъ на шеѣ мотки недорогихъ мелкихъ и крупныхъ разноцвѣтныхъ бусъ съ подвѣсками-образками и крестиками. Очень цѣнятся бусы янтарныя — „янтари“ и коралловыя — „корали“, „краски“. Какъ драгоценность, онѣ передаются изъ рода въ родъ.

Относительно украшенія рубахъ, вышивокъ и кружевъ, слѣдуетъ прибавить, что узоръ тѣхъ и другихъ геометрической и не широкой; вышивки дѣлаются безъ канвы по счету нитокъ, чаще же узоры изъ красныхъ нитокъ ткуть вмѣстѣ съ холстомъ, — что называется „заткать заболотью“. Кружева чаще замѣняются красной, синей или бѣлой бахромкой для оторочки рукавовъ женскихъ рубахъ, передниковъ, а также наметокъ и „набожниковъ“; концы „набожниковъ“, впрочемъ, нерѣдко и теперь украшаются затканнымъ краснымъ узоромъ, доходящимъ иногда въ длину до 3—4 четв. арш.

Верхняя одежда женщины въ послѣднее время начала измѣняться по цвѣту, покрою и способу ея шитья: такъ, вмѣсто бѣлой мѣстной свитки съ длинными полами, стали носить болѣе короткія куртки изъ синяго, сѣраго сукна своего тканья; ихъ носятъ и въ праздничные дни и иногда по буднимъ; но еще чаще носятъ теплыя на ватѣ кофты, такъ называемыя „вольныя“, т. е., свободныя у таліи, широкія; иныя же носятъ болѣе длинное пальто, также безъ таліи.

Матеріалы для платья, волокнистыя вещества и шерсть, обрабатываются самимъ населеніемъ, но слѣдуетъ сказать, что эти производства не идутъ далѣе удовлетворенія своихъ домашнихъ потребностей, такъ что не только фабричной, но и кустарной промышленности этого вида, какъ, впрочемъ, и вообще, не существуетъ. Вслѣдствіе этого, производство изъ волокнистыхъ веществъ и шерсти носитъ характеръ простоты и первобытности, по отсутствію какихъ-либо усовершенствованныхъ орудій для ихъ обработки и тканья. Всѣ такого рода работы исполняются почти исключительно женщинами, составляя преимущественное ихъ занятіе осенью и зимою.

Стрижка овецъ происходитъ два раза въ годъ — весною и осенью. Предварительно овецъ моютъ у рѣчки, колодца или на дворѣ. Черезъ день или два, когда шерсть достаточно обсохнетъ на овцахъ, ихъ стригутъ. Стрижка производится въ жиломъ помѣщеніи на скамейкѣ, или лавкѣ, при помощи простыхъ, сдѣланныхъ у кузнеца, ножницъ. Эти ножницы отличаются отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что онѣ сдѣланы изъ одной цѣльной полоски стали съ притнутыми другъ къ другу остріемъ концами и съ выгнутой въ видѣ кольца ручкой, почему скрѣпляющаго винта не требуется — ножницы дѣйствуютъ по своей упругости. Этотъ типъ ножницъ, какъ извѣстно, нерѣдко находятъ въ могильныхъ курганахъ X вѣка.

Остриженная шерсть подвергается слѣдующей обработкѣ: сначала ее просушиваютъ на печкѣ, затѣмъ чешутъ на деревянномъ гребнѣ небольшими клоками, и потомъ уже прядутъ, съ гребня же или же съ прялки. Часть собранной „вѣсны“ оставляется по надобности на валяльныя вещи: „лямпы“ (войлокъ для хомута), на валенки, которые носятъ только болѣе состоятельные, а также на шапки-валенки, или такъ называемыя магерки, или маргелки, уже выходящія изъ употребленія.

Изъ суконныхъ нитокъ, часто наполовину съ льняными въ основѣ, ткнутъ бѣлое сукно на тѣхъ же поставахъ, что и холстъ, только для плотности ткани въ четыре нита. Примѣшивая къ бѣлой части черной шерсти, вытываютъ сѣрое сукно, что всегда дѣлается шляхта. Бѣлорусскіе же крестьяне только заимствуютъ этотъ сѣрый цвѣтъ для новѣйшихъ короткихъ „пинжаковъ“ и куртокъ. Вытканное довольно узкое сукно (вер. 10—12) везутъ на сукновальню, обыкновенно устраиваемую подлѣ водяной мельницы, гдѣ тотъ же валъ,

видѣ большихъ канатовъ изъ сырыхъ лозовыхъ хворостинъ; каждое бревно перехватывается у двухъ концовъ этой хомутиной и привязывается къ „жерести“, уложенной по длинѣ всей гребенки. На Днѣпрѣ, обыкновенно въ Рогачевѣ, соединяють гребенки по парѣ и получаютъ „пленницы“; двѣ пленницы составляютъ полный плотъ. Еще въ верховьяхъ рѣкъ гребенки и пленницы по пути нагружаются болѣе легкимъ лѣснымъ матеріаломъ — латой, кроквой, шпалами, клепкой и проч.

При сплавлѣ партіи плотовъ, кромѣ 2—3 человекъ рабочихъ на каждой пленницѣ, необходимо нѣсколько „дубовъ“ съ канатами и якорями. Рабочіе этихъ дубовъ, которыхъ на каждомъ дубѣ имѣется до 7—8 человекъ, обязаны подавать помощь плотамъ, при проходѣ ихъ, во всякаго рода затрудненіяхъ.

Изъ судовъ теперь рѣдко встрѣчаются барки. Онѣ имѣютъ видъ громаднаго неуклюжаго судна, сколоченнаго наскоро, и служатъ также для сплава мелкаго лѣснаго матеріала — клепки, ободьевъ, спицъ, досокъ, бочекъ со смолою и проч. Сдѣлавъ одинъ сплавъ до Екатеринослава или Херсона, барки назадъ вверхъ по рѣкѣ уже не возвращаются, а идутъ на сломъ и продаются какъ древесный матеріалъ.

По рѣкѣ Днѣпру можно встрѣтить слѣдующія суда: лодку, или челнъ, вмѣщающую отъ 3 до 5 человекъ; обшиванку — тотъ же челнъ обшитый по краямъ досками, и дубъ — досчатую лодку; гиляру, которая безъ мостика служитъ для перевозки провѣзжихъ чрезъ рѣку въ полую воду; та же гиляра, но имѣющая мостикъ, ходитъ на канатѣ и называется паромомъ. На Днѣпрѣ для парома соединяются двѣ гиляры. Лайбы и берлины строятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣчная пристань. На нихъ сплавляются въ низовыя губерніи известъ, мѣлъ, осенью яблоки, а оттуда привозится хлѣбъ въ зернѣ, мука, сахаръ, соль. Лайбы поднимаютъ отъ 300 до 600 пудовъ. Грузоподъемность здѣшнихъ берлинъ отъ 3 до 16 тысячъ пудовъ, т. е. мелкаго и среднего типа. Лайбы и берлины въ прежнее время ходили только съ помощью парусовъ на высочайшихъ „щоглахъ“, на бечевѣ и „на яльи“, т. е. на шестахъ, и давали прибрежнымъ жителямъ большіе заработки, но въ настоящее время берлины идутъ всегда на буксирѣ пароходовъ и только мелкія суда сплавляются еще людьми.

Самая первобытная лодка здѣсь — комяга. Она выдалбливается изъ толстой колоды, совершенно въ видѣ корыта. Длина ея около трехъ аршинъ. Передняя часть — носъ слегка закругляется, задняя остается безъ отдылки. При ѣздѣ въ комягѣ обыкновенно садятся на дно на колья, гребутъ подобіемъ весла. Для большей устойчивости по бортамъ комяги прибавляются небольшія пластины. При тихой погодѣ комяга удерживаетъ двухъ человекъ. Употребительна только на озерахъ и небольшихъ рѣчкахъ.

Въ пищу въ сыромъ видѣ, кромѣ щавеля, употребляемаго дѣтьми, употребляются еще лукъ луговой и чеснокъ полевой, изъ которыхъ у перваго идутъ стебли, а у втораго луковица; затѣмъ заячья капуста (корни) и заячій щавель, — листья и стебли; у аира съѣдается сердцевина у корня, стебли буквицы (баранчики) и свинушекъ; молодые побѣги сосны и цвѣты ея, называемые въ народѣ шишками; еще не отвердѣвшая заболонь осины и березы, называемая „мязгою“, которую соскабливаютъ длиннымъ ножомъ изъ-подъ коры; ѣдятъ цвѣточныя лепестки яблони и шиповника, высасываютъ медъ изъ цвѣтковъ акаціи, медуницы и тыквы.

Всѣ породы дикорастущихъ ягодъ употребляются какъ лакомство, какъ-то: земляника (суница), черника и голубика (дурница), малина, ежевика (жавина), калина, костяника, клюква, брусника; изъ садовыхъ — крыжовникъ, смородина, называемая „порѣчкой“, въ отличіе отъ дикорастущей лѣсной черной смородины, клубника. Ягоды калины и рябины отвариваются и съ прибавкой сахара, меда или сушеныхъ плодовъ, употребляются какъ отваръ или варенье.

Изъ орѣховъ здѣсь произрастаютъ лѣсной орѣхъ и водяной (trapa natans). И тотъ и другой употребляются и въ сыромъ и въ сушеномъ видѣ. Водяной орѣхъ употребляется и въ вареномъ видѣ. Въ дикомъ видѣ здѣсь произрастаютъ только яблони и груши, и плоды ихъ употребляются печеными, а въ зимнее время перемерзшими, какъ лакомство. Изъ дикихъ яблокъ готовится квасъ.

Травъ, употребляемыхъ въ питье вмѣсто чая, немного, а именно: Иванъ-чай, или копорскій чай, чай-буковица, чаберъ, листья боярышника, цвѣтъ липы. Нѣкоторыя изъ названныхъ растений употребляются въ отварѣ и какъ лѣкарственное средство.

Въ сыромъ видѣ употребляются слѣдующія овощи: огурцы, рѣдька, рѣпа, морковь, брюква, квашеная капуста; также лукъ, бобъ, горохъ; но большинство изъ названныхъ овощей употребляются какъ пищевыя средства и въ вареномъ видѣ, какъ приправа или суррогатъ картофеля. Макъ и подсолнечникъ, высѣваемые въ огородахъ въ очень малыхъ размѣрахъ, съѣдаются по большей части сырыми.

Въ сыромъ видѣ мясо и свѣжая рыба употребляются только любителями и въ небольшихъ размѣрахъ, равно какъ икра и молоко рыбы; но икра раковъ, встрѣчающаяся подъ шейкой раковъ, нѣкоторыми съѣдается тотчасъ по вынутіи изъ воды рака. Свиное сало, просоленное и заготовленное впрокъ, во всеобщемъ употребленіи въ сыромъ видѣ, но жиры другихъ животныхъ, коровъ, овецъ, нерѣдко птицъ, въ сыромъ видѣ не употребляются. Кровь убиваемыхъ животныхъ свѣжей никѣмъ не употребляется, но запеченная съ мукой, на примѣръ отъ убитыхъ свиней, охотно съѣдается подъ названіемъ „кровянки“.

Изъ плодовъ, заготавливаемыхъ сушкою на солнцѣ и въ горячихъ печахъ, можно назвать только яблоки и груши. Яблоки нарѣзываются тонкими пластинками и, нанизанныя на нитку, подвѣшиваются на солнечномъ мѣстѣ; груши, садовые сорта, разрѣзанныя пополамъ, сушатся въ печи. Лѣсные груши идутъ большею частью на „вылежку“ и вылежанныя употребляются какъ лакомство.

Грибы: бѣлый и боровой, извѣстные здѣсь подъ названіемъ „боровикѣ“, добраго гриба—„добряка“, подосиновикъ, подубабокъ, моховикъ, подрѣшетникъ или такъ называемый грецкій боровикъ, сыроѣшки, опенокъ, для заготовленія впрокъ высушиваются въ легко протопленныхъ печахъ или даже на боровѣ печи, на чѣрени: рыжики, грузди, бѣлянки заготавливаются впрокъ соленьемъ, которое, впрочемъ, здѣсь мало распространено. Всѣ вообще грибы, въ томъ числѣ волнушки, сморчки и говорушки употребляются свѣжими въ отваренномъ видѣ. Собираніе ягодъ и грибовъ производится повсемѣстно, благодаря относительной близости Могилева; собранные грибы и ягоды часто сбываются туда въ сыромъ видѣ, а боровики въ засушенномъ, составляя для бѣдныхъ бобылокъ значительное подспорье. Ходятъ за грибами и ягодами подростки, женщины, выбирая для этого такіе дни и часы, когда нельзя работать въ полѣ, или огородѣ, напримѣръ, праздники, дождливые дни. Значительная часть грибовъ и черники сушится для себя, на постъ. Грибы идутъ на приправу борщей и суповъ, для начинки, а изъ черники, вмѣстѣ съ яблоками и грушами, дѣлается „узваръ“.

Собираютъ грибы и ягоды въ лубки изъ липовой коры. Теперь, съ изчезновеніемъ липъ, лубки замѣняются корзинами, плетеными изъ прутьевъ.

Вышеназванные сорта ягодъ, произрастающіе въ здѣшнихъ лѣсахъ, а именно: малина, черника, голубика, калина и рябина высушиваются сначала на солнцѣ, а когда завянутъ, досушиваются такимъ же образомъ, какъ и грибы, въ печахъ. Брусника и клюква идутъ въ мочку на ягодный квасъ.

Изъ огородныхъ овощей ни одинъ сушкѣ не подвергается; заквашиваются же только капуста и свекла—бураки, солятся огурцы; въ квашеную капусту кладутъ рѣдкую, яблоки, морковь, укропъ; въ огурцы кладутъ чеснокъ.

Мясо, и главнымъ образомъ свинина, для заготовки впрокъ почти всегда только солится; копченье, вяленье мало распространено. Солятъ мясо, насыпая на него и втирая мелкую соль, или же круто разводятъ и варятъ рассолъ, прибавляя къ нему пряности—перецъ, лавровый листъ, и др.; затѣмъ въ этомъ рассолѣ вымачиваютъ куски мяса, окорока; или только поливаютъ рассоломъ сложенное въ кадкѣ мясо, предварительно перетертое селитрой. Замѣны соли ея суррогатами не бываетъ.

Относительно рыбы слѣдуетъ сказать, что здѣсь извѣстенъ способъ заготавливать рыбу въ запасъ соленой и сушеной, но такъ какъ рыбы здѣсь мало, то и заготовленіе такого рода употребляется очень рѣдко. Вьюны засушиваются въ печахъ на соломѣ, надѣтыми подъ жаберы на тонкія палочки по 25 штукъ, и выдерживаютъ эту сушку почти цѣлый годъ.

Хлѣбъ прѣсный здѣсь не извѣстенъ, за исключеніемъ приготовляемыхъ изъ домашней пшеничной муки прѣсными лепешекъ, такъ называемыхъ „коржей“, или „прѣсняковъ“. Эти коржи, или прѣсняки, изготовляются иногда изъ ржаной муки съ прибавкою къ ней протертаго отвареннаго картофеля. Блины пекутъ здѣсь чаще всего гречневые, а затѣмъ пшеничные, ячменные и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гороховые; но послѣдніе пекутся изрѣдка въ постные дни. Кромѣ гороховыхъ, тѣсто на блины заквашивается такъ же, какъ и на хлѣбъ. Иногда часть тѣста, приготовленнаго на хлѣбъ, отдѣляется на такъ называемые „сковородники“, т. е. лепешки, выпекаемые какъ и блины на сковородахъ, но только гораздо толще ихъ. Этими сковородниками замѣняютъ хлѣбъ, когда такового не хватаетъ и требуется наскоро замѣнить его.

Въ здѣшней деревнѣ не умѣютъ готовить скоромными какія-либо сдобныя булочки, колобки, пышки; есть только два вида постныхъ хлѣбцевъ съ начинкою—это „панпушки“ и „вареники“. Панпушки приготовляются изъ гречневой муки, изъ мятаго картофеля съ мукою и выпекаются маленькими булочками, съ начинкою изъ толченой конопли съ лукомъ или безъ начинки; вареники пекутся такими же булочками изъ гречневой или пшеничной муки, съ тою же конопляною или грибною начинкою, но предварительно вывариваются въ кипяткѣ, а затѣмъ уже подсушиваются въ горячей печи.

Но главнымъ, основнымъ продуктомъ питанія всегда и вездѣ служить ржаной хлѣбъ. Онъ исключительно готовится изъ ржаной просѣянной муки, и только въ крайне бѣдныхъ семьяхъ и въ годы хлѣбныхъ недородовъ къ ржаной мукѣ подмѣшиваютъ часть гречневой, ячменной, овсяной муки или даже тертаго картофеля. Еще въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ хлѣбъ печется изъ одной какой-либо непросѣянной муки, напр. ячменной, овсяной и даже ржаной. Въ годы полныхъ неурожаевъ, которые здѣсь вообще очень рѣдки, къ самымъ незначительнымъ количествамъ муки прибавляются во множествѣ отруби, мякина, толченые желуди, листья лебеды, липы, молодого папоротника и проч. Авторъ настоящаго очерка въ дѣтствѣ питался такимъ „хлѣбомъ“. Онъ плохо всходитъ, въ печи расплывается лепешкой и не пропекается, за исключеніемъ верхней и нижней корки, которая только и можно было употреблять въ пищу; мякишъ былъ такъ приторно противенъ, что его не могли ѣсть даже голодающіе, и онъ снова сваливался въ квашню до новаго печива.

Изъ какой бы муки хлѣбъ ни приготовлялся, онъ прежде всего заквашивается на собственной закваскѣ или „рощинѣ“. Эта закваска сохраняется въ хлѣбной дежѣ отъ одного хлѣба до другого. Всыпавъ въ дежу извѣстное количество муки и вливъ ведро или немного больше воды, хозяйка помѣшиваетъ ее лопаточкой до тѣхъ поръ, пока не образуется ровное полугустое тѣсто. Хорошо укрытая дежа остается въ покойномъ положеніи часовъ около 12. Затѣмъ, установивъ дежу на низкой подставкѣ, хозяйка всыпаетъ въ нее столько муки, чтобы при помѣшиваніи получилось густое тѣсто, и начинаетъ его мѣсить засученными руками. Послѣ долгаго вымѣшиванія, тѣсто оставляется на нѣкоторое время „подходить“. Когда тѣсто достаточно выходитъ, хозяйка беретъ часть тѣста на руки и округляетъ его въ булку (выпеченная вѣситъ отъ 10 до 15 ф.) Затѣмъ сыплетъ подъ хлѣбъ на лопату муки, отрубей или кладетъ аиръ, свѣжій капустный листъ или сухой дубовый, и сажаетъ хлѣбъ на лопату, а съ нея сажаетъ въ печь, на чисто выметенный „подъ“. Въ передней части печи оставляется „жаръ“, на который подкладываются еще сухія щепы, чтобы хлѣбъ „захватился“, т. е. скорѣе запекся. Изъ одной дежи выходитъ семь—восемь хлѣбовъ—„бахонокъ“. Это называется „печивомъ“. Посаженный хлѣбъ остается въ закрытой печи отъ 1½ до 2 часовъ.

Отъ общепринятой процедуры въ печеніи хлѣба здѣсь есть только та разница, что накатываемому хлѣбу не даютъ уже подойти на столѣ или въ формахъ, а каждый хлѣбъ прямо изъ квашни поступаетъ въ печь. Ни формъ, ни желѣзныхъ листовъ крестьяне не употребляютъ, а хлѣбу даютъ круглую форму въ видѣ плоскаго полушара.

Пшеничная мука идетъ на приготовленіе блинчиковъ, оладей, лапши, галушекъ; гречневая—на галушки и кулешъ; овсяная—на кисель и толокно. Толокно готовится изъ овсяной муки, полученной изъ овсяныхъ, подсушенныхъ, и затѣмъ размолотыхъ на жерновахъ, крупъ; въ такую муку подливаютъ холодной воды и получается густая масса—толокно.

Изъ ржаной муки дѣлаютъ въ постные дни кулагу. Для этого завариваютъ муку и даютъ жидкой массѣ постоять въ тепломъ мѣстѣ, напримѣръ, на печи, отчего она начинаетъ бродить и дѣлается нѣсколько сладковатой. Проваренную еще въ печи, съ калиновыми ягодами, ее ѣдятъ прямо изъ котла. Такъ какъ никакихъ сладостей въ столѣ крестьянъ не бываетъ, то кулага, особенно въ холодномъ видѣ, считается лакомствомъ. Готовится она, впрочемъ, рѣдко и только въ зажиточныхъ семьяхъ.

Крупы дѣлаютъ изъ гречневыхъ, просяныхъ и ячневыхъ зеренъ. Все эти крупы идутъ на приготовленіе суповъ, называемыхъ крупниками, крупеними, а также каши—гречкой, пшенной и ячной. Го-

рохъ, фасоль и бобъ прибавляются къ супу, какъ „закраса“. Смотря по мѣстности, предпочтительнѣе высѣвается тотъ или иной изъ названныхъ овощей, обыкновенно въ довольно незначительныхъ размѣрахъ. Горохъ и бобъ также поѣдаются въ сыромъ видѣ и отваренномъ, еще лѣтомъ; кукуруза, „кюшки“, „кйки“, разводится здѣсь уже въ ничтожномъ количествѣ и употребляется отваренной, какъ только созрѣетъ. Гдѣ ея больше, тамъ она засушивается на солнцѣ, и зимою изъ ея зеренъ готовится каша, очень вкусная, но и очень тяжелая и требующая много масла. Дѣти, захвативъ себѣ нѣсколько десятковъ зеренъ, кладутъ по одному у пылающаго огня. Отъ жары зерна трескаются и принимаютъ самыя причудливыя угловатые формы. Дѣти зовутъ ихъ тогда „баранчиками“ и считаютъ вкуснѣйшимъ лакомствомъ.

Изъ названныхъ овощей горохъ иногда перемалывается въ ручныхъ жерновахъ, и изъ гороховой муки, какъ уже было замѣчено выше, готовятъ блины и кулешъ. Ручные жернова кое-гдѣ еще имѣются.

Повсемѣстно разводимыя овощи—капуста, свекла (бураки) и картофель составляютъ предметъ ежедневнаго употребленія мѣстныхъ жителей. Изъ квашеной капусты и свеклы варятъ „борщъ“ или „капусту“. Это первое кушанье за обѣдомъ. Картофель, разваренный въ водѣ, съ какими-либо крупами или безъ нихъ, а также въ густомъ видѣ, приправленный въ скоромное время саломъ, а въ постные дни постнымъ масломъ—„олеемъ“, грибами, толчеными коноплями, а то и вовсе безъ всякой приправы, только съ солью—самое общепотребительное второе кушанье, какъ у самыхъ бѣдныхъ, такъ и у зажиточныхъ крестьянъ.

Мясо же является далеко не зауряднымъ кушаньемъ; только вполне зажиточныя семьи имѣютъ возможность пользоваться мясомъ, какъ въ праздничные дни, такъ и въ будни (въ скоромное время), почти круглый годъ. При этомъ большую часть года употребляется свиная солонина, и только осенью, и изрѣдка зимою, пользуются свѣжимъ бараньимъ и телячьимъ мясомъ, а иногда, впрочемъ, весьма рѣдко, говядиной. Въ пищу мясо идетъ въ такихъ случаяхъ не какъ самостоятельно приготовленный продуктъ, т. е. въ видѣ жаркого, что бываетъ только въ большіе праздники и семейныя торжества, а главнымъ образомъ послѣ вывариванія его въ супѣ и борщѣ, гдѣ оно составляетъ такъ называемую закрусу, какъ и сало.

Но въ дни заговѣнья и разговѣнья, а также и въ большіе праздники, мясо составляетъ главное блюдо и готовится въ жареномъ видѣ, будучи приправлено лукомъ и перцемъ. Для такихъ жаркихъ употребляются лучшія части отъ свиной туши—окорокъ, мясистыя части баранины или цѣлый поросенокъ. Мясо жаривается всегда безъ картофеля на сковородахъ, въ котлахъ и на противняхъ.

Въ мѣстахъ прѣчныхъ и приозерныхъ рыба является весьма нерѣдкимъ блюдомъ въ постные дни не только на столѣ достаточныхъ жителей, но и самыхъ бѣдныхъ, и при томъ у этихъ послѣднихъ даже преимущественно предъ первыми, нерѣдко и въ скоромные дни, разнообразия и пополняя домашній столъ. Уха изъ мелкой и крупной рыбы самый обыкновенный способъ употребленія ея; поджаренная на сковородѣ съ придачей перцу, луку въ постные дни, и масла или сала въ скоромные, является такимъ рѣдкимъ блюдомъ, которое предлагается и дорогому гостю. Во время ловли рыбы, за неимѣніемъ котелка, сами рыболовы пекутъ рыбу на угольяхъ, предварительно очистивъ ее отъ чешуи и внутренностей, и ѣдятъ, посыпая мелкой солью.

Яйца въ домашнемъ быту въ пищу въ отваренномъ видѣ употребляются рѣдко, развѣ только для угощенія почетныхъ лицъ. Для себя же отвариваютъ и красятъ яйца къ Христову дню и Радоницѣ. Окрашиваютъ яйца у крестьянъ преимущественно въ луковичную, („дыбульную“) краску, для чего берется скорлупа отъ лука и складывается въ котелъ съ водой, куда кладутся и яйца, и отвариваются. Яйца въ одно время и красятся и варятся. Иные же, сваривъ яйца въ водѣ, окрашиваютъ въ разныя краски, напримѣръ фуксинъ. Для окраски въ зеленый цвѣтъ, яйца вывариваются въ листьяхъ березовыхъ вѣтчиковъ. Расписываніе яицъ въ данной мѣстности не извѣстно.

Яичница употребляется часто въ видѣ угощенія. Обрядовое значеніе яичницы имѣетъ на „родѣнахъ“, гдѣ ею угощаютъ бабушку послѣ принятія ею ребенка, а затѣмъ на дѣвичьемъ вечерѣ или такъ называемыхъ „заручинахъ“, гдѣ яичницей угощаютъ жениха; но въ Семихъ яичницы не дѣлаютъ.

VII.

Праздничный столъ состоитъ обыкновенно не менѣе, какъ изъ трехъ блюдъ, но въ дни торжественные, напримѣръ, въ дни Рождества, Крещенія, Пасхи, Св. Троицы, составъ кушаній бываетъ разнообразный. Подобно этимъ днямъ, дни семейныхъ торжествъ, какъ-то крестинъ, свадьбы и, гдѣ еще удержался обычай, братчины, или такъ называемой „свѣчи“, также отличаются возможнымъ обиліемъ яствъ, съ преобладающими мясными кушаньями. Наканунъ праздниковъ Рождества Христова и Крещенія готовится „постная кутья“ изъ ячныхъ или пшеничныхъ крупъ съ постнымъ масломъ или медовой сытой. Въ дни поминовенья родителей непрѣмной принадлежностью считаются блины и къ нимъ медовая сыта у однихъ, или вареный лукъ у другихъ. Число же кушаній полагается отъ 9 до 12. На Пасху для освященія сыръ не считается обязательнымъ; вмѣсто него освящается куличъ, подъ названіемъ „паски“, и яйца. Освященнымъ яйцомъ разговляются, придя изъ церкви въ первый день

Пасхи. Нѣкоторыми старыми людьми такое яйцо оставляется и сохраняется во весь годъ. Съ нимъ выгоняютъ скотъ первый разъ весной, его обносятъ вокругъ горящихъ построекъ, чтобы остановить пожаръ и т. д.

Работы толокой уже отчасти вывелись, если же гдѣ толоки существуютъ, то кушанья въ этомъ случаѣ, какъ и на супрядкахъ, заурядныя. Но обязательнымъ считается угощеніе водкой.

Свадебные короваи украшаются, но не крестомъ, какъ артосы, а другими узорами.

Въ великомъ посту на Сороки (Сорокъ мучениковъ) пекутся изъ ржаной, пшеничной, у кого есть, или гречневой муки жаворонки, причемъ одного жаворонка бросаютъ въ печь, а прочіе поѣдаются дѣтьми. Кромѣ куриныхъ яицъ, въ пищу яйца другихъ птицъ почти не употребляются: гусиные, пестряки и яйца индѣекъ и утокъ довольно рѣдки и цѣнны, яйца же домашнихъ голубей—неприкосновенны и также не идутъ въ пищу; яйца дикихъ утокъ, куропатокъ, тетеревей, если таковыя попадаются, охотно съѣдаются.

Всѣ вышеназванныя породы домашней и дикой птицы употребляются въ пищу вездѣ. Кромѣ того по мѣстамъ ѣдятъ молодыхъ грачей, чаетъ. Запретными считаются: голуби, ласточки, аисты, какъ полезныя птицы; вороны, галки, ястреба—какъ питающіяся падалью. Затѣмъ не употребляются животныя однокопытныя и когтевыя, за исключеніемъ зайца, который употребляется въ пищу, хотя не повсемѣстно. Изъ рыбъ не ѣдятъ щипачки, сига, угря и у въюновъ отрѣзываютъ головы. Изъ пресмыкающихся, мягкотѣлыхъ и суставчатыхъ ни одно не употребляется въ пищу.

Молоко употребляется въ пищу сладкое и кислое; первое идетъ на приготовленіе молочнаго супа, второе—на приготовленіе „сырокваша“, масла, творога и сыра. Послѣ дойки, молоко изъ „доѣнки“ разливается по кувшинамъ, или „горлачамъ“. Ему даютъ постоять отъ 2 до 3 сутокъ въ прохладномъ мѣстѣ, снимаютъ сверху сметану въ особое судно—„макотеръ“, или въ деревянную бойку. Затѣмъ сметана сбивается въ масло, причемъ нѣкоторые сметану оттапливаютъ въ печи, а другіе сбиваютъ ее сырою. Масло, перемятое въ водѣ, складывается въ глиняное или деревянное судно. Остающееся послѣ снятія сметаны молоко оттапливаютъ въ печи на творогъ, который изъ горлачей выворачивается въ холстяной мѣшечекъ и подвѣшивается, чтобы стекла сыворотка; остается творогъ, который отжимается или въ тискахъ, или подъ доской, сверху которой положенъ камень. Получается сыръ, который перемяшивается съ солью и если назначается впрокъ, то или подсушивается на солнцѣ и въ печи, или же складывается въ кадку и переливается слоемъ растопленного масла. Такимъ образомъ заготовленный сыръ съ масломъ, подъ названіемъ „масленица“, оставляется до самой масленой недѣли, строго здѣсь соблюдаемой.

Постная пища почти всегда растительная и состоит из овощей и круп; скоромная же состоит из тех же блюд, приправленных салом, мясом, и еще из некоторых, составленных из мясных и молочных продуктов и яиц. В летней пище преобладают свежие приготовленные овощи: огурцы, лук зеленый с квасом и без него, бобы и кукуруза отваренные; для зимней пищи заготавливаются впрок овощи: капуста, свекла, картофель в разных видах и крупа; весна и осень, как переходные времена года, приравниваются к тому или другому смежному времени года. Весна—самое бедное по пищевому довольствию время года, а осень—самое богатое.

Вот обычные меню крестьянских обрядов.

Постная пища обыденная.

Бедных семей:

- а) борщ с грибами или холодец (щавель и лук);
- б) суп из картофеля с крупами и бобами.

Зажиточных семей:

- а) борщ с грибами или соленой рыбой, летом холодец;
- б) суп с постным маслом;
- в) каша гречневая, пшенная или картофельная с теми же крупами и коноплями или постным маслом.

Скоромная пища обыденная.

- а) борщ с салом;
- б) молочный суп.
- а) борщ с салом или мясом;
- б) суп мясной или молочный;
- в) каша с салом.

Постная пища праздничная.

- а) борщ или холодец;
- б) каша картофельная с крупами и коноплями или молочком, или что-нибудь другое.
- а) борщ с рыбой свежей или соленой;
- б) картофельный суп с постным маслом и перловыми крупами;
- в) каша пшенная или гречневая;
- г) оладьи с коноплями или маковой сметаной.

Скоромная праздничная пища.

Бедных семей:

- а) борщ с салом;
- б) суп мясной, молочный или каша на сал или масле.

Зажиточных семей:

- а) борщ с мясом;
- б) каша с салом;
- в) жаркое — свинина, поросятина, гусь и проч.
- г) блинчики с маслом, оладьи или сырники и т. п.

Время обеда и ужина у деревенских жителей определяется в будни началом и окончанием дневных работ: обедают перед уходом на работу, а ужинают по окончании работ; в праздники обедают по выходу из церкви „отъ обѣдни“. Садятся за стол по старшинству: „на куту“ садится старший в семье, а за ним по порядку сыновья, жена, дочери, внуки, невестки. Старший в семье нарекает хлеб, в торжественные дни наливает и раздает водку (из одной рюмки), разделяет на куски поданное на стол мясо. Одна из женщин прислуживает: подает ложки, соль, наливает в одну большую миску пищу и подает на стол. Бьют все из общей миски и только в больших семьях дѣтей сажают отдельно. В благочестивых семьях в начале и конце стола крестятся и молятся, за столом же ведут только приличные разговоры. Если по неосторожности упадет кусок или хотя бы крошка хлеба, уронивший тотчас поднимает его и, цѣлуя, съѣдает. Каждый вошедший из посторонних обязан сказать сидящим за столом: „хлеб да соль!“—на что получает в ответ: „просим кушать!“ На это слѣдует пожелание: „кушайте на здоровье!“

Во время семейных праздников—свадьбы, крестин, также в дни поминования покойников и братчины или „свѣчи“, гостей разсаживают по старшинству, причем старейшие родственники, почетные лица из местных жителей занимают мѣста „на кутѣ“, а хозяйка и хозяйка прислуживают гостям. Обязанность хозяина угощать водкой, вином; каждому подносится рюмка по очереди и наливается из большой миски или корчаги (баклажки); рюмка имеет вид небольшого стаканчика и называется „чаркою“; употребление старинных ковшиков, вмѣсто рюмки, уже почти не встрѣчается. Мужчины занимают от женщин особый стол; женщин угощает хозяйка. На крестины, которые называются „хрезибами“, все приглашенные женщины приносят с собою кусок хлеба и какое-либо блюдо для роженицы, иногда же просто бѣлую булку; „на свѣчу“ мужчины несут лукошко какого-либо зерна, кто имеет—воску. Таким образом, угощение здѣсь дѣлается в складчину.

В народной жизни соли придается немаловажное значение и цѣлебная сила. В великій четверг соль в солонкѣ ставится послѣ ужина на стол и эту соль потом освящают на Пасху. Такую соль сохраняют круглый год и употребляют для вспрыскивания ею новорожденных младенцев, животных молодых при рождении и старых от глаза или, как говорят—„отъ суроцы“ (т. е. отъ уроку).

Из напитков наиболее распространен здѣсь хлебный квас. Приготавливается он слѣдующим образом. Ржаная неквашенная мука замѣшивается в густое тѣсто и оставляется на 2—3 дня соладѣть, послѣ чего из него выпекаются хлебы. Хлеб затѣм разламывается на куски и высушивается на сухари. Эти сухари опу-

скаются въ боченокъ съ холодной водой, иногда въ чистомъ мѣшкѣ, чтобы размокшій хлѣбъ не попался въ квасъ, когда его будутъ пить. Спустя недѣлю квасъ готовъ.

Для приданія квасу цвѣта и вкуса, тѣ, у кого есть пчелы, кладутъ немного вошинъ или меду. Квасъ приготавливаютъ и изъ картофеля съ мукой. Отваренный картофель толчется и смѣшивается съ частью ржаной муки. Такому тѣсту дается время постоять и потомъ изъ него выпекаютъ тонкіе коржи, которые и кладутъ въ бочку съ водой.

Кромѣ этого хлѣбнаго кваса дѣлается еще березовый и ягодный квасъ. Березовый сокъ часто закисаетъ безъ всякихъ подмѣсей, но нѣкоторые прибавляютъ немного ячменнаго солоду или бобовъ пророщенныхъ, также дубовыхъ щепокъ или вошинъ. Для ягоднаго кваса идутъ брусника и клюква. Къ нимъ прибавляютъ мелкихъ плодовъ — грушъ и яблокъ. Такой квасъ заготавливается только на зиму, тогда какъ березовый квасъ заготавливаютъ только весною, а хлѣбный во всякое время.

Приготовление пива здѣсь не практикуется. Очень рѣдко пчеловоды приготавливаютъ и медовый напитокъ. Для этого берутъ вошину съ пергой и частью меда и варятъ часа два. Отваръ этотъ сливаютъ въ боченокъ, въ которомъ шесть дней стоитъ открытою втулка, а потомъ и ее закупориваютъ. Такой напитокъ, постоявши закрытымъ мѣсяца два — три, приобретаетъ значительную игривость и нѣкоторую крѣпость.

Деревенскіе пчеловоды варятъ такимъ же способомъ и такъ называемый „напорскъ“, прибавляя сюда еще какихъ-либо пахучихъ капель, наиримѣръ мятныхъ и др. Употребляютъ его для опрыскиванія весною порожнихъ ульевъ. Въ такіе ульи охотнѣе садится рой.

VIII.

У береговъ рѣкъ и рѣчекъ, а также прудовъ и озеръ, поросшихъ кустами лозы, ольхою и травою, держатся нѣкоторые роды рыбъ: окунь, плотва; въ порахъ же, корчахъ и подъ колодами — налимъ (по мѣстному „балаба“, „калѣка“, „мень“) и раки. Ихъ берутъ голыми руками днемъ, „щупая“ въ травѣ или шаря по кустамъ и норамъ — „печурамы“. На раковъ ходятъ и ночью и вызываютъ ихъ къ берегу приманкой и свѣтомъ; приманкой служить „либела“, т. е. кусокъ мяса, привязанный къ палкѣ, зажигаютъ же пукъ лучины. Дѣти и подростки ловятъ мелкую рыбу („мальгу“) корзинкой, рѣшетомъ, кошомъ, простыней и сачкомъ.

Для ловли рыбы на крючокъ существуетъ два вида удочекъ; однѣ съ тонкой лесой, въ 3—4 волоса, съ поплавкомъ и безъ него, это такъ называемая верховая удочка на мелкую рыбу, другая съ грузиломъ или потонкомъ, тоже съ поплавкомъ или безъ него, съ

лесой въ 4—10 волосовъ, или изъ шелковой нитки. Эти удочки для крупной рыбы. И та и другая удочки употребляются для ловли рыбы съ берега, плотины или плота, и съ лодки, въ продолженіе весны, начиная съ мая во все лѣто до сентября. На верховую удочку насаживаютъ для приманки комнатную муху, дождевого червя, кузнечика, муравьиные мѣшечки (куколки); на такую удочку берется уклея, плотва, мелкій окунь, головень, язь, пескарь; на удочку съ потонкомъ ловятъ окуня, леща, язя, мирона, судака, подусту, верезуба. Кромѣ этихъ крупныхъ рыбъ, на удочку часто попадаетъ ершъ и бобыръ, — самыя мелкія рыбы, попадающіяся на удочку съ потонкомъ. Сомъ попадаетъ на удочку очень рѣдко. Рыболовъ сманиваетъ мелкую рыбу при помощи отрубей, перемѣшанныхъ съ рѣчной глиной (глей) и конопляными жмыхами (клинцы). Комъ того или другого помѣщается въ кусокъ сѣтки, завязанной узломъ и прикрѣпленной къ воткнутой въ крутой берегъ тычкѣ такъ, что нѣсколько погруженная въ воду, она пропускаетъ муть вмѣстѣ съ частицами отрубей или жмыхъ. Къ этому мѣсту охотно собирается уклея, плотва и проч. Крупную рыбу заманиваютъ кашей, круто сваренной изъ гречневыхъ и пшеничныхъ крупъ, которая будучи перемѣшана съ глиной, забрасывается на дно рѣки. На крючокъ уды съ потонкомъ, кромѣ названныхъ уже приманокъ, червей, насаживаются раковыя шейки, тутъ же добываемыя, и такъ называемая „сакла“ (видъ сига). На раковыя шейки и саклу идетъ болѣе хищная рыба — миронъ, окунь, язь и проч.

На щуку, бѣлизну, верезуба и судака, какъ самыхъ хищныхъ рыбъ, ставится такъ называемая „сторожня“. Это та самая леса, что идетъ на уду для крупной рыбы, только потолще ея, волосовъ въ 16—20, или же просто тонкая бечевка, оканчивающаяся кусочкомъ тонкой проволоки или скрипичнымъ басомъ, съ крѣпкимъ стальнымъ, большого размѣра, крючкомъ. Наживляется сторожня живою рыбкою и укрѣпляется у берега гдѣ либо у кустовъ. „Живецъ“ плаваетъ,нося съ собою крючокъ со шнуркомъ, пока его не схватитъ одна изъ хищныхъ рыбъ, которая и сядетъ сама на крючокъ. Шнурокъ наматываютъ иные рыболовы на деревянные вилки со спущеннымъ съ него концомъ, аршина въ полтора или два, которымъ привязываютъ вилки къ кусту или къ воткнутой палкѣ.

Употребляются еще переметь, дорожка или блесня, и на сомовъ особая ложка и толстый, крѣпкій шнуръ съ большимъ крючкомъ, на который насаживается кусокъ мяса.

Переметь состоитъ изъ длиннаго, саж. въ 20—30 шнурка, на которомъ навязаны средней величины стальные крючки на болѣе тонкихъ шнуркахъ или лесахъ, арш. въ два длины; расположены они другъ отъ друга не далѣе 2—3 аршинъ и наживляются червями и т. п. Рыболовъ въ лодкѣ опускаетъ одинъ конецъ шнура съ каменнымъ грузомъ въ воду, обыкновенно выбравъ довольно глубокое, от-

крытое мѣсто рѣки, а затѣмъ, постепенно удаляясь по теченію рѣки, опускаетъ по мѣрѣ удаленія сложенный кругами шнуръ съ крючками и наживой. Спустивъ шнуръ до конца, рыболовъ другой конецъ его закрѣпляетъ къ колу, крѣпко вбитому въ дно рѣки. Но чаще переметъ запускается поперекъ рѣки такъ, что одинъ конецъ укрѣпленъ къ воткнутой въ берегъ палкѣ, а другой опускается съ грузомъ. И въ этомъ случаѣ выбирается мѣсто глубокое, съ довольно сильнымъ теченіемъ. Лѣтомъ на переметъ идетъ миронъ, язь, а зимою налимы.

Дорожкой или блесней называется такой снарядъ, въ которомъ на длинной бечевкѣ привязана оловянная или цинковая пластинка вершка въ два дюйма, имѣющая нѣкоторое сходство съ рыбкой; на концѣ пластинки укрѣпленъ толстый желѣзный крючокъ съ зазубнемъ; наживы не требуется. Рыболовъ, ѣдущій въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, очень быстро опускаетъ шнурокъ во всю длину и тянетъ за собой, привязавъ другой конецъ шнурка за лодку и положивъ шнуръ на ухо, чтобы слышать когда возьмется рыба, которая блестящую пластинку на быстромъ ея бѣгу принимаетъ за рыбу, нагоняетъ и хватается ее. На дорожку или блесню попадаетъ исключительно жадная щука, иногда въ пудъ и болѣе вѣсу. На сомовъ, которыхъ также ловятъ съ лодки, нуженъ короткій, но крѣпкій шнуръ и желѣзный крючокъ съ кускомъ мяса или головой тарани (воблы). Ложка, небольшая деревянная, нужна рыболову, чтобы вызвать короткими ударами ея по водѣ особый глухой звукъ, на который почему-то поднимается со дна сомъ и идетъ на этотъ звукъ, натыкается на приманку и хватается ее. Сомы въ Днѣпрѣ въ послѣднее время стали попадаться годъ-отъ-году все рѣже; самые большіе изъ нихъ достигаютъ не болѣе 3 пудовъ вѣсу.

Всѣми перечисленными снарядами ловятъ рыбу въ Днѣпрѣ, въ Друти и въ Лахвѣ, протекающей въ этомъ же районѣ. Для сманиванія рыбы, какъ уже сказано, рыбаки употребляютъ кашу; здѣсь добавлю, что кашу они употребляютъ преимущественно ячную и разваренный горохъ; въ мѣстахъ, выбранныхъ для лова, они опускаютъ эту кашу, смѣшанную съ вязкой глиной, въ кошелѣкъ изъ луба на дно рѣки, а затѣмъ у вбитого здѣсь кола ловятъ на уду съ потонкомъ собирающуюся на приманку рыбу; на крючокъ насаживаютъ тѣ же зерна гороха или ячныя крупинки.

На рыбу ранней весной по вскрытіи рѣкъ и озеръ ѣздятъ въ лодкахъ съ острогой, въ это время бываетъ нерестъ щуки, которая и попадаетъ на острогу очень легко днемъ и ночью. Въ концѣ лѣта, когда ночи становятся темными, съ острогой ѣздятъ не только рыбаки, но и любители. Въ ночное время на лодкѣ, впереди, на особой жаровнѣ, разводятъ огонь, и охотникъ одинъ, а иногда вдвоемъ, подвигаясь очень тихо между кустовъ по озеру или пруду, высматриваетъ въ водѣ стоящую рыбу, чаще всего щуку, верезуба, и какъ

только завидитъ ее, направляетъ на нее ударъ остроги, не выпуская рукоятки изъ рукъ, если рыба стоитъ неподвижно, и бросая острогу вслѣдъ уходящей рыбѣ.

Изъ сѣтневыхъ снарядовъ, сдѣланныхъ изъ нитокъ съ помощью обручей или даже изъ однихъ деревянныхъ лозовыхъ прутьевъ и лучины здѣсь извѣстны: кошъ, коробка, неретъ, топтуха, жакъ, и изъ сѣтневыхъ, сдѣланныхъ изъ однихъ нитокъ—крига, бредень, уклеяня, сѣтъ и неводъ. По устройству кошъ, неретъ, топтуха и жакъ сходны между собой по основной формѣ—удлиненнаго конуса; такую форму придаютъ этимъ рыболовнымъ снастямъ вправленные въ сѣтку обручи.

Кошъ, или скрипка, дѣлается изъ лозовыхъ прутьевъ или лучины, въ одномъ концѣ связанныхъ пучкомъ, а въ другомъ—образующихъ отверстіе въ видѣ воронки, сѣтки же составлены изъ прутьевъ или лучины такъ, что самая мелкая рыба не проскользнетъ въ имѣющіяся щели. Коши ставятся зимою подо льдомъ на неглубокихъ, тинистыхъ мѣстахъ. На прорубь, прикрытую сверху соломой, идетъ рыба, отыскивающая во льду отдушину, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и при этомъ часто залѣзаетъ въ кошъ, нижній конецъ котораго затыкается соломой.

Коробка дѣлается изъ плоскихъ лучинокъ и имѣетъ видъ цилиндра. Снизу къ ней подшивается соломенная воронка, раструбомъ внизъ и узкимъ отверстіемъ вверхъ. Рыба, отыскивая прорубь, идетъ въ это отверстіе вверхъ и попадаетъ въ коробку.

Неретъ имѣетъ ту же форму, что и кошъ, но немного больше его—1½—2 арш. длины. Связанъ онъ изъ толстыхъ нитокъ, мѣшкомъ, съ постепенно суживающимся дномъ—кормой. Напаяливается онъ на два обруча въ своей широкой передней части и на пять прутковъ, сходящихся въ кормѣ. Въ передней части отверстіе сужено загнутой внутрь сѣткой и связанной въ видѣ воронки, такъ что въ него можно просунуть только большой кулакъ. Неретъ ставятъ весною во время спада водъ у отверстій „закотъ“, язовъ-плетней, которые заплетаются по луговымъ низинамъ и рвамъ. Нѣкоторыя породы рыбъ, какъ щука во время метанія икры, и устера, уходя съ луговыхъ низинъ въ русло рѣкъ и въ озера, на пути встрѣчаютъ преграду и, ища выхода, попадаютъ въ нерета.

Жакъ—это тотъ же неретъ, которому приданы сбоку крылья изъ сѣтей, шириною въ аршинъ или нѣсколько болѣе, длиною же болѣе сажени. Ставится также на неглубокихъ мѣстахъ прудовъ и озеръ, у травы и кустовъ, и на „чистежѣ“. Крылья жака, растянутыя под угломъ въ стороны, укрѣпляются въ вертикальномъ положеніи колышками, вбитыми въ дно, корма же его погружается ко дну. Въ жаки попадаютъ различныя породы рыбъ, водящіяся въ стоячихъ водахъ.

Топтуха или топтала — воронковидная сѣтка съ открытымъ широкимъ отверстіемъ, натянутымъ на обручъ, имѣющій видъ полу-круга. Если эта сѣтка укрѣплена на палкѣ, то называется сачкомъ или просто сѣткою. Топталомъ ловятъ рыбу и раковъ, устанавливая его поближе къ кусту или травѣ такъ, что рыболовъ, стоя самъ въ водѣ, прижимаетъ одной ногой нижнюю плоскую сторону обруча ко дну, а другой ногой болтаетъ въ водѣ, чтобы загнать въ топтало добычу. Приподнимая его, не выходя изъ воды, рыболовъ беретъ то, что попадаетъ, и продолжаетъ вновь закладывать сѣть. Подобной же сѣткой съ рукояткой, состоящей изъ довольно длинной палки, ловятъ рыбу съ берега, причемъ обыкновенно бываетъ двое — одинъ заводитъ подъ кустъ сѣтку, а другой длиннымъ шестомъ, называемымъ „бовтоломъ“, съ утолщеніемъ на концѣ, производитъ шумъ вблизи, выпугивая рыбу изъ подъ куста и травы. Въ эти снасти попадаетъ по большей части щука, иногда же окунь, линь, карась, вьюнъ и проч.

Крига — прямая изъ толстыхъ нитокъ сѣтка, часто вовсе безъ кормы, т. е. суживающагося къ задѣ мѣшка. Въ длину имѣетъ сажени $1\frac{1}{2}$, въ ширину 2 арш., поперекъ по концамъ укрѣплены двѣ палки. Кригой ловятъ двое, входя въ воду и подставляя ее подъ кустъ, подобно тому, какъ сказано о топтухѣ. Иногда крига насаживается на полозья, чтобы легче было подводить ее подъ кустъ.

Бредень состоитъ изъ довольно длинной кормы, въ сажень или нѣсколько болѣе длиною, съ широкимъ входомъ, при короткихъ крыльяхъ. Крылья укрѣплены на палки, аршина въ 2 длиною, верхній же и нижній свободный край натянутъ на веревочки; къ нижней веревочкѣ привязываются въ двухъ — трехъ мѣстахъ грузила, для чего служатъ обыкновенные камни въ тряпкѣ или особые, сдѣланные, какъ и для невода, глиняные цилиндры. У кормы есть свой особый грузъ, чаще всего также камень, увязанный въ тряпку такъ, что онъ тащится позади всего бредня. Взявъ въ руки палки, называемыя „дѣдами“, и держа ихъ въ вертикальномъ положеніи, ловящіе бреднемъ въ неглубокомъ мѣстѣ рѣки, озера, забредаютъ въ воду такъ, что одинъ держится поближе къ берегу, другой заходитъ на возможную глубину и описывая дугу, поворачиваетъ къ тому же берегу, съ котораго отправились. При этомъ бредень долженъ быть сильно натянутъ, нижній край долженъ скользить по дну. Брести съ бреднемъ слѣдуетъ ровно и тихо, но когда поворачиваютъ къ берегу, то ускоряютъ ходъ. Пойманную добычу, рыбу и раковъ, вытряхиваютъ на берегу, при этомъ очищаютъ бредень отъ приставшей къ нему тины, земли, ракушекъ и проч.

Снарядъ той же формы, какъ и бредень, но съ удлиненными до 6 саж. и болѣе крыльями носитъ названіе „волочекъ“. Скорѣе онъ напоминаетъ собою неводъ небольшихъ размѣровъ.

Уклеиня — тонкая изъ льняныхъ нитокъ плавучая сѣть. Она имѣетъ до 10 саж. длины и 1 арш. ширины; во всю длину по верхнему и нижнему краю проходитъ бечевка; на верхней бечевкѣ продѣты поплавки въ разстояніи $\frac{3}{4}$ арш. другъ отъ друга; поплавками служатъ скатанныя въ трубочку полоски бересты, или пластинки коры осокори, по нижней — „грузки“, сдѣланные изъ глины въ видѣ цилиндровъ. Уклеиней ловятъ съ лодки. Рыболовъ забрасываетъ ее, спускаясь по теченію рѣки, лѣвою рукой, загребая правой рукой и поступаясь немного въ сторону къ берегу. Въ уклеиню попадаетъ исключительно уклейка, какъ показываетъ и самое названіе ея. Очки у ней очень маленькіе, ловятъ ею преимущественно въ полую воду.

Сѣть наплавная представляетъ собою соединеніе трехъ сѣтей, сложенныхъ такъ, что средняя съ частыми въ дюймъ очками укрѣплена посреди двухъ сѣтей изъ толстыхъ нитокъ, образующихъ очки до двухъ вершковъ ширины; эти боковыя сѣти называются „рѣзью“ и поддерживаютъ частую среднюю сѣть съ большими запасами по ширинѣ, такъ что рыба болѣе крупная, пройдя свободно чрезъ очки рѣзи и толкаясь впередъ, натягиваетъ на себя частую сѣть и выйдя чрезъ вторую рѣзь, остается въ сѣти, какъ въ мѣшкѣ, плотно на ней затынутомъ. Мелкая рыба только увязаетъ въ частой сѣти, не дѣлая мѣшка.

Сѣтью можно ловить какъ по рѣчкамъ, такъ и по прудамъ и озерамъ. По верхнему краю сѣти на шнурахъ укрѣплены поплавки изъ бересты, а по нижнему краю грузки или „глазки“, какъ и на уклеинѣ. Сѣтью ловятъ двое рыбаковъ, при двухъ отдѣльныхъ челнокахъ; сѣти же они соединяютъ конецъ съ концомъ, такъ что получается длинная сѣть въ 30—40 саж. длины. Плыя по теченію рѣки смежно („поплечъ“) и соединивъ концы своихъ сѣтей, рыбаки начинаютъ выбрасывать одной рукой сѣть каждый со своей лодки, на которой онъ уложены складками на деревянномъ желобкѣ (называется „стябло“) и, удаляясь отъ середины рѣки къ противоположнымъ берегамъ, тихо слѣдуютъ у концовъ закинутой ими сѣти, образующей длинную дугу, обращенную къ задѣ. Проплывъ сажень 150—200, рыбаки на ходу лодокъ поднимаютъ сѣть на желобокъ („стябло“), съ котораго стекаетъ вода долой, не попадая въ лодку. Такъ какъ рыба одной рукой правитъ лодкой, а другой рукой поднимаетъ сѣть, приближаясь къ серединѣ ея, то сѣть сначала укладывается рыбаками какъ-то попало и попавшая въ нее рыба остается не выбранною; съ поднятою сѣтью рыбаки бокъ-о-бокъ подѣзжаютъ къ берегу и здѣсь перебираютъ сѣть въ лодкѣ или на берегу и укладываютъ ее съ концовъ въ небольшія складки, при чемъ вынимается и рыба. Послѣ этого рыбаки отѣзжаютъ и вновь забрасываютъ сѣть.

Ловля сѣтью въ стоячей водѣ прудовъ и озеръ производится нѣсколько иначе. Если берегъ отлогій и дно безъ колодъ и корчей,

то сѣть забрасываютъ рыбаки на небольшомъ разстояніи отъ берега, причѣмъ бечевками, привязанными къ поперечнымъ палкамъ у концовъ сѣтки („дѣдамъ“), вытаскиваютъ сѣть на берегъ, какъ неводъ. Если же дно не чисто, а по пруду или озеру встрѣчаются кусты и трава, такъ же какъ и у береговъ, то закидываніе сѣти на выбранныхъ болѣе чистыхъ мѣстахъ производится кольцеобразно, при чемъ рыбаки иногда обкидываютъ большія колоды, корчи и кусты, а затѣмъ тонкимъ длиннымъ шестомъ—„бовеоломъ“, тыча въ нихъ съ разныхъ сторонъ и ударяя по водѣ, загоняютъ рыбу въ сѣть. Въ такомъ случаѣ попадаетъ такой сортиментъ рыбы, который держится у дна илистыхъ и засоренныхъ водъ, напр. окунь, линь и карась. Ловъ производится преимущественно почти въ тихое теплое лѣтнее время.

Устройство *невода* общеизвѣстно. Невода различаются только своими размѣрами. На неширокихъ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ употребляется неводъ поменьше, имѣющій крылья вмѣстѣ съ кормой отъ 30 до 50 саж. длины; отъ 50 до 100 саж. неводъ средній, которымъ ловятъ въ большихъ водахъ. Самый большой неводъ достигаетъ 300 саж. длины, но такіе невода здѣсь не употребляются по отсутствію крупныхъ озеръ. Небольшихъ размѣровъ неводъ, около 20 саж. длины, называется „подневодокъ“. Для поплавковъ у невода служатъ, кромѣ берестовыхъ трубочекъ и кусковъ коры, также бычачьи пузыри. Невода малыхъ размѣровъ изготовляются самими рыболовами, сельскими жителями; невода большихъ размѣровъ приобрѣтаются покупкою въ Витебской и Псковской губ., гдѣ много озеръ. Забрасываніе невода, если онъ не великъ, дѣлается съ двухъ малыхъ челновъ двумя или четырьмя рыбаками; если же неводъ большой, то забрасываютъ его съ одной лодки или обшиванки, въ которой помѣщается отъ семи и болѣе рабочихъ. Вытаскивается неводъ на отлогій берегъ за оба крыла, сначала при помощи веревокъ, привязанныхъ къ крыльямъ невода, а затѣмъ и непосредственно за крылья съ кормы. Въ неводъ попадаетъ рыба всѣхъ породъ и разныхъ размѣровъ, а также сомы и довольно рѣдко теперь встрѣчающіеся осетры и стерляди.

Особенность представляетъ зимняя ловля неводомъ, что бываетъ на большихъ озерахъ и рѣкахъ, и производится цѣлыми артелями человекъ въ 30, нанятыхъ рыбопромышленниками, или ловящихъ съ хозяевами и арендаторами озеръ испольно. Чтобы сдѣлать тоню, ледъ прорубается такъ, что первая большая прорубь дѣлается вдали отъ берега, на такомъ разстояніи, какого достигаетъ неводъ съ привязаннымъ къ нему канатомъ. Отъ этой большой проруби въ сажень и болѣе въ квадратъ идутъ малыя проруби въ два ряда, расходясь постепенно въ стороны, затѣмъ онѣ снова сближаются и сходятся у одной, такой же большой, какъ и первая. Разстояніе между двумя

сосѣдними прорубями около 10 арш. Къ концамъ канатовъ привязываютъ такой же длины шесты. Неводъ, подвезенный на саняхъ къ первой проруби и сложенный на ледъ, затягивается подъ ледъ при помощи шестовъ, которые подо льдомъ направляются рабочими такъ, что передній конецъ шеста выходитъ къ сосѣдней малой проруби, если же онъ не сразу попадаетъ въ эту послѣднюю прорубь, то рабочий, стоящій у этой проруби, при помощи деревяннаго крючка или вилокъ захватываетъ его и руками подвигаетъ шестъ къ слѣдующей проруби. Такъ, переходя изъ проруби въ прорубь, шесты съ канатами, наконецъ, выходятъ къ большой проруби, назначенной для вытаскиванія невода. У этой послѣдней собирается большое число рабочихъ или ставится нѣсколько лошадей для вытаскиванія невода, который обоими крыльями медленно подтягивается, пока не будетъ вынуть весь на ледъ. Въ зимній ловъ въ неводъ попадаетъ преимущественно лещъ.

Въ то время, когда ледъ еще тонокъ и прозраченъ, подростки ходятъ бить или „глушить“ рыбу обухомъ топора или палкой съ толстымъ концомъ—„добавѣшкой“, ударяя ими въ то мѣсто льда, гдѣ подъ нимъ высмотрѣна рыба, затѣмъ разламываютъ ледъ и достаютъ заглушенную рыбу, чаще всего щуку. Но такая охота на рыбу обыкновенно бываетъ незначительна, продолжаясь короткое время при наступленіи заморозковъ. Багренье рыбы здѣсь не въ ходу кромѣ вышеописанной охоты съ острогомъ—„остями“.

Отравленіе рыбы производится чаще плотовщиками во время гонки плотовъ по рѣкѣ и нѣкоторыми другими людьми, не занимающимися рыбной ловлей, какъ промысломъ. Настоящими рыболовами этотъ способъ добыванія рыбы не практикуется и даже преслѣдуется. Самымъ обыкновеннымъ веществомъ для усыпленія рыбы служитъ кукельванъ, называемый просто „кульванъ“. Онъ задается завареннымъ въ пшенной или гречневой кашѣ, или въ толченомъ видѣ въ хлѣбномъ мякишѣ. На такую отраву идутъ слѣдующія породы рыбъ: лещъ, устѣра, язъ, головель, или по мѣстному головень, плотва и прочая не хищная рыба текучихъ водъ. Другихъ ядовъ здѣсь не употребляютъ.

Для храненія рыбы, пойманной вдали отъ мѣстъ хорошаго сбыта, рыболовы устраиваютъ сѣтки, куда опускаютъ рыбу, которая можетъ быть доставлена живою, такъ какъ сѣтка все время находится въ водѣ будучи привязана къ лодкѣ. Въ большихъ лодкахъ, съ которыхъ ловятъ рыбу неводомъ, поближе къ кормѣ, двумя досчатыми перегородками отдѣляется часть лодки, въ которую кладутъ пойманную рыбу и напускаютъ сюда воды чрезъ отверстіе въ дни лодки. Доставленная къ мѣсту сбыта, напр. къ городу, рыба пересаживается въ садки, т. е. деревянные ящики, стоящіе у берега въ водѣ, въ ко-

которые свободно проходить вода чрезъ имѣющіяся въ нихъ щели. Садки забираются на замокъ.

Старые рыболовы, отправляясь на ловлю, придерживаются нѣкоторыхъ примѣтъ; такъ, напримѣръ, они не берутъ къ себѣ въ лодку никого, чтобы подвезти или перевезти на другой берегъ, если бы кто-либо даже усиленно просилъ объ этомъ. Рыбакъ не увѣренъ въ томъ, „счастливъ“ ли проситель и можетъ ли онъ доставить ему удачу. Затѣмъ, рыболовъ, идущій на рыбу, старается избѣжать встрѣчи съ кѣмъ-либо съ пустыми руками, а наоборотъ, считаетъ за хорошій знакъ встрѣчу съ кѣмъ-либо полнымъ: ведрами воды, возомъ дровъ, охапкой сѣна и т. п.

IX.

Способъ разведенія пчелъ былъ въ этомъ лѣсномъ краю преимущественно бортовой. Въ лѣсу „земцы“ (т. е. пчеловоды) выбирали толстыя деревья, по большей части сосны и ели, и въ самомъ деревѣ на значительной высотѣ выдалбливали помѣщеніе для пчелъ, въ видѣ тѣхъ, которыя имѣются въ нынѣшнихъ колодныхъ ульяхъ, съ двумя досочками—внутренней толстой (втулкой) и наружной тонкой, но болѣе длинной. Сбоку продѣлывалось окошечко—„летокъ“. Такихъ помѣщеній въ одномъ деревѣ было нѣсколько. Отъ медвѣдей на высотѣ двухъ сажень, или около этого, устраивался „подкуръ“ или „корвать“, съ острыми еловыми колышками, посаженными часто въ видѣ шпилекъ. Съ такимъ устройствомъ дерево также носило названіе бортей. Пчелы въ такія борти сажались сами и ухода за собою почти не требовали, какъ и дикія пчелы, жившія въ дуплахъ деревьевъ. Пчеловоду оставалось только взять у пчелъ въ концѣ лѣта часть собраннаго меда, а ранней весной „помести“: т. е. подчистить пчелъ. И въ настоящее время лѣсное пчеловодство напоминаетъ собою старинное по способу ухода за пчелами. Лѣтъ 60—70 тому назадъ стали дѣлать вмѣсто бортей ульи—колоды, но ставятъ ихъ попрежнему на большихъ деревьяхъ—дубахъ, соснахъ и еляхъ, по нѣсколько штукъ на одномъ деревѣ. Устанавливаются они на спицахъ, вбитыхъ въ дерево; устраивается также и „подкуръ“.

Чтобы поднять съ земли колодный улей, у земцевъ есть снасть, называемая „линя“. Одинъ конецъ лини завязывается за улей, а другой перекидывается черезъ „трубку катка“ (колеса) установленнаго выше мѣста, предназначеннаго для установки встаскиваемаго улья. Въ этомъ случаѣ катокъ замѣняетъ воротъ. Земецъ, становясь на рѣдкія спицы колеса поварачиваетъ его на толстой палкѣ оси, а руками натягиваетъ и подбираетъ свободный конецъ веревки, отчего улей постепенно поднимается. Подтянутый до мѣста установки, улей прикрѣпляется къ дереву. Для лазанья по стволу дерева, у котораго нѣтъ подкура, употребляется еще иная снасть—„плеть“. Она довольно

длинна, не менѣе 10 саж. и плетется изъ тонкихъ веревокъ на подобіе плетеныхъ возжей. Къ одному концу плети подвязывается на особой веревочкѣ небольшая доска для сидѣнья во время работъ на деревѣ. Плеть перекидывается на высотѣ дерева черезъ простой блокъ (иногда безъ колесца), особо укрѣпленный за сукъ дерева, выше ульевъ. Чтобы на деревѣ затянуть, т. е. укрѣпить плеть, для этого земцу необходимо сначала взобраться ранѣе самому и тащить за собою плеть. Земецъ поступаетъ такъ: уложивъ подъ деревомъ довольно тяжелую плеть съ сидѣньемъ и блокомъ, онъ беретъ свободный конецъ плети и, сложивъ вдвое, одной рукой обкидываетъ стволъ дерева, а другой захватываетъ его и въ петлю продѣваетъ часть плети, образуя новую петлю, на которую становится ногой. Поднявшись отъ земли и придерживаясь одной рукой за стволъ дерева, дѣлаетъ вторую петлю, на которую переноситъ другую свободную ногу, затѣмъ третью петлю и т. д.,—до тѣхъ поръ, пока доберется до первыхъ сучьевъ дерева, по которымъ онъ взбирается уже безъ помощи „плети“. Плеть онъ тащитъ за собою, чтобы подвѣсить ее выше на блокъ, какъ уже сказано. Перекинувъ плеть черезъ блокъ, онъ спускается на одномъ концѣ съ сидѣньемъ внизъ къ ульямъ, другой конецъ, удерживаемый въ рукахъ, онъ закрѣпляетъ узломъ, чтобы не оборваться долой. Взбираться на дерево, на которомъ есть „подкуръ“, легче: для этого ставится суковатая еловая подставка „стрема“, по которой и взбираются на подкуръ.

Въ колодахъ съ пчелами весной дѣлается подчистка, подрѣзка заплѣсневѣлыхъ сотовъ, вырѣзка негодной суши, очистка лежащихъ „на пятѣ“ (низъ) мертвыхъ пчелъ, и въ концѣ лѣта, въ августѣ, „подсмотръ пчелъ“, т. е. вырѣзка меда и заготовленіе ульевъ на зиму, плотная пригонка входовъ и конопатка щелей. Прежде не наблюдалось за пчелами во время роенія, рои уходили и сажались на любимыхъ мѣстахъ, часто въ чужіе ульи, такъ какъ трудно было услѣдить за пчелами, которыя находились на деревьяхъ, удаленныхъ другъ отъ друга часто на значительное разстояніе. Пустыя колоды на деревьяхъ готовятся весной также очисткой и „занавиваніемъ“, т. е. постановкой вверху улья, „въ головѣ“, кусковъ „суши“, а иногда для придавля улью пріятнаго, привлекающаго рои, запаха, пустой улей вспрыскивается особымъ медовымъ отваромъ, называемымъ „напорскомъ“. На языкѣ пчеловодовъ-земцевъ это дѣйствіе носить названіе „подкукать“, т. е. привести въ надлежащій видъ улей. Въ такіе ульи охотнѣе садятся рои.

Съ уничтоженіемъ большихъ деревьевъ, кое-гдѣ называемыхъ „стойлами“, и съ постепеннымъ паденіемъ пчеловодства, пчеловоды-земцы стали свозить ульи въ одно мѣсто, поближе къ своему жилищу, чтобы надзоръ за пчелами былъ болѣе доступнымъ и чтобы не уходили рои. Такимъ образомъ появились пасѣки.

Если вблизи селения находится лѣсъ или хотя бы заросли, то мѣсто для пасѣки избирается въ лѣсной опушкѣ или среди зарослей, и небольшое пространство въ $\frac{1}{4}$ или даже $\frac{1}{8}$ часть десятины нѣсколько расчищается, съ оставленіемъ посреди его нѣкотораго числа небольшихъ деревьевъ—березъ, дубовъ, рябинъ, липъ и проч., и огораживается жердьевою изгородью—„присломъ“. Ульи устанавливаются подъ оставленными деревьями въ стоячемъ или лежащемъ положеніи („стояки и лежаки“); ставится маленькая изба, или просто курень или будка, для храненія пчеловодныхъ принадлежностей, и пасѣка готова. За невозможностью подыскать подходящее мѣсто для пасѣки, ульи стали помѣщать въ садикахъ и огородахъ возлѣ двора или гумна, и уходъ за пчелами еще болѣе облегчился, требуя присутствія и надзора за пчелами главнымъ образомъ только въ роевую пору, которая здѣсь продолжается съ половины мая по августъ.

Колода-улей имѣетъ около 2 арш. длины и произвольную толщину; толстые объемистые ульи считаются лучшими. Улей устраивается при помощи пилы, топора и большого долота на палкѣ, называемого „пѣшней“. Это необходимое орудіе для долбленія улья. Съ одной стороны отрѣзанной для улья колоды продѣлывается четырехугольное продолговатое отверстіе, вершка въ два ширины и около 14 верш. длины. Черезъ это отверстіе, служащее дверкой въ ульѣ, выдалбливается внутренность улья цилиндрической формы съ косо спускающимся во внутрь основаніемъ—„пятю“ и верхомъ—„головою“ улья. Это улей „косякъ“. Но многіе верхъ улья продавливаютъ насквозь, заложивъ его круглой дощечкой; получается улей „сквознякъ“. Сбоку улья продѣлывается летокъ, небольшое треугольное отверстіе, проходящее въ голову улья, и прикрытое дощечкой, такъ что остается только небольшая щель для вылета пчелъ. Дверь улья прикрывается одной толстой втулкой, и другой потоньше, но шире и длиннѣе первой; для удержанія ихъ вбиваются деревянные колышки. Въ голову улья вставляются двѣ палочки—„снозы“, для укрѣпленія гнѣзда пчелъ; вмѣсто палочекъ иные вставляютъ „грѣнку“—дощечку, втыкаемую въ потолокъ улья, поперекъ которой воткнуты три тонкихъ палочки. Какъ уже сказано, на пасѣкѣ ульи ставятся стояками или въ наклонномъ положеніи—лежаками.

Обыкновенно за пчелами ухаживаетъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ семьи и свою нажитую долгими годами опытность сохраняетъ въ тайнѣ. Нерѣдко про старыхъ земцевъ пчеловодовъ, нажившихъ значительныя пасѣки, колодъ въ 50—100, ходятъ въ народѣ различные суевѣрные рассказы, выставляющіе ихъ знахарями, обладающими особыми знаніями по отношенію къ пчеловодству. Напримѣръ, говорятъ, что иному такому земцу достаточно захотѣть напустить своихъ пчелъ на пасѣку сосѣда, и въ короткое время пчелы послѣдняго будутъ уничтожены; по желанію, нѣсколькими таин-

ственными словами, можетъ онъ переселить пчелъ изъ чужой пасѣки въ свою и т. под.

Такъ какъ страшная болѣзнь пчелъ, гнилецъ, существующая съ давнихъ поръ, въ послѣднія десятилѣтія особенно усилилась и произвела въ обширныхъ раіонахъ почти полное опустошеніе пасѣкъ, и пчеловоды естественно искали и ищутъ средствъ борьбы съ этимъ бичемъ пчелъ, радикальныхъ же средствъ противъ гнильца и понынѣ они не знаютъ, то болѣе счастливые пчеловоды, у которыхъ сохранились еще кое-какія пасѣки, пользуются извѣстностью знахарей и до настоящаго времени. Имъ извѣстны какія-то травы и въ томъ числѣ мелісса, или маточная трава, употребляемая противъ гнильца въ видѣ окуриванія пчелъ, или въ отварахъ и въ прибавленіяхъ къ „напореску“, восстанавливающихъ благополучіе гнильцовыхъ пчелъ. Пчеловоды входятъ въ большую дружбу съ такимъ знахаремъ-пчеловодомъ, чтобы узнать отъ него эти травы. Многіе пчелиную матку считаютъ виновницей возникающаго гнильца и совѣтуютъ для прекращенія его найти въ ульѣ мертвую матку, засушить ее, и растертую въ порошокъ дать пчеламъ вмѣстѣ съ кормомъ. То же дѣлаютъ съ черною змѣей, пойманной въ праздникъ Благовѣщенія. Иные для усмиренія пчелъ опрыскиваютъ ихъ освященной на Пасху солью. Покровителемъ пчелъ считаютъ св. Зосиму и вѣрятъ въ существованіе какого то особаго пчелинаго бога.

Принадлежности пасѣчниковъ немногочисленны и просты по своему устройству: роевня, для собиранія сметавшагося роя, представляетъ обыкновенную лубку, у которой дно вмѣсто луба подшито рѣдкимъ холстомъ или ситкомъ изъ-подъ рѣшета; самодѣльное ситце для одѣванія на голову, чтобы предохранить себя отъ пчелъ—также лубочка, только меньшихъ размѣровъ, дно которой подшито „рѣдиной“ или проволоочной сѣткой; одѣвается она на переднюю часть лица; обыкновенная ложка или сдѣланная изъ бересты—для сгребанія роя; деревянная клѣтка—маточникъ; ведро, вѣшничекъ или перо для опрыскиванія пчелъ передъ началомъ работъ въ ульѣ съ пчелами или сидящаго роя; ножъ, въ видѣ удлиненной лопатки, и кадушка или липовка для храненія меда.

Х.

Разведеніе скота въ этомъ раіонѣ не составляетъ отдѣльной отрасли хозяйства: этому препятствуетъ какъ недостатокъ луговъ и скудость пастбищъ, такъ и общая бѣдность населенія. Скотъ держать въ такомъ количествѣ, чтобы только удовлетворить свои хозяйственные потребности, предъявляемыя къ скоту, который почти повсемѣстно простой мѣстной породы, плохо развитъ, мало продуктивенъ, и отличается двумя положительными качествами—выносливостью и нетребовательностью.

Лошадь рѣдко достигаетъ 2 арш. высоты и сложеніе ея недостаточно красивое: формы тѣла угловатыя, шея длинная съ повисшей большой головой, ноги короткія, тѣло покрыто жидкою шерстью. Обыкновенная крестьянская лошадь довольно слабосильна—тяжесть въ 20—25 пудовъ составляетъ для нея полную кладь; можетъ ходить только подь сохою и легкимъ плугомъ. Большую часть года лошадь довольствуется подножнымъ кормомъ, часто на довольно скудныхъ весеннихъ и лѣтнихъ пастбищахъ; зимою дается ей сѣно луговое или болотное, овесъ же она получаетъ только при усиленной работѣ, во время возки лѣса на пристани или во время извоза, когда отъ тяжелой работы она сильно тощаетъ. Хозяинъ со среднимъ достаткомъ держитъ 2—3 лошадей, состоятельные до пяти, а бѣдняки, какихъ немало, чаще одну только лошадь. Безлошадныхъ хозяевъ здѣсь нѣтъ. Кобылицъ впрягаютъ въ возъ, работаютъ и на жеребыхъ, отчего жеребята отъ нихъ худы, слабы и плохо развиваются. Такъ какъ на ожеребившейся кобылѣ тоже скоро начинаютъ опять работать, то истощаемая работой, при плохомъ подножномъ кормѣ, мать не можетъ достаточно кормить жеребенка и онъ уже на второмъ—третьемъ мѣсяцѣ приучается цинать траву, таскаясь вслѣдъ за матерью во время пахоты или жнива и сѣнокосной работы. Осенью, и не позже 6 декабря, его уже отнимаютъ отъ матери, ставя отдѣльно въ хлѣву. Если же и на второмъ году жеребенокъ не оставитъ привычки сосать мать, то ему надѣваютъ намордникъ съ желѣзными шипами, отчего кормилица кобыла сама отбиваетъ своего жеребенка. Большую часть лѣта жеребенокъ не можетъ вылинять, оставаясь въ старой лохматой шерсти. Жеребята все время до полного развитія, которое наступаетъ у нихъ только на 4 или 5 году, ходятъ въ одномъ табунѣ съ лошадьми, и на ночлегахъ ихъ привязываютъ „на приколъ“ ближе къ теплу (огню), на которомъ они остаются до разсвѣта; кобыла въ такомъ случаѣ не уходитъ далеко. Это необходимо, чтобы уберечь жеребенка отъ волковъ. Жеребчики, еще не вполне развитые, уже покрываютъ кобылъ на третьемъ или четвертомъ году. Осенью такого возраста жеребчиковъ „легчают“, кастрируютъ. Эту операцію всегда дѣлаютъ пришлые коновалы—великоруссы, главнымъ образомъ калужане. Съ своими нехитрыми принадлежностями черезъ плечо на ремнѣ и въ кожаной сумкѣ, а именно: ножикомъ, деревянными небольшими тисками и порошкомъ сулемы, коноваль обходитъ деревню, справляясь, нѣтъ ли у кого жеребца, котораго нужно легчать. Найдя такого, онъ увѣряетъ хозяина, что его рука легкая; если онъ еще здѣсь незнакомъ, то готовъ положить 25 руб. залогомъ за благополучный исходъ операціи. Жеребца валяютъ на землю, и коноваль своимъ острымъ ножикомъ, зажавъ мошонку повыше шулятъ въ „щелетки“ (тиски), быстро вспарываетъ и выбрасываетъ шулята, которые велитъ зарыть въ землю въ хлѣву, гдѣ не ходятъ люди, а рану при-

сыпаетъ сулемой, послѣ чего жеребца освобождаютъ. Коноваль получаетъ рубль за свой трудъ, угощеніе водкой и яичницей, и кусокъ холста—вытереть руки послѣ работы.

Молодыхъ лошадей не выѣзжаютъ, а впрягаютъ сначала въ борону, а затѣмъ въ телѣгу, послѣ чего скоро начинаютъ исполнять на нихъ и всякую другую работу.

Корова въ крестьянскомъ быту пользуется еще меньшимъ уходомъ, чѣмъ лошадь, отчего она такая невзрачная по виду и росту, что породу здѣшней коровы именуютъ въ насмѣшку „тасканской“. Зимою она стоитъ на яровой соломѣ и только у нѣкоторыхъ хозяевъ ей дается „струшенка“, т. е. къ соломѣ ржаной или ячной примѣшивается часть сѣна или по временамъ выдается опаренная мякина, или опара. Пойло изъ распареннаго картофеля даютъ коровѣ на первой недѣлѣ послѣ отелу. На весну коровы сильно тощатъ, такъ что слабѣйшія изъ нихъ падаютъ на ноги и должны оставаться нѣкоторое время дома, когда пастухъ начинаетъ выгонять уже въ поле. Если же ихъ все-таки выгонять въ поле, онѣ отстаютъ отъ пастуха, падаютъ на землю и лежатъ, чѣмъ причиняютъ немало хлопотъ пастуху. Выгонять въ поле начинаютъ какъ только стаетъ снѣгъ (около 25 марта), когда въ полѣ еще нѣтъ новой травы. Отсюда коровы, по мѣстному замѣчанію, еще болѣе ослабѣваютъ. Только къ 23 апрѣля, т. е. къ Юрьеву дню, зелень появляется въ лѣсу и въ полѣ, къ этому же времени освобождаются изъ-подъ воды поемные луга, и скотъ съ этого времени получаетъ возможность „собраться“ въ полѣ, лѣсу или на лугу, т. е. поѣсть досыта. Съ этого времени коровы начинаютъ понемногу поправляться, у дойныхъ коровъ прибываетъ молоко, и достигаетъ полного удои къ половинѣ мая. Во многихъ мѣстахъ при недостаткѣ лѣсныхъ пространствъ и запрещеніи пастбы скота на лугахъ, съ 9 мая для скота опять наступаетъ тяжелое время, тѣмъ болѣе, что и „паренина“, т. е. паровое поле, служившее мѣстомъ главного выпаса скота, въ началѣ іюня поднимается подь озимый хлѣбъ. Эта „измора скота“ продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ жниво и сѣнокосъ, освобождающіе значительныя пространства подь выпасъ скота, такъ что вторая половина лѣта и осень представляютъ здѣсь лучшее время года въ отношеніи пастбищъ.

Отъ плохого скота получается и мелкій приплодъ. Телята двухъ недѣль бываютъ ростомъ не болѣе средней собаки и вѣсятъ фунтовъ тридцать, рѣдко болѣе. Первое время теленокъ, оставленный на плодъ, сосетъ свою мать недѣль до шести, послѣ чего теленка начинаютъ поить пойломъ изъ овсяной муки съ частью молока, а черезъ мѣсяцъ и безъ молока. На третьемъ мѣсяцѣ теленку даютъ уже траву или выпускаютъ на пашу. На второмъ году телята идутъ въ стадо и особымъ уходомъ уже не пользуются. На третьемъ или четвертомъ году бычки въ стадѣ накрываютъ уже коровъ и телятъ трехъ-четы-

рехъ-лѣтняго возраста. За рѣдкими исключеніями бычковъ не кастрируютъ по причинѣ ихъ малаго роста и неразвитости. Поэтому волю встрѣчаются какъ исключеніе.

Овецъ разводятъ здѣсь мѣстной породы и въ ограниченномъ количествѣ, главнымъ образомъ для полученія шерсти на домашнее сукно, на нитки для плетенья поясовъ и нѣкоторыя простѣйшія ткани въ краскахъ на женскія одежды, также для валянья войлоковъ на хомуты (лямцевъ) и изрѣдка валенокъ и шапокъ. Хозяйства, имѣющія болѣе десятка овецъ, рѣдки; встрѣчаются дворы, не держащіе вовсе овецъ. Зимой овцы „стоятъ на сѣнѣ“, т. е. пользуются кормомъ только изъ сѣна, такъ какъ ни соломы, ни другого какого корма ѣсть не стануть. Новорожденныхъ овецъ въ холодное зимнее время берутъ въ теплое помѣщеніе, въ избу, гдѣ живутъ и сами хозяева. Стригутъ овецъ два раза въ годъ: весною и лѣтомъ. Барановъ и старыхъ овецъ хозяева осенью рѣжутъ на мясо и овчины.

Пастухи на крупный и мелкій скотъ (послѣдній—овцы и свиньи) въ деревнѣ договариваются наичаще на масляной недѣлѣ въ четвергъ. Договоръ этотъ словесный, установленный обычаемъ, съ малыми различіями для разныхъ мѣстностей. Плата пастуху отдается по осени, съ окончаніемъ пастбы, и состоитъ почти вездѣ изъ зернового озимаго и ярового хлѣба, даваемого отъ штуки скота той или другой мѣстною мѣрой, напр. десятовкой, вмѣсто четверика, и гарниемъ. Кромѣ того въ теченіе весны и лѣта пастуху даютъ такъ называемую „лусту“, состоящую изъ булки хлѣба, куска сала, пары яицъ, блиновъ въ извѣстные дни. Вообще же пастуху даютъ „выгонное“, на Юрья (23 апрѣля), на Духовъ день, въ день Петра; въ послѣдній день даютъ сыръ и масло. Нанимаются въ пастухи не только безземельные бобыли, но и хозяева, у которыхъ достаточно въ семьѣ подrostковъ; при нѣсколькихъ пастухахъ, скотъ крупный и мелкій пасутъ поочередно: одинъ день одна смѣна пасетъ крупный скотъ, а другой день—мелкій. Каждый пастухъ имѣетъ свой дворъ, нерѣдко и достаточное крестьянское хозяйство. Вызываетъ коровъ посредствомъ своей пастушьей трубы, которая дѣлается чаще изъ дерева и обматывается берестой или бечевкой; но въ пригородныхъ мѣстностяхъ попадаются и жестяныя трубы и рожки. У cadaго пастуха имѣется длинная пастушья „пѣга“ (кнуть). Отгонъ скота, и только коровъ, дѣлается въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно, когда вдали имѣется хорошая паша, на примѣръ, на заливныхъ лугахъ по снадѣ водѣ весною и лѣтомъ, по уборкѣ сѣна, и въ случаяхъ эпидемій, требующихъ разобщенія больныхъ отъ здоровыхъ головъ. Въ такомъ случаѣ гдѣ нибудь въ лѣсу устраивается временная „загорода“ для ночлега скота и курень для пастуховъ.

Чтобы приманить или отогнать извѣстное животное, употребляютъ слѣдующія междометія:

Лошадей манять: кось-кось-кось-кось! Васька! Мишка! Бурчикъ! Жеребятъ: тпрулюська-тпрулюська! Косюлька! Останавливаютъ: тпру! шш! Погоняютъ: по! пошовъ!

Коровъ манять: тпруська, тпруська! Тялухъ, тялухъ! Буронька! Красута! Лысонька! Отгоняютъ: пошла въ поле! Ксылъ у поле!

Овецъ манять: вулька, вулька! Вуль-вуль-вуль! Бэрка-бэрка! Бырь-бырь-бырь! Отгоняютъ: а шкирь у поле! Шкира-шкира!

Козъ манять: кзы-кзы-кзы! Отгоняютъ: а кизь! а кизь!

Свиной манять: тѣ-тѣ-тѣ! Чушка, Чушка! Чухъ-чухъ-чухъ! Рабка! Поросятъ манять чмоканьемъ, подражающимъ ихъ ѣдѣ. Отгоняютъ: а юсь, а юсь! А выць! Южиѣ: аля!

Волковъ отгонять: а га ту! ту! ту!

Собакамъ манять: на-на-на: на хлѣба, на! Отгоняютъ: пошовъ вонь!

Кошекъ манять: кцы-кцы-кцы! киць-киць! Отгоняютъ: а псикъ!

Брысь!

Гусей манять: те-те-те! Отгоняютъ: гѣля! гѣля!

Утокъ манять: вуть-вуть-вуть! Отгоняютъ: а-вуть!

Куръ манять: типъ-типъ-типъ! Цыпъ-цыпъ! Сѣдочка-сѣдочка!

Цыплятъ: пыль-пыль-пыль! Отгоняютъ: кышъ!

Индюковъ манять: куръ-куръ-куръ! Отгоняютъ: а кышъ! А шишъ!

Голубей манять: вуль-вуль-вуль! Отгоняютъ: шишъ! шуги!

Журавлей манять: журка-журка-журка! Журъ-журъ-журъ!

XI.

Сѣно косятъ въ данной мѣстности на заливныхъ лугахъ, болотныхъ мѣстахъ и на такъ называемыхъ „логахъ“, т. е. низинахъ, рвахъ, лежащихъ въ полевыхъ мѣстахъ. Сѣнокошеніе на этихъ видахъ сѣножатей не имѣетъ существенныхъ отличій. Болотами съ рѣдкою травой часто пользуются, по желанію, только нѣкоторые члены общества, на заливныхъ же лугахъ и логахъ каждый хозяинъ имѣетъ опредѣленные, разъ выдѣленные ему, полосы, или „дачи“. При помощи небольшихъ ямокъ и вбитыхъ колышковъ по концамъ „дачъ“ каждый хозяинъ находитъ свою дачу всякій разъ, какъ ему приходится ее косить, причемъ не мало облегчаетъ присканіе и то обстоятельство, что косить принимаются въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ или цѣлымъ селеніемъ, или по крайней мѣрѣ ближайшіе сосѣди группами. По длинѣ дачъ ставятъ три точки или вѣхи и по нимъ, идя съ одной точки на другую, „отбрѣдаютъ“ межи двухъ рядомъ лежащихъ дачъ. Косы, употребляемыя здѣсь, привозятся изъ Псковской губерніи, а также изъ Ново-Вилейска, Виленской губ. По формѣ онѣ скорѣе литовки, но не горбуши. Укрѣпляется коса пяткою къ концу „косовья“ желѣзнымъ кольцомъ, надѣваемымъ такъ, что оно прижимаетъ пятку косы къ палкѣ, причемъ сверху вбивается еще клинокъ. Почти по срединѣ косовья имѣется небольшая, круто за-

гнутой и связанная веревочкой, дужка, называемая „лучкомъ“; къ лучку привязывается лопаточка; за лучекъ держитъ косецъ косу правой рукой, тогда какъ лѣвая рука поддерживаетъ конецъ косовища.

Для отбиванія косы необходимы молотокъ со стальнымъ носкомъ и маленькая наковальня, называемая „бабкой“. Положивъ косу плашмя на бабку, косецъ ударами молотка по лезвию „оттачиваетъ жало“ косы, подвигая ее отъ пятки къ носку. Во время работы, коса натачивается обыкновеннымъ точильникомъ брускомъ. Кромѣ того, во время прохожденія покоса, послѣ нѣсколькихъ взмаховъ косою, она направляется или „трепышется“ тонкой деревянной лопаточкой, на-тертой пескомъ и называемой „трепышкой“.

При помощи грабель и вилъ покосы ворошатся („ворочаются“) и подсушиваются, а затѣмъ сгребаются въ копы. Изъ копъ сѣно перевозится на возахъ домой или идетъ въ стога. Стога по величинѣ бываютъ весьма различны: отъ 2—3 возовъ до 20. Копы стягиваются при помощи веревки, затянутой подъ основаніе, и устанавливаются вокругъ мѣста предполагаемаго стога.

На ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, выбранномъ для постановки стога, вертикально ставится длинная прочная жердь „стожаръ“; вокругъ стожара вбиваются небольшіе колышки—„палики“, такъ что діаметръ окружности, образуемой паликами, бываетъ равенъ величинѣ стога. Обыкновенно онъ бываетъ около сажени. Между стожаромъ и паликами земля устилается хворостомъ или соломой и затѣмъ начинается укладка сѣна и утаптываніе его ногами, для чего долженъ быть отдѣльный человекъ, принимающій и укладывающій подаваемое изъ копенъ сѣно. Стоящій на стогу наблюдаетъ, чтобы сѣно укладывалось ровно и плотно, какъ на серединѣ, такъ и по краямъ стога, и притомъ такъ, чтобы отъ основанія ширина стога все увеличивалась, а съ половины предполагаемой высоты она начинаетъ замѣтно уменьшаться, пока не закончится вершиной у стожара, на которой едва только можно стоять. Наконецъ, кладется на крестъ двѣ пары связанныхъ хворостинъ и этимъ стогъ заканчиваютъ.

Если стогъ нужно сметать на низкомъ лугу—„ольсѣ“, то, чтобы стогъ не былъ залитъ водою, прибывающею отъ сильныхъ дождей, его ставятъ на плетняхъ или столбикахъ, аршина въ два и болѣе отъ земли; такъ же поступаютъ и тогда, когда ставится стожокъ на мокромъ болотѣ. Отъ потравъ стога загораживаются плетнемъ или „прясломъ“ въ двѣ или три жердины.

Къ описанному слѣдуетъ прибавить, что измѣреній луга, кромѣ принятаго землемѣрнаго, сами крестьяне не дѣлаютъ, такъ какъ передѣлы луга, какъ и вообще земли, дѣлаются здѣсь очень рѣдко. Одними и тѣми же „дачами“ пользуются десятки лѣтъ.

Травосѣяніе практикуется въ данной мѣстности только отдѣльными хозяевами и не повсемѣстно. Изъ травъ, высѣваемыхъ хозяе-

вами, наиболѣе извѣстны: клеверъ и вика, съ тимофеевой травой. Клеверъ высѣвается по озимому полю ранней весной, и поле на второй и третій годъ оставляется подъ клеверомъ, который даетъ во второе лѣто два укоса, на третье—одинъ.

Вика съ тимофеевкой или овсомъ вмѣсто тимофеевки высѣвается, какъ и всякое яровое, въ апрѣлѣ или началѣ мая. Даетъ одинъ укосъ въ то же лѣто.

Способъ уборки этихъ травъ тотъ же, что и для сѣна, только для ускоренія просушки, въ особенности при частыхъ дождливыхъ дняхъ, ставятся „стривья“ или еловые суковатые козлы, на которые накладывается клеверъ или вика. Часть скошеннаго клевера и вики обмолачивается на гумнѣ въ неподсушенномъ видѣ „на сѣнѣ“ и оставляется на сѣмена.

Тимофеевка, имѣющая солоmistый стебель, сжинается серпами и перевязанная въ снопики, также обмолачивается на сѣмена. На кормъ же и тимофеевку косятъ вмѣстѣ съ другими травами.

ХП.

Для ручной обработки земли въ каждомъ хозяйствѣ имѣются слѣдующія орудія: заступъ или лопата, мотыка или копаница, вилы для накладыванія навоза и разбивки его на полѣ и грабли—тѣ же, которыми сгребаютъ сѣно.

Хотя заступъ и лопата въ общемъ сходны, но здѣсь дѣлаютъ такое различіе: у заступа деревянная часть оканчивается плоской лопатой, на которую насаженъ широкій подковообразный наконечникъ; у лопаты только ручка деревянная, лопатка же у ней стальная или желѣзная съ трубкой, иначе называемая „желѣзникъ“.

Съ помощью заступа взрывается земля подъ разсадники, на которыхъ высѣвается капуста и брюква; земля подъ гряды или капусту обрабатывается, какъ и весь огородъ, сохою или плугомъ, и только борозды грядъ и размельченіе земли на грядкахъ дѣлается заступомъ. Окучиваніе капусты, равно какъ и полоть грядъ съ рядовымъ посѣвомъ огурцовъ, свеклы, а также картофеля, производится по мѣстамъ при помощи мотыки или по мѣстному „копаницы“. Тою же „копаницею“, только болѣе тяжелой и острой, взрывается („копаничится“) лядо, т. е. вновь разработанныя изъ подъ лѣса пахотныя мѣста, гдѣ плугомъ или сохою пахать еще нельзя. Вмѣсто бороны тогда употребляется „смыкъ“ изъ еловыхъ сучьевъ.

Вырываютъ овощи на грядкахъ заступомъ, а картофель сохою. Мѣстомъ храненія овощей служитъ особая постройка, которая носитъ разное названіе: истопка, варивня, мшаникъ. Погреба въ деревнѣ устраиваются рѣдко; въ ямы зарываютъ хлѣбъ тоже уже немногіе. Въ послѣднее время въ большихъ хозяйствахъ, какъ и у помѣщиковъ, картофель хранятъ также въ копцахъ. Устраиваются копцы

такъ: здѣсь же на полѣ, гдѣ роютъ картофель, выбирается ровное мѣсто, на немъ вколачиваются треугольникомъ довольно длинныя три кола такъ, что между ними остается небольшая пустота. Вокругъ этихъ колевъ обматывается толстый соломенный жгутъ до высоты колевъ, а затѣмъ сюда спосится картофель и сыпается въ кучу, вершина которой оканчивается у вершины этихъ трехъ колевъ, служащихъ вытяжной трубой. На кучу картофеля кладется толстымъ слоемъ солома, а сверху соломы насыпается земля ровнымъ слоемъ, въ $\frac{1}{2}$ арш. толщины. Земля берется тутъ же возлѣ кучи, такъ что образуется вокругъ кучи канава. Сложенный такимъ образомъ картофель остается до весны.

Разведеніемъ табака, мака, горчицы, кукурузы и подсолнуховъ, какъ специальными культурами, здѣсь не занимаются.

Главными земледѣльческими орудіями здѣсь служатъ соха и борона. Соха въ послѣдніе годы стала постепенно замѣняться одноконнымъ плугомъ самаго малаго размѣра. При помощи этихъ орудій земля воздѣлывается подъ всѣ полевые и огородныя культуры, какова бы она ни была по качеству почвы. Только на вновь-раздѣланныхъ лѣдахъ, гдѣ за множествомъ пней и корней сохою пахать нельзя, и борона пройти не можетъ, какъ уже выше упомянуто, употребляется ручная обработка мотыкой („копаницей“), а вмѣсто бороны пускается „смыкъ“, связанный изъ нѣсколькихъ еловыхъ пластинъ съ частыми длинными сучками взамѣнъ зубьевъ.

Впрягаютъ въ соху или борону одну лошадь.

Всѣ деревянные части сохи и бороны, ровно какъ и сборка ихъ, дѣлается самими хозяевами. Лемеша и полка, называемая также „полицей“, изготовляются мѣстными кузнецами. Плуги пріобрѣтаются покупкой въ городѣ, у торговцевъ, или въ мастерскихъ, гдѣ выковываются плуги. Дышла у нихъ желѣзныя или деревянные. Бороны желѣзныя, или только съ желѣзными зубьями, встрѣчаются еще рѣдко, и только у нѣкоторыхъ крестьянъ имѣются бороны, состоящія изъ деревянной рамы съ желѣзными зубьями.

Соха здѣшняя—предметъ довольно сложный. Главная часть ея *плаха*. Это—плоская изогнутая доска въ $1\frac{3}{4}$ арш. длины и 5 верш. ширины, оканчивающаяся двумя „рогами“; на острія одѣваются лемеша. Къ верхней части этой плахи подвязаны двѣ поперечныя палки, изъ которыхъ наружная толще и выдается въ стороны, служа ручками для держанія сохи во время работы. Въ нее же вколачиваются задніе концы двухъ оглоблей, называемыхъ „обжами“. На серединѣ обжи скрѣплены съ плашкой двумя идущими крестообразно „тяжками“, нижніе концы которыхъ зацѣплены за „землянку“ поперечную палочку подъ плахой. Обжи имѣютъ деревянную распорку посрединѣ же. На рогахи набиваются лемеша своими трубками, которыя называются „ушами“. Къ лѣвому лемешу приставляется въ наклонномъ

положеніи съ нѣкоторой косиной вправо „полица“, служащая отваломъ. Въ нее вбита деревянная палочка, посредствомъ которой полица укрѣплена веревочкой къ крестообразно-идущимъ веревкамъ—„перемету“. Въ правый лемешъ сбоку вколоченъ клинъ, торчащій вкось на $\frac{1}{2}$ арш.; онъ называется „приполкомъ“. Для впряганія сохи, къ переднимъ концамъ обжи продѣваются петлей „тяжки“, подвязываемыя за гужи на разстояніи аршина или немного болѣе. Кромѣ того необходимы возжи, чтобы управлять лошадыю во время работы.

Основу бороны составляетъ дугообразно согнутая дубовая, довольно толстая палка, называемая „самойлукъ“. Она даетъ форму боронѣ. По ширинѣ и длинѣ этой рамы уложены тонкіе деревянные прутки, по три поперекъ бороны и по два вдоль ея, такъ что они образуютъ кѣтки съ дырой посрединѣ; сюда насаживаются деревянные дубовые зубья; скрѣпляются эти зубья парными кольцами „баранками“.

ХІІІ.

Начало пахоты нигдѣ не пріурочено къ какому либо определенному времени: оно зависитъ отъ времени наступленія весны и начинается какъ только немного затвердѣетъ земля, чтобы не было топко при работѣ. Первый взметъ приходится дѣлать подъ яровые хлѣба и картофель вообще до Пасхи. Затѣмъ, нѣсколько подсохшее поле—„оралю“—боронятъ, и черезъ недѣлю или двѣ идетъ второй взметъ, что на мѣстномъ языкѣ носитъ названіе „мѣшать“. Послѣ этого сѣютъ яровое и заборониваются, по мѣстному „запахиваются“.

По роду яровыхъ хлѣбовъ посѣвъ идетъ въ такомъ порядкѣ: пшеница яровая, гдѣ ее разводятъ, или ячмень ранній на осенней пахотѣ, какъ только земля освободится изъ подъ снѣга. Послѣ слѣдуетъ ячмень средняго посѣва и овесъ, что совпадаетъ съ половиной апрѣля; далѣе—просо и поздній ячмень и, наконецъ, гречиха, сѣвъ которой бываетъ въ концѣ мая и началѣ іюня до 12 числа, а иногда даже позже.

Картофель высѣваютъ во второй половинѣ апрѣля и до 9 мая. Въ это же время обрабатываютъ огороды и дѣлаютъ гряды подъ овощи. Ленъ высѣвается въ это же время, конопля гораздо позже. Подъ яровые хлѣба, какъ-то: ячмень, пшеницу, просо, вывозятъ навозъ, который, смотря по характеру почвы, запахивается въ землю или разстилается наверху въ „пристилку“, что дѣлается на тяжелыхъ суглинистыхъ почвахъ и на песчаныхъ. Подъ рожь, нашъ главный хлѣбъ, паровое поле—„пареница“ первый разъ поднимается въ іюнѣ и боронится черезъ недѣлю-двѣ послѣ взмета; второй разъ уже подъ посѣвъ наметается—„мѣшается“ въ первой половинѣ августа; главная же „сѣвба“ происходитъ послѣ 15 августа или по народному, „между Пречистыми“, т. е. праздниками Успенія и Рождества Пресвятой Богородицы.

Сѣнокосъ и жниво здѣсь нерѣдко совпадаютъ даже по началу. Обыкновенно они открываются не ранѣе 1 іюля. Всѣ хлѣбныя растенія жнутъ серпомъ, косятъ же только гречиху. Снопы укладываются на полѣ двойко: болѣе сырые снопы складываются въ „обабки“, а сухіе въ „копы“, при чемъ въ обабки кладутся чаще снопы яровыхъ хлѣбовъ, а въ копы рожь. Обабки образуются снопами, сложенными тѣсно другъ къ другу „комлемъ“ или „огузкомъ“ внизъ, колосьями вверхъ, на нихъ накладывается одинъ большой снопъ „шанкой“, покрывающей верхъ обабки. Въ обабки кладется 15 сноповъ ржаныхъ или 20 яровыхъ. Это облегчаетъ счетъ копами, которые равняются 60 снопамъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ вмѣсто копъ считаютъ сотнями и обабки складываютъ въ 20 сноповъ. Сложенная копа заключаетъ въ себѣ отъ 180 до 300 сноповъ.

Въ гумнахъ, или овинахъ, снопы укладывается „на сторонкахъ“, т. е. по сторонамъ отъ тока до стѣны, рядами, такъ, что огузки (комли) ровной стѣной выступаютъ наружу, къ току, и рядъ за рядомъ кладется такъ, чтобы каждый новый рядъ покрывалъ ниже лежащій почти до вязей. Молотится хлѣбъ послѣ просушки въ евняхъ—„осетяхъ“. Просушиваются всякаго рода хлѣба въ снопахъ, также гречиха, головки конопля, клеверъ и проч., и вымолачиваются на току. Въ осети, или евиѣ, настилается раздвижной „полокъ“ изъ цѣпковъ, т. е. жердей. На ровно-раздвинутые цѣпки ставятся снопы плотно другъ къ другу, а затѣмъ подсушенные топкой печи, снопы сбрасываются чрезъ окно, укладываются на току двумя рядами, вершинами вмѣстѣ, и обмолачиваются цѣпами двумя или четырьмя молотбитами. Это называется „посадомъ“. Вымолоченное зерно сгребается на току въ кучу большой лопатой, а провѣивается малой лопатой. Помощью метлы и грабелей чистое зерно отдѣляется отъ мякины и оставшихся колосѣвъ—„отиры, или „вотринъ“.

Выѣзжая на поле сѣять рожь въ первый разъ, пахарь везетъ съ собою въ кошелѣ или торбѣ освященную на Спаса или въ день Успенія рожь вмѣстѣ съ просфорой, а иногда и свѣчей, освященныхъ на Благовѣщеніе. Освященную рожь онъ всыпаетъ въ мѣшокъ съ сѣменной рожью и, снявъ шапку и перекрестившись со словами: „Боже, поможи“, или: „роди, Боже, даръ святой“, начинаетъ сѣять. Въ день, въ который хозяинъ выѣхалъ засѣвать хлѣбъ, изъ дома не должны ничего давать въ долгъ, и вообще давать изъ дому. Въ понедѣльникъ, считающійся вообще несчастливымъ днемъ, не начинаютъ „сѣвбы“, какъ и другихъ полевыхъ работъ.

Отъ Пасхи до Георгія не работаютъ по пятницамъ на лошадахъ и послѣ до двѣнадцатой пятницы не поднимаютъ парового поля. День обновленія Царяграда вездѣ празднуется, какъ „конскій праздникъ“, т. е. на лошадахъ не работаютъ; кромѣ того, по созвучію слова

„Цареградъ“ считаютъ необходимымъ праздновать его и для избавленія отъ града.

Весною до дня Георгія не ставятъ и не починаютъ изгородей, изъ опасенія неудачъ и несчастій въ хозяйствѣ.

День св. пророка Іліи празднуется какъ покровителя, управляющаго громомъ и молніей. Въ засуху весной и лѣтомъ, чтобы вызвать дождь, проводятъ по улицѣ борозду сохой, въ которую впрягаютъ дѣвушекъ, или, вытащивъ изъ воды рака, навязываютъ его и тащатъ по улицѣ. Въ иныхъ мѣстахъ съ тою же цѣлью дѣлаютъ куклу, закапываютъ ее на кладбищѣ и плачутъ какъ бы по мертвецу.

Чтобы отвратить градъ, выносятъ изъ хаты лопату, которую сажаютъ хлѣбы.

Во время тяжелыхъ бѣдствій, какъ на примѣръ, ожидаемаго голода, также какъ и эпидемій на людей и скотъ, цѣлыя селенія даютъ обѣтъ выткать въ одинъ день „обыденникъ“, т. е. кусокъ холста изъ нитокъ льна, въ тотъ же день спряденныхъ, и этотъ холстъ въ ближайшій праздникъ навѣшиваютъ на икону Божіей Матери.

Крестьяне дѣлаютъ наблюденія зимою „на Коляды“ о состояніи погоды, обилии снѣга, инея и проч., и примѣняютъ свои наблюденія къ земледѣлію въ томъ или иномъ отношеніи. На примѣръ, сухая, морозная погода въ декабрѣ указываетъ, что іюль мѣсяцъ будетъ жаркій съ ясной погодой. За сколько дней до Рождественской коляды (сочельника) появился иней, за столько дней до Иванова дня слѣдуетъ сѣять гречиху. Если въ самый день Рождества Христова идетъ снѣгъ, то это хорошая примѣта, предсказывающая обиліе въ слѣдующемъ году во всемъ: въ хлѣбѣ, грибахъ, въ сильномъ роеніи пчелъ и тому под.

Въ деревняхъ, гдѣ хаты расположены рядомъ съ огородами и полями, рѣдко употребляются пугала или трещетки, чтобы спугивать птицъ, летающихъ на наливающуюся пшеницу, ячмень или просо. При значительныхъ яровыхъ посѣвахъ, уронъ, наносимый зерноядными птицами, считаютъ почему то нечувствительнымъ. Отъ насѣкомыхъ, жучковъ, бабочекъ и червей, кромѣ обирания ихъ на огородныхъ растеніяхъ, другихъ мѣръ не знаютъ. Впрочемъ, на огородахъ, засаженныхъ капустой, нѣкоторые бросаютъ зерна конопля, чтобы запахомъ выросшаго растенія прогонять капустныхъ бабочекъ. Иные считаютъ достаточнымъ раздавить одного червя зубами, чтобы уничтожились напавшіе на извѣстное растеніе черви. Чтобы защитить деревья въ саду отъ напазывающихъ на нихъ червей, намазываютъ бересту саломъ, смолой, клеємъ и ею обворачиваютъ стволъ дерева.

Предохранительныя средства, употребляемые при посадкѣ и посѣвѣ огородныхъ и полевыхъ растеній, также немногочисленны и сводятся болѣею частью къ повѣрьямъ. Такъ, на примѣръ, если на капустѣ образуется извѣстная болѣзнь корней, называемая килою, то

чтобы она сильно не распространилась, вырывают больное капустное растение и въ то же мѣсто садятъ его уже листомъ внизъ. Или же такое растение обносятъ вокругъ изгороди и также садятъ. Отъ „головни“, какъ ее здѣсь называютъ, которой подвергаются нѣкоторые яровыя хлѣбныя растенія, какъ, напримѣръ, ишеница просо, сѣмена передъ самымъ посѣвомъ обливаютъ растворомъ купороса, „снѣгя камня“.

Для предохраненія садовъ отъ весеннихъ морозовъ, побивающихъ цвѣтъ, ставятъ на ночь бочки или корыта съ водою или протягиваютъ вдоль или поперекъ сада нитку. Съ тою же цѣлью обвязываютъ на вторую Коляду каждое дерево соломённымъ вязомъ, что считается предохранительнымъ средствомъ и отъ червей.

Считающійся у сельскихъ жителей очень страшнымъ, такъ называемый „заломъ“ во ржи, дѣлаемый кѣмъ-либо часто ради шутки, вырывается все еще или знахаремъ, съ произнесеніемъ какихъ то словъ, или священникомъ, читающимъ при этомъ молитвы и выдерживающимъ заломъ не иначе, какъ чрезъ снитрахиль.

Крестьяне сами земли не измѣряютъ, предоставляя это специалистамъ землебрамъ, а потому своихъ какихъ-либо землебрамныхъ приборовъ не имѣютъ; если же имъ приходится провѣрять границы или межи пахотной или луговой земли, то пользуются 10-саженною землебрамною цѣлью, которую добываютъ на это время у сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

О мѣрахъ, которыми пользуются мѣстные жители, нужно сказать, что, за немногими исключеніями, онѣ общепотребительныя, русскія. Бывшія нѣкогда въ употребленіи „камень“, „безмѣръ“, „локоть“, „кручокъ“, и т. п. теперь совершенно неизвѣстны. Берковца, лота, золотника—не знаютъ. Вѣсъ: пудъ, фунтъ и части ихъ. Въ 60-хъ годахъ безмѣръ равнялся 8 ф., камень—2 пудамъ.

Хлѣбъ: гарнецъ, мѣрка или въ 8 гарнцевъ, или десятовка въ 10 гарнцевъ.

Длина: четверть, аршинъ, сажень, гоша—100 с., верста. Миля неизвѣстна.

Жидкости: сотка, кварта, равная 5 соткамъ, гарнецъ, имѣющій 4 кварталы, ведро равняется 4 гарцамъ.

Счетъ: одинъ, десятокъ, полкопы—30 штукъ: копа 60 штукъ, сотня.

Деньги: грошъ—полушка, копѣйка, восьмярикъ—2 коп., пятакъ, гривенникъ, злотъ—15 коп., восемь гривенъ—20 коп., четвертакъ, два злота, полтинникъ, троякъ—75 коп. Въ 60-хъ годахъ употреблялись: шелягъ, денежка, два гроша—копѣйка, три гроша—1½ коп., Николаевскія 5 коп. ассигнаціями; гривна—2½ коп., три гривны—7½ коп., семь гривенъ—17½ коп., восемь гривенъ и теперь—20 коп.

Въ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ встрѣчаются еще „бирки“. Это—родъ палки съ одной оструганной стороною, на которой, „зарѣзаны“ крестиками и палочками число четвериковъ и гарнцевъ выданнаго въ ссуду хлѣба.

Бирки же въ видѣ вершковыхъ палочекъ подвѣшиваютъ къ отдаваемымъ въ выдѣлку овчинамъ, къ моткамъ нитокъ и тканямъ, отдаваемымъ въ покраску и т. п. Въ такихъ случаяхъ палочка расщепляется вдоль пополамъ: одна половина остается у мастера, другая выдается заказчику. На этихъ биркахъ вырѣзываются условные знаки, для отличія одного заказчика отъ другого.

Тавренья скота нѣтъ, такъ какъ его мало и надобности въ тавренѣ не встрѣчается. Тамъ, гдѣ много гусей, нѣкоторые хозяйки вырѣзываютъ на перепонкахъ лапъ условные знаки; при возможности смѣшать овецъ, дѣлаютъ наръзки на рогахъ и копытахъ.

Въ домашнемъ обиходѣ неграмотные расписываютъ приходъ и расходъ такими знаками: 0—рубль, X—гривенникъ, 1—копѣйка. Десять рублей изображается квадратомъ . Этими же знаками изображается число четвертей, четвериковъ и гарнцевъ хлѣба, всыпаннаго въ извѣстный закомъ.

Народный календарь.

Народный календарь.

Названія мѣсяцевъ извѣстны не всѣмъ неграмотнымъ крестьянамъ и событія семейной жизни они опредѣляютъ такъ:

— Настуся родилась за двѣ недѣли до запускъ Колядныхъ (значить, 1 ноября).

— По Спѣжы у три дни вышла замужъ Ганна,—т. е. 18 августа. Праздники—святы—ти пильнують одного тѣдня отъ Колидъ (неподвижные), ти замѣняютца,—у однимъ годи тогдѣ, у другимъ тогдѣ.

Зная, что Пасха бываетъ послѣ „повнѣ, ветошкомъ“, а заговѣнье „молодикомъ“, опредѣляютъ продолжительность Рождественскаго мясоѣда: „отъ молодика Колядъ, до молодика заговинъ девять недѣль; отъ молодика Нового года восемь недѣль“ и т. п. Меньше четырехъ недѣль никогда не бываетъ. Отъ молодика заговинъ семь недѣль, будетъ Пасха. За недѣлю до Пасхи будетъ Вербница. Послѣ Вербницы „чистая“ недѣля.

На шестой недѣлѣ послѣ Пасхи въ четвергъ Упешетья—Вознесеніе. Седьмое воскресенье послѣ Пасхи—Сѣмуха, т. е. Троица. На девятой недѣлѣ четвергъ—Девятникъ. Присвятокъ (небольшой праздникъ), а работать нельзя. На десятой недѣлѣ послѣ Пасхи пятница—Десятуха. Тоже нельзя работать.

Постоянные праздники опредѣляются по числу недѣль отъ Колядъ, а дни ихъ празднованія по прошлогоднимъ днямъ. Переступный годъ (високосный) узнается по присвятку Сороки,—первому послѣ „прибытоваго дня“—29 февраля. Если Сороки „переступятъ день“ по сравненію съ прошлымъ годомъ, значить,—„годъ переступный, и ѱѣ святкі переступють черезъ день“.

Отъ Колядъ до Благовѣщенья двѣнадцать недѣль, до Юрья—шестнадцать, до Миколы—двадцать, до Купалы—двадцать шесть, и отъ Купалы до Колядъ двадцать шесть. Такимъ образомъ, Купало—24 іюня—дѣлитъ крестьянскій календарный годъ на два полугодія (до 25 декабря).

На двадцать седьмой недѣлѣ—Петра. На одиннадцатой отъ Колядъ—Сороки (9 марта) въ тотъ же день, въ какой было предъ тѣмъ Срѣтеніе (въ простой годъ).

Что касается дней празднованія постоянныхъ праздниковъ, то для опредѣленія ихъ установлено нѣсколько цикловъ.

Такъ, въ какой день недѣли бываетъ Рождество, въ тотъ же день и Новый годъ и—если простой годъ—Юрій весенній, Юрій осенній, Спасъ (6 августа), Покровъ и Казанская (22 октября).

„Стрѣченія пылнютъ днями: Петро, Ильи, Здвиганья, весенній Микола, Богатой Спужи (15 августа), а черезъ двѣ недѣли послѣ—Иванъ Постный, тогда Иванъ Богусловъ, Уведенія—усѣ въ одинъ день съ Стрѣченьямъ“.

„Микола зимній днемъ позднѣй Миколы весенняго, а передъ имъ Миколинъ батька—Савва, бо сказано: „святкѣй мене и батьку мойго!“

„За три дни до Стрѣченья присвятокъ Василя да Григора. Черезъ три недѣли отъ Покрова въ субботу—дѣды „Змитровка“.

Годъ состоитъ изъ двухъ полугодій: первое отъ Колядъ до Купалы—26 недѣль, второе отъ Купалы до Колядъ—26 недѣль.

Повидимому, этимъ и объясняется всеобщее чествованіе народомъ именно этихъ праздниковъ.

Коляды.

Колядою называется Рождественскій сочельникъ, а Колядами въ собственномъ смыслѣ называются первые три дня праздника Рождества Христова. Но обыкновенно названіе это придается всему періоду времени отъ 25 декабря до 6 января включительно. Днемъ въ неспражничные дни въ теченіе этого времени работаютъ, хотя избѣгаютъ починаить старое, но вечера всѣ безъ исключенія считаются и зовутся „святыми вечерами“ и работать въ нихъ считается непозволительнымъ. Въ святые вечера „грѣхъ“ и пить и пріять, не говоря уже о трудныхъ физическихъ работахъ. Въ эти дни особенно остерегаются, чтобы избѣгать несчастныхъ случаевъ съ людьми или животными.

Къ Колядамъ хозяева готовятъ заблаговременно. Еще отъ филипповскихъ заговѣвъ они начинаютъ откармливать „парсюка“ и предъ Колядами колютъ его. Если корова отелится бычкомъ, рѣжутъ и его. Такимъ образомъ, семья обезпечивается на праздники свиной, телятиной, колбасами, жирными кровянками, вкусными крупянками, саломъ-наружнымъ и нутрянымъ, окороками, потрохами и т. д. Головы и ноги вывариваются въ огромномъ чугунѣ и изъ нихъ готовится „стюденъ“—холодное, котораго хватаетъ на много дней. Щетина и телячья шкурка продаются, вмѣстѣ съ другими лишними продуктами, и на вырученные деньги покупаются обновки для всей семьи, отъ старыхъ до малыхъ. Пополняется запасъ глиняной посуды. Для украшенія передняго угла, гдѣ поставлены образа, покупается кусокъ „шпалеры“, для побѣлки печи—мѣль. Гдѣ у образовъ имѣется лампадка, запасаются на праздники деревяннымъ масломъ, а иногда и ладаномъ.

Все это дѣлается заблаговременно, такъ что въ канунъ Рождества хозяйки только моютъ полы, развѣшиваютъ чистые набожники—полотенца надъ вымытыми предъ тѣмъ образами и готовятъ ужинъ. Обѣдъ въ этотъ день не готовится, потому что „до звѣзды“ всѣ поспѣть.

Послѣ полудня всѣ моются въ банѣ и надѣваютъ чистое бѣлье.

Къ вечеру на столъ кладется сѣно и застилается чистою скатертью, на кутъ ставится на сѣнѣ горшокъ съ кутьею. Священникъ, посѣщая дома въ селѣ, „даетъ молитву“.

Предъ ужиномъ вся семья истово молится Богу, при зажженной лампадкѣ или свѣчкѣ и при куреніи ладана. Послѣ молитвы всѣ садятся за столъ.

На кутъ садится хозяинъ, возлѣ него сыновья по старшинству; по другую сторону стола хозяйка и остальные дѣти. На краю скамейки садится женщина, подающая кушанья: невестка, взрослая дочь, а если ихъ нѣтъ, то сама хозяйка.

Первое блюдо—бураки съ грибами или съ алеемъ, и съ припиркой изъ хлѣбной роціны. Вмѣсто бураковъ можетъ быть поливка съ тою же приправой. На второе чаще всего дѣлаютъ прѣсный супъ изъ картофеля съ крупой. Затѣмъ слѣдуетъ кутья, которую хозяинъ переноситъ съ кута на середину стола вмѣстѣ съ сѣномъ. Кутью ѣдятъ или съ алеемъ или съ разведеннымъ медомъ. Въ зажиточныхъ семьяхъ варятъ еще узваръ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ и сливъ, или кисель.

Послѣ ужина, который затягивается обыкновенно долго, снова всѣ молятся, затѣмъ гасятъ лампадку и ложатся спать.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ послѣ ужина вытаскиваютъ изъ подъ скатерти траву изъ сѣна. Кто вытянетъ сучковатую, негладкую, тотъ будетъ богатымъ. Тамъ же во время ужина ходятъ колядовщики и поютъ подъ окнами „святые пѣни“, а дѣвушки гадаютъ.

Назавтра встаютъ досвѣта и спѣшаютъ къ заутрени. Возвращаются домой по окончаніи литургіи. Въ мѣстечкахъ и городахъ мальчики въ это время уже успѣваютъ пойти съ поздравленіями. Грамотные, войдя въ домъ, говорятъ тропарь и кондакъ праздника и поздравляютъ съ праздникомъ, желая „стый провести и будущаго дождать“; неграмотные ограничиваются поздравленіемъ. Поздравителямъ даютъ по баранку или по мелкой монетѣ.

Послѣ обѣда взрослые отдыхаютъ, а подростки готовятъ „звѣзду“. Въ южныхъ волостяхъ Гомельскаго уѣзда мужчины „христуютъ“, то есть посѣщаютъ родныхъ и знакомыхъ и поютъ тропарь и кондакъ праздника.

Вечеромъ подростки „ходятъ со звѣздою“, молодежь же ограничивается только посѣщеніемъ знакомыхъ. Свѣдѣнія объ устройствѣ звѣзды и репертуарѣ „звѣздарей“ даны мною въ вып. V „Бѣлорус-“

скаго Сборника". Къ сказанному тамъ можно добавить, что въ настоящее время хождение со звѣздой сдѣлалось достояніемъ мальчиговъ, почему и размеры звѣзды измельчали и діаметръ ея съ лучами уже не превышаетъ аршина. Съзился и репертуаръ звѣздарей. Вслѣдствіе вѣковыхъ искаженій, вирши, сочиненные для звѣзды въ XVII в., потеряли смыслъ и отброшены. Подъ вліяніемъ школы, большинство звѣздарей ограничиваются пѣніемъ тропаря „Рождество твое, Христе Боже нашъ“ и кондака „Дѣва днесъ“. Къ нимъ присоединяется „казень“ или „рация“.

Привожу уцѣлѣвшій репертуаръ звѣздарей *д. Дубровки*, Гомельскаго уѣзда.

Послѣ тропаря и кондака:

Цвѣтъ мысленный днесъ ся ро-	— Къ рожденному идите,
[дитъ,	И мнѣ возвѣстите!
Богъ во плоти происходитъ,	И азъ поклонюся,
Его же лилія, Пречистая Марія:	Передъ царемъ смирюся,
Днесъ рождаетъ и питаетъ	Воздамъ честь обычну
Сосцы своими зѣло драгими,	Цареву предвѣчному!
Бо отъ вѣка человѣка	Ангелъ имъ вѣщае,
Возлюбилъ есть Богъ!	На путь наставляе:
	Инымъ путемъ идите,
Пастыріе тутъ приспѣли,	Ко Ироду не ходите!
Бога въ плоти увидѣли.	Волсви возвратишася,
Ангели привлекають,	У Ирода не быша,
Съ пастырями воскликають:	Вспять возвратишася,
Слава Богу, що премногу	А не очень трудишася.
Міръ посѣтити благоволившу,	Пришли въ страны своя,
Жити вольно, всѣмъ спокойно	Христа славослова,
Людямъ на землѣ!	Чая въ небѣ жити,
	Тамъ навѣки служити!

Тѣмъ къ вертепу вси тецимо,
И со лики прославимо
Рожденна, воплощенна
И во ясли положенна,
Бога въ плоти между скоты
Безславно нынѣ!

Шедше тріе цари,
Що Христа познали,
Иродъ ихъ пригласивъ,
Куда идутъ, испросивъ.
Отвѣщае ему:
Идемъ къ рожденному!

Звѣзда иде чудна
Съ востокъ на полудне,
Надъ вертепомъ сіе,
Христа царямъ являє.
Слове ты рожденный,
Отъ насъ умоленный,
Прими, Христе, человѣка
Да на вѣчные вѣки!

Давидъ въ гусли йграе,
Весело спѣвае,
На всѣ струны ударяе,

Бога прославляе.
И мы веселимся,
Христу поклонимся,
Яко царю рожденному,
Богу предвѣчному.

Пастушки съ ягняткомъ
Передъ симъ же дитяткомъ

Послѣ пѣнія этихъ стиховъ старшій звѣздаръ говоритъ:

„Поздравляемъ хозяина и хозяйку на многая лѣта!“

Хоръ поетъ многолѣтіе.

Старшій говоритъ: „Съ праздникомъ, будьте здоровы, господа!“
Хозяева благодарять.

Казень, помѣщенный въ V выпускѣ (стр. 385—386), имѣетъ нѣкоторыя дополненія. Такъ, послѣ строфы о змѣѣ:

Но ея прельстивъ тотъ змѣй,
Катѣрый ѱсихъ звѣрей умнѣй..
слѣдуетъ такое окончаніе;
Енъ ей такъ сказау: Ева!
Укуси заперщонная древа,—
Будишь сама падѣбная Богу!
Когда Адамъ сидѣу въ адѣ и га-
[вариу:
Якъ ты, Ева, саграшила у такомъ
[прекраснамъ саду
И патирала дары, —
Тагда Ева сама себе праклинала,
Кагда Авилива кроу къ Богу
[вапіяла!

Къ ней прибавляется еще вторая рѣчь:

„Какъ на нынѣшній нидѣли
Быу я у гради Вафліеми,
Видиу чуда тамъ нимала,
Какъ зимля тамъ ликавала:
Ангели зъ небесъ литѣли,
Слава вышній Богу, пѣли.

На колѣни упадаютъ,
Христа прославляютъ.

Просимъ тебе, царю,
Прими отъ насъ хвалу,
Пошли лѣта щасливыя
Сему господарю!

2. Другъ мой, я хачу а сѣмъ
[узнать!
2. Изволь мнѣ тотчасъ сказать!
1. Што да Раждиства Христова
Ни такъ были пастыри яўны,
Якъ па Раждиствѣ яго слаўны?
2. То было у древнія годы —
Затменія чилавѣчискага роду.
А ныни ѱсѣ народы працвитають,
Другъ друга съ прѣздикамъ
[праздраўляють.

И мы имѣмъ честь васъ съ
[праздикамъ прѣздравить!

Я тамъ пакланиўся,
Назатъ варатиўся
Вамъ чуда расказать.
Тамъ Христось нарадиўся,
Царъ Ирадъ сасмутиўся“.

Далѣе слѣдуетъ буквальный пересказъ евангельскаго текста о поклоненіи волхвовъ, избіеніи младенцевъ и бѣгствѣ во Египетъ. Конечно, это вліяніе школы.

Оканчивается эта рѣчь такъ:

„Разгнѣвайшии царь пагубиѹ	У неכולнамъ рови.
Нисмѣтнаи число младенцаѹ,	Наша звизда нѣвага завѣта,
Напиѹся, наѹся нивиннай крови,	А хадѣйки ѿ хадѣину на многая
Зато ѿнѣ бѹдѣтъ лизать	[лѣта.

Поется многолѣтіе.

Звѣздарей дарятъ мелкими деньгами или провизіей—блинами, саломъ, колбасой, паленицей.

Еще недавно—въ концѣ 1890-хъ годовъ, и въ Могилевской и въ Витебской губерніи существовалъ вертепъ, съ которымъ вертепщики ходили по городу Могилеву, Велижу, Суражу, мѣстечку Пропойску, селу Бычи, Быховскаго уѣзда, и окрестнымъ деревнямъ.

Извѣстны три типа вертепа. Въ Велижѣ и Суражѣ въ употребленіи былъ вертепъ, имѣющій видъ трехглавой церкви, укрѣпленной снизу къ переносной скамѣ. Стѣны церкви сдѣланы изъ тонкаго коленкора, пропитаннаго масломъ. Внутри подъ куполами подвѣшены желѣзные обручи съ укрѣпленными на нихъ фигурами дѣйствующихъ лицъ и съ подсвѣчникомъ въ центрѣ. Вертепщикъ садится позади такого вертепа, открываетъ находящіеся тамъ дверцы, зажигаетъ въ подсвѣчникахъ свѣчи и сообразно ходу дѣйствія поворачиваетъ обручи. На переднихъ стѣнкахъ вертепа получаютъ въ увеличенномъ размѣрѣ тѣневые изображенія дѣйствующихъ лицъ.

Вертепъ этого типа найденъ мною въ Велижѣ и пожертвованъ Витебскому церковному музею, гдѣ по всей вѣроятности находится и доселѣ.

Второй типъ имѣетъ видъ двухэтажнаго переноснаго шкафа, раздѣленнаго на двѣ части также и въ вертикальномъ направленіи, между передней стѣной и задней. Передняя сторона закрывается створчатою дверкою, которая во время представленія открывается. За дверкою два яруса съ открытыми сценами. Полы на сценахъ прикрыты заячьими шкурками, съ цѣлью сдѣлать незамѣтными для зрителя находящіеся въ нихъ прорѣзы, по которымъ вертепщикъ двигаетъ фигуры—куклы, укрѣпленные на проволокахъ или, за неимѣніемъ ихъ, на тонкихъ палочкахъ. Съ этою же цѣлью, сцены отгорожены отъ зрителя низкими рѣшетками.

Задняя сторона вертепа открытая и только по боковымъ сторонамъ отчасти заклеена бумагою въ видѣ ширмъ. Отсюда вертепщикъ двигаетъ изъ-подъ пола каждой сцены, сквозь прорѣзанныя въ полахъ щели, фигуры дѣйствующихъ лицъ.

Каждая сцена въ передней части представляетъ три отдѣленія: центральное, большое, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и боковыя, меньшія, для входовъ и выходовъ дѣйствующихъ лицъ.

Отдѣленія сцены верхняго яруса представляютъ пещеру—вертепъ, гдѣ Христосъ родился. Здѣсь находятся ясли, сѣно, коровы, овцы. Обстановка убогая; только надъ вертепомъ наклеены три звѣзды изъ цвѣтной бумаги. Въ пещерѣ темно, оконъ нѣтъ.

Сцена нижняго яруса свѣтлая и обставлена роскошнѣе. Въ отдѣленіи окна. Въ среднемъ отдѣленіи золоченый тронъ Ирода, подъ балдахиномъ. Это резиденція Ирода и сцена для жанровыхъ представлений.

Вертепъ этого типа имѣетъ слѣдующіе размѣры: вышина 1 арш. 14 в., ширина 1 арш. 2 в., глубина 9 в. Вышина сцены каждого яруса 10 в.

Экземпляръ такого типа десятки лѣтъ находился у Пропойскаго мѣщанина Соколова и послѣ его смерти перешелъ къ крестьянину с. Бычи Юрьеву, отъ котораго приобрѣтенъ Могилевскимъ статистическимъ комитетомъ и въ настоящее время находится въ Могилевскомъ губернскомъ музеѣ.

Третій типъ вертепа сходенъ со вторымъ, но болѣе крупныхъ размѣровъ. Онъ имѣетъ три этажа и между ними пустые промежутки, открытые сзади, для рукъ вертепщика, передвигающаго здѣсь куклы. Вышина такого вертепа достигаетъ 2½ арш., ширина 1½ арш., но глубина только 6 в.

Верхній этажъ украшенъ иконами Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Крестителя и изображеніемъ Крещенія Господня. Здѣсь же привѣшенъ колокольчикъ

Второй этажъ представляетъ пещеру, гдѣ родился Христосъ. Здѣсь находится изображеніе Рождества Христова, съ фигурами Маріи, Іосифа и Младенца въ пеленахъ; ясли, корова, оселъ.

Нижній этажъ—дворецъ Ирода.

Этотъ типъ вертепа употреблялся въ Могилевѣ. Послѣдній экземпляръ его принадлежалъ мѣщ. Кондратьеву, которымъ былъ проданъ Пылинскому; но когда новый владѣлецъ переселялся въ Смоленскъ, онъ оставилъ вертепъ въ Могилевѣ безъ надзора, и здѣсь онъ былъ разрушенъ. Погибли также и фигуры—куклы.

Какъ извѣстно, репертуаръ вертепа состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) религіознаго, имѣвшаго отношеніе къ празднику Рождества Христова; 2) пьесы „Царь Иродъ“ и 3) жанровыхъ сценъ. Къ вертепному дѣйству присоединялась и пьеса „Царь Максиміянъ“. Представленіе ея носило названіе „мушкарата“ (маскарада), потому что актеры были въ соотвѣтственныхъ костюмахъ и гримѣ.

Впослѣдствіи, съ паденіемъ вертепныхъ представлений, „Максиміянъ“ выдѣлился изъ вертепнаго дѣйства и представлялся отдѣльно. Мнѣ извѣстенъ случай, что къ „Максиміяну“ присоединялся и „Царь Иродъ“, съ вертепнымъ сюжетомъ, но съ игрою въ лицахъ (въ г. Гомелѣ и Бѣлицѣ).

Напечатать „Царя Максиміана“ въ V' вып. „Бѣлор. Сборника“, здѣсь я привожу тексты вертепнаго дѣйства, какъ оно совершалось съ каждымъ изъ вышеописанныхъ типовъ вертепа.

КЪ ВЕРТЕПУ ПЕРВАГО ТИПА.

I. Царь Иродъ

Дѣйствіе начинается въ верхнемъ ярусѣ. На сценѣ Дѣва Марія, съ Младенцемъ на рукахъ, Іосифъ, коровы и овцы.

Хоръ. Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!

Днесъ воспріемлетъ Вилеемъ

Сѣдѣщаго присно со Отцемъ;

Днесъ ангели Младенца рожденнаго

Боголѣпно славословятъ:

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ,

Въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Входятъ два пастуха, одѣтые бѣлоруссами. Они подходятъ къ Младенцу и кланяются ему.

Хоръ. Нова радость стала,

Яка не бывала,—

Надъ вертепомъ звѣзда ясна

Свѣтло возсіяла,

Гдѣ Христосъ родился,

Зъ Дѣвы воплотился,

Какъ человѣкъ, пеленами

Во яслѣхъ повисел.¹⁾

Пастушки съ агняткомъ

Предъ малымъ дитяткомъ

На колѣни упадаютъ,

Христа прославляютъ.

И мы тожъ спѣваемъ,

Христа прославляемъ,

Отъ Маріи рожденнаго

Смиренно упрощаемъ:

Просимъ Тебе, Царю,

Небесный Владарю!

Даруй лѣта счастливыя

Сему господарю—

Въ мирѣ проводить,

Тебѣ угодити,

И съ Тобою въ Царствѣ Твоемъ

Во вѣкъ вѣковъ жити.²⁾

Дѣйствіе переходитъ въ нижній ярусъ. На сценѣ стоитъ тронъ, обитый краснымъ сукномъ или золоченый, и расхаживаютъ три воина. Является Иродъ, одѣтый въ порфиру, съ короной на головѣ.

Хоръ. Днесъ Иродъ грядетъ, зѣло смущенный,

Со воины избранными,

¹⁾ Послѣ этой строфы поется иногда:

Давидъ въ гусли играя,

Весело спѣвая,

Во всѣ струны ударяя,

Христа прославляя.

По Дембовецкому, при этомъ является и Давидъ для поклоненія Христу.

Но въ моихъ запискахъ этого эпизода нѣтъ.

²⁾ Стихъ взятъ изъ „Богослужника“. См. стр. 21, изд. 3. Кіевъ, 1887.

Вилеемскія плѣнити страны,
Дабы разыскати Христа рожденна
Со волхвами окаянными.

Иродъ, воинамъ. Направо кругомъ—маршъ!

Воины уходятъ. Иродъ садится на тронъ. Выходятъ три царя.

Хоръ. Шедше тріе цари

Ко Христу Господарю.

Иродъ ихъ пригласилъ,

Куда идутъ, вопросилъ.

Отвѣщающа ему:

„Идемъ къ рожденному!“

— Къ рожденному идите

И мнѣ возвѣстите,

Да и азъ, шедъ, поклонюся.

Предъ царемъ смирюся.

Отдамъ честь обычну,

Яко царю приличну!

Дѣйствіе переходитъ въ верхній ярусъ. Въ пещерѣ Іосифъ и Марія съ младенцемъ. Идутъ три царя. Является ангель.

Хоръ. Шедше тріе цари

Ко Христу съ дарами.

Ангель имъ явился,

Гдѣ Христосъ родился,

Звѣзда ясна возсіяла,

Тремъ царямъ путь указала.

Надъ вертепомъ сіяетъ,

Христа—царя являетъ.

Отъ востока тріе цари

Принесли Христу дары.

Тріе цари путешествуютъ,

За ангеломъ послѣдуютъ,

Злато, ливанъ приношаютъ,

На колѣни припадаютъ,

Владыкѣ и Богу

Честъ даютъ многу,

Иже отъ вѣка

Человѣка

Возлюбилъ есть.

Ангель имъ вѣщаетъ,

На путь наставляетъ:

„Инымъ путемъ идите,

Ко Ироду не ходите!“

Волсви возвратишася,

И у Ирода не быша.

Пошли въ свои страны

Христа славославятъ,

Чають въ небѣ съ нимъ быти,

Ему на вѣки служити.

Во время этого пѣнія между дѣйствующими лицами происходятъ сцены и мимика, соотвѣствующія содержанию пѣсни хора. Затѣмъ по сценѣ проходитъ Іосифъ, за нимъ Богородица съ Младенцемъ ѣдетъ на ослѣ. На встрѣчу имъ является ангель.

Ангель. Какая радость здѣсь открылась! Какой восторгъ!

Я зрю предметъ! Надежда наша совершилась!

Спасъ роду человѣческому родися!

Пришелъ на землю вождѣнный Свѣтъ.

Іосифе, Іосифе, старче преславный!

Отроча и Матерь поими, во Египетъ, Іосифе, бѣжи!

И буди тамо, дондеже скончаются врази твои,

И Иродъ кончину воспріемлетъ!

Дѣйствіе переносится въ нижній ярусъ. Иродъ подходитъ къ трону.

Иродъ. Увы, нашъ тронъ царскій!

Измѣна стала слышна въ нашей державѣ!

Садится на тронъ.

Воины мои вооруженные!

Станьте предъ трономъ вашего царя!

Воины входятъ, одинъ справа, другой слѣва:

Воины. Почто, царю, воиновъ призываешь?

Или какіе указы чинить повелѣваешь?

Иродъ. Идите, черно книжника зовите,

И скоро съмо приведите!

Воины. Слышимъ ваше слово.

Направо кругомъ—маршъ!

Уходятъ. Является мудрецъ.

Иродъ, къ мудрецу. Скажи мнѣ, черно книжникъ:

Гдѣ тотъ отрокъ родился,

Иже вездѣ уже оповѣстился?

Черно книжникъ. Всесильный мой царю! Смиренно молю ти,

Не гнѣвайся, о чемъ глаголати начну ти.

Въ прекрасномъ градѣ Виодеемѣ родися,

На твердомъ сѣнѣ водворися,

Голодный, холодный, въ вертепѣ обнищенный,

Прославленный, превознесенный!

Иродъ. Иди, гадатель презрѣнный!

Азъ непобѣдимъ и великъ во славу!

Не сей-ли воспротивится моей державѣ?

Друзья—воины!

Воины являются.

Воины. Чего изволите?

Иродъ. Въ виодеемскія страны скорѣ идите,

Двухлѣтнихъ младенцевъ широко перебите!

Воины уходятъ и потомъ возвращаются.

Воины. О господине нашъ, господине!

Въ виодеемскія страны мы сходили,

Четырнадцать тысячъ младенцевъ тамъ избили;

Рахиль одна не дала свое дитя убить,

И идетъ до васъ милости просить.

Иродъ. Кто тамъ такова? Привести ее сюда!

Воины. Слышимъ ваше приказаніе! Кругомъ—маршъ!

Уходятъ и встрѣчаютъ Рахиль.

Иди, баба, до отвѣту,

Намъ до тебя дѣла нѣту!

Входитъ Рахиль съ ребенкомъ на рукахъ; одѣта бѣдною бѣлорусскою.
За ней воины, Рахиль припадаетъ къ ногамъ Ирода.

Рахиль. О пресвѣтлѣйшій мой царю,

О всесильнѣйшій государю!

Помилуй, помилуй чада моего—утробу,

Не предай меня живую до гробу!

Иродъ. Баба, иди прочь! А если вступишься,

То и тебѣ будетъ то, что и твоему дитяти!

Воины! се дитя хватайте,

Безъ милости его держайте!

Воины убиваютъ ребенка и уносятъ трупъ со сцены. Рахиль въ отчаяніи бѣгаетъ по сценѣ и рыдаетъ.

Рахиль. О, какая лютая болѣзнь

Сердце матери пронзаетъ,

Егда свирѣпый воинъ

Невинно чадо отымаешь!

Хоръ. Не плачь, Рахиль, и не

[рыдай,

По чадѣ и сынѣ;

Не умираютъ, но процвѣтаютъ,

Что невинно погибаютъ

За Христа и Бога.

Вольными крыльями

Вольно во святыню

Ко Христу и Богу отлетаютъ.

Не имѣй же причины, причины,

Не имѣй же шкоды,

Видя, яко воду, кровь изливаютъ,

Людей убиваютъ, убиваютъ.

Твой бо пернатый

Въ небо на судъ взятый,

Судъ пріемши,

Пѣсни побѣдныя, пѣсни поетъ.

Иродъ же пойдетъ ко аду,

Къ Люциперу на порадѣ.

Мы тому веселимся,

Христу—царю поклонимся!

Богу—царю слава отъ всѣхъ насъ!

Насъ же избави

Отъ сѣти ловащихъ

Отъ губы губящихъ, губящихъ!

Рахиль. Иродъ ты проклятый!

Пойдешь ты ажъ до аду

Къ Люциперу на порадѣ!

Въ огнѣ тебѣ горѣть,

Въ смолѣ тебѣ кипѣть!

Иродъ. О воинъ мой, воинъ!

Прогони эту бабу!

Воинъ. Пошла, баба, прочь!

Вытаскиваетъ Рахиль. Иродъ встаетъ съ трона.

Иродъ. Увы, тронъ нашей царской славы!

Стала слышна измѣна въ нашей державѣ!

Столько лѣтъ сидѣлъ я на семъ царскомъ тронѣ,

Нынѣ же буду въ подземельномъ домѣ!

Является черно книжникъ мудрецъ.

Черно книжникъ. Превеликій монарше! Изволь приказати

Воинамъ вооруженнымъ тронъ оберегати,

Смерть бо грядетъ къ тебѣ вся бѣла,

Косу посяща, дерзновенна, смѣла!

Иродъ. Прочь, гадатель презрѣнный!

Друзья—воины!

Воины. Господинъ нашъ! почто ты воиновъ призываешь,

Или какіе указы чинить повелѣваешь?

Иродъ. Воины! за что вы присягали—
 Чтобъ мои палаты нерушими бывали!
 Вы при порогѣ станьте,
 Неусыпно меня остерегайте,
 Смерть грядущую ко мнѣ не допускайте:
 Егда грядетъ, воюйте съ нею, сколько можете!
Воины. Слушаемъ ваше приказаніе!

Воины становятся у дверей. На сцену вбѣгаетъ ксендзъ.

Ксендзъ. О пшенже, о пшенже, о бембусъ, протобембусъ! Свента панна Марей! О Ироде, окрутишку, ослушнику, спокайся! За твое велькія злости придуть заразь дзябли и вѣзмутъ твою душу съ косяю, отъ таковаго пана неспляхетнѣго, на вѣки вѣкомъ, амень!

Иродъ. Друзья—воины!

Прогоните етого шалыгана до костѣла!

Какое ему здѣсь дѣло?

Воины прогоняютъ ксендза. Врывается, покашливая, смерть, въ видѣ скелета съ косою въ рукахъ. Воины разбѣгаются.

<i>Смерть.</i> О ты, Ироде несытый,	Я, васпане, всему свѣту монархія,
О ты, Ироде проклятый,	Всѣхъ царей главнѣйшая
Что ты лаешь?	И въ бою сильнѣйшая!
Ти ты мене не знаешь,	Ну-ка, со трона поднимайся,
Что воевъ стеречь заставляешь,	Подъ косу мнѣ подставляйся—
Убить мене повелѣваешь?	Тебѣ острою косою срублю голову!

Иродъ. Ахъ, увы! бѣда! Приходить до меня чередъ!

Не вѣмъ, возмутъ меня отсюда и куда,—

Боюсь я страшнаго суда.

Но ты, смерть страшна и безобразна,

Зачѣмъ внезапно ко мнѣ пришла?

Скрыта бо твоя труба и коса,

Понеже ты ходишь суха, нага и боса,—

Я велю тебя изрубить,

Кости твои въ огнѣ сжечь,

И попель твой разместь!

Смерть. Ти не ты мое кости будешь жечь?

Ти не ты мой попель будешь мечь?

Выйди-ка, мой братецъ, мнѣ вотъ пособити,

Ирода мучителя въ бездну сировадити!

Является сатана. Смерть отрубаетъ косою голову Ироду, сама исчезаетъ. Сатана, съ хвостомъ, рогами и когтями, ¹⁾ держитъ трупъ Ирода до тѣхъ поръ, пока хоръ не кончитъ надгробную пѣснь.

<i>Хоръ.</i> Человѣче бѣдный,	Тѣмже не гордися,
Вспомни часъ послѣдній,—	Не превозноси

¹⁾ Фигура сатаны отъ Бычанскаго вертепа въ 1898 г. сожжена по приговору мирового судьи 7 уч. могилевскаго округа.

Въ семь свѣтѣ.
 Въ прелестномъ семь свѣтѣ
 Смерть держать въ примѣтѣ
 Всякаго.

Не уступитъ монархамъ,
 А ни патриархамъ—

Никому.
 Изъ келій монаховъ
 И дворянъ безъ страху
 Беретъ смерть.

Купцы бы сложились
 Отъ смерти откупились,
 Отдали бъ палаты
 И все свое злато—
 Не беретъ смерть!
 Человѣче бѣдный,
 Не превозноси,—
 Зря на тѣло Ирода,
 Такжеде смирися! ¹⁾

Сатана. Охо-охо-роме-хо-хо!

Друзья мои прелюбезные!

Надгробная Ироду пѣсня спѣта,

Потяну-ка я его съ этого свѣта

Въ тартарары, въ преисподнюю бездну.

Тамъ будемъ пить и гулять,

И въ карты играть!...

Оба проваливаются.

II.

Вертепное дѣйство собственно закончено. Но къ нему присоединяются и жанровыя сцены. Въ нихъ полный просторъ народному творчеству, и онѣ подверглись наибольшимъ варіаціямъ. Къ Велижскому вертепу имѣются слѣдующія сцены:

Сцена I.

На сцену выходитъ Иродіада, жена Ирода, яко-бы возвратившаяся съ похоронъ мужа. Къ ней подходитъ старикъ Григорій съ большимъ мѣшкомъ.

Старикъ. Здравствуй, Иродіадочка, красотка!

Иродіада. Здравствуй, Гришенька, дружокъ!

Старикъ. Коли любишь Гришеньку дружка,

Тигай ²⁾ гостинчики зъ мѣшка!

Иродіада. Спасибо, мой дружокъ!

Сядь же ближе, куманекъ,—

Будь мнѣ прежній муженекъ!

Старикъ садится рядомъ съ Иродіадой. Входитъ молодой человѣкъ щегольски-одѣтый.

Щеголь. Не стыдно-ли такой красоткѣ

Съ старымъ этакимъ возиться?!

Иродіада. Хоть Гриша старъ и съ бородой,

Да носить все гостинчики съ собой;

¹⁾ Стихъ вошелъ во всеобщее употребленіе и сдѣлался народнымъ «надгробнымъ», съ исключеніемъ двухъ послѣднихъ строкъ

²⁾ Тягай, таскай.

А ты и въ синемъ хоть кафтанъ,
 Да пѣсь у тебѣ въ карманъ!
Шеголь, къ публикѣ: Любезна публика! смотрите,—
 Какъ она меня срамитъ,—
 Все этотъ хрычъ ее учить.
 Постой ты, старая скотина!
 Ужъ въ тѣсномъ закоулкѣ я тебя поймаю,
 Всѣ ребра я тебѣ переломая!
Старикъ. Ахъ, ты сапожникъ, ты чурбанъ!
 Да я и самъ вѣдь сдачи дамъ.
 Старикъ прогоняетъ франта.
Продиада. Полно людей намъ утруждать!
 Нельзя ли, Гриша, намъ потанцовать!
 Музыка играетъ „чижика“. Фигуры танцуютъ польку.

Сцена II.

На сцену выѣзжаютъ два наѣздника: Поръ Индѣйскій и Александръ Македонскій.

Суфлеръ. Выѣзжаютъ Александръ Македонскій
 И Поръ Индѣйскій.

Тамъ между собою сотворятъ брань!

Александръ Македонскій. Поръ! что ты это захотѣлъ:
 Штобъ отъ моего удара съ лошади слетѣлъ?

Поръ Индѣйскій. Нешто я тебе испугался?

Откуда ты этакій франтъ взялся?

Слѣдуетъ поединокъ. Поръ падаетъ съ лошади; Александръ уѣзжаетъ.

Хоръ. Хвала, хвала тебѣ, герою
 Што градъ—Антонъ спасенъ тобою!
 Вѣнцы лавровы вьются
 Надъ храброю твоей главой! ¹⁾

На мѣсто поединка бѣжитъ жена Пора, заливаясь слезами.

Суфлеръ. Узнала царица, Порова жена, и услышала,
 Слезно плакала и рыдала,
 Со слугами своими прибѣжала,
 Взяти тѣло Пора приказала.

Жена Пора. О пане, мой пане, По разу въ день кормивъ,
 Коханный мой пане! По два раза въ день бивъ;
 Не нажить менѣ таковаго пана! Потащу-жъ тебе, дражайшій,
 Ты-жъ мене любивъ, До ямы глубочайшей!
 Ты-же мене шановавъ:

Слѣдуетъ погребеніе Пора. На поединкѣ Ал. Македонскій былъ на своей лошади, а Поръ на взятой напрокатъ у цыгана. ²⁾

¹⁾ Изъ пьесы «Царь Максиміянъ». См. Вѣлор. Сборникъ, вып. V, 286.

²⁾ Въ Пропойскѣ эта сцена замѣняется сценою сраженія казака съ туркомъ.

Сцена III.

На мѣсто поединка прибѣгаетъ цыганъ и ищетъ своей кобылы.

Цыганъ. О—му! Чачинька—чачинька,
 Гдѣ-жъ ты дѣлась, моя клячинька?
 Ходи сюды, кобыла! А кобыла!

Лошадь стремглавъ бѣжитъ прямо на хозяина; цыганъ отъ испуга падаетъ въ обморокъ. Приходить его жена.

Цыганка. Сенька, а Сенька!

Цыганъ. Чаго ты, моя жонка?

Цыганка. Што за лихо ето табѣ стало:
 Ти отъ крупъ, ти отъ сала?

Цыганъ. Ни отъ крупъ, ни отъ сала,—
 Мене кобыла растоптала!

А ты гдѣ, жонка, пропадала?

Цыганка. О—му, радуйся, Семень-Гаврилка,—
 Приѣхала къ табѣ Кулина зъ рынку!

Я ходила ворожить и просить капусты,
 Штобъ не были цыганскіе животы наши пусты!

Цыганъ бьетъ цыганку.

Цыганъ. Ахъ, ты шельма, ахъ, ты злодѣйка!
 А ти украла жъ ты мнѣ курѣнка и поросѣнка?

Цыганка. Украла, мой цыганочекъ,
 Украла курѣнка и поросѣнка!

Цыганъ. Вотъ, коли-бъ ты мнѣ ето впередъ сказала,—
 Я бъ тебе не бивъ и не наказывавъ.

Поцалуемся съ тобою,

Бѣлая моя, какъ головешка!

Кому гадка, а намъ съ тобой сладко!

Цыганка. Сенька! досить табѣ мене цаловать,
 Ти не хочешь лѣпше поскакать?

Начинаются танцы подъ пѣсню: „Я цыганка молодая“. Входитъ казакъ и бьетъ цыгана.

Казакъ. Полно, цыганъ, гулять—
 Пора коней мѣнять!

Цыганъ. А за што ты мене бивъ,
 Я бъ табѣ хорошаго коня добывъ!

Казакъ. Я краденыхъ коней не принимаю,
 А тебе, цыгана, въ шею толкаю!

Бьетъ его и оба уходятъ.

Сцена IV.

Входит толстый жидъ съ боченкомъ водки и поетъ еврейскій маршъ.

Жидъ. Ой! коли зъ ба на менѣ
Цорный годъ нехай напавъ,
Ей-ей, нехай напавъ,
Коли бъ мене казацъишка
На семъ мѣстѣ не заставъ!
Татухи-мамухи,
Бсели-Мбсели,
Гуцъ-гуцъ!

(Къ публикѣ):

Здрастуйте вамъ, гашпада!
Я присовъ и къ вамъ сюда,—
Я цувъ—у васъ кирмасъ,
А горблыцки немає.
Я знавъ узѣ васа горе
И тасцывъ горблыцки поболѣ.
А у мене сабасовая и десовая,

Съ мельницы, съ подъ кола,
Гдѣ крутить и мѣтитъ,
И пѣной бѣетъ, и назадъ волокетъ.
Такъ ина и того будетъ бить,
Хто еѣ будетъ пить.
Алѣ, хто хѣцъиць еѣ пить,
Треба грѣсыки платитъ!
А гдѣ ето моя Сорка?
Гашпада, позвольте мнѣ
Погукать моя Сора!

О клейнце Сора,
О клейнце Сора!

(Идетъ Сора).

Ходи скоро,
Будемъ гулять уцора!
Казакъ придетъ, нѣсто бѣдетъ!

Сорка. Гутъ-моргенъ, мой Абрумцыкъ!

Жидъ. Гутъ-моргенъ, моя Сороцка!

А гдѣ ты, Сорка, пропадала?

Сорка. На рынки кабацокъ продавала!

А сто ето я тебе такъ довго не видала?

Идѣ ты бувъ, Хаимъ?

Жидъ. Ай, я бувъ у Полоцку, Велизу,

Увъ Невелю, Дорогобузу,

И въ Склови, и въ Мугулѣви,

У Старомъ Бихови и въ Орсы,

Игдѣ самъ цортъ не ходивъ!

И сто я видивъ, уй, гевалтъ!

Жидовка. Ай, Хаимъ, иди попроси музыкантовъ,

Хай зайграють!

Музыканты играютъ, жидъ съ жидовкой танцуютъ.

Жидъ. Ой, Сорка! полно намъ гулять,
У мене будутъ тутъ горблку брать.
Завтра сабасъ, на грѣсый табѣ треску,
Ззарь мнѣ рыбки немнозка.
А только ходи—я тебе проведу.
А то тутъ ѣсть хандѣги,—
Ены тебѣ схандѣзуть.

Жидовка уходитъ.

Жидъ. Ой, гашпада! Якъ вѣхали ми изъ Дорогобуза,
А кобилка наса била недуза,
Обозъ на обозѣ, возъ на возѣ,—
Одна кобила въ возѣ и тая не везѣ.
Да якъ узѣвѣхали ми на мостъ,
Кобилка наса гопъ подъ мостъ!
А ми еѣ цѣпъ за хвостъ!
Нѣтъ, говоримъ, ты не уйдѣсь!...
Стали ми думать и гадать,
Сто намъ съ кобилки работать?
Ми взяли струнки на ладунки,
Зъ реберъ кареты, а зъ ногъ пушолеты,
А съ хвостовъ ситцы.
Стали ми кобилку випрягать,
Катоцки и оглобли ми ломать,
Да якъ разлозили ми огнища,
Азъ пидъ самѣй небесища;
А тутъ якразъ казацѣща изъ лѣсища
И страснаго дубовѣща на плечища!
Якъ ударивъ зыда подъ носъ, дакъ ѣнъ носомъ затросѣ!
Уй, гевалтъ!...

Казакъ. Ахъ, ты нехрысь, ты пархатый!

Чаго ты такъ орѣшь!

Ти ня водку тутъ безъ патента продаѣшь?

Жидъ. Тиха, тиха, панъ Станевскій!

Я не водку, а воцетъ!

Казакъ. Врѣшь, пархъ! Давай питимо!

Жидъ. Питимо, питимо—а хто будетъ грѣсы платитъ?

Казакъ. А вотъ ета довбня табѣ заплаћитъ!

Жидъ. На, пи, только менѣ не би!

Казакъ. Давай, ракалия, попробуемъ.

Жидъ угощаетъ казака водкой, казакъ шатается, наконецъ ложится.

Казакъ. Абрамъ! много ты за водку грѣшей накопилъ?

Жидъ. Я столько на корцма могъ грѣсый накопить,
Сто у цѣра могу тебѣ купить!

Казакъ встаетъ.

Казакъ. Ахъ ты, нехрысь ты бродяжный!

Думаешь, што я у цѣра продажный?

Начинаетъ колотить жида.

Жидъ. Тисы, панъ Станевскій,— Худинькѣй, ни зѣрнинькѣй!
Я табѣ пѣсеню запѣю: Хуть ви менѣ бѣтя,
Я зидоцѣкъ смиринькѣй, Хуть ви менѣ рѣзтя,

Хуть ви мене зівенького
Отразу изъѣзтя!
Али моя дусѣ,

Якъ цырвоньцыкъ, хоросѣ!
Теперь, моспане Станевскій,
Дай миѣ трохи гросый!

Казакъ подѣ пѣсню жидѣ заснулъ; жидъ вынимаетъ у него изъ кармана мѣдныя деньги.

Жидъ. Во, вразый сынъ!
Пузбго добраго напився и повалился!
Я тебѣ теперѣ дамъ!

Бьетъ казака.

Дай-ка зѣ я тебе боцонкомъ,
Да бокомъ, да за цубъ подрать!
Знай, знай!

Бьетъ и уходитъ. Казакъ спитъ.

Сцена V.

Казакъ. Здравія желаю, господа!
Я къ вамъ шествую сюда!
Знаете, кто я такой:
Я казакъ—неборакъ со степи—
[поля;
Вотъ здѣсь казакова роскошь и
[воля.

А у казака дурака
Жинки нема,
Одна душа въ тѣлѣ,
Виши всю голову объѣли!
Садится на Иродовъ тронъ.
Сяду я на Иродову козюльку,
Да покурю табаку люльку,
Ти не убачу я себѣ зезюльку.

Хоръ. Посѣю лебеду на берегу,
Свою крупную рассадушку, и проч.—всю пѣсню. Идетъ казачка.

Казакъ. Гдѣ ты, вражья дочь, пребывала?

Казачка. Казаченька, гарный человекъ:
На рыночку табачекъ продавала.

Казакъ. На сколько ты продала?

Казачка. Казаченька: на рубль продала,
А на два пропила.

Казакъ. А! ты не пильновала табаку,—
А пильновала кабаку,
Поди, найми музыку!

Музыка играетъ, они пляшутъ „казачка“.

Казакъ. Полно гулять, пора табакъ продавать!
Уходятъ.

Сцена VI.

Купецъ. Здравствуйте вамъ, господа!
Знаете ли вы меня, кто я таковъ?
Я купецъ славный изъ слободушки Карманной.

Знаете, господа, чѣмъ я въ прежнее время занимался?
Я продавалъ перстенѣчки, бруліянчики,
Табашные рожки и манерочки;
По улицамъ носилъ лучину,
А по краснымъ дѣвушкамъ печаль да кручину.
Пока я этимъ товаромъ торговалъ,
Всегда я сытъ пребывалъ.
Однажды со мною случилось великое несчастье:
Великолуцкій купецъ мою руку
Въ своемъ карманѣ захватилъ,
И такъ онъ меня щедро наградилъ —
Всѣ бока и ребра отколотилъ:
Пастухъ трубой, музыкантъ дудой,
Старыя бабы плохимъ горшкомъ,
А маленькіе ребятишки расковыряли весь носъ рожкомъ.
А вы же меня не промѣняйте на птицу,
А позвольте приискать красную дѣвицу!

Идетъ барышня.

Барышня. Здравствуй, гаѣръ мой любезный!
Я къ тебѣ приходъ полезный;
Я къ тебѣ пришла и гулять съ вамъ пошла.
Танцуютъ польку и уходятъ.

Сцена VII.

Докторъ. Здравствуйте вамъ, господа! Знаете ли вы меня?
Я лѣкаръ, главный аптекаръ,
Умѣю лѣчить, кровь мечить, корпію вставлять.
Живыхъ людей на тотъ свѣтъ отправлять:
Ко миѣ ведутъ на ногахъ, а отъ меня везутъ на саняхъ.
Не болятъ-ли у васъ, господа, у кого ли зубы?

Идетъ барыня.

Барыня. Ахъ, докторъ! я слыхала, что вы лѣкаръ.
Я даже больна и похудала, на миѣ сорочка поужѣла:
Было двѣ складки, а то стало въ натяжку гладко.
Докторъ. Сударыня! вамъ нужно шалфею,
И дать разъ пять по шеѣ.
Тогда будете здоровы!

Барыня. Ахъ, господинъ,—еще болитъ голова!

Докторъ. Сударыня! обрить вамъ ее догола,
Парнымъ молокомъ привязать,
И полѣномъ по головѣ ударять!
Вашъ головъ будетъ здоровъ.

Барыня. Господинъ, еще болятъ зубы!

Докторъ. Сударыня! обрѣзать вамъ носъ и губы,
Не перепустить крови нилишку,
Дать вамъ въ ротъ еловую шишку.
Вашъ зубъ будетъ очень здоровъ.
Барыня. Ахъ, господа: даже отъ словъ его полегчѣло!
Пойду, найму музыку!

Танцуютъ польку и уходятъ.

Сцена VIII.

Волжскій дворянинъ. Здравствуйте вамъ, господа!
Знаете вы меня, кто я таковъ?
Я ни генералъ, ни полковникъ,
А съ сего свѣту покойникъ,
Гарнадеръ россійскій,—
Отдаю вамъ, господа, поклонъ низкій!
Вотъ теперь я вамъ расскажу, кто я:
Я изъ-за Волги дворянинъ,
Жилъ нѣкогда наодинокъ одинъ,
Имѣлъ я у себя крестьянъ сорокъ дворовъ,
Все плутовъ, да мошенниковъ и воровъ,
А именно: четыре двора прикащиковъ, два пустыхъ,
А въ двухъ совсѣмъ не живутъ.
Однажды я старосту послалъ къ нимъ за оброкомъ,
Они ему оброку не отдали, а всѣ бока и ребра отломали.
Остается одинъ слуга Ванька Малой.
Не позвать ли его сюда? Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Подай водки алой!
Ванька. Да гдѣ же ее взять?
Баринъ. Да въ поставѣ?
Ванька. Да чертъ ее тамъ поставитъ!
Баринъ. Да иди, посмотри въ другомъ.
Ванька. Да я всѣ четыре обошелъ кругомъ!
Баринъ. Прекрасно, Ванька!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Хорошо ли наши мужики живутъ?
Ванька. Хорошо, баринъ, какъ хорошо:
Въ восьми дворахъ одинъ топоръ!
Баринъ. Дуракъ! что же они имъ дѣлаютъ?
Ванька. До обѣда дрова рубятъ,
А послѣ обѣда одинъ одному головы рубятъ.

Туловище да голова—стало два.
Было сто, а теперь народу въ вашей вотчинѣ двѣсти!
Уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Хорошъ ли въ нашихъ мужичкахъ урожай?
Ванька. Хорошъ, баринъ!
Баринъ. Какъ-же хорошъ?
Ванька. Колосъ отъ колоса—не слышать человѣческаго голоса.
Снопъ отъ снопа, столбовая верста.
Копя отъ копы, день ѣзды.
Баринъ. Прекрасно, Ванька!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Сколько мы ржи намолотили?
Ванька. Сорокъ четвертей за спиной!
Баринъ. Какъ, какъ?
Ванька. Сорокъ четвертей съ осминой?
Баринъ. Прекрасно!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ къ публикѣ.
Баринъ. Вотъ, господа: не купить ли кто у меня ржи?
А то у меня очень много! Сходно отдаю!
Ванька Малой!
Ванька. Чего, сударь мой?
Баринъ. Что ты побѣжалъ,
И мнѣ приходъ и расходъ не показалъ?
Ванька. Вамъ, баринъ, приходъ и расходъ извѣстенъ!
Баринъ. Какъ же?

<i>Ванька.</i> Мерину сипатому	Уткамъ сѣрымъ
Да вашему батюшкѣ горбатому	Да дѣвушкамъ сѣннымъ
Десять четвертей;	Десять четвертей;
Сукъ полевой	И намъ дворовымъ людямъ
И вашей женѣ молодой	Съ прикащиками
На хоявы	Десять четвертей.
Десять четвертей;	Одна осьмина остается, баринъ.

Баринъ. Вотъ, господа: хотѣлъ было продать ржи,
А только наоборотъ! Ванька Малой!
Ванька. Чего, баринъ мой?
Баринъ. Куда же ты осьмину подѣвалъ?

Ванька. Баринъ! Не захотѣлъ закрома занимать,

Взялъ, сростилъ да и пивца наварилъ.

Баринъ. Вотъ хорошо! А хорошо наше пиво?

Ванька. Хорошо!

Баринъ. Какъ хорошо?

Ванька. А такъ: если вашему здоровью наще стаканъ поднести

И полѣномъ по головѣ оплести—

Нехотя съ ногъ свалитесь.

Баринъ. Прекрасно!

Ванька уходитъ.

Баринъ. Ванька Малой!

Ванька. Чего, баринъ мой?

Баринъ. Всѣ ли наши лошади двѣсти?

Ванька. А обѣ, баринъ, вмѣстѣ!

Баринъ. Какъ это происходило?

Ванька. Стѣпная хромую задавила.

Баринъ. Какъ такъ случилось?

Ванька. Стѣпная повалилась,

А хромая нашла на ее и задавила.

Баринъ. Вотъ, господа, несчастье какое:

Лошадей двѣсти и обѣ легли вмѣстѣ!

Ванька Малой!

Ванька. Чего, баринъ мой?

Баринъ. Поилъ ли ты конька воронька!

Ванька. Поилъ, баринъ!

Баринъ. Что у него морда суха?

Ванька. Пролубъ очень высока!

Баринъ. Дуракъ! ты жъ бы пролубъ подрубилъ.

Ванька. А я ему всѣ четыре ноги отрубилъ!

Баринъ. Дуракъ! Что же ты сдѣлалъ?

И на комъ мы будемъ ѣздить?

Ванька. Баринъ день на мнѣ,

А два дня я на барину!

Ванька садится барину на плечи сзади и кричитъ: Баринъ, пошолъ! А баринъ кричитъ: Ванька, шалишь,—подтяжки порвешь! И уѣзжаютъ *).

Сцена IX.

Баба деревенская. Ху ти мнѣ!

Здраствуйте вамъ, господа! Вотъ же уморилась!

Што сильно учора была выпивши,

А сегодня голова болитъ!

*) Діалогъ этотъ имѣетъ множество варіантовъ.

Я баба шепелуха, родилася на самого Духа,

По рынку ходила, какъ молодая молодуха.

Ой, кто это лежить? Какой больной или чумной?

Онъ горѣлки опился или змѣя укусила, —

Вб и похмелье будетъ!

Баба ворожить и плюетъ.

Семь зимъ зимовало и миновало,

Справили мнѣ, надѣли шибцы, хлибцы,

Шиповалы, коновалы, цудники, шляпники,

Откоснись, отколупись, отъ хребетной кости,

Отъ завыйной части, кости, врости! Плюнь, дуны!

Устанъ, мой казаче, гарный человекъ!

Баба подымаетъ казака, лежавшаго отъ сцены IV.

Казакъ. Ахъ, бабка! если бы ты тутъ не случилась,

Ко мнѣ бъ злая смерть приключилась.

Музыка! заиграй намъ съ бабкой!

Танцуютъ.

Бабка. Охъ, казаче: не при моихъ лѣтахъ уже гулять,

Лучше ты мнѣ заплати,

Хоть рублинку, или полтинку, или гривенку!

Казакъ. Баба! вишь, служивому дается три денюжки на день,

Куда хочешь, туда и дѣнь.

А подставь-ка свой горбъ!

Бьетъ бабу по горбу.

Вотъ тебѣ рублинка, и полтинка, и гривенка!

Сцена X.

Мужикъ. Здраствуйте вамъ, господа! Знаете вы меня, кто я?

Я мужикъ Лобось, пришелъ къ вашему здоровью,

Нѣтъ ли рубить дровъ?

Я мужикъ хорошій, на мнѣ жупанъ короткій,

Я кіемъ подпоясаяся, а лыкомъ подпиризался,

И къ вамъ сюда попался.

А теперь вамъ расскажу:

Какъ жили наши предки и дѣды,

Не видѣли ни горя, ни бѣды;

А какъ пришлось жить внукамъ,

Досталось много горя и муки.

На се лѣто распротѣвался на насъ Богъ,—

Не уродился у насъ горохъ,

А за наши подобныя рѣчи

Отбилъ въ полѣ Богъ всѣ ячменя и гречи.

Думать да гадать, что тутъ работать?
Мы взяли сумки и кошель на плечи,
И пошли съ голыми мѣшками ходить,
По пустымъ деревнямъ стали мякины просить,
Чтобъ въ сумкахъ было легче носить.
Просимъ солоду на брагу, овса на кисель,
Бѣлой яровой пшеницы на круглые пироги.
Много мы хлѣба накопили
И сухарей мы насушили.
Сухари мы продали, краснымъ дѣвкамъ лентъ накупили.
Которая дѣвка красная, той лента атласная;
Которая рябая, той лента голубая;
Которая курносая, той лента перепелѣсая.
А я хуть старъ, а за дѣвками ласъ!
Господа! давно я видѣлъ сына Максима!
Позвольте погукать его!.. Сынъ Максимъ!
Максимъ (за сценой) Огу, огу, тата!
Мужикъ. Эй, гдѣ жъ ты, сыночекъ голубокъ?
Максимъ. Тутъ, тутъ, татка!
Мужикъ. Ой, иди хотя сюда!

Максимъ входитъ.

А гдѣ ты бывъ!
Максимъ. Тутъ, татъ, тутъ, у грибахъ!
Мужикъ. Какіе тутъ грибы?
Максимъ. Моложевики, рыжики, боровики,
И съ красной головкой!
Мужикъ. Ту, дуракъ: какіе теперь грибы?
Теперь рождествѣнская коблѣда:
Была звѣзда на небѣ.
А ты лучше иди въ городъ,
Попроси у панечки: дайте пряничковъ,
А панѣчки по гривеничку!

Максимъ идетъ „въ народъ“ и просить себѣ въ лукошко.

Мужикъ. Якъ живъ я дворомъ, такъ бравъ ведромъ,
А якъ ставъ братъ гарцомъ, и понавъ у старцы.
Якъ Семенъ живъ, ни о чемъ не туживъ;
Разъ напився рынокаго квасу и повалился.
Управитель на порогъ, а я брызъ подъ порогъ!
Якъ начавъ ѣнъ валить: кому менѣй, кому больше,
А мнѣ больше всихъ! Съ тыхъ поръ я зарекся:
Пропадай ты кабачекъ, горѣлочка и крючекъ,
Съ тебя шумъ и Москва,—отвѣчай Прохорова спина.

Уходитъ.

Сцена XI.

Входитъ мужикъ, съ подвязаннымъ брюхомъ, и жалуется на боль желудка.

Мужикъ. Вотъ, мои паночки:
Бывъ я у пана на пирушки,
Да якъ налопався тамъ юшки,
Дакъ и теперь не могу сойти.
Што мнѣ Галка ни робила:
И крапиву, обваривши, клала,
И у бани мене растирала,—
А ейбогу, ничего не помогло,
Да еще и горше прилегло.
Порѣили мнѣ яблочнаго квасу,
Свѣжаго моху, чертополоху,
И яще бытцымъ нечего троху;
Усѣ его зелья надо сколотить
Да разомъ и проглотить.
Усѣ это я зробивъ,
Али хотъ бы трошку помогло,
А то еще горшъ прилегло.
Вотъ кабъ это попався хвельшарочикъ,
Да полѣчивъ бы мой животочикъ,
Отдавъ бы ему и торбу и мошонку.

Является докторъ.

Докторъ. Што у тебя болить, мужикъ?
Мужикъ. Ай, паночикъ, помоги!
Разбибливъ, чутъ ня лопну.
Докторъ. Ничего, Архипка, не робѣй!
Ложись-ка ты на брюхо!

Мужикъ ложится, докторъ бьетъ его палкой; мужикъ кричитъ „ратунку“; докторъ забираетъ торбу и кишень мужика и убѣгаетъ. Мужикъ приподымается и ругаетъ доктора.

Въ заключеніе вертепнаго представленія стрѣляютъ изъ маленькой пушки. Въ Бычанскомъ вертепѣ она сдѣлана изъ дула стараго пистолета.

Г. Суражъ, Витеб. губ.

Первоначально было напечатано
мною въ Могил. Губ. Вѣд. 1898 г.
моей редакціи.

КЪ ВЕРТЕПУ ВТОРОГО ТИПА.

I. Отдѣлъ религиозный и Иродъ.

СЦЕНА I.

По открытіи вертепа, пономарь зажигаетъ въ немъ свѣчи. Пѣвцы поютъ тропарь: „Рождество твое, Христе, Боже нашъ“ а потомъ вирши изъ Богогласника:

Искони бысть тако	Идѣ же Христось рождѣнный,
Веселіе днесъ, яко	Яко Богъ положѣнный.
Земля вся согласно ликуеть,	Является ангель.
Церкви оферуетъ,	Ангель со свѣщю
Бога на земли показуетъ,	Да свѣтитъ тобою,
Отверзи днесъ врата	Божій Свѣтильникъ,
Церковныя всѣ злата,	Неугасимый и т. д.
Алтарь Богу предоставленый,	

СЦЕНА II.

Сцена вторая изображаетъ фигурами изгнаніе Адама и Евы изъ рая.

<i>Хоръ поетъ.</i> Вопль бысть пре- [звѣстный]	Листвіемъ прикрылся, Не являше вида.
Въ предрайстѣй странѣ:	„Ой жено, жено, —
Плакался Адамъ и Ева,	Что мнѣ наробила?
Изъ раю изгнанный.	Ты меня властнаго
Господь же, пришедъ,	Изъ раю удалила!
Адама глашаетъ:	Ой раю, мой раю,
„Гдѣ еси, Адаме?“	Сличная краина,
Къ себѣ призываетъ.	Ой, раю мой красный...
Адамъ же скрылся	Гдѣ наша родина?“
Отъ нагаго стыда,	

СЦЕНА III.

Рожденіе Христа. Въ верхнемъ ярусѣ пещера и ясли; въ нихъ повитый Младенецъ.

<i>Пастухи.</i> Нова радость стала,	Просимъ тебе, царю,
Какъ на небѣ хвала,	Небесной офыры:
Надъ вертепомъ звѣзда ясна	Даруй лѣто счастливое,
Свѣту возсіяла.	Сему господарю.
Предъ тѣмъ веселимся,	Пастушкѣ съ ягняткомъ
Христу поклонимся,	Передъ симъ же дитяткомъ
Яко царю рожденному,	На колѣни упали,
Богу предвѣчному.	Главѣ всѣ склоняли.

СЦЕНА IV.

Приходятъ на поклоненіе три волхва.

<i>Хоръ.</i> Шедше тріе царіе	Волхвы приходятъ къ Христу и
Ко Христу Государю.	[кланяются.
Является Иродъ.	<i>Хоръ.</i> Небеса купно съ ангелы
Иродъ ихъ пригласилъ,	[ликуйте,
Идѣ же идуть, ихъ спросилъ:	Тріе цари дары оферуйте!
„Царіе Персидстїи —	Днесъ рождѣнный,
Куда вы идете?“	Въ ясли положѣнный,
Отвѣщаа ему:	Между скоти,
— Идемъ къ рождѣнному,	Зрится въ плоти.
Во ясли положѣнному	Намъ пророкъ вѣщае:
Дары принести!	Родила Дѣва спасеніе наше.
— „Идите и мнѣ возвѣстите:	Что отроба безъ порока
И азъ поклонюся Ему“.	Родила Дѣва Марія въ Виоліемѣ

Волхвы удаляются обратно. Къ нимъ является ангель:

<i>Ангель.</i> Царіе Персидстїи,	Идти направо приказалъ.
Куда идете?	Къ Іосифу является ангель.
Не Ироду ли	<i>Хоръ.</i> Иродъ хочетъ отроковъ
Вѣсть несете?	[избити,
Къ Ироду не идите,	Ангель принде мужу возвѣстити,
Бо Иродъ говорилъ лукаво,	Чтобъ Іосифъ въ Египтѣ
Идите же направо!	Отъ Ирода скрылся,
<i>Волхвы.</i> Благодаримъ ангела,	Вмѣстѣ тамо съ Младенцемъ на-
[архангела,	[ходилъ.
Что намъ путь указалъ,	

СЦЕНА V.

Иродъ сидитъ на тронѣ и зоветъ воиновъ.

Являются воины.	Восплачете, чади,
<i>Иродъ.</i> Вои мои, идите	Ирода ради —
Сего младенца убійте!	Время наступаетъ,
Воины уходятъ.	Дѣтей убиваютъ!“
<i>Хоръ.</i> Иродъ славы добываетъ,	<i>Хоръ.</i> Не рыдай по чадахъ,
Всѣхъ младенцевъ убиваетъ!	Вознесетъ во адахъ
Является Рахиль и плачетъ.	Богъ вѣнецъ преславныхъ
<i>Рахиль.</i> Крикнула мати	Отъ Христа мнѣ данныхъ,
По свѣмъ дитяти:	Мученикамъ слава,
„Ахъ убиваютъ,	Честь и держава
Меня несчастной оставляютъ.	На вѣчныя вѣки!
Иродъ послѣ избіенія младенцевъ сидитъ на тронѣ.	

СЦЕНА VI.

Является смерть.

Смерть. Азъ есмь монархїня,
Всего свѣта Господыня,
На всякомъ мѣстѣ пребываю,
Всѣхъ къ себѣ я призываю.
Цари и князи всѣ подѣ властію
[моёю,
Всѣхъ я вырѣжу косою своею.
Полно тебѣ, Иродѣ, царствовать
[въ свѣтѣ,
Пора тебѣ давно сидѣть въ ад-
[ской клѣтѣ!

Иродѣ. Не хочу я умирати,
Хочу еще царствовать.
Не хочу по аду шляться,
Буду съ смертію воеваться!
Вои мои, станьте у порогу,
Буду ловить смерть, какъ могу!
Смерть. О, Иродѣ проклятый!
Не хочетъ поддаться,
Хочетъ со мной воеваться.
Какъ крикну я старшаго брата
[изъ ада,

Будешъ ты знати,
Какъ чадѣ убивати!
Брате, Аде!

Является дьяволъ.

Дьяволъ. Что, Иродѣ проклятый,
Споришь съ моею сестрою?
Сестра, ударь его
Своею косою!
Какъ свалится его глава,
Намъ будетъ честь и слава!

Смерть срубаетъ голову
и говорить:

Вотъ вамъ трупъ и глава,
А мнѣ честь и слава!

Дьяволъ хватаетъ трупъ и
уносить.

Хоръ. Чертъ же показалъ пе-
[кельныя штуки,
Взялъ грѣшнаго человѣка въ
[свои руки.

Бѣжитъ во адъ, присѣдая.
Вотъ суета мірекая!

СЦЕНА VII.

Возвращается изъ Египта Святое Семейство.

Хоръ. Ангелъ во снѣ предвѣ-
[щаетъ,
Дѣву назадъ возвращаетъ
Съ Младенцемъ, съ Младенцемъ!
Мы васъ поздравляемъ,
Долго жить желаемъ:

Весело живите
И насъ наградите!
Мы же пойдемъ въ дорогу,
Приносить честь и хвалу
Христу Богу!

Такимъ образомъ, библейская часть вертепнаго дѣйства, послѣ смерти владѣльца вертепа, скомкана. Что же касается бытовой части, то въ устахъ новаго владѣльца она не только сокращена, но и совершенно искажена. Состоитъ она всего изъ шести сценъ и притомъ нѣмыхъ, кромѣ четвертой. Являющіеся персонажи молча танцуютъ и

удаляются. Мало этого: вертепщикъ, не умѣвшій заучить текстовъ этой части, заставляетъ свои фигуры танцевать подѣ пѣніе религиозныхъ виршей или искусственной пѣсни позднѣйшаго періода, благодаря тому только, что ее можно пѣть на мотивъ „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни...“

Излагаю содержаніе этой части.

Сцена первая. Являются двѣ паненки и танцуютъ польку, а хоръ поетъ искаженную виршу:

Небеса купно съ ангелы ликуютъ,
Тріе цари дары offerуютъ... и т. д.

Сцена вторая. Входитъ цыганъ. Увидя его, паненки въ испугѣ убѣгаютъ. Цыганъ пляшетъ русскую, казачка, а хоръ поетъ ускореннымъ темпомъ виршу:

Скинїя всезлатая, ковчегъ завѣта,
Во пещерѣ днесъ Марїа Сына повила.
Радуйся, Марїа, радуйся, Приснодѣва,
О петлѣнномъ рождествѣ твоємъ! и т. д.

Сцена третья. Съ окончаніемъ вирши цыганъ уходитъ. Является мужикъ и тоже молча танцуетъ. Хоръ поетъ пѣсню 1861 года:

„Ахъ ты, воля, моя воля, золотая ты моя!“ и т. д. на мотивъ пѣсни:

Ахъ вы, сѣни, мои сѣни...“

Сцена четвертая. Входитъ жидъ.

Мужикъ. Почто ты тутъ, невѣрный жидовину, ходишь,
Людемъ шкоды безъ числа навѣрно приводишь?
Въ небѣ, въ красной украини, въ божественной святынѣ,
Бодай ты не знати, бодай ты не знати, и не оглядати.
А ты, Борухъ, сѣваешь, однако не кончишь,
Да й у Сореньки своей правды ты не дойдешь,
Бо стоить мужикъ съ кіемъ великимъ,
Жидъ же закричалъ голосомъ предикимъ.
Жидъ. Буду дѣбре жити, не буду крутити!
Мужикъ. Тутъ, невѣрный жидовину, тебѣ не ходити,
А ты, проклятый, говоришь: не буду крутити!
Жидъ. Ейбогу жъ, крутить не стану,
Больше грошій я достану коло добрыхъ людей,
Коло христіановъ!

Является чертъ, хватаетъ жида и уносить, а мужикъ, испугавшись, убѣгаетъ въ другую сторону.

Сцена пятая. Ёдутъ конные воины и маршируютъ. Хоръ поетъ виршу:

Превѣчный родился, безсмертный,
Хотящій землю просвѣтити,
Прииде крестити вселенну дружина Христова и т. д. въ крайне искаженномъ видѣ.

По окончаніи пѣнія этой вирши выдвигается на сцену пушка — стволъ стараго пистолета.

Хоръ поетъ виршу:

Вселенная веселися, Богъ отъ Дѣвы днесъ родися,
И въ вертепѣ межъ бидляти пришли поклонъ отдавати и т. д.
При окончаніи этой вирши въ Пропойскѣ изъ пушки стрѣляли.
Потомъ воины съ пушкой удалялись.

Сцена шестая. Является мужикъ. Онъ ведетъ козу. Вслѣдъ идетъ баба.

Хоръ поетъ: Антонъ казѹ вядѣтъ
Антониха падганяйтъ,
Казѹ бѹбки раняйтъ,
Антониха паднимайтъ.
Ни папала па казѣ,
Да па'Нтобнавай назѣ.
Антонъ плачить,
Антониха скачить!

Баба, а потомъ и мужикъ съ козою, пляшутъ, чѣмъ и кончается представленіе.

Записано отъ Юрьева, Оедорова и Красовскаго
Ф. О. Кулешовымъ.

КЪ ВЕРТЕПУ ТРЕТЬЯГО ТИПА.

І. Иродъ.

СЦЕНА І.

Происходитъ въ верхнемъ этажѣ. Здѣсь находятся фигуры Адама, Евы, двухъ ангеловъ и херувима съ мечомъ, пономаря, діакона, священника.

Пономарь звонитъ въ колокольчикъ и своей горящей свѣчой зажигаетъ свѣчи, стоящія предъ образами (см. выше, описаніе вертепа).

Священникъ и діаконъ входятъ и кадятъ предъ образами.

Хоръ поетъ тропарь: „Рождество твое, Христе Боже нашъ“. По окончаніи тропаря, входятъ два ангела.

Ангелы поютъ кондакъ: „Дѣва днесъ“.

СЦЕНА ІІ.

Когда окончится пѣніе кондака, входятъ Адамъ и Ева. Ихъ гонитъ херувимъ съ мечомъ.

Адамъ и Ева плачутъ.

Хоръ поетъ: Вопль бысть пресильный въ предрайской странѣ:

Плакался Адамъ, изъ раю изгнанный:

„Ой раю жѣ, мой раю, сlišная украина,

Ой, бѣдная жѣ моя безъ тебе година!

Ой, жена жѣ моя, што ты мнѣ сдѣлала:

Ты мя властнаго изъ раю прогнала!“

Пономарь тушитъ свѣчи.

СЦЕНА ІІІ.

Происходитъ въ нижнемъ этажѣ. Входитъ царь Иродъ. Фигура его деревянная съ отрѣзанной головой, которая слегка приклеена къ плечамъ и ниточкой привязана. Войдя, онъ садится на тронъ.

Иродъ. Што я слышу во царствіи своемъ нынѣ,
Въ Виледемскомъ градѣ, о новорожденномъ чадѣ?

А призову я къ себѣ трѣхъ царей

И спрошу у нихъ какихъ вещей!

Входятъ три цари.

Хоръ. Шедше тріе цари ко Христу съ дарами;

Иродъ же проклятый, идѣ же идуть, ихъ спросилъ.

Цари кланяются:

Почто ты намъ, царь державный,

Велѣлъ прити подѣ твой указъ явный?

Иродъ. Потому я вамъ велѣлъ прити,—

Бытто какая дѣва днесъ сына царя родила,

Я въ ухахъ слухъ мѣвъ и потому посылаю:

Идите и развѣдайте, и азъ поклонюся ему!

Цари пошли и идуть на второй этажъ, въ пещеру.

Хоръ. Зашли съ страны своеѣ

Ко Христу славославить.

Цари, кланяются:

Новорожденный царю, прими наши дары!

Мы, тріе цари, приносимъ ко Христу дары.

Ангелъ, входитъ:

Царіе-друзіе, куда вы мыслите ити?

Ко Ироду не идите, но инымъ путемъ идите!

Цари. Благодаримъ тебѣ, ангелу,

Што намъ показалъ путешествія страны!

Хоръ. Ангелъ къ нимъ являетъ, на путь наставляеть:

Ко Ироду не идите, но инымъ путемъ идите!

СЦЕНА IV.

Происходит во второмъ этажѣ. Идетъ „скинія“: Дѣва Марія на ослѣ, Иосифъ ведетъ осла, за плечами у него мѣшокъ.

<i>Хоръ.</i> Скинія всезлатая,	Ангелы гласятъ,
Ковчегъ завѣта,	Слава силѣ твоей,
Видящи днесъ Марія	Дары приносятъ.
Сына повита!	Радуйся, Марія и т. д.
Радуйся, Марія,	Звѣзда ясна сіяетъ,
Радуйся, Приснодѣва,	Ему служаща,
О нетлѣнномъ	Три цари приходятъ,
Рождествѣ твоємъ!	Дары носяща.
Слава Богу во вышнему,	Радуйся, Марія и т. д.

Пастухъ и пастушка съ ягненкомъ подѣ мышкой входятъ въ пещеру и кланяются предѣ яслями.

<i>Хоръ.</i> Пастушка съ ягняткомъ	На колѣни упадаютъ,
Передъ тымъ же дитяткомъ	Христа величаютъ.

Царь Давидъ идетъ съ гуслими въ рукахъ.

<i>Хоръ.</i> Давидъ, мужу дивный,	Во всѣ струны ударяетъ,
Выгрывааетъ игры,	Христа прославляетъ!

СЦЕНА V.

Происходитъ въ нижнемъ этажѣ.

Иродъ, садится на тронъ:

Што я слышу въ царствіи своемъ нынѣ,
Въ Виелеемскомъ градѣ
О новорожденномъ чадѣ?
Призову я къ себѣ воина,
Дабы онъ могъ меня губить,
Или болѣе раздражить!
Воине мой милый,
Воине любезный,
Стань передо мною!

Воинъ, прибѣгаетъ съ саблей въ рукѣ:

Господинъ мой царь!
Твоя вѣра моя вѣра
Вѣроятно стала?

Иродъ. Воине мой милый,
Воине любезный!
Иди во градъ Виелеемъ
И избеи тамъ младенцевъ
Отъ двою лѣтъ и ниже!

Воинъ съ саблей уходитъ. Является другой воинъ съ пикой и ведетъ Рахиль со отрочатемъ.

Воинъ. Господинъ мой царь!

Я привелъ къ тебѣ Рахилью

И съ малымъ отрочемъ:

Или велишь убить,

Или живаго на свѣтъ пустить?

Иродъ. Я тебѣ царскихъ словесъ

Никогда не перемѣню!

Возьми отрока, убей!

Воинъ беретъ дитя на пику.

Рахиль. Скликнула мати

По своемъ дитяти:

Ахъ, уби жъ мѣня

Въ сіе время,

Пусть умру скоро!

Плачетъ и кланяется.

Хоръ. Не рыдай по чадѣ,

Вознесутъ во адъ

Твой вѣнецъ преславный,

Отъ Христа изданный,

Съ небесъ херувимы,

Еще серафимы,

Мученикамъ честь и слава

На вѣки вѣковъ.

Воинъ и Рахиль пошли.

СЦЕНА VI.

Смерть входитъ:

Азъ есть монархия,

Всеми свѣту пана!

Гдѣ же я пребуваю,

Во всякой странѣ

Всѣ цари и князи

Подѣ властью моею,

Я вырублю косою своею!

О ты, Иродъ, царь проклятый!

Полно тебѣ царствовати,

Не пора ли въ адъ вступати?

Иродъ. Охъ смерть, моя мати,

Не хотѣлъ бы я умирати,

Хотѣлъ бы съ тобой воевати.

Пусть мое царство повсюду знати!

Смерть. Ахъ ты Иродъ, царь проклятый!

Не хочешь добровольно въ руки поддаться,

Хочешь съ смертью воеваться?

Якъ воскликну я брата

Съ пекеельнаго ада!

„Адъ—братъ!“

Чертъ въ видѣ косматаго чернаго человѣка:

Што, смерть—сестра?

Смерть. Царь Иродъ хотѣлъ со мной воеваться,
Не хотѣлъ смерти въ руки поддаться!
Чертъ. Возьми, сестра, косу,
Зруби царю главѣ!
Ему трупъ и глава,
А намъ честь и слава!

Дьяволъ пошелъ.

Смерть. Пропойте ему надгробную пѣсню!

Хоръ. Еще жъ бо ты не доказалъ   Берутъ его и держатъ,
Пекельныя штуки,   Всѣ отвѣты предлежатъ
Якъ Ирода проклятого   За его забавы,
Берутъ въ свое руки.   Идутъ до насъ славы.

Смерть. Вотъ тебѣ надгробная пѣсня пропѣта,
Липаешься ты сего бѣлаго свѣта!

Даетъ понюхать косу:

Понюхай!

Иродъ сходить съ трона.

Смерть рубить ему голову. Онъ падаетъ.

Чертъ прибѣгаетъ:

Ходи-ка, братъ, со мною въ адъ!
Будемъ съ тобою у карты гулять,
И старыхъ бабъ забавлять!
Бьетъ его, колотить и тащить.

II. Жанровыя сцены.

Въ нижнемъ этажѣ.

Первая сцена забыта.

СЦЕНА II.

Два царя ѣдутъ верхомъ—Поръ Индѣйскій и Александръ Македонскій. Поръ въ длинномъ плащѣ, съ пикой въ рукахъ, Александръ въ короткомъ платьѣ, съ саблей. На головахъ у обоихъ короны.

Вертепчикъ. Новое дѣло начинаютъ,

Царь царя убиваетъ,

На небеси и на земли споклоняють.

Цари сражаются. Поръ падаетъ съ коня, а Александръ уѣзжаетъ. Является воинъ въ шлемѣ съ перьями и уноситъ тѣло убитого Пора.

СЦЕНА III.

Входятъ по парно шесть солдатъ съ ружьями и офицеръ. Одѣты въ мундиры. Ружья изъ жести.

Офицеръ. Во фрунтъ!

Солдаты становятся во фронтъ.

Офицеръ осматриваетъ ихъ съ праваго и съ лѣваго фланга.
Смирно! Равняйся!
Ряды вздой! (полное ученье).
Налѣво кругомъ! Шагомъ маршъ!
Солдаты уходятъ.

СЦЕНА IV.

Выѣзжаетъ кавалерія: шесть солдатъ и генералъ. Всѣ въ формахъ, съ саблями изъ блестящей жести.

Генералъ. Здорово, ребята!

Солдаты. Здравемъ-желаемъ, ваше высокопревосходительство!

Генералъ. Шкадронъ, во фронтъ!

Солдаты становятся во фронтъ.

Генералъ подъѣзжаетъ къ нимъ и осматриваетъ линію. Потомъ отъѣзжаетъ и командуетъ:

— Шкадронъ, маршъ!

Уѣзжаютъ. Лошадь генерала танцуетъ.

СЦЕНА V.

Выступаютъ „скакушки“—маріонетки на пружинахъ и ниткахъ. Среди нихъ уланъ. Всѣ танцуютъ.

Уланъ, поетъ и танцуетъ:

А вулане добрый пане,
А въ вуланахъ добро жить,
Довбѣшечкой воши бить!

Скакушки пошли.

Пристань, пристань до вербунки,
Бѣдешъ ѣсти зъ масломъ курки,
Бѣдешъ пить, бѣдешъ ѣсть,
Бѣдешъ хорошо ходить!

СЦЕНА VI.

Паничъ и паненка являются. Музыка играетъ на скрипкѣ и на цымбалахъ, (а позже на гармоникѣ), польку.

Паничъ и паненка, танцуютъ польку. По окончаніи танца цѣлуются и кланяются хозяину.

СЦЕНА VII.

Цыганъ. Накувѣрда—вѣрда,

На чичиръ жа!

Чичиры—міряне!

Панове, ти на бачили,—

Ти не ѣхали шатромъ цыгане?

Кобылка бѣленька на ноги кульгала,

И тамъ была молодая

Моя цыганка Ховра!

Цыганка. А я тутъ!

Цыганъ. А гдѣ ты была?

Цыганка. Я ходила по селу,

Добывала сыровцу!

Цыганъ. А що твой сыровецъ

Да пахнетъ раковой юшкой?

Цыганка. А я жъ кидая къ тому

Ище и Петрушку!

Цыганъ указываетъ на хозяина:

Ну, иди жъ къ тымъ паномъ,

Кланяйся низенько,

Да проси гарненько!

Музыкантъ! Зайграй миѣ

Свинью куваную!

Музыка играетъ казачка.

Цыганъ и цыганка, танцуютъ и поютъ:

Чаму цыганъ не орѣ?
— Онъ не має плуга,—
За поясомъ пуга!
Цыганка. Я за сало, я за крупы,
Пройдѣть шкворень кала д..ы!

И за крупы и за сало
Къ д..ѣ шкворень привязала!
Цыганъ, бьетъ цыганку пугой:
До шатра, до шатра!
Уходятъ.

СЦЕНА VIII.

Входитъ жидъ и кланяется.

Жидъ. Добрый вѣщиръ, панѡчки!
Ти нема сто продажны:
Сцѣтѣна, восцѣна, пастарнаку?
И я, господа, коло васъ отккрыю лавоцку:
Будеть у мене всего довольно:
Цапѡчки, лапѡчки, чай, сахаръ, мыло,
Есцѡ трѡху и дѣхтю!
Дозвольте мнѣ, панѡчки,
Кабъ потанцовать,
Васъ съ празьникомъ поздравить!

Кланяется хозяину.

— Я не одинъ тутъ, панѡчки:
У мене ёсть Сѡра,
Выписана изъ Париза уцѡра.
„Сѡроцка! кум цу мир танцѣн!“

Сѡра выходитъ. Жиды танцуютъ казачка.

Жидъ, въ тактъ поетъ:
Моя сѡпоцка изъ злѡта,
Съ одной скѣроцки работа,
А ярмѣлка кѡзана
Гнѣдами шпикѡвана!

Въ разгаръ танцевъ незамѣтно вѡбѣгаетъ разбойникъ, бьетъ жиду по затылку и прячется. Жиды сначала убѣгаютъ со страха, но потомъ опять приходятъ. Сначала жидъ.

Жидъ. Сто тутъ за разбойникъ такій?

Якъ ето можно?

Хто тутъ бѣтца?

Я буду залитца на мировій судъ, у цасть!

Сѡроцка! кум цу мир танцѣн!

Сѡра входитъ. Начинаютъ танцовать казачка. Входитъ опять разбойникъ и убиваетъ жиду. Сѡра убѣгаетъ. Когда разбойникъ уходитъ, она появляется снова и плачетъ.

Сѡра. Осѡроцка (имя)! устаѡфъ, позалуста!

У мене дробныя дѣтки!

Устаѡфъ, устаѡфъ, позалуста!...

Ну, коли не хѡцѣсь,—

Цѡртъ тебѣ возьми!

У мене заўтра другій будетъ!

Уходитъ. Является чертъ. Быстро схватываетъ жиду,—„ажъ пыть!“—и уносить.

СЦЕНА IX.

На сценѣ Антонъ съ козою и Антониха.

Хоръ. Антонъ козу ведѣтъ,

Антониха погоняетъ,

Антонъ козу бѣтъ,

А коза не йдетъ.

У Антона въ рукахъ лучинка. Онъ зажигаетъ ее и суетъ козѣ подъ хвостъ, а сами съ Антонихой выскакиваютъ изъ вертепа.

Является старецъ съ кошелькомъ и проситъ подарить его. Приходитъ разбойникъ, смотритъ въ кошелѣкъ и бьетъ старца долбешкой.

Разбойникъ. Проси грѡшей, проси!

Старецъ кланяется хозяину. Дѣти хозяина опускаютъ деньги въ кошелѣкъ.

Г. Могилевъ. Записано мною въ
1905 г. отъ вертепщика Василя Бутымы.

Со звѣздою ходятъ только въ три первые дня Рождественскихъ праздниковъ; вертепныя же представленія могутъ даваться, сверхъ того, наканунѣ и въ день Нового года.

Со второго дня Рождественскихъ праздниковъ начинали ходить ряженые съ козою, медвѣдемъ, кобылой, журавлемъ.

Для того, чтобы сдѣлать козу, хлопцы выворачивали кожухъ шерстью кверху, продѣвали въ одинъ рукавъ кожуха конецъ дуги и завязывали рукавъ въ видѣ головы и шеи. Къ головѣ привязывали рога изъ соломы или изъ крупнаго сѣна—осоки. Къ другому концу дуги привязывался хвостъ, изъ того же матеріала. Тогда подъ кожухъ влѣзаетъ низкорослый парень и беретъ въ руки головную часть дуги, обращенной выпуклостью книзу. Ноги кожуха съ боковъ опущены до земли и закрываютъ ноги парня. Такъ какъ парень входитъ въ избу согнувшись, то при плохомъ крестьянскомъ освѣщеніи такая фигура легко сходитъ за козу.

При козѣ долженъ быть и дѣдъ. Его тоже одѣваютъ въ вывороченный кожухъ, но на спинѣ дѣлаютъ горбъ—„запхнутъ якую-нѣ-будь лѡйнину и потперѣжутъ.“ „Тагда вѡзъмуть бярѣсьтину, прарѣ-жутъ вочи и ротъ, уваткнутъ носъ изъ бярѣсьтины и нитками завя-

жуть за вушми. Яно (маска) и дёржытца. Намажуть надь рѳтамъ вусы сажай, надь вачами брѳвы. Барадѳ привѳсють съ пиньки ти зъ лѳну. Табакерку дадутъ у руки; ѳнъ и табаку пюхая у той у носъ, у бярасътяный. И кѳй у рукахъ дѳржа.“

„Тагды дѳлають и *маладичку*. Бяруть мальчика якѳга патѳнышы, навязують на галавѳ намѳтку, штобъ на женщину быѳ похожъ, надѳвають и шнурѳку и андаракъ. Напихають платкоѳ, штобъ груди были, якъ у малодицы.

Посли дѳлають ще *нѳмца*. Возьмутъ штаны черныя, ти ѳ салдата, ти у жыда, дѳ мундѳръ якѳй, жалетку, прыбярѳтъ хлопца, дадутъ шапку черную, а кали ѳсъ—дакъ брыль. И абвядутъ сажай вочи и ротъ,—яго и ни спазнать. Тагды музыку шукають. Харѳшый музыка и ня пѳйдя, а такъ, абы-якѳй, лишь бы умѳѳ рѳпать.

Ну, пѳсли тагѳ ужѳ мальцы идуть пѳтъ. Бярѳтъ и миханѳшу. И павядѳтъ казѳ. Падѳйдутъ надь вакно и прѳсятца у хазяина: „Казѳ нашны палядѳтъ пазвольта!“—Ну, хто пусьта, а инныя кажуть: „ни нада, нашы дѳти баятца!“ Ти такъ што.

Якъ пусьтять, дакъ упѳрадъ иде дѳдъ, вядѳ казу за шыю (за конецъ дуги), тагды пѳмяцъ, маладичка, и пѳѳшыя (пѳвчѳе), и музы-ка. Якъ увойдутъ, дакъ казѳ стѳня пасярѳдъ хаты, а дѳдъ хѳдя кала яѳ и стукая пѳлкай у мостъ. Кала казѳ и маладѳчка и нѳмяцъ, а пѳѳшыя и музыка у парѳзи. Пѳѳшыя заняѳтъ, музыка тѳя жъ самая падыгрывая, маладѳчка и нѳмяцъ скѳчутъ, казѳ, стоячи, варѳчайтца, нагами тѳпая... Гуляють!

Пѳсни при ѳтомъ поюцца слѳдующѳя:

Го-го-го, каза, Вѳскачыѳ заяцъ,
Го-го, шѳрая! Стаѳ казѳ лаять:
Выскачъ ты, кѳза, „Ахъ ты, казѳца,
Выскачъ, нябѳжа, Старая пѳица!
Съ тѳмного лѳсу, ѳзяла бъ ты сярѳокъ,
На чѳста пѳля, Пашлѳ бъ у лѳсокъ,
На лукамѳръя! Травы нажалѳ,
Тамъ тябѳ шукають, Да свайхъ дятѳй
Тамъ тябѳ пытають, Дѳма дяржала,
Стралѳцѳ-удалцы! Патрѳшку травы
— Я ни баѳся Имъ ба кидала!

Стралѳѳѳ-удалѳѳѳ, С. Заболѳтьѳ Рѳг. у.
Только баѳся —
Руса русѳга, Го-го-го, каза,
Дѳда старѳга! Го-го, сѳрая,
Го-го, бѳлая!
— Раехадѳси—тка,
Изъ ельничку, Разбѳгѳси—тка,
Изъ бяръзъничку Па ѳсяму дварѳ

Гаспадарскаму,
Приди близинька,
Пакланѳси низинька
И гаспадарѳ,
И гаспадыни,
Штобъ падали
Мѳрачку аѳса,
Штобъ каза пашлѳ!
Мѳрачку жыта,
Штобъ каза сыта!
Гдѳ казѳ нагѳй,
Тамъ жыта калѳй,
Гдѳ казѳ рѳгамъ,
Тамъ жыта стѳгамъ,
Дѳ ни бывѳя,
Тамъ ни ѳрадѳя!
Дабрѳй-вечаръ!

С. Кошелево.

Го-го-го, каза,
Го-го, сѳрая,
Го-го, бѳлая!
Ни хади, каза,
Па турѳмъ, турѳмъ,
Па турѳмини,
Падъ тѳя сялѳо
Куракѳѳская:
Тамъ стралѳцѳ-байцѳ,
Добры малайцѳ,
Рѳдѳтца янѳ
Козухну бити!
—Ни баѳся я
Ни стралѳѳѳ-байѳѳѳ,
Добрыхъ малайѳѳѳ,
Только баѳся
Старага дѳда,
Барада сѳда:
ѳнъ мянѳ зрѳдя,
ѳнъ мянѳ ѳдара
И ѳ права вушка—
Патячѳ юшка,
У лѳвый бачѳкъ
Патячѳ сачѳкъ!
—Нутка жъ, козухна,
Расхадѳси-тка,
Самамѳ пану
Пакланѳси-тка,
И гаспадыни,
Штобъ падарѳили:
Пять кусѳѳ сала,
Штобъ казѳ ѳстала,
Рѳшата ѳ аѳса,
Наверхъ каѳбаса!

Д. Куракѳвщина Рѳг. у.

—
Хадила каза
Па густымъ барѳмъ,
Па тѳмнымъ лѳсамъ,
А тяперъ хѳдя
Па бѳжымъ дамѳмъ.
Пѳня—гаспадаръ,—
Паѳчвертки аѳса,
Штобъ наша казѳ

Вѳсѳка раслѳ!
Пѳня гаспадаръ,—
Паѳчвертки жыта,
Штобъ наша казѳ
Тымъ былѳ сыта!
Якъ пашлѳ казѳ
На канѳтичкахъ,
На залѳтинькихъ,
Усѳ кажучы,
Прыказуючы:
„А дай жа, Бѳжа,
Да хадину
Да карѳвачку
Ни ѳрѳчливаѳ,
Малѳчливаѳ,
Жыта каласѳста,
Ядро ядранѳста!

С. Жгунъ Гѳмельск. у.

—
Ого-го, казѳ,
Ого, сѳрая,
Нидаѳна зъ Масквы,
Зъ дѳѳгѳми касмѳ!
На гарѳ казѳ
Съ казинѳятами
У далѳ ваѳчѳкъ
Зъ ваѳчынятами.
Якъ прыбѳгѳтѳ ваѳчѳкъ,
За кѳзачку чѳкъ!
А ваѳчыняты
За казинѳыты.
Ты казѳ дурная,
Нѳразумная!
Ты сваймъ дѳткамъ
Ни гаспадыня!
Ты вазѳми сярѳокъ,
Пабяжы ѳ лѳсокъ,
Нажни травѳцы
Малѳнькѳй снаѳкъ,
Пакармѳ свойхъ
Малѳнькихъ дѳтѳкъ!
Ни хади, каза,
Падъ тѳя сялѳо,
Падъ Баѳовичѳ!

А ѳ Баѳовичахъ
Стралѳцѳ—малайцѳ,
Рахавѳлися,
Жалкавалѳся:
Хѳчать казѳ ѳбитъ,
Шкуру аблунѳть,
Мѳса парубѳть,
Сабакамъ аддѳть!
Охъ, я тыхъ стралѳѳѳ
Я ни баѳся,
Тѳльки баѳся
Старага дѳда,
Што ѳ тагѳ дѳда,
Барада сѳда:
Тѳй мянѳ убѳѳ,
Шкуру абдѳрѳ,
Мѳса парѳбѳ,
Сабакамъ аддѳсть!

Ты, каза, устанъ,
Нѳзка пакланѳси:
Хазяинъ иде,
Мѳхъ грѳчки нясѳ,
Мѳрачку жыта,
Штобъ каза сыта,
Мѳрачку аѳса,
Зверху каѳбаса.
Гдѳ казѳ тупъ-тупъ,
Тамъ сѳна семъ копъ!
Гдѳ казѳ рѳгамъ,
Тамъ сѳна стѳгамъ!
Гдѳ казѳ хвастѳмъ,
Тамъ жыта кустѳмъ!

С. Бѳѳовичѳ, Гѳм. у.

—
Нѳчинають пѳтъ еще
въ сѳняхъ:
Вѳтъ мы къ вамъ
[идѳмъ
И казѳ вядѳмъ!
Нутка, кѳзанька,
Расхадѳси-тка,
И ѳсямѳ дварѳ
Пакланѳси-тка:
И гаспадарѳ

И гаспадарыньцы,
Ещё красной Марынь-
[цы.

А нашъ гаспадаръ,
Ёнъ казѹ жалѹ,
Калѹ даваѹ:
Гаспадаръ идѣтъ,
Каѹбасѹ нясѣтъ,
Тры куски сала,
Кабъ каза ўстаѹла,
Паѹмѣрки аѹса,
Кабъ каза расла,
Чвѣртку пшанйцы
На паляницы,
Кабъ наша козанька
Да наѣлася,
Падъ миханѡшу
Павалѣлася.
„Ну-тка, миханѡшъ,—
Дуй казѹ у носъ:
Надмѣтца жыла,
Бѹдѹ казѹ жыла.
Го-го-го, казѹ,
Го-го, шѣрая!
Гдѣ ты хадила,
Й гдѣ ты блудила?
— А я хадила,
А я блудила,
На тѣмныхъ лисахъ,
На шырокихъ лугахъ,
А ѹ ляскѹ, ляскѹ,
На жоѹтымъ пяску
Павалѣлася,
Аказѣлася!
На гарѣ казѹ
Съ казянятками;
Падъ гарѡй ваѹчокъ
Зѣ ваѹчанятами.
А ваѹчокъ, ваѹчокъ,
За козачку чокъ,—
А ваѹчанятки,
За казянятки!
На палѹ жыта,
Нагами збита,

А на пѣчи авѣсь
Вяликий парѡсь;
А ѹ томъ жытыяку
Пирапѣлица
Дѣтей вывила.
Бѡльшыя, мѣньшыя
Усѣ палятѣли,
А мѣньшанькѣ
Пасиратѣли.
Дѣ казѹ рѡгамъ,—
Тамъ жыта стѡгамъ,
Дѣ казѹ нагѡй—
Тамъ жыта канѡй,
Дѣ казѹ хадила—
Тамъ жыта радѣла“.
У пѣчи гарѡчокъ
Пѡвинъ зѣ вадѡй,—
Ни люблю дѣда,
Што зѣ барадѡй...
На дварѣ мядвѣдъ,
Якъ харѡмина;
А у дѣѹки вочы,
Якъ смарѡдина.
Дайтѹ лѣсачку
Папиратися,
Пайдѹ кѣ дѣвачкамъ
Залицатися.
Дѣвачка плача—
Замужъ ня хоча.
А коничакъ
За варѡтами,
Чортъ тѣбе бары
Изѣ залѣтами!
А пайдѹ, пайдѹ
Кѣ папѡву гумну.
ѹ папѡвамъ гумнѣ
Гарѡхъ малѡтѣтъ.
Дай намъ, батѹшка,
Мѣрку гарѡху,
Паѹмѣрки жыта,
Кабъ была наша
Козанька сыта.
Ня йди ты, козанька,
Падъ тѡя сялѡ,

Падъ Журавичи:
А тамъ жа стральцы
Микалаяѹцы,
Сабиралися,
Рахавѣлися
Кѡзаньку забить
И ботики пашыть,
Боты, халѣвы
Ззаду дирѣвы!
—Ни баюся я
Тыхъ стральцоѹ-бай-
[цоѹ,

Тольки баюся
Старага дѣда.
Старый жа дѣдъ,
Ёнъ ни падѣра,
Ёнъ жа мянѣ
Кѣмъ удѣра...
У правая вѹшка
Патѣчѡ юшка,
У правый бачѡкъ,
Патѣчѡ сачѡкъ!
С. Хоново, Быхов. у.

Го-го-гѡ, казѹ,
Гѡ-го, сѣрая,
Гѡ-го, бѣлая
Идѣ ты была?
—ѹ турѣцкой зымлѣ!
—Што ты рабѣла?
—Ягѣдки брѣла!
—Камѹ давала?
—Сванѣмъ дѣтачкамъ,
Жаѹниратачкамъ,
—Чымъ тѣбе били?
—Рѡзками, рѡзками,
Барѡзавыми!
—Куды ѹтыкала?
—Бѣрегамъ, бѣра-
[гамъ,
Биражѣначкай!
На томъ бѣрази
Стайтѣ клѣтачка,
А ѹ той клѣтацы

Сядѣтъ дѣвѡчка,
Заручѡная,
Нивянѡная...
Чалавѣкъ, чалавѣкъ,
Кривѣя ноги,

Ня дѣбай ты
Пѣракъ дарѡги!
Будѹ панъ ѣхѣтъ,
Тѣбѣ растѡпча.
Пастѣва канѣ

За варѡтами.
Коничакъ иржѣ
Ѣтачки хѡча,
Пѣнначка плача,
Замужъ ня хѡча!

Д. Новоселки, Рог. у.

Въ с. *Юрковичахъ* Гомельскаго уѣзда для *козы* просто одѣвають хлопца въ вывернутую шубу, изъ воротника которой дѣлаютъ голову. Къ ней прикрѣпляютъ рога изъ палокъ и уши изъ травы. „На шѣю звонокъ присѣлѣть“.

При козѣ долженъ быть „цѣганъ“ и „хвицѣръ“. „Цѣгана умѣжати у сажу, хвицѣру сдѣлѣать зѣ бумаги колпакѣ. Чалавѣки со тры пѣютъ:

Го-го-го, коза,	Станъ, молухна,	Наверхъ коѹбаса,
Гого, сѣрая,	Развесѣлися,	Три куски сала;
Гого, бѣлая!	Старшѡму пану	Ще того мало—
Буть, коза ѹпала,	У ноги поклонись!	Чѣтвѣртый пирѡгъ,
Буть, коза пропала.	Дастъ табѣ панъ	Щѡбъ козы стѣрѡгъ!
Станъ, козухна,	Мѣрѡчку ѡѹса,	

Представленіе заканчивается пляской цыгана съ козой.

Обыкновенно, послѣ окончаніи пѣсни козѣ, она или ложится на полу въ сторонкѣ, или прыгаетъ на лѣвку и высматриваетъ, нельзя ли гдѣ чѣмъ поживиться. Дѣдъ обращается къ молодичкѣ и нѣмцу (цыгану и офицеру): „Ну, погуляйте-тка вы!“ Музыка играетъ казачка, подушечку, или барыню. Тѣ танцуютъ. „Якъ поскачутъ, дакъ дѣдъ козу за шѣю, прывѣдѣ кѣ ходѣйцу, кѣ ходѣйцы, симѣя кали ѣ, и нагнѣ—нибытта клѣняетца инѣ ѹжѣ! И говѡра: „Ну-ка, коза! Станъ, расхѡдѣся, пану-ходѣйцу поклонѣся!“ Посѣли кѣ ходѣйцы: „Пани-ходѣйцы поклонѣся, кабъ лѣскова была, унесла коѹбасу и кусокъ сала, кабъ козѹ висѣлѣй стала!“ Ходѣйка даѣ кусокъ хлѣба, а колѣй нимѣ, дакъ одного хлѣба.“

Въ с. *Кошелевѣ* кѣ козѣ персонажи—дѣдъ и баба. Платятъ колбасой, саломъ или деньгами.

Въ м. *Плобинѣ* и въ Краснѡбудской волѡсти культъ козы получилъ наибѡльшее развитіе. Голову для козы дѣлаютъ здѣсь спеціально изъ дерева и оклеиваютъ шкуркой. Нижнюю челюсть дѣлаютъ подвижную и посредствомъ веревочки заставляютъ ее подниматься и опускаться, то есть, открывать и закрывать ротъ, щелкать зубами и т. д. Кѣ головѣ прибѣваются настоящѣ козѣ рога; кѣ нижней челюсти привѣшиваются борода. Голова надѣвается на палку, которая привѣзывается кѣ концу дуги. Въ остальномъ устройство козы такое же, какъ и въ Заболѡтѣ, но стараются подобрать такой кожухъ, чтобы одинъ бокъ козы былъ бѣлый, а другой черный.

Вожакъ—дѣдъ спрашиваетъ у хозяина:

— Пустить козу поскакать!

— Ну, ступай!

„Ну, упрябѣ казѹ видуть у хату. Янѹ сичасъ скача,—разамъ абѣдвими нагами.“ Пѣсни поются двѣ: одна „старосвѣтская“, другая „новая“. Привожу и ту и другую.

Старосвѣтская:

Го-го-го, каза,
Гого, сѣрая!
Дѣ хвостъ падѣла?
—На соль проѣла!
Соль дарагаѹ,
Кобзачка наша залатая.
Дѣ казѹ рѣгамъ,
Тамъ жыта стѣгамъ,
Дѣ каза нагѣй,
Тамъ жита капѣй,
(А янѹ пахарѹшуйтца!)
Дѣ казѹ хвостѣмъ,
Тамъ жыта кустѣмъ!
Ты, гаспадѣнька
Расхадися-тка,
Развеселися!
Запѣль свѣчаньку,
Да йди ў клѣтаньку,

Зирни на бачѣкъ,
Дѣ стайтѣ мачѣкъ,
Рѣшата аўса,
Наверхѣ каўбаса,
Тры куски сала
Кабѣ каза ўстала!

Новая:

Пѣсна нашай кобаньки
Хадѣтѣ на панѣхъ,
Пѣйдамъ мы, козка,
На синя мѣра!
Мы кѣ табѣ, Ликсандра,
Ни сами прышли;
Насѣ Гасподѣ паслаў,
Якѣ самѣ свѣтѣ настаў,
Штобѣ ты насѣ ня биў,
Злѣтамъ-срѣбрамъ дарѣў,
Гасподѣнимъ дѣрамъ
И кускомъ саламъ!

„Бабы даютъ блинцы, каўбасы, сала, а хто пятака.“

Въ с. Чеботовичахъ Гомельскаго уѣзда съ козой ходятъ накануне и въ день Нового года. Устройство козы обычное. Съ козой подходятъ подъ каждое окно и просятъ хозяина: „Добрѣй-вечарѣ, пани-хазяинѣ! Пусьти нашу кобзачку пагулять!“ Послѣ полученнаго разрѣшенія, входятъ въ хату и опять просятъ: „Пани-хазяинѣ, пазволь нашай кобзачки паскалѣть!“ Хозяинѣ отвѣчаетъ: мѣжна! Тогда вожаки начинаютъ пѣть, а коза въ тактъ топаеъ ногами—танцуетъ.

Го-го-го, каза,	Дѣ казѹ хѣдя,	Ой, сыну, сыну,
Го-го, сѣрай!	Тамъ жыта рѣдя,	Пани—Васню!
Ну-тка, кобзачка,	Дѣ ня бывѣя,	Ни вядѣ казѹ
Расхадися-тка	Тамъ вылягѣя,	Падѣ тѣя сялѣ,
Па ўсяму дварѹ	Дѣ каза рѣгамъ,	Падѣ Журавичи.
Гаспадѣрскаму,	Тамъ жыта стѣгамъ,	Мѣлися казу
Расхадися-тка,	Дѣ казѹ нагѣй,	Стрѣльчики убить!
Развеселися,	Тамъ жыта капѣй,	Я жѣ ни баюся,
Пану Ивану (хозяину)	Дѣ казѹ хвостѣмъ,	Ни стирагуся
Низка ўкланися!	Тамъ жыта кустѣмъ!	Ни съ поля лаўцѣў,

Ни зѣ лѣсу стральцѣў,	Той мяне ўразить	Пастѹлю казѹ налядѹ,
Тольки баюся	Падѣ щѣра сѣрца	Прапѣю казѹ на мядѹ!
Старѣга дѣда:	Скрозѣ палатѣнца,	Пастѹлю казѹ на
У таѣ дѣда	Ў лѣвая вушка,	[тарѣлку,
Тѹжанѣй лучѣкъ,	Патячѣ юшка,	Прапѣю казѹ на га-
Стрѣлачакѣ пучѣкъ:	У лѣвый бачѣкъ,	[рѣлки!
Той мянѣ ўдарить,	Патячѣ сачѣкъ.	

Коза падаетъ на брюхо и дрожить. Вожакѣ толкають ее палкою и говорятъ: „Нутка, каза! Иди хазяину укланися и низка пакланися!“

„Пана хазяина паздараўляямъ зѣ Новымъ гѣдамъ, сѣ святымъ Василѣмъ! И жѣ жанѣю, и зѣ дѣтками! Вялѣй кобзачку изѣ-за границы,—вѣлми умарѣлися! Ти ни прынесѣ ба пани—хазяинѣ нашай кобзачки аўса-ячмянѣ и ўсѣкага дѣбра!“

Хозяинѣ даетъ жожакамъ хлѣба и сала, или денегъ, или какого-нибудь зернового хлѣба. Тѣ благодарятъ и уходятъ. Такѣ коза обходитъ все селѣнѣ. Собранные продукты продаются. Молодежъ вырученныя денѣги употребляетъ на игрище, а мужѣины устраиваютъ пирушку у кого-нибудь изѣ жожаковъ или дѣлятъ.

Кобыла бываетъ малая и большая. Малая сѣ однимъ чѣловѣкомъ и сѣ ряженой кобылой, большая сѣ цыганѣмъ, дѣдомъ, и мужѣиками. Кобылу дѣлають такъ: берутъ шесть и продѣваютъ его сквозъ два рѣшета, между которыми усаживаютъ молодѣго парня; затѣмъ придѣлываютъ спереди подобѣ головы сѣ ушами и сзади хвостъ изѣ пеньки и покрываютъ какой-нибудь „лойнѣйной“—старѣой свѣткой, рядомъ, постѣлкой.

Войдя въ избу, цыганѣ предлагаетъ дѣду купить кобылу. Начинается строго дѣловой торѣгъ. Дѣдѣ находитъ запрашиваемѹю цѣну высокой, цыганѣ расхваливаетъ свою кобылу, дѣдѣ отыскиваетъ въ ней разные пороки. Начинается ссѣра. Затѣмъ цыганѣ бѣеъ дѣда своимъ непрѣмѣннымъ атрибутомъ—кнутомъ, и т. д.

Въ эту сцену вносятся много юмора. Наконецъ дерущѣися мирятся, бѣютъ по рукамъ и кончаютъ торѣгъ. Затѣмъ хозяинѣ ихъ угощаетъ или даетъ что-либо изѣ сѣѣстѣного.

Въ южныхъ волостяхъ Гомельскаго уѣзда—Поповской, Краснобудской, Юрковичской дѣлали настоящее чучѣло кобылы. Скелетъ связывали изѣ гибѣкихъ стеблей лѣзы, прикрѣпѣлявшихъ кѣ шѣстамъ, подобѣ головы шили изѣ холста и набивали соломѣй; изѣ пеньки дѣлали гриву и хвостъ. Весь скелетъ обшивался бѣлыми скатѣртьями, отчѣго получалась „какѣ-есть бѣлая кобыла“. На голову кобылы надѣвалась уздѣчка и привѣшивался колокольчикъ. Въ лѣзовые ребра влѣзаль чѣловѣкъ и покрывался длинными простынями—попонами, такъ что ноги его закрывались; для равнѣвѣсѣя кобыла подвѣшивалась ему двумя поясами по плѣчамъ накрѣсть. Одинѣ изѣ парней наря-

жался офицеромъ: надѣвалъ солдатскій мундиръ и штаны, на голову бумажный киверъ съ султаномъ изъ бумажной кисти, черезъ плечо голубую ленту изъ бумаги. Другого хлопца одѣвали въ женскую рубаху съ расшитыми рукавами и въ андаракъ; на шею вѣшали монисты, а на голову повязывали платокъ. Это была „барыня“. Третій хлопецъ наряжался тоже въ солдатскій мундиръ, но безъ ленты и съ головнымъ уборомъ въ родѣ уланскаго. Послѣдній ряженный былъ цыганъ. Его одѣвали въ синій армякъ, давали рваную шапку, подпоясывали веревкой. Съ кнутомъ въ рукахъ онъ ухаживалъ за кобылой. Затѣмъ приглашался музыкантъ.

Когда все это было готово, собиралось человекъ 10—12 пѣвчихъ, „смотря по товариществу“, и кобыла отправлялась въ походъ. Одинъ изъ парней бѣжалъ впереди кобылы и подъ окнами спрашивалъ: „Дабры-вечаръ! пусті, хазяинъ, съ кабылаю!“ Когда тотъ отвѣчалъ: „хадітя!“—то впереди шли пѣвчіе, за ними кобыла съ цыганомъ и позади офицеръ съ барыней и музыкантъ.

Входя въ избу, пѣвчіе начинали пѣть:

Ой, дабры-вечаръ, паня хазяинъ —

Слава Богу ваядінаму! *)

Застилай сталы, кладі пирагі:

Да будя къ табѣ да трѣя гасьтѣй!

А первая госьть—жарка сбняйка,

А другая госьть—ясянъ мѣсячка,

А третья гость—дрѣбянъ дощычакъ.

Чымъ пахвалитца жарка сбняйка?

— Якъ взыйду я рана на зарѣ —

Вазрадуитца нѣба и зямля,

Нѣба и зямля, и ў лузи трава!

Чымъ пахвалитца ясянъ мѣсячка?

— Якъ взыйду я позна зъ вѣчара —

Узрадуитца купецъ въ дарѣзи,

Купецъ въ дарѣзи, а звѣръ въ дубрѣви!

Чымъ пахвалитца дрѣбянъ дощычакъ?

— Якъ взыйду я рана изъ вясны —

Узрадуитца жыта, пшаница,

Жыта, пшаница, ўсяка пашница!

Мы жъ тябѣ, хазяинъ, ни зняважамъ,

Съ святымъ Васильямъ паздараўляямъ,

Да ни самъ сабѣй—и съ Сусамъ Хрыстомъ,

И съ Сусамъ Хрыстомъ, съ святымъ Рожаствомъ!

Слава Богу ваядінаму!

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждой строки.

Послѣ этого выступаетъ музыкантъ и на дудкѣ (свирѣли) или на цымбалахъ играетъ танцы. Офицеръ и барыня танцуютъ. Окончивъ свой танецъ, они подъ-ручку отходятъ къ сторонѣ. Танцевать начинаютъ цыганъ съ уланомъ. Послѣ пляски цыганъ начинаетъ приставать къ хозяину и къ зрителямъ: „А ну, хазяинъ: ти нямъ памянѣть на коняй? Май сивая якъ бязжытъ, дакъ дрыжытъ, а павалитца, ляжытъ—памажы падняты!... Ну, дакъ будамъ мянѣть! Я цыганъ багатый: у мянѣ у аднымъ кармани вошь на аркани, а ў другимъ блаха на цапѣ!“ и т. п.

Послѣ похождения цыгана выступаетъ пѣвчій—мѣхоноша: „За ету чесьть давай, хазяинъ, карбѣванцаў шесьць, и тры куски сала, щобъ наша кабыла ня прыстала!“ Хозяинъ даетъ паляницу, кусокъ сала и деньгами 3—5 копѣекъ, смотря по состоянію.

Тогда кобыла переходитъ въ другой домъ. Если гдѣ не пожелаютъ пустить кобылу, пѣвчіе поютъ:

А ў бару, бару

Стайла сасна

Вилаватая,

Или: Щѣдляръ-бѣдляръ,

Хозяинъ злѣдый,

Кабылку украў,

Пать пецъ исхаваў.

Дѣти сказали,

А Кушняриха (хозяйка)

Килаватая!

Яго звязали.

Дѣти у смѣхъ,

Хазяина ў мѣхъ!

Мѣхъ прадраўся,

Хазяинъ у — — ўся.

Хозяева не любятъ такихъ пѣсенъ и гонять кобылу хворостиной со двора долой.

Медвѣдя наряжаютъ двумя черными шубами, шерстью вверхъ. Рукава одной шубы надѣваются на руки, другой—на ноги; сходящіеся подола и полы сшиваются или опоясываются веревкой; на голову такого медвѣдя надѣваютъ черную барашковую шапку, лицо вымазываютъ сажей. Фигурируетъ и цѣпь или веревка. На улицѣ медвѣдь идетъ на ногахъ, но въ избу входитъ на четверенькахъ. При медвѣдѣ жокакъ съ длинной палкой и музыка—бубень.

Въ избѣ медвѣдь съ жокакомъ продѣлываютъ весь репертуаръ бывшихъ жокаковъ настоящихъ медвѣдей. Послѣ угощенія водкой, медвѣдь пляшетъ, вставши на-дыбы, и при этомъ, какъ бы нечаянно, бьетъ палкой неприятныхъ ему зрителей.

Въ деревняхъ, вмѣсто вывороченныхъ шубъ, медвѣдя обвиваютъ длинными гороховыми стеблями, „горохвинами“, которые своимъ цвѣтомъ имѣютъ сходство съ медвѣжьей бурой шерстью.

Журавель обыкновенно сопутствуетъ медвѣдю. Для него на высокой палкѣ дѣлается птичья голова; къ палкѣ привѣшивается ши-

рокій мѣхъ или взятая въ складки простыня, подъ которыми скрывается паренъ. Журавль пляшетъ, длиннымъ клювомъ долбитъ зрителей и всячески смѣшитъ ихъ.

Въ южной части Могилевской губернии канунъ Нового года называется „щоброю кутьею“, „богатою кутьею“, „толстою кутьею“. Такія названія приданы этому вечеру потому, что къ ужину готовится весьма обильный столъ, такъ какъ всякій считаетъ своею обязанностью встрѣтить новый годъ въ возможномъ довольствѣ. Всѣ блюда въ этотъ день скоромныя; среди нихъ первое и обязательное мѣсто занимаютъ блины, къ которымъ подается растопленное сало съ „шкварками“ и колбасы. Затѣмъ подаются: борщъ съ свиной, крушникъ съ гречневой крупой съ поросатиной, крутая каша съ саломъ.

Въ этотъ вечеръ колядные игры достигаютъ своего апогея: возобновляется хожденіе вертепъ, бродитъ снова коза, водить кобылу, медвѣдя, журавля. Дѣвушки наряжаютъ Щодру. Для роли Щодры выбирается полная красивая дѣвушка. Подруги одѣваютъ ее въ лучший костюмъ, на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтной бумаги и навязываютъ на него столько разноцвѣтныхъ лентъ, что ими покрывается дѣвушка до пояса: „трѣба, щобъ Щодра касматая була“. Дѣлается это для того, чтобъ и новый годъ былъ пріятный и богатый.

Убравши такъ Щодру, дѣвушки, съ Щоброю во главѣ, ходятъ по домамъ и „щедруютъ“, то есть поютъ щедровки. Нѣкоторыя изъ нихъ здѣсь приводятся:

У нашего пана, пана Хвѣдара —
Радуйся Тройца, Сынъ Божій нарадіўся! *)
На дворѣ тры сталы стаяли,
За тыми сталами тры святцы сядѣла,
Первая свѣта—святѣя Ражество,
Святоя Ражество намъ радосьть прынясло.
Другѣя свѣта—святѣя Василья, —
Святѣя Василья намъ свѣта прынясло.
Трѣтья свѣта—Иванъ Храсѣтѣяль, —
Иванъ Храсѣтѣяль вадѣ пірахрѣсѣтѣ.
А ти дома, дома Да ни кажитца,
Самъ панъ—хадѣинъ, — Прыбирайтца —
Святый вѣчаръ! Святый вѣчаръ!
А хоть и дѣма, Прыбирайтца,
Да ни кажитца — Ёнъ Щодру дарѣтъ —
Святый вѣчаръ! Святый вѣчаръ!
Д. Новоселки, Гом. уѣз.

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждой строки.

Ой, рана, рана
Куры папѣли—
Святый вѣчаръ!
А ранѣй тагѣ
Марѣя устала,
Святый вѣчаръ!
Па дварѣ хадѣла,
Званкомъ званѣла —
[св. в.
Вайшла ў сѣни,
Зазванѣла—св. в.
Зазванѣла,
Байръ будила—св. в.
Вставайця, байры,
Кѣни сядѣйця, св. в.
Бѣдця на ўловы
У зялѣны дубровы—
Святый вѣчаръ!
С. Кошелево, Рогач. у.
Поется хозяйкѣ.

Вариантъ.

Ой, рана, рана
Куры папѣли—
Святый вѣчаръ!
А ранѣй тагѣ
Стяпанка устаў, св. в.
Па дварѣ пахадѣў,
Званкомъ пазванѣў,
[св. в.
Званкомъ пазванѣў,
Братцаў пабудѣў, св. в.
„Вставайця, братцы,
Кѣний сядѣйця, св. в.
Кѣний сядѣйця,
На'блыву бѣдця, св. в.
На блыву бѣдця
Кѣнаў сачѣти, св. в.
Кѣнаў сачѣти,
Дѣвакъ сватати, св. в.
Вамъ, братцы, кѣна,
Куна ў дѣрави, св. в.
Мнѣ, братцы, дѣўка,
Дѣўка ў тѣрами, св. в.

А ты, мой кѣню,
Я тябѣ прадамъ, св. в.
Запрадамъ тябѣ
За лукъ, за стрѣлку,
[св. в.
За лукъ, за стрѣлку,
За красну дѣўку,
Святый вѣчаръ!
Святый вѣчаръ, дабры—
[вѣчаръ!
Поется сыну хозяина.
М. Жлобинъ.
—
А збѣгла, збѣгла
(вм. бѣгла).
Съ поля старожа—
Святый вѣчаръ, съ
[поля старожа!
Да прыбѣгла
Кѣ Иваньку на дворъ,
Св. в. кѣ Иваньку на
[дворъ!

„Ти спишь, ти ля-
жышь,
Маладый Иванчикъ?
Св. веч., маладый Ива-
ничка?“
— Ни сню, ни ляжѣ—
Листочки пишу,
Св. в., листочки пишу!
Листочки пишу
Да кѣ паненки шлю,
Св. веч., да кѣ паненки
[шлю.
„Хоть шли, хоть ня
[шли—
Ни твай бѣдѣ,
Св. в., ни твай будѣть!
Твай паненку
Ў палѣнъ забрали,
Святый вѣчаръ, ў па-
лѣнъ забрали!
Ў палѣнъ забрали
Турки съ татарми,

Св. веч., турки съ та-
тарми!
Турки съ татарми,
Байръ зъ байрами,
Св. веч., байръ зъ ба-
ярми!“
— А я тыхъ байръ
Мѣчамъ парублю,
Св. веч., мечамъ па-
[рублю!
А я тыхъ тѣракъ
Канѣмъ патапчѣ,
Св. веч., канѣмъ па-
[тапчу,
Я сваю панѣнку
За сибѣ вазмѣ,
Святый вѣчаръ, за сибѣ
[вазмѣ!
С. Хоново, Бых. у.
Поется холостому сыну
хозяина.
—
Хѣдѣть, нахѣдѣть,
Святый вѣчаръ!
Мѣсяцъ па нѣбу,
Святый вѣчаръ!
Клича, паклича
Зѣры съ сабѣю, св. веч.
„Охъ вы, зѣрачки,
Сястрицы маѣ, св. в.
А хадѣмъ жа мы
Пана шукати, св. в.
Пана шукати,
Пана Вѣсипа, св. в.
Сядѣть панъ Вѣсипъ
За сваимъ сталомъ,
[св. в.
За сваимъ сталомъ,
Ў новыхъ будынкахъ,
[св. в.
За сталомъ сядѣть,
Тры кѣбки дяржѣть,
[св. в.
У первамъ кубку
Зілянѣ вино, св. в.

У другімъ кубку	Судья сядѣла, св. в.	Скотъ парадіѹ, св. в.
Кудрава пива, св. в.	Судья сядѣла,	Што у тыхъ кашарахъ
У трѣтьямъ кубку	Суды судила, св. в.	Валы да каробы, св. в.
Салодакъ мѣдокъ, св. в.	Ой, каго жъ нямѣ	Валы да каробы,
Зилянѣ вино	Да судбѹ судить, св. в.	Варанія кони, св. в.
Ли самога ёго, св. в.	А нямѣ, нямѣ	У поли ядрѣ,
Кудрава пива,	Дасвятога Ильли, св. в.	У доми сѣтяблѣ, св. в.
То дѣткамъ ёго, св. в.	Святога Ильли	У доми сѣтяблѣ,
Салодакъ мѣдокъ—	Судоу судити, св. в.	На кашарахъ плодна,
То жанѣ ёго,	Ой, каго жъ паслатъ	[св. в.
Святой вечаръ!	Да Ильли шукать, св. в.	Мы жъ тябѣ, панъ
М. Жлобинъ, Рогач. у.	— Паслатъ святога	Иванъ,
Поется хозяину.	[Пятрѹ	Ня зниважѣямъ, св. в.
—	Да Ильли шукать, св. в.	А съ святымъ Васи-
Ой, дѣ жъ мы ходимъ,	Шоу святой Пятрѣ,	[лѣмъ
Дѣ пахѣджуямъ?	Да Ильли ня нашоу,	Праздараўляямъ, св. в.
Святой вечаръ!	[св. в.	Бувай жа здарѹ
Мы на етый дворъ	Пятро въ варѣты, —	Исѣ сваей жанѣ, св. в.
Да й захѣджуямъ, св. в.	Альля у другія, св. в.	Сѣ усѣю сямѣей
На етымъ дварѣ	„Дѣ жъ ты быу, Альля,	И зѣ дѣтачками, св. в.
Агнѣ гарѣли, св. в.	Дѣ пахѣджувау, св. в.“	А за нашы прыпяўки
Агни гарѣли,	— Я па полю пахѣдѹ,	Гарняцъ гарѣлки, св. в.
Свячы палѣли, св. в.	Жыта парадіѹ, св. в.	А за нашы прыказки
Свѣчы палѣли,	Жыта, пшаніцу,	Килбасѣ тры вѣязки!
Сталы стайли, св. в.	Ўсѣяю пшаніцу, св. в.	Святой вечаръ, дабры-
Што за тыми сталами	Па кашарахъ пахѣдѹ,	вечаръ.

М. Жлобинъ. Поется хозяину. По содержанию примыкаютъ къ циклу волоческих-пасхальныхъ.

Къ нимъ должна быть причислена и слѣдующая пѣсня, записанная во владиміровской волости, городокскаго уѣзда, витеб. губерніи.

Ишла Каляда да па вулицы —
Кѣляда, Кѣляда!

(послѣ каждой строки).

Да па вулицы, па мятелицы.
Прышла Каляда на тѣсѣвый дворъ:
„А ти спишъ, ти ляжышъ, панъ хозяинъ?
Кали шъ ты спишъ, то спи здарѹ,
А кали ня спишъ—атапры вакно,
Атапры вакно, пагляди на дворъ:
На тваёмъ дварѣ да што дѣтца?
Стайтъ теримъ вышы харѣмъ,
А у томъ тирамѹ да чатыры вакна:
У первамъ вакнѣ ясный мѣсяцъ,

Въ другомъ вакнѣ красна сонца,
Въ трѣтьимъ вакнѣ дробны звѣзды,
А у чатьвѣртамъ бѹинъ вѣтирь.
Ясный мѣсяцъ—самъ хазяинъ,
Красна сонца—жына ягѣ,
Дробны звѣздачки—ягѣ дѣтушки,
Бѹинъ вѣтирь—ягѣ слѹжыньки.

Запис. Л. Ф. Русакова.

Въ другой пѣснѣ, записанной къ сожалѣнію въ неполномъ видѣ, дворъ хозяина описывается такъ:

Тамъ жалѣзныи тынъ,
Мидяныя варатѣ,

Падварѣтница—рыбѣя щѣчичка,
А защѣпачка—рыбѣя косточка.

Эпитеты эти взяты цѣликомъ изъ пѣсенъ волочобныхъ, что указываетъ на бывшую нѣкогда близость этихъ двухъ цикловъ.

Въ Полоцкомъ уѣздѣ такіе варианты:

Мы хадѣли, мы гуляли,
Калядѹщички, — Кѣлида! Кѣлида!
(послѣ каждаго двухъ строкъ).

Мы хадѣли да пыталися
Да багатыга дварѣ Иванькиныга.
А багатыи дворъ
На сямѣ стаўбахъ,—
А асѣода стайтъ
Ў дивятѣ вѣрстахъ!
Стаўбѣ тѣчанья,
Пазалѣчанья,
А варѣтики мидяныи
А защѣпычки—лавяныи.
А у томъ дамѹ
Самъ хазяинъ—гаспадѣрь,
А хазяюшка—
Красна барынька!
Самагѣ-жъ хазяина
Дѣма нѣтути,
Ѣнъ паѣхау
Суды судить,
Суды судить,
Ряды рядить
Атъ суда Ѣнъ бярѣтъ
Па стѹ рублѣу,
Атъ ряды дабрѣ
Ажъ па тысячи.

На чужѣй старанѣ
Сабрау многа дабрѣ,
Зваратѹся-жъ Ѣнъ
Да свайвѣ дварѣ;
А купиу-жа Ѣнъ
Тры нѣвада;
Тры нѣвада,
Тры шалѣвинькихъ,
Аблѣжѹ-жа Ѣнъ
Сѣня-мѣрюшка.
Ой, тѣни, патѣни,
Дѣнь да вѣчара,
А паймау-жа Ѣнъ
Трѣхъ акунѣу.
Адѣнъ акунѣ
Ва стѣ рублѣу,
А другѣй акунѣ
Ва цѣлу тысячу,
А какъ трѣтьтиму—
Цанѣ нѣтути!
А ягѣная цана
У хазяина ляжѣтъ,—
У хазяюшки на сталѣ,
На блѣдечки!
Добрѣ-хазяинъ нашъ
Багатыи Иванька!
Принимай гасѣтѣй за пѣсинку!

Если хозяинъ медлитъ:

Нѹ-жь, хазѣинъ, пыскарѣй,
Пыдарѣ свайхъ гасѣтѣй!
А ня хобишь ты дарыть,
Иди сабѣкъ зъ намъ дражниъ,
Барадой людѣй смяшыть!
Кѣлида! Калида!

—
Прышла Калида,
Напярѣдъ Ражтѣа,
Ўпярѣдъ прѣзничка!
Й а хадѣла—гуѣла Кѣлида,
Па багѣтому па двѣру,
Па зялѣному па саду!
Багѣтый двѣръ
На сямѣ вярѣтахъ,
На васѣмѣ стаѣбахъ,—
Стаѣбы тѣчанье
Пызалѣчанье.
Сириѣ тыхъ стаѣбѣу
Тры тѣрима стайть:
У пярвѣмѣ тирямѹ—
Свитѣль—мѣсѣцъ,
У другомѣ тирямѹ—
Ясна сѣунушка;
А ў трѣтьѣмѣ тирямѹ—
Частѣи звѣздычки.
Свитѣль мѣсѣцъ—
Хазѣинъ вѣ дамѹ;
Ясна сѣнца—хазѣюшка,

А частѣи звѣздычки—
Мѣлы дѣтушки.
Хазѣина дѣма нѣтути
Ёнъ у гѣрадъ сѣѣхаѣшы,
Рядѣ рядѣтъ,
Судѣ судѣтъ,
Ёнъ атъ рядѣ бярѣтъ
Па сѣтни рублѣу,
Атъ судѣ бярѣтъ
Па тѣсѣчи,
Дѣдитъ хазѣинъ
Па сѣнѣму мѣру—
Махнѣу ѡяслѣмъ
Правѣи рукѣ,
Свалѣу сѣ мѣлъ мизѣнца
Залѣтѣи калѣцѣ.
Закѣнуу сѣтки
Ў синѣе мѣря,
Хатѣу паймѣтъ
Залѣтѣи калѣцѣ,—
Ни паймѣу калѣцѣ,
Паймѣу тры акунѣ
Златѣпѣрыи:
Адѣнъ акунъ—
Цѣна—сто рублѣу,
А другѣи акунъ—
Бѣольшѣ—тѣсѣчи,
А трѣтьѣму акунѣ—
Цѣнѣ нѣтути.

Зап. П. О. Альхимовичъ.

Ишла Калида, калядѣючы, Эй, Калида, Калѣдица!
Каля дварѹ, ды й бядѣючы,
За ѣй хлопчаки, ѣси жабрѣючы.
Прышла Калида кы Вану у дворѣ:
„Ай, дарѣ, дарѣ, пѣня Иванѣ,
Бѣчку пшѣницы, наверхъ ярѣцы!
Кали ни хочѣшь бѣчку пшѣницы, наверхъ ярѣцы —
Дыкъ дарѣ, дарѣ, пѣня Иванѣ, млоду Марусѣку!
— А май млода самѣму згѣда! Эй, Калида, Калѣдица!
Ишла Калида, калядѣючы (и т. д. сѣ начала)
... Дыкъ дарѣ, дарѣ, пѣня Иванѣ, сына жанѣ!
— Сына жанѣти, пѣва варѣти! Эй, Калида! Калѣдица!

А ў лужкѹ, ў лужкѹ,
На жоѹтымъ пѣсѣкѹ,
Святой вечарѣ!
Раѹчѣбѣкъ бяжѣтъ,
Клѣдачка ляжѣтъ, св.

[веч.
На той клѣдацы
Конѣчѣкъ стайтъ, св. в.
На томѣ конѣчку
Сѣдѣльца ляжѣтъ, св. в.
На томѣ сѣдѣльцы
Андрѣйка сѣдѣтъ, св. в.
Хвалѣтѣца канѣмъ
Пѣрадѣ карѣлѣмъ,

[св. веч.
Нѣмѣ ў карѣлѣ
Такѣга канѣ, св. в.
Хвалѣтѣца жупѣнамѣ
Пѣрадѣ свѣимѣ пѣ-
[намѣ, св. в.
Нѣмѣ и ў пѣна
Такѣга жупѣна, св. в.
Хвалѣтѣца стрѣлками
Пѣрадѣ дѣѹками, св. в.
Нѣмѣ ў васѣ, дѣвѣчки,
Такѣхъ стрѣлачѣкъ,
Святой вечарѣ!
Святой вечарѣ, добрый
[вечарѣ!

Поется сыну.

—
А крѣсна, крѣсна
Калина у лузи,
Святой вечарѣ!
Крѣснѣй за тагѣ
Вѣрачка ў тѣтки, св. в.
Па дварѹ хадѣла,
Вѣсь дворѣ крѣсила,
[св. в.
А ў сѣни ўвышла —
Сѣни зазѣяли, св. в.
А ў хѣту ўвышла —
Пѣнѣи стайли, св. веч.

Пѣны стайли,
Шапки знимали,
Да ўгадѣвали, св. в.
Ти тѣ крѣлѣѹна,
Ти тѣ царѣѹна, св. в.
— Я жѣ ни крѣлѣѹна,
Я ни царѣѹна, св. в.
Гнѣтава дѣчка
Слѣшна пѣнначка,
Святой вечарѣ!

Поется дочери.

—
Мѣладѣй Иванка
Вѣкнѣ вымѣя,
Арлѣ стрѣлѣя,
Святой вечарѣ!
— Нѣстрѣлѣй ты арлѣ—
Дѣ да карѣлѣ, св. в.
Дѣетъ табѣ карѣль
Вѣранѣга канѣ, св. в.
Вѣранѣга канѣ
И хѣстку сѣ-падѣ
[злѣта, св. в.
И хѣстку сѣ-падѣ
[злѣта,
И пѣрсѣтинѣ на рукѹ,
Святой вечарѣ!
Сыну.

—
Зажурѣлася
Крѣтая гарѣ,
Святой вечарѣ!
Шѣто ни ўрадѣла
Шѣбѹкава трава, св. в.
Тѣльки урадѣу
Зялѣнѣ вѣнаградѣ,
[св. веч.
— Хѣто тамѹ вѣнаграду
Стѣрѣжа будѣ, св. в.
Мѣладѣй Стѣпанка
Стѣрѣжѣ нѣбѣчку, св. в.
Стѣрогѣ нѣбѣчку,
Стѣрогѣ другѹю, св. в.

А на трѣтьѹ
Крѣпѣнѣкѣ заснѹ,
св. веч.
Прышѣу инѣ ямѹ
Ягѣ тѣтачка, св. в.
Унѣ, тѣвѣ гарѣдѣ
Турѣки абѣлѣлѣ, св. в.
Унѣ, тѣвѣ пѣтрава
Пѣламѣ запѣла, св. в.
Унѣ, тѣвѣ дѣвѣчка
Мѣжду дѣвѣкѣ стала,
[св. веч.

— Я жѣ тѣхъ тѹрачѣкъ
Дѣ ни баѣся, св. в.
Агнѣмѣ выпѣлю,
Мѣчѹ вѣсѣку, св. в.
А свѣю вѣчѣру
Сѣ пѣрѣцамѣ прыпѣраѹ—
[лю, св. веч.
А свѣю пѣнну
Мѣжду дѣвѣкѣ вѣзмѹ,
Святой вечарѣ!
Сыну.

—
Пѣлавѣла вѹтачка
Дѣ й па рѣчацы,
Святой вечарѣ!
Сѣра вѹтачка
Зѣ вѹтѣнѣтѣками,
Сѣ сѣлѣзѣнѣчѣкамѣ, св.
[веч.

Сѣра вѹтачка,—
Тѣ Сахвѣячка, св. в.
Сѣлѣзѣнѣчка,—
Тѣ самѣ Хѣмѣчка св. в.
Вѹтѣнѣтачки—
Тѣ ихъ дѣтачки,
Святой вечарѣ.
М. Жлѣбинѣ. Зап. мною.

Съ падгѣрья, горѣя,
Падъ нови сѣни —
Саколя!
Саколя ясный,
Панича красный
Сяргѣйка!
Бдя Сяргѣйка
Падъ нови сѣни—Саколя и т. д.
Винасили ямѹ
Яшнаю лусту—Саколя и т. д.
Ёнѣ лусты ня прымая,
Назадѣ ступая—Саколя!
Винасили ямѹ
Миску чирвѣнцаѹ—Саколя!
Ёнѣ чирвѣнцаѹ ня прымая,
Назадѣ ступая—Саколя!
Вивадили ямѹ
Краснаю паню—Саколя!
Краснаю паню (вм. панну),
Маладую Марью—Саколя!
Ёнѣ паню узяѹ
И шапачку зняѹ—Саколя!
Спасиба паню
За ягѣ паню —
Саколя!
Саколя ясный,
Панича красный
Сяргѣйка!

Маладый Игнатка
Па таргѹ хѣдя—раю!
Раю, мой раю,
Радуйся зѣмля
Вѣкъ да вѣку!
Па таргѹ хѣдя,
Коника вѣдя—раю и т. д.
Коника вѣдя,
Съ канѣмъ гавѣра—раю...
„Ой, кѣню, мой кѣню,
Прадѣмъ тябѣ я—раю...
За сто чирвѣнцаѹ
За бочку вина“—раю...
— Ой, той жа кѣню
Ямѹ говѣра—раю...

„Маладый Игнатка,
Ни прадавай мянѣ—раю...
Буду я табѣ
Въ вяликай прыгѣди—раю...
Бѹдяшѣ ты жанитися,
Да Ганначку братѣ—раю...
Намашѹ масты
Ўсѣ сталѣныя—раю...
Пастаѹлю стаѹпѣ
Ўсѣ мядѣныя—раю...
Павѣшу шнуры
Ўсѣ шаѹкѣвыя—раю...
Паравязѹ тябѣ
Чаразѣ сѣня мора—раю...
Стаѹпѣ зазвинѣть,
Шнуры зашумѣть—раю...
Буду я ѣхатѣ
И Ганначку вѣзѣть—раю...
Ганначку вѣзѣти, —
Масты затрацѣть—раю
Масты затрацѣть,
И я буду рзѣть—раю!
Раю, мой раю,
Радуйся зѣмля
Вѣкъ да вѣку!

А ѹ пѣли, пѣли
Свѣчачка гарѣла —
Украшѣння
Да нашѣ святыя Божа,
Пахвалѣння
Да на нѣби!
А съ той свѣчачки
Искарка ўпала —
Украшѣння и т. д.
(послѣ каждыѣхъ двухъ стрѣкъ).
Искарка ўпала,
Тамѣ вѣзяра стала.
Якѣ на томѣ на вѣзяры
Самѣ Гаспѣдѣ купаѹся.
Самѣ Гаспѣдѣ купаѹся,
Съ трымѣми святыми.
А первая свѣта —
Свѣтѣ Ражаство,

А другѣя свѣта —
Свѣтѣ Васѣллыя,
А трѣтѣя свѣта —
Свѣтѣ Храцѣння!
А ѹ пана Стяпана,
Була ѹ яго пана,
У яго дварѣ
Стаяли прыстѣлы,
Стаяли прыстѣлы,
Ўсѣ пазасѣтилѣны,
На тыхѣ на прыстѣлахѣ
Стаяли тры чары,
Стаяли тры чары,
Ўсѣ паналиваны.
А у пѣрвай чары
Зялѣная вино,
А у другой чары
Саладѣкѣ мядѣкѣ,
А у трѣтѣй чары
Пшанишнѣя пива.
Зялѣная вино —
То пану Стяпану,
Саладѣкѣ мядѣкѣ —
То жанѣ ягѣ,
Пшанишнѣя пива —
То дѣткамѣ ягѣ!

Украшѣння
Да нашѣ святыя Божа,
Пахвалѣння
Да на нѣби!

А на мѣры, мѣры,
Да на сѣнямѣ —
Щѣдрыхъ вѣчарѣ,
Добрыхъ вѣчарѣ!
Тамѣ ляжала кладка
Да кидрѣвая,
Щѣдрыхъ вѣчарѣ и т. д.
(послѣ каждыѣхъ двухъ стрѣкъ).
Тамѣ Хрыстова мати
Рызы паласкала.
Палажыла рызы
Да на камушку.

Прылатѣли кѣ ѡи
Да тры янгѣлы,
Ухапѣли рызы
Да на крѣлушки,
Палажыли рызы
Ў цѣркви на прыстоли.
„Хто етыя рызы
Будя надѣвѣти?“
— Будя надѣвѣти
Самѣ Исусѣ Хрыстѣсѣ,
Будя служѣбу служыть
За пана Стяпана,
За пана Стяпана,
За жану ягѣ,
За жану ягѣ
И за дѣтакѣ ягѣ!
Щѣдрыхъ вѣчарѣ,
Добрыхъ вѣчарѣ!

А ѹ ляску, ѹ ляску,
На жоўтамѣ пяску —
Святыя вѣчарѣ!
Пава хадѣла,
Пѣрѣя ранѣла—св. в.
А за той пѣвай
Дѣўка Мѣрѣячка—св. в.
Услѣдѣ хадѣла,
Пѣрѣя збирала—св. в.
Пѣрѣя збирала,
Ў рукавѣкѣ клала—св. в.
Зѣ рукаўка брѣла,
Вянѣчикѣ вѣла—св. в.
А звѣўшы вянокѣ,
Да пашла ѹ танѣкѣ—св. в.
А у томѣ танку
Трохѣ пѣлюбила—св. в.
Аднамѹ дала
Залатѣй пѣрѣсѣтянѣ—св. в.
Другому дала
Шѣўкаву хѹсту—св. в.
А за трѣтѣяга
И сама пашла!
Святыя вѣчарѣ!

А ў лѣси, ў лѣси
 Стайла святланка арѣхавая —
 Святый вечарь!
 А ў той святланци
 Дѣўка Алѣнка—св. в.
 Дѣўка Алѣнка
 Шыла шырынку—св. в.
 Перваю сшыла
 Краснянскимъ шбўкамъ св. в.
 Другую сшыла
 Бѣлянскимъ шбўкамъ—св. в.

А трэтыю сшыла
 Чорнянскимъ шбўкамъ—св. в.
 Що бѣлымъ шыла, —
 Татку аддала—св. в.
 А краснымъ шыла —
 Матары дала—св. в.
 А чорнымъ шыла —
 То брату дала—св. в.
 Зблатамъ рубила
 То другу дала —
 Святый вечарь!

Д. Дубровка, Краснобудск. вол.,
 Гом. у. Запис. кр. Л. М. Ткаченко.

За пѣсни хозяинъ высылаетъ щедровницамъ хлѣбъ, блины, сало или деньги. Однѣ продаютъ все это, другія несутъ домой на пропитаніе.

Часть собраннаго хлѣба сушится на сухари и сберегается цѣлый годъ до будущей щодрой куты. Хлѣбъ этотъ называется „щадраваный“ и употребляется какъ лѣкарство. По мнѣнію народа, особенную пользу онъ приноситъ людямъ и животнымъ, укушеннымъ бѣшеною собакою. При извѣстномъ заговорѣ, хлѣбъ щедрованный предупреждаетъ у нихъ бѣшенство.

Если хозяинъ долго не высылаетъ подачки, щедровницы поютъ:

Щодрыкъ—бодрыкъ,	Карѣтки свитки —
Дай вареникъ,	Памѣрзли лытки,
Лѣжачку кашки,	Батьки сварылись,
Наверхъ каўбаски!	Щобъ ня барылись
Нутя, дарытя,	Матка казала,
Насъ ня барытя:	Щобъ кусокъ сала!

Гомельск. уѣз.

Въ ночь на Новый годъ дѣвушки гадаютъ. Гаданья эти очень несложны. Найдя, напимѣръ, длинный частоколь, дѣвушки считаютъ въ немъ колья. Если число ихъ счетное, дѣвушкѣ предстоитъ замужество въ наступающемъ году; при числѣ нечетномъ она останется въ дѣвушкахъ.

Если число окажется четнымъ, тогда дѣвушка старается узнать, за кѣмъ же ей быть замужемъ: за хлопцемъ или за вдовцомъ. Съ этою цѣлью она снова пересчитываетъ колья съ словами: молодецъ! вдовецъ! молодецъ! вдовецъ! Какое слово придется на послѣдній колъ, за тѣмъ и быть замужемъ.

Нарочно сдѣланной лопаточкой дѣвушки мѣшаютъ новогоднюю кутю. Потомъ, выйдя на улицу, очищаютъ лопатку отъ прилипшихъ

зеренъ. Если въ это время залаетъ собака—будутъ къ дѣвушкѣ сваты, и именно съ той стороны, откуда залаяла собака.

Выйдя на дворъ, снимаютъ съ ноги башмакъ и изо всѣхъ силъ бросаютъ его на улицу: въ какую сторону носкомъ ляжетъ башмакъ, оттуда и будутъ сваты; если башмакъ упадетъ носкомъ къ бросавшей, значитъ сватовъ къ ней въ этомъ году не будетъ.

Подслушиваютъ разговоры подъ чужими окнами и по ихъ содержанию опредѣляютъ свое будущее.

Оригинально, что воры „заворовываютъ“ тоже въ ночь на Новый годъ, и именно предъ разсвѣтомъ, до восхода солнца. Если ихъ на этой кражѣ не поймать, то въ теченіе всего года имъ въ кражахъ будетъ удача.

Въ этотъ же вечеръ дѣвушки наряжаются *цыганами*. Одну дѣвушку надѣваютъ въ мужской цыганскій костюмъ, привѣшиваютъ ему бороду изъ обсыпанной сажей пеньки, наводятъ усы, даютъ кнутъ за поясъ. Другую одѣваютъ старухой цыганкой; одинъ большой платокъ или рядно надѣваютъ на лѣвое плечо и концы завязываютъ подъ правой рукой; другой платокъ повязываютъ на голову чалмой, такимъ образомъ, что сзади одинъ изъ угловъ платка спускается до пояса; на лѣвую руку кладутъ свернутыя въ видѣ большой куклы тряпки. Это „Сидорка“—ребенокъ цыганки. Прочія дѣвушки одѣваются молодыми цыганками: въ такой же балахонъ—платокъ, но съ обнаженными головами, на которыхъ въ волосы вплетаются красныя ленты. Волоса, брови и лица чернятся сажею. Загримировавшись такимъ образомъ, цыгане смѣло идутъ въ домъ и начинаютъ пѣть и плясать. Наиболѣе употребительныя пѣсни при этомъ слѣдующія:

А на гарѣ цыганы стайли, —
 Думала, думала, падумала!
 Падъ гарбю шатры распинали,
 Думала и т. д.

(послѣ каждой строки).

Ўси цыганы пили и гуляли,
 Адинъ цыганъ ня пѣе, ня гуляя,
 На цыганку скѣса паглядая:
 „Ты цыганка, ты май каханка!
 Ты бярѣ-ка ключи залатыя,
 Атыкай-ка скрыни тясавія,
 Ты бярѣ-ка сѣракъ тысячъ грѣ-

[шый,

Еще къ таму таляръ залатый!“
 Думала, думала, падумала!

Якъ паѣхаў Халимонъ
 У пѣлі араті,
 Да забўўся Халимонъ
 Хлѣба-соли ўзяти
 А-та-й-ла, а-та-лѣй,
 Хлѣба-соли ўзяти.
 А прыѣхаў Халимонъ
 Цыганку ганяти:
 Чаму мнѣ ни нагадала
 Хлѣба—соли ўзяти?
 А-та-й-ла, а-та-лѣй и т. д.

—
 Я цыганка маладая,
 Я цыганка ни прѣстая —
 Ўмѣю варажыты,
 Ўмѣю варажыты!

Пакажы-ка, барынь, ручку, — Я па жэртацы йшла,
 Палажы-ка гробшый кучку, — Я па тбненькай,
 Ёсю праўду скажу, Па ялбвинькай, —
 Ёсю истиннаю! и т. д. Мая жэртачка
 — Ня гнётца, ня лбмитца! и т. д.

„Атскакаўшы, „круговую“, цыганъ съ старай цыганкай гуляють „руськага“ (комаринскаго)—цыганъ у прысядки! И кнўтамъ паганяя стараю цыганку: „вб, старая! ты ўжэ лянїсься!“

Паскакаўшы, старая цыганка кжа на маладыхъ: „што жъ вы? идитя варажыть!“ И тыя варбжуть: „щасльївая май, таланьївая! дай я табѣ паваражў!“ Бяруть за рукў и варбжуть, брещуть, якъ-разъ, якъ праўдишныя цыганки.

Ну, тагды дають имъ па рўмки гарэлки, хлѣба кусокъ, сала, бульбы и атпраўляють“.

Гом. Рогач., Быховск. уѣзды.

На второй день праздника Рождества Христова, послѣ обѣда, молодежь устраиваетъ гулянье съ музыкой и танцами. Это гулянье называется „игрищемъ“. Къ устройству игрищъ больше хлопотъ прилагають „дѣвки“: онѣ заготавливаютъ съѣстное для закусокъ и для „вечеры“ (ужина), въ видѣ сала, колбасъ, муки, крупы и т. д., которыя приносятся на „хватуру“ для посидѣлокъ еще задолго до игрища, большею частью тайкомъ отъ старшихъ членовъ семьи. Все это, часто въ огромныхъ количествахъ, отдается въ распоряженіе хозяйки хватуры и она уже стряпаетъ „вечеру“. Для этого она должна напечь рѣшета два блиновъ, нажарить сала, колбасъ, свинины, наварить нѣсколько горшковъ каши изъ различныхъ крупъ и „спрѣгти“ побольше „яешни“ и сыру. Только время отъ времени та или другая изъ „дѣвчатъ“ прибѣгаетъ помочь „хозяйцы“ „пбратца“. Дѣвушки же нанимають и музыку, обыкновенно—скрипку съ бубномъ.

Днемъ на игрищѣ „гуляють“ только однѣ дѣвушки. Гуляня эта выражается исключительно въ танцахъ. Но вечеромъ приходятъ хлопцы и приносятъ водку и пиво, принимаютъ участіе въ складчинѣ и деньгами. Игрище оживляется. Движенія танцующихъ дѣлаются свободнѣе; тактъ отбивается увѣренно и звучно; припѣвки у дѣвушекъ, подъ вліяніемъ водки, отъ которой немногія изъ нихъ отказываются, дѣлаются разнообразнѣе и веселѣе, а подчасъ и безцеремоннѣе.

Молодежь прерываетъ танцы только для того, чтобы выпить и закусить.

Такъ продолжается игрище всю ночь. Прекращаетъ его обыкновенно музыкантъ, угощаемый водкой часто и не въ очередь, и потому скорѣе другихъ изнемогающій. Онъ, гдѣ сидитъ, тамъ и засыпаетъ.

Тутъ только танцоры начинаютъ чувствовать, что у нихъ ноги совершенно разбиты. И подражая музыкантамъ, они тоже заваливаются спать, или „въ покотўху“ на полу, или кто гдѣ приткнется.

Расходятся по домамъ уже утромъ.

До послѣдняго времени употреблялись только древнѣйшіе танцы: кружокъ, барыня, метелица, веробей, чижики, подушечка, казачекъ. Но теперь получили распространеніе и городскіе танцы, въ особенности польки и кадрили.

Такъ какъ вечера отъ дня Рождества до Крещенія „святые“ и работать въ нихъ нельзя, то молодежь собирается на свою „хватуру“ каждый вечеръ и проводить время въ различныхъ забавахъ: танцуютъ подъ пѣніе „припѣвковъ“, играютъ въ Терешку, въ ящуря, въ королевича, гадаютъ на оракулѣ, соломонѣ, играютъ въ карты и т. п. Водки уже не бываетъ, угощаются тѣмъ, что кто принесъ: яблоками, орѣхами, сѣмечками и т. п.

Игра въ Терешку описана въ VII вып. „Бѣлор. Сборн.“, причемъ приведены и образчики поющихъ при этомъ пѣсенъ, съ ихъ мотивами (19, 41). Здѣсь приводятся тексты остальныхъ пѣсенъ „изъ Тярэшки,“ какъ онѣ поются въ Дисненскомъ уѣздѣ.

Тярэшка, хахў-хахў,
 Што ў тябѣ ў мяхў, ў мяхў?
 — Шпїлчички-игблачки,
 Златыя пярсѣтѣначки.
 Иголками шыть будимъ,
 Пярсѣтѣнки насїть будимъ!

Тярэшка, Тярэшынька,
 Тиразь боръ дарбжынька,
 Битая, таптанаая,
 Я ў мамки каханаая!

Пайдў я у новый токъ,
 Найду я курбї кутокъ,
 Питушка ни вбднага.
 Вы, курки, ни сакачѣтя,
 Галбавакъ ни клапачѣтя:
 Ёсць ў мянѣ рѣшата перья,
 Куплю я питушка пѣўна,
 Ёсць у мянѣ и другбї,
 Куплю я и раббга!

За гарбї сабаки брещуть,
 Мой милый дарбгай чѣшыть,
 Чѣшучы, празастаўся:
 На нбца ботикъ стаптаўся,
 А ў штанахъ мотузь парваўся.

У гарбдѣ чырвбна й рбжа,
 Ня буду хвалїтца дужа,
 Што Богъ даў добрага мужа:
 Якъ стану работку рабїть,
 Тады ёнъ вѣсїть глядїть,
 Якъ стану малада стагнаць:
 „Капъ тябѣ гбткаю ни знать!“

Сядѣла котка на кухнї,
 Ды ў яѣ вочки патпўхли.
 „Чаго жъ ты, кбтачка, плачышь,
 Ти пїти-ѣсѣтяки хбчаншь?“
 — Я й пїть-ѣсѣти ни хачў,
 Па сваѣй крїўданьцы плачу:
 Самъ кўхаръ пчѣню зылизавў,
 На мянѣ, кбтаньку, сказаў!
 Мѣлїся лапачки пабїть,—
 Чымъ буду щўрычыкъ лавїть?

Гуляйтя, дѣвачки, тяперъ,
 Якъ нїма малинькихъ дятей!

Якъ будуть малыя дѣти—
Ни захочытя палядѣти.

А здайся, дѣдичка, здайся,
На другихъ ни заглидайся!
Да у кутку дѣвачки стайтъ,
Памогутъ дѣдичку спаймать!

Мой дѣдка папуть, папуть¹⁾,
Вялікій пархуть, пархуть:
Ня ўмѣить скорынька хадить,
Ня ўмѣить бабачки лавить!
— Хуть жа я й павалюся,
За бабай паганюся,
Хуть жа я нѣжачку зламлю,
А я сваю бабачку злаўлю!

Ни ўтикай, мой воўкъ шэры, —
Пашью кажухъ бѣлый!
Ни ўтикай, шарусинькій,
Пашью бялюсинькій!
Ни ўтикай, дѣдка Силивонъ,
Даганю, хуть съ тѣбѣ духъ вонь!

Ни ўтикай, дѣдя-либѣдя,
Нашѣмся пива па'бѣди!
Ни ўтикай, дяўличка,
Я шъ твая бабўличка.

Тярэсцы бидѣ стала:
Съ кимъ яго жана спала?
Падъ гѣймъ зялянѣнькимъ,
Съ казакѣмъ маладѣнькимъ.
Ти спала, ти ни спала,
На яго бидѣ стала!

Божа мой, вяліка бяда,
Дали мнѣ старѣга дидѣ:
Ни мнѣ яго спавиваѣти,
Ни мнѣ яго калыхаѣти!
Якъ стану спавиваѣти,
Ёнъ мянѣ абнимаѣти,

Якъ стану калыхаѣти,
Ёнъ мянѣ цалаваѣти.

На вулицы скрыпка играѣтъ,
Мянѣ стары дѣдъ ни пускаѣтъ.
Пайду я памалюсиньку,
Каля яго патихусиньку,
А за мной стары дѣдъ идѣтъ,
У рукахъ вярѣўку нясеѣтъ.
„Ня бѣся, дѣдя, нѣколі,—
Ни пайдў бизъ тваѣй воли!“

Пайў я коника у вядрѣ,
Видиў я рыбачку на днѣ.
Смачная рыбачка язѣкъ,—
Пацалуў, дѣвочка, разокъ!
Смачная рыбачка щучка,—
Лѣхкая мѣлага ручка!

Паю я коника ў вядрѣ,
Виджу я рыбачку на днѣ.
Добрая рыбачка—карась,
Пацалуў, мялянѣкій, хуть разъ,
Ня бѣ мянѣ за игрыща сичасъ:
Я пастаўлю крѣсянцы ў куткѣ,
Я табѣ кашўличку выѣтку,—
Съ чарвѣнымъ каўнѣрыкамъ,
Капъ ты быў жаўнѣрыкамъ!

На неби зорачка ясна,
У сусѣда дяўчына красна.
Хуть жа я ў бядў падў —
Сусѣда дяўчыну ўкраду!
Хуть жа я коника прадамъ—
Сусѣду дяўчыны ни дамъ!

Дайтя жъ мнѣ харѣшага,
Дайтя жъ мнѣ прыгѣжага,
Дайтя жъ мнѣ такѣгъ, якъ я,
Буду я гуляѣть да днѣй!

Мой жа ты татўличка,
Прадай ты карѣвучку,
Купи мнѣ шнурѣвучку!
А зъ мянѣ мальцы сѣмяютца,
Што ў мянѣ с—и трасѣутца,
А зъ мянѣ мальчыки бурчѣтъ,
Што маѣ с—чки тарчѣтъ.

Бадай ты кадўкъ стаптаў,
Якъ ты мнѣ хвартухъ падрѣў:
Гѣта мнѣ татўсь купиў,

Капъ мянѣ Пятрусъ любіў;
Мнѣ мама сайнѣ пашыла,
Капъ мянѣ шлѣхта любила!

Ты мой дѣдъ, ты мой дѣдъ,
А я твая бабка,
Шануй мянѣ, гадуй мянѣ,
Капъ я была глатка!
—Шанавѣтъ буду, гадавѣтъ буду,
А прѣйдитъ ночъ—цалавѣтъ буду!

Д. Заулки. Отъ Анны Пилипен-
ковой записано мною.

Игра въ *ящур* совершается такимъ образомъ:
Посреди хаты кладется колода. На ней усаживается парень, а
кругомъ его дѣвушки, и поютъ:

Сядѣтъ, сядѣтъ Ящуръ,
Ладу, Ладу!
Въ арѣхавумъ кўсьти,
Ладу, Ладу!
Арѣшыки лўщить,
Ладу, Ладу!
Вочками плющить,
Ладу, Ладу!
Парѣшы тѣчить,
Ладу, Ладу!
Жанѣтца хѣчить,
Ладу, Ладу!

Бярѣ сабѣ, Ящуръ,
Ладу, Ладу!
Бярѣ сабѣ дѣўку,
Ладу, Ладу!
Ой, за бѣлу руку,
Ладу, Ладу!
За мѣзяный пѣлицъ,
Ладу, Ладу!
За залатый пѣрсѣтинъ,
Ладу, Ладу!

Тогда парень, сидящій на колодѣ, схватываетъ у одной изъ
дѣвушекъ платокъ.

Пѣсня начинается съ начала. Платокъ срывается съ другой дѣ-
вушки, по выбору Ящурѣ и т. д. Когда всѣ платки будутъ собраны
у Ящурѣ, дѣвушки поютъ ему:

Панѣкъ, панѣкъ,
Аддаў вяноѣкъ!
Я ножки пазнабѣла,
Якъ за вяноѣкамъ хадила,

Я сваѣ ручки пакалѣла,
Якъ на вяноѣчикъ цвяты рвала,
Атъ мамачки хувѣлася,
Атъ татачки тулялася!

Ящуръ отвѣчаетъ:

Я тваимъ вянкомъ
Жаръ загрыбаў,
Хату падмитаў,

Верхъ затыкаў,
.... падтираў!

И бросаетъ чей-либо платокъ. Дѣвушки начинаютъ пѣсни снова,
пока отберутъ назадъ всѣ платки.

Быховск. уѣздъ.

¹⁾ Неповоротливый.

В а р і а н т ы.

Сиди, сиди, Ящуръ, Ладу, Ладу!	Али маладицу, Л. Л.
Ва'рэхувумъ кўсьти, Л. Л.	Ти красну даяицу? Л. Л.
Ў зялёный капусьти, Л. Л.	Чимъ тебе дарыти: Л. Л.
У ліпувумъ лісьти, Л. Л.	Шаўкобымъ платочкымъ, Л. Л.
Дакуль табѣ сядѣти? Л. Л.	Али пнясбчкымъ, Л. Л.
Пара табѣ жанитца! Л. Л.	Зъ руки пирестянѣчкымъ?
Каго табѣ брати: Л. Л.	Ладу, Ладу!
Старую бабу, Л. Л.	С. Несино, Лепельск. у.

Для игры *въ королевича* дѣвушки становятся въ кружокъ. Въ середину кружка выпускается царскій сынъ, или королевичъ,—дѣвушка, которой дается шапка въ руки. Ходя вокругъ царскаго сына, дѣвушки поютъ:

Цароу сынъ, каралевичъ,	Ступай сюды ў горады!
Пры гораду хдѣть,	Ступай сюды ў горады,
Пры гораду хдѣть,	Мѣлай пакланіся.
Шапку ў рукахъ нсѣть.	Мѣлай пакланіся,
А шапачку нсѣть,	Зъ мѣлай абниміся.
Нѣвѣсть выглядаіть.	Зъ мѣлай абниміся,
„Цароу сынъ, каралевичъ,	Зъ мѣлай пацалуйся!

Дѣвушка, стоящая въ кругу, выбираетъ одну изъ подругъ и цѣлуетъ ее. Та беретъ у нея шапку и сама идетъ въ кругъ. Игра продолжается, пока всѣ перебиваются королевичемъ.

Быховск. уѣздъ.

День Нового года извѣстенъ больше подъ названіемъ „Василья“. Утромъ въ этотъ день крестьянскія дѣти ходятъ по избамъ съ мѣшочками въ рукахъ, наполненными различнымъ зерновымъ хлѣбомъ. Войдя въ избу, дѣти обсыпаютъ ее горстью зеренъ, произнося стихъ:

Хдѣя Ільля	Жыта расѣтѣ,
На Василя,	Гдѣ ня махѣя,
Нбся пугу	Тамъ ня буваѣ!
Жытянѣю.	А ў поли ядрѣмъ,
Гдѣ замахнѣ—	А ў доми дабрѣмъ!

„Раді, Божа, жыта-пшаницу, ўсѣкаю пшаницу!“

Засѣвальщиковъ принимаютъ охотно и даютъ имъ баранокъ, сѣмячекъ, орѣховъ, или хлѣбъ и сало.

Въ с. Вылевѣ не такъ давно съ засѣвомъ въ Новый годъ ходили старики.

Днемъ Нового года заканчиваются въ деревнѣ шумныя увеселенія. Хотя святые вечера еще продолжаются, но обрядовыхъ игръ

уже нѣтъ и молодежь въ свободное время поетъ только колядныя пѣсни. По вечерамъ работать совсѣмъ нельзя; но и днемъ не за всякую работу можно браться. Начинать какую либо работу нельзя; веревки вить нельзя; сверлить что-либо нельзя. Можно только рубить дрова и досматривать скотъ. Женщины могутъ прѣсть шерсть и шить новыя вещи; но прѣсть ленъ и пеньку, починять старое бѣлье, платье—нельзя. Иначе и дѣти родятся калѣками и животные будутъ рождаться уродами.

Въ канунъ Крещенія, 5 января, крестьяне соблюдаютъ строгій постъ и до вечера ничего не ѣдятъ, пока не будетъ принесена изъ церкви освященная вода. Когда всѣ члены семьи отопьютъ по нѣскольку глотковъ воды, хозяинъ дѣлаетъ изъ колосевъ ржаной соломѣ кисть—кропило и освященною водою окропляетъ избу и всѣ жилища и нежилыя постройки. Въ то же время пишетъ мѣломъ изображеніе креста на булѣ хлѣба, на иконахъ, на косякахъ оконъ и дверей и на воротахъ хлѣвовъ, гумна и двора. Это называется „записать Коляды“. Въ селахъ окропленіе дворовъ производится священникомъ 6 января съ пѣніемъ тропаря „Во Іорданѣ крещающуся,“ и хозяиномъ только пишутся изображенія креста. День 5 января называется постною кутьею, голодною кутьею.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ этотъ день соблюдается слѣдующій оригинальный обычай. Когда кутья сварится и ее надо переносить изъ печи на куть, хозяйка, взявъ горшокъ съ кутьею въ руки, начинаетъ „кохать“, какъ курица насѣдка: „кохъ! кохъ!“ Дѣти, слышавъ это коханье, стремглавъ бѣгутъ подъ столъ и начинаютъ тамъ кудахтать по куриному: „кудахъ-дахъ-дахъ-дахъ!“ А нѣкоторые кричатъ и по пѣтушину: „кукареку!“ Мать ставитъ тогда кутью на куть, покрываетъ ее сверху „кулидкой“ хлѣба и сыплетъ дѣтямъ подъ столъ сѣмечки подсолнечныя. Подобрать ихъ, дѣти выходятъ изъ-подъ стола.

Клохчетъ мать для того, чтобы куры выводили много цыплятъ; дѣти кудахчутъ для того, чтобы куры чаще неслись; пѣтухомъ поютъ, чтобы среди цыплятъ было побольше пѣтушковъ; а сѣмечки сыплются для того, чтобы въ домѣ было побольше куръ.

Въ Витебской губерніи на куть ставится въ кошблкахъ зерновой хлѣбъ, который потомъ при посѣвѣ весною смѣшивается съ посѣвнымъ хлѣбомъ.

Когда смеркнется, всѣ собираются въ избу; предъ иконами зажигается свѣча и послѣ продолжительной молитвы семья садится „вечерать“. Обязательными кушаньями на этой вечерѣ считаются: борщъ или капуста съ рыбой (большую частью воблой) или съ „алеємъ“; „узваръ“ изъ яблокъ и грушъ съ прибавленіемъ меда, и кутья—также съ медомъ, а у бѣдняковъ съ алеємъ. Когда хозяйка поставитъ на столъ кутью, хозяинъ дома кричитъ въ окно: „Морозъ, морозъ!“

хаді кутыі їсьть! А лѣтомъ ня хаді, ня марозъ нашыя грѣчки, ячмѣню, квасулі!“ Въ это время какойнибудь мальчишка гулко стучитъ палкою по воротамъ. „Вѣ и марозъ прышбѣ!“ говорятъ ужинающіе. Но и безъ палки Крещенскій морозъ потрескиваетъ.

Во многихъ мѣстахъ въ полночь подъ Крещеніе хозяйки ходятъ на рѣку или озеро, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ колодезь, и черпаютъ воду, которую потомъ хранятъ весь годъ, какъ цѣлебную.

Въ Витебскомъ уѣздѣ существуетъ легенда, что у одной дѣвушки, ходившей въ полночь за водой на рѣку, только въ одномъ ведрѣ была вода. Въ другомъ же она превратилась въ вино.

6 января всѣ стараются заранѣе пріѣхать въ церковь и послѣ литургіи на лошадяхъ же ѣдутъ къ Ердани, гдѣ освящается вода предъ ледянымъ крестомъ, облитымъ розовымъ свежловичнымъ разсоломъ. Еще недавно при погруженіи креста въ воду крестьяне стрѣляли изъ ружей. Обыкновенно для этого избирались заранѣе двое лучшихъ стрѣльцовъ. Теперь этотъ обычай выводится.

Производилась же стрѣльба вслѣдствіе существующаго вѣрованія, что „зый нявѣрный“ діаволъ зиму проводитъ въ водѣ. Но когда ее освящаютъ погруженіемъ креста, діаволъ убѣгаетъ изъ воды. А чтобы онъ не остался гдѣнибудь поблизости, его отгоняютъ выстрѣлами. Такое толкованіе получилъ Крещенскій салютъ.

Послѣ освященія воды, всѣ присутствующіе черпаютъ ее въ свою посуду и несутъ домой, а потомъ изъ проруби поятся лошади. Предъ обѣдомъ всѣ обязательно пьютъ по три глотка освященной воды. Вода считается цѣлебною и не подвергающеюся порчѣ. Ею же при надобности изгоняется и нечистая сила. День этотъ проводится благоговѣнно. Пѣніе пѣсенъ считается грѣхомъ.

7 января празднуется память Іоанна Крестителя. Предъ пищей тоже пьютъ Крещенскую воду. День считается праздничнымъ и никакія работы не производится.

Этимъ днемъ заканчиваются „Коляды“.

Привожу тексты нѣсколькихъ колядныхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ въ теченіе времени съ 26 декабря по 4 января.

Колядныя пѣсни.

А калѣдачки,	Ў чиста пѣля,	
Блины-ладачки!	А трѣтня	
А калѣдочки,	Къ быстрой рѣццы.	
Наши нѣжачки,	Што ў гарбѣ пашла,	
Паўбивали вы	То наѣсьтиса,	
Чѣрны стѣжачки.	У чиста пѣля—	
Адна стѣжачка	Нагулятиса,	
Пашла ў гарбѣ,	Къ быстрой рѣццы,	
А другая	То наптитиса.	Быхов. у.

Ня куръ, ня вѣй, мятелица—гэй, гэй, Калида!

Ни завивай стѣжачку, стѣжачку-дарѣжачку—гэй, гэй, Калида!

Я къ мамцы иду, вяночки ўю,

Атѣ мамки иду, развиваю,

Я сваѣ гѣра утишаю—гэй, гэй, Калида!

Д. Заулки, Дисн. у.

„Чаму у тябѣ, ваўчокъ, ланки доўги?“ Калида! Калида!

— Ў караля служыў, дровы насыў!

„Чаму ў тябѣ, ваўчокъ, язычокъ тѣнакъ?“

— Ў караля служыў, паўмѣски мѣў!

„Чаму ў тябѣ, ваўчокъ, хвостокъ довягъ?“

— Ў караля служыў, пакѣи мѣў,

Пакѣи мѣў, палы надмитаў! Калида! Калида!

Вилейскій уѣздъ.

Ў канцѣ бѣру вярбѣ стайтъ—Калида! Калида!

На той вярбѣ котъ стайтъ—Калида! Калида!

Прышбѣ до яго шѣрый вѣўча—Калида! Калида!

„Злѣзь, кошка, пѣтанцѣимъ трошка!“ Калида! Калида!

— Ни палѣзу, вѣўча, Калида! Калида!

Тваѣ жарты нялюдеки—Калида! Калида!

С. Дубины, Ошмянскаго у.

Якъ прышла Калида

Ды ўнярѣдъ за Рыжѣтва—

Кѣлида, Кѣлида!

(послѣ каждаго двухъ строкъ).

Прынесла Калида рышато блинѣ

Ды начѣўки сатнѣў.

Рышато блинѣ

Паставила на столъ,

Начѣўки сатнѣў

Паставила на столѣ.

Паставиўшы ўсѣ,

Сама сѣла на кутъ!

Якъ прышла Калида

Ды ўнярѣдъ за Ражѣтва—

Якъ пашла Калида

Ўдолъ на вулицы гулять, 2

Ды й обряды сыбирать.

Якъ прышла Калида

Ды багатыга двара

Ды Карпиныга.

А Карпина жына

Дабрахвѣча была,

Батѣнки дала!

Якъ пашла Калида

Ўдолъ на вулицы гулять, 2

Ды обряды сыбирать.

Якъ прышла Калида

Ды багатыга двара

Ды Мартынывыга.

А Мартыныва жына

Дабрахвѣча была—2

Насавѣнка дала!

Якъ пашла Калида и т. д.

Ды багатыга двара

Ды Назарывыга.

А Назарыва жына

Дабрахвѣча была—2

Рубашонку дала!

Якъ пашла Калида и т. д.

Ды багатыга двара

Ды Васильвыга.

А Васильва жына

Дабрахвоча была—2
Шубёнку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Да Пракопывыга.
А Пракопыва жына
Дабрахвоча была—2
Сирмяжёнку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Дянісывыга.
А Дянісыва жына
Дабрахвоча была—2
Паясёнка дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Іванывага.
А Іваныва жына
Дабрахвоча была—2
Піматчёнку дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Сирьгѣвыга.
А Сирьгѣва жына
Дабрахвоча была—2
Чулчонки дала!
Якъ пашла Калида и т. д.
Ды багатыга двара
Ды Дарахвѣива.
Дарахвѣива жына
Дабрахвоча была—2
Абёрки дала!
Якъ пашла Калида
Ўдоль па вулицы гуляць, 2
Ды абряды сыбярць.
Якъ прышла Калида
Ды багатыга двара
Ды Сціпанывыга.

А Сціпаныва жына
Дабрахвоча была—2
Ляптёнкі дала!
Кёлида, Кёлида!
С. Хвошно, Городок. у., Витеб. г.
Запис. Е. А. Бѣлинская.

Сиўка-варонка, дыли-гой-да!
(послѣ каждой строки).
Куды ты паѣдишъ?
— Къ пану къ Івану.
— Зачимъ ты паѣдишъ?
— Косы кувать!
— На што жъ табѣ косы? *)
— Сѣна косить!
— На што табѣ сѣна?
— Карбѹ кармить!
— На што жъ табѣ каровы?
— Мылако збярць!
— На што жъ табѣ мылако?
— Рибяць кармить!
— На што жъ табѣ рибяты?
— Жулуды збярць!
— На што жъ табѣ жулуды?
— Вапрѣу кармить!
— На што табѣ вапрѣй?
— Гёры кыпать!
— А што ў тыхъ гырахъ?
— Мидиная ступка!
— На што жъ табѣ ступка?
— А ў той ступи зылатёя зярнё!
— Дѣ жъ тоя зярнё?
— Пятухъ скливаў!
— Дѣ жъ тотъ пятухъ?
— На синё мёря пылитѣў!
— А дѣ жъ тоя мёря?
— Краснымъ зырслё!
— А дѣ жъ ты красны?

*) Въ Гомельскомъ ўѣздѣ начало такое:

Сиўка-варонка, Што пошъ дѣлая?
Куды палитѣла? — Косы клёпа!
— На папоускій дворъ! На што яму косы? и далѣ почти буквально по Велиж-
скому тексту.

— Дѣўки павы́рвыли!
— А дѣ жъ тыи дѣўки?
— Замыжъ павы́шли!
— А дѣ жъ ихъ мужукі?
— Пашлі ў вѣззѣ,

Тамъ увѣззли;
Пашлі ў лѣнѣя,
Тамъ улили;
Пашлі ў пумялѣ,
Тамъ ихъ и зымыло—дыли-гой-да!

С. Будница, Велижск. у., Вит. губ.
запис. О. Т. Филипповъ. Оба произведе-
нія говорятъ какъ былины, на распѣвъ.
Разсчитаны очевидно на длинные святые
вечера.

На дварѣ снѣжѣкъ, весь бялю-
[синькій,
Разлиўся вадѣй,
Ты жъ мой милинькій, чирна-
[брывинькій—
Разлука съ табѣй.
А куды шъ лёзы пахину́лиси —
Аттѹль вѣтры вѣють,
А куды шъ вочи наглядѣлиси,
Аттѹль милый бдѣть.
Вѣили вѣтры, вѣили вѣтры,
Ды ўжо пиристѣли,
Глядѣли вочи, глядѣли вѣчи,
Ды ўжо плакать стали.
А ў гарѣди ялѹшычка,
За гарѣдамъ сѣсна,
А я няю, висялю́ся,
На маёмъ сѣрцы тѣшна,
Што я млода заўдава́ла,
Дѣтки пасира́ѣли.
Дѣтки маё сирѣтачки
Ищо шъ яны ни ўзра́чны,
А луги маё зѣлины
Ищо шъ яны ни кашѣны,
Пѣля маё шыро́кая
Ищо яно́ ни ўзарѣна.
Слуги маё вѣрнинькія,
Запряжѣты пару ко́ній,
Пару коніи вара́ненькихъ,
Я й паѣду къ свайму́ тѣтку,
Къ свайму тѣтку на параду:
„Парѣй, парѣй, мой татѹлька,
Якъ на сьвѣти жыть:
Што я млода заўдава́ла,

Дѣтки пасира́ѣли,
Луги маё зѣлины
Ищо шъ яны ни кашѣны,
Пѣля маё шыро́кая
Ищо шъ яно́ ни ўзарѣна!“
— Гарѣй, дѣтя, гарѣй, дѣтя,
Гарѣй, дарагѣя:
Луги тваё зѣлины
Будуць яны пакашѣны,
Пѣля тваё шыро́кая
Будуць узарѣна,
Дѣтки тваё сирѣтачки
Будуць яны узра́чны.

Чирвона калинушка
Лучи арѣхава цвѣта,
Бицѣсная май до́ля
Пуци ўсяго сьвѣта.
Чирвона калинушка
И ўсѣ луги покрасѣла,
Бицѣсная май доля
Усю радѣну засму́тила.
А хаджѹ шъ я на камѣри,
Якъ заблудная бѹца,
Нѣ съ кимъ сѣсьти прамѣвити
Ды миѣ вѣрныга слоўца!
А сяджѹ шъ я у камѣри,
Якъ сѣўнинька ў крѹзі,
Бицѣсная май доля,
Па вѣкъ вѣшний сѣрца ў тѹзи.
Ти ты жъ, май матѹличка,
Ў тихій Дунай ни хадила—
Чаму жъ мянѣ малѣнькія
Ў тихій Дунай ни ўтапила?

— Я утапила бѣ, Дитятка,
Байлася Бога,
Ни знала я, Дитятка,
Тваѣ горькія доли!...

Разгарѣлася крутая гарѣ,
Расплакалася маладая удава:
„Хто мнѣ, маладѣй, ды дружокъ

[бўдѣть,
Хто шѣ маймў дитѣти татынька
[бўдѣть,

Хто маѣ лугі касіти будѣть,
Хто жѣ маю зѣмлю пахати будѣть,
Хто жѣ на майхъ коняхъ па-
[ижджѣть будѣть?“

А зачўў маладѣць, а зачўў ма-
[ладый:

Ни гарі, ни гарі, крутая гарѣ,
Ахъ, ни плачь, ни плачь, мала-
[дая удава:

Яшѣ тябѣ маладў я й самъ вазьму!
Я шѣ табѣ маладѣй ды дружокъ
[буду,

Я тваймў дитѣти татынька буду,
Я тваѣ лугі касіти буду,
Я тваю зямлю пахати буду,
Я на твайхъ коняхъ паижджѣть
[буду!

„Баюся, баюся, маладый мала-
[дѣць:

Ты шѣ мянѣ маладў забиваць бу-
[дишѣ,

Ты шѣ маѣ дитѣ зъ горницы вы-
[ганѣть бўдишѣ,

Ты шѣ маѣ зямлі пахати ня бу-
[дишѣ,

Ты шѣ майхъ конічкаў прани-
[ваць бўдишѣ!“

Ой, бицѣснѣй чилавѣкъ,
Што ў карчѣмцы водку пѣѣть,
А пришѣўшы дамѣў,
Жанў жўрить, жанў бѣѣть, (2).
И ниўдашачкай завѣть:

Ниўдашачка ты май,
Ни ўдалася ты ў мянѣ,
Ни ў мянѣ малатца,
Ни ў маітирю, ни ватца.
Якъ пашѣў маладѣць
Ды на крўтую гарў,
Якъ крїкнуў маладѣць
Сваймѣ громкимѣ галасѣмъ:
„Рыбалѣўцы вы чатыри,
А прибўдѣти вы ка мнѣ:
А вазьмїти ниўдашачку,
Утапїти отъ минѣ!“

Рыбалѣўцы чатыри
Ниўдашачку ухватили,
Ниўдашачку ухватили,
Ў сїня мѣря утапїли.
Якъ пришѣў маладѣць
Да дѣму да свайгѣ—
Дѣтки яго дробинькїя
На парѣзи сустрѣли:
„Ай, татачка, татачка,
А йдѣ наша мамачка:
Ти ў карчѣмцы прапїў,
Ти на мѣри утапїў?“
— Дѣтки маѣ дробинькїя
Ти вы хлѣба ня ѣли,
Што вы мянѣ на парѣзи
Съ худымѣ слѣвамѣ сустрѣли?
Якъ пашѣў маладѣць на крутую
[гару,

Якъ крїкнуў маладѣць
Сваймѣ громкимѣ галасѣмъ:
„Рыбалѣўцы чатыри,
А прибўдѣти вы ка мнѣ,
Вазьмїти вы ниўдашачку,
Привядїти да минѣ,
Привядїти да минѣ —
Худа жыть бизъ яѣ:
А ни горницы тапїть,
А ни зъ горѣ вадї насїть,
Ни стаўчї, ни змалѣть,
Ни дробныхъ дѣтакъ пакармїть.

Той бицѣснѣй чилавѣкъ,
Што у карчѣмцы водку пѣѣть.
Пасылала мянѣ мати
Свайгѣ сына шукати,
Ти у лѣзи, ти ў дарѣзи,
Ти ў шынкарки на парѣзи.
А ни ў лѣзи, ни ў дарѣзи,
А ў шынкарки на парѣзи.
Я й ня бїла, ни бранїла,
Тольки слова згаварїла:
А прапѣў, мой прапѣў,

Прапала я за табѣў!
Прапїў хату и святлїцу,
Жжурїў мянѣ маладицу,
Прапїў каня и карѣўку,
Жжурїў ты маю галѣўку,
Прапїў штаны и сарѣўку,
А самъ сядїть у кутѣўку.
Абабралася кума,
Штаны и сарѣўку дала—
Вывїла ись сарамѣ.

Што шѣ то за малѣйцы ды вайнѣ байца?
Я шѣ малада вайнѣ ни баюся:
Семъ миль бѣрамѣ ишла и каня ў рукахъ вїла!
Я коника вядў и ягаданькї бярў,
А ягаданькї бярў, ды ня вѣдую камў:
Ё у мянѣ свякрѣўка, ды ня рѣдна матўлька,
Што ягаданькї любить, ды мянѣ ни галѣўбїть!

Ишѣў казакъ зъ Дону, ёнъ зъ Дону да дѣму.
Ёнъ сѣў надѣ вадѣў, надпѣрся рукою:
Доля шѣ мая, доля, што шѣ ты ни такая,
Што шѣ ты ни такая, якъ тая людскѣя?
А людскѣя доли и пѣѣть и гуляїть,
И пѣѣть и гуляїть, и жупаники маїть,
А мы сѣ табѣй, доли, ни пѣѣмъ, ни гуляїмъ,
Ни пѣѣмъ, ни гуляїмъ, и ничѣга ни маїмъ.

А багѣтага купца была дѣчь харашѣ,
Была дѣчь харашѣ, усѣ Машынька душа.
Ў зѣлїнѣ садѣў хадїла, двухъ кўпчикаў зѣлюбїла,
Двухъ сыночкаў радїла,
Нїкомў знѣть ни дала, сама бабўшкой была.
Ў пѣлюшачкї ўварѣла, ў кїтаїчку спавїла
На Дунай—рѣчку зѣнисла, на чавѣньчикѣ пусѣтїла:
„Ахъ ты, тїхїнькїй камышѣ,
Маїхъ дѣтакъ прыкалїшѣ!
Ахъ ты, тїхїнькїй Дунай
Маїхъ дѣтакъ забѣўляй!
А вы, жоўтыя пѣскї,
Ни задавайтѣ имѣ таскї!“
А на двїнаѣцѣтамѣ гадў
Пашла Маша па вадў.

Стала Маша вадѹ брать,
 Стаѹ карáбилъ прыплавать,
 Мáшы вадѹ ни давать.
 Адинѹ сядѣть на канцы,
 Папраўляить ѹ лóтацы,
 Другіѹ сядѣть на насѹ,
 Чéшыть русы валасы.
 „Здрáсьтви Маша, здрастьви Саша,
 Здрастьви, душынька май!
 Пазвóль Маша, пазвóль Саша,
 Пазвóль съ нами пагулять!“
 — Ни пазвóлю вамъ гулять,—
 А я ваша рóдна матѹ!

Замѣтованная.

А думá май ни забѣтая,
 Пашлá жонка прочѹ ни набѣтая!
 Ищó шéльмачка наругайтца—
 Сѣла ѹ варóтахъ, абувáйтца,
 На маймѹ дварѹ вадѹ брáла,
 Маё сердичка папалáмъ рвáла!

Якѹ пайдѹ я па вулицы, по мураўцы,
 Кабѹ май шѹбунька ни зашумѣла,
 Кабѹ маё гѹзички ни зазвѣнѣли,
 Кабѹ ды ни пачѹ лихій свёкарѹ,
 Кабѹ ни сказаѹ ды сваймѹ сыну,
 Сваймѹ сыну, ды маймѹ мужу!
 Ахѹ, и мой мужѹ мятéлица,
 Набѣтѹ маладу за бязѹдѣлицу,
 Якѹ чортѹ надмётѹ, галавѹ набѣтѹ,
 А якѹ вздóбритца—хату падмитётѹ,
 Хату падмитётѹ, вадѹ принясётѹ.

Братъкович. вол., Чериков. у.
 Запис. К. Т. Аникіевичѹ.

А у насѹ сягóдни сходѹ Каляды!
 Сабирáйтся, дѣўки, ѹ радѹ,
 Адну зиму пѣсьни пѣять.
 Бѹдимѹ ихѹ у рѣшаты складать,
 А паставимѹ ихѹ падѹ дѹбамъ,—
 Намѹ кѹ налѣтѣтѹ знадабáйтца:
 Ня бѹдимѹ жыта сѣять,
 А бѹдимѹ пѣсьни пѣять!

Лепельск. у, Запис. О. Соколовскій.

На мóры дяўчонка бѣль бялѣла,
 Бѣль бялѣла, бѣла мыла.
 Прыхóдѹтѹ кѹ дяўчонки два дятны:
 „Богѹ на помычѹ, дяўчóнычка,
 Бѣль бялѣти, бѣла мыти!“
 Узяли, дяўчонку упайли,
 У чиўначкѹ спатѹ пылажѣли.
 „Возьмёмѹ, братицѹ, пы шастóчку,
 Сыпихнёмѹ дѣўку зѹ биряжóчку!“
 Ачнѹлыся дѣўка пысярédѹ мóря,
 Якѹ стала дяўчонка сильна плакыть:
 „А хто мянэ сюды выдывáѹ:
 Ти тáтынька мянэ выпруўляѹ,
 Ти мамынька кѹбилѹ ныкльда́ла,
 А ти братицѹ русѹ касѹ рысплитáѹ,
 Ти сястры́ца уплётѹ убрала?
 — Выдывáѹ мянэ сюды ясéнь мѣси́цѹ,
 Рысплитáѹ касѹ буéнь вѣти́рь,
 Убрала уплётѹ ясна зы́рь!“

Шлѣ́тѹ ка мнѹ гырманéю, кѹ батьку маймѹ,—
 Ни аддáсь мянэ батька—я сымá пайдѹ!
 Черы́зь пóля тваё шѣрымѹ зáйцы́мѹ,
 Черы́зь лѣсѹ сивымѹ ваўко́мѹ,
 Черы́зь мóря шѣрый вѹткый,
 На дворѹ на твой тѣмный тѹчкый,
 А ѹ сѣ́ни тваё дробнымѹ до́жжымѹ,
 А ѹ хату тваю яснымѹ со́нцы́мѹ,
 За столѹ за твой сѣду пáвыю,
 У лóжу тваю ля́жу пáнныю,
 Кѹ печи тваёй гыспадáнію,
 Кѹ клѣ́ти тваёй клѹ́шницыю.

Щербин. вол. Витеб. у. Зап. О. Пороменская.

Сѹ 8 января наступаетѹ снова будничное время и никакихъ игръ и пиршествъ не бываетѹ до масленицы, кромѹ свадебъ. Изъ отдѣльныхъ дней за этотѹ періодѹ почитаются:

18 января, день св. Аванасія, который считается покровителемъ животныхъ отъ мороза. Говорятѹ, что Аванасьевскіе морозы такѹ сильны, что у быка—третьяка (трехлѣтка) срываютѹ рога.

30 января, день трехъ святителей, празднуется, но безъ особъхъ обрядовъ.

Февраль.

2 февраля. Срѣтеніе въ южныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи не носитъ особаго названія, въ сѣверныхъ же и въ Витебской губерніи день этотъ называютъ Громницами. Первое названіе, по народному объясненію, присвоено празднику потому, что въ этотъ день „зима зъ лѣтамъ стрѣкайтца“, и подъ стрѣхами появляются ледяныя сосульки. Когда дѣти пожелаютъ видѣть встрѣчу зимы съ лѣтомъ, ихъ посылаютъ, голыхъ и босыхъ, за огороды или за гумна и прибавляютъ, что зима дастъ любопытнымъ дѣтямъ красныя сапоги. Находятся дѣти, которыя бѣгаютъ смотрѣть встрѣчу. Когда же разочарованныя, иззябшія и плачущія, они возвращаются назадъ, имъ указываютъ на ихъ красныя отъ снѣга и холода ноги. Это и есть „красныя сапоги“. Названіе Громницъ взято отъ католиковъ. По преемству отъ уніатовъ, въ этотъ день въ указанныхъ выше уѣздахъ въ церквахъ освящаются свѣчи, зажигаемыя лѣтомъ во время сильныхъ грозъ—грома и молній, чтобы никого не убило и ничего не зажгло. Этою же свѣчою подкуриваютъ больныхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ въ руки умирающимъ вмѣсто свѣчъ страстныхъ, такъ какъ огонь этихъ свѣчъ отгоняетъ отъ души сатану. Ее же зажигаютъ, когда первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле (23 апрѣля), когда начинаютъ пахать поле, и подвѣшивая къ воротамъ коровьяго хлѣва въ ночь на Ивана Купалу, чтобы вѣдьмы не проникли въ хлѣвъ отбирать молоко у коровъ. Досужія хозяйки на другое утро находятъ на свѣчѣ слѣды зубовъ. Это ее покусала вѣдьма съ досады, что не могла проникнуть въ хлѣвъ. Употребляютъ ее и при началѣ посѣва. „Бярѹтъ хлѣбца, сольки, праскѹрачку, ти артусъ, яечка вяликѣдная, пасачку и зѣрняты. Грамнічку запала, къ сѣнюшку стѣня, памѣлитца, тагдѣ сѣя.“ „Апять жа, кали вязѹтъ першый снопъ у гумно, тагды расстилаѹтъ тую вяликѣдную скатярку, кладутъ на яе грамнічку и чаразъ яе вязутъ новый хлѣбцяцъ.“

Рог. у.

11 февраля, въ день Власія—покровителя скота, празднуютъ и не работаютъ.

14 февраля, день св. Фотиньи, которая считается заступницей отъ лихорадокъ. День этотъ не празднуется, но о защитѣ отъ лихорадокъ Фотиніи молятся.

17 февраля, память Ѳеодора Тирона. Ему служатъ молебны, если у кого либо случится покража.

24 февраля, обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи не празднуется и молебновъ объ исцѣленіи отъ головной боли въ этотъ день не служатъ. Служится же молебенъ „о недужныхъ“ во время болѣзни.

Недѣля мытаря и фарисея называется Усеѣдною, Усерадною, Сплошною. Обыкновенно сопровождается снѣжными вьюгами, про которыя въ началѣ недѣли говорятъ: „ета Усеѣдная ў гѣсьти ѣдя!“ А въ концѣ недѣли: „ета изъ гасѣтѣй Усеѣдная ѣдя!“

Масленая недѣля, отъ понедѣльника до воскресенья, проводится шумно. По вечерамъ въ эту недѣлю также не работаютъ. Ходятъ другъ къ другу въ гости, а молодежь повторяетъ Колядное игрище. Днемъ всѣ считаютъ своею обязанностью покататься: одни на саночкахъ, другіе на ледяшахъ, вырубаемыхъ на рѣкѣ или замороженныхъ въ кадкѣ, у которыхъ потомъ высѣкается вогнутое сидѣнье и скраю просверливается раскаленнымъ гвоздемъ отверстіе для веревочки, которою ледяшъ удобно взвезти на горку, третьи катаются на опрокинутыхъ, слегка подмороженныхъ, скамейкахъ или простыхъ доскахъ. Хорошіе хозяева въ дни масленицы обновляютъ сани. Для этого новыя сани вѣтаскиваются на горку, тамъ на нихъ усаживаются чловѣкъ 20—25, и стремглавъ летятъ съ горы. Только такія сани и будутъ потомъ легки на ходу. На масленицѣ же объѣзжаютъ въ первый разъ и жеребятъ, достигшихъ трехлѣтняго возраста. Въ четвергъ на масленицѣ міръ-громада нанимаетъ пастуха. Въ послѣдніе дни масленицы, въ субботу и воскресенье, катаются на лошадахъ, разубранныхъ лентами, съ колокольчиками и бубенчиками. При этомъ поютъ пѣсни, кричатъ, гикаютъ. Нѣсколько пѣсень приводится.

Масляная, щасливая,
Протягнѣйся да Вяликадня!
Масляная, щасливая, бѣла вутка,
Няей сыру, масла, да ня хѹтка!
А хто сыру ня дае, няхай ямѹ пагнѣе.

Масляная, щасливая!
Я ў свайгѣ татачки загавѣла,
Щобъ яго лѣзинка згарѣла!
А я ў свайгѣ свѣкарки залѣтавала,
Щобъ яго хіньтяйка пагѣтавала!

Носовичская вол. Гом. у.

Масляная зяляная!
На Дунай вѣтаръ павявая,
Сѣтѣжки-дарожки замятая!
Бѣгла лисичка да рудый хвостъ,
А лѣхаму парабѣчку да зайшѣу постъ:
Паѣхаў у дарѣжку, забарѹся,
Прыѣхаў зъ дарѣжки—ня жанѹся!

С. Красная Буда, Гом. у.

Масляница—каўзўха,
Протягнися да Духа!
Мы думали—масляницы семь недѣль,
Ажны яё, масляницы, адзінъ день!

А на гарэ ельникъ сьтѣлитца, сьтѣлитца,
А тамъ зайцы тўлюцца, тўлюцца,
Дѣўки зайца злавѣли, злавѣли,
Ды на'бѣдъ сабѣ зварили, зварили.
Дѣўки сѣли за сталомъ, за сталомъ,
А дитюкі падъ сталомъ, падъ сталомъ!
Дѣўки ядуть мяса, мяса,
А дитюкі косьти, косьти!

На вулицы дѣўки гуляють, гуляють,
Мяне маладў гукають, гукають!
У мяне маладэй мужъ лихій, мужъ лихій:
Самъ на вулку ня пойдить, ня пойдить,
И мяне маладэй ня пўсѣтитъ, ня пўсѣтитъ.
А хуть пўсѣтитъ—позьнинька, позьнинька,
Якъ дѣўки розьнинька, розьнинька!
А кали я хачу—и дѣвачикъ павярну,
И скрыпачки и цынбалы панайму,
Буду гулять дó свѣту, ды да пóзнага абѣду.
А ў дворъ ити баюся, баюся,
Ды къ большаму дѣвиру кланюся, кланюся:
„Ты, дѣвирачка, рóдный братъ, рóдный братъ!
Завяді жъ мяне да дóму, да дóму,
Дамъ табѣ хусту шаўкóву, шаўкóву!“

Якъ пайдў я па вадў, па вадў,
Пас'наўлю я вѣдры на лядў:
Станьця вы вѣдры камянёмъ,
А карбмисиль пваромъ (яворомъ),
А я маладёнька впробóу, пать крутою гарбóу.
Наѣхали купцы—стародубцы,
Стали яваръ сѣчь—рубать,
Стаў имъ яваръ атмаўлять,
Якъ дѣвачка плакала,
За старбга замужъ идя,
Баранбй касу чѣшучи,
Лыкамъ касу плѣтючи!
Якъ пайдў я па вадў и т. д.

Стаў имъ яваръ атмаўлять,
Якъ дѣвачка плакала,
За малбга замужъ идя,
Грыбёнкай касу чѣшучи,
А нѣткую плѣтючи!
Якъ пайдў я па вадў и т. д.
Стаў имъ яваръ атмаўлять,
Якъ дѣвачка плакала,
Ды за рбўнага замужъ идя,
Грыбянцómъ касу чѣшучи,
Шбўкамъ касу плѣтючи.

На гарэ бабы сядѣли,
Кулакómъ зямлю прабивали,
Абъ нявѣстакъ судѣли:
„А мая нявѣстка нигадай!
Па вадў пашла, аблѣлася,
Па тѣплó пашла, абпиклася,
У клѣть пашла, клѣть жжыгла!
А ў той жа клѣти дабрá былó:
Шастóкъ анўчикъ платѣтя былó,
Арѣхава чашка масла была,
Жулудóва чашка мѣду была, —
Усё тóя дабрó пагарэла!“

Чериков. у. Зап. г. Аникіевичъ.

Да падъ тёмнай тўчай
Сядѣла бабаў куча,
Кулака́ми зямлю пабіли,
Свайхъ дачóкъ хвалили,
А дѣдавыхъ ганѣли:
„Бабины дóчки хвасьлівы, а дѣдавы лянѣвы,
Бабины дóчки прáли, ажъ гудѣла,
Крòсны ткали, ажъ зьвинѣла.
А дѣдавы кудѣлку прáли—драмáли,
Крòсны ткали—заснули!“

С. Дубины, Ошмян. у.

Вѣўся хмель пу балóту, пу балóту,
Люлі, пу балóту!
Привѣўся хмель ку варóтамъ, ку варóтамъ,
Люли, ку варóтамъ!
И прасѣўся хмель нуцувáти, нуцувáти,
Дѣ вулица шырака́я, шырака́я,

Дѣ малѣтка мылыдѣя, мылыдѣя,
Дѣ кривѣть тисывѣя, тисывѣя,
Дѣ пярѣна пухувѣя, пухувѣя,
Люлі, пухувѣя!

Мы на гѣрушки пубувѣли, пубувѣли,
Ай — люлі, пубувѣли!

Масѣлинку сустрѣкали, сустрѣкали,
Ай-люлі, сустрѣкали!

Сѣрымъ гарѣ набивѣли, набивѣли,
Маслымъ гарѣ пыливѣли, пыливѣли
Наша гѣрушка катѣлива, ай катѣлива,
Свякрѣушка вуркатѣлива, вуркатѣлива:
Ина на насъ вурцѣла, ай вурцѣла,
На гѣрушку ни пусцѣла, ни пусцѣла!
А намъ дамѣи ни хатѣтца, ни хатѣтца,
А хатѣтца прыкатѣтца, прыкатѣтца!
Мы дѣумѣли—масѣлинки семъ нядѣликѣ, семъ нядѣликѣ,
Ажна масѣлинки семъ днѣцкѣу, семъ днѣцкѣу!
Насъ масѣлинка абманѣла, абманѣла:
На семъ нядѣль пыѣта пысадѣла, пысадѣла.
На бѣлыю капѣсту, капѣсту,
На гѣрѣкѣю рѣдѣку, на рѣдѣку.
Ай-люлі, на рѣдѣку.

Птѣсыцка лисывѣя, лисывѣя,
Ай-люлі, лисывѣя!

Дѣ шѣ ты ноцку нуцувѣла, нуцувѣла?
Ай-люлі, нуцувѣла.

Пытѣ зялѣнымъ дупкѣмъ ли дарѣшки, ли дарѣшки;
Тамъ ишли скымарѣшки, скымарѣшки,
Бѣризали янѣ пу прутѣцку, пу прутѣцку,
И здѣлыли пу гудѣцку, пу гудѣцку.
Вы, гудѣи, ни гудѣтѣ, ни гудѣтѣ,
Майгѣ батѣушку ни будѣтѣ, ни будѣтѣ:
Мой батѣушка сѣпѣть сѣ пахмѣлья,
Сѣ бальшѣга пирѣпѣю, пирѣпѣю.
А матѣушка зѣ рѣкѣю, зѣ рѣкѣю,
Зѣлянѣ вино кѣрѣть, кѣрѣть,
Мыладѣга зѣтѣ пѣить, пѣить,
Ай-люлі, зѣтѣ пѣить!

С. Узкое Велиж. у. Отъ кр. Андреевой
запис. Т. Модзалевская.

Якѣ у сѣрядѣ на масѣлиницу,
На жыдѣуѣскую радѣницу,
Ой, пабѣуѣся до барѣнъ сѣ казѣмъ,
Памутѣлася вадѣ сѣ пѣскѣмъ,
Пабранѣлася старѣуха сѣ старѣкомъ,
Пѣтирѣли тыбакѣрку сѣ тыбакѣмъ.

Горковск. вол. Городокск. у.

Ни хадѣ ты, кудривѣтый,
Кѣла маѣй хатѣ,
Ни тапѣ ты, кудривѣтый,
Пахѣуѣя мѣты!
Ни ли тѣбѣ я садѣла,
Ни ли (тѣбѣ) пыливѣла,
Ли тагѣ я садѣла,
Кагѣ я любѣла,
Ли тагѣ я пыливѣла,
Кагѣ пыливѣла.
Я садѣла—пыливѣла,
Милѣга жыдѣла:
„Ня стой, милѣй, пыдѣ вакѣш-
[кѣмъ,
Хадѣ ка мѣу ѣ хатѣ,
Скажѣ ты мѣу сѣю праѣду,
Якѣ радѣмѣу братѣу!“
У гарѣди, у садѣцку,
Три кѣливѣ мѣты,—
Любѣ мянѣ, харѣшѣнѣкѣй,
Хѣтъ я ни быгѣта!
А ѣ гарѣди, у садѣцку,

Царѣвинѣя рѣжа,—
Любѣ мянѣ, харѣшѣнѣкѣй,
Хѣтъ я ни прыгѣжа!
А ѣ гарѣди, ли згарѣди,
Три кѣливѣ бѣбу,
А хѣ мянѣ пыцѣлѣуѣть,
Нѣ выжѣвить годѣу!
С. Будница Велижск. у.

Кудрѣвай навѣдѣикѣ,
Кучерѣвай звѣщикѣ!
Привѣдѣр кѣнѣй бѣльня,
Шѣонѣ бѣжѣли бѣдра,
Шѣонѣ я ни сѣыхѣла,
Какѣ батѣушка тѣужѣть,
Матѣушка гарѣить.
Када пѣ ѣта знѣла,
Плѣтѣнѣ разламѣла пѣ,
Карѣвѣ напусѣкала:
Тапѣчѣти карѣвы
Шѣо ѣсть у гарѣди!
Г. Бѣлица. Отъ старообрѣдѣцѣвѣ.

Вѣ воскресѣнѣе, на заговѣнѣе, скорѣмѣно ѣдѣть только раннимъ
вечерѣмъ. Послѣ этого моѣются Богу и просятѣ другѣ у друга про-
шенѣя, причѣмъ дѣти клѣняются родѣтелямъ вѣ ноги.

На другѣой дѣнь хозяйѣки выварѣваютѣ всѣю посѣудѣ и обѣдѣ да-
ютѣ постнѣй и очѣнь скромнѣй: сырую капѣсту, отварѣннѣй карто-
фѣль сѣ солью—и всѣ. Рыбѣи не ѣдѣть. Вѣдки тожѣи нѣльзя пѣть, но
тамъ, гдѣ православнѣе имѣютѣ общѣнѣе сѣ католикѣми, онѣи, при
постнѣой пѣицѣ, „полошѣуть зѣубѣи“ вѣдѣкой до вторнѣика—католичѣскаго
заговѣнѣя. Вѣ видѣу предѣосудѣительнѣости такогѣо повѣдѣнѣя, пѣюѣщѣе
обѣяснѣаютѣ свое пѣянѣство желѣнѣемъ „шѣтобѣ ихъ змѣи нѣ кусѣли“.

Вѣ течѣнѣе поста совершѣенно нѣльзя пѣть пѣсѣнѣ, кромѣ днѣя
Благѣовѣщенѣя, когдѣа требѣуѣтся „гукѣть вѣснѣу“.

По пѣятнѣицѣмъ великагѣо поста отнѣюдѣ нѣльзя пѣчь хлѣбѣ.

М а р т ъ.

1 марта считается началом весны. Въ этотъ день крестьяне не работаютъ, чтобы не прогнѣвать муч. Евдокію, которая „дѣржа у руцѣ лѣта.“ Естественно видѣть въ этомъ отголосокъ того времени, когда годъ начинался 1 марта. Въ этотъ день пѣтухъ уже долженъ напиться изъ лужицы отъ тающего снѣга.

9 марта—день сорока мучениковъ. Въ этотъ день сорока начинаетъ себѣ гнѣздо вить и принесетъ для этого сорокъ прутьевъ. Съ вырѣя прилетаютъ сорокъ жаворонковъ. Мальчики должны въ этотъ день до восхода солнца, не умывшись и зажмуривши глаза, подобрать на дворѣ въ подолѣ сорокъ щенокъ и высыпать ихъ подъ печь. Кто выполнитъ это, тотъ весною найдетъ сорокъ птичьихъ гнѣздъ (или: сорокъ утиныхъ яицъ), а не выполнившіе не найдутъ ни одного гнѣзда.

Въ Быховскомъ уѣздѣ требуется не внести щепки въ хату, а вбросить ихъ, до восхода солнца, чрезъ печную трубу.

Въ этотъ день для дѣтей и молодежи устраиваются въ воротахъ хлѣва или гумна качели, на которыхъ, для здоровья, надо обязательно хоть немного покачаться.

Во многихъ мѣстахъ въ этотъ день матери пекутъ для дѣтей сорокъ „жаворонковъ“ изъ тѣста, ржаного или пшеничного. Для этого раскатываютъ тѣсто въ видѣ веревки, придаютъ ему фигуру цифры 8, а концы поднимаютъ надъ кольцами фигуры въ видѣ головы и хвоста. Когда такіе „жаворонки“ испекутся, одного изъ нихъ бросаютъ въ печь, остальныхъ отдаютъ дѣтямъ и нищимъ.

Отъ этого дня до лѣта должно быть еще сорокъ морозовъ, и хозяйка считаются съ этимъ при посѣвахъ и посадкахъ въ огородахъ.

„На Середопостѣ“—Крестопоклонная недѣля—хозяйки пекутъ кресты изъ тѣста и кладутъ ихъ въ закрома съ мукою и зерномъ, „щобъ нячистая сила ни паскудила“. Одинъ изъ такихъ крестовъ долженъ находиться въ сѣвалкѣ во время посѣва.

17 марта, св. Алексѣя. Работать нельзя. Но рыболовамъ разрѣшается дѣлать „обудѣнныя“ сѣти: то есть за этотъ день напирать нитокъ и связать изъ нихъ бредень или какую-либо другую сѣть. Тогда ею они будутъ ловить много рыбы. Дѣлается это на томъ основаніи, что св. Алексѣй, уходя изъ дома родителей, переплылъ будто бы черезъ море въ плетеномъ рѣшетѣ.

Въ этотъ день щука разбиваетъ ледъ хвостомъ (или головой), и волъ долженъ напиться изъ лужи.

25 марта—Благовѣщеніе. Одинъ изъ величайшихъ праздниковъ, въ который даже птицы не вьютъ гнѣздъ. Бабы избѣгаютъ печь что либо въ этотъ день изъ тѣста, весь обѣдъ готовится съ вечера и на Благовѣщеніе варится уже все приготовленное. Пчеловоды

Витебскаго уѣзда стараются не зажигать въ этотъ день огня и рано ложатся спать въ потьмахъ. Женщины и дѣвушки не должны чесать головъ и заплетать косъ.

Въ этотъ день ожидаютъ прилета аиста и другихъ крупнѣйшихъ птицъ и какъ только увидятъ первую летящую птицу, схватываютъ съ земли „шуму“ и бросаютъ ее вверхъ съ словами: „утка, утка! на табѣ на гняздѣчка, а мнѣ на яѣчка!“

Въ этотъ день въ церквахъ послѣ заутрени освящаются просфоры. Въ однихъ мѣстахъ онѣ даются только тѣмъ прихожанамъ, которые просили отслужить за нихъ обѣдню; въ другихъ мѣстахъ ихъ покупаютъ всѣ желающіе. Просфоры эти хранятся до осени когда съ ними засѣваютъ озимую рожь.

До дня Благовѣщенія запрещается огораживать огороды и забивать колья въ землю; нельзя начинать пахоты—„закону нема“; нельзя вывѣшивать сушить на солнцѣ основу для кросенъ. За этимъ слѣдять всѣ, такъ какъ нарушеніе этихъ правилъ влечетъ за собою холодную весну.

На изгородахъ надѣваютъ на колья старое колесо. Это дѣлается для того, чтобы „кѣршыки ня драли курѣй“.

Въ тотъ день недѣли, въ который пришлось Благовѣщеніе, нельзя выгонять скота на поле первый разъ весною; нельзя начинать вывозить навозъ на поле; нельзя запахивать землю; нельзя заваривать.

Дѣвушки въ этотъ день послѣ обѣда начинаютъ „гукать весну“. Въ однихъ мѣстахъ это дѣлается торжественно, въ другихъ проще. Дѣвушки выходятъ къ гумнамъ, взбираются на крыши и сидя на нихъ поютъ цикль веснянокъ, оканчивая каждый стихъ призывнымъ словомъ „танки“. Въ Ельнѣ Чериковскаго уѣзда дѣвушки собираются въ банѣ, собираютъ мялья т. е. кострику отъ льна и пеньки, устраиваютъ костеръ и зажигаютъ его. У костра и поютъ веснянки. Такъ пѣютъ мялья усякую вичаріну ажъ да васкрѣсныхъ днѣй“. Въ некоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ выходятъ изъ селенія и идутъ на ближайшую горку, гдѣ и гукать весну. Наконецъ, тамъ, гдѣ этотъ обрядъ падаетъ, дѣвушки поютъ веснянки просто у себя на завалинахъ. Въ послѣднее время въ гуканіи весны большое участіе принимаютъ и дѣвочки лѣтъ 12—14.

Вотъ нѣсколько веснянокъ:

А у насъ сягѣдны Благовѣщанья! Гу!

Руднецкія *) дѣвочки, прайдѣтъ къ намъ:

А у насъ хлопчики—дядьбый таварь:

Па дѣвять на шѣлягъ, дядьбый наддѣчы!

*) Рудня—улица села Юрковичъ.

А ў насъ сягодня Благовѣщанья!
 Руднецкія хлопчыкі, прайдзіть къ намъ:
 А у насъ дѣвачкі — дараті таваръ:
 На сто рублёў кася, па тысячы краса. — Гу!

Ст. Юрковичи, Гом. у.

Вясна, вясна, вясняначка,
 Дѣ твая дачка Марыначка? Гу!
 — Сядзіть у садочку і шыя са-
 [рочку
 Свайму сыночку Василечку. Гу!

У Раманавамъ калодзи
 Тамъ Раманаўна вадү брала,
 Да съ папбвичамъ размаўляла:
 „Ай, папбвичу, — ня бары мне:
 У маёй хати ня свай мати:
 Будя на мне наракати,
 Зь видёр вадіцу выливати!
 Вѣдарцы мае маленкія,
 Слёзачкі мае драбненькія!

Чаму дуба ня рубати,
 Що ёнъ дупливатый,
 Чаму минѣ ня гуляти,
 Що я ў сваё мати:
 И разўя, и раздѣля:
 „Лажысь, доня, спати!“
 Пасьтѣля мнѣ пасьтѣлячку
 Зь макавага цвѣту:
 „Гуляй, доня, при розуму
 Да блага свѣту!“

Я гуляла, я буйла,
 Мать ня сыпуніла, *)
 Сыпуніла маладую
 Чужая дитина...
 Бадай яго сыпуніла
 Лихая гадіна!

Ой, млинѣ меля, ой, млинѣ меля,
 Кбіса сакбча. —
 Иди, дѣўка, за Иваньку,
 Катбрая хоча!
 Ой, млинѣ меля, ой, млинѣ меля,
 Кбіса вихан. —
 Ня йди, дѣўка, за Иваньку —
 Свякрѹха лихан.

Ой, мамка мая старѣнькая,
 У мяне хатачка маленкая.
 Ой, ня бй минѣ, ня лай мяне,
 Прйди сымббачка — аддай мяне!
 У панядѣлак збйрай дѣвак.
 А ў ваўторак — прыданъ сбракъ,
 А ў сѣраду сяду наѣду!

На застарбкахъ дажчы ідуць,
 А ў Насавічахъ ня бувають,
 Толькі ёлачки василывають.
 Выходьця, люди, дивѣтись:
 Ъдя хлопчыкѣ жанѣтись!
 Самъ ёнъ ѣдя на коніку,
 Вязе дѣвачку у вазбчку,
 Сячѣ коніка нагайкаю.
 Крѣя дѣвачку китайкаю,
 Щобъ яе дажчы ня замачыли,
 Буйныя вятры ня завѣяли,
 Жаркая сонца ня запаліла,
 Щобъ яе свйкрѹха пахваліла.

Вясна, вясна, що намъ прынесла?
 Дѣўкамъ узрбсту, а хлопцамъ
 [карбсту!

Дѣўкі смяюцца, а хлопцы шкра-
 [бѹцца!

На моры вутка купалася,
 На бярабчку сушылася,
 Дачка у мамкі прасілася:
 „Пустьи, мати, пагуляти,
 Параббчкаў павидати!“
 Пашли параббчки вѣчѣрати,
 Ды й да конікаў начавати.

Мамка май, ягадка,
 Ой, люблю я парабка,
 Що на коніку паяжджа,
 Усйхъ ёлачак дагляда:
 Ти ўсѣ ёлачки падмѣтаны?
 Усѣ ёлачки падмѣтаны,
 Падъ бярозкай ня мѣтана.
 „Иди, дѣвачка, падмѣтй тѹю:
 Тамъ твой хлопчыкѣ съ торгамъ

[стайть,
 Зь вялікімъ торгамъ — щѣ щор-
 [нымъ шбѹкамъ.
 Усймъ дѣвачкамъ шоўкѣ прадаѣ,
 Адной дѣваццы дарма даѣ.
 Дѣвачкі бяруць ды й дякують,
 Адна дѣвачка бярэ ды й ня дякуя,
 А хлопчыкѣ даѣ ды й ня жалѣя.

Якѣ выйду я на мастбчакъ,
 Пуцѹ галасбчакъ,
 Няхай чѹя, дѣ начѹя,
 Мой милый дружбчакъ!
 А ти ёнъ у лузі,
 Ти ёнъ сѣна кбсйть,
 Прыхилйўшы галбвачку,
 Гбласамъ галбсйть.
 Бадай сѣна да тлѣмъ сѣла,
 Кася зламилася,
 Бадай майго нялюббга
 Мати скрутилася.

Вярббвая кладка на вярбѣ ляжала,
 На вярбѣ ляжала, изъ вярбѣ упала,
 Изъ вярбѣ упала, хлопчыкаў пабіла.
 Хлопчыкі сядѣли, работу рабіли,

На рѣчаццы, на быстрай,
 Тамъ Катярына бяльлѣ мыла,
 Сваѣ платѣтѣйка замачила,
 Прышла да дому — мати пабіла.

Плаваў чаўнбчакѣ па рѣчаццы,
 Плакаў хлопчычакѣ па дѣваццы:
 „Дблячка мая няпѣсная,
 Дѣвачка мая ня красная:
 Ти мнѣ ўтапйцца, ти задавйцца,
 Ти на былинку завѣсйцца?“
 Тонка былинка паралбмйцца,
 Хлопчыкѣ па дѣваццы паражѹ-
 [рыцца!

Носовичская вол., Гом. у.
 Зап. П. П. Буднецкій.

Ты малбдка, малбдка, маладая,
 О-охъ, ле-ле-лѣ, маладая!
 (пслѣ каждой строки)
 Да чаго ты, малбдачка, стѣра
 [стала?

Охъ ты, траўка-мураўка, зялѣная,
 Да чаго ты, муравачка, пачар-
 [нѣла?

Ти ня гуси тябѣ сашипали,
 Ти ни малянйкія гусянйтки?
 Ти ня дѣўкі тябе прытаптали,
 Да ўсѣ тыми чабатѣми чирва-
 [нѣми,

Да ўсѣ тыми паткбѹками стая-
 [нѣми?

У крѣвбга танка
 Парадѣла бабка сына,
 Наклала падъ лѣвачку,
 Накрыла каравачкай. Гу!

*) Савунять — сдерживать.

Да работу рабѣли, да сабачакъ лупѣли,
 Ножыкаў ня мали, зубками абтягали.
 Вярбовая кладка на вярбѣ ляжала,
 На вярбѣ ляжала, изъ вярби упала.
 Изъ вярби упала, дѣвачакъ пабила.
 Дѣвачки сядѣли, да работу рабѣли,
 Работу рабѣли, да шырыначки шыли,
 Нѣтачакъ ня мали, шаўкамі апшывали!

Якъ на нашай вулицы шыробкая вѣзяра,
 Ой-люли, ой-люли, шыробкая вѣзяра!
 (послѣ каждой строки).

Якъ на томъ на возяры сѣры гуси плавали.
 Налятѣў, налятѣў сизъ арѣль на вѣзяра,
 Ухапѣў, ухапѣў гусачку за шыичку,
 Крыкнула, крыкнула гусачка па гусачкахъ!
 Якъ на нашай вулицы ўсѣ гуляли дѣвачки,
 Наѣхаў, наѣхаў хлопчычакъ на конику,
 Ухапѣў, ухапѣў дѣвачку за ручачку.
 Крыкнула, крыкнула дѣвачка па дѣвачкахъ,
 Ой-люли, ой-люли, дѣвачка па дѣвачкахъ!

Вясна, вясна вясняначка,
 Вясняначка,
 Гдѣ твай дачка паняначка,
 Паняначка?
 Пагнала бычка за варѣтячки,
 За варѣтячки:
 Пасися, бычку, я спрадѣ мычку,
 Спрадѣ мычку,
 Старѣму дѣду на рукавичку,
 На рукавичку,
 А маладѣму на паньчѣху,
 На паньчѣху!

Ой, вясна, вясна,
 Що ты вѣнясла?
 — Дѣўкамъ карѣсты —
 Хлопцы халѣсты!

Й пѣўничакъ да курачки
 Икъ брѣдя, дакъ брѣдя,
 А Рыгѣрка да Алѣнки,
 Якъ хѣдя, дакъ хѣдя!

Якъ вийду я на вулицу —
 Гуляю, гуляю!
 Клича мати вячѣрати —
 Виляю, виляю!
 Чаму минѣ ни виляти —
 Ў мянѣ рѣдна мати!
 Д. Дубровка, Краснѣбѣд. вол.
 Зап. Л. Ткачѣнко.

Ты мѣсячикъ таргаўщѣкъ,
 Взыйдѣ рана, пастѣй пѣзна,
 Выйду къ табѣ таргавати,
 Свѣкра, свякрѣву прадавати:
 За свякрѣўку палѣшачку,
 За свѣкарку нямѣ ничѣга.
 Гѣмѣльск. уѣздѣ.

Вясна, вясна, што ты намъ вѣ-
 нясла?
 Съ карабѣў жыта павѣйтрасла.
 Якъ вѣйтрасла тры зѣрнятки,
 Ўсѣ хлопѣцкія насѣньнячки:

Пѣрвая зѣрня—васѣличку,
 Другѣя зѣрня—барвѣначку,
 Трѣтьятя зѣрня—любѣсьтячакъ.
 Васѣличка—ля хлопчыкаў,

Барвѣначакъ—ля дѣвачакъ
 Любѣсьтячакъ—ля любѣсьти,
 Ли дявѣцкія красѣсьти.
 С. Кошѣлево, Рѣгач. у.
 Отъ Сѣлохи Васѣльевой.

Всѣ эти пѣсни поются 25 марта.

Въ Рѣгачѣвскомъ уѣздѣ дѣвушки нерѣдко раздѣляются на двѣ
 партіи, занимають два „узгорка“, гдѣ просохло, и тамъ гукають
 весну, попеременно—„другъ дружки гѣласъ падають“: „Ой, вясна
 мати, хадѣ къ намъ гуляти!“ Гукають весну каждый вечеръ, начиная
 со дня Благовѣщенья и до тѣхъ поръ, пока станѣтъ возможно пахать
 землю. „А тагда гукать вясну старыкѣ ни пазваляють, свѣрутца“, и
 дѣвушки начинаютъ пѣть „веснянки“, весеннія пѣсни, не приуроченныя
 къ опредѣленному дню. Здѣсь приводятся нѣкоторые изъ такихъ
 пѣсень.

А ў балѣти, на калѣди,
 Мядвѣтъ бѣты шыить,
 Аю-аю-аю!
 (послѣ каждыхъ двухъ стрѣкъ).
 Мидѣвиняты — чиртиняты
 Шѣлкымъ падшывають,
 А заицька—кынавѣдъ
 У скрыпыньку йграить,
 А сѣрѣки бѣлабѣки
 Пашай жыта жати,
 А бытънѣ дыўганѣгѣй
 Пайшѣў пыдганяти.
 Ёнѣ сѣрѣки ни дыгнаў,
 Дѣбуги нѣги пыламаў.
 Аю-аю-аю!

Чиризь рѣчку, чирисъ тынѣ,
 У сусѣда милый сынѣ,
 Аю-аю-аю!
 „Пустьи, пустьи, мати
 Мянѣ пугуляти!“
 — Ня пушу гуляти,
 Лѣжышь, курва, спати!
 „Хѣтъ я буду бажытца,
 Ды ня буду лажытца!
 Хѣтъ я буду присигать,
 Ды ня буду цылывать.“
 Аю-аю-аю!

За мхой, за мшѣринкѣй
 Сѣрѣки щакѣчуть,
 Аю-аю-аю!
 Майгѣ мѣла чирнабрѣва
 Сѣбаки валѣчуть.
 Валачили бѣла тѣла, —
 Валачить кѣсьти,
 Ня сушыть, ня крушыть
 Маѣй маладѣсьти:
 Маладѣсьть—май буйнѣсьть,
 Стѣрасѣть—май крайнасьть.
 Аю-аю-аю!

А вой, май мамка,
 Любить мянѣ Янка:
 Аю-аю-аю!
 Пустьѣў кѣнѣй на далѣну,
 А самъ ка мнѣ у парѣну!
 А вой, май мамка,
 Любить мянѣ Сѣмка,
 Любить мянѣ Сѣмка,
 Принѣсь парасѣнка!
 А вой, май мамка,
 Любить мянѣ Савасѣтѣй,
 Любить мянѣ Савасѣтѣй,
 Принѣсь мѣду бирѣсьтѣнѣ!
 Аю-аю-аю!

Мальчишечка, братицъ мой,
Зыгарѣся теримъ твой.

Аю-аю-аю!

Пайдѣмъ теримъ тушѣтъ,
Чапцѣмъ *вѣду* насѣтъ!
А ў чапцѣ вады ни ложки,
У мальцахъ праўды ни крошки!
Мальчишечка, братицъ мой,
Зыгарѣся теримъ твой.

Пайдѣмъ теримъ тушѣтъ,
Вядрѣмъ *ваду* насѣтъ!
А ў вядрѣ вады пѣўна,
А ў дѣвачакъ праўды рѣўна!
Аю-аю-аю!

А ў гарѣди ны ляхѣ
Три калівы бобу.

Аю-аю-аю!

А хто дѣўку папалѣить —
Ня вѣжывить году!
А ў гарѣди ны ляхѣ
Три калівы мятѣ,
А хто дѣўку папалѣить —
Ня вѣлизить съ хаты!

Аю-аю-аю!

А гдѣ тѣя купяльица,
Што голуѣ купалѣся,
Аю-аю-аю!

А гдѣ тая красна дѣўка,
Што я заручаѣся?
А и тѣя купяльица
Даўно зарачѣна,
А и тая красна дѣўка
Замужъ аддаѣна!

Аю-аю-аю!

С. Мишневичи, Городокск. у.
Запис. г. Василевъ.

Алѣнушка папѣва,
А пагѣнимся мы ў поля,
Загѣнимся за дубокъ,
На зялѣнинькѣй лужокъ!

А на гарѣ дубѣ, дубѣ,
Падъ гарѣю бѣлѣ шатѣрѣ.
А ў тымъ шатѣрѣ Варвара
Са мѣладцамъ гуляла.
Мальчишечка бѣлѣ, кудряў,
А ўзяў дѣўку бизъ рукаў.
Мальчишечка бѣлѣ, харѣшѣ,
А ўзяў дѣўку бизъ калѣшѣ!

Улѣнушка, Улѣна,
Пачѣмъ любишѣ Ивана?
— Патѣмъ люблю Ивана,
Што ѣнѣ тѣныкѣ и висѣкѣ, 2
Ў ягѣ чорнинькѣй вусѣкѣ, 2
И тѣнинькѣй галасѣкѣ!

Бабиничская вол., Витеб. у.

У нядѣльку паранѣнѣкѣ
Загадаў царѣ на службу
Усимъ князѣмъ, ўсимъ баярамъ,
Усимъ малымъ рабѣтамъ
И маладымъ салдатамъ.
А тамъ мати прабывала,
Ина тѣя прачувала,
Радивѣлу прабуджала:
„Устанѣ, устанѣ, Радивѣла,
Устанѣ, устанѣ, мой сыночѣкѣ:
Вотъ салдатики нахѣдѣютъ,
Рѣжжѣ, шабѣлки нанѣсютъ!“
— Атѣтупѣ, матѣ, ни пѣчальсѣ:
Я тромъ-пѣтѣмъ ни падѣмѣя!
Тры салдаты наскачѣли,
Радивѣлу ухватѣли,
Сѣйчасъ ножачѣки скавалѣи,
Назадъ рѣчачѣки звѣззалѣи.
Радивѣла стрѣпѣнѣуѣся, —
Ўсѣ жалѣзы палѣтѣли
И вярѣвачѣки загудѣли!
Прѣсѣтъ ягѣ царѣ на чѣсти:

„Спакарѣся, Радивѣла,
Спакарѣся, мой сыночѣкѣ!
Я на тябѣ царѣства сѣпѣшу,
Я за тябѣ дѣчку аддаѣмъ!“

— Тваѣ жѣ царѣства мнѣ ня ў
мѣласѣтъ,
Тваѣ дѣчка мнѣ ня ў лѣбасѣтъ!
Ўсѣ за рѣчѣкай адна ўдѣбука,
У той вѣдоўѣки адна дѣчка:
Тая ўдѣўка мнѣ у мѣласѣтъ,
Нѣ дѣчка мнѣ у лѣбасѣтъ!

Лепельск. у., Витебск. губ.
Пѣсня распространенная въ
восточной Бѣлоруссѣи. См. бо-
лѣе полный вариантъ въ „Бѣ-
лорусскомъ Сборникѣ“, вып. II,
стр. 413—414.

Ахѣ ты Сѣмушка, Сѣмѣнушка,
Ни хадѣи, Сѣмѣнѣ, нагѣбѣи,
Ни качай ты галавѣбѣи,
Мнѣ ня бытъ за табѣбѣи.
Да мнѣ бытъ ли, ня бытъ
За бялѣымъ румѣнымъ
За Ивѣанамъ кудрявымъ!“
— Скажѣи, Дуня румѣна,
За што любишѣ Ивана?
„Я за то люблю Ивана,
Што галавѣушка кудрява.
У Ивана-кудряшѣ
Нѣту денѣгъ ни грашѣи,
Тольѣки слава харашѣ!“

Д. Валейково, Стрижин. в..
Дрисс. уѣзда. Кр. Мих. Чубарѣ.
Запис. Д. Орловѣ.

Хадѣи, пахадѣи Ясѣ на пѣлю,
Збѣраў красачѣки—васѣлѣчѣки.
Назбѣраўшѣи, да и пасѣяў,
Пасѣяўшѣи, прочѣ паѣхаў.
Ўдѣтъ, ўдѣтъ, да аглѣнѣтѣца,
Гѣркаю слязѣю аблѣтѣца:
„Ахѣ вы, красачѣки—васѣлѣчѣки,
Да хто васѣ бѣдѣтъ дагладѣтъ,
Вѣчѣръ и рѣнѣня палѣтѣтъ!“

Ли калѣдѣжа, ли сѣтѣдѣныга,
Тамъ лѣжѣтъ тѣла, тѣла бѣлыя.
Нѣхто кѣ тамѣ тѣличѣку ни прѣстѣпѣтъ,

Май мамѣка старѣусѣнѣка,
Маѣ дѣтки малѣусѣнѣки!

Тамъ же. Мотивъ см. „Бѣ-
лор. Сборн.“ вып. VII, стр. 3.

Дуброва май зялѣная,
Ни пушѣай карѣнѣйка па маѣи
[дарѣжанѣцы,

Дѣ я кѣ мамѣцы ў гѣсѣтъи пайдѣу:
Ўсѣ карѣнѣйка я стапѣчу,
Ўсѣ тѣвѣятѣчки пащѣплѣу,
У вѣнѣчѣкѣ пазвѣивѣу,
На галавѣуку ускладѣу,
Кѣ мамѣцы ў гѣсѣтъѣки пайдѣу.
Загадау я мамѣцы загѣдинѣку:
„Пѣралѣтъ, мамѣка, тѣвѣятѣкѣи!
Сѣкольѣки ў гѣтымъ вѣнкѣу тѣвѣят-
[кѣу,
Тѣльѣки на мнѣ худѣхъ слаўѣцѣу!“
— Дѣтя маѣ дарагѣя, жѣтъѣгѣ
[нагарѣтѣная!

Да што тамъ за мѣлайѣцы, 2
Да што тамъ за бѣлыя, 2
Што и вѣйны бѣялѣся, 2
Атѣ вѣйны хавѣлѣся? 2
А якѣ я маладѣнѣка,
Я и сама бѣрамъ ишѣла,
Я и канѣи ў рукахъ вѣла,
Я и ягѣдинѣки бѣрѣла,
На вѣбѣрѣ вѣбѣрѣла:
Салѣтѣкѣи ў кипѣнѣчѣкѣи,
А горѣкѣи ў падалѣчѣкѣи,
Салѣтѣкѣи ли тѣтѣухѣи,
А горѣкѣи лѣ свѣкарѣи.
Бѣжѣ, тѣтѣухѣна, на здарѣўѣя,
А свѣкарѣка на хварѣѣбу!
Бѣжѣ, тѣтѣухѣна, спажѣвѣйсѣя,
А свѣкарѣка удѣвѣйсѣя.

Дер. Шлыѣки, той же вол.
Кр. Аѣанасѣи Шлыѣкѣ.

Тольки приступились а три ластыўки.
 Первая ластыўка сѣла у гыльвахъ,
 А другая сѣла прати сѣрдичка,
 А третія сѣла у ныгахъ ягò.
 У гыльвахъ плачить—то мати ягò,
 Прати сѣрдичка—то систра ягò,
 У ныгахъ плачить—то жына ягò.
 Гдѣ мати плачить—тамъ рика стайть,
 А идѣ систра плачить—тамъ ручей тячѣть,
 Дѣ жына плачить—тамъ рыса стайть.
 Мати плачить а вѣкъ дò вику,
 А систра плачить а годъ дò гаду,
 Жына плачить день да вѣчира —

Слушать нѣчига.

Гор. Мстиславль.

Ныдъ вадòу калина,
 Пыдъ калиный дяўчына,
 Русу косу чысала,
 Бѣла личка ўмувала.
 Туды ѣхаў старўсинькій:
 „Бохъ на помычъ, дяўчынычка,
 Русу кòсу чысати,
 Бѣла личка ўмувати!“
 — Ны здарòўя, старый дѣдъ:
 Ни твайгò саду калинычка,
 Ни твайхъ мысль дяўчынычка!
 Ныдъ вадòу калина,
 Пыдъ калиный дяўчына,
 Русу косу чысала,
 Бѣла личка ўмувала.
 Ёхаў туды малòдинькій:
 „Бохъ на помычъ, дяўчынычка,
 Бѣла личка ўмувати,
 Русу косу чысати!“
 — Ны здарòўя, бѣль мыладець:
 Тò твыягò саду калина,
 Тò твайхъ мысль дяўчына!

Щербинск. вол., Витеб. у.

Яблани май кудраваа,
 Дакулѣ табѣ ў лузи стайть?
 Парѣ табѣ у садъ парайтѣть,
 У садъ парайтѣть, раскїнутца!
 — Стаò я годъ, стаò другїй,—
 А на трѣтїй у садъ парайдù:

Раскїнуся, расхїнуся.
 Пуцу кòрань глыби мòра,
 Пуцу лїстокъ шыры пòля,
 Шыры поля шырòкага.
 Ты, дяўчына Ганнусячка!
 Дакулѣ табѣ у батьки жыть,
 Парѣ табѣ замужъ итїть!
 — Пажывù годъ, пажыву другїй,
 А на трѣтїй замужъ пайдù,
 Замужъ пайдù за купца-малатца:
 Купецъ будя купчавати,
 А я буду таргавати.

А на дварѣ рòса,
 Марьютачка бòса!
 Кали табѣ дѣўки жаль,
 Купи чаравїчки,
 Малы, нивялїчки,
 Тольки ў часъ,
 Людѣмъ на паказь.

Дяўчыначка вадù нїсѣ,
 Карòмясяль гнѣтца,
 Раманїчка ў вакнò глядїть,
 Слѣзками ильѣтца.
 Карòмясяль залатый,
 Чамù ни зламїўся,
 Раманїчка маладїй,
 Чамù ни жанїўся?

С. Красная Буда, Гом. у.

Да выйду, выйду за варòбитки, 2
 Выйду, выйду за тясовыя, 2
 Тамъ трава сѣ травой савиваютьца, 2
 Да тамъ братъ сѣ сїстрòй разлучаютьца: 2
 „Ты мой братїтка, салавѣичка, 2 и т. д.
 Пажывѣмъ сѣ табòй харашѣнїчка:
 Ни у насъ палї насѣнныя,
 Ни у насъ сады насажòныя,
 Тольки братъ сѣ сїстрòй нарадзòныя!“

Юдра ¹⁾ каля рѣчки хадїла,
 Юдра гарнастайку будїла:
 Устань, гарнастайка, ни ляжы!
 Да ўжѣ рыбалòўцы наїжжають,
 Шалкòваю сѣть закидають,
 Тябе, гарнастайку, паймають.

Ды хто у насъ рана ў пòля хò-
 [дїть? 2
 — Сиратѣ рана ў пòля хòдїть, 2
 Сиратѣ бѣлы ручки лòмїть, 2
 Сиратѣ дробны слѣзки ранїить, 2
 Сиратѣ расу абиваить, 2
 Сиратѣ долю праклїнаить, 2
 Сиратѣ мамку прабуджаить. 2.

Ты дубъ, я бярозѣ,
 Да ты пѣянь—я тьвярозѣ,
 Да ты пѣешъ, а я плачу,
 Маладòсь сваòу трачу,
 Да ты пѣешъ и латрўишъ,
 Нїкды дòма ни начўишъ!

Ясна слòнца за лѣсь кòтитца,
 Уся бнѣзданька расхòдитца,
 Май мамка дамòй радїтца.
 Я мамку прапускаць пайдù,
 Празъ тры лѣсы, празъ тры
 [тѣмныя,
 Празъ тры садї, празъ зялѣныя,

1) Выдра. 2) Уплуталася, запуталась.

Празъ тры ракї, празъ тры бы-
 [стрыя,
 Празъ тры палї, празъ тры чы-
 [стыя.

Стану я падъ бярозачкай,
 Да стану я падъ кудравай:
 Ти аглянитца май матўлька?
 Аглянўлася май матўлька,
 Аглянўлася май рòдная:
 „Чаго, дїтя, засталася,
 Ти травицай убулталася, ²⁾
 Ти расїцай абмачўлася?“
 — Ни травицай я убулталася,
 Ни расїцай абмачўлася:
 Абултала чужа старанѣ,
 Абмачўли дробны слѣзачки!

Красна дѣўка на снѣхъ хòдїть,
 Красна дѣўка малайца будїть:
 „Устань, устань, да бѣль мала-
 [дѣць,
 Устань, устань, ты бялòсинькій:
 Атарваўся твой конь варанїй,
 Атарваўся варанїсинькій,
 Ать тачòнага стаўпòчка,
 Ать жалѣзнага кручòчка!
 Паламаў енъ мой жалѣзный тынь,
 Патаптаў маòу руту—мяту!“

М. Браславъ, Ковен. губ.

Ой, висна, висна красна
 Съ карабоу жыта вытрасла,
 И на вуличку вынясла,
 И вѣничкамъ вымяла,
 Краснымъ яечкамъ выкачала!

С. Чигиринка, Быхов. у.

Сцыбитау сылавей
 Ны калини сѣдуюц,
 Ны калини сѣдуюц,
 Ны малину глѣдуюц:
 Ня быть калинки
 Сылажѣй малинки,
 Ня быть свякрѣуки
 Проти рѣнной мамки!
 Мый мамка у саду,
 Якъ пцалинина ў мяду
 А свякрова ў тирямъ,
 Якъ сарѣка ны калѣ,
 Мый мамка гаворить,
 Якъ пцалинина яцѣть,
 А свякрова гаворить,
 Якъ мидьвѣдѣца рацѣть.

С. Узкое, Велижск. у.

Ахъ, и што шъ то за садѣчикъ,
 За зилѣнинькій такой?
 Ахъ, и што шъ то за малойчикъ,
 За прыгожынькій такой?
 Уложу мѣсьли ў моѣ сѣрца,
 Ни магу ягѣ забыть.
 Пра то люди даўно знають,
 И сусѣди даўно гаваряць,
 Тибѣ мѣлайца ругають,
 Мянѣ дявѣцу страмяць:
 „Стѣдна, стѣдна дяучѣнацы
 Позна зъ вѣчера гуляць!“
 Дяучѣнацы стыдна стѣла,
 Палилѣси слѣзы зъ глазъ,
 Парнѣшачку жалка стѣла,
 Начау дѣўку утишяць,
 Вѣниў рѣзавый платѣчикъ,
 Начау слѣзы утираць:

„Ни плачь, ни плачь, Дяучѣначка,
 Ни плачь, дѣшчыка май:
 Если ўздѣмую жанѣтца,
 Васъ на свадьбу пазаву!“
 Я у садѣку гуляла,
 У зилинѣнькимъ такомъ,
 Накапала зло-карѣнныя,
 Я ў зилинѣнькимъ саду,
 Насушыла зло-карѣнныя,
 Суха-на-суха ягѣ,
 Наснаўляла самавары,
 А три самаварчики,
 Наливала ва стаканы,
 Залатѣ стаканычѣики,
 Напайла друшкѣ мила,
 Двухъ друшкѣу ягѣ, —
 Таваришы пазнасыли,
 А мой мѣлинькій памѣръ!

Займствованная.

Иванька малѣдинькій,
 Ни жанѣть—халѣбѣтинькій,
 Хадѣу ѣнѣ на вѣлушки,
 Вулушки тисѣвыя,
 Схинѣу ѣнѣ галѣвачку
 На праву старѣначку.
 Завѣдила матушка
 Зъ висѣкага тѣрима:
 „Абъ чомъ, Иванька, журысься,
 Ды абъ чомъ пичѣалисься?“
 — Таваришы жѣнѣтца,
 А я щѣ ня думаю,
 Калѣ Дунаю хѣдуючи,
 Тапѣтѣся думаю!
 „Иванька малѣдинькій,
 Ни думай жанѣтѣся:
 Бѣдѣть сѣ кимъ журиѣтѣся!

Займствованная.

Висна красна настаѣть,
 У салѣата сѣрца мрѣть,
 Салѣатъ у пахѣдѣ идѣть,
 Чорный мунѣдѣръ надыѣть,
 На вучѣнныя идѣть.

Гѣта ўчѣнныя ни мучѣнныя,
 Тѣльки вѣчанѣ тѣжалѣ, 2
 Што ни знаѣмъ ничагѣ.
 „Гляди прѣма, дяржѣ рѣуна,
 Дѣлай ружжомъ харашѣ!“
 Насъ начѣльничѣки пахваляють,
 Намъ на вѣдачку дадѣуть!

А три дѣнюшки у Дѣнь,
 А идѣ хѣчѣшъ, тамѣ падѣнь:
 А ти выпѣть, а ти зѣѣсьть,
 А ти дѣвѣушкамъ аѣнѣсьть,
 Ти на шѣла, ти на мѣла,
 Штобъ и выпѣть за што бѣла!

Занесена въ деревню бывшими
 на военной службѣ. Особенно нра-
 вится ночлежникамъ.

Ой, бѣрамъ, бѣрамъ, баравѣнаю,
 А хто шъ тамѣ ѣдѣть вѣчарѣнаю?
 А ѣдѣть, ѣдѣть Иванка пѣяный:
 „Ачѣинѣй, Аўдѣулка,—я твой кахѣанный!“
 — Ай, нячѣинѣюся, батѣьки баѣюся,
 Я шъ пириѣь табѣу лѣстамъ сѣтялѣюся,
 Ай лѣстамъ, лѣстамъ, зѣлянѣосѣнькимъ,
 Я шъ пириѣь табѣу маладѣосѣнькимъ.

Чериков. у. Запис. г. Аникѣевичъ.

31 марта, дѣнь св. Ипатѣя, не празднуѣтѣся. Разрѣшитѣлемъ не-
 плодѣя бѣлѣоруссы считають св. Юстинѣяна (14 ноябѣря), который
 изображаѣтѣся на иконѣ сѣь младенѣцемъ на рукахъ молящимся предѣь
 иконою Божѣей Матѣри. Крѣстьянѣ бездѣтѣные или такѣе, у которыхъ
 часто умирають дѣтѣи, считають долѣгомъ имѣть образъ св. Юстинѣяна
 въ своѣмъ домѣ.

Вѣрбная недѣля называѣтѣся ещѣ Бѣлою. Принесѣнною изъ цер-
 кви освѣщенной вѣрбою стѣгають больныхъ членѣвъ своѣей семѣи,
 говоря: „Не я бѣю, вѣрѣа бѣѣ! Хѣира ў лѣсѣь, а здарѣуя ў кѣсьтѣи!“

Послѣ этого отправляютьсѣ въ хлѣва и тамѣ стѣгають вѣрбой
 скѣотъ. Затѣмъ вѣрба кладѣтѣся на божѣницу, а частъ вѣтыкаѣтѣся въ
 стѣбѣны хлѣвѣвъ. 23 апрѣля еѣу выгоняють первый разъ скѣотъ въ
 поле. Во время посѣьва вѣрбу ставѣять на полѣ. Въ ночь на 24 июня
 еѣу вѣшають въ корѣвьѣмъ хлѣву, чтобы охранѣть корѣвъ отъ вѣдѣмъ.
 Уронѣть прутѣикъ вѣрбы на землѣю считаѣтѣся грѣхомъ. Нужно еѣго
 поднять и сѣжѣть въ печѣи.

Дни Страстѣной седмицы называютьсѣ чѣистыми: чѣистый понѣдѣ-
 лѣкъ, чѣистый авторѣкъ и т. д. Въ чѣистый четвѣргъ до разѣсвѣта мо-
 ютѣся въ банѣяхъ; тогда цѣьлый годъ не будѣть накожѣныхъ болѣзѣней—
 лишаѣвъ, корѣсты, болячѣкъ. Бабы ловѣть прѣусаковъ, клопѣвъ и та-
 раканѣвъ, заворачѣивають въ тряпѣчки и бросають на улицѣю. Насѣь-
 комыя перейдѣуть къ тому, кто такую тряпѣчку поднимѣть. Бабы жѣ
 прѣядутъ въ этотъ дѣнь нѣсколько нѣтокъ изъ волѣны или льна, но въ
 обратѣную сторону. Нѣтки эти очѣнь помогають отъ ломѣоты, и болѣю-
 щѣе ревматѣзмомъ перевѣзываютъ ими больныхъ руки и ноги. Въ

церкви въ этотъ день освящаются макъ, соль и коровье масло. Макъ посыпается въ хлѣвахъ, масломъ смазывается коровье вымя для охраненія отъ вѣдмъ, а соль употребляется во всѣхъ важныхъ случаяхъ для охраны отъ нечистой силы.

Въ с. Озеранахъ одну изъ дорницъ на крышѣ переворачиваютъ нижнимъ концомъ вверхъ—чтобы гады въ хату не лѣзли. Чтобы обезопасить дворъ отъ нечистой силы, „раздѣнитца жанщина голая и да ўхода сонца абѣвѣя увесъ дворъ жытамъ знаружжа“. Также до восхода солнца перебираютъ лукъ—тогда онъ на огородѣ чистый.

А п р ѣ л ь.

11 апрѣля, день св. Антипы, празднуется только тѣми, у кого часто болятъ зубы, и знахарями, заговаривающими зубную боль.

17 апрѣля память св. Зосимы. О немъ хранится такая легенда. Какой то царь прогналъ его изъ своей земли и онъ направился въ Россію. Уходя, онъ поймалъ пчелиную матку, задралъ ее въ свой посохъ, чтобы никто не увидѣлъ, и увезъ съ собою. Всѣ пчелы изъ той земли полетѣли за нимъ и развелись въ Россіи. Такъ какъ русскіе еще не знали ухода за пчелами, то размножившіяся пчелы причиняли большое безпокойство, жалили людей и животныхъ. Народъ сталъ роптать на Зосиму, принесшаго такихъ злыхъ пасѣкомыхъ, и святой ушелъ на Соловецкій островъ, снова спрятавши матку въ посохъ. Тамъ онъ основалъ монастырь и снова сталъ заниматься пчеловодствомъ. Здѣшніе пчеловоды, какъ впрочемъ и въ остальной Россіи, считаютъ его охранителемъ пчелъ, вмѣстѣ съ св. Савватіемъ. Имя Зосимы упоминается во всѣхъ пчелиныхъ заговорахъ, которые впрочемъ всѣ литературнаго происхожденія (см. ниже „Заговоры“). Считается обязательнымъ имѣть на пасѣкахъ икону этихъ святыхъ, причемъ Зосима держитъ въ одной рукѣ „котелокъ“, а въ другой крестъ и метелку для сгребанія роевъ (или крошк); Савватій изображается только съ крестомъ въ рукѣ. Оба въ иноческой одеждѣ, на фонѣ лѣса. Деревенскіе иконописцы и подражающіе имъ суздальцы изображаютъ на иконахъ для наглядности ульи и летающихъ пчелъ. Зимой эти иконы переносятся изъ пасѣки въ омшаникъ, гдѣ хранятся ульи, или въ избу.

Пасха. Праздникъ этотъ въ Бѣлоруссіи называется Великденъ, Великоднѣя, Паска, а недѣля—Великодною. Приготовленія къ празднику начинаются обыкновенно съ среды—четверга мойкою иконъ, столовъ, скамеекъ, окошекъ, дверей и половъ, а гдѣ стѣны небѣленные, то и стѣнъ. Чистится все,—за что и недѣля называется чистою. Къ Пасхѣ готовится столъ, главное мѣсто на которомъ занимаютъ куличи, также называемые „паскою“. Куличи имѣютъ видъ обыкновенной круглой булки, но наверху ея накладывается изъ тѣста че-

тырехконечный крестъ. Если хозяйка не умѣетъ печь куличей, они заблаговременно покупаются въ городѣ въ базарные предпраздничные дни. Кромѣ куличей, на столѣ считаются обязательными: булка черного хлѣба съ насыпанной на нее солью, кругъ домашнего сыра, масло, кусокъ свиного сала и крашенныя яйца. Изъ мяса ставятся: по возможности окорокъ, поросенокъ, курица—если ничего этого не надобно покупать, или просто зажаренный кусокъ мяса и оставшіяся отъ Коляды колбасы. Яйца красятся, какъ уже было сказано, въ луковой шелухѣ, березовыхъ листьяхъ и червецѣ. Правильно-христіанскимъ цвѣтомъ для яицъ считается красный и поэтому купленнымъ зажиточнымъ крестьяниномъ червецомъ стараются воспользоваться и сосѣди. Такъ называемыя писанки въ Бѣлоруссіи имѣютъ малое распространеніе. Это объясняется, конечно, тяжелымъ прошлымъ ея населенія, при которомъ всякое яйцо было на счету у помѣщицы, а крестьянинъ разгавливался чернымъ мякиннымъ хлѣбомъ и кускомъ сала „зъ варабѣйна стягнѣ“. Въ мѣщанской средѣ писанки дѣлаются или наклеиваніемъ на яйцо восковыхъ узоровъ предъ окраскою или простымъ соскабливаніемъ краски съ окрашенныхъ яицъ. Узоры эти крайне просты и въ большинствѣ случаевъ замѣняются изображеніемъ креста. Также бѣдны орнаментомъ и однообразны и писанки здѣшнихъ женскихъ монастырей.

Для освященія въ церковь несутъ: куличъ, мясо, сыръ и яйца,—именно то, что упоминается въ разрѣшительной молитвѣ. Все это укладывается въ лукошко, застланное особою чистою скатертью. Во время чтенія священникомъ молитвы, къ лукошкамъ прилѣпляются зажженные восковыя свѣчи.

При первомъ пѣніи „Христосъ воскресъ“ въ сельскихъ церквахъ почти повсемѣстно стрѣляютъ или изъ ружей или изъ особыхъ мортиръ—мажджаръ. Въ самое послѣднее время вмѣсто стрѣльбы примѣняются фейерверки.

По возвращеніи изъ церкви домой, одно освященное, обязательно красное, яйцо опускаютъ въ воду, которою потомъ всѣ умываются, и гладятъ яйцомъ лицо, чтобы быть здоровыми, „красными“, весь годъ. Потомъ, помолившись—причемъ вмѣсто начинательной молитвы „Во имя Отца“ говорится тропарь „Христосъ воскресъ“, вплоть до дня Вознесенія—всѣ садятся за столъ и начинаютъ „разговляться“. Старшій въ семьѣ очищаетъ одно изъ освященныхъ яицъ и разрѣзываетъ на столько частей, сколько членовъ семьи находится за столомъ. Всѣ съѣдаютъ свои части съ солью. Потомъ ѣдятъ сыръ или творогъ со сметаной, затѣмъ куличъ и сало и наконецъ мяса. Послѣ разговѣнья считается обязательнымъ лечь спать. Выснавшись, одни обѣдаютъ, другіе отправляются на улицу, большей частью къ церковной паперти, и тамъ или катаютъ яйца съ „лубковъ“ или играютъ „въ битки“. Чье яйцо окажется крѣпче, тотъ беретъ у партнера „выби-

тое“ яйцо — „битку“. При игрѣ въ битки допускаются и нѣкоторые обманы. При взаимной пробѣ играющими яицъ, даются „куштовать“ обыкновенныя яйца, но затѣмъ они ловко замѣняются другими — гипсовыми, цесарскими, „заливанками“, въ которыхъ носокъ залить изнутри воскомъ, „сушенками“ и т. п. Героями игры считаются тѣ, которые идутъ съ цесаркой на цесарку. Игры съ яйцами продолжаются всю „Великоднюю“ недѣлю.

При встрѣчахъ въ эту недѣлю говорятъ: „Христосъ воскресъ!“ на что привѣтствуемый обязанъ отвѣтить: „Воистину воскресъ!“ Христосуются съ родными, съ знакомыми, а въ первый день съ каждамы встрѣтившимися.

Вѣроятно, по аналогіи съ тѣмъ, что въ Пасхальную недѣлю въ церкви стоятъ отворенными царскія врата, въ народѣ существуетъ вѣра, что въ эту недѣлю открытъ „свѣтлый рай“ и что поэтому всѣ умирающіе на Пасху входятъ въ рай безпрепятственно. Въ Велижскомъ уѣздѣ въ первый день Пасхи, въ подражаніе этому, стараются держать отворенными хлѣва, амбары, кладовыя. Существуетъ также увѣренность, что отъ Пасхи до Вознесенія воскресшій Господь пребываетъ на землѣ и посѣщаетъ, подъ видомъ странника, людей бѣдныхъ, постигнутыхъ несчастіемъ, вдовицъ. Легенды объ этомъ приведены въ вып. IV Бѣлор. Сборника.

Остатки отъ освященнаго стола, будь то яичная скорлупа или кость, сжигаются. Но нѣкоторые хозяева собираютъ такія кости и предъ посѣвомъ зарываютъ ихъ въ землю на своей полосѣ: это охраняетъ посѣвы отъ бурь и градобитія. Корки же освященныхъ куличей сушатъ, толкутъ и во время семейныхъ праздниковъ — крестинъ, свадебъ, всыпаютъ въ водку. Чрезъ этого водка получаетъ свойство усыплять колдуновъ. Послѣ одной — двухъ рюмокъ они засыпаютъ и слѣдовательно дѣлаются безвредными для молодыхъ, для младенца.

На второй день Пасхи дѣвушки собираются „табунами“ и ходятъ по домамъ „христовать“. Войдя въ хату, онѣ поютъ такія пѣсни:

Была ў мянѣ курка — рабѹшка, —
Хрыстосъ васкрэсь, Сынъ Божый!
Знісла ўсімъ дѣткамъ на яечку, (припѣвъ)
Аднѡй сиратѣ ня даялася.
Пашла сиратѣ за новыя вараѣ.
„Варнйсь, сирата, тябѣ Богъ клича,
Тябѣ Богъ клича, даѣ мѣрку жыта!
Хрыстосъ васкрэсь, Сынъ Божый!

—
Атѣ тѣрама ды да тѣрама —
Хрыстосъ васкрэсь, Сынъ Божый!
Ляжыѣ брусѣя ўсѣ нятѣсаная, (припѣвъ)
Па томъ брусѣю па нятѣсанамъ

Тудой ишла ды тѣвѣтъ Мар'ячка-душа,
А за ёю тѣвѣтъ Данилачка-душа:
У правай рукѣ вино зялёная,
А ў лѣвай рукѣ мѣдъ сѣчаный!
Хрыстосъ васкрэсь, Сынъ Божый.

Носовичск. вол., Гом. у.

О, чый то дворъ, што зялѣзны тынъ —
Хрыстосъ васкрэсь, Сынъ Божый!
Зялѣзны тынъ, мид'яныя вароты,
Залат'я клямки, сярэбраны замки?
— Іванаў дворъ — зялѣзны тынъ и т. д.

—
Да па вулицы па шырбай,
Хрыстосъ васкрэсь, Сынъ Божый!
Да па мѹрагу па зялёнамъ,
Тамъ ляж'али брусѣ тѣсаныя,
На тыхъ брусахъ сяд'ели мужы,
Сяд'ели мужы, мужы чесныя,
И рад'или раду, раду добраю:
Каму жыта сѣять, каму засяваѣть?
— А Івану жыта сѣять, яму засяваѣть:
Яго рука щасливая, яго жана дарл'ивая!
А патомъ тагѡ да бувай здарѡў,
Да бувай здарѡў, май сто карѡў,
Далі яецъ, щобъ мали авецъ!
Хрыстосъ васкрэсь, Сынъ Божый!

С. Юрковичи, Гом. у.

Христовицамъ даютъ за это ломоть хлѣба, кусокъ сала, или пару яицъ. Вечеромъ изъ этой провизіи онѣ устраиваютъ закуску на игрищѣ, которое считается обязательнымъ въ этотъ день. Игрища устраиваются въ той же хатѣ, гдѣ зимою происходили „посидѣнки“. Хлопцы приносятъ ведро водки, приводятъ музыканта. Хозяйка къ этому времени напечетъ блиновъ изъ грецкой муки, сдѣлаетъ крутую яичницу изъ 10—20 яицъ, нажаритъ мяса съ картофелемъ и сваритъ грецкую или пшеничную кашу. Выпивши и закусивши, молодежь начинаетъ танцевать. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ наибольшемъ употребленіи недавно были танцы: барынька, казачокъ, падушачка, мятелица, гусачокъ, лучиница, журавель, косарь, чижикъ, гопакъ. Если музыки въ деревнѣ нѣтъ, танцуютъ подъ припѣвки. Въ дополненіе къ тѣмъ, которые даны въ вып. VII Бѣлорус. Сборн., привожу здѣсь еще нѣсколько.

Тавкачики.

Антонъ маладёнскій пиў мёдъ саладёнскій,
 Прыкатиўся къ бочацца, пьётъ и яцо хобыцца!
 Антонъ казў вядётъ, тирецъ-тыць, каза ня йдётъ,
 Антониха падганяйць, на Антона пагладзіць!

Трасуха.

Хуть трасіся, ни трасіся, ну я знаю, што здасіся!
 Дяўчынанька, што ты маіш, што хвартушкамъ запинаіш?
 — Ай, я маю курьцу, для васпана ужычу!

А ты, рудый, хаді сьоды, а ты, чорный, стаі тамъ,
 А я зь рудымъ разьярўся, а къ чорнаму прыдў самъ!

Ай, чухъ, Марысица, хвартўхъ калышыцца,
 Вьтиръ павиваіць, хвартухъ падымаіць.

Полька.

Бхуў, бхуў каля млыну, вядіў дбўку, якъ малину,
 Якъ я бхуў, инд спала, якъ я сьвіснуў—инд ўстала!

Дяўчыначка май любя, праклятая твая гўба:
 Набрахала на мяне, што я хадіў да цябе!
 Дяўчыначка, люблю цябе, ня бжъ хлбѣ—вазьму цябе!
 Дбўка хлопца паслушала, тры дньи хлбѣ ня кушала!
 Прасўкинъ сынъ абманіў и зь голаду замарыў!
 — Дяўчынанька, ня журыся, вазьми хлбѣ, нажарыся!

Танцавала баба зь ракамъ, а пятрушка сь пастарнакамъ,
 А цыбуля дивавала, што пятрушка танцавала,
 А пятрушка шь чыснакомъ, красна дбўка зь дитюкомъ.

А дяўчына, чый ты, ти ня хобышъ гуляти?
 — Я дяўчына папѣва, я гуляти гатѣва.

Кадрель.

Ти я шь табѣ ни казала, на парѣзя стаўшы:
 Ня бдѣ, ня бдѣ у дарѣгу, няхай бдѣць старшый!
 Ти я табѣ ни казала, на прыпичку сѣўшы:
 Ня бдѣ, на бдѣ у дарѣгу, няхай бдѣць меншый!
 Ти я табѣ ни казала, маё любинятка:
 Ня бдѣ, ня бдѣ у дарѣгу, няхай бдѣць татка!
 Татка старый, татка старый, на сьвѣти нажыўся,
 А ты шь, маё любинятка, тяперъ ажаныўся.

Диргачъ стаў драть за дѣшкай сь Агнѣшкай,
 Якъ тутъ, такъ тамъ, якъ прѣдишъ—ни дамъ!
 Диргачъ стаў драть за каткай сь Агаткай и т. д.
 Сядѣў я за дѣшкай, прасіў у Агнѣшки:
 Якъ тутъ и т. д. Потомъ—за каткай, прасіў у Агатки и т. д.

Сбў жа я на лаваньца и нѣжаньки падагбаў,
 Ты шь мяне спалюбила, я шь тябѣ спадабаў.
 Ты шь мяне спалюбила, ты шь мяне спадвила,
 Ты шь мяне маладѣга ў камѣрачку завилѣ.

Ты шь май, ты шь май, ты шь ни чужая,
 Ты шь была, ты шь была, ты шь ни сказала!
 — Чаму шь тады ни прышѣў, кали я казала:
 Усю ночку ни спала, тябѣ ажыдала.
 Чаму шь тады ни прышѣў, кали я вилѣла:
 Усю нѣчачку ни спала, сьвѣчачка гарѣла,
 Сьвѣчачка гарѣла, сьрдѣчка балѣла!

А за сѣдомъ, за сѣдомъ, пасѣили дбўки лѣнь,
 Ай-люли, дбўки лѣнь 2 и т. д.—извѣстная пѣсня.
 Подъ ея мотивъ танцують фигуру шестую кадрили.

Я ў Татьяны начуваў, у Маруся мѣўся,
 Празъ вакѣнца утикаў и штаны забыўся.
 Я шь ни Татьяна, я шь ни Маруся,
 Я шь ни падѣмся, я шь ни баўся!

Жаль жа мнѣ на Татьяну, жаль жа мнѣ на яѣ—
 Зьбѣдиў канѣ варанѣга, бѣзѣдучы да яѣ!
 Жаль жа мнѣ на Татьяну и т. д.
 Стаптаў жа я бѣтики, хѣдучы да яѣ!
 Жаль жа мнѣ на Татьяну и т. д.
 Аддаў жа я ўсѣ грѣшыки, нѣсучы да яѣ!

Чагѣ ў тябѣ, дяўчынинка, ... надулѣся?
 — Каля рѣчки хадѣла, вадѣ напиѣся!
 Чагѣ ў тябѣ даўчынинка, якъ у качачки насѣкъ?
 Каля рѣчки хадѣла, жыравала пѣсѣкъ!

Л я в о н и х а.

А па вулицы мятелица мятеть,
Па мятелицы мой милинькій идеть,
А идеть жа памалюсиньку
А ступаить патихусиньку.

А Божа мой, жыватёнки балять!
Што некаму за с—и диражать!
Суди шь Божа мнѣ надѣльки даждать—
Будить каму за с—и диражать!
Суди шь Божа мнѣ другои дажыть,
А ў другую мой мильнякый прыбяжыть!

А дѣ шь тыя кавалёнки жынуть,
Што новыя тапарёнки кують,
Кують, кують, ды падварывають,
Нашыхъ дѣвакъ ды падманювають.

Я ў матульки адна дбачка была,
Якъ вишанька ю садбчку тьвила.
Асталася злему духу мужукѣ,
Сеушыў мянѣ якъ липачку (рыбачку) у духѣ.
Сўшыть, сўшыть, да направитца,—
Некаму мнѣ моладэй пажалитца.

„А Лявониха, такую тваю....,
Ни хадй маю капусту ламать!“
— Я хадйла и хадить буду,
Я ламала, и ламать буду!

А што бь гэта за сусѣдка была,
Кабъ сусѣду хлѣба-соли ни дала?

Путй-путй, курачка да дбму,
Ни рабй шь ты шкодачки никбму,
А шкодачка ўсякаму ня мйла,
Скажуть, май курачка зрабйла!

На вулицы двѣ курыцы и патухъ чорный,
У камбры двѣ дяўчынки и пастухъ двбрный.
На вулицы двѣ курыцы сь питухбмъ дярўтца,
У каморы двѣ дяўчынки сь пастухамъ смяўтца.

Ай, мамачка, мамачка, любйў мянѣ Яначка,
И я яго любила и спадьничку згубила,
И ще буду любити, капъ другую купити!

Ой, гдѣ жь гэта вйдавана,
Ой, гдѣ жь гэта слыхавана,
Штобы курачка бычка привила,
Парасёначыкъ ячка палажйў,
А свйначка типлять вйсидила?

Ой, дочь май люблиная, ни па прбмыслу заводъ завйла,
Пбўна хата маладѣжы набрала,
Выбрала сабѣ малбйчика, што ни вўсакъ, ни барбдушчи,
А ни канй, ни карбвущки!

Фўнды-фўнды-фундычбкѣ, ну-ну-ну!
А ў гарбди ильничбкѣ, ну-ну-ну!
А ў ёльничку трасьничбкѣ, ну-ну-ну!
А ў трасьничкѣ ды крываўюшка,
На крывати душа Насѣтёшка.
„Ахъ ты, Насѣтя, ахъ ты, Насѣтёшка май,
Расцалўй жа, размилўй жа ты миня!“
— Ни хадй ты, билакўрый, у нашъ дворъ,
Ни насй шь ты худабѣ у нашъ домъ:
Ў насъ худббушка ни вбдитца,
Сь худабѣ ..... нахбдитца.
Ў насъ худббушка на пѣчки ляжыть,
Расѣтигальнички на вбйлачки.

Пашбў Азаръ на базаръ, ну-ну-ну!
Цалавальничкамъ сказалъ, ну-ну-ну!
Што ў гбради гарадбкѣ, — — —
А ў Питиры Питярбкѣ — — —
Слаўный гбрадъ шправбзъ — — —
Ёнъ дѣвачку шправбзъ — — —
На рўчынькахъ пакачай — — —
Сваймъ сѣрцамъ звилйчай, ну-ну-ну!

Д. Заулки. Заимств. отъ мѣстныхъ старообрядцевъ.

Ч и ж и к ѣ.

Чижекъ, чижекъ, идѣ быу? Вйпиў рюмку, другую,
За рѣчкою водку пиў! Узяў дѣўку любую!

Г у с а р и.

Гей, гей, гусарй, вы гусарики май! Пакўль мати звьярнўлыся,
Пышла мати да Кйива, Дычка сѣмъ разъ спаткнўлыся.
Дачкѣ дома пакйнула.

П о л ь к а.

Полька сътерва полька—...ъ,
Полька хочить тунцувать.

Полька тая, полька ета,
Полька мёрекыя кабёта.

М. Монастырщина, Мстисл. у.

Дѣўка май, люблю тибѣ,
Ня ѣшь хлѣба—вазьмѣ тибѣ!
Дѣўка малѣца паслѣшыла,
Тры дѣки хлѣба ня кѣшыла.

Прасукинѣ сынѣ падманѣў,
Дѣўку зѣ гѣлыду ўмарѣў.
— А ты дѣўка ня дмѣся,
Вазьми хлѣба, нажрѣся!

С. Бабиничи, вит. у.

В о р о б е й.

Такой-сякій вирабѣй,
Ня влюй майхѣ каналѣй
Я ётому вирабѣй

Кѣлымѣ нагѣ пирабѣй.
Вирабѣйка скѣчить,
Ды на нѣзцы плѣчить.

М е т е л и ц а.

Мятѣлица, мятѣлица,
Чаму дѣўки ня тѣлятца?

— Якѣ жы намѣ тѣлѣтѣся —
Нимѣ хлѣбцаў жанѣтѣся.

Л я в о н и х а.

Ты Лявониха, Лявониха май,
Ты харѣшая, пругѣжая май!
Чаму тѣбе да павѣтра ни ўзѣла,

Якѣ ты мянѣ за ручынкѣ пывѣла,
Чаму тѣбе ды Пярѣнѣ ни забѣў,
Якѣ я тѣбе мыладѣнькѣю любѣў?

С. Пугляи, Горецк. у.

Ты Лявониха, Лявониха май,
Лявониха-душа лѣскывыя,
Чиривѣкѣми палѣскывая!

А Лявониху Лявонѣ пылюбѣў,
Лявонихи чиривѣки купѣў!

С. Новая Ельня, Черик. у.

П о д у ш е ч к а.

Падѣшачка, падѣшачка,
Да ты пухавѣя,
Малѣдачка, малѣдачка,
Да ты маладѣя!

Кагѣ люблю, кагѣ люблю,
Тагѣ папалѣю,
Пухѣваю падѣшачкѣ
Тамѣ падарѣю.

Г. Бѣлица, Могил. г.

Въ этотъ же день съ вечера мужчины собираются артелями и ходять всю ночь съ пѣснями по домамъ. Въ первый же день „спасаютца: у гарѣлцы, бачѣ, усягѣ многа!“ Пѣсни эти называются вочевными, пѣвцы—волочевниками, и ночь—волочевною. Циклѣ этихъ пѣсенъ огромный. Здѣсь приводятся только нѣкоторые изъ нихъ.

Валачѣбныя люди добрыя,

(припѣвъ послѣ каждой строки: Хрыстосѣ васкрѣсѣ, Сынѣ Божый).

Валачѣлися, памачѣлися.

А Иванѣ харѣшый, а Лука щѣ луччый,

А на йго на дворѣ да жалѣзныи тынѣ,
Да жалѣзныи тынѣ, сталянѣя варатѣ.
Да булѣ ў ягѣ курка рабѣшка,
Зняслѣ ямѣ яѣцѣ капячѣкѣ.
Падѣлѣили яйцы да ўсемѣ па парцы,
Аднамѣ сиратѣ ня дастѣлася.
Да дають сиратѣ мѣску чарвѣбцаў,—
Сиратѣ ня бирѣ—са дварѣ ня йдѣ.
Да дають сиратѣ яшнаю лѣсту —
Сиратѣ узѣла да й падѣкувала,—
Хрыстосѣ васкрѣсѣ, Сынѣ Божый!

С. Нивки, Гом. у.

У нѣдѣлку паранѣнку Хр. в. С. Б.
Сабѣралися добры малѣйцы,
Добры малѣйцы, валачѣбники,
Люди чѣсныя, сыны атѣцкѣя.
Ишли жѣ яны па вулицѣ па шырѣкай,
Па мураўцы па зѣлѣнай,
Патѣлися ѣтага сѣлѣ,
Да тагѣ дварѣ Исѣакавага,
Мужа чѣснага, сына атѣцкага,
Сына атѣцкага, слѣшнага пана.
Што на ѣтамѣ дварѣ ўсѣ калѣдѣяжы,
Калѣдѣяжы усѣ накинѣисты,
Накинѣисты—панакѣипавали
Рѣжа зѣлатамѣ, чѣста сѣрабрамѣ.
Чѣсная жанѣ па вадѣ пашлѣ,
Карѣмѣсьликѣ ўсѣ ярѣвянѣкѣй,
Вѣдѣрушки малявѣныя.
Ня зачѣрпала сѣтѣдѣныя вадѣ,
Пачарпѣла рѣжа зѣлата,
Рѣжа зѣлата, чѣста сѣрабра,
Панѣслѣ янѣ да свѣтѣлицѣ,
Паставѣла на скамѣнѣцы,
Сама пашлѣ мѣлага будѣти:
„Устанѣ, ашнѣсь, мой мѣлянѣкѣй:
Саздѣў намѣ Богѣ да дѣбрѣ многа!“
— Стой, саждѣжѣ, жанѣ мѣлая:
Што жѣ мы ямѣ да рабѣтъ бѣдѣямѣ?
Паставѣмѣ мы субѣрѣ цѣркѣву!
Тудѣ будутѣ люди хадѣти,
Люди хадѣти, Богу малѣтца,
За насѣ съ табѣй Бога прасѣти.
Хрыстосѣ васкрѣсѣ, Сынѣ Божый!

У надѣлку паранѣньку—Хр. в. С. Б.
 Сабирáлися мужы чѣсныя,
 Мужы чѣсныя, сыны атѣцкія,
 Патáлися ётага сяла,
 Ётага сяла, б тагб дварá Пиліпавага,
 Мужа чѣснага, сына атѣцкага.
 Што на етамъ дварѣ
 Ляжыть брúсься, брúсься тѣсаная,
 На етамъ брусси
 Силыть мужы, мужы чѣсныя,
 Мужы чѣсныя, сыны атѣцкія.
 „Што жъ та рана у по́ли гука́ла,
 У поли гукала, тиха мовила?“
 — Рана гукала чыстая по́ля,
 Тиха мовила ядрано́я жыта:
 „Што жъ та ёсьти за хазя́инъ?
 Ёнъ пасѣяў мяне, да ня твѣдая:
 Ня магу́ стайть, ко́ласа дяржа́ть:
 Патъ ко́ласамъ, якъ падъ зблатамъ,
 Падъ зёрняткамъ, якъ падъ сѣрабрамъ!“
 Отъ, табѣ пѣсьня, слышны́й мужу,
 Атъ насъ пяўцо́ў, добрыхъ малайцо́ў!
 А мы го́сьти нядаку́шныя:
 Мы ў годъ, у гадобкѣ адінъ разо́къ,
 На Хрысто́ў дянѣ́къ, на Вялі́кадня.
 Ня кажы та́нны, прыкажы пла́титы!
 Наша плата ни вялі́кая:
 Пачына́льничку красна я́чка,
 На ўсю бра́тство хотъ дзя́сѣтачакъ!
 Хрытосъ васкросъ, Сынъ Божы́й!

Што на моры, на лукаморы—Хр. в. С. Б.
 Ста́йла вярба́ какаті́стая,
 На той вярба́ сядѣ́ла па́ва,
 Сядѣ́ла па́ва размаві́стая,
 Сядѣ́ла па́ва, перѣ́я рани́ла,
 Слышная паньня Матруна Грыгбравна перѣ́я збирала,
 Перѣ́я збирала, вяно́чакъ вилá.
 Звиўшы вяно́чакъ, ў тано́чакъ пашла́,
 Пашла́ ў тано́чакъ—трохъ спалю́би́ла,
 Трохъ спалю́би́ла—усихъ надя́лі́ла:
 Аднаму́ дала шаўкаво́й плато́къ,
 Другому́ дала зблатъ пирсѣ́тнѣ́къ,

Трѣ́ттыму дала́ пра́ваю руку́,
 Да й за руко́ю и сама пашла́.
 Хрытосъ васкросъ, Сынъ Божы́й!

Д. Кураковщина Рогач. у.
 Отъ кр. Мих. Ѳедорова запис. мною.

А сь падъ лѣсу, лѣсу тѣмнага,
 Выха́дила хма́ра чорная.
 Нихто ты́я хма́ры ня ўгада́я.
 Абабра́ўся чѣстны́й мужа:
 Я жъ ету хма́ру, я ўгадаю,
 Я ўгадаю, я спазнаю:
 Ёта хма́ра пчалі́ная ма́ти!
 На чый жа дво́рь инá навѣ́рня?
 Навярну́ла ина́ къ чѣснаму́ мужу,
 Къ чѣснаму́ мужу, пану́ Ивану.
 Саді́тиса, пчо́лки, ўси́ на дубы́ку,—
 То на дубы́ку ни памѣ́сти́лися!
 Саді́тиса, пчо́лки, ўси́ на ву́льлі́ку,
 Па ву́льлі́ку, па сасо́бны́чку!
 Па дубы́ку мяды́ гу́стыя,
 Па сасо́бны́чку васкі́ чысты́я.
 Мяды́ вары́ць—то сыно́ў жані́ць,
 Васки́ вары́ць—свѣ́чы сукать,
 Свѣ́чы сукать къ цѣ́ркви ха́дзіць,
 Къ цѣ́ркви ха́дзіць да Бога пра́сыць:
 Сашлй́ жъ, Бо́жа, пчо́лы яры́я!
 Хрытосъ васкросъ, Сынъ Божы́й!

М. Корма, Рогач. у. Поется пчеловодамъ.

Добры́й вѣча́рь, до́брыя лю́ди! Хр. в. С. Б.
 Ой, чі́й-жа то дво́рь, што зя́лэ́зны́й ты́нь,
 Што зя́лэ́зны́й ты́нь, мід́яны́я вара́та,
 Падваро́бты́йка пазалобча́нная?
 Ой, на томъ дво́рѣ да стайть яво́рь;
 Ой, на томъ я́вары да сяді́ць сакобѣ́.
 Па двару́ хо́дя мо́ладъ Якаў́ка,
 Па двару́ хо́дя, лучо́къ пады́мая,
 Лучо́къ пады́мая, хо́ча са́кала убі́ць.
 „Мо́ладъ Якаў́ка, да ня бй́ жъ ты́ мяне́,
 Да ня бй́ жъ ты́ мяне́, ня губі́ жъ ты́ мяне́:
 Знада́блюсь я табѣ́ при лихой га́дінѣ́:
 Якъ буди́шь ты́ да жані́тиса́,

Маладую жану зъ-за сinya мѡра братъ, —
Пираняеу жъ я тябѣ да на крыльляйку,
А жану тваю да на хвѡстичку!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

Добрый вѣчаръ, добрыя люди, Хр. в. С. Б.
Ой, ишли жъ, брали валачѡбныя,
Валачѡбныя, люди добрыя,
Вѡ пшталіся, вѡ пшталіся
Да тагѡ сяла, да тагѡ двара
Да тагѡ двара, да Хамінага:
Ой, ти дѡма, дѡма самъ панъ Хамѡ
Ёнъ хотъ и дѡма, да ня кѡжытца,
Да ня кѡжытца, прыбырайтца:
Ой, надивѡя ёнъ кунью шубу,
Кунью шубу, чорны сѡбали!
А патѡмъ тагѡ, самъ панъ Хамѡ:
Ни мары мнѡга, да дары сѡбра!
Скаварѡдку ў печь, па каўѡаску ў клѣтъ,
Сыръ на тарѡлку, кварту гарѡлки,
Кѡждому пѡўцѡ на крѡснамъ яйцѡ,
Пачынальничку хотъ и парачку,
Мѣханѡшаму чирвонъ злотый.
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

С. Столбунъ, Рогач. у. Запис. А. Цыбулькинъ.

Ай у нядѣльку на Вялікадняя,
Ай ишли—брали валачѡбники,
Ай ишли жъ яны ўси дарѡгаю,
Сустрѣли яны Гѡспѡда Бога,
Гѡспѡду Богу памаліліся,
А Ісусу Хрысту пакланіліся,
Пакланіўшыся, папыталіся,
А пыталися слаўнага сяла,
Слаўнага сяла (название),
А ў томъ сялѣ слаўнага пана,
Слаўнага пана, пана гаспадѡра.
А панъ гаспадѡр прыбырайтца,
Ёнъ прыбраўшыся, да и сѣў сабѣ,
Ай сѣў сабѣ за стѡликамъ.
Пирадъ имъ стайтъ тры сыноч-
[ки яго,
Тры сыночки яго, да ўсѣ писа-
[рѡчки!

Ай ни лѡставица тѡ палятуя,
Сама гаспадѡня пахѡджуя,
А свайхъ служакъ ўсѣ пабѡ-
[джаваля:
„Служки маѣ вѣрнянькія!
Устанѣтя, ни лянѣтися,
Ни лянѣтися, да памѣйтися,
Ай памѣйтися, прыбырайтися,
А йдитя вы да цѡркаўки,
Да цѡркаўки Богу малітца,
Богу малітца, Хрысту клѡняйтца.
А сѣ цѡркаўки да стѡянькі,
А ў стѡяньцы Бѡжая радасѣтъ,
Бѡжая радасѣтъ праявілася:
Сѡбракъ кабылакъ жарабѡлася,
А яцѣ стольки назначѡлася.
А тяпѣръ да карѡўничку:
А ў карѡўничку Бѡжая радасѣтъ:

Сѡбракъ карѡвакъ атялілася,
А яцѣ сѡбракъ назначѡлися.
А патѡмъ тагѡ, слаўный пѡня,
А чимъ жа ёнъ славянъ:
Ти сваймъ дабрѡмъ, ти сваймъ
[гумномъ?
А славянъ жа ёнъ да сваймъ
[дварѡмъ:
А ў яго на дварѣ прыстѡль
[стайтъ,
На прыстѡли самъ Богъ сядѣтъ,
Самъ Богъ сядѣтъ, Святкі лича.
Аднагѡ Святка да ни далічыўся,
А ни далічыўся да святѡга Юрѡя.
„А каму жъ вѣхатъ Юрѡя шукати?
— Вѣхатъ шукати Благовѣ-
[щанью!“
—Я каня ня маю, Юрѡя ня знаю!
„Вѣхатъ шукатъ святому Вя-
[лічку!“
—Каня ня маю, Юрѡя ня знаю!
„Рѡдаўніцы вѣхатъ Юрѡя шу-
катъ!“
—Я каня маю и Юрѡя знаю!
Тольки Рѡдаўніца за варѡты,
Святый Юрѡй у варѡты.
„Чалѡмъ, чалѡмъ, святый Юрѡй!
Гдѣ, святый Юрѡй, прызабѡ-
[виўся?“
—По мяжѡхъ хадѣў, пашню радѣў,
Яраю пшѡнку святому Вялічку,
Святѡму Вялічку на бѣлы пи-
[ражкі.
„А гдѣ бѡляй хадѣў?“
—Па барѡхъ хадѣў, пѡлки садѣў:
На сто калѡдъ насадѣў,
А яцѣ на сто нагатѡвиў!
А потѡмъ тагѡ, слаўный пѡня,
Аччынѣ вакнѡ, палядѣ ў пѡля:
Па тваѣй ниви самъ Богъ хѡдя,
Самъ Богъ хѡдя, пѣтъ асѡбѡ вѡдѡ:
Першая асѡба—святый Юрѡй,
Другая асѡба—святый Микола,
Трѣтѣя асѡба—Тройца святая,

Чѡтвѣртая асѡба—святый Пятрѡ,
Пятая асѡба—святый Ильѡя.
А святый Юрѡй сы расѣцаю,
Сы расѣцаю жѣта заражѡя.
А святый Микола сѣ паўкѡвай
[травѡй,
Шаўкѡвай травѡю скѡтъ напасѡя.
Тройца святая жѣта высыпѡя,
А святый Пятрѡ зѣ дробнымъ
[дажджѡмъ,
А святый Ильѡя зѣ залатымъ
[сярпѡмъ,
Зѣ залатымъ сярпѡмъ жѣта за-
[жынаѡя,
Жѣта зажынаѡя, пѡна гукаѡя:
„А куй сярпы залатѣнькія,
Сабирай жнѣи маладѣнькія!
Часты, густы да на пѣби звѣзды,
Часѣтъѣй, гусѣтъѣй да на нѣви
[копы!
А й высѡкъ да вялікъ ѡсеинъ
[мѣсяць,
А вѣшай тагѡ у гумнѣ стагѣй,
У гумнѣ стагѣй ў пана гаспадѡра!“
А патѡмъ тагѡ, слаўный пѡня,
Ни кажѣ тамѣтъ, да кажѣ дарытъ!
А нашѣ дары ни вялікія,
Ни вялікія, да й ни малыя:
Пачынальничку чырвѡный злѡ-
[тый,
А ўспѣвальничкамъ па капѣяццы,
А мѣханѡшу чвѣртка жѣта,
А музыкава горкая доля—
Кварта гарѡлки, сыръ на тарѡлки!
Хрыстосъ васкросъ, Сынъ Божый!

Пѡсѣтила дѣўка табѡунъ кѡнѣй—
А зялѣнъ ѡваръ кудравый!
Пѡсѣтила, пѡсѣтила, сама задра-
[мѡла,
Сама задрамѡла, кѡнѣй погубляѡла.
Пайшла яна дарѡгаю, дарѡгаю
[шырѡкаю
Кѡнѣй шукатъ.

Стрѣла яна трѣхъ малойцаў:

„Милыя маё тры малойцы,
Ти ня види́ли вы табунъ ко́ній —
Шаўковымі путамі да папу́таны,
Залатымі абро́тjami пазабры́ча-
[ны?“

Адинъ кажа: я ни бачу́!

Другі́й кажа: я ня види́у!

Трэ́тгій кажа: я й самъ тамъ
[бы́!

Загада́ймъ табѣ́, дѣ́ўка, тры за-
[гадки:

Калі атгада́ишъ—знайди́шъ ко-
[ні́:

А што расьтѣ́ бизъ карѣ́ння?

А што бяжы́ть бисъ по́вада?

А што шуми́ть бязъ буй-вѣ́тра?

—Расьтѣ́ ками́нь бисъ карѣ́ння,

Бяжы́ть вада́ бисъ по́вада,

Шуми́ть ко́ла бязъ буй-вѣ́тру!

—„Тваё́ коні́ ў чысты́мъ полі́,

Яду́ть траву шаўко́вую,

Да пью́ть ваду́ крыні́шную!

А зялё́нь ява́рь кудра́вы!

А ишли-прайшли валачо́бничкі—

А зялё́нь дубя́ у дубро́ві!

Пата́ліся харо́шага сяла́,

Харо́шага сяла́, Грыго́рава двара́.

А чый то дво́рь, што зялё́зны

[тынъ,

А зялё́зны ты́нь, мідя́ны ва-

[ро́ты,

Падва́ро́тничкі ры́бны ко́стачкі?

А ти до́ма, до́ма, па́ня гаспа-

[да́ру?

—А ё́нь дома, да ни ка́жытца,

И ў камо́рацы прыб́ирайтца:

Надя́е́тъ бо́ты казло́выя,

Надя́е́тъ свиту́ шобу́камъ шы́ту,

Падпи́разаў́ поя́съ шамшале́-

[винь́кій,

Надя́е́тъ ша́пку бабро́вую.

Калі́ хочы́шъ да́ры́тъ — пусь́ти
[ў хату:

А мы лю́ди ни́дакушлі́выя—

Разъ́ разо́бчакъ у гадо́бчакъ!

А зялё́нь дубя́ у дубро́ві!

Чысты́мъ у полі́ на вада́бо́и,

Чысты́мъ у полі́ да табунъ ко́ній.

А ў томъ табунѣ́ конь ва́ро-

[нянь́кій:

Нихто́ яго́ ни пайма́я, ни асид-

[ла́я.

Дѣ́ бѣ́ узя́ўся пани́чъ маладе́нь-

[кі́—

Ё́нь таго́ ка́ня спайма́я,

И спайма́я, и асидла́я,

А па́дзя на ё́мъ жа́ні́тиса,

Пира́вязе́ яго́ чѣ́разъ но́чы те́м-

[ны́я,

Ночы́ те́мныя, ра́кі бы́стрыя.

А ста́йце́ ява́рь, тонкі́й, кудра́-

[вы́й,

На томъ́ я́вары́ сяді́тъ сако́ль.

Ё́нь на таго́ сака́ла́ усклада́йтца.

А и той сако́ль сло́ва прамо́ўи́у:

„Ня́ бй́ мяне́, пани́чъ маладе́нькі́й:

Буду́ табѣ́́ у вялі́кай прыго́ди:

А па́дзі́шъ ты́ да жа́ні́тиса,

А буду́ть табѣ́́ но́чы те́мныя,

Но́чы те́мныя, ра́кі бы́стрыя,

Ра́кі бы́стрыя, бира́жы́стыя:

Я́ тябе́́ пи́равязу́ на га́ло́вацы,

А дру́жыну́ тваю́ на кры́льля́йку,

Цы́нба́ль твайхъ́ на хвосты́чку!“

А па́ томъ́, пани́чу, ни ка́жы

[казьні́тъ,

Ни ка́жы казьні́тъ, а ка́жы да-

[ры́тъ.

С. Чигиринка, Быховск. у.

Пась́тила дѣ́вка ста́да ко́ній: Хр. в. С. Б.

Пась́тила, пась́тила да й засну́ла.

Прашну́лася, ўлякну́лася,

Прашну́лася—ко́ній нѣ́ту.

Пашла́ іна́ даро́гаю, даро́гаю шу́рбо́каю,

Стрѣ́ла іна́ трѣ́хъ парні́шакъ:

„Мі́лыя май́ парні́,

Ти́ ня види́ли ста́да ко́ній,

Ста́да ко́ній, ста́да ва́роныхъ?“

— Ху́ть мы чу́ли, ху́ть мы види́ли,

Да мы та́бѣ́ да́ ні́ ска́жымъ!

Загада́ймъ дѣ́ўцы́ семъ зага́дакъ,—

Адгада́ишъ—ко́ній найди́шъ:

А што́ бя́гітъ́ бязъ по́вада,

А што́ расьтѣ́тъ́ бязъ ко́рні́я,

А што́ тьв́і́тъ́ бязъ бѣ́лага́ цвѣ́ту,

А хто́ бѣ́лы́й ні́ пабѣ́лі́ны́й,

А хто́ чо́рны́й ні́ па́чэрні́ты́й?

(оста́льныя́ двѣ́́ забы́ты)

„Вада́́ бя́гітъ́ бязъ по́вада,

Ка́мінь расьтѣ́тъ́ бязъ ко́рні́я,

Па́парть тьв́і́тъ́ бязъ бѣ́лага́ цвѣ́ту,

Ле́бідзь бѣ́лы́й ні́ пабѣ́лі́ны́й,

Во́ранъ чо́рны́й ні́ па́чэрні́ты́й!“

— Твай́ коні́ ў чыста́мъ полі́,

На́ зялё́ныхъ лу́гахъ, на́ клю́чавы́хъ вада́хъ,

Хры́стось́ васкрэ́сь, Сы́нъ Бо́жы́й!

Бы́ла ў ба́бки ку́рка рябу́шка, Хр. в. С. Б.

Зні́сла́ ку́рка ка́пу́ іе́ць.

Пры́шли къ ба́бки валачо́бничкі́,

Валачо́бничкі́, а ўсе́ ўну́кі!

Ус́імъ, ус́імъ па́ іе́чы́чку,

А́днаму́ Ива́ньку́ ні́ даста́лася.

Ё́нь рассе́рдзі́ўся́ і́ разгнѣ́ваўся́.

„Пры́нясі́ты́ яму́́ пу́ховую́ ша́пку!“

— Ша́пки́ ні́ бя́рэ́тъ, ча́ломъ́ ні́ бѣ́е́тъ і́ ні́ дя́кыва́ітъ!

„Пры́нясі́ты́ яму́́ ша́лко́вы́й пла́токъ!“

— Пла́тка́ ні́ бя́рэ́тъ, ча́ломъ́ ні́ бѣ́е́тъ і́ ні́ дя́кыва́ітъ.

„Пры́нясі́ты́ яму́́ казло́вы́я бо́ты!“

— Бо́туў́ ні́ бя́рэ́тъ, ча́ломъ́ ні́ бѣ́е́тъ і́ ні́ дя́кыва́ітъ.

„Пры́вяді́ты́ яму́́ кра́сную́ дѣ́ўку!“

— Дѣ́ўку́ узя́ў, ча́ломъ́ па́біў́ і́ па́дя́кываў́!

Рана, рана сѣнца ўсхадѣла, Хр. в. С. Б.
 Ранѣнѣй тагѣ пава литала,
 Пѣва литала, перья ранѣла.
 Панна Сахвѣйка ранинька ўстала,
 Перья збирала, ў рукавокъ клала,
 Зъ рукаўка бира, вяночыкъ вила,
 Вянокъ вила, на галбѣку клала.
 Свиўшы вяночыкъ, пашла у танѣчыкъ.
 Аткаўль узяліся густыи вятры,
 Густыи вятры, драбнѣи дажжы,—
 Схапіли яны павинь вяночыкъ,
 Якъ схапіли, такъ пыкатѣли
 У чыста пѣля, у сѣня мѣра.
 Якъ пашла жъ инѣ зыплакаўшы,
 Ўсѣ шукаючы, ўсѣ патаючы.
 Стрѣла инѣ трѣхъ малѣйцыў,
 Трѣхъ малѣйцыў рыбалоўцыў:
 „Милыи май вы рыбалоўцы!
 Ти ня чули шъ вы, ти ня вѣдѣли
 Павинь вяночыкъ панны Сахвѣй?“
 Адинъ кажыть: я чуў и вѣдиў!
 Другей кажыть: я ў рукахъ дѣржаў!
 Трѣтій кажыть: а вось у минѣ,
 А вось у минѣ ды й на правый рукѣ!
 Што шъ ты намъ дашъ, панна Сахвѣя?
 „Аднаму я дамъ шалкѣвый платокъ,
 Я другому дамъ залатѣй пирѣтянѣкъ,
 А за трѣтига я сама пайдѣ,
 Я сама пайдѣ, вянокъ найду!
 А за етымъ жыви здарѣва,
 Жыви здарѣва, будъ быгѣта,
 Изъ батюшкѣй, изъ матушкѣй
 Изъ матушкѣй, и са ўсѣй сямѣей!

Поется дочери хозяина.

А ишли, брялі валачѣбнички, Хр. в. С. Б.
 Валачѣбнички, добрыи люди:
 Да хазяюшка, наша матушка,
 А ўстанъ жа ты ранѣшынька,
 А ўмыйся ты бялѣшынька,
 А ўтрися ты сухѣшынька,
 Запали свѣчку зъ ярага воску,
 Памалѣсь Богу вярнѣшынька!

Запали свѣчку зъ ярага воску,
 Схадѣ сама ва ўчарничыкъ-благодарничыкъ,—
 Таму скѣту нѣту сѣоту!
 Запали свѣчку зъ ярага воску,
 Схадѣ сама у карѣбничыкъ-благодарничыкъ,—
 Таму скѣту нѣту сѣоту!
 Запали свѣчку зъ ярага воску,
 Схадѣ-шъ ты сама у свинярничыкъ,—
 Таму скѣту нѣту сѣоту!

Бабиничск. вол. Витеб. у.

Ишли-брялі валачѣбнички, Хр.
 [в. С. Б.

А шаталіся, а бадяліся,
 Къ чѣйму двару прыпыталіся?
 А къ таму двару къ Купрѣиву.
 „А ти дѣма, дѣма самъ панъ
 [гаспадаръ?“

А хыть ёнъ и дѣма, ды ни кѣ-
 жытца,
 Ёнъ ни кѣжитца, прыбѣрайтца,
 Надиваить сѣкну атласѣвою,
 Надиваить боты казѣбѣи,
 Надиваить шапку сабалѣвою,
 Надиваить поисъ, якъ жаръ
 [гарыть.

А й садитца ёнъ за тисѣвый столъ,
 За тисѣвинѣкѣй, да за новинѣкѣй.
 Ды й стайтъ жы за имъ
 Тры хлопчика, тры малѣйчика,
 Дѣржаъ жы яны па кѣбычку,
 Па кѣбычку, пы сярѣбранѣму.
 У первымъ купку зѣлина вино,
 У другѣимъ купку салѣткѣй мя-
 [дѣкъ,

Ў трѣтѣимъ купку пшѣнныи пѣва.
 А й каму жъ пить тѣя зѣлина
 [вино?

—Пану гаспадару, пану лѣсѣ-
 [вѣму!

Салѣткѣй мѣдъ—то ягѣ жынѣ,
 Пшѣнныи пѣва—то дѣтѣмъ ягѣ!
 Ни кажѣтъ жъ тамѣтъ, прыка-
 [жѣтъ дарѣтъ!

Нашы дарѣ ни вялѣкѣи:
 Пычинѣальнику чѣрвѣтъ зылатѣй,
 Прыпѣвальничѣкамъ пы дѣсятку
 [яѣтъ,

Сѣмарѣхѣва гѣрѣкѣи дѣля:
 Чарѣка гарѣлки, сѣръ ны тарѣлки:
 Чарѣка гарѣлки ли сѣмѣлысѣи,
 Сѣръ ны тарѣлки ли крѣпысѣи!
 Пуляѣвск. вол. Гѣрѣцѣк. у.

Въ Рѣгѣчѣвскѣмъ ўѣздѣ за-
 писанъ таѣкой варѣантъ:
 Ай, па вулицѣ па шырѣбай, Хр.
 [в. С. Б.

Па мѣрагу па зѣлѣнымъ,
 Ай, ишли—брали валачѣбныи,
 Ай ишли—брали да пѣталіся
 Да тагѣ сѣла, ѣтага двѣра,
 Ётага двѣра, чѣснаго мужа,
 Чѣснаго мужа, пана Ивана:
 „А ти дѣма, дѣма, чѣснѣй мѣжа?“
 —Хѣтъ ёнъ дома, да ня кажѣтца,
 А ня кажѣтца, прыбѣрайтца.
 Прыбрѣаўшыся, сурадѣаўшыся,
 Дѣкъ ёнъ сѣу сабѣ да за стѣбли-
 [камъ,

За стѣбликамъ, за тѣсѣвѣнѣкѣимъ.
 Пѣрадъ имъ стайтъ да тры кѣ-
 [бѣчки,

Ўсѣ залѣтѣя, ўсѣ й налитѣя.
 Ў первымъ кѣбку зѣлянѣ вино,
 У другѣимъ кѣбку да салѣдкѣй
 [мѣдъ,
 У трѣтѣямъ кѣбку пшѣнныи пѣва.

Зилино вино самому пану,
Салодкий медь, то жани яго,
Пшонная пива, то дятёмъ яго.
[Хр. в. С. Б.

Ой, по луку да на синяму—Хр.
[в. С. Б.

Биты пали все мидяния,
Мощаны масты все залатыя,
Все залатыя, все сребранные.
На tych мастахъ, все на зала-

[тихъ,
Тамъ фхала Прачыстая Матка
Шасма канями, все и варанамы.
Святой Юрий за павозничка,
Святой Микола за папеленичка,
Сбилаш сядить, свѣчы дяржыть.
Надвизждали къ етому палату:
„А стой, Юрий, здержуй коняй!
Мнѣ етый палатъ спадабаўся,
Спадабаўся и спалюбўся,
Мнѣ у етымъ палати ночь на-

[чавати!“
Прачыстая Мать ночь начавала,
Ночь начавала, сына парадїла.
Сабіралися папы, ксяндзы, ар-

[хирѣи,
Падымали книги вялікія,
Раскладали книгу, книгу вангала,
Стали чытать, имя шукать.
Имя шукать, чымъ Сына звать.
Дали имѣ—святой Юрий—
Прачыстая Мати ня ўзылюбила!
Сабіралися папы, ксяндзы, ар-

[хирѣи,
Архирѣи, бо́льшая скупа,
Падымали книги вялікія,
Раскладали книгу вангалию,
Стали чытать, имя шукать,
Имя шукать, чымъ Сына звать.
Нашли имѣ—святой Микола—
Прачыстая Мати ня ўзылюбила!
Сабіралися папы и т. д.
Раскладали книгу вангалию,

Стали чытать, имя шукать.
Нашли имѣ—Исусъ Хрыстосъ.
Прачыстая Мати ўзылюбила
И все ангали ўзрадавалися,
Што Исусъ Хрыстосъ нарадиўся.
У надѣлку да й паранѣнку
Исусъ Хрыстосъ на нябеси

[ўскрѣсь,
На нябеси ўскрѣсь да й на ют-
[рани,
Хрыстосъ васкрѣсь, Сынъ Божый!

С. Солоное Рогач. уѣзда.
Стихъ былъ первоначально
Рождественскимъ, Коляднымъ.

А ў лузя, ў лузя, да ў зялёнымъ—
Хрыстосъ Сына Бога!
Тамъ литала шѣра пава,
Да ўранїла злоты перы.
Тамъ ходила слична панна,
Слична панна Марусичка,
Да збирада злоты перы,
Да ўвивала пярлоў вѣнчикъ,
Да ўскладала на галоўку,
На галоўку на буйнўю.
Пашла инѣ дарогаю,
Дарогаю шыро́каю,
А ўвїдила бярѣзачку,
На бярѣзца злоты лїсьця,
Злоты лїсьця и шы́пачки.
Налятѣли дробны пташки,
Стали яны шы́пки клюва́ть.
Марусинька tych пташачыкъ

[атагна́ла,
Шѣлкаў платокъ разасла́ла,
Злоты лїсьця нащы́пала.
Марусинька, пашла шѣ инѣ да

[злѣтны́чкаў:
Вы злѣтнычки, работнычки,
Ды зрабїты тры угѣдды,
Я за то́я пады́нкўю!
Ды зрабїли тры угѣдды,
Ада́ли ей на ру́чыньки.
Марусинька, слична панна,

Пашла шѣ инѣ па кла́дацца,
А кла́дачка ззыбнўлася,
Марусинька злякнўлася,
Да ўранїла тры угѣдды.
Пашла шѣ инѣ кали рѣчки,
Ташнўючы, бядўючы,
Спаткала инѣ трѣхъ малойцаў,
[рыбалѣўцаў:

Вы малойцы, маѣ братцы,
А закинѣты шалкоў неводъ,
Ды ўлавїты тры угѣдды!
Маѣ угѣдды мнѣ патрѣбны:
Пярлоў вѣнчикъ да виньчаньня,
Срѣбный кўбакъ на витаньня,
Злѣтны сыгна́ты на миньаньня!
Я за то́я пады́нкўю:

Ады́аму буду сусѣдачка,
А другому братѣвачка,
А трѣтьтиму мила жана!
Ды ўлавїли тыя угѣдды,
Ада́ли ей на ручыньки.
Пашла шѣ инѣ да пакѣю,
Сѣла инѣ за скамьѣю,
За скамьѣю надъ акѣнцамъ,
Стала инѣ лїсты писать
Да къ мїламу пасылати.
Пїшыть, пїшыть
Ды й паглянїты прызь акѣнца,
Аткуль вѣзьбїдыт яѣ милый,
Яѣ милый на чысты дворъ,
Самъ дивытый, конь вильчатый.
И сѣ конїкаў пасѣсїдали,
Сличну панну Марусиньку пра-

[вїтали,
За бѣлаю ручку ўзяли.
Пѣсню сьпѣта напро́ты лѣта!
Дѣсїть манїть, парѣ дарыты!
Мнѣ самѣму маладѣму паўруб-

[лїнку,
Маймъ братцамъ капў я́нкъ,
А музїку чырвїнь злѣтый,
Чырвїнь злѣтый, хо́ть на бѣты
— Хрыстосъ Сына Бога!

Д. Заулки, Диснен. у.
Запис. кр. Ст. Пилипенюкъ.

У чыстымъ поли при дарѣзи
Пасѣтила дѣўка ста́да ко́ній.
Пасѣтила, пасѣтила — крѣпка
[ўснула,
Ачнўлися—ко́ній нѣту!
Иде́ть инѣ все дарѣгый, все шы-

ро́кий,
Все шукѣючы, все пытаючы.
Сутрѣла инѣ трѣхъ мо́луйцаў,
Трѣхъ мо́луйцаў, рыбалѣўцаў.
„Тры мо́луйцы, рыбалѣўцы,
Ти ня вїдїли ста́да ко́ній?“
Ады́нъ ка́нты: „я ня вїдїў!“
Другїй ка́нты: „я й ня бачыў!“
Трѣтїй ка́нты: „я й чуў, я й вїдїў,
Я й самъ тамъ быў!
Зыгыдаю дѣўцы дѣвїты зыга-

дытъ:
Кали ады́дашѣ, скажу ко́ній!
А што бяжы́ть бясѣ по́выда?
А што гары́ть бясѣ по́лымя?
А што расѣтѣтъ бясѣ ко́рыня?
А што лятї́тъ, пы́нїка́я?
А што бяжы́ть, пы́гладя́я?
А што чо́рна ня ча́рнѣна?
А што сї́ня ня сї́нѣна?
А што бѣ́ла ня бя́лѣна?
А што ўѣ́тца памї́жъ дрѣ́ўца?“
— Быда́й жа я ня ате́цка была,
Ня ате́цка была, ды ня матуш-

[кїна,
Капъ я ета нї́дгыда́ла, нї ськы-

[зала:
Выда́ бяжы́тъ бясѣ по́выда,
А зырѣ гары́тъ бясѣ по́лымя,
Камїнь расѣтѣтъ бясѣ ко́рыня,
Пчїла лятї́тъ, пы́нїка́я,
А зьвѣ́рь бяжы́тъ, пы́гладя́я,
Чо́рный воро́нъ ня ча́рнѣный,
Бѣ́лый ле́бїдъ ня бя́лѣный,
Сї́ня мо́ря ня сї́нѣна,
А хмель вѣ́тца памї́жъ дрѣ́ўца!
„Ну, тяперь, дѣўка, скажу ко́ній:
Тваѣ ко́ни ў чыстымъ поли

Ядуть траў ўсё памётныю,
А п'ють вадў ўсё балотныю,
Чорнымъ шбўкымъ папўтыны,
А зблытымъ пасидланыя,
А сёрибрымъ пумузаныя —
Тольки ўсёсёбти ды паўхыть
За горышку па ўдбушку,
За ёлычку па дёвычку.
Дёўку вязуць—скрыпкийграють,
Удаў вязуць—дётки плачуть,
Дётки плачуть, тэшка ўздыхають,
Тяшка ўздыхають—матки ни
[мають!

Припѣвъ послѣ каждой строки:
А зялёный садъ вишнёвый!

Щербинская вол., Витеб. у.

Па улицы пы шырокий
Ишли—брылі вылачобнички.
Пришли яны кь аннамў дварў.
Па чѣмъ спызнать, што хызий-
[сёкий домъ:

Варбѣтики тясбвыя,
А столбики зылачбныя,
Вирёюшки тачбныя,
Закладычка сирёбряная,
Пыдварбѣтница—рыбья кбс-
[тычка,
Рыбній касѣтѣй увесъ дворъ зма-
[щѣнь,
Кругомъ двара ўсё зялѣзны
[тынъ,
Сирѣдъ двара стаить гриня
[(гридня).

Кругомъ яе а ўсѣ святыи,
Сабиралися, салучалися,
Катѣраму святу нышарѣдъ итьтй?

Здарова Богу, хызяину—Хр. в. С. В.

Хызяюшки нашый матушки!

Хызяюшка, нашъ батюшка,

Пракўтай-ка вакѣшыцка:

А што у тые ны дварѣ дѣйтца?

Святоя Рожаство нышарѣдъ наш-
[лѣ,
Василійка васлѣдъ уступіў,
А Кщѣнійка вадў святїла,
Святый Иванъ хрястѣ змываў,
Хрястѣ змываў, кашу варіў.
Сарѣки (40 муч.) ильдѣ драли,
Ильдѣ драли, птэшкы напушчали.
Благавѣщицѣя кѣлья править,
Кѣлья править, сани кидать.
Святоя Ягорья—Бозкій ключ-

[никъ,
Узяў ключи, атамкнўў зямлѣ.
Атамкнўў зямлѣ, пусейў расѣ.
Святѣй Илья, аткўль идѣшь?
—Па лугамъ хадіў, траў расейў,
Па палымъ хадіў—жыта радіў.
Святѣй Пѣтра талакў збираў
Копы сѣна вазить, стагї митать.
Прячыста Мать (8 іюля) ишла
[закынать,

Ў чыстая пѣля сь пшоннымъ
[пирогомъ,
Сь пшоннымъ пирогомъ, зь зы-
латымъ сярпѣмъ:
Вь лѣвыи рукѣ пшонный пира-
[жѣкъ,
У правый рукѣ зылатѣй сярпѣкъ.
„Я и разъ ризнў, я снопѣ нажнў,
Я и два ризну, я капў нажну!
Снопѣ атъ снапѣ на валѣвица,
Капѣ отъ капѣ—пуўтарѣста ша-
[гѣў!“

Святѣй Пакрѣў стагї пакрѣў:
Первый стажѣкъ драгїчкыи,
Утарѣй стажѣкъ салѣмкыю,
Трѣтїй стажѣкъ бѣлымъ снѣгымъ.

С. Казаково, Велижск. у.

Стаить чѣркава зь ярыга воску!
А ў тѣй чѣркѣ ўсѣ прѣзньниці,
Ўсѣ прѣзньниці, усѣ сьвятыи.
Яны лицѣлися, ни далицѣлися.
Кагѣ жь бы ў насъ ни далицѣлися?
Ильѣй сь Пятрѣмъ ни далицѣлися,
Ильѣй сь Пятрѣмъ дома нѣтути,
Ильѣя сь Пятрѣмъ у цѣстымъ поли,
У цѣстымъ поли пы мижамъ ходють,
Пы мижамъ ходють, жыта рѣдють,
Кѣлысымъ калѣсють, ядрѣмъ ядрѣнють.
Прышоў Ильѣя сь цѣстыга поля,
Увалацѣўшысь и умацѣўшысь.
А сѣў Ильѣя на бажнїцы,
А и стаў Гаспѣтъ рыспрашывать:
„Какавѣ, Ильѣя, жыта наша?“
— Слава Богу, наша жыта:
Кѣлысымъ калѣсить, ядрѣмъ ядрѣнить.

Порѣчскій уѣздъ, Смолен. губ.

Идутъ, гудуть валачѣўнички,
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
Спиваючы, гукаючы,
Слаўнага сѣлѣ пытаючы,
Вялікага двара Гаврылава.
Чы ў дамў-дамў, паня гаспадару?
Хоть и ў дамў—ни акѣжытца,
Сядить на кутѣ—абувѣйтца,
Надѣе боты казѣбвыя,
Кладѣ шапку бабрѣваю,
Надѣе шубу мядѣвѣжаю,
Сядѣя канѣ вбрана,
Бѣдѣ ў пѣля жыта глядѣть.
Спатыкаѣя яго Юрѣя зь Микѣлай:
Нѣ бѣдѣ, паня гаспадару:
Тваѣ жыто даўно оглѣджана:
Пры дарѣзѣ удалѣся,
За гарѣю ў трубы навилѣся,
А ў далїни жнейки жали,
Жнейки жали маладѣньки,
Ихъ сярпѣчки залаѣтѣньки.
Часты, густы зѣры на неби, —
Часѣтѣй—гусѣтѣй на зямлѣ кѣпы,

Шырѣкѣ, вялікѣ мѣсяцѣ на неби,
Ширѣй тагѣ гумно ягѣ.
Дай-жа, Божа, пану гаспадару
Жыти-быти, жыта вазїти,
Жыта вазїти, ў торпу злажїти,
Ў торпахъ укладна,
На такў ўмалѣтна,
На такў ўмалѣтна,
Вь арудѣ прысыпна;
Вь арудѣ прысыпна,
У пѣчы прысушна,
У пѣчы прысушна,
У млынѣ примѣлна;
У млынѣ примѣлна,
Ў дяжы падыхѣдна,
Ў дяжы падыхѣдно,
У пѣчы румяна,
Ў пѣчы румяна,
На сталѣ сытна,
На сталѣ сытна,
У сямѣй смїрна!
Пѣсьня сыпѣта
Прѣти лѣта.

Ни кажы барыць,
А кажы дарыць:
Сырць на талерку,
Будимь пить гарэлку!
Чарка гарэлки дия гбласу,
Пирогъ пшонный на закусу,
Чарка гарэлки дия гбласу,
Пирогъ пшонный дия класу.
Обадъ висіть—калясб будя,
Пазавенць ў хату—добра будя!
Пѣсня сыпѣта прѣти лѣта,
Прѣти лѣта, прѣти тѣплага.

Виномъ, виномъ зялёнымъ!
Поется хозяину.

Вечаръ добрый, пани гаспадѣня!
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
У нашай пани краўцы шыли,
Краўцы нѣмцы изъ Кралѣўца.
Пани шубу шыли—падаўжыли.
Пани на пакбяхъ пахаджа, —
Сваѣ служки набуджа:
Ўстаньтя, служки,
Ўстаньтя, сакалочки,
У насъ навина случылася:
Дѣвятъ карбѣ атялилася,
Дисята тѣлица мѣнитца тѣлитца!
Гаспадѣня вутка,
Шавялѣся хўтка,
Прыстаўляй драбину
Да лѣзь на сланину,
Мала, многа—зъ абалбну,
Будимъ пячы, якъ варбну!
Прѣша, пани гаспадыня,
Ни таміть гасѣтѣй,
Абдарыць барзѣй!
Пѣсня сыпѣта прѣти лѣта,
Прѣти лѣта, прѣти тѣплага.

Поется хозяйкѣ.

Да лѣтѣла сойка сакаѣстая.
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
Пагубляла перья залаѣстиста.
Вышла, вытикла красна паненка,

Красна паненка
Маладѣ Марьянка.
Яна тоя перья падабрала,
У платочкѣ завязала,
Панисла перья да да злѣтничкаў:
Охъ вы, злѣтнички,
Вы работнички!
Зрабѣты мнѣ тры надбѣйка:
Первый надбѣйка—пярлоў вя-
[нѣць,

Другій надбѣйка—залатый
[персѣтнянъ,
Трѣтій надбѣйка—залатый кў-
[бакъ.

Первый надбѣйка—вянчѣтиса,
Другій надбѣйка—минѣтиса,
Трѣтій надбѣйка—витѣтиса.
Пѣсня сыпѣта прѣти лѣта,
Прѣти лѣта, прѣти тѣплага.

Вечаръ добрый, панѣначка, —
Виномъ, виномъ зялёнымъ!
На сянажѣти, да на пѣплыви,
Тамъ хадѣла курапатъ стада;
Мижъ тыхъ курапатъ мядўначка.
Скуль браўся сизязѣнъ сизый, —
Ёнъ ўсѣ курапѣты паразганяў,
А чырѣчынку за чубокъ узяў.
Яна стала прасѣтиса:
Прасѣтиса-малѣтиса:
„Пустьи жъ мянѣ да пѣшачакъ,
Да пѣшачакъ, да грумадачакъ!“
— А хоть пуцу—дакъ назначу:
Тваѣ перья пакасмѣчу!
У вялѣкимъ доми, да на гѣначку,
Тамъ стаяла дѣвакъ многа.
Скуль браўся кавалеръ слич-
[ный, —

Усимъ дѣўкамъ дабрѣ-динъ даў,
А маладѣ Марьянку за ручку ўзяў.
Яна стала прасѣтиса,
Прасѣтиса-малѣтиса:
„Пустьи жъ мянѣ да дѣвачакъ,
„Да дѣвачакъ, да панѣначакъ!“

— Хоть пуцу, дакъ назначу:
Тваѣ коску раскасмѣчу,
Маладѣ Марьянку для сябѣ за-
[значу!
Да дѣвачакъ ни прыстанѣшь, —
Зъ малѣдкамі парѣвинъ стѣнѣшь.
Баранѣся ѣлкай,
Кабъ ня была дѣўкай!

Баранѣся ялаўцѣмъ,
Кабъ ня была за ўдаўцѣмъ!
Баранѣся сучкѣмъ,
Кабъ ня была зъ байстручкѣмъ!
Пѣсня сыпѣта прѣти лѣта,
Прѣти лѣта, прѣти тѣплага.
Обѣ поются хозяйской дочери.

С. Дубины, Ошмянскаго ўѣзда.

Слѣдуетъ добавить, что волочebники распредѣляютъ между собой роли такимъ образомъ: наиболѣе опытный пѣвецъ, „старикъ разумный“, беретъ на себя роль *починальщика*. Онъ собственно и поетъ всю пѣсню. За каждымъ его стихомъ остальные волочebники—*спѣвальнички*, поютъ тотъ или другой припѣвъ: Христосъ воскресъ Сынъ Божій! А зялёнъ яворъ кудрявый! А зеленый садъ вишневый! и т. п. Музыка, или *скоморохъ*, въ настоящее время исключительно скрипачъ, аккомпанируетъ хору. Если волочebниковъ собирается много, 15—20 человекъ, они выбираютъ или нанимаютъ „за четвертака“ еще *мѣхоншу*, роль котораго собирать и носить дары. На собранныя деньги обыкновенно покупаютъ для себя угощеніе, собранными съѣстными припасами закусываютъ, а лица дѣлять поровну, но починальнику даютъ лишній десятокъ.

Четвергъ Пасхальной недѣли носить названіе „Великъ-день мертвыхъ“, „мѣртвихъ Вялѣкоднѣя“ (Гом. у.) и „навскій Великъ-день“. Въ этотъ день готовится лучшая пища, красятся свѣжія яйца, съ которыми послѣ обѣда посѣщаютъ кладбища. Подойдя къ могилѣ покойника, родные говорятъ пасхальное привѣтствіе: „Христосъ воскресъ!“ Потомъ становятся у могилы на колѣни, молятся Богу за покойниковъ и катаютъ по могилѣ крашенныя яйца, которыя потомъ или зарываютъ въ могильную насыпь или раздаютъ нищимъ.

Въ Гомельскомъ ўѣздѣ съ этого дня дѣвушки начинаютъ водить „карагбды“. Въ городахъ Бѣлоруссіи и въ сѣверо-восточной части Витебской губерніи хороводы начинаютъ водить съ обѣда второго дня. Сосредоточиваются хороводы около качель, которыя устраиваются или около многосемейныхъ домовъ, гдѣ имѣется молодежь, или на традиціонномъ мѣстѣ сборищъ—у бывшихъ кабаковъ. Гдѣ много старообрядцевъ, тамъ въ бѣлорусскій обиходъ вошли великорусскія хороводныя пѣсни, образцы которыхъ приведены въ I и VII вып. Б. Сб. Обыкновенно же поются свои пѣсни. Напримѣръ:

Охъ ты, вулица шырака—
О-охъ, лѣ-лѣ-лѣ, шырака!
Охъ ты, траўка-мураўка зяляная—
О-охъ, лѣ-лѣ-лѣ, зяляная! и т. д.

Ти ня гуси тябѣ сацѣпали,
Ти ня дѣўки тябѣ прытапѣтали?
— Ой, ня гуси мянѣ сацѣпали,
Прытапѣтали мянѣ красны дѣўки,

Да ўсё жь тыми чабатами ран-
[тавыми,
Да ўсё жь тыми паткоўкамі
[сталянымі!

Охъ ты, бярозэ,
Бярозэ ты бѣлая,
О-охъ, лё-лё-лё,
Ты бѣлая!
Да на табѣ, бярозачка,
Да тры лѣхы:
Що якъ першая лѣха —

Жарка сонца,
А другога жь то лѣха —
Бўянъ вѣтаръ,
А якъ трэ́тняя лѣха —
Дробнягъ дожджыкъ!
Атъ жаркага атъ соняйка
Пакалюся,
Атъ бўйнага атъ вѣтрыка
Пахилюся,
Атъ дробнага атъ дожджыка
Абмачуся,
О-охъ, лё-лё-лё,
Абмачуся!

Потомъ, ходя вдоль улицы, взявшись за руки, дѣвушки поютъ:

Лятѣла страла да удоль сяла!
Охъ и лё-лё-лё, да удоль сяла!
Убила страла ясна сокала,
Ясна сокала да на вѣляти,
Добра малатца да на вѣязьди,
Охъ и лё-лё-лё, да на вѣязьди!

Сулэ, Сулэ рѣка
Палятѣла далека—У!..
На той Сулѣ рацѣ
Маладзецъ каня пайў—У!..

Маладзецъ каня пбя,
Дѣўка вадў нясе—У!
„Дѣўка—дзявица,
Напой майго каня—У!..
Напой майго каня—
Ти ня будишь ты май“—У!..
— Я ня буду пайти—
Будя мине татка бити—У!..
„Ты ня бойся старбга,
Бойся мяне маладбга—У!..
Бойся мяне маладбга—
Большъ, якъ татки раднбга—У!..

Вўлица бўрытца, карабодъ вѣлитца—
Сялязенька касатый, бѣль малотчыкъ кудравый!
Карабодъ вѣлитца—дѣвакъ ня стала, (припѣвъ).
Дѣвакъ ня стала—пяралбма пабрала,
Пяралбма пабрала да ў виръ пакидала.
У вирѹ, вирочку на що ўтапйў дочку,
На що ўтапйў дочку ў салодкамъ мядбчку,
Ў салодкамъ мядочку, ў халоднамъ вирбчку?
Ў халоднамъ вирочку дѣўка вадў брала,
Дѣўка вадў брала, на днѣ патапала,
На днѣ патапала,—ратўйтя! крычала:
„Хто мяне паратўя, за таго замужъ пайдў!“
Иде старый барадатый, ни халбстый, жанатый:
„Дѣўка-дзявица, я тябѣ паратўю,
Я тябѣ паратўю, за сябѣ замужъ вазмў!“

— Я лўччы у мбра пайдў, за тябѣ замужъ ня йду!
Иде маладѣнькй Антонка, ни жанатый, халбстый:
„Дѣўка-дзявица, я тябѣ паратўю,
Я жь тябѣ паратўю, за сябѣ замужъ вазмў!
— Я изъ мбра вййду, за тябе замужъ вййду!
Сялязенька касатый, бѣль малотчыкъ кудравый!

С. Юрковичи, Гом у.

Өомина недѣля зовется Хамбва недѣля или Радунинная. Во вторникъ на этой недѣлѣ празднуется Радунца, или чаще—*Радовница*, по производству отъ глагола *радоваться*, — потому что въ этотъ день радуются Воскресенію Христову всѣ умершіе. Утромъ кто-либо изъ членовъ семьи бываетъ въ церкви на заупокойной литургіи и панихидѣ, причемъ жертвуютъ въ церковь паленицы, баранки, булки. Обѣдъ въ этотъ день готовится богатый; кромѣ паленицъ, пекутъ также блины, „панпущки“, съ сыромъ и сметаной, варятъ борщъ съ говядиной, кашу съ масломъ и съ молокомъ, жарятъ колбасы и жаркое, и обязательно красятъ свѣжія яйца, исключительно въ красный цвѣтъ. Послѣ обѣда съ этими яствами (кромѣ жидкихъ), а также съ водкой или виномъ, а въ Витеб. губ. и съ кутею, отправляются на кладбище. Здѣсь причтъ совершаетъ для каждой семьи краткую панихиду надъ могилами, послѣ чего пришедшіе садятся у могилъ и за упокой душъ пьютъ и закусываютъ. Считается похвальнымъ, если изъ принесенныхъ яствъ ничего не придется нести назадъ. Поэтому, если что не будетъ съѣдено семьею, то отдается нищимъ. Крашенныя яйца катаютъ по могиламъ, играютъ ими въ битки, ѣдятъ и оставшіяся раздають нищимъ.

Пахать весною начинаютъ до Юрѣя, раньше или позже, въ зависимости отъ хода весны. Выѣзжать въ поле для первой пахоты слѣдуетъ въ субботу или въ четвергъ. Крестьянинъ надѣваетъ чистое бѣлье, беретъ въ кошелку „прбсварку тую, што на Благовѣщанья свѣтитца, свѣчку тую, што сўчать къ Стрѣчанью и свѣтять (или Страстную), и бярѣ крѣсьтикъ, спечанный на Сирадапбсьтя и пасвѣчанный на Вялікадня. Бярўть и вярбў. Якъ прыѣдя на рѣзку (полосу), дакъ выпража каня съ калёсь и запражѣ у сахў. Тагды надявая кашалбкъ на плечи, бярѣ вярбў у руки и абхбдя тры разы укругъ каня и мблитца Богу: „Благаслави, Гбсподи, да памажы намъ!“ И абганяя зъ вярббй и съ кашалбкомъ тры баразны съ аднаго ббку и тры зъ другбга. Тагды кладѣ кашалбкъ и вярбў у возъ, а самъ пачыная аратъ. Хто бярѣ кбстачки пасвицаныя вяликбдныя, дакъ завбруя ихъ у баразнў кала мяжы“.

23 апрѣля, день св. Георгія, пользуется у бѣлоруссовъ большимъ почитаніемъ, ведущимъ начало издревле. Уже въ XVII в. этотъ день былъ юридическимъ терминомъ. И въ настоящее время

съ этого дня считается аренда фольварковъ, срокъ найма сельскохозяйственныхъ рабочихъ; съ этого же дня приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей пастухъ, хотя по состоянію погоды коровъ выпускаютъ на пастбище и раньше. Св. Георгій считается покровителемъ скота и въ особенности коровъ. Ему въ этотъ день служатъ молебны, причемъ кропятся святою водою стада и хлѣва. Въ стѣны послѣднихъ втыкаются также вѣтви освященной вербы. Въ Гомельскомъ уѣздѣ накануне Юрія въ первый разъ выводятъ лошадей въ ночное, а въ день праздника рано утромъ, до пастуха, выгоняютъ скотъ „на Юрьеву росу“. Въ Витебскомъ уѣздѣ предварительно окуриваютъ скотъ въ хлѣвахъ Ивановскою травой, освященною 24 іюня, зажигаютъ Громничныя свѣчи, освященные 2 февраля; въ воротахъ хлѣва кладутъ на землѣ яйцо, чрезъ которое и прогоняютъ весь скотъ изъ хлѣва, чтобы коровы стали такъ круглы и полны, какъ яйцо. Потомъ яйцо это поднимаютъ и отдаютъ нищимъ или пастухамъ. Прогоняя скотъ къ пастуху, нѣкоторые хозяева стараются перегнать его чрезъ озимое ржаное поле, причемъ собираютъ съ озимей росу и омываютъ ею коровъ, чтобы больше молока давали и были недоступны для вѣдьмъ.

Въ Могилевской губерніи вообще соблюдаются слѣдующіе обряды при первомъ выгонѣ скота въ поле: 1) Берутъ ломоть хлѣба и съ нимъ обходятъ три раза вокругъ „кѣмина“ и говорятъ: „Якъ печь стайтъ на мѣсѣти, такъ штобъ и скатина хадѣла на мѣста!“ И отдаютъ этотъ хлѣбъ съѣсть скоту. 2) Наблюдаютъ, чтобы первый выгонъ скота не пришелся на тѣ дни, въ которые были праздники Рождества Христова и Благовѣщенія. 3) Замыкаютъ замкомъ нитѣ отъ кросенъ и кладутъ ихъ въ воротахъ, чтобы выгоняемый скотъ перешелъ черезъ эти ниты. 4) Кладутъ въ воротахъ на улицу замкнутый замокъ и черезъ него перегоняютъ скотъ. 5) При первомъ выводѣ лошадей на ночлегъ, въ воротахъ кладутъ сырое куриное яйцо. 6) Послѣ молитвы берутъ хлѣбъ, соль, яйца и сало и освященною вербою гонятъ скотъ къ пастуху и тамъ отдаютъ ему принесенную провизію. 7) Когда всѣ соберутся, пастухи съ хлѣбомъ обходятъ стадо три раза вокругъ, молятся Богу и потомъ уже гонятъ стадо на пастбище. 8) Если какая-нибудь неопытная баба выгонитъ въ этотъ день скотъ не обутой, про нее говорятъ, что она вѣдьма. Чтобы ее обезвредить, пастухъ долженъ ее больно ударить кнутомъ или палкой. 9) Въ этотъ день хорошій пастухъ постится и не беретъ кнута на пастбище.

Въ Велижскомъ уѣздѣ для того, чтобы вѣдьмы не отбирали молока у коровъ, послѣднимъ даются клички не по мастямъ, а по тѣмъ днямъ, въ которые онѣ телились: воскресѣха, понедѣя, аѹтуренія, серѣда, чатвѣря, пятѣха, субоня. Кромѣ того, заботливые хозяева пробуравливаютъ у первотелокъ, молодыхъ коровъ, телившихся въ первый

разъ, дыру въ одномъ изъ роговъ, вливаютъ въ эту дыру живого серебра—ртути и залѣпливаютъ дыру воскомъ отъ Громничной или Страстной свѣчи. Къ такой коровѣ вѣдьма не осмѣливается приступить.

День Юрія строго празднуется всѣмъ народомъ, но специально онъ считается праздникомъ пастуховъ. Каждый хозяинъ надѣляетъ въ этотъ день пастуховъ хлѣбомъ, саломъ, яйцами, водкой и они выгнавши коровъ въ поле, устраиваютъ тамъ для себя угощеніе и обязательно „пѣкутъ яѣшню“. Но въ Гомельскомъ уѣздѣ пастухи въ этотъ день постятся. На другой же день стадо гонятъ подпаски, а всѣ „большіе пастухи“ собираются къ старшему пастуху и устраиваютъ пирушку.

Въ этомъ уѣздѣ, пригнавши скотъ на выгонъ, всѣ молятся, и уже послѣ того пастухи уходятъ со скотомъ въ поле до вечера. Затѣмъ въ деревню приглашается причтъ. Крестьяне гдѣ нибудь вблизи деревни у озимаго поля ставятъ кадку съ водою; причтъ прежде всего освящаетъ воду, потомъ служитъ молебенъ св. Георгію; пастухи къ этому мѣсту подгоняютъ стадо и священникъ кропляетъ его святою водою. Послѣ этого совершается освященіе поля.

Здѣсь также существуетъ повѣрье, что вѣдьмы въ этотъ день отнимаютъ молоко у коровъ. Съ этою цѣлью онѣ выходятъ на зарѣ на поле и тамъ таскаютъ по росистымъ зеленымъ наметку. Когда она станетъ мокрою, вѣдьма убѣгаетъ съ поля домой, всячески стараясь, чтобы ее никто не увидѣлъ. И вотъ впоследствии, если корова взойдетъ на то мѣсто, съ котораго вѣдьма взяла росу и съѣсть той травы, то она перестаетъ давать молоко. Вѣдьма же изъ той наметки выжимаетъ такъ много молока, что его хватаетъ и на сметану, на сыръ, на масло.

Чтобы отомстить такой вѣдьмѣ, хозяинъ коровы, лишенной молока, идетъ 24 іюня до восхода солнца въ лѣсъ и загребааетъ въ мѣхъ цѣлый муравейникъ. Принесши его въ деревню, онъ пересыпаетъ муравьями улицу въ концѣ села, по которой гоняютъ стадо въ поле. Когда коровы перейдутъ черезъ разсыпанный муравейникъ, то у вѣдьмы къ полудню въ скопленномъ сырѣ и маслѣ появляются черви въ такомъ большомъ количествѣ, что дѣлаютъ ихъ негодными къ употребленію, и вѣдьма принуждена выбросить ихъ вонъ. Поэтому вѣдьмы зорко слѣдятъ въ этотъ день, чтобы кто не пересыпалъ муравьями улицы до восхода солнца.

Св. Георгій считается хозяиномъ дикихъ звѣрей и они имѣютъ право съѣсть ту скотину, которую онъ имъ разрѣшитъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что одинъ пастухъ кралъ овецъ и козъ, а хозяевамъ говорилъ, будто ихъ похищали волки. Случилось однажды этому пастуху заблудить въ лѣсу и онъ принужденъ былъ заночевать тамъ на полянкѣ. Со страха онъ залѣзъ на стогъ и легъ тамъ спать.

Но ночью его окружило стадо волковъ. Становясь одинъ на другого, волки стали взбираться на стогъ. Въ отчаяніи пастухъ обратился съ молитвою къ св. Георгію. Святой явился къ нему на сивомъ конѣ (на образахъ св. Георгій всегда изображается на бѣлой лошади) и отогналъ волковъ. Пастуху же сказалъ, чтобы онъ впередъ не красть овецъ: волки сердиты на него за то, что среди украденныхъ были и такія, которыхъ Георгій предназначилъ для волковъ. Своимъ воровствомъ пастухъ оставлялъ волковъ безъ добычи.

Св. Георгію молятся хозяева, когда корова заблудится и заночуетъ на пастбищѣ. Зажигаютъ свѣчу и просятъ: „святый Юрій! сохрани маю скатинку отъ звярэй и ать зладѣяў, и вярній яе цѣлай и здаробай!“

Въ Велижскомъ уѣздѣ въ этотъ день подъ-вечеръ къ пастухамъ собирается деревенская молодежь обоего пола, дѣвушки приносятъ яйца, масло, молоко, а парни водку, разводятъ костеръ, надъ нимъ вѣшаютъ котелъ и льютъ въ него принесенное молоко, разбиваютъ яйца и кладутъ масло. Получается своеобразная яичница въ огромномъ количествѣ, — „яѣтня“. Снявъ котелъ съ огня, всѣ садятся вокругъ и ѣдятъ эту „яѣтню“, запивая водкой. Потомъ становятся въ кружокъ, берутся за руки и поютъ Юрьевскія пѣсни, которыя распеваются до Николина дня.

А я мыладенька рыстапцѹ, рыстапцѹ,
Траўку, мураўку вытыпцу, вытыпцу,
Кыня выраненька выпушцу, выпушцу,
Карбѹку бурѣнку выгыню, выгыню!
Рызыграўся вбранъ конь, вбранъ конь,
Разбиў каминь кыпытѹмъ, кыпытѹмъ,
А ў тымъ камни агня нѣтъ, агня нѣтъ,
Ў майгѹ мужа праўды нѣтъ, праўды нѣтъ:
Ёнъ шыў Дуни бышмацкй, бышмацкй,
А жанѣ сплѣў кывярзньй, кывярзньй:
„Ты насй, жына, пыгליдай, пыглидай,
Ды кы празьникамъ пыблюдай, пыблюдай!
Ты насй, Дуня, ни жалѣй, ни жалѣй!“

С. Маклокъ. Въ с. Узкомъ пѣсня варьируется такъ:

Разыграўся Юрьѹ конь,	„Вы, хадитя, мальцы, тушыты,
Разбиў каминь капытѹмъ,	Ришатѹмъ воду насйты!“
А ў томъ камню агню нѣтъ,	А ў ришатѣ вады нѣтъ,
Ў цужой мамки праўды нѣтъ!	У нашыхъ мальцахъ праўды нѣтъ!
Разыграўся Юрьѹ конь,	Зыгараўся шѣрый боръ.
Разбиў арѣхъ капытѹмъ,	„Вы, хадитя, дѣўки, тушыты,
У томъ арѣху ядро ёсь,	Кўпкымъ воду насйты!“
У рѣнной мамки праўда ёсь!	А ў тымъ купку вада ёсь,
Зыгараўся шѣрый боръ.	У нашихъ дѣўкахъ праўда ёсь!

Я сягоні Ягорій,—пагобнимтя, дѣўки, у поля:
Ўшты, карбѹшки, траўку,
Пйты, каровы, вадицу!
А Божынька пыпасй, дамбѹшки приганй,
Дамбѹшки приганй, у хлѣў зыганй!

А я пайдѹ гуляти, гуляти,
Зялёныя жыта тыптати, тыптати.
А я, мыладенька, рошъ тапцѹ, рошъ тапцѹ,
Траўку, мураўку вытыпцу, вытыпцу,
Зялёныя жыта вырапцу, вырапцу!
— А я каня успушцѹ, успушцѹ!
— А я каня саймаю, саймаю!
— А я каня выкуплю, выкуплю,
Я за каня сто рублей, сто рублей!
— Миѣ сто рублей ни нада, ни нада!
— Я за каня тысяцу, тысяцу!
— Миѣ тысяца ни нада, ни нада!
— Я за каня дѣушку, дѣушку!
— Я дѣушкay даволинъ, даволинъ.

С. Узкое, Велижск. у.

Пѣсня представляетъ остатокъ извѣстной древней пѣсни:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дидъ-ладо, сѣяли, сѣяли!

Въ Быховскомъ уѣздѣ Могил. губ. встрѣчены еще болѣе жалкіе остатки этой пѣсни:

А мы лѣда чапали,	Зялёная мая рѹтачка,
А й мы прѣса сѣяли—	Жѹтый цвѣтъ.
Зялёная мая рѹтачка,	—
Жѹтый цвѣтъ!	А Юрьява матъ
Наѣхали баѣры,	Па гарѣ хадила,
А й сто рублей давали (припѣвъ),	Ключики насйла,
Намъ сто рублей ни нада! (2)	Зямлѹ отмыкала,
— А мы дадѣмъ бабушку! (2)	Траву выпускала,
— Намъ бабушки ни нада! (2)	На траву расйцу!
— Мы дадѣмъ вамъ панѣначку (2)	Чигрынскія жонки,
— За паненку сто рублей, сто	Выганйтя карбѹки,
[рублей!]	Кабъ карбѹки малѹшны,
	И тилати няўрѹшны!

С. Чигиринка.

Стайтъ вѣрба проти гребли—а ни я садила,
Нѣту шъ майгѹ мйлинькага, кагѹ я любила.

Нѣту шъ майго мѣлинькага, дарагога пѣту,
Изъ кимъ спали, размаўляли да бѣлага свѣту.
А ти пылымъ запаў, ти мятѣлицый,
Што ня хѳдѣть, ни гавѳрыть маей вѣлицый?
— А я хадѣў, а я хадѣў, а я залицаўся,
А ты мянѣ абсудила—я ни спади́ваўся.

Ды ни кукѣй, зязѣличка, рана,
Ды ни кажѣ, што мнѣ нѳчычка мала.
Я шъ малада ўсю ночку ни спала,
Я шъ ды сябѣ любыхъ гѳсьтикаў ждала,
Любыхъ гасѣтѣй—ды матѣлички сваей:
„Прыѣдѣ, прыѣдѣ, мая матѣличка, ка мнѣ,
Ты шъ ня будишъ зниважына у мянѣ.
Тадѣ шъ табѣ ды зниважычка бѣдѣть,
Кали мянѣ ў гѣтымъ доми ня бѣдѣть.

Чыѣ шъ гѣта канѣчыньки рана ў лугъ хадѣли,
Ти ни таго малѳйчыка, што мы ўдѣвѳхъ любилѣ?
Чыѣ гѣта патѳбвачки падѣ акѳнцамъ знати,
Ти ни таго малѳйчыка, што мяне била матѣ,
Ахъ, и била, и карѣла, што изъ малѳйцамъ спала.
„Ой, да душѣ, матѣличка, зъ малѳйцамъ ни спала,
Ой, тольки я, матуличка, ў галѳѣца стайла,
Ой, тольки я, матуличка, сѣрдѣчна гукѣла!“

Ой, бяро́за, бяро́за, ни стай пры дарѳзѣ,
Ни пуцай карѣньника, залато́га вѣтѣтика:
Я кѣ матѣлитца пайдѣ, я й карѣньня патѣпчѣ,
И вѣтѣтика пѣламѣю, и лѣсьтика пѣципѣю,
Я й вяночыкѣ увавѣю, на галѳбвачку ўзлажѣ,
На галѳбвачку ўзлажѣ, я кѣ матулитца пайдѣ.
„Разгадай, матѣличка: сколько у гѣтамъ вянкѣ лѣстѳѳѣ,
Тольки на мнѣ, мая матѣличка, худыхъ слауцѳѣ,
Атѣ лихѳга свѣкарки, отѣ лихой свѣкрѳбвачки,
Атѣ благо́га милѳга:
Якѣ умыюся, скажѣть: хвасѣтьлива!
Якѣ ня ўмыюся, скажѣть: лѣни́ва!

Прылятѣли журавѣ,
Сѣли, пѣли на'рѣльѣ,
Стали яны гаварѣть:
„Лѣпи арѣльѣ ранѣя,

Нячѣмъ тѣя пѳзнаѣ:
А на рѣнный расѣтѣть пѣшаницѣ,
А на пѳзный мѣтѣлица!“
Сабрѣлися удаўцѣ,

Сѣли шъ яны на крыльцѣ,
Стали шъ яны гаварѣть:
Лѣпи жонка пѣршая,
Нячѣмъ тѣя другѣя:

Изъ пѣршый жѳнкай дѣтакѣ мѣў,
А зъ другою разѣгнаў:
„Идѣтя, дѣтки, служѣтя,
Чѣмъся ма́чисѣ га́дѣти!“

А пашлѣ шъ я на Дунай на вадѣ. (2)
Я шъ думала—шѣра вутѣка плывѣть, (2)
Ажну мая родна мамѣка идѣть. (2)
„Дѣтѣтка, рана вадѣчку бярѣшь?“
— Мамѣка мая, пасылѣють мяне: (2)
Пѳзньиньѣка спѣть кладѣть,
Рѣниньѣка мяне узбуджѣють,
Мяне маладу на Дунай пасылѣють. (2)
Нада мнѣ угадѣти свѣкарѣку и свѣкрѳѣца,
Свѣкарѣку назватѣ рѳднымъ тѣткамъ маймъ,
Свѣкрѳѣку назватѣ рѳдной мамѣкай маей,
Дѣварѣки—рѣдныѣ брѣтѣтки маѣ,
Залѳѣуки—рѣдныѣ сястрыцы маѣ.
Я шъ, малада, тѣперѣ кѣ вамъ прышлѣ,
Шанѣѣтя мяне, якѣ сястрыцу сваю!

Маладѣя маладѣица ў чыста пѳля гусей гѣла,
Гусей гѣла, размаўляла:
Гѣля ў пѳля, гѣля шѣрыѣ маѣ!
Прывыѣкаѣтя кѣ чыстаму пѳлю,
Кѣ чыстаму пѳлю, кѣ синѣму мѳру,
Якѣ я малада прывыѣкала
И кѣ свѣкарѣку, и кѣ свѣкрѳѣца,
И кѣ дѣвирамъ, и кѣ залѳѣкамъ.

Якѣ пайдѣ я маладѣсиньѣка,
Кудѣ здаѣна хадѣла,
Ти ня ўвидѣжу я, ти ни ўбачѣу я,
Каго вѣрна любѣла,
Ды хотѣ ни яго, ды хотѣ ни яго,
Хотѣ таварыша яго,
Разпытѣюся шъ, разгукѣюся шъ
Абѣ жылѣньнѣйѣка сваѣ:
Ды якѣ ѣнѣ живѣть, ды якѣ ѣнѣ
[живѣть,

А я мѳлада гарѣю,
Бязѣ дроў, бязѣ дроў, бизѣ лу-
[чѣнѣчки
Ня'днѣу ночѣку-начѣю!
Якѣ пайдѣ, пайдѣ на бирѣзьнѣчку,

Ды я дрѳѣцы рубѣти,
Пайдѣ, пайдѣ на сѣсѳньнѣчку
Я й лучынку щѣпати.
А ў свѣтѣлѣчыньѣца, на табѣ-
[чыньѣца
Ды два пѣсарѣ пишѣть,
А ў камѳраньѣца, да ў бакѳваньѣца
Дѣўѣка дѣтя кѣлѣшыть,
Ой, кѣлѣшѣчы ды лѳляѣючы,
Сваѣ гѳра праклѣнѣаѣть:
Бѣдѣй гѳра згарѣла,
Хотѣ ба ручки пагрѣла!
Ой за што я гарѣю—
Празѣ любѳѣ сваѣ балѣшѣю!

Ды у мѣсяцы два ражбчки рбѣннѣхъ,
 Ды у татѣлки два сынбчки рбѣннѣхъ.
 Ды звинѣчались браты у нядѣлку,
 Нашли братитки у святѣлку,
 Разпытѣлися, разгукѣлися:
 Ти удалася, ти удалася, братъ, жанитьба твай?
 — Ни удалася, ни удалася, братъ, жанитьба май:
 Накасѣлася, навязалася, братъ, нялюбая жана,
 Ажанѣла малайца чужа дальна старана.
 Якъ пайду я маладецъ у новинѣкѣй гарадѣцъ
 Ды куплю я маладецъ маливанинѣкѣй чаунѣцъ,
 Ды пуцу я маладецъ маливанинѣкѣй чаунѣцъ
 Ды на бѣстраю раку ды нялюбаю жану,
 А самъ пайдѣ маладецъ на высокаю гару:
 Ти высока, ти далѣка ясна зорущка ўзышла,
 Ти далѣка, ти глыбока жана 'ть бѣрага 'типыла?
 Ой, высока и далѣка ясна зорущка ўзышла,
 Ой, далѣка и глыбока жана 'ть бѣрага 'типыла.
 „Ой, вярнись, жана, хотъ нялюбая была,
 Ни длі мянѣ маладога, хотъ длі дѣтачыкъ майхъ!“
 — Ни вярнуся, ни вярнуся,—я й нялюбая была!
 Кали лѣпшаю вбѣрмишъ, будишъ мянѣ праклинать,
 Кали пѣщаю вбѣрмишъ, будишъ мянѣ ўспаминать!

Зарзѣу, зарзѣу сивый конь на стайнѣ, ¹⁾
 Заплакаѣ бѣлѣ малбйчыкъ на вайнѣ:
 Ахъ вы, братцы, вы татарышы маѣ,
 Напишѣтя ²⁾ айцѣу майму пра мянѣ:
 Пуцай усихъ коникаѣу прадаѣтъ,
 Мянѣ мблайца зѣ няволѣшки вѣкупить!
 — Я й ня буду коникаѣу прадавать,
 И тябѣ зѣ няволѣшки выкуплять!
 Зарзѣу, зарзѣу и т. д.
 „Напишѣтя маѣй мамца прызъ мянѣ:
 Пуцай усихъ карбѣу прадаѣтъ,
 Мянѣ мблайца зѣ няволи выкупить!“
 — Я й ня буду карбѣу прадавать,
 И тябѣ зѣ няволѣшки выкуплять!
 Зарзѣу, зарзѣу и т. д.
 „Напишѣтя маймѣ братцамъ прызъ мянѣ:
 Нихай янѣ ўси стрѣльбачки прадаѣтъ,
 Мянѣ мблайца зѣ няволи вѣкупютъ!“

— Ня будимъ мы стрѣльбачки прадавать,
 А тябѣ зѣ няволѣшки выкуплять!
 Ой, зарзѣу, зарзѣу и т. д.
 „Напишѣтя маймѣ сѣстрамъ прызъ мянѣ:
 Нихай янѣ карѣлки и прысѣтѣнки прадаѣтъ,
 Ды мянѣ зѣ няволѣшки вѣкупютъ!“
 — Мы ня будимъ карѣлки и прысѣтѣнкаѣу прадавать,
 А тябѣ зѣ няволѣшки выкуплять!
 Ой, зарзѣу, зарзѣу и т. д.
 „Напишѣтя маѣй жанѣ прызъ мянѣ:
 Нихай ина ўсѣ трѣбачки прадаѣтъ, ¹⁾
 Ды мянѣ зѣ няволѣшки вѣкупить!“
 — Ой буду шъ я, буду шъ я трѣбачки прадавать,
 И тябѣ зѣ няволѣшки выкуплять!

Туманъ, туманъ на далѣни, 2
 Шырбкъ листокъ на калини.
 Шѣры тагѣ на дуббчку,
 Кличытъ голубъ галѣбачку,
 Хотъ ни сваѣ, дыкъ чужую:
 Пастбѣй, мѣла, пацалую!
 На што тѣя цалаванѣня,
 Сѣрцу тѣги задаванѣня?
 Ни задавай сѣрцу тѣги,
 Ня вбѣрмишъ, ты вбѣрмишъ дрѣгий!
 Вѣ чыстамъ поли за лазбѣю,
 Плачытъ дѣвица слязбѣю.
 „Пирастанъ, дѣўка, слязбѣй литца, —
 Я ня думаю жанитца! ²⁾
 Кали буду я жанитца,
 Прашѣу я тябѣ явѣтца,
 Дамъ табѣ пива напитокца!“
 — Тваѣ пива мнѣ ня дѣва,
 Твая раднѣй мнѣ ня мѣла:
 Твая матка чараўнѣца,
 Сѣстра зѣ бѣратамъ разлушнѣца:
 Разлучили насъ сѣ таббѣю,
 Якъ рѣбачку изъ водбѣю

Тѣжка рѣбца бизъ вадѣ бытъ,
 Тѣжалѣй мнѣ тябѣ пражыбѣтъ;
 Тѣжка рѣбца панаркѣти,
 Тѣжалѣй мнѣ тябѣ пакидати!

Старана май ды старбѣнушка, 2
 Ни маѣу тябѣ пражыбѣтѣся, 2
 А нбччы сплѣчѣ, а ў дѣнь хбдѣчы,
 А ў нбччы сплѣ, ды ня высплѣся,
 А у дѣнь хадѣу—ни размыслѣся,
 Ў кабачокъ иду—хилѣюся,
 Сѣ кабачка иду—шатаюся,
 За вирѣюшкѣу хватаюся.
 „Вирай май, ты вирѣюшка,
 Ды хто тябѣ тутъ пастанаѣу?“
 — Станавили мянѣ да два плѣтъ—
 [нички,

А царскѣя ды й работѣнички.
 Ай, на мбры, мбры, мбры сѣняму,
 Тамъ плывала вутка шѣрая,
 А за ею, ею сѣлязѣюшкѣа.
 Яѣ перѣйка раскудрбѣная,
 Па сѣняму мору распуцбѣная.

¹⁾ Въ Вилейскомъ у. вариантъ:
 Нихай яна скрынки—пярѣнки спрадаѣ,
 Мянѣ зѣ няволѣшки вывалѣне.

²⁾ Въ м. Красномъ вилейск. уѣзда:
 Циху, дѣўка, ни журѣся,
 Я ще, младый, ня жанѣуся!

А хто жь ёй ды раскудрыў перья?
Раскудрыў перья слязёпошка!
А на рынкі, рынкі, рынкі новыя,
Тамъ хаділа красна дэвица,
А за ёю, ёю добрый моладіць.

Яё воласы распудробныя,
На бѣлыхъ плічкахъ распушонныя.
А хто жь да ёй распудрыў воласы?
А пудрыў, пудрыў удалый ма-
ладёць.

Записаны кр. Ст. Пилиненкомъ отъ кр-нокъ
Елисаветы Степановой и Магдалины Томченко-
вой въ дер. Заулкахъ, Диснен. у., Вилен. губ.

Послѣдняя пѣсня заимствована отъ старообрядцевъ, поселив-
шихся въ уѣздѣ въ 1864 г. Во время смутъ 1905—1906 гг. польскіе
помѣщики принудили ихъ выселиться отсюда, но многія пѣсни ихъ
усвоены бѣлоруссами, въ томъ числѣ и эта.

Плыў, чайнобъ на рѣцца,
Да плакаў дятюкъ на дѣўца:
„Да дѣ жь мнѣ, дятюкѣ, падѣтца?
Саўю вярбѣку зъ крапивы,
Да павѣшуся ў батвінны!“
Пашла мати батвінны ламати,
Да свайго сына шукати:
„Ня виси, сынку, ня виси,—
Да иди батвінны падняси,
Дѣваччына коника папасі,
За яе вадіцу падняси!“

Лятѣў бабёръ чаразъ дворъ,
На ёмъ сукёнакъ девять паръ,
На ёмъ шапачка бабрѣва,—
Загарэлася дуброва.
„Идиця, хлопчыки, гасіця,
Рѣшатамъ вадѣ насіця!“
Якъ у рѣшати вада ёсь,
Такъ у хлопчыкаў праўда ёсь!
Лятѣў бабёръ и т. д.
„Идиця, дѣвачки, гасіця
Кубачкамъ вадѣ насіця!“
Якъ у кубачку вада ёсь,
Такъ у дѣвачакъ праўда ёсь!

На гарэ святлѣла,
Казло́ва барада́ гарэла.
„Идиця, хлопчыки, гасіця,
Рѣшатамъ вадѣ насіця!“
Якъ у рѣшати вада ёсь,
Такъ у хлопчыкаў праўда ёсь!
На гарэ святлѣла и т. д.
„Идиця, дѣвачки, гасіця,
Кубачкамъ вадѣ насіця.“
Якъ у кубачку вада ёсь,
Такъ у дѣвачакъ праўда ёсь!

Яло́вая кары́та по́ўна вадѣй на-
[літа.
Дѣвачки ношки памыли,
А хлопчыки вадѣ выпили!
Дубовая карыта поўна вадѣй на-
[літа.
Пчолки ношки памыли,
А дѣвачки вадѣ выпили!

С. Дубины, Ошмянск. у.
Отъ кр. О. Радыны.

М а й.

2 мая, день страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, во многихъ мѣстахъ
Бѣлоруссіи считается большимъ праздникомъ. Въ этотъ день совер-
шаются многочисленные крестные ходы на крыницы—ключи, не за-
мерзающіе зимою. Здѣсь совершаются молебствія и освящается вода,
которая считается цѣлебною въ особенности отъ глазныхъ болѣзней.

Обрядъ этотъ существовалъ и во времена уніи и ведетъ свое начало
изъ глубокой древности. Св. Бориса и Глѣба чтутъ даже нынѣшніе
католики бѣлоруссы, соверщенные въ XVIII и XIX вв.

Возникновеніемъ своимъ празднованіе это обязано повидимому
неслыханному злодѣйству Святополка Окаяннаго, которое въ свое
время поразило всю православную Россію. Въ Бѣлоруссіи культъ св.
Бориса и Глѣба получилъ наибольшее развитіе еще благодаря рев-
ностной религіозно-просвѣтительной дѣятельности полоцкаго князя
Бориса Всеславича († 1128 г.), памятниками котораго служатъ из-
вѣстные Борисовы камни, существующіе доселѣ въ предѣлахъ Ви-
тебской (четыре), Могилевской (два) и Виленской губерній (два).

Такія же „водяныя отправки“, кромѣ общецерковныхъ—совер-
шаются въ девятый четвергъ по Пасхѣ (Девятникъ) и въ десятую
пятницу (Десятуху), когда къ нѣкоторымъ крыницамъ, напримѣръ,
Полыковичской, Могилевскаго уѣзда, собираются десятки тысячъ па-
ломниковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей.

Желая осмыслить непонятное названіе Преполовенія, бѣлоруссы
зовутъ этотъ день „Переплавной середой“ и говорятъ, что въ этотъ
день Иисусъ Христосъ купался и переплылъ черезъ море. Съ этого
дня разрѣшается купаться, вплоть до Ильина дня.

8 мая крестьяне празднуютъ память св. Іоанна Богослова и не
работаютъ вообще или, по мѣстамъ, только на лошадяхъ, во избѣжа-
ніе несчастныхъ случаевъ съ лошадьми, которые, по мнѣнію народа,
всегда бываютъ, если въ этотъ день работать на лошадяхъ. Такъ же,
какъ и св. Савва, 5 декабря,—св. Іоаннъ Богословъ зовется „Нико-
линъ батька“.

9 мая, день св. Николая, считается очень важнымъ праздни-
комъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ этотъ день многіе крестьяне устраи-
ваютъ такъ называемые оброчные обѣды, то есть по случаю какого-
нибудь несчастья или избавленія отъ бѣды даютъ обѣтъ накормить
нищую братію въ день святителя Николая во славу Божію и въ честь
названнаго угодника. На обѣдъ этотъ варится борщъ съ мясомъ, или
въ постный день съ рыбой и алеемъ, потомъ ставится жареное мясо
или жареный иѣтухъ, а въ постный день рыба; на послѣднее подается
крутая каша съ молокомъ, масломъ или саломъ, а въ постный день
съ алеемъ. Изъ напитковъ подаются водка и медъ, рѣже—вино и пиво.

Утромъ хозяинъ приглашаетъ причтъ совершить въ домѣ мо-
лебенъ и акаистъ св. Николаю и въ то же время посылаетъ созы-
вать убогихъ, нищихъ и калѣкъ, а также родныхъ на обѣдъ. По-
сланный, подойдя подъ окно, кричитъ:

— Добрыдень! Ти ё хто у хати?

— Здарбѣ! А што?

— Прасіў Микита Лагунбѣ на хлѣбъ-соль, на'бѣдъ!

— Спасіба!

Послѣ молебна причтъ и почетные гости садятся за столъ и обѣдаютъ. По окончаніи обѣда, молятся, благодарятъ хозяина и расходятся. Тогда за тотъ же столъ садятъ нищихъ и убогихъ, и хозяинъ подаетъ имъ тотъ же самый обѣдъ и такъ же угощаетъ водкой и медомъ.

За разрѣшеніе пить водку на такихъ оброчныхъ обѣдахъ, имѣющихъ религіозный характеръ, св. Николая называютъ „бурлацкимъ богомъ“, т. е. богомъ пьяницъ,—что примѣнимо собственно къ дню 6 декабря.

Какъ Юрьевъ день считается праздникомъ пастуховъ, такъ Николинъ день празднуютъ „конюшкѣ“, водящіе лошадей „на ночлегъ“—въ ночное. Въ эту ночь они окуриваютъ лошадей Ивановскою травой и обходятъ вокругъ нихъ съ яйцомъ въ рукѣ, которымъ потомъ гладятъ лошадей по спинѣ. На другой день яйцо это отдается нищему, обязательно слѣпому. Окуриваніе производится съ цѣлью охраненія лошадей отъ вѣдьмаковъ, а обношеніе яйцомъ охраняетъ ихъ отъ воровъ. Послѣ этихъ обрядовъ, конюшки выбираютъ своего „старосту“, и устраиваютъ пирушку, съ обязательной яичницей и водкой. Въ Велижекомъ уѣздѣ эта пирушка устраивается въ Троицынъ день.

Съ Николина дня начинаютъ стричь овецъ. Кто опоздаетъ стрижкой хотя бы на недѣлю, тотъ останется безъ шерсти, такъ какъ вслѣдствіе плохого питанія овцы сильно линяютъ. Нерѣдко бываютъ такіе случаи, что утромъ овцы уходятъ на пастбище съ волною, а вечеромъ возвращаются „съ голой кожей“.

10 мая стараются посѣять коноплю. Но такъ какъ при посѣвѣ ея нельзя вбивать кольевъ въ землю, то посѣвъ предпочитаютъ дѣлать вечеромъ, когда уже не приходится вбивать кольевъ.

11 мая, день обновленія Царяграда, крестьяне строго празднуютъ, чтобы градомъ не выбило посѣвовъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ этотъ именно день совершается освященіе полей съ крестнымъ ходомъ.

21 мая, также по созвучію съ Еленой, сѣютъ ленъ. Посѣвъ особенно считается счастливымъ, если этотъ день приходится въ понедѣльникъ. При посѣвѣ льна сѣятель обязательно долженъ надѣть чистое бѣлье—чтобы ленъ былъ чистый. Кромѣ того варятъ куриныя яйца и кладутъ ихъ въ кошелку съ сѣменами. Пріѣхавши на ниву, сѣятель подбрасываетъ яйца вверхъ—чтобы ленъ былъ высокій и съ крупными головками—головистый.

Праздникъ Вознесенія Господня называется „Ушѣсья“—т. е. Восшествіе на небо. Въ этотъ день хозяйки обязательно пекутъ блины: „трѣба Хрыстѣ напѣкти анучъ, щобъ булѣ ѣ що абуватца! Абѣитца и пѣйдя ужѣ атъ насъ на нѣбу!“ Другимъ обязательнымъ кушаньемъ для этого дня считается яичница.

Съ этого дня дѣвушки прекращаютъ пѣніе веснянокъ; собираются по вечерамъ на улицѣ и поютъ слѣдующія пѣсни:

На гарѣди дѣўка халадѣкъ (?) капала,
Рана, рана, халадѣкъ капала,
Капала, капала да ня викапала. (Припѣвъ).
Только викапала залатую квѣтку,
Рана, рана, залатую квѣтку!

Лятѣли пчолы да чаразъ тры пѣли,
Рана, рана, да чаразъ тры поли!
Найшли тыя пчолы тры намѣтки ў поли. (Припѣвъ).
Первая намѣтка—то дѣўка Ганначка,
Другая намѣтка—то дѣўка Васячка,
Третья намѣтка—то дѣўка Варачка,
Рана, рана, то дѣўка Варачка!

Старѣнкій дядѣчыкъ па гарѣду хѣдя,
Рана, рана, па гарѣду хѣдя!
Па гарѣду хѣдя и арѣ, скарѣдя. (Припѣвъ).
А за имъ малѣдка у ступенъ ступая,
У ступенъ ступая, варабѣў пугая:
Лятѣтя, варабѣй, на дѣдави канѣпли,
Щобъ мнѣ ихъ ня брѣти, ня брѣти, ня слати,
Ня брати, ня слати, ни прѣсти, ни ткати,
Ни прѣсти, ни ткати, ни бялѣть, ни шѣти,
Ни бялѣть, ни шыти, сарѣчки насѣти,
Рана, рана, сарѣчки насѣти!

А ў Бога дарѣга и дѣўга и шырѣка,
Рана, рана, и доўга и шырока!
Якъ па той дарѣзи зятъ да тѣщи хѣдя— (припѣвъ),
Зятъ да тѣщи хѣдя, жалабу прынося,
Жалабу прынося, сваѣ тѣщи прѣся:
„Тѣсцухна, матухна, твая дочъ лихая,
Твая дочъ лихая, да минѣ пабыла!“
— Хоть яна пабыла, ня на лиха ўчѣла:
Ня хадѣ да шынку, да ня пѣ гарѣлки,
Да ня пѣ гарѣлки, табаки ня нюхай,
Табаки ня нюхай, гавѣракъ ня слухай,
Рана, рана, гавѣракъ ня слухай!

Яравая пчолка падъ нябѣсъ лятала,
Рана, рана, падъ нябѣсъ лятала!
Падъ нябѣсъ лятала, да Бога слѣхала,
Да Бога слѣхала, да що Богъ гавѣра. —

А Богъ сына жѣня, въ Ильли дѣчку бярѣ,
Въ Ильли дочку бярѣ, Улитачкай завѣ:
Улитка—нябѣга, идитка да Бѣга!
Рана, рана, идитка да Бѣга!

Время между Вознесениемъ и Троицей посвящается обыкновенно *толокамъ*. Крестьяне помогаютъ другъ другу вывозить въ поле навозъ. При возвращеніи съ поля порожнякомъ и при разбрасываніи удобренія поются особыя пѣсни. Напримѣръ:

У лузи салавѣй калинку клюётъ, —
А ни ёнъ яе садѣу, ни ёнъ паливау!
Лихая свякрѣу нявѣсту журѣтъ,
А ни яна расѣтила, ни яна гадавала.
Шлѣтъ яе маладѣу у Дунай па вадѣ.
Стукнула, грѣкнула, вѣдры биручѣ,
Крыкнула, гѣкнула, къ Дунаю идучѣ.
Якъ зачѣу мой милый, канѣ пасучѣ:
„Ня стукай, ня грукай, май мѣлая:
Я и кѣній папасѣу и вадѣ прынясѣу!“
— Чѣрпай жа, мѣлянѣкій, вѣдры пѣуняньки!
Иди жѣ ты, мѣлянѣкій, пѣтихѣсяньку,
Стауляй жа, мѣлянѣкій, памѣлюсяньку!
Кабѣ тѣя вадѣца ни прѣлилася,
Кабѣ тѣя свякрѣука ни сварѣлася!...
„Я жѣ, тѣбѣ, нявѣста, ни вадѣ слѣла,
А я жѣ тѣбѣ, нявѣста, съ свѣту збауляла!“
— Ты жѣ мянѣ, свякрѣука, дѣукаю знала, —
Нашто жѣ ты мянѣ за нявѣстку брала?

Лепельск. уѣз.

Чарвѣная рожа, зилѣна, прыгожа!
Ни стой пры дарѣзи, ни цвити прыгожа:
Хто идѣтъ—ламѣить, хто ѣдитъ—чапѣить:
Дядѣ идуть—ламѣють, дядѣ на барѣды,
Бабы идуть—ламѣють, бабы на памѣлы,
Мальцѣ идуть—ламають, сабѣ падѣ брылѣчки,
Дѣуки идуть—ламають, сабѣ на вяночки,
Рибѣты идуть—ламають, рибѣты на цѣцки.

Дѣуки калинку ламѣли,	Калиनावый мѣстыкъ прѣламѣу.
Дѣуки у пучочки вязѣли,	Игѣ дѣуки дагнаѣли,
Калиनावый мѣстыкъ масѣтили.	Синѣй кафтанѣ надрѣли,
А тамѣ ѣхау дварѣйниѣ,	Пухавѣу шапку парѣли!

Пашѣу дварѣйниѣ да пѣна:
„А пѣна, мой гаспадинѣ!
Нашто дѣвакъ распусѣтѣу?“
— Дѣбри, дѣбри, дварѣйниѣ:
Было дѣвакъ ни сердитѣ!
Было дѣукамѣ карѣйтѣца,
Нѣска у нѣги кланѣйтѣца!

Удовушка маладѣя
Паѣхала у новый гѣрадѣ,
Да купила атрѣтъ—зѣльѣя,
Атрѣтила красною дѣуку.
Вѣ васкрѣсенѣя ранѣшынька
Дѣбрыи люди къ абѣдѣни идуть,
А красною дѣуку хувѣтъ нясѣтъ.
Папѣ, дѣкѣ усѣпѣивѣють,
А два мѣлыдѣца ўздыхають,
Яны ўдоуку прѣклиниѣють:
Штобѣ ты, ўдовушка, сама
[умѣрла,
Краена дѣука жѣва стала.

Зарѣ мая, зѣринѣя,
Узайди рана, пѣстѣй пѣзна,
Пакульѣка я прыбѣрѣуся,
Умѣтѣу дворѣ мѣтѣлачкай,
Усѣтѣлю столѣ скѣтирѣчкай.
Будуть ка мнѣ лѣобыи гѣсѣти:
А лѣобыи гѣсѣтъ—радѣиѣ тѣтка,
Лѣобѣя гѣсѣти—рѣднаѣ мамѣка.
Гѣсѣти на дворѣ—кубѣки на столѣ,
Гѣсѣти зѣ дворѣ—кубѣки съ столѣ.

Кагѣ нѣту на вулицѣ?
На Кузьминоѣ двѣрѣчку
Усѣ дѣуки у танѣчку,
Адиѣи Рожѣ нѣту.
Рожѣ мамѣка чѣшѣтъ,
Чѣшѣтъ, навучѣить:
„Рожѣхна, дѣтѣтка,
Ня йди ты у танѣчикѣ:
Тѣбѣ Кузьма ўзнѣить,
Ёнѣ тѣбѣ абманѣить!“

Кузьма дагадаѣся,
Пашѣу да прыбѣрѣуся
У жанѣцѣкая плѣтъѣя,
У дѣвѣцѣкая ѣбличѣа.
Рожа ни узнала,
Пѣбличѣ съ Кузьмомѣ стала,
Мамѣки атѣказала:
„Ня жѣдѣ Рожѣу въ вянкѣу,
А жѣдѣ Рожѣу у плѣтку,
При зѣлѣнамѣ Сѣяти,
Зѣ малѣдинѣкимѣ зѣтямѣ.“

Якъ за гѣрѣкай, за гарѣи,
Разѣйгрѣуся карѣйиѣ конѣ,
Разѣбѣу камѣнѣ капѣтѣомѣ.
Вѣ тѣмѣ камѣни огнѣ нѣтъ,
У чужѣи мамѣки прѣуѣды нѣтъ.
Якъ за гѣрѣкай, за гарѣи,
Разѣйгрѣуся вѣбранѣ конѣ,
Разѣбѣу арѣхѣ капѣтѣомѣ,
Вѣ тѣмѣ арѣшѣку зѣриѣ ёсѣ,
У рѣднаѣ мамѣки прѣуѣда ёсѣ.

За гарѣю, за крутою,
Тамѣ конѣ прѣрѣжаѣу,
Тамѣ конѣ прѣрѣжаѣу,
Прѣуѣду сказаѣу:
„Я кѣся ни хѣзѣиѣныѣ:
У канѣ стѣйниѣ ни мѣтина,
Канѣиѣ аѣса ни засѣпанѣа,
У канѣ гѣрыѣа ни расѣбѣсанѣа,
У канѣ абрѣтъ ни разѣбѣритѣанѣа,
У канѣ сидѣло ни атѣвѣзанѣа!“
За гарѣю, за крутою,
Тамѣ конѣ прѣрѣжаѣу,
Тамѣ конѣ прѣрѣжаѣу,
Прѣуѣду сказаѣу:
„А я кѣся хѣзѣиѣныѣ:
У канѣ стѣйниѣ раѣмѣтина,
Канѣиѣ аѣса засѣпанѣа,
У канѣ гѣрыѣа расѣбѣсанѣа,
У канѣ абрѣтъ разѣбѣритѣанѣа,
У канѣ сидѣло разѣвѣзанѣа!“

Тёмная ночка, дѣ твай дочка?
 — У гарбѣди лянѣкъ пѣлить, ручки кѣлѣть!
 Багдай ѣтать лѣнь травой заросѣ,
 Травой заросѣ, павилицѣй,
 Павилицѣй, мокрый макрицѣй.

За гарбѣю за крутою громъ граманѣу,
 Громъ граманѣу, дождѣ сиканѣу,
 Змачѣу дѣуку чарнабрѣуку.
 Аткуль 'зяѣся старый шѣ шатромъ:
 „Хадѣ, дѣука, у мой шатѣръ!“
 — Хоть я змѣкла, ни пайдѣу ѣ шатѣръ!
 За гарбѣю за крутою громъ граманѣу,
 Громъ граманѣу, дождѣ сиканѣу,
 Змачѣу дѣуку чарнабрѣуку.
 Аткуль 'зяѣся маладый шѣ шатромъ:
 „Хадѣ, дѣука, у мой шатѣръ!“
 — Хоть ни змѣкла—пайдѣу ѣ шатѣръ!

С. Болецкѣ, Городок. у.

Талачѣу, талачѣу, я гарѣлки хачѣу!
 Талака, талака—талаки ни ѣнѣть,
 Ни дають гарѣлки—ни буду пѣить.
 А ѣ кагѣ, а ѣ кагѣ дворѣ на памѣсьти,
 А ѣ тагѣ, а ѣ тагѣ любѣи гѣсьти.
 А чамѣу, сусѣдѣ, пива ни вѣрышѣ,
 Ти ѣ тябѣ, сусѣдѣ, ячмень ни ѣрадѣу?
 — Ни ѣрадѣу ячмянѣкъ, только пшѣбначка,
 Ни вялѣть, ни вялѣть мая мила жѣбначка!

Фольв. Изабелино, Лепельск. уѣз.
 Запис. Г. Неплюковѣ.

А падѣ тымѣ гѣрадамѣ падѣ Казанскимѣ,
 Тамѣ дѣуѣйна зѣ малайцѣми чалѣмѣ била,
 Ина била, ина била, праѣуды дахадѣила:
 Да ни я кѣ малайцамѣ прѣхадѣила,
 Сами ка мнѣ малѣйчыки прѣхадѣили,
 Зѣлянѣга вина прѣнасиѣли.
 Я у мѣлайца на ручкахѣ заснуѣла.
 Стаѣли мянѣ малѣйчыки праѣбуждѣати:
 „Устанѣ, устанѣ, дѣуѣѣнанѣька, абачниѣся!
 А ѣжѣ твай матѣуѣлинька давно на таргѣу,
 Да таргѣуѣить, куплѣить ѣсѣ раменѣныя плѣти,
 Бѣудѣить тябѣ маладѣеньку межѣ плѣчь сѣѣѣ!“

Тамѣ добра, ѣ кагѣ матушка!
 Якѣ у мянѣ лиха мачѣыха,
 Пасалѣить мянѣ у высокѣ терамѣ
 Пасѣтѣлку слѣть ахѣвицѣру ни-
 [жѣнѣатаму.

Ужѣ на дварѣ сѣниданѣня идѣть—
 Краснай дѣуки сѣ терама нѣтъ.
 Ужѣ на дварѣ абѣды идутѣ —
 Краснай дѣуки сѣ терама нѣтъ.
 Ужѣ на дварѣ палѣудни идутѣ —
 Краснай дѣуки сѣ терама нѣтъ.
 Ужѣ на дварѣ вяѣѣры идутѣ —
 Красну дѣуку сѣ терама вядѣуть:
 Русы косы растрѣпанѣны,
 Пярѣстѣначки памѣниѣныя...

„Ай, жѣнки—лябѣданѣьки,
 Парѣйтѣ мнѣ парѣданѣьку:
 Дѣ благѣга мужа дѣтъ?“

— Вѣдѣи ягѣ у карѣбмачку
 Да напѣй гарѣлкаю,
 Тагдѣ вѣдѣи у чѣста пѣбѣя,
 Да напѣжѣ падѣ ѣлкаю,
 Накрѣй ягѣ салѣмѣкаю,
 Да напѣпѣли лучѣѣнкаю.
 Тагдѣ вѣйдѣи на вѣуѣлѣчку,
 Крыѣни-зыѣни рѣтѣуѣначку:
 „А здаѣтѣца, и громъ ни быѣ —
 Майгѣ мужа пярѣунѣ забѣйѣ,
 Малаѣньѣю напѣпѣлиѣла!“

Знѣть, наша доля такая,
 Шѣто гѣспаѣдѣнька сѣупѣя,
 Ина сѣдѣить у кутѣчку,
 Дѣряжѣить бутѣѣличку ѣ падалѣбѣчку,
 Кѣивѣить, мѣргѣить на мѣлѣга:
 „Ни даѣвай гарѣлки трѣсѣньѣни-
 [цамѣ,
 Янѣи ужѣ и такѣ паѣуѣпиѣлся.

Д. Гирѣюки, Тѣболѣ. вол. Дрис. уѣз.
 Отѣ кр. Нат. Баутрушѣвичѣ зап. О. Незѣдѣчина.

„Маладѣй малѣйчикѣ, чамѣу рѣна ни ѣстаѣшѣ,
 Чамѣу рѣна ни ѣстаѣшѣ, канѣ ни гѣдѣуѣишѣ?“
 — Нашѣто рѣна уѣставѣть, нашѣто канѣ гѣдаѣвѣть,
 Я никѣудѣ ни паѣдѣу!
 „Шѣрѣя зѣзѣуѣлька, чамѣу ѣ пѣля ни лѣтѣишѣ,
 Чамѣу ѣ пѣля ни лѣтѣишѣ, чамѣу ни кѣуѣуѣишѣ?“
 Ёсѣ у мянѣ крыѣлѣѣйка, усѣ сѣза пѣрѣѣйка
 ѣ чѣста пѣля вяѣлитѣати.
 Якѣ паѣлѣѣѣу я, паѣлѣѣѣу у вишѣнѣвинѣькѣй садѣкъ,
 Дѣ на бѣѣлуѣ бюрѣзу.
 Якѣ станѣу жѣ я куѣавѣть, —
 Прѣидѣть ка мнѣ тѣтѣуѣлька пыѣтѣть
 Абѣ чужѣую старѣбначку:
 „Ти лѣдна, дѣтѣѣтка, дѣ на чужѣой старѣанѣ?“
 — А чужѣая старѣанѣ усѣ гѣбѣрамѣ сѣѣина,
 Усѣ гѣбѣрамѣ сѣѣина, слѣзѣками пѣливѣана!
 Маладѣй малѣйчикѣ и т. д.
 Прѣидѣть ка мнѣ матѣуѣлька пыѣтѣть...

(Пѣтомѣ: брѣтъ и наѣконѣѣѣ—сѣстра).

А ти макъ, ти рожа зацвилй пригѡжа?
— А ни макъ, ни рожа зацвилй пригѡжа —
Зацвилй кудирки маладѣцкія,
Маладѣцкія—маладѡга Сяргѣйки,
А съ-падъ шапачки съ-падъ бабрѡвыя,
Съ-падъ вяночка съ-падъ чирвѡнинькага!

Расъкипѣлиси гаршкй, на загнѣти стѡючи,
А ўсѣрдиўся свѣкарка, у запѣчку сѣдючи.
А параслѣ либидѣ вышы гарадїща,
На вулицы хлѡпцаў нѣтъ—ня бѡдїть игрища.
А я тую либядѡ казѣми патраўлю,
А я хлопцамъ кукишъ дамъ,
Сама йгрища спраўлю!

„Ой, дѡнька—дачѡшка, аддамъ тябѣ замужъ!“
— А за кагѡ, мой татѡлька?
„Адамъ тябѣ замужъ хотъ за бандарѡчка!“
— Бѡндаръ рана устаѣтъ, а мнѣ спатъ ни даѣтъ:
Ни пайдѡ, ни пайдѡ, мой татѡлька!
„Ой, дѡнька-дачѡшка, аддамъ тябѣ замужъ!“
— А за кагѡ, мой татѡлька?
„Адамъ тябѣ замужъ хотъ за кавалѣчка!“
— Кавѡль рана устаѣтъ, а мнѣ спатъ ни даѣтъ:
Ни пайдѡ, ни пайдѡ, мой татѡлька!
„Дѡнька-дачѡшка, аддамъ тябѣ замужъ!“
— А за кагѡ, мой татѡлька?
„Адамъ тябѣ замужъ хотъ за ганчарѡчка!“
— Ганчаръ рана ни ўстаѣтъ,
Їнъ мнѣ спѣти даѣтъ:
Пайдѡ, пайдѡ, мой татѡлька!
Ганчаръ гаршкй прадаѣтъ,
А мнѣ грѡшыки даѣтъ:
Пайдѡ, пайдѡ, мой татѡлька!

Чирвона, пригожа калина—малина,
Чирванѣй, пригажѣй наша гаспадѣня:
Па дварѡ хѡдїть—увесь дворъ разлигаѣтъ,
На гѡначикъ стѡпїть, ажъ гѡначикъ вѣяїть,
У сѡвятѣлицѡ ўвѡйдїть—ўся сѡвятѣлица зѣяїть,
За плѣшачку вѡзьмїть—гарѡлачка льѣтца,
А за чѡрачку вѡзьмїть—гарѡлачка пѣтца.

А ўстану я рана, а ўмѣюся бѣла,
Якъ пайдѡ я у вишнѡвый садъ.
А вѣшынька къ вѣшыньцы галѡвачку клѡнїть,
А мнѣ мѡлади ды нѣ къ каму!
Пахїнѡ я галавѡ на чужѡю старанѡ,
Ды ня къ рѡднаму татѡльку!

А малѣнькїй журавѡкъ
Палѡднавать привалѡкъ.
Прыгѣлиси къ дубѡ,
Палѡднавать буду,
Прыгѣлиси къ ѣли,
Палѡднавать сѣли. (И жнївная).

Ой, парѡ дамѡѡ, парѡ,
Патїрѣла ключї зарѣ,
Кала пѡстати хѡдѡчи.
Узыйдїтя ясны зѡрьки,
А знайдїтя ключї звѡнки,
Атамкнїтя сыру зямлѡ,
Апусѣтїтя тѣплу расѡ.

Мїдавѡя барѡлачка (барылка)
Ды па пѡлю качѡнтца,
Ды ў жѡначикъ пытѡнтца:
„Вы, жѡначки, лѣбѣдачки!
Калї вы мїнѣ ня вѣпѣтїтя,
Я вамъ шкоду зѣдѣлаѡ:
Я й па пѡлю пакачѡся,
Абрѡчки паламѡ,
И дощїчки пасѣкнїѡ!“
Малѡдїнькїй Якаѡка
Па дварѡ пѡяждѡнїть
Ды ў татѡльки пытѡнтца:
„Калї мїнѣ ня жѡнїтїтя,

Дыкъ я вамъ бядѡ ўчїнѡ:
Варѡнѡга канѣ зѣвядѡ,
Ящїрава сядлѡ зѣвязѡ,
Пѡфдѡ на Україну,
Тамъ сабѣ ажанѡся:
Вазѡмѡ сабѣ панѣначку,
И тонкую, и вїсокую,
И бѣлую, и румѡную.

Сїлязѣнька-галѡѡка сѣзынька,
А крѣльїйка бѣстрїнька, —
Ти пїрїлятїшъ шырѡкая пѡля,
Глубѡкая мѡря?
— Ни пїрїлячѡ я шырѡкага пѡля
Ды глубѡкага мѡря,
Толькї пїрїлячѡ імхї ды ба-
[лѡты

Ды вѡзкїя увалѡкї!
„А ты, Аѡдулька, нѣжная дї-
[тѣтка!

Ти пїрїнясѣшъ ты матѡлькїну
[нѣгу

Къ свѣкру на падвѡрѡ?“
— Ни пїрїнясѡ я матѡлькїну
[нѣгу

Къ свѣкру на падвѡрѡ,
Толькї пїрїнясѡ тѣжкая узды-
[ханѣня

Ды слѣзная аблївѡнѣня.

Чериков. у. Зап. г. Аникѣвичъ.

Ай, жѡрка-та, жѡрка у лѡзи калїнцы,
Ай, жарчѣй-та, жарчѣй нашѡй гаспадѣньцы.
Нашѡ гаспадѣнька па дварѡ хадїла,
Па дварѡ хадїла, слядѡчки драбїла,
На гѡнакъ ступїла—гѡнакъ абламїла,
У сѣнї ступїла—сѣнї асвятїла,

У хату ступила—хату заладила,
 Ў камору ступила—служыць пабудила:
 „Уставайця, служки, вёрныя дачушкі!
 Сталы засьцілайця, кўпкі наливайтя,
 Кўпкі наливайтя, гасьтэй сазывайця!“
 — А сталы засланыя, кўпкі наливаныя,
 Кўпкі наливаныя, госьці сазваныя!

Стрижин. вол., Дрисс. у.
 Отъ кр. Шлыка запис. Д. Орловъ.

А ў лазь салавей калину клюётъ,
 Лихая свякробачка нявѣсту жўрытъ,
 Шлеть яё маладў у Дунай па вадў:
 „А иди, прыняси зь Дуная вадў!“
 — Свяхрбачка-мамуныка, ящѣ раниныка:
 Ящѣ пяхухъ ни пійў и гусакъ ни крычаў!
 А папла нявѣста ў Дунай, плачучы.
 Якъ зачўў мильяныкй, коній пасучы:
 „А ни плачь, ни тужы, май мйлая:
 Я коній напасу, вадў прынясу!“
 — А чѣрпай, мой милый, поўны вядѣрцы,
 А няси, мой милый, памалюсиньку,
 А стаўляй, мой милый, патихўсиньку!..
 „Вотъ табѣ, свяхрбўка, зь Дуная вада:
 Памыйся, напйся, сь поўнага видра!“
 — Я жь тябе, нявѣста, ни за вадой слаа,
 Я жь тябе, нявѣста, сь свѣту збавала!
 „Ты жь мяне, свяхрбўка, дѣўкаю знала,
 А на што, свяхроўка, за сына брала,
 За сына, за сына, за нявѣстачку?“

Лепельскй у.

Зайшоў, зайшоў маладѣць ў чужую старонку,
 Навили жь малайцў тры чары паўненькйя,
 Тры чары паўненькйя, усе тры раўненькйя:
 „Выпи, выпй, маладѣць, тры чары паўненькйя,
 Забудь, забудь, маладѣць, на сваю старонку!“
 — Хоть я ихъ и выпью—я п'янинякъ ня буду,
 Я на сваю старонку павѣкъ ни забуду!
 У маей старанѣ тры садкы зялёныя,
 Тры садкы зялёныя, а ўсѣ тры вишнёвыя:
 У первамъ садику яваръ зяляненькйй,
 У другомъ садику яблынка кудравая,
 А ў трэтьямъ садику игруша сь атрѣтками.

Яваръ зяляненькйй—мой татка старўсяненькйй,
 Яблына кудравая—мать май старая,
 Игруша сь атрѣтками—жана май зь дѣтками!

С. Чигиринка, Быхов. у.

Литала паванька ў саду па садў,
 Ранйла пѣртыка ў зялянў траву.
 Ни жалъ жа мнѣ паваньки, ни пѣртыя яё,
 Ды жалъ жа сястрыцы ў чужой старанѣ.
 Якъ трудна рыбаньца у мутнай вадѣ,
 Такъ маей сястрыца ў чужой старанѣ.
 Якъ трудна рыбаньца бизь вады бытъ,
 Такъ маей сястрыца бизь радњи жытъ.
 Якъ лягу—забуду, устану—на ўмѣ,
 Што май сястрыца у чужой старанѣ!

Нядоля, нядоля, нищасьтя маё:
 Праклила свяхрбўка имѣнья маё,
 Паслала маладў у Дунай па вадў.
 На маё бищасьтя пяхухъ ни пяхѣ,
 На маё бяздобля гусакъ ни крычѣтъ.
 Крыкну я, гўкну я, вўлкаю йдучй,
 Якъ учўў мой милый, коній пасучы:
 „Чѣрпай, милая, поўны вядѣрки:
 Я й канй напасу и вадў прынясу!“
 — Ды йди, мильяныкйй, памалюсиньку,
 Ды стаўляй вадйцу патихўсиньку,
 Ня стукни, ня грукни, у сѣнцы йдучы,
 Ня ўзбудй свяхрбўку, ў камбры сплючы!
 „Вотъ табѣ, свяхрбўка, зь Дуная вадѣ!
 Напйся, памыйся сь поўнага вядра!“
 — Я шь тваей, нявѣстка, ни вадў жадала,
 Я шь тябе, нявѣстка, сь свѣту збаўляла!
 „Ты шь мяне, свяхроўка, дѣўкаю знала,
 Нашто шь ты, свяхроўка, за сына брала,
 Ты шь майго мѣньника ни упадабала?
 На гарѣ рыжычыкъ, ни билиначка,
 Я жь табѣ, свяхроўка, ни падданачка!
 На гарѣ рыжычыкъ бѣлинкйй сядѣтъ,
 Я жь табѣ, свяхрбўка, ня буду гадѣтъ!“

Чась дамбў, чась дамбў, чась да хатаньки,
 А ў маей хатаньца рачыкъ вѣтца,
 Я прыдў дамбў—негди падѣтца:

Я ў сёсь куть, я ў тотъ куть—ўсё кій стайць,
 Ўсё кій, ўсё кій, ўсё дубовыя,
 На маё плечаньки, на здаровыя!
 Ўсё тыя кіёчки паламалися,
 А маё плечаньки ни байліся!

А падъ дубамъ, дубамъ, дубамъ зялянёнькимъ,
 Тамъ гулялі дѣўки—красныя панёнки.
 А я й маладёнъка туды захатѣла,
 Туды захатѣла, дива поглядѣла!
 Ды биў мянѣ татка саламянны пужкай,
 Саламянны пужкай па бѣлымъ кажўшку:
 А я съ тагò бою ни пила, ни ѣла,
 Ни пила, ни ѣла, нядѣлю хварѣла!
 А биў мянѣ мильй дубовымъ кіёчкамъ,
 Дубовымъ кіёчкамъ у ваднѣй сарòцца:
 А я съ тагò бою и пила, и ѣла,
 И пила и ѣла, ни днѣй ни хварѣла!

Ишла я маладà мѣма рабòю,
 Ўыламялю калінку правый рукою.
 Быдàй ты, калінка, на рукахъ зьвяла,
 Я свайгò мѣлага тры гадѣ ждала,
 Тры гадѣ, тры гадѣ, тры нядѣлички,
 Прыѣхаў мой мильй ниўспадѣвачки.

Бярòза, бярòза каранѣстая,
 Даў Богъ мнѣ сваякрòўку наравѣстаю.
 Я жъ яе наравѣ усѣ звѣдала,
 Сабраўшы сямѣйку, я й пабѣдала.
 Хоть мой мужъ лихъ, хоть мой мужъ лихъ,
 Но и я ни дабрà:
 Паслàла пасьтѣлку и зъ другимъ спаць лигтà!

Д. Заулки, Диснен. у. Зап. отъ кр. Елис.
 Степановой кр. Ст. Пилипенюкъ.

Шкòда дубу зялёнаго, што за сухимъ лѣсамъ,
 Шкòда маѣй маладòсьти, што за старымъ бѣсамъ!
 Ни я ўпила, ни я ўѣла, ни добра знасѣла,
 Тольки сваѣ маладѣя лѣты патратѣла.
 Ёсь у майгò татўлички кони варанѣя,
 Я жъ паѣду даганѣти лѣта маладѣя!
 Я й кòникаў пѣрагнала—лѣтаў ни дагнала!..

Тамъ же. Почти буквально поется
 въ Браславѣ Ковенск. губ.

Асòтинка зялёная, часъ тибѣ касѣти,
 Асòтинку ни скасѣўшы, быдла ни нандўтца!
 Иваничка малòдинькѣй, часъ тибѣ жанѣти,
 Иваничку ни жанѣўшы, люди насмяўтца.
 Карòмисилъ кра́пиный, чамў ты ня змыўся,
 Иваничка малòдинькѣй, чаму ни жанѣўся?
 Катярѣна вадў нисѣть, карòмисилъ гнѣтца,
 Иваничка ззаду идѣть, слѣзками лѣтца.

Барàшачка чòрнинькѣй, чòрнинькѣй,
 Па столику кòтитца, кòтитца,
 Намъ гарѣлачки хòчитца, хочитца!
 А мы барашачку мыть бўдимъ,
 А мы гарѣлачку пить бўдимъ!
 А мы барашачку вымыли, вымыли,
 А мы гарѣлачку выпили, выпили.

Поется и во время стрижки овецъ послѣ Николина дня.

С. Бабиничи, Витебск. у.

Хадѣў спарышъ¹⁾ па пòлю а зъ вялѣкаю сямѣёю.
 Нихто спарышà ни вузнàў и да хаты ни пазвàў.
 Лукашъ спарышà пазнàў и да хатуньки пазвàў:
 „Прòша спарыша да хаты, а мы жъ вами и рады.
 А сядъ, спарышъ, на кўти, а ни, ѣшь, што хòтя:
 Ти горкаю гарѣлку, ти салòдкѣй мѣдъ!“
 Пѣтя пива дò дна, кабъ было жыта рòдна:
 Што гòрачка, то кòпачка, што лажòчикъ, то стажòчикъ!
 Вò за гѣтымъ жывѣй здарòў, мѣй многа хлѣба и сто карòў,
 А пажывѣнъ боли, будишъ мѣтъ сто кòнѣй.

Гаспадѣня тужѣла, што вялѣкая дружѣйна,
 А гаспадàрь тамў радъ: садѣтиса усѣ ў радъ,
 Дамъ па чàрцы гарѣлки, и сыръ на тарѣлки!
 А хазяѣка у лѣси нясѣть гарѣлки у мѣси,
 А жòны атвичàють ды кашы пытàють:
 Гаспадѣнька таўстàя, ти ёсь каша густàя?
 Гаспадѣнька ўтяшкў нясѣть кашу ў гаршкў!

С. Замочекъ, Сѣннен. у. Обѣ поются и во время жатвы.

Ай Божа мой, Божа,—гòра мянѣ зѣбла:
 Ни аддàў мой татўлька за кагò хатѣла.
 Аддàў минѣ татка за малòга,
 Нихай за малòга—и за дурнòга,
 Нихай за дурнòга—и за пѣянòга!
 Ни у яго ѣшки, ни ў яго адѣшки.

¹⁾ Спорышъ—соломина съ двумя колосами на вершинѣ стебля.

Ни сячи, мой татўлька, пры дарбѣ бярбѣзы,
 Ни палі, мой братітка, у лужочку травіцы¹⁾,
 Ни бярѣ, май матўлька, у крыніцы вадіцы,
 Ни щінай, мая сястрыца, у садочку цвятбчкаў:
 При дарбѣ бяроза—я сама маладёнца,
 У лужочку травіца—мая руса касіца,
 У садочку цвятбчки—маё ясныя вбчки,
 У крыніцы вадіца—маё дробныя²⁾ слёзкі!

М. Браславъ, Ковенск. губ.

А ў нідѣлку ранинка па зарѣ
 Щабітала ластаўка на мбрі,
 На бѣламъ на камушку сидючі,
 Падъ крутыя бѣрижки глядючі.
 Увидила татухну идючі:
 „А татухна да Бога, да Бога,
 Зьнімі мянѣ сь камушка зь билбга!“
 У татухны мѣласьти нимнога,
 Ни зьняў мяне сь камушка зь билбга!
 Пѣсня повторяется для матери, брата и сестры. Наконецъ—
 Увидила мѣлага идючі:
 „А милинькій да Бога, да Бога,
 Зьнімі мянѣ сь камушка билбга!
 У мѣлага мѣласьти и многа,
 Зьняў мянѣ сь камушка билбга.“

Шѣра вутица рякою плывѣть,
 А мнѣ мбледи павѣсьти нясѣть:
 Капъ я стараму пирохъ спикла
 На сьтидѣнай на вадіцы да ишъ чорнай мучицы.
 Каланіцаю³⁾ падмазывала,
 А стараму ѣсѣть паднашавала.
 Шѣра вутица ракою плывѣть,
 А мнѣ мбледи павѣсьти нясѣть:
 Капъ я мблайцу пирохъ спикла,
 Ни сь халбднаю вадіцаю,
 Да ись пшбннаю мучіцаю.
 Саланінаю падмазывала,
 А мблайцу ѣсѣть паднашавала.

¹⁾ Вар. Себеж. у.—Ни каси жъ ты, мой братитка, у лужочку асоцку.

²⁾ Ів.—трудныя. Въ остальномъ сходство почти дословное.

³⁾ Колесная мазь, деготь.

А надвбръя да нирана, да тѣмнинька ночь, ночь,
 Атлитала галубанька отъ галушка прочь, прочь.
 „Да гдѣ будишъ, галубанька, ночку начивати?“
 — Буду, буду, галуббчикъ, у зимнымъ садочку!
 „Да чимъ будишъ, галубанька, бѣла вымыватца?“
 — Буду, буду, галуббчикъ, раннюю расбю!
 „Да чимъ будишъ, галубачка, сѣха вытиратца?“
 — Буду, буду, галуббчикъ, сѣзаю крылбю!..
 А надвбръя ниранинька, да тѣмная ночь, ночь,
 Атхаділа Марьяначка атъ Иванки прочь, прочь.
 „Да гдѣ будишъ, Марьяначка, ночку начивати?“
 — Буду, буду, Иваничка, ў таткавымъ дамбчку!
 „Да чимъ будишъ, Марьяначка, бѣла вымыватца?“
 — Буду, буду, Иваничка, ключавбй вадбю!
 „Да чимъ будишъ, Марьяначка, суха вытиратца?“
 — Буду, буду, Иваничка, тонкимъ палатѣнцамъ...

Па мятѣнай вулицы тятѣра лятѣла,
 Ни аддѣў мянѣ татка, куды я хатѣла.
 Хатѣла малбдинька за пѣсара-пана,—
 Якъ пришлось мнѣ маладёнцкай за мужука-хама.
 Я думала маладёнца грбшыки личіти,—
 Якъ пришлось мнѣ маладёнцкай пригбны служыти!

Стрижин. вол. Дрис. у. Зап. Д. Орловъ,

Праздникъ Троицы строго празднуется три дня, но и всю Троицкую или Клепальную недѣлю крестьяне чтутъ какъ и Коляды: не начинаютъ никакой новой работы, не прядутъ, не ткнутъ, не вьютъ веревокъ, ничего не просверливаютъ. Кромѣ того, въ эту недѣлю нельзя городить плетней. Наканунѣ Троицына дня всѣ стараются за-пасться „маемъ“ и „яверомъ“. Маемъ называются молодые листов-ныя деревца—береза, кленъ, рябина, липа—которые вбиваютъ въ землю подъ окнами и по тропинкѣ отъ воротъ въ избу, а также украшаютъ кутъ въ хатѣ; яверомъ называется болотное растеніе айръ; имъ густо устилаютъ полъ въ избѣ и выметаютъ только по проше-ствіи трехъ дней праздника. То же дѣлается и въ сельскихъ храмахъ. По этой причинѣ праздникъ Троицы называется еще „Зеленымъ свя-томъ“. Къ этому празднику считается также обязательнымъ тщательно вычистить и вымести дворъ и прилегающую къ нему улицу. Въ нѣ-которыхъ приходахъ въ день Троицы хозяйки приносятъ въ церковь для освященія полевые цвѣты и травы, которые потомъ считаются цѣлебными.

Четвергъ Троицкой недѣли въ Гомельскомъ уѣздѣ называется „Сухой четвергъ“; чтобы не было лѣтомъ засухи, молодые люди, хотя бы и женатые, считаютъ долгомъ обливать въ этотъ день другъ друга водою.

Вообще же для борьбы съ засухами принимаютъ такіа мѣры: сыплютъ въ колодези макъ; крадутъ у заѣзжаго горшечника горшокъ и бросаютъ его въ колодезь; убиваютъ попавшихся лягушекъ; если у кого въ огородѣ имѣется посаженный весной чеснокъ, то его необходимо вырвать и побросать въ межу; стараются также сдѣлать утопленника—утопить какое нибудь животное—щенка, котенка, или простое соломенное чучело.

Недѣля, слѣдующая за Троицкою, называется *Русальною* или *Граною*. Въ эту недѣлю русалки выходятъ изъ своихъ жилищъ, ходятъ по землѣ и качаются на качеляхъ подъ припѣвъ: гу-та-та! гу-ля-ля!

Русалками становятся души утонувшихъ дѣвушекъ, младенцевъ, умершихъ до крещенія, выкидышей, младенцевъ незаконорожденныхъ и тѣхъ, которыхъ матери „приспять“, то есть, кормя грудью ночью, заснуть и задушать. Жилище русалокъ опредѣляется въ зависимости отъ топографическихъ условій: въ мѣстахъ, богатыхъ водою, жилищемъ ихъ считаются рѣки и озера; тамъ, гдѣ много лѣсовъ, говорятъ, что онѣ обитаютъ въ лѣсахъ. Последнее мнѣніе въ Бѣлоруссіи имѣетъ большее распространеніе. Бѣлоруссы представляютъ себѣ русалокъ дѣвушками, непременно нагими, съ длинными распущенными волосами и съ тѣломъ земельного цвѣта, покрытымъ не кожею, а чѣмъ то твердымъ въ родѣ ногтей. Рассказываютъ случаи, что русалки завлекали людей, въ особенности дѣтей, въ лѣсъ и тамъ ихъ щекотали на смерть. Но бывали случаи, что люди нападали на одиночныхъ русалокъ и приводили ихъ въ деревню. Работать такіа русалки все работаютъ, но молча, не говоря ни слова. Когда же черезъ годъ снова наступитъ Русальная недѣля, такая русалка вдругъ захлопаетъ въ ладоши, закричитъ: гу-та-та! гу-ля-ля! и убѣжитъ въ лѣсъ. Тогда и на конѣ ее не догонишь.

Въ эту недѣлю бѣлоруссы вообще стараются не ходить въ лѣсъ изъ опасенія встрѣчи съ русалками.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ понедѣльникъ Граной недѣли совершается обрядъ „провода русалки“. Дѣвушки-участницы описываютъ этотъ обрядъ такъ:

... „На русалку выбираютъ дѣвку мотѣрную. Косы ей распустятъ, одѣжу снимутъ, на плечи только андарахъ ускинутъ. И плятутъ вянѣкъ изъ васильковъ, хмелю, зѣрачакъ. Вянѣкъ большій. Нибизпримѣнно, каждая рука плятѣ: кольки дѣвокъ ѣ, только и вянѣкъ плятутъ. Надѣнуть ей, русалцы, етый вянѣкъ и вядутъ у жыта. И пляютъ, и барабанятъ у дошки, у заслонки, и огни пѣлать. Ну, привядутъ яе къ жыту и пихнутъ у жыта; вянѣкъ снимаютъ, андарахъ разрываютъ, и бягутъ утѣкать. А яна (голая) за ими, да ў ладки плѣща!“

Краснобудск. вол.

... „На другій день заговинѣ на Пятровку, у понидѣлокъ, повечеравши, дѣвки собирайтца на вулицы и вѣютъ вянки и плятутъ разныя вясновскія пѣсни. А тады выбираютъ одну дѣвку, расплетаютъ ей косы, знимають одѣжу и надѣваютъ ей вянки—на головѣ, на шійю, на руки, и тады вядутъ яе у жыта и плятутъ:

Правядомъ русалачку да бѣру,

А сами вернемся да дому,

Правядомъ русалачку ў щирый боръ,

А сами вернемся къ батьку ў дворъ.

Плятутъ ета и скачутъ. Якъ привядутъ ужэ русалку къ жыту, то ўсѣ дѣвки пихаютъ яе у жыта, сами втякають, бягутъ и крычатъ: „Втякайма, втякайма отъ русалки!“ Прябятъ на тѣя мѣста, дѣ плятѣ вянки, и садятца и плятутъ послѣдній разъ вяснѣ, и скачутъ. А тагды расходятца по домахъ“.

М. Носовичи.

... „Правяли мы русалакъ на тымъ тыжню, якъ загавѣли, у панядѣлакъ. У насъ ета такъ бувае: сабяромся у ячменя и сплятѣмъ вянки изъ красакъ, абѣ зъ якихъ, а большы зъ василька. И каждая нясе свой вянѣкъ къ мосту Пугачевъ (къ условленному мѣсту). Тади изъ салѣми, съ сярѣдняга куля, здѣлаемъ якъ чалавѣка, унизъ калѣбсея, а ўверси камель. Пасярѣдъ паравѣжамъ пѣвѣсамъ (у кагѣ ѣ дирѣвій, красный), а тади павирѣзуимъ шыю крѣгамъ, кала камлѣй, тади пахожа якъ галава. На ету галавѣ завѣжамъ завѣязку и надѣнамъ чанѣцъ. Завѣязка вузломъ завѣязана ззади и канцы висятъ ззаду ажъ да пѣвѣса. Тади напранѣмъ юпку—кароткія армяки, що па тры хвастѣ ззаду. И руки дѣлаемъ: вихватимъ зъ бакѣу па жмени салѣми, да абкрутимъ хустами, да паравѣжамъ патъ плѣчы,—яны и стырчатъ. На шійю хустачку красьянянѣкаю завѣжамъ. Андарака ни надѣваемъ, только хвартушокъ красьянянѣкій съпераду надѣжамъ. Салѣми нидѣ ни видна, только видна лицѣ.“

На галавѣ кладѣмъ вянѣкъ изъ красакъ. Дѣлаемъ ми ету русалку, абѣ дѣ, ти ў дварѣ, ти ў гарѣди. Дѣвакъ бувае ти шѣсть ти дванадцать. Якъ здѣлаемъ, тади кладѣмъ русалку у камѣры ти ў сѣнцахъ на каравати, такъ покладѣмъ, щобъ нѣхто яе ня трѣбаў, пѣки стямнѣя. Тади кладѣмъ каждая сабѣ вянѣкъ на галавѣ, косы распустѣямъ, бяромъ русалку падъ рѣки и вядѣмъ яе на бугоръ. Тамъ усѣ за руки пабяромся, танка павѣдамъ, и яна ходя зъ нами, а якъ сътѣмнѣя, тади павядѣмъ яе па сѣлѣ „плятѣнѣмъ“. Дѣвѣ парѣднѣя дѣвки станутъ и паднѣмутъ руки, а самая заднѣя идѣ имъ падъ руки и вядѣ за сабой усѣхъ прѣтчыхъ. Тади етыя парѣднѣя паднѣмутъ руки, а идутъ ужэ тыя, що стѣяли. Вѣ и плятѣнѣ. Якъ трошки давѣдомъ яе да жыта близка, тади якъ пирнѣтъ яе сѣрѣд ниви, зъ адѣжай, съ усѣмъ!... Тади бягутъ и крычатъ, адна адну лѣкають: „утѣкайтѣ! русалка бяжѣтъ, здаганѣя! якъ здагѣня, задѣша!“

И бягомъ аттуль трушка, такъ у половини сяла. Тади танокъ навѣдямъ
„Якъ у нашихъ Юркавичяхъ широкая вулиця“..
И идомъ спати. И ужо вяснѹ ня гукаймъ да налѣтѣти
Вянкѹ у дѣвакъ изъ василькобѹ, а у русалки абѣ-зѣ-якихъ кра-
сакъ, тольки любѣстыку ня патрабляймъ. И жыта, таячка, ушлятаймъ.
Якъ укинути русалку у жыта, такъ яна тамъ и прападаа, бо
ѹся адѣжа на ей паганаа.

Якъ вядомъ на бугоръ, дакъ няёмъ:

Павидѹ русалку изъ бору да бору,

Рана, рана, изъ бору да бору.

Изъ бору да бору, у зялёну дуброву—Рана, рана...

Ў зялёну дуброву, у ядранѡя жыта,

У ядранѡмъ жыти, тамъ русалцы жыти.

Рана, рана, тамъ русалцы жыти!

Пакуль давидѹтъ да бугра, дакъ усѣ туу самуу съ конца няёмъ,
идучѹ плятнѣмъ. А то ще няёмъ у плятень „Сула-рѣка“.

Сула, Сула рѣка чаразъ мѡра тьяла.

Дѣўка вѡду нясла.

„Ой, дѣўка, дявица, да напой мугѡ канѹ,

Ти ня бѹдѣшь ты май!“

— Ня буду пайти, будя мянѣ мати бити,

Крапѹшкаю да джыгѹшкаю,

Кѡлкаю да игрѹшкаю!

Прывѣѹшы на бугоръ, бяромъся за руки у кружокъ, и русалку
бяромъ, и танокъ водимъ, и няёмъ „Василька“:

Ой, Василь жа мой, василѣчакъ,

Василѣчакъ, василѣчакъ!

Березѡвый мой цвѣточакъ,

Мой цвѣточакъ, мой цвѣточакъ!

Часамъ тебѣ я садила,

Другимъ часамъ паливала,

Трѣтьимъ часамъ сыривала!

Сарвѹ тѣвятѡкъ, саѹю вянобъ,

Звиѹшы вянобъ, пайдѹ ѹ танокъ.

А ѹ томъ танкѹ мой нялюбѣй,

Мой нялюбѣй ѹ кобзу йграя.

Яго кобза лубяная,

А смичѡчакъ изъ лычѡчакъ.

Ягѡ вочки заплюснулись,

Ягѡ нѡжки падламылись,

Ягѡ ручки апусѣтылись,

Апусѣтылись, апусѣтылись!

Трѣйчы прапѣмъ, а тади вядомъ яѣ у жыта.

С. Юрковичи, Гом. у.

Отъ кр. Вусти Хведоровой запис. мною.

Въ с. Завидовкѣ, гом. у. русалкою бываетъ одна изъ дѣвушекъ
и вѣнокъ только у нея. Когда русалка гоняется за дѣвушками, тѣ
стараятся сорвать у ней съ головы вѣнокъ. Этимъ кончается роль
русалки. При житѣ дѣвушки жгутъ костеръ и прыгаютъ черезъ него.
На этомъ же кострѣ сожигаютъ и сорванный съ русалки вѣнокъ.

Въ д. Дубровкѣ того же уѣзда всѣ дѣвушки надѣваютъ вѣнки
и идутъ къ житѹ съ слѣдующими пѣснями:

На Гранѡй нядѣли русалки сядѣли,

Рана, рана, русалки сядѣли!

Прасѣли русалки у дѣвакъ сарѡчакъ,

У дѣвакъ сарѡчакъ, въ маладицѣ намѣтакъ:

„Дѣвачки, сѣстрычѣки, дайте намъ сарѡчки!

Хоть янѣ пласѡнны, щѡбъ булѣ даѡнны,

Хоть яны таѹсѣтѣнѣки, щѡбъ булѣ бялѣнѣки,

Рана, рана, щѡбъ булѣ бялѣнѣки!

Правядѹ русалку изъ бору да бору, (припѣвъ)

Изъ бору да бору ѹ зялёну дуброву,

Ў зялёну дуброву да й вярнусь да дому.

Я назадъ вярнуся, слязми абальлюся,

Рана, рана, слязми абальлюся!

Подойдя къ житѹ, дѣвушки бросаютъ свои вѣнки въ жито какъ
можно дальше, а сами посѣпно бѣгутъ назадъ въ селеніе, чтобы
русалки не догнали и не утащили въ рѣку или не зачекотали до
смерти. На слѣдующій день, во вторникъ, каждая дѣвушка идетъ снова
къ житѹ, отыскиваетъ тамъ свой вѣнокъ и несетъ его на огородъ.
Тамъ она разрываетъ его и осыпаетъ грядки. Отъ этого на капустѣ
не бываетъ червей. Съ этого дня прекращается здѣсь пѣніе весен-
нихъ пѣсень по вечерамъ.

І ю н ѡ.

12. День св. Онуфрія во времена уніи считался большимъ празд-
никомъ. Чтимыя иконы этого святого имѣются еще во многихъ бѣ-
лорусскихъ храмахъ, но самый день уже не празднуется. Отмѣчается
этотъ день тѣмъ, что съ него начинаютъ пахать землю подъ ярь и
сѣять гречиху. Существуетъ поговорка: кто на Онуфрія посѣтъ
гречъ, тотъ будетъ блины ѣсть!

Такимъ же удачнымъ днемъ для посѣва гречихи считается и
13 іюня. Празднуемая въ этотъ день святая такъ и называется
„Акулина-гречишница“.

24 іюня—день Ивана Купалы. Ночь наканунѣ этого дня—ночь
вѣдьмъ. Одиѣ изъ нихъ улетаютъ черезъ трубу на Лысую гору за
Кіевъ (около Ржищева) и тамъ пьютъ водку и гуляютъ съ чертями
и колдунами, и учатся колдовать. Другія лѣзутъ въ избы дѣлать вредъ
людямъ, и въ хлѣва—отнимать у коровъ молоко. Третьи идутъ въ
жито и раздѣвшись до-гола собираютъ съ него росу и тѣмъ отби-
раютъ себѣ урожай. При этомъ они „скидаются“ лягушками, соро-
ками, кошками и свиньями. Чтобы предохранить себя отъ такого по-
сѣщенія, крестьяне осыпаютъ хлѣва макомъ, на окнахъ и на воро-

тахъ хлѣвовъ вѣшаютъ колючій дѣдовникъ, проклятую осину, крапиву, Громничную свѣчу и травы, освященные въ Троицынъ день, ставятъ у воротъ застланную скамью съ хлѣбомъ и солью, пишутъ на косякахъ дверей изображенія крестовъ дегтемъ, чтобы вѣдьмы не стерли, и т. п. Все это задерживаетъ вѣдьму при входѣ и она удаляется, не причинивъ никакого вреда; лишь съ досады кусаетъ повѣщенную Громничную свѣчу, и хозяева на утро не безъ трепета разсматриваютъ слѣды ея зубовъ. Также срываетъ скатерть со скамьи и сбрасываетъ хлѣбъ и соль. Лошадей также не выводятъ въ эту ночь на ночлегъ, потому что по землѣ бродитъ всякая погань и можетъ повредить лошадямъ. Кромѣ того, лошадьми могутъ воспользоваться вѣдьмы, чтобы отвезти на нихъ домой отобранное молоко. Когда вѣдьма лѣзетъ во дворъ, обыкновенно подъ подворотню, хозяинъ легко можетъ ее увидѣть. Для этого надо сдѣлать изъ осиновыхъ однолѣтнихъ прутьевъ борону, поставить ее при стѣнѣ и спрятаться за нею. Тогда хозяинъ увидитъ вѣдьму, а она его не можетъ увидѣть за осиновою бороной. Бить вѣдьму нужно тоже осиновымъ коломъ и бить до крови, но только однимъ ударомъ. Если ударить вѣдьму нѣсколько разъ, тогда первая рана заживетъ и удары уже не причинятъ ей никакого вреда.

Во многихъ мѣстахъ наканунѣ Купалы крестьяне собираютъ извѣстныя травы и хранятъ ихъ въ теченіе цѣлаго года. Такія травы называются Ивановскими и считаются цѣлебными, но собирать ихъ должны только „старые и малые“. Средніе же—,ни ў канцу вѣка, ни пры началу“, и трава ихъ не имѣетъ цѣлебной силы. Въ иныхъ приходахъ собранныя травы даже освящаются въ церкви 24 іюня.

Существуетъ и извѣстная легенда о цвѣткѣ напоротника, но ему придается другое значеніе: обладатель цвѣтка дѣлается невидимымъ; цвѣтокъ отпираетъ и снова запираетъ замки, такъ что при желаніи владѣлецъ цвѣтка можетъ брать что угодно и откуда угодно.

Не такъ давно молодежь въ ночь на Купалу дѣлала изъ соломы чучело Мары и съ пѣснями несла его за околицу, раскладывала тамъ большой костеръ изъ соломы, гнилушекъ, всякаго лома, хвороста и сжигала на кострѣ Мару. Когда Маря догорала, присутствующіе прыгали черезъ огонь и пѣли пѣсни.

Попов. вол., Гом. у.

Въ Покалюбичской волости Мару или Купалу (чучело) надѣваютъ на высокій шестъ и несутъ къ водѣ. Тамъ ее сбрасываютъ съ шеста въ воду.

Въ Сѣненскомъ уѣздѣ „у вѣчера пиридь Иванымъ дѣўки хбдють у траву „у брать-сястру“. Такая мода атъ старыхъ людей, сирадь-вѣку“. При этомъ поется пѣсня № 1 Бѣлор. Сб. II, 276.

На Йвана Купала!

У вы Йвана у варѣтикихъ,

Шэсьтира кѣникиў запрѣжыныхъ и т. д.

Приносятъ собранную траву съ пѣснями домой и когда пастухъ пригонитъ стадо, часть травы даютъ коровамъ съ вечера, часть оставляютъ для нихъ на утро, а остальную разбрасываютъ по хлѣву. На ночь вѣшаютъ на ворота хлѣва борону,—„кабъ вѣдьма у патѣмкахъ прайлася, якъ бѣдѣть лѣзѣть къ каровамъ малако адбѣраць“,— Громничную свѣчку, косу—„кабъ абрѣзылася“, иглоку и дѣдовникъ—„кабъ пакалѣлася“. Конюхъ на ночлегъ не ѣздитъ, а если гдѣ и поѣдутъ, то привязываютъ „жеребковъ“ къ своей будкѣ,— иначе вѣдьмы завладѣютъ ими и поѣдутъ на нихъ молоко отбирать, а отобравши повезутъ его домой и совсѣмъ замучатъ за ночь.

„Нѣччы дѣўки, мѣльцы, мушны маладѣя и маладѣхы сабѣраютца у жытнѣю зымнѣ, на выгынь и пилнѣють тамъ вѣдьмаў, раскладѣють тѣпло, играють, скачѣють, пѣють гарэлку, крычѣть, пужають атъ дярэўні вѣдьмаў“.

По пути къ житу поютъ пѣсни.

Утромъ даютъ коровамъ траву „брать и сестра“ и пересыпаютъ улицу „мѣленьнемъ“ отъ льна или отъ пеньки, которые мялись въ Чистый четвергъ. Чья корова при выгонѣ въ поле будетъ перепрыгивать чрезъ мялье или остановится около него, начнетъ его нюхать, разгребать копытами, бодать, и ревѣть, то это считается вѣрнымъ доказательствомъ, что ея хозяйка вѣдьма.

Предъ вечеромъ дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду, а на слѣдующій день идутъ смотрѣть, въ какую сторону ихъ вѣнки отплыли. Туда имъ и замужъ придется идти.

Д. Чудьки.

Въ с. Озеранахъ рогачевского уѣзда дѣвки и хлопцы собираются на то мѣсто, гдѣ будутъ костеръ класть, по заходѣ солнца. Приносятъ старыя корыта, поломанныя колеса, „мѣжа, съ плѣту палѣна зьнимуть“ и раскладываютъ костеръ. Потомъ садятся вокругъ него и поютъ пѣсни:

Пашлй дѣўки у лѣсь на ягады,

Дѣўки дѣўку згубили...

Купала на Йвана,

Дѣ ты сягоньни ночь начавала...

Ай на гарѣ цыганы стаяли...

А чый жа то лѣнь даня пѣланый...

Разарвѣтя маѣ тѣла

Усѣ па мелкихъ па кускахъ...

Што Иванъ рѣбѣць?

— Косы клѣпѣть!... и другія, напечатанныя въ Бѣлор. Сборн. вып. II, стр. 277—279.

Пропѣвши пѣсни съ припѣвомъ „Купала на Йвана!“—встаютъ, берутся за руки и, расхаживая вокругъ огня, по дорогѣ и по улицѣ, поютъ пѣсни безъ этого припѣва. „Якъ уси пѣсни пѣрапѣють, тагды одно съ однимъ начнуть балаватца“.

Потомъ одна изъ дѣвушекъ идетъ въ село, беретъ на первомъ попавшемся дворѣ соху и приносить ее къ костру. Здѣсь все присутствующіе берутся за соху, кто за обжи, кто за рогачъ, и начина-

ють опахивать кругомъ селеніе,—такимъ образомъ, чтобы правая рука пашущихъ всегда была въ сторону деревни. Огня при этомъ не несутъ, пѣсенъ не поютъ, но смѣяться и „гомонить“ можно. Понятно, что опахиваніе производится не непрерывной бороздой, а только урывками: „дѣ шкрабануть, дѣ нѣ. Нѣшта янѣ навалакуть?“ Опахивавши такъ селеніе, подходятъ къ тому же костру, съ котораго начали опахиваніе. Одна изъ дѣвушекъ относитъ соху на тотъ дворъ, съ котораго она взята. Послѣ этого дѣвушки расходятся по своимъ дворамъ и приносятъ оттуда вѣнки, сдѣланные въ этотъ день (23 іюня) изъ бѣлыхъ круглыхъ тююпановъ, изъ дробенькаго бѣленькаго купала, дивобрата, синихъ звонковъ, синей смолянки и др. Когда вѣнки будутъ принесены, присутствующіе раздѣляются на двѣ партіи и становятся по обѣ стороны костра, лицомъ къ огню. Къ дѣвушкамъ присоединяются и хлопцы. Начинается перекидываніе вѣнковъ надъ огнемъ отъ одной партіи къ другой. Если брошенный вѣнокъ схватитъ дѣвушка, она бросаетъ его снова обратно; если же вѣнокъ схватитъ хлопецъ, онъ обязанъ его разорвать. Такъ перекидываютъ вѣнки до тѣхъ поръ, пока хлопцы поразрываютъ всѣ вѣнки.

Послѣ этого, кто хочетъ, прыгаютъ черезъ костеръ. „Тагды дѣўки гувѣраць одна на’дну: „дѣўки, ходѣмтя думѣ!“ И на хлопцуў: „ходѣмтя думѣў!“ Тягло затўшуть, головѣшки закопають и идутъ думѣў. А ўжэ Дѣнь...“

Отъ кр. Сырохвея Михайлова запис. мною.

Въ дер. Ивановкѣ Гом. у. „скрозь ночь агни кладуть кружка сѣла, празъ цѣлаю ночь, пакуля стѣня зарѣ займѣтца. И ў каробку стукають, и крычатъ, и пѣсьни пѣють. Дакъ вѣдмы бѣйтца“.

Въ Сѣнн. у. дѣвки и мальцы катають катокъ (колесо) по улицѣ. „А празъ гѣта вѣдмы мучутца“.

Въ Чериковскомъ уѣздѣ еще имѣются любопытные, которые уходятъ ночью въ лѣсъ и ложатся тамъ въ папоротникѣ, въ надеждѣ, что въ полночь папоротникъ расцвѣтетъ и тогда можно будетъ сорвать цвѣтокъ, чтобы постоянно носить его съ собою.

Въ Левковичахъ Быховскаго у. „мужыки (мужчины) усю ночь сѣтирагуть жыта, штобъ ни прайшли вѣдмы и ни сарвали кольки каласкѣў. Тагды жыта пирѣстаня рѣсьць.“

Рвутъ траву „Купалу“ и вторкиваютъ въ щели въ хатѣ. Чья травинка не завянетъ за ночь, тотъ въ этомъ году будетъ здоровъ, а чья завянетъ, тотъ или умретъ или хворать будетъ.

Самымъ удобнымъ временемъ для начала покоса считается ночь на Купалу, и хорошіе хозяева обязательно пройдутъ одинъ-два покоса въ эту ночь.

Въ Батуни Быховскаго у. первыми приходятъ къ мѣсту костра дѣвушки. По пути онѣ зовутъ другъ друга и несутъ каждая по ношкѣ дровъ. На мѣстѣ дрова сваливаютъ въ безформенную кучу и зажига-

гаютъ. Дѣвушки садятся и начинаютъ пѣть. По окончаніи праздника, дѣвушки бросаютъ въ догорающій костеръ куделю, чтобы былъ урожай на лѣнь.—При возвращеніи домой дѣвушки убѣгаютъ впередъ и прячутся въ банѣ. Здѣсь онѣ прядутъ лѣвой рукой лѣнь и выпряденными нитками перепутываютъ улицы отъ одной стороны къ другой. Когда настухъ погонитъ по улицѣ скотъ, въ этихъ ниткахъ запутывается корова вѣдмы, отнимающей молоко.

Въ другихъ деревняхъ этого уѣзда нитка придется въ Чистый четвергъ.

Въ то время, когда женщины въ этотъ четвергъ мнутъ лѣнь, чтобы собрать кострику для открытія вѣдмы, сами вѣдмы тоже мнутъ лѣнь въ этотъ день, до восхода солнца и голыми, и кострику сыплютъ на улицѣ. Молоко первой коровы, которая пройдетъ по вѣдминой кострицѣ 24 іюня, переходитъ къ вѣдмѣ.

Послѣ того какъ женщины помнутъ лѣнь въ Чистый четвергъ, мальцы берутъ изъ бани мѣлицу и обносятъ ее до восхода солнца вокругъ деревни. Отъ этого деревенскія дѣвушки не будутъ выходить замужъ въ чужія деревни, а повыходятъ за своихъ мальцевъ.
Д. Коцни.

Въ восточныхъ уѣздахъ Витебской губерніи въ ночь на Купалу хозяйки обкуриваютъ въ хлѣвахъ домашній скотъ Ивановскою травой и зажигаютъ Громничную свѣчу, чтобы вѣдма не отняла молока, которое, какъ извѣстно, около этого времени дѣйствительно начинаетъ убывать.

Молодежь зажигаетъ костры на дорогахъ или на полѣ около ржи, прыгаетъ черезъ огонь и поетъ пѣсни. Хватаютъ изъ костра головешки, бросаютъ ихъ въ рожъ и кричатъ:

Не йди, вѣдма, ў маѣ жыта!

Я вѣдму карчаўнѣю, галаўнѣю.

Спеціальными кушаньями въ Ивановъ день считаютъ постные сочни-лепешки и кулага (см. выше, стр. 34). Къ этому дню приурочена и пѣсня:

„Кулага, кулага, идѣ ты бувала?“

— Бувала, бувала ў Мильяньки на дварѣ,

У Мильяньки на дварѣ, у Ганульки ў рукавѣ!

„Кулага, кулага, што жъ ты тамъ видала?“

— Видала, видала—мѣсачка билѣнька,

Мѣсачка билѣнька, лѣжычка чѣстьѣнька!

Раннимъ утромъ 23 іюня дѣвушки и молодухи цѣлыми толпами отправляются въ дуга, поля и лѣса за Ивановскими цвѣтами и травами. Во время собиранія цвѣтовъ и травъ обязательно пѣтъ Купальскія пѣсни, въ противномъ случаѣ травы не будутъ имѣть цвѣ-

лебною силы даже и по освященіи ихъ въ церкви. Каждая женщина старается набрать цвѣтовъ и травъ какъ можно больше, цѣлые снопы, причемъ предпочитаютъ травы: Иванъ и Марья, золототысячникъ, подстрѣль, росичка, купальникъ, звѣробой, центаврин, междуперстникъ, чистотѣль, повилица, Божій хмелекъ, Богородицины слезки, заячья цибулька, мокрица, а также айръ, тростникъ и колосья ржи; онѣ обладаютъ наибольшею цѣлебною силою. Принесенныя въ домъ, травы ставятся въ холодномъ мѣстѣ до слѣдующаго дня, а затѣмъ, 24 іюня приносятся въ церковь и освящаются. Послѣ освященія онѣ сохраняются въ „божницѣ“ и употребляются въ теченіе года при разныхъ болѣзняхъ—чарахъ, дурномъ глазѣ, напущеніяхъ и мн. др. Ихъ употребляютъ даже для предотвращенія громовыхъ ударовъ. Если кто заболѣетъ, хозяйка беретъ изъ божницы горсть Ивановской травы, разводитъ уголья на заслонкѣ или въ черепкѣ, молится Богу и святому Ивану и обкуриваетъ больного. Ивановскою травою обкуриваютъ также скотъ предъ выпускомъ его послѣ зимы въ первый разъ въ поле, 23 апрѣля, а также при заболѣваніи, прекращеніи у коровъ молока, при появленіи крови въ молоко, затруднительномъ растѣлѣ, когда овцы начинаютъ вертѣться и т. п. Этою же травою окуриваютъ домъ, хлѣва, амбары и другія строенія въ томъ случаѣ, если въ домѣ побываетъ человекъ съ дурнымъ глазомъ или вѣдьма, колдунъ. Когда наступаетъ гроза, хозяйка выгребааетъ изъ печи горячіе угли на загниѣть и сжигаетъ на нихъ горсть Ивановской травы. Послѣ этого по вѣрованію крестьянъ громовой ударъ не разразится надъ домомъ. Въ ночь предъ Иваномъ, вѣдьмы, колдуны и нечистая сила выходятъ изъ своихъ трущобъ и охраняютъ клады, посѣщаютъ скотные дворы, на которыхъ отбираютъ молоко; забираются въ помѣщенія молочныхъ скоповъ,—ледники, погреба,—снимаютъ тамъ сливки и сметану, отчего молоко дѣлается рѣдкимъ, залѣзаютъ въ амбары и дѣлаютъ хлѣбъ неспорымъ; дѣлаютъ на хлѣбныхъ поляхъ заломы, чтобы у жницъ ломило ноги, спины и руки, а у тѣхъ, кто будетъ ѣсть хлѣбъ съ такой нивы, дѣлались корчи; дѣлаютъ прожины, чтобы хлѣбъ былъ не умотенъ и т. д. Многіе хозяева берутъ у причта воду, которою освящаются эти травы и окропляютъ ею свои нивы. Относительно добыванія цвѣтка папоротника здѣсь существуетъ требованіе, чтобы ночующій въ лѣсу любитель былъ непременно голый—иначе цвѣтокъ не дастся въ руки.

Изъ множества Купальныхъ пѣсенъ привожу здѣсь нѣкоторыя.

Могилевская губ.

Ишла Купала сялѣмъ, сялѣмъ—
Купала на Йвана!
Закрѣйшы вочы пярѣмъ, пярѣмъ!
Стали люди дивитися,

Стала Купала сварытися:
„Якія вы люди Диўнія, Диўнія!
Я жъ бачыла надъ Диўнѣй таго:
А ў балѣти на калѣди, на калѣди,

Тамъ висна красна крѣсны ткала,
А ракъ-нибаракъ цѣўки сучыў,
Цѣўки сучыў пянёквыя,
На красенцы шаўкѣвыя.
А плѣтачка скача, нитѣчки вяжа,
А камаръ пишѣть, вадў ташѣть,
А мядвѣдъ рыкаѣ, дрѣвы рубѣѣ,
А муха варўха абѣдъ вѣра,
А мышка на паліцы крупки дярѣ,
А кошачка ў лукѣшацы пачы-
[начки ўѣ,
И ва ўсѣй хатцы парѣдагъ идѣ!

Кагѣ нѣту на вячѣры,
Лиха на яго кішки, на пачѣни!
Рыгѣрка пянёкомъ ни выходѣть—

Купала на Йвана!

А на коніку вышжѣйтъ,
Кабъ яго дѣўка любіла,
А теща пахваліла,
Теща хвалила, пирогъ дала,
Дѣўка хвалила, замужъ пашла...

Купала на Йвана!

Падъ дубамъ, падъ дубѣчкамъ,
Тамъ сядѣла галѣбачка,
Залатая галѣбачка.
Туды бѣ ишѣў Аляксѣйка,
Узяў тую галѣбачку
И падсадиў падъ шапачку,
И панѣсь да тѣтѣчки:
„Пазволь, тата, жанітися
Изъ ёстаю галѣбѣкаю!“
— Ты шѣ мѣладъ, ня ў рѣзуми!
„Тѣтѣчка мой родыніцкій!
Якъ мѣладъ ажанюся,
Боли рѣзуму набярѣся!
Купала на Йвана!

Ва рѣхавомъ кўсѣти
Сяргѣйка канѣ пасѣ,
А дѣвачка вадў нясѣ.
„Ты дѣвачка, ягадачка,
Напой майгѣ каня,

Майгѣ каня варанѣга,
Мянѣ парня маладѣга!“
— А Сяргѣйка маладѣнцкій.
Пачомъ жа ты мянѣ знаішъ,
Што ягадкай называішъ:
Ти я ў лѣси радѣлася,
Ти на блѣзи зацвѣтала
Ти на мяжѣ дасьпывала?
Радѣлася я ў тѣтѣчки,
Гадавалася у мамачки,
А табѣ, малайцу, застѣлася.

Закурѣўся тихій дробинъ дѣж-
[джыкъ

Да па чыстаму полю,
Зажурѣўся мой тѣтѣчка родный
Да па маѣй горкай доли!
— Ни курѣся, тихій дробинъ
[дожджыкъ,

Да па чыстаму полю,
Ни журѣся, мой тѣтѣчка родный,
Да па маѣй горкай доли:
Кали буду я Богу угѣдна,
Дакъ ня буду галѣдна!
Кали буду я у Бога щасна,
Я й ня буду нищасна!

Д. Коцни. Отъ Лукерьи
Яковлевой.

Да п ў лузи на бѣрагу
Тамъ мой тѣтѣчка вячѣрая,
Завѣ мянѣ вячѣрати.
А я жъ ужѣ вячѣрала,
Да горѣкаю малиначку,
Салѣдкаю калиначку.
— Ни ўгадала, маѣ дити,
Што горкаѣ, што салѣдкаѣ:
Салѣдкаѣ малиначка,
А горкаѣ калиначка!

„А идѣ жъ ты, Купала, зиму-
[вала?“
— Зимувала я ў крыніцы,
А лѣтавать буду на вулицы,

Зъ малады́ми раба́тами,
Съ красными ди́учатами,
Съ палкавы́ми салдатами!
С. Хоново.

Купала Ивана на игру звала:
„Ой, хаді́, Ивана, на Купала!
Сыпья́мъ та́бъ тры пѣсянкі:
Перваю сыпья́мъ—Бога ўспамя-
[не́мъ,
Другую сыпья́мъ—Прачыстаю,
Трэ́тъяю ўспамяне́мъ вѣдму
[пракля́таю:

Ка́бъ па по́ли ни ля́тала,
Ядро́нага жы́та ни лама́ла,
У карбо́у малака́ ня то́брала!
Ка́бъ па ву́лицы ня ля́тала,
Малыхъ дѣ́такъ ня ўрака́ла!

У чы́стамъ по́ли па загу́мѣньні
Ходя́ голу́бъ изъ галу́біцаю:
У голу́ба сиза́я галава́,
А галу́бца уся́ такава́!
Якъ уба́чыў да хадзя́нцъ съ ти-
[рама́:

„Ка́бъ жа ма́й хадзі́чка такава́,
А я жъ бы ёй і паловы́¹⁾ змало́ў,
Я жъ бы ёй і вячэра́ць звары́ў,
Я жъ бы ёй і дѣ́тачка́ пакармі́ў!
С. Чигиринка.

Туманъ, туманъ па да́ліні,
По́рахъ, по́рахъ па даро́зи.
„Хто той по́рахъ парассы́паў?“
— Стралцы́, байцы́, ўсе́ Кура-
[каўцы́ (деревня).
„Каго́ жъ яны застрэ́лили?“
— Забили кошку́ у лукошку́,
Кошку́ ў лукошку́ съ катиня́т-
[ками,
Мышь у кле́ти зъ мышаня́тками!..

Туманъ, туманъ па да́ліні,
По́рахъ, по́рахъ па даро́зи.
„Хто та́й порахъ парассы́паў?“
— Стралцы́, байцы́, ўсе́ Сыр-
[щани́ (деревня).
„Каго́ жъ яны́ застрэ́лили?“
— Забили лося́ и ў гарбси́,
Лося́ ў гароси́ зъ ласиня́тками,
Мядвѣ́дицу ў лѣси́ зъ мидвѣ́-
[диня́тками.

Д. Сырскъ, Рогачев. у.
Отъ Марьи Самсоновой зап. мною.

У Купала́чки тры дачкі́ —
Купала́ на Ёвана!
Адна дачу́шка бѣ́ла—румя́на,
А другая тонка́—висо́ка,
Трё́тъя дачу́шка тоўста-гарба́та.
Бѣ́ла-румя́на пирямі́йтца,
А тонка-висо́ка пиряло́митца,
Тоўста-гарба́та б́уді́ць багата́!
Купала́ на Ёвана!

У Ива́нкі въ варо́тикахъ
Тройка ко́ній запрѣ́жына, 2
Па́дѣ́ти жані́тиса.
Удо́ўку вязу́ть, коники́ прзу́ть,
Дѣ́ти пла́чуть, ѣ́сьти хо́чуть,
Ади́нъ ка́жыть: тата, папы́!
Другі́й ка́иць: тата, хлѣ́ба!
Трё́тѣ́й ка́иць: и мнѣ́ трѣ́ба!
У Ива́нкі въ варо́тикахъ
Тро́я ко́никаў запрѣ́жына, 2
Па́дѣ́ти жані́тиса.
Дѣ́ўку вязу́ть, ко́ники рзу́ть.
Музы́ки йграю́ть, дѣ́ўки гуля́ють!
Купала́ на Ёвана!

Идѣ́ жъ ты, Купала́, но́чь начива́ла:
Ти зъ Микі́тымъ надъ кары́тымъ,
Ти съ Тимо́шкымъ надъ лубо́шкымъ?
— Ни зъ Микі́тымъ надъ кары́тымъ,
Ни съ Тимо́шкымъ надъ лубо́шкымъ, —
Начива́ла но́чку на зилёна́мъ лужо́чку?
„Што́ жъ ты, Купала́, ды вячэ́рила?“
— А вячэ́рила ры́бку съ пе́рцамъ,
Ры́бку съ пе́рцамъ, кашку́ съ але́йцамъ,
А варё́ньнички съ чо́рнымъ ма́кымъ!

Ясь на вайну́ па́йхаў, Ясь Марусю́ пакі́нуў, —
Пры́йхаў къ Маруси́нкі да каза́къ малады́.
Маруси́нка усну́ла, Ясь пры́йхаў — ни чу́ла.
„Маруси́нка, ду́шынька, хто ў тя́бе ў камо́ры?“
— Хто у мяне́ ў камо́ры? — а тамъ ста́риць убогі́,
А тамъ ста́риць убогі́, ё́нъ бязру́кій, бязно́гій!
Вялю́ ста́рца пада́рыць и съ камо́ры вы́праві́ть,
На га́начку ста́ні́ть, на коника́ сяди́ть,
Ша́начку зы́німі́ть, на кони́ку сьви́сьні́ть,
Са́ижджа́іть сы́ двара́: „Бывай, Ма́ша, здра́ова!“
Чериков. у. Зап. г. Аникиевичъ.

Минская губернія.

Якъ у наша́мъ у го́раду праяви́лася дѣ́ва,
Праяви́лася дѣ́ва — удо́вушка мала́да.
Паради́ла удава́ да тро́хъ сыно́ў сакало́ў, 2
Паради́ўшы ина́, на тихъ Дуна́й отнѣ́ся:
„Эй ты, тихи́нскі́й Дуна́й, калы́шы майхъ сыно́ў,
А ты шу́ка ры́бина, ты гаду́й майхъ сыно́ў,
Ты гаду́й майхъ сыно́ў да двана́дцати гадо́ў!“
Ни ха́дила уда́ва двана́дцать годъ на ваду́,
На трына́дцатый годъ пашла́ уда́ва на ваду́.
Уда́ва вади́цу бя́реть, кара́бъ къ бе́рыжку плыве́ть.
Што́ бѣ́ у томъ-жа кара́блі́ тры бѣ́лянскихъ малайцы́:
Ади́нъ вясе́льцамъ грабе́ть, другі́й пѣ́сянкі пѣе́ть,
Трё́тій сяди́ть на далу́, сва́тайтца за уда́ву:
„Удо́вушка мала́да, а ти люби́шь ты мяне́?
А ти люби́шь ты мяне́, да ти по́йди́шь за мяне́?
— А я тя́бе ни люблю́, ды й за тя́бе ни пайду́,
Я за тя́бе ни пайду́, сваю́ до́чаръ выдаю́!
Да ў субо́ту свата́ли, а ў нядѣ́лю звиньча́ли,
А ў нядѣ́лю звиньча́ли, ў панядѣ́лакъ спа́ть кля́ли.

¹⁾ Невѣянный хлѣбъ, бывшій здѣсь во всеобщемъ употребленіи при крѣпостномъ правѣ.

Пытайтца дятіна: аткуль родамъ дяўчына?
 — Изъ Кіева папбўца, па батюшку Йванаўна!
 Пытайтца дяўчына: аткуль родамъ дятіна?
 — Изъ Кіева папбвичъ, па батюшку Йванавичъ!
 „Багдай папѣ прапала, што съ сястрою звиньчани!
 Багдай мати прапала, што съ сястрою спаць клала!
 Якъ Богъ мянѣ засьѣярбѣ, што съ сястрою спаць ня лѣгъ!
 — Пбйдемъ, сястра, у лажбѣ, утопимся съ таббю!
 Вада кажыть: ни прыму! Вална кажыть: выкину!
 — Пбйдемъ, сястра, ў тѣмный лѣсъ, да съйнимся травбю.
 Мы травбю такою, што брѣтынька съ сястрбю.
 На Ивана рѣнинька прыдуть дѣўки травы рвать,
 Прыдуть дѣўки травы рвать, будуць пѣсянки съпиваць,
 Будуць пѣсянки съпивать, насъ съ таббю паминать:
 А во тая травица, што брѣтынька й сястрыца!
 На брѣтыньку жоўтый цвѣтъ, на сястрыцы сїнянькій.

М. Заславль. Ср. Бѣл. Сб.
 вып. 1, стр. 13.

Виленская губернія.

Пирадъ Пятрбмъ пятимъ днѣмъ
 Разгуляўся Юраў конь,
 Разбїў камнѣ капытомъ.
 У камяни агнѣ пѣтъ,
 У мальчакаў праўды пѣтъ.
 Пирадъ Пятрбмъ пятимъ днѣмъ
 Разгуляўся Юраў конь,
 Разбїў арѣхъ капытомъ.
 А ў ва рѣшку ядро ѣсѣтъ,
 А ў дѣвачакъ праўда ѣсѣтъ!
 Ваша, мальчыки, нядбля:
 Ганїтя кошаць у полѣ!
 Усѣ кошки шѣры,
 Адна кошка падласа,
 Й тая мальцамъ пакраса.

Сягбньня Иванъ, заўтра Янъ,
 Бўдїть лиха, мальцы, вамъ!
 Бўдїть лиха лихбѣ —
 Пагонїтя кошаць у полѣ:
 „А псїкъ, а псїкъ, кошаць,
 Павадїрали вбчачки!

Кабъ ни нашы дѣвачки,
 Дыкъ вїдрали бѣ зрѣначки!“
 Дѣўки кошаць дайли,
 Мальцамъ вбчы гайли.

Якъ я ў зѣлачки пашла,
 Я шѣ сабѣ журбѣ нашла,
 Свѣкарку зласлївага,
 Свѣкрбўку дудлїваго,
 Мїлага журлїваго,
 Дитѣтку плаклїваго!

Дѣўки зѣл-а-ки зьбїрали,
 Ды зьбїрали, ни знали,
 Ды да хвїцѣра¹⁾ паслѣли.
 Ахвїцѣръ ни разпазнаў,
 Да хвїцѣрахъ²⁾ атаслаў.
 Ахвїцѣраха спазнала:
 „Гета шѣ купъ-купѣна,
 Дявбцкая ружувѣння,
 Мальцбўская каханьня!

Д. Заулки. Нѣкоторыя помѣ-
 щены въ вып. VII Б. Сб. 28—29.

¹⁾ Вар. м. Краснаго: Да пана Купала паслали.

²⁾ Да пани Купалки паслали.

Сїдїть Купала на плбти,
 У ягѣ галбўка у злбти.
 Прбся у Бога пагбды:
 Дай жа, Божа, пагбды.

Ня сягбдняшнїю нбчучку вя-
 [сѣлую. —
 Гдѣ музыкки играють,
 Гдѣ дѣвачки съпивають.

М. Красное, Вилейск. у.

Витебская губернія.

Чарвбная рожа, ня стой пры дарбзи,
 Ня стой пры дарози—хто идѣтъ, тотъ лымайтъ,
 Дядѣ идуть—лымайють сабѣ ны барбды,
 Бабы идуть—лымайють сабѣ ны памѣлы,
 Дѣўки идуть—лымайють сабѣ ны вяночки,
 Мальцы идуть—лымайють сабѣ ны кїѣчки.

Кыманїца зїлиная, маладїца маладая,
 Чамў ня идѣшъ на вулицу на шыроку?
 — Якъ жа мнѣ йти на вулицу на шыроку —
 Свѣкаръ кажыть: мядвѣдїца!
 Свѣкрбва кажыть: пахмўрница!
 Девиръ кажыть: щикатўха!
 Залбўки кажуць: зїлянўха!
 Мужыкъ кажыть: жана маа, душа маа:
 Ня ўмѣла ты атказати:
 Мядвѣдїца ў тѣмнымъ лѣси,
 Пахмурница—тѣмная ночка,
 Щикатўха—сарбка ў лазѣ,
 Зїлянўха—трыва ў лугахъ.

Д. Синицы, Вит. у.

Ай вўлица, вулица, шырбкыя,
 А травушка, травушка, зялѣныя!
 Хто шѣ ета такъ вулицу вымїтаў,
 Хто шѣ ета такъ траўку вѣ-
 [тыптаў?

Тыптали панѣнки бушмычкамы,
 А ў ихъ косы прычбсаны,
 Грабѣнычкымы прытбркыны!

(А парни поють):

Ай вулица, вулица, шырбкыя,
 А травушка, травушка, зялѣныя!
 Хто шѣ ету траўку вѣтыптау?
 А тыптали мальцы атбпкымы:

За атбпкымы ячень расѣтѣтъ,
 А зы кысамы гнды тбчуть!
 С. Поддубье, Вит. у.

Марья Ивана на вулицу звала:
 „Пбйдемъ, Иванъ, кыла жыта,
 Кыла жыта, глядѣтъ жыта:
 Чїѣ жыта, идранїста, кыласїста?“
 — Микишкина жыта идранїста,
 [кыласїста:

Пара ямў пїва варїтъ,
 Пива варить, сына жанїтъ,
 Гарѣлку гнать, дачкў ддавать!

А хто шь у насъ ни жынатъ
[хѳдить?
— Сямѳенька ў насъ ни жынатъ
[хѳдить:
Ѣнъ браў хмялѳекъ у свѳятой дя-
[нѳекъ,

Саладѳиў сблѳдъ на пирѳклити,
Мыў катлѳ на синимъ мѳри,
Сушѳиў бочки на сбѳнушки.
Доля ягѳ нищасная:
Кѳзы, вѳуцы хмель паѳли,
Куры, гусѳ сблѳдъ паклювали,
Мѳря катлѳ патапѳла,
Сбѳнцымъ бѳчки пыщѳпѳла!

На Ѣвана рана сбѳнца играла,
Красавица вадѳ брала,
Рызмахнѳла, пычарпнѳла,
Сама млада утанѳла.
Ни рѳдная мамка ѳщѳть:
„Миѳ ни жалка дѳчки, што ўта-
[нѳла,

Тольки жалка злата-сѳрибра:
Дачка была и бѳдитъ,
Злата-сѳрибра ни бѳдитъ!“
На Ѣвана рана соѳнца играла,
Красавица вадѳ брала,
Рызмахнѳла, пычарпнѳла,
Сама млада утанѳла.
Рѳдная мамка дѳчки ѳщѳть:
„Миѳ ни жалка злата-сѳрибра,
Тольки жалка дѳчки, што ўтанѳла.
Злата-сѳрибра было ѳ бѳдитъ,
А дѳчки ня бѳдитъ.

Д. Синицы.

У гарѳди бярѳзычка,
На бярѳзи зязѳличка,
Такъ кукѳить, бытъ гавѳритъ:
Съвякрѳвухна за лѳблинѳку,
Нявѳстухна за пѳвынѳку!

Купалинка, ночь малинѳка,
Тѳмная нѳчка, гдѳ твай дѳчка?
— Май дѳчка у садѳчку,
Рѳжу пѳлитъ, бѳлы ручки кѳлитъ,
Цвятѳчки рвѳтъ, вянѳчки ўѳтъ.
Усимъ дѳѳкамъ на вянѳчку,
А мальчыкамъ на цвятѳчку,
Старымъ дѳдамъ на кѳѳчку,
А старушкамъ на чѳпчику,
Маладѳшкамъ на хѳстачки.

На нашѳй вулицѳ три урѳды
[урадѳлась:
Пѳршыя урода—бабѳвыя пѳза,
Другая урода—вязѳвыя нѳги,
Трѳтѳя урода—шаѳковѳи кудры.
А ў нашѳга Ѣванѳки бабѳвыя
[пѳза,
У нашѳга Грыгорѳки вязѳвыя
[нѳги,
У нашѳга Петрычѳка шаѳковѳи
[кудры.
Бабѳвыя пѳза куры раздѳѳбали,
Вязѳвыя нѳги кѳзы абглыдали,
Шаѳковѳи кудры дѳѳки разчы-
[сали.

Д. Дервяги, Вит. у. Отъ кр.
Зиновѳи Алексѳевой запис. Е.
Соколовская.

Купѳлинка, ночь малинѳка!
Купѳлася двѳ сѳстрицы, двѳ рѳднинѳкихъ,
Купѳлися, гаварѳли: ўмѳѳсти раслѳ, рѳзна зайшлѳ!
Купалинка, ночь малинѳка!
Купѳлася три нявѳстки, три нявѳстки,
Купѳлися, гаварѳли: рѳзна раслѳ, ўмѳѳста зайшли.

А на Ѣвана сонца ѳграла.
Красная дѳѳка вадѳ брала,
Бирѳ вадѳ, утанѳла.
Хѳдить, ѳщѳть лиха мачѳха:
Ни жалъ-жа миѳ тагѳ дѳтя,
А жалъ-жа миѳ тѳнкага платѳтя.
А на Ѣвана сонца ѳграла.
Красная дѳѳка вадѳ брала,
Бирѳ вадѳ, утанѳла,
Хѳдить, ѳщѳть рѳдная мамка:
Ни жалъ-жа миѳ тонкага платѳтя,
А жалъ-жа миѳ тагѳ дѳтя.

Ли дарѳги, ли шурѳкѳй,
Стайтъ шатѳръ мулѳванѳй,
А ў тымъ шатѳрѳ шаѳцѳ-краѳцѳй,
Шѳють шубѳку Алѳксѳѳку,
Шѳѳкамъ шѳють, сукномъ кры-
[ють.

Дымъ па пѳлю дымѳитѳца,
Пылъ па дарѳги пылѳитѳца,
Князь Лѳксѳѳка ваѳитѳца.
За имъ паслѳ на два, па три:
„Вярнѳсь, вярнѳсь, князь Лѳк-
[сѳѳка:
Твай жына сына радѳла!“
— Я ли сына ни вярнѳся:
Мой сынокъ—дварѳвѳй гасѳтѳкъ!
Дымъ па полѳ дымѳитѳца и т. д.
„Вярнѳсь, вярнѳсь, князь Лѳк-
[сѳѳка:

Твая жына дѳчку радѳла!“
— Я ли дѳчки я вярнѳся:
Май дѳчка—дальнѳя гѳбѳтя!

Я ў пѳтинѳку садѳ садила,
Я ў субѳтку паливала,
Я ў нѳдѳльѳку защѳпала,
Защѳпаѳшы, вянѳкъ звѳла,
Звиѳшы вянѳкъ, пашлѳ ў танѳкъ.
За мной идѳтъ мой нялѳбѳй:
Ѣнъ на минѳ глянѳть,
Ва миѳ сердца нѳить,

Мой вянѳчикъ вянѳть!
Я ў пѳтинѳку садѳ садила,
Я ў субѳтку паливала,
Я ў нѳдѳльѳку защѳпала,
Защѳпаѳшы, вянѳкъ звѳла,
Звиѳшы вянѳкъ, пашлѳ ў танѳкъ.
За мной идѳтъ мой милинѳкѳй:
Ѣнъ на минѳ глянѳть,
Маѳ сердца радасѳнѳить,
Мой вянѳчикъ зилѳнѳить.

Якъ падѳ гѳимъ зялѳнинѳкимъ,
А тамъ дѳѳка лѳнокъ брала,
Бирѳ лѳнокъ, гаварѳла:
„Зимѳелинѳка ты чѳрная!
Нашѳо ўзилѳ маѳ мамухнѳ
[старѳинѳкую?
Вазѳми минѳ маладѳнѳкую!“
— Дуракъ дѳѳка, нѳразумная!
Ўзѳѳшы тѳбѳ,—ты гнѳть будишъ,
Долю даѳшы—ты жытъ будишъ!

А хто-жъ у насъ ни жанатѳй,
[барадатѳй?
— Алиѳсандра ни жанатѳй, ба-
[радатѳй!

Доля ягѳ нищасная,
Дѳѳка ягѳ ни красная!
Нѳхай доля пащаснѳить,
Нѳхай дѳѳка накраснѳить.

„Ты вулицѳ шурѳкая,
Ты мурава зялѳная!
Хто жъ тѳбѳ, вулка,
Стаптѳѳ, схадѳѳ?“
— Стаптѳли минѳ краснѳи дѳѳ-
[ки Бабиницѳи!

„А чѳмъ жа яны таптѳли?“
— Башмачѳками калѳбѳвыми,
Панчѳшѳками бялѳвыми,
Падѳвѳсками шаѳковѳыми!

А хто шь у насъ да дѣвакъ ластъ:
Курей крадить,
Падъ печъ сѣдитъ,
Съ-падъ печки бирѣтъ,
Дѣўкамъ даѣтъ:
Курки рябки, дѣўки гладки!

„А хто у насъ стрилецъ, баецъ?“
— Сирѣйка ў насъ стрилецъ,
[баецъ:

Забѣу сарѣку сярѣдъ току,
Надраў сала откуль яйцы клала,
Надраў лою падъ нагѣю!

Бабиничская вол., Вит. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

Ны гарѣ купаросъ росъ,
Тамъ цортъ мальцыў
Зы хахѣль трѣсѣ.
Пришли дѣвычки глядѣтъ,
Ти харашѣ мальцыў
Цортъ трясѣтъ.

Пайду млыдѣ па вулицы,
Буду искаць дѣвыкъ, жоныкъ.
Ни знышла я дѣвыкъ, жоныкъ,
Только знышла мужукѣу кыра-
[гѣдъ.

Завѣтъ мянѣ съ сабой гулять.
Ни пайду я зъ вамъ гулять:
Воръ ны гарѣ и мужъ у дварѣ,
Мужъ у дварѣ и грыза ў клѣти,
Грыза ў клѣти ряменныя.

Мидуніца мидаваѣ,
Мыладіца мыыдаѣ,
Цаму ня йдешъ на вулицу?

Царвѣнныя Рожа и жолта, пругѣжа.
Рожу мамка била, на вулку ни пусьѣла:
„Ня йди, курва, на вулку, ня стой съ Кузьмомъ пѣплицъ,
Ни дывай Кузьмѣ руцку, ни миняйся на пѣрсени!“

Якъ жа мнѣ йтить на вулицу:
Бѣла пайтѣтъ, скажуть—курва!
Цѣрна пайтѣтъ, скажуть—дѣрна!
Свѣкрыъ кажытъ: мядѣвѣдица!
Свякрѣва кажытъ: щикатѣуха!
Залоўка кажытъ: зиланѣуха!
Девиръ кажытъ: пахмѣрница!
Мой мужъ кажытъ:
Жына мыѣ милая!
Ня ўмѣла ты атказывытъ:
Мядѣвѣдица ў тѣмнымъ лѣси,
Щикатѣуха—сарѣка ў лузи
Зиланѣуха—траўка, мураўка,
Пахмурница—грознаѣ тѣца!

(Почти буквально поется и
въ Витебскомъ уѣздѣ).

Зѣря мыѣ, зыряныцка!
Узуйдѣ рана, пастѣй пѣзна,
Пакуля я убярѣся,
Убярѣся, умятѣся:
Дворъ умятѣ салѣмью,
Столъ зыстѣлѣу рагѣжью,
Купки нальѣу клюцавѣѣ вадѣй.
Будутъ ка мнѣ два гѣсьѣики ня-
[любы:

Первый гѣсьѣикъ лютый свѣкрыъ,
А другая гѣсьѣя лютыя свѣкрѣва!
Зѣря мыѣ, зыряныцка!
Узуйдѣ рана, пастѣй пѣзна,
Пакуля я убярѣся,
Убярѣся и ўмятѣся:
Дворъ умятѣ мятѣлушкый,
Столъ зыстѣлѣу скѣтиртѣю.
Купки нальѣу зиланѣймъ виномъ.
Будутъ ка мнѣ два гѣсьѣики
[любы:
Первый гѣсьѣикъ рѣнныѣ татка,
А другая гѣсьѣя рѣнныя мамка.

— Сястрицы-дѣвѣльки, схадѣтъ вы къ Рожы,
Скажѣтъ вы Рожы: Кузьмѣ дома нѣту!
Паѣхыў Кузьмка ў новыѣ гыраѣѣцыкъ,
Таргѣ тургуваѣти и пярѣснѣ зыкупѣти,
Пярѣснѣ зыкупѣти, дѣвыкъ дуруваѣти (даровать).
Прибраўся Кузьмка ў дѣвѣѣцкыя платѣтъ.
Вышла Рожа на вулку, стала съ Кузьмомъ пѣплицъ,
Дыла Кузьмѣ руцку, пуминѣялѣсь ны пѣрсени.
Рожу мамка клицытъ.
Аткликнуўся Рожа ў канцѣ пѣстыга поля:
А жжѣ мянѣ, мамка, у третѣѣѣ гадѣѣцыкъ,
У третѣѣѣ гадѣѣцыкъ съ краснымъ яѣцкымъ,
И зъ бѣлннѣкимъ сѣрцымъ,
И зъ малиннѣкимъ сѣнцымъ.

Купала, Купала, семъ мальцыў прынаѣла,
А на тоѣ мѣста семъ дѣвыкъ васкрѣсла!
Зы стѣноу кымѣннѣю прыржаў кѣня варѣннѣкѣй:
Дыстаўся я ни хызыѣину:
Стоѣла маѣ ня мѣтина, морда мыѣ ня мѣздына,
Грива мыѣ ня пѣсына, спина мыѣ ня сѣдлына!
Зы стѣноу кымѣннѣю прыржаў кѣня варѣннѣкѣй:
Дыстаўся я хызыѣину:
Стоѣла маѣ наѣмѣтина, морда мыѣ замѣздына,
Грива мыѣ наѣсына и спина мыѣ заѣдлына!

С. Будница, Велижскаго уѣзда.
Отъ кр. Домны Мухиной зап. О. Т. Филипповъ.

Здѣсь, кромѣ костра, парни въ эту ночь жгутъ старое колесо,
облитое смолоу, или бѣчку изъ-подъ дѣгтя, высоко поднявъ ихъ на
жердяхъ.

Сягѣннѣи Купала, а заўтри Ясь,
Пагѣнѣютъ мальцы кѣшыкъ насъ.
Кошки на ѣлки скакаѣли,
Мальцы на кѣшыкъ брихаѣли:
„Лѣзѣтъ, кошки, далѣўки,
Намъ наѣа итѣ дамѣўки.
Будимъ васъ, кошки, дайтѣ,
Будимъ дѣвыкъ кармѣтъ!“

„Купѣлинка, тѣмная ночка,
А гдѣ твѣя дочка?“

— Маѣ дочка у садѣчку,
У садѣчку гряды пѣлѣтъ,
Рожу щиплѣтъ, вѣнѣѣчки ўѣтъ.
Вѣнѣѣчки звѣўшы, ны галѣўку
[кладѣтъ.
Ны галѣўку ўсклаўшы, на вулку
[идѣтъ.
А на дѣўки вѣнѣѣкъ вѣнѣтъ,
У малаѣдѣ сѣрца нѣлѣтъ.

С. Казаково, Вел. у.

Кругло маё поля, кругло, нивяліка,
Кругло, нивяліка, на ёмъ ягды многа.
Пайдѹ, пугуляю, ягды пубираю, —
И спѣлыхъ, и здрѣлыхъ жыляпѹшыкъ бѣлыхъ.
Пайдѹ, пугуляю, ягодъ пубираю:
Спѣлки ў рукавѹцыкъ, здрѣлки ў кишанѣцыкъ.
А жыляпѹшки у пѣстку.
Я спѣлы татки, а здрѣлы мамки.
Жыляпѹшки свѣкру, цвятѹцки свѣкрѹцки:
„Бшъ, татка, жывися, бшъ мамка, сытися,
Бшъ, свѣкры, давіся!

Иванъ мыладѣнькій, ня стой нядъ рякобю,
Ни мыхай рукою, ня бытъ зы табѹю,
Ня бытъ зы табѹю, ня слытъ мнѣ жанѹю!
Кали хошъ минѣ ўзяти,
Сули маймѹ татки, прасей маю мамку.
Сули майму татки карѹку бурѣшку,
Авѣцку кысмашку, а козку даѣшку,
А козку даѣшку, кынй исъ павѹскый,
Семъ рублей ны винець, тагда свадѹби канѣць.

Выйду за варѹты, ударю ў ладони!
Званы зашумѣли, серьги забрызчали,
Серьги забрызчали, крѣли заблющали!
Свѣкры улякнуўся, татка усемяхнуўся.
„Ни ўликайся, свѣкры, ни ты минѣ выдыў,
Ни свѣкроды сурижала:
Выдыў минѣ татка, сурижала мамка,
Зъ быгатыга двѹру, зъ висѹкыга тѣриму!“

С. Узкое, Бел. у. Зап. Т. Модзалевская.

Дубравушка зилиная,
Чавѹ рана зашумѣла?
— А якъ жа мнѣ ня шумѣти:
Буѣнъ витѣръ павиваить
Мокрый дожжыкъ паливантъ!
Маладая дяўчѹнычка,
Чавѹ жалка заплакыла?
— Я якъ жа мнѣ ня плакати:
Были сваты далѣки, багатыи,
А ў суботу зъ гарѣлычкый,
А ў нядѣлку за дѣвачкый.

Василѣчки баравыи, зиланыи,
Гдѣ вы расли, гдѣ вы цвяли?
— А мы расли при дѹжыку,
А мы цвяли при сѹнику!
Маладая дяўчѹнычка,
Гдѣ ты расла, рѹзумъ мѣла?
— А я расла у батюшки,
Рѹзумъ мѣла у матушки,
А я расла—кухалася,
А мальчишычки дасталася!

Мила я дворъ мятѣлачкый,
А я стану, паслѹхаю,
Што батѣка пра мянѣ гавѹрить:
Аддѹмъ дачкѣ канй варанѹва
Варанѹва—маладѹва.
Мила я дворъ мятѣлачкый,
А я стану, паслѹхаю,
Што пра мянѣ мати гавѹрить:
— Я аддѹмъ дачкѣ сундукъ но-

[вый,

Сундукъ новый, акуваныи,
Акуваныи, маливаныи,
Маливаныи, гутуваныи.

У баркѹ, барку па вирыскѹ
Лижѣтъ брѹсѣйка тѣсѹвыи.
Ийшла, прайшла дяўчѹнычка,
За ей ззаду мальчишычка:
— „Пастѹбй, пастѹбй, дяўчѹнычка,
А я табѣ нѣшта скажѹ:
Што на Рѹжтва рошъ зацвила.
— А нипраўда, мальчишычка:
Я тамка была, цвяткй рвала,
Цвяткй рвала, вянѹкъ пилила!
У барку, барку па вирыскѹ
Лижѣтъ брѹсѣйка тѣсѹвыи.
Ийшѹ, прайшѹ мальчишычка,
За имъ ззаду дяўчѹнычка:

„Пастѹбй, пастѹбй, мальчишычка,
А я табѣ нѣшта скажѹ:
А што на Питра быў марѹсѣ,
А быў марѹсѣ—Дунай замѣрѣ!“
Ай нипраўда, дяўчѹнычка:
Я й тамка быў, канй пайў,
Коня пайў, вядрѹмъ налиў,
Вядрѹмъ налиў, бѹтамъ праламйў.

Чиризъ боръ зялѣнинкй
Бяжѣтъ коникъ варѹнинкй,
За тымъ канѣмъ пагѹнъ бяжѣтъ,
Малѹдинкй Михѣлачка,
На прѣйму Ульѣначка:
„Ульѣначка, душа мая!
Пирѣймй майѹ канй,
Канй майѹ варанѹва,
Мянѣ князя маладѹва,
Майѹ канй пигѣтава,
Мянѣ князя багѣтава!“
— Я бы рада пирѣнятъ,
Атѣць-мати ни вилѣтъ!
„Ульѣночка, душа мая!
Ты ня бойся никаѹ,
Апрѣчь Гѹспада Бога,
Ды мянѣ, князя маладѹва!“

С. Мишневичи, Городок. у.
Запис. учит. П. Василевъ.

Иванъ мыладѣнькій, ня стой надъ рякобю,
Ня стой надъ рякобю, ня махай рукою:
Ня бытъ за табѹю, ня слытъ тваѣй жанѹю.
Кали хотъ минѣ ўзяти,
Сходи кѣ маймѹ татки, спрасей ў маѣй мамки,
Тады буду за табѹю, буду слытъ тваѣй жанѹю:
Буду пастѣлку слати, буду рубашки шити,
Танѣньки, билѣньки, па пупъ каратѣньки,
Съ краснымъ варѹчѹкамъ, съ касымъ каўнярѹчѹкамъ.

Купальня, тѣмная ночка, дѣ твай дѹчка?
У садѹчку на задѹчку лѣхи пѹлить, рѹки кѹлѣтъ,
Лѣхи папалѹла, рѹки пакалѹла.

Сягодня Купалка, заўтра Иванъ,
 Ай, будить лиха, мальцы, вамъ!
 Будить вамъ лиха лихоя:
 Пагбнѣ кошыкъ у поля.
 Кошки на елку скакали,
 Мальцы на кошыкъ брыхали:
 „Лѣзти-тка, кошки, далёу,
 Пагбнимъ васъ, кошки, дамбѣ!“
 Будуть дѣўки кошыкъ дайтъ,
 Будуть мальчикамъ кашу варытъ,
 Будуть дѣўки мальцау кармйтъ!

Скакали сарбѣки съ колу на колъ,
 Кабы нашимъ мальчикамъ скуля ў хахоль!
 На гарѣ-гбрки росъ купарбсъ,
 Кабы нашимъ мальчикамъ скуля ў носъ!
 На гарѣ дубья падгарѣла,
 Кабы нашихъ мальцбѣ пазгалѣла!
 На гарѣ дубья прыжывала,
 Кабы нашихъ дѣвакъ прыбывала!

С. Хвошно, Городок. у.
 Зап. Е. А. Бѣлинская.

„А рѣтанька-мѣтанька,
 Чирвбнная рбжанька,
 А гдѣ тибѣ пасадити:
 Ти ў гарбди на ляхѣ,
 Ти ў капусѣти ў баразньѣ?“
 — Гдѣ хбчитя—садитя,
 Тольки минѣ палитя,
 Усѣ раньнѣю расбю,
 Вичѣрнѣю зарѣю!
 „Ты, диўчбнка маладѣя,
 А гдѣ тибѣ пасадити:
 Ти ў тѣтухнѣ за сталбмъ,
 Ти ў свѣкаркѣ на кутѣ?“
 — Гдѣ хочитя—садитя,
 Тольки минѣ даритя,

Тонкимъ бѣлымъ палатнбмъ
 Кѣжальнымъ рушничкамъ!
 С. Долосцы, Себ. у.
 Зап. кр. Кузьма Моисеевъ.

На святбга Ивана
 Дѣўка траву ривала.
 Святый Иванъ накарау,
 Ручки, ножки па тламѣу,
 У балбта пакидѣу!
 „Святый Иванъ, ни карай,
 Ручки, ножки ни ламѣй,
 У балбта ни кидай!
 Я Ивану пакарубсъ,
 Нйска ў ножки пакланѣбсъ!“

Иванькина мамка ўсю ночку ни спала,
 Ўсю ночку ни спала, ў Пѣтри ключи крала,
 Зѣмлю размакала, расу выпускала.
 Раса мидаваѣ луги приўтапѣла,
 Трава шалкаваѣ луги приўкрасѣла.

Якъ на Йвана, на Яна, дѣўки траву рвали,
 Дѣўки траву рвали, у Ивана патѣли:
 „Иванъ, Иванъ, старый дѣдъ, а што ета за трава?“
 — Ета трава Купальня, дявбцкая гулянья,
 Дявбцкая гулянья, мальцава сухатѣ!
 Мальцы сбхнутъ, сбхнутъ, нихѣй янѣ здохнутъ.

Чирвбная рожа, жбўтый цвѣтъ!
 Ни палбббютъ мальцы, пайдѣ ў свѣтъ:
 Ни съ ахвбтай—зъ няволи:
 Ни цалѣютъ хлопцы давбли!

Чирвбная рожа, ни стой ля дарббтъ,
 Ни клонь галавбю за мной сиратбю:
 Ў минѣ сиратѣнки ни рбднѣнѣкѣй татка,
 Ни рбднѣнѣкѣй татка, ни рбдная мамка:
 Позна спѣтъ кладѣтъ и ранинѣка пабужаитъ:
 Ранинѣка пабужаитъ, малбтъ пасылѣитъ:
 „Устанъ, маѣ дитя нялюббя!
 Умѣйсѣ слязбю, утрѣсѣ рукавомъ,
 Иди у йстбпачку, мѣй сырбѣ жыта,
 Сырбѣ жыта и ярую пшаничку мѣкка на мучѣчку!“
 Чирвбная рожа, стой ля дарббтъ,
 Клонь галавбю за мной маладбю:
 У минѣ рбднѣнѣкѣй татка и рбдная мамка,
 Рана спѣтъки кладѣтъ и позна пабужаитъ:
 „Устанъ, маѣ дитя люббя, устанъ дарагѣя!
 Умѣйсѣ бѣлинѣка, утрѣсѣ сѣшынѣка,
 Иди на гулянья!“

„Зилѣнѣнѣкѣй винаградъ,
 Чимъ удаѣся на паглядъ,
 Ды дѣ тибѣ пасадити:
 Ти ў гарбди на ляхѣ,
 Ти ў капусѣти ў баразньѣ?“
 — Дѣ хбчитя, пасадитя,
 Тольки минѣ палитя
 Вичѣрнѣю зарѣю, раньнѣю расбю!

„Ды маладѣя Алѣнка,
 Дѣ тибѣ пасадити:
 Ти ў тѣтухнѣ за сталбмъ,
 Ти ў свѣкаркѣ на кутѣ?
 — Дѣ хбчитя, пасадитя,
 Тольки минѣ падарѣитя,—
 Тонкимъ бѣлымъ палатнбмъ,
 Малбдинѣкимъ жынишкбмъ!“

Д. Ильино, Долосчан. в. Себѣж. у.
 Зап. кр-не Зах. Никитинъ и Ив. Киприановъ.
 Ср. Бѣл. Сб. VII, 29.

Иваньская нѣчка тѣмна, нивялѣчка,
 Чирвоная рожа зѣлина, пругожа.
 Иванъ-да-Марья на гарѣ расцѣть,
 А ўнизу ў купельни змяюха паўзѣть.
 Иванъ-Марья завуть: хадѣця, жѣнычкі,
 У купельню сядѣць, трѣхъ змяѣў стярѣць!
 Якъ первая змяѣ—залѣмъ заламала,
 А другая змяѣ карѣў заклінала,
 А третья змяѣ пражынь пражынала,
 Пражынь пражынала, споръ въ хлѣбѣ змяиньшала.
 А хто йдѣць на купельню сядѣць,
 Станя той бярэзью,
 Хто жъ ня йдѣць на купельню сядѣць—
 Станя той калѣдью!
 Абвѣй яѣ павилѣцью, накрѣй яѣ макрѣцью!

Хадѣў ежыкъ на вулицы—рана, [рана!]	Дивярѣчки на застѣблямъ, А залѣўкі на камѣрамъ,
Ды зваў дѣвакъ къ купельни— [цы—р. р.]	А мой милый въ палажѣчку, А дитятка ў караѣчку.
Бабы, дѣўкі, пойдимъ въ нѣля!	Пакѣль молада збиралася, Купельника минавалася.
У дѣвачыкъ свая воля, Маладѣца жъ горатнѣца:	А хто ня быў на купельни, Той калѣда дубовая,
Иди, свѣкру далажѣся, У свякрѣвы папрасѣся!	А хто быў на купельни, Той лѣпѣнка кудрявая!
Сядѣць свѣкаръ на пакѣти,	

Иванъ-да-Марья, на гарѣ купальня,
 На гарѣ купальня, падъ гарѣй Пятрѣў день.
 Дѣ Иванъ купаўся, тамъ бѣригъ зыбаўся,
 Дѣ Марья купалася, мѣря вынавалася.
 Иванова мати на беришку хѣдить,
 На беришку хѣдить, рубашычку нѣсѣть,
 Тонку пылатнѣяну, шѣўкымъ вышывану.
 Иванова мати ўсю нѣчку ни спала,
 ўсю нѣчку ни спала, ў Питра ключи крапа,
 Зямлѣ размыкала, расѣ выпускала.

Яня, Яня, што дѣлаишь? 2
 — Божа мощный, дирванъ дярѣ! 2
 Яня, Яня, на што дирванъ? 2
 — Божа мощный, ячень сѣить. 2
 Яня, Яня, на што ячень? 2

— Божа мощный, пива варить! 2
 Яня, Яня, на што пива? 2
 — Божа мощный, сынѣў жанить! 2
 Себежскій у. Запис. непрѣм. членъ
 крест. присут. П. О. Альхимовичъ.

Да выйду, выйду на вѣлачку,
 Да ўдару, ўдару ў ладѣначки,
 Ти звѣнки, звѣнки пярѣтѣначки?
 Кали звѣнки—гѣты будѣть,
 А ня звѣнки—татка купѣть!
 Якъ зачѣла свякрѣвачка:
 „Ня би, нявѣста, ладѣначакъ,
 Ни ламай, нявѣста, пярѣтѣ-

[нычкаў!“

— А што табѣ, свякрѣўка, да
[тагѣ?

Ня ты мнѣ ладѣнки гадавала,
 Ня твой сынъ пярѣтѣнѣки мнѣ
[спраўляў!

Гадаваў ладѣнки мой татѣўлка,
 Гадаваў мой рѣднѣнѣкѣй,
 Спраўляў пярѣтѣнѣки мой брѣ-

[титка,

Спраўляў мнѣ мой рѣднѣнѣкѣй,
 Ахъ, у вялѣкимъ жа гѣради,
 Прислаў насѣти мнѣ мѣлади!

Ишла Купалка сѣлѣмъ, сѣлѣмъ,
 Казала дѣўкамъ: чѣлѣмъ, чѣлѣмъ!
 Дѣўкі Купалку ни узнали,
 Купалку у хѣтку ни пазвали.
 Только адна Матрѣўнка спазнала,
 Купалку у хѣтку пазвала:
 А ў яѣ пива навѣрына,
 А ў яѣ мѣду нацѣжына!

Пры дарѣзи, пры шурѣкай
 Дѣвѣ дѣвачки лѣнѣ ирвали.
 Ишло туды два малѣйчыки,
 Два удаляхъ:

„Богъ у пѣмачъ, дѣвѣ дѣвачки!“
 Багѣтая замѣўчыла,
 А худѣбычка прѣмѣвила.
 Пашлѣ яны, гукаючы,
 Сами сабѣ дѣражѣючы:
 „Ни бярѣ, братѣцъ, багѣтаю,
 А бярѣ, братѣцъ, худѣбычку:
 Багѣтая дѣжа гордая,
 А худѣбычка дѣжа ўдалая!“

Худѣбычку стали свѣтѣти,
 А багѣтая стала плакѣти:
 „Падѣшачки маѣ пухѣвыя,
 Ти вами гѣры раўнавѣти?
 Пярѣтѣнѣки маѣ бялѣвыя,
 Ти вами лѣсы апинѣти?
 Убрѣсы маѣ шаўкѣвыя,
 Ти вами мѣжы высѣтилѣти?
 Рушнѣки маѣ бялѣвыя,
 Ти вами лѣсѣ абвѣзѣти?
 Карѣльѣки маѣ дѣрагѣя,
 Ти вами кѣнѣй папѣутѣти?
 Пярѣтѣнѣки маѣ залѣтѣя,
 Ти вами кѣнѣй пацѣкаѣти?“...
 (Поѣтся и во время уборки льна).

А ў нѣвинѣкамъ калѣдѣзѣку
 Два двѣранѣны кѣнѣй пѣили,
 А дѣвѣ дѣўчыны вадѣ брали.
 Два двѣранѣны уклѣнѣлися,
 Багѣтая дѣўка усѣмѣхнѣлася,
 А бѣдная склѣнѣлася.
 Бѣдную янѣ сѣ сабѣй взяли,
 А багѣтая застѣлася:
 „А бѣль май, бѣлѣнѣкая,
 Гдѣ мнѣ тѣбѣ паѣвѣти:
 Ти на ўбѣгѣхъ паѣѣвати?
 Рушнѣчки маѣ тонѣнѣкѣя,
 Гдѣ жъ мнѣ васѣ паѣѣти:
 Ти дарѣжки паслѣти?
 Пярѣтѣнѣки маѣ залѣтѣя,
 А гдѣ мнѣ васѣ паѣвѣти:
 Ти на прѣточѣки паўзѣѣвати?“

Лепельскій у. Зап. В. Гутовскій,
 О. Соколовскій, Барковъ.

На моры вѣтка купалася,
 На бѣражѣчку сушѣлася.
 Наша дѣвачка спѣжалася,
 Што яѣ дары ни прѣѣины,
 А хотѣ прѣѣины, ды ни ткѣны,
 А хотѣ ткѣны, ды ни бялѣны,
 А хотѣ бялѣны, ды ни качѣны,

А хоть качаны, ды ня шыты,
А хоть шыты, ды ни дарбы,
А хоть дарбы, ды ни скланены.

Чирызь гару тры сѣтежачки,
А тамь ишли тры дѣвачки:
Адна ишла у зѣлати,
А другая у сѣрыбры,
Трѣтьтя ишла у ваксамити.
Што ў зѣлати—то йвѣничку,
Што ў сѣрабры—то Миколку,
Што ў ваксамити—то Пѣтрычку.
А Иванькина грѣшы лѣчить,
Микѣлкава листочки пѣшыть,
Пѣтрычкина рассалѣить.

Иванъ, Иванъ, братицъ мой:
Гарыть пробваръ твой!
А вы, дѣвачки, тушыть,
Кубками вадѣ насѣть!

А за гарѣдамъ загарѣжанымъ,
А тамъ цвитѣчки пасѣжаны:
Адинъ цвитѣкъ—мята багата,
Другій цвитѣкъ—рожа прыгѣжа,
Трѣтьтій цвитѣкъ—рута крута,
Чатьвѣртый цвитѣкъ—крапива лѣнива.
А хто багатый—пыльнѣй мяты,
А хто прыгѣжый—пыльнѣй рожи,
А хто крутый—пыльнѣй рѣты,
А хто лѣнивый—пыльнѣй крапивы,
А хто тѣляпѣнь—пыльнѣй калапѣнь!

Хѣдить чижыкъ на вулицы,
Завѣтъ дѣвакъ у Купалу:
„Идитя, дѣўки, у Купалу,—
Вамъ, дѣвачки, свая воля!“
А молодачкамъ нима воли:
Кипѣть гаршѣкъ на прыпичку,
Бурчѣть свѣкаръ у запичку!

А у кубкахъ вадѣ ёсьть,
А ў дѣвачкахъ праўда ёсьть.
Иванъ, Иванъ, братицъ мой:
Гарыть пробваръ твой!
А вы, мальчыки, тушыть,
Рѣшатамъ вадѣ насѣть!
А ў рѣшати вадѣ нѣтъ,
А ў мальчыкаў праўды нѣтъ!

Ишла Купалка сямѣмъ, сямѣмъ,
Закрыўшы вочы пярѣмъ, пярѣмъ.
Дѣўки Купалку ни называли,
На вулицу гулять ни пазывали.
„Хади, Купалка, на вулицу!“
—Гуляйця, дѣўки, миѣ неволи:
Миѣ трѣба жыта пыльнаваць,
Трѣба карѣў вартавать:
Кабъ змѣй жыта ни ламала,
У карѣў малѣки ни збирала!

Да за гумномъ у ельничку
Тры ластаўки щибитали.
Ни ластаўки щибитали,
Тры ятрѣўки размаўляли:
Што рѣзна расьлѣи, а ўмѣста

[сышлѣи!]

У чистамъ пѣли зямлѣный лугъ никѣшаный,
На тымъ лугу стадо кѣний варанѣнькихъ.
Якъ узышла тѣмна туча грамаваѣ,
Разагнала стада кѣний варанѣнькихъ.
Да ни жалѣ миѣ стада кѣний варанѣнькихъ,
Да тольки жалѣ миѣ канѣ палавога:
Ёнъ гѣбкой мѣра вадѣ выпиваѣть,
Ёнъ вѣчками на неби звѣзды палѣчить,
Ёнъ вушками далѣкая войска пачѣить,
Ёнъ капытками бѣлы камни разбѣиваѣть.

М. Браславъ, Ковенской губ.

29 июня—праздникъ Петра и Павла. Петровскій постъ—Петровка—въ Могилевской губернии соблюдается такъ же, какъ и остальные, кромѣ окатоличеннаго Сѣненскаго уѣзда, гдѣ въ Петровскій постъ ѣдятъ съ молокомъ. Соблюдается постъ въ сѣверныхъ и восточныхъ уѣздахъ Витебской губернии, но уже въ Витебскомъ существуетъ легенда, что Христосъ повелѣлъ постить предъ Петромъ двѣнадцать дней, по числу своихъ апостоловъ, почему здѣсь и постятъ не всю Петровку, а только послѣднѣе 12 дней. Какъ и въ великій постъ, въ первый день Петровки надо пить водку. Тогда коровы будутъ молочныя. Это называется „брыксы“. Если Петровъ день придется въ среду или пятницу, то разговѣнье переносится на слѣдующій день. Въ такихъ случаяхъ въ Гомельскомъ уѣздѣ говорятъ, что Павелъ отнял корову у Петра, такъ что у Петра нѣтъ ни молока, ни сыра, и нечѣмъ разговляться.

Въ этотъ день пастуховъ одаряютъ молокомъ, большею частью, простоквашей, и сыромъ.

Въ этотъ же день женщины и дѣвушки „кумятся“. Собственно, дѣвушки кумятся на Троицу, а совместно съ хлопцами на Петра. Но въ Чериковскомъ уѣздѣ наоборотъ: съ мужчинами на Троицу, а одиѣ на Петра. Вотъ почему Духовскія пѣсни такъ сближаются съ Петровскими. Кумованье уже потеряло свой обрядовый характеръ. Лишь въ нѣкоторыхъ глухихъ селеніяхъ продолжаютъ еще ходить въ лѣсъ и тамъ свиваютъ вѣнкомъ двѣ сосѣднихъ вѣтки березы или вѣтки двухъ сосѣднихъ березъ. Загадываніе заключается въ томъ, увянутъ ли эти завитыя вѣтки или останутся свѣжими, когда чрезъ недѣлю придутъ ихъ развивать. Предметы загадыванія самые обыкновенные: буду ли жива? выйду ли замужъ? и т. п. Обыкновенно же кумованье представляетъ видъ пирушки, причемъ женщины и дѣвушки пируютъ тамъ, гдѣ завивались вѣтки, а совместныя пирушки хлопцевъ и дѣвушекъ устраиваются въ той избѣ, гдѣ зимой происходили супрядки, посидѣлки. Въ лѣсу раскладываются костры,

устраиваются качели, танцы; готовится, обязательно, яичница; приносятся блины, водка. Если на эту женскую пирушку явятся мужчины, женщины срывают у них шапки и бросают в костры. Въ некоторых пунктах Могилевской губернии (напр. Носовичская волость) еще бытуетъ борьба дѣвушекъ съ хлопцами въ этотъ день.

Кумованье въ хатѣ совершается въ такомъ порядкѣ. Вечеромъ на Петра дѣвушки приносятъ квартирной хозяйкѣ сыръ, масло, молоко, яйца, сало, муку на блины. Хозяйка съ одной изъ дѣвушекъ стрипаетъ, а остальные поютъ пѣсни и танцуютъ подь припѣвки. Хлопцы приносятъ водку, и танцы дѣлаются оживленнѣе. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ приглашается и музыка, и происходитъ, такимъ образомъ, полное игрище. Танцы продолжаются всю короткую ночь и молодежь расходится по домамъ уже утромъ на другой день.

Существуетъ особый циклъ кумовскихъ пѣсень, называемыхъ также Духовскими и Петровскими, но надо сказать, что въ послѣднее время сюда ворвались пѣсни заимствованныя, въ которыхъ бѣлорусамъ нравится не столько текстъ, сколько ритмъ. Нѣсколько изъ нихъ приводится въ числѣ печатаемыхъ ниже.

Кумилися двѣ кумичаньки,	Якъ будити вянбчки вить,
А трѣтяя нѣ, —	Савѣтя и мнѣ!
Прасѣлася, малѣлася:	Якъ будити на Дунай пускати.
Прымѣтя мянѣ!	Пустьѣтя и мой!
Якъ пойдити у зѣлянъ садъ,	Уси вянкѣ павярху плывуть,
Завѣтя мянѣ!	А мой на дно паў,
Якъ будити вы цвятбчки првати,	Уси дружки са вѣины йдутъ,
Сарвѣтя и мнѣ!	А мой тамъ прапаў.

А у мость, у мость шоўкъ трава расѣтѣ,
 Шоўкъ трава расѣте, жоўты красачки,
 Жоўты красачки, ўсѣ нагбдачки,
 Наши дѣвачки сваявблочки:
 Идѣ мѣдъ чують, тамъ и начують,
 А гдѣ гарблачку, тамъ и нядблячку,
 А дѣ пьють салбдкѣй мѣдъ,
 Тамъ и круглый годъ.

Кормян. вол., Рогач. у.
 Отъ Марьи Самсоновой запис. мною

Мы пайдѣмъ, дѣвочки, вы луги-лужбчки,
 Вы луги-лужочки, зывивать вянбчки.
 Мы завѣмъ вянбчки на ўси святбчки,
 На ўси святочки, на ўси празьнички,
 На Духаўскія, на Пятрбўскія.

Ни радуйся, дѣбья-ясинья,
 Радуйся, бѣбья бярѣза:
 Идутъ къ вамъ дѣўки красныя,
 Дѣўки красныя, косы русыя,
 Гарѣлка горькыя, скрипка звонкыя.

На лугахъ трава пыталбчина,
 Съ карбникамъ пывалбчина.
 Вы дѣвочки нашы, ўсѣ зыгады вашы:
 Пашли у калину, ныламали малины!
 Ни будитъ калина сылажѣй малины,
 Ни будитъ свякрова лўччи рбднѣй матки,
 Ни сыжыть слова якъ свайму дитѣти.

М. Монастырщина, Мстисл. у.

Бѣлинкѣй малбйчикъ коника сидлѣитъ,
 Красныя дѣўбчка въ акно пыгидѣитъ,
 Въ акно пыгидѣитъ, мылыцѣа пытаитъ:
 „Бѣлинкѣй малбйчикъ, куды ты пабдишь?“
 — Далѣка пабду, няскбра прѣбду,
 Няскора прѣбду, жанитца буду!
 — „Ни дай табѣ Бога ни щасѣтя, ни доли,
 Ни щасѣтя, ни дбѣли, ни ў пбѣли, ни ў дбѣми,
 Ни ў дѣбтяхъ, ни ў лѣбтяхъ,
 Ни ў жанѣ сыгласѣя.

С. Соино, Мстисл. у.

Пайдѣмъ, дѣвочки, мы ў лугѣ гулять —
 Хвалю Бога, Духа Святбга!
 Мы ў лугѣ гулять, вянкбў зывивать —
 Хвалю Бога, Духа Святбга!
 Мы завѣмъ вянкѣ на ўсѣ святкѣ,
 На ўсѣ святкѣ, на ўсѣ празьнички,
 На Духаўскія, на Пятрбўскія.
 А што Духъ-Тройца, то суббръ дѣўкамъ,
 А што Илья святой, то разгонъ дѣўкамъ:
 Разыгнаў дѣвыкъ на чистымъ палямъ,
 На чистымъ палямъ, на густымъ жытамъ.
 А ў лугахъ трава пыталбчина,
 Пыталбчина, изъ кореня пывыварбчина!
 Якъ пышла трава къ Богу ны жалыбу:
 „Ахъ, Бога нашъ, рассуди ты насъ
 Съ красными дѣўкыми, мыладушкыми!“

— Ахъ, тибѣ, трава, ў засѣду пырѣ,
А краснымъ дѣвкамъ да вѣку гульня —
Хвалю Бога, Духа Святого!

С. Ослянка, Мстисл. у. Запис.
П. С. Судилловскій.

Пытались мати у дѣти:

„Чагѣ, дѣти, дарѣшка натѣрина?“
— Маминька, вѣдь сѣры хадили,
Дарѣжычки нытарѣли!
„Чагѣ, дѣти, варѣтики скрипѣли?“
— Маминька, буйны вятры шубували,
Воротики калыхали!
„Дѣти мѣй, чагѣ хѣртики брихали?“
— Маминька, сусѣди па вулицы хадили!
„Чагѣ, дѣти, акѣшычки бризкатѣли?“
— Маминька, ета я котика пускала!
„Дѣти мѣй, чагѣ крывѣтушка скрипѣла?“
— Маминька, я сѣ падрѣшкы сядѣла!
„Дѣти мѣй, чагѣ сыѣничицѣ узимаѣся?“
— Маминька, партнѣи шѣли—сузѣли!
„Чагѣ, дѣти, хвартушѣчицѣ падымаѣся?“
— Маминька, ву крухмалѣ ни удаѣся!
„Чагѣ, дѣти, ты ў клѣтѣ кричала?“
— Маминька, ета я дѣтѣтку ныражала!
Маминька, ета табѣ навѣка:
Калышѣ майгѣ сына, свайгѣ ўнѣка!

Ослянская вол. Мстисл. у.

Улица май широкая,
Бясѣда май нивясѣлая,
Па табѣ хажѣ, ня выхажу,
Па сабѣ дружка ня выбяру,
А хотѣ выбяру, дыкѣ стѣрага,
А ни стѣрага—дыкѣ мѣлага.
А старѣй ляжѣтъ—ни павѣрнитца,
А малѣй бяжѣтъ ни савѣтуитца.
А свѣкарѣ глядѣтъ ды сѣрдѣтца,
Свякрѣуха-матѣ только свѣритца!

Ахѣ, зачѣмѣ мянѣ замужѣ вы-
[дали]
За нѣмѣлага мужа пѣяницѣ,

Мужа пѣяницѣ—прапѣницѣ!
А выйду я на вулицѣ,
Ды гляну я на сусѣдушакѣ:
Чужѣи жѣны наскѣчутца,
А я мѣлада наплачѣся:
Прѣйдѣтъ вѣчѣрь—пасѣтѣль
[сѣтѣлю],
Сѣ пѣянымѣ мужѣицѣкомѣ
У пасѣтѣль кладѣсь.
Ѣнѣ атвѣрнитца кѣ сѣтѣнѣ

[вѣчками,
Кѣ сѣтѣнѣ вѣчками, ка мѣнѣ
[плѣчками].

Быхов. у. Зап. М. Онуфрѣевѣ.

Ой, то-то! Пятрова ночка нивѣличка, ой, то-то!
То-то! Чамѣ шѣ ина нивѣличка, то-то!
То-то! Нашѣ дѣвачки ня выспѣлися, то-то!
То-то! Ысю ночь ни спѣли, шнурѣ сукаѣли, то-то!
То-то! Шнурѣ сукаѣли шаѣковѣи, то-то!
То-то! Кашѣульки шѣли бялѣвыи, то-то!
То-то! Вышѣли на вулку прадаваѣти, то-то!
То-то! Сѣмѣ-тамѣ за грѣшыки, то-то!
То-то! А свѣимѣ мѣламу за слѣбѣчыки, то-то!
То-то! За слоѣчыки вѣрнѣнѣкѣи, то-то!
То-то! За прѣхѣды чѣсѣтѣнѣкѣи, то-то!
То-то! За падаѣуники дѣрагѣи, то-то!
То-то! Тнѣ даѣтъ, ни жаѣлаваѣтъ, то-то!
То-то! А ина бяѣтъ, ни дѣкаваѣтъ, ой, то-то!

Ой, то-то! Свякрѣвачка май зѣдѣница, ой то-то! *)
Зѣдѣла мянѣ, мѣладѣнѣкаю!
Казаѣла: иди ў маѣ клѣтку спѣтъ:
Май клѣтка сѣ прыклѣтками,
Маѣ замѣи ютранѣи,
Маѣ дѣвѣры залѣтѣи!“
А зѣ вѣчѣра тихѣсинѣка,
А сѣ пѣуначѣ стукѣ—грукѣ!
Прѣѣхѣли трѣ жаѣнѣры: **)
Адинѣ жаѣнѣрѣ ды клѣтъ разбѣраѣтъ,
Другѣи жаѣнѣрѣ замѣи разбѣваѣтъ,
Трѣтѣи жаѣнѣрѣ мянѣ мѣлоду ўзѣтъ!

Ой, то-то! Ы чѣстымѣ поѣи трѣ гарѣды выгарѣдѣжѣны—
[ой, то-то! *)]

У вѣдѣнымѣ гарѣдѣ чѣрвѣна рѣжа,
У другѣимѣ гарѣдѣ зѣлѣна рѣта,
У трѣтѣимѣ гарѣдѣ пахѣнѣча мѣта,
А кѣла плѣтъѣи—крапѣивѣчка.
А хѣто прыгѣбѣжѣи—пилнѣуи рѣжѣи,
А хѣто крѣуѣи—пилнѣуи рѣтѣи,
А хѣто багѣтѣи—пилнѣуи мѣтѣи,
А хѣто лѣнѣивѣи—пилнѣуи крапѣивѣи, ой, то-то!

*) Припѣвѣвъ повтѣряѣтъсѣ въ началѣ и въ концѣ кажѣдой стрѣки.

**) Молодѣжѣ уже поѣтъ: кѣвалѣры.

Ой, то-то! Лятѣли гуси радѣ по раду, ой, то-то! *)

Крыкнули гуси разѣ по разу:

„Чаму, Иванька, ня жэнісься?“

— А якъ я маю жанітиса:

Хмель на тычынца ни павіўся,

А ячмень на нїўца ни наліўся,

Дачка у мамки ни нагулялася,

А мнѣ маладому ни спадабалася!

Тяперъ буду жанітиса:

Хмель на тычынку ўжэ павіўся,

Ячмень на нїўца ўжэ наліўся,

Дачушка у мамки нагулялася,

А мнѣ маладому спадабалася!

Ой, то-то! Ды шкода, шкода зялёнага дубу,

Што за сухимъ лѣсамъ, ой, то-то!

Ды шкода, шкода маёй маладосёты,

Што за старымъ бѣсамъ, ой, то-то!

Ни я ўпила, ни я ўбла,

Ни добра ўхаділа, ой, то-то!

Тольки сваё маладыя лѣты

Уси патратила, ой, то-то!

Ёсць у майго татўлички

Кони варанія, ой, то-то!

Я й паўду даганяти

Лѣты маладыя, ой, то-то!

Я й конікаў шыргнала,

Лѣтаў нї дагнала, ой, то-то!

Ой, то-то!

Дубрбавка а май зялёная,

Ой, то-то! *)

Я шѣ па табѣ пахаділа,

Ў тваймъ шуму заблудила.

Татўлька клічыть—я ня чула,

(То же поется о братикѣ и о сестрицѣ. Потомъ):

Дубрбў май а зялёная,

Я шѣ па табѣ пахаділа,

У тваймъ шуму заблудила.

Милинькій ідѣть, дамбў завѣть.

Па галасбчку ни спазнала,

Роднымъ татўлькамъ ни назвала!

Дубрбавка а май зялёная, и т. д.

Матўлька ідѣть, дамбў завѣть.

Я матульки ни спазнала,

Родный матўлькай ни назвала!

Я шѣ миламу атклікнуўлася,

Па галасбчку апазнала

Па йменьнику я шѣ назвала,

[ой, то-то!]

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.

Ой, то-то! Чаму, селязёнь, смўтинъ, ни вясёлъ, ой, то-то! *)

— А якъ жа мнѣ вясёламу быць:

Учора зѣ вячора вўтачку злавіў,—

Сягоньня рана прочъ палятѣла!

Капъ жа далёка, жэли пѣ ни было,

А то атъ минѣ у другімъ кусьтѣ,

Ў тихимъ Дунаи купайтца,

Мнѣ селязёньку наругайтца!..

Чаму, Иванька, смутѣнь, ни вясёлъ?

— А якъ жа мнѣ вясёламу быць:

Учора зѣ вячора дѣваньку запіў,—

Сягоньня рана за другімъ стала!

Капъ жу далёка—жэли пѣ ни было,

А то атъ минѣ у другімъ дварѣ,

Тиразъ мой дварѣцъ вадіцы нясѣть!

Нясѣть, нясѣть, ды й паліѣть,

Мнѣ маладому жэли задаѣть,

Па вўлицы сѣтинюгайтца, **)

Мнѣ маладому наругайтца, ой, то-то!

Ой, то-то! А за гарбю, за камяннёю, ой, то-то! *)

Стаять кони варанія,

Сидланія, прыбранія,—

Толька ўсѣсѣсьти, паўхати

Да ўдбваньки жанітиса!

А ўдбваньку лѣхка ўзяти, тяшка жыти:

Пасѣтѣлку сѣтелить, ўсѣ клянѣтца,

Спатьки кладѣтца, ни прыхинѣтца,

Ни прыхинѣтца, атвѣрнитца,

Къ сѣтянѣ ачѣма, ка мнѣ плячѣма!

А за гарбю, за камяннёю

Стаять кони варанія,

Сидланія, прыбранія,—

Толька ўсѣсѣсьти, паўхати

Да дѣваньки жанітиса!

А дѣваньку тяшка ўзяти, лѣхка жыти:

Пасѣтѣлку сѣтелить, ўсѣ сѣмяѣтца,

Спатьки кладѣтца—прихинѣтца,

Прихинѣтца, привѣрнитца,

Ка мнѣ ачѣма, къ сѣтянѣ плячѣма, ой, то-то!

*) Припѣвъ повторяется въ началѣ и въ концѣ каждой строки.

**) Стенгається=тягается, таскается, шляется.

Ой, то-то! За гарбю за камяною,
 [ой, то-то!]
 Зарасла рўтачка любядбю.
 „Чаму, Анютка, руты ня полінь?
 — Тыперъ жа мнѣ ни да рўтачки:
 Узяли мянѣ вельки смўтачки:
 Паѣхаў Юзютка на паливанья,
 Мяне пакйнаў на гараванья!
 Ваўой, Юзютка, — наваўісься,
 Гарўй, Анютка, нагарўісься!

Ой, то-то! Хто гѣту гарў капаў,
 [ой, то-то! *)]
 Чорнаю сытягў таптаў?
 Василька гарў капаў,
 Чорнаю сытягў таптаў,
 Да Збсички хѣдучы,
 Падарачки нѣсучы.
 Стукъ-стукъ падъ акѣначка:
 Ти дома панѣначка?
 Принѣсь я падарачки!
 „Што шъ та за падарачки?“
 — Два садавѣхъ яблочки,
 Чырвоны каралічкі,
 Яблочки круглѣнкія,
 Мы съ табой раўнѣнкія,
 Каралічкі дарагія,
 А мы съ табой маладыя.
 „Каралькі насіть буду,
 Тады шъ я любіть буду,
 Яблочки качаць буду,
 А съ табой гулять буду!“

Д. Заулки, Диснен. у. Запис.
 кр. С. Пилипенюк.

Калинушка зъ малинушкой—
 Лизоривый цвѣтъ,
 Вясѣлыя бясѣдушка,
 Гдѣ мой милый пѣтъ,
 А смўтныя тамъ бясѣдушка,
 Дѣ мйлыга нѣтъ.
 А ёнъ жы пѣтъ, а ёнъ жы пѣтъ,
 За мной, любкій, шлетъ.

А я мыладѣнка прызыталыся
 Зы курамі, зы гусямі, за лѣ-
 [бидями,
 За тѣй пташкы за журавышкы.
 Жыраўка на бѣришку пыхажы-
 [ваить,
 Травушку-муравушку сащыжы-
 [ваить,
 Вадічкы сьтідѣнны захлібы-
 [ваить.

За рѣчкыю за быструю
 Чатыри двары,
 У тыхъ чытырѣхъ двырахъ
 Чатыри кумы,
 Кумилися, любилися—
 Любятъ й мянѣ,
 Якъ пѣйдитя ў зялёны садъ,
 Гукнѣтъ й мянѣ,
 Якъ будитя тьвятѣ зрываць,
 Сарвѣтъ вы й мнѣ,
 Якъ будитя вянкѣ звываць,
 Савѣйтъ и мнѣ,
 Якъ будитя ўдоль рякѣ пуцать,
 Пусьтитя вы й мой!
 Усеи вянкѣ на долъ пашлѣ,
 А мой пытануў,
 Усеи мужы зъ райнѣ прышли,
 А мой загінуў!

Щербин. вол. Витебскаго у.
 Зап. О. Пороменская.

Ишоў Ванічка дарѣжжай,
 Ни знайшоў сваѣ палѣски,
 Стаў чужую жать!
 Ванька жытычка ни жаў,
 Зъ любѣзнаю прастайў,
 Адинъ снапѣкъ нажаў.
 Съ тѣя таскѣ Йванька, скуки,
 Да й парѣзаў сярпѣмъ руки,
 Пашла ўрэзна (?) кроў.
 Нидалѣчка Маша жала,
 Платкомъ ручку завязала,
 Щобъ ни ишла кроў.

Пашбў Ванька тарапѣўся,
 На мастѣчку правалѣўся,
 Да ўсѣ Йваньку бидѣ!
 Що бидѣ, бидѣ, бидѣ,
 Бяжѣтъ сь падъ мѣсту вада,
 Ни знаю—куда.
 Бяжѣтъ вада па пяску,
 Икѣ матушки у Маскву,
 Бярѣ маю таску!

Вспомни, вздумай, Йванька
 [зъ Дўняй
 Сваю прѣжнюю любѣў,
 Якъ мы съ табой абищѣлись
 Вѣшна другъ дружкѣ любіть,
 Ну тыперъ жа такъ случѣлась,
 Въ адинъ часъ слова змянѣў,
 Самъ змянѣў намъ щіру клятбу,
 Самъ жанѣўся сы другой.
 „Жанісь, жанісь, другъ лю-
 [безный,

Дазваляю я тибѣ,
 Дазваляю, благаславляю
 Законнаю жану брать:
 Изъ законнаю жанѣю
 Нада вѣкъ зъ ёй викаваць,
 Ну са мною, зъ маладѣю,
 Адну ночку пагулять!“

Мнѣ сказали на базары,
 Що мой милый на вакзали.
 Якъ жа мнѣ ни плакатца,
 Паѣхаў милый свѣтатца,
 Якъ жа мнѣ ни журѣтца,
 Паѣхаў милый жанѣтца.
 Ёнъ зъ далѣкаю жывѣтъ,
 Мнѣ назолушки даѣтъ.

Лўччай пѣянаму валѣтца,
 Чѣмъ тьвярѣзаму хадѣтъ,
 Лўччай въ рѣчачку ўтапѣтца,
 Чѣмъ висѣкаю любіть!

Ни вядѣ мянѣ па пѣлю,
 Вядѣ садамъ па градѣмъ, 2
 Я платѣчыкъ табѣ дамъ!
 Мой платѣчыкъ ни прастѣй,
 Любіў мянѣ халастой, 2
 Даў мнѣ пѣрѣстынь залатой.

Ни брани мянѣ, радная,
 Що я за рыку хаджу,
 Знатъ, судьба май такая,
 Що далѣкаю люблю.

М. Носовичи Гом. у. Запис. А. С. Давиденко.
 Всѣ семь заимствованныя.

30 іюня начинаютъ косить сѣно. Особыхъ обрядовъ при этомъ нѣтъ. Обыкновенно сельскій староста собираетъ сельскій сходъ, на которомъ дѣлаются выборы двухъ челоѣкъ для того, чтобы они раздѣлили лугъ на одинаковые участки по числу душъ. Когда эта работа будетъ окончена, тогда идутъ на лугъ всѣмъ сходомъ, дѣлаютъ жеребьи и бросаютъ ихъ, чтобы безобидно рѣшить, кому какая полоса должна достаться. Косить выходятъ, когда кому удобнѣе, но закашивать каждый старается съ вечера, подъ вечернюю росу.

Привожу нѣсколько сѣнокосныхъ пѣсень.

Дубрѣва, дубрѣвачка, да ты зялёная,
 Па той па дубрѣвачки дарѣжка ляжала,
 Па той па дарѣжачки дѣвачка бяжала,
 Паўкладала рўчачки, ручки ў карманѣчки,

Ись правыя рўчачки калѣцѣ патярала.
 Вярнулася дѣвачка калѣчка шугати.
 Ни знайшла калѣчущка, знайшла крѣмьшбчыкъ,
 Вѣкрасала дѣвачка жаркій аганѣчыкъ,
 Да пусьтѣла дѣвачка пажаръ па дуброви:
 „Гары ты, дубровачка, гары зиланая!
 Па табѣ, дубровачка, да мнѣ ня хадіти,
 Да мнѣ ня хадіти, живата сушѣти!“

Якъ зажурѣтца маладая ўдѣвачка,
 Що ня кошана зиланая трѣвачка:
 Наймѣ касарѣй сто дватцать и чатыры,
 Щобъ вѣкасили вси луги и даліны!
 Да касарыки косятъ, а вѣтаръ павяваа,
 Шаўковая траўка на косы палягаа.
 Свякруха нявѣстку ранянька пабуджаа:
 „Устань-ка, нявѣхна, устань, маладая,
 Падай карбѣ, що matka даравала,
 Прагані авѣчакъ, що яна купавала!“

Касіў батка, касіў я,
 Касіли ми абѣдва:
 Накасіли стажѣкъ сѣна,—
 Пришла каза—за разъ зѣла!
 Д. Дубровка Гом. у.

А хто у насъ гожей,
 Хто у насъ прыгожий?
 — Ванька у насъ гожей,
 Ванька прыгожий!
 Ёнъ па дварѣ хѣдзя, (3 лицо)
 Ёнъ змѣрна ступаа, (2 раза)
 Сапогъ ни зламая.
 Ёнъ каня сидлаа,
 Якъ макъ зацвитаа,
 На каня садѣтца,
 Ажъ конь висялѣтца,
 Па вѣлушки вѣдзя,
 Ажъ вулушка стѣгна.
 Прыяжаа къ лугамъ, лугамъ,—
 Луги зиланѣють,
 Прыяжаа къ садамъ, садамъ,—
 Сады зацвитають.

Катя хату прыбіраа,
 Ваньки аждаа.
 С. Хоново, Быхов. у.

„А чѣй жа то конь
 Да па лугамъ хѣдзіць,
 Да щѣра сядло нѣсці?“
 — Іванькинъ то конь
 Да па лугамъ хѣдзіць,
 Да щѣра сядло нѣсці!
 „Хто жъ ямѣ даруваў
 Каня варанѣга,
 Каня варанѣга
 Да сидѣличка нова?“
 — Тѣсь ямѣ даруваў
 Каня варанѣга,
 Каня варанѣга
 Да сидѣличка нова!
 Тѣца даравала
 Дѣўку маладую,
 Дѣўку маладую
 Съ пярлѣвымъ вяночкамъ,
 Съ пярлѣвымъ вяночкамъ,
 Да съ шаўковымъ платѣчкамъ.

Пахилиўся кудравый дубочыкъ
 На зиланый лужокъ,
 Пахвалиўся маладѣй Ігнатка
 Да сваёю жанѣю:
 „Мая жана бязъ пива спатъ ни
 [ляжыць,
 Да бязъ мѣду ни ўстаніть!“

Да и чорнымъ шѣўкамъ папѣ-
 [таны,
 Чорнымъ шѣўкамъ папѣтаны,
 Да и зѣлатамъ памѣзданы.
 Бабинович. вол., Вит. у.
 Зап. кр. Кондратьевъ.

А чѣй жъ ба то конікі
 Рана на лугъ павѣпуціны
 Да чорнымъ шѣўкамъ папѣтаны?
 Андрѣйкавы коні
 На лугъ рана павѣпуціны,

На балѣти касѣць кося,
 Ёнъ прылѣгшы галѣся:
 А ти ягѣ касѣ тѣпа?
 А ти ягѣ жонка скупа?
 — Касѣ тѣпа—кляпѣть трѣба,
 Жонка скупа—бываць трѣба!
 С. Дубины Ошмян. у.
 Отъ кр. О. Радыны.

І ю л ь.

8 іюля, день Казанской иконы Божіей Матери, во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи празднуется въ память избавленія отъ холеры въ 1848 году. По молитвамъ предъ этой иконой исцѣляются глазныя и головныя болѣзни.

Въ южной Бѣлоруссіи, „съ Казанской“ приступаютъ къ жатвѣ ржи. Зажинаютъ обыкновенно съ вечера. Женщина идетъ съ серпомъ въ поле, нажметъ снопъ ржи и приноситъ домой. Здѣсь снопъ ставится на кутѣ подъ иконами, въ видѣ жертвы Богу. На слѣдующій день жница выходитъ на ниву рано утромъ, въ лучшей одеждѣ, и ставши лицомъ къ востоку, молится Богу: „Господи благослови почать жать и помози въ добромъ здоровѣи кончить!“ И перекрестившись, начинается жать.

Гомельск. у.

Когда жница начнетъ уставать, заболятъ руки и спина, тогда она начинаетъ пѣть пѣсни, которыя носятъ названіе жнивныхъ.

Въ Быховскомъ уѣздѣ зажинки дѣлаются нѣсколько торжественнѣе. Предъ началомъ жнива хозяйка вымываетъ всю хату: полъ, гдѣ есть, столъ, лавки, окна. Потомъ застилаютъ столъ чистою скатертью, кладутъ хлѣбъ и соль, зажигаютъ предъ иконой свѣчу и молятся съ земными поклонами. Уходя на ниву, жница беретъ „въ ношку“ (узелъ за плечами) кусокъ хлѣба, соль, кусокъ сала и свѣчу. Лежавшіе на столѣ хлѣбъ и соль продолжаютъ тамъ оставаться. Придя къ нивѣ, жница снова молится съ земными поклонами и потомъ здороваются съ нивой: „дабрѣдѣнь, ниўка, ядранѣя жыта! я къ табѣ прышла!“ Сжавъ горсть ржи, жница скручиваетъ ее и подпоясывается и уже потомъ жнетъ. Нажавъ одинъ снопъ, ставитъ его и говоритъ: „Стаўлю снопъ, на сто копъ, на тысячу мѣракъ!“ Послѣ этихъ словъ кладетъ его на землю и подкладываетъ подъ него свою „ношку“. Послѣ этого жатва уже идетъ безостановочно.

Очень строго наблюдаютъ, чтобы зажинки происходили не въ день мучениковъ по святцамъ. Дѣлается это для того, чтобы жатва не была мучительною ни по работѣ ни по погодѣ.

Въ Рогачевскомъ уѣздѣ для зажинокъ избирается старшая въ семьѣ женщина. Она отправляется на ниву подѣ вечеръ и беретъ съ собою „окраецъ“ (горбушку) хлѣба, Благовѣщенскую просфору, Срѣтенскую Громничную свѣчу, кусокъ артоса или освященной „паски“ и освященную соль. Придя на свою полосу, женщина читаетъ всѣ извѣстныя ей молитвы, съ земными поклонами, и потомъ нажинаетъ одинъ снопокъ, который и оставляетъ на полѣ въ стоячемъ положеніи. На другой день утромъ идетъ жать уже все семейство.

Въ Себежскомъ уѣздѣ хозяйки, выйдя на ниву, становятся лицомъ „къ солнцу“ и молятся, потомъ зажинаютъ „бородку“ съ словами: „Дай же, Боже, штобъ легка жалась! Серѣдинка ни балѣла, ручицьки ни мѣли, ножыньки ни дирвянѣли, галава ни гарѣла!“ Для бородки сжинаютъ три горети ржи, связываютъ ихъ въ снопокъ и кладутъ хозяйкѣ на плечи. Она относитъ бородку домой и кладетъ на образа, а жницы принимаются за работу. Строго наблюдается при этомъ, чтобы у хозяйки, зажинающей рожь, была „рука легка“—иначе жницамъ будетъ очень тяжело жать. Если же среди хозяекъ такой не отыщется, то зажинаетъ рожь молодая дѣвушка.

Зерна изъ перваго снопа примѣшиваются потомъ къ сѣменной рожѣ. Въ Мстиславльскомъ уѣздѣ зерна изъ перваго снопа выколачиваютъ парни, желающіе, чтобы ихъ любили дѣвушки. Для этого они отвариваютъ зерна въ водѣ и пьютъ эту воду.

Цикль жнивныхъ пѣсень очень обширенъ, хотя собственно чаще поются онѣ при возвращеніи съ поля домой, чѣмъ на нивѣ. Какъ содержаніе, такъ и мотивы ихъ въ Бѣлоруссіи крайне печальны. Для примѣра достаточно указать на жнивную пѣсню, приведенную мною въ вып. VII Бѣлор. Сб. (7, 29). Но дожиночныя пѣсни уже мѣняють и содержаніе и мотивъ на болѣе веселые; при жатвѣ же яровыхъ чаще всего поются пѣсни свадебныя. Привожу наиболѣе типичныя жнивныя пѣсни, располагая ихъ въ порядкѣ хода работъ: зажиночныя, жнивныя, дожиночныя.

Зажиночныя и жнивныя.

Минская губернія.

Утромъ, придя на ниву.

„Дабрыднѣ Гбсподу Богу,

Жыту ядраному, Хазяину Палявому!“

— Здарбѣ, здарбѣ, жнѣи маладыя,
Сярпы залатыя!

Вечеромъ, уходя съ нивы.

„Дабраначъ Гбсподу Богу,

Жыту ядраному, Хазяину Палявому!“

— На здарбѣ, жнѣи маладыя,
Сярпы залатыя!

Прихадѣи заўтра паранѣнька,

Якѣ соўнышка ўзбѣдѣ:

Я жѣ тагѣ люблю, хто рана прыхѣдѣ,

Пѣзна ў дворѣ ухѣдѣ;

Я жѣ тагѣ ни люблю, хто пѣзна прыхѣдѣ,

Рана ў дворѣ ухѣдѣ!

М. Заславль, Минск. у.

Могилевская губернія.

Пѣля маѣ шырокая, жыта маѣ

[ядранѣя!

Не съ кимъ стати, пастаѣти,

Жыта ядранѣя пажынаѣти:

Братцы маѣ па заслужу,

А сястрыцы па замужу!

Уходя съ нивы.

Сьтюдѣная раса пала,

А мидѣвая настаѣла!

Сьтюдѣную расу тапѣтѣ буду,

А салѣдку збѣрати буду;

Сьтюдѣную падѣ нѣжычку,

А мидѣвую у лѣжычку.

Сьтюдѣная раса—

То свѣкрава гразѣ,

А мидѣвая раса—

То батѣкава красѣ!

С. Городецъ, Быховск. у.

Каму сягѣлита жыта зажынаѣти?

Зажынаѣти жыта Ивѣаниси:

Иѣ нѣўка радѣлыѣвая,

Иѣ ручка шасѣлыѣвая!

Я маладѣ съ поля иду,

За паясѣмъ серпѣ нясѣу,

За плечками калыбельку,

А ў ручицькахъ сѣлизѣньку!

Повсемѣстно, въ Мог., Вит., Вил. и Мин. губ.

Сустрѣў мянѣ рѣднѣй татка:

„Чѣѣ, дачкѣ, дѣтѣтка нясѣшь?“

— Сусѣднѣя, татѣуличка!

„Зачимъ, дѣчка, ў тѣвѣ лѣчка?“

— Пры мнѣ, татка, ражѣлася,

Ў маѣ лѣчка удаѣлася!..

Быхов. у.

„Дабраначѣ табѣ, шырокая пѣля!“

— На здарбѣ, жнѣи маладыя,

Сярпы залатыя!

Прихадѣи заўтра паранѣньку!

Принаѣси па бѣлацы хлѣба,

Ды па бѣлинькому сыру,

Ды па мѣлинькимъ сыну!

Чериков. у.

Я на поли жыта жѣла,

Ў мянѣ ў дѣми бѣдѣ стала,

Зѣвалѣлася свѣкрѣу съ тыну,

Съ тыну, съ тыну, ды ў крапѣиву.

Ни жалѣ жа мнѣ свѣкрѣвачки,

А жалѣ жа мнѣ крапѣивачки.

Сѣкрѣвачку ў магѣйлачку,

Крапѣивачку на нѣвачку.

Сѣкрѣвачку черѣви зѣядѣть,

Крапѣивачку свѣинѣямъ сѣся-

[кѣтъ! ¹⁾

¹⁾ Вар. Лепельскаго уѣзда:

Я крапѣивачку пѣлиѣть буду,

А сѣкрѣвачку пѣклиѣть буду.

Въ Городецкомъ уѣздѣ прибѣляется:

Я стракиѣу сѣрпомъ сѣжѣу,

А сѣкрѣуку кѣломъ пѣрабѣу.

Стракиѣушка зѣленѣя

Сѣкрѣушка шѣлѣная!

А ѣхали турчанѣны,
Вязли сабѣ турчаначку,
Турчаначку, краснаю двачку.
А за ёю у пагобию яе татачка родный,
„Вярнѣсь, вярнѣсь, мой татачка!
А ты жъ мянѣ ни дагонишь,
А сваей галоўкай налѣжышь!“

М. Городецъ Рог. у.

Ишла двѣрка бѣрамъ, бѣрамъ,
Гаварила зъ Бѣгамъ, зъ Бѣгамъ:
„А дай Божа, долю—щасць
Зайти ў хату багатую,
А у сямьѣ харошую,
Идѣ свѣкаръ ды свякрѣўка,
Идѣ дѣвиръ ды залѣўка!
Я свѣкарка паважаць буду,
Я свякрѣўку шунувать буду,
А зъ дѣвиркымъ я жыць буду,
У залѣўки гасцьѣ буду!“

Зашумѣла зялёна дуброўка,
Надѣ рякою стоѣ,
Забалѣла ў молайца галоўка
На чужэй старѣнцы.
Нѣкому яму пасьтѣлькѣ паслѣти,
Нѣкому галоўкѣ звизѣти.
Абабрѣлыся бѣдна сиратѣнка,
Красныя днѣўчѣнка:
Ина молайцу пасьтѣльку паслѣла,
Ина яму галоўку звизѣла.

Кукувала зязюличка,
Ў щирамъ барѣ литѣючи,
Салодакъ мѣдъ збѣраючи.
А плакыла удовушка,
Новы дамы будѣючи,
Горькій абѣдъ гатѣючи:
Якъ стану я абѣдъ ѣсьти,
Я дѣткамі абсажѣся,
Я слѣзкымі абальлюся,
А бизъ тябѣ, мой мѣлинькій!

Ну ты, калѣнка, ня стой надѣ
[рякою,
Ды ня быць табѣ мною!
Я у татки была бѣлѣй твайгѣ
[цвѣту,
А чирванѣй тваѣ ягѣды,—
А якъ засталыся журавѣму
[свѣкру,
Ды няродному тѣтку,
Вѣсушыў мянѣ, якъ вѣтирѣ
[былинку,
Якъ сонца сянѣнку.

Жына мужа паважала,
Къ папарати привизѣла,
Жына мужа ды патѣшыла,
Павѣла у садъ ды павѣсила:
„Висей, мужу, нависѣся,
И яблычкѣ нанѣсѣся,
Вѣшыникѣ пакушыишь
И зязюликѣ паслѣхыишь!“
— Жына май мѣлинькыя,
Пусьтѣ мянѣ жывинькыя,
Куплю табѣ сукѣнычку,
Прибярѣ, якъ панѣначку!

Дожджъ у пѣли кѣритъ, кѣритъ,
А дѣдъ бабу жѣритъ, жѣритъ:
„Иди, баба, дамѣў, дамѣў,
А напѣй блинѣў, блинѣў!“
Баби тагѣ ни хочѣтца,
Кыла печи варѣчѣтца,
А ў тѣлинькы сарѣчѣнцы,
А ў бѣлинькы наметѣнцы!

Якъ пайдѣ и дарѣгю,
Пуцу гѣлысь дубѣвую,
Нѣхай гѣлысь галасѣўтѣ,
Нѣхай май мати чѣўтѣ.
„Ета маѣ дѣтѣ няѣтѣ,

Дѣтѣ няѣтѣ, пѣли красѣтѣ,
А нявѣстычка людѣ сѣмѣшытѣ.
Сваѣй дацѣ сѣинѣ купѣю,
А нявѣстацы скѣру злупѣю!“
Чериков, у.

Па рѣбѣцу, па ячѣнѣю
Хадѣу гѣлубѣ изъ галѣубачкаю.
А ў голуба сѣзѣя галѣўка,
А ў галѣўки пазалѣчинѣя.
Якъ увѣдиў Калистрѣтѣ сѣ Тѣримѣ:
„Тѣ ни май Гѣлѣначка такавѣ?
Я жъ бы яѣ па ѣминѣ ни узѣваў,
Я жъ бы яѣ па батѣўшкѣ вѣличѣаў.

Въ вѣчѣрѣ двѣўкѣ пѣва варѣвали,
Су паўнѣчи мѣдѣ сѣчѣвали.
Пришѣў кѣ двѣўкамъ бѣлѣ удаѣый мѣладѣцѣ.
Стаѣли двѣўкѣ пѣришѣпѣтѣватѣца,
Якъ бы гѣсѣтѣ пѣпѣтѣчѣвати.
Адна двѣўка разумѣнѣй усѣхѣ была,
Ина гѣсѣтѣ за хахѣлѣ узѣла,
А другая чѣризѣ стѣлѣ тащѣтѣ,
Чѣрисѣ стѣлѣ тащѣтѣ—хахѣлѣ тращѣтѣ.
А сѣ хѣтушкѣ на высѣпѣтушкѣ,
А сѣ сѣнѣюшкѣ ны кѣлѣнушкѣ.
Сѣ двѣра ягѣ хѣртѣми зѣтраўѣю,
А зѣ варѣтѣ ягѣ камѣнѣнымъ пѣкачѣу!
Кѣтѣсь, камѣнѣ, ни пѣкачѣвайсѣ,
Иди, пѣринѣ, ня барѣчѣвайсѣ!

Зѣимствованныя.

Бѣла мянѣ матѣ таўкачѣмъ:
„Ни гуѣяй, дѣчка, сѣ пѣничѣмъ!“
А я матѣцѣ наругѣтѣца,
Шѣтобъ сѣ пѣничѣмъ нагуѣтѣтѣца!
Бѣла мянѣ матѣ мѣскѣю:
„Ни гуѣяй, дѣчка, зѣ Мѣшкѣю!“
А я матѣцѣ наругѣтѣца,
Шѣтобъ зѣ Мѣшкѣю нагуѣтѣтѣца!
Бѣла мянѣ матѣ пѣлѣнымъ:
„Ни гуѣяй, дѣчка, сѣ Пѣрмѣнымъ!“
А я матѣцѣ наругѣтѣца,
Шѣтобъ сѣ Пѣрмѣнымъ нагуѣтѣтѣца!

Писарь гусей гынѣить, у гусильки играѣть,
О-о, охо-хо, у гусильки играѣть!

(Послѣ каждой строки)

У гусильки играѣть, таваришы ў гукаѣть:
„Вы таваришы маѣ, вы хадѣти-ка ка мнѣ!
Вы скажѣти панѣнцы, што ў зялёнай сукѣнцы:
Нихай писаря ня жджѣть, нихай замужь идѣть!“
Ускачѣла панѣнка ись тѣрима ў зѣлнѣ садѣ,
Накапѣла карѣнныя ись-падѣ бѣла камѣнныя,
Натапѣла ў малацѣ, прыстудѣла на руцѣ.
Ишѣ кѣринь ни кнѣѣ, а ужѣ писарь приляѣѣ,
На сласнаю вячѣрю, на мѣхкую пасѣтѣлю.

„А што жѣ Тябѣ пріясло: ти чаѣнѣчикѣ, ти вислѣ?“

— Прынѣсь мянѣ вѣранѣ конѣ ды кѣ панѣнцы у пакой!

М. Забычанье Чериков. у. Отъ кр. Степаниды
Дроздовой, О. Ковалевой и А. Сундуковой
запис. псаломщикѣ Ст. Бартошевичѣ.

Су гѣрушки, сы гарѣ, сѣ висѣкага тѣримѣ,
Красна дѣвица ишла, русу касѣ чисала, пригывѣривала:
„Ты расѣти, расѣти, кысѣ, ды шаѣковѣга пѣясѣ!
Абищала минѣ матѣ зы Иванѣюшу аддѣть.
Я Иванѣюшы ни люблю, зы Иванѣюшу ни пайдѣ!
Абищала минѣ матѣ зы 'хвицѣрика аддѣть:
Я 'хвицѣрика люблю, зы 'хвицѣрика пайдѣ!“

Г, Мстиславль.

Зѣлина, зѣлина а ў лузи травѣ,
Мѣлыда, мѣлыда ў Антона жынѣ.
Зачимѣ ина мѣлыда—ў поли ни былѣ,
Ў поли ни была, жыта ни жѣла.
„Ты, Антоничка мыладѣнькѣй, зыпрягѣ канѣ:
Паѣду я ў пѣля, прыгуляѣюся,
Сы свайми жнѣюшкѣми пывидѣюся!“

М. Монастырщина. Отъ кр. Ел. Синаговой
зап. Е. Останьковичѣ.

„Авясѣцѣ, мѣмычка, авясѣцѣ, —
А кали жѣ тыхѣ сватѣѣ чортѣ пріясѣть?“
— Дажнѣй, дачѣшка, авясѣцѣ,
Тадѣ чортѣ сватѣѣ пріясѣть!
Дыбярѣ, дачѣшка, кынапѣльки,
Тадѣ прѣйдѣть кѣ табѣ мыладѣнькѣй!
Дыкыпѣй, дачѣшка, бурачкѣй,
Тадѣ прѣйдѣть кѣ табѣ двырячкѣй?

С. Ослянка Мстисл. у. Зап. г. Судиловскѣй.

Закатѣся, жаркая сѣняйка, за ширѣй борѣ,
А мы пѣйдамѣ вячѣрати у багѣтый дворѣ.
У багѣтамѣ у дварѣ пѣрагѣ на сталѣ,
Миски, тарѣлки, тры вѣдрѣ гарѣлки.

Закатѣся, жаркая сонца, за зялѣный гай!
А ў томѣ у гѣчку нѣхто ни буваѣ,
Маладѣй Сярѣѣйка канѣ напѣваѣ,
Да сваѣ да дѣвачки пасѣлѣ пасылаѣ.
Янѣ имѣ атвѣтила: „ни вяликѣй панѣ:
Запрагѣй канѣ вѣранѣѣ, прыѣдѣ ка мнѣ самѣ!
Прывязѣй бѣчку мѣдѣчку, другую вина,
Щѣбѣ май дѣвачка вѣсила булѣ,
Щѣбѣ май гѣловачка ни балѣла,
А мнѣ ужѣ нѣѣйка наѣла!“

Наша мѣла пѣни, пашлѣ дамѣѣ рана.
Пакулѣ янѣ дѣйдѣ, и сѣняйка зѣйдѣ,
Пакулѣ зѣирѣтца и вѣчарѣ минѣтца,
Пакулѣ нагѣтѣи, дакѣ и занѣчѣи,
Пакулѣ вѣдѣ схѣдѣ и сѣняйка взѣйдѣ.
Наварѣла барѣѣ, накидала хваѣѣ,
Наварѣла папѣѣнакѣ, накидала лягѣѣнакѣ,
Наварѣла кашѣ, накидала сѣжѣ,
Пѣставила на прыпѣячку—муха прѣлѣла.
„Бадаѣ тыбѣ, май муха, парѣламѣла,
Щѣ ты майѣ жнѣчѣакѣ нагѣладѣла!“

Нѣ вѣѣ, вѣтѣрѣ, у лѣзи, пѣвѣѣ па дарѣѣѣ,
Нѣхѣй матѣ чѣѣ, вячѣру гѣтѣѣ.
Кѣли ни гѣтѣѣ—ни сѣдѣ, матѣ, дома,
А кѣли гѣтѣѣвѣнка—сѣдѣ харѣшѣнѣка,
Сѣдѣ харѣшѣнѣка, нѣѣѣѣ наѣдагѣѣѣ,
Нѣѣѣѣ наѣдагѣѣѣ, руки еклѣѣѣ.

Краснобудская вол., Гомельск. у.

Вилѣнская губернѣя.

Да зялѣная арѣхаѣ 2	„Ой, стой, косѣнѣку, стой, 2
Да на тынѣ налѣгѣѣть,	Кѣпѣтѣѣмѣ зѣмлѣй нѣ брой,
Да сѣ-падѣ тагѣ арѣхаѣ 2	Нѣ крой жа майгѣ сѣрдѣчка, 2
Сѣвѣѣѣ конѣ вабѣгѣѣть.	Шѣто я мѣладѣ ни жанѣѣѣся!
А за имѣ сѣѣѣѣ—пагѣѣѣ, 2	Шѣто я мѣладѣ ни жанѣѣѣся, 2
Нѣшѣ Иванѣѣѣ сѣѣѣѣѣѣѣ:	Кудѣрѣѣѣ апусѣѣѣѣѣ.

Я шь паёду ў гарадочакъ, 2
Куплю сабѣ грабянѣчакъ,
Учашу кудѣрачки, 2
Паёду жанітиса.

Сьтюдѣная раса пала, 2
Пускай насъ дамбѣ, пани!
Нашы дамѣ далѣкія, 2
Нашы мамки няродныя,
Въ варотичкахъ пираймають, 2
Па вадіцу пасалають,
Съ тисовыми вядѣр(а)ками, 2
Шь шаўковыми пачоп(а)ками.

Д. Заулки, Дисн. у.

Жыта маё, жыта, жыта залатой,
На таку малочана, на столику
[пакочана!]

Хто жь яго прараліча,
Той на вайну ня пойдя,
Пашлѣ служку вярненькаю.
Тая служка ваяваць будя,
А ёнъ самъ панавать будя.
Служка будя на коніку,
А самъ будя ў пакойку.
Служка будя паяжжась,
А ёнъ будя пахаджась.

Палуднички загудѣли,
Палуднаваць захатѣли!
Хоть гудіти, ни гудіти,
Палуднаваць ня будіти:
Наша пани маладая,
Яна абъ насъ спагадая,
Булку хлѣба пасылая.
Булку хлѣба аржаного,
Бочку пива маладога:
„Сядьця, жнейки, ў халадочку,
Зьбѣшця хлѣба па кусочку,
Выпить пива па кубочку!

Тонка, тонка сасонка,
Чагò ты на моры палыгла,
Дѣвачкамъ дарожку заняла?
Усѣ дѣвачки ишли, прайшли,
Адна дѣвачка ня перайшла:
У прыпнали золата нясла,
Щирая срэбра ў рукавѣ,
Расыпала золата на моры,
Кликала мамачку съ каморы:
„Иди, мамачка, съ каморы,
Памажы золата падабраць,
На идвабнаю нитку узнизать!“

Баравая тятѣра,
Чагò ты зь бору лятѣла,
Ти табѣ у бары надаѣла:
У бары ягадки салодки,
У бары крыніца—вадїца,
У бары ягадки сьтныя,
У бары вадїца пїтная!
Маладая дѣвачка,
Чагò ты замужъ хатѣла,
Ти табѣ у матки надаѣла:
У матки падвѣрбья вўзянька,
У матки гуляньня блїзнянька!
У свякрѣўки падвѣрбьяшырынька,
У свякрѣўки гуляньня далѣкая!

„Баравая зязюля,
Чаму ў бары ни кукўишь,
Чагò ў мой садъ прылітаишь?“
— Якъ жа мнѣ ў бары кукаваць,
Калі за сасонками ня видаць,
За салбўками ня чуваць!..
„Маладая дѣвачка,
Чагò у матки плакала,
Чагò да насъ прыѣхала?“
— Якъ жа мнѣ ў мамачки ня
[плакаць:
Калі за братііўками ня видаць,
За сястрыцамі ня чуваць!..

У барку, ў барку, ў прыборку,
Рабіў малойчыкъ каморку.
Прышла да яго дѣвачка:
„Памажы, Божа, малайцу
Гэту каморку рубіти!
Руби каморку нїзінькаю,
Выскай ваконца вышынькаю,
Кабъ да насъ салаўі лятѣли,
Кабъ насъ рана пабуджалі!
Свякрѣўка ни matka—будіти ня
[будя,

Сваё нявѣстку абсудя:
„Лянива, нявѣстка, лянива:
Сонца ня зайдя—спать пойдя,
Сонца у ваконца—ня ўстаня,
У хаті работки ни знайдя,
Выйдя на вулку—гуляя.

Тёмна-тёмна за дваромъ,
Идуть байры усѣ радкомъ,
Вязуть Михалю на кані,
Яго галбўка на мячы.
За имъ мамачка, плачучы:
„Сынку, сынку, Михалю,
За кагò галбўку палажыў:
Ти за мамачку нядўжу,
Ти за сястрыцу дасўжу,
Ти за татачку старога,
Ти за братіка малбога?“
— Ни за мамачку нядўжу,
Ни за сястрыцу дасўжу,
Ни за татачку старога,
Ни за братіка малбога, —
Палажыў галбўку за дѣўку,
За яе тихіх уходы,
За лѣ низкія паклоны!

Зялёная дубровачка,
Чаму у тябѣ дубѣй мнбога —
Зялёнага ни воднага,
Листочками ни згòднага?
Маладая дѣўчыначка,

Чаму у тябѣ батькоў мнбога,
А рòднага ни воднага,
У парадачку ни згòднага?

У поли дымѣ дымяць,
Тамъ малойчыкъ вабя,
Па ёмъ мамачка бядўя.
„Ни бядўй, мамачка, рòдная мая:
Ни адїнь я вабяю:
Самъ Богъ пада мнбю,
Шабилька падъ палбй,
Вострый мечъ падъ другбй!“

Круглò, малò балбтїчка,
Тамъ хадїла маладїчка
Ды сѣла красу сваю,
Красу сваю, зялёнаю рўтачку:
„Расьти, расьтї, краса мая,
Тонкая, високая, каранїямі глы-
[бòкая,

Каранїямі глыбòкая,
Листочками шырòкая.
Якъ буду я у мамачки,
Я тябѣ палбть бѣду,
Якъ дастануся да свякрѣўки,
Дыкъ я тябѣ сь карбнь вырву,
Тирась тынъ пиракїну: *)
Хай тябѣ валы зьядуть,
Нихай тябѣ кони стòпчуть!
Валы зьядуть, бушўючы,
Кони стòпчуть, гарцўючы,
Зьядуть валы палавїн,
Стòпчуть кони варанїя.

См. ниже, вар. Лепельск. у.

*) Вар. нѣ м. Браславѣ:

На вулку выкїну!
Павянишь краса, якъ я сама маладая:
Ни у роднага татки,
Ни у рòдной матўльки:
У лихòга свякрѣўка,
У лихой свякрѣўки!

Пайдў я дарбгай,
Пущу гблась далёкай:
Хто мой гблась пачу́я,
Той мяне пашкадўя.
Пачу́ла гблась май ма́мачка:
Яна мяне пашкадўя!

Пара дамбў, пара!
Халбдная раса пала,
Адна раса лядовая,
А другая мядвовая.
Мядвобаю щипать буду,
Лядвобаю таптать буду.
Мядвобаю для ма́мачки,
Лядвобаю для свякрбўки.

Да ўжэ вёчарь вичарэя,
Мой татачка вячэрая,
Завё мяне на вячэру.
„Да вячэрай, мой татачка,
А я ужэ вячэрала:
Зьёла хлѣба сухо́га,
Слёзками праганяла,
Сваю долю праклина́ла:
Кабъ ты, долячка, агнёмъ згарэла,
Я бъ кала тѣбѣ ручки пагрэла!
Багдай ты, доля, у вадѣ ўтапи́-
[лася,
Я бы-бъ таббѣ памы́лася!

С. Дубина, Ошмян. у.

Ковенская губернія.

Да хаді́ла карале́ва жана́ па чы́стаму полю,
Да насі́ла карале́ва жана́ маладо́га Дитя́тю,
Да прасі́ла карале́ва жана́ да Го́спада Бога:
Дай, дай, Божа, кабъ майго́ кара́ля на вайнѣ за́білі,
Тагда́ бъ я малада́ за друго́га пашла́, ды за маладо́га,
Кабъ умѣ́ и чита́ть, и писа́ть, и ў скры́пачку гра́ти,
А я бъ малада́ и скака́ть, и пляса́ть,
И ў далбнѣ́ плика́ть!

Загудѣ́ла пчолка́ па бару́ літа́-
[ючи,
Салбдкі́й ме́дъ збира́ючи.
Тамъ ня пчолка́ гудѣ́ла,
Тамъ удо́ўка хаді́ла,

Трасачки сабира́ла,
Абѣ́дъ гатава́ла.
Згатава́ўшы, паставі́ла,
Сама сѣўшы, запла́кала.

М. Браславъ.

Витебская губернія.

Гавары́ла ядрано́я жы́та,
Ў чы́стамъ по́бли сто́я—гавары́ла!
Ни магу́ я у по́бли ста́йці,
Калбсься́мъ¹⁾ маха́ці—ни магу́ я!
Тольки магу́ я, а тольки магу́ я
А ў по́бли капа́мі, а ў гумнѣ́ стага́мі—то́льки магу́ я!

¹⁾ Въ с. Бабиничахъ, Вит. у.—калбсьтимъ.

Гавары́ла малада́ Дары́чка,²⁾
У тату́ньки жыўшы—гавары́ла!
Ни магу́ я у по́бли ста́йці,
Ядрано́я жы́та жати́—ни магу́ я!
Тольки магу́ я, а тольки магу́ я
Для сто́лу ста́йці, кубки налива́ці³⁾—то́льки магу́ я!

Сама пайдў дарбгаю,
Гблась пущу дубрбобаю,
Нихай гблась галасу́ить,
Нихай тату́нька чу́ить:
„Калі маё́ дитя́ пѣе́тъ,
Нихай пѣе́тъ, красу́ица,
Ў чира́вѣчки абу́ица,
На кирма́шъ гату́ица!
А калі нявѣ́стунька —
Нихай ина́ ўтаму́ица,
У ла́пки абу́ица,
На прыго́бъ гату́ица!“

А калина-малина
Ўсе́ лугі́ па́красі́ла
Да свайма́ бѣлымъ цвѣ́тамъ,
Чырво́ными я́гадкамі.
Малада́я Дары́чка
Усе́хъ дѣ́вакъ па́красі́ла,
Да свайма́ бѣлымъ ли́цомъ,
Чырво́ными кара́лькамі,
Да сѣ́тпнаю рабо́ткаю,
А пла́ўнаю пахо́дкаю.

Закуры́ўся а дробни́нскі́й до́жжыкъ
Па чы́стаму полю́—закуры́ўся!
Зату́жыўся а мой ро́дны́й тату́нька
Па майму́ бяздо́бляю—зату́жыўся!
„Ни тужы́ся, а мой ро́дны́й тату́нька,
Па майму́ бяздо́бляю—ни тужы́ся!
Калі́ буду́ я у Бога щасна́,
Ни буду́ нищасна́—кали́ буду́!
Кали́ буду́ я у Бога го́дна,
Ня буду́ галбд́на—кали́ буду́!

А ня йди́, ня йди́, да́жжэ,
Навару́ табѣ́ барщу́,
А паста́ўлю па́дъ ё́лкаю,
А накрѣ́ю тале́ркаю.
Пираго́нь вѣ́тирь тучку
А на тую старо́начку,
А гдѣ́ люди́ ба́гатыя,
Пяку́тъ хля́бѣ ха́хлатыя.

Тамъ ма́льчыкі рыла́тыя,
А дѣ́вачки грыба́тыя.

А дай Божа паго́даньку
А на нашу рабо́таньку!
А дай Божа абла́чынку,
Намъ на часо́бъ атпа́чынку!

²⁾ Гавары́ла Андрѣ́йва жо́на па двару́ хд́ючи: Ни магу́ жъ я на двару́ хаді́ць,
ключы́кі на́сіть... ³⁾ Кубки налива́ть, гасѣ́й чу́стувать.

Кругла, мала (2)—раю, раю, балбтичка,
 Тамъ хадѣла (2), раю, раю, маладѣчка,
 А сѣла (2), раю, раю, расѣ—красѣ.
 „Расѣти жѣ май (2), раю, раю, расѣ красѣ,
 А тонкая (2), раю, раю, высокая,
 Каранѣстая (2), раю, раю, глыббкая,
 А на лѣсѣ (2), раю, раю, шырбкая!
 Якъ я сѣ тѣтамъ (2), раю, раю, жѣти буду,
 Паливѣти (2), раю, раю, тѣбѣ буду.
 А якъ стану (2), раю, раю, ѣ свикратунѣки,
 А я сѣ корнямъ (2), раю, раю, тѣбѣ вѣрву!
 А выкину (2), раю, раю, на вулицу.
 Нихай тѣбѣ (2), раю, раю, кони стопчуть,
 А мальчыки (2), раю, раю, расѣтигають.
 А коники (2), раю, раю, капытѣми,
 А мальчыки (2), раю, раю, чибатѣми.
 А коники (2), раю, раю, гарцуючы,
 А мальчыки (2), раю, раю, танцуючы!

Леп. у. Запис. Григ. Неплюковъ.

Якъ пайдѣ я на полю,
 Пуцѣ я галасбѣ да дѣму,
 А хто жѣ мой галасбѣ пирѣ—
 [имѣть?
 Пираймѣть галасбѣ мой татка
 [родный:

„Гѣта маѣ дѣтѣтка спивѣить,
 Шырбкія пѣстѣти займѣить,
 Частыя кѣпачки стаўлѣить!“
 Якъ пайдѣ я на полю,
 Пуцѣ я галасбѣ да дѣму,
 А хто жѣ мой галасбѣ пирѣ—
 [имѣть?
 Пираймѣть галасбѣ мой свѣ—
 [карка:

„Гѣта маѣ зивѣйла зивѣить,
 Вузинѣкія пѣстѣти займѣить,
 Рѣдинѣка снапѣ стаўлѣить!“

Калина-малина, ня стой надѣ
 [вадѣю,

Ни раўнѣйся са мною!
 Былѣ тагдѣ раўнавѣтца,
 Калѣ я у татѣўки былѣ:

Была бялѣй твайгѣ цвѣта,
 Чырванѣй твайхѣ ягадачыкѣ!
 А якъ стала я у свѣкарки,
 Тагдѣ стала бѣла, якъ лѣпинка,
 А сѣхнѣйка, якъ былинка:
 Лѣпинка дарѣная, былинка ка—
 [шѣная.

Пирапѣлка, ня вѣ гняздѣчка
 Блѣзка ли дарѣжки!
 Пирапѣлка, пѣстушкѣ пагѣбнѣють,
 Гняздѣчка распѣруть!
 Пирапѣлка, гняздѣчка распѣруть,
 Яѣчки пабѣруть!
 Пирапѣлка, яѣчыкѣ ня бѣдѣть,
 Табѣ жалѣ бѣдѣть!
 Ты, Мѣрѣчка, ня вѣ вянѣчка,
 Вѣсинѣ нѣдалѣчка!
 Сватѣ прыѣдѣуть, вянѣчыкѣ

[сѣбѣмѣють,
 А чѣпчыкѣ надѣнѣуть!
 Мѣрѣчка, вянѣчка ня бѣдѣть,
 Табѣ жалѣ бѣдѣть.

Да гулѣ пчѣлка, гулѣ, на бѣру
 [литѣаючы,
 Салѣдкѣй мѣдѣ збирѣаючы!
 Да плакала удѣвачка, вѣчѣрачку
 [гатѣаючы,
 Наварѣла, пѣставѣла, сама сѣла,
 [заплакала:
 „Дѣтки маѣ малѣнькія, —
 А зѣ нѣ сѣ кимѣ ихѣ гадавѣти!
 А стрѣўка май сахѣрная,
 А зѣ нѣ сѣ кимѣ яѣ спажывѣти!..“

А парѣ, жѣнки, дамѣў итѣ,
 Пагублѣла зарѣ ключѣ,
 Кѣля пѣстѣти идѣчѣ,
 А сѣ сѣўнѣнѣкамѣ гукѣаючы,
 А зѣ мѣсѣцамѣ жартѣаючы.
 А хто тыя ключѣ знайдѣть,
 За карѣлѣ замѣужѣ зѣйдѣть!
 Марѣйчка ключѣ знашла,
 За карѣлѣ замѣужѣ зашла.
 Карѣль бѣдѣть крулѣвѣти,
 А Марѣйчка панавѣти!

А вѣскачыѣ заинѣйка зѣ-за гѣти,
 А стаў ягѣ Иванѣйка ганѣти.
 „Зашѣ ты мянѣ, Иванѣйка, га—
 [няишѣ?
 Ти я табѣ конѣка сѣўдѣиѣ,
 Ти я табѣ дѣвачку абѣўдѣиѣ
 Ти я табѣ дарѣжку пѣрабѣгѣ?
 — Супѣўдѣили конѣка жарѣбѣцѣ,
 Абѣўдѣили дѣвачку малѣйцѣ,
 Пѣрабѣгѣ дарѣжынѣку шѣрѣй
 [воўкѣ!“

Несѣнская вол. Лепельск. у.
 Поетѣся во время жѣтѣвы яровѣхѣ.
 Она же свѣдебная.

Да й на тыну, на тынѣчку,
 Тамѣ сѣдѣла галѣубѣчка,
 Залѣтѣя галѣубѣчка.
 Тудѣ ѣхаў Иванѣйчка:
 „Татѣўлка мой рѣднѣй,
 Да пѣзволѣ мнѣ жанѣтѣися!“
 — Стой, сынѣку, ни жанѣися,
 А рѣзыму ныбѣрѣися,
 Рѣзыму жаўнѣрѣсѣкага,
 А пѣвѣду панѣнѣсѣкага!

Лепельск. у.

„Жнѣтия, жѣбнѣчки, жнѣтия, —
 Знайдѣтѣся саў у жѣти!“
 — А намѣ сывѣ ни надыбѣ,
 Намѣ надыбѣ бѣчычка зѣ га—
 [рѣлѣкѣй!

„Жнѣтия, жѣбнѣчки, жнѣтия, —
 Знайдѣтѣся Бога у жѣти!“
 — А намѣ Бога ни надыбѣ,
 Намѣ надыбѣ кугѣакѣла,
 Шѣтобѣ чѣсѣтѣнка зыплакѣла,
 Мы шѣ бы ягѣ скѣлыхнѣули,
 Нашѣ бѣ сѣрѣдѣны аддыхнѣули!

Щѣрбѣино Вѣтеб. у.
 Зап. О. Парѣменѣская.

Кукувѣла зѣзѣюлѣнѣйка, кѣла садѣ
 [литѣаючы,
 Салѣдѣки вишнѣи клѣваѣаючы.
 Плакала дѣўка, кѣ новѣымѣ скрѣй—
 [нямѣ прилѣгаѣаючы:
 „Скрѣйни маѣ навѣсинѣкѣ,
 Трубки маѣ бялѣсинѣкѣ!
 Я васѣ тѣнка прѣла, бѣлѣнѣйка
 [бялѣла,

За дѣнѣ вѣчырѣ рѣзѣдѣлѣла:
 Камѣ ны рукавѣчыкѣ,
 А свѣякрѣвынѣкѣ цѣлѣй станѣб—
 [чыкѣ.

Пыхвалылася калина, надъ ри-
[кбю стый,
Сваймъ бѣлинькымъ цвятбч-
[кымъ,
Свайей красною ягыдыю.

„Ни пыхвалыся, калина,
Сваймъ бѣлинькымъ цвятбч-
[кымъ,
Свайей красною ягыдыю:

Якъ я была у свайго татки—
Билѣй была твайго цвѣту,
Якъ я была у свайей мамки—
Краснѣй была твайей ягыды!
Якъ зысталася злому духу-
[мужуку,

Узяў минѣ якъ ягыду,
Ўзяў минѣ якъ вишынку,—
Сеушыў минѣ якъ липинку.

—
Бида минѣ пыбяділа,
Чужбѣй мамки ни ўгаділа,
Ни ў паходѣ, ни ў рабѣтѣ,
А ни ў ѣжѣ, ни ў адѣжѣ:
Кладѣть спатки пазнѣшынька,
Будить минѣ ранѣшынька,
Шлѣть на нѣўку тямнѣшынька,
Даѣть хлѣба скарушычку
Ды поблиўки ў гарнѣшычку.
„А жни, шэльма, ни лянѣся,
Атѣ пѣстатѣ ни вярнѣся!“

Д. Синицы, Королев. вол. Витеб. у. Отъ кр.
Дарьи Михайловой зап. А. Соколовская. Послед-
няя четыре строчки изъ игры въ Терешку.

А на дварѣ ни ранинька,
Пала раса сътидѣная, а другая
[мидуван.
А я сътидѣную нагбѣй пабѣю,
А мидувѣю каўшбмъ папѣю!

А сѣўнышка за боръ, за боръ—
Пусьтѣтѣ минѣ у дворъ, у дворъ,
Мнѣ у двѣри нѣтъ никѣга,
Крѣми Госпада Бога,
Ды свикрѣтки лихѣга:
Пысылаѣть минѣ мыладицу
У паўночѣ пы вадицу.
Прынясу я вады ў нѣчы
Ды залѣю я свѣкру вѣчы.
„Нивѣстушка май, ластушка!
Ти на тибѣ ваўкоў нѣту,
А ни злѣга чилавѣка!“
— А я ваўкоў ни баўся,
А атѣ злѣга атгыварѣся!

—
Вичѣрнѣя зарѣ тѣмна,
У двырянѣна жанѣ чѣрна,
Свитаваѣя зарѣ ясна,
У силянѣна жанѣ красна.
„Я двырянѣнѣ, ты силянѣнѣ:
Я дамъ табѣ кынѣ сѣ сядлѣмъ,
Паминѣймъ жанѣ сѣ табѣй!“
— Ни хачѣу кынѣ сѣ сядлѣмъ,
Ни минѣю жанѣ сѣ табѣй!
„Ну, хуть жа я ў бядѣ ўпадѣу,
У силянѣна жанѣ ўкрадѣу,
Хуть жа я утаплиўся,
За жанѣю пыганѣся!“

Парѣ, жонки, у дворъ итѣть,
Патирѣяла зарѣ ключѣ,
Кала пѣстатѣ ходѣчы,
Сѣ каралѣми гавѣрѣчы.
„Милы май каралѣ!
Ти ни знашли златѣй ключѣ?“
— Мѣсяцѣ ишѣу, ключѣ нашѣу!

Парѣ да дварѣ—на дварѣ ни рана:
У минѣ матѣя чужая, а дитѣтка малѣя!
Будить матѣи дитѣ калыхати,
А минѣ маладѣю праклинати:
„Багдай, шэльма, на агнѣ пагарѣла
Да на вадѣ патанѣла!
Прызабыла пра дитѣ малѣя
Да пра мужа маладѣга:
Малѣя дитѣ надарѣлася кричѣ.

На дварѣ ниранинька,
Балѣть май сирядѣнка!
Чамѣ жѣ ѣй ни балѣть,
Кали нѣкаму нажалѣть:
Свикрѣтухна ни тѣтухна,
Свякрѣвухна ни мамухна,—
Баничку ни вѣтапѣютъ,
Вѣничкамъ ни вѣпарѣютъ!..

—
Якъ пайдѣу я кала лѣсу блѣзка, па зѣмильки нѣзка.
Падайдѣу я къ тѣтки падѣ акѣшка, къ мамки падѣ другѣя:
„Падѣй, тѣтка, вядѣрки тисѣвы, шѣлкавы пирѣвѣслы!“
— Штѣ жѣ ты, май дачѣушка, пѣзынѣнька ходишѣ?
„Ни баўся жѣ я, тѣтка, никѣга:
Ни шѣрага вѣўка, ни чѣрниага мидѣвѣдѣя!“

—
Василѣнька барѣвинѣкѣй,
Мой цвятѣчыкъ зилѣнинѣкѣй,
Бягѣть коникѣ варѣвинѣкѣй,
На коникѣ сидѣличка,
Ли сидѣличка стрѣмѣнушки,
На стрѣмѣнушкахъ другѣ мѣла-
[дицѣ сядѣть.

—
„Маладый Иванѣька,
Да ти быў ты ў тѣщи,
Да ти вѣдѣу ты дѣўку?“
— Якъ жа я ня быў,
Якъ жа я ня вѣдѣу,
Да на конѣюку сѣдѣ, (2)
На красную дѣўку глѣдѣя.

—
Чѣѣ жѣта дабрѣ, харѣша?
Андрѣивѣя жѣта дабрѣ, харѣша!
Дай жа Божа лѣччы тагѣ:
Пивѣ варѣть—сынѣу жанѣть,
Гарѣлку гнѣть—дачѣкъ выдаѣвать!
Расѣтѣу сѣлыдѣ на пирѣклитѣ,
Сушыў бѣчки на сѣўнышки,
Чапѣу катлѣ на синѣмъ мѣри.
Куры, гусѣ сѣлыдѣ паклѣвали,
Кѣзы, вѣвцы хмѣль паѣли.

—
„Сѣзинѣкѣй галѣбчикѣ,
Да ти быў ты на синѣмъ мѣри,
Да ти вѣдѣу ты галѣбѣку?“
— Якъ жа я ня быў,
Якъ жа я ня вѣдѣу,
Да на бѣрижѣку сѣдѣ, (2)
На шѣру вѣтачѣку глѣдѣя!

—
Дабранѣчѣ, круглая нѣўка,
А шѣрѣкая пѣстѣтка!
Дѣбрѣй вѣчѣрѣ, тѣшпѣя хѣтка
Да лихѣя свѣкрѣўка!
Лихѣя свѣкрѣўка ни патѣйтѣца,
Ти ни балѣть тѣвай сирѣдѣнка,
Ти ни лѣмѣютъ кѣсѣти,
А патѣйтѣца, ти мнѣга нажѣла
Да конѣ настаўлѣла?
Пашѣу свѣкарѣ у лѣдинѣку,
Атѣѣкъ ѣнѣ дубѣнѣку
Да на маѣ сирѣдѣнѣку.

Бабинич. вол. Витеб. у.
Запис. кр. Кондратьевъ.

Заглянула маё вочка,
Што краёчыкь пидалёчка,
А ў краёчку прыганятый
Халбёстінскій, ни жына́тый.
Судй Божа дажа́тиса,
Сь прыганятымь спазна́тиса!

А сёлніка за бёръ, за бёръ,
Пусьти, ниўка, мяне дамбѹ.
У мяне дома бидѹ стала.
А я млада дамбѹ иду,
Мяне свѣкаръ пирійма́йтъ,
За вадіцай пасыла́йтъ.
„Нявѣстанька, май ластаўка,
Схадй на ключъ за вадіцаю,
Я на тибя ваўкоў нашлю,
Абы злоба чилавѣка“.
— А свикрѣтка, мой татка!
А я ваўкоў ни баюсь,
Ать злыхъ людей атпрашусь.

А ў садочку, на дубочку,
Тамъ сядѣла галубачка,
Залатая галовушка
А тамъ ишбѹ младай стрялецъ,
Младай стрялецъ, мальчишычка
Зняў галубки ёнъ галовушку.
Пайшбѹ къ татку на парадку:
„Ахъ ты татка, ты татка,
Парай мнѣ парѣдку:
Ти тыперъ мнѣ жанитца,
Ти босини дажыдѣтца.
— Ахъ ты сынка, ты сынка мой:
Пѣршы ума набярыся,
Тагды ты сабѣ жаниса.

А бидѹ надъ бядою,
Што дяўчонка за рябою.
Пиряпліў бы, да ня ўмѣю,
А то люди увидють,
Пра дяўчонку судить будутъ,
А мнѣ мблайцу жалка будить.

Луччи бѣ я жы́та жала,
А чимъ тую яричинку,
Луччи бы я ў дѣўкахъ была,
Чимъ дурно́а замужы́йка,
Нялюба́а падружы́йка.
А якъ была я у дѣўкахъ,
Приходили сь гарѣлачкай,
А якъ стала маладйцай,
Нихто ня йде́тъ и зъ вадіцай.
С. Мишневичи Городок. у. За-
пис. П. Василевъ. Пригоня́тый—
прикащикъ.

Пара, жонки, дамбѹ итй (2),
Патирыла зарѣй ключи.
А хто жъ май ключи знайдѣ́тъ (2),
За таго́ я замужъ пайдѹ!
Нашоў ключи старый дѣдъ (2).
„Прапади́тъ маи ключи—
За стѣрага замужъ ня йтй:
А ў стѣрага дятѣй мно́га (2),
Ў маладо́га нѣтъ нико́га.
А ў стѣрага ў барадѣ́ वोшы, (2),
А ў маладо́га ў калитѣ́ грошы,
А ў стѣрага дѣти плачу́тъ (2),
Ў маладо́га ко́ни скачу́тъ!

А на двѣри вичарѣ́нка (2),
Балѣ́тъ май сирядѣ́нка.
А чаму́ жъ ёй ни балѣ́ти (2),
Калй не́каму пажалѣ́ти:
А свѣкрухна ни тѣтухна (2),
Ня вы́тапѣтъ ёнъ ла́зинки,
Ни папа́рѣтъ сирядѣ́нки!
Якъ вы́тапиў ёнъ ла́зинку (2),
Бязъ дѹху, бязъ вѣ́ника,
Якъ папшѹ ёнъ у лядинку (2)
Да вы́сѣкъ сыру дубинку,
Якъ зачаў ёнъ минѣ́ па́рѣтъ (2),
Сирядѣ́нку маю́ пра́вѣтъ!
А дубинка сырѣ́ханька (2),
Сирядѣ́нка синѣ́ханька!
Ёнъ и па́рѣтъ, ёнъ и ка́жытъ: (2)
Кабо́ дубинка ни шумѣ́ла,
Сирядѣ́нка ни балѣ́ла!

Черизъ баро́къ зялёнінскій (2)
Бяжы́тъ коні́къ варѣ́нінскій.
За тымъ конѣ́мъ ў паго́нѣ бя-
[жы́тъ (2)

Маладѣ́й мальчы́къ Ляке́вичка,
На сустрѣ́чу Кулі́начка.
„Кулі́начка, душа́ мая (2),
Пирый́май канѣ́ майго́,
Канѣ́ майго́ варанѣ́га (2),
Минѣ́, князя́ маладо́га:
А мой коні́къ варѣ́нінскій (2),
А я—кня́зѣкъ маладо́нскій!“
— Я жъ бы рада пирѣ́нѣ́тъ (2),
Ды баю́ся айца́ й ма́ти!
„А ня бойся́ жъ ты нико́га (2),
Апрѣ́чъ Гѣ́спада́ Бога,

Апрѣ́чъ Гѣ́спада́ Бога (2),
И минѣ́, князя́ маладо́га!“

Вичѣ́рняя́ зя́ря я́сна (2),
Свѣтава́я я́щѣ я́сьней!
Хвѣ́дарава́ жонка́ кра́сна (2),
Ляво́нава я́щѣ кра́сней!
„Хвѣ́даричка, сусѣ́днѣ́ка (2),
Па́минѣ́й ты жо́нку са́ мной!“
— А ху́тъ ты ми́ѣ се́мьсотъ
[прида́й (2),
А я табо́ѣ жо́нку ня́ дда́мъ!
„А ху́тъ жа я ў бя́дѹ ўпа́дѹ (2),
А ўсе́ жъ тваю́ жо́нку ўкра́дѹ!“
— А ху́тъ жа я надорвѹ́ся,
А за сваё́й жо́нкай па́ганю́ся!
Ср. Ба́биничскі́й ва́риантъ.

Калина зъ малинай, ты ня стой надъ рябою,
Ты ня стой надъ рябою, ни раўну́йся ты са мно́ю!
Было́ табо́ѣ раўнува́тца, якъ я ў татки́ была!
Якъ я ў татки́ была, дыкъ якъ ма́чинка цѣ́вила,
Была́ кра́сна, якъ яго́дка, а бѣ́лінька, якъ лябе́дка!
А ў свѣ́крѹшки—ни ў тату́хны:
Се́сушы́у мяне́ на рабо́ти, якъ бы́лінку на па́ме́ти,—
Якъ бы́лінка се́сушѣ́ная, якъ ли́пінка лу́плѣ́ная!

Павѣ́й, павѣ́й, буйны́й вѣ́тирѣ́ (2)
Да па чѣ́стаму́ полю́,
Да па сѣ́нѣ́му́ морю́, (2)
Да па шы́рокі́мъ раздо́бля́мъ!
Павѣ́нь, павѣ́нь, траўка́ мята́ (2),
У гарѣ́ди́ стоя́.
— Якъ я ма́гѹ́ павѣ́ну́ти (2),
Буйны́й вѣ́тирѣ́ павѣ́ва́йтъ,
Дробны́й да́жджѣ́къ павѣ́ва́йтъ!
„Гу́ляй, гу́ляй, Катя́ры́начка (2),
У сва́йго́ ро́днага́ та́тки!“
— Якъ я ма́гѹ́ гу́ля́тъ пайт́и, (2)
Калй́ мой ми́лы́й на дво́рь ѣ́дѣ́тъ,

Ё́нъ на дво́рь ѣ́дѣ́тъ (2),
Варѣ́тики́ расчи́няйтъ,
Варѣ́тики́ расчи́няйтъ (2),
Зъ ро́днай ма́мкай разлу́ча́йтъ.
Зъ ро́днай ма́мкай разлу́ча́йтъ (2),
Русу́ ко́ску расплѣ́тайтъ.
Русу́ ко́ску расплѣ́тайтъ (2)
Бѣ́лы́й чапе́цъ нади́вайтъ.
Бѣ́лы́й чапе́цъ нади́вайтъ (2)
И ху́стачка́й абкрьва́йтъ.
И ху́стачка́й абкрьва́йтъ (2),
У ро́днай ма́мки атби́райтъ.

Якъ на двѣри съмиркайтца (2),
За мной татка пытайтца:
„А дѣ жъ май прыгоньница (2),
Прыгоньница, нявольница?“
— У прыгони, у няволи (2),
Прыганяють, ды ни знаютъ,
Рана дамбѣ ни пускають.
Наши дамѣ далѣки (2),
Пираходы вялікіи,
Пираходы вялікіи (2),
Ручаёчки глубокіи!
Якъ пайдѣ я на памѣти, (2)
Гбласъ пуцу на балѣти,
Няхай гбласъ галасуіть (2).
А мой татка няхай чѣіть,
У бисѣди сѣдючи, (2)
У шклѣньниці глѣдючи:
„Идѣть май рабѣтница, (2)
Идѣть май прыгоньница!
А ў прыгоні прыганяють (2),
Рана домбѣ ни пускають!

„Баравѣя зязюльница (2),
Што ня гѣлка кукѣишь?“
— Хуть я гулка кукую, (2)
Ды ня чутъ за барѣи,
За тѣмными лисѣи (2),
За шѣрыми салуѣи!

Бѣлая чирѣмшынка весь лѣсъ пабяліла
Свѣимъ бѣлымъ цвѣтамъ, а краснымъ ягадамъ.
Красная дѣўка ўсихъ дѣвакъ пакрасила
Сваѣй красатѣю, дивѣцкаю тихатѣю, —
Красатѣю у вяночку, тихатѣю у станѣчку!

Ахъ ты, траўка-мураўка, што ты ни зялёна?
— А якъ жа миѣ зялёнай быць,
Калі дѣўки ў касѣтѣлы хѣдють, щира Бога мѣлють:
Кабъ даў Гаспѣдъ свѣкра багѣтага, свѣкрѣву разумную,
А дѣвира рандѣўщика, а милага таргѣўщика, —
Кабъ ия и пилѣ, и ѣла, и харашѣ хадѣла!

„Маладая Паланѣчка, (2)
Што ни жаласна плачѣшь?“
— Хуть я жаласна плачу, (2)
Ды ня чутъ за скрипками,
За скрипками, за играньямъ (2)
И за жанѣцкимъ пѣньнямъ!

С. Козьяны, Городокск. у.

„Ахъ ты, сонца красная, —
Знатъ ты ў наймѣ ни бывала,
Што ты на миѣ ни пагадѣла:
Усхѣдишь ранѣшанька,
Захѣдишь пазьнѣханька!“
— Ахъ ты, дѣўка красная, —
Хоть я ў наймѣ ни бывала,
Я на табѣ пагадѣла:
Хоть я рѣнѣнка ўзайдѣ, —
Я тибѣ на нѣўки найду,
А пѣзньнѣнка закачѣся —
Тибѣ на нѣўки пакѣну!

Пайдѣ я ў далѣнку,
Умыюся калѣнкаю,
Уватрѣся шырѣнкаю.
Атѣ калѣны пакрасѣю,
Атѣ шырѣнки пабилѣю.

А надвѣрья нѣ рѣнѣнка,
Парѣ жѣнкамъ дамбѣ итѣ,
Патирѣла зарѣ клѣчи,
Кала пѣстѣти хѣдючи,
Сѣ каралѣмъ игрѣючи,
Арѣшки шилкаючи. ¹⁾
„А хто май клѣчи найдѣть,
За тагѣ я замужъ пайдѣ!“
А старѣй дѣдъ мѣжѣ ²⁾ ишоў,
Залатѣя клѣчи нашѣу.
„Прападайтѣ златѣ клѣчи,
За старѣга замужъ ня йтѣ!
Старѣй дѣдъ якъ калѣда,
А маладѣй якъ ягѣда,
У старѣга дѣтѣй многа,
У маладѣга нѣтъ никѣга.
У старѣга ў барѣдѣ вѣшы,
У маладѣга ў карманѣ грѣшы!“

Самѣ пайдѣ крайнаю,
Гбласъ пуцу далѣнаю.
Нихай голасъ галасуіть,
Пакѣль тѣтѣхна пачѣіть,
У свѣтѣлочкѣ сѣдѣ,
Да вѣ вакошычка глѣдѣ.
„Калѣ маѣ дѣтѣтышка,
Нихай бѣлѣй пагукѣіть,
Прѣдѣтѣ дамѣ —
Кашкѣ сѣ мѣсилѣамъ пайдѣіть.
Калѣ май нѣвѣстѣчка,
Нихай бѣлѣй пажынайтѣ,
Прѣдѣтѣ дамѣ —памѣлѣйтѣ (по-
[мелѣть]),
Да капусткѣ пахлѣбайтѣ!“

¹⁾ Вар. Себежск. у.
Сѣ каралѣмъ игрѣючи,
Зѣ мѣсилѣамъ гуляючи.

²⁾ Вар.: горѣй.

А сонѣйка за борѣ, за борѣ!
Пустьи миѣ у дворѣ, у дворѣ!
У миѣ ў дварѣ нѣтъ никѣга,
Апрѣчѣ Гѣспѣда Бога,
Да свѣкра лихѣга!
У варѣтахъ пѣраймайтѣ
Да за вадѣй пасылѣйтѣ:
„Нѣвѣстѣчка мая, лѣстѣчка,
Идѣ у борѣ за вадѣю:
Я на тѣбѣ ваўкѣу нашлѣу,
Абѣй злѣга чѣлавѣка!“
— А свѣкрѣтка, мой татка:
Я ваўка ни баѣся,
Атѣ чѣлавѣка атгаварѣся,
Я ваўка карѣмѣсламъ,
А чѣлавѣка гавѣрачкамъ:
„Чѣлавѣкъ, чѣлавѣчикъ,
Пабѣйся ты Бога:
У миѣ ў дварѣ дѣтѣй многа!..

Лѣччи бѣлѣ жѣта жѣти,
А чѣмъ ѣта иравѣя:
Жѣта жѣли устѣичку,
Иравѣя прыгнуўшыся.
Лѣччи бѣлѣ ў дѣўкахъ быть,
А чѣмъ типѣрѣ маладѣцай.
Якъ у дѣўкахъ я бѣла,
Я салѣдкѣй мѣдѣ пила,
А якъ стала маладѣцай,
Ни напѣють и вадѣцай.

А на дварѣ вѣчарѣнка,
Балѣть май сѣрядѣнка.
А чѣмъ шѣ ѣй ни балѣти,
Калѣ нѣкаму жалѣти:
А свѣкарѣ ни батѣшка,
А свѣкрѣу ни матѣшка,
Нѣ вѣтапѣють лѣзинку,
Нѣ напѣрѣють сѣрядѣнку.
Пашѣу свѣкарѣ у краѣнку,
Якъ и вырѣзаў дубѣнку,
Ды на маѣ сѣрядѣнку.
Якъ начѣу миѣ парѣть,
Сѣрядѣну маѣ правѣть,

А чортъ ёта—ни паринья,	А май мамка чўить,
Тольки горшы разбалѣнья,	Мнѣ вичерю гатўить,
А дубинка сырѣшынька,	А сястрица дажыдаить,
Сирядинка синѣшынька!	Бѣлу ложу засѣтилаить,
А мой татухна чўить,	А брѣтилка дажыдаить,
Ёнѣ мнѣ лѣзью гатўить,	За варотамъ пиріймаить.
И зѣ дўхамъ, и сѣ вѣничкамъ,	А вичеря смѣшная,
И сѣ тѣплай вадйцай.	А пасѣтѣля мѣккая!

Гаварйў нашѣ злѣный лѣнѣ,
Вѣ чйстамъ пѣли стѣючи:
„Ахъ вы, люди дйўныи, на што рѣна вѣбрали?
Ни дали мнѣ вѣспити, а на сѣнцы вѣзрити!“
Гаварила Дунюшка сваѣй рѣдной мамки:
„Што рѣна сваты пришли?
Ни дали мнѣ вѣрасѣти, а вума вѣннѣсѣти!“

За лѣсамъ агѣнь гарйть,	— Мнѣ нѣкали рѣтуватѣ
А ў бабы жывотѣ балйть:	И люличку гатуватѣ!
„А мужыкѣ, рѣтўй, рѣтўй,	С. Болецкѣ, Городок. уѣз.
Люличку гатўй, гатўй!“	Запис. кр. Яковѣ Петровѣ.

Пѣня мой, пусѣти мянѣ дамѣй парѣй:
Ў мянѣ дѣма, дѣма бидѣ стала:
Звалилася свѣкрѣў сѣ тыну у злѣненую крапиву!
Ни жалѣ жа мнѣ свѣкрѣваньки,
Да жалѣ жа мнѣ крапйваньки!
Крапйваньку на нйваньку, паливатѣ буду,
А свѣкрѣўку ў магйланьку, пaminaтѣ буду.
Крапйваньку на мѣдѣ прапѣў,
А свѣкрѣваньку калѣмѣ прапѣў!

Вариантѣ. Д. Валеиковѣ, Дриссен. у.

Пирапѣлка, сизая галѣўка,
Ни лѣтай па пѣлю, ни збѣрай калѣсѣся,
Ня вѣй гнязѣдѣчка, ни клѣди яѣчки:
Пастухи пагѣнють, гнязѣдѣчка разрѣють,
Гнязѣдѣчка разрѣють, яѣчки пабѣруть!

На гарѣ лѣнѣ, бѣлинскй кўжыль,
Люли-рана, бѣлинскй кўжыль!
Нѣ сѣ кимѣ стати лѣнѣ ирвати!
Свѣкарка кѣжыть: „мы сѣ табѣю, зѣ маладѣю!“
— Гѣта ни рѣанья, да гариванья!
А на гарѣ лѣнѣ, бѣлы кўжыль,
Нѣ сѣ кимѣ стати лѣнѣ ирвати!
Мйлинскй кѣжыть: „мы сѣ табѣю, зѣ маладѣю!“
Гѣта ирѣанья—цалаванья,
А мйлага абниманья!

Люли-рана, абниманья!

Д. Тоболки, Дриссен. у. Отѣ кр. Оеклы
Ходаковской зап. Н. Нездачина.

Май нйўка рѣдинька, забалйть сѣрѣдинка.
Мѣманька-рѣдйтка, вѣтыпи ты бѣннѣку,
Вѣлами бѣрѣзыньку ды папѣрь сѣрѣдинку!

„Павѣй, павѣй, бўянѣ вѣтйрь, па чйстѣму пѣлю,
Павѣнь, павѣнь, рўта-мѣта, у гарѣдѣ стѣя!“
— Якѣ я магў павѣнѣти, калѣ дѣжжыкѣ паливѣить,
Калѣ дожжыкѣ паливѣить, бўйный вѣтйрь павивѣить.
„Гуляй, гуляй, Акулинка, у рѣднага татки!“
— Якѣ я магў гуляти: што-дѣнѣ сваты наижжають,
Што-дѣнѣ сваты наижжають, тѣтки зѣ мамкай дакучають.
Тѣтку зѣ мамкай вѣ кабакѣ вѣдўть,
Минѣ мѣладу сѣ сабѣй бѣрўть!

Нашѣ Алѣксушка багѣть, багѣть,
На красавицы жынѣть, жынѣть,
Высокѣ тѣримѣ стрѣить, крышу мѣдѣдѣ крѣить
Гѣначкамѣ на рѣначикѣ, вакѣшычкамѣ на вўлицу.
На гѣначикѣ выйѣти пасидѣть,
Вѣ вакѣшычка на вулицу пагидѣть,
На гѣначикѣ тѣсѣ багѣтый придѣть,
Вѣ вакѣшычка крѣсна дѣвица вѣайдѣть.

Себеж. у. Зап. П. О. Альтимовичѣ.

А на двори вичарѣць,
Маймў серцу висялѣць,
А на двори смиркайтца,
Дамбў симѣя збярэйтца.
А я молада ни вѣдала,
Што мой мўш наравістый:
У варобтахъ пірймайтъ,

Чужой жанбѣ называйтъ:
„Чужа жына, дѣ ночь была?“
— Начувала я ў татухны,
Пірыспала я зъ мамухный,
Паскакала ісь сястрыцый,
Пагуляла я зъ братиткамъ!

„Да ти вышла да тёмная туча съ падъ тёмнага лѣсу?“
— Да ня вышла да тёмная туча съ-падъ тёмнага лѣсу,
Да вѣслала да дробнага дожджу, да буйнага вѣтру! ¹⁾
„А ти вышла наша гаспадынька ранинька на нйўку?“
— Да ня вышла наша гаспадынька ранинька на нйўку,
Да вѣслала наша гаспадынька да трѣхъ пірыпелокъ,
Да трѣхъ пірыпелакъ, нивѣстакъ-лябѣдакъ!
Жнितя, жнейки маладыи, сярпкѣ залатыи,
Да будить жа вамъ паўгарца гарэлки и сыръ на тарэлки!

С. Долосцы, Себеж. у.

Запис. кр. Зах. Орловъ и Ал. Скороходовъ.

Дожиночныя, обжинныя.

Минская губернія.

Въ день дожинокъ жнеи одѣваюцца въ лучшіе костюмы, а хозяйка готовить лучший обѣдъ, съ водкою. При окончаніи работъ три дѣвушки начинаютъ вить вѣнокъ: одна выбираетъ лучшіе колосья, другая вѣетъ вѣнокъ, а третья поддерживаетъ его. Окончивъ жатву, жнеи надѣваютъ приготовленный вѣнокъ на голову одной изъ дѣвушекъ и съ пѣнями идутъ къ дому хозяина. У воротъ двора или на крыльцѣ жней встрѣчаетъ хозяйка, беретъ съ головы дѣвушки вѣнокъ и даетъ ей серебряную монету. Затѣмъ жней угощаютъ, причемъ онѣ поютъ и пляшутъ. Пѣсни слѣдующія:

Зялёнъ нашъ боръ, зялёнъ надъ усѣми барамі,
Хвалёнъ нашъ панъ, хвалёнъ, надъ усѣми панамі:
Зыняў шапачку, стаў на ганачку,
Да вѣкатну бочку пива, а другую гарэлки,
Напойтъ сваѣ жнейки.
Нашы жнейки ни жаўнѣрки—ня пьютъ гарэлки!

¹⁾ Вар. Выхадила тучка съ-падъ

[тёмнага лѣсу,

Вывасіла тучка буйнінѣхъ вятрочкау,

Дробнінѣхъ дажджочкау.

Выхадила наша гаспадынька

На вулицку рана,

Вывадила наша гаспадынька

Семъ сынбу сакалоу,

Дочикъ пірыпелокъ, нивѣстакъ-лябѣ-

дакъ.

Да нашъ панъ маладѣнькій,
Падъ імъ конікъ варанѣнькій,
Для пѣстаті паижая,
Свайхъ жнѣякъ патишай:
„Маѣ жнѣйки ни жаўнѣрки —
Ня пьютъ горкай гарэлки.
Да выкачу бочку мѣду,
А другую гарэлки,
Да напая сваѣ жнѣйки!“

Да нашъ панъ у ганачку
Да изыняўшы шапачку:
„Да ка мнѣ, жнейки, ка мнѣ,
Да зъ густыми снапамі,
Да щѣ щастыми капамі:
У мянѣ гумно вялікая,
Застарѣнкі шырокія,
Арўды глыбѣкія!“

Засѣтилайтъ сталы, лавы, —
Бѣда госьць нибывалый.
Нямножка пабываю,
Да й у поля выижая.

Пайдў я дарбгаю,
Пайду я шырокаю,
Пуцу гбласъ дуброваю:
Нихай гбласъ галасуя,
Нихай май мати чуя.
„Кали май дитятка,
То нихай пагуляя
Па шырокіхъ вулицяхъ
Зъ маладымі малайцамі,
А кали нявѣстачка,
Нихай прывыкая
Па шырокіхъ пѣстатяхъ,
Пры лихихъ прыганятыхъ,
Пры дурныхъ ни жанатыхъ!“

У насъ сягодня вайна была:
Мы поля зваивали,
Жыта дажали!
Зьмяли поля мятѣлкай,
Прышли дамбў зъ вясѣлкай!

Да калина-малина, ня стой надъ ракою,
Ни кивай галиноу, ни раўнуйся са мною!
Тады табѣ раўня была, якъ я ў матачки жыла,
Бялёнька бяліла, харашёнька хаділа!

Аччынййтъ щитѣвы вароты,
Идутъ жнеи зъ работы,
Ни такъ жа зъ работы, якъ жѣ жарки някѣты!
Вѣчаръ вичарѣя, душа висялѣя,
Заранка зарая, душа занывая,
Што трѣба йти на работу, на жарку някѣту!

Да мы сваймў пану да чыніли славу,
Усѣ жыта пажали, у копы паклали!

Кала садынька дарбжычка тѣрна.
Хто жѣ та тую дарбжычку тарнйу?

Маладый парань да дѣвачки хадіу,
Ёнъ для дѣвачки гасѣтінчыкі насіу,
Ахъ, сладкі яблочки, папранічкі дарыу.

А ў нашага гаспадара кудравага галава:
Ёнъ кудрамі патрасе, намъ гарэлки паднясе!

Загарыся вячэрняя зорка	И бѣлыя гарнастаі!“
Пирадъ раньняй расой,	— Ня грэюць мянѣ куны, соббали,
„Прибярѣся, наша гаспадынька,	Ни бѣлыя гарнастаі,
Пирадъ нами жніямі:	Толькі грэя бацькіна падвор'я
Надывай ты куны, соббали	Да маѣ здарбѣя!

Чія дбня?—Палова!
Што дѣлала?—Палобла!
Што палобла?—Мбркаўку, пастарнакъ,
Ды й скалбла нѣжыньку на буракъ!
Сыщытыя мнѣ казачка съ кабачка —
Ти ня вѣйма зъ нѣжынькі бурачка?

М. Заславль, Мин. у. Зап. Ал. Матіасевичъ.

Могилевская губернія.

Въ Быховскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ южныхъ, оканчивая жать, на послѣдней полосѣ оставляютъ нѣсколько колосѣвъ и связываютъ ихъ вверху ленточкой или соломинкой ржи. Колосѣя эти оставляются „на барадѣ Богу“. Бороду эту чистенько полить рукою, завернутою въ рукавъ, но ни въ какомъ случаѣ не голою, разстилаютъ среди колосѣвъ чистую холстинку и на ней кладутъ кусочекъ хлѣба и соли, съ молитвою и земными поклонами. Послѣ этого жница должна три раза покаться по нивѣ вѣмъ тѣломъ и сказать:

Ніўка, ніўка, аддай маю сілку
На другую ніўку!
На коника лой, на ніўку гной,
А мнѣ здарбѣя!
Суди, Божа, налѣта жати
И ядранѣйшая и гусѣтѣйшая!

Только послѣ этого обряда жницы уходятъ домой.
Съ жниальныхъ кушаній обязательны блины и крутая каша.

Когда начинаютъ свозить рожь съ поля въ гумно, то предъ первымъ возомъ разстилаютъ въ воротахъ гумна скатерть, въ которой въ Пасху отвозился въ церковь для освященія пасхальный столъ. Для этого у хорошихъ хозяекъ имѣется особая скатерть. На эту скатерть кладутъ бѣльевую качалку и по ней везутъ рожь въ гумно.

При сушкѣ первой „ѣвни“ огонь подъ осѣтью распаливаютъ сухой травой, освященной въ Троицынъ день или на Ивана, или прошлогодней Макавеевской (1 августа).

С. Городецъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ на бороду оставляютъ кустъ самой лучшей ржи; садятся около нея и вяжутъ красными нитками крестъ изъ колосѣвъ, потомъ плетутъ хозяину вѣнокъ. Выпловши бороду, чтобы въ будущемъ году рожь была чистая, и поливши ее водою, чтобы не было засухи, разстилаютъ среди колосѣвъ бѣлый платочекъ, кладутъ на него краюшку хлѣба и посыпаютъ ее солью. Потомъ собираютъ полевые цвѣты и украшаютъ ими бороду. Послѣ этого жницы ложатся на землю, чтобы въ будущій урожай рожь была хорошая и колосѣя гнулись къ землѣ. (Ср. выше). Вставши съ земли, жницы моютъ руки водою, чтобы на будущій годъ было чистое жито и не вызываютъ серпы травкою или соломою, чтобы въ будущемъ году не порѣзать рукъ во время жатвы. Послѣ этого отправляются домой съ вѣнкомъ и крестомъ. Крестъ этотъ и вѣнокъ вмѣстѣ съ нововымоленнымъ житомъ освящаются въ церкви 15 августа.

Если по семейнымъ обстоятельствамъ какая-нибудь „малосильная“ семья опоздаетъ съ жнивомъ, сосѣди, сжавшіе свои нивы, приходятъ ей на помощь: „хадіты къ Пятрѣ Сухарѣукаму на талаў!“ Хозяинъ благодаритъ ихъ за помощь хорошимъ обѣдомъ и угощаетъ водкою.

Есть нѣкоторыя повѣрья о двуколосныхъ стебляхъ. Говорятъ, что если женщина съѣстъ двойной колосъ, она неизбежно будетъ имѣть двойни. Такіе колосѣя даютъ ѣсть овцамъ, чтобы онѣ приносили по двое ягнятъ.

Вѣра въ силу заломовъ, завитокъ, закрутъ все еще держится. Дѣлаютъ эти заломы вѣдьмы и колдуны, чтобы навредить хозяину нивы. Обыкновенно, это дѣлается раннимъ утромъ до восхода солнца. Вѣдьмы при этомъ снимаютъ съ себя одежду и дѣлаютъ завитки голыми и съ распущенными волосами. Бывали случаи, что крестьяне застигали вѣдьмъ на завиткахъ. Но видъ голой вѣдьмы съ распущенными волосами, въ предразсвѣтномъ сумракѣ, вызывалъ у нихъ такой страхъ, что они цѣпенѣли и не могли даже перекреститься. Пользуясь этимъ, вѣдьмы требовали отъ непрошеннаго свидѣтеля „присяги“ въ томъ, что онъ до самой смерти никому не расскажетъ объ этой встрѣчѣ. Боясь мести и даже опасаясь, чтобы вѣдьма силою діавола тотчасъ же не задушила свидѣтеля, онъ давалъ такую

клятву. Заломы, завитки и закруты, какъ показываетъ самое названіе, бываютъ трехъ видовъ: въ заламахъ горсть стеблей изламывается и колосья прикипаютъ къ землѣ; въ завиткахъ берутся двѣ сосѣднія горсти стеблей, скручиваются каждая жгутомъ и завиваются вверху въ видѣ арки; въ закрутахъ горсть стеблей скручивается жгутомъ и завязывается въ видѣ узла. Чтобы обезвредить это колдовство, чаще всего приглашаютъ причтъ, который послѣ молитвы вырываетъ испорченную рожь епитрахилью и сжигаетъ на разложенномъ хозяиномъ кострѣ. Нерѣдко зовутъ на ниву колдуна, который считается сильнѣе вѣдьмъ, и тотъ вырываетъ закруты. За это ему платятъ хлѣбомъ, одеждою и деньгами. Болѣе развитые хозяева при жнивѣ обжинаютъ заломы, а потомъ съ молитвою сжигаютъ ихъ, какъ они стоятъ.

При молотьбѣ новаго хлѣба варятъ крутую кашу изъ разныхъ крупъ, чтобы въ будущемъ году уродилась густая рожь. При этомъ же считается обязательнымъ и употребленіе водки: „сегодня абмалѣтки, трѣба на чарцы выпить“. При окончаніи же молотьбы всей ржи, водка распивается на току въ гумнѣ.

Привожу нѣкоторыя изъ дожиночныхъ пѣсенъ Гомельскаго уѣзда.

Да ўжѣ вѣчаръ вичарѣя,
Нашъ панъ висялѣя,
Па пѣстаті поясждѣя
Сваѣ жнѣи прыганяя:
„Жнѣіты, жницы, жнѣіты,
Сябѣ ни пазьнѣіты,
Майгѣ канѣ варанѣга,
Мянѣ, пана маладѣга,
Майгѣ каня стрыкѣтага,
Мяне, пана багѣтага.
Да ўжѣ вѣчаръ вичарѣя,
Наша пани висялѣя
Па пѣстаті пахадѣя,
На пагѣду паглядѣя:
„Малѣ Бога за пагѣду,
Што маѣ жнѣіцы у поли,
Касцѣ маѣ на балѣіты,
Усеі люди на работі!“

Да ў нашаго пана да нядѣбрана
[слава:

Па мѣсяцу жѣіта жали,
Па зѣбрамъ кѣіпы клали.
Тѣмна ў пѣлі, тѣмна,
Бадаі таму тямнѣі было,

Хто да хаты ни пускаѣя,
Да на пали насъ трымѣя!
А мы пѣзна съ пѣля ідѣмъ,
Да прыганѣітага клянѣмъ!

Сядѣіты мядѣвѣдъ на капѣ,
Дивѣітца барадѣ:
А чѣй тѣ барадѣ
Чорнымъ шѣўкамъ павітѣ,
Сытѣі-мѣдамъ палітѣ?
А Пятрѣва барадѣ
Чорнымъ шѣўкамъ павітѣ,
Сытой-мѣдамъ палітѣ!

Скупому же хозяину поють:
Сядѣіты мядѣвѣдъ на капѣ,
Дивѣітца барадѣ:
Ой, дѣіуна имѣ да той барадѣ:
А чѣй то барадѣ
Смалѣю палітѣ,
Пянѣкѣю павітѣ, и т. д.

Уходя послѣдній разъ съ поля,
поють:

Запѣмъ ми ѣту, що здѣсь нѣту,
Запѣмъ малѣдку на ўсею глотку!

Малѣдка, малѣдка, маладѣя,
Салѣдѣкая жанѣ палкавѣя!
Да пѣзна на вуліцы хадѣіты,

Да пѣзна на мѣіламу тужѣіты!
— А якъ жа мѣі ня тужѣіты,
Мѣі такѣга павѣкѣ ня нажѣіты!

Сѣіняіка нѣізянѣка, вичарѣкѣ блѣізянѣка,
Да прыбѣдъ да мянѣ, да мой мѣілянѣкѣі!
Ти ты мянѣ сѣідишъ, ти ты мянѣ гѣідишъ,
Да другѣіа хѣідишъ, пра мянѣ гавѣірышъ,
Да на мянѣ, дѣіўчѣіначку, худу славу гѣінишъ!
— Ня бѣіся, дѣіўчѣінка, ты худѣіа славы,
Пѣійдимъ павѣіньчѣіамъ, дакъ будѣі насъ пѣіра,
Нѣіхто ни разсѣідя, нѣіхто ни разлѣіча,
Тѣільки насъ разсѣідя, тѣільки насъ разлѣіча
Заступъ да лапѣіта, бѣізвугѣілна хата,
Глыбѣіка магѣіла—пращѣіі, маѣі мѣіла,
Жѣіўтѣінькѣіі пѣісѣічакъ—пращѣіі мой дружѣічакъ!

Поповская вол., Гом. у.

Витебская губернія.

При окончаніи жатвы здѣсь также оставляется горсть колосьевъ, но называется она не бороною, а „кустомъ“. Въ Витебскомъ уѣздѣ для куста оставляется десять колосьевъ. Жницы садятся вокругъ куста и начинаютъ медленно полоть траву въ кустѣ. При этомъ поется слѣдующая пѣсня.

Край пѣіля шѣірѣікыга,
Пѣісярѣдъ мѣіря глыбѣікыга,
А ішѣіу спарѣішъ ды на вѣілицы.
Нѣіхто спарѣішѣі у хату ни завѣіть.
Вышла, выплыла вѣімныя жѣіна Андрѣіева:
„А хади, спарѣішъ, ка мѣі ѣі хату,
А садѣісь, спарѣішъ, ды на пѣікути,
На пѣікути ды на зѣілыты,
А ішъ, спарѣішъ, сѣіхарный кусъ,
А пѣі, спарѣішъ, зѣіляно вино!“

Затѣмъ берутъ небольшую краюшечку хлѣба, сыплютъ въ средину ея соль и кладутъ хлѣбъ посреди выполотыхъ колосьевъ. Потомъ завиваютъ колосья справа налево, и каждая жница обязана нѣсколько разъ перекатиться по этому завитому кусту. Дѣлается это для того, чтобы въ будущемъ году былъ хорошій урожай и чтобы колосья отъ тяжести клонились къ землѣ. Послѣ этого выютъ вѣінокъ и надѣівають его на голову дѣівушкѣі-жницѣі. А если среди жницъ дѣівушки нѣітъ, то вѣінокъ надѣіваетъ себѣ на руку одна изъ жен-

щинъ. Съ поля жницы идутъ съ вѣнкомъ въ домъ хозяина нивы и поютъ ту же пѣсню „Спорышъ“. Хозяйка встрѣчаетъ ихъ въ сѣняхъ у порога, беретъ вѣнокъ и одаряетъ принесшую его деньгами. Послѣ этого слѣдуетъ угощеніе и пѣніе пѣсенъ.

А ти побѣна арѣхыва чашка салодкыга мѣду?

— Такъ побѣна, што ни кылыхнѣтца, ни пыліетца.

А ти побѣна Григорьива гумно жыта идранога?

— Такъ побѣна, што канѣмъ ня ўхыты, пышкѣмъ ни вуйты,

Тольки мѣжна сѣкылу улятѣть дыбра пыглядѣть!

Щербинская вол., Витеб. у.

У насъ сѣни абжѣначки,
А намъ, дѣвачкамъ, гарѣлачки!
А мы горькай ня хѣчимъ,
Намъ дадутъ салодынькай.
А горькая у горли пяршѣтъ,
А салодкая сама бяжѣтъ!
А мы люди ня гордыя,
Выпѣимъ и горькія,
А мы люди ня пышныя,
Выпѣимъ и съ вишнями!
Хозяину вянокъ,
А намъ, дѣвачкамъ, мядокъ.

С. Лѣсковичи, Вит. у.

А у насъ сѣни дажѣнъ, дажѣнъ,
А прыкащѣку ражѣнъ. ражѣнъ!
Мы да краю дагѣнимся.
Мы гарѣлачки напѣмся.
Гаварыла бачѣначка,
У пѣўницы стѣя:

„Калі минѣ ня выпѣіти,
Па пѣўницы пакачѣся, разаль-
люся!“

Гаварыла Настулька у татки
[радиѣга:

„Калі минѣ замашъ сѣльта
[няддасѣтѣ,
То я сама пайдѣ!“

А ў край поля, поля чѣстага,
А ў край мѣри, мѣри сѣнига,
Тѣвилі кудри, кудри русыи
[Иванавы,

Съ-падъ шапаньки
Съ-падъ бабрѣвинькѣй,
Съ-падъ хѣстаньки
Съ-падъ шаўкѣвинькѣй.
Хѣдѣтъ жнѣи, жнѣи маладыи.
Жнѣи маладыи, сярпѣи залатыи,
Нихто ихъ у хатку ни завѣтъ.
Завѣтъ жа ихъ Иванічѣка,
Сѣдѣтъ за століки за тисовыи,
За скатірки за бялѣвыи.
Наливаѣтъ кѣбачки паўнѣшыньки.
Кѣбачки паўнѣшыньки,
А жнѣи пѣянѣшыньки,
Столички пазавалѣлісь,
А жнѣи павалѣлісь.

Ляжѣтъ казѣтъ на мяжѣ,
Дивѣйтца барадѣ:

А чѣя-жѣ то барада,
А ўся мѣдамъ уліта,
А ўся мѣдамъ уліта,
А ўся шѣўкамъ увѣта?
Василѣва барада,

А ўся мѣдомъ уліта,
А ўся мѣдомъ уліта,
А ўся шѣўкамъ увѣта.
Ты, Агафѣя (жена), ни ляжѣ,
Усѣ барѣданьку ляжѣ!

Скупому хозяину поютъ:

Ляжѣтъ казѣтъ на мяжѣ,
Дивѣйтца барадѣ:
А чѣя-жѣ ба барада,
А ўся дѣхтѣу уліта,
А ўся дѣхтѣу уліта,
Мачѣлами увѣта?
Ты, Сахвѣйка, ни ляжѣ,
Усѣ барѣданьку ляжѣ!

А хазѣинъ сѣлизѣнъ,
За гарѣлкой палѣтѣу,
А хазѣйка тѣтѣра,
Ти гатѣва вѣчѣра?
Наварыла буракоу,
Накидала чирвякоу,
Наварыла кашы,
Насыпала сажы.

Бабиничск. вол., Витеб. у.
Зап. кр. Кондратьевъ.

Найсвѣньша Матка (2)
Раю, раю, па нѣбу хадѣла,
Калѣсься, збирала (2),
Раю, раю, вянокъ завивала.
Вянокъ завивала (2),
Раю, раю, пани падавала.

Поютъ, когда вѣютъ вѣнокъ.

Несетъ вѣнокъ на головѣ одна
изъ дѣвушекъ въ сопровожденіи
всѣхъ жней. Подходя къ крыльцу
хозяйки, поютъ;

А палѣ, пѣня, свѣчку,
Выхадѣ къ намъ на сустрѣчку,
Прынимаѣ сваѣ дабрѣ,
Да ў вялікая гумно!

Когда хозяйка идетъ брать вѣ-
нокъ, то дѣвушка, несшая вѣнокъ,
говоритъ:

„Судиў Божа на гѣта,
Суди-жѣ Божа й на лѣта.
Судиу Божа спажывѣти,
Суди жѣ Божа спажывѣти!“

Хадѣу раю, раю-раю, па вѣлицы,
Нихто раю, раю-раю, ў хатку ня прѣсѣтъ.
Тольки напѣсѣтъ, раю-раю, а нашѣ паночѣкѣ:
„Прѣша раю, раю-раю, ў маѣ хатку!
У маѣ хатцы, раю-раю, ўсѣ у парѣдку:
Сталѣ накрыты, раю-раю, кубки наліты;
Маѣ абрѣсы, раю-раю, бялѣвыя;
Маѣ кубки, раю-раю, залатыя;
Виномъ-мѣдамъ, раю-раю, наліты!“
— А хто жѣ кубки, раю-раю, да наливаў?
— Наливала кубки, раю-раю, наша пѣня!
Ина жнѣикѣ, раю-раю, дажыдала,
Старшую жнѣйку, раю-раю, чѣставала!

Пѣсня эта считается самою важною изъ числа дожиночныхъ.
Народъ говоритъ, что эту пѣсню пѣлъ самъ Богъ, когда кончилъ
жѣтъ.

А ў насъ сягѣдня дажѣнъ, дажѣнъ,
А хто ни дажѣу, тамѣ ражѣнъ, ражѣнъ!

Хадіу спарыш па вуліцы,
Ніхто спарыша ў хату ні бирэць.
Атазваўся маладыі Змітрэць,
Узяў спарыша кь сабѣ у хату,
Пасадыў спарыша на кутѣ.
„А ў минѣ для спарыша
Сталы засланы бѣлымі абрусымі,
Кубкі наліты зялёнымъ виномъ!“

У другимъ кубку зѣляна вино,
А ў трэтьимъ кубку саладоць
[мядоць!]
Зѣляна вино яго челядѣ пьѣць,
Пшанишна пива самъ моладѣ
[пьѣць,
Саладоць мядоць яго дѣтки
[пьѣць.
Лепельскій у.

Хадіу раѣ па вуліцы,
Ніхто раю ў хатку ня прасіць.
Прасіць-папрасіць нашъ Си-
[мбѣнка:
„Хаді, раю, у хатку ка миѣ:
У мянѣ хата тясобая,
У мянѣ абрусы бялёвыя,
У мянѣ кубкі залатыя,
Мѣдамъ-півамъ налітыя:
Въ аднымъ кубку пшанишна
[пива,

Варіант Дриссен. у.

Ишоу раѣць дарбогаю,
Дарбогаю шырокаю.
„Хаді, раѣць, на мой двароць:
Маѣ лаўкі шырокія,
Маѣ сталы чісбвыя,
Маѣ абрусы бялёвыя,
Маѣ хлѣбы бумажныя!

Д. Гердики, Тоболков. в.
Отъ кр. Нат. Бавтрушевичъ.

Въ Себежскомъ уѣздѣ дожинки справляються въ концѣ жатвы яровыхъ. Когда колосевъ (обыкновенно—овса) остается уже мало, ихъ поручають жать одной дѣвушкѣ; потомъ изъ нихъ платутъ вѣнокъ и надѣвають его на голову той же дѣвушкѣ. Послѣ этого отпра- вляются кь хозяину нивы, дѣвушка въ вѣнкѣ идетъ впереди, а жницы, съ серпами на головахъ, вслѣдъ за нею. Придя кь хозяину, дѣвушка наклоняетъ голову; хозяинъ снимаетъ вѣнокъ, вноситъ его въ домъ и кладетъ на божницу, а потомъ благодарить жницъ и угощаетъ ихъ виномъ и закускою.

Къ сожалѣнію, пѣсни здѣшнія записаны слабо и я рѣшаюсь дать мѣсто только тремъ изъ нихъ.

Окаль саду, окаль вишыня,
Ходить голубъ изъ галубкаю;
У голуба залатая галава,
У галубки пызалобчинная,
Чернымъ шолкымъ приустробчинная.
Бѣдитъ Ваня и дѣвитца:
„Пирйди, май галубка, на маю старанѣ!“
— Я бѣ и рада пирйти—пирйходу ни найти:
Чиризь рѣчку пирййти—цвѣтна плаѣття замачиѣть;
Па дарожки прайти—лицо бѣла запылѣть;
Па масточку пирййти—маставога заплаѣтитъ.

А якъ жаркимъ лѣтамъ ярая пчѣлка
Па чѣстаму полю мѣдава судѣшка шукала.
Мѣдава судѣшка ни нашла,
Тольки нашла горькою аси́ну!
А якъ горькая сиратинушка
Искала сваѣй радѣтильки—матки.
Ни нашла сиратинушка рѣнной матки,
Ды нашла сирата горькая
Старага лихѣга свѣкра!

А мы ко́ньчили на по́ли пажо́нь,
А нажали мы тѣсичу капѣнь!
Выхаді, хызяинъ, зъ бутѣлышкый,
Вынаси, хызяйка, сырѣ са хлѣбушкый!
Прымачі, хызяинъ, наши горлышки,
Пылячй, хызяюшка, сярѣдушки!
Ны пачѣть кладѣмъ вяно́ць зирнаво́й.

Зап. г. Альхимовичъ.

Ишоу раѣць дарбожухный,
Ни знаѣть раѣць, гдѣ абмита-
[тися!

Вышла паня, ўсѣ баірыня:
„Звярнісь, раѣць, ўсѣ на мой
[двароць:

Май двары ўсѣ митѣны,
Прысадухны ўси зилѣны,
Винаграды ўсѣ сажоны,
У насъ стравухны сахарны,
У насъ хлѣбы ўсѣ бумажны!“

С. Долосцы, Себеж. у.
Зап. Н. Нездачина.

Нашъ хазяинъ Дунай,
Хазяюшка, якъ малина,
Хазяина абманѣла.

Нашъ хазяинъ сыту сѣтитъ,
Хазяичка гарѣлачку,
Нашъ хазяинъ гасѣтѣй по́ить,
Хазяюшка сямѣюшку.
Госѣти будуть, да паѣдутъ,
А сямѣйка са мной бѣудитъ!

Зьмятѣмъ по́ля мятѣлачкай,
Придѣмъ дамбѣ зъ вясѣлачкай.
Выйди, выйди, панъ хазяинъ,
Пирййми своѣ дабрѣ
У шырокая гумно,
У мидяныя варѣты,
Ў залатыя пирйцлѣты.

С. Болецкъ, Город. у.

Выхадѣла туча съ-падъ тѣмнага лѣса,
Вынасила туча да буйнага вѣтра, да дробнага до́жджа.
Выхадѣла наша гаспадѣня, наша маладая,
Вынасила па чѣрки гарѣлки и сырѣ на тарѣлки.

С. Вировля, Город. у.

Ай, дабранычъ, мыйя кру́гля
[нйўка,
Ды за добрую жийўку!
Ай, спасибо Богу за падмо́гу:
Што два по́ли увывбрали,
А трэ́тыя зыпахали,
Какъ первая спары́нья
Зва́лыся съ карёння!

Кабы́ намъ чатырёмъ ядрёная жыта —
Мы бъ ягё пыжына́ли!
Кабы́ намъ чатырёмъ ды пъя́ная пива —
Мы бъ ягё папыва́ли!
Кабы́ намъ чатырёмъ ды звонкя́ гўсьли —
Мы бъ на ихъ пыигра́ли!
Кабы́ намъ чатырёмъ мыладой дятна́ —
Мы жъ бы зъ имъ жартава́ли!

Павила́ся тонкая паутинка
Ды па чы́стому полю.
Научила́ся мылада́я дяўчйнка
Чорнымъ шолкымъ шы́ти,
Зобыта́мъ страчы́ти.
Ана шы́ла й вышывала,
Бра́тцамъ кыўняречки,
Сёстра́мъ рукавочки:
Вы й насй́ти, братцы, кыўняречки,
Сёстры рукавочки!
Какъ зайду шъ я ды ў чужы́н
[люди,
Ды ў вялы́ку сямейку,
Я забуду́сь чорнымъ шолкымъ
[шыти,
Зобыта́мъ страчы́ти:
А то́лька буду талобъ, малобъ,
Ды вады́цу насй́ти,
Ды печку тапы́ти.
Ушъ на дваръ ня ра́на,
Дёўка ключи пыты́ряла:
„А хто май ключи знайды́ти,
За тагё я замышъ пайдў́!
Я звязу́ яму кашу́лю
Тонку, бёлу, намети́сту!
Нашоў жа ключи стары́й дёть.
„Я за ста́рага замышъ ни пайдў́,
Ни звязу́ яму кашу́льку
Тонку, бёлу, намети́сту!

Запашу́ я лянку́ цёлыю паля́нку.
Не ўрады́ся лёнь, взышлы́ канале́ньки!
А ўпавадилы́ся у ихъ пташкы, да ўсе́ ворябе́йки.
А я таму ворябе́ю ко́лымъ нагу́ порябе́ю.
Ворябе́йка скачы́ти, па тэй но́шки плачы́ти.
Я на тую но́шку, вы́визу па́ньчбшку;
Я на то́я тэ́льца, куплю пыла́тёнца.

Якъ пады́ га́ймъ, пады́ зялё-
[нымъ,
Дёўка ма́ла лянко́къ бра́ла.
Биря́ лянко́къ, гывари́ла:
„Зимля́ мыйя сёри́нькая,
Мамка мыйя стари́нькая,
Вазьми́ минё ма́линькыю!“
— Дитя маё дыраго́!
Взяўшы́ тебе́, жы́ть ня бу́дишъ,
Въ люди по́йдишъ, долю во́зь-
[мишъ,
Долю во́зьмишъ, сына ро́дишъ!
—
У насъ сяго́дни абжы́нчкы,
Мы напы́емся гарёлы́чкы!
Мы сяго́дни дажнё́мъ,
Хы́зьяна ражнё́мъ,
А хы́зьяшку чыпе́льникомъ.
С. Казаково, Велижск. у.

На на́шый нйўки сяго́дня абжы́нчкы,
Мы жали, радё́ли, гарё́лки хатё́ли.
Намъ цыты́рёмъ гарё́лыцкы лыпы́рёмъ,
Намъ пята́ку гарё́лыцкы зъ мятко́мъ.
А гарё́лыцка катобъ каты́лыся у ратобъ.

Усе́ лё́та спары́ зъ намъ на нивушкы была́,
А сяго́дня спары́, зъ намъ дамбё́у нашла́..
Иди-ткы шъ, спары́, кы Вану въ ага́ро́тъ,
Кы Вану въ ага́ро́тъ у Иваныву асе́тъ.
На ниви спары́ ужы́ньчыста была́,
А ў ага́роды спары́ прыстаўчыста была́,
У адоб́кы спары́ уклады́ста была́,
У асе́ти спары́ прису́шыста была́,
У паса́ды спары́ присобды́ста была́,
А ў ку́цы спары́ прыгре́бдыста была́,
А ва 'нба́ры спары́ прысе́пыста была́,
А у мо́лу спары́ умобцы́ста была́,
А ў дия́жы спары́ патхо́дыста была́,
А у пё́чи спары́ прыпе́цыста была́!

С. Узкое. Зап. Т. Модзалевская.

Ишбё́у казе́ль пы мяжы́,
Дывава́ўся бырадё́:
„Цыя́ ёта быры́да,
Полна ме́дамъ нылита́,
Бяре́стыцкымъ увй́та?“
— Михайлы́на быры́да,
Полна ме́дамъ нылита́,
Бяре́стыцкымъ увй́та!
Авдо́тьця ни ляжы́,
Михайлы́ну бырадё́у аблы́жы!

Пыхинё́ўся зялё́ный дубо́къ у шёры́й баро́къ;
Пыхвы́ляўся Высылё́къ ны свайго́ атца́:
— Ня буду свайго́ атца́ слушы́ти, и мату́шку увыжа́ти:
Буду па по́лю го́цать, красныхъ дё́выкъ выбира́ти.
Выби́ру сабё́ дёўку быга́тыга ро́да, вялы́кыга ро́ста;
Буду яё́ слушы́ти и ма́ть съ атцо́мъ яё́ увыжа́ти!

С. Манлокъ. Зап. К. Коптёловъ.

Чый жь гэта барада
 Медамъ-виномъ уліта,
 Чорнымъ шолкамъ ушыта?
 Рана, рана!
 Сьтипанава барада
 Медамъ-виномъ уліта,
 Чорнымъ шолкамъ ушыта,—
 Рана, рана!
 Ты, Анютка, ни гуляй,
 Шолкъ зь барады выбирай,
 Рана, рана!
 Скупому хозяйну поюць:
 Чый жь гэта барада
 Смалой, дэхтамъ уліта,
 Дратваю ушыта?
 Рана, рана!
 Михалкава барада
 Смалой, дэхтамъ уліта,

А дратваю ушыта,
 Рана, рана!
 Ты, Катрынка, ни гуляй,
 Смалу зь барады выбирай,
 Рана, рана!
 —
 А ў тёмнымъ лѣси, 2
 Рана, рана!
 Мядзьвѣдъ рыкайць.
 Рыкай, ни рыкай, 2
 Рана, рана,
 Я ни баўся,
 Тольки баўся, 2
 Рана, рана,
 Тёмныя почки!
 Тёмная ночка, 2
 Рана, рана,
 Разлука наша!

Д. Заулки Дисн. у. Вилен. губ.
 Отъ А. Пилипенковой запис. мною.

Да ти выйдзі да тёмная туча сь надъ тёмнага лѣсу?
 Да ня вышла да тёмная туча сь надъ тёмнага лѣсу,
 Да выслала дробнага дожджу да буйнага вѣтру:
 Паліты, дробныя дажджы, павѣіты, буйныя вятры!
 — Да ти выйдзі наша гаспадынька жыта дажынаці?
 Да ня вышла наша гаспадынька жыта дажынаці,
 Да выслала трохъ сынокѹ-сакалокѹ, дачкоѹ-пирапѣлкаѹ:
 „Жніты, жніты, вы сынкі-сакалкі, дачкі-пирапѣлки!
 Да нажніты дэвіць копы жыта, а Дисітую пшаніцы,
 Да вѣкачу дэвіць бочакъ пива, а Дисітую мѣду!“

М. Браславъ, Ковен. губ.

20 іюля, день прор. Іліи, въ Бѣлоруссіи празднуется повсемѣстно. Такъ какъ, по существующему повѣрью, пр. Ілія ѣздитъ по небу въ золотой колесницѣ и отъ его колесъ исходитъ громъ, а отъ ударовъ копытъ лошадей происходитъ молнія, то святому служатся молебны о ниспосланіи дождя во время засухи.

Молніей пр. Ілія убиваетъ злыхъ духовъ. Громовыми стрѣлами народъ называетъ орудія каменнаго вѣка преимущественно неолитического періода, шлифованныя. Тамъ, гдѣ рѣдко встрѣчаются окаменѣлости белемниты, народъ даетъ имъ названіе „перуновыхъ стрѣлъ“. Въ другихъ мѣстахъ ихъ зовутъ чертовыми пальцами.

Во время сильной грозы предъ иконами зажигаютъ свѣчи, главнымъ образомъ, страстныя, отъ двѣнадцати евангелій великаго четверга. Если во время грозы будетъ убитъ человекъ, его считаютъ угоднымъ Богу. Послѣ смерти онъ идетъ прямо въ рай. Поэтому пораженныхъ молніей большею частью не пытаются спасать, или же въ крайнемъ случаѣ ограничиваются тѣмъ, что зарываютъ ихъ въ землю, оставляя свободно только голову. Чтобы громъ не поразилъ человека, необходимо во время ударовъ грома креститься. Объясняется это тѣмъ, что діаволъ, поражаемый Ілією, прячется отъ него гдѣ только можно, въ томъ числѣ и въ человека, если онъ не кладетъ на себя крестнаго знаменія. Пожары, происшедшіе отъ молніи, тушить водою грѣшно; ихъ можно тушить только молокомъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ частыхъ ударовъ грозы въ церковные купола, народъ сталъ позволять себѣ тушить грозовые пожары и водою.

Обыкновенно въ день пр. Іліи бываетъ гроза или по меньшей мѣрѣ дождь. Это считается предсказаніемъ того, что осенью будетъ мало пожаровъ въ овинахъ. Сухой же день 20 іюля предсказываетъ обиліе такихъ пожаровъ.

Отношеніе народа къ перуновымъ стрѣламъ неодинаковое. Кремневые орудія идутъ на высѣканіе огня; каменные употребляются знахарями для растиранія опухолей въ женскихъ грудяхъ и въ вымени коровъ; чрезъ отверстія молотковъ они пропускаютъ воду, которою лѣчатъ потомъ больныхъ. Въ однихъ мѣстахъ ихъ хранятъ въ домѣ, чтобы предотвратить ударъ молніи; въ другихъ, наоборотъ, думаютъ, что перунова стрѣла именно и привлекаетъ въ домъ молнію.

Съ Ільина дня народъ перестаетъ купаться, считая купанье грѣхомъ. Кто нарушаетъ это запрещеніе, тотъ непременно заболѣваетъ. Съ Ільинымъ днемъ связаны и нѣкоторыя примѣты. Напр., если за семь недѣль предъ Ілією на крапивѣ появятся черви, это лучшее время для посѣва гречихи. Если на Ілью идетъ сильный дождь, будетъ неурожай на орѣхи. Чтобы въ хатѣ не было клоповъ, надо въ Ільинъ день вырвать до восхода солнца съ трехъ початковъ по три посканьи, войти съ ними въ избу и бить этими посканьями по стѣнѣ, говоря: „Ільи я хату и я ў хату, а клопы и блохи вонъ!“ и поторкать посканьи по угламъ хаты.

То же надо сдѣлать и на Спаса—6 августа, непременно до восхода солнца, и сказать: „Пришоў Спасъ, штобъ ни было клопоў, васъ!“

День св. Маріи Магдалины 22 іюля не празднуется.

24 іюля, день св. Бориса и Глѣба, празднуется только до обѣда. Въ Могилевской губерніи въ этотъ день можно возить снопы съ поля, сѣно съ луга, грести сѣно; воспрещается только косить и жать. Въ Витебской же губерніи строго воспрещается какая бы то ни было

работа на лошадяхъ,—иначе съ ними непременно произойдетъ несчастіе, или хозяинъ будетъ наказанъ тѣмъ, что сгорятъ свезенные снопы и сѣно.

Со времени путешествія афонскихъ святынь въ 1866 году въ Могилевской губерніи чтится день св. Пантелеимона 27 іюля. Угодникъ считается цѣлителемъ въ особенности головныхъ болѣзней.

30 іюля молятся св. Іоанну Воину объ отысканіи уворованныхъ вещей и лошадей и вмѣстѣ о наказаніи воровъ. Если задержать подозреваемого вора безъ прямыхъ уликъ, его заставляютъ клясться землею. Воръ беретъ комъ земли и говоритъ: „калі я украѣ, то—чорна зямлѣ, щобъ я чарнѣй зямлѣ стаѣ!“ и сѣдаетъ эту землю. Послѣ этого вора отпускаютъ.

Воры же молятся объ удачномъ воровствѣ не св. Іоанну, а св. Николаю. Такимъ образомъ, св. Николай считается бурлацкимъ богомъ, цыганскимъ богомъ и покровителемъ воровъ.

А в г у с т ъ.

День 1 августа въ Гомельскомъ уѣздѣ называется Макавѣй (маковѣй) и Первый Спасъ. Повсемѣстно совершается крестный ходъ на воду—„водяная отпѣва“ и освящаются садовые цвѣты и нѣкоторые огородныя растенія: морковь, подеолнечникъ и макъ. Освященнымъ макомъ потомъ осыпаютъ хлѣва, а цвѣты бросаютъ въ воду, въ которой купаютъ больныхъ дѣтей. Въ этотъ день обязательнымъ кушаньемъ считаются пироги съ макомъ или съ морковью. „На Макавѣя нада маку вволю паѣсть“.

6 августа празднуется „Большой Спасъ“, „Другій Спасъ“. Въ церкви освящаются яблоки, первый медъ и въ южныхъ уѣздахъ сѣменная рожь. Употребленіе яблокъ до Спаса считается грѣхомъ, для замужнихъ женщинъ непростительнымъ. Объясняется это тѣмъ вѣрованіемъ, что въ раю умершимъ дѣтямъ въ этотъ день дается по райскому яблочку, кромѣ тѣхъ дѣтей, матери которыхъ ѣли фрукты до Спаса. Когда же эти дѣти попросятъ Бога дать и имъ райское яблочко, то получаютъ въ отвѣтъ, что ихъ яблочки „свиньи съѣли“.

Пчеловоды въ этотъ день вынимаютъ медъ изъ ульевъ и обязаны дѣлиться имъ съ родными и приходящими.

Къ столу считается обязательнымъ печь пироги съ яблоками.

15 августа кончается постъ „Спасовка-ласовка“ (а Петровка-голодовка), или „Спажінъ постъ“. Праздникъ Успенія называется „Первая Пречистая“. Въ этотъ день освящаются въ церкви сѣмена ржи и колосья новаго хлѣба.

Церковныя братства, возникшія во времена польскихъ гоненій, въ Вѣлоруссіи упорно сохраняются, хотя въ большинствѣ и потеряли

„свѣчу“. Празднованіе „свѣчъ“ приурочивается къ глубокой осени и къ началу зимы. Таковы свѣчи: Покровская, Михайловская, Варваринская и Микольская. Въ наибольшей чистотѣ братская обрядность сохранилась въ Гродненской губерніи, гдѣ братскій ритуалъ соблюдается во всѣхъ подробностяхъ.

Въ Витебской губерніи членами братства состоятъ тѣ лица, которыя на свои средства приобрѣли икону того праздника или святого угодника, въ честь котораго устроено братство. Братчики дѣлаютъ ежегодно членскіе взносы въ братскую кружку; денежнымъ суммамъ производится ежегодный учетъ, а гдѣ имѣются грамотные—даже и приходорасходныя записи. Деньги братскія расходуются главнымъ образомъ на нужды храма; на нихъ производится ремонтъ въ храмѣ, приобретается необходимая церковная утварь и т. д. Въ члены братства допускаютъ только люди степенные, болѣе или менѣе зажиточные. Братская икона находится у братчиковъ въ домѣ поочередно, на срокъ, устанавливаемый самими братчиками. Обыкновенно такимъ срокомъ считается годъ.

Къ братскому празднику приглашается причтъ. Предъ образомъ совершается краткая литія о здравіи хозяина дома, послѣ чего образъ поднимается и переносится въ домъ слѣдующаго очереднаго братчика. Здѣсь совершается молебенъ, съ возженіемъ братской свѣчи и съ поминовеніемъ всѣхъ братчиковъ, а затѣмъ хозяинъ предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ „столъ“. На слѣдующій годъ икона переносится такимъ же порядкомъ къ другому очередному братчику и т. д. Во время столовъ собираются пожертвованія въ братскую кружку, уклоненіе отъ которыхъ считается зазорнымъ.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ свѣчу покупаетъ общество; наименьшій вѣсъ ея восемь фунтовъ, наибольшій—пудъ. Гдѣ имѣется свой воскъ, свѣчу ежегодно подсучиваютъ къ празднику. Здѣсь наканунѣ праздника устраивается „вечѣра“ для бѣдныхъ, а въ самый праздникъ обѣдъ для причта и членовъ общества, участвующихъ въ свѣчной складчинѣ, а гдѣ свѣчу покупаетъ мѣръ—громада, тамъ для всего общества. По пріѣздѣ причта, служится акаѣистъ тому святому, въ честь котораго установлена свѣча, и потомъ она, вмѣстѣ съ иконою, переносится къ другому хозяину, по жребію или по желанію. Изъ напитковъ къ столу подаются водка, вино и особенно *медъ*,—что относитъ установленіе празднованія къ XVII вѣку. Медъ считается такою необходимою принадлежностью братскихъ трапезъ, что хозяева даже приглашаютъ гостей формулой: „хадітя ка мнѣ ў медъ!“ Въ послѣднее время въ эти историческія трапезы ворвался разгулъ и во время ихъ пропиваются крупныя суммы. Въ деревнѣ Дубровкѣ Гом. у. бѣдный хозяинъ тратитъ въ день свѣчи 5 р., а зажиточный 25 рублей.

День 8 сентября, Рождество Богородицы, извѣстенъ подъ названіемъ „Малой Пречистой“, „Другой Пречистой“, въ отличіе отъ дня 15 августа.

14 сентября „Здвѣжанья“—„батюшка у цѣрки здвигаетца“. Всѣ считаютъ долгомъ быть въ цѣрки у заутрени и обѣдни. День постный. Въ этотъ день всѣ змѣи извѣстнаго лѣса „зdvигаютца“ въ одно мѣсто и отсюда прячутся на зиму по норамъ. Поэтому стараются въ этотъ день въ лѣсъ не ходить.

26 сентября, день Іоанна Богослова, называется „Иванъ Шантунъ“. По объясненіямъ стариковъ, названіе это произошло оттого, что въ этотъ день во время крѣпостного права свахи секретно стожаривались съ женихами относительно невѣсть, съ такимъ расчетомъ, чтобы 1 октября устроить и свадьбу. Въ Витебской губерніи соблюденія этого обычая строго требовали помѣщики, и почти всѣ свадьбы у крестьянъ совершались въ день Покрова. Существуетъ присловье: „Иванъ Богустаѣу дружки разастаѣу, а абъ Пакрѣва дѣвка гатѣва“.

О к т я б р ь.

1 октября—Третья Пречистая. Празднованіе этого дня ничѣмъ не отличается. Наканунѣ вечеромъ дѣвушки гадаютъ о замужествѣ, считаютъ колья въ изгородяхъ, слушаютъ съ блиномъ на перекресткахъ, въ которой сторонѣ лаютъ собаки, приносятъ дрова въ хату и считаютъ полѣнья, спрашиваютъ у проходящихъ имя, пекутъ соленую лепешку, которую сѣдаютъ передъ сномъ и просятъ, чтобы суженный наполнилъ ихъ и т. д.

Въ день Покрова дѣвушки, желающія выйти замужъ, ставятъ въ цѣрки свѣчу предъ иконою Покрова и молятся: „Святый Покрѣу! Пакрѣу ты и зямѣю и вадѣу,—пакрѣй и мянѣ маладу!“ Или: „Пакрѣу—Багарѣдица! Покрѣй мянѣ, дѣушку, пилянѣй сваѣй нитьлѣйнаю итѣ на чужую старѣушку!“

16 октября болѣющіе глазами молятся св. Логгину, который считается цѣлителемъ такихъ болѣзней.

18 октября, день св. евангел. Луки празднуется деревенскими иконописцами, которыхъ довольно много въ Гомельскомъ уѣздѣ. Св. Юліанъ считается хранителемъ малыхъ дѣтей.

26 октября день св. Димитрія. Суббота предъ этимъ днемъ зовется „Поминальною“, „Родительскою“, „Змитровскою“ или просто „Дѣдами“. Въ цѣрки совершается поминовеніе усопшихъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ въ цѣрковь приносится по три паланицы изъ каждаго двора причту за поминовеніе. Дома готовится лучшій обѣдъ изъ борща, каши, жаркого и обязательно блиновъ и кутѣи. Набожныя хозяйки поминаютъ умершихъ родителей въ три субботы подъ рядъ—Дмитріевскую, Кузьмину и Михайловскую. Послѣ обѣда въ эти дни

не работаютъ. Существуетъ вѣрованіе, что если послѣ ужина, въ полночь, посмотрѣть въ избу черезъ верхъ, то увидишь, какъ душечки умершихъ будутъ вечерять.

28 октября, память св. Параскевы Пятницы, день праздничный. Считается грѣхомъ въ этотъ день пахать, дѣлать щелокъ для мойки бѣлья, выносить золу, и въ особенности прясть. Нѣкоторыя женщины имѣли видѣніе, что тѣло святой отъ ихъ пряденія все покрывается ранами отъ уколовъ веретенъ, и она просила ихъ не причинять ей мученій пряденіемъ. Такъ же чтятся пятницы предъ двенадцатыми праздниками, а также предъ Ильею и предъ Покровомъ. Многія женщины воздерживаются отъ пряденія по пятницамъ всего года. Во всѣхъ древнѣйшихъ храмахъ Бѣлоруссіи имѣются чтимыя иконы св. Параскевы Пятницы. Въ день ея памяти женщины считаютъ обязанностью принести ей въ жертву только-что помятую и отрепанную первину льна и конецъ холстинки или полотенце, которыя навѣшиваются на образъ. Полотенце, повисѣвшее нѣкоторое время на образѣ св. Параскевы, получаетъ цѣлебную силу, и молящіеся вытираютъ имъ лицо и больные глаза. Эти приношенія поступаютъ въ пользу цѣрки.

Н о я б р ь.

1 ноября, день св. Кузьмы и Демьяна, особенно чтутъ дѣвушки, такъ какъ эти святые считаются покровителями свадебъ. (См. ниже, описаніе свадебъ). Этотъ день празднуютъ кузнецы, по созвучію считающіе Кузьму покровителемъ кузнецовъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ о святыхъ существуетъ такая легенда: Кузьма и Демьянъ были кузнецами въ Кіевѣ. Тамъ появился змѣй, который хотѣлъ поѣсть людей. Народъ, спасаясь отъ змѣя, спрятался въ кузницу Кузьмы и Демьяна. Змѣй приближалъ къ кузницѣ и пролизалъ языкомъ желѣзныя двери, а потомъ просунулъ въ отверстіе и голову. Тогда Кузьма и Демьянъ схватили змѣя за языкъ раскаленными клещами, а двѣнадцать учениковъ ихъ стали бить змѣя молотами по головѣ. Когда змѣй ослабѣлъ, святые запрягли его въ огромную желѣзную соху и погнали глубокую борозду по полю, вплоть до самаго моря. Дотавивъ соху до моря, змѣй отъ усталости сталъ пить морскую воду и отъ нея околѣлъ. А борозда та видна и теперь въ стѣняхъ.

Какъ извѣстно, легенда эта входитъ, въ видѣ отдѣльнаго эпизода, во многія бѣлорусскія богатырскія сказки, въ которыхъ змѣй, или змѣя, является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Образцы ихъ приведены въ III и VI выпускахъ „Бѣлор. Сборника“.

8 ноября не отличается отъ другихъ дней и празднуется только тамъ, гдѣ имѣется Михайловская свѣча.

14 ноября „запусты на Пилиповку“. Съ этого дня въ продолженіе всей зимы до великаго поста дѣвушки начинаютъ ходить на

супрядки, посидѣлки, посидѣнки, на-ночки. Для этого они выпрашивают у какого нибудь бездѣтнаго крестьянина или у вдовы избу, угощают его въ складчину „могарычемъ“ и затѣмъ каждый вечеръ приходятъ сюда прѣсть. Освѣщеніе у дѣвушекъ тоже свое. Сюда же, естественно, приходятъ и парни. По праздникамъ хозяйка печетъ изъ продуктовъ дѣвушекъ блины, пироги и т. п., парни приносятъ водку и происходитъ взаимное угощеніе. Послѣ угощенія пробуютъ танцевать, но безъ музыки, а подъ припѣвки, часто весьма нескромнаго содержанія. Это не игра, но во всякомъ случаѣ ихъ релетивнаго. Въ довершеніе всего молодежь тутъ же и ночуетъ вмѣстѣ, „чтобы утромъ дѣвушкамъ пораньше встать и сѣсть за пряжу“. Хозяйка также обильно угощаются водкой и не пренятствуютъ этимъ оргіямъ, и въ результатъ молодежь развращается. Строгіе родители не пускаютъ своихъ дочерей на-ночки, и послѣднимъ посѣтителю посидѣнокъ нерѣдко жестоко мстятъ.

За длинный посидѣночный періодъ дѣвушки перепѣваютъ весь репертуаръ пѣсень, не приуроченныхъ къ какому нибудь опредѣленному времени или къ обряду. По мѣстамъ пѣсни эти носятъ различныя названія: посидѣночныя, осеннія, зимнія, такія, которыя поются „абы-коли“ и т. д. Въ Рогачев. уѣздѣ пѣсни эти называются *твердыми*. Образцы ихъ приводятся ниже.

Съ этимъ днемъ соединяется повѣрье о томъ, что, начиная съ него, волки собираются въ стаи и бѣгаютъ стаями всю зиму, когда они особенно опасны для путниковъ. Съ Крещенья они бѣгаютъ по одному „безъ воли“ до Юрьева дня, Юрій же—волчій пастухъ—распредѣляетъ ихъ по мѣстамъ и они находятся подъ его началомъ именно „до Пилиповскихъ заустовъ“. Если волки растерзаютъ человека, они могутъ всего его съѣсть, но головы не трогаютъ: боятся.

26 ноября, въ день зимняго Юрья, подстригаютъ гривы и хвосты лошадямъ, а также отнимаютъ отъ кобылицъ жеребятъ сосуновъ и ставятъ ихъ въ особые хлѣва до весны.

30 ноября вечеромъ, а также въ день Андреева стоянія, ложась спать, дѣвушки осыпаютъ постель льнянымъ или коноплянымъ сѣменемъ съ словами: „На тябѣ, святой Андрею, лень сѣю! Дай Божа знати, съ кимъ буду горавати!“ И приснится женихъ.

Д е к а б р ь.

1 декабря, память прор. Наума. Многіе родители, особенно въ мѣщанской средѣ, начинаютъ въ этотъ день обученіе дѣтей грамотѣ, по созвучію: „пророкъ Наумъ наставитъ на умъ“. Раньше съ этимъ считались и сельскія школы. Хозяйка примѣчаютъ, въ какой день недѣля идетъ первый снѣгъ: въ этотъ именно день нужно сѣять весной горохъ.

4 декабря, „святые Варвары ночи уворвали, а день надточили.“ Съ этого дня начинаютъ увеличиваться дни и уменьшаться ночи. Южные уѣзды Бѣлоруссіи, имѣющіе частыя сношенія съ Кіевомъ, празднуютъ день Варвары, устраиваютъ ея иконы, въ честь ея свѣчи, приобретаютъ „Варварники“ съ житіемъ святой и акаѣстомъ, женщины и дѣти носятъ шейные образки святой и т. д. Въ этотъ день, по созвучію, варятъ „вареники“ изъ гречневой муки и подаютъ съ конопляной „масленкой“.

5 декабря, день св. Саввы. Праздникъ: св. Савва считается отцомъ св. Николая, который требуетъ: „святкуй мянѣ, и батьку майго!“

Такимъ образомъ, дни 4, 5 и 6 декабря соединяются въ одинъ трехдневный праздникъ. Къ Николину дню главнымъ образомъ приурочиваются деревенскія свѣчи. Въ отличіе отъ весенняго Миколы, допускается широкій разгулъ.

9 декабря, зачатіе св. Анны. Съ этого дня начинается оттаивать замерзшая земля и у деревень начинаютъ расти корни.

18 декабря, св. Модеста. Этотъ угодникъ считается хранителемъ скота.

24 декабря—Первая кутья. Кутья варится въ этотъ день по слѣдующему поводу: „Якъ Ирадъ убиваѣ младѣнца, то Матиръ Божая утыкала съ Ісусамъ Хрыстомъ. Жыды дагналі яѣ и спрашуютъ: „що ты нясешъ?“ А яна кажа: кутью! Паладѣлі яны, ажъ и праўда: кутья! Вотъ затѣмъ и варутъ кутью...“

Въ этотъ день и въ слѣдующій нѣкоторые хозяева не одѣваются по праздничному и остаются въ „черномъ“ заношенномъ бѣльѣ. Дѣлается это для того, чтобы будущимъ лѣтомъ у него уродилась хорошая, крупная и черная гречиха. Вечеръ этого дня уже называется Колядою, и народный календарь вступаетъ въ новый годъ.

Народныя вѣрованія.

Вѣрованія, повѣрья, суевѣрія, примѣты, средства отъ болѣзней.

Въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ по народному міросозерцанію, которыя помѣщены въ IV вып. „Бѣл. Сб.“, привожу здѣсь еще нѣкоторыя.

Дѣля представляется народомъ въ видѣ красивой голы дѣвушки. Сопровождаетъ человѣка вездѣ.

Злыдни—худыя, съ облѣзшею шерстью, животныя въ родѣ коотовъ или собакъ. Живутъ въ домѣ за печкой.

Бѣда приводитъ человѣка къ бѣдности: домъ сгорить—бѣда; лошадь украдутъ—бѣда.

Горе—то же, что печаль.

Лихомъ въ южной Бѣлоруссіи называютъ болѣзнь: Яко́я у ягѣ лиха? Отъ яко́га лиха ёнъ памѣрь. Ср.—лихорадка.

Морокъ—одурѣніе.

Мара—какое то страшное массивное существо, на короткихъ лапахъ, непремѣнно черное, котораго дѣти очень боятся. При передвиженіи отъ Мары исходятъ металлическіе звуки, какъ отдаленные удары въ чугунный котель. Теперь Мара—пугало изъ соломы, одѣтое въ рвань.

Маня то же, что призракъ, привидѣніе.

Кадѹкъ—разновидность черта, живущая въ старыхъ зданіяхъ, въ водяныхъ мельницахъ и т. п.

Пара́личъ, Пара́люшъ—тоже чертъ, поднимающій круговые вихри. Кого онъ охватитъ вихремъ, у того отнимутся руки или ноги, или языкъ.

Холера, Чума, Хиньти (лихорадка) представляются въ видѣ женщинъ: холера—худая желтая; чума—злая, черная; хиньти—старая трясущаяся баба.

Ангелы—духи, могущіе принимать человѣческій образъ и тогда они имѣютъ видъ прекрасныхъ юношей. Ангеловъ много и число ихъ все увеличивается. Чиновъ ангельскихъ народъ не различаетъ и всѣхъ называетъ ангелами, считая старшимъ архангела Михаила. Изъ нынѣшнихъ людей никто ангеловъ не видѣлъ, такъ какъ всѣ теперь очень грѣшны.

Нечистая сила очень многочисленна. Среди нея различаютъ дьявола, черта, сатану, бѣса, нечистаго духа, антипку безпятаго, ка-

дука, парашюша. Сатана и дьяволъ старшіе, а все остальные—рядовые нечистики. Самымъ же старшимъ считается дѣдушка Луцперъ, который развелъ чертей. Черти женятся на чертихахъ и имѣютъ дѣтей. Оригинально, что изображеніе чертихи народъ видитъ въ томъ желтомъ лицѣ, которое въ картахъ изображено на плечѣ бубновой дамы. Но кромѣ чертихъ, черти знаютъ и съ женщинами-вѣдьмами. Отъ такой связи рождаются уроды съ рогами, или косматые, съ свинымъ лычкомъ, или безъ рукъ и ногъ. Черти женятся еще на самоубійцахъ-женщинахъ, какъ чертихи выходятъ замужъ за самоубійцъ-мужчинъ. Вихрь представляетъ чертовскую свадьбу, въ которой участвуютъ и вѣдьмы. Если бросить въ средину столба отъ вихря ножъ, то онъ упадетъ на землю окровавленный. Очевидно, онъ пошатъ въ вѣдьму. Черти летаютъ къ своимъ женамъ-вѣдьмамъ въ видѣ огненныхъ змѣевъ, черезъ трубу. Красные змѣи носятъ вѣдьмамъ деньги, желтые—рожъ, хлѣбъ, бѣлые—овечью шерсть, также—муку. У такой вѣдьмы сосѣди учтутъ каждую копѣйку, каждый мѣшокъ ржи и каждую горсть шерсти.

Главнымъ мѣстопребываніемъ чертей считаются болота, особенно бурия, торфяныя, съ кочками и топями. „Чертъ ты съ бураго болота“ считается очень браннымъ выраженіемъ. Другимъ любимымъ мѣстопребываніемъ чертей считаются бани. Въ свободное время черти гонятъ смолу, въ которой горятъ въ пеклѣ грѣшники.

Черти не умираютъ и ихъ можетъ убить только громъ. Грома они очень боятся. Это видно изъ того, что свадьбы свои они устраиваютъ только въ очень хорошую погоду, когда нельзя ожидать грозы. Въ облачное же время вихрей не бываетъ; тогда черти не женятся, опасаясь грозы. Во время грозы они прячутся даже въ воду и обращаются въ рыбъ. Опытные рыбаки ни за что не станутъ ѣсть пойманной во время грозы рыбы, у которой красные глаза. Это, несомнѣнно, черти. Черти крадутъ у женщинъ некрещенныхъ дѣтей или подмѣниваютъ своими. Когда такого чертенка понесутъ крестить, онъ скинется чернымъ котомъ или козленкомъ, а также бараномъ или собакой, непременно черными, и убѣжитъ съ хохотомъ. Тогда черти возвращаютъ родильницѣ похищеннаго ребенка.

Людямъ черти являются въ полдень и въ полночь, и преимущественно, „на ростанькахъ“—перекресткахъ. И такіе „бѣсы полуденные“ Псалтири очень опасны, особенно лѣтомъ. Въ это время и случается отъ нихъ больше всего несчастій: купающіеся или рыбаки тонутъ, жнеи обрѣзываютъ руки, путники, охотники и лѣшники блуждаютъ и т. д. Стараются поэтому, по завѣту Мономаха, полдень переждать. Особенно любятъ черти пьяныхъ. Напускаютъ на нихъ туманъ, воду, и заводятъ въ болото. Здѣсь усаживаютъ ихъ на „кушину“ и, если пьяный—музыкантъ, заставляютъ играть, а сами „скачутъ“. Или

внушаютъ пьянымъ, что они находятся въ банѣ. Тѣ раздѣваются и лѣзутъ въ топъ, а зимою въ сугробъ, гдѣ и замерзаютъ.

Если на ночь не покрыть сосуда съ водою или водкою, или кувшина съ молокомъ, то чертъ непременно осквернитъ ихъ. И если человѣкъ выпьетъ такой воды, водки или молока не перекрестившись, то чертъ и его осквернитъ. Этимъ объясняются сумасбродства тѣхъ пьяныхъ, которые пьютъ съ утра. Очевидно, съ водкою они выпили бѣсовскія испражнения. Во всякомъ же случаѣ, пившіе осквернятся и проболѣютъ. Точно также надо крестить ротъ, когда зѣваешь, иначе чертъ и тамъ нагадитъ.

Колдуны продаютъ свою душу чертямъ. Договоръ объ этомъ пишется кровью на кожѣ повѣсившагося самоубійцы. Заключившій такой договоръ съ чертомъ уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ отъ него отказаться.

Чертъ выдумалъ водку, но табакъ, по одной версіи, выросъ изъ чрева блудницы, грѣшившей съ собакою, а по другой—онъ выросъ на томъ мѣстѣ, гдѣ повѣсился Іуда, чтобы люди курили табакъ и плевали на Іуду. Водка тоже не проклята Богомъ, а только названа окайною.

Слова „чертъ“ нельзя произносить въ хатѣ. Бываютъ такіе минуты въ днѣ, когда чертъ по этому слову можетъ явиться. Поэтому вмѣсто чертъ говорятъ: шутъ, идолъ, ёнь, тэй. Равнымъ образомъ надо быть осторожнымъ и съ проклятіемъ: „а штобъ ты проклять бы!“ Если проклятіе придется на тѣ же минуты, то оно сбудется.

Не смотря на то, что чертъ превращается въ черныхъ котовъ, собакъ, козловъ и барановъ, этихъ животныхъ черной масти хозяева держатъ; но во время грозы все же выгоняютъ ихъ изъ дому.

Такъ какъ въ полдень и въ полночь черти являются главнымъ образомъ на ростанькахъ, то, чтобы удалить ихъ, набожные люди ставятъ здѣсь по обѣщанію кресты. Къ этимъ же мѣстамъ приурочивается и постановка крестовъ во время освященія полей. Наконецъ, здѣсь воздвигаютъ кресты люди бездѣтные или такіе, у которыхъ умираютъ дѣти. Въ вѣтковской волости Гомельскаго у. на этотъ счетъ существуетъ такая легенда:

Адінъ чалавѣкъ дужа гарюваў, што ня мая дятэй. Разъ пахаў ёнь, пахаў, замарыўся, и плача. Ідэ Микола Чудатвораць и пытае: „Чагò, чалавѣкъ Божжый, плачашъ?“—А якъ жа мнѣ ня плакаць: бьюся, бьюся, а няямны ня маю!—„Чаму жъ ты дятёмъ ня загадаваешъ пасаблять табѣ?“—кажа угòдникъ.—Ни тырѣў ба я ни нужды, ни працы такіа, калі бъ дѣти былі! А то ня было ихъ у мянѣ и нимаішъ!—„Ну, кажа угòдникъ: калі хòчашъ, штобъ былі дѣти, пастаў на тры кресты на дарогахъ. На сколькихъ паставишъ, стольки пастаў на тры кресты на дарогахъ. На сколькихъ паставишъ, стольки и дятэй будз!“ Мужыкъ узяў и паставиў кресты на васьмі дарогахъ. И радзіла у яго восьмі сыноў. Стаў ёнь багатый за ўсіхъ у селѣ.

Ну напаслѣ напры́крали ямѹ дѣти. Ёнѣ нашоѹ да ѣ пасьякаѹ крѣсты. Якъ пасьякаѹ, такъ сыны и памѣрли. И стаѹ мужыкѣ изноѹ такимѣ, якъ быѹ.

Сообщ. М. Г. Головинская.

Людей, которые видѣли черта, очень много. Въ особенности часто видятъ его женщины: одна вытащить его ведромъ изъ колодца въ видѣ черного кота; у другой онѣ въ томъ же видѣ вылѣзъ изъ подъ полу; третьи ловили рыбу бреднемъ и вытащили черта въ видѣ большого сома и т. д. Всѣ эти черти съ хохотомъ уходили отъ женщинъ. Въ 1890-хъ годахъ въ м. Вѣткѣ ходилъ разсказъ, что чертъ вылѣзъ изъ р. Сожа въ видѣ карлика съ поларшина ростомъ, въ круглой шапочкѣ, и катался на палочкѣ, какъ это дѣлаютъ дѣти. Позже его видѣли катающимся въ крошечной лодкѣ. Послѣ этого видѣнія въ Вѣткѣ были утопленники. Мужчины видятъ черта обыкновенно вблизи кабаковъ, въ видѣ высокаго черного человѣка, обросшаго волосами и съ хвостомъ.

Чертъ постоянно находится при человѣкѣ, съ лѣвой его стороны, и старается склонить его ко злу. Для предохраненія человека, ему при крещеніи данъ ангелъ-хранитель, слѣдующій всегда съ правой стороны. Поэтому плевать на правую сторону или бросать что-либо грѣшно: можешь попасть въ ангела. Точно также грѣшно плевать въ окно или что-либо выбрасывать. Наконецъ, грѣшно и вообще плевать на полъ и не растирать плевковъ: изъ каждаго плевка рождается бѣсъ. Какъ чертъ, такъ и ангелъ-хранитель, ведутъ записи дѣлъ человѣка, первый—худыхъ, второй—добрыхъ. При каждомъ худомъ дѣлѣ человѣка ангелъ плачетъ, а чертъ радуется.

Вѣрованіе въ домового существуетъ. Это человѣкоподобное существо, черное, покрытое волосами. Мѣсто жительства его въ домѣ опредѣляется различно: на печи, подъ печью, подъ поломъ, въ сараяхъ и въ хлѣбахъ, гдѣ помѣщается скотъ. Въ послѣднемъ случаѣ домовый духъ смѣшивается съ хлѣвникомъ. При покровительствѣ домового въ домѣ все спорится; въ противномъ случаѣ онѣ старается вредить хозяину: ночью бьетъ посуду, бросаетъ „кочерги“, даже пытается души́ть спящаго хозяина; въ домѣ все не удается и главнымъ образомъ не ведется скотъ. Дѣятельность свою домовый проявляетъ исключительно ночью и главнымъ образомъ въ хлѣбахъ, гдѣ онѣ или холить лошадей, или наоборотъ мучить ихъ, заѣзживаетъ. Чтобы обезвредить домового, застрѣливаютъ въ первый день Рождественскихъ празднико́въ, 25 декабря, или въ день Нового года, до обѣдни, сороку или ворону и, заѣвши веревочкой за горлышко, вѣшаютъ ее въ хлѣву. Другіе пекутъ подъ полнолу́ніе хлѣбъ и отъ первой булки (бахонки, кулидки) отрѣзываютъ горбушку (акраи́цъ), солятъ

ее и ночью отправляются съ нею въ хлѣвъ. Войдя въ хлѣвъ, хозяинъ говоритъ: „Дамави́къ дамави́й! Прими ать ми́нѣ хлѣбъ-соль, люби́ майхъ лошадей и жа́луй! И я буду тябѣ любить и жалавать!“ И кладетъ хлѣбъ гдѣ-нибудь подѣ стрѣхой.

Кромѣ домового и хлѣвника, большинствомъ считаемаго отдѣльнымъ духомъ, при дворѣ человѣка проживаютъ еще: банникъ, живущій въ банѣ подѣ полкомъ, и гуменникъ или подовинникъ, проживающій подѣ осетью.

Банникъ—злой духъ, видомъ напоминающій водяного; гуменникъ—же добродушный старичокъ маленькаго роста, подпоясанный соломеннымъ перевязломъ, охраняющій гумно и помогающій хозяину въ сушкѣ и молотбѣ хлѣба. Разсказовъ про этихъ духовъ существуетъ много, и видѣть ихъ можно часто. Но не слѣдуетъ только заговаривать съ ними, а нужно молиться и креститься. Тогда они сдѣлаютъ свою работу и станутъ невидимы.

Внѣ дворовъ живутъ лѣсовикъ, полевой и водяной. Впрочемъ, полевого народъ смѣшиваетъ съ гуменникомъ, утверждая, что гуменникъ проживаетъ во ржи въ полѣ, пока гумна пустыя. См. выше закиночныя пѣсни. Лѣсовикъ представляется человѣкомъ огромнаго роста—„съ дерево“, въ лаптяхъ, и съ длинною пугою въ рукахъ. Онѣ звѣриный пастухъ и вѣчно враждуетъ съ охотниками, всячески отводя ихъ въ сторону отъ дичи и помогая заблудиться. Въ этомъ ему помогаютъ и черти, отзываясь эхомъ на клики заблудившихся. Эхо—это голоса чертей. Когда заблудишься, надо сѣсть и разуты, и лѣвый лапоть надѣть на правую ногу, а правый на лѣвую. Тогда найдешь дорогу. Но къ случайнымъ посѣтителямъ лѣса онѣ относится добродушно, выводитъ ихъ на дорогу и даже дѣлитъ хлѣбомъ. Жители лѣсныхъ мѣстностей видятъ его довольно часто, но еще чаще слышать хлопанье его пуги и крики на звѣрей: го-го-го-го-го!

Что касается водяного, то это безусловно вредный духъ. Главное его занятіе—топить людей. Но онѣ не прочь посадить берлину на мель, оборвать удочки у рыбака, набросавшаго ихъ въ его омутъ, не прочь утащить за ноги утку въ воду. Наружность его въ народномъ представленіи двойна: одни—прирѣчные жители представляютъ его старикомъ огромнаго роста, съ зелеными волосами и бородою изъ водорослей. Онѣ нерѣдко въ полдень выскакиваетъ изъ воды до пояса и кричитъ: „ротъ есть, да некого ѣсть!“ Другіе представляютъ его себѣ человѣкоподобнымъ существомъ, но чернымъ, обросшимъ волосами, съ рогами на головѣ, съ хвостомъ, оканчивающимся стрѣлкою, и съ когтистыми лапами вмѣсто рукъ и ногъ. Они злы, и не только топятъ людей, но и мучатъ утопленниковъ. Ихъ много. Они женятся на дѣвушкахъ, проклятыхъ матерями, и на утопленницахъ. Въ рѣкахъ живутъ они большею частью въ ому́тахъ, „ви́рахъ“, гдѣ вѣчныя водовороты, а въ озерахъ въ такихъ глубокихъ и „заколоженныхъ“

мѣстахъ, которыя совершенно неприступны. Около такихъ мѣстъ плаваютъ съ большимъ страхомъ, въ особенности ночью,—какъ на землѣ со страхомъ проходить около болотъ.

Механикъ, строящій водяныя мельницы, а затѣмъ и мельникъ, обязаны „знаться“ съ водянымъ и всячески съ нимъ ладить. Въ противномъ случаѣ водяной не разъ сорветъ мельницу при постройкѣ и впоследствии будетъ ее портить и ломать. Обыкновенно, водяному даютъ „залогъ“: засыпаютъ въ плотину живую курицу, хотя, собственно, требуется христіанская душа. Въ этнографическихъ запискахъ Гродненской губерніи есть указанія, что въ прежнія грубыя времена въ аналогичныхъ случаяхъ зарывали живыми сиротъ. „Отчичи“, занимающіеся пчеловодствомъ, также продаютъ свою душу водяному, чтобы имѣть много пчелъ, меду и воску. Про такихъ пчеловодовъ говорятъ, что „у ихъ у нѣси нѣшта ёсь!“

Въ поляхъ и огородахъ проживаетъ еще Желѣзная баба. Эта злая низкорослая старуха, съ желѣзными большими грудями, хватается желѣзнымъ крюкомъ тѣхъ дѣтей, которыя осмѣливаются заходить одни въ поля и огороды, чтобы полакомиться бобомъ, горохомъ, макомъ, овощами, бросаетъ ихъ въ свою желѣзную ступку, толчетъ и ѣсть. Вѣра въ существованіе Желѣзной бабы поддерживается въ дѣтяхъ извѣстной сказкой про Иваньку-сынка и Аленку, вѣдьмину дочь.

Кромѣ Желѣзной бабы, во ржи живетъ еще Стрижакъ. Есть впрочемъ мнѣніе, что Стрижакъ не духъ, а человѣкъ. Раньше это были бѣглецы помѣщичьи крестьяне и бѣглецы солдаты, скрывавшіеся отъ погони, теперь изрѣдка прячутся во ржи бѣжавшіе изъ тюрьмы арестанты.

Взгляды на небесныя явленія слѣдующіе:

Если на небѣ появится комета-метла, то это служить предсказаніемъ большихъ несчастій: войны, голода, мора на людей и на скотъ и т. п. Падающія звѣзды, въ разрѣзъ съ мнѣніемъ гродненскихъ бѣлоруссовъ, считающихъ, что это души некрещенныхъ младенцевъ, которымъ надо дать имена, восточные бѣлоруссы видятъ въ нихъ змѣевъ, которые летятъ къ вѣдьмамъ и колдунамъ. Это мнѣніе особенно твердо установилось въ отношеніи метеоровъ. Гдѣ метеоръ разсыплется или исчезнетъ, тамъ и ищутъ колдуновъ. Но тамъ же существуетъ взглядъ, что паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка въ эту минуту: „это его душечка летитъ!“ Сколько на небѣ звѣздъ, столько на землѣ людей, у каждого своя звѣзда. Тучи дѣлаетъ св. Тихонъ, живущій на небѣ въ такомъ сильномъ туманѣ, что его никогда нельзя видѣть. Онъ „натучиваетъ“ воду изъ морей, чтобы дѣлать дождь. Пятна на лунѣ объясняются, какъ и вездѣ: Капитъ и Авель во время метанія стога поссорились, и Капитъ прокололъ Авеля вилами. Въ назиданіе людямъ, Богъ велѣлъ ему вѣчно держать на

вилахъ на лунѣ убитого брата. На солнцѣ смотрѣть грѣхъ; будешь наказанъ тѣмъ, что ослѣпнешь. При видѣ молодика надо перекреститься и сказать: „Маладичокъ маладѣй, ў Тябѣ рогъ зылатѣй! Табѣ на прыбытакъ, а намъ на спасення (или на здарбўя!“). Тогда цѣлый мѣсяцъ будешь здоровъ. Если въ новолуніе дождь, говорятъ: „Дяковать Богу! Мѣладикъ нарадѣўся и ужэ аксѣтѣўся!“ Мѣсяцъ этотъ будетъ благополученъ. (Съин. у.) Солнечное и лунное затменіе предвѣщаютъ, что будетъ „перемѣна“ въ народѣ, то есть моръ или голодъ. Сѣверное сіяніе предсказываетъ кровавую войну, а по другимъ—означаетъ, что гдѣ то на землѣ произошла большая тревога или случилось большое несчастье. Млечный путь называется дорогою; по ней птицы летятъ въ вырей. Выреемъ въ послѣднее время стали называть теплыя страны, на полудень, куда улетаютъ зимовать птицы. Радуга — это „коромыселъ Божій“; имъ набирается вода для дождя изъ рѣкъ, озеръ и морей. Громъ и молнія происходятъ (кромѣ разлѣзовъ Ильи по небу) еще оттого, что хмары при встрѣчѣ ударяются одна о другую. Если же онѣ при встрѣчѣ только трутся другъ о друга, то въ небѣ бываетъ большой шумъ, какъ бы отъ сильнаго вѣтра. Гроза происходитъ еще оттого, что чертъ осмѣливается спорить съ Богомъ: „Ты мянѣ ли убѣдѣшь, я схаваясь!“—Нѣ, ни схавайсясь!—„Я ў чалавѣка залѣзу, а ўсѣ жъ схаваясь!“—„Я й чалавѣка убью, грахоў яму за ета атпущу, а тябѣ усѣ-тыки дастану!... Поэтому во время грозы надо по возможности сидѣть дома, креститься и молиться. Очень полезно зажигать лампадку или свѣчу предъ образами. Бѣть во время грозы или работать, Боже сохрани, нельзя. Такъ какъ гонимый Богомъ бѣсъ прячется и въ дупла деревьевъ и подъ кусты, то во время грозы нельзя стоять подъ деревьями или сидѣть подъ кустами. Чтобы дьяволъ не спрятался въ домъ, во время грозы закрываютъ и печныя вьюшки. Обязательно выгоняютъ изъ хаты собакъ и черныхъ котовъ. Убитого молніей человѣка считаютъ счастливымъ: „ёнъ Богу угбдинъ, дакъ Богъ яго къ сабѣ узяў“. Онъ идетъ въ рай. То же мнѣніе существуетъ и о роженицахъ, умершихъ отъ родовъ. При первомъ громѣ весною надо три раза кувыркнуться черезъ голову, тогда цѣлый годъ будешь здоровъ и громъ не убьетъ. Надо также „поднимать“ печь, чтобы быть сильнымъ, и умываться, чтобы глаза не болѣли. Наблюдаютъ, гдѣ будетъ первый ударъ грома: если съ полудня, то годъ будетъ урожайный, если съ полночи, то голодный (паўднень—югъ, паўночъ—сѣверъ, васьходъ и заходъ—востокъ и западъ).

Вѣтеръ происходитъ оттого, что какой-то сильно „грибчатый“ человѣкъ дуетъ своими огромными губами. Морозъ—это такой дѣдъ, который щелкаетъ своею пугою и дѣлаетъ холода и морозы. Направленіемъ вихрей, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, управляютъ дѣти, которыхъ матери приспали.

Блуждающіе огни указываютъ мѣстонахожденіе кладовъ. Это они пересушиваютъ деньги въ складахъ, чтобы не истлѣли. Огни на кладбищахъ доказываютъ, что тамъ погребено много праведныхъ людей: „щасливы ты покойнички, што надъ магѣлками агнь гарать!“

Земля стоитъ на трехъ китахъ и землетрясенія происходятъ отъ движеній этихъ китовъ. Поставлена она на китовъ во время Ноева потопа, а кончить свое существованіе тѣмъ, что сгоритъ во время страшнаго суда. Предъ концомъ міра по землѣ будетъ ѣздить чертъ съ большою печкою и жечь въ ней грѣшниковъ. (Сѣн. у.) Отправляясь на чужую сторону, берутъ съ собою горсть родной земли, но не для того, чтобы быть съ ней погребеннымъ, а съ цѣлью всыпать ее на чужбинѣ въ источникъ, если вода тамъ непріятна для питья. Землею клянутся, и въ доказательство правдивости клятвы—ѣдятъ ее. Во многихъ мѣстахъ женщинамъ не позволяютъ ѣсть землю и онѣ во время клятвы только цѣлуютъ ее, какъ присягающіе цѣлуютъ крестъ и евангеліе.

Изъ деревьевъ, осина считается проклятою, потому что на ней „Юда задавился“. Она до сихъ поръ дрожитъ отъ этого. Хозяева и теперь вѣшаютъ негодныхъ собакъ на осинѣ, осину кладутъ въ могилу колдунамъ, осиновыми кольями пробиваютъ ихъ въ гробахъ, если они выходятъ изъ могилъ. Постоянный эпитетъ осины—горькая. „Павѣсьни ты на горькой асини“—проклятіе. Лоза, мелкій ивнякъ, также считается нечистымъ, потому что послѣ освященія воды въ Ердани черти выходятъ изъ воды, гдѣ имѣли зимою жилище, и поселяются въ лознякъ. „Чертъ лозовый“ равняется ругательству: „чертъ изъ бурого болота“. Растенія, имѣющія отношеніе къ ритуалу, считаются „хорошими“. Таковы: верба, потому что освящается въ Вербное воскресенье, березнякъ, кленъ, липа, дубнякъ и т. п.—потому что идутъ на „май“, для украшенія домовъ и церквей въ праздникъ Троицы; мая нельзя жечь въ печи; его сжигаютъ въ кострахъ въ ночь на Ивана Купалу или подстилаютъ подъ хлѣбныя скруды (у бѣлор. жен. рода: скѣрта), подъ стога, для предохраненія отъ мышей, покражи, потравъ и т. п. Къ хорошимъ растеніямъ принадлежитъ айръ: имъ въ Троицынъ день выстилаютъ полы въ церквяхъ и въ домахъ, на немъ пекутъ хлѣбъ. Освящаемыя травы считаются священными. Тому покойнику завидуютъ, для котораго ложе въ гробу и подушка сдѣланы не изъ листьевъ вѣшниковъ или стружекъ, а изъ этихъ освященныхъ травъ. У хорошихъ хозяевъ пучки ихъ десятками лѣтъ висятъ въ кѣбѣхъ, амбарахъ и на чердакахъ: „нехай не треба будуть!“

Кромѣ растеній ядовитыхъ, вредными считаются деревья, поврежденные молніей и вывернутыя бурей. Къ тѣмъ и другимъ прикасался сатана. Если ихъ употребить на постройку, то зданіе или сгоритъ или обитатели его вымрутъ,—будь то люди или животныя. Такія деревья идутъ только на дрова.

Легенда о неразбѣнномъ рублѣ существуетъ въ такомъ видѣ. Чтобы его приобрести, нужно въ Страстную субботу изловить чернаго кота, увязать его въ тонкую бечевку—шпагатъ такъ, чтобы было какъ можно больше сложныхъ узловъ, и идти съ такимъ котомъ въ Пасхальную ночь въ церковь. Такого смѣльчака по пути непременно встрѣтитъ покупатель и дастъ за кота рубль. Вручивши покупателю кота, продавецъ долженъ изъ всей силы бѣжать обратно домой, ни въ какомъ случаѣ не оглядываясь назадъ, какъ бы ни звалъ его покупатель и какія бы препятствія ни встрѣчались по пути. Покупатель—чертъ. Купивши кота, онъ начинаетъ освобождать его отъ бечевки, и если успѣетъ развязать все узлы, догоняетъ продавца и душитъ или калѣчитъ его и отнимаетъ обратно свой рубль. Если же не успѣетъ развязать всѣхъ узловъ, смѣльчакъ дѣлается обладателемъ неразбѣннаго рубля, за который все можно покупать, а онъ снова будетъ возвращаться къ хозяину.

Есть нѣсколько способовъ получить способность дѣлаться невидимкой. Нужно поймать летучую мышъ, посадить ее въ горшокъ и завязать сверху тряпкой, въ которой проколотъ небольшое отверстіе. Этотъ горшокъ надо въ полночь отнести въ лѣсъ и зарыть въ муравейникъ, а самому бѣжать назадъ безъ оглядки, чтобы не слышать крика мыши, когда ее начнутъ ѣсть муравьи. Если же не успѣешь убѣжать и услышишь мышиный крикъ, тотчасъ же умрешь. Послѣ этого семь дней нельзя мыться, чесаться, молиться Богу. Потомъ въ полночь надо взять горшокъ изъ муравейника. Отъ мыши останутся только косточки. Изъ нихъ надо выбрать вилочку и если ихъ возьмешь въ ротъ, сдѣлаешься невидимкой. Если этой вилочкой зацѣпить дѣвушку и потянуть къ себѣ, она въ тебя влюбится. Когда же надо ѣсть, надо ее оттолкнуть тою же вилочкой, и она разлюбитъ. Въ Гом. у. летучую мышъ отвозятъ въ муравейникъ даже на лошади.

Во время крестнаго хода въ Пасхальную ночь надо съ зажженой Страстной свѣчей лѣзть на чердакъ. Тамъ за трубою найдешь дряхлаго старичка въ шапкѣ—колпакѣ. Если эту шапку сорвешь и убѣжишь отъ старичка, то будешь невидимкою всякій разъ, когда надѣнешь эту шапку. Зато, если старикъ поймаешь на чердакѣ—тотчасъ помереть.

Нужно поймать черную кошку, у которой не было бы ни одного волоска другого цвѣта. Кошку нужно сварить въ цѣломъ видѣ и потомъ выбрать изъ нея кости передъ зеркаломъ и брать въ ротъ. Одна изъ косточекъ дѣлаетъ человека невидимкою.

Хотя и колдунъ и знахарь дѣйствуютъ съ помощью нечистой силы, но народъ строго различаетъ ихъ: колдунъ дѣлаетъ людямъ зло не толькоумышленно, но въ извѣстные періоды помимо воли—словомъ, дыханіемъ, взглядомъ, можетъ причинить болѣзнь, вогнать

бѣса, сдѣлать волколакою, даже убить, а знахарь никому не дѣлаетъ вреда, но „отѣчиваетъ“ то зло, которое причинилъ колдунъ, и лѣчить болѣзни у людей и скота.

Волколаками колдунъ дѣлаетъ обыкновенно свадебный повѣздъ. Объ этомъ ходитъ много разсказовъ. Волколаками бѣгаютъ семь лѣтъ, а потомъ снова обращаются въ людей. Волколаки вредѣе волковъ, потому что у нихъ остается человѣческій умъ и они знаютъ, какъ лучше напасть на стадо, какъ забраться въ хлѣвъ и т. п.

Женщину колдунью зовутъ вѣдмой, чаровницей, а мужчину—вѣдмакомъ, чаровникомъ. Вѣдмаки всегда сильнѣе вѣдмъ и если напр. вѣдма сдѣлаетъ заломъ въ житѣ, вѣдмаки вырываютъ ихъ со смѣхомъ и прямо заявляютъ хозяевамъ, что они сильнѣе всѣхъ вѣдмъ. Если колдунъ по злобѣ вгонитъ въ человѣка бѣса, онъ можетъ заставить другого, болѣе сильнаго, бѣса выгнать перваго изъ человѣка. Бѣсы повинуются колдуну по товариществу, такъ какъ послѣ Страшнаго суда они вмѣстѣ будутъ мучиться въ пеклѣ.

Чтобы по возможности защититъ себя отъ чаръ колдуна при встрѣчахъ съ нимъ, не надо во время разговора смотрѣть ему въ глаза и вообще не надо съ нимъ долго разговаривать и быть вмѣстѣ.

Чтобы обезвредить водку, которою будетъ угощать колдунъ, надо передъ выпивкой перекреститься и сказать: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Избави насъ отъ лукаваго!“ Тогда чародѣйство дѣлается безсильнымъ.

Чтобы узнать колдуна и вѣдму, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ воскресенье на масленицѣ, послѣ ужина нужно оставить сыръ во рту и переночевать съ нимъ; затѣмъ въ понедѣльникъ первой недѣли поста вынуть его изо рта, завязать въ поясъ, или надѣтъ въ трипочкѣ на шею, и носить въ продолженіе всего великаго поста. Въ день Пасхи съ этимъ сыромъ идутъ въ церковь и тамъ легко узнаютъ всѣхъ колдуновъ и вѣдмъ, такъ какъ у каждаго изъ нихъ тогда виднѣнъ хвостъ. Узнаютъ вѣдмъ и такъ: какъ только въ Пасхальную полночь раздастся благовѣстъ, нужно прилечь ухомъ къ землѣ. Тогда услышишь, какъ вѣдмы вопятъ и рыдаютъ по случаю воскресенія Христова. Остается только опредѣлить, въ какой сторонѣ и въ какомъ дворѣ раздаются эти вопли, неслышные для другихъ. Женщины узнаютъ вѣдмъ по тому, что у нихъ на верхней губѣ имѣются усы, и чѣмъ гуще они, тѣмъ вѣдма опаснѣе; затѣмъ, у вѣдмъ нѣтъ на тѣлѣ обычной волосистой растительности; наконецъ, у нихъ имѣются хотя чуть замѣтные слѣды хвоста.

Узнать колдуна можно по глазамъ, которые у него всегда красны, всегда горятъ. Существуетъ увѣренность, что колдунъ не можетъ явно повредить тому, съ кѣмъ онъ въ ссорѣ (и слѣдовательно не въ состояніи гипнотизировать его).

Колдуны большею частью физическіе уроды: или одноглазые, или горбуны, хромцы и т. п. Они умышленно придаютъ себѣ страшную, пугающую наружность: не стригутъ волосъ и напускаютъ ихъ на лобъ и на глаза, запускаютъ длинные ногти, носятъ грязное бѣлье, издающее особую вонь, придерживаются національных костюмовъ, упорно носятъ напр. лапти, магерки, или даже древнія шапки съ наушниками, сшитыя изъ овчины шерстью внутрь, подпоясываются веревкой или лыкомъ и т. п. Дурная слава о нихъ отчуждаетъ ихъ отъ людей, дѣлаетъ замкнутыми, необщительными и сосредоточенными, вдумчивыми. Часть ихъ несомнѣнно обладаетъ силою внушенія, которая, вмѣстѣ съ предвзятымъ страхомъ населенія предъ ними, помогаетъ имъ вліять на слабонервныхъ малоразвитыхъ, предположенныхъ къ гипнозу, субъектовъ, въ особенности на женщинъ. Этимъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и объясняется „зло“, исходящее отъ и изъ колдуновъ. Только нѣкоторые изъ нихъ пускаютъ въ ходъ и спеціальныя ядовитыя средства „для порчи“. Большинство же колдуновъ не гипнотизеры и не вредители, а несомнѣнные обманщики, пользующіеся народной темнотой для легкаго заработка, или угощенія на свадьбахъ, крестинахъ и т. п. Боясь колдуновъ и вѣдмъ, населеніе все же зорко слѣдитъ за ними и если поймаютъ на мѣстѣ „преступленія“, безжалостно ихъ избиваетъ и даже умерщвляетъ.

Такъ какъ колдуны и вѣдмы могутъ превращаться въ животныхъ, то молодежь, находящаяся у Купальскихъ костровъ, бросаетъ въ огонь всякую живую тварь, которая появится вблизи. Съ цѣлью предохраненія людей отъ колдовства, въ усайской волости Лепельскаго уѣзда хлопцы „колышутъ“ дѣвушекъ надъ Купальскимъ костромъ, а дѣвушки хлопцевъ. Потомъ они еще и прыгаютъ черезъ огонь.

Существуетъ мнѣніе, что колдуна можно убить, или во всякомъ случаѣ причинить побои, если бить осиновымъ полѣномъ его тѣнь.

Привожу главнѣйшія примѣты.

Если солнце всходитъ на ясномъ небѣ, день будетъ хорошій, а если на тускломъ, то будетъ дождь. Если заходитъ яснымъ, то слѣдующій день будетъ хорошій, а если тусклымъ, то будетъ вѣтеръ; если заходитъ за облака, то будетъ дождь.

Если птички чирикаютъ, будетъ тепло. Если воробьи или куры купаются въ пескѣ, будетъ дождь. Если вороны садятся на вершину дерева, будетъ тепло, а если разсаживаются по вѣтвямъ, будетъ холодно; если при этомъ кричатъ, будетъ дождь. Кошка лежитъ посреди хаты—къ теплу; ѣсть траву—дождь будетъ; скребетъ когтями полъ, будетъ дождь или снѣгъ; спитъ въ печи—къ холоду. Если свиньи тащутъ солому въ берлогу, будутъ сильные холода; если чешутся объ уголь—будетъ дождь. Убивши предъ Колядами свинью, смотрятъ ея

внутренности: если „коса“ окажется ровною, то зима будетъ умѣренная; если же коса окажется съ утолщеніями, то зима будетъ съ сильными морозами; толстый конецъ косы означаетъ продолжительную холодную зиму.

Если гуси или утки бѣгаютъ по водѣ и кричатъ, будетъ дождь. За сколько недѣль до Покрова ляжетъ снѣгъ и установится санный путь, за столько времени до Благовѣщенія потребуется телѣга. Если не придется оставить саней за двѣ недѣли до Благовѣщенія, то столько же времени придется ѣздить на нихъ послѣ Благовѣщенія. Какова погода въ Чистый четвергъ, такая же будетъ и въ Пасху. Когда пѣшеходныя тропинки начнутъ чернѣть, значитъ, наступила весна. Куликъ кричитъ—будетъ холодно. Вьюрокъ, заблики кричитъ тоже къ холоду. Надо сказать: „на свою голову!“ Тогда холода не будетъ. До „Юрья корми всякаго дурня“,—потому что до 23 апрѣля рѣдко бываетъ подножный кормъ для скота. Пѣтухъ запоетъ въ полдень, будетъ переменна погода. Какая погода бываетъ въ январѣ, такая будетъ и во время сѣнокоса. Когда свищи начинаютъ рыть землю—весна пришла. Если вечеромъ летаетъ много жуковъ, то на утро будетъ дождь. Если вечеромъ далеко отдастся отголосокъ, то на завтра будетъ хорошая погода. Если во время дождя появляются пузыри на водѣ, то дождь будетъ продолжительный. Въ субботу, по народному вѣрованію, хотя на минутку, но должно выглянуть солнце. Какая корова вечеромъ идетъ съ поля впереди стада, такая завтра будетъ и погода: красная корова—ведро, черная—ненастье, пѣгая—переменная и. т. д. Лягушку нельзя убивать—будетъ дождь.

Если дождливая погода стоитъ очень долго, нужно бросить въ печь кость отъ освященнаго въ Пасху мяса; когда кость сгоритъ, тогда небо разъяснится. Когда ласточки летаютъ низко, будетъ дождь; если рѣютъ въ вышинѣ, будетъ хорошая погода. Когда идетъ градъ, надо вынести подъ градъ на улицу лопату и метлу; тогда градъ прекратится и не причинитъ вреда. „Коли зимою снѣжки идутъ, то и лѣто такъ выдается — будутъ дождики проходить. А когда зимою больше холода, то лѣто будетъ погодливое, „пакота“. Если ворона въ хорошую погоду кричитъ налету, то лѣтомъ будетъ дождь, а зимою снѣгъ и вьюга — „нягода будя“. Если во время вѣтра ворона сидитъ „наўпроти вѣтру и надмѣтца—нягода будя“. Если весна ранняя и „титярукъ начнѣ балбатать неўнару“ — жди холодовъ чрезъ полмѣсяца.

Если кукушка будетъ куковать до Петрова дня, то осень будетъ хорошая.

Чтобы прекратился дождь, дѣти прыгаютъ на одной ногѣ и поютъ:

Дождь, дождь, паристань,
Мы паѣдимъ на Ирдань,

Богу малѣтца,
Христу пакланѣтца!

А во время бездожія:

Дождь, дождь, припусти,
Мы паѣдимъ у кусты,

Богу малѣтца,
Христу пакланѣтца!

Послѣ купанья, тоже прыгая на одной ногѣ, дѣти поютъ:
Калѣка, калѣка,
Сагрѣй чилаѣка!

Кали ни нагрѣишь,
Сама окалѣишь!

Чтобы вода была тепла при купаньѣ, надо бросить въ нее нѣсколько горстей травы, съ словами:

„Траўка—траўка! Нихай тибѣ будить халбдинька, а мнѣ теплинька!“

Если кукушка начнетъ весною куковать „на голый лѣсъ“, когда онъ не покрылся еще зеленью, то годъ будетъ неурожайный. Если на Рождество будетъ теплая погода, съ небольшимъ снѣгомъ и съ туманомъ, то наступающій годъ будетъ урожайнымъ. Чтобы узнать, на какой хлѣбъ будетъ лучший урожай, садятъ въ день Нового года въ землю въ ящикѣ зерна различныхъ хлѣбовъ; который хлѣбъ проростетъ лучше, на тотъ и будетъ обильный урожай лѣтомъ. На Переплавную среду надо сажать лукъ; тогда онъ не будетъ черезчуръ горекъ. Если въ лѣсу появится весною много бѣлокъ, то будетъ или неурожай или война. То же самое предвѣщаетъ и появленіе другихъ грызуновъ—мышей, крысъ. Если въ день Нового года на деревьяхъ иней, то годъ будетъ урожайный. То же предсказываетъ и снѣгъ на Крещенье. Если журавли летятъ изъ вырея большою стаей, то годъ будетъ неурожайный; если же небольшими группами, по два—по три, то будетъ урожай. Если зимою часты будутъ иней, то лѣтомъ пчелы соберутъ много меда. Такое же предсказаніе дѣлается, если въ день Покрова будетъ теплая, ясная погода. Если въ маѣ будетъ хотя одинъ морозъ, роевъ не будетъ. Ленъ нельзя стлать до тѣхъ поръ, пока не будетъ засѣяно озимое поле. Когда начинаютъ цвѣсти огурцы, надо бросить на леги старые ланты или вообще что либо плетеное или вязаное; тогда у огурцовъ хороша будетъ завязь. Чтобы получить хорошій урожай огурцовъ, надо отыскать между ними спорышъ (два огурца сросшіеся вмѣстѣ), намочить его въ водѣ и этою водою поливать огурцы на грядахъ. Чтобы мыши не ѣли свезеннаго на гумно хлѣба, надо ту скатерть, въ которой носили освящать пасхальный столъ, разостлать въ воротахъ гумна такъ, чтобы по ней проѣхалъ первый возъ съ снопами. Потомъ эту скатерть вѣшаютъ въ гумнѣ на перекадинѣ, гдѣ она виситъ до тѣхъ поръ, пока будетъ обмолоченъ весь хлѣбъ.

Если зимою большіе „склюзы“ черезъ дорогу, надо сѣять побольше ячменю,—на него будетъ урожай. Если зимою частыя „отлиги“—оттепели, то рождъ будетъ плоха. Если въ Чистый четвергъ и

на Благовѣщеніе будетъ тепло, будетъ урожай на орѣхи. Если на небѣ много звѣздъ въ Рождественскую ночь, будетъ много грибовъ съ весны, если въ Новогоднюю, то среди лѣта, а если въ Крещенскую, то къ осени. Если въ Коляды вообще небо звѣздное, то лѣтомъ будутъ и грибы и ягоды, „а коли хмарное, дакъ не надѣйся!“ Если на Рождество вѣтеръ, то лѣтомъ будетъ много орѣховъ. Чтобы ленъ уродился чистый, надо въ Новогоднюю ночь, на Щедрую кутью, смести печь и соръ выбросить на улицу.

Если въ Крещеніе идетъ снѣгъ, лѣтомъ на капустѣ будетъ много червей. Чтобы черви не ѣли капусту, надо вбить въ гряды колокъ во время посадки.

Въ какой день на масляницѣ будетъ ясная солнечная погода, въ такой день недѣли надо сѣять пшеницу. Тогда она будетъ и хорошая и чистая. Ленъ весной надо сѣять въ тотъ день, когда увидишь ястреба-мышатника. (Велиж. у.). Пшеницу лучше сѣять въ три срока: раннюю—до Юрѣя, среднюю—когда у ржи высыпелся колосъ, и позднюю—одновременно съ гречихой. Гречиху же лучше всего сѣять за двѣ недѣли до Купалы. (Рудня).

Чтобы градъ не выбилъ лѣтомъ полей, надо на Юрѣя въ разныхъ мѣстахъ поля воткнуть въ землю кости отъ освященнаго пасхальнаго мяса. Эти же кости спасаютъ рожь и отъ засоренія костеремъ. Воткнутыя въ шулу гумна при привозѣ съ поля „перваго снопа“, онѣ спасаютъ гумно отъ пожара. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нивы въ этотъ день обходятъ съ пирогомъ, горѣлкой и закуской жгутъ пасхальныя кости и золою ихъ осыпаютъ нивы. Это спасаетъ нивы отъ сорныхъ травъ, особенно рожь отъ костера и пшеницу отъ куколл.

Чтобы не болѣла спинна во время жнива, женщинамъ въ Чистый четвергъ надо спрядь три нитки до восхода солнца, сидя на порогѣ избы. Во время зажинокъ этими нитками надо опоясаться.

Въ день Новаго года нѣкоторые считаютъ необходимымъ начинать, „для примѣра“ какія-нибудь работы, чтобы былъ въ нихъ успѣхъ въ наступившемъ году.

Въ тотъ день, когда начинаешь пахоту или зажинаешь рожь, или начинаешь посѣвъ—ничего не давай изъ дому людямъ. Въ Сѣненскомъ уѣздѣ это требуется въ каждый праздникъ. Въ Оршан. у. кромѣ того нельзя ничего ссужать въ полнолуніе, если оно приходится на среду.

Если въ день Новаго года вѣтеръ, то въ тотъ годъ будетъ урожай на орѣхи.

При посѣвѣ пшеницы, надо топоръ заткнуть за поясъ или надѣть черезъ плечо кошель. Тогда на нее будетъ урожай хороший.

Чтобы ленъ выросъ высокій, надо бросать въ воду головешки отъ Купальскаго костра.

Въ первый день косьбы „ни мятѣяъ, ни трапѣяъ, а то цѣлый годъ будутъ вовцы крычать, якъ ни ѣуны. Луччы закашавай на начъ“. Гом. у.

Чтобы былъ урожай на фрукты, надо, идя къ заутрени въ день Рождества, зайти въ садъ и потрясти деревья.

Чтобы въ огурцахъ не было пустоцвѣта, надо садить ихъ вечеромъ. Чтобы рѣпа была крупная и сладкая, не надо, сажая ее, смотрѣть по сторонамъ или вверхъ.

Чтобы жито лучше росло, въ Рогачевскомъ уѣздѣ прогоняютъ чрезъ ржаное поле все стадо. Если же это дѣлаетъ каждый хозяинъ въ отдѣльности со своимъ скотомъ, то въ лѣвой рукѣ онъ несетъ икону, а въ правой вербу, и говоритъ: „Святой Юрій—Ягорій! Бага-слави Господи намъ у поля сваю скатину прагнѣть! Якъ падъ сонцамъ, такъ и падъ мѣсяцамъ штобъ Богъ мілаваў скатину маю. Унимаі, святой Юрій-Ягорій губы и зубы сваймъ псѣмъ, усимъ звярѣмъ!“—„Самая благаславенія на расѣ гнать скотъ у стый день!“

Чтобы хороший горохъ уродился, нужно сѣять его въ тотъ день недѣли, въ который осенью шелъ первый снѣгъ.

Не слѣдуетъ сѣять пшеницы, когда дуетъ сѣверный вѣтеръ.

Когда черви-пашники начнутъ рыть токъ, нужно спѣшить съ посѣвомъ ржи. Когда на крапивѣ появится много червей, недѣль за семь до Ильи, пора сѣять пшеницу.

Велижск. у.

Когда складываешь сѣно въ пуню, нельзя никому огня давать изъ дому, „а то съ сѣна бѣдѣтъ пылъ ити“. „Жыта надо складать, якъ у поля стѣтыкъ гѣшотъ: тагдѣ мѣшы ня будутъ жыта ѣсти“.

Если ѣдешь жито сѣять и встрѣтишь человека, укушеннаго „вужакай“, такъ надо его пропустить впередъ, но отнюдь не переходить ему дороги. Если въ деревнѣ имѣется покойникъ, нельзя жита сѣять: „сѣй, ня сѣй—ня уродитъ!“

Если полосы сосѣдей сходятся межа съ межою, то нельзя одновременно засѣивать ихъ, идя на встрѣчу другъ другу. „Хто саступитъ катораму, у тагѣ бѣдѣтъ луччыя жыта“. А если хочешь навредить сосѣду, то сѣй, идя ему на встрѣчу и переверни свою дощанку. Тогда у сосѣда жито пропадетъ.

Когда сажаютъ хлѣбъ въ печь, тогда никому нельзя выходить изъ хаты: споръ съ собою понесетъ.

Если насѣдку посадить на яйца въ среду, то выйдутъ одни пѣтушки. Подъ насѣдку надо класть нечетное число яицъ, иначе будетъ много „болтуновъ“. Гдѣ сидитъ на яйцахъ насѣдка—курица, гусь, индѣйка, утка, въ той хатѣ нельзя варить и печь яицъ. Если въ Великую субботу вечеромъ во время топки печи хозяинъ немного „покохаеть“ по куриному, то всѣ куры ея будутъ затѣмъ „квохтать“ и выводить цыплятъ. На Русальной недѣлѣ нельзя садить насѣдокъ

на яйца, иначе птенцы выведутся съ кривыми ногами. Въ ту хату, гдѣ сидитъ насѣдка, нельзя ходить съ цвѣтами, иначе будетъ много „болтуновъ“.

Чтобы куры начали рано нестись, надо въ день Рождества на разсвѣтѣ пойти въ сарай и потрясти телѣгу („калѣсы“). А если куры не несутся, надо идти въ полночь къ сосѣду, потрясти у него ворота и постучать въ нихъ съ словами: „Якъ у на́шага сусѣда Иваньки варѣты трысѹтца, такъ няхай наши куры нясѹтца“. Такъ сдѣлать три раза.

М. Вѣтка.

Чтобы овцы не рождались кривоногими, хозяйкамъ слѣдуетъ въ Коляды оставлять золу и головешки въ печкѣ. Леп. у.

Если въ Великую субботу вечеромъ сильно лаютъ собаки, то волки много истребятъ собакъ за лѣто. Чтобы домашній скотъ „улытку пилнаваў дома“, надо въ Коляды давать ему ѣсть кутью черезъ обручъ. Съ тою же цѣлью сыплѹтъ кормъ въ обручѣ домашней птицѣ. Чтобы охранить корову отъ дурного глаза и отъ вѣдьмы, слѣдуетъ послѣ перваго отела просверлить у ней въ правомъ рогу дырочку, влить туда освященной ртути и залѣпить навсегда воскомъ. „Отъ живого серебра никакой злостникъ ничего худого не въ состояннн сдѣлать коровѣ“. Чтобы жеребенка не съѣли волки, надо протачить его, какъ только родится, „мижа сѹколь“ въ изгороди.

Чтобы лошади не дѣлали лѣтомъ поправы, надо въ Рождественскую кутью во время ужина выйти въ садъ босикомъ тому члену семьи, который будетъ пасти лошадей, и тамъ спутать нѣсколько деревьевъ.

Если воронъ кричитъ надъ стадомъ, то волкъ съѣстъ кого-нибудь изъ стада. Чтобы прогнать ворона, пастушки кричатъ на него „Крукъ, крукъ! Ни лятй чиризъ нашъ статыкъ: бѹдитъ на твайхъ дятѣй упадыкъ! Лятй чиризъ пануў дворъ: панъ кабылу лѹпить, табѣ кавалыкъ откалѹпить!“

Если свинья опоросится въ первый разъ, то поросятъ нельзя ни продавать, ни дарить, иначе въ дворѣ переведутся свиньи.

Чтобы лошади были здоровы и жирны, ихъ купаютъ въ Чистый четвергъ до солнца и потомъ по нимъ катаютъ яйцо съ написаннымъ углемъ изображеніемъ креста. Чтобы волки не нападали на стадо, надо обнести вокругъ него недоѣденную волками голову собаки. Чтобы скотъ изъ стада не разбредался, надо закопать на пастбищѣ кусокъ хлѣба, съ которымъ хозяева провожаютъ скотъ въ день Юрья. Если корова отстанетъ отъ стада и не придетъ на ночь домой, надо въ стѣну надъ дверью воткнуть ножъ; тогда ее звѣрь не тронетъ. Иные съ этою цѣлью запираютъ замокъ на то время, пока корова отыщется. Если у рогатаго скота появится кровавая моча, то надо вбить въ землю осиновый колышекъ, и болѣзнь прекратится. Если

скотина „съ норовомъ“, то ее надо сбыть, такъ какъ, перейдя черезъ руки, она исправляется. Если ласточка пролетитъ подъ короною, то корова не будетъ больше давать молока до слѣдующаго теленка.

Чтобы защитить коровъ отъ вѣдьмы, дѣлаютъ деревянный крестикъ наканунѣ Крещенія, въ постную кутью. Когда въ день Крещенія раздастся благовѣстъ къ обѣднѣ, хозяйка беретъ крестикъ и идетъ на колодезь за водою. Придя туда, она крестится и пускаетъ крестикъ на воду. Если же на водѣ уже имѣется крестикъ, опущенный предыдущей хозяйкой, его вынимаютъ, несутъ домой и вѣшаютъ на воротахъ. Тогда вѣдьма не можетъ пройти во дворъ, чтобы отнять молоко у коровъ. Въ Чистый четвергъ мнутъ ленъ до восхода солнца и полученной кострикой пересыпаютъ дорогу коровамъ при первомъ выгонѣ ихъ въ поле на Юрья. Тогда вѣдьма не отниметъ у нихъ молока. До Юрья нельзя водить лошадей на ночлегъ, потому что у звѣрей еще нѣтъ начальника—Юрія и они попортятъ много лошадей. Въ ночь же подъ Юрьевъ день св. Юрій (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—Лѣсовикъ) собираетъ звѣрей въ одно мѣсто и распредѣляетъ ихъ, куда которымъ идти на лѣто жить. И наблюдаетъ, чтобы они не портили ту скотину, которая имъ не назначена. Такъ держитъ онъ звѣрей въ своей власти до Купалы, (по другимъ—до Филиппова поста) а потомъ распускаетъ. Существуетъ поговорка: „по кошоному звѣрь злѣй!“

Когда первый разъ выводятъ на ночлегъ лошадей, то въ воротахъ хлѣва разстилаютъ скатерть, кладутъ на нее замкнутый замокъ и яйцо, и переводятъ черезъ скатерть лошадей. Дѣлается это для того, чтобы запретъ волчьей пасти и чтобы лошади были здоровы и жирны (круглы, какъ яйцо).

Въ д. Маковѣ, выгоняя скотъ 23 апрѣля, берутъ въ правую руку освященную вербу и страстную свѣчку, а въ лѣвую ломоть хлѣба, или миску пашни. Въ воротахъ перегоняютъ черезъ красный поясокъ, замкнутый замокъ, яйцо и кусокъ хлѣба съ солью или чрезъ цѣлую паляницу. „И трѣйчы чыразъ той жа хлѣбяцъ нараганяять“. А замки до осенняго Юрья замкнуты.

Чтобы узнать вѣдьму, которая отбираетъ молоко у коровъ, нужно вбить колъ осиновый въ землю, отрѣзать отъ него внизъ 63 щепки и разложить изъ нихъ въ печкѣ огонь въ самый полдень; потомъ наколотъ цѣдилку (тряпочку, чрезъ которую процеживается молоко) и кипятить ее на этомъ огнѣ. Во время кипѣнія вѣдьма придетъ въ домъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Чтобы скотъ лучше водился, надо первые блины отъ каждой кутьи и отъ праздниковъ Рождества, Крещенія и Нового года, всего шесть блиновъ засушить и, растерши ихъ, всыпать въ кормъ. Одиѣ хозяйки дѣлаютъ это въ день Крещенія, другія на Юрья.

Нельзя нянчиться съ животными, не только съ когтистыми, которые считаются „погаными“, но и съ копытными. Бѣлорусъ съ презрѣніемъ относится къ женщинамъ, держащимъ у себя много собакъ или кошекъ. Кто цѣлуетъ животныхъ, тотъ самъ дѣлается поганымъ.

Бѣлорусы — народъ глубоко религіозный и вѣрующій, но къ сожалѣнію не получившій даже элементарнаго религіознаго образованія. Взгляды его на Божество приведены въ IV вып. Б. Сб. и я не буду повторяться, но и теперь приходится сказать, что изъ неграмотныхъ рѣдко кто знаетъ молитвы. Вотъ напримѣръ какъ мнѣ прочитали въ княжицкой волости Могилевскаго уѣзда (12 верстъ отъ губернскаго города) молитву Господню: Ачѣ паша, же ся на набыся, да свѣтитца мя тва, да прѣидить царства воля тваѣ (крестное знаменіе), якъ на наби, такъ и на зямли, хлѣбъ нашъ насущный прысыный вѣ вяки вякомъ аминь“. Такимъ же образомъ искажаются и прочія молитвы, число которыхъ впрочемъ очень ограничено, и символъ вѣры. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что бѣлорусовъ легко совращаютъ ксендзы въ католичество, а сектанты въ штунду и т. п. ереси.

Иконы до сихъ поръ называются богами, карнизъ, гдѣ устанавливаются образа—божницею, полотенца, которыми иконы украшаются—набожниками и т. д. Наиболѣе часто встрѣчаются иконы Спасителя, Божіей матери, св. Николая, влм. Георгія, а на югѣ Бѣлоруссіи влм. Варвары и арх. Михаила. Наболѣе, однакоже, почитается икона св. Николая, которая имѣется почти въ каждомъ домѣ. Дѣтей, вступающихъ въ бракъ, родители благословляютъ: жениха иконою Спасителя или св. Николая, невѣсту иконою Богородицы или св. угодницы.

Во время пожаровъ прежде всего спасаютъ „боговъ“ и непременно—столъ, а потомъ уже остальное имущество.

Одну изъ иконъ во время пожара обносятъ вокругъ пожарника и бросаютъ въ огонь освященное пасхальное яіцо, которое иные старухи нарочито сохраняютъ для такихъ случаевъ.

Возможность приобрести въ домъ икону составляетъ для семьи высокую радость. Уплата денегъ за икону называется мѣною: „Богу ни ўгаворна, выминяли святѣтила Микалая!“

Ложиться къ иконамъ ногами считается большимъ грѣхомъ и это никогда не допускается. Паденіе иконы съ божницы предвѣщаетъ дому большое несчастье, чаще всего—смерть одного изъ старшихъ членовъ семьи. Потеря шейнаго креста или образка предвѣщаетъ потерявшему несчастье; для предотвращения его потерявшій долженъ „щиро“ постить три первыхъ послѣ потери пятницы.

Въ силу историческихъ причинъ, въ Бѣлоруссіи большимъ уваженіемъ пользуется крестъ чытырехконечный; но въ послѣднее время

быстро входитъ въ употребленіе восьмиконечный, какъ отличіе отъ католиковъ. Въ церквахъ встрѣчаются древніе кресты пяти—шести—и семиконечные.

Изъ свѣчей, обладающими чудесною силою считаются: Страстная-четверговая, Пасхальная, при которой освящаются пасхальные яства, въ мѣстностяхъ при-католическихъ—Срѣтенская, Громничная и вѣнчальные.

Въ дополненіе къ сказанному выше добавлю, что вѣнчальные свѣчи считаются очень полезными при лѣченіи лихорадки: ими подкуриваютъ больныхъ и тѣ выздоравливаютъ; четверговою свѣчею сглаженныхъ дурнымъ глазомъ, заболѣвшихъ „отъ суроць“.

Полезнымъ считается и ладанъ: дымъ его, прежде всего, отгоняетъ нечистую силу: боится, какъ чертъ ладана. Затѣмъ при зубныхъ болѣзняхъ „росинки“ его кладутъ на больные зубы; наконецъ, растворяютъ его въ водѣ и даютъ пить страдающимъ эпилепсіей, „переходомъ“.

Первый ударъ колокола отгоняетъ нечистую силу отъ церкви. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (с. Староселье Гом. у.) при первомъ ударѣ не крестятся, чтобы не отогнать черта опять къ церкви, а крестятся при второмъ. Обычно же крестятся при первомъ ударѣ.

Изъ книгъ религіознаго содержанія до учрежденія ц.-приходскихъ школъ чаще другихъ встрѣчалась псалтирь и притомъ большого формата (4^о). По ней читали по покойникамъ. Потомъ начали входить часословы и евангелія. Любимымъ чтеніемъ надо признать житія святыхъ. Ветхій завѣтъ не встрѣчается, и вообще мало извѣстенъ. Есть даже мнѣніе, что ветхій завѣтъ грѣшно читать. Что касается библіи, то ее читать можно, но кто прочтетъ ее всю, тотъ сойдетъ съ ума или сдѣлается фармазаномъ—по народному опредѣленію, что-то въ родѣ полусумасшедшаго, невѣрующаго въ Бога и душа котораго заранѣе продана діаволу. Съ ума сходитъ также, кто много учится: у него умъ за разумъ заходитъ; или кто наступитъ на зачарованный слѣдъ колдуна. Въ послѣднемъ случаѣ, если наступившій плюнетъ на слѣдъ и перекрестится, чары обратятся на самого колдуна. Если кто плюнетъ въ лицо человѣку, ему говорятъ: „плюнь на свой слѣдъ!“ Тогда онъ съ ума сойдетъ или во всякомъ случаѣ проболѣетъ.

Наболѣе уважаемой книгой все же считается псалтирь, тѣмъ болѣе, что по ней можно и гадать. Для этого гадающая ставитъ псалтирь корешкомъ себѣ на голову и переворачиваетъ ее кругообразно три раза, потомъ снимаетъ и раскрываетъ на любой страницѣ. Грамотей читаетъ открытый псаломъ. Гадающая большею частью не понимаетъ текста. Но достаточно прочесть напр: стихъ: „Возверзи на Господа печаль твою и той ты препираетъ“, и гадающая удовлетворена и черпаетъ силы для дальнѣйшей борьбы съ горемъ.

Сонъ Богородицы въ Бѣлорусіи очень распространенъ, такъ какъ существуетъ увѣренность, что нахожденіе его въ домѣ избавляетъ домъ отъ несчастій.

Ладонки православнымъ населеніемъ носятъ рѣдко и главнымъ образомъ кievскими богомолками. Въ ладонки зашивается вата отъ мощей и росинка ладану. Люди, боящіеся дурного глаза, носятъ въ ладонкѣ освященное живое серебро—ртуть.

Въ случаѣ долгаго безвѣстнаго отсутствія члена семьи, по немъ служатъ панихиду какъ по умершемъ, или записываютъ въ поминальницу „за упокой“. Если отсутствующій живъ, эти мѣры вызываютъ въ немъ сильную тоску по родинѣ и онъ скоро возвращается домой. Въ противномъ же случаѣ отсутствующаго считаютъ умершимъ.

Если сова кричитъ близъ семейнаго дома, то въ этомъ домѣ скоро будутъ родины. Если два человѣка скажутъ въ одно время одно и то же слово, то ребенокъ, родившійся въ эту минуту, сдѣлается воромъ. Если положить нечаянно ножъ остриемъ кверху, то родившійся въ это время будетъ самоубійцей.

Предъ наступленіемъ родовъ, родильницу надо обвести три раза вокругъ стола, застланнаго скатертью; тогда рожаемый будетъ „пильновать дому“ и будетъ жить въ достаткѣ.

Беременной женщинѣ нельзя работать на Русальной недѣлѣ, иначе у нея родится уродь.

Если ударить беременную женщину, то у ребенка на томъ мѣстѣ будутъ слѣды удара.

Проходя близъ вонючаго мѣста, падали и т. п., беременная не должна плевать, иначе у младенца будетъ вонять изо рта. Беременная не должна также спать въ такомъ мѣстѣ, чтобы на нее падалъ лунный свѣтъ, иначе младенецъ ея будетъ лунатикомъ.

Если у кого умираютъ дѣти, такъ надо брать въ воспріемники „сустрѣшная кумаѣ“, то есть первыхъ встрѣтившихся мужчину и женщину; или взять родныхъ брата и сестру, или дать новорожденнымъ имена Адама (мальчику) и Евы (дѣвочкѣ), или наконецъ продать ребенка. Продажа совершается такъ. Отецъ проситъ знакомаго прислать „купца“—покупателя. Купецъ приходитъ и спрашиваетъ: ти прадаѣшь дитя?—Купляй!—Сколько табѣ за яго?—Пять копѣйкъ! Той кладѣ у люльку пятакъ и выходя съ хаты. Гроши етыя аддають на цѣркву, а дитѣночакъ живѣ.

Штобъ дитѣнка никто ни сурѣчы, треба надъ люлькой павѣсить вѣвчый зубъ. Также: надо всячески охранять отъ вѣтра, чтобъ не подулъ на ребенка въ люлькѣ.

Если у ребенка длинные и тонкіе пальцы, то изъ мальчика выйдетъ „абы панъ, абы гультай“, а дѣвушка будетъ искусная приха.

Если ребенокъ часто кричитъ, капризничаетъ, его нужно высиживать вѣвчникомъ на трехъ порогахъ. Нельзя, при этомъ, качать пустую люльку: ребенокъ становится отъ этого болѣе капризнымъ и по ночамъ не будетъ спать.

Когда отнимаютъ ребенка отъ груди, то наблюдаютъ, чтобы въ тотъ день не было въ календарѣ памяти мученика, иначе отнятіе отъ груди будетъ для ребенка мучительно. При отнятіи ребенка отъ груди кладутъ предъ нимъ хлѣбъ, деньги и книжку. За что ребенокъ прежде всего схватится, того и будетъ „пильновать“ всю жизнь. Если во время сна ребенокъ взбирается на подушку, значить, долго жить будетъ. Если не по лѣтамъ умень, то помретъ въ дѣтствѣ. Если сонный ребенокъ открываетъ глаза, если у него переносе синева, и если пятки тупыя,—то онъ скоро помретъ. При острыхъ же пяткахъ ребенку предстоитъ долгая жизнь. Проклятія матери дѣйствительны; если мать въ сердцахъ скажетъ ребенку: „а чтобъ ты пропасть отъ моей головы!“—то ребенокъ или утонетъ, или убьется, или умретъ отъ несчастнаго случая. Нельзя долго кормить ребенка грудью: онъ сдѣлается глупымъ. Если ребенокъ сопливый—будетъ разумнымъ. „Хто змѣлку сапливый, той будя щасливый“. Чтобы носъ у ребенка не расплывался, мать во время пеленанія должна всякій разъ слегка сжимать пальцами кончикъ носа. До года ребенку не позволяютъ смотрѣться въ зеркало. Чтобы ребенокъ быстрѣе укрѣплялся и скорѣе началъ ходить, его надо почаще сажать на то мѣсто, гдѣ лежалъ предъ тѣмъ свѣже-испеченный хлѣбъ. Чтобы ребенокъ скорѣе началъ ходить, ставятъ его на полъ и между его ногъ перерѣзываютъ веревку, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, что перерѣзываютъ ее. Это называется „рѣзать путо“. До года нельзя стричь волосъ на головѣ ребенка, нельзя обрѣзывать у него ногтей.

Если дитя во снѣ плачетъ, не надо его будить: „ета урѣмя падышло хѣда“. Также и тогда, если ребенокъ смѣется. Нельзя колыхать пустой люльки: туда заберется хвороба и будешь нянчиться съ нею. Нельзя надѣвать мальчику женскаго чепца: расти не будетъ. Если у ребенка углы глазъ острые, онъ долгоживень, если тупые, скоро помретъ. Если женщина „присвѣтитъ“, пройдя надъ ребенкомъ, онъ не будетъ расти. Бить ребенка по пятамъ нельзя, будетъ болѣть. Нельзя поднимать ребенка выше своей головы: не будетъ расти.

У кого изъ новобрачныхъ за время вѣнчанія сторить больше свѣча, тотъ раньше умретъ. Если свѣчи во время вѣнчанія горятъ ярко, то жизнь новобрачныхъ будетъ веселая и долговѣчная; если же горятъ тускло, то жизнь будетъ печальная.

Для того, чтобы на свадьбѣ произошла ссора или драка, злостники бросаютъ „въ кутъ“ отломленную головку отъ рукоятки цѣпа.

Чтобы узнать характер жениха или невесты, достают их волосъ и проводят между сжатыми ногтями. Если волосъ свернется, значить характер злой и вспыльчивый, если же останется ровнымъ— характер ровный, спокойный.

Невеста считается зрѣлою, если ея коса доросла до пояса. Если груди, уши или носъ у невесты мягкіе, она потеряла невинность. Цѣломудренный мужчина не умѣетъ попадать камнемъ въ цѣль, не умѣетъ рубить топоромъ по одному и тому же мѣсту.

Кто, становясь къ вѣнцу, первый вступитъ на подножникъ, тотъ будетъ главенствовать въ домѣ. Во время вѣнчанія на подножникъ надо положить монету, чтобы новобрачные были богаты. Сходя съ подножника послѣ вѣнца, невеста должна протянуть его за собой ногою; тогда скоро выйдутъ замужъ ея подружки. Послѣ Андреева стоянія и въ день Андрея 30 ноября дѣвушки должны ложиться спать безъ ужина: тогда онѣ увидятъ во снѣ суженаго. Наканунѣ Рождества утромъ, когда чистятъ хату и выносятъ золу изъ печей, заставляютъ дѣлать это малыхъ дѣтей. Въ которой сторонѣ при этомъ залаютъ собаки, съ той будетъ женихъ для дочери, и невеста для сына. Видѣть во снѣ медвѣдя, надо ожидать сватовъ. Если кошка выведетъ котятъ на чердакъ, въ этомъ домѣ будетъ свадьба. Дѣвушка должна стараться, чтобы въ первый разъ быть восприемницей мальчика, а парень—восприемникомъ дѣвочки: тогда они скоро поженятся и выйдутъ замужъ.

Если собака роетъ подъ окномъ землю, въ томъ домѣ будетъ покойникъ. Если чешется носъ, услышишь о покойникѣ. Если въ комнату влетитъ птичка, въ домѣ будетъ покойникъ или, во всякомъ случаѣ, заболѣетъ кто-либо изъ членовъ семьи. На кого сядетъ рой пчелъ, тотъ человѣкъ больше года не проживетъ. Если мыши ѣдятъ одежду, то хозяинъ ея непременно заболѣетъ, а если испортятъ окончательно, то и умретъ отъ болѣзни. Если воронъ кричитъ надъ домомъ, или на крышѣ, то въ этомъ году въ домѣ будетъ покойникъ; если воронъ пролетитъ у кого надъ головою, тотъ въ этомъ году умретъ. Видѣть во снѣ гряды или копать ихъ—означаетъ, что самъ видѣвшій или кто-либо изъ его родственниковъ умрутъ. Если лѣтомъ задуетъ холодный вѣтеръ, то въ той сторонѣ, откуда онъ дуетъ, кто-нибудь утонетъ, и вѣтеръ дуетъ „на зали́ца“. Если гудитъ въ трубѣ или въ самоварѣ—предстоитъ потеря близкаго человѣка, или во всякомъ случаѣ долгая разлука съ нимъ. Паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка; въ которой сторонѣ она упадетъ, тамъ и покойникъ. Если при видѣ падающей звѣзды пожелать чего-либо, прежде, чѣмъ звѣздочка закатится, то это желаніе непременно исполнится.

Если собака воетъ передъ домомъ опустивши голову къ землѣ, въ домѣ будетъ покойникъ; если же поднявши голову кверху—будетъ

пожаръ. Или: если внизъ, то на бѣду себѣ, а если вверхъ, то на несчастье человѣку: на моръ, на голодъ, на пожаръ и т. п.

Если ребенокъ ѣстъ землю, то онъ не долговѣченъ. Если больной пьетъ козье молоко и коза начинаетъ худѣть, значить, больной сталъ поправляться, если же коза умереть, то это считается за доказательство выздоровленія болѣвшаго. Услышавъ первый разъ кукушку, спрашиваютъ у нея: „кукушка, кукушка! сколько мнѣ годовъ жить?“ Сколько разъ она прокукуетъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, столько лѣтъ и проживетъ спрашивающій. Дѣвушки спрашиваютъ въ такихъ случаяхъ кукушку, сколько лѣтъ имъ осталось до замужества, а парни—до женитьбы.

Если у покойника мягкое тѣло, если вырытая для него яма обрывается, если умершій не закрываетъ плотно глазъ и наконецъ если за похороннымъ столомъ обѣдающихъ окажется нечетное число,— все это предвѣщаетъ скоро другого покойника въ томъ же домѣ.

Дѣти, умершія до крещенія, и выкидыши обращаются въ русалокъ.

Хату, въ которой былъ покойникъ, въ Смоленскомъ уѣздѣ не моютъ цѣлый годъ, не метутъ улицы передъ дворомъ и не украшаютъ дома „маемъ“ въ Духовъ день. Если при разговорѣ упоминаютъ имя умершаго, то обыкновенно приговариваютъ: „вѣчный покой!“ Или: „нехай святенекъ лежить!“ Или: „мы его не дождемся, а ёнь насъ!“ Если чрезъ окно въ хату влетитъ ласточка, это значить, что душа какого-либо умершаго родственника проситъ за нее помолиться.

Когда человѣкъ умираетъ, нельзя плакать, кричать, даже громко разговаривать: душа пугается и не рѣшается вылетать изъ тѣла, чѣмъ причиняетъ умирающему большія страданія. Какъ только человѣкъ скончается, надо поставить на окнѣ „святую воду“ (освященную Крещенскую), чтобы душа могла въ ней выкупаться и явиться къ Богу чистою. Во время похороннаго стола надо открыть окно, чтобы въ него влетѣла душа покойника принять участіе въ трапезѣ. Съ этою же цѣлью мѣсто за столомъ, гдѣ лежалъ покойникъ предъ погребеніемъ, не занимается никѣмъ во время обѣдовъ до истеченія сорока дней.

Если яма для покойника вырыта въ цѣльномъ грунтѣ („въ свѣ-жемъ мѣстѣ“), то въ нее бросаютъ деньги, чтобы „откупить“ мѣсто и чтобы покойнику было чѣмъ купить себѣ мѣсто на томъ свѣтѣ. Родственники покойнаго не должны зарывать могилы или бросать рукою землю на гробъ, иначе покойнику будетъ тяжела земля. Отвозить покойника на кладбище надо на меринѣ, но не на кобылѣ. Когда умираетъ хозяинъ дома, его слѣдуетъ положить на лавкѣ, стоящей у того окна, которое выходитъ на дворъ, „къ хозяйству“, хозяйку же дома кладутъ на той лавкѣ, которая стоитъ у окна, обращеннаго

на улицу. Жена съ умершимъ мужемъ не прощается, иначе она не встрѣтится съ нимъ на томъ свѣтѣ.

Когда больной выражаетъ желаніе, чтобы его положили „дѣла“, на полу, на землѣ, это вѣрный признакъ, что онъ скоро умереть, пойдеть въ землю. Если первое горе недостаточно выплакано, то каждое послѣдующее тяжело ложится на сердце. Среди костей человѣка имѣется такая, въ которой сосредоточивается „причастіе“. По смерти всѣ кости истлѣваютъ, но эта косточка сохраняется въ землѣ до всеобщаго воскресенія. Тогда изъ нея возстанавливаются остальные кости и тѣло умершаго.

Гробъ можно дѣлать и заблаговременно, но нельзя оставлять его пустымъ—нищимымъ, а надо насыпать въ него жита. Иначе онъ притянетъ къ себѣ мертвеца. Воду на окнѣ можно ставить и предъ кончиною. Въ моментъ смерти водица въ стаканѣ всколыхнется.

Душа человѣка выходитъ изъ тѣла черезъ ротъ и три дня сидитъ за образами, а потомъ идетъ къ Богу на отвѣтъ.

Если во время похороннаго стола упадетъ изъ рукъ ложка или хлѣбъ, въ домѣ будетъ еще покойникъ.

Покойники на томъ свѣтѣ работаютъ, „а каторыя заслужутъ, дакъ тамъ и пастѣлька, и садъ, и пристѣлъ, и праскурка, и свѣчка. Парадѣха—кай умрѣ зъ роду, кагѣ громъ убѣе, и правядныя“.

Когда умираетъ первый ребенокъ, мать не должна провожать его „на клѣбовья“, иначе и слѣдующія дѣти будутъ умирать.

М. Вѣтка.

Кому кожанъ—летучая мышь сядетъ на голову, тотъ помретъ. Или: голова покроется паршами. Или: облысѣешь.

Если въ хатѣ трещитъ стѣна съ порога—гость прибудетъ, но если „на кутѣ“, то въ хатѣ будетъ покойникъ. Если курица начнетъ пѣть пѣтухомъ—въ домѣ кто-нибудь умретъ. Тогда мѣряютъ курицей хату. Если на порогѣ придется ея голова, обрубаютъ голову—чѣмъ предвѣщаніе и исполняется; если же на порогѣ приходится хвостъ курицы, отрубаютъ и его, но все таки ждуть чьей-либо смерти. Если куры постоянно кудахчутъ, кто-нибудь въ домѣ умретъ. Если пѣтухи въ домѣ поютъ всю ночь, когда тамъ покойникъ—это „ангельская ночь“, поютъ ангелы. Если похоронному шествію встрѣтится большая толпа народа, значитъ въ селѣ кто-нибудь еще помретъ. Если во время похоронъ идетъ дождь или снѣгъ, это умершій „пріять свай раднѣ“. Если зимою бываетъ необыкновенная вьюга, то говорятъ, что кто-то сердитый умеръ (или: родился). Когда несутъ тѣло, нельзя смотрѣть въ окно.

Ряснян. вол. Сѣннен. у.

„На той свѣтѣ“ нельзя являться безъ бороды. Поэтому больнымъ ее запускаютъ. Но въ окатоличенныхъ мѣстностяхъ ксендзы требуютъ обязательнаго бритья бороды, „кабъ ня быть пахѣлымъ на кацапа“.

Беременнымъ нельзя присутствовать на погребеніяхъ, иначе младенецъ родится у нихъ мертвымъ. Плакать при исходѣ души нельзя: смерть отойдетъ отъ больного на сутки, и онъ будетъ напрасно мучиться. Послѣ погребенія, на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, ставятъ на шесть дней воду въ стаканѣ, потому что покойникъ въ эти дни ходитъ домой пить воду.

Оршанск. у.

Проводъ покойника, хотя на короткомъ разстояніи, считается обязательнымъ. Разказываютъ, что одна бобылка всю жизнь проводжала покойниковъ; какъ услышитъ, что померъ кто, сейчасъ зажигаетъ свѣчку и идетъ съ проводомъ. Одинъ разъ хлопцы захотѣли надъ ней посмѣяться: одинъ нарядился священникомъ, другой дьякомъ, положили въ ночовки дохлую сучку и несутъ мимо ея хаты. Баба услышала пѣніе, запалила свѣчку и пошла вслѣдъ. А хлопцы несли ночовки, а потомъ кинули ихъ съ сучкой и сами утекли. Тутъ баба увидѣла, что она проводила сучку. Но вотъ померла и сама бобылка. Собрались сосѣди на проводъ и понесли. Когда посмотрятъ—а сзади сучечка бѣжитъ и въ зубахъ держитъ свѣчку заpalеную. И она проводитъ бабку!

Гомельск. у.

На поминкахъ обязательны блины горячіе (въ другихъ мѣстахъ горячій хлѣбъ). Здѣсь важенъ паръ, поднимающійся кверху: онъ помогаетъ душѣ умершаго возноситься къ небу. Самыя поминки носятъ названіе „горячаго стола“.

Общее.

Когда въ домѣ покойникъ, тогда ничего нельзя брать въ другомъ домѣ. И наоборотъ: ничего нельзя брать въ ссуду изъ того дома, гдѣ находится покойникъ.

Быхов. у.

Если болѣзнь серьезна, заказываются литыя или рѣзные металлическія изображенія болящихъ частей тѣла—головы, ногъ, рукъ, ушей, глазъ, груди, туловища и т. д. Эти изображенія относятся въ ближайшій костель, (но никакъ не въ церковь), и кладутся тамъ предъ чтимою иконою въ видѣ жертвы. Одновременно просятъ ксендзовъ отслужить за извѣстную плату мшу предъ тою же иконою за здоровье больного. Такъ дѣлаютъ православные. Католики, наоборотъ, просятъ отслужить обѣдню въ православныхъ церквяхъ. Исходъ болѣзни узнаютъ по ногтямъ. Если ногти и пальцы около ногтей поспѣютъ, это значитъ, что больной умретъ. Въ противномъ случаѣ онъ выздоровѣетъ. Если во время болѣзни роднымъ сняты мертвые, то больной умретъ. Чтобы не заразиться отъ больного его болѣзнию, надо каждый день три раза нюхать потъ изъ-подъ мышекъ. Кромѣ того ухаживающіе за больнымъ подкуриваются ржаной мукой, а также ладаномъ. Если больной кончается на постели, надъ которою устроены палаты, то онъ будетъ долго мучиться. Чтобы

облегчить кончину, его нужно перенести туда, гдѣ будетъ устроено его погребальное ложе. Смерть почитается матерью грѣховъ. Она живетъ во адѣ. Оттуда ее посылаетъ за душами людей главный чертъ—дѣдушка. Смерть рѣжетъ человѣка косою. Если у умершаго не плотно закрыты глаза, то въ томъ селеніи (или въ домѣ) скоро будетъ еще покойникъ, или вообще несчастье. При обиваніи гроба тканью нельзя на краяхъ оставлять длинныхъ концовъ ея, иначе покойникъ заберетъ съ собою всѣхъ своихъ родныхъ. Душа исходитъ изъ человѣка такимъ образомъ: сперва начинаетъ вздыматься и опускаться животъ, потомъ грудь, наконецъ горло. Съ тяжелымъ вздохомъ умирающаго душа исходитъ изъ тѣла въ видѣ пара. По выходѣ изъ тѣла, души христіанъ летятъ въ Иерусалимъ. Тамъ есть Давыдовъ домъ. Въ этомъ домѣ души плачутъ о грѣхахъ своихъ „до разсудку дѣла“—до страшнаго суда. Но въ дни поминовений онѣ возвращаются въ прежній домъ и тамъ принимаютъ участіе въ трапезѣ. Для нихъ хозяйева оставляютъ „коливо“ и свѣжую „палайніцу“, а кое-гдѣ и по ложкѣ отъ всѣхъ другихъ кушаній. На кладбищахъ мертвецы устраиваютъ стражу для охраны покоя мертвыхъ. Стража возлагается на каждаго вновь прибывшаго мертвеца и онъ обязанъ выполнять ее до тѣхъ поръ, пока прибудетъ новый мертвецъ. Пожилые люди часто посѣщаются въ понедѣльникъ. Когда они умираютъ, то святой Понедѣльникъ проводитъ души ихъ чрезъ всѣ мытарства къ престолу Божию и „враги“—дѣволы не могутъ ихъ остановить, такъ какъ онѣ считаются святыми. Мертвецъ все чувствуетъ, все слышитъ и все хорошо понимаетъ до тѣхъ поръ, пока при погребеніи начнутъ пѣть вѣчную память. Поэтому и усиленный плачь по немъ причиняетъ ему большія страданія. При выносѣ изъ избы тѣла, на гробъ сыплютъ какой-нибудь „пашнѣй“ (зерновымъ хлѣбомъ) и говорятъ: „Тѣла замѣрла, пашнѣй штобъ ни замирала!“ Если же хоронятъ утопленника, то засыпаютъ зернами слѣды всѣхъ присутствующихъ до самой улицы. Покойнику тяжело лежать въ могилѣ до тѣхъ поръ, пока „паднимуть заздарбѣникъ“ въ сороковой день. вмѣстѣ съ поднятіемъ заздравника, въ могилѣ поднимается земля надъ гробомъ, и покойнику становится легче. При встрѣчѣ съ похороннымъ шествіемъ надо снять шапку и креститься и отнюдь не переходить предъ процессіей дороги. Если умереть кто изъ обрученныхъ, то ему надо надѣть на средній палецъ правой руки кольцо и дать въ руку свѣчу, убранную цвѣтами. Трауръ выражается въ томъ, что въ домѣ до шести недѣль не поютъ свѣтскихъ пѣсней и не танцуютъ. Около кладбищъ бояться ходить вообще, а ночью въ особенности, потому что мертвецы не любятъ этого и пугаютъ людей. Надо читать въ это время „Отче нашъ“ и молиться: „Упокой Господи души умѣршихъ, здѣсь лежащихъ рабовъ твоихъ!“ Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка вѣрили, что нѣкоторые покойники,

бывшіе вѣдьмаки, не находя покоя въ загробной жизни, часто снились роднымъ, бродили по землѣ и причиняли людямъ вредъ. Если народная молва останавливалась на какомъ-нибудь имени, прихожане приглашали священника на кладбище, въ его присутствіи отрывали могилу, вскрывали гробъ и пробивали покойнику грудь или голову осиновымъ коломъ. Послѣ того онъ оставлялъ родныхъ въ покоѣ.

Изъ собственныхъ наблюденій мнѣ извѣстно, что такими неспокойными мертвецами чаще всего были летаргики, погребенные заживо. Проснувшись въ могилѣ, они ворочались въ гробу, кусали себѣ руки, рвали волосы, и находившая ихъ въ такомъ видѣ толпа еще болѣе убѣждалась, что несчастные были именно вѣдьмаками. Къ сожалѣнію, въ деревняхъ погребенія летаргиковъ происходятъ очень часто. На кладбищахъ нерѣдко появляются блуждающіе огни. Народъ считаетъ „счастливыми“ тѣхъ умершихъ, надъ могилами которыхъ горятъ эти огни.

С. Старое Село, Гомельск. у.

Остриженные ногти нужно хранить. Старики и старухи носятъ ихъ за пазухой. Послѣ смерти они всѣ отостутъ у нихъ и при ихъ помощи имъ легко будетъ на томъ свѣтѣ взобраться на какую то стеклянную гору. А кто разбросалъ свои ногти гдѣ попало, тотъ не взлѣзетъ на гору и упадетъ въ пекло.

Если сорока щебечетъ на дворѣ—будутъ гости, и съ той стороны, куда сорока смотритъ. Если же она щебечетъ въ кустахъ вблизи стада—волкъ близко. Если дрова въ печкѣ загораются сзади, придутъ въ гости дальніе родственники или гости съ далекой стороны. Если во время обѣда со стола упадетъ ложка (или вилка), будетъ гостя, если ножъ—гость, или вообще: кто-то спѣшитъ въ домъ. Если кто поперхнется во время ѣды, значитъ, кто-то спѣшитъ на обѣдъ. Если изъ печи летятъ искры,—гости спѣшать. Бѣсть вдвоемъ одной ложкой или однимъ и тотъ же кусокъ хлѣба—разсориться. Если кого притѣсняютъ въ домѣ, чтобы выжить, тотъ долженъ незамѣтно для другихъ подмести избу въ обратномъ направленіи—отъ порога къ куту. Тогда онъ останется жить въ домѣ. Если поставленная въ церкви свѣча горитъ ярко, то и жизнь поставившаго будетъ хороша, и наоборотъ. Если надъ чашкой во время ѣды спустится паукъ, будетъ прибыль въ домѣ. Также: благополучно окончится начатое предпріятіе. Если поздороваешься съ кѣмъ черезъ порогъ, то непременно разсоришься. Если не узнаешь знакомаго, значитъ, онъ разбогатѣетъ. Если есть при себѣ деньги, когда услышишь въ первый разъ кукушку, то деньги не будутъ переводиться круглый годъ. Наканунѣ Чистаго четверга кладутъ подъ стрѣху хлѣбъ, соль и мыло. Съ этимъ хлѣбомъ 23 апрѣля выгоняютъ скотину, соль помогаетъ отъ сглаза, а мыломъ въ четвергъ до солнца моются въ банѣ, чтобъ быть чистыми цѣлый годъ. Отъ

зубной боли надо держать во рту щепку от разбитого грозой дерева. От „желтачки“ (разлитіе желчи) нужно съѣсть въ хлѣбѣ живую вошь. Кто болтаетъ ногами сидя, тотъ пустой, болтливый человѣкъ. Если ѣсть изъ миски, изъ которой ѣла кошка, то будетъ изжога. Если пить воду изъ кружки, изъ которой пила кошка, появится сыпь на губахъ. Если собака съѣстъ сало, которымъ подмазывались колеса, она взбѣсится. Когда пьютъ въ первый разъ березовикъ, ѣдятъ первыя ягоды или грибы и т. п.—то говорятъ: „но́ва навина: камарбова идѣ, мидьвѣжая сила, штобъ у ротъ насѣла, заяччій паскѣкъ, а ў ротъ скокы!“

Послѣ захода солнца нельзя начинать рѣзать новую булку хлѣба. Въ день Благовѣщенья нельзя рѣзать хлѣбъ, а надо ломать. Въ этотъ день прячутъ гребни, пряслицы и веретена, чтобы не видѣть лѣтомъ змѣй. Если кукушка кукуетъ въ деревнѣ, будетъ пожаръ. Если кто разорить гнѣздо аиста, аистъ подожжетъ принесенной головнею домъ разорителя. Во время икоты надо угадать, кто вспоминаетъ икающаго; тогда икота прекратится. Чтобъ въ хатѣ не было блохъ, надо въ Чистый четвергъ вымести полъ голымъ. Также высыпать полъ снѣгомъ, или по крайней мѣрѣ осыпать имъ четыре угла въ хатѣ. Булавку дарить нельзя—разсориться. Нельзя ѣсть надъ горшкомъ, будетъ изжога. Если, вставши утромъ, обуешь прежде лѣвую ногу, то цѣлый день будутъ неудачи и будешь сердиться.

Орш. у.

Остриженные волосы нужно сжигать. Если мышъ утащить волосокъ въ свое гнѣздо, у хозяина его будутъ частыя головныя боли. Если волосы растутъ по всему тѣлу—человѣкъ будетъ счастливымъ. Или богатымъ. Кто много знаетъ или много думаетъ, тотъ станетъ лысымъ. Если волосы намазывать лампаднымъ масломъ, „оливою“, они скоро посѣдѣютъ. Стричь волосы надо „на молодикъ“, тогда они скоро отрутутъ. Вычесанные и остриженные волосы надо прятать въ плетень. Тогда волосы вырастутъ длинными и волнистыми. Если дитя не даетъ чесать волосъ, ему говорятъ, что „воши веревку совьютъ и втащатъ ребенка въ рѣчку“. Если сжечь волосъ отсутствующаго семьянина или любимаго человѣка, онъ посѣдѣетъ и возвратится. Если съѣсть волосъ съ своей головы, то скоро умрешь. (Старое село, Гом. у.). Если выпадетъ зубъ, то его нужно бросить на печку, черезъ плечо, ставши спиной къ печкѣ и говоря: „Мышка, мышка, нѣ тебѣ зубъ костяной, а ты мнѣ дай желѣзный!“ Зубъ вновь вырастетъ, что вѣрно, конечно, относительно дѣтей. Если изъ носа идетъ кровь и капля упадетъ на полъ или на землю, ее нужно уничтожить: если эту кровь полижетъ собака, у человѣка будутъ сильныя головныя боли. Если перелѣзаешь сквозь изгородь и не перекрестишься, то ангелъ останется за изгородью въ трехъ шагахъ отъ человѣка, а чертъ при-

близится на три шага. Если звенить въ правомъ ухѣ, это ангелы поютъ, а если въ лѣвомъ, такъ это чертъ ѣдетъ: надо перекреститься и три раза плюнуть на лѣвую сторону.

Рясн. вол. Сѣнн. у.

При встрѣчѣ съ больными надо тотчасъ же посмотрѣть на всѣ ногти на своихъ рукахъ, тогда не заразишься отъ больного. Это особенно полезно при встрѣчахъ съ больными глазами болѣзнями. Если неразумный человѣкъ громко позавидуетъ кому-либо въ глаза или неумѣренно расхвалитъ ребенка, скотину, урожай и т. п., то въ отвѣтъ говорятъ про себя: „солъ табѣ въ вочи, а головня въ зубы, а деркачъ (обтрепавшійся вѣникъ) въ ж....“ Тогда не будетъ сглаза. Сглаженному непременно надо умываться изъ помойницы, лохани. Тогда сглазь пройдетъ. Если что на себѣ зашиваешь, надо взять что-либо въ ротъ, хоть „скѣпку“; иначе забудешь, гдѣ что положилъ. Ученики же забудутъ свои уроки. Правый глазъ чешется—плакать будешь, а лѣвый—радоваться. Также: о покойникѣ услышишь.

Когда уходишь изъ хаты, надо, чтобы печь была закрыта; а если печка „будитъ разѣнуўши“, то и на тебя всякій будетъ „разивѣтца“.

Если на человѣка плюнешь, то на томъ свѣтѣ будешь горячую сковороду лизать.

Если кто будетъ чѣмъ-либо сильно испуганъ, такъ что задрожитъ отъ испуга, надо тотчасъ обрызгать его водою изо рта и разорвать воротъ у рубашки. Это дѣлаютъ и со взрослыми. Произносится при этомъ формула: „Чуръ тебе, хрищѣнага, нарабѣнага!“

Если кто чихнетъ при разговорѣ, то значить, онъ говоритъ правду, а если что задумалъ, то мысль его сбудется. Чихающему говорятъ: „на здоровье!“ А ребенку: „великъ растѣ, не учись красть!“.

У кого большія легкія, тотъ хорошо плаваетъ.

Кто часто чихаетъ, тотъ скоро умереть. Нельзя ночью смотрѣться въ зеркало: чертъ придетъ. Не качай ногой сидя: это ты черта колышешь. Столъ на ночь нужно застилать. Полъ на ночь слѣдуетъ подметать, чтобы ангелу-хранителю было чисто ходить. Водянку и посуду на ночь надо накрывать, иначе черти заберутся. На столѣ всегда нужно держать хлѣбъ, соль и пожъ и накрывать ихъ. Когда хозяинъ начинаетъ скупиться—это къ бѣдности. Если въ домѣ появится много мышей—къ бѣдности; а если въ полѣ—къ голоду. Если на дворѣ трава растетъ—дворъ заустѣетъ. Свистать нельзя ни въ хатѣ, ни на дворѣ, ни на улицѣ; можно только въ полѣ. Не держи безъ надобности воротъ и дверей растворенными, иначе дворъ заустѣетъ. Если паукъ спускается надъ кѣмъ-нибудь, тому предстоить дорога, или: получить письмо. Если муха упадетъ въ чашку или въ стаканъ—подарокъ получишь. Вши нападаютъ—къ богатству.

Если нападаетъ икота, значить, икающаго кто-то ругаетъ или просто говорить про него, поминаетъ. Икота проходитъ, если икающій угадаетъ, кто о немъ говорить.

Если звенить въ ухѣ, будетъ дождь, а зимою—снѣгъ. Въ какомъ ухѣ звенить, съ того боку новости услышишь. Бѣтъ лѣвой рукой или креститься—грѣшно. При работѣ нельзя плевать въ руки, иначе будутъ мозоли. Бѣтъ въ шапкѣ—грѣшно. Если у кого цвѣтутъ ногти—будетъ прибыль. Если спящаго взять за питку или за большой палецъ ноги, онъ будетъ отвѣчать на всѣ предлагаемые ему вопросы. Этимъ способомъ можно выпытать всѣ сокровенные помыслы. Чешутся глаза—плакать будешь, и наоборотъ: въ рюмку смотрѣть будешь, кто нибудь угостить. Носъ чешется—честь будетъ оказана, и наоборотъ: бранить будутъ, кукишъ дадутъ, а то еще и побьютъ. Лѣвая рука чешется, деньги получать будешь, а правая—отдавать. Если разговаривающіе вдругъ замолчатъ, значить, близко гдѣ-нибудь родился ребенокъ. Но чаще говорятъ въ такихъ случаяхъ, что родился воръ. Чтобы сдѣлаться умнымъ, надо ѣсть мозги животныхъ. Также: ягоды „мудрушки“. При рожденіи ребенка надо накрѣпко завязать отрѣзанную пуповину и спрятать. Когда ребенку будетъ семь лѣтъ, заставить его развязать пуповину. Если развяжетъ, будетъ умнымъ человѣкомъ.

Безсонница происходитъ отъ испугу. Лѣчатся отъ нея тѣмъ, что передъ сномъ долго смотрятся въ дегтярку, гдѣ находится деготь. Дѣтей же носятъ къ знахаркамъ, у которыхъ имѣются заговоры „отъ криксовъ“.

Ходить задомъ напередъ или въ одной ногѣ обутой, а въ другой разутой нельзя: накликаешь смерть отца или матери.

Свистать въ домѣ грѣхъ. Въ Гом. у. запрещается свистать и на дворѣ: опустѣетъ дворъ, будетъ вѣтеръ свистать; на свистъ слѣдается нечистая сила, является и домовая и потомъ сердится, что его напрасно вызвали.

При постройкѣ домовъ подъ углы кладутъ въ землю монеты. Строить домъ между Духовымъ днемъ и Петровымъ не годится, будетъ водиться всякая нечисть: прусаки, тараканы, цвиркуны (сверчки), клопы и т. д. А чтобы ея не было, надо въ опредѣленное время брать мохъ на постройку. Въ Велижскомъ уѣздѣ на пробу складываютъ „въ болотѣ“ семь кучекъ моху, по одной на каждый день недѣли, потомъ идутъ черезъ день смотрѣть, которая куча чистая, безъ козявокъ. Въ какой день недѣли эта куча собрана, въ такой надо и собирать мохъ для постройки хаты. Чтобы не сносило вѣтромъ крыши, надо въ Чистый четвергъ до солнца бросать на нее ирвань—щепки. Переходъ въ новое жилище приурочиваютъ къ полнолунію. Тогда расчинаютъ квашню въ старомъ жильѣ, а пекутъ изъ нея хлѣбъ уже въ новомъ, причемъ квашню съ тѣстомъ переносятъ въ новый домъ

покрытую кожухомъ, вывернутымъ шерстью вверхъ. Предварительно перехода заставляютъ пробить въ новомъ домѣ kota по крайней мѣрѣ сутки. Также воруютъ у сосѣдей кочергу и приносятъ въ новый домъ. На новомъ селищѣ въ первый годъ не дѣлаютъ высадокъ овощей для полученія сѣмянъ. Прежде всего въ новый домъ вносятъ икону и столъ.

Чтобы очистить домъ отъ насѣкомыхъ, надо въ Чистый четвергъ обливать углы водою. Чтобы не водились блохи, не надо жечь деркачей (старыхъ вѣнниковъ); надо также держать подъ постелью „копыты коньскіе“. Выносить на дворъ до солнца въ Чистый четвергъ чистую квашню на столъ. Наканунѣ надо вымести садъ и сложить мусоръ въ одну кучу, а въ четвергъ сжечь ее до восхода солнца. Тогда ни одного усеня-червяка не будетъ на деревьяхъ сада.

Во время усаживанія семьи за столъ особаго порядка не наблюдается. Раньше всѣхъ бѣгутъ за столъ дѣти. Они же раньше и начинаютъ ѣсть. Но на заговѣнья и на дѣдовъ должны ѣсть первыми женщины, для того, чтобы приплодъ отъ домашнихъ животныхъ былъ женскаго пола—самки. Если хлѣбъ упадетъ изъ рукъ, когда его начинаютъ рѣзать, значить, хлѣбъ подешевѣетъ. Если у кого упадетъ кусокъ изъ рукъ, значить онъ не заслужилъ обѣда, ничего не сдѣлалъ за день. Во всякомъ случаѣ хлѣбъ надо поднять, поцѣловать и съѣсть или бросить въ печь. Упавшій же кусокъ другого кушанья тоже поднимаютъ, чтобы не топтать даръ Божій, но отдаютъ домашнимъ животнымъ: мясо, сало—кошкамъ, собакамъ, картофель, кашу—коровамъ. Блиновъ не даютъ собакамъ, потому что онѣ отъ нихъ глохнутъ. Нельзя класть булки хлѣба верхомъ внизъ—грѣхъ. Начинать рѣзать хлѣбъ снизу тоже нельзя. Прокалывать хлѣбъ, чтобы потомъ его рѣзать—грѣхъ. Чужой ложкой нельзя ѣсть: поссориться съ ея хозяиномъ. Пожомъ нельзя ѣсть: станешь злымъ. Посуду надо мыть въ водѣ, но не окачивать ее водою, и во всякомъ случаѣ надо вытирать досуха. Иначе будетъ хворать семья. Домашній скотъ нельзя выгонять со двора метлою или вѣникомъ: онъ можетъ перестать водиться (выметется со двора) и во всякомъ случаѣ будетъ неаккуратно возвращаться съ пастбищъ домой.

Если кто потеряетъ какую-либо изъ домашнихъ вещей или что-либо изъ костюма—вѣриѣ, забудетъ, гдѣ они положены, то это чертъ пошутитъ съ нимъ и, разыскивая ихъ, надо говорить: „чертъ, чертъ! отдай мое поганое, возьми свое хорошее!“ А нашедши такую вещь, надо на нее поплевать.

Чтобы сдѣлаться хорошимъ стрѣлкомъ, нѣкоторые охотники во время причастія св. Таинъ оставляютъ частичку во рту, а впослѣдствіи въ нее стрѣляютъ. Послѣ этого они дѣлаются хорошими стрѣлками, хотя и понимаютъ, что продаютъ душу дьяволу. (Сообщ. кр. П. П. Буднецкій, дер. Титенки, Гом. у.). Духовенство о существова-

ни этого кощунства не знает. Болѣе невинное средство: надо взять изъ трехъ колодезей воды, часть ея отлить вѣдро отъ себя, а остальною промыть ружье, со словами: „громъ бѣе, блискавица палить, святой Пѣтра свиньѣцъ править!“

При появленіи въ деревнѣ падежа скота, хозяева намазываютъ на всѣхъ воротахъ, черезъ которыя проходитъ скотъ, большіе кресты „чистымъ дѣхтемъ“, т. е. выгнаннымъ изъ березовой коры; затѣмъ тѣмъ же дегтемъ намазываютъ лбы у животныхъ. Если же эпидемія не прекращается, тогда староста созываетъ всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ селенія въ одну избу, тѣ приносятъ по горсти льна и здѣсь общими трудами прядутъ, снуютъ и вытываютъ въ одинъ день кусокъ холста сажени въ двѣ, въ три длиною. Въ то же время мужчины воруютъ гдѣ-нибудь заставку отъ мельницы и зарываютъ ее на той дорогѣ, по которой прогоняется скотъ, застилаютъ это мѣсто „абудѣнщикамъ“, то есть только-что вытканной холстиной, и черезъ нее перегоняютъ стадо. Послѣ этого „абудѣнщикъ“ передаютъ въ церковь и просятъ причтъ отслужить обѣдню.

М. Городецъ, Рог. у.

Въ память избавленія общества, селенія отъ падежа, а еще чаще—отъ холеры, устанавливается праздникъ, въ который просятъ причтъ совершать богослуженіе съ крестнымъ ходомъ и въ каждомъ дворѣ служить краткіе молебны. При личномъ избавленіи отъ „наглой смерти“, отъ упорной болѣзни и т. п. несчастій, многіе даютъ обѣты сдѣлать пожертвованіе въ церковь или сходить въ Кіевъ, или въ другія святые мѣста, на богомолье, или налагаютъ на себя постъ по три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу. Избирается понедѣльникъ потому, что на томъ свѣтѣ святой Понедѣльникъ проводитъ человѣкъ къ Богу чрезъ мытарства. Болѣющие лихорадкой постятъ субботу.

Когда покупаютъ лошадь или корову, то поводъ передаютъ другъ другу не голою рукою, а завернутою въ полу свиты. Хозяинъ-продавецъ даетъ покупателю копѣйку или двѣ въ полу, чтобы у купившаго скотина велась и плодилась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наоборотъ: покупатель даетъ къ условленной цѣнѣ нѣсколько копѣекъ „на поводъ“.

Если, при отправленіи въ путь, человѣку перейдутъ дорогу съ пустымъ, особенно женщина съ пустыми ведрами, то поѣздка будетъ бесполезна и несчастлива. Большое несчастье предвѣщаетъ въ такихъ случаяхъ встрѣча съ беременной „жидовкой“.

М. Вѣтка.

Также если встрѣтятся или перебѣжитъ дорогу заяцъ или бѣлка, или вообще животное. Только волкъ предвѣщаетъ счастье. Въ понедѣльникъ нельзя отправляться въ дорогу.

Если медвѣдь забредетъ въ деревню, это хорошо: онъ знаетъ у какого хозяина должно случиться несчастье и заберетъ его съ собою. Это повѣрье осталось отъ вожаковъ-медвѣдниковъ.

На перекресткахъ, „ростанькахъ“, обязательно надо осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, такъ какъ рѣстаньки являются обычнымъ мѣстомъ для сборищъ чертей. Здѣсь они сообща измышляютъ, какое-бы зло причинить тому или другому человѣку. Здѣсь же колдуны отрекаются отъ Бога и продаются сатанѣ, подвязывая крестъ подъ обувь и топча его. Здѣсь же сатана научаетъ ихъ колдовству.

Если найдешь гвоздь отъ подковы, нужно его сберечь: въ случаѣ заболѣть палецъ на рукѣ, изъ такого гвоздя слѣдуетъ сковать кольцо и носить на больномъ пальцѣ. Боль пройдетъ. Въ Гомельскомъ уѣздѣ, гдѣ много болотъ и заливныхъ луговъ, и населеніе страдаетъ отъ лихорадокъ, выработался цѣлый лѣчебникъ для борьбы съ этою болѣзью. Отъ нея лѣчатся отваромъ изъ травы „Петровъ крестъ“, собираемой для этого въ маѣ мѣсяцѣ; отваромъ изъ корней травы „рябиновки“; выписываютъ на бумажкѣ нижеприведенную „молитву“, носятъ ее въ тряпочкѣ три дня на шеѣ, а потомъ сожигаютъ и полученный пепелъ даютъ больному пить на водѣ; находятъ гнѣздо птицы ремеза и имъ подкуриваютъ больного; еще лучше, если гнѣздо съ яйцами; въ первую субботу отъ начала болѣзни постятся, причемъ до восхода солнца въ этотъ день окачиваются водою; отрѣзываютъ у больного локопъ волосъ, обрѣзываютъ ногти и этимъ подкуриваютъ больного; пекутъ куриное яйцо надъ полымемъ и кладутъ его въ свѣжую яму покойника, гдѣ оно и зарывается; носятъ на шеѣ веревку, которою задавлена собака; пѣлуютъ какое-либо дохлое животное; въ первое воскресенье отъ начала болѣзни ходятъ до обѣдни въ три гумна и тамъ подъ овиномъ въ каждомъ походѣ кукуютъ по три раза; отъ яичной скорлупы берутъ плеву и обертываютъ ею мизинецъ на какой либо рукѣ; мѣшаютъ горячій чай съ водкой и пьютъ передъ параксизмомъ; берутъ бѣлокъ изъ яйца черной курицы, мѣшаютъ его съ солью и съ водкой и выпиваютъ; носятъ въ тряпочкѣ на груди змѣиную голову; такимъ же образомъ носятъ шмеля; холостятъ кота и его шулята носятъ на шеѣ; пьютъ лошадиную мочу; но если у больного появится отъ нея рвота, то можно ограничиться умываньемъ ею. Наконецъ, зовутъ знахарку, берутъ скатерть, крайчикъ хлѣба (горбушку) и яйцо куриное и идутъ „на рѣстаньки“. Тамъ знахарка разстилаетъ скатерть, кладетъ хлѣбъ и яйцо, ставитъ больного и произноситъ заговоры. По окончаніи ихъ, больной кладетъ земные поклоны на всѣ четыре стороны. Но лучшимъ средствомъ отъ лихорадки считается подкуриваніе волосами, сръзанными съ женской лобковой части.

Текст молитвы, которую носят на шею: „Вѣдомо же буди, яко студенца онаго борлище, сирѣчь устие, царь Іустиніанъ честнѣ оттуду принесъ и въ Божія Слова великомъ храмѣ у святой Фотиніи положи на камень, на немже Христосъ сѣди бесѣдоваше съ самарянкой. И доселѣ обоя пребываютъ предъ папертомъ, отъ востока въ храмъ входящимъ на лѣвой странѣ, всякъ недугъ исцѣляюще отъ огневицъ страдати приключаящимся, и трясовицею, паче же очищаютъ и отгоняють чарованія бываемыя, тоя мученицы Фотиніи молитвами. Моли Христа Бога, помилуй насъ, аминь“. См. выше, стран. 136.

Отъ звиху нужно нарвать травы „звонецъ“, настоять на ней воду и пить. Также горячей водой парить мѣсто вывиха. Отъ глазныхъ болѣзней дѣлается отваръ изъ травы коноплевки и этимъ отваромъ моется голова. Отъ желудочныхъ болей надо пить настойку на водкѣ корней травы дубровки.

„Отъ подрыва сердца“ собирается во время цвѣтенія трава „бруконъ“. Ее настаиваютъ на горячей водѣ и пьютъ.

Отъ простуды надо собрать съ трехъ ржаныхъ полей, принадлежащихъ тремъ селеніямъ, травы „овечечки“, варить ее въ водѣ и этой водой окачиваться.

Отъ колтуна собирается трава „кустовитникъ“. Эта трава бросается въ горячую воду, которою надо мыть голову.

Отъ скулы (вереда) берутся травы: подорожникъ, вонючка, медвѣжье ухо и красило, которое освящаютъ 1 августа; всѣ эти травы надо намыливать и прикладывать къ скулѣ. Помогаетъ также липовый „май“ отъ Троицына дня, въ такомъ же употребленіи.

Порѣзы заливаются сокомъ травы „серпорѣзникъ“; примачиваются настойкой „березовкой“—водкой, настѣбной на почкахъ березы; присыпаютъ порошкомъ изъ сушеныхъ цвѣтовъ чемерицы.

Отъ кашля завариваютъ въ кипяткѣ засушенный липовый цвѣтъ и пьютъ какъ чай; такъ же пьютъ и траву волчки.

Отъ „грызи“ лѣчатся тѣмъ, что заставляютъ перворожденного ребенка грызть то мѣсто, гдѣ болѣзнь проявляется.

Въ м. Вѣткѣ больного грыжею ребенка ставятъ у дверной притолоки и на высотѣ его роста просверливаютъ дырочку. Туда кладутъ клокъ волосъ ребенка и забиваютъ дырку колышкомъ. Торчащіе изъ подъ колышка концы волосъ обрѣзываютъ ножницами. Когда ребенокъ перерастетъ эту дырку, болѣзнь прекратится.

Отъ бѣлей рубятъ зимою „купинку“, поросшую чаборомъ, выбираютъ изъ нея корни, сушатъ ихъ, толкутъ и даютъ пить на водкѣ или на водѣ. Бѣли прекращаются и начинаются обыкновенныя очищенія.

Причиною появленія лихорадки весною считаютъ продолжительный сонъ предъ заходомъ солнца, а осенью сонъ на землѣ послѣ Успенія.

Чахотка происходитъ „отъ нуды“—тоски, печали, а также отъ пьянства, которое „сушитъ груди“.

Большинство же болѣзней происходитъ „отъ уроковъ“—отъ дурного слова, отъ дурного глаза. Иными словами, народъ не знаетъ причинъ ихъ происхожденія.

Кто много плачетъ, у того глаза меркнутъ. Чтобы они снова просвѣтлѣли, надо нюхать табакъ. Для лѣченія насморка отрѣзываютъ у кота пучокъ волосъ на концѣ хвоста, зажигаютъ ихъ и дымъ вдыхаютъ въ носъ. Объясняется такое лѣченіе существующимъ убѣжденіемъ, что насморкъ происходитъ оттого, что котъ спалъ на постели страдающаго насморкомъ, или онъ ѣлъ и пилъ изъ той же посуды, изъ которой ѣлъ или пилъ котъ.

Отъ злости губы бѣлѣютъ. Прыщи на губахъ отъ лихорадки.

Зубы болятъ оттого, что въ нихъ заводятся червячки. Зубную боль лѣчатъ тѣмъ, что кладутъ на больной зубъ вату, обмоченную въ острой водкѣ (сѣрной кислотѣ); кладутъ кусокъ ладана; снаружи прикладываютъ свѣжіе листья ольхи; на горячіе уголья сыплотъ зерна дурману или бѣлены, накрываютъ простыней голову и наклоняются надъ угольями съ раскрытымъ ртомъ. Отъ дыма черви выходятъ изъ зубовъ, и они перестаютъ болѣть. Полезно также ѣсть мышинные огрызки: тогда зубы будутъ крѣпкіе и не будутъ болѣть. Нельзя заливать языкомъ то мѣсто, откуда выпалъ зубъ: новый будетъ расти въ бокъ. Нельзя прикасаться желѣзомъ къ зубамъ; отъ этого зубы стануть болѣть.

Семейный бытъ.

I. Родины и крестины.

Когда женщина почувствует приближение родов, то всячески старается, чтобы никто об этом не знал, кроме самых близких людей—мужа или свекрови. Если во дворѣ есть другая изба, то женщина уходит туда, а если нѣтъ, то просит тихонько мужа или свекровь выслать изъ избы всѣхъ ненужныхъ людей.

Тѣ даютъ всѣмъ членамъ семьи какія-либо работы или порученія внѣ дома, которыя въ такихъ случаяхъ безпрекословно исполняются.

Дѣлается это для того, чтобы никто не зналъ о наступленіи родинѣ, потому что есть такіе люди, которые могутъ повредить родильницѣ не только дурнымъ глазомъ или словомъ, но даже и мыслями. Роды тогда будутъ трудные и причинять родильницѣ много страданій.

Когда всѣ разойдутся изъ хаты, тогда мужъ родильницы или свекровь отрѣзываютъ край отъ булки хлѣба, посыпаютъ солью и съ нимъ отправляются къ давно намѣченной, уважаемой въ деревнѣ, старухѣ, которая славится умѣньемъ принимать дѣтей и называется бабкой повитухой. Придя туда, мужъ или свекровь отдаютъ бабкѣ хлѣбъ-соль и говорятъ ей на ухо шопотомъ: „Ходи, бабуличка, къ намъ: нѣшто нашей молодуси ня дужа ладно дѣлаецца!“ Бабка тотчасъ же отправляется въ домъ просителя.

Войдя въ хату, она тотчасъ же заставляетъ родильницу сказать „Отче нашъ“ и сама тоже молится. Затѣмъ, взявъ Крещенской воды, которая у крестьянъ хранится въ теченіе года „про всякій случай“, окропляетъ ею родильницу и уже послѣ этого снимаетъ съ себя верхнюю одежду. Мужъ выходитъ, родильница распускаетъ всѣ пояса и обязательно разстегиваетъ воротникъ у рубашки. Это же дѣлаетъ бабка и женщины, которыя иногда остаются въ хатѣ помогать бабкѣ. Даже самымъ малымъ дѣтямъ, находящимся въ колыбели, разстегиваютъ воротники и развязываютъ пояса.

Дѣлается это съ цѣлью облегчить роды родильницѣ. Если при всемъ томъ роды замедляются, то бабка заставляетъ родильницу ходить по избѣ, постукивая ногами о полъ; заставляетъ три раза перескочить черезъ порогъ; ставитъ на деревянную колодку, на которой рубятъ лучину и заставляетъ оттуда спрыгивать. Употребляются и другія мѣры, чтобы „опростать молодичу-породиху“, напимѣръ, — выносятъ всѣ веревки изъ хаты, отворяютъ двери въ избѣ, открываютъ печныя вьюшки; просятъ священника растворить въ церкви царскія врата и т. п. Наконецъ, заставляютъ роженицу носить тяжести, сдавливаютъ ей животъ и т. д.

При трудныхъ родахъ родильницѣ даютъ также кусочекъ освященной просфоры или артоса; кромѣ того, призываютъ знахарку и она помогаетъ родильницѣ заговорами.

За акушеркой посылаютъ мужа только въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, но вызывается это не недовѣріемъ къ медицинской помощи, а исключительно дальностію жительства акушерокъ и бѣдностію крестьянъ.

Когда роды кончатся, бабка кладетъ ребенка при матери, накрываетъ легкимъ покрываломъ, а сама спѣшитъ домой приготовить какое-либо кушанье „покрѣпитца породиси“. Возвратившись съ кушаньемъ, она заставляетъ породиху ѣсть: „На-тка, моя внучечка,—зѣбъжъ, покрѣпѣй трохи!“ Внуками бабка называетъ не только принятаго ребенка, но и его родителей, породиху и ея мужа.

Въ отвѣтъ породиха говоритъ:

„Поляди-тка, бабуличка: вонъ тамъ, на грядкѣ, у мене ёсь, я припасла трохи горѣлочка! Достань да выпѣ!“

Бабка достаетъ съ указаннаго мѣста водку, обыкновенно, настоенную на стручковомъ перцѣ, наливаетъ чарку и подноситъ родильницѣ.

— Нѣ, бабочка: перша сама выпѣ!

Бабка пьетъ, наливаетъ вторую чарку и подноситъ родильницѣ.

— Ну, моя внучечка,—выпи: ета гарѣлочка—животѣвочка. Якъ выпьешъ, табѣ лѣпшы станить!

Родильница пьетъ водку и тогда ѣсть сколько можетъ принесенное бабкой кушанье.

На другой день бабка распоряжается истопить баню для породихи, сама ведетъ ее туда, сама моетъ и приводитъ обратно домой. Вообще, со дня рожденія ребенка бабка ежедневно посѣщаетъ родильницу, всячески заботится объ ея удобствахъ, купаетъ ребенка, и всякій разъ приноситъ породихѣ что-либо съѣстное.

С. Ослянка, Мстисл. у.

Къ родильницѣ зоветъ бабку или мужъ, или кто-либо изъ родственниковъ, но непременно женщина, а не дѣвушка. Всѣ мѣры принимаются и къ тому, чтобы о наступленіи родовъ никто не зналъ, а особенно дѣвушки. Если же ничего не подозревающая дѣвушка случайно войдетъ въ это время въ избу, то она должна сейчасъ же расплести косу, набрать въ ротъ воды и дать ее изъ рта въ ротъ родильницѣ. Въ противномъ случаѣ роды будутъ очень трудны, и на дѣвушку падутъ всяческія нареканія.

Въ бабки идутъ такія женщины, у которыхъ уже не бываетъ дѣтей, но при нуждѣ этотъ обычай не соблюдается. Отправляясь къ родильницѣ, бабка молится Богу и проситъ у него помощи: „Стань, Господи, на помощь, а Божая Матерь на раду (на совѣтъ)!“ Въ домъ родильницы она приноситъ пирогъ или хоть кусокъ хлѣба.

Хорошая бабка считаетъ нужнымъ дать родильницѣ испить воды, спущенной со всѣхъ четырехъ угловъ стола, или съ обѣихъ сторонъ печной заслонки, или наконецъ—съ иконы. Эта вода очень облегчаетъ роды и вызываетъ частыя потуги.

Принявъ ребенка и „перебавивъ“ его, то есть перевязавъ и отрѣзавъ пупокъ, бабка—пупорѣзница купаетъ дитя. Мать сейчасъ же обязана дать ей за это нѣсколько копѣекъ,—чтобъ дитя богато было. Послѣдъ бабка обертываетъ въ чистую тряпку, затѣмъ въ березовую кору или въ лыко, и закапываетъ въ землю. Выкопавъ ямку, бабка перекрестится, отобьетъ земной поклонъ, положить въ ямку три щепки, если родился мальчикъ, на нихъ послѣдъ, и засыпаетъ ямку. Потомъ плотно утаптываетъ это мѣсто, снова молится, отобьетъ три земныхъ поклона и уходитъ домой.

Дома она готовитъ кушанье для роженицы, чаще всего блины, и приноситъ ей.

Новорожденного бабка, или особая знахарка, заговариваютъ отъ грыжи, для чего кладутъ его гдѣ нибудь передъ сучкомъ въ бревнѣ или въ доскѣ. Родильницѣ тоже даютъ наговоренную воду „отъ золотника“ (См. Бѣлор. Сб. вып. V).

С. Городецъ, Быхов. у.

Якъ баба абрѣдитца, тагдѣ другія бабы сабираютца, атвѣдуютъ яѣ, прынбѣять на закуску парадѣси што-нѣбудъ вѣраная: квасу зъ мѣсамъ, ти щѣ што. И хлѣба вѣзмя кусокъ. Прыхѣдять у вѣтвядки—ти здарѣва парадѣха, якъ дятѣнакъ? Накладуть, што прынесѣли каля пасѣтели, пасидять. Имъ дають гарѣлку на чѣрцы и прѣсѣють на хрѣзбины. Парадѣха ѣсь, што прынесѣли, а калѣ многа нанѣсѣуть, тагдѣ и сямтѣй ѣсь. Прыхѣдять, каторыя зъ раднѣй да сусѣдки.

С. Заболотье, Рогачев. у.

Прыхѣджують на радины раднѣй. Съ сабѣй прынбѣують па хуньтику хлѣба. Квѣртачку гарѣлки прынѣсѣ мужыкъ. Па чѣраццы панѣшутца и пѣйдуть.

Д. Казимирово, Быхов. у.

Роды совершаются тамъ, гдѣ застигнуть схватки, и родильница отъ домочадцевъ не отдѣляется, особенно зимою.

При трудныхъ родахъ заставляютъ мужа давать родильницѣ воду изъ своего рта въ ея ротъ, или самую заставляютъ пить воду сквозъ вѣнчалый перстень.

Послѣдъ перемывается въ водѣ и въ черепкѣ или горшкѣ зарывается въ землю подъ поломъ въ избѣ. Если дитя рождается „въ сорочкѣ“, то ее хранятъ до смерти рожденного.

Такое рожденіе считается предзнаменованіемъ „счастья“ для новорожденного.

Изъ кушаний на родинахъ и крестинахъ подаются: яичница, борщъ, говядина, каша и пироги или другое печенье. Изъ напитков употребляется водка и настойка на травахъ и перцѣ, родильницѣ дають вино и яблочный отваръ.

Родильница куму даритъ платокъ, кумѣ фартукъ, бабкѣ чепецъ и платокъ.

Встаютъ родильница на второй, а при нуждѣ и въ самый день родовъ. Кормятъ младенца сами годъ, и полтора.

Колыбели дѣлаются висеція. Пустую колыбель—колыску нельзя колыхать, иначе дитя будетъ страдать безсонницею.

Краснобуд. вол. Гом. у.

На слѣдующій день, а если ребенокъ здоровъ, то и черезъ нѣсколько дней, бываютъ крестины. Родители новорожденного долго совѣтуются между собою, кого „брать у кумы“ и когда останются на комъ-либо, отецъ ребенка беретъ двѣ вязки баранковъ и идетъ „звать у кумы“. Придя къ будущему куму и подавая ему вязку баранковъ, отецъ говоритъ: „Радѣны ать мянѣ примѣ, и ѿ кумы ка мнѣ хадѣ!“ Кумъ беретъ баранки и говоритъ: „Дѣббѣ, приду!“ И условливаются о времени крестинъ. Такимъ же порядкомъ проситъ отецъ ребенка и куму. Отказовъ, за исключеніемъ самыхъ уважительныхъ случаевъ, никогда не бываетъ, потому что „отъ креста грѣхъ отрекатца. Треба душѣ у христѣанскую вѣру увѣсти“.

Если родители живутъ не въ селѣ при церкви, а въ деревнѣ, то въ назначенное время кумъ запрягаетъ свою лошадь, кума беретъ ребенка и они вмѣстѣ отправляются къ священнику, гдѣ въ домѣ послѣдняго, въ кухнѣ или въ передней, и совершается таинство крещенія.

Возвратившись „изъ-подъ креста“, кумы передаютъ ребенка матери и поздравляютъ родителей:

— Паздравляемъ васъ, ахристивши дитѣнка! Якъ видели мы ягѣ падъ хрѣстомъ, кабъ давъ Богъ такъ видѣть ягѣ и падъ вянцомъ!

Затѣмъ объявляютъ нареченное священникомъ имя новорожденного и нѣсколько разъ напоминаютъ, чтобы они его не забыли.

Въ это время хозяинъ посылаетъ кого-либо просить сосѣдей и родственниковъ „на кетѣны“. Когда приглашенные соберутся, хозяинъ приглашаетъ „кумовъ“, а потомъ и всѣхъ прочихъ „къ столу присѣсть, хлѣба-соли зѣбѣть!“ Когда всѣ усядутся, соблюдая степень родства и старшинство, хозяинъ подноситъ водку куму и кумѣ, а затѣмъ и всѣмъ прочимъ въ томъ порядкѣ, какъ они сидятъ за столомъ. Пьютъ за здоровье родителей и „новорожденца“: „Дай же, Божа, на житѣтѣ, на бытѣтѣ, на дѣббѣ здарѣвѣя, на довгѣй вѣкъ!“

Первымъ кушаньемъ подается кулешъ изъ пшеничной или гречневой муки съ саломъ или съ „алѣемъ“—смотря по тому, въ

постѣ ли бываютъ крестины, или въ мясоѣдѣ. Послѣ кулеша подается „борщъ“ изъ квашеной капусты, съ мясомъ или съ саломъ, смотря по достатку, или съ рыбой и алѣемъ.

Предъ борщомъ также подается водка: „капуста любить, кабъ яѣ паливали!“ Затѣмъ подаются и остальные кушанья. Въ концѣ обѣда подаетъ свою круто сваренную изъ гречневыхъ крупъ кашу бабка. Она ставитъ ее на столъ прямо въ горшкѣ, съ такими пожеланіями:

— Дай же, Божа, кабъ у етымъ доми было многа дѣтыкъ на палѣ, жирибѣтыкъ съ тилиѣткыми на дварѣ, парасѣтыкъ съ игнѣткыми на варѣ (въ хлѣву), и ѿсякыга дѣбрѣ гѣтыму дварѣ!“

Горшокъ бабка передаетъ куму. Кумъ беретъ изъ него три ложки каши и кладетъ на тарелку. Туда же ставится и чарка съ водкой. Все это кумъ подаетъ родильницѣ, кладя на тарелку и сколько-либо денегъ серебряною монетою. Породика отдариваетъ его кускомъ полотна.

Возвратившись за столъ, кумъ опять беретъ горшокъ въ руку и поворачивая его кричитъ:

— Ай, гарѣча! Ай, гарѣча!

И при этомъ какъ бы нечаянно роняетъ горшокъ на столъ такъ сильно, что онъ разбивается. Бабка тотчасъ убираетъ черепки прочь, а круто сваренная каша стоитъ и не рассыпается. Это считается добрымъ предзнаменованіемъ: значить, новорожденный будетъ жить въ достаткѣ и будетъ долговѣченъ. Если же каша рассыплется, то дитя долго не проживетъ.

Бабка кладетъ тогда на свои черепки по куску каши и вмѣстѣ съ водкою подноситъ ее присутствующимъ въ такомъ порядкѣ: сначала родителямъ новорожденного, потомъ куму и кумѣ, и уже затѣмъ прочимъ гостямъ.

— Нѣ-тка, говоритъ она, бѣбиной каши! Паглядѣмъ на рублики ваши! Гарѣлачку вѣпи, кашай заясей, тарѣлачку пазалатѣ.

Приглашаемый беретъ кашу, выпиваетъ водку и кладетъ бабкѣ на ея черепокъ нѣсколько монетъ.

Когда она такъ надѣлитъ всѣхъ кашей, тогда гости встаютъ изъ за-стола.

Бабка наливаетъ въ миску воды, насыпаетъ туда овса и натираетъ всѣхъ по лицу этимъ мокрымъ овсомъ, начиная съ родильницы, ребенка, отца его и кумовьевъ. Каждому она говоритъ при этомъ:

— Дай же, Бѣжа, кабъ ты быѣ крѣпакъ, якъ вада, багатъ, якъ зимлѣ, вясѣлѣ, якъ пчила, а крѣсинѣ, якъ висна!

Послѣ этого бабка получаетъ отъ родильницы наметку, а въ пригородныхъ мѣстностяхъ—ситецъ на юбку. Наметку она тотчасъ же надѣваетъ на голову, обертывается ситцемъ кругомъ и начинаетъ подпрыгивать среди избы вверхъ, приговаривая:

— Ради, Божа, у майхъ унѣчку житя, пшаницу и ўсякую пашницю. Дай, Божа, сколько у гэтай хати сучкоу, кабъ у майхъ унѣчку стѣльки булѣ дитючкоу, а сколько дѣричикъ, кабъ стѣльки дѣвычкѣ!

Побывъ нѣкоторое время, гости расходятся.

На другой день бабка приходитъ купать ребенка, смывать „святой муръ“ (миро). По этому случаю вчерашніе гости опять приходятъ, и тоже пьютъ и закусываютъ, поютъ приуроченныя къ этому событію пѣсни. Это называется „муравинки гулять“. Муравинками и заканчиваются „хрѣзбины“.

С. Ослянка, Мстисл. у.

Крестятъ ребенка обыкновенно въ самый день рожденія и никогда не позже второго дня. Крещеніе черезъ недѣлю послѣ рожденія составляетъ весьма рѣдкое исключеніе и случается только въ случаяхъ полного одиночества родильницы, когда у нея некому приготовить необходимое угощеніе и она должна ждать возможности сдѣлать это самой.

Предъ отъѣздомъ воспріемниковъ къ священнику, родители младенца предлагаютъ имъ угощеніе. Потомъ бабка беретъ ребенка, становится передъ иконами, и всѣ молятся Богу. Послѣ молитвы бабка отдаетъ младенца кумѣ, и воспріемники уѣзжаютъ.

Пріѣхавши „отъ креста“, кумъ беретъ младенца у кумы и отдаетъ его отцу со словами:

— На табѣ тваѣ рабѣная, а наша хрыщѣная!

Принявъ ребенка, отецъ передаетъ его матери.

Тогда приглашаютъ гостей—родню, сосѣдей. На столъ прежде подается закуска: мясо, оладьи, рѣзники и т. п., а потомъ уже борщъ, крупени и другія вареныя жидкія кушанья. На послѣднее блюдо подается хозяйская каша. При этомъ обязательно предлагается водка „поливать кашу.“ Затѣмъ несетъ свою кашу бабка и ставитъ ее съ горшкомъ, накрытымъ булкой хлѣба, прямо на столъ. При этомъ она проситъ у гостей „внуку на мыло“.

— Прощу, панѣва-мужѣва, майму ўнѣчку на мыла!

Горшокъ съ ея кашей беретъ кумъ обѣими руками и нѣсколько разъ ударяетъ имъ объ столъ, сначала тихо, а потомъ все сильнѣе, пока горшокъ разобьется. Бабину кашу раздаютъ всѣмъ присутствующимъ, а тѣ отдариваются деньгами. Деньги эти, вмѣстѣ съ булкой хлѣба, которою былъ накрытъ горшокъ, бабка отдаетъ родильницѣ.

При дѣлежѣ бабиной каши водка не предлагается.

Всѣ, получившіе кашу, заворачиваютъ ее въ конецъ платка, въ полотенце, въ бумагу, и несутъ домой, гдѣ раздаютъ дѣтямъ, у которыхъ „бабина каша“ считается большимъ лакомствомъ, по крайней мѣрѣ такимъ же, какъ и „хлѣбъ отъ зайца“, принесенный или привезенный какимъ-либо родственникомъ съ дороги.

Послѣ бабиной каши родильница даетъ бабкѣ наметку и большую булку хлѣба, куму полотенце и такую же булку хлѣба, а кумѣ только булку хлѣба. Наоборотъ, кума даетъ родильницѣ „опрытокъ“ холста.

Получивши наметку, бабка тотчасъ завязываетъ ее на голову, взбирается на лавку и скачетъ тамъ, приговаривая:

На палѣ ребятки,

Падѣ поламъ ягнятки,

Въ хлѣви парасятки.

До введенія монополіи, гости усаживали бабку, кума и куму на телѣгу и сами везли ихъ въ корчму. Привезенные „чиновники“ должны были здѣсь покупать для гостей водку, пиво, булки, баранки.

На третій день послѣ крестинъ къ родильницѣ опять собираются гости „на жмуринки“. Приходятъ обыкновенно бабка, кумъ, кума и близкіе родственники. Бабка и кума приносятъ какую-либо закуску, а хозяинъ ставитъ водку. Пока гости собираются, бабка беретъ ребенка у матери и ставитъ его голаго на кутъ, на разостланный тамъ ко-жухъ; на голову ребенка она кладетъ нѣсколько баранковъ и обли-ваетъ его освященной Крещенской водой. Это называется „смыть муръ“. Баранки съ головы ребенка раздаются другимъ дѣтямъ, а бабка начинаетъ купать ребенка; выкупавши, сповиваетъ и отдаетъ матери.

Пѣсенъ на крестинахъ не поютъ.

С. Городецъ, Быхов. у.

Когда ребенокъ родится, бабка приготовляетъ воду купать его, а отецъ бросаетъ въ воду серебряныя деньги, чтобы дитя было богато и чисто, какъ серебро. Послѣ купанья бабка отдаетъ ребенка матери, а деньги беретъ себѣ. Затѣмъ, выпивъ за здоровье внука и его матери, она отправляется домой. До окончанія всѣхъ крестинныхъ обрядовъ бабка приходитъ купать внука ежедневно утромъ и вечеромъ. Рано утромъ въ день крестинъ справляютъ „родины“, на которыя приглашаются родственники и ближайшіе сосѣди. Ихъ садятъ за столъ и угощаютъ водкой и закуской. Послѣ закуски всѣ уходятъ домой до вечера.

Скоро приходятъ кумы, заранѣе запрошенные. Имъ также подаютъ водку и закуску. А бабка въ это время купаетъ ребенка и потомъ подаетъ его кумѣ черезъ столъ на правую руку. Затѣмъ бабка беретъ чашку, наливаетъ туда воды и сыплетъ овесъ; помочивъ руку въ эту воду, она обмываетъ ею лицо всѣмъ присутствующимъ, не ладонью, а верхнею стороною кисти. Обмывъ такъ же и ребенка, воду эту съ овсомъ выливаетъ на кутъ подъ образами. Дѣлается это для того, чтобы дитя „ни булѣ плаксѣва, а булѣ щаслѣва“. Послѣ этого кумы съ младенцемъ идутъ крестить его и несутъ „хлѣбъ-соль“—водку, баранки. По возвращеніи отъ креста, кумы отдаютъ ребенка матери и сами идутъ по домамъ до вечера.

Крестинная пирушка происходит вечеромъ. На нее приглашаются воспріемники, бабка, родня, сосѣди и другіе желанные гости. Женщины, идя на крестины, приносятъ съ собой блины, баранки, булки, кашу, яичницу, вареное мясо, и угощаютъ родильницу. За столомъ гости размѣщаются по степеніи родства и по старшинству, но первое мѣсто предоставляется „кумамъ“ и бабкѣ. Первые рюмки подаются имъ же. Когда очередь дойдетъ до кумы, она свою рюмку накрываетъ пряникомъ и посылаетъ родильницѣ. Та пьетъ, принимаетъ пряникъ и наливаетъ кумѣ своей водки. Это называется „перепивать куму“. Пьютъ за здоровье новорожденного и его родителей, потомъ за здоровье кумовъ. Имъ поется и пѣсня:

А кумъ кумѣ радъ,	То ли маей милый;
Павѣу куму ў виныградъ.	Каторыя сладки,
— Щипи, кума, ягѣдки,	То ли маей матки;
Катѣрыя салѣдки.	Каторыя горьки,
Каторыя винны,	То ли чужѣй жонки!

Въ это время подается обѣдъ, при чемъ поется слѣдующая пѣсня кумѣ:

Виныградъ на дварѣ,	Вазокъ маливаный,
А хрезьбины ў хати.	Конь гыдываный.
Пыдъ нашу кумку,	Кыли наша кумка запѣтца,
Пыдъ нашу любку	Наша кумка-любка падвѣдай ат-
Падвѣда пришла,—	[вязѣтца.

Послѣ кумѣ эту же пѣсню поютъ куму и бабкѣ.

Въ концѣ обѣда бабка подаетъ на столъ свою кашу, украшенную блинами, или мясомъ, или баранками, или конфетами. При этомъ она плещетъ въ ладоши и поетъ:

Пыздарбѣ, Божа, кывылъ,	А ў мягкихъ падѣшкыхъ,
А што скываѣу намъ дитя!	А падъ тѣплый дярѣжкый,
А ни ў ручки ни хѣкѣу,	Бязъ мѣлыта, бязъ кывадда,
А ни мѣлытымъ ни стукѣу,	А пыглядѣншъ—дитя ладна!

Присутствующія женщины подпѣваютъ бабѣ.

По окончаніи пѣсни, бабка „покрывается“ подаренной ей наметкой и обноситъ кашей всѣхъ гостей. Тѣ въ обменъ дарятъ ей деньги. Расходятся съ крестинъ по домамъ уже на разсвѣтѣ.

На другой день снова приглашаютъ гостей „на похмѣлки“. Женщины на этотъ разъ приносятъ сырую провизію: сало, муку, крупу, рожь, ячмень, хлѣбъ, такъ какъ готовить кушанья некогда было. Сначала гости закусываютъ съ хозяйской водкой, потомъ обѣдаютъ, а послѣ обѣда дѣлаютъ складчину, сами покупаютъ водку и угощаютъ ею родителей ребенка и конечно себя.

На третій день гости приглашаются „на муравѣнки“. Столъ застилаютъ шубой, на нее ставятъ чашку съ водой и овсомъ, и этой смѣсью баба обмываетъ ребенка, смываетъ „муръ“. Послѣ этого гости выпьютъ, закусятъ и расходятся по домамъ.

Для роженицы наступаютъ тяжелыя будни.

Щербинская вол., Витеб у.

„У той день, якъ трѣба хрыстѣть, рахѣютца мужыкъ съ жѣнкай,—кагѣ братъ у кумы: ти зъ радѣнь, ти кагѣ чужѣга. Найболей зъ радѣнь бярутъ: нѣхай, кажа, бѣдѣ сваѣ рѣднѣ!“

У кумы прѣся хтѣ-нѣбудъ старшый: ти свѣкаръ, ти свѣкрѣха, а калѣ нѣма ихъ, тагдѣ мужыкъ пѣйдѣ. Вѣзѣмѣ съ сабѣй хлѣба акрѣйчикъ, пасѣпѣмѣ сольлю, увѣйдѣ у хату:

— Здрастуй вамъ!

— Здарбѣ!

— Прымѣтѣ маѣ хлѣбъ-соль: жалаѣ васъ узѣтѣ за кума, рабѣшачка ахрыстѣть!

— Хрыстѣть, дакъ хрыстѣть! Трѣба итѣть! Пайдѣ! Калѣ хрѣстѣ будѣ?

— А сягѣнѣни!

Тагдѣ пѣйдѣ зватѣ кумѣ, такъ жа сама, съ хлѣбамъ—съ сольлю. А калѣ янѣ ближѣй живѣ, дакъ яѣ упѣрадѣ завѣ. Ну, калѣ сагласна, дакъ гавѣра: Дѣбра, пайдѣ!“ А калѣ ни сагласна, дакъ кажа:

— Шукай другой! Я ни пайдѣ: дѣтѣнакъ малый! А то скажа: „У хати нѣма никѣга, нѣнакага хату кинутѣ!“

Бярутъ у кумы набѣлай тыхъ, што брали кѣ пѣрвѣму дѣтѣнку. Минѣютѣ пѣнахвѣтна,—калѣ памрѣ, ти калѣ пасвѣрутца.

Прыхѣдѣтѣ кумы у той день, калѣ хрѣзѣбины, кѣ парадѣси и нясѣтъ пѣрагѣ жѣ жѣтѣнай мукѣ и соль. А кума и стрѣву нясѣ: ти вѣрава, ти крупѣникъ, ти кашу. Янѣ ждѣ тамъ аднѣ другѣга; кумѣ ближѣй живѣ—кумы ждѣ, кума ближѣй—кѣма ждѣ. Ихъ сѣдѣтъ за столѣ, пачастѣютѣ, гарѣлки дадутѣ да закуски—сала, хлѣба, а ў постѣ—сялѣдку, хлѣба. Пакѣуль закусавѣютѣ, дакъ бабка прыбирая рабѣнка, купѣна, надывѣая мѣтѣликъ *), абѣвѣжа галѣѣуку прыгалавѣш-камъ **). Покупавѣшы, трѣба патѣсенутѣ за носѣ, кабѣ прыгажѣй бѣу. Кѣутаѣтъ дѣтѣнка у мушѣнѣскаѣ рубахѣ, и завѣзѣютѣ у рукаѣ хлѣбѣицѣ и соль, и жѣта, кабѣ рабѣнку нѣчѣга злѣга ни злѣчѣлася.

Прыбраѣшы дѣтѣнка, бабка пунарѣзная аддаѣ ягѣ кумѣ, а сама аддѣвѣгаѣя столѣ на сѣрѣдку хаты. Кума съ кумѣю абѣйдѣтъ трѣйчи вакрѣугѣ сталѣ и каждѣй разѣ мѣлатца пѣрадѣ образами. Зѣ ими умѣстѣ мѣлатца уси, хтѣ ѣсѣ у хати. Тагдѣ кумѣ съ кумѣю идѣтъ, ти бѣдутѣ кѣ батѣюшку,—кума на лѣвѣй бѣкъ, кумѣ на правѣй. Ни-

*) Целенка съ прорѣзомъ посредицѣ, надѣваемая на младенца при крещеніи.

**) Платочекъ.

суть къ батюшку пляшку гарэлки и кулидку хлѣба. Ета ать хазяина бяруть. У насъ за хрѣстъ ня плѣтитца, а кали гдѣ плѣтятъ, дакъ ета ужэ плѣтя кумь. Якъ выйдуть ать хрыста, дакъ рукау у батьковскай рубахи развязують и хлѣбъ и жыта кидають чиразъ галаву назадъ.

Якъ прыѣдутъ дамоу да ўвойдутъ у хату, дакъ кума гавбра: „Якъ вѣдили падъ храстомъ, такъ дай Богъ видать падъ вянцомъ!“ Бабка бярэ у нѣ дитѣнка, пирахрыстя:

— „Дай жа, Божа, кабъ вяліка раслѣ, да здарова было, да щасльіва!“ И нясѣ за пѣлагъ, аддаѣ парадіси.

А тымъ часамъ у хати сабираютца госьти,—кали за храстомъ будутъ хрыстины. Завуть гасей хлончики па-падвѣканью. Прызавутъ якога хланца, дадутъ яму чарку гарэлки и закусить: „бяжы, хланчиня, па сялу, пазави на хрыстины!“ Ну, той и пабѣгъ. Падбяжыць падъ вакно, пастукая и кажа: „Дабры-вечары! Прасіу Ана-нась и Марья, и я прашу на хрыстины!“ И побѣгъ далей. И такъ аббяжыць усѣ сяло, кали ахвѣту мая. А радню завѣ самъ хадяинь; хадяйка нѣбли ня пѣдя.

Ну, кали хто хѣча, дакъ и сабирайтца. Бабы адяютца чистѣй, нясуть хлѣба на кавалку, хунты тры, чвертку куска сала—сѣ паўхунта; а кали сала ни нясѣ, дакъ бярэ зѣрняты—ти прѣса, ти канѣли, ти крѣпы якія-нѣбудъ—и грѣшныя и яшныя. А мужыки нясуть капѣйку, двѣ.

Якъ прыдутъ у хату, паздарѣваюцца и аддадутъ ета, што прынесли, старуси, ти дѣтямъ. А сама парадіха ни бярэ. Якъ сабярѣтца, ихъ садятъ за столъ на лаўкахъ, а кали ни намѣстятца, другій столъ ставятъ, услоны. Кумъ сѣ кумой садятца на кутѣ,—кумъ па правый бокъ, кума па лѣвый; кали кума садитца бабка, каля ихъ радня, а послѣ ужэ чужія. Рассаджуя хадяинь.

Якъ сядутъ, хадяинь бярэ гарэлку у плясцы и стаканчикъ, па нашаму—чарка,—и паднѣся гасѣямъ. Перваю чарку самъ выпья: „Здарѣ будѣтя, госьти дарагія!“ — Пй на здарѣя! тыя кажутъ. Тогды паднѣся гасѣямъ па двѣ чарки. Напрѣдъ за ўсѣхъ бабки, тагды куму, кумѣ, и такъ усѣмъ рѣдамъ. Примутъ, кажутъ: „Ну, нѣхай жа нашъ хрѣсьникъ вялікъ расѣтѣ, щасльівъ будѣ!“ и выпивають. А кали хто ня пѣѣ, бярэ чарку, зѣ рукъ прыма у хадяина, примѣръ здѣлая и аддаѣ таму, хто пѣплячъ сядѣтъ. Пѣють адинъ къ другому, па раду. Абѣдя увесѣ радъ, тагды паднѣся на двѣ чарки тымъ, што ни ўмѣстѣлися за сталомъ, на хати стаятъ

Парадѣха ляжыць каля дятѣнка за пѣлагамъ. Свай сымъ ни садятца за столъ, а гатують, паднѣсятъ, чѣсѣ дають, якъ слѣдуя бытъ.

Первая страва—борщъ; ставятъ па чашцы на каждый столъ. Ти галѣдинъ хто, ти ни галѣдинъ, а чѣсѣ прыними, и водку прыними, и стравы паспытай. А то скажутъ: „сѣрдитца!“ Ти: „злабу мѣслить!“

Послѣ барща дають прѣснаю страву: ти крупникъ пшѣнный, грѣцкій, ти яшный, ти лапшу. Послѣ ѣтага хадяинь апѣтъ бярэ гарэлку сѣ палѣцы, и самъ выпья чарку, и даѣ ўсѣмъ па чарцы. Тыя, што стаяли на хати, ти пашли дамоу послѣ первай выпѣйки, ти тожѣ дастають ложками страву сѣ сталѣу.

Тагды падають кашу грѣцкаю сѣ саломъ, ти сѣ алѣямъ. И ўсѣ. Якъ паядѣтъ, баба кажа, кабъ падалѣ яѣ кашу, што яна зварыла дома. У насъ вѣратъ набѣли грѣцкаю, сѣ саламъ; а кали и сѣ проса. Ёй падають гаршѣкъ лѣдний, у паўвѣдра, а яна станѣвя пасярѣдъ стала. „Ну, гаспадѣ купанія, госьти дарагія! Прасили васѣ на хлѣбъ, на соль, вотѣ прашу и на бабину кашу, прашу паклѣсѣ па чирвонцу!“ И закрывая кашу тарѣлкай. Ну, тагды ўсѣ кладутъ па два грошы, ти па чатыры: „вѣ, бабка, я ўкинувь чирвоницы!“—Я ўкинувь!—И я вѣ ўкинувь!—У бѣднаго наскидають такъ зѣ грывяникъ, а ў багатага сѣ палтинникъ. Тагды ета, што прыслѣгуя, сабярѣ ето ўсѣ и атнясѣ за пѣлагъ къ парадіси:

— Ета, кажа, табѣ на лѣбѣла сабрали! Тая кажа: „благодару имъ, дякую!“

А тымъ часамъ кумъ бярэ кашу, абкрутиўшы гаршѣкъ платѣнкай якою-нѣбудъ, падыма и абѣ столъ тихѣнька стукъ!

— „Ой, баба,—якій гаршѣкъ крѣпкій у ганчарѣ выбрала! Нѣякъ ни разбитъ!“

— Ну, кумокъ: у другій разъ якъ пайдѣ, дакъ ня буду брать такога крѣпкага. Ужэ прыстаѣлю дѣравый, абѣ кашу зварытъ!

Тагды кумъ бѣѣ тихѣнька гаршѣкъ у другій разъ.

— „Ай, баба,—ти ни зялѣзний твой гаршѣкъ? Нѣякъ ни разабѣшь!“

— Ну-тка бѣ, бѣ! Видна, кумокъ мала ѣў!

Шѣтятца.

За трѣтьимъ разамъ гаршѣкъ разбивѣйтца.

Кали жѣ бѣють кашу, тагды хто-нѣбудъ идѣ на вулицу и гукѣя:

— Дѣти. Дѣти! кашу бабину бѣють! Бяжыти скарѣй!

И ихъ сабярѣтца поўна хата.

Тагды баба бярэ чарачѣчки отъ гаршка и кажа:

— На кагѣ каша нахѣнѣтца, таму кварту (водки) куплять!

Той ёй кажа:

— А табѣ што-нѣдѣли бытъ у етымъ дѣтямъ!

Баба клаѣ на чарачѣчки кашу и раздаѣ дѣтямъ. Тыя тѣтака жѣ и ядѣтъ. А узрослыя бяруть и дамоу нясуть.

Тагда народъ и дѣти разбѣдутца, а бабку, и кумоу, и радню катороу, застанѡвать и зновъ садять за столъ, на тоя жъ мѣста. Пачастують ихъ, на чарцы дадутъ, закусить яѣшню спрагутъ, каубасу. Выпьють щѣ на чарцы, пагаманять, пасидять, тагда устаетъ, молятца Богу, дякують: спасибо за хлѣбъ, за соль, за угашѣння.

Тагда дають на намятцы куму и кумѣ, а бабцы паркалю. Кумъ кладѣ на тарѣлку пирогъ, кладѣ рубъ, пѣе за здарѡя кумы палавыя и пасылая кумѣ, а кума наливая яму и атылая.

— Ну, нихай жа нашъ хрѣснчакъ вяликъ расьтѣ, щасьліу будя! Аставайтася жывы—здоровы! Працавайты!

И идутъ. А вышаушы, крычатъ гвалту: „на барану! на барану!“ Эта ужъ бабку на барану! И садять яѣ на барану, ти на пирадокъ (отъ телѣги) и вязутъ у каршму, ти къ жыдоуцы. Тамъ бабка аткупайтца квартау гарѣлки.

На другій день бывають пахрыстины. Бабку, кума и куму, радню якую пасадять. А чужыхъ нѣ. Кто прыди, чарку дадутъ, а чесьти ни дають. Уся чесь яго тамъ: выпья да й за дѣры. А тыя садятца, и ихъ частують, якъ и учора. (Происходитъ угощеніе, во всѣхъ подробностяхъ сходное съ крестиннымъ).

А бабцы дають грывяникъ. Идутъ у каршму и тамъ зъ бабки начатакъ—купляя гарѣлку. А тагда кумъ, кума, бабы пьяныя папрятгаютьца.

На трѣтьтій день хадяинъ, ти хто зъ малыхъ, завутъ бабку муръ змывать. Ну, прыдишь, накупайшь, муръ змыишь. Пачастують на змози, чарки двѣ гарѣлки дадутъ, закусить што, ти сала, ти яѣшню.

На тымъ и канецъ. Скачи здарѡу, мой унучакъ!“

С. Заболотье, Рогач. у. Отъ бабки Оеклы
Суевой, 60 л. Записано мною.

Въ день рожденія ребенка назначается и день его крещенія.

Ко дню крестинъ хозяинъ беретъ полведра или ведро водки, смотря по количеству ожидаемыхъ гостей, и приготовляетъ въ достаточномъ количествѣ лучшія кушанья. Въ день крестинъ рано утромъ, или наканунѣ вечеромъ, онъ отрѣзываетъ два „скрыля“ хлѣба, густо посыпаетъ ихъ солью, и съ ними отправляется къ намяченнымъ кумовьямъ, которымъ передаетъ взятый съ собою хлѣбъ и приглашаетъ въ воспріемники. Въ назначенный часъ кумъ съ кумою являются къ хозяину, также съ „скрылями“ хлѣба, которые кладутъ на столъ. Тогда хозяинъ зажигаетъ предъ иконою свѣчу и всѣ молятся Богу. По окончаніи молитвы, хозяинъ усаживаетъ бабку и кумовьевъ за столъ и угощаетъ ихъ водкой и закуской. Затѣмъ бабка беретъ отъ „породихи“ младенца и передаетъ кумѣ, хозяинъ даетъ бутылку водки для священника, и кумовья отправляются. Когда ребенокъ будетъ окрещенъ, батюшка угощаетъ кумовьевъ при-

везенной ими водкой. На обратномъ пути кумовья заѣзжаютъ въ попутную корчму и здѣсь кумъ угощаетъ свою куму. Сдавъ ребенка матери, кумовья выпиваютъ по чаркѣ водки и, слегка закусивъ, уходятъ домой.

Хозяинъ въ это время окончательно подготавливается „справлять кетины“ и потомъ посылаетъ за бабкой, кумовьями, родными и соседями. Бабка, кумъ и кума, иди на кетины, несутъ съ собою по мискѣ каши, по нѣскольку лепешекъ или по булкѣ хлѣба, а остальные приглашенные гости несутъ по скрылю хлѣба или по лепешкѣ. Все это кладется на столъ хозяина, а потомъ переносится къ породихѣ. Во время угощенія считается обязательнымъ пѣть положенныя пѣсни.

Въ концѣ трапезы бабка беретъ горшокъ круто сваренной каши и, обвязавши его платкомъ, ставитъ на столъ передъ кумомъ, съ такимъ приговоромъ:

— Радй, Божа, хлѣбъ, пладй, Божа, статыкъ, тилытыкъ ны вару, дѣтыкъ ны палу! *Змири, Божа, царѣвъ и кыралеѣвъ* и всю братью нашу! Кто мой гарщѡчикъ рызабѣтъ, тѣй пывгарчика гарѣлычки вазьмѣтъ!..

Кумъ беретъ горшокъ въ руки, три раза переворачиваетъ его въ рукахъ и разбиваетъ о столъ въ дребезги. Бабка подбираетъ черепки и кладетъ на каждый изъ нихъ кашу, кусочекъ мяса, или въ постный день рыбы, селедки, и вмѣстѣ съ рюмкой водки подноситъ каждому изъ гостей, приговаривая:

— Кашу съ гарѣлычкыю примитя, а миѣ рукѣ пызылатитя!

Всѣ выпиваютъ подносимую водку, берутъ черепочекъ съ кашей и даютъ бабѣ по нѣскольку копѣекъ.

Когда окончится раздача бабиной каши, хозяинъ обращается къ гостямъ и перекрестившись говорить:

— Прасйвъ васъ, дырагія гости, на хлѣбъ-соль, а тяперь прашу на хлѣбу-соли!

Гости выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина и расходятся. При этомъ породиха одариваетъ бабку и кума холстомъ. Последний въ свою очередь даетъ ей нѣсколько монетъ, приговаривая:

— Кумѣ кѹму халстѣну, а кумъ кумѣ палтѣну!

На слѣдующій день, рано утромъ, зимою нерѣдко до разсвѣта, отецъ окрещеннаго младенца снова приглашаетъ бабку, кума и куму и всѣхъ вчерашнихъ гостей „на муравины“.

Раньше другихъ должна придти бабка. Пришедши, она беретъ вѣникъ съ листьями, ошипываетъ листья и кладетъ ихъ въ миску потомъ сыплетъ туда овесъ и наливаетъ воды. Когда кто изъ приглашенныхъ входитъ въ хату, бабка беретъ изъ миски эту смѣсь и вытираетъ ею лицо у всѣхъ входящихъ, приговаривая:

— Будь богаты, якъ вбсишь, красинь, якъ висна, а крѣпыкъ,
якъ дарбга!

И вытираетъ полотенцемъ.

Потомъ обвязываетъ подаренною холстиною голову и перекру-
жившись на мѣстѣ три раза, подпрыгиваетъ столько же разъ вверхъ,
по возможности повыше, и говорить:

— Капъ мой унѣкъ вяликъ росъ, щасъливъ бывъ! Капъ ны
ягѣ долю пыславъ Бохъ усяго ѡблѣю!

Послѣ этого гости садятся за столъ. Угощеніемъ ихъ и закан-
чиваются кетины.

Любавич. вол., Мстисл. у.

Пѣсни родинныя и крестинныя.

Ай, стучить—грючить

Вдоль па улицы.

Тамъ баяжить, баяжить

Андрей мыладѣй.

Енъ а босый и прыстывалбесый,

А бизъ шѣбки и биеъ пѣиса.

А баяжить енъ ны бабѣсиньку:

„Ты хадѣ, бабѣсь, пририбапъ
[дитя!“

Маѣ дитя ныражѣныя,

А тваѣ дитя а сужѣныя!

С. Любавичи, Мстисл. у.

Ня стукъ стучить па вулицы,—

Иванъ идѣтъ, бабу вядѣтъ.

„Баба мыя, бабѣличка,

Пририбапъ мнѣ дитятычку!

Маѣ бѣдѣтъ раждѣная,

Тваѣ бѣдѣтъ баблѣная!

Хто жъ тамъ стучить па вулицы,

Хто жъ тамъ стучить па ширѣкый?

Михалка идѣтъ, бабу вядѣтъ:

— Баба мыя, быгданныя,

Пририбапъ ты мнѣ дитятычку,

Пририбапъ ты мнѣ малѣнькыю!

Хто жъ тамъ стучить па вулицы,

Хто жъ тамъ стучить па ширѣкый?

Кумъ идѣтъ, кумѣ вядѣтъ:

— Кѣмычка мѣя любѣзныя,

Пририхрѣстѣ ты мнѣ дитятычку,

Пририхрѣстѣ малѣнькыю!

Хто жъ тамъ стучить па вулицы,

Хто жъ тамъ стучить па ширѣкый?

Кумѣ идѣтъ, кѣма вядѣтъ:

Кѣмочикъ мой, голубчикъ мой,

Пририхрѣстѣ ты мнѣ дитятычку,

Пририхрѣстѣ малѣнькыю!

Зып्राжи-ка, мой кумъ,

Ды дванѣццѣ валѣу

Зывязи-ка, мой кумъ,

Сваѣ бапку дамой!

— А идѣ жъ мнѣ, бабѣличка,

Ды валѣу сыбирѣтъ?

Луччи жъ, мыя бабуличка,

У минѣ нычивѣтъ!

Ай пиѣ ба я пѣва,

Дыкъ съ пахмѣлѣйка лиха.

А любѣу Микилай жонку,

Дыкъ нагѣдили люди.

А нѣхай люди гѣдѣтъ, —

Микилай жонку любѣтъ!

Чаму жъ намъ ня пѣтъ,

Чаму ни гулятъ,

Кыли ѣ нашый хѣтыццы

Пырядыкъ идѣтъ:

Мушка на вакѣшыццы

Въ цымбалики бѣѣтъ!

Чаму жъ намъ ня пѣтъ,

Чаму ни гулятъ,

Кыли ѣ нашый хѣтыццы

Пырядыкъ идѣтъ:

Павучѣкъ на стѣныццы

Крѣсинцы снѣѣтъ!

Чаму жъ намъ ня пѣтъ,

Чаму ни гулятъ,

Кыли ѣ нашый хѣтыццы

Пырядыкъ идѣтъ:

Блыха ны парѣзи

Дрѣвѣцы сѣкѣтъ!

Чаму жъ намъ ня пѣтъ,

Чаму ни гулятъ,

Кыли ѣ нашый хѣтыццы

Пырядыкъ идѣтъ:

Наша сѣчѣчка

Дворикъ стѣригѣтъ!

Чаму жъ намъ ня пѣтъ,

Чаму ни гулятъ,

Кыли ѣ нашый хѣтыццы

Пырядыкъ идѣтъ:

Наша ѣ кѣшычка

Хатку пыдмѣтѣтъ!

С. Ослянка, Мстисл. у.

Здѣсь же поются и заимствованныя великорусскія пѣсни: „Ты
лети, лети, соколъ, на родиму сторону...“ „Ты крапива, ты крапи-
вица, зеленая, кучерявая..“ А также искусственная:

Ишоѣ Савичъ съ именинъ ночной порой,

Енъ ишоѣ къ жанѣ съ пьяной головой..

Нигдѣ жъ мы такъ ни пагуляли,

Ни на висѣльи, ни на багамѣльи,

Якъ у гѣтага хѣдѣина на кѣстинкахъ.

Дай Божа гѣтага дѣтѣти

Кѣстинки згуляти и висѣльѣ даждѣти.

Богъ намъ даѣ, Богъ намъ даѣ!

А па вѣзѣру, а па сѣнянѣкаму,

Сѣлязѣнѣка плывѣтъ,

Сваѣ вѣтачку, сваѣ шѣраю,

За сабѣю вядѣтъ.

— А ты вутачка, а ты шэрая,
 А ти тутъ начавать?
 Кали тутъ начавать, кали тутъ начавать,
 Дагъ гнязьдэчка савивать.
 Кали дали лятѣть, кали дали лятѣть,
 Разлигайся трава,
 Разлигайся трава, разлигайся трава,
 Разливайся вода!
 А па сѣничахъ, а па новинькихъ,
 Тамъ Якимка идѣть,
 Сваю Татьянку, сваю дѹшачку,
 За сабѹ видѣть.
 — А ты Татьянка, а ты душачка,
 А ти тутъ начавать?
 Кали тутъ начавать, кали тутъ начавать,—
 Каравать будавать;
 Кали дали ѣхать, кали дали ѣхать,—
 То коника гадавать.
 Запрыгайтѹ канѹ, запрыгайтѹ канѹ
 Ў муливанный вазѹкъ,
 Мы жъ паѣдимъ, май дѹшачка,
 У татѹлькаѹ дварѹкъ.

—
 Сидѣть галубчикъ а на кусьтику,
 Ёнъ расѣцу пѣть,
 Ягѹ галѹбка, ягѹ сѣзая,
 Гнязьдэчка уѣть (вѣть).
 „Пакинъ, галѹбка, пакинъ сѣзая,
 Гнязьдэчка виѣть,
 Хадѣ, галѹбка, хадѣ сѣзая,
 Расѣцы пить!“
 — Мнѣ жъ бачитца, сызый галѹбчикъ,
 Што ты ня любишь мянѣ,—
 Ажъ гарнѣтца тваѣ сярдѣчка
 Вохъ-и-вохъ-ти ка мнѣ!
 Сидѣть Якимъ на покути,
 Ёнъ мѣдъ-вино пѣть,
 Ягѹ Татьянка, ягѹ душачка,
 Прасѣтидлачки тчѣть.
 „Пакинъ, Татьянка, пакинъ, душачка,
 Прасѣтидлачки ткаѣть,
 Хадѣ, Татьянка, хадѣ, душачка,
 Мѣду-вина пить!“

— Мнѣ жъ бачитца, мой Якимка,
 Што ты ня любишь мянѣ,
 Ажъ хинѣтца тваѣ сярдѣчка
 Вохъ-и-вохъ-ти ка мнѣ!

Межѹ клѣтачки, межѹ истопачки
 Наша Татьянка сувѹй катила,
 Сувой катила, сына радила.
 Бяжѣть Якимка па бабѹличку
 Бязъ поѣса, въ аднѣмъ чѹбати.
 Ягѹ бабѹлька дагадъливая,
 И дагадълива, и пагадълива,
 И сама идѣть, и прашѹ*) нясѣть,
 И прѹщу нясѣть, и Бога прѹсѣть:
 „Прасѣти жъ, Божа, и дѣвѣ
 [дѹшачки!
 И старѣнькаю, и малѣнькаю:
 Старѣнькаю дили старѣсти,
 А малѣнькаю дили радѣсти!“

—
 У нядѣлку рана-паранѣнку
 Ўсѣ званы званѣли,
 Усѣ жѹначки маладѣньки
 Къ ютрани хадѣли.
 Адна наша парадѣха маладѣнькая
 У ютрани ня была,
 Да ина жъ сабѣ, маладѣнькая,
 Борзда дѣла зачала:
 А ина жъ сабѣ да малѣнькага
 Сынѹчка спавилѹ!
 Ня вѣмалюють малярчики
 Да пры яснай свѣчи,
 Ягѣ мы сѣ табѹй, мой Якимка,
 Да пры тѣмнай нѹчи!
 Малатѹчкамъ ня стѹкаѹ,
 И ѹ ручачки ня хухаѹ!
 Гута-та ѣ гу-ля-ля!

—
 У нашага Якимки
 Стаѣть святѣлица брусаваная.
 У той святѣлицы калубѣль висѣть,
 У томъ калубѣли дитѣтка ляжѣть,

Бѹжжа Матѣра ускалыхаѣть,
 А ѹ дитѣти папытаѣть:
 „А дитѣтухна, хто твой тѣтухна?“
 — Па радѹ сказать, дакъ Яки-
 [мачка,
 А па хрѣстѹ сказаѣть, дакъ Пи-
 [лѣпачка!
 У Якимки на падвѹрѣяку
 Стаѣть святѣлица брусаваная.
 У той святѣлицы калубѣль висѣть,
 У томъ калубѣли дитѣтка ляжѣть,
 А Прачистая ускалыхаѣть,
 Ускалыхаѣть, да папытаѣть:
 „А дитѣтухна, хто твая мамухна?“
 — Па радѹ сказать, дакъ Татѣ-
 [начка,
 А па хрѣстѹ сказаѣть, дакъ Ма-
 лѣначка!

—
 „Запражѣти, запражѣти,
 А дванаѣцѣ канѣѹ,
 Атвязѣти, атвязѣти
 А бабѹлку дамѹ!“
 А кони ня идѹть,
 А кони ня идѹть,
 И ѹпинаючися,
 А бабѹлька на кутѣ,
 А бабѹлька на кутѣ
 Падвѣгайтца тутѣ:
 „Я тѣ свайгѹ ѹнучка,
 Тѣ свайгѹ галубѹчка,
 Я ѣ дамѹ ни пайдѹ,
 Пакѹль у унѹчка,
 Пакѹль ѹ галубѹчка
 Ўскогарѣлку папѣѹ!
 Я жъ ня буду, я жъ ня буду
 Усѣ выпиваѣть,
 Ой, буду жъ я, ой, буду жъ я
 И изъ заѹтраму астаѹляѣть,

*) Жертву, кусоѹ холста.

Ой, кабы було, ой, кабы було
Чимъ пахмеляля прагнать!
Запражыты, запражыты
А плясьнівінькага,
А ли бабўльки, а ли галўбки,
Ли щасьлівінькі!

Пьяна баба, пьяна, на парбзи пала,
Палядыты, хлопцы, у якой сарбцы:
Калі ў згрэбнай, калі ў згрэбнай—
Ина й тутъ патрэбна.
Калі ў тонкай, калі ў тонкай—
Завязыты дамбў яе.
А калі ў паскбннай, калі ў паскбннай—
Завязыты кь питаманнай сваей!

Д. Казимировка, Мог. у.

Усё жбначки дивавенскія
У яббдки пашай;
А кумъ сь кумою
У яббдки ня йшоў.
Усё жбначки дивавенскія
На набйрацы (лукошка) нясуць,
А кумъ сь кумою
То на кбнику вязуць:
Кабъ наша яббдка
А вяліка расла,
А вяліка расла
И щасьліва была!

А ў нядзельку параненьку
Пиў кумъ сь кумой гарэлку.
Змовила кумъ да кума:
„Пакінь, кума, гарэлку пить,
Пабдимь, кумъ, дитятка хрысь-
[тыть!“

Ай, ёдутъ поля, и другбя,
На трэтыя узбижжאותь —
А змбвиў тутъ кумъ да кумы:
„Кйнимъ дитя ў калявіну,
Сами пбйдимъ на Украйну!“
Идуць поля и другбя,
На трэтыя увыхбдуютъ,—
„Ой, стой, кума, паслўхаимъ,
Ти ни шумить дубровачка,
Ти ни стбгня дарбжачка,

А когда бабку везутъ на боронь,
то прибавляютъ еще куплетъ:
Запражыты, запражыты
А двананцать сабакъ,
Атвязыты, атвязыты,
А бабўлку ў кабакъ!

Ти ня бяжыть пагбничка?“
— Шумить, шумить дубровачка,
Стбгня, стбгня дарбжачка,
Бяжыть, бяжыть пагбничка!
„Пастой, кума, ты ни ўхадй,
Чужы жанй ты ни звадй,—
Чужы жанй вяччалныя,
Свае кумы падхрбсныя!
Падхрбсена кума—
Такъ, якъ рбдная систра!“

Што жъ то за красачка,
Што то за нагбдка,
Ў маймъ сади ни бувала?
Я бъ тую красачку,
Чурвбну нагбдачку,
Ў сваймъ сади пасадйла,
Я бъ тую красачку,
Чурвону нагбдачку,
Рана й вбчарамъ паливала.
Што то за кумбчикъ,
Што за голуббчикъ,
Ў маймъ дбми ни буваа?
Я бъ свайгб кумочка,
Свайгб галуббчка,
За стббликамъ пасадйла,
Я бъ свайго кумбчка,
Свайго галуббчка
Харашенька чиставала.

Я бъ свайго кумбчка
Свайго галуббчка,
Медамъ-виномъ напайла.
А калі жъ ни стала бъ,
А калі жъ ни стала бъ,—
Я й зъ вадъ дастала бъ!
Ай, што жъ то за кумачка,
Што то за галубка,
Ў маймъ дбми ни бувала?
Я бъ свайо кумачку,
Я бъ свайо галубачку,
За стббликамъ пасадйла.
Я бъ свайо кумачку,
Я бъ свайо галубачку,
Харашенька чиставала!
Я бъ свайо кумачку,
Я бъ свайо галубачку,
Медомъ-виномъ напайла.
А калі жъ ни стана
А калі жъ ни стана—
Я й зъ вадъ дастану!

Звалилася, скатилася
Калбдачка сь печи,
Ударыла, ударыла
Иваньку у плечи.
Калі бъ табъ, Иваничка,
Да бблна балбла,
А тагды бъ ты, Иваничка,
Свайо Марью жалбў.

А хто, хто на камббрацы хбдя?
— А Иванька на камббрацы хбдя,
Ёнь свайо Сасачку прбся:
„Ой, хадй, май Сасачка, ка мнй!
У мянб караватка тисбва,
У мянб падўшка пухова,
У мянб завбски цвилёвы!“
— Ни пайду, Иваничка, кь табъ,
Хоть у тябб караватка тисбва,
Хоть у тябб падўшка пухова,
Хоть у тябб завбски цвилёвы:
У мянб дитятка малбя,
Бўдя намъ слўжачка вбрная!

Кала цэркаўки сьтбжачка,
Кала цэркаўки зялёна.
А туды ишоў Гбспадъ-Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустракая бабусю:
„Куды идешъ, бабуся?“
— Кь парадйнуси, Гбспадъ-Богъ,
Кь парадйнуси, Духъ Святый!
„А сь чимъ идешъ, бабуся?“
— Сь пилбшками, Гбспадъ-Богъ,
Сь пилбшками, Духъ Святый!
„Памажы жъ Божа бабуси!“
Кала цэркаўки сьтбжачка,
Кала цэркаўки зялёна.
Туды ишоў Гбспадъ-Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустракая кумбчка:
„Куды идешъ, кумбчикъ?“
— Дитятка хрысьтитъ, Госпадъ
[Богъ
Дитятка хрысьтитъ, Духъ Свя-
[тый!

„А сь чимъ идешъ, кумбчикъ?“
— Сь капбйкаю, Гбспадъ-Богъ,
Сь капбйкаю, Духъ Святый!
„Памажы жъ Божа кумбчку
А дитятка ахрысьтитъ!“
Кала цэркаўки сьтбжачка,
Кала цэркаўки зялёна.
Туды ишоў Гбспадъ Богъ,
Туды ишоў Духъ Святый.
Сустракая кумбсю:
„Куды идешъ, кумбсю?“
— Дитятка хрысьтитъ, Гбспадъ
[Богъ,
Дитятка хрысьтитъ, Духъ Святый!
„А сь чимъ идешъ, кумбсю?“
— Зь намиткаю, Гбспадъ Богъ,
Зь намиткаю, Духъ Святый!
Памажы Божа кумбси
А дитятка ахрысьтитъ вамъ!“...

С. Кутня, Бых. у. Всё преды-
дуция пёсны записаны мною.

В а р і а н т ь.

Чиразь рѣчку кладычка,
 Чиразь быйструю кладычка,
 Туды шь ба йшла бабычка,
 Туды шь ба йшла любычка.
 Сустрѣу яе Гбспадъ Бохъ,
 Сустрѣу яе Духъ Святый:
 А куды шь идѣшь, бабычка,
 А куды шь идѣшь, любычка?“
 — На хрѣзбинки, Гбспадъ Бохъ,
 На хрѣзбинки, Духъ Святый!
 „А што шь нясѣшь, бабычка,
 А што шь нясѣшь, любычка?“
 — Пялюшычки, Гбспадъ Бохъ,
 Пялюшычки, Духъ Святый!...
 Чиразь рѣчку кладычка и т. д.
 Туды бь йшла кумычка и т. д.
 „А што шь нясѣшь, кумычка“ и т. д.
 — Намѣтычку, Гбспадъ Бохъ и т. д.
 Чиразь рѣчку кладычка и т. д.
 А туды шь бы йшоу кумбчикъ и т. д.
 „А што нясѣшь, кумбчикъ? и т. д.
 — Рубельчика, Гбспадъ-Бохъ,
 Рубельчика, Духъ Святый!

Рясн. вол., Сѣнн. у.

Пѣсня эта считается обязательною для крестинъ и распростра-
 нена по всей Бѣлоруссiи, съ незначительными варіаціями, въ родѣ:

Черезъ гумно стеженька...	Якъ завѣшу я катѣль—
... „Куды идѣшь, бабуса?“	Паўтараета вядѣрь,
— А на радийки, Гбспадъ-Бохъ!...	И згатую ли кумѣ
... „А што несѣшь, кумуса?“	Адиу шійячку.
— Накрытычку, Гбспадъ-Бохъ!...	Бжъ ты, кума,
... А што несѣшь, кумбчикъ?“	Ни засаливайся,
— А кристбчикъ, Гбспадъ Бохъ!...	Бжъ, ужывай,
и т. п.	И ў кишэни ни хавай!

А икъ куму кума	А тымъ ты, кума,
Ў рашатѣ прыплыла,	Ни супоўнишь двара,
Грыбянцѣмъ прыграблѣ.	И ни накармишь дитѣй,—
А у мянѣ ли кумы	Тольки насямшйшь людей!
Вирабѣй у саду,	—
Да и тѣй бизъ задѣ.	

Чаразь боръ собена павалйлася,
 А кума съ кумамъ пасварылася.
 Чаразь тынъ живѣмъ—мы ни знаймся:
 Да ни ты ка мнѣ, да ни я къ табѣ.
 Мижъ и тыхъ кумоу да рака тячѣтъ,
 А па тѣй рацѣ силизѣнь плывѣтъ,
 Й шѣра вѣтачка зъ вутинятками.
 Силизѣничка—то Иваничка,
 Шѣра вѣтачка—то Ганначка,
 Вутинятчики—то ихъ дѣтачки.

Я пайдѣ па-загуминью,—
 Да кумбчикъ мой милый,
 Да галубчикъ мой сизый!
 А ўлаўлю я да шѣрага зайца,—
 Да кумбчикъ мой милый,
 Да галубчикъ мой сизый!
 Таму-сяму па лапацы, (припѣвъ)
 А майму куму да усѣ тѣлаўца (припѣвъ).
 А пайдѣ я кала рѣчаньки,
 Да кумусюхна мила,
 Да галубачка сиза!
 Улаўлю я шѣраю гуску,
 Да кумусюхна мила,
 Да галубачка сиза!
 Таму-сяму а па лапацы, (припѣвъ)
 А маей кумѣ усѣ тѣлаўца!
 Кумусюхна мила,
 Кумусюхна любѣ,
 Да галубачка й сиза!

Якъ учбра да бабѣсюхна	Палажы ты бабусюхну
Да на ксьтинкахъ была,	На ўзгалоўя яе:
А сягодня да бабѣсюхна	А спи, май бабусюхна,—
На пахмѣлья прышла.	На здароўя табѣ!
Упилася бабусюхна	—
Зилинога вина,	
А ни зайдить бабусюхна	Ай тамъ, на лугѣ,
Да свайго да двара.	На зялёнай травѣ,
Запражы ты, Иваничка,	Ходить конь вараный,
Вараного каня,	И съ упрѣжкаю.
А завязй бабусюхну	Тамъ ходють мужы
Да свайго да двара,	Да дивѣютца!

А чій ёта конь,—
 Нь ацаніть,*) ни купіть?
 Иванька идётъ,
 Да ўсьмихѣйтца:
 „Ета конь вараній—
 То бабўси маѣ!“
 Ай тамъ, на лугу,
 На зялёнай травѣ,
 Ходить конь вараній,
 Конь асѣдланый,
 Конь асѣдланый
 И замўзданный.
 Тамъ ходють мужы—
 Диваваютца:
 А чій ёта конь,—
 Нь ацаніть, ни купіть?
 Иванька идётъ—
 Усьмихѣйтца:
 „Ета конь вараній—
 Ета кўма майгѣ!“
 Ай тамъ, на лугу,
 На зялёнай травѣ,
 Ходить конь вараній
 И сь упрѣжкау.
 Тамъ ходють мужы
 Да дивўютца:

Узяў кумъ куму за праваю руку,
 Павѣў кумъ куму у винный садѣкъ,
 Пасадиў кумъ куму а падъ вишаньку:
 „Сядь, мая кумка, маладѣнькая,
 Напѣмся мы мѣду саладѣнькага!“
 На кумѣ карѣли—семсоть давали,
 А на кўму штаны—нимѣ имъ и цанѣ!

Ходя па вулицы ўнукъ—
 Гуляя сабѣ.
 Якъ забачиў сваю бабусю—
 Зазывая къ сабѣ:

А чій ёта конь—
 Нь ацаніть, ни купіть?
 Иванька идётъ
 Да ўсьмихѣйтца:
 „Ета конь вараній
 Маѣ люббыя кумы!“

Рогачев. у.

На дварѣ у мянѣ
 Пару коній ў рыдванѣ,—
 А гуляй, бабка, ў мянѣ!
 Гуляй, сѣрца, у мянѣ!
 Пару коній залажў,
 Бабку домѣў завязў!
 На дварѣ у мянѣ
 Пару коній ў рыдванѣ,—
 Гуляй, кумокъ, у мянѣ,
 Гуляй, сѣрца, у мянѣ!
 Пару коній залажў,
 Кўма дамѣў завязў!
 На дварѣ у мянѣ
 Пару коній ў рыдванѣ,—
 А гуляй, кумка, ў мянѣ,
 Гуляй, сѣрца, у мянѣ!
 Пару коній залажу,
 Кумку домѣў завязў!

„Прашў я тябѣ, мая бабўска,
 У гѣсьти къ сабѣ!
 Наварыў жа я бочачку меду
 Да ўсѣ ля тябѣ!“

*) Ни оцѣнить.

Ивалга да на бавални гняздѣ ўѣ,
 Кумочикъ на кутѣ медъ-вино пѣѣ.
 „Кумочикъ, ти табѣ меду ни стаѣ?
 Ё у минѣ вараній конь на стѣйни,—
 Ёнъ ля кума вина—меду пристаѣ!“

Паѣду я да да Мугулѣва,
 Куплю трубку рўбку.
 Будимъ трубку крайтъ,
 Будимъ бабку дарытъ!
 А чаму ты, кумочикъ,
 Да ни вѣсиль,
 Нѣйди ты, кумочикъ,
 Да ни дѣранъ?
 — Будимъ трубку крайтъ,
 Будимъ кўма дарытъ!
 А чаму ты, кумка,
 Да ни вѣсила,
 Нѣйди ты, кумка,
 Да ни дѣрана?
 — Будимъ трубку крайтъ,
 Будимъ кумку дарытъ!
 С. Хоново, Быхов. у.

Циразь боръ сасна калыхѣлася,
 Калыхѣўшыся, павалѣлася,
 Кумѣ сь кумѣй пасварѣлася.
 За што прышло пасварѣйтца имъ:
 Ти за дѣтачки зы храцѣбныя,
 Ти за пѣрагѣ зы плятѣбныя?
 — Ни за пѣрагѣ зы плятѣбныя,
 Ды за дѣти зы храцѣбныя.

У нядѣльку, рана-паранѣньку,
 Наша бабачка да пѣ двару ходить,
 Пѣ двару ходить, Гѣспада Бога прѣситъ:
 „А дай Божа гѣтаму дѣтѣтку
 Да добрую долю:
 И грашавўю, и збажавўю,
 И трѣтѣтью винчѣльную!“
 А ў нядѣльку, рана-паранѣньку,

Мѣжа насъ сь кумѣй а рака тѣклѣ,
 А рака тѣклѣ, рака быстрая.
 Па той рацѣ сѣлязѣнь плывѣ,
 Сѣлязѣнь плывѣ й шѣравўтачка,
 Шѣра вўтачка й вўтинѣтачки.
 Сѣлязѣнячка—Андрѣячка,
 А вўтачка—Настўлячка,
 Вўтинѣтачки—то ихъ дѣтачки.

С. Браково, Могил. у.
 Отъ кр. Н. Автухова запис. мною.

Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
 Што ты ў мянѣ бабай будишъ—
 Пасадила бъ я тябѣ у гарѣди ли
 [сябѣ]

Пахўчаю мѣтаю!
 Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
 Што ты ў мянѣ кўмамъ будишъ—
 Пасадила бъ я тябѣ у гарѣди на
 [градѣ]

Баравѣнькимъ василѣчкамъ!
 Кабъ я знала, кабъ я вѣдала,
 Што ты ў мянѣ кумѣй будишъ—
 Пасадила бъ я тябѣ у гарѣди ли
 [сябѣ]

Чирвѣнаю рѣжаю!
 М. Княжицы, Могил. у.
 Отъ кр. Д. Самсоновой, запис. мною.

Наша кумачка да по двару ходить,
 По двару ходить, Госпада Бога просить:
 „А дай Божа гэтаму дитятю
 А добрую долю:
 И грашавую, и збавую,
 И третью винчальную!“
 А у нядзельку, рана-параненьку,
 Наш кумочик по двару ходить,
 По двару ходить, Госпада Бога просить:
 „А дай Божа гэтаму дитятю
 А добрую долю:
 И грашавую, и збавую,
 И третью винчальную!“

А на дварѣ дожъ идѣть
 Ды на бабину хату.
 „Иди, бапка, нажни мяты,
 Ды накрой сваю хату!“
 А на дварѣ дожъ идѣть
 Да на кума вы сѣни.
 „Иди, кумокъ, ныкай сѣна,
 Ды накрой свае сѣни!“
 А на дварѣ дожъ идѣть
 Ды на кумину ложу.
 „Иди, кумка, нажни рожи (цвѣтъ),
 Ды накрой сваю ложу!“

Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
 Кто у мянѣ бабыи будить,—
 Я бѣ посадила сваю бабычку
 На самамъ кутѣ, за пахучий мятый!
 Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
 Кто у мянѣ кумыи будить,—
 Я бѣ посадила свайго кума
 У зиланымъ сади, зы зиланымъ явырымъ!
 Капъ я знала, капъ я вѣдыла,
 Кто у мянѣ кумой будить,—
 Я бѣ посадила сваю кумычку
 У зиланымъ сади, за чирвоный рожый!

А у сади вишня, а у сади вишня,—
 Съ-пыдъ кариня вадъ вышла.
 Ужо шъ пыдъ нашу бабуличку
 Падвѣдунька вышла:
 Конь вараненькій, конь вараненькій,
 Звощикъ маладѣнькій,
 Конь гудуваный, конь гудуваный,
 Вазокъ муливаний!
 А у сади вишня, а у сади вишня,—
 Съ-пыдъ кариня вадъ вышла.
 Ужо шъ пыдъ нашьга кумѣчка
 Падвѣдунька вышла:

Конь вараненькій, конь вараненькій,
 Звощикъ маладѣнькій,
 Конь гудуваный, конь гудуваный,
 Вазокъ муливаний!
 А у сади вишня, а у сади вишня,—
 Съ-пыдъ кариня вадъ вышла.
 Ужо шъ пыдъ нашу кумычку
 Падвѣдунька вышла:
 Конь вараненькій, конь вараненькій,
 Звощикъ маладѣнькій,
 Конь гудуваный, конь гудуваный
 Вазокъ муливаний!

Казали—наша бапка хвыравита,
 Ажны наша бапка варавита:
 А за гэтый кутѣчикъ
 Зарабила лускутѣчикъ;
 Таўчай, малѣтъ ня дужа,
 А па намѣтычку дасужа;
 Таўчай, малѣтъ есь симъя,
 А якъ пы намѣтычку дыкъ сама!

Дяку таму кывалю,
 Што здылыу намъ гульню!
 Ёнъ и мылатѣчымъ ня стѣкуу,
 Ёнъ и у рѣчачки ня хѣхуу,
 Бизъ мѣлыта, бизъ кувадла,
 И дитятчыка дужа ладна!

А скочила наша Христѣнка
 Съ полу далѣу,
 Якъ ударитца сваей бабыцы
 У ножки чалѣмъ:
 „Гуляй, гуляй, мый бабычка,
 Буду й я, буду й я!
 Ныварила бочку мядѣчку,
 А дѣвѣ вина!“

А скочила наша радѣха
 Съ полу далѣу,
 Якъ ударитца сваей кумыцы
 У ножки чалѣмъ:
 „Гуляй, гуляй, мый кумычка,
 Буду й я, буду й я!

Ныварила бочку мядѣчку,
 Дѣвѣ вина!“
 А скочила наша радѣха
 Съ полу далѣу,
 Якъ ударитца свайму кумѣчку
 У ножки чалѣмъ:
 „Гуляй, гуляй, мой кумчикъ,
 Буду й я, буду й я!
 Ныварила бочку мядѣчку,
 Дѣвѣ вина!“

А литала сѣза павунька
 Да па жѣутиымъ пяску.
 А ни жалъ мнѣ тѣя павуньки,
 А ни перѣя яе,
 А жалка мнѣ свае матѣльки,
 Што далѣка отъ мянѣ.
 Навару я бочку мядѣчку,
 Дѣвѣ вина,
 Пызаву я сваю матѣльку,
 Пугуляю й сама!
 (То же поется о татулькѣ, сестрѣ
 и братѣ).

Якъ пайдѣу я ды кылы Дуная
 Ды кыла тѣхыга,
 Да ти ня ўвиджу каго
 Свайго рѣдныга?
 Ажъ мая матѣлька калинку

[лымаить]

Ўсѣ й чирвоинькыю.
 „Хадѣ, мая матѣлька, бясѣду
 [гулять,

Ўсѣ и висѣлинькыю!“
 (То же поется и прочимъ род-
 ственникамъ).
 Сѣннен. уѣздъ.

А ў Зинѣи, а ў Зинѣи,
 Винаградъ пы дварѣ,
 А ў Ильлюшки, а ў Ильлюшки,
 Сядѣть кумъ ны кутѣ.
 Прядѣ имъ чарка, прядѣ имъ
 [чарка,
 Усѣ пѣунька стайтъ.

Ёнъ частуйтъ, ёнъ вяльбуить
 А ўсё самъ длі сябѣ:
 Пи, кумбчикъ, пи, кумочикъ,
 Ды ня ўсё выпивай,
 Икъ заўтрыму, кумочикъ, (2 р.)
 На пахмѣлья кидай!
 Зыпрягѣтя, зыкладѣтя
 Симарыхъ выраныхъ,
 Атвязѣтя, атвязѣтя

Майгѣ кума дамбѣ!
 Кони зѣ дварѣ, кони зѣ дварѣ
 А ни рѣхаютца,
 А кумъ за столъ, а кумъ за столъ
 Пыдъвигѣтца.
 То же поется кумѣ и бабкѣ. По-
 слѣдней, вмѣсто вороныхъ, за-
 прягаютъ семерыхъ воловъ).
 Д. Деревяги, Витеб. у.

Болѣе полный вариантъ записанъ въ с. Болецкѣ Городокскаго
 уѣзда:

А ў кагѣ зѣлинъ садъ ны дварѣ,
 А ў кагѣ сядѣтъ кумъ ны кутѣ?
 — А ў Андрейки зѣлинъ садъ ны дварѣ,
 А ў Андрейки сядѣтъ кумъ ны кутѣ.
 Зыпрягѣтя симарыхъ выраныхъ,
 Атвязѣтя майгѣ кума дамбѣ!
 Симарыхъ выраныхъ ни рухаютца везъ,
 Етый кумъ ны кутѣкъ пыдъвигѣтца сѣсь:
 — Я за етый кутѣкъ пылажѣў читьвиртачѣкъ!
 А ў кагѣ зѣлинъ садъ ны дварѣ,
 А ў кагѣ сядѣтъ кума ны кутѣ?
 — А ў Андрейки зѣлинъ садъ ны дварѣ,
 А ў Андрейки сядѣтъ кума ны кутѣ
 Зыпрягѣтя симарыхъ выраныхъ,
 Атвязѣтя маю кумку дамбѣ!
 Симарыхъ выраныхъ ни рухаютца везъ,
 Эта кумка ны кутѣкъ пыдъвигѣтца сѣсь:
 — Я за етый зы кутѣкъ атрѣзыла лускутокъ!
 А ў кагѣ зѣлинъ садъ ны дварѣ,
 А ў кагѣ сядѣтъ баба ны кутѣ?
 — У Андрейки зѣлинъ садъ ны дварѣ,
 У Андрейки сядѣтъ баба ны кутѣ.
 Зыпрягѣтя симарыхъ выраныхъ,
 Атвязѣтя ету бабку дамбѣ!
 Симарыхъ выраныхъ ни рухаютца везъ,
 Эта бабка ны кутѣкъ пыдъвигѣтца сѣсь:
 — Я за етый зы кутѣкъ я атрѣзыла пупокъ,
 Я атрѣзыла пупокъ, пысनावѣла кашы гаршокъ!

Сигѣнишній вичарокъ ў неби зазѣвинѣла.
 Прячѣстая Мать ў Бога доли прасѣла:
 „Божухна, якую ты долю даси етому ныраждѣнцу:
 Ти хлибавѣю, ти грашавѣю, ти винчѣлныю?“
 — Я дамъ долю и хлибавѣю, и грашавѣю, и винчѣлныю!
 А ўчора бабка ны радѣнкахъ была,
 А сягѣни бабка на кетинки пришла.
 Зыпрягѣтя бабки а пара валѣбѣ,
 Атвязѣтя маю бабку дамбѣ!

Я жѣ бы етыга кума
 Кумамъ ни браў:

Гарѣлки ня пѣтъ,
 Пѣсинъ ни пѣтъ!

Я жѣ бы ету кумѣ
 Кумѣй ни браў:

Гарѣлки ня пѣтъ,
 Пѣсинъ ни пѣтъ!

Я жѣ бы ету бабку
 Бабкѣй ни браў:

Гарѣлки ня пѣтъ,
 Пѣсинъ ни пѣтъ.

С. Болецкѣ, Городок. у.

Ай, у нядѣльку вѣльма рѣнинька
 Што у неби зызѣвинѣла?
 Гѣспытъ Бохъ идѣтъ
 И долю насѣтъ етому дитѣти.
 А пытѣтца ў Бугурѣдицы:
 „Якую долю даѣтъ дитѣти;
 Ти грышавѣю, ти дыжжавѣю,
 Ай ти тую винчѣлныю?“
 Бабычка сядѣтъ и Бога прѣсѣтъ:
 „Дай, Божа, усякѣю!“

То же поется къ кумѣ и куму.

Тогда пѣсня оканчивается такъ:
 Кумѣчка сядѣтъ и Бога прѣсѣтъ:
 „Дай, Божа, усякѣю!“
 Или: Кумочикъ сядѣтъ и Бога
 [прѣсѣтъ:

„Дай, Божа, усякѣю!“

Капъ я знала-вѣдыла,
 Што ты ў мяне бабѣй будишъ—

Пысадила пѣ я тябѣ
 У гарѣди ны грядѣ,
 Пыливѣла пѣ я тябѣ
 Ни вадѣю, ды сытѣю,
 Капъ сыты ни стала,
 Я пѣ мѣду дыстала!
 Капъ я знала-вѣдыла,
 Што ты ў мяне кумѣй будишъ,
 Пысадила пѣ я тябѣ и т. д.
 Капъ я знала-вѣдыла.
 Што ты ў мяне кумѣй будишъ,
 Пысадила пѣ я тябѣ и т. д.

А сядѣли у бѣсѣди
 Мужѣ чѣсныя,
 А радѣли янѣ раду,
 Раду добрыю:
 Аччагѣ а сѣвѣтъ,—Мысква
 Зыгарѣлыся?
 Зыгарѣлыся сѣвѣтъ—Мысква
 Атъ удовушки.
 А згарѣла тры цѣркуўки,
 Тры субѣрнинькѣхъ;
 А згарѣли тры папѣ,
 Тры духѣўнинькѣхъ;
 А згорѣла тры дяки,
 Тры наўчѣнинькѣхъ.
 А ни жалѣ жа трѣхъ папѣў,
 Трѣхъ духѣўнинькѣхъ,
 А ни жалѣ жа трѣхъ дякѣў,
 Трѣхъ наўчѣнинькѣхъ,
 А и жалѣ жа тры цѣркуўки,
 Тры субѣрнинькѣхъ!
 С. Высокое, Оршан. у.

Маё вы мушчыначки, скажу я вамъ навину:
Што сйвая свиньня на дубѣ гняздо зьвила,
На дубѣ гняздо зьвила, казинятакъ привила
А мой мужъ прамудрый быў: шыламъ сѣна накасий,
Патъ прыпичкамъ стогъ злажыў,
Стогъ злажыў, казинятакъ накармайў.

Жанѣ на мужа гнѣбалася,
Гнѣбалася!
Ни вячѣраўшы спатыки лигѣ,
Спатыки лигѣ!
„Устану ранінька, умыюся бѣлінька—
Паснѣдаю, паснѣдаю!
Запаю свѣчачку, пайдў у печачку—
Тамъ парася, тамъ парася!
Скрутѣла, зьвяртѣла, адна яго зьѣла—
Я й харапѣ, я й харапѣ!
Чатыры качачки, гаршбчакъ кашачки—
И тагѣ маѣ, и тагѣ маѣ!
Бхали жаўнѣры, на мяне глядѣли,
Што я дабрѣ, што я дабрѣ!

Ды Божа мой ды мялюсінскій, 2
Што мой мільды ды п'янлюсінскій:
Ни мнѣ яго ды й дамоў вязьтѣ,
Ни мнѣ яго тутъ пакінути?
Дамоў вязьтѣ, ёнъ павалитца,
А тутъ кинуўшы, набадѣйтца!
Ды мы ишли, ни хилѣлися,
А зѣ насѣ людцы насѣмийѣлися.
Мы у варѣтцахъ павалѣлися,
А зѣ насѣ людцы надивѣлися.

Хаді, мільды, ў бѣлу ложу спатъ,
Я жѣ маладѣ на ўсю ночь гулять.
Я жѣ маладѣ загукалася,
Изъ малѣйцамі загулялася:
Пятўхъ пяѣтъ, я й дамоў ня йду,
Другіхъ пяѣтъ—я й ня дўмаю.
Зарѣ узапѣла, я й дамоў пашѣла.
Ажъ мой мільды ангчынайтца,
У мянѣ млѣдай ёнъ пытайтца:
„Дѣ жѣ ты, мила, лабѣтѣ быѣла?“

— Я жѣ маладѣ дѣли тябѣ спѣла,
Ручки ножки на тябѣ клѣла,
А ты мільды адурѣчыўся,
Усю ночку ня'тварѣчываўся!

Кабъ я знала, кабъ я вѣдала
Сваѣ горкая бицѣсѣтика,
А бяздольная замўжжыка, —
Ни сядѣла бѣ доўга зѣ вѣчара,
Ни палила бѣ я й лучыначки,
Ды ня шыла бѣ я й кашўлички,
Ды пашыла бѣ сабѣ скрыльлика,
Ды пашыла бѣ залатѣнькая,
Палятѣла бѣ на Ўкрайначку,
Сѣла бѣ, пала бѣ сяробѣ рыначку.
Стали бѣ людцы сабѣраѣтисѣ,
Зѣ гѣтый пѣашки дивавѣтисѣ:
„Ды што шѣ гѣта ды за пѣашычка,
Ды што шѣ гѣта ды за шѣрая:
Сама шѣра ды шарўсінска,
А скрыльлика залатѣсінска?“
Ды якъ учуў мой татўличка:
„Тѣху, людцы, ни дивўйтисѣ:
Ды гѣта жѣ ни пѣашычка,
Ды гѣта й ни зязўличка,—
Гѣта шѣ маѣ ды й дитѣтачка,
Ина атъ мянѣ атлучѣная,
Далѣка замужъ аддадѣная!

Собўника за лѣсѣ кѣтитца,
Мая рѣдина расхѣдитца,
Матўличка дамоў лѣдитца.
Акѣ пайдў я правадѣть яѣ
Празъ тры пѣли, празъ тры чѣстыя,
Празъ тры рѣчки, празъ тры бѣстрыя,
Празъ тры лугі, празъ зялѣныя,
Празъ тры лѣсы, празъ тры тѣмныя;
Дѣли бяроўки прыстанўлася,
Матўличка аглянўлася:
„Чаго, дитѣ, прыстанўлася:
Ти травѣю заблўталасѣ,
Ти расбѣю замачѣлася?“
— Матўличка май рѣдная:
Ни травѣю заблўталасѣ,

Ни расбю замачылася—
Заблутала чужа сторана,
Заблутала нивядомая:
Свёкарка ня родный татўлька,
А свякрбўка ня родна матўлька,
Дэвирки ня родныя братитки,
А залавйцы ня родны сястрыцы!
„Дитятухна мая родная!
Мѣй галбавачку пакорную,
И сёрдичка атварбтная—
Бўдйть табѣ свая сторана,
Будйть табѣ и вядомая,
А свёкарка родный татўлька,
А свякрбўка родна матўлька,
А дэвирки родны братитки,
А залавйцы родны сястрыцы!
Вотъ мы съ таббѣй нагукаліся,
Нагукаліся ды й расталіся.

А ў карчбмацца, пры далинацца —
Дума жъ май, дума,
Дума май вялікая,
Дума надъ думбю!

(Послѣ каждой строки).

А ў той карчбмца тры братитки пьютъ.
Адинъ братитка коника прапйў,
Другйй братитка шапачку прапйў,
Третьйй братитка жбначку прапйў.
Коника прапйў—вышыўшы свйснуў,
Шапачку прапйў—вышыўшы гбйкнуў,
Жбначку прапйў—ручки сащапйў!
Прышоўшы дамбў—дѣтачки плачутъ:
„Эй, татка, татка, гдѣ наша мамка?“
— Вўнъ ваша мамка хўстачки мышь!
Пашлй дѣтачки туды глядѣти:
„Ой, татка, татка, нѣтъ нашай мамки!“
— Тйхутя, дѣтки, ды й ни бядўйтя:
Пастаўлю хатку навбсинькаю,
Вазьмў вамъ мамку маладўсинькаю!
„Згары ты, татка, зъ нбвинькай хаткай,
Прыпади, татка, изъ маладой мамкай!
Лѣпи намъ была старая хатка,
Лѣпи шъ намъ была родная мамка!...“

Ды у поли жыта, ни йраца,
Казали—мой мужъ ни пъяница:
Прапйў коника шынкарыцца,
Прышоўшы дамбў, ды й хвалитца:
„Ой, жана, жана, прапйў я канй!
Бярй трўбачки, намѣтачки,
Выкупъ коника съ абрбтачкай!
Кали выкупйшъ, дамбў вядй,
А ня выкупйшъ,—сама ня йди!“
— Ды мнѣ шъ, мужучокъ, ня пёршы разбкъ!
Падъ акбначкамъ настайлася,
Рукаўкомъ слѣзакъ наўтиралася,
Падалкомъ нбжакъ наўвивалася!...

Па багатаю сястрў, 2
Тры паслѣ пасалають, 2
Па мянѣ худббачку,
Па мянѣ бяздбблицу —
Празъ людей наказали. 2
А багатаю сястрў, 2
Сярбтъ пбля пйраймають, 2
А мянѣ худббачку,
А мянѣ бяздбблицу —
У хатѣ на парбзя. 2
А багатаю сястру, 2
На кутѣ пасадйли, 2
А мянѣ худббачку,
А мянѣ бяздбблицу —
Прбтиў печи на лаўца! 2
А багатаю сястрў, 2
Виномъ мѣдамъ пайли, 2
А мянѣ худббачку,
А мянѣ бяздбблицу —
Гаркбю гарѣлицай! 2
А багатаю сястрў, 2
На тры нбчки ўнймають, 2
А мянѣ худббачку,
А мянѣ бяздбблицу —
Прбтиў ночки атправляють! 2
Ды якъ пашлй сястрыца,
Ды якъ пашлй родная,

Тўжучы, бядўючы, 3
Бѣлы ручки лбмючы: 2
„Ды збйрйтйся, ваўкй,
Ды збйрйтйся, звйрй,
Разарвйтя шъ вы мянѣ, 2
Кабъ я ббли ни хадйла, 2
Сѣрца свайгб ни крушйла!“ 2
Якъ учула сястрыца,
Якъ учула родная,
Падъ акбнцамъ сѣдючы:
„Вы, братитки—сакблйкй, 2
Садйтйся на кбникаў, 2
Даганйтя сястрыцу, 2
Ды вярнйтя шъ вы яѣ! 2
Пйраймайтя шъ вы яѣ, 2
Якъ мянѣ пйраймали, 2
Ды гукайтя шъ вы изъ ёй, 2
Якъ са мной вы гукали! 2
Ды пасадйтя шъ вы яѣ, 2
Гдѣ мянѣ вы садйли! 2
Ды частўйтя шъ вы яѣ, 2
Якъ мянѣ частавали! 2
Удйржайтя шъ вы яѣ, 2
Якъ мянѣ удйржали! 2
Ды сѣтялйтя пасѣтѣлку, 2
Якъ п мнѣ усьтилали! 2

У майго брѣтитки бясѣдачка,
У майго брѣтитки вясѣлая.
Ды запрасіў ёнъ усю радй-
[ну, 2
Тольки ни прасіў адной сяе-
[трыцы,
Тольки ни прасіў гаратынцы.

„Чаму, брѣтитка, учыра ни пра-
[сйў? 2“
— Май сястрыца, часу ня мѣў! 2
„Было прыслати хотъ салавѣйку,
Было прыслати хотъ пташычку:
На маймъ дварѣ паскакала бѣ, 2
Щыраю праўду разказала бѣ! 2

Ды братъ сястры набаяўся, набаяўся!
Изъ хлѣбамъ-солью исхавѣўся, исхавѣўся:
„Прымай, жана, ды хлѣбъ съ стала, ды хлѣбъ съ стала:
А тамъ идѣть сестра май, сестра май!
Нихай ина сама идѣть, сама идѣть,
А то сваихъ дѣтакъ вядѣть, дѣтакъ вядѣть!“
— Ты, брѣтитка, ни пужайся, ни пужайся,
Съ хлѣбамъ-солью ни хавайся, ни хавайся:
Я учѣра вячѣрыла, вячѣрыла,
А сягоньня пабѣдала, пабѣдала,
Я й сягоньня пабѣдала, пабѣдала,
Къ брату ў гѣсѣти паѣхала, паѣхала!

Сестра брату пирогъ даѣтъ, пирогъ даѣтъ,
А братъ сястрѣ дамбѣ завѣтъ, дамбѣ завѣтъ:
„Пабѣдимъ, сястрыца, разамъ дамбѣ, разамъ дамбѣ!“
— А мой брѣтитка, мнѣ й тутъ дабрѣ, мнѣ й тутъ дабрѣ!

Въ чыстымъ поли карчѣмка стайтъ —

Дума шѣ май й дума, дума май вялікая!
У гэі карчѣмца тры брѣтитки пьютъ, (пріпѣвъ)
Тры брѣтитки пьютъ, пьютъ и гуляють.
Першый брѣтитка шапачку прапйў,
Шапачку прапйў, вышаўшы, гѣйкнуў.
Другій брѣтитка коника прапйў,
Коника прапйў, вышаўшы, свѣснуў.
Трѣтій брѣтитка жѣначку прапйў,
Жѣначку прапйў, ручки сащапйў.
Прыпбѣ дамбѣ, дѣтачки плачуть:
„Ой, татка, татка, гдѣ шѣ наша мамка?“
— Тйхутя, дѣтки, ды вы ни плачѣ:
Вонъ ваша мати хустычки мыты!
Пашлй дѣтачки, матки глядѣти,
Идутъ дамбѣ, дѣтачки плачуть:
„Ахъ, татка, татка, гдѣ шѣ наша мамка?“

— Тйхутя, дѣтки, да вы ни плачѣ:
Вонъ ваша мамка тилѣтъ заганѣтъ!
Пашлй дѣтачки мамки глядѣти,
Идутъ дамбѣ, дѣтачки плачуть:
„Ахъ, татка, татка, нѣтъ нашай мамки!“
— Тйхутя, дѣтки, да вы ни плачѣ:
Пастаўлю хатку навѣсінькаю,
Прывяду матку маладѣсінькаю!
„Згары, татка, зѣ новинькай хаткай,
Прапади, татка, зѣ маладой мамкай:
Лѣпшая была старая хатка,
Милѣйшая была рѣдная мамка!“
Дума шѣ май, дума, дума май вялікая!

Ды ў гарѣдѣ яліначка, На мянѣ налігѣють,
Ды за гарѣдамъ себѣ, Зямлѣ май пашынячку
Хотъ я пѣю, висялюся, — Па загѣну разганѣють,
Маймѣ сѣрдячку тѣшна? Дѣтагъ майхъ малѣсінькихъ
Злыя люди и сусѣди На сусѣдахъ разбирають.

Д. Заулки, Диснен. у. Отъ кр. Ѣдосѣи Казимировой, Магдалины Тимофеевой и Елисаветы Степановой зап. кр. Степанъ Пилипенюкъ.

II. Свадебный обрядъ.

А. Витебская губернія.

Витебскій уѣздъ.

Молодой парень, задумавшій жениться, проситъ своего ближайшаго родственника или другого какого-нибудь уважаемаго человека быть его сватомъ. Наканунъ воскресенья, поздно вечеромъ, они ѣдутъ сватать намѣченную дѣвушку. Войдя въ хату, они заводятъ постоянный разговоръ и среди него заявляютъ хозяевамъ, что пріѣхали купить у нихъ одинъ товаръ. Родители, конечно, догадываются, о какомъ товарѣ идетъ рѣчь, и если ничего не имѣютъ противъ жениха, то стараются продлить посѣщеніе свата. Тогда свать косвенно спрашиваетъ согласія у дѣвушки. Последняя хотя бы и желала принять предложеніе, обязана въ это первое посѣщеніе сватовъ отказать имъ, — иначе „ее люди асудятъ“.

Черезъ недѣлю сваты пріѣзжаютъ вторично. Дѣвушка даетъ имъ понять, что она непрочъ выйти за жениха замужъ. Тогда свать угощаетъ родителей привезенной съ собою водкой и снова уѣзжаетъ.

Пріѣхавъ черезъ недѣлю въ воскресенье въ третій разъ, сваты требуютъ отъ дѣвушки „вѣрное слово“. Получивши его, они ставятъ на столъ свою водку, мать подаетъ на закуску яичницу и посылаетъ за родными „ны запбины, зыпивать мыладуху“. Всѣ пьютъ за здоровье дѣвушки, закусываютъ и поютъ:

Зыручили дѣўку,   Богъ намъ даў,
Протиў пынядѣлку,   Богъ намъ даў!

Съ этихъ поръ парень получаетъ названіе „мыладѣнца“, а дѣвушка — „мыладухи“, а оба вмѣстѣ называются „мыладѣми“.

Въ четвергъ передъ вѣнцомъ свать съ молодымъ ѣдутъ къ молодымъ „съ пичонкы“, то есть варенымъ мясомъ, и „съ чирави-ками“, въ подарокъ отъ жениха невестѣ. Снова приглашаются родные и знакомые, свать ставитъ на столъ привезенное мясо и водку, мать молодымъ подаетъ яичницу. Невѣста садится около свата, который долженъ ее угостить водкой и мясомъ. Это называется „зыкармливать мыладуху“.

Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу невесту одѣваютъ въ лучшее платье, потомъ берутъ хлѣбную дежу, ставятъ ее посреди хаты, застилаютъ вывернутою шерстью вверхъ шубой и на нее сажаютъ невесту. Подруги невесты „быѣрки“ расплетаютъ ей косы, причесываютъ и убираютъ голову цвѣтами и лентами. Послѣ этого ведутъ ее за столъ, стоящій ближе къ порогу. Здѣсь, за столомъ, посрединѣ садится не-

веста, по сторонамъ боярки, а противъ нихъ, по другой сторонѣ стола, „вечерники“, то есть братья невесты. Предъ невестою кладутъ на столъ хлѣбъ, ставятъ овесъ, и ждутъ жениха.

Женихъ пріѣзжаетъ обыкновенно часа въ четыре ночи и остается на дворѣ. Въ хату же идутъ его „маршалки“, „намѣстники“ и „дружина“. Здѣсь они одариваютъ деньгами боярокъ и вечерниковъ и тогда приводятъ въ хату жениха. Женихъ идетъ за столъ къ невестѣ и тамъ ихъ „перекручиваютъ“ три раза другъ съ другомъ, послѣ чего, съ музыкою впереди, ведутъ за другой столъ, стоящій на кутѣ. На главномъ мѣстѣ, подъ образами, садится старшій свать жениха. Своею водкою онъ угощаетъ присутствующихъ, а затѣмъ свать и отецъ жениха „жѣнютъ гарѣлку“, то есть до трехъ разъ сливаютъ свою водку въ общую чашку. Послѣ этого мать невесты приноситъ на вѣкъ хлѣбной дежи куски полотна, называемые намѣтками, и одариваетъ ими каждого изъ дружины жениха. Тѣ за это кладутъ ей на крышку деньги. Затѣмъ всѣ встаютъ изъ-за стола. Женихъ и невеста становятся предъ образомъ на колѣни и молятся. Одновременно молятся и всѣ присутствующіе. Затѣмъ молодые съ боянками и дружиною уѣзжаютъ къ вѣнцу.

Оставшемуся свату теща подаетъ яичницу, а свать приглашаетъ ее, тестя и членовъ семьи къ столу и угощаетъ ихъ остатками привезенной водки. Затѣмъ свать уѣзжаетъ домой.

Послѣ вѣнца молодые съ дружиною и съ музыкою заѣзжаютъ по пути въ какой-либо постоянный дворъ, бывшую корчму и т. п. и тамъ завтракаютъ. До вѣнца же женихъ съ невестою обязательно должны поститься. Во время завтрака бываютъ и танцы.

Послѣ завтрака молодые разъѣзжаются по своимъ дворамъ и тамъ каждый въ отдельности „гуляютъ висѣльѣя“: пьютъ, закусываютъ, танцуютъ. Вечеромъ приглашаются родные и знакомые женщины „на кырываѣ“. Идя въ домъ, онѣ несутъ съ собою сало, муку, крупу, овесъ, и дарятъ это хозяйкѣ дома. Та угощаетъ ихъ водкой. Послѣ этого женщины начинаютъ „утварѣть кырываѣ“, причемъ поютъ слѣдующую пѣсню:

А чіа то матка	Мятелицу тѣпчить,
Па вѣлушки хѣдить,	Сусѣдушкы прѣсить:
Мятелицу тѣпчить?	„Сусѣдушки май, хадѣта ка мнѣ,
Ганулькина матка	Кѣ маймѣ дитяти,
Па вѣлушки хѣдить,	Кырываѣ учинѣти!“

Эта же пѣсня, съ соотвѣтственными измѣненіями, поется и въ домѣ жениха

Затѣмъ каравайницы зовутъ мать и поютъ:

Быславѣ, мати,	Рѣчками билѣнькими,
Ды сваймѣ дитяти	Съ пирѣньями зылатѣнькими!
Кырываѣ учинѣти,	

И несутъ тѣсто на печь. Потомъ садятся въ рядъ, и долго и много поютъ пѣсни нескромнаго содержанія. Послѣ этого берутъ тѣсто съ печи, мѣсятъ его и снова ставятъ на печь. При этомъ поютъ:

Расътъ, расътъ, кырываѣ,   Вышы пѣчи зылатѣй,
Вышы стылпѣ мидяныга,   Вышы нашые мыладѣй.

Когда тѣсто подойдетъ, берутъ его въ третій разъ, размѣниваютъ, и лѣпятъ разныя фигурки, по двѣ вмѣстѣ; потомъ всѣ эти фигурки соединяють щепотками въ одинъ общій каравай. При этомъ поютъ:

А нашъ гышыдаръ у бабрѣ,   А гаспадыньга у лѣсыхъ,
Прынясѣтъ гарѣлки у ядрѣ,   Прынясѣтъ закуски у мѣсыхъ.

Хозяйка ихъ угощаютъ. Потомъ хозяйка приноситъ лопату и посыпаетъ ее овсомъ. Каравайницы кладутъ тогда на лопату заготовленный каравай и поютъ:

Купцы ѣдутъ изъ Мигилѣва,
Зылатѣй абручъ вязутъ,
Ны нашъ кырываѣ кладутъ.

При этомъ раскатываютъ тѣсто на подобіе обруча и кладутъ на каравай. Тогда два молодыхъ парня берутъ лопату съ караваемъ и сажаютъ его въ печь, а лопатой стучать въ потолокъ для большей „фатыги“. Послѣ этого каравайницы берутся за руки и пляшутъ, припѣвая при этомъ плясовые пѣсни и припѣвки—частушки.

Когда каравай испечется, его вынимають изъ печи, кладутъ на вѣско хлѣбной дежи и передають двумъ или тремъ парнямъ, которые несутъ его въ амбаръ. Каравайницы идутъ вслѣдъ и поютъ:

Пытаѣся кырываѣ у припѣчи: У малыя дѣверцы ня ѣлѣзу,
Куды сѣтѣшка да клѣти?   А ў виликія якъ шыю (шыю).
А я и рыгѣтъ и быгѣтъ,—

Поставивъ въ амбарѣ каравай, пьютъ тамъ водку и, возвращаясь въ хату, поютъ:

А мы были ў клѣти,   Чива пивныцы,
А вѣдили тры рѣчи: И мѣду шыляньныцы!
Сыру палѣцы,

Теперь начинается самая свадьба. На столъ кладутся четыре булки хлѣба, по возможности крестообразно. Отецъ невесты (или жениха) и свать становятся по концамъ стола, берутъ въ каждую руку по булкѣ и ударяя одну о другую, говорятъ другъ другу: „Сътиригаѣся, свать, а то я тябе убью!“ А другой отвѣчаетъ: „Гляди, ты сътиригаѣся: а то я тябе убью!“ Этотъ діалогъ повторяется три раза. Затѣмъ на лавкѣ за столомъ разстилають вывернутую шубу, садятъ на нее невесту и начинаютъ ее надѣлять: сначала родители, потомъ родственники, наконецъ и всѣ присутствующіе. Каждого изъ надѣ-

ляющихъ отецъ угощаетъ водкой. Послѣ надѣла ужинають, а затѣмъ танцуютъ и поютъ въ ожиданіи жениха.

Когда прѣдетъ женихъ, невеста снова садится на вывернутую шубу, но за столомъ, который ближе къ порогу; боярки и вечерники занимають возлѣ нея свои обычные мѣста. Изъ дружины жениха сначала входятъ только два свата; они несутъ свою шубу и выкупають невесту у боярокъ и вечерниковъ. Выкупивши, одинъ изъ сватовъ обмахиваетъ невесту два раза своею шубою. Боярки въ это время поютъ:

Сътиригаѣтисѣ, быяры,   Ашъ ина лятѣтъ сѣ падпѣбля,
Лятѣтъ шуба сѣ-шыдъ грѣды.   Калѣ шъ авѣчча—аткѣнимъ,
А мы шъ думыли—сабѣбля,   А калѣ сабѣбля—накрѣнимъ!

Свать обмахиваетъ невесту въ третій разъ и накрываетъ ее. Затѣмъ сваты уходятъ на дворъ, ставятъ свою дружину въ порядокъ, а жениха впереди, и ожидаютъ. Мать невесты надѣваетъ шерстью вверхъ шубу, беретъ жестяную кружку съ водою, насыпаетъ въ нее овса и выходитъ въ сѣни на встрѣчу зятю, который стоитъ за порогомъ сѣней. Подойдя къ порогу, теща и зять „витаютьца“ другъ съ другомъ, то есть привѣтствуютъ другъ друга тремя поклонами. Потомъ зять беретъ у тещи кружку, бросаетъ ее назадъ черезъ голову и старается схватить тещу за руку и вывести ее на дворъ. Если ему удастся это сдѣлать, тогда женихъ съ дружиной идетъ съ музыкой вслѣдъ за тещей въ хату; въ противномъ же случаѣ „витаенья“ начинается сначала, и дружинѣ долго приходится ожидать на дворѣ.

Войдя въ хату, дружина подводитъ жениха къ невестѣ, кружить ихъ три раза другъ около друга и ведетъ „за кутній столъ“, гдѣ молодыхъ садятъ на вывернутую шубу, чтобъ богато жили.

Прѣхавшимъ подается угощеніе. Послѣ этого начинаются танцы. За танцами снова слѣдуетъ угощеніе. Потомъ теща ведетъ молодыхъ въ отдѣльное помѣщеніе и тамъ угощаетъ ихъ особо лакомствами. Послѣ новыхъ танцевъ начинается обѣдъ, который тянется нѣсколько часовъ. Молодежь снова начинаетъ танцевать, а потомъ невесту садятъ за столъ съ сватьями, и теща каждую сватью даритъ наметкой. Сватьи вскакиваютъ на лавки, плещутъ въ ладони и поютъ:

Динькѣю, сватька, динькѣю   А што тѣнинька прядѣла,
Зы намѣтычку танкѣю,   А што бѣлинька бялѣла,
А што ранинька устывѣла,   А мяне, сватьку, дарила!

Послѣ этого братъ невесты расплетаетъ ей косу, за что ему отпускають въ рюмку съ водкой монету. Выпивъ водку, онъ вынимаетъ изъ рюмки монету и быстро вспрыгнувъ на столъ, брызгаетъ въ лицо свату оставленной во рту водкой. Свать долженъ его наказать за это кнутомъ, который онъ держитъ для этого случая въ ру-

кахъ. Но по большей части ему это не удастся, такъ какъ братъ невѣсты быстро спрыгиваетъ со стола и убѣгаетъ изъ хаты подѣ общій хохотъ и насмѣшки надъ сватомъ.

Послѣ этого начинается „тревога“. Надо собираться везти невѣсту къ свекру. Мать снова ведетъ молодыхъ въ „истопку“ и тамъ еще разъ угощаетъ ихъ.

Вернувшись въ хату, молодые становятся на колѣни предъ образами и молятся. Потомъ кланяются земными поклонами отцу и матери и благодарятъ ихъ за хлѣбъ, за соль. Невѣста кромѣ того кланяется всеѣмъ своимъ гостямъ.

Сватъ жениха выкупаетъ постель невѣсты и несетъ ее на телѣгу. За нимъ идутъ сваты и поютъ:

Ня хлѣбъ мы ѣли—скарѣйки,   Ня хлѣбъ мы ѣли—паншѣйки,
Няситя, сватѣчки, паринки!   Няситя, сватѣчки, падушки!

Вслѣдъ за симъ ведутъ невѣсту, садятъ ее на телѣгу поверхъ постели и готовятся отѣзжать. Мать невѣсты надѣваетъ въ это время вывернутую шубу, беретъ въ подолъ овесъ и обходя три раза вокругъ сидящихъ на телѣгахъ молодыхъ и дружины, обсыпаетъ ихъ овсомъ—чтобы молодые богато жили. Потомъ она снимаетъ шубу и разстилаетъ ее шерстью вверхъ въ самыхъ воротахъ, чтобы молодые черезъ нее переѣхали, и креститъ, благословляетъ путь. Поѣздъ наконецъ трогается и невѣста бросаетъ на обѣ стороны своей телѣги баранки, которые подбираются присутствующими дѣтьми и старухами.

Отѣхавъ съ четверть версты, сватъ останавливаетъ поѣздъ и возвращается назадъ. Здѣсь онъ беретъ миску и ложку невѣсты и несетъ на телѣгу. Тогда уже уѣзжаютъ.

Когда поѣздъ пріѣдетъ въ домъ жениха, родители его встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью, благословляютъ и ведутъ въ домъ вмѣстѣ съ дружиною. Здѣсь все садится за столъ и угощаются. Такія угощенія повторяются три раза; въ промежуткахъ между угощеніями происходят танцы. Въ это время пріѣзжаютъ и „вечерники“.

Въ концѣ пиря свекруха уводитъ молодыхъ въ амбаръ и тамъ угощаетъ ихъ сладкой водкой—чтобы они любили другъ друга и чтобы жизнь ихъ была сладка, а затѣмъ оставляетъ однихъ.

Спустя нѣсколько часовъ молодой съ дружкой берутъ бутылку красной сладкой водки, перевязываютъ бутылку красной лентой и ѣдутъ къ тестю. Тутъ женихъ благодаритъ тещу за дочь и угощаетъ сладкой водкой. Теща перевязываетъ зятя полотенцемъ черезъ плечо.

Когда женихъ уѣдетъ, приданки готовятъ кубель съ приданнымъ и везутъ его къ молодымъ съ пѣсней:

Щибячй, сылавей, щибячй,   У тоя пахмелья, дѣ мѣтъ пѣють,
Намъ дарѣжынку укажи   У тоя вяселья, дѣ насъ ждуть.
У тоя сяло висяло,

Когда привезутъ приданое, молодую переодѣваютъ въ женскую одежду, снимаютъ вѣночъ съ головы и надѣваютъ чепчикъ. Молодая при этомъ упрямится, нѣсколько разъ срываетъ съ головы чепчикъ и бросаетъ. Молодой долженъ поднимать его.

Переодѣвши молодую, накрываютъ ихъ обоимъ полотномъ и ведутъ къ гостямъ. Гости садятся за столъ, а молодые становятся въ концѣ стола и угощаютъ гостей. Приданки въ это время застилаютъ столъ чистой скатертью, вынутой изъ кубла невѣсты, навѣшиваютъ на образа ея полотенца.

Приданокъ надо угостить три раза, послѣ чего онѣ уѣзжаютъ домой.

Тогда приглашаются гости и каравайницы „дѣлать каравай“. Этимъ свадьба и кончается.

Въ первый четвергъ послѣ свадьбы зять приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты, а въ слѣдующее воскресенье тестъ приглашаетъ къ себѣ молодыхъ и родителей зятя. Этотъ обычай называется „перезовами“.

Пѣсня при отѣздѣ къ вѣнцу.

Ня тѣсынъ яваръ, ня тѣсынъ,   Шѣрыми зязілімі апстаўленъ.
Тольки хырошѣ вѣтисанъ,   Ня вѣчинъ мѣлыдъ, ня вѣчинъ,
При дарѣжыныцы пыстынаўленъ,   Тольки хырашо прыбаренъ,
Чырвоныі каліныі апсажонъ,   Мыладэй дѣвычкыі пыдаренъ.

При пріѣздѣ жениха съ дружиною.

„Стѣкнула, грѣкнула ны дварѣ,
Выйди, мамухна, ти ни пу мянѣ?“   „Скажи, мамухна, нима дитяти,—
— Пы тябѣ, дачушка, пы тябѣ,   Пышла на вулку гуляти!“
Хочутъ тябѣ, дачушка, и ўзяти!   — А зачимъ, дѣтитка, илгати,—
Гэта шѣ ты сядішъ у хати!..

У нашага дрѣжа   Крыльцымъ лѣдъ ня битя!“
Пысярѣдъ двыра лужа.   Пріѣхали госьти
Приятѣли гуси   Да съ чужэй жа валѣсьти.
А зѣ Бѣлинькыі Руси,   Стали яныі вино пити,
Стали яныі вадѣ пити,   Купки абѣ столъ бити.
Абѣ лѣдъ крыльцымъ бити.   „А вы, госьти, вино пѣти,
„А вы, гуси, вадѣ пити,   Купкыі намъ ня бѣти!“

Когда привезутъ приданое бѣдной невѣсты.

Рыгаты, быгаты   Чиі кони ды каровы
Сыма сабѣ пышна,   Уси пыздыхали,
Худобушка лѣбѣдушка,   Маи жѣ чѣрныя бровы
Якъ у сади вишня.   Николь ни лияли.

Щербинская вол., Витеб. у. Запис.
г-жа Пороменская.

Свадебныя пѣсни Витебскаго уѣзда.

Когда женихъ пріѣзжаетъ отъ вѣнца.

Ай, радъ, радъ Ванюшка, Дамнѣтку за ручку пыдиржаў,
Што у нѣвыи царкоўки пабываў, Зылатыя пярэстѣнкі пуминіў,
На бѣлымъ рушничку пыстыў, Красною Дамнѣтку къ сабѣ ўзяў.

При отъѣздѣ молодого къ молодой.

Святѣўся ясѣнь мѣсець, святѣўся: А къ абѣду я нызатъ пріѣду:
Ванюшка у батюшки прасѣўся: Привязу скрыню и нярину,
„Пусьтѣти мяне, батюшка, на ўсю Н мыладую Ликсандрычку!“
[ночь,

Когда молодые за столомъ.

Салодкій карышокъ настарнакъ: Харбшый дятѣна Мильянка: —
Ёнъ у погребѣ зимаваў, Ёнъ у тѣцѣ начиваў,
Ёнъ сабѣ моргвинку злюбаваў, Ёнъ себѣ дѣўку злюбаваў,
Любаваў, любававу—сабѣ ўзяў! Любаваў, любававу—къ сабѣ ўзяў!

Когда везутъ молодую къ свекру.

Ни голубъ бучить на мори, Падай пяравозъ залатѣй!
Ни галубка у вазырѣ: И жъ табѣ дѣрага зашачу:
Кличить-гукань Мильянка, За сябе малайца—чирванца,
Ли пяравозу стоючи, За сваю дѣваньку сто рублей,
Пяравозыничка просючи: За сваю дружыну—палтѣну,
„Пяравозыничикъ маладѣй, За сватѣтынку—рублѣну!“

При отъѣздѣ молодой къ свекру.

Ясная зарыначка, Маладая Паланѣйка,
Якъ зъ зорькай растанѣтца, Якъ зъ мамкаю растанѣтца,
Зъ мѣсяцамъ спатканѣтца. Съ сужанымъ спатканѣтца.
Найду кала мѣсяца, Найду кала стѣлику,
Тучкаю абаўюся, Кѣскамі апущуся,
Дѣджичкамъ абальлюся. Сѣзками абальлюся.
Зъ зорькамі растануся, Зъ мамкай растануся,
Зъ мѣсяцамъ спаткаюся. Съ сужанымъ спаткаюся.

При пріѣздѣ молодого къ тещѣ.

Чиризъ боръ тѣмнинькій Ёсь сь чаго шубыньку нашытъ,
Бхаў Мильянка пѣянинькій. Ёсь за што шапыньку купить!
Хмель ямѣ галѣўку разабраў, Мы сѣщимъ краўца да дѣму,
Конь ямѣ шубыньку разадраў, Нашымъ шубыньку да дѣму,
Пухавую шляпыньку растаптаў. Даўгѣя рукаўцы да палыцыў,
Зачула-начула дѣванька: Бабровый каўнѣръ на плечки!“
„Ни тужъ, ни бядуѣ, Мильянка!

При врученіи невѣстѣ подарковъ отъ жениха.

А Мильянка панамъ быў! Ёнъ сваей Паланѣйкѣ дарма
Ёнъ у гѣради вынѣкъ виў, [аддаў:
А у новымъ гѣради завиваў. „Насѣ, май Паланѣйка, здарѣва,
Купляли мицанки—ни прадаў, Ни скажу табѣ ни слова!“

Предъ отъѣздомъ къ свекру.

Катилася зарыначка зъ заморья,
Прасѣлася Паланѣйка зъ застѣбля:
„Пусьти, пусьти, мой сужанька, зъ застѣбля,
Паглядѣть на таткина падвѣрѣя!“
— А была жъ табѣ ўся нядѣлька прывольна,
Было глядѣть на таткина падвѣрѣя!

С. Старое,

Передъ свадьбой.

Ай, вѣснѣ, вѣснѣ, Якъ мяне накінули.
Сватѣў па вѣснѣ, И гѣрѣ выбраўся,
А ка миѣ ни вѣднѣхъ. У поля ныганѣлся,
Кабъ яны прабѣлѣси, Сыбаѣкъ ныманѣлся,
Пры минѣ забѣлѣси; Мѣльцыў пыдражнѣлся!
Кабъ яны пагѣнули, —

При возвращеніи отъ вѣнца.

А хула жъ табѣ, Бѣжа, Зы свайгѣ мыладѣга
Што насъ пывиньчѣли, Пуўтыра зылатѣга,
А мы пона апугѣли, Зы свайгѣ мыладѣю
Дѣшыва за шлюбъ дѣли: Капѣйку зылатѣю.

Быхла Адарка зъ-пыдъ винца, Гырѣчы слѣзыньки прыливаў.
Пускала зѣлыта зъ рукиўца, „Пыдбѣрай, бѣратѣлка, пыдбѣрай,
А за ей бѣратѣлка пыдбѣраў, Гырѣчы слѣзыньки ни тѣрай!“

Ай, мамынька мый, А я татѣ пана,
А ўжѣ жъ я ни твѣй. Съ кимъ я пывиньчѣна.

При пріѣздѣ жениха.

Крыкнуў сѣлязѣнь на мѣры, Крыкнуў Сяргѣйка ны дварѣ,
Отывѣлся вѣтычка ў вазѣры: Атызѣлся Адарка ў тѣрымѣ:
„Сѣзыя мый гылава, „Бѣдныя мый гылава,
„Ни хачу лѣтѣть сь азѣра, „Ни хачу итѣ сь тѣрымѣ,
„Зъ ѣстаго бѣзира мѣтныга, „Зъ ѣстыга тѣрымѣ нѣвыга,
„Зъ ѣстыга бѣрига крѣтыга.“ „Атѣ свайгѣ тѣтыньки рѣдныга.

Когда молодые за столомъ

Ны гарѣ дѣвынька садъ садѣла,
Садѣўшы садъ, гыварѣла:
„Мамынька, рѣдныя, пыливай мой садъ,

Пыливай мой садъ зиланымъ виномъ,
Абеслай виныградъ бѣлымъ сѣхырамъ!“
— Дачушка, радная, мыладѣй рѣзумъ:
Ты пальеешь зѣлнѣ садъ гарючимъ слизамъ,
Абѣннѣ виныградъ кручынкою.

На мѣры гусынька купалыся,
А ў не гусыньки пыталыся:
„Гусынька, шѣрая, ти зѣбнуть нѣжки?“
— Штѣ жъ бы я, штѣ жъ бы я, ды за гусь была,
Штобъ у мянѣ нѣжыньки ны вадѣ зѣбли?
У камѣри дѣвынька прыбиралыся,
А ў не дѣвыньки пыталыся:
„Дѣвынька, мымыдая, ти жалѣ мамки?“
— Штѣ жъ бы я, штѣ жъ бы я зы дитѣ была,
Якъ бы я, якъ бы я ни жалѣла мамки?

При отѣздѣ къ жениху.

Ай, хитѣрь, мудѣрь Сяргѣйка:	Разныи узѣры шыючы,
Па нѣлю ишѣў имѣлю,	Жалысныи нѣсьни пѣючы.
А на дворѣ узыйшѣў вадѣлю,	Разныи узѣры пымишаў,
А ў сѣнцѣ улѣзъ жындарѣмъ,	Жалысныи нѣсьни пырынаў,
А ў хату ўлятѣў сыкаломъ,	Красную дѣвицу къ сабѣ ўзяў.
Зыстаў дѣвыньку зы сталомъ,	

По пути къ жениху.

Зыжѣли кѣники ны брадѣ,	Вярнѣ маѣ сѣстрыцу сѣ-пыдѣ
Пачѣли пагѣню пызадѣ,	[винца]
Штѣ братѣ зы сѣстрѣй гѣнитца,	Дамѣ табѣ кѣника при красѣ,
Гѣнитца, гѣнитца, брѣнитца:	Вярнѣ маѣ сѣстрыцу при касѣ;
„Пастѣй, швагрушка, ни ўижаай,	Дамѣ табѣ шабильку при злѣти,
Дамѣ табѣ кѣника вараица,	Вярнѣ маѣ сѣстрыцу при снѣти!

Лугымъ—бѣрыгымъ дудѣ йшла,	„Пастѣйтѣ, свѣтѣчки, ня смѣю,
Кыла бѣлѣжынку цымбѣлы,	Пакулѣ винаградъ расѣю,
У Сяргѣйки ны дварѣ пыстѣли,	Сѣннѣ василькѣ рыспашѣ,
У Адѣрки дарѣжки пыталѣ.	Тадѣ вамѣ дарѣжку укажѣ!“

При отѣздѣ молодого за невѣстой.

Узвѣўся рѣй. лятѣть хѣчить	На сваѣ дѣвыньку гадѣвынаю,
У сырѣй борѣ на салѣдкѣй мѣдѣ.	А ў тѣю дарѣжку у бѣныню,
Зладѣўся Сяргѣйка, ѣхатѣ хѣчить	На сваѣ дѣвыньку любѣўныю.
У тѣю дарѣжку у тѣптынаю,	

По пути къ молодой.

Нашѣ Сяргѣйка кѣбликъ,	Пирѣпѣлку у юшку,
Падѣ имѣ вѣронѣ кѣбликъ,	Пѣрѣя ны падѣушку,
Кѣ саду пыдѣжжѣитѣ,	Дѣвынька на слѣжку.
Пирѣпѣлыкѣ стрѣляитѣ,	

Ни хатѣла зѣзѣля	Кыла Сяргѣйки сѣдѣть,
Узлѣ сѣкола сѣдѣть,	Сѣ-пыдѣ ягѣ шапки глѣдѣть,
Сѣ-пыдѣ ягѣ крыла глѣдѣть.	Хутѣ ни хатѣла, ды сѣдѣла,
Хутѣ ни хатѣла, ды сѣдѣла.	Сѣ-пыдѣ ягѣ шапыньки глѣдѣла.
Зѣ-пыдѣ ягѣ крыла глѣдѣла.	Ягѣ шапынька сабѣля
Ни хатѣлыся Адѣрки	Вѣвѣдитѣ Адѣрку зѣ застѣля.

А дѣвушки, лѣбѣдушки, чалѣмъ вамѣ:
Ти ни зылятѣла наша кѣрычка вѣчарѣмъ къ вамѣ?
Наша кѣрычка знакѣмая,—нѣ хѣхломъ!
А свѣтѣтиньки, лѣбѣдушки, чалѣмъ вамѣ:
Ти ни зывязѣна наша дѣвушка вѣчарѣмъ къ вамѣ?
Наша дѣвушка знакѣмая,—нѣ зыпѣкомъ.

Чирѣвѣчки тапѣ, тапѣ,	Зы шлѣхтица, якѣ тѣпитца.
Бѣтѣка кѣжытѣ: „ягѣ куплѣ!“	Шлѣхтинѣ будѣть пытѣти:
Мѣтка кѣжытѣ: „трѣсѣ,—	„А ти ўмѣитѣ чытѣти?“
Лѣнѣлыся прѣсѣти!“	А я ўмѣла й забѣла,
Зы мужѣка ни пѣйдѣ,	И кѣнѣжычку згубѣла!

Кукуваѣла кукушка ў барѣчку,
Прылажѣўшы галѣўку къ лѣстѣчку.
Ды кукуваўшы гыварѣла: „Божа мой!
„Хтѣ жѣ маѣ гыязѣдѣчко рызарѣть,
„Хтѣ жѣ май яѣчки пыбѣрѣть?“
— Рызырѣть гыязѣдѣчко кышѣнкѣ,
Пыбѣрѣть яѣчки пыстѣушки!
Плѣкыла дѣвица ў свѣтлѣицы,
Ды плѣчѣушы гыварѣла: „Божа мой!
„Хтѣ жѣ маѣ кѣсыньку рысплѣтѣть,
„Хтѣ жѣ нѣ лѣнтами убѣрѣть?“
— Рысплѣтѣть кѣсыньку бѣратѣтка,
Убѣрѣть устѣушки падрѣжки.

Лятѣла сарѡка щикычѣ,
Палюбіла Адарка смыркычѣ.
Пылядѣ-тка Адарка зы вяршѡкѣ.
Сядѣць Сяргѣйка, якѣ смарчѡкѣ
Пылядѣ-тка Адарка зы вакѡшка,
А вашѣ жанѣхѣ, якѣ ваўнѣнка,
Наша дѣвушка панѣнка,
А вашѣ жанѣхѣ, якѣ ваўнѣнка,
Наша дѣўка ма́кыў цвѣтъ,
А вашѣ жанѣхѣ старѣй дѣдѣ.
Мишковская вол.

Когда невѣсту садятъ на посадь.

Ны гарѣ Марьютка садѣ садила,
Сыдѣ садѡчикѣ, гыварѣла:
„Устывай, мамухна, ранѣшынька
Пыливай садѣ частѣшынька!
Ты ни пыливай, мамухна, вадѣццю,
А пыливай, мамухна, сытѣццю:
Атѣ вадѣццѣ зѣлинѣ садѣ той тѣминѣ бѣдѣть,
Атѣ сытѣццѣ зѣлинѣ садѣ зилѣнѣть бѣдѣть.

За варѡтыми зѣлинѣ садѣ.
Нихто у тымѣ сади ни бываѣ,
Адна Марьютка бывала,
Чырвону рѡжу садила,
Синѣи высѣльки сѣила,
Синѣи высѣльки пысырѣаѣ,
Гибѣи лѣвычѣи масѣтѣла,
Гибѣи лѣвычѣи пыстрылѣаѣ,
Гырагѡдѣ дѣвычѣи садила,
Гырагѡдѣ дѣвычѣи пыстрылѣаѣ,
Стада гылубѣи прѣучѣла.
А ѣхуѣ Иванѣнка самѣ-дѣсять,
Пустьѣи конѣка ѣ зѣлинѣ садѣ.
Чырвону рѡжу пытылѣаѣ,
Синѣи высѣльки пысырѣаѣ,
Гибѣи лѣвычѣи пылымѣаѣ,
Гырагѡдѣ дѣвычѣи разыгнаѣ.
Стада гылубѣи пыстрылѣаѣ,
Мыладуѣ Марьютку кѣ сабѣ ѣзяѣ.

При прѣздѣ молодого кѣ тещѣ.

Стѣкнула, груѣкнула на дварѣ,
Пыгляди, мамухна, ты ни пы мянѣ?“
— Пы тябѣ, дачѣшка, пы тябѣ!
„Ай, умѣй, мамухна, аткызѣть:
Скажы, мамухна, ѣ дварѣ кѣтъ,
А на синѣмѣ мѡри платѣти нѣрѣтъ“.

Ай пылъ, пылъ пы дарѡзи,
Пылъ, пылъ пы дубровѣ.
Пылъ у поѣи пылѣнтѣа,
Тамѣ Гришутѣа ваѡнтѣа,
Надѣ имѣ ягѡ брѣтики дивѣютѣа.
„Братѣи нѣ вы маѣ рѡдныи!
А ни самѣ я ваѡюсѣ,—
Гасѡдѣ Бохѣ пыда мною,
Вѡранѣ конѣ пыда мною,
Настѣлька пыдѣ рукою!“

Шѡда тѣбе, Настѣлька,
Шѡ ты, хырашѣ,
Спулѡбѣла Гришутѣу гылышѣ:
На чужѣмѣ коѡюку гарѣцѣнтѣ,
У чужѣхѣ бѡтикахѣ танѣцѣнтѣ,
У чужѣй шѣпыньѣи пакѡбѣи бѣѣтъ,
Чужѣй хѣстыньѣи слѣзы трѣтъ.
А прѣхуѣи дамѡѣ—шѣсѣ далѡѣ:
Вынѣмай ласѣцѣтъѣ сѣ паѡкутъѣи,
Вынѣмай ласѣмѡтъѣи сѣ паѡѡѣѣтъѣи..

Нѣ гнѣсѣ, ни ламѣсѣ, калинѣ-мѡстѣ,—
Чѣризѣ тябѣ паѣдѣтъ сѣмѣсѣ ваѡвѡдѣ,
А Гришутѣа пыпѣрѣдѣ.
Нызадѣ хѣстыньѣи мыхѣйтѣ:
„Стѡйтѣ, пастѡйтѣ, сватѡѣѣ:
Ти ѣ барѣ зѣзѡля куѣйтѣ,
Ти ѣ лѣзѣ сылавѣи щѣбѣчѣтъ?“
— А ни ѣ барѣ зѣзѡля куѣйтѣ,
А ни ѣ лѣзѣ сылавѣи щѣбѣчѣтъ:
Ѣта нѣ тѣаѣ Настѣлька пѣсѣинѣи паѣтъ.

При выходѣ изъ церкви послѣ вѣнца.

Ай радѣ-радѣнѣи Гришутѣа,
Шѡ у нѡвѣи царѣкѡѣи пыбывѣаѣ,
На тонѣи рѣшѣицѣхѣ пыстылѣаѣ,
Мыладѣу Настѣлку за ручѣицѣу пыѡѡѣрѣаѣ,
Зылатѣи пѣрѣстѣнѣи пымѣишѣаѣ.
Зылатѡму пѣрѣстѣнѣу змѣѣи нимѣ,
Намѣ жа зѣ Настѣльѣи сарѡма нѣма.

Королевск, вол., Вит. у. Запис. А. Соколовская.

Въ дер. Чернятахъ, королевской волости, предѣ надѣленѣемѣ невѣсты подарѣками „стѡлѡвой“ говорѣтъ слѣдѣющую рѣчь:

„Паѣуль я ды стѣѣба дабраѣсѣ, увѣсѣ мой насѣѣ наѡраѣсѣ,
А наѣуль узлѣзѣ,—и другѣи саѣсѣмѣ разлѣзѣ.
Тры гадѣи паѣдѣ лѣѣкаѣи ваѣлѣсѣ, на ѣту свадѣѣу сѣпыѡивѣлѣсѣ,
Сѣмѣ гадѡѣ на пѣчки пыдѣ грядѣи каѡтѣаѣ, на ѣту свадѣѣу хатѣаѣ.
Мѣрѣ вѣсѣлѣ и домѣ свѣаѡѡѣи!
Вѣ ѣтымѣ дѡѡи и хатѣи ѣсѣ атѣи и матѣи,
Сѣстрѣи и братѣи, вѣдѣи, пѣвѣдѣи, красѣи дѣвѣицѣи и добѣи мыладѣицѣи.
И тыи бабѣлѣи, которѣи ни маѡтъ ни карѡѣи, ни кабѣлѣи,
Ны сабѣ дроѣцѣи нѡсѣютѣ, у Бога щѣсѣтъѣ-дѡѡи прѣсѣютѣ.
Гѡсѣтѣи сѣзѣаѣи, сѣбрѣаѣи, дальѣи-пѣрѣѣжѣи, ближѣи-пѣрѣхѡжѣи:
Ближѣи Бохѣи пѣрѣсѣсѣ, дальѣи конѣи пѣрѣвѣзѣ,
Кагѡ кабѣлка пѣрѣвѣзлѣа, а кагѡ мамѣа на руѣахѣи пѣрѣиѣсѣлѣ!
Жѡнычѣи—Бѡжѣи пѣѡлычѣи!
Усѣи гѣаѣи, кѣрѣаѣи—на ѣты-пѣ часѣи пѣмуѣѣаѣи:
Мылѣдѣаѣи вѣнѣгѣиаи прѣсѣитѣи пѣсѣнѣу пыѣаѣтъ и ѣ звѡнѣи гѣусли зыѣгрѣаѣи!
Панѣи тысѣцѣи¹⁾, сынѣи атѣцѣи, вѣѣвѡѣаи шѣлѣхѣцѣи!
Сѣдѣишѣ ты ны кѣтъ, якѣи сѡѣуль у гнѣзѣдѣ,
Зырѣаи абѣгѣрадѣишѣсѣ, звѣзѣдѣаи антѡркѣишѣсѣ!“

¹⁾ Обыкновенно, крестный отецъ молодой невѣсты, распоряжающійся на свадѣѣ.

Пиридь таббй зылатын кубки зъ мядбмъ, а я сяджѹ зы сухимъ стаѹббмъ:
 Жывотъ якъ дѹшка, гылывѹ якъ лукошка,
 Горла якъ трось, языкъ якъ кось!
 Ти ни далѹ пѣ винца, а на закусу блинца,
 Горла прымачѹть и языкъ паѹчѹть,—
 Тадѹ пѣ я ящо што-нибуть можа скызѹ бы!
 Ни за етымъ кѹзымъ, а за трѣтимъ разымъ:
 Блугуславѹтъ мыладѣй княгини пѣсню пычѹть и ѹ звѹнки гусѣли
 [зайгрѹтъ]

Ни я васѣ прашѹ, а мыладѹ княгиня прѹсѣтъ, галѹку клѹнить!
 Всѣ присутствующѣ отвѣчаютъ: „Богъ блугуславѹтъ!“
 Тогда столбовому дають два пирога. Онѣ беретъ ихъ по одному
 въ каждую руку, плещетъ ими и поетъ:
 Святѹй Кузьма-Димѹанъ, скуй намъ свадибу!

Затѣмъ всѣ поютъ:

Мѣсяцъ сына жѣнить,	Прасѹтка дачкѹ аддаѣтъ!
Зорышка дачкѹ аддаѣтъ!	Данилка у радѣсти,
Данилка сына жѣнить,	Прасутка у жалѣсти.

Въ куринской вол. витеб. у. эта рѣчь говоритѣя „на заливкахъ“
 въ субботу вечеромъ. Текстъ ея здѣсь слѣдующій:

Пакулъ ды кривати дайшѹ, трѹя шылудѣй знайшѹ.
 Пакулъ на столѣ узѣбрѹсѹ, нысавѹкъ мой пыдраѹсѹ.
 Столѣ батѣка, печка матка! вы гряды, гряды, дайѹти рады:
 Якъ пѣсинку пычѹтъ, у скрипычку зѣйгрѹтъ, вичарѣнки завѣсѹ!
 У пѣри вѣселѹмъ, у дѹми свящѣнамъ ѣсѹ атецъ и мати,
 Сѣстры и брѹты, и малыи рѣбѹты.
 Тѣха! Тѣхѹя бѣсѣда на етѹй частъ, на ѣтѹю гадѹну!
 Ни я шѣ прашѹ, прѹсѣтъ хѣзѣнѣ дѣмавѣй, хѣзѣйка дѣмѣвѣя, княсѣ
 мыладѣй,

Сѣрцѹмъ пакѹрнымъ, галѹкай паклѹбнай!
 А вы шѣ, гѹсѣтики сѣбрѹаны, сѣзѹваны,
 Блѣжнѣи прихѹжѹи, далѣнѣи прѣбѣжѹи,
 Кагѹ кабылка визлѹ, кагѹ матушка нѣслѹ,
 А хтѹ бѹкѹмъ катѹѣсѹ, на етѹ вѣселѣнка спѣнѣѹсѹ,
 Семѣ лѣтъ у пыдлѣвѣчѹ вылѣѹсѹ и той на етѹ вѣселѣя пыспѣѹсѹ!
 Ты пакъ тѣсѣцкѣй, выѣвода шляхѣцкѣй!
 Сѣдѣшѣ ты ны кутѣ, якъ сѹкѹмъ ны гнѣзѣдѣ:
 Зѹримѣ абѣградѣѹсѹ, вѹбалакамъ пыдпысѣѹсѹ, мѣсѣнцѹмъ накрѣѹсѹ.
 Сѣдѣшѣ ты зы тѣсѹвыми етѣлѣми,
 Зы ярымѣ свѣчамѣ, зы бѣльчѣстѣми скѣтиртѣми,
 Зы разнѣыми закускамѣ, зы разнѣыми пѣниткамѣ:
 У васѣ на лѣвѣй етѣранѣ идѣтъ вѣнѣшѹя рѣка, по правѣй гарѣлышнѹя,
 А я сѣдѣѹ, бѣдѣнѣга, зы сухимъ етѣлѣбмъ!

Жывотъ мой якъ дѹска, а гылывѹ якъ лукошка,
 Зѹбы якъ тросѣ, языкъ якъ косѣ.
 Ни маѹ гѣварѣтъ, маѹ гѹрла балѣтъ,
 Капѣ пыднясѣлѣ чѣрычку винца, а кѹшѣчикъ пиѹца:
 Ящо пѣ пару словъ прибѣвиѹ.
 Кыдѹ есѣ слѣги—слѹгамъ (творѣт. множ.) пыдашлѣ!
 А нѣтъ слѹхъ—самъ пыднясѣ!
 Нѣ сѹкнѣ шумѣтъ, нѣ бѹты скрѣпѣтъ—
 Такѣй гѣспѣдинѣ, якъ и я!...

И поетъ:

„Святѣй Кузьма—Димѹанъ, скуйѹтъ свадибу намъ!“

На вечеринкѣ же въ субботу поютъ родѣтелямъ невѣсты:

Ни сѣдѣ, бабрѣща, у крутымъ би-	Дѣсятѣй варѣ гарѣлки станѣ!
[разѣ,	„Ни сѣдѣ, Алѣика, ѹ бѣсѣди,
Вынаси тѣсѣбѣчикъ ны бѣряжѣбѣчикъ!	Сѹрюжай свадибу Кулинѣкинѹ!“
„Ни сѣди, Якупѣка, у бѣсѣди,	— Мѣѣ нѣя вѣкъ вѣкувѣтъ—
Сѹрюжай свадибу Кулинѣкинѹ!“	Свадибу сѹрюжѣтъ:
— Мѣѣ нѣя вѣкъ вѣкувѣтъ—	Нѣяякѹ пѣрагѹ дѣвѣтъ пѣчѣй,
Свадѣбу сѹрюжѣтъ:	Дѣсятѹю пѣчѣ—пѣрипѣчинѹ.
Нѣварѣѹ я пѣва дѣвѣтъ варѣѹ,	

Предѣ отѣзѣдомъ къ вѣнцѹ.

А ѹ сѹботку пѹзынѣнка,	Тѣтѹхна прѣстѹпанѣтъ—
А ѹ нѣдѣлку рѣнѣшка	Калинка атьтѣвѣтѣтъ.
Пѹпѣ на ѹтрѣню звѹнѣтъ,—	Пѣсылѣла малѣчѣшѹ
Дѣѹчѣнка вѣнѣкъ уѣтъ.	У зѣлинѣ лѹхъ ны калѣну,
Мѣла стѣла кѣрасѣчикъ,	Пѣ салѣтѹю малинѹ.
Пѣсылѣла тѣтѹхнѹ	Малѣчѣшка блѣжѣ,—
У зѣлинѣ лѹхъ ны калѣну.	Калинка нѣжѣ,
Тѣтѹхна блѣжѣ—	Малѣчѣшка прѣстѹпанѣтъ,
А калинка—вѣшѣ,	Калинка расѣтѣвѣтѣтъ.

А ѹ сади, ѹ сади, въ агѣрѣди,	А ѹ сади, ѹ сади, въ агѣрѣди,
Сѹхѹвалѣсѣ дѣѹчѣнка у кѣрасѣкѣхъ.	Сѹхѹвалѣсѣ дѣѹчѣнка у кѣрасѣкѣхъ.
Исѣкала мѣмѹхна—ни нышлѣ,	Исѣкаѹ малѣчѣшка и нашоѹ,
И зыплѣкѣѹшѣ у двѹрѣ пышлѣ.	Ѣнѣ зѣ радѣсти у двѹрѣ пѣпѣѹ.

Когда ѣдутъ къ вѣнцѹ.

А ѹдѣрѣтъ у двѣ зѣванѣ, у кѣ-	Пѣѣдимъ, свѣточѣки, ѹ новѹ царѣ-
[лыкалѣ.	[кѹкѹ.
Сѣдѣтѣсѣ, свѣтѹѹи, ѹси на кѹни:	А ѹ новѣй царѣкѹѹки дѣлѣбѹ дѣ-
Пѣѣдимъ, свѣтѹѹя, у новѣй гѹрѣтъ,	[лѹтъ:
А ѹ новѣмъ гѹрѣди дѣлѣбѹ дѣлѹтъ:	То тамѹ, то сѣмѹ пы дѣѹчѣнки,
То тамѹ, то сѣмѹ на кѹнику,	А нашоѹ малѣчѣнки ѹсѣ на-
Нашоѹ малѣчѣнки ѹсѣ налѹчѣи.	[лѹчѣи.

Когда ѣдутъ отъ вѣнца.

Быхла дяўчонка съ-пыдъ винца;
Рассыпыла зѣлыта зъ рукиўца,
Звала мамухну пыдбярать
Ны тисѣвую лавычку,

Ны шалѣвую пѣтычку.
„А вой, дачўшка,—ня ўвѣжу,
Зы жалыстыю ни магў!“

Звичарѣлыся ны дварѣ,
Спазнѣўся мальчишка у дварѣ,
А ягѣ дяўчонка даўнѣ ждѣть.
Пыслалы-пъ паслѣ—ня сѣмѣю,
Ныписалы-пъ писѣмо—ня ўмѣю,
Сыма бы пышла,—баўся,

Дѣўгыя дарѣшка—ўстамлюся.
На тый дарѣги старѣжа.
Тая мянѣ старѣжа сѣймайтъ,
Па русый касѣ узнатьъ.
Была ета косынька пыдъ вяцѣмъ
Съ разудалѣнькымъ мылайцѣмъ.

Куринская вол.
Запис. г. Эсьманъ.

Начинальная.

А святой Кузьма-Димѣянъ,
Скуй намъ свѣдѣбу, сужѣбую,
[ряжѣбую!
Май свѣдѣба сурыжѣбая,—
Я пиклѣ пиратѣў дѣвѣтъ пѣчикъ,
А дисѣтую прыжѣньчыкѣў,
Я вариў дѣвѣтъ вѣраў пива.

Сирѣтѣ.

А Сахвѣйкинъ та татка,
Ёнъ прасѣўся у Бога,
Да и ў Духа свѣтѣга:
Атпусѣти минѣ, Божа,
Да и съ неба на землю,
Па зилѣзнаму прутѣчку,
Па шаўковѣму платѣчку!
Ямў Бѣжынька гавѣрѣтъ:
Я и ўчѣра тамъ быў,
На вакѣшычку сидѣў,
И ў вакѣшычка глѣдѣў:
Прыбярѣна Сахвѣйка, якъ па-
[нѣтка,
Пысажѣна, якъ дѣтѣтка,
Баслаўлѣна, якъ сирѣтка.

Кукувала зязюлька ў садѣчку,
Прилажѣўшы галѣўку къ лис-
[точку:

„Булѣ ў минѣ гнѣздѣчка савѣта,
Булѣ ў минѣ нѣчка знясѣна,—
Аткўль узѣўся сызый арѣль,
Ёнъ маѣ гнѣздѣчка расканѣў,
Ёнъ маѣ нѣчка раздуўбаў!
Плакала дяўца ў свѣтѣлицы,
Прилажѣўшы галѣўку къ баж-
[нѣцы:
Быў у минѣ вянѣчикъ савѣтый,
Были ў минѣ надрѣжки сабрѣны,
Аткўль узѣўся Григорка,
Ёнъ мой вянѣчикъ разарваў,
Ёнъ майхъ надрѣжыкъ разагнаў,
А минѣ мѣладу къ сабѣ ўзяў!

Сирѣтѣ.

Пахадѣ, Сахвѣйка, па хѣтаньки,
Паглядѣ, Сахвѣйка, па рѣдинки,—
Ти ўся рѣдинка собралася?
А ўся рѣдинка сабралася,—
Тольки нѣтъ рѣднага татки,—
Замкнуўся татка ў три замѣчки:
Первый замѣчикъ—бѣлый гра-
[бѣчикъ,
Другѣй замѣчикъ—жѣўтый пѣ-
[сѣчикъ,
Третѣй замѣчикъ—траўка му-
[раўка!
Узынимѣтѣся, бѣйныя вѣтры,

Прайдѣтѣ, дробныя дѣжджы,
Размѣйтѣ жѣўтыя пѣски,
Аткрѣйтѣ грабавѣи дѣски,
Узынимѣтѣ майгѣ татку!

Сирѣтѣ.

Ўступѣла Сахвѣйка на парѣгъ,
Махнула хѣстынькый напарѣдъ:
Раступѣтѣся, весь народъ,—

Буду свѣей рѣдинки клѣнитца,
Буду свѣйгѣ тѣтухну тѣмитца!
Усю свѣаў рѣдинку прайшла,—
Рѣднага тѣтухны ни нашла.
Галѣўка жѣ май въ вянѣчку,—
Нѣтъ майгѣ тѣтухны ў дамѣчку;
Галѣўка май у цвѣти,—
Нѣтъ майгѣ тѣтухны у сѣвѣти!

Дѣўная тая бярѣза, на привѣлѣйку стѣяла,
Ўсѣхъ къ сабѣ пѣашычикъ збирала.
Мѣжа пѣашычикъ зязюлька, сѣльна-жаласна кукувала.
Дѣўная тая камѣра, пасярѣдъ рынѣчку стѣяла,
Ўсѣхъ къ сабѣ дѣвѣчикъ збирала.
Мѣжа дѣвѣчикъ Сахвѣйка сѣльна-жаласна плакала

Ни стрѣляй, Григорка, ў шѣрый боръ,
Ты жѣ стрѣляй, Григорка, къ тѣщи на дворъ!
А ў тѣщи на дварѣ три старѣжыньки:
Першая старѣжа у варѣтахъ стѣить,
Другая старѣжа пысѣрѣдъ дварѣ,
Трѣтѣтѣ старѣжа пѣридъ гѣначкамъ.
Ласкавая тѣщухна пы сѣнѣхъ хѣдитъ,
Бѣлага либѣдѣ на рукахъ нѣсѣтъ,
Шѣрую ўтинку за сабѣй вѣдитъ,
Бѣлую лябѣдку на рукахъ нѣсѣтъ.
Бѣлѣнькѣй либѣдѣкъ Григорка,
Бѣлая лябѣдка Сахвѣйка.

Заклапатѣўся Григорка,
А ў паўдарѣжки ўѣхавшы,
Падъ сасѣнѣкый стѣѣючи:
„А сасѣнка-жѣ май зилѣная,
А галѣўка-жѣ май бѣдная:
Шѣто май конѣики ня пѣють, ни
[ядѣтъ,
Толька стоя рѣжутъ?“
— Ни клапатѣся, Григорка:
Я твайхъ кѣниѣкаў накармлю,
Па ранѣнѣй расѣ у вавѣсѣ,
А па вячѣрнѣй расѣ ў ичѣмянѣ,
На Дунай паганѣ—напаѣ,
У тисѣвую стѣянку заганѣ,

Накладу сѣна ў калѣна,
Насыплю аўсѣ да паисѣ.

Катѣўся мѣсячикъ катѣўся,
Григорка у татки прасѣўся:
Пусѣти минѣ, татка, на ўсю ночь,
Заўтри къ абѣду прѣйду,
Привѣзѣу скрѣпѣнѣю й пѣрѣну,
И мѣладу Сахвѣйку:
Табѣ, тѣтухна, паслѣўшка,
А минѣ тѣтухна, жанушка;
Табѣ бѣудѣтъ пѣтъ падавѣтъ,
А минѣ бѣудѣтъ пасѣтѣльку слѣтъ.

Бхаў Григорка на канй:
 Милы май шанкарь,
 Ти ня вы пирывозъ занялй?
 Я за пирывозъ заплачу,—
 Ёсё сваёй дружны ни змачу!
 Я за дружину рублёну,
 Я за сватътиньку палтину,
 За сябе малайца чарванца,
 Я за сваю жану тысячу!
 Хуть я добрага заплачу—
 Сваёй дружны ни замачу.

Тонкая дирыцёб клянйнка,
 Ё лясу стайла, шумёла,
 Дарогый ишла—звинёла,
 Къ варобтамъ пришла—гаварйла:
 Выйди, выходи, Сахвейка,
 Пакажы клянйнки дарожку!
 — Нёкали, клянйнка, нёкали,—
 Загадаў Григорка работу:
 Баравйя васильки садить,—
 Чарвоную рожу щипать.

Хвалилася калина надъ рякбй: нхто минё ни дастанить за вадбй,
 Нхто майхъ суччйкаў ня'блёмить, нхто майхъ лйсьтикаў ня'батрётъ,
 Нхто майхъ ягадакъ ня'тщипётъ!
 А ўчуў жа ета зелинь дубъ, на зялёной дубрави стбючи:
 Я тибё, калина, дастану за вадбй, я тваё суччйка абламаю,
 Я тваё лйсьтйка абатрётъ, и тваю ягадку атщипну!
 Хвалилася Сахвейка у татки: нхто минё ня возъмьить атъ татки,
 Нхто маёй красаты ня'батрётъ, нхто маёй натуры ни пирямьнить!
 А ўчуў жа ета Григорка, у татки на дварё стоючи,
 На вараномъ конику сёдючи:
 Ни хвалися, Сахвейка, у татки: я тибё вазъмь атъ татки,
 Я тваё красату абатрётъ, я тваё натуру пириманю!

Хадила кбзанька па бару, прасйла ина саббю;
 А такй-жа сякй саббю, вывиди минё сы ббру!
 Ужо-жъ минё у бару надаёла,—
 Шышками ножыньки скаббля, чащбй глэзыньки выдрала!
 Хадила Сахвейка па двару, прасйла ина Григорку:
 А такй жа сякй Григорка, вазъмь жъ минё атъ татки!
 Ужо-жъ минё ў татки надаёла:
 Мёлинъ рўчиньки атарваў, каромисиль плечиньки атламаў.

Гибки лавачки масьтитъ,
 Тисовыи столики станавить.
 Виномъ кўбачки наливать!
 Приѣхуў Григорка самъ—дисять,
 Пусьтиў кбникуў въ зелинь
 [садъ,
 Конь тыи василькй пасарваў,
 Чарвоную рожу сыщипаў,
 Гибки лавачки паталтаў,
 Тисовыи столчйки навалтаў.
 Зъ виномъ кўбачки пабарнётъ,
 Красную Сахвейку къ сабё ўзяў.

Ай, тонка-тбнка сасбнка!
 Аттагб тонка, што ў бару!
 Служуў Григорка каралю,
 Выслужуў заслугу дарагуу,
 Варанбга канй сь сядлбмъ,
 Красную Сахвейку зъ вячбмъ.
 А мнё на канй ни вуюватъ,
 А сь Сахвейкаю вёкъ викуватъ.

Дёванька па дворъ узъижжала,
 А ў нё мамухна патала:
 „А ти громка званй зъвинёли,
 А ти ярка свёчи гарёли,
 Ти гласна папй сьпивали,
 Якъ васъ маладыхъ виньчали?“
 — Ай, громка званй зъвинёли,
 Ай, ярка свёчи гарёли,
 Гласна папй сьпивали,
 Щасёльва маладыи стайли!

Бхаў Григорка кала гаю,
 Вйскачиў заинька сь-падъ гаю.
 Стаў ягб Григорка пужати,
 Стаў яму заинька пиняти:
 „За што минё, Григорка, ганяйишь:
 Ти я табё дарожыньку пирябёгъ,
 Ти я табё кбникуў паўпудиў,
 Ти я табё дёваньку пагудиў?
 — Пирябёгъ дорожку шёрый
 [воўкъ,
 Паўпудили кбникуў жарябцы,
 Пагудили дёваньку малайцы!“

Разгарёлася калина,
 Пирядъ збрю стбючи.
 А тушыў витярбёкъ—ни ўтушыў:
 „А я тибё, калина, ни ўтушу,—
 Утушыть, ня ўтушыть драбёнъ
 [дожджъ!“
 Якъ расплакалась Сахвейка,
 Пирядъ мамухный стбючи.

А ўнимала мамухна, ни ўнила:
 А я тибё, дачушка, ни ўниму,
 Гбршы жаласьти задаю,—
 А ўпимить, ня ўнимить Григорка!

Ай, ббрамъ, ббрамъ, барамй,
 Бхали сватбёя ридамй.
 Напирёдъ жа ёхуў жанишокъ,
 Назадъ шапанькый махая:
 „Стбйтя, пастбйтя, сватбёя,
 Ти ў бару зязюля кукуйтъ,
 Ти ў лазё салавей щиббечить?
 Ета май дёванька плачить,
 Тонкую кашулю шыючи,
 Яркую свёчу палючи,
 Тёмную ночиньку пробёючи:
 Тёмная ночинька, стой, пастбй,
 Ярая свёчинька пасьвятй,
 Григорку кашулюку паспяшы:
 Кала вбрата золата,
 Кала пбдала сёрибра,
 Кала каўнирй чорный шоўкъ!“

Катйёся яблачакъ са гбрья,
 Прасйлася дёваньказъ застббля,
 Палидбтъ таткина падвбрья,
 Папататъ у мамки здарбёя!
 — Быў табё вольный часъ ў
 [суботку,
 Сягбньни жъ у насъ нидбля,
 Кабъ ты ли минё сидбля,
 Сь-падъ майгб рукава глйдбля.

У яснага мёсица три збриньки:
 Первая зоринька свитавая,
 Другая зоринька вичёрняя,
 А трётътя палунбшница.
 У нашага Григорки три сястрицы:
 Первая сястрица кудри часала,
 Другая сястрица убирала,
 А трётътя научала:
 „Паёдишь у ноў гбрадъ жанитися,

Паставють табѣ трѣхъ панѣнакъ:
Первая паненка у зблати,
Другая паненка у сѣрибри,
А трѣтьтя ў чорнамъ шобѣку.
Ни квася, Григорка, на золота, на сѣрибра,
А квася, Григорка, на чорный шоўкъ:
Зблата-сѣрибра пулумайтца,
Чорнаму шобѣку змѣны нѣтъ.

А литѣў сакобля чиризъ три бары,
Ў чатьвѣртамъ барочку сѣў на дубочку.
А ў яго зязюльки паталися:
Што жъ табѣ, сакобля, спудубала:
Ти дубѣ, ти сасобня, ти бѣла бярѣза?
— Ничога сакалѣ ни ўнудубала:
Ни дубѣ, ни сасобня, ни бѣла бярѣза, —
Пудубала сѣкалѣ шѣрая зязюля!
А фхуў Григорка чиризъ три сѣлы,
Въ чатьвѣртымъ сѣлѣчку стаў на дварѣчку.
А ў яго свѣтъиньки паталися:
Што жъ табѣ, Григорка, спудубала:
Ти пива, ти вино, ти салѣдкѣй мѣдъ?
— Ничѣга малайцѣ ни спудубала, —
Ни пива, ни вино, ни салѣдкѣй мѣдъ,
Спудубала малайцу красная Сахвѣйка.

Григоръ зориньку упрѣшиваў:
Сьвятѣ, май зѣринька, да свѣту,
Пакѣль я да тѣщи даѣду!
— А я табѣ, Григорка, сьвятѣла,
Якъ тибѣ мамухна радѣла,
Хадѣла на сянѣхъ, якъ пава,
Радѣла Григорку, якъ пана.

А ни ярка гарить лучинка,
А ни жалка плачить Сахвѣйка,
Ни ражжалѣла никѣга,
Ни свайгѣ тѣтухну рѣднага!
— Кали захачѣ, ражжалѣю:
Выплѣту уплѣты зъ русыхъ косѣ,
Павѣшыю уплѣты ли клѣти.
Пойдѣть мой татка у клѣтку,
Енѣ у клѣтъ идѣ, заглѣнитѣ,

А сѣ клѣти йдѣ, заплачѣть:
„Ета маѣй дачѣшки уплѣты!
А ина жъ ихъ насѣла,
Мой дварѣкъ красѣла,
Ўсю маѣю сѣмѣйку висѣлѣла!“

Ни хатѣлася зязюли,
Да ли сѣкала сидѣти,
Сѣ-падъ ягѣ крылашка глѣдѣти.
Хутѣ ни хатѣла—сидѣла,
Сѣ-падъ ягѣ крылашка глѣдѣла!
Ни хатѣлася Сахвѣйки
Да ли Григорки сидѣти,
Сѣ-падъ ягѣ шапаньки глѣдѣти.
Хутѣ ни хатѣла—сидѣла,
Сѣ-падъ ягѣ шапаньки глѣдѣла!

Пириманачка павачка,
Пириманѣла павука
На сваѣ вѣзира купатца!
А ни я жъ ягѣ манила,
Енѣ самѣ прилятѣў купатца,
Сваѣ дробная пѣрыйка,
Сваѣ сѣзая крылѣйка,
Да сваѣ павѣйную галѣўку!
Пириманачка Сахвѣйка, —
Пириманѣла Григорку
На сваѣ висѣльѣ гуляти!
А ти я жъ ба ягѣ манила,
Енѣ самѣ на минѣ прижжѣў,
Да на маѣ висѣльѣ гуляти,
Да на мой пярлѣвый вѣнѣчикѣ,
Да на мой шаўковѣй платѣчикѣ,
Да на маѣ русую косѣньку.

А ў поли на кѣпинки,
Тамѣ сѣдѣть галѣубанька,
Распусѣть сваѣ крылѣйка,
Паранѣ сѣза пѣрыйка.
Прилятѣў къ галѣубкѣ сѣзый го-
[лубъ:
„Падамѣй, галѣубка, сваѣ кры-

[лѣйка,
Падбѣрай, галѣубка, сѣза пѣрый-
[ка,
Палятѣмъ мы сѣ табѣй на сѣня
[мѣря,—

Да и тамѣ галѣубѣ слѣтаютца,
Насѣ сѣ табѣй дажѣдаютца!“
А ў тѣримѣ за стѣбликамѣ,
Тамѣ сѣдѣть малада Сахвѣйка,

Распусѣть русу косѣньку,
Паранѣ дробны слѣзаньки.
Прийхѣў тудѣ Григорка:
„Падамѣй, Сахвѣйка, русу ко-
[саньку,
Утирай дробны слѣзаньки, —
Падѣдимъ къ рѣдному татку!
Да и тамѣ рѣдинка зыжжѣйтца
Насѣ сѣ табѣй дажѣдайтца!

Хадѣли галѣубѣ на гарахѣўю,
Ўсѣ галѣубѣ и пѣють и ядѣть,
Тольки адѣнѣ галѣубѣкъ
Ни пѣть, ня фѣсть:
На сѣзую галѣубку заглѣдайтца:
Ўжѣ жъ май галѣубка замѣчина,
У еѣ крылѣшка атѣфчина.
Сидѣла свѣтѣўя ўкругѣ сталѣ.
Ўсѣ свѣты и пѣють и ядѣть,
Тольки адѣнѣ Григорѣ
Ни пѣть, ня фѣсть,
На сваѣ Сахвѣйку заглѣдайтца:
Ўжѣ жъ май Сахвѣйка замѣчина,—
Руса касѣ расплѣтина.

Пѣрабѣрѣ, свѣтѣўя, пѣрабѣрѣ,
Пѣрафхѣли щѣрый бѣрѣ,
Зафхѣли въ винный дворѣ,
А винный жа дворѣ Гаврилѣкинѣ.
Тамѣ вино дишавѣя,
Толька адна Сахвѣйка дарагѣя:
Касѣца нѣ стѣбитѣ сто рублѣй,
Уплѣты нѣ стѣбѣтъ тысячѣу,
Самѣй жа маладѣй цанѣ нѣтъ!

Я жъ табѣ, Сахвѣйка, ти ни гаварила,
Я жъ твайму сѣрдѣчку ти ни наравѣла:
Ни хади, Сахвѣйка, на висѣкъ тѣрѣмъ,
Ня слухѣй, Сахвѣйка, звѣнѣихъ гѣсилѣ!
Тѣи тибѣ гѣсилѣки спадмѣнивають,
Атѣ татѣки, атѣ мамѣки атмѣнивають,
Кѣъ чужѣму къ лихѣму примѣнивають.

Хаділа козаныка па лукамъ,
А за ёй усялёбкъ шэрыі воўкъ:
„Хутъ хаді, ні хаді, козаныка,—
Быць табѣ, козаныка, зъядэныі:
А валятца рагамъ па гарамъ,
А дробнымъ касцямъ па пис-
[камъ,

Буйныі галавѣ па травѣ!“
Хаділа Сахвейка па двару,
А за ёй у сялёбкъ Григорка:
„Хутъ хаді, ні хаді, Сахвейка,—
Быць табѣ, Сахвейка, за мною,
А валятца винкамъ падъ лаўкамъ,
Дарагімъ уплётамъ падъ ган-
[камъ,
Быць намёткі на галбўкі!“

Якъ крѣкнуў, гукнуў баравікъ,
А ў бярэзьнічку сѣдучі,
На бѣлую белянку глѣдучі:
„Сабірайціся, гриббўі!
Бўдзімъ вобінку вуюваць,
А бѣлую белянку къ сабѣ братъ!“

Предъ надѣломъ молодой.

А ти ёсь у рыбинкі,
А ў Сахвейкі рёдинка!
Падхадіты блізінька,
Надзіляйты Сахвейчку
Ні рублёмъ-палтїною,
Залатбў гриўнаю!
А ёй многа надабі, —

Якъ крѣкнуў, гукнуў Григорка,
А ў тещі на дварѣ стбучі,
На маладўю Сахвейку глѣдучі:
„Сабірайціся, сватбўі!
Будзімъ вобінку вуюваць,
Маладўю Сахвейку къ сабѣ братъ!“

Тэздіў Григорка па лукахъ,
А вазіў сакала ў рукавахъ.
Выпусціў сакала зъ рукава:
А ляті жъ, мой сакобъ, якъ
[калакбъ,
А ўдаръ-жа крыломъ абъ ва-
[кошка,
Скажы Сахвейкі добрую вѣсьць:
Што я на варанбмъ ко́ні гарцўю,
Зъ маладымі сватѣтїмі танцую!
— А нїхай добъ, здарбў гуляіть,
Пакуль жа мнѣ ні маіть!
А калі ёнъ мнѣ дабўдїть,
Тады пра ўсѣ забўдїть,
И гарэлки пїть нї бўдїть.

Ўсѣ мастбчки мастїти,
Къ мамкі ў госьці хадїти,
А і ўсімъ платїти!
Хто пашбў—вярнїтїся,
Хто заснўў—прашнїтїся!
А другъ дружку вызвалїйты,
Ўсѣ Сахвейку надзіляйты!

Ахъ, мамухна май, я ўжо нї твай,
Тагб-сїгб пана, сь кїмъ шлюпъ шлюбава́ла,
На коўри стайла, Богу прїсїгала.
А батюшка рўкі звїзаў стулбўю,
А намъ вѣкъ жїтї сь таббўю!

Якъ будїшь, Машынька, къ винцў фхатъ,
Нї забудъ, Марыютка, къ таткі зафхатъ,
Растапчї ты траваньку чїравїчкамі,

Размачї ты жоўтыі пісбкъ слѣзкамі,
Падньмї ты граббву даскў ручкамі!
Ўзынмїтїся сїльныя маразы,
Змаразїты траўку-мураўку!
Ўзынмїтїся сїльныя дажджы,
Размачїты вы жоўтыі пісбкъ!
„Татухна рбднїнькїі, ўстанъ на парадў!“
— Дїтя маѣ, дачўшка—Богъ на парадў!

Ай ббрамъ, ббрамъ, барбчкамъ,
Фхалї сваты рядбчкамъ.
Ай рана-рана, рядбчкамъ.
Маладїй Хвѣдарка напїрѣтъ.
Стайтъ калїна лї варбтъ.
Стаў ёнъ калїнку сѣчь-рубїть,
Стала калїнка гаварїть:
„Нї сячї, нї рубї калїнкі сажбнай, —
Маладбму Хвѣдару Гануля сужбна!“

„Нї ляжы, бабріца, на крутомъ бїрагў,
Тїрябї дарбжку ў шїрыі боръ!“
— Ужо май дарожка пратїрѣбліна,
Ўсѣ вїтѣвѣ у грудъ злбжана!
„Нї сядї, хазїнцъ, ў бїсѣдї,
Суражай свадїпку княгїнькїну!“
— Ўжо май свадїпка суружбна:
Я ўжо варїў пїва девїть варбў,
Дїсятїй варъ гарэлки малъ.

Гбсьці на дворъ фдуть,
Куры патъ печь лѣзуть.
Нї бойтїсь вы, куры, —
Нї многа васъ на́да:
Семъ куръ па вячѣрю,
А васьмая на пячѣню,
Дивїтая на сьнїданьня,
Дїсїтая на тѣїжджаньня,
Гуска на закуску,
Індїчка на прїкуску!

(Каждая строка поется по 2 раза).

А ў пандѣлакъ рана
Плакала маладая Сахвейка:
Вада май далѣкая,
Гбры мнѣ висбкіі!
А ва ўтбрыкъ рана
Сьмїялася Сахвейка:
Вада май блїзкая,
Горы мнѣ нїзкіі!

А сь атрбду ў свата нї балъ,
Зъ мѣдомъ гарэлку нї пїла!
Сяду на кутъ надмўся,
Зъ мѣдамъ гарэлки напѣюся!

А на кимъ хустанька
Загарѣлася?
— Пусь гарить,
Ёсь каму тушить,
Ёсь у ей маладѣй мужъ,
Памакнёть хустаньку
Ў зиланѣ вино!

А лѣтали галубкѣ
Кала низу ў лѣзынькѣ.
А сизыи галубкѣ
Ня'батрѣйта лѣсьтѣйка,
Ня'блумайта сучьчѣйка:
Ў минѣ лѣсьтѣйка лѣтънѣя,
Ў минѣ сучьчѣйка зимнѣя.
А сидѣли падрѣжкѣ
Кала красныи Сахвейкѣ.
Памалѣньку, падрѣжкѣ,—
Ня'батрѣйта сѣрибра,
Ня'блумайта золата:
Ў минѣ сѣрибра тѣткина,
Ў минѣ зѣлата мѣмкина!

„А вы, жоначкѣ—лябѣдачкѣ,
Чалѣмъ вамъ!
Ти ни залѣтъла наша кѣрачка
Ўчирѣ къ вамъ?
Наша курачка златапѣрачка
И сѣ хахлѣмъ!“
— А вы, жоначкѣ, вы лѣбѣдачкѣ,
Чалѣмъ вамъ!
Ти ни заѣхала наша дѣвчачка,
Ўчирѣ къ вамъ?
Наша дѣвчачка чарнабрѣвая
И зѣ вянкѣмъ!

А сватъ свата прѣсѣтъ,
На рукахъ шапку нѣсѣтъ:
„А свѣтя, мой свѣтя,
Пубувай въ маѣй хатѣ!
Пубувай въ маѣй хатѣ,
Пупивай майгѣ пива,
Пувидай майгѣ дива.
А ўкругъ хаты мѣта,
А ў хатѣ багѣта,
А ўкругъ хаты рѣжа,
А ў хатѣ пругѣжа.

Бабиничская вол. Запис. мѣстный
крест. Кондратьевъ.

Лепельскій уѣздъ.

Когда крестьянскому парню минетъ двадцать одинъ годъ и онъ отбудетъ воинскую повинность, родители его стараются выбрать ему разумную и зажиточную невесту, и засылаютъ къ родителямъ дѣвушки сватовъ. Родители дѣвушки назначаютъ день, въ который долженъ прѣѣхать женихъ съ сватами для окончательнаго отвѣта, выдадутъ ли дочку за него, или откажутъ. Въ назначенный день сваты ѣдутъ съ женихомъ къ невестѣ. Здѣсь одинъ изъ сватовъ ставитъ на столъ привезенную водку, а родители невесты закусу, въ которой главную роль играетъ „яешня“. Женихъ въ разговорахъ старается показать себя не глупымъ. Если родители дадутъ свое согласіе, то назначается день „заручинъ“. На заручинахъ женихъ выбираетъ для себя нѣсколько шаферовъ „дружковъ“, а невеста подневестницъ, „боярокъ“, „подружекъ“, также шаферовъ „вечерниковъ“ и сватей. Въ это же время назначается и день вѣнчанія, которое совершается у крестьянъ по большей части въ воскресенье. Иногда свадьба отлагается на большое время для полной „справки“ въ хозяйство.

При зарученіи невеста плачетъ; боярки-же поютъ:

У насъ сегодня заручинки—	Яѣ татулька утишѣйтца—
Богъ намъ даў! (2 раза)	Богъ намъ даў! (2 р.)
Марьянка наша заручѣйтца—	Яѣ мамулька умиляйтца—
Богъ намъ даў! (2 р.)	Богъ намъ даў! (2 р.)

Заручины гуляютъ весь день. Въ день, назначенный для вѣнчанія, домъ невесты еще съ разсвѣта наполняется гостями. „Боярки“ убираютъ невесту въ лучшую одежду; „вечерники“ прикрѣпляютъ ей на голову вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, заплетаютъ косы и поверхъ головы набрасываютъ кисейную накидку. При одѣваніи, боярки поютъ:

На моры вутка купалася,
Перью свайму шѣраму дивавалася:
„Перья маѣ, перыйка, ты шѣрынькая:
Ти будишь ты шѣра на вѣзирѣ,
Якъ тыперъ шѣрынька на сѣнимъ моры?“
Марьянка ў камѣры вымавалася,
Лицу свайму бѣламу дивавалася:
„Лицо маѣ бѣлая, ты бѣлинькая:
Ти будишь такъ бѣлинька у свѣкаркѣ,
Якъ тыперъ бѣлинька у тѣтынькѣ?

Уборъ жениха составляетъ обыкновенная новая крестьянская одежда, въ отличіе же отъ своихъ сотоварищей онъ прикрѣпляетъ къ груди или къ шапкѣ бѣлый цвѣтокъ. Каждый сватъ навязываетъ себѣ чрезъ плечо бѣлый „утираньникъ“. Когда женихъ съ невестой и гости ѣдутъ въ церковь, боярки и сватѣи поютъ:

Марьянка къ вяцѣ ѣдитъ,
Доличка-жѣ яѣ у варѣтикахъ стаить.
„Доля, май доля! кали шѣ ты добрая,
Кали шѣ ты добрая, хади шѣ ты са мной,
Кали шѣ ты худая, (2 р.) плыви шѣ ты вадѣй,
Плыви шѣ ты вадѣй атъ мянѣ маладѣй!“

Послѣ вѣнчанія молодые ѣдутъ изъ церкви въ домъ родителей невесты. По пути музыканты играютъ, а подружки съ сватѣями поютъ:

А хвала шѣ табѣ, Божа.	Пѣва мѣдамъ узялѣся,
Што намъ удалѣся;	А гарѣлачка сытѣцаю,
Што намъ удалѣся,	А Марьянка маладѣцаю.

Дома первый въ избу входитъ дружокъ; находящіяся въ избѣ дѣвушки поютъ ему:

Дружокъ ў хату лѣзѣтъ,	Ти вяликъ гаршѣкъ кашы,
А ў печь паглядѣйтъ:	Ти подѣядутъ нашы?

Когда молодые входятъ въ избу, мать невесты встрѣчаетъ ихъ съ хлѣбомъ и солью; они кланяются ей до земли; она же благословляетъ ихъ; потомъ они подходятъ къ каждому находящемуся въ избѣ и всѣмъ кланяются. Послѣ этого всѣ садятся за столъ, молодые въ переднемъ углу передъ образами—„божницей“. На столъ ставятъ всѣ заготовленные кушанья. Музыканты играютъ свадебныя пѣсни. Прежде всѣхъ молодые, поцѣловавшись, пьютъ за здоровье другъ друга. Потомъ пьютъ всѣ по порядку съ различными тостами, какъ-то: „за здоровье молодого!“ „за молодую!“ и проч.

Послѣ этого начинается обыкновенное крестьянское гулянье. Въ срединѣ оно прерывается появленіемъ старухи-сватѣи съ глиняной мисой въ рукахъ. Сватѣя обходитъ всѣхъ гостей, прося одарить молодую деньгами; подружки-же тогда поютъ:

Дитюкѣ, малойчѣи,	Дѣвчѣи, панѣначѣи,
Кладѣи чирвоньчѣи!	Кладѣи капѣичѣи!
Мущинѣи маладѣи,	Жонущѣи, лѣбѣдущѣи,
Кладѣи залатѣи!	Кладѣи намѣтачѣи!

Когда старуха подходитъ съ мисой къ отцу молодой, послѣдняя, заливаясь слезами, поетъ:

Татѣлька мой рѣднѣи,	Она: Татѣлька мой рѣднѣи,—
Дарѣи мянѣ!	Хлѣбамъ и солѣи;
Отецъ: Дитѣтка рѣднѣи!	И хлѣбамъ, и солѣи,
Чѣи тыбѣ дарѣи?	Добрымъ здарѣиамъ!

То же повторяется и передъ матерью. Подъ конецъ гулянья дружки дарятъ молодую, боярокъ и вечерниковъ деньгами или какими нибудь вещами; тѣ-же въ это время поютъ:

Нѣи гнѣи, дружѣи, нѣи гнѣи,
Кладѣи чирвонѣи на мѣи!

Послѣ надѣленія подарками дружки набрасываютъ на молодую „кожухъ“, приговаривая:

Сѣи тѣи раѣи, раѣи,—	Лѣи тѣи кажухъ съ-падѣи пѣи!
Лѣи тѣи кажухъ съ-падѣи грады!	А мы думали—саболѣи, —
А мы думали—авѣи, —	Лѣи тѣи кажухъ съ-падѣи бѣи!

Потомъ боярки и молодая выходятъ изъ избы въ сѣни. Мать молодой одѣваетъ вывороченный кожухъ и выходитъ на дворъ. Молодой-же подѣзжаетъ къ крыльцу и потомъ ловитъ те.цу; когда поймаетъ ее, то она бросаетъ въ сторону зѣи горсть овса; послѣ этого молодой цѣлуются съ молодой и идутъ въ избу; за ними слѣдуютъ всѣ гости. Сватѣя-же встрѣчаетъ на порогѣ сватовъ и поетъ:

Патѣху, сватѣи, идѣи,	Столики тѣи совѣи,
Харѣи мау нѣи ламѣи!	Абрусѣи билѣи, —
Харѣи мы нѣи йромы:	Кѣи бачѣи залатѣи!

Всѣи вновь садятся за столъ и вновь принимаются за гулянье; сватѣя-же поетъ:

Сѣи тѣи, гостѣи, съ кѣи,	Зѣи дудѣи, зѣи залатѣи,
Я сама сѣи тѣи,	Зѣи дружѣи маладѣи!

Выйдя изъ-за стола, молодой съ молодухой и гости становятся попарно и начинаютъ танцевать, а сватѣи танцуютъ на пустомъ столѣ, бѣи въ ладоши и поютъ:

Дѣи кѣи сватѣи, сватѣи	Шѣи гѣи тѣи ткала,
За тонѣи намѣтѣи,	Бѣи лѣи бѣи лѣи,
За нѣи вѣи лѣи бѣи,	Усѣи сватѣи на дѣи лѣи
Шѣи рана уѣи вала,	И мянѣи сватѣи ни забѣи.
Шѣи тѣи нѣи ткала,	

Послѣ танцевъ сватѣи становятся сватовъ въ рядъ и поетъ:

Станѣи, станѣи, маѣи сватѣи,	Ажѣи жѣи маѣи братѣи бачѣи
Усѣи уѣи радѣи!	Кѣи бѣи нѣи ткала;
Пакѣи тѣи на нѣи жѣи камѣи	Я думала—садаваѣи
Вѣи наградѣи!	Маѣи бѣи ткала,
Я думала—вѣи наградѣи ткала	Ажѣи маѣи братѣи бачѣи
Кѣи бѣи ткала,	Галѣи бѣи ткала!

Потомъ новобрачные, распрощавшись съ родителями молодой, садятся съ гостями въ готовые повозки или сани и ѣдутъ въ домъ родителей молодого. Здѣсѣи идетъ гулянье до поздней ночи.

На второй день въ домъ новобрачныхъ приданки везутъ приданое молодой. Когда приданки подѣзжаютъ къ крыльцу, подружки молодой поютъ:

А выйди, Марѣи ткала, на гѣи на гѣи,	Нѣи салавейѣи шабѣи чѣи,—
На гѣи лѣи свѣи хѣи приданѣи:	Гѣи та маѣи дѣи лѣи гѣи бѣи чѣи,
Тѣи зѣи бѣи чѣи куѣи чѣи,	Гѣи та маѣи тѣи лѣи пѣи чѣи,
Тѣи салавейѣи шабѣи чѣи?	На маѣи скрѣи нѣи сѣи чѣи,
Нѣи зѣи бѣи чѣи куѣи чѣи,	На маѣи старѣи нѣи гѣи чѣи.

Когда приданки отѣзжаютъ, молодая „голоситъ“, приговаривая:

А приданѣи чѣи, сѣи стрѣи чѣи,	А гѣи вы бѣи дѣи ткала,
А вѣи зѣи мѣи мянѣи съ саболѣи,	Тамъ я вамъ буду слугѣи бачѣи,
А завѣи мѣи слугѣи!	Пѣи нѣи кѣи бачѣи наливѣи!

На третій день между новобрачными начинается обыкновенная крестьянская жизнь.

Несинская вол. Зап. г. Соколовскій.

Хѣи на стѣи нѣи стучѣи, гручѣи рѣи нѣи ткала?
Маладѣи Микѣи ткала конѣи вѣи чѣи рѣи нѣи ткала:
Кабѣи высѣи галѣи бѣи чѣи нѣи,
Кабѣи патѣи нѣи чѣи дѣи бачѣи вѣи.

Когда услышать звонъ колокольчиковъ и топотъ лошадей, то поютъ:

Зялёная рѹтина—жоўтый цвѣтъ;
Чаго тибѣ, Ясинька, дбѹга цѣтъ?
Ти я-жъ табѣ квѣтукны ни зъвила,
Ти я-жъ табѣ хустыньки ни дала?
Зъвила табѣ квѣтукну—семъ цвятбѹ,
Адала табѣ хустыньку—семъ шалкбѹ.

Когда женихъ прїѣзжаетъ во дворъ, его свита поетъ:

„Лѣтъ, палѣтъ, ясинъ сабѣлъ, на мѣра,
Заспѣй, заспѣй сваю чїрачку ў гняздѣчку!“
— Хутъ заспѣю, хутъ ни заспѣю—палачѹ,
Я сваю чїрачку на палѣти разыщу!
Бѣдъ, пабѣдъ, Ясинька, къ тѣсукны,
Заспѣй, заспѣй сваю нивѣстукну ў камѣры!
Хутъ я заспѣю, ни заспѣю—пабѣду,
Я-шъ иѣ на пахѣдахъ узнаю:

У иѣ пахѣды тихѹсиньки, у иѣ уклѣны нязібѣснѣнки...

Когда женихова свита окончить эту пѣсню, то на крыльцо выходитъ сватъ невѣсты и проситъ гостей въ домъ, обращаясь къ свату жениха съ пѣсней:

Сватъ свата прѣситъ,	Майгѣ пива папивайтъ,
У рукахъ шапку нѣситъ:	Майгѣ дива навидайтъ!
Эй, сватку мой, сватку,	Маѣ пива пѣянѹсинька,
Хади ў нову хатку!	Маѣ дива диѹнѣсинька.

Всѣ входятъ въ домъ, гдѣ уже приготовлены столы для ужина.

Въ день свадьбы невѣсту пробуждаютъ слѣдующей пѣсней:

Умывайся, мѣлада,	И паднѣжки засытали!
Прыбирайся, мѣлада,	Тамъ табѣ рѹчаньки зъвяжуть,
Выправляйся, мѣлада:	Тамъ табѣ праѹду скажуть.
Тамъ тибѣ даѹнѣ ждали,	

Невѣста отвѣчаетъ:

Баярачки, спадманачки вы маѣ:
Спадманѹли учора зъ вячѣра вы мяне!
Казали: пѣйдимъ у зялёный садъ вянкѣ вить!
Сабѣ зъвили изъ руты, изъ мяты, изъ лилѣи,
А мнѣ зъвили съ калѹчага ялы́нцу.
Ялы́ницъ кѣлитъ, галѣѹку клѣнитъ, Божа-жъ мой!
Дѣ пахнѹся, тамъ укланѹся, Божа-жъ мой!

Когда невѣста плачетъ, сиди за столомъ, боярки поютъ:

Да кукувала шѣра зязѹля ў садочку,
Прылажѹшы дробнѹ галѣѹку къ листочку!
Да плакала млода Настулька ў святѣйцы,
Прылажѹшы бѣлы ручки къ стальнѣйцы.

А ў гарѣди на пиралѣти зязѹля кукувала,
А Настулькина то мамка, а Настулькина рѣдна зязѹлю
[выклинала:

„Багдай зязѹля, багдай шѣрая астатнѣй годъ кукувала!
Атцибита́ла, аткукувала работнѣицу атъ минѣ!“
А ў гарѣди на пиралѣти зязѹля кукувала,
А Яскава мамка, а Яскава рѣдна зязѹлю привита́ла:
„Багдай зязѹля, багдай шѣрая усянѣй годъ кукувала!
Прицибита́ла, прикукувала работнѣицу ка мнѣ!“

Сидѣтъ Настулька на пасаджѣннѣи, Божа-жъ мой!
И прѣситъ матулька на багаславѣннѣи, Бѣжа-жъ мой!
„Багаславѣ мянѣ, матулька, да винца,
А атъ винца багаслави мянѣ, матулька, да жытьѣ!“

Отъ невѣсты боярки поютъ къ матери, за мать отвѣчаетъ сватъ.
Мать и дочь плачуть.

„Ай, жалъ маѹ, матулька, на тябѣ,
Што ни знаси́ла тонкай кашѹльки у тябѣ!
— Знасила, май дитѣтка, знасила,
Да за гульнѣй, за красой, забыла!
„Ай, жалъ маѹ, матулька, на тябѣ,
Што аддаѣшъ далѣка замужъ атъ сябѣ!“
— А ни далѣка, май дитѣтка, ни далѣка!
„А ти ня можна-жъ, май матулька, атказатъ?“
Ня мѣжна, дитѣтка, ня можна:
Ня днѹ субѣтку сытѣрли работку за табѣй,
Ня днѹ нядѣлку пили гарѣлку за тябѣ!“

Злитѣли да два а́нялы зъ неба,
Сѣли, пали на Анто́нава вакѣнца,
А зъ вакѣнца на Настулькину галѣѹку,
Спытѣли, спрасили ў краснай дѣвачки:
„Ти багаславила тябѣ матулька, малада?“
— Тагдѣ мянѣ рѣдна матулька багаславила,
Якъ и́нѣ мянѣ малѣсиньку спарадѣла,
А спарадѣѹшы, съ сырой зямѣльки узъни́ла,
А узъни́ѹшы, у тонки пѣлюшки спавѣ́ла,
А спавѣ́ѹшы кѹма́мъ на ручки падала,
А падаѹшы Госпада Бога прасила:
„Багаславѣ, Божа, ету дитѣтѹ да хрѣсту,
А съ хрѣсту багаслави, Божа, да рѣсту,
Атъ расту багаслави, Божа, да винца,
А атъ винца багаслави, Божа, да жытьѣ!“

Невѣста во время пѣнія сидитъ за столомъ; предъ ней лежитъ икона и хлѣбъ-соль. Если невѣста сирота, то поются слѣдующія пѣсни:

„Устань, устань, ни сяди, А на сваей бисѣди пахадй, И на сваю бясѣду пагляди: Ти ўся твай дружина сабрана, Ти ўся твай радный сазвана?“	Нѣтъ маей матульки на сьвѣти! Май ўся галбѣука ў вяночку, — Нѣтъ маей матульки у радочку. Май матулька трима замками [замкнина: Адинъ замочикъ — жбѣтый пясб- [чикъ—
— Я й чую, я й чую, я й знаю: Уся жъ май дружина сабрана, Уся жъ май радный сазвана,— Только нѣтъ маей рѣдной ма- [тѣльки: Я ўсю сваю бясѣду пирайшла, И нидѣ сваей матульки ни знашла! Май ўся галбѣука у квѣти, —	Ай, Божа жъ мой! Другій замочикъ — сыразямліца— Ай, Божа жъ мой! Трѣтій замочикъ — дубовы [дошки— Ай, Божа жъ мой!

Сиратинушка на садочку хаділа,
Циризъ магільникъ чорну сьтѣжку убила,
Тамъ ина сваю матухну буділа:
„Устань, устань, май матухна, ни ляжй,
Хуть ты мнѣ ету тѣмну ночку памажй,
Ня вѣкъ жа жъ будишь, мая матухна, викаваѣть,
Только ету адну тѣмну ночку памагаты!“
— Зъ Бѣгамъ, дитятка, зъ Бѣгамъ дарагая, сь усими
[святими!

Рада бъ я ўстати, сваямѣ дитй багаславѣння дати, —
Жаўтй пясѣчки засыпали мнѣ вочки, — ни магѣ прагліянути;
Чорна смѣга на губѣ спала, — ни магѣ прагаваріти;
Зилѣзны тьвѣчки зьбили мнѣ плечки, — ни магѣ пакранѣти;
Дубовы дошки сьтиснули ножки, — ни магѣ павярнѣти!

Пашла малада къ Госпаду Богу на раду.
Стайтъ гадінку, стайтъ другую за двярмй.
Атчиняютца тѣжанька дьверцы на зямлй.
„Чаго жъ, дитятка, чаго, дарагая, тутъ стайшь?“
— Ай, Божа, Божа! пришла на вясѣлья я прасіть!
„Буду, дитятка, буду, дарагая, я ў тебе!
Я самъ сяду старшымъ свѣтамъ на кутъ;
Анялы маѣ баярами у тибѣ.
Анялы будуць злѣтамъ-срѣбрамъ дараваѣть,
А я жъ буду дѣлѣй-щасѣтямъ наділяѣть.

Во время пѣнія этихъ пѣсенъ невѣста-сирота плачетъ.

Если выходить замужъ вдова, то поется только слѣдующая пѣсня:

Хаділа удѣвачка на садочку, хаділа,
Ина сваѣ блѣаи рѣчаньки ламіла,
Ина сваѣ дробныя слѣзки раніла,
Ина сваѣхъ малыхъ дѣтакъ ваділа:
Вы, дѣтачки, вы дробныя, вы маѣ!
Ня ўладити да столику падысьтй,
Ня ўладити жъ да и ложачку паднясьтй,
Ня ўладити жъ рѣзвыхъ пѣжачикъ разѣтъ.

По окончаніи пѣнія невѣста встаетъ изъ-за стола. Жениховъ сватъ хочетъ занять кутъ, но невѣстинъ сватъ не уступаетъ; начинается выкупъ кута:

Жениховъ сватъ говоритъ:

„Сватъ, сватъ! ти ты тутъ?“

Невѣстинъ отвѣчаетъ:

— Тутъ!

„Уступи мнѣ кутъ!“

— Ни ўступлю! Чимъ заплѣтишь?

„У минѣ ѣсть карфінъ рабѣй; будимъ пить гарѣлку сь табой!
Распиваютъ бутылку водки; тогда невѣстинъ сватъ уступаетъ кутъ.

На кутъ садится женихъ со сватомъ и сватьей, а противъ нихъ невѣста сь своей дружиной. Сватѣя невѣсты застилаетъ блюдо платкомъ и ставитъ его предъ жениховой сватьей, которая кладетъ на блюдо вѣнокъ и ставитъ его передъ невѣстой; сватъ невѣсты отдаетъ вѣнокъ старшей бояркѣ, которая надѣваетъ вѣнокъ на голову невѣсты и расплетаетъ косу, а въ это время поютъ жениху:

На мори, на сининькимъ бзари,

Да тамъ жа жъ Ясь бѣлыхъ лябѣдакъ стріляіть.

Ни такъ ѣнь бѣлыхъ лябѣдакъ стріляіть,

Якъ на иѣ ясны вочки ськидаіть: „у кагѣ, кагѣ ина удалася?“

— Удалася у рѣдную сястрицу, увилася у русую касіцу!

Послѣ этой пѣсни женихъ уходитъ изъ хаты, а невѣста прощается сь родными и знакомыми потомъ кланяется родителямъ и получаетъ благословеніе, при этомъ она плачетъ и приговариваетъ:

Кармілицъ татухна, радіма матухна,

Багаславітя минѣ да царквй ѣхаты,

Законъ приняѣть, дружка узяѣть.

Женихъ и невѣста ѣдутъ въ церковь раздѣльно, каждый со своей свитой.

Когда свадьба возвращается послѣ вѣнца, то въ лежащихъ на пути деревняхъ затворяютъ ворота и ожидаютъ выкупа. Получивъ выкупъ, пропускаютъ свадьбу, а также стрѣляютъ изъ ружей.

Молодые приѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты. Ихъ встрѣчаютъ родители на порогѣ дома съ хлѣбомъ-солью, бросаютъ подъ ноги шубу, осыпаютъ хмѣлемъ и овсомъ и вводятъ въ хату. Здѣсь садятъ за столъ всю свадьбу и угощаютъ обѣдомъ.

Послѣ обѣда водятъ хоробы и танцуютъ.

На слѣдующее утро, а если домъ жениха близко, то и въ тотъ же вечеръ, отправляютъ молодыхъ къ родителямъ жениха; гостей со стороны невѣсты ѣдетъ столько же, сколько было отъ жениха; выбираютъ самыхъ почетныхъ. Всѣ, которые уѣзжаютъ съ молодыми, садятся за столъ, и начинается выкупъ невѣсты и ея косы.

Жениховъ свать у боярокъ выкупаютъ невѣсту:

Вамъ, байрачки, гной капать, гной капать!

Боярки отвѣчаютъ:

Дай же жъ намъ вѣлочки, вѣлочки,

Злѣтныя шпѣлишки, шпѣлишки,

Тагда найдѣмъ гной капать, гной капать!“

— А дамъ же жъ вамъ вѣлочки, злѣтныя шпѣлишки,

Нихай за мной маладѣ невѣста!

И даетъ деньги.

Боярки соглашаются, получаютъ отъ свата деньги на шпѣлишки и уступаютъ невѣсту.

Подмолодяные выкупаютъ косу у надкосниковъ невѣсты. Надкосникъ кладетъ на блюдо рубль, ставитъ на голову невѣсты и начинается торговаться, прося набавить цѣну. Долго такъ торгуются; подмолодяные набавляютъ цѣну и выкупаютъ косу невѣсты. Потомъ такимъ-же порядкомъ выкупаютъ косу у надкосниковъ и боярокъ невѣсты.

Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола; остается только невѣста, которую надѣляютъ всѣ присутствующіе въ слѣдующемъ порядкѣ:

Отецъ и мать благословляютъ хлѣбомъ-солью и даютъ „пасагъ“, т. е. приданое. Женихъ переодѣвается и тоже даритъ молодую, стараясь, чтобы она его не узнала; потомъ дарятъ родные жениха; невѣстину же родные и сосѣди пока не подходятъ дарить.

Въ это время поютъ съ жениховой стороны:

Казали, што у яе радный многа,

А якъ стали дараваць—нѣтъ никѣга.

А дѣ-жъ тая радная падивалася?

Па тѣмнымъ куточкамъ захавалася!

Со стороны невѣсты отвѣчаютъ:

Тѣтачки, дядички, приступітись,

На минѣ младу ни забывайтись!

Тѣтачки, дядички, хуть пу пятаццы,

Ближніи сусѣди хуть пу рубялѣчку,

А малыи рибитки хуть пу капѣиццы!

Въ это время смѣлѣйшая изъ сосѣдей беретъ палку и, ходя около стѣнъ, стучить, приговаривая:

„Ни я прашу, маладѣ прѣсѣ!“

Подходятъ родные невѣсты и сосѣди и дарятъ еѣ деньгами.

Татка, то есть, одинъ изъ старшихъ гостей, выѣзжаетъ раньше молодыхъ и сопровождаетъ сундукъ и перину невѣсты. Татка въ перину кладетъ бутылку вина и баранки. Когда онъ собирается уѣзжать, то его не выпускаютъ, и просятъ выкупа за перину; отецъ невѣсты запираетъ ворота. Татка подходитъ къ нему; угощаетъ водкой, а всю родню невѣсты угощаетъ баранками. Тогда его пропускаютъ.

Черезъ нѣкоторое время и вся свадьба уѣзжаетъ къ родителямъ жениха.

Въ домѣ у родителей жениха къ приѣзду молодыхъ готовятъ столы для ужина. Когда услышать топотъ лошадей и звонъ колокольчиковъ, то поютъ слѣдующую пѣсню:

Чувать сваты, чувать,

Багатырачку вязуть:

Да за гарбой ни видать,

Съ скрынями, съ пяринами,

Равутъ кони, равутъ,

Съ пуховыми падушками.

Когда приѣзжаетъ свадьба во дворъ, приѣзжіе поютъ:

Чѣе то, чѣе то приданія блудили,

У чистамъ поли дарѣжку згубили?

Встрѣчающіе отвѣчаютъ:

Сюды, сюды, приданія, да сила,

А тутъ же жъ ваша галубачка литѣла,

За нашага галубчика хатѣла.

Старшая сватья невѣсты поетъ:

Ти тутъ, ти тутъ нашага свата висѣлья?

Ти тутъ, ти тутъ нашей сястрицы жилѣнья?

Сватья женихова отвѣчаетъ пѣніемъ:

Ай тутъ, ай тутъ вашага свата висѣлья,

Ай тутъ, ай тутъ вашей сястрицы жилѣнья!

Подходитъ къ невѣстѣ, у которой лицо покрыто платкомъ, и приговариваетъ:

„Да пазвольтѣ жъ атвиртѣть и княгини паглидѣть!“

Развязываетъ платокъ и открываетъ лицо у невѣсты, потомъ поетъ:

Привязьлі патвѣръ на дворъ;

А хто жъ яго патваратъ бѣдѣть?

Невѣстину сватья отвѣчаетъ:

Мы свѣкарку ни кланіимся,

А свякрѣўки патѣмъ-тагѣ.

Выходить свекровь на дворъ съ хлѣбомъ-солью, постигаетъ подъ ноги молодой бѣлый холстъ, по которому она съ мужемъ идетъ къ свекрови. Подойди къ ней, она кладетъ у ногъ свекрови комъ овечьей шерсти и какой-нибудь подарокъ; потомъ собираетъ холстъ и отдаетъ свекрови.

Свекровь ведетъ молодыхъ въ хату.

Невѣста опять даритъ что-нибудь свекрови, свекру, сестрамъ и братьямъ жениха. Молодые и вся „поѣзда“ садятся за столъ ужинать.

На слѣдующее утро свать невѣсты крадетъ курицу. Свать жениховъ торгуетъ курицу, но сватья невѣсты перебиваетъ и курица остается за ней.

Гости садятся завтракать.

Сватья невѣсты въ это время жарить курицу, а изжаривши садятся со своимъ сватомъ и молча ѣдятъ ее вдвоемъ. Всѣ подходятъ къ нимъ и просятъ курицы, но они никому не даютъ. Остатки покупаетъ жениховъ свать.

За завтракомъ поютъ пѣсни:

Госѣтики любви вы наши! Частуйтися, трахтуйтися вы у насъ:

Ёсть жа жъ у насъ бочка пива да й гли васъ!

Вѣпгитя жъ вы тую, найдемъ и другую,—ѹсѣ гли васъ!

Кали ня будить,—варбный коникъ дабѹдить,—ѹсѣ гли васъ!

А кали мала станитъ, нашъ татѹлька дастанить, ѹсѣ й гли васъ!

Па загорью сини краски цѣвитутъ,

Па застѣблю любви госѣти сидѣть.

Пацѣвѣѹшы, сини краски павѣли,

Пасидѣѹшы, любви госѣти паѹстали!

Невѣстѣ поютъ:

Што на мори за шумъ шумитъ?

„Татѹлька мой роднинькій!

Што на мори за грумъ грумитъ?

Ратуй мине зъ мора,

Млада Анютка кубки мыла

Зъ великага гѣра!“

И злотый пирѣтѣнакъ зранѣла.

— Богъ тебе ратуитъ,

И крыкнула ратѹначки

Да добрыя люди, а ни я!

Ажъ да свайгѣ татѹлички:

Когда приданыхъ невѣсты собираются отправлять домой, то свать жениховъ беретъ кнутъ и выгоняетъ ихъ изъ-за стола, приговаривая:

Приданыя ниѹдалыя!

Сколько у насъ баливѣли,

И лавачки ни паламѣли!

Приданыя отвѣчаютъ пѣніемъ:

Ахъ, приданыя удалыя, удалыя!

Три дѣни баливѣли,

Уси лаѹки пазламѣли!

И въ это время ломаютъ одну изъ лавокъ. Имъ поютъ:

Бѣдѣ, госѣтики, дамѣѹ,

Дыкъ сами пабѹдитя,

Ня гудѣти нашихъ дамѣѹ!

Па имхамъ, па балотамъ,

Кали нашы дамѣ пагѹдитя,

Па дубовымъ калѣдамъ!

Приданыя отвѣчаютъ:

Лѣпшы нашы хлявѣчки,

Лѣпшы нашы павѣтачки,

Нячимъ ваши дамѣчки,

Нячимъ ваши клѣтачки.

Поютъ также:

А хутъ жа жъ вы яѣ таѹчй, малѣтъ пашлѣтъ,

Только ѣй щѣру праѹду скажѣтъ,

А хутъ жа жъ вы яе за вадой пашлѣтъ,

Только разамъ абѣдать паждѣтъ.

Всѣ гости сидятъ за столомъ, а свать невѣсты дѣлитъ каравай, который привезла невѣста изъ дома. Во время дѣлежа поютъ:

Старшый свать, старшый свать,

То ѹ кишѣнь, то ѹ кишѣнь,

Каравай дѣлѣтъ:

То за пазуху!

Гости пробуютъ каравай, и потомъ поютъ:

А дѣ-жъ тая каравайничка,

Вѣкала сыръ да масла,

Што харѣшыя караваи пичѣтъ:

А ѹ сирѣдини доля да щѣстья!

Невѣста встаетъ и кланяется гостямъ.

Разливаютъ гостямъ вино и пиво, которое они выпиваютъ и заѣдаютъ караваемъ. Свать жениховъ и сватья невѣсты приглашаютъ гостей напивать молодымъ хозяйство. Свать наливаетъ въ рюмку вина и подаетъ по очереди гостямъ. Каждый пьетъ и говорить:

„Напиваю вамъ авѣчку! Приижжайтя и выбирайтя!“

Такъ „напиваютъ“ домашнихъ четвероногихъ и птицъ. Если же кто хозяйства не имѣетъ или ничего изъ хозяйства отдѣлѣтъ на долю молодыхъ не можетъ, то, кладя деньги, приговариваетъ:

„Я васъ у госѣти ни прашѹ, пару галубѣѹ напиваю и сама пристаѹляю!“

Послѣ переноя невѣста прощается съ своими придаными, которые сопровождали ее, и плачетъ. А въ это время поютъ:

Братѣтки на коникахъ

Ни на тѣя мы тѣбѣ аддѣли,

Зѣлатамъ увиваютьца,

Штобъ съ сабой узадъ брали!

А сястрица у свякроѹки

Кали жъ табѣ добра бѹдитъ,

Слѣзками уливайтца:

Дакъ мы тѣбѣ правѣдаимъ,

„Братѣтки маѣ рѣдныя,

А кали табѣ худа будить,

Вы павѣдитя дамѣѹ,

Мы зязѹличку пришлимъ!

Вазьмѣтъ, братѣтки,

Зязѹличка, кукуя,

И мине младу съ сабѣй!“

Щѣру праѹду скажѣтъ намъ!

— Сястрица наша родная!

Родные невесты уѣзжаютъ, а за ними и все гости.

Если невеста цѣломудренна, то на слѣдующій день женихъ ѣдетъ къ тестю и тещѣ и проситъ ихъ къ себѣ въ гости.

Родители невесты пріѣзжаютъ гостить день, а потомъ уѣзжаютъ домой, чѣмъ свадьба и кончается.

Сушковская волость, Дриссенскаго у.
Отъ крест. Магдалины Плейко и Зиновьи
Ивановой запис. Н. В. Пясковская.

Городокскій уѣздъ.

Свадьбы у крестьянъ бываютъ по большей части осенью, послѣ уборки хлѣбовъ и окончанія всѣхъ полевыхъ работъ. Намѣтивъ невесту, отецъ жениха пріѣзжаетъ къ ней въ домъ въ видѣ случайнаго проѣзжаго и начинаетъ спрашивать дороги до какой-либо деревни, или спрашиваетъ у хозяина, гдѣ живетъ въ деревнѣ сапожникъ или шорникъ и т. п. Посидѣвъ немного и высмотрѣвъ дѣвушку, ея ростъ и силу, уѣзжаетъ домой. Этотъ пріѣздъ называется „выглядины“.

Если дѣвушка понравится, тогда чрезъ нѣкоторое время отецъ жениха беретъ съ собою свѣдущаго свата, подбираютъ одной шерсти лошадей, сѣдлаютъ ихъ, связываютъ поводья вмѣстѣ и ѣдутъ въ тотъ домъ, гдѣ былъ раньше одинъ отецъ жениха. Пріѣхавши на дворъ, привязываютъ лошадей къ изгороди и медленнымъ шагомъ входятъ въ избу. Въ порогъ они останавливаются и стараются наступить одинъ на ковергу, а другой на помело. Дѣвушка, зная этотъ обычай сватовства, тотчасъ уходитъ изъ избы въ деревню, или садится за печку.

Сваты по приглашенію хозяина садятся на лавку и говорятъ о чемъ-либо постороннемъ. Посидѣвъ немного, жениховъ отецъ говоритъ хозяину: „Вы у насъ ни пытаютъ, а мы вамъ ни кажемъ, зачѣмъ мы къ вамъ пріѣхали? У насъ все харошій кунаецъ, а у васъ харошій таваръ,—хатѣли-бъ мы сайтисъ съ вамъ на цѣну!“ Если отецъ невесты не желаетъ отдавать дочь, то начинаетъ отговариваться:—„етыга цвѣту пы ўсяму свѣту! У маей дачкы нѣту шнытый шубы, или сермяги; сѣлѣтній годъ ни будимъ аддавать нѣ замужъ“. И сваты уѣзжаютъ.

Если же отецъ невесты желаетъ отдать дочку, то говоритъ сватамъ: „нада паслать у дярвеню зы дачкѣй, спраситъ у нѣ, ти пойдитъ ина за твайгѣ сына?“ Посылаютъ за дочкой. Когда та приходитъ, сватъ спрашиваетъ у ней, согласна ли она выйти за его сына замужъ? Дѣвушка говоритъ: „атразу я ничѣга ни скажу, пріѣжайте другѣй разъ!“

Спустя нѣсколько дней, сваты, призапасивъ бутылки три водки, „могущку“ баранковъ, два сыра и два куса вареной говядины,

ѣдутъ опять къ невестѣ. Войдя въ домъ, подаютъ невестѣ вязку баранковъ, одинъ сыръ и кусокъ мяса, остальное ставятъ на столъ. Хозяинъ сажаетъ сватовъ за столъ, за который приглашается и невеста. Отецъ жениха спрашиваетъ у отца невесты, какъ порѣшили они насчетъ свадьбы, намѣрены-ли отдать замужъ свою дочь за его сына? Если невеста и ея отецъ согласны на бракъ, то сватъ наливаетъ рюмку водки, бросаетъ въ нее 20-копѣчную монету, и эту рюмку подаетъ невестѣ. Та выливаетъ водку черезъ плечо, а деньги беретъ себѣ. Другая рюмка наливается сватомъ отцу невесты, и такъ далѣе—по старшинству. Мать невесты угощаетъ сватовъ яичницей, медомъ, молокомъ и говядиной.

Послѣ угощенія сваты дѣлаютъ условіе, сколько ведеръ женихъ долженъ доставить на свадьбу водки. Иногда женихъ обязывается дать невестѣ на свадьбу и денегъ рублей десять или пятнадцать. Когда сваты думаютъ уѣзжать, то невеста выходитъ на дворъ, беретъ лошадей сватовъ подъ уздцы и выводитъ ихъ за ворота, за что сваты даютъ ей рубль.

Побывавъ у священника, сваты увѣдомляютъ невесту о днѣ вѣнца; свадебный-же пиръ откладывается сватами на недѣлю или даже и на двѣ послѣ вѣнца. Передъ бракомъ невеста занимается шитьемъ и мытьемъ бѣлья, а дѣвушки, подруги, приходятъ къ ней по вечерамъ помогать и поютъ ей свадебныя пѣсни, напримѣръ:

Ай, ббрамъ, ббрамъ, баравінаю,
А хто-жъ тамъ ѣдитъ вичарінаю?
Ай, ѣдитъ, ѣдитъ Иванька пьяный:
„Ай, атчиніся, Гапуська—паня!“
— Я ня тчинюся, мамки баюся,
Пиридъ табѣю низка скланіся,
Пиридъ табою, пиридъ жаўнѣрамъ,
Пиридъ жаўнѣрамъ, чорнымъ каўнѣрамъ.
Што жъ ты, Гапуська, дужа смущѣна?
Вѣрна ты, Гапуська, ужо заручѣна?
Учора была, якъ рожа цвила,
Сягѣня стала, якъ мята звяла.
Пайдѣмъ жа, Гапуська, да майгѣ сада, —
Дамъ табѣ яблакаў, дамъ табѣ грушыкъ,
Дамъ табѣ грушыкъ, пѣлынь хвартушыкъ.
Дли тибѣ сьвятълица ўся гѣнтамъ крыта,
Дли тибѣ спадыіца ўся злѣтамъ шыта.

Гарѣхъ жѣнитца, сачіўку бирѣть,
Ды кагѣ жъ намъ сыбратъ, у приданки паслать?
Грибѣу сабарѣмъ, у приданки пашлѣмъ!

уѣзжаетъ домой, а неvěста снимаетъ съ себя свадебный нарядъ и принимается за работу; гостей не бываетъ никакихъ, до дня свадебнаго пира. Женихъ въ продолженіи недѣли или двухъ не видитъ неvěсты.

Въ день, назначенный для свадебнаго пира, рано утромъ, неvěста одѣвается въ свадебный нарядъ. Собираются родственники, знакомыя и подружки неvěсты.

Пріѣзжаетъ жениховъ отецъ съ сватомъ, привозятъ ведро водки, два сыра, два большихъ куска мяса, мотушку баранковъ и башмаки. При этомъ сваты отдаютъ неvěстѣ одну бутылку водки, одинъ сыръ, одинъ кусокъ мяса, мотушку баранковъ и башмаки; неvěста, принявъ отъ сватовъ подарки, причетъ ихъ въ „кубелъ“. Это дѣлается для того, чтобы, пріѣхавши къ жениху, не нуждаться въ пищѣ, такъ какъ первое время въ чужомъ домѣ неvěста бываетъ стыдлива.

Неvěстинъ отецъ, принявъ отъ сватовъ водку и закуску, сажаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ за столъ, а жениховъ отецъ и свать садятся у порога, пока пообѣдаютъ родня неvěсты. Оставшіяся отъ стола кушанья отдаются сватамъ. Послѣ закуски неvěста несетъ рѣшето холста и по выбору отдаетъ свекру и свату на штаны, деверьямъ тоже, свекрови посылаетъ намѣтку (платокъ своего издѣлія), а золовкамъ холста на рукава. Этотъ пріѣздъ сватовъ называется поручи (подарки).

По отѣздѣ сватовъ неvěста и дѣвушки начинаютъ плясать. Поздно вечеромъ неvěста собираетъ боярокъ (подругъ) въ другую избу и разставляетъ ихъ въ должномъ порядкѣ: старшихъ по правую, а младшихъ по лѣвую сторону. Каждой изъ своихъ боярокъ неvěста кланяется въ ноги, голося и причитывая: „Спасибо, май милыя падрушки, што ни кинули минѣ ѹ послѣднюю часинку!“ Цѣлуетъ ихъ по нѣсколько разъ и раздаетъ имъ по рюмкѣ водки. Затѣмъ неvěста составляетъ изъ боярокъ хороводъ и сама правою рукою ведетъ его въ ту избу, гдѣ играетъ дуда.

Впереди хоровода идетъ съ иконой крестный отецъ. Войдя въ избу, онъ останавливается у порога, а неvěста съ боянками стоятъ въ сѣняхъ избы, причемъ дверь избы бываетъ отворена. Дуда въ избѣ играетъ припѣвы. Крестный отецъ, обращаясь къ дудѣ, говоритъ:

„Дудачка-галубачка! ти ня дѣсать вамъ гратъ, ти нямѣжна шъ вамъ на гету часинку замуѣчать: айцу, матери, радныхъ и знакомымъ княгини благославленства аддаты!“ Дуда продолжаетъ играть. Просьба опять повторяется крестнымъ отцомъ, до трехъ разъ, въ тѣхъ же самыхъ словахъ. Дуда за третьимъ разомъ умолкаетъ. Крестный отецъ, при общей тишинѣ, опять начинаетъ говорить:

„Семь годъ надъ градамъ (твор. мн. ч.) качаѹся, насилу гетый бясѣды даждаѹся; пакуль яѣ даждаѹся, кафтанъ мой съ плечъ садраѹся. Атець, мать, братья, сѣстры, радныхъ, знакомыхъ, запечныхъ, напечныхъ,

приходныхъ, атходныхъ, пріѣжныхъ и атѣжныхъ, у лѣльки лижащія, на нагахъ хадящія, храмыя, сляпныя, ѹси на хату выхадіть, маладую княгиню благославленствамъ надяліть: кагѣ Богъ-принѣсь, кагѣ конь привѣзь, и тыя бабылачки, што ни мають кабылачки, и тыя удовушки, што ни мають карѣвушки, у Бога доли просяють, на сабѣ дрѣвы пбсють! Кто будить благославляти, таму будимъ на чарки гарѣлки давати!“

Сказавъ эту рѣчь, крестный отецъ отходитъ къ столу и ставитъ въ божницу икону, а неvěста съ боянками входятъ въ избу и садятся за столъ, причемъ сама она занимаетъ мѣсто на кутѣ, а боярки садятся кругомъ стола. Крестный отецъ беретъ водку съ огромною глиняною рюмкою и наливаетъ ее веѣмъ подходящимъ къ столу для надѣла молодой. Невѣста при каждомъ полученномъ надѣлѣ голоситъ и благодаритъ за надѣлъ. Надѣлы бываютъ очень малы, самый большой пять копѣекъ, а по большей части кладутъ на столъ одну копѣйку или грошъ.

Неvěста сидитъ за столъ до пріѣзда жениха больше двухъ часовъ. Сваты въ ожиданіи жениха поютъ пѣсни:

Литѣли гѹли чиризъ три пѣли,	Гапуська напѣриди.
Зязюля напѣриди.	Дѣвачки сѣли, пѣсьни запѣли,
Гули сѣли, зашибитѣли,	Гапуська заплакала.
Зязюля пракукувала.	Чагѣ, Гапуська, чагѣ, дѣвачка,
Чагѣ, зязюля, чагѣ, шѣрая,	Знатъ, лихую свякрѣу чѹишь?
Знатъ, сѣтюдѣну зиму чѹишь?	— Чую, ня чую, вижу, ня вижу,—
— Чую, ня чую—ни тѣплая лѣта!	Ня рѣдная мамка!
Ишли дѣвачки чиризъ сѣнчючки,	—

Падѹмай, Гапуська, сама сабѣ,
 Ти бѹдитъ волюхна, якъ у насъ табѣ,
 Ти пѹсѣтитъ Иванька пагулѣть тябѣ?
 Хоть пѹсѣтитъ, ня пѹсѣтитъ да на-нимѣжка,
 Прикажыть Гапуськи ни забылѣтца,
 На другихъ мыладыхъ ни заглядѣтца,
 Ны минѣ мыладѣга ни забыватца.

Гапуська, дѣвачка, у каго жѣ ты пыталася,
 Куды жѣ ты хваталася?
 Тамъ гѣры гарѣстыя, люди наравѣстыя,
 Тамъ горы нярѣуныя, свякрѣуки нярѣдныя!

Вы дѣвочки, вы зрадышцы мае,
У надѣлю ранишка вы зрадили мянѣ:
Сабѣ звилъ вянѣчки съ руты, съ миты, жѣ жѣўтага вѣху,
А мнѣ звилы вы вянѣчкѣ съ калѣўчага ялѣнцу.
Ялѣнецъ кѣлѣтъ, галѣўку клѣлѣтъ, Божа шѣ мой!

Ай, ѣдутъ сваты, ѣдутъ,
ѣдутъ нидалѣчка, только за барѣчкамъ,
Ружѣи зарѣжають, пирѣпѣлакъ стрѣляють:
Пирѣпѣлки ў юшку, перѣя на падушку, —
Юшку хлѣбать, на падушки спать.

Если выходить замужъ сирота, то ей поють слѣдующія пѣсни:

Ня стой, Бѣжухна, за дѣвирѣмъ, Хадѣ ты, Бѣжухна, у хату! Сядѣ-жа ты, Бѣжухна, на куѣтъ, Дай долю-щасѣти сиратѣ!	Да прасѣўся у Бога, Да у Духа Святѣга: Пустьти, пустьти, Божа, Минѣ зѣ неба на зѣмлю, Сваѣ дѣтя паглядѣти, Да парѣданьку дати: Ти харашѣ прибарѣна, Ти на куѣтъ пасажѣна? — Прибарѣна, якѣ панѣятка, Пасажѣна, якѣ сирѣтка.
Зялѣная дубравнѣйка, Шѣто шѣ у тѣбѣ сѣўчыў мнѣга, Зялѣнага нѣтъ ни вѣднага? Маладая Прасутка. Шѣто-шѣ у тѣбѣ тѣтакѣ мнѣга, А роднага нѣтъ ни вѣднага? Ѣсѣ камѣу пѣтъ, гуляти, Да нѣкаму парѣдку дати. Ѣсѣ камѣу пакланѣйтца, Да нѣтъ у кагѣ благаславѣйтца. А Прасуткинѣ жа татка	— Пышныи, гордыи байрачки ман! Чѣўитѣ, видѣтѣ, ды ни кѣжытѣ, Шѣто май разлѣка на дворѣ ѣдѣтъ, Разлѣчѣтъ минѣ хѣчѣтъ съ вамѣ! —

Кѣ концу пѣнѣи прѣѣзжаѣтъ женихъ. Тѣща надѣвѣаѣтъ шубу, вывернувъ еѣ шерстью вверхъ, и идѣтъ на дворѣ съ овѣсомъ встрѣчѣтъ жениха; она осыпѣаѣтъ еѣ овѣсомъ, а женихъ клѣняется еѣ въ ноги. Потомъ тѣща возвращѣаѣтся въ избу, а женихъ остаѣтся на дворѣ. Съ нимъ прѣѣзжають еѣго родѣтвенники, сѣстры, дружѣкѣ, который повѣзѣтъ молодыхъ. Дружѣкомъ выбѣрають чѣловѣка, знахарѣ, умѣющаѣго „отдѣлѣвать“ на случѣи надѣбности, такъ какъ на свѣдѣбѣ часто колдуютъ. Бывають случѣи, что на дорогѣ, гдѣ должны ѣхѣтъ молодые, зажигають нѣсколько куѣлей соломы; лошади не пойдутъ черѣзъ огонь, а потому дружѣко, знахарѣ, можѣтъ „отдѣлѣать“ это; или отъ нехѣрошаѣго глаза забѣлѣтъ женихъ или невѣста, то дружѣко тотчасъ можѣтъ помѣчь. За это ему платѣтъ и поѣтъ водѣкой.

Прѣѣхавши за невѣстой, дружѣко входитъ въ избу, неся съ собою шубу и платѣкъ для молодой; подѣйдѣя кѣ невѣстѣ, дружѣко хочѣтъ

одѣтъ еѣ въ шубу, но боярки всѣакиваютъ изѣ-за столѣ и не позволѣають одѣвать невѣсту, говоря: „въ вашѣй шубѣ много блохъ и вѣшей, онѣ закусѣають нашу княгиню!“ Это повѣрѣаѣтся три раза, пока дружѣко не даѣтъ выкупъ за невѣсту, каждѣй бояркѣ по двѣ или по три копѣйки. Невѣста тогда надѣвѣаѣтъ шубу, обѣязывѣаѣтся платѣкомъ, а дружѣко выхѣдитъ на дворѣ за женихѣмъ; берѣтъ еѣго за руку и ведѣтъ въ сѣни, здѣсь они останавлѣивѣаються около дѣвери изѣбы, а свѣтѣи вынѣихивѣають по одной бояркѣ изѣ изѣбы кѣ жениху, говоря: „ти гѣта вашѣа княгинѣя?“ Чѣсто бывѣаѣтъ, что женихъ ошибѣаѣтся и принимѣаѣтъ боярку за свою невѣсту. Надѣ такимъ женихѣмъ смѣются и назывѣають еѣго дураѣкомъ. Когда женихъ узнаѣтъ свою невѣсту, то поцѣлѣуетъ еѣ и перѣкружитъ съ неѣй.

Женихъ привѣзѣтъ кѣ невѣстѣ и своѣго дударѣя. Невѣста дарѣтъ еѣго поясомъ и полотенѣцемъ, а женихъ невѣстинѣому дударѣю платѣтъ дѣньгами.

При встрѣчѣ, дѣуды жениха и невѣсты клѣняются одна другоѣй и потомъ ужѣ начинаютъ игрѣтъ одинаѣковую пѣсню.

Молодые идутъ изѣ сѣней въ избу и садѣются за столѣ; съ ними жѣ сажають родню жениха. Сѣстра жениха, садѣясь за столѣ, поѣтъ пѣсню:

Ты май братѣвѣчка, А я тѣвай залѣвѣчка, Ну ни гѣрдывай мной,	Шѣто я сѣла рѣдамъ съ табѣй: Хѣтъ за сталѣчѣкамъ тѣваймъ, Ну за братѣчѣкамъ свѣаймъ.
--	--

Зѣтѣмъ подають ужѣинѣ, который состоѣтъ изѣ многихъ кушѣний. Подають, напѣримѣръ: стѣудѣнъ, сырѣ, мяѣсо, юшку, крупѣню, кашу, медъ и яѣичницу. Женихъ и невѣста не ѣдѣтъ ничѣго; для нихъ клѣдѣтся одна лѣжка. Послѣ ужѣина молодыхъ ведутъ въ клѣтъ (амбарѣ) и тамъ угощають тѣми жѣ кушѣаньѣми, которые были подѣаны за ужѣиномъ. Съ женихѣмъ въ амбарѣ неотлѣчно бывають еѣго дударѣ и дружѣко.

Послѣ ужѣина дружѣко ведѣтъ молодыхъ въ избу и снова сажаѣтъ за столѣ. Братѣ, подѣйдѣя кѣ невѣстѣ, снѣмѣаѣтъ съ головы еѣ вѣнокъ и надѣвѣаѣтъ еѣго на свою голову, берѣтъ молодѣую за косу и говоритъ: „отрѣжу косу!“ А женихъ не позволѣаѣтъ, говоря: „что хочѣшь за неѣ?“ Братѣ говоритъ: „дѣвѣдѣцѣтъ пѣтъ рублѣй!“ Женихъ начинаѣтъ торѣговѣтѣся и наѣконѣцъ выкупѣаѣтъ косу невѣсты за пѣтъ копѣекъ. Тогда братѣ распѣлѣаѣтъ косу сѣстры, а невѣста голосѣтъ, говоря:

„Кѣсѣйца май русѣа, Уплѣтъ май шѣлѣкѣвыи! Ни гѣодъ жѣа, ни двѣа я тѣбѣ чѣсѣа,	За адѣинѣ-жѣа вѣчѣирѣчѣикъ Я тѣбѣ прагулѣяла“.
---	---

Затѣмъ братъ надѣваетъ сестрѣ на голову вѣнокъ, а сваты поютъ пѣсню:

Татаринъ братъ сестрѣ, татаринъ,	— На ета, сестрица, ни ўпавай,
Аддаў сестрицу за дѣры,	Часта ў госьтики прибывай!
Русую касицу за пятакъ,	„Ня ў тьи руки я папала,
Бѣлая личика пашло й такъ.	Штобъ къ тибѣ ў госьтики бывала,—
И варѣтики няччиніў,	Мѡжа ў гадѡчикъ разбѡчикъ,
И дарѡжаньку ни ўказаў!	Да и то на адінъ часѡчикъ!

Мать невѣсты приносить на столъ рѣшето платочковъ и раздаётъ ихъ дружинѣ, а дружина платятъ за платки по десяти копѣекъ.

Затѣмъ отецъ невѣсты зажигаетъ свѣчу предъ иконами и благословляетъ молодыхъ, причемъ молодые кланяются иконамъ, потомъ отцу, матери и всѣмъ родственникамъ. Сваты поютъ пѣсни:

А вишынька Гапуська, вишынька,
Кланяйся мамухны низинька:
Спасиба, мамухна, за хлѣбъ-соль,
Тяперъ ни пайдѣ за твой столъ!
Шалѡвая питычка абъ сѣтѣну бѣтъ,
А Гапуська татухны дабрѡнычъ дасть:
Дабрѡнычъ, татухна, дабрѡнычъ,
Ни на адну ночиньку—на весь вѣкъ,
Ни на адну минѣ—на весь свѣтъ!

Паѣдимъ мы, брѡтитки, да дѡму,
Павизѣмъ гету нивольницу съ ниволи,
Пустьтимъ гету нивольницу на вѡли.
Будимъ-жа мы не ўсѣй сямѣйкай глядѣти,—
Ти будить инѡ ў нашу хатку радѣти?
Кали будить у нашу хатку радѣти,
Будимъ не ўсѣй сямѣйкай жалѣти.
А ня будить ў нашу хатку радѣти,
Будимъ на не якъ на вѡўка глядѣти!

Молодые уѣзжаютъ къ свекру послѣ полуночи. Съ молодыми ѣдутъ: дружка, дударъ и родственники жениха, со стороны же невѣсты никто не ѣдетъ.

Подѣвжая къ дому жениха, сваты поютъ пѣсни:

Аччиний, мамухна, новый тынъ,—	А миѣ маладому падружка!
Мы вязѣмъ нивѣсту, якъ твой	Табѣ, мамухна, пить выдавать,
[сынъ!	А миѣ мѡлайцу пасѣтѣль слать!
Аччини, мамухна, вакѡнца,	Загадай, мамухна, якъ хатѣ,
Мы вязѣмъ нивѣстку, якъ сонца!	Пагадай, мамухна, якъ дитѣ.
Вотъ табѣ, мамухна, паслужка,	

Выйди, свякрѡўка гырѡтая,
Пирайми нявѣхну богатыю!

Выйди, свякрѡўка саплівая,
Пирайми нявѣхну щаслйвыю!

Свекоръ и свекровь выходятъ на дворъ встрѣчать молодыхъ и несутъ съ собой булку хлѣба и горсть льна; при этомъ свекровь говоритъ невѣсткѣ: „пирожокъ съѣшь, а кудельку спряди!“ Молодые идутъ въ избу, гдѣ ихъ сажаютъ за столъ. Молодая кладетъ кудель на божницу. Сваты поютъ пѣсню:

Жѡнычки лябѣдычки!	Бышмачкй казлѡвыи,
Скланітя галѡвычки,	А плѡтыка атласѡвыи,
Пыглядитя сваѣй братѡвычки!	Платочикъ шалѡковй,
А у нашьй братѡвычки	А вянѡчикъ пярлѡвйи.
У золыти галѡвычка,	

Свекровь угощаетъ молодыхъ всевозможными кушаньями. Послѣ ужина прекращается свадьба до слѣдующаго дня.

На завтрашній день, рано утромъ, ѣдутъ къ жениху отъ невѣсты приданки (сваты) и везутъ кубель молодой. Невѣстка утромъ беретъ вѣдра и отправляется за водой, и сваты поютъ ей пѣсню:

А ў паниядѣлыкъ рѡна	Галоўка ни прибрѡна!“
Синія мѡря грѡла,	Галоўка, якъ какѡўка,
Синія мѡря грѡла.	Сама—якъ жидѡўка.
Гапуська вадѣ брѡла.	Между дѣвыкъ ни дѣўка,
Гапуська вадѣ брѡла,	Между жѡныкъ ни жѡнка!
У свой бѡкъ пыгладѡла.	Святый паниядѣлыкъ
„Ни жаласлива мамка,	Атлучиў ать дѣвыкъ,
Ни плѣтъ гасѣтѣй рѡна,	А святый утѡракъ
Ни плѣтъ гасѣтѣй рѡна,	Далѣчить да жѡнакъ!

Ай, вумная, разумная Гапуська!
Пыстѡвила старѡжыньку на брадѣ,
Сама сѣла падъ вишынькый у саду.
Аткуль, аткуль красная сонца узыйдить,
Аттуль, аттуль маѣ радѣнка прѣйдить.
Той жа динѣчикъ маѣ убѡры привязѣтъ,
Той жа часѡчикъ маѣ галоўку убярѣтъ!

Прѣхавшихъ приданокъ встрѣчаютъ жениховы отецъ и мать и ведутъ ихъ въ избу, сажаютъ за столъ и подаютъ имъ сыръ и водку. Послѣ закуски приданки садятъ невѣсту на скамью, снимаютъ съ нея вѣнокъ и надѣваютъ ей на голову тканку—обручѣкъ, кото-

рымъ придерживаются волосы; затѣмъ завязываютъ на голову платокъ. Сваты поютъ приданкамъ пѣсни:

Бѣлы приданки, бѣлы, — Такъ насъ мать радѣла,
Гдѣ вы бѣла брали: Ё харошью чирядѣну,
Ти на мѣрѣ литали, У паѣзды нарядила,
Ти ё лебидя пазычала? На лаўки пысадила!

Зроду ё сватѣхъ ни бѣла, Сяду ны кутъ—надмѣся,
Гарѣлки зъ мѣдымъ ни пѣла. Гарѣлки зъ мѣдымъ напыюся!

На дварѣ дощъ идѣть, припрѣгавантъ,
Братъ у сестры припрѣгавантъ:
„Сестрица рѣдная, што ни абѣдала?“
— Братитка рѣдный, я ня вѣдала!
Я тагда, братитка, сѣни мѣла,
Подмѣушы сѣни, зы вадѣй пашла.
Свякрѣука ни мамка—ни паклѣкала,
Залѣуки ни сестрицы—ни сказали мѣ,
Дѣвири ни братцы—ни пазвали минѣ,
Майгѣ мѣлыга дома нѣтъ!

„Якъ табѣ, титѣрка, на бѣру литати, —
У тибѣ, титѣрка, ножки карѣтки?“
— Буду литати, буду ёлаживати:
Я зъ гарѣ скѣкамъ, а на гарѣ ёзлѣтамъ!
„Якъ табѣ, Гапуська, ё чужой мамки жыть?
Якъ табѣ ёлаживати?“
— Буду жыть, буду жыть, буду ёлаживати:
Пыстылю пастельку мѣгчѣй свѣй,
Пылажѣ ёзгалѣуя крутѣй свѣйгѣ.

Ни щибячѣтя, дробныя пташки,
Ни будѣтя майгѣ свѣкра ё пирини!
Якъ я за ложки, а ёнъ за вожки,
Якъ я за лаўки, а ёнъ за качалки —
Мѣнѣ битѣ!

Приданки ёзжають домой послѣ обѣда. Предъ отѣздомъ, пойдя къ свекру и свекрови, поютъ пѣсню:

Ды ня бѣтя шѣ дубцѣми, Научайтя гавѣркамъ! (тоже):
Научайтя слаўцѣми, Адъ дубцоу дурнѣить,
Ды ня бѣте вярѣукамъ, (твор. мн. ч.) Атъ слаўцоу разумнѣить!

Вмѣстѣ съ приданками къ тестю и тецѣ ёдетъ женихъ и везетъ бутылку водки, перевязанную красной лентой. Прѣхавши къ тестю, женихъ кланяется въ ноги тецѣ и тестю, подаетъ имъ бутылку водки и проситъ ихъ къ себѣ въ гости.

На третій день свадебнаго пира родители невѣсты прѣзжаютъ къ зятю въ гости, гдѣ ихъ угощаютъ чѣмъ только можно.

Сваты гостямъ поютъ пѣсню:

Пы замѣрю синѣи краски синѣли,
Пы застѣлю любѣи гѣсти сидѣли.
Скольки синѣушы, синѣи краски павянутъ,
Скольки сидѣушы, любѣи гѣсти паѣдутъ!

Гости ёзжаютъ. На четвертый день жениховъ отецъ и мать ёдутъ въ гости къ невѣстиному отцу. При отѣздѣ гостей имъ поютъ пѣсню:

Да дому, сваты, да дому, А кыла свѣрни мякину.
Прѣли кони салѣму, Мы имъ дали чѣтивярѣкъ аўса,
А кыла тыну страѣву, И асталася вамъ Гапуська уся.

Этимъ оканчивается крестьянская свадьба.

Владиміров. вол. Городокск. у.
Зап. Л. О. Русакова.

Въ дер. Волотовѣ сѣсѣдней козыанской волости Городокскаго же уѣзда свадебный эпизодъ благословенія совершается такимъ образомъ:

Предъ началомъ благословенія молодого и его одаренія тысящѣй, стоя за столомъ, три раза обращается къ гостямъ съ слѣдующимъ вопросомъ:

„Гѣстѣи сазваныи, сабранѣи! Ти ня вѣищѣтца зъ васъ такѣга малайцѣ, каѣ малаѣму князю пѣсню сѣпѣтъ, у путь-дарогу благославѣть и атправѣть?... Прасѣу жа я васъ разъ, прашѣу и другѣй разъ!... Прасѣу жа я васъ два, и ё третѣй разъ пуўтарѣу!“

Но никто изъ гостей, сидящихъ за столомъ, не отзывается. Начинаетъ играть музыка. Въ это время изъ толпы гостей, поющихъ и танцующихъ посреди хаты, слышится голосъ: „Ёсь! Найшѣуся такѣй малаѣецъ! Можѣтъ благославѣть и ё путь-дарогу князя атправѣть!“ Въ избѣ водворяется полнѣйшая тишина. Всѣ взоры обращены къ нарамъ, на которыхъ спитъ крестьянская семья. Здѣсь на одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ эти нары, а именно находящемся подлѣ печи, сидитъ „сталбавѣй“,—въ оборванныхъ лаптяхъ, въ изношенномъ балахонѣ—насовѣ, въ рваной шапкѣ и съ растрепанными волосами.

дому и садится на колеса съ бояркой, которая обязана править лошадей; на другихъ лошадяхъ ѣдутъ за нею отецъ съ матерью. То же самое происходитъ и у жениха, только женихъ кланяясь не голоситъ; онъ отправляется въ церковь съ отцомъ, матерью и сватомъ. Когда женихъ и невеста придутъ въ погостъ, сватъ отправляется за священникомъ и привозитъ его въ церковь. Женихъ беретъ невесту за руку и подводитъ къ аналою, а боярка подстилаетъ подножки, на которыхъ женихъ бросаетъ пять коп. Послѣ вѣнца женихъ ведетъ невесту изъ церкви, стараясь, чтобы никто не прошелъ между нихъ. Это считается дурнымъ знакомъ.

Если молодые живутъ въ другой деревнѣ, то идутъ въ корчму или въ какую нибудь избу въ погостъ, молятся и садятся за столъ. Мать жениха развязываетъ узлы съ провизіей и угощаетъ присутствующихъ сочными, мясомъ, рыбой, а отецъ обноситъ водкой. Первую рюмку наливаетъ свату, который пьетъ за молодыхъ: „на совѣтъ, на любовь, на долгій вѣкъ, чтобы жить, ни абы чомъ ни тужить!“ Закусивши, назначаютъ сроки дальнейшей свадьбы и отправляются домой. Женихъ, если по пути, завозитъ невесту въ ея домъ, а если не по пути, то только катаетъ. Въ это время невеста отдаетъ жениху семь яицъ въ платѣ, а женихъ даетъ ей нѣсколько конфетъ. Яйца эти онъ везетъ домой. Подвезши невесту, женихъ въ домъ ея не входитъ, а прощаются все у воротъ. Женихъ съ невестой не видятся болѣе до дня свадьбы.

Въ пятницу передъ свадьбой выбранная женщина ходитъ по деревнѣ и приглашаетъ сосѣдей на свадьбу.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы у невесты играетъ скрипачъ и происходятъ танцы. Отъ жениха призываютъ сваты, отецъ и мать, входятъ въ домъ и кладутъ на лавку подъ образа мѣшокъ съ провизіей, въ которомъ находится вареная говядина, сыръ, ржаной пирогъ, начиненный картофелемъ съ творогомъ. Вмѣстѣ съ мѣшкомъ ставятъ и привезенную въ носатѣ водку. Приѣхавшіе здороваются съ отцомъ и матерью невесты и говорятъ:

„Сваточки, сваточки! ти ня пусьтитя насъ начувать? Мы ѣхали, ѣхали пы мхамъ, пы балотамъ, пы вяликимъ калодамъ, на тѣснымъ згародамъ,—самы ня ўздумаимъ, аткулицька мы ѣхали и куды мы приѣхали!“

— Ды нягдъ шъ! Усяка зъ людѣмъ бувѣнты! Милысьси просимъ, начуйтя! Наша шъ хата ни тякѣтъ, найдимъ мѣста, гдѣ пылажыть и поблиўки найдимъ улить, хуть ни такѣй, якъ у людяхъ!

„Ды за ета спасиба, мы можа и свайгд найдимъ хлѣба крошку укуситы!“

— Ага, у Вывласа ни бизъ запаса! Знать, вы здалѣка ѣдитя, што съ сваймъ хлѣбымъ выбралися!

Приѣхавшіе снимаютъ съ себя верхнюю одежду и садятся. Проведя часъ въ хозяйственныхъ разговорахъ, приѣхавшій сватъ обращается къ свекрови съ слѣдующими словами:

„Ну-тка, сватѣюшка: я думаю, ня муччи вы сябѣ и ни тримайтя вы насъ; а кали што, дыкъ будимъ-тка малітца Богу. Ды кали што, дыкъ и тѣя!“

— А пужауѣ сабѣ, сватокъ: кали вамъ пыльна хочытца скорѣй справитца, дыкъ и за намъ запрету нѣтути. Кали тагд, дыкъ и тѣя!

Отецъ невесты зажигаетъ передъ образомъ восковую свѣчу, и все находящіеся молятся Богу. По окончаніи молитвы ставятъ столъ противъ образа и хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ, преимущественно родственниковъ и сосѣдей своей деревни. Сваты занимаютъ первое мѣсто. За этимъ столомъ никто изъ женщинъ не бываетъ, кромѣ свекрови, которая вынимаетъ изъ мѣшка на столъ пироги, говядину, сыръ. Все это разрѣзываетъ кто-либо изъ сидящихъ за столомъ и кладетъ по столу въ отдѣльныя кучи. Родители невесты за столомъ не сидятъ, а стоятъ возлѣ. Свекоръ беретъ носатку съ водкой и, начиная съ хозяевъ, угощаетъ всѣхъ сидящихъ за столомъ; потомъ закусываютъ привезеннымъ. Окончивъ закуску, свекоръ обращается къ хозяйкѣ:

„Сватѣюшка! пыкажѣти-тка вы намъ лицомъ тываръ: за што мы пѣмъ, ядѣмъ ды прыклажѣимся?“

Во все это время невеста находится въ другой избѣ, а если нѣтъ другой избы, то у сосѣдей. Мать приводитъ невесту, которая, поздоровавшись съ свекровью и свекромъ, становится возлѣ стола. Свекоръ пьетъ водку за ея здоровье, потомъ наливаетъ рюмку, кладетъ туда монету и подаетъ невестѣ. Невеста обязана выпить всю рюмку, а деньги беретъ себѣ. Потомъ свекровь даетъ ей цѣлый пирогъ, кусокъ говядины, сыръ, бутылку водки и новые сапоги, приговаривая:

„На-тка шъ, май нивѣстка любая, пильня, ядильня и бувѣнья! Пей, ѣшь, абувайся, прибирайся, жыниховымъ швѣвымъ ни чурайся! Ти якъ-расъ та яны прѣдутца табѣ, еты боты? Я ўжу и такъ иму гражѣла и казала: гляди шъ ты, злодѣй-сынокъ! Дѣлый якъ можна на-большы боты, кали пѣ на ўсходахъ были у хылявахъ шурокѣн, кали пѣ было куды и салому улажѣть и суконку акрутиты!“ Невеста, поблагодаривъ, идетъ въ другую избу и полученнымъ угощаетъ своихъ подругъ.

По уходѣ невесты, мать ея подаетъ на столъ свой ужинъ, а отецъ подноситъ передъ каждымъ кушаньемъ свою водку. По окончаніи ужина, музыкантъ играетъ, и нѣкоторыя женщины тап-

пують. Сваты со сватьей тоже должны протанцевать. Наконецъ, сваты уѣзжаютъ. При этомъ невѣста сводитъ ихъ лошадей со двора за узду съ поклономъ. Гости расходятся. Эта пирушка называется вечеринами.

Въ день свадьбы съ самаго утра у невѣсты играетъ музыка и танцуютъ. Приходятъ и пріѣзжаютъ званые съ пирогомъ, то есть, булкой хлѣба фунтовъ въ 10 и 15. Съ этимъ пирогомъ, кромѣ мужа и жены, можетъ являться вся семья. Съ пирогомъ принимаетъ хозяинъ не иначе какъ въ амбарѣ. Взявши пирогъ, онъ угощаетъ принесшихъ водкой. Выпивши, гости отправляются въ домъ и пробывъ часа два, возвращаются къ себѣ, довольные тѣмъ, что были приглашены.

Въ полдень боярки одѣваютъ невѣсту. При этомъ она снова голоситъ. Одѣвшись, она проводитъ все время съ боянками и подъ вечеръ угощаетъ ихъ обѣдомъ.

Вечеромъ принимается за исполненіе своей обязанности дружка, который выбирается преимущественно изъ знахарей. Дружка приказываетъ невѣстѣ собрать подругъ въ сѣняхъ, становитъ ихъ кружкомъ, родители же и родственники стоятъ на особыхъ мѣстахъ, указанныхъ дружкомъ. Дружка беретъ образъ съ зажженной свѣчой и обходитъ вокругъ невѣсты и боярокъ; тогда невѣста кланяется образу въ землю, потомъ отцу, матери и роднымъ по три раза, цѣлуется съ ними и голоситъ: „быгаславй mine, мой татка кармилицы!“ и т. д. Откланявшись, она идетъ на прежнее мѣсто, а дружка обходитъ три раза около боярокъ и невѣсты съ нашенщываніями, потомъ беретъ невѣсту за руку, невѣста боярку, боярки другъ друга и съ музыкой впереди подходятъ къ порогу избы. Остановясь у порога, дружка обращается къ народу съ рѣчью:

„Якъ ёсь у дома свяцоннымъ, у пиры вясѣлымъ родный татка, рѣдная мамка, родныи брѣтѣтки, родныи сѣстрицки, тѣтки и дядьки, быгиславитя мыладую кынягиню за столъ завесьть!“—Народъ отвѣчаетъ: „Богъ быгиславитъ!“

- Быгиславіли за першымъ разымъ, быгиславітя за другимъ!
- Богъ, Богъ быгиславитъ!
- Быгиславіли за другимъ, быгиславітя за третимъ!
- Богъ быгиславитъ!

Тогда дружка, въ сопровожденіи играющаго музыканта, вводитъ всѣхъ въ избу, и обведя вокругъ стола, садитъ на скамейкахъ невѣсту и съ лѣвой стороны ея двухъ боярокъ, а съ правой остальныхъ. Музыкантъ становится въ концѣ стола. Дружка садится на скамѣ, а крестный отецъ невѣсты—тысяцкій садится около старшей боярки. Тысяцкій наливаетъ по рюмкѣ водки сидящимъ за столомъ. Дружка вынимаетъ изъ-за пазухи два хлѣбца, ударяетъ одинъ о другой и кричитъ: „Госѣтики, госѣтики! Ти ня вѣищитца, ти ня вѣкликнитца

мыладца мыладой кынягини пѣсьню пыцать? Я пѣ яму дау пару пирогау, казловыи боты, рукавицы галицы, на шапку куницю!“ На печи отзывается запѣвала: „Дывай-ка сюды!“ Дружка передаетъ черезъ толпу хлѣбцы. Запѣвала начинаетъ:

„Дудычки, гудычки, сѣтишѣтесъ, сѣмириѣтесъ на етытъ часъ, на ету гадѣну!“ Всѣ молчатъ.

„Охъ ты, тысячѣкій, выявода шляхѣцкій! Сѣдѣшъ ты на кути, яѣтъ сѣбытъ на гняздѣ, лунѣмъ обвѣшышѣсь, звиздѣмъ аптѣркышѣсь, сонцымъ накрѣшышѣсь! А мы шѣ съ табой ни видалисѣ, винный чарычкѣй ни витѣлисѣ. Падыдѣ-тка близѣшынька, укланѣсь низѣшынька, надѣяси-тка мѣѣ чарку гарѣлки, сѣръ на тарелки, у роти пымачѣтъ, языкъ пауѣтитъ!“

Тысяцкій встаетъ, наливаетъ рюмку и передаетъ ему. Выпивши, запѣвала говоритъ:

„Охъ, якъ я три года пыдѣ лѣвычкѣй качѣусъ, усѣ на ету свадѣпку сѣбираусъ! Пакѣлъ на ету свадѣпку сѣбраусъ, я сплѣшъ три года ни пиу, ни ѣу, усѣ на ету свадѣпку хатѣу! Охъ вы, батюшки, матушки, братцы, сѣстрицки, вы шѣ, госѣтики сѣбраныи, сѣзваныи, кагѣ конь вѣзъ, кагѣ Богъ пѣсѣ, кагѣ кабылка визлѣ, а хто и самъ ишоу, шытѣусъ, бытѣусъ, на ету свадѣпку хватаусъ! А вы черти—супѣстѣты, выбирайтѣсь-ка исѣ хѣты, а пѣръ вясѣлый, мѣръ хрящѣный, быгиславитя мыладой кынягини пѣсьню пыцать!“

Народъ отвѣчаетъ: „Богъ быгиславитъ!“ Такъ до трехъ разъ. Потомъ, ударивъ хлѣбцы одинъ о другой, запѣвала кричитъ пѣсьню, а за нимъ поютъ и стоящіе около стола:

„Ды святыи Кузьма-Димѣянъ, да ты скуй намъ свадѣпку крѣпка, крѣпка-крѣпка на зямлѣ, звѣнка, звѣнка на нѣбѣ!“

Послѣ этого запѣвала слѣзаетъ съ печи и подходитъ къ столу, гдѣ получаетъ угощеніе.

Тогда начинаютъ надѣлять невѣсту. Прежде надѣляютъ родители, потомъ родственники, а затѣмъ гости. Надѣлъ производится до пріѣзда жениха и продолжается часа два. Женщины поютъ пѣсни слѣдующаго содержанія:

Гдѣ сѣдѣтъ Хадѣнька,	Увесь мѣстъ гарѣтъ.
Тамъ луны хѣдѣтъ,	Ты паслухай, Хадѣнюхна,
Ой, дѣ сѣдѣтъ Хадѣнька,	Ты паслухай, Пилипауна,
Тамъ луны хѣдѣтъ.	Якъ мы тябѣ ўзвеличѣимъ:
Атъ сѣрибра, атъ сѣрибра	Што ты роду вяликага,
Луны лѣснѣютца,	Айца-батѣки быгѣтага (2 раза),
Атъ зѣлыта, й атъ зѣлыта	А матушки разумныи.
Стѣны щѣлѣютца,	Мы ня ўспѣли пѣсьню спѣтъ,
Атъ чѣрявикъ, атъ чѣрявикъ	Ина намъ пыдачи шлѣтъ.

Боярка подаетъ имъ съ поклономъ баранокъ или кусокъ свиной печенки, луковицу или дикое яблоко, яйцо, кусочекъ колбасы, начиненной крупами, и т. п. Всѣ эти подачи раздѣляются поровну между поющими. Если же боярка не скоро даетъ, то поютъ:

Ни забаў, Хадонюхня,
Ни забаў, Пилипаўна!
Ты садвѣнься зъ мѣсѣтичка,

Ты садвѣнься са скупѣга!
Пыдъ табой жа сто рублей,
Пыдъ табой жа й тысяча.

Получивши подачку, поютъ:

Ды спасиба, Хадонюхня,
Ды спасиба, Пилипаўна,
Зы твай падарычки,

За нискіи паклонычки!
Пыдарила хырашѣхынька,
Укланилась низѣхынька!

Тысяцкому поютъ:

Якъ у нашымъ гѣрыди
Прыявѣлыся прыявушка,
Прыявушка ни малыя,
Што Ярмилка Иванывичъ.
Якъ на имъ кунья шубычка,
Сыбалѣная шапычка,
Падпыѣска шалѣбвыя,
И сапошки казѣбвыя,
Шыты, шыты сапѣжыньки

Въ Ирыслэвыи гѣрыди,
Пыдкаваны сапѣжыньки
Пысэрѣдъ бальшой Масквы,
Ныдываны сапѣжыньки
Ны Ярмилкины ножыньки.
Ты паслухай, Ярмилухна,
Ты паслухай, Иванывичъ,
Якъ мы тябѣ ўзвыличаимъ,
Пы батюшки нызываимъ!

Дударю:

А ў дудуря, а ў дудуря
Ды кривая ныга, а-а-а!
Дай пѣрага, дай пѣрага,
Будить прѣма ныга, а-а-а!
А ў дудуря, а ў дудуря
Ды кривая шыя, а-а-а!

Дай сыра, дай сыра,
Будить прѣма шыя, а-а-а!
А ў дудуря, а ў дудуря
Ды свѣнячча лицо, а-а-а!
Дай яйцо, дай яйцо,
Будить царѣска лицо, а-а-а!

Ночью прѣзжаетъ женихъ съ подкняжимъ, подружѣй, дружкой, свать, сваха, крестная мать и дударь. Если надѣлъ невѣсты еще не оконченъ, то всѣ прѣхавшіе стоятъ на дворѣ. Когда же надѣлъ окончится, женихъ входитъ въ домъ и надѣляетъ невѣсту нѣсколькими копѣйками, а дружка невѣстинъ подноситъ ему рюмку водки. Послѣ жениха надѣляютъ невѣсту прѣхавшіе съ нимъ, получаютъ по рюмкѣ водки, и отправляются опять на дворъ. Дружка жениха входитъ со свахой опять въ домъ и вноситъ армякъ и шубу, привезенные изъ дома жениха. Подойдя къ столу, онъ кричитъ:

„Сваточки, сваточки, дай-тка намъ надѣть мыладую кынягино у саболіи шубы, у бабрѣвыи шапки!“ Боярки отвѣчаютъ:

„А чортъ васъ вѣдыть, якѣя вапа ныдыванья? Яно и зъ вапшамъ, яно и зъ гнидамъ, яно и зъ клынамъ, яно и зъ тыркынамъ!“

Дружка три раза отряхиваетъ платье и взмахиваетъ черезъ столъ, чтобы накинуть на невѣсту, но боярки отталкиваютъ его, крича: „Ай, вѣшы, вѣшы! Ай, гниды, гниды!“ Такъ до трехъ разъ. Наконецъ, шуба наброшена. Тогда старшая сваха снимаетъ съ своей головы убранный лентами шапку и надѣваетъ невѣстѣ, а вѣнокъ берутъ боярки съ головы невѣсты.

Наконецъ дружка выкупаетъ невѣсту у боярокъ. По окончаніи выкупа, дружка невѣстинъ выводитъ ее изъ-за стола въ сѣни, а дружка жениха вводитъ туда жениха. Дударь „вѣтаютца“, т. е. здороваются. Боярки стоятъ около невѣсты, а дружка говоритъ: „дай-тка намъ тоя, што нада!“ Невѣстинъ дружка подводитъ которую-либо изъ боярокъ и говоритъ: нати-ткы шъ вамъ тоя, што нада!“ Второй дружка кричитъ: „нѣ, нѣ, нѣ! ни тая, ни тая, ни тая!“ Первый, взявши другую боярку, кричитъ: ну, нати шъ вамъ ету! Второй кричитъ: „ня ету! ня ету! ня ету!“ Первый посылаетъ третью боярку: „ну, нати шъ вамъ во ету штучку! луччи у насъ нѣту!“ Второй кричитъ: „аткасиѣсь, атвѣжѣсь, атлѣсь съ сваѣй штучкай! Дай-ка я самъ выбираю па сваѣй гѣтарки тоя, што миѣ нада!“ И одной рукой обнимая невѣсту, а другой жениха, оборачиваетъ около себя три раза. Невѣста, нагнувъ на лицо данную ей шапку, ни подъ какимъ видомъ не должна даже взглянуть на жениха, и онъ тоже не долженъ видѣть невѣсты. Женщины поютъ:

Харитка Амосыўна!

Ны нагѣ ступать, (2 раза)

Ни дывай Сазоньки Пилимѣны-

Ни дывай ямѣ (2)

[вичу

Зы рукѣ хватать! (2)

Второй дружка вводитъ молодыхъ въ домъ и сажаетъ за столъ; съ ними садятся также первый дружка, свать, сваха, подкняжій и подружѣй. Дударь становится въ концѣ стола. Подружѣй вынимаетъ изъ мѣшка и кладетъ на столъ хлѣбъ, говядину, пироги и разрѣзываетъ ихъ. Второй дружка вынимаетъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой и обноситъ сидящихъ за столомъ. Послѣ этого угощенія теща подаетъ на столъ свой ужинъ: пѣливку, крупѣно, говядину, кашу и холодное. Какъ только поставитъ хозяйка на столъ чашку съ кушаньемъ, то первый дружка, обдѣливъ всѣхъ рюмкою водки, беретъ ложку, пробуетъ кушанье и потомъ, ударяя ложкою о чашку разъ десять, приговариваетъ: „Госѣтики, госѣтики! мѣлысьи просимъ ѣски! А-вой, дужа смачна, — я чуть-чуть языкъ ни прыглатѣў! Лядѣты, н вы ня бутѣты дужа ахвѣтлывы, ни прыглатѣты языки, а то шъ вы галѣдны, якъ сабаки!“ Всѣ смѣются.

Столъ этотъ продолжается часа два и во все время женщины поютъ гостямъ пѣсни. По окончаніи ужина, первый дружка выводитъ молодыхъ изъ-за стола въ особую избу или амбаръ; тамъ теща даетъ имъ особенный ужинъ, называемый закармливаніемъ. Здѣсь никто не

присутствует кромѣ жениха, невесты, дружка, тестя и тещи; за этимъ столомъ молодые утоляютъ свой голодъ, потому что въ продолженіи бывшихъ раньше угощеній они ничего не ѣдятъ, а только иногда выпиваютъ поднесенную водку. Иначе ихъ назовутъ вслухъ прорвами голодными. Закормный столъ отошелъ; тогда первый дружокъ ведетъ молодыхъ и подкняжаго въ домъ опять за столъ.

Братъ невесты беретъ лучину, точить ее о печь и кричить, что онъ отрѣжетъ косу невесты, если не дадутъ ему выкупъ. Сватъ предлагаетъ ему три копѣйки, братъ требуетъ рубль; начинается торгъ; если сватъ даетъ мало, то братъ невесты говоритъ:

„Нутка, сваточки-браточки! Кагда вы сваталися-браталися, то хвалилися-гардѣлися, што у васъ усяго многа и денѣхъ куча, сто валбѹ, сто карбѹ, свиней стада, ходють на шѣпшкѣмъ, таскають на насѣхъ кубышки съ диньгамъ, а какъ пришлѣся, да ѹмѣста сышлѣся— за ета, сваточки, ня гнѣвайтесь—адну вы свинью мѣнта и тую за хвостъ падымайтя!“

А женщины поють:

„А братъ сестрѣ татаринъ,   Русу касу за питѣкъ,
Прадѣѹ сестру за талирѣ,   Была тѣла вотъ за сякъ!“

Сватъ даетъ 20 коп., если женихъ не бѣдный. Сестра благодаритъ брата, цѣлуя его.

За столъ садятся сватъ, сванка, второй дружокъ, подружій и дударь. Хозяйка подаетъ закусывать говядину, кашу и яичницу.

Послѣ стола молодая кланяется родителямъ въ ноги, они благословляютъ ее образомъ; второй дружокъ беретъ молодыхъ за руки и выводитъ на дворъ, гдѣ ожидаютъ ихъ приготовленные лошади.

Женщины поють:

Шалковая ленточка   А дачѹшка мамки
Къ стѣнки льнѣтъ,   Добрѣнычъ дасть!

Въ сѣняхъ около невестина кубла стоятъ боярки и не отдаютъ кубла безъ выкупа. Послѣ выкупа кубель беретъ особый подводчикъ „возила“. Со двора съѣзжаютъ молодые, за ними приданые, возила, дударь, дружокъ съ подкняжимъ и сватъ. Придаными называются родные невесты самые близкіе. Ихъ бываетъ человекъ до 20. Иногда старшая приданка покупаетъ у родителей это званіе, давъ имъ барана, или холста, или денегъ, потому что на свадьбѣ первая рюмка начинается съ нея и оканчивается угощеніе на ней же. Она же въ домѣ жениха по прѣѣздѣ занимаетъ первое мѣсто послѣ молодыхъ.

Съѣхавши со двора, останавливаются, и дружокъ обходитъ вокругъ ихъ три раза съ нашептываніемъ, стегаетъ по одному разу всѣхъ лошадей и тогда отправляются въ домъ жениха.

Въ домѣ жениха, услыхавъ издали крикъ и шѣпіе несущихся во весь опоръ сватовъ, выходятъ на встрѣчу отецъ и мать, надѣвши

вывороченныя шубы. Молодые, поклонившись родителямъ, входятъ въ домъ, и гости садятся за столъ. Большая приданка вынимаетъ изъ мѣшка свою закуску, говядину и пирогъ, а хозяйка дома даетъ свой ужинъ, молодые же стоятъ въ концѣ стола. Ужинъ оканчивается яичницею, и невеста кладетъ крестному отцу и матери дары, т. е. аршина два холста и больше. Тогда молодую выводятъ изъ хаты въ сѣни и садятъ на хлѣбную дежу. Большая приданка снимаетъ у нея надѣтую прежде на голову шапку и обвязываетъ большимъ платкомъ сверхъ кокошника—„повязываетъ молодую“. Потомъ дружокъ заводитъ молодыхъ за столъ. Мать въ какой-нибудь битой чашкѣ подаетъ имъ ложку каши. Молодой, сломавъ ложку, бросаетъ черепокъ съ кашей на печь, а мать въ это время векакиваетъ на лавку въ той же вывороченной шубѣ и бросается на молодыхъ съ кнутомъ. Молодой, схвативъ молодую за руку, бросается съ ней черезъ столъ въ сѣни, гдѣ дружокъ встрѣчаетъ ихъ и на всемъ бѣгу отводитъ въ приготовленное мѣсто спать.

Мѣсто для спанья выбираютъ въ хлѣву для овечекъ, которыхъ выгоняютъ оттуда, настилаютъ много соломы и кладутъ постель невесты. Дружокъ раздѣваетъ ихъ въ присутствіи дударя и приданыхъ, потомъ обходитъ вокругъ молодыхъ съ нашептываніемъ три раза и кладетъ на постель, стегнувъ ихъ слегка кнутомъ. Потомъ, оставляя молодыхъ, уходятъ, хлѣвъ запираютъ и подпираютъ дверь палкою. Въ домѣ начинаются танцы. Затѣмъ всѣ ложатся спать. Дружокъ и дударь, выспавшись, берутъ бутылку водки и отправляются будить приданыхъ. Угостивъ ихъ водкой, вмѣстѣ идутъ будить молодыхъ. Разбудивъ молодыхъ, всѣ отправляются за столъ и завтракаютъ, а молодые стоятъ въ концѣ стола съ лѣвой стороны дударя. Окончивъ завтракъ, изъ приданыхъ нѣкоторые танцуютъ, нѣкоторые поютъ пѣсни, а иные спятъ.

Женихъ съ подкняжимъ, взявъ бутылку непременно чѣмъ-либо покрашенной водки и пирогъ, отправляются къ родителямъ молодой—на перезывки. Прѣѣхавъ туда, останавливаются около сѣней. Теща выходитъ въ сѣни въ вывороченной шубѣ и подноситъ зятю въ какомъ-либо ковшѣ зачерпнутого изъ-подъ кваса густого пристоя; зять, принявъ такой напитокъ, и поднеся къ губамъ, бросаетъ назадъ отъ себя и съ подкняжимъ стегаютъ лошадей, которыя скачутъ изо всѣхъ силъ. Проскакавъ саженой сто и болѣе, возвращаются назадъ и сходятъ съ лошадей; зять кланяется въ ноги родителямъ своей невесты и отдаетъ имъ водку и пирогъ. Ихъ вводятъ въ домъ, сажаютъ за столъ и съ ними нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ родныхъ и знакомыхъ. Теща подаетъ кушанье, а дружка неотступно угощаетъ водкой молодого и подкняжаго, не давая имъ отдыха. Женщины поютъ сидящимъ за столомъ.

Пѣсня подкняжему, который бываетъ некрасивъ и темнаго лица:

Ай, бѣлинькій, кудрявинькій Самсонька,
А ня пѣтъ ёнъ вина, спыдиваѣтца ны мядѣкъ.
Палѣтили пчолки на боръ на мѣтъ пры яго,
Ай, будимъ мы мядочикъ тамъ сыбирать,
Ай, будимъ мы гарѣлычку сытити,
Ай, будимъ мы Самсонохну пайти,
Штопъ нашъ Самсонька Малахывичъ вясѣль бы!

По выходѣ изъ-за стола, женихъ обязанъ пройти съ тещей подъ музыку дударя танецъ, называемый плясъ, или казакъ.

Черезъ нѣсколько времени тестъ ведетъ жениха и подкняжаго въ особую избу, или амбаръ, и снова угощаетъ. Если они не въ силахъ выйти сами, то ихъ выносятъ оттуда и сажаютъ за столъ „для отбесѣдыванія“. Если же они рѣшительно не могутъ шевелить языкомъ, то ихъ кладутъ въ сани, вложивъ жениху за пазуху бутылку водки и пирогъ и укрѣпивъ хорошенько возжи, чтобы не запутались около лошади, прогоняютъ лошадь со двора, которая, зная дорогу, привозитъ благополучно сѣдковъ домой.

Если, пріѣхавши домой, они еще могутъ двигаться, то ихъ сажаютъ за столъ. Дружко вынимаетъ изъ-за пазухи привезенную водку и пирогъ и раздѣляетъ между гостями; за столомъ рядомъ съ женихомъ сидитъ и невѣста. Женщины поютъ.

Жениху.

А бѣлинькій, кудрявинькій Иванька!
А хто шъ тибѣ бѣлѣшанька вамываѣу,
А хто шъ тибѣ сушохынька утираѣу?
Вамывала бѣлѣшанька вадица,
Утирала сушохынька халетѣца,
Завивала кудѣрычки сястрица.
А твой татка ясінъ мѣсяць,
Твая мамка красна сонца:
Ясінъ мѣсяць видна свѣтитъ,
Красна сонца тѣпла грѣить.

Невѣстѣ.

Лятѣть сабѣля изъ улицы, галубушка изъ другой.
Слитѣлися, цулувалися, сизыми крыльями абнималися.
Да каму мы пѣснь спѣли, таму дабрѣ,
Каму вынитца, таму збудитца,
Каму збудитца, таму ни минуитца.
Ты ни скупися, падарачкамъ пащитѣся!
Ни зязюли кукують, ни сылаѣу пибечуть,
А играютъ игрицы, мыладыя мыладыцы.

Послѣ отъѣзда жениха къ тестю, приданныхъ сажаютъ за столъ, въ концѣ котораго стоитъ невѣста, и обѣдаютъ. Обѣдъ долженъ кончиться до пріѣзда жениха, который не долженъ застать ихъ у себя дома; въ дорогѣ они тоже не должны встрѣтиться; если же нельзя избѣжать встрѣчи, то женихъ сворачиваетъ въ лѣсъ.

Когда сваты сидятъ за столомъ, то имъ поютъ:

Парѣ госьти да дому, да дому,
Паѣли кони салѣму, салѣму,
Аржаную, иравѣю, иравѣю,
Ячную, смачную, смачную.
А приданки дамоѣ ѣдутъ, Харитку кидають,
А приданки дамоѣ ѣдутъ, Амосьѣну кидають!

Госьти май, госьти май, дырагѣи май,
Чымъ жа васъ, госьтики, ды й напоштывати?
Ёсь у мяне, ёсь у мяне ды й зялѣный сатъ,
У тымъ саду, у тымъ саду вирибѣва стада.
Бярѣ ружѣ, ды бяру ружѣ сымастрѣльныя,
Бѣю вирибѣ, бѣю вирибѣ сыма лѣччага.
Крылки, ношки, крылки, ношки у крупеньки зварю,
Сымагѣ вирибѣ на пражѣныя спякѣ.
Ѣшча, госьти, Ѣшча, госьти, ни засаѣтъ вусѣу,
Пы кишѣнямъ, пы кишѣнямъ ни раскладывайтъ:
Етымъ жа вы свайхъ дятѣй ня вѣкармѣтъ,
Толька вы ихъ, толька вы ихъ рыспатвѣритя!

Пѣвши, приданные прощаются съ невѣстою и прочими и отправляются къ родителямъ невѣсты—кто безъ шапки, кто безъ рукавицъ, а которая и безъ платка.

Въ тотъ же вечеръ отправляются къ жениху перезывщики, человекъ 6—8 и болѣе, родители невѣсты, родственники и знакомые. При пріѣздѣ туда ихъ встрѣчаютъ молодые, родители жениха, дружко и дударъ съ музыкой. Вводятъ ихъ въ домъ, гдѣ молодые кланяются родителямъ невѣсты; потомъ ихъ садятъ за столъ и подаютъ извѣстныя кушанья, а также у кого есть медъ, сладкое молоко, наконецъ—холодное. Послѣ стола сватъ со сватомъ ходятъ по скотному двору и амбарамъ, осматривая хозяйство. Черезъ часъ гостей опять сажаютъ за столъ и угощаютъ. Женщины поютъ отцу невѣсты:

А сватъ свата прѣсѣтъ, (2)	Маѣ дѣва диѣноѣ
У рукахъ шапку нѣсѣтъ: (2)	Маѣ пѣва пиѣноѣ!
Ай, сватѣ, мой сватѣ,	Ты паслухай, Амосьохна,
Пубывай ѣ маѣй хати,	Ты паслухай, Дямѣдывичъ,
Пувидѣай майгѣ дѣва,	Якъ мы тябѣ ѣзвилчѣаимъ,
Пупивѣай майгѣ пѣва!	Пы батѣньки назывѣаимъ,

Што ты роду вяликага,
Айца-батьки бытатага, (2)
А матушки разумныи.
Мы ня ўспѣли пѣсню спѣць,
А ёнъ намъ выдачы шлеть.

А если величаемый не даётъ, то поють:
Ты садвинься зъ мѣсечика,
Ты садвинься са скупюга.
Пыдь табой сто рублей,
Пыдь табой тысяча.
Ни зязюли кукують,
Ни зыбаў, Амосюхна,
Ни зыбаў, Дямидывичъ!

Послѣ стола отправляются домой, и свадьба кончается.

По записямъ Ю. С. Заиць.

Свадебныя пѣсни Городокскаго уѣзда.

А кони маи сѣвыи,
Ти щўитися съ сѣлюю,
Ти привизѣти милою?
Май мила лѣгынька:
Двинадцать каней пристѣла.
А три кареты зламала,
Падъ той горкью, падъ крутой,
Падъ той царкоўкый, падъ святой.
А ў той царкоўки святой Спасъ,
Звиньчаў свадишку ў добрый часъ,
У хорошыю гадѣну, у шасялі-
[выю часѣну.

Чересъ боръ дарожынька—чарназѣмъ.
Тамъ ўхаў Иванька чарнабрѣ.
Увидила Палагейка съ тиримѣ:
„Заѣтъ, заѣтъ, Иванька, на таржѣкъ,
Купи маей мамухны пиражокъ,
Кабъ была ласкыва ды тибѣ,
Кабъ аддала минѣ моладу зы тибѣ!“
— Я ни маю злата—сѣрибра при сабѣ,
Тольки маю три яблычки ў кишанѣ,
Ета маей княгини съ пахмѣлья,
Кабъ ни балѣла галѣвушка зъ вясельля!

„Ни стой, Божухна, за двирѣмъ,
Хади, Божухна, ў хату къ намъ,
Сять, Божухна, на кутѣ,
Дай дѣлюхну сиратѣ!“
— Хуть я ў хатуньку ни пайдѣ,
Хуть я ни сяду на кутѣ,—
Я дамъ долюхну сиратѣ!

Скрипнули варѣты съ паўначѣ,
Наѣхыли, мамухна, три паничи,
Стали маю косуньку трипѣти,
Стала маѣ мамухна плакати.
„Ни плачь, маѣ мамухна, ны касѣ,
Заплачь, маѣ мамухна, ны красѣ!
Я тваѣ падворья красила,
Я тваю сямѣйку висялила.“
Вчирѣ рѣчинька бѣйстра йшла,
Сягоньни рѣчинька смутна йдѣть.
Вчирѣ Палагейка вѣсила была,
А сягоньни Палагейка смѣть-
[нинька.
Асѣла яѣ чужѣйна,
Ўсѣ жанихова радѣйна:
Съ правага боку залѣўка,
А съ лѣвага боку свакрѣўка.

А бѣгъ зайка па полю, тулѣся,
Ўхаў Иванька па горыду, хвалѣся:
Слава Богу, даў Богъ тесѣя,
Якъ рѣдныга татку,
Даў Богъ тещу, якъ рѣднюю мамку,
Даў Богъ швагра, якъ рѣдныга брата,
Даў Богъ свѣсѣтѣй, якъ рѣдныхъ сѣсѣтирѣ.

Пчѣлки май яраи, што вы сидѣти, што вы на палѣтъ ни лятѣти:
Ти васъ дѣджикамъ змачѣла, ти васъ вѣтрикамъ прибила?
Госѣтики май любѣи! што вы ни пѣтѣ, ни ясѣтѣ:
Ти вамъ патраўка ни харащѣ, ти вамъ, госѣтики, хлѣбъ ни ўкѣсинѣ,
Ти вамъ, госѣтики, хызяинѣ ни вѣсилѣ, ти вамъ, госѣтики, гарѣлка
[ни пѣяна?

Кали гарѣлка ни пѣяна—мы не падхмѣлимъ,
Кали хлѣбъ палѣвинѣ—дыкъ мы вамъ прапѣлимъ,
Кали хызяинѣ ни вѣсилѣ, дыкъ мы ягѣ пыдвисялимъ!

Частѣйтисѣ, госѣти,
Просимъ ва́нны милѣсѣти,
Кабъ вы пили, вѣли,
Висялѣнька сидѣли,
Добрыи мысли мѣли,
Харѣшыи пѣсѣни пѣли!
Хызяину чѣсь-хвыла,
Што бяѣда висѣла.

А лятѣли гуси
Съ чужой дальнѣй Руси,
Сѣли яны ныдѣ вадѣю.
Стали яны вадѣ пити,
Абъ лѣдъ крѣльямъ бити.
„Тѣшай, гуси, тѣшай!
Вамъ лѣдъ ни разбѣити,
Вадѣ ни папѣити!“

Пынаѣхыли госѣти
Съ чужѣи валѣсѣти,
Сѣли яны зы стылами.
Узялисѣ яны мѣдъ-вино пити,
Абъ столъ кѣпкымъ бити.
„Тѣшай, госѣти, тѣшай!
Вамъ вина ни папѣити,
Кѣбакъ ни пабѣити!“

Кала замѣрья
Синѣи краски пвѣтѣли,
Кала застолья
Любѣи госѣти сидѣли.
А сколько цвѣтѣўшы,
Синѣи краски пывянутѣ;
А сколько сидѣўшы,
Милѣи госѣти паѣдутѣ.

Якъ пайду на вулицы,
 Два двары минуючы,
 А на третьтимъ дварбчку
 Я стану паслухую,
 А што люди судють,
 Сусѣди гаворють?
 А што люди судють—
 Майго свѣкра гудють,
 Майго свѣкра гудють,
 Свякрову ни хвалють.
 Ахъ вы, люди, люди,
 Добрыи-сусѣди!
 Што вы ни казали,
 Якъ мине ни виньчали,

А тыпѣрь нѣхай такъ будить,
 Якъ Богъ сѣудить!

Дѣўка гарбѣй ишла,
 А лѣгамъ садъ садила,
 И зъ мамкѣй гыварѣла:
 Мамка май рѣдныя!
 Кали ўдасца жильѣ маѣ,
 Паливать садъ табѣ буду,
 А кали ни ўдасца жильѣ маѣ,
 Я твой садъ высушу:
 То таскѣй, то бидой,
 То гарючимъ слизамъ!

Ти ня шутъ быў Иванька, пыдманьщикъ,
 Пыдшутѣў, пыдманѣў дѣвчыку:
 „Ай, хади, дѣвчыка, ны маю стыранѣ!
 Ны маѣй стыранѣ ни па вѣшному:
 У бочкахъ вадѣ ны валахъ возють,
 У кытлахъ на кухнѣ абѣдъ варють,
 Вѣтрамъ, вѣхрямъ хату мятѣть!“
 Якъ пришла дѣўка ны яго стыранѣ:
 „Пыкажы-ка, дѣ валы стыять,
 Пыкажы-ка, дѣ катлы висять?“
 — Ета шъ я тибѣ абманываў,
 Ны сваю стыранѣ пириманываў!
 А на нашый стыранѣ ўсѣ па вѣшному:
 У судахъ на плічахъ вадѣ носють,
 У гаршкахъ, у печкахъ абѣдъ варють,
 Вѣничкамъ да ручкамъ хату мятѣть!

Байрачки, падманачки вы май!
 Пыдшутѣли, пыдманѣли вы мянѣ:
 Казали—пайдѣмъ ў зилѣнный садъ гулять,
 Казали—мы будимъ цвѣты щипать,
 Казали—мы будимъ винкѣй звивать!
 — А сабѣ звѣли жъ жѣўтай мяты винокъ,
 А мнѣ звѣли съ калѣбчига илѣнцу!
 Илѣницѣ колить, галоўку клѣбнить—Божа мой!

А ў нашыга свата тисовая хата,
 Съ пѣрагѣў печка збита, блинами накрыта,
 Сачнѣвы дѣвери, кабъ ни скрипѣли,
 Кругомъ хаты ѣльля, а ў хати висѣльля,
 Кругомъ хаты рожа, а ў хати пругѣжа,
 Кругомъ хаты мѣта, а ў хати багата!

Здрыганѣлиси сѣни,
 Якъ госѣти пасѣли,
 Ни такъ здрыганѣтца,
 Якъ госѣти упѣютца.
 Тишай, госѣти, тишай!
 Ни ламѣйты вы лѣвыкѣ,

Ни шапѣйты вы чарыкѣ:
 Нашы лаўки дубовыя,
 Нашы чарки мѣдѣныя,
 Нашы напитки пѣяны,
 Закуски сахѣрны!

Бѣлинкѣй, кудрявинкѣй жынишѣкѣ!
 А хто яго билѣшынька вымаваў,
 А хто яго кудѣрухны ращисаў?
 — Вымавала билѣшынька матухна,
 Ращисаў русы кудирки татухна.
 А ў субботу у вечари ращисаў,
 А ў нѣдѣлю у пѣизды пысадиў:
 „Паижжай, паижжай, жанѣишухна, ны баўся,
 На чужыхъ красныхъ дѣвушкѣхъ ны гѣлься,
 На сваю жонухну спыдивайся!“

Ай, росѣ, ны дарѣсѣ жынишѣкѣ!
 Са згарѣды ны канѣ садѣўся,
 Атламиў три розки бирѣзки,
 Сиканѣў коника падъ ножки:
 „Бягѣй, мой кося, ўсѣ рысьто,
 Кѣ маймѣ татухны съ карѣсьто,
 Кѣ маѣй мамухны зъ радасѣто!“

Вылитаў сакоблинька
 Съ-падъ зилѣнага сада,
 А съ-падъ ѣблага винаграда.
 А за имъ уси пташачки,
 Якъ рой вымѣтаўся,
 На мѣтелиньку змѣтаўся.
 А зѣижжаў Иванушка
 Зъ вяликага сила,
 Зъ быгатыга двара.

А за имъ Палагѣюшка:
 „А пастѣй, Иванушка,—
 Пыгавѣримъ съ табѣй:
 Дѣ намъ ночку нучувать?“
 — Ли дарѣги мой татухна жы-
 [вѣтъ:
 Тамъ мы будимъ нучувать,
 Тамъ намъ будутъ вѣчеру гу-
 [тувать.

А сватъ свата прѣсѣ —
 У рукахъ шапку нѣсѣ.
 „А, свата мой, свата,
 Пабывай у маёй хати,
 Павидай майго дива,
 Панивай майго пива; —
 Маё дива диўноба,
 Маё пива пиўноба.

—
 Плакала маладая,
 Што мамка ни тая,
 Свякроўка лихая.
 Пайду я на рынокъ,
 Куплю стаканъ мёду
 Ды канѣўку пива,
 Свякроўку привитаю,
 Работки папытаю.
 „Свякроўка, май мамка,
 Пакажы мнѣ работку,
 Пакажы мнѣ работку —
 Усю сваю заботку!“
 — Нивѣхна, дачўшка,
 Уставай ранѣнька,
 Умувайся билѣнька,
 Утирайся сунѣнька,
 Малісь Богу щирѣнька —
 Тады бярысь за работку,
 И узнайшъ заботку.

—
 Ня хаді, княгинька, бѣкамъ, бѣкамъ, —
 Пріѣхаў жанишокъ ни нарокамъ.
 Ня хаді, княгинька, задраўшысь, —
 Пріѣхаў жанишокъ, сабраўшысь.
 Ня хаді, княгинька, кала лавакъ, —
 Пріѣхаў жанишокъ бизъ баранакъ.

—
 „Ти гримяць калѣски ў дарѣжыньки,
 Ти ляцать падкѣўки сталёвыя,
 Ти звиняць званѣчкі спижѣвыя,
 Ти ѣдять тамъ панъ Иванька,
 Ти вязѣць паненку Алѣнухну?“
 — Ай, гримяць калѣски ў дарѣжыньки,
 Ляцать падкѣўки сталёвыя,
 Звиняць званѣчкі спижѣвыя,
 Ай, ѣдять тамъ панъ Иванька,

Учѣра ня быў
 Сягодня ня быў,
 Чаму жъ ни пріѣхуў? (2)
 Ти каня ня мѣў,
 Ти самъ ни хатѣў,
 Ти матъ ни пуцала? (2)
 — Я й коня имѣў,
 Я и самъ хатѣў,
 И мати пуцала: (2)
 Ёсь ў минѣ систра —
 Семъ лѣтъ ни расла, —
 Тая ни пуцѣтила!
 „Ня ѣдъ, братитка,
 Ня ѣдъ, роднинькй,
 Проти тѣмнай ночкі
 На п'яныя люди:
 Ночинька тымна,
 Дарожка грязна:
 Къ абѣду ни паспѣйшъ!“

—
 Ни диві, галубка, на галуба:
 Ты сама галуба прывадила —
 Частаю, частаю палѣтушкй,
 Ласкаю, ласкаю, шабѣтушкй!
 — Ни диві, Марыютка, на батюшку:
 Ты сама Иваньку прывадила —
 Частаю, частаю пахѣдушкй,
 Ласкаю, ласкаю, гавѣрачкй.

Вязѣць паненку Алѣнухну!
 Ты выйди, свакрѣўка гарбатая,
 Піраймй нявѣхну быгатуя!
 Выхаді, свакрѣўка саплівая,
 Сустрічай нявѣхну щасливую.

—
 Скрипнули варѣты съ паўначі:
 Пріѣхали къ Марыюткі паничи.
 Вотъ табѣ, Марыютка, за тѣя, —
 Былѣ ня плесъ кѣсыньку утрѣя!
 Былѣ плесъ косыньку ў чатыри ряды:
 Жыла бѣ ты у батюшкі чатыри гады.
 Я й ня годъ жыла, я й ня два,
 Ня 'дну лентачку знасіла,
 Ня 'днаго малайца сеушыла, —
 Аднаго Иваньку сукрасіла.

—
 Литала сизая пава на пѣлю;
 А за ей сизый сѣлизинъ у дагѣнь:
 „Стой, пастой, сизая пава, ты минѣ!“
 — Што табѣ, сизый сѣлизинъ, ды минѣ?
 Ёсь у тибѣ лѣпшы пташычкі зы минѣ!“
 „Облитаў чатыри сады, яцѣ й три, —
 Ни нашѣў такѣй пташычкі, якъ и ты!“
 Гуляла млада Марыютка па сѣду,
 А за ей младѣй Иванька удагѣнь:
 „Стой, пастой, млада Марыютка, ты минѣ!“
 — Што табѣ, младѣй Иванька, ды минѣ?
 Ёсь у тибѣ лѣпшы дѣвачкі зы минѣ!
 „Абхадіў чатыри сялы, яцѣ й три, —
 Ни нашѣў такѣй дѣвачкі, якъ и ты!“

Бѣлая бярѣза
 Усѣ лѣта шумѣла,
 Зѣ лѣстйкамъ гаварила:
 „А вой, лѣстйка,
 А вой, жѣўтая,
 Ты минѣ пакінішъ!“
 — Ня бось, бярѣза,
 Ня бось, бѣлая, —
 Я тибѣ ни пакинѣ!
 У восинъ атѣшлюся,
 Вясной апятъ буду:
 Шумѣла — шумѣть буду,
 Да вѣку ни забуду!“

Марыюткина мамка
 Усю ночку ни спала,
 Зѣ Марыюткѣй гаварила:
 „А вой, Марыютка,
 А вой, дачўшка,
 Ты минѣ пакінішъ!“
 — Ня бойсь, мамухна,
 На бойсь, родная, —
 Ни разу ня кину!
 Нидѣльку атжывѣ,
 Ў суботу апятъ буду, —
 Да вѣку ни забуду!

Кукувала зязюлька ў барбчку,
 Прибжыўшы галбўку кь листочку.
 Кукуваўшы, казала: „Божа мой!
 А Божа мой, Божа, Божа мой!
 А хто жь май гнязьдэчки разаріў,
 А хто жь май яёчки усё й пабраў?“
 — Разарили гняздечки канюшкй,—
 Пабрали яёчки пастушки!
 Плакала Марьютка ў святліцкі,
 Прилажыўшы галбўку кь шклянцкі.
 Плакаўшы, казала: „Божа мой!
 А, Божа мой, Божа, Божа мой!
 А хто жь май вяночки разабраў,
 А хто жь май устўшкі ўсё й пабраў?
 — Разабрали вяночки падружкі,
 Пабрали устўшкі сястрўшкі!

Па гары Настўлька йшла,
 Падь логамь садь садила,
 Сваймў таткі гаварила:
 „Ахь ты, татухна,
 Паливай мой зэлінь садь
 То сатбю, то мядбю,
 Зверху бўлымь сахарамь“.
 „Дўрна, дўрна дитя маё,
 Ни разумна Настўлюхна!
 Харашо жильё бўдиль,
 Ты сама пра свой садь забудиль;
 А дурнй жисьць твай будиль,
 Ты сама свой садь пальёшь
 То таскбю, то бядбю,
 Зверху горькими слизамй!“

Ти ня Богь табь даў, Иванька,
 Што твай Марьютка пригбжа,
 [якь роза,
 Якь душа хараша!
 Нямножка нада абрыду:
 Баброву шубу на плечи,
 Сайнз зялёный па пьты,
 Хвартухь синій па калфыны,
 Буйны кради на шыю,
 Залатыя серьги у вушы!

У баркў, баркў, приборку,
 Рубіў Иванька камбрку.
 Приходить кь ямў Марьютка:
 Руби, руби, каморку плотинька,
 Пасенкай вакбшкі часьтинька,
 Кабь кь намь салавей прилтаў,
 Кабь нась маладыхь прабуджаў.
 Ни матка ў нась—мачиха,
 Выйдиль на вулку—абсудиль:
 „Май нявёстка—калода:
 Якь бўль кўжыль прясть —
 Спать, дримать;
 Якь пасьтёлю слать —
 Пьсьни играть!“

А ти то шь то байрачка,
 Што Марьютка Иванаўна:
 У баярки ладилась —
 Калинкэй мазалась,
 А й малинкэй румянилась!
 — Нипраўда, жбначки,
 Нипраўда, лябёдачки!
 Я й калинкэй ни мазалась,
 Малинкэй ни румянилась,
 Спарадїла мине мати
 И бўлаю, румянаю,
 Тонкаю, високаю,
 Стрбйнаю, пригожаю.

Куды вашы вбчихны глядбלי,
 Што заблї мбладу, заблї!
 Па самыи дворь—щирый борь,
 Па самыи варбта—балота,
 Па самыи вакбньникь—сасбнь-
 [никь,
 Па самыи лаваньки—заиньки,
 Пысряди избы—кнуць зь лазы.
 Воть табь, Марьютка, длі гразы!

Салавей, мой салавей,
 Салавей мой, дробная пташычка!
 Ни збивай мине мбладу:
 Сама знаю, сама вёдаю,
 Якавб жыльё ў чужыхь людбхь:
 Позна спать кладуть,
 Рана будиль идуть.
 Збивають мине мбладу
 За вадбй итиль
 Кала таткина терима,
 Кала мамкина вакбшычка.
 Мой татухна падь вокномь ся-
 [диль,

У вакно глядиль;
 Май мамухна за парбгь бягиль:
 „Ахь ты, дитя маё, дитйтухна,
 Ти ня атмёрзли твай ножыньки,
 Ти ни ззябли твай ручухны?“
 — Мать май, матушка:
 Якь стать мнй табь рассказывать—
 Мнй маладбй празабавитца!

С. Хвошно.

Якь на мбрячку, якь на сй-
 нинькимь,
 Плавала шбрая вўтачка. 2
 За ей у пагбнь, за ей у дагбнь
 Сизый силизень: 2
 „Пастбй, вўтачка, пастбй, шбрая,
 Мы сь таббй пашаббчамь! 2
 Быўя на мбсьти, чўўя три вбсьти
 Пра тибб, шбрая вўтачка! 2
 Купляють сбти, таргўють сбти
 На твайхь дробныхь дитбй!“ 2

— Няхай купляють, няхай тар-
 гўють—

Я абь ётамь ни бабсья: 2
 Сбти падырў, дитбй пабырў,
 Плавала и плавать буду,
 И плаванья ни забуду! 2
 Якь на гбначку, якь на новинь-
 [кимь,

Гуляла Марьютачка. 2
 За ей у пагбнь, за ей у дагбнь
 Маладый Иваничка.

„Пастой, Марьютка, пастой, дб-
 [ванька,
 Мы сь таббй пагаворимь! 2
 Быўя на мбсьти, чўўя три вбсьти
 Пра тибб, Марьютачка: 2
 Купляють табь, таргўють табь
 Чапбць на галбўку!“ 2

— Няхай купляють, няхай тар-
 [гўють—

Я абь ётамь ни бабсья: 2
 Чапбць падырў, коску расплятў,
 Гуляла и гулять буду,
 И гулянья ни забуду! 2

За лясбмь сбўнашка играиль,
 Сбмачка коника сидлаиль,
 Яго татўлька пытаиль,
 Куды ёнъ коника сидлаиль.
 „А што табь, татухна, да таго?
 Сидлаю коника самь свайгб!
 Пабду нбчаньку начнўю,
 Па сваю Марьютку вячнўю!
 Ай, вбчна, вбчна, сярдбчна,
 Ай жа хараша, якь душа,
 Ай жа пригбжа, якь рбжа!

Якь на мбрячку, якь на сйнинь-
 [кимь,

Два бабрбй купалась, 2
 Якь на гбначку, якь на нбвинь-
 [кимь,

Два братцы збиралась: 2
 Пбйдимь брбтитка, пбйдимь,
 [рббньнинькй,

Пбйдимъ да бабрѡу пабѣмъ, 2
 Варўтки на шўбучку, 2
 Климўськи на шпачку! 2
 Варутку за столъ видўть, 2
 Шубучку ў рукахъ нясўть. 2
 „Жоначки-любѣдачки, 2
 Стойтя жъ вы тихѡнька, 2
 Ни змарайтя шўбаньки, 2
 Ни стапчйтя хустаньки: 2
 Ня тутъ инá шйтая, 2
 Шйта ина ў горади, 3
 Прислана мнѣ мблади. 2

Шыли не жыды—нѣмцы, 2!
 Прислана мнѣ, панѣнцы! 2

И радйлася—ни была,
 Куды минѣ матухна адала:
 На самая вакѡньня сасѡньня,
 На самыи жа дворъ щирый боръ.
 На самыа варѡты балѡты,
 На самыи парѡги дарѡги,
 Пасярѡдъ дварá кусть лазы!
 Ета нашый дѣваньки для гразы.

Якъ заржали сивыи коники на пѡли,
 Залйскали новыи калѣсы на двѡри,
 Заплакала маладая Хадѡрка ў камѡри:
 „Ни аддай, ни аддай мянѣ, мамухна, сягѡдњи,
 Ни аддай, ни аддай, май рѡдная, сягѡдњи!“
 — Былѡ табѣ, маѣ дитятка, казати:
 Панаѣхали тыи байры, што ўзяти,
 А ў минѣ жъ усеи тыи думки, што аддати!

Въ ожиданіи молодыхъ въ домѣ жениха.

„Жѡначки-любѣдачки, выйдитя, паслухайтя,
 Ти ни шумить дуброўка зялёная,
 Ти ни стучйть дарѡжка шырѡкая,
 Ти ни лищатъ надкѡўки сталѣвыи,
 Ти ни бягўть кѡники пигатыи,
 Ти ни вязуть канягйню багатую,
 Ти ни бягўть кѡники плясьнйвыи,
 Ти ни вязуть канягйню щасливую?“
 — А стучйть, стучйть дарѡжка шырѡкая,
 Бягўть, бягўть коники пигатыи,
 Вязуть, вязуть канягйню багатую,
 Бягўть, бягўть коники плясьнйвыи,
 Вязуть, вязуть канягйню щасливую!

Невѣстѣ-сиротѣ.

А знать на пйру, видать на пйру—
 Сирѡцкая свадьба! 2
 И дворъ ни мятѣтъ, и пиръ ни вясѣтъ—
 Сирѡцкая свадьба! 2
 Сталы засланы, госьти сазваны—
 Паряданьку нѣтути! 2

Каму жъ загадаты, а каго жъ паслатъ
 На рѡдную маманьку?
 А ты, Марѣютка, а ты, дѣванька,
 Ты пашлей сакѡлика: 2
 Енѣ висѡка лятйть, кѣ зямлѣ припадѣтъ—
 Маманьку прабўдитъ: 2
 „Устань, маманька, устань, рѡдная,
 Благаславй дачўшку сваѡ!“ 2
 — Ой, рада-бъ устати кѣ сваймў дитяти,
 Паряданьку ¹⁾ дати—2
 Сырая зимлѣ на грудь залигтá,—
 Ни магў прадйхнутъ; 2
 Жѡўтыи пясѣи занясьли глázки,—
 Ни магў приглѣнутъ; 2
 Зилѣзны цвѣчки сътйснули плечки,—
 Ни магў павярнўтца, 2
 Дубовы доски сътйснули ножки,—
 Ни магў устати, 2
 Ни магў ўстати кѣ сваймў дитяти,
 Благаславѣнства дати! 2.

Плачь невѣсты-сироты.

Узьнимйтись, бўйныи вятрѡчки, Листѡчакъ падѣтъ, траваньку
 Разнясити жѡўтыи пясѡчки, [кладѣтъ,—
 Раздйрити грабавйи дѡски, Ужо май парá идѣтъ! 2
 Разнимйти мамки бѣлыи ручки, „Чаго, Маринка, чаго, дѣванька,
 Аслабанйти хуть на часѡчакъ, Чаго рана замужъ идѣшь?“ 2
 Няхай инá минѣ благаславйть! —А што за рана, а што за пѡзна—
 — Калй май парá пришла: 2
 А зима, зима, чаго сътидзѣна, Татухна даѣтъ, Климутка би-
 Чагѡ рана стала? 2. [рѣтъ,
 —А што за рана, а што за пѡзна— Ужо май парá пришла,
 Калй май парá пришла: 2 Ужо май гадйна!

Приданки въ домѣ жениха.

„Жѡначки-любѣдачки, чалѡмъ вамъ:
 Ти ни зальтѣла наша кўрачка ўчѡра кѣ вамъ?
 Наша кўранька знакомай—съ халалѡмъ!“
 — А зальтѣла, ни зальтѣла—ня'ддадѣмъ!
 „А жѡначки-любѣдачки, чалѡмъ вамъ:
 Ти ни заѣхала наша дѣвачка ўчѡра кѣ вамъ:
 Сама бѣлинька, лицѡмъ красьнйнька и зѣ вянкѡмъ?“
 — А заѣхала, ни заѣхала—ня'ддадѣмъ!

¹⁾ См. выше. Смѣшеніе словъ: порядѡкъ и порада—совѣтъ

При отъѣздѣ молодыхъ.

Вылитали салавѣйки зъ зялёнага саду,
Зъ зялёнага саду, съ-падъ бѣлага винаграду.
Яны вылитали, зязюлю съ сабѣй звали:
„Зязюля шѣрая, палѣтимъ зъ нами,
Палѣтимъ зъ нами, шъ шѣрыми салуўямы!“
— Якъ жа я палѣчу зъ вами—жалъ саду пакінуць:
А ў маёмъ садѣчку ягадки салѣдки,
Ягадки салѣдки, вадіца крыніца!
Выижжаў Іванічка зъ вялікага сіла,
Зъ вялікага сіла, зъ багатага двара.
Якъ выижжаў, Лукерьюшку съ сабѣй зваў:
„Маладая Лукерьюшка, паѣдимъ зъ нѣми!“
— Якъ жа я паѣду зъ вами,—жалъ мамку пакінуць!

Кукувала зязюлінька, ў зѣлинъ садъ прилітая,
У зѣлинъ садъ прилітая, къ винаграду припадая.
„Сады май зялёны, винаграды сажоны!
Мнѣ па васъ ни літати, винаграду ни клювати!“
Ды плакала жъ Маріначка, къ сваёй скрынні припадая:
„Скрыня жъ май новая, а трѹбачки бялены!
А я прыла васъ и ткала, и бѣлінька бяліла,
Бѣлінька бяліла, за динъ вѣчаръ падыліла!“

С. Козьяны. Отъ кр. Ак. Петровой зап. І. Барановскій.

Вихоръ вириѹ павалиў,
Черисъ Дунай кладинку на-
[масѣтїў.

А тамъ ишла Дяўчѣнычка,
А за ей ззаду мальчїшычка,
На чорный саянъ наступайть,
Зъ ей гавѣритъ, чипайть.
„Ты замной, мальчишка, ни хадї,
На чорный саянъ ни ступай,
Са мной ни гаварї, ни чинай:
Ёсь у тибѣ дѣўки луччи мянѣ!“
— Нипраўда твай, Дяўчѣнычка:
Я й три вулицы абайшѹ,
Луччи тебе ни найшѹ!

А бѣрамъ, бѣрамъ, якъ баркѣмъ,
Лижала дарожка, якъ шнуркѣмъ,
Бѣхала казакѹ семь палкѣмъ,
Маладѣй Іванька напирѣдъ.
Здѣлику коникаў зъдиржайтъ,
На байръ шапачкай махайтъ:
„Стойтя, байры, слѹхайтя,
Якъ май Анютка пѣсьни няѣтъ,
Па шырокаму дварѹ гуляя,
Садѣмъ яблечикъ качая,
Шалкѣвай хѹсьтинькай махая,
Минѣ малайца дажыдѣя!“

Развилинийўся въ агарѣдивилѣный
[садъ,
Развисялїўся Іванька ў дарѣзи.
А ёнъ къ сваёй Анютки вѣдучи,
Дарагія падарачки визючї!
Ина падарачкамі гардѹйтъ,
Ина ямѹ пальпшыи гатѹйтъ:
Шалкѣвую хустку зубкѹйтъ,¹⁾
Ина свыямѹ Іваньку дарѹйтъ.

Ти ни стыдна табѣ, Іванька:
Выихаў на поля бисъ стрѣлки,
На тѣсѣтїў дворъ бизъ дѣўки!
— А дайтя мнѣ стрѣлку мидяну,
Прамалїѹ сѣтяцѹ каминну,
Вывиду дяўчѣнку мѣладу!

Спазынїўся малѣйчикъ ў дарѣзи—
Ни кѣваны кѣны у вѣзи.
„Ёсь у минѣ кывалї ў дарѣзи—
Пыдкують конїй у вѣзи;

Величальныя жениху.

Што на кутѣ ды за зарива?
— Ать Іванывыхъ кудѣручикъ,—
Іванывы кудѣручки зыгарѣлися!
А гдѣ яго мыладая жына?
Узїла бѣ ина да шалкѣвый платокъ,
Памачїла бѣ у салѣдкїй мядѣкъ,
Утушыла бѣ у Іваньки кудирки!

Што на кутѣ ды за зарива?
Ать Іванавыхъ бѣтѣ загарѣўся
[полъ.
Ать зѣлыта теримъ шѣпитца,
Ать сирѣбрѣ лаўки лѣмютца.

Скачїть, плїшыть гарнастайка пы сталѹ,
Прискакаўся къ Іванькыву кишынѹ.
„Іванюшка, атѣчицкїй сынокъ,
Пыдари намъ гарѣлычки крѹчѣкъ!“

Ёсь у маёй Анютки пирсѣтянѣкї,
То маймъ кѣникамъ надкѣўки;
Ёсь у маёй Анютки крѣлички,
То маймъ кѣникамъ ухнѣлички;
Ёсь у маёй Анютки устѹжки,
То маймъ коникамъ надпрѹжки!“

А знати-та, знати,
А ў катѣрай хати:
Кругѣмъ агѣнь гарїть,
Варѣтцы пыдъ замѣами,
Въ варѣтцахъ стѣражъ стайть.
Анютка выхадїла,
Замѣчки размыкала,
Варѣтцы рашиняла,
Сватѣчкаў упустикала.
А сваты на дворъ,
А я мѣлада за столъ.
Іванька зъ дружїныю,
А я мѣлада зъ байркыми!

Ня буду свѣтїть,
Гдѣ Іванька сядїть,
А свѣтїють жа, свѣтїють
Зылатїи пирсѣтянѣкї,
Сирѣбряныи шпонки (запонки).

Іванька-сѣрьдинька,
Садѣвїнсья съ мѣсѣтичка:
Пыдъ табѣй сто рублей,
Сто рублей съ палтїныю
И шъ шѣлѣкѣвай хѹсьтїныю.

¹⁾ Обшиваетъ платокъ зубчиками, фестонами.

Величальныя невѣсты.

На кимъ, на кимъ крутый, витый винокъ?
 На Анютычки крутый, витый винокъ!
 А хто жъ та ёй виночикъ савивау?
 Савивала Прячѣстая Матушка,
 А ў цѣркуўки на престоли сидючй.
 Пасирѣдъ винка ды й збриньку садила,
 Кабъ инъ ёй виднѣхынька сьвитѣла.

Анютычка—якъ душа,
 Рубашычка харапѣ:
 Кала вѣрата збѣлыта,
 Кала падбѣлу сирибѣ.

Зъ ряду, зъ ряду баарычыкъ
 Луччи нѣту Анютычки:
 Ина й роду вяликага,
 И батюшки багатага,
 И матушки разумныя:
 Ни пасьпѣли мы пѣсьни сьпѣть,
 А инъ намъ падарычки шлѣть,
 А инъ жъ та падарычки—салѣдкіи
 [прянички.

Анютычка, якъ паня,
 У шолкавамъ жупани,
 Чиривикъ щилкайтъ,
 Даликатнѣнька ступайтъ,
 Штобы чиривичка ни скривитъ,
 Паньчѣшычыкъ ни смачйтъ!
 С. Мишневичи.

Добрый день свату ў хату:
 А ти видна (свѣтла) яго святѣлка,
 Ти вѣсила яго сямѣйка,
 Ти цвятѣуць цвятѣ у гарѣди,
 Ти пняѣтъ салаўй ў садѣ,
 Ти бруаѣтъ пчѣлы ў мядѣ.
 С. Пюсто.

Велижскій уѣздъ.

Свадьба у Велижскихъ крестьянъ начинается такъ:

Собираются три свата отъ жениха и отправляются въ домъ невѣсты ее сватать. Когда скажутъ невѣстѣ о цѣли своего прѣзда, то невѣста должна отвѣтить: „хто шъ знать, какъ отецъ и matka скажутъ!“ Тогда сваты спрашиваютъ родителей, а тѣ говорятъ: „хто шъ знать, каковъ женихъ?“ Такъ сваты и возвращаются къ жениху. Послѣ этого отправляется самъ женихъ смотрѣть невѣсту. И если одинъ другому понравятся, то даютъ согласіе другъ другу и молятся Богу. Затѣмъ садятся за столъ, куда сваты жениховы ставятъ водку, а мать невѣсты приготовляетъ яичницу. Тогда приходитъ невѣста изъ другой хаты и кланяется сватамъ, которые выходятъ для этого изъ-за стола. Кланяется и своимъ родителямъ, отцу и матери, и говоритъ:

„Татка кармѣлицъ, а мамка зязюлька! Штѣ вы ны мянѣ рыссяр-дѣлись? Маѣ галоўку зыкабалили, маѣ сѣрца зазнабѣли! Цымъ жа я вамъ, татка, ни ўгадила и ни ўладила? Ти я была вамъ няўслушница, ти пагрубница?“

Послѣ этого она приноситъ холстъ, который называется „дарями“, и начинаетъ дарить всѣхъ сватовъ, а тѣ ей платятъ за дары по гривеннику. Затѣмъ невѣста снова уходитъ, а сваты начинаютъ пить и закусывать, послѣ чего благодарятъ и уѣзжаютъ домой.

Послѣ этого проходитъ недѣля. На второй недѣлѣ въ четвергъ невѣста начинаетъ ходить по своимъ родственникамъ и зоветъ ихъ на свадьбу. Такъ она ходитъ до субботы. Въ субботу послѣ полудня топятъ баню, и невѣста идетъ мыться.

Затѣмъ приходитъ боярка и начинаютъ невѣсту чесать и одѣвать: надѣнуть ей сарафанъ, или юбку, кофту и бѣлякъ. Вечеромъ собираются гости, родные и знакомые, приходятъ музыканты. Отъ жениха прѣзжаютъ пять сватовъ, и тогда начинается „вечеринка“. За столъ садятся всѣ родные невѣсты, и сваты начинаютъ угощать ихъ своею водкою. Въ это время входитъ невѣста. Сваты подаютъ ей отъ жениха торбу, въ которой находится: мотокъ баранковъ, кусокъ говядины, сыръ, булка хлѣба и двѣ бутылки водки. Невѣста беретъ этотъ мѣшокъ и опять уходитъ къ своимъ бояркамъ.

Мать ея приноситъ чашку кашусты, говядину, за говядиной подаютъ супъ, кашу и на кашу кладутъ по куску мяса. Послѣ всего подаютъ яичницу и кисель. На этомъ столъ кончается. Начинается надѣль. Столбовой говоритъ рѣчь. Послѣ надѣла сваты жениха отправляются домой, а у невѣсты гуляютъ до дня.

Утромъ начинаютъ невѣсту убирать къ вѣнцу: чешутъ ей голову, причемъ волосы не зашлепаютъ; на голову надѣваютъ „галѣнину“ (вѣнокъ) и вѣшаютъ позади девять или восемь разноцвѣтныхъ лентъ. Когда кончится одѣванье, родители берутъ образъ, затепляютъ свѣчку и ведутъ невѣсту въ другую хату, и здѣсь начинается благословеніе. Невѣсту благословляютъ отецъ и мать и всѣ присутствующіе родные. Невѣста кланяется. Тогда ѣдутъ подъ вѣнецъ. Съ невѣстой ѣдетъ боярка и братъ и сестра, когда есть; къ дугѣ лошади привязываютъ ленты и колокольчикъ.

Послѣ вѣнца женихъ ѣдетъ къ себѣ домой, а невѣста въ свой домъ. Здѣсь садятся за столъ и обѣдаютъ. Послѣ обѣда начинаютъ играть музыканты; невѣста и всѣ гости танцуютъ русскую, „хрищавого“, казачка, чижику, березку, пѣтушка и польку. Вечеромъ прѣзжаетъ женихъ за невѣстой и съ нимъ двадцать паръ гостей. Они остаются на дворѣ. Невѣсту въ это время садятъ за столъ и надѣляютъ ее деньгами; кто кладетъ двѣ, кто три, а кто пять копѣекъ; входитъ женихъ, надѣляетъ ее тридцатью копѣйками и опять уходитъ. Тогда выводятъ невѣсту изъ-за стола, надѣваютъ ее въ шубу, вывернутую вверхъ мѣхомъ, и въ шапку, и ведутъ на дворъ, гдѣ женихъ. Когда она идетъ, то мать крестная беретъ ее за руку и садится на порогъ; женихъ приходитъ и кланяется крестной и даетъ ей денегъ тридцать копѣекъ и бутылку водки. Это онъ выкупаетъ

невѣсту. Когда выкупъ конченъ, то невѣсту и жениха уводятъ въ хату и сажаютъ ихъ за столъ; съ ними входятъ и также садятся вся родня женихова. Начинается угощеніе. На столъ ставятъ холодное, щи съ говядиной, а потомъ супъ съ говядиной, кашу и говядину, яичницу, молоко съ творогомъ.

По выходѣ изъ-за стола уѣзжаютъ въ домъ жениха. Женихъ садится съ невѣстой. Тутъ же ставятъ и сундукъ невѣсты съ приданымъ. Невѣстиныхъ гостей ѣдетъ двадцать пять паръ. Когда придутъ на дворъ жениха, отецъ и мать его выходятъ съ иконой, съ хлѣбомъ и съ зажженной свѣчой. Молодые кланяются имъ. Молодыхъ отправляютъ спать въ овчарникъ или въ чуланъ, а невѣстиныхъ гостей сажаютъ за столъ и угощаютъ. Послѣ этого танцуютъ, поютъ пѣсни, потомъ ложатся спать.

Когда встанутъ, то идутъ подымать молодыхъ, одѣваютъ невѣсту и ведутъ въ хату. Здѣсь начинается угощеніе а послѣ стола танцы. Напившись, гости идутъ по деревнѣ „по цыганямъ“, собирать яйца, крупу, овесъ, ячмень и т. д.—что кто дастъ. И приносятъ все это сватамъ. Сваты изъ собранныхъ яицъ дѣлаютъ яичницу и угощаютъ гостей.

Послѣ этого приносятъ хлѣбную дежку, ставятъ ее посреди двора и сажаютъ на нее крестную мать. Приходятъ изъ чулана молодые и кланяются ей. Тогда на дежку сажаютъ невѣсту и надѣваютъ ей „чепечъ“; а женихъ беретъ кнутъ и стоитъ у дежи; гости приходятъ и цѣлуютъ невѣсту, а женихъ бьетъ ихъ кнутомъ.

Тогда ведутъ молодыхъ въ хату, и сажаютъ за столъ; положить „въ чирѣнку“ каши, и дружно подаетъ жениху эту черепку съ кашей, а женихъ, взявъ кашу, бросаетъ ее на печь. Тогда батька беретъ кнутъ, а matka помело, и выгоняютъ ихъ изъ-за стола. Они и выскакиваютъ: невѣста съ хлѣбомъ, а женихъ съ солью; положить и то и другое на полку, а сами идутъ въ другую хату; на ихъ мѣсто садятся за столъ гости невѣсты; послѣ угощенія они уѣзжаютъ. Когда гости уѣдутъ, то женихъ съ подкняжимъ садятся на коней, догоняютъ отца и мать невѣсты, угощаютъ ихъ и зовутъ на перезовъ въ гости. Спустя день послѣ перезова, жениховы отецъ и мать ѣдутъ въ гости въ домъ невѣсты. И тогда свадьба кончается.

Узковская вол. Запис. М. Страмковская
отъ крест. Ирины Андреевой.

Свадебныя пѣсни Велижскаго уѣзда.

Святой Кузьма-Димьянъ,	Люди судють—ни рассудють,
Скуй намъ свадибуку	Вятры вѣють—ни развѣють,
Викавѣцную, далгавѣцную:	Дажди мѣцуть—ни размѣцуть!

А како у насъ нѣту у етый бисѣди?

Нѣту у насъ радной мамки.

Како жъ намъ наняти, зы мамкой паслати?

Ёсь у садоцку, ёсь у зялёнымъ, дробный сылавейка.

Ёнъ рана ўставаить, па мамку злитаить,

Зимельку ускыпайить, мамку разбужайить:

„Устанъ, устанъ, мамка, устанъ, устанъ, родна:

Прбентъ тваё дитя твайго блыгиславѣння!“

— Пушшай блыгислывяють, пушшай ныдиляють

Добрыи люди и ближнии сусѣди:

Я нъ и рада устати—галоўки ни ўзняти:

Стиснуты костки ў дубовыи доски,

Звязыны руцки пярловымъ платѣцкымъ,

Засыпыны глазки жоўтымъ пясѣцкымъ!

Глаткая галоўшка, русыи ку-

[дѣрушки,

Ну, хто шъ тибѣ гылавѣ цысаў,

Кудри зывиваў?

Цысала галоўшку

Май рѣдна матушка,

Зывивала кудѣрушки

Жына май быярыня,

Пыдъ акѣшыцкымъ сѣдуюцы,

Ны яснѣнъ мѣсницъ глѣдуюцы.

Яснѣнъ мѣсницъ, яснѣшыникъ,

А мой милый милѣшыникъ;

Яснѣнъ мѣсницъ у вагради,

А мой милый у ныряди;

Яснѣнъ мѣсницъ пыдъ лунами,

А мой милый пыдъ кудрями.

Будъ даволинъ Стипанка,

Вотъ и мы тибѣ пѣсьню йграимъ,

Пу батюшки вилицанмъ,

Што ты роду большѣга,

Атца-матери цыснѣга.

Запрашѣная гѣсьтюшка, (имя)

У любы запрѣшына,

У цасѣтй пасожына:

Ёй и лаўка прастрѣныя,

Ёй и мѣста шырокыя,

Пыдъ стиклястымъ вакошыц-

[камъ пысажѣна,

Пыдъ стиклястымъ вакошыцкамъ,

Пыдъ святымъ Микѣлю.

Спасибо табѣ зы твай пыдарыцки,

Зы слаткіи прыницки:

Ня ўспѣли ёй пѣсьню сыпѣть,

А ина намъ пыдапу шлѣтъ:

Съ куту ды ўзапѣцку,

Кажынаму цылавѣцку.

Ай бѣлы, бѣлы быярацки,

Билѣй Ганутки нѣтъ.

Было у ёй два братцы сакалы,

Литали яны на мѣря,

Брали купѣну бѣлую.

Той купѣный Ганутка мылся:

За то ина бѣлинька,

Што купѣный мылся.

Ты, Ганутка, ни скупися,

Са рѣбликымъ раступися!

Хытѣть игрѣцушки

Твайго дару вяликовыя.

Васъ, гасѣтей, прибавылись,

А насъ, игрѣць, нямножыцка!

Ина дѣмыть—гыдаить,

У кырманъ руцки ўкыдаить,

Выбираить зѣлыта

Мижу цыста сѣрибра!

Узковская вол. Зап. Т. Модзалевская.

При прїѣздѣ жениха.

Ни видать солнушка запаморесыга,
Только знать пы кружоцку.
Ни видать Марьюшки зы быяркымы,
Только знать пы вянбцку.
А на ей вянбцыкъ, якъ жаръ гарить,
А на ей платоцыкъ, якъ макъ цвѣтѣть.
Жаръ гарить—разгарантца,
Макъ цвѣтѣть—разцвѣтантца.
Хоть ѣтъ, ня ѣтъ, Стифанька,
Табѣ Марьюшку ня 'ддадѣмъ:
Бѣли зыганы зыдадѣмъ!
Першая зыгана—пьяница...

(Та же пѣсня въ другой деревнѣ).

Ни видать солнушка зы 'блыками,—
Только знать пы краишкамъ.
Ни видать Марьюшки зы быяркымы,
Только знать пы цвѣтикамъ.

Наканунѣ вѣнца на вечеринѣ.

А ў терими за дверью	Мнѣ пьяный быть
Стайтъ крывать тисовыя,	А ўсихъ мнѣ любить,—
Ляжѣтъ пярина пуховыя,	Мнѣ забитый быть!
На тѣй пяринѣ Марьютка.	Ти пить, ти ня пить
Дли яѣ стыять три мѣлайцы,	Атъ аднагѣ Иваньки,
Яны яѣ упрашывають:	Ти любить, ни любить
„Выпій вина зялёныга!“	Аднагѣ ягѣ!
— Аты (ото) ўсихъ мнѣ пить —	

Когда новобрачные ѣдутъ отъ вѣнца.

Расцвѣтаить виныградъ,	А ягыда—Марьюшка.
А ягыды пыспивають.	Яны змалку спызналися,
Виныградъ—Иванька,	А вырысли—сывиньчались.

Послѣ вѣнца за столомъ.

Частуйтися, госьти,—	Вѣсила сядѣмъ.
Я прашу вашый милѣсьти:	Нашъ хызяинъ, силізѣнь,
Кабы пили, кабы ѣли,	Зы гарѣлкый пылятѣу,
Кабы вѣсила сидѣли!	А хызяюшка—утка,
— Мы пѣмъ и ядѣмъ,	Вырачійся крутка!

Когда невѣсту отвозятъ къ жениху.

Сьтидѣная рѣса,	Малы, нивялички,
Ни хадѣ пы двару бѣса!	Панцошки бялѣвыя,
Кали табѣ жалъ,	Пыдвязки шаўковыя.
Купи черявички —	

Когда невѣсту привезутъ въ домъ жениха.

„Што жъ ты, Марьюшка, змарнѣла —
Ти ў тябѣ галѣўка балѣла?“
— Балѣла, сястрица, увесь день, —
Ня видѣла Иваньки семь надѣлы!
Ти вы мнѣ галѣўку пывяжѣты,
Ти вы мнѣ Иваньку пыкажѣты!
— „Зывяжышь галѣўку рушницкомъ,
Пыкажымъ Иваньку вицаркомъ!“

Прасилыся Марьюшка ва зялёный садъ:

— „Ты пусьси, татынька, ва зялёный садъ,
Сымаўй пыглядѣти, пѣсинькѣ паслухати!“
— Дурацокъ, Марьюшка, ниразумныя!
Ужу етытъ сылавей у насъ бѣдѣтъ:
Мы ягѣ ныглядѣмъся, и пѣсинькѣ наслухымъся!“

Хлапатала маманька Андрѣиўна:

Якъ маѣ дитѣтка жанѣтца бѣдѣтъ:
Тѣмныя ноцыньки, ды нявидныя,
Грязныя вѣланьки бизъ мастѣу,
Круты бирягѣ бизъ пиравѣзуу!
— Ни клпатисъ, маманька мый родныя!
Сайтраимъ свадибку са людьми,
Тѣмную ноцыньку сы свицѣми,
Грязныя вѣланьки сы мастамаи,
Круты бирягѣ сы ўзѣздымаи,
Быстрыя рѣцыньки съ пиравѣзѣмаи.

На запоинахъ.

— Пывѣнь, пывѣнь, рута—мята!	Я жъ бы рада пыгуляти —
А какъ жа мнѣ пывянуть:	На дворъ сватѣмъ ўзѣижжѣють:
Буйны вѣтры пывивають,	Минѣ млада заруцають,
Дробны дажжѣ пыливають!	Гарѣлыцкый запивають!
— Гуляй, гуляй, Марьюшка!...	

Мижы горъ-гѣрушыкъ,

Ты выйди, Рипинка, намѣй руцки!

— Май такъ руцыньки бялѣшыньки —

А ти будутъ бѣлы ў свѣкровыньки,

Якъ цѣрныга пырыбѣлю, якъ сырѣй пшаницы пымалѣу?

— Ни клпатисъ абъ нашый работи:

На цѣрну работу людей наймѣмъ,

Сырую пшаницу на прудъ свѣзѣмъ.

Калина съ малинай рана ў лазѣ расцвила,
 Той парбѣй урёмицкамъ минѣ мати радила:
 Ни наўцѣи розуму, ў цужы люди аддала.
 Справѣи жа мнѣ татынька маливанѣнскій стружбѣць,
 Нагрузила яго маманька тонкимъ бѣлымъ пылатнѣмъ,
 Успустиў яго татанька на Волгу-ригѣ.
 За мной, за мной маманька, крутымъ цыстымъ биражомъ
 „Ты вярнися, доць мый, распрашаймся съ табой!“
 — Ни вярнуся, маманька,—ни твая воля ва мнѣ:
 Ты ни знала, маманька, какъ жжыть и збыть мине.
 Ажна жжыла, збыла, маманька, за 'динъ вецѣрь, вицарокъ,
 За 'динъ вецѣрь, вицарокъ, за ядѣнѣнскій пасокъ!

Палагейка радѣй маманьки приказывала:
 „Паѣдишъ, маманька, ка мнѣ ў гоесть,
 Ты ня ѣдъ, маманька, чирисъ горыдъ,
 Ни купляй, маманька, злата-сѣрибра;
 Ты купи, маманька, сылавейку,
 Ты прикуй яго кы пасѣтельки.
 А то ў мяне маманька будить ня рѣдныя:
 Близинька къ крывати ни падѣйдить,
 А хотъ прѣдѣйтъ—ни пабудить!..
 Тотъ сылавей щибитать будить,
 Насъ мыладыхъ будить, пабуджать будить.

Пы дварѣ Дунюшка высылки багровыи,
 Гвызьзѣй царвоныи садила:
 Наѣхыў Аликсандрюшка зъ быярами:
 Пытаптаў васильки багровыи,
 Пыламаў гвызьзѣй царвоныи!
 Жалилась Дунюшка сваѣй маманьки.
 — Хотъ жалъся, Дунюшка, ни жалъся—
 Я тваѣй маманьки ни баюсь,
 Я серидъ двѣрику астанавлюсь,
 Я тваѣй маманьки укланюсь....

— Ни стрѣляй, Ликсандрюшка, ў шѣрымъ барѣ,
 Ты стрѣляй, Ликсандрюшка, къ тѣшшы на дворѣ!..
 — Пѣршую старѣжыньку капытомъ сѣякѣ,
 А другую старѣжыньку пѣлазамъ сатрѣ,
 А третью старѣжыньку къ сабѣ примѣ!
 Ласкывая тѣшшынька па сѣнихъ хѣдить,

Бѣлыга лѣбидя ны рукахъ носить,
 Красную ягыду ны тарѣльцѣи.
 Бѣлинскій лебидъ—Ликсандрюшка,
 Красныя ягыда—Пылагѣюшка!

Зы гарой зайнька выў.
 „А хто тибѣ, зайнька, биў?“
 — Биў минѣ, зайньку, Пятрушка:
 А ти я ямѣ дарѣгу пярѣбѣгъ,
 А ти я ямѣ конѣкаў распѣдиў?

Ти я ямѣ Дунюшку пагѣдиў?
 — Пярѣбѣгъ дарѣжку шѣрый
 [воўкъ,
 Распудили конѣка жырѣбѣи,
 Пагѣдили Дунюшку малайцѣи.

С. Казаково. Зап. О. Коптѣловъ.

У невѣсты наканунѣ свадѣбы, за вечериной, пыцынальныя пѣсни.

Баслаў Божа, Божынька!
 Свадѣбку играти, Божынька!
 Пѣсню пыцати, Божынька!
 Двымъ мыладѣнымъ, Божынька!
 Двымъ блыславѣнымъ, Божынька!
 Двымъ пыражѣнымъ, Божынька!
 Двымъ пысажѣнымъ, Божынька!
 Первыи мыладець, Божынька!
 Князь мыладѣй Пынкратушка, Божынька!
 Другѣй мыладець, Божынька!
 Княгиня Кытыринюшка, Божынька!
 Святѣй Лука, Божынька!
 Будь къ намъ на свадѣбу, Божынька!
 Злѣцы намъ свадѣбу, Божынька!
 Крѣпка и вѣцна, Божынька!
 И дылгавѣцна, Божынька!
 Святѣй Кузьма, Божынька!
 Будь къ намъ на свадѣбу, Божынька!
 Скуй намъ свадѣбу, Божынька!
 Крѣпка и вѣцна, Божынька!
 И дылгавѣцна, Божынька!
 Виўся, павиўся, Божынька!
 Хмель зъ тыцѣнѣй, Божынька!
 Дубъ зъ бярѣзый, Божынька!
 Вѣрба зъ клѣнымъ, Божынька!
 Виўся павиўся, Божынька!
 Пынкратушка, Божынька!
 Съ Кытыринѣй, Божынька!
 Рѣцка съ рѣцкѣй, Божынька!
 Ножка съ ножкѣй, Божынька!

Сонца грѣить—ни разгрѣить, Божынька!
 Вѣтирь вѣить,—ни развѣить, Божынька!
 Дажжй мѡцуть,—ни размоцуть, Божынька!
 Мѣсиць сѣяить—ни расѣяить, Божынька!
 Луны лунють—ни разлунють, Божынька!
 Суды судють—ни разсудють, Божынька!
 Люди гавѡрють—ни рызгавѡрють, Божынька!
 Дай, жа Божа, многіи лѣты, многіи лѣты, Божынька!
 Батьки зъ маткый ны радысь, Божынька!
 Добрымъ людямъ ны завись, Божынька!

Поется, когда пріѣдутъ отъ жениха и сядутъ за столъ. Дружко вызываетъ охотника пѣть „пыцынальную пѣсню“. Изъ гостей невѣсты, которые не сидятъ за столомъ, а стоятъ въ сторонѣ, является охотникъ, и запрашиваетъ съ дружка за пѣсню: „боцку водки, мѣхъ пирогаў и сто рублей денехъ!“ Начинаютъ торговаться, и оканчиваютъ на одной бутылкѣ водки, двухъ пирогахъ и пяти копѣйкахъ. Вызвавшійся спѣть „пыцынальную пѣсню“, беретъ въ каждую руку по небольшому пирогу и ударяетъ одинъ о другой при пѣніи словъ: „Божынька“.

Ли варѡтъ бирѣза стыяла,
 А у бирѣзи макѡшка злымана.
 Ти зѣлина бирѣза бизъ макѡшки,
 Ти вѣсила мамѡшка бизъ дацѡшки?
 — Туды-сюды пыварнусь, дѡчки нѣтъ!
 Выйду зы варѡтики—только слѣдъ.
 Зилѣныя травѡшка прилѡжына
 Туды маѣ дитятка павѣзина!

Кытарынина мамѡшка
 На крылецъ выходила,
 Зъ зарѣй рѣць гыварыла:
 — Заря мыя, зѡрюхна,
 Заря вяцѣрняя!
 Зытамнѣла мой дварѡкъ,
 Зызнабила мой жыватѡкъ:
 Атвила ать мяне служыхну вѣр-
 [ную,
 Атнисла ать мянѣ дѡрики цастыи,
 Пыясы дымастыи!

Пынкратыва мамѡшка,
 Усю нядѣлюшку вясѣлинька:
 У клѣтъ улѣзить —
 Прибыль Богъ даў!
 Придить лѣта,
 Народить Богъ жыта,
 Ёсь съ кимъ жать;
 Доўгую нивку,
 Шырокую пустатку
 Ёсь съ кимъ гнать.
 Ёлка-сасонка,
 Зиму-лѣта зилинѣнька!

Кытарынина мамѡшка,
 Усю нядѣлюшку смутнѣнька!
 У вызбу улѣзить:
 — Ахъ, Божа мой, —
 Симьянина нѣтъ!
 У клѣтъ улѣзить:
 Кубла нѣтъ.
 Придить лѣта,
 Народить Богъ жыта,
 Нѣ съ кимъ жать!
 Ахъ, Божа мой:
 Круглая нивка,
 Широкая пустатка —
 Нѣ съ кимъ гнать!

Зъ синяга моря
 Вѣтры вѣють;
 Зъ цѣстыга поля
 Госьти фдуть.
 Ты выйди, Кытаринушка,
 Сустрѣнь гасьтѣй:
 Вазьми кыня выранѡга
 За ўздыньку,
 А князя мыладѡга
 За рѡцыньку.
 —
 А ў гарѡди кынацѣльки
 Зилинымъ зилинѣньки;
 Ды ни даў имъ витярокъ пы-
 [стыять:

Атшѣбъ ёнъ перья
 Пы самыя карѣнныя.
 Сымавѡлька Пынкратъ
 Ды ни даў Кытаринушки пы-
 [гулять:

Рысцысала касу пы плицамъ,
 Рызлила слѣзыньки
 На бѣлымъ лицу.
 — Гуляй, гуляй, Кытаринушка,
 Зы маѣй гылавѡй!

—
 Скрѣпныли варѡты съ пылнацѣ
 Пріѣхали госьтики—три паницѣ:
 Стали яѣ косыньку трипать,
 Па бѣлыму лицьку растилать.

— А вотъ табѣ, Кытаринушка,
 [за тѡя,
 Ня плѣсь было косыньку утрѡя;
 А плѣсь было косыньку
 Ў цатыри ряды,
 И жыть было ў татушки
 Цатыри гадѣ.
 — Я ня годъ, ня два жыла,
 Ни адинъ вяноцѣкъ снасила,
 Ня 'ннаго мѡлыцца ссушыла,
 Аннагѡ Пынкратку спылюбила.

—
 Цорная имгла
 Къ зямлѣ прилигла;
 Мылыдая Кытаринушка
 Съ вадѡй пытикля.
 А за ей мамѡшка
 Крутымъ биряжкомъ:
 „Пыдай, пыдай, руцыньку,
 Кытаринушка!“
 — Я ни пыдамъ рукѡ,—
 Пушшай пытанѡ,
 Ни дыстануся я никамѡ.
 Цорная имгла
 Къ зямлѣ прилигла;
 Мылыдая Кытаринушка,
 Съ вадѡй пытикля;
 А за ей татушка
 Крутымъ биряжкомъ:
 „Пыдай, пыдай, руцыньку,
 Кытаринушка!“
 — Я ни пыдамъ рукѡ,—
 Пушшай пытанѡ,
 Ни дыстануся я никамѡ!
 Цорная имгла
 Къ зямлѣ прилигла;
 Мылыдая Кытаринушка
 Съ вадѡй пытикля;
 А за ей Пынкратушка
 Крутымъ биряжкомъ:
 „Пыдай, пыдай, руцыньку,
 Кытаринушка!“
 — Ой, на табѣ дѣвѣ,—
 Пусь я табѣ!

Хадил явѣста пы гарбду,
 Сѣила цорный макъ съ пыдалу:
 — Расѣти, расѣти, цорный макъ, красный цвѣтъ!
 Што майгѣ татушки дѣуга нѣтъ.
 Написала-бъ письмо, ды ня ўмѣю;
 Пыслала бѣ пыслѣ, ды ня смѣю;
 Сыма бѣ я пышла, — ды бабѣя,
 Тѣмный нѣцышки тыраплюся:
 Ны май дарѣжки пыстаўлины стыражы:
 Хѣдутъ мяне мыладу сыймати,
 Па русѣй косыньки узнати.
 Во ета табѣ, нявѣстуска, за тоя,
 Ня плесъ было косыньку утрон;
 Заплесъ было косыньку въ цатыри ряды,
 Было жыть у татушки цатыри гадѣ.
 — Я ня годъ жыла, я ни два,
 Ня 'нну шубушку снасила,
 Ня 'ннагѣ мѣладца сеушыла.

Пыгуляйтя, дѣвушки,
 Пыгуляйтя, красны:
 Вамъ тяперъ свый воля;
 Нярѣна замужъ зайдитя,
 Нарѣвинъ мужыкъ дыстанитца:
 Либа воръ, либа пьяница,
 Либа ѣнъ ряўнѣў будить,
 Либа ѣнъ хунаў будить!
 Зы ряўнѣвымъ мужукомъ,
 Ни пахѣдишъ хырашѣ,
 Ни пахѣишъ зылатѣ, цыста сѣ-
 [рибра;

Ни пысядѣишъ у бясѣдушки
 Зѣ ближними сусѣдками,
 Съ книзьями, зѣ быѣрами,
 И зѣ вяликимъ пыяздѣмъ.
 За хулавымъ мужукомъ
 Пахѣдишъ хырашѣ,
 Пахѣсишъ зылатѣ и цыстыя
 [сѣрибра;
 Пысядѣишъ у бясѣдушки
 Изъ ближними сусѣдками,
 И сѣ красными дѣўками.

На кимъ у насъ крутый, витый вяноцыкъ?
 — Ны Кытарынушки крутый, витый вяноцыкъ!
 Хто шѣ ѣй виў крутый, витый вяноцыкъ?
 — Завивала ѣй Пряцѣстыя Матиръ,
 У касѣтѣли ны пристоли сѣдоуцы,
 У вакошыцка глѣдоуцы,
 То зорюшку, то звѣздыцку садоуцы!
 Ина зѣлытымъ, ина сѣрибрымъ пывивала,
 Ны Кытарынку галоўку усклада.
 Пысарѣдъ винка красна сѣлынька ўзашлѣ,
 Ясѣнъ мѣсѣцъ ўсю дарѣжыньку асвятѣў.

Садила сады Кытарынушка,
 Садиўшы сады, зыплацѣла:
 „Сады май зялѣны,
 Каму миѣ васъ аткызать:
 Ти татушки, ти мамушки,
 Ти рѣнныму братцу, ти рѣнны
 [сѣстрицы?
 Аткажѣ я сатъ нявѣсты:
 „Устанъ, нявѣста, ранѣшынька,
 Вымыйся бялѣшынька,
 Абатрися румянѣшынька.
 Нявѣста, пыливай садъ цастѣ-
 [шынька,
 У вецыри пазднѣшынька,
 Павутру ранѣшынька!“

Бѣлыя, кудравыя бярѣза,
 Пацѣмъ табѣ дубъ спыдыбаў,—
 У дуба шырокъ листь, ня зѣлинь?
 Ой, вумная, разумная Кытарынушка,
 Пацѣмъ табѣ Пынкратушка спыдыбаў:
 Есѣ у яго конь выранѣй, ды пызыцѣный,
 У сасѣда пыпрашѣный:
 Сасѣдушка, нашъ батюшка, дай кынѣ,
 Кали Бохъ сѣдѣть, и у насъ бѣдѣть—мы дадѣмъ!

Вязьмен. вол.

Невельскій утѣдъ.

Сваты прѣѣзжають въ домъ родителей дѣвушки и говорятъ, что паренъ ихъ жадаеть жениться на дочери хозяевъ. Родители спрашиваютъ дочь, въ присутствіи сватовъ, согласна-ли она выходить замужъ за этого парня. Дѣвушка даетъ положительный или отрицательный отвѣтъ, но добавляетъ, что она, хотя и согласна, а все же повинуется родительской волѣ: „какъ татка и мамка, такъ и я!“ Заручившись отвѣтомъ дочери, родители, если имъ не нравится женихъ, отказываютъ сватамъ и просятъ напрасно ихъ не уговаривать. Если-же согласны отдать дочь, то просятъ прѣѣхать во второй разъ за полученіемъ рѣшительнаго отвѣта. Чрезъ два-три дня сваты вторично прѣѣзжаютъ и получаютъ согласіе. Уѣзжая, они назначаютъ день, въ который прѣѣдутъ „на заливки“. Въ третій прѣѣздъ сваты прѣѣзжаютъ съ женихомъ и привозятъ водку; хозяйка дома приготовляетъ яичницу. Всѣ молятся Богу, затѣмъ закусываютъ и выпиваютъ; при этомъ назначается и день свадьбы. Невѣста даритъ жениху платокъ, и онъ даетъ за платокъ деньги: рубль, два или 50 к., смотря по состоянію. Женихъ нѣсколько разъ навѣщаетъ невѣсту, привозитъ ей пряники, баранки. Если женихъ состоятельный, то за недѣлю до свадьбы ѣдетъ съ невѣстой въ ближайшій городъ и тамъ покупаетъ свадебный нарядъ.

Наканунъ свадьбы гости собираются вечеромъ, старѣйшіе выпиваютъ и разговариваютъ, а молодые пляшутъ. Употребительнѣйшій изъ музыкальных инструментовъ гармонія; скрипка употребляется въ рѣдкихъ случаяхъ.

Послѣ танцевъ, дѣвушки поютъ невѣстѣ пѣсню:

На приложу Ульянка ишла,	Гасудараня матушка!
Па разложу сатъ садила,	Пакрывай мой сатъ
Сама замушъ задумала.	То сукномъ, то бѣрхатай,
Приказала свой зялѣнь сатъ	То залатѣй парчой.
Гасударю батюшки, гасударани	Кали ѹдасца житѣтѣ,
[матушки:	Я пра свой сатъ забуду,
„Гасударъ мой батюшка!	А ня ѹдасца житѣтѣ,
Паливай мой зялѣнь сатъ	Я сама свой сатъ пакрыю:
То сытой, то пѣтакай,	То таской, то кручинай,
То зялянымъ виномъ!	А палью гарѣчимъ слязѣмъ!

Если невѣста сирота, то поютъ, что она поручила садъ сестрѣ и брату. Невѣста въ отвѣтъ голосить:

1. Радѣтиль мой, рѣнный батюшка,
Радѣтильница, рѣнная матушка,
Сястрицы-лябѣдушки, бѣратитки салавѣюшки!
Ни кидѣйти мянѣ маладѣшаньку,
У чужы люди выпраўляющи!
Навучити мянѣ гѣрькаю, нящаснаю,
Какъ у чужыхъ людяхъ жыти, какъ улаживати!

Невѣста сирота призываетъ умершихъ родителей, а если мать или отецъ живъ, то просить отсутствующаго прилетѣть къ ней и помочь оставшемуся научить её; если-же обоихъ нѣтъ, то просить поручить брату, сестрѣ и близкимъ роднымъ.

2. Радѣтиль мой, рѣнный батюшка!
Приляти съ радѣтильницей матушкой
На маю смирѣннаю бясѣдушку!
Я горькая, нящасная сяратѣнушка:
Нихто шъ мяне на путь ни наставитъ,
У чужы люди выпраўляющи.
А кали ни прилятити, маѣ жадѣбнан радѣтили,
Прикажѣти бѣольшай сястрицы лябѣдушки,
Бѣратитку салавѣюшку
У чужы люди знаядѣти и дабрѣ навучити!

Послѣ этого невѣста голосить причитанье № 1, но вмѣсто отца и матери обращается въ немъ къ сестрѣ, брату, къ женѣ брата.

Рано утромъ, когда всѣ спятъ, невѣста будить ихъ, начиная голосить, еще лежа въ постели:

Радѣтильница, рѣнная матушка,
Устанъ, уздуй агѣнишыкъ,
Асвѣятѣ мяне маладѣшыньку на настѣлюшки,
Распрасѣ мяне, судараня матушка,
Ти спалася, ти дрималася тѣмна ночушка мнѣ?

А ни спалася, ни дрималася,
А большы у вѣсьни грызилася.
Первый сонъ саснула,—круты горы,
Утарый саснула—быстры рѣки,
Третей саснула—тѣмны лѣсы.
Разгадай, мая судараня матушка, къ чаму маѣ сны?

Мать отвѣчаетъ, плача и причитывая:

„Жадѣбнае маѣ милае чѣдушка:
Тѣмны лѣсы—чужы люди,
Круты горы—вяликая табѣ будитъ гѣря,
А быстры рѣки—гарѣчан тваѣ слѣзушки.“

Невѣсту начинаютъ одѣвать. Когда ее надо причесывать, она голосить:

„Падыйдѣти, радѣтиль-батюшка, радѣмая матушка,
Учашѣти маю галѣушку,
Заплятити маю русу косаньку кряпѣханька,
Завяжыти трѣмъ узламъ нямѣцкимъ,
Трѣмъ замкамъ турецкимъ,
Убрѣсѣти ключи у сѣня мѣря!“

Отецъ и мать подходят и причесываютъ ее. Съ этими же словами невѣста обращается ко всѣмъ роднымъ, которые тоже подходят и причесываютъ.

Потомъ невѣста голосить къ бояркамъ:

„Катѣрая сястрица разумѣйшая,
Учашѣ маю галѣушку гладѣшанька!“

Подходить старшая боярка и причесываетъ невѣсту.

Когда невѣста причесана и одѣта, то всѣ молятся Богу. Мать благословляетъ невѣсту иконой и ведетъ за столъ, который покрытъ скатертью; на немъ лежитъ хлѣбъ-соль; на хлѣбъ кладетъ отецъ рубль денегъ; подѣвъ невѣсты сидятъ крестные отецъ и мать.

Невѣста голосить, прося ее надѣлѣть:

„Радѣтильница, рѣнная матушка, Надѣлѣти мяне маладѣшыньку
Кармилиць, рѣнный батюшка, На Бѣжай путь пайти,
Падыйдѣти къ дубову столику, Щасѣтя атьвѣдаты!“
Къ убранай скатерти,

Мать и отецъ подходят и надѣляютъ ее.

Съ этими-же словами обращается невѣста поочередно ко всѣмъ роднымъ и къ сосѣдямъ; всѣ подходят и надѣляютъ, кто чѣмъ можетъ.

Сирота-невѣста обращается съ этими словами къ тѣмъ лицамъ, кто замѣняетъ отца и мать, къ роднымъ и сосѣдямъ.

Но предъ надѣломъ невѣста сирота голосить, обращаясь къ умершимъ родителямъ:

Прасйлася матушка съ батюшкой
У свѣта-Христа, Прасвятой Багародицы
Съ нябесъ на зямлю, на сиротку свадинку,
Паглядѣть на сваю дѣтятку:
Ти харашо суряжана, ти высѣка пасажана?
— „Па сирѣчку суряжана, низинька пасажана.
Принясѣти ў бѣлыхъ ручкахъ надялѣння,
Ў скорыхъ ношкахъ багаславѣння!
Засыпѣти мяне у красныхъ дѣушкахъ,
Мнѣ нямношка гулять—красаватца!“

Послѣ надѣла, одна изъ женщинъ лѣзетъ на печь за столѣ, куда ей подають чарку водки, два пирога и кружку пива.

Баба выпиваетъ водку, беретъ пироги и, хлопая ими другъ о друга, приговариваетъ:

„Батюшка хрѣсный, матушка хрѣсная, баславити маладѣй княгини пѣсню запяйтъ!“

Крестные говорятъ: Бохъ баславѣть!

„Баславити другѣй расъ!“

Тѣ благословляють.

Баба опять просить:

„Батюшка хрѣсный, матушка хрѣсная, баславити третѣй расъ!“

— Бохъ баславитъ!

Баба запѣваетъ:

„Баслаў Бохъ, баслаў Бохъ, баслави Христосъ! Святый Кузьма-Димѣянъ! скуйти намъ свадинку крѣпка-на-крѣпка, вѣчна-на-вѣчна! Баславити аннѣ чаду ражѣнаю, другую сужѣнаю. Баслаўляўся святѣль мѣсяцъ у краснаго соўнца,—баслаўлялася княгиня у роннай матушки, у роннага батюшки!“

Послѣ пѣнія этой пѣсни невѣста встаетъ изъ-за стола, становится предъ иконой и, плача, говоритъ: „Баслави мяне, Прасвятая Матушка Багародица, у Божай храмъ пайтѣ, щасѣтя атьвѣдате!“

Подходитъ къ отцу и матери, или къ тѣмъ лицамъ которые ихъ замѣняютъ, если невѣста сирота, то есть къ крестнымъ, если нѣтъ брата и сестры старшихъ, а если младшихъ, то замужнихъ, кланяется имъ въ ноги и говоритъ: „Баславити мяне, маѣ жадѣбнаи радѣтили!“ Отецъ и мать благословляють. Послѣ того невѣста кланяется такъ всѣмъ роднымъ и проситъ благословенія, и всѣ ее благословляють. Наконецъ, она кланяется всѣмъ присутствующимъ, прося благословенія, и они отвѣчаютъ: Бохъ баславѣть, радимая!

Послѣ этого невѣста голосить:

„Рашшанѣтись, добраи людцы, милаи суеѣдушки! прапусѣтити мяне маладѣшаньку на Божай путь пайтѣ, щасѣтя атьвѣдате!“

Всѣ разступаются, и невѣста уѣзжаетъ въ церковь—въ сопровожденіи боярки и надкосника.

У жениха до прѣзда молодыхъ никакихъ церемоній нѣтъ. Мать благословляетъ иконой, отецъ хлѣбомъ-солью и отправляютъ въ церковь. Жениха сопровождаютъ: свать, дружка, сестра, подшاپочникъ и много другихъ родственниковъ.

Послѣ вѣнца женихъ и невѣста со всѣми родными, ихъ сопровождающими, заходятъ въ одинъ изъ домовъ въ погостѣ, тамъ закусываютъ и выпиваютъ. Закуску и выпивку эту привозитъ женихъ. Затѣмъ женихъ остается на нѣкоторое время въ погостѣ, а невѣста ѣдетъ въ свой домъ.

На дворѣ дома невѣсту встрѣчаютъ бабы съ пѣніемъ:

„Ты, каваная касъ!“

Ти ў заутриньки была,

Ти ў абѣдиньки стаяла?“

— Я ни ў заутрини была,

Ни ў абѣдиньки стаяла,—

Была маладѣшынька

На страшнамъ судѣчки:

Судили, рядили люди добраи,

Присудили у чужы люди ити,

Щасѣтя атьвѣдате,

На первый ступень ступѣть,

У Божая цѣркву схадѣть

Златѣй вянецъ принять!

Входя въ домъ, невѣста голосить:

„Пиряймй мянѣ, радитильница, ронная матушка.

Распраси ў мянѣ, горькай гарюшы, дѣ я была?

Была я, ў храми Божамъ стаяла:

Маѣ рятѣва сярѣдѣчуска жжахнѣлася,

Скоран ножаньки падламилися,

Какъ узлажѣли на мяне тяжѣлаи нязнѣснаи зялѣзушки!

Пиряйми мяне, сударая-матушка,

Атапрѣ мнѣ сѣни новаи,

Ни зноби мяне, гарюшу, за навѣмъ сянѣмъ,

Назнаблѣся я у чужыхъ людяхъ,

У чужога ня роннага батюшки,

У чужой ня роннай матушки!“

Мать голосить въ отвѣтъ:

„Маѣ милае дѣтятка, дѣ шъ ты была?

Усѣ мнѣ ня вѣрилася,

Што ты была у Божай цѣрквы на страшнамъ суди,

Што ты мяне аставила.

Хто шъ маѣ ручаньки падмѣнитъ,

Я шъ тяперъ нядужа,

Хто шъ тяжолую работку зробить?“

Невѣста голосить:

„Гасудараня, роинная матушка!
Я шь табѣ тыперь ни слуга, ни работница:
Пайду къ чужой матушки работать,
Чужой матушки улаживать!“

Мать вводитъ невѣсту въ домъ.

Пріѣзжаетъ отецъ жениха, свать и дружокъ (помощникъ свата), привозить ведро водки на переноскѣ невѣсты.

Когда свать входитъ, невѣста сидитъ на печи за столбомъ. Свать подаетъ невѣстѣ узелокъ, въ которомъ бутылка водки, пирожокъ, десятокъ яицъ и мясо. Она кладетъ узелокъ на столбъ передъ собой,—а потомъ угощаетъ этими кушаньями своихъ боярокъ. Мать и отецъ молодой подходятъ къ свату съ своей водкой и угощаютъ его, а свать угощаетъ ихъ своей. Когда отецъ и мать невѣсты пьютъ водку свата, невѣста голосить:

„Ня прапывайти мяне,	Винная чарачка падманѣчиста,
Радитиль мой, роинный батюшка,	Ласкавы басыни падгаворчисты:
Гасудараня матушка, за винную	Падманюць, падгаворюць ў чужы
[чарачку!	[люди аддаць!“

Съ этими же словами невѣста обращается и къ роднымъ, когда свать угощаетъ ихъ своей водкой.

Угостивъ родителей невѣсты и принявъ самъ угощеніе, свать, отъ имени женихова отца, обращается къ невѣстѣ:

„Падхади, нявѣстущка, къ виннай чарачки,
Павидаимся съ табѣй, разглядимъ тибѣ:
Ти ты слипая, ти ты кривая?“

Невѣста слѣзаетъ съ печи, подходитъ къ свекру, принимаетъ изъ его рукъ рюмку водки, въ которую незамѣтно опущена монета, но отказывается пить. Тогда свекоръ приговариваетъ:

„Кали ни выпивать, дыкъ на руки выливать и сирябрѣ сабѣ брать!“ Невѣста выливаетъ водку на руки, беретъ деньги себѣ и кланяется свекру. Потомъ она садится за столъ на подушку.

Подлѣ невѣсты садятся крестные отецъ и мать, боярки и старшая сестра, если есть.

Вскорѣ пріѣзжаетъ и женихъ. Бабы встрѣчаютъ его съ пѣніемъ:

„Сваты, сватаўѣ,	„Атчогѣ шь ня паймали?“
Кой далѣчи литали,	— Мы паймаць ня паймали,
Што слышыли, вiдiли?“	Сизы перья абщипали.
— Мы слышыли, вiдiли	Хуть мы яе ни ўзяли,
Сизу утку на мари,	Русу касу расплялі,
Силизня на завади,	Па бѣламъ плечкамъ расклали!
Краену дѣўку ў тирямѣ!	

Женихъ даетъ подарокъ поющимъ, а свать угощаетъ ихъ водкой. Тесть и теща подходятъ къ жениху съ рюмкой водки и кружкой квасу, онъ беретъ то и другое и бросаетъ черезъ себя назадъ. И послѣ того уѣзжаетъ со двора, оставивъ свою сестру.

Свать и дружокъ вводятъ сестру жениха въ хату, садятъ за столъ, а сами подходятъ къ крестнымъ невѣсты, угощаютъ ихъ водкой, кладутъ передъ ними 10 или 5 коп., приговаривая:

„Батюшка, матушка, укажѣти намъ дарогу тавару паглядѣць!“

Крестные указываютъ на невѣсту и боярокъ. Свать подводитъ дружка къ бояркамъ. Дружокъ говорить:

„Гардѣи байрачки! здрастуйти!“

— Здрастуйти!

„Ти ня можна самимъ сябе патясьнитъ, а насъ памясьтитъ?“

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Мы ня знаимъ, пачаму сябѣ тяснѣйтъ, а васъ мясьтитъ? Ли вы, дружанька-дружокъ, дарогі пытаити, ли атъ дароги лытаити? Мы покажымъ дарошкѣ мима батюшкинага вакѣшкѣ, на бальшу дыравушкѣ Гарюшкѣ: тамъ дѣўки на палушки, на Кажымакинскѣмъ бирагѣ на шылягѣ!

„Нѣтъ, гардѣи байрачки! Мы дарошки пытаимъ, а ни атъ дарошки лытаимъ! Мы ўхали па наслышки таваръ купляць!“

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Нашъ таваръ вѣчанъ дѣрагъ: што ступень, то рубель, касѣ сто рубелѣў, самѣй—цанѣ нѣтъ. За нашу маладу давали три гарадѣ съ прѣгартатками, три сялѣ съ прѣсялками, три садѣ съ прѣсатками, рѣбѣнну сятрѣнну, да вина вѣдрѣнну, и то мы ни аддали! Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! Мы атъ васъ ничавѣ ня видали: ни аўсянага пѣражѣшкѣ, ни мѣднага шыляжѣшкѣ! Съ чимъ вы къ намъ падхѣдити, што вы намъ паднѣсити?

Свать дразнить боярокъ, показывая имъ мѣдные пятаки.

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ. У насъ ета рѣбаты ни бяруць, кури ни клюють,—па падлаваччу валяйтца.

Боярки показываютъ рублевую бумажку и серебро.

— Дружанька-дружокъ, атецкій сынокъ! кали нѣтъ у васъ, займити у насъ! Да парѣга ни дахадѣти, далжѣкъ атнасити. Дайти намъ такихъ (показываютъ на рубль), а хошъ и мѣлинькихъ, ды бѣлинькихъ!

Свать кладетъ рубль, приговаривая: „Выкупаю салавейчку съ гнѣздѣчкамъ!“ Беретъ невѣсту и ведетъ въ сѣни, а дружокъ беретъ подушку, на которой невѣста сидѣла, чашку, двѣ ложки и прячетъ.

Женихъ пріѣзжаетъ обратно во время выкупа и стоитъ на дворѣ. Бабы поютъ на дворѣ ему пѣсню:

У ласкавай тѣщи за варѣтамъ зить стаить.

Глаткая галоушка, русыи кудѣрышкѣ,

Глатка—глатка глажны,
 Бытта масламъ мазыны.
 Часала молада князя гасудараня-матушка,
 Завивала кудри сястрица-лябёдушка.
 Ты паслушай, молатъ княсь,
 Мы пѣсьню пѣёмъ, табѣ чесь аддаёмъ!

Женихъ дарить ихъ деньгами.

Выходитъ теща и гонить зятя пирогомъ въ избу. Зять пере-
 скакиваетъ порогъ, встрѣчаетъ въ сѣняхъ невѣсту и съ ней идетъ
 въ хату и тамъ садятся за столъ. Бабы поютъ бояркамъ пѣню:

Я ў боярки ладилась,	Тонкаю, високаю,
Я калинкой мазалась!	Бѣлаю, румяною.
Я й калинкой ня мазалась,	Атъ сярѣхъ лицо гарить,
Я й у боярки ня ладилась.	Атъ сирибра груди ломютца!

Радѣла мянѣ такую матушка:

Боярки дарятъ поющихъ деньгами. Потомъ имъ поютъ:

„Идिति, маѣ баярачки, навѣсь разбивать!“

— Мы ня пойдимъ навѣсь разбивать,

Мы пойдимъ у зялѣнь сатъ гулять!

Мать ведетъ молодыхъ въ отдѣльную избу и даетъ имъ тамъ
 ужинъ, а гости ужинають въ другой избѣ. Ихъ угощаетъ отецъ и
 крестная мать невѣсты.

Во время ужина поютъ невѣсты пѣню:

Дарагая госьтика у матушки Ульянка,
 Залатой мятѣлушкой мяла,
 Пирамила трон сѣни новаи,
 Только ня вымила станавѣи горьницы,
 Дѣ сидитъ люта свякрбушка са свайми дачарьмѣ,
 Яны судють и рядють пра чужую дѣтятку,
 Пра сваю нявѣстушку:
 Яна санлива, яна дрямлива, многа бѣтъ надѣлала,
 Многа пасуды пабила.

Жениху поютъ:

Падъ акошкамъ младу князю	А мой братицъ у наряди!
Сястра кудри завивала.	Здрастуй, здрастуй, молатъ княсь
На святѣль мѣсяцъ глѣдичи.	Зъ маладѣй княгинѣй!
Святѣль мѣсяцъ виднѣханькай,	Мы вамъ пѣсьню пѣёмъ,
А мой братицъ милѣханькай:	Мы вамъ чесь даёмъ!

Святѣль мѣсяцъ у агради,

Женихъ дарить поющихъ деньгами, а онѣ приговариваютъ:
 „благодаримъ за дары вяликиі, за уклоны нискиі!“

Въ это же время въ другой избѣ поютъ слѣдующія пѣсни крест-
 нымъ невѣстамъ:

Ёсть хрѣсная матушка	Атъ сярѣбрыхъ сярѣхъ лицо
У маладой княгинюшки,	[гарить;
Яна зъ дому зъ багатага,	Атъ чистага жымчуга бѣла шыя
Зъ житыя са агромнага:	[ломитца.

Сама уся у злати сидитъ,

У маладой княгинюшки ёсть хрѣсной батюшка;
 Ёнъ хадѣу, пахажывау па свайму чисту дварѣчку,
 Кричау, васкрѣивау багатырьскімъ галасѣмъ,
 Маладецкймъ пѣсьвистамъ:
 „Дѣ падѣлись маѣ слуги вѣрнае?
 Падвядѣти падъ маладца мянѣ сивагрѣвага канѣ,
 Падъ жану баяраню карету златѣную,
 Падъ маихъ милыхъ дѣтачакъ калѣбиль зыбучаю,
 На римнѣхъ висучаю, на калѣцахъ скрипучаю!“

Свату поютъ:

„Большай сватъ, ёнъ яжжау, разьяжжау
 На сваймъ дабрѣ канѣ,
 Плѣтачкай памахивау,
 Уздачкай патряхивау,
 Самъ сябѣ пахваливау:
 Нѣтуті лутшы мянѣ ни у стольнымъ гѣради,
 Ни у етамъ тирямѣ!
 Только ёсть протиу мянѣ май малада жана!
 Ты паслухай, большай сватъ,
 Мы табѣ пѣсьню пѣёмъ, табѣ чесь даёмъ,
 Мы хатѣмъ сябѣ дарѣу, дарѣу вяликихъ:
 Па три гривни зѣлата, па чатвѣртай сирябрѣ!“

Сватъ и вѣѣ, кому пѣли пѣсни, дарятъ поющихъ деньгами.
 Тѣ благодарятъ:

„Спасиба, вумницы, за дары вяликиі, за пагѣбны нискиі!“

Подшاپочнику жениха и надкоснику невѣсты поютъ:

Глаткая галбушка,	На яво вязѣнъ чулокъ.
Русыи кудѣришки,	Шѣты, шѣты салѣжаньки
Вились кудри	Въ Ираслави гѣради,
Черись правая плячѣ	Падбиваны сапожаньки
На яво синій каўтанъ,	Сярѣдъ краснай Масквѣ.
На яво зялѣнъ кушакъ,	Абнаўляны сапожаньки
На яво сафѣнъ сапохъ,	На Ульяннай свадикі.

Подшاپочникъ и надкосникъ дарятъ поющихъ деньгами.

Затѣмъ начинаются сборы къ отъѣзду молодыхъ.

Со стороны невесты ѣдетъ только четыре или три пары самыхъ ближайшихъ родственниковъ, да крестные невесты. Поѣзда невесты называется „придаными“. Парни и дѣвушки не ѣдутъ къ жениху. Со стороны жениха у невесты бываютъ: отецъ жениха, сестра, свать, дружка и подшопочникъ (шаферъ).

Мать невесты сидитъ на сундукѣ, а свать подходитъ къ ней и торгуетъ сундукъ; мать долго не соглашается, просить дорого, но свать не даетъ требуемой цѣны; наконецъ мирятся на одномъ — двухъ рубляхъ, смотря по средствамъ жениха. Дружка беретъ сундукъ на свою лошадь. Приданое состоитъ изъ одежды невесты, постели, холста, скатертей, полотенецъ и бѣлья жениху. Хлѣбъ, которымъ надѣляли невесту предъ отъѣздомъ въ церковь, и соль также везутъ въ домъ жениха. Хлѣбъ печется безъ особыхъ церемоній, пшеничный.

Предъ отъѣздомъ невеста и женихъ садятся на кутъ за столомъ. Невеста, обращаясь къ матери, голоситъ:

Пращай, радимая, рѣнная матушка!
Навучи мяне маладѣшнынку,
Какъ у чужы люди ити, какъ улаживати
Чужой ня ронной матушки,
Чужому ня роннаму батюшки:
Ти мнѣ тяжолай работкай,
Ти мнѣ частай пахѣткай,
Ти мнѣ ласкавай пагавѣркай?

Потомъ женихъ и невеста кланяются отцу и матери въ ноги, всѣмъ роднымъ и сосѣдямъ въ поясъ. Мать и отецъ благословляютъ ихъ и выводятъ изъ избы:

Молодые садятся на телѣгу или въ сани, смотря по времени. Бабы поютъ:

„Крякнула вутка, за маря литя,
Плакнула нявѣста, съ тирямъ идя,
Кинула батюшки залаты ключи,
Кинула матушки тѣплау хатку:
Теперь табѣ, батюшка, я ня клюшница,
А радимай матушки ни работница:
Чужому батюшки я клюшница,
Чужой матушки я слуга!

Невеста даритъ пѣвицъ баранками.

Во время пѣнія этой пѣсни, женихова родня упрашиваетъ невестину ѣхать съ ними, а та не соглашается.

Дружка зоветъ приданныхъ невесты въ избу, садитъ за столъ, а свать миритъ ихъ водкой, послѣ чего онѣ соглашаются и ѣдутъ. Дружно позади всѣхъ везетъ сундукъ невесты и подушку, которая называется гнѣздомъ.

Молодые прѣзжаютъ во дворъ жениха. Тамъ бабы встрѣчаютъ ихъ пѣниемъ слѣдующихъ пѣсень:

Приходи-тка, нѣжынка,	Вадѣ насѣть, квашню мясѣть.
Приходи-тка, кѣханка!	У насъ парѣги выскѣныки,
У насъ ня будишь нѣжытца,	А ў тибѣ ножки карѣтиныки.
У насъ ня будишь кѣхатца:	Табѣ нада падѣтавачки,
У насъ будишь таўчй, малѣть,	Тараканьни суѣтавачки.

Отъ имени жениха отвѣчаютъ:

Ни пужайся, Ульяначка:
Я самъ стаўкѣ, змялю, вадѣ принасѣ.
Святѣль мѣсяць квашню мѣсѣть,
Бурый мядѣвѣтъ хату мятѣть.

Отецъ и мать жениха выходятъ встрѣчать молодыхъ.

Мать въ вывороченной шубѣ несетъ икону, отецъ хлѣбъ-соль; молодые кланяются имъ въ ноги, а мать осыпаетъ ихъ хмѣлемъ и овсомъ. Молодыхъ вводятъ въ избу и садятъ за столъ въ переднемъ углу; невестиныхъ приданныхъ тоже усаживаютъ за столомъ. Крестная мать, или замужняя сестра, или жена брата беретъ повязку, подходитъ къ невестѣ, чтобы повязать ей голову. Если молодая цѣломудренна, то начинаетъ голосить:

Пращѣ сваѣ хрѣсную матушку,
Сястрицу лѣбѣдушку,
Нявѣстушку лѣстачку:
Ня клѣчти маѣ русу касѣ!
Мая руса косанька, частымъ гребнимъ чѣсана,
Визъ числа заплѣтина *).

Послѣ этого плача снимаютъ повязку и не повязываютъ до завтрашняго дня.

Молодые все сидятъ за столомъ; свекровь стоитъ у конца стола, подлѣ молодыхъ, съ пирогомъ въ рукахъ. Пожилая женщина изъ жениховой родни несетъ въ рукахъ горшокъ съ кашей къ молодымъ и кричитъ: „жарка!“ Приданки молодой, то есть сестра или невестка, бросаютъ ей на руки холстъ, ситецъ или платокъ. Она подноситъ кашу къ молодымъ: женихъ беретъ ложкой кашу и бросаетъ еѣ на печь; то же дѣлаетъ и невеста. Когда невеста бросаетъ ложку съ кашей, то женихъ спѣшитъ еѣ увести въ другую избу, чтобы мать его не ударила еѣ пирогомъ. Она гонитъ пирогомъ молодыхъ изъ-за стола. Тогда свекровь съ своей родней садится за столъ; крестная мать невесты приноситъ невестину скатерть, кладетъ на столъ закуску отъ невесты, ставитъ водку, и приданья невесты угощаютъ женихову родню. Невеста съ женихомъ стоятъ подлѣ стола.

*) Не въ три пряди, а въ шесть, въ восемь.

Послѣ закуски приданыя отъ невѣсты даютъ подарки сидящимъ за столомъ. Подарки состоятъ изъ холста, ситцу, платковъ, коленкору. Подарокъ вѣшаютъ на шею.

Невѣстѣ въ это время поютъ:

„Наша маладая,
Ня спала, ня дрямала,
А на дары хватала!“

Послѣ подарковъ, свекровь ведетъ молодыхъ въ отдѣльную избу и даетъ молодымъ ужинъ. Во время ужина поются тѣ же пѣсни, что пѣлись у невѣсты за ужиномъ.

Гости ужинаютъ въ отдѣльной избѣ и имъ поютъ тѣ же пѣсни, что пѣлись у невѣсты. Поющихъ угощаютъ водкой и даютъ деньги.

Послѣ ужина гости уходятъ ночевать къ сосѣдямъ, а молодые ночуютъ дома.

На другой день, сватъ идетъ съ водкой къ сосѣдямъ и ведетъ оттуда гостей завтракать. Дружко и свекровь идутъ за молодыми и приводятъ ихъ къ гостямъ. Приданыя невѣсты очень веселы: скачутъ по лавкамъ, бьютъ посуду и въ это время поютъ:

„Приданаи удааи, удааи,
Ня сами сабой удались—свай чадѣй:
Ни зыяла намъ галоушки
На чужой старонушки,
Палажыла чесь-хвалу
На сваю радню!“

Приданыя садятъ молодую на хлѣбную квашню, застланную вывороченной шубой и повязываютъ ей голову.

При этомъ поются слѣдующія пѣсни:

У насъ учора на ниўки пшаница расла,
А сягони пшаницушка ў пирагахъ спичанѣ!
У насъ учора нявѣстушка краснай дѣушкой была,
А сягони нявѣстушка маладѣушкой заслыла!

—
Расьти, расьти, бярѣзушка пасѣчаная,
Расьти, расьти, княгинюшка павязаная!
Какъ ня вырасла бярѣзушка пасѣчаная,
Такъ ня выраститъ княгинюшка павязаная!

Повязанная молодая застилаетъ на столъ свои скатерти, кладетъ хлѣбъ, которымъ еѣ надѣляли, отправляя подъ вѣнецъ, развѣшиваетъ по стѣнамъ свои полотенца. Гости садятся завтракать, и молодая помогаетъ свекрови угощать гостей, особенно со стороны невѣсты.

Женихъ отправляется съ сватомъ къ родителямъ невѣсты, чтобы поблагодарить ихъ за честь дочери. Приданыя, ожидая жениха, пля-

шутъ, обнимаютъ другъ друга, молодую, свекра, свекровь, словомъ, всѣхъ присутствующихъ, бьютъ посуду, ломаютъ скамьи и т. п.

Пріѣзжаетъ женихъ отъ тещи, родные жениха поютъ:

Парѣ сватамъ да дому, Аржанѹю, яравѹю
Паўли кони салбму И яшную смѣшную.

Невѣста съ женихомъ садятся за столомъ и кладутъ хлѣбъ-соль. Тогда приданыя дарятъ невѣсту холстомъ, ситцемъ, коленкоромъ, и всѣ подарки вѣшаютъ на голову. Потомъ онѣ собираются выѣзжать домой. Ихъ угощаетъ водкой дружко. Попрощавшись, приданыя поютъ:

Свѣтъиньки, сваточки, просимъ мы васъ:

Астаѣтца наша лѣбѣдачка у васъ:

Хуцъ вы не таўчй, малѣтъ паншлти,

Только по имячку назавити!

И выѣзжаютъ со двора. Женихова родня поетъ:

„Приданаи удааи: А вѣсьмый астаўся
Семъ пирагѹ зѣўли, И тотъ ззаду пагнаўся!“

Приданыя бросаютъ поющимъ баранки.

Возвращаясь домой, приданыя заѣзжаютъ къ родителямъ невѣсты, входятъ въ избу и поютъ:

Спасиба, матушка.	На чужой старонушки,
За тваю чаду милую,	Умясьтила мясьтѣчушка
За дитю любимаю.	Упирядѹ на лаўчки,—
Ни сыяла намъ голоушки	За дубѣвамъ столикамъ!“

Приданныхъ угощаютъ водкой, садятъ обѣдать. Послѣ обѣда они пляшутъ, бьютъ посуду и уѣзжаютъ домой.

Изъ дома жениха послѣ приданныхъ уѣзжаютъ и остальные гости.

Отправивъ гостей, отецъ и мать съ сыномъ и невѣткой ѣдутъ къ невѣстѣнымъ родителямъ, ночуютъ у нихъ, принимаютъ угощеніе, а на слѣдующій день везутъ къ себѣ родителей невѣсты.

Если невѣста нецѣломудренна, то она позволяетъ повязывать себѣ голову въ день свадьбы, послѣ чего даритъ родныхъ жениха, а на слѣдующій день утромъ всѣ гости уѣзжаютъ домой. Приданыя невѣсты сидятъ тихо; веселья нѣтъ; къ отцу невѣсты не заѣзжаютъ, а равно и женихъ съ своими родителями не бываетъ у тещи.

Чупровская и Сокольницкая волости Невельскаго у.
Отъ крест. Ел. Авдѣвой, Ефр. Ефимовой и Елис. Семеновой.
Запис. Н. В. Пясковская.

Б. Могилевская губернія.

Гомельскій уѣздъ.

Когда парню исполнится 18 лѣтъ, родители приглашаютъ такъ называемаго свата изъ родныхъ или знакомыхъ. Отецъ, отрѣзавъ большую краюшку хлѣба и обернувъ её въ холстину, идетъ вмѣстѣ съ сватомъ въ тотъ домъ, гдѣ ими намѣчена невѣста. Придя въ домъ, привѣствуютъ хозяина: „Магайба!“ Хозяинъ говоритъ: „здарбѣ, прахбѣдѣ добрыя люди!“ Тогда сваты кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ говорить: „вотъ, казали у васъ ёсть дѣвка, ти ни отдали бѣ ви за майго сына?“—„Ни знаю, люди добрыя: трѣба распитатца! Потомъ, пораспытавшись, даютъ свое согласіе, часто не спросивъ невѣсты: „ну, будимъ малітца Богу!“ Зажигаютъ свѣчу предъ иконою, говорятъ молитву: „Отче нашъ“. По окончаніи молитвы привѣтствуютъ одинъ другого, пожимая другъ другу руки, и идутъ за магарычомъ. Отецъ жениха приноситъ полведра водки, и отецъ невѣсты посылаетъ звать „на магарычъ“. Посланецъ идетъ подъ каждое окно и кричитъ: „Магайба! Прасиў Иванъ Терлецкій на магарычъ!“—А за кого ёнъ аддаў?—„А за Карнѣява Сяргѣя!“—Спасиба, прѣдамъ!

Собравшимся роднымъ и знакомымъ даютъ водку и вино. Потомъ дѣлаютъ договоръ. „Ну, свать: сколько вазьмѣшь за сваю Марыну Иванаўну?“—А що жъ съ тебе ўзять? Даси десять рублей!—„О нѣ, свать: будя багата! Нихай будя пѣять!“—Нѣ, свать: ни даси восимъ рублей, дакъ ня ддамъ свае дачки за твайго Сяргѣя! Тогда сваты бьютъ по рукамъ. „Ну, нечаго дѣлать: трѣба дать восимъ рублей!“ Вынимаетъ деньги и сейчасъ же отдаетъ ихъ свату за дочку. Тогда мать невѣсты вноситъ „па хустки“, и даетъ сватамъ въ подарокъ. „Свать, кали жъ у насъ будя выселья?“—А я, сватокъ, табѣ тагды скажу!—„Ну, добра!“ Высватавши нявѣсту, отецъ идетъ къ священнику просить обвѣнчать молодыхъ. Придя къ нему, говоритъ: „благаслави, батюшка! я къ вамъ прышоў на дѣлу: вѣсватаў я у Ивана Терлецкага дачкѣ за свайго Сяргѣя. Дакъ кали намъ можна будя гулять выселья?“ Священникъ назначаетъ день „свадьбы“ и ему свать даетъ за трудъ три рубля. Заплативши деньги за вѣнецъ, свать приготовляетъ водки, вина, пива и меду для свадьбы рублей на 45, такъ что вся свадьба обойдется бѣдному крестьянину до 75 рублей. Приготовившись совершенно къ свадьбѣ, отецъ жениха наливаетъ бутылку водки въ полкварти и идетъ оповѣщать отца невѣсты. Придя въ домъ и поздоровавшись съ сватомъ, говоритъ: „лядѣ жъ, свать: будь гатбѣ къ нядѣли!“—Добра, присылай маладога: будимъ гатаватца!

Въ субботу съ утра въ обоихъ домахъ начинаются хлопоты; готовятъ всё необходимое, и созываютъ дружину, чтобы въ не-

дѣлю не опоздать на свадьбу. Рано утромъ въ недѣлю приходитъ дружина къ жениху: два называемые дружки и одинъ бояринъ. Зажигаютъ свѣчу предъ иконою и, помолившись Богу, старшій дружка—маршалокъ беретъ боярина за руку; бояринъ беретъ за руку жениха и говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати?“ Присутствующіе родители отвѣчаютъ: „Маимъ бытъ!“—Благаславити маладому ў путь пахаты!—„Божа благаслави!“ И обведя молодого вокругъ стола, заставляютъ его кланяться родителямъ и просить у нихъ благословенія.

Пріѣхавъ къ будущему тестю, женихъ идетъ прямо въ избу къ невѣстѣ и садится за столъ, ничего не говоря. Тогда невѣста идетъ созывать дръжекъ и возвратившись становится въ стѣняхъ. Когда дружки придутъ, невѣста велитъ жениху звать её къ себѣ. Женихъ встаетъ, беретъ въ руки тарелку, ставитъ на нее чарку водки, а въ другую руку беретъ сапоги или черевики, и громко кличетъ невѣсту: „эй, Марына Иванаўна, хадѣ сюдѣ!“ Невѣста, слыша голосъ жениха, идетъ прямо къ нему, беретъ чарку водки и сапоги, и на тарелку въ замѣнъ кладетъ свой подарокъ—лавочный платокъ. Потомъ, обувшись въ новые привезенные сапоги, съ дружкой беретъ шапку съ жениха и говоритъ: „ти ёсть тутъ атецъ и мати? Благаславити маладому квѣтку прышыти!“ Получивъ въ отвѣтъ: „Божа благаслави!“—дружка пришиваетъ къ шапкѣ квѣтку изъ красной ленты, и требуетъ съ дружка деньги, какъ бы за трудъ. Дружокъ даетъ ей нѣсколько копѣекъ, и она надѣваетъ шапку жениху на голову. Послѣ этого молодые кланяются батькѣ и маткѣ и ѣдутъ къ вѣнцу тихо и скромно безъ всякаго шума. По окончаніи литургіи, застилаютъ на церковномъ полу бѣлое полотенце и ставятъ на него молодыхъ. Когда по окончаніи вѣнчанія выйдутъ изъ церкви, дружки начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни:

Да списиба табѣ, пѣпиньку,
Що ни багата узіў скопяньку.

Вѣрная слаўцѣ ёй сказаў,
И ў жапу сабѣ яе ўзяў.

Маладый Иванка на рушничку
[пастаяў,
За ручку Марынку падяржаў,
Залатыя пяретѣнкі памянў,

Маладый Иванка, маладый,
Ламая розки зъ бярѣзкі,
Сячѣ коника падъ ножки:
Бѣжытя, мае коники, давлі,
Вязітя Марынку зъ няволи!*)

*) Въ м. Носовичахъ въ этомъ случаѣ поютъ:
Изъ гары, зъ гары, зъ даліны,
Бѣгла коникау чатыры,
Вязі карѣту снїю,
Звянчѣли Ганначку сілаю.
Ни дарма яе звянчѣли,
Звянчѣли яе за грѣшы,
Що яе Давилка харошый.

Бѣжала Ганначка атъ вянцѣ
Да й забылася грабянцѣ—
Упау грабянцѣ патъ сталѣцъ.
„Падай, Данилка, грабянцѣ!“
— Я табѣ, Ганулька, ни маладѣцъ,
Щобъ падавать табѣ грабянцѣ,—
Нихай падають дръжачки-слѣжачки.

Пріѣхавши въ домъ невѣсты, дружки поютъ:

Прылятѣла сарока съ азярца,
Прыѣхала Марынка атъ вянца. *)

Тестъ беретъ икону въ руки, а теща на блюдѣ хлѣбъ-соль и выходятъ на дворъ просить молодыхъ въ хату и принять ихъ хлѣбъ-соль. Молодой снимаетъ шапку, крестится, цѣлуетъ икону и кланяется тещѣ. За нимъ то же дѣлаетъ и невѣста. Потомъ оба новобрачные входятъ въ хату и садятся за столъ, а дружки начинаютъ пѣть:

А дѣ ми булй, бували,	Бачили свячѹ да трайчастаню.
А ў нядѣлячку рана!	Да чія свяча да ярка гарыть?
(послѣ каждой строки).	А Иванкава да ярка гарыть,
Маладыя дружачки?	А Марынкина да патухая,
Бували жъ то ми	Янѣ слѣзками абливаѣя, —
Да у цѣркаўцы,	А ў нядѣлячку рана!

Дружокъ беретъ водку и зоветъ свата на гостинецъ. Выпивши по рюмкѣ, свать ставитъ обѣдъ для пріѣхавшихъ отъ вѣнца, дружки берутъ съ собою невѣсту и идутъ съ хаты на свою дѣвичью квартиру, гдѣ готовятъ кушанье и приглашаютъ туда на угощеніе жениха, дружка и боярина, и подчуютъ ихъ водкою, даютъ и гостинцы—пряники и сѣмечки, арбузные или подсолнечныя. Потомъ женихъ ѣдетъ домой.

Предъ вечеромъ въ тотъ же день молодыя дѣвушки кличутъ одна другую: „хадітя елца вить!“ Придя въ домъ жениха или невѣсты, отыскиваютъ кудрявую вѣтку отъ вишни, или же елку, и воткнувъ её въ булку хлѣба, ставятъ на столъ**). Старшая дѣвушка проситъ благословенія, говоря: „ти ёсть тутъ атець и мати?“ Старики отвѣчаютъ: „маимъ бытъ!“ — Благославятъ маладому Ивану елца звать! — „Божа благослави!“ Тогда начинаютъ „вить елку“ — убирать цвѣтами — съ слѣдующею пѣсней:

Благослави, Божа,	Прійчикъ барвѣникъ вѣламали,
И атець и мати	Зялёную рѹтачку вѣтапали.
Свайму дитяти	—
Елячка пачати.	Да лятѣў гарнастай чаразъ садъ,
—	Пустиў перьяйка на ўвесъ садъ.
Да калй ми елца вилй,	Да бярыты, дѣвачки, перьячки,
Да ўсѣ ми бары вѣхадилй,	Да вѣтямаладой Марынки ёлячки.

*) Въ м. Носовичахъ поютъ:

Большый братка Андрейка,
Атчыный варѣтцы да канца,
Бдя твая сястрыца атъ вянца!
Выйди, мамачка, съ свячами,

Ужѣ твайгѣ дитятку зьявнячали,
Нель тымъ казакѣмъ, що учѣра бѣу, —
Бѣтъ твайгѣ дитятка палюбѹ!

**) Въ с. Переросѣ на верхъ елца ставятъ крестъ, связанный изъ засушенныхъ Ивановскихъ цвѣтовъ, а на вѣтки елца наторкиваютъ „пучки“ — букеты такихъ же цвѣтовъ.

Ня идіти маладйцы къ намъ елячка вить,
Саўѣмъ жа ми сами зъ ясными сакалами,
Съ чорными галачками, съ красными панячками!

Когда украсятъ елку, дружокъ даетъ дѣвушкамъ по рюмкѣ водки за трудъ. Потомъ созываютъ молодыхъ женщинъ мѣсить каравай. Молодухи, собравшись, въ числѣ трехъ—четырехъ и болѣе, начинаютъ съ благословенія: „ти ёсть тутъ атець и мати?“ — „Маимъ бытъ!“ — „Благославятъ каравай замясить!“ — „Божа благослави!“ Когда тѣсто будетъ готово, бабы начинаютъ лѣпить пироги съ слѣдующими пѣснями:

Благослави, Божа, и атець и мати,
Свайму дитяти караваю качати!

Щобъ нашъ каравай ясянѣ буў,
Щобъ нашъ Иванка красянѣ буў!

Иванкава мати па вулицы хѣдя
Да сусѣдачакъ прѣся:

„Да сусѣдачки маѣ,
Да хадітя ви ка миѣ,
Да ни ка миѣ, къ дитяти,
Караваю качати

Ручками да бѣлянскими,
Пѣрснями залатенькими.

—
Да да бѣру, маладцы, да бѣру,
Да бярыты тапары съ сабою,
Да рубайты сбсанку да дѣлу.
Да стайла сбена сколько лѣтъ,
Зрубали сбснѹ на загнѣтъ.

—
Да прынясли пудъ пшаницы на
[каравай,
Да привязли бязмѣнѣ*) соли на
[каравай,

—
Ня вѣся, хмѣлю, па ляску,
Радй, Божа, жыта на няскѹ!
Густа пшаница на навинѣ,
Да вѣшай каравай на сталѣ!

Когда каравай готовъ, тогда дружокъ беретъ въ руки лопату, одна молодуха становится противъ него и оба держатъ въ рукахъ лопату, а остальные молодухи накладываютъ тѣсто на лопату. При этомъ спрашиваютъ: „ти ёсть тутъ атець и мати?“ — „Маимъ-бытъ!“ — „Благославятъ каравай у печку ўсадить!“ — „Божа благослави!“ Тогда каравай садятъ въ печь, причемъ молодухи ставятъ въ квашню три зажженные свѣчи и посрединѣ втыкаютъ ножъ, и накрывши вѣкомъ, дежу поднимаютъ на рукахъ все молодухи и дружокъ, и поютъ слѣдующую пѣсню.

Дежу нѣсятъ на рукахъ, на рукахъ,
А ў той дзяжы тры нажы, тры нажы,
Чатвѣртый ножъ на дзяжѣ, на дзяжѣ,
Да цалуйтиса, да милуйтиса, маладыя!

Потомъ цѣлуются дружка съ дружкой для того, чтобы молодые любили другъ друга. Когда каравай испечется, вынимаютъ его изъ печи, и затѣмъ готовятъ къ вечернему поѣзду за невѣстою.

*) Восемь фунтовъ.

Приводится деревенская музыка—скрипка и цимбалы, и начинают играть, а молодежь танцует. Играют казачка, камаринского, польку, метелицу и др.

Часовъ въ восемь вечера дружокъ беретъ двухъ молодыхъ и одного парня и идутъ созывать такъ называемыхъ бояръ, чтобы вмѣстѣ съ ними ѣхать за невѣстой.

Въ домъ невѣсты родные и знакомые ожидаютъ пріѣзда жениха, и тоже поютъ нѣкоторые пѣсни.

Найдѣ я у садѣ схаваюсь,
Хто мянѣ найдя, таму я дастанусь.
Татачка пашоу, ни знайшоу,
Заплакау, съ саду вонъ пашоу!
Мамачка пашла, ни знайшла,
Заплакала, съ саду вонъ пашла!
Бѣдна май галобвачка

Ни найшла мянѣ мая радѣначка,
Чужоу дастануся!
Иванка прышоу да знайшоу,
За ручку узяу да й пашоу.
Бѣдна май да галобвачка:
Ни знайшла мянѣ май радѣначка—
Чужоу дасталася.

Собравшіеся же къ жениху бояре, молодые парни и молодухи, человекъ двадцать, смотря по родству жениха, садятся за столы. Имъ дается водка, вино и медъ, а также предлагается и ужинъ: борщъ, говядина, кашница и крутая каша. За ужиномъ молодухи поютъ:

Давай, мамка, вячерачку,
Паѣдамъ мы па дѣвачку!

Давай, мамка, прасласнаю,
Паѣдамъ мы па краснаю!

Послѣ ужина женихъ кланяется отцу и матери, проситъ благословить его на путь.

Дружина запрягаетъ лошадей въ повозки и ѣдутъ къ невѣстѣ. Во дворѣ невѣсты молодежь вооружаются палками и запираютъ ворота. Дружина жениха подходитъ къ воротамъ съ музыкою и пѣснями, и стучится въ ворота. „Здарова, гаспада!“—Здарова!“—„Пусти, пожалуста, начавати!“—А хто ви такіа и аткудава?“—„Ми Маскоўскаго князя ¹⁾ Ивана Терлецкаго слуги, ѣдимъ шукать украдиною у ягѣ птицу; дакъ вотъ, кони наші прытамылись, то намъ нужна пастаяльнй дворъ!“—Ну калѣ такіа ви люди, ми васѣ упустимъ у дворъ, дадимъ вашимъ конямъ сѣна и аўса, и ѣсимъ вамъ будя харошый пакой. Только намъ заплѣтитя бочку вина и сто рублей грашамі!“ Дружина соглашается и даетъ имъ бутылку водки, пирогъ хлѣба и денегъ нѣсколько копѣекъ. Войдя во дворъ, дружина становится въ рядъ, а женихъ съ бояриномъ впереди. Тогда выходитъ теща съ бутылкой водки, а теща въ вывернутой шубѣ и надѣвши на голову какую-либо шапку. У нея тоже бутылка водки и налитая чарка, въ которую насыпанъ ячмень, чтобы былъ богатый зять. Дружина жениха поетъ:

Убралася тѣща въ аўчину,

Хатѣла зятя злякати,

Ни хатѣла дачкѣ аддати.

¹⁾ Не надо забывать, что до 1772 года здѣсь проходила граница между Литвою и Москвою.

Теща даетъ наполненную чарку зятю. Зять беретъ и черезъ голову выпиваетъ вонъ; тогда теща льетъ другую и подаетъ зятю; зять этой не беретъ и проситъ тещу, чтобы она сама выпила. Теща выпиваетъ эту рюмку и потомъ подаетъ зятю и всей его дружинѣ. Тогда призываютъ вѣвѣсту съ дѣвичьей квартиры домой. Невѣста съ своими друзьями идетъ въ домъ, и причитаютъ:

Май мамачка, мая галубачка!

Да куды ты мянѣ, мая мамка, выгоняишь?

Молодухи уговариваютъ невѣсту, просятъ не плакать и ничего не бояться: „Марына, ня плачь! И ми замужъ ишли и живѣёмъ! Такъ и ты: привыкнишь къ Ивану, и будишь жыть!“ А дѣвушки поютъ:

Ти я ў тебе, мая мамка, ни гарѣу,

Що ты мяне аддаѣшь маладую?

Потомъ братъ невѣсты беретъ её за руку и говоритъ: „Ти ёсть тутъ атець и мати?“—„Маимъ бытъ!“—„Благаславити маладую на посадь завести!“—Божа благаслави! Тогда невѣста садится за столъ и ожидаетъ въ домъ жениха; ея дружина съ палками въ рукахъ становится на лавки и скамьи и не допускаетъ дружины жениха въ домъ. Тѣ просятъ ихъ, даютъ имъ по чаркѣ водки, и они уступаютъ. Женихъ идетъ самъ на посадь. Завидя жениха, дѣвушки поютъ пѣсню:

Приляжь, Марынка, и къ столцу,

Пусти галасѣкъ па двѣрцу!

Невѣста нагибается къ столу и крѣпко держится за ножку стола; бояринъ перелѣзаетъ чрезъ невѣсту и садится за столъ, а женихъ становится на лавку и беретъ невѣсту за голову обѣими руками и садитъ её прямо. А всѣ отвѣчаютъ: „маладѣць, падбляу невѣсту!“ Тогда дружокъ беретъ бутылку водки и угощаетъ свата, сваху и его родныхъ, а дѣвушки поютъ:

Нипраўдивая калина:

Казала, зроду цвѣсти ня буду.

А якъ прышла пара—зацвила,

Красныя цвѣты пустила.

Нипраўдивая Марынка:

Казала, зроду замужъ ни пайдѣ.

А якъ прышла пара, дакъ пашла,

Маладога Иванку палюбила.

Катилася да зорачка изъ загѣрья,

Прасѣлася да Марынка изъ застоля.

Папрасѣся ты, Марынка, у Иванка:

Кала тябе да Иванка блязнянка сядѣтъ,

Ёнъ на тваѣ русу касѣ пильнинька глядѣтъ.

Потомъ двѣ молодухи становятся на лавку: одна держитъ въ рукѣ гребенець, другая чепецъ, наметку и большую бѣлую холстину. Около нихъ ставятъ мальчика—брата невѣсты, который говоритъ: „ти ёсть тутъ атець и мати? Благаславити маладой касѣ расплѣсти!“—Божа благаслави! Мальчикъ расплетаетъ косу, беретъ себѣ шнурокъ

въ полтора аршина, а дружокъ даетъ ему нѣсколько копѣекъ. Потомъ молодыя женщины начинаютъ завивать молодой волосы по женски, надѣваютъ ей на голову чепецъ и накрываютъ наметкой. Молодая все это сбрасываетъ съ головы нѣсколько разъ, покуда отецъ не пригрозитъ. Завивши молодую, молодухи поютъ:

Що ми исхотѣли,   Съ тѣста паляницю,
Тбя израбили,   Зъ дѣўки маладицу.

А дружки поютъ свою пѣсню:

Стерва сестра, стерва,   И стерла, и змяла,
На що касѹ стёрла,   Падъ чапецъ схавала.

Завивала минѣ дѣдинка,   Слѣзки ни ўранила,
Да ня мѣласливая,   Сястрыца прынялася—
Касицу зламила,   Слѣзками аблилася.

Когда завьютъ молодую, дружокъ идетъ съ товарищемъ въ клѣтъ невѣсты и самъ беретъ елку, а товарищъ каравай. Стоя у порога, они спрашиваютъ: „ти ёсть тутъ атець и мати?“ Имъ отвѣчаютъ: „Маймъ бытъ!“—Благославитя чесный важный каравай у хату ўнёсьти?“—„Божа благослави!“ А дружки поютъ:

Дружко каравай нясе   Хоть трасѣ, ни трасѣ,
И ёлачкамъ трасѣ.   И намъ каравая дасѣ.

Тогда дружокъ рѣжетъ каравай на малые куски, и заставъ тарелку холстиною, наливаетъ чарку водки, ставитъ на тарелку и кладетъ кусокъ каравая. Прежде другихъ онъ кличетъ отца невѣсты: „Эй, сватъ, нявѣстинъ батька родный! Щобъ ты ласкау буѹ, да сюды прыбуѹ да нашымъ маладымъ що-нибудь падараваѹ!“ Сватъ подходитъ съ платкомъ въ рукахъ и говоритъ: „Дарѹю я сваймъ маладымъ, ни сваймъ, да Божымъ, чарвѣнага залатѣга, тѣлку, аўцѹ и свинню. Да на ета пущѣ ни спагадають, а рана ўставають, атца и мать паважають, то и Богъ памѣжа!“ Дружокъ говоритъ: спасибо! И подаетъ невѣстѣ деньги, подаренныя отцомъ. Потомъ дружокъ кличетъ мать, братьевъ, сестеръ и прочихъ родныхъ, по старшинству. Всѣ они даютъ подарки. Мать невѣсты кладетъ холстъ и говоритъ: „вотъ ета рукавы свѣкру!“ Потомъ даетъ наметку: „а ета свякрѹси!“ Потомъ по аршину перетканыхъ заполочью концовъ полотенецъ братьямъ и сестрамъ жениха; крестному отцу рукава, крестной матери наметку и т. д. Дружокъ за каждый подарокъ наливаетъ рюмку водки. Дружки поютъ на отъѣздѣ молодой пѣсню:

Пайдѹ я у садъ зялянѣнкій 2   Ти жалѣя мяне мой татка? 2
Да выламлю калинаву вѣтку, 2   Ни патѣла калинава вѣтка, 2
Пушу я на быстраю рѣчку: 2   Ни жалѣя мяне мой татка! 2
Ти патѣна калинава вѣтка, 2

Потомъ дружокъ отправляетъ дѣвушекъ домой и даетъ имъ на прощанье по рюмкѣ водки. Попрощавшись съ невѣстою, онъ уходитъ; отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ бояръ и всю дружину на ужинъ, всѣхъ садятъ за столъ, даютъ каждому водку и вино, борщъ, говядину и кашу, а жениха и невѣсту ведутъ въ амбаръ и тамъ ихъ подчуютъ особо. Послѣ ужина бояре уѣзжаютъ домой, а дружки уводятъ молодыхъ въ хату и садятъ за столъ, а сами запрягаютъ лошадей, кладутъ на повозку имущество невѣсты, подушки, рядна, и перину; потомъ входятъ въ хату, зажигаютъ свѣчку предъ иконою и произносятъ молитву: „Отче нашъ“. Сватъ беретъ въ руки икону Спасителя, или Божіей Матери, и становится около печи. Тогда дружокъ беретъ жениха за руку, а женихъ невѣсту, и спрашиваетъ: „ти ёсть тутъ атець и мати?“—„Маймъ бытъ!“—„Благославитя маладому князю у путь-дорогу паѣхати!“—„Божа благослави!“ Тогда женихъ съ невѣстою кланяются тестю и тещѣ и просятъ благословенія. Потомъ молодые садятся на повозку; имъ даютъ икону и хлѣбъ-соль на блюдѣ, и садятъ съ ними двухъ молодыхъ женщинъ, родственницъ невѣсты, для сопровожденія. Дружки же возвращаются въ хату; тамъ ихъ „арештуютъ“ и вяжутъ чрезъ плечи рушниками—будто-бы воровъ; они откупаются водкою, наливая ее въ миску, стоящую на столѣ и называемую „ступа“. Наливши ступу, дружки съ молодымъ ѣдутъ въ домъ жениха.

Приѣхавши ко двору жениха, молодые проѣзжаютъ мимо. Тогда родные жениха выбѣгаютъ на дворъ, растворяютъ ворота и зажигаютъ кулъ соломы. Дружокъ гонитъ лошадь чрезъ огонь, и говоритъ: „никай усѣ злѣя и худѣя сгарѣть“. Отецъ и мать жениха выходятъ съ иконою и хлѣбомъ-солью и просятъ молодыхъ въ домъ. Молодые, поклонившись родителямъ, входятъ въ домъ и садятся за столъ. На столъ ставятъ закуски, водку и вино, а дружокъ беретъ молодыхъ женщинъ и идетъ съ ними въ амбаръ стлать молодымъ постель; въ постель кладутъ нитѣ изъ кросень, и часто толкачъ,—чтобы не вредили имъ колдуны. Гдѣ на свадьбѣ окажется колдунъ, то его поятъ водкою, чтобы онъ не дѣлалъ вреда; но нѣкоторые уже бьютъ колдуновъ и выгоняютъ вонъ. Постлавши постель, дружокъ входитъ въ домъ и беретъ жениха за руку, а женихъ беретъ невѣсту. Обычной формулой дружокъ проситъ отца и мать благословить „маладога князя на спакѣй атвѣсть!“ И ведетъ обоихъ въ амбаръ съ молодухами. Въ амбарѣ заставляютъ невѣсту разувать жениха. Невѣста снимаетъ съ правой ноги сапогъ, въ которой женихъ кладетъ деньги, и невѣста забираетъ деньги въ свою пользу. Раздѣвши, жениха кладутъ на постель; потомъ раздѣваютъ невѣсту до-нага, „чтобы у жениха возгара-лась любовь къ своей невѣстѣ“, и надѣвши на невѣсту чистую бѣлую рубаху, кладутъ рядомъ съ женихомъ. Покрываютъ молодыхъ рядномъ, а зимою периною. Тогда молодухи отправляются въ хату,

а дружокъ съ кнутомъ въ рукѣ грозить молодымъ: „смотрите, чтобы у васъ сегодня было дѣло, чтобы вы оба показали всѣмъ родичамъ свое веселья!“ По выходѣ дружка изъ клѣти, въ случаѣ невѣста не пожелаетъ тотчасъ спать съ женихомъ, онъ приступаетъ къ угрозамъ, насилію и даже къ побоямъ. Если невѣста сильнѣе жениха, то она не допускаетъ его до себя. Тогда дружокъ идетъ провѣдать молодыхъ, и если они не сошлись и цѣломудріе не открыто, спрашиваетъ, кто виновенъ. Если женихъ жалуется, что ему невѣста не покоряется, тогда дружокъ бьетъ ее кнутомъ и опять уходитъ изъ клѣти, а молодые спятъ до утра подъ запоромъ.

Въ понедѣльникъ утромъ родители невѣсты созываютъ родныхъ, молодыхъ парней и женщинъ, называемыхъ „придаными“, и старыхъ—называемыхъ „честными“, берутъ въ руки пироги и по бутылкѣ водки, и ѣдутъ къ дочери. Дорогою поются пѣсни:

Ой, дабрѣдинь, добрыя люди, и мы къ вамъ, (2)

Ти ни зальтѣла наша чѣрачка ўчирѣ къ вамъ:

Лятѣла, лятѣла—туть сѣла? (2)

Подѣзжая къ двору жениха, поютъ:

Бѣхали мы да дарогами, Да заѣхали къ свату,

Бѣхали мы да широкими, У багатую хату!

Отецъ жениха выходитъ на дворъ и приглашаетъ всѣхъ гостей въ домъ: „люди добрыя! миласяи просимъ у хату!“ Тогда придани садятся за столъ; дружокъ даетъ имъ по рюмкѣ водки и вино, сваха ставитъ на столъ борщъ, говядину и кашу. Потомъ дружокъ беретъ трехъ и болѣе молодыхъ и идетъ подымать молодыхъ. Отперши амбаръ, они подходятъ къ постели, открываютъ рядно и осматриваютъ ложе. Если окажется, что невѣста цѣломудренна, тогда приносятъ молодымъ воду и утиральники. Молодые умываются, и невѣста иногда плачетъ о потерѣ своего дѣвства, а молодухи уговариваютъ: „ни плачь, Марынка: мы ўсѣ у етыхъ грихахъ! Ня хатѣла, дакъ було замужъ ня йти!“ Тогда бываетъ всѣмъ радость, что невѣста честная. Молодухи бьютъ посуду, и хозяйинъ за это не гнѣвается. На дворѣ вывѣшиваютъ красный флагъ, чтобы всѣ знали, что невѣста хороша. Тогда всему ея роду честь. И идутъ всѣ дарить молодую—кто деньгами, кто холстомъ, кто чепцами и т. д. Послѣ этого начинаются перезвы на цѣлый день до вечера. А если окажется, что невѣста нецѣломудренна, тогда роднымъ ея надѣваютъ хомутъ, а на дворѣ дѣлается чучело и „посмѣшка“. Потомъ поютъ непечатную пѣсню:

Возли рѣчки, возли мосту Захатѣлась рыбалову
Рыбаловы ходять. Зѣ дѣвки насмѣятца, и т. д.

На другой день, во вторникъ, родные жениха, съ молодыми, ѣдутъ къ отцу невѣсты. Это называется — ѣхать „въ атвѣдины“. Приѣхавши, молодые кланяются отцу и матери невѣсты, и ихъ под-

буютъ колбасами, жаркимъ и ишницей. Немного побывъ у тестя, зять съ своей молодой уѣзжаетъ домой, причемъ дѣвушки на отъѣздъ поютъ:

Тарарай, калѣсы, тарарай,
Давязйта дѣвачку съ пекла ў рай!

А ина тагѣ раю ни хатѣла бѣ,
Да назадъ икъ мамки палятѣлабѣ.

Остальные же гости садятся за столъ, и свать ихъ угощаютъ. Потомъ идутъ съ перезвами на бесѣды къ роднымъ свата.

Молодухи поютъ на перезвахъ:

Галѣвачка май бѣдна. —
Ў мянѣ мамачка нярѣдна.

Пасылала мянѣ мати

Яравѣга жыта жати,

А ячменю павязати.

А я жытѣчка ня жала,

И ячменю ня вязала, —

Чаразъ свайго мялянѣкага,

Чаразъ ягѣ бѣлыя руки,

Няздарѣвая ляжала.

А мой милый чарнабрѣвый,

На славѣчка справядливый,

Убивѣя рукѣю, атливѣя вадѣю:

„Гавары, сердца, са мною!“

— И рада бѣ я съ табой гаварыти,

Дакъ бабѣся—будышь бити!

Аблилѣся маѣ сердца

Да гарѣчаю крѣюю —

И славѣчка ни прамѣлю!

Кабъ я знала, маладая,

Ня йшла бѣ замужъ, да гуляла, 2

Здарѣуйка сабирала

Дяѣчынаю маладою.

Ня аддаў мянѣ батька,

Ня аддала мянѣ matka —

Сама дружка палюбила,

Галѣвачку утапѣла,

Дяѣчынаю маладѣю!

Якъ у пѣбли азѣрушка,

Тамъ плавала вядѣрушка —

Да сасновая клѣпка,

Да дубовая дѣнца —

Разайдѣмся, маѣ сердца!

Переходивши всѣ перезвы, родные жениха собираются снова на сватній дворъ, „на папѣйца“. Здѣсь пьютъ водку, сколько кто хочетъ, и безобразничаютъ: разрываютъ живую курицу и слегка опаливши ее на огнѣ, ѣдятъ, бросаютъ въ кипятѣкъ живого пѣтуха или поросенка, и тоже ѣдятъ и т. д. Тѣмъ и кончается свадьба.

Свадьбы болѣею частью „гуляются“ въ Рождественскій мясоѣдъ.

Свадьба вдовыхъ очень сокращенна: повѣнчавшись, ѣдутъ прямо къ жениху, и расходъ не болѣе пяти рублей. Свадьба сиротъ гуляется, какъ и обыкновенная. Расходъ сиротской свадьбы до 40—50 рублей.

Д. Дубровка, Гомельск. у.
Со словъ кр. Л. М. Ткаченка.

Крестьяне м. Вѣтки, населеннаго между прочимъ великоруссами старообрядцами, устраиваютъ свадьбы преимущественно между 16 августа и 10 ноября, и въ Рождественскій мясоѣдъ. Весною-же свадьбы бываютъ очень рѣдко, и только вслѣдствіе стѣснительныхъ семейныхъ обстоятельствъ, напр. когда семья лишается отца, или матери, или есть необходимая потребность въ работницѣ, а нанять ее нѣтъ средствъ и т. д. Порядокъ свадьбы у всѣхъ почти одинъ и тотъ же.

Въ настоящее время браки устраиваются здѣсь съ согласіемъ жениха и невесты. Случай, когда браки устраиваются только по желанію родителей, очень рѣдки, именно, когда принимаются въ расчетъ какъ матеріальная сторона, такъ и семейныя традиции, и тогда, когда женихъ молодъ и не имѣетъ никого въ виду. Если же бракъ заключается по любви, то сынъ прямо проситъ родителей посватать любимую имъ дѣвушку. Собирается поѣздъ, состоящій изъ женихова отца, жениха и уважаемаго близкаго человѣка. Вечеромъ поѣздъ отправляется въ домъ избранной дѣвушки. Послѣ обычныхъ привѣтствій, прибывшіе излагаютъ цѣль своего посѣщенія. Хозяйка изъ приличія или какихъ либо видовъ отказываютъ сватамъ, говоря: „невеста молодая“ или: „намъ самимъ въ домѣ нужна работница“, или выставляютъ какія-либо другія причины. Сваты всѣми силами стараются уговорить исполнить ихъ просьбу. Дѣло кое-какъ начинается клеить; родители соглашаются, остается узнать мнѣніе невесты. А она, можетъ быть, ничего не предполагая, веселится на посидѣлкахъ, куда неожиданно-негаданно является посланецъ и требуетъ ее домой. Если невеста изъявитъ свое согласіе, то всѣ становятся передъ образами и молятся Богу, потомъ садятся за столъ и пьютъ принесенную сватами водку. Затѣмъ женихъ и невеста отправляются на посидѣлки. Въ домъ невесты, пока она на посидѣлкахъ, собирается оповѣщенный родня невесты и является, если близко живетъ, женихова мать. Это собраніе называется „змовины“. Изъ невестиной родни избирается дружокъ, который посылается на посидѣлки за женихомъ и невестой. Дружокъ приноситъ съ собою туда водку, угощаетъ собравшихся дѣвушекъ и проситъ ихъ сопровождать съ пѣснями до дому невесты. Дѣвушки соглашаются, и поютъ:

„Ти ни грѣба завалилася,	За таго парня харошага
Ўжэ нивѣста заручилася,	За Андрея Питровича“.

Когда подойдутъ къ невестиному двору, поютъ:

„Разгарѣлася калина,	Горій йскарья разнясѣтъ,
Пиридь зарбѣй стѣбючи;	Унимаіть батька дѣчку, ни
Расплакалася Катяринка,	[Уніміть,
Пиридь батѣкамъ сѣдючи.	Горій жаласѣти задаѣтъ.
Тўшыть вѣтирь, ни ўтўшыть,	

Входи въ хату, дѣвушки прячутъ невесту гдѣ-нибудь за дверь, а когда войдетъ въ хату женихъ, то невестины братъ, а за неимѣніемъ его, другой какой-либо парень, подводитъ къ нему невесту и говоритъ: „вотъ, мы даемъ табѣ ни слѣпую, ни храмую, ни курносую; дай крупъ—прасей кашы, принеси муки—прасей хлѣба, посѣй льну—прасей сарѣчку“. Потомъ дѣвушки подводятъ невесту къ свекру, свекрови, свату, и она, кланяясь имъ, подноситъ подарки: свекру холста на рубаху, свекрови передникъ, свату и жениху платки. Све-

кровь даетъ взами́нь подарка водку, которой невеста угощаетъ на посидѣлкахъ дѣвушекъ. Свекоръ и свать даютъ только деньги, а женихъ кромѣ денегъ—закуску для дѣвушекъ, состоящую изъ пряниковъ, орѣховъ, сѣмечекъ и др. лакомствъ. Дѣвушки вмѣстѣ съ женихомъ и невестой отправляются на посидѣлки, гдѣ угощаются и поютъ пѣсни.

Василь ты мой, василѣкъ,
Бѣларѣзавый цвятѣкъ,
Ой люли, ой люли,
Бѣларѣзавый цвятѣкъ.

(Послѣ каждыхъ двухъ строкъ).

Гдѣ мнѣ тябе пасадить,
Ой, чимъ бѣдѣть угасѣтъ?
Пасажу я, пасажу,
Въ сваѣмъ зѣлинамъ садѣ,
Падѣ игрушай зиланѣй,
Падѣ травѣю шалкавѣй!

Раманачка, дружокъ мой,
Гдѣ мнѣ тябе пасадить, 2
Ой, чимъ бѣдѣть угасѣтъ,
Пасажу я, пасажу
Въ сваѣмъ тѣриму навѣмъ, 2
За дубовымъ за сталѣмъ, 2
Шытымъ, бранымъ, за каўромъ.
Я тябе тахтѣй накрѣю, 2
А сытѣю абальлю, 2
Чаямъ, мѣдомъ напаяю, 2
Канхвѣтами угащѣ,
Ой люли, ой люли —
Канхвѣтами угащѣ.

(Конечно, заимствована у старообрядцевъ).

Старики, угостившись въ домѣ невесты съ своими родичами, идутъ въ домъ жениха „печку лизать“. Одни изъ пришедшихъ дѣйствительно лизутъ печь, а другіе нѣтъ. Здѣсь попьютъ, поѣдятъ и идутъ домой.

Двѣ-три недѣли между змовинами и вѣнцомъ проходятъ въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Послѣ змовинъ сваты идутъ къ священнику условиться о времени вѣнца. Предъ вѣнцомъ женихъ и невеста, изучивъ молитвы, также идутъ для провѣрки къ священнику.

У людей состоятельныхъ послѣ змовинъ собираются невестины подружки для шитья приданого. Въ благодарность за это невеста устраиваетъ имъ пирушку—„дѣвишникъ“. Здѣсь дѣвушки угощаются различными лакомствами и поютъ жениху и невестѣ пѣсни, въ родѣ слѣдующихъ:

Ой, на лугѣ, на лугѣ,
На лугу зилѣному,
Ой, люлі-люшыньки,
На лугу зилѣному,

(Послѣ каждыхъ двухъ строкъ).

Хѣдитъ добрый мѣладиць
Игорь Микалаевичъ.
Писау жа ёнъ грамату
На бѣламу бархату 2
Къ радѣмаму батюшку:

„Радимый мой тятинька!
Тавѣришы жѣнютца,—
Мнѣ мѣлайцу надобна!“
— Жанѣсь, жанѣсь, дититка,
Жанѣсь, чирнабрѣвая!
Бирѣ сабѣ дѣвачку —
Княгиню, баярыню,
Маскѣўскаю барыню,
Са алыми лентами
Штофными 'зіятками!

„Радимый мой тятинька:
 То мнѣ ни жанѣ будѣ,
 А вамъ ни нивѣстужка,
 У доми ни куковница,
 У поби ни работница,
 Ни къ гасѣямъ привѣтница,
 Ни са мною савѣтница!
 Радимый мой тятинька:
 Есть у мяне дѣвачка —
 Блѣжнѣя сусѣдчакъ,
 Настасѣя Кузьминична;
 То мнѣ жанѣ будѣтъ,
 А вамъ жа нивѣстужка,
 И у поби работница,
 И у доми куковница,
 Зѣ гасѣями привѣтница,
 Са мною савѣтница,
 Ой, люли—любшынѣки,
 Са мнѣю савѣтница.

Займствованная.

Какъ и Катя-та Ивана
 У дарѣгу сабирала,
 Калина май, малина май!
 Шапку зѣ бантамъ надивала,
 Падпайсавала,
 Падпайсавала и приказавала:
 Паижжѣй, май надежда,
 Ни загуливайся,
 На чужыхъ на харѣшыхъ
 Ни заглѣдавайся!
 Што чужыя харѣшыя
 Спадманьчиваты,
 Што спадманьчиваты,
 Спадгавѣрчиваты:
 Што спадманютъ, спадгавѣрутъ
 Удалѣга малайца, 2
 Иванушку купца,
 Тимохвѣевича!

Наканунѣ вѣнца женихъ избираетъ для себя двухъ дружковъ и дядю, обязанность котораго держать вѣнецъ и помогать дружкамъ угощать гостей, а также и свѣтилку—молодую женщину, на обязанности которой лежитъ убирать для вѣнца свѣчи и ѣздить съ женихомъ къ молодой. Для невѣсты также избираются двѣ, три дѣвушки—дружки, подневѣстницы. Ихъ обязанность та же, что и дяди. Въ день

Бисъ тебе, май надежда,
 Я канѣшна умру, 2
 Бизъ духѣуна атайдѣ,
 Бизъ духѣунага атца,
 Бизъ Ивана малайца,
 Тимохвѣевича,
 Калина май, малина май!

Якъ падъ ѣбланкай такоѣй,
 Падъ кудравой зиланѣй—
 Калина, малина!
 Тамъ стайла карватъ,
 Карватъ тѣсаная, 2
 Ножки точинья, 2
 Пазалѣчинья.
 Якъ на той ли на карвати
 Добрый мѣладицъ ляжѣтъ,
 Што Иваничка Стипановичъ.
 Прихадѣли къ ямѣ
 Три тавѣришы, 2
 Усѣ раднѣй брѣтъя.
 Янѣ будѣтъ ягѣ,
 Прабужаютъ ягѣ:
 „Добрый мѣладець Иваничка,
 Ты устанѣ-тка, праснѣсь:
 Къ нашої пристани
 Караблѣи пришли
 Са тавѣрами, 2
 Са дивчатами!
 Мы найдѣмъ-кася
 Сабѣ дѣвакъ выбирать!“
 Выбрау дѣвачку,
 Выбрау краснаю,
 Еще Дуношкѣ, ще Хвѣдарау,
 Калина, малина!

Займствованныя.

вѣнца поѣздъ, состоящій изъ жениха, дяди и дружковъ, отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ уже собралась вся ея родня. Женихъ и невѣста молятся съ земными поклонами передъ образами. Затѣмъ родители, взявъ образъ и прочитавъ молитвы, благословляютъ жениха и невѣсту образомъ. Принявъ образъ, они передаютъ его дядѣ. Затѣмъ, взявъ молодыхъ за руки, родители обводятъ ихъ три раза вокругъ стола. Послѣ этого дружокъ обращается къ родителямъ невѣсты: „благославѣтъ, атець и мати, падъ винѣць ступѣти!“—„Богъ благославѣтъ, и мы благославѣимъ“, отвѣчаютъ родители. Тогда поѣздъ отправляется въ церковь. Чтобы молодыхъ не испортили колдуны, имъ при одѣваніи къ вѣнцу вкалываютъ иголки и булавки въ подолъ рубахъ. А чтобы они любили другъ друга, кладутъ имъ въ карманы мыло и запертый замокъ безъ ключа. Чтобы они были богаты, кладутъ въ обувь деньги.

Повѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ невѣсты. Во время ѣзды поютъ пѣсни:

„Спасѣба табѣ, побинька,
 За рѣсаю кѣсаньку,—
 Што нямножка ўзяу,
 Да харашѣ звѣнчѣу:

Паўтарѣ залатѣга
 За князя маладога,
 За рѣсаю касу,
 За дивѣчѣю красу.“

Когда подѣдутъ къ воротамъ невѣстинаго отца, то вызываютъ родителей встрѣтить молодыхъ слѣдующей пѣсней:

„Выйди, мамачка, исъ свѣчѣми,
 Твай дачкѣ звѣнчѣана.
 Запали, матка, свѣчку,
 Выйди на сустрѣчку,
 Сустрѣнь свайѣ дачкѣ!
 Ти ўгадаишь, мати,
 Да свайгѣ дѣтѣти?“

— Якъ мнѣ ня ўгадѣти
 Да свайгѣ дѣтѣти:
 Пѣрва наражѣна,
 Атѣ Бога сужѣна,
 У рукахъ шыринка,
 Тонинька, бялѣнька,
 Отѣ слѣзамъ макрѣнька!

Отець и мать выходятъ навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью и съ иконою. Женихъ кланяется тещѣ и беретъ отъ нея хлѣбъ-соль, а невѣста кланяется отцу и принимаетъ отъ него икону. Всѣ входятъ въ домъ и садятся за столъ обѣдать, причемъ жениха и невѣсту сажать на куть—въ почетный уголь. Обѣдъ стараются приготовить поизысканнѣе, пьютъ водку и вино. На обѣдѣ присутствуетъ только невѣстина родня и свадебный поѣздъ.

Послѣ обѣда женихъ и невѣста, дружки, дядя, а также и невѣстины подружки ѣдутъ кататься. Затѣмъ женихъ съ своими поѣзжанами уѣзжаетъ домой.

Въ это время къ молодой собираются ея подружки „завивать ѣлку“, то есть украшать ее разными лентами, разноцвѣтными кусочками ситца и цвѣтными бумажками.

При этомъ поются пѣсни:

Благаслаўлялась Сашачка
Свайму рѣдному татачку:

„Благаслави, мой татачка,
Мнѣ ёлачку вѣти!“

Этотъ куплетъ поется всѣмъ членамъ семьи безъ всякаго измѣненія.

Ня йдѣтя, маладѣцы,
Къ намъ ёлачку вѣти:
Саўёмъ жа мы сами

Съ красными панічками,
Съ черными галачками,
Зъ ясными панначками.

Што ни жаласливый, сударь батюшка, да мянѣ, да мянѣ!
Адаётъ жа мянѣ малодѣшынку ать сябѣ, отъ сябѣ.
Каму жъ та я прикажѣ твѣтѣ алыя?

Прикажу-та я сваѣ твѣтѣ батюшку, батюшку:
Уставай-ка, мой батюшка, рѣнинька, рѣнинька,
Паливай-ка маѣ твѣтѣ часѣтинька, часѣтинька!

Якъ лятѣў жа сизъ галѣбчикъ чираѣ садъ,
Да удариўся крылушками ў виноградъ:
Ти ня тутъ май галубка, ти ня тутъ яна?
Ти зъ другими галубцѣми вонъ гулять пашлѣ?
Якъ ѣхаў Иванъ малбѣйчикъ чираѣ садъ,
Да ударились кони капытамі ў виноградъ:
„Ти ня тутъ май Маланьня, ти ня тутъ яна?
Ти зъ другими малайцѣми вонъ гулять пашлѣ?“
— Кагды бъ та я, Иванушка, ета знала,
То бъ зъ другими малайцѣми ни гуляла!

На Халѣцкамъ ¹⁾ поли яръ, яръ,
Рана, рана, ранѣшынька!
(послѣ каждой строки).
На Вѣткаўскімъ двѣ вишаньки.
Тамъ Маланьня чары мыла,
Мыўшы чары, гаварила:

„Вы пливѣтя, маѣ чары,
Къ свѣкру на дворъ, зъ виномъ
[за столъ —
Я за вами скоро буду,
Рана, рана ранѣшынька!

Кагды бъ та я знала,
Што зъ братамъ ни жыти,
Я бъ тынъ праламала, 2
Карбѣ напускала. 2
Талчитя, каровы, 2
Што есть у гарбѣ, 2

И хрѣнъ и капусту,
Кучераву мѣту, 2
Штобъ ни асталася брату,
Нявѣстки панюхатъ, 2
Гавѣракъ паслѣхатъ.

¹⁾ Хальчъ—сосѣднее мѣстечко.

Поется и во время катанья молодыхъ. Также на Масленицѣ.

Тѣмъ временемъ хата наполняется гостями. Сваты, крестные отецъ и мать невѣсты, ея родители и другіе гости, постарше, сидятъ за столомъ подъ образами. Молодая и ея подруги за другимъ. На обоихъ столахъ угощеніе. Дѣвушки опять поютъ пѣсни.

Лѣзла Кулинка зъ застѣбля,
Сыпала руту съ припѣбля:
„Ой, рута жъ май дробна зѣлина,
Съ кимъ тябѣ надбирати?“
Прасѣ, Кулинка, татачку,

Дробнаю руту збирати!
„Ня буду татки прасѣти,
Ёнъ ни умѣў мянѣ расѣтити,
И расѣтити, и лѣлѣтити,
У сваёмъ дамѣ диржати!“

Это же поется и матери, сестрамъ, братьямъ, наконецъ жениху, и тогда послѣднія четыре строки поются такъ:

„Буду жанѣхѣ прасѣти:
Ёнъ умѣў мянѣ расѣтити,
И расѣтити, и лѣлѣтити,
И ў свой домъ брати?“

Маѣ лицо, якъ калѣначка,
Я сама, якъ журавѣначка (кляква).

„Вѣдна, ў тябѣ, Кулинка,
Кѣмянное сѣрдѣчка:
Вечаръ ты сидишь,
Да ни заплачѣшь,
И татачки ни разжалѣбѣшь!“
— Ой, якъ жа мнѣ плакати,
Изъ лица красѣ стирати:

„Ни гѣгай-ка, гусачокъ,
Ни высѣка жъ надлѣтѣў!
— Хотъ жа ни высѣкинъка,
Да спущѣся, разабѣюся!
„Ни плачъ-ка, Кулинка,
Нидалѣка идѣшь ать мати!“
— Хотъ жа нидалѣчка,
Да ни къ сваѣй мамцы!“

У жениха въ это время тоже идетъ веселье. Веселятся и танцуютъ подъ музыку. Сюда приходятъ (если въ мѣстечкѣ) потанцевать и невѣстѣны подруги, вившія елку. Къ концу пирушки поютъ:

„Ня спи-тка ты, ня гуляй,
Жанихова мамачка:
Гатѣў намъ вячѣрачку,—
Пашдимъ на дѣвачку!“

— А я жъ, кажитца, ни гуляю,
Свайго сыночка, свайго рѣднага,
У дарѣжку выпраўляю!

Пужинавши, отправляются за молодой. По пути поютъ:
Мы пашдимъ да парѣшаю
Да за сваѣй за харѣшаю!

Ой, тамъ жа мы станѣмъ,
Гдѣ сваѣ спазнаѣмъ!

У невѣстѣныхъ воротъ къ этому времени собираются парни „ловить зайца“. Они загородятъ жениху дорогу, и чтобы освободиться, женихъ долженъ дать имъ водки; въ противномъ случаѣ у его лошадей перерѣжутъ гужи. А дѣвушки въ хатѣ поютъ пѣсню:

„Стукнула, грѣкнула на дварѣ,
Пагляди-тка, мамачка, ти ни па мянѣ?“
— Па тѣбѣ, дитѣтка па тѣбѣ!
„Гатѣў, мамачка, кубликъ мнѣ!“

— Ёдь, мая донячка, бисъ кубла,—
Чаму кудельки ни скубла?
„Скубла кудельку, шуматъла,
За ётага дурака ни хатъла“!

Дружки входятъ въ хату, а женихъ съ дядею остается на дворѣ. Невѣстины дружки встрѣчаютъ жениховыхъ дружковъ пѣсней:

„Дружокъ на парогъ лѣзя,   Лычкамъ подпирася,
Клиньяма галава збита,   Па байрски прыбраўся“.
Салбмау барада шпыта,

Невѣсту дѣвушки прячутъ въ своей толпѣ, а дружкамъ выталкиваютъ другую. Дружокъ говоритъ: „ёта ни май!“ До тѣхъ поръ, пока наконецъ выведутъ и невѣсту. Дружки торгуются за нее съ дружками и даютъ деньги; тѣ не принимаютъ, требуютъ, чтобы подбавили, и поютъ:

Ета ня гробы—	За ётыя гробы
Ета мѣдь;	Купи сабѣ мыла,
Садись на свинью—	Памый сабѣ рыла,
Дамоу ёдь,	Штобъ жонка любила,
А прѣхаўшы, пасасай,	А дѣти ўважали,
Зъ нами, дружками,	Да бѣткамъ назвали!
Размаўлай!	

Дружокъ грозитъ кнутомъ, проситъ продать невѣсту, наконецъ надбавляетъ плату и получаетъ невѣсту.

Теперь нужно выкупить невѣстину косу. Невѣстинъ братъ становится за ея косою и торгуется за нее; онъ не довольствуется малой платой и требуетъ большей, говоря: „мая каса семъ пудоу масла паёла“. Дѣвушки поютъ:

Атступіся, Литва,	Братъ будя ваювати,
У насъ буда битва:	Да сястры ни давати!

Наконецъ, торгъ оканчивается и дружокъ получаетъ невѣсту. Дѣвушки поютъ:

Татарынь, братка, татарынь!	Русаю касу за питаць,
Аддае сястрѣ задарамъ,	Бѣлая лицо аддаў такъ.

Сестра невѣсты развиваетъ ей косу, а другая дѣвушка подаетъ сборникъ—чепецъ. Невѣста два раза бросаетъ его въ порогъ и только за третьимъ разомъ надѣваютъ его ей на голову. При этомъ поютъ:

Гдѣ дѣлася, гдѣ падѣлася,	Иванка купецъ, купецъ,
Да Кулинкина мати?	Купиу Кулинки чапѣць, чапѣць,
— Да пайшла у кубліца	Тѣнкаю намѣтачку
Да на самая днища,—	На ёе галбавачку.
Шукати чапйца.	

Иванка на конику,	А Кулинка у злоти,
Якъ чортъ на колику:	Якъ жаба ў балоти.

Потомъ дружокъ, окруживъ невѣсту поясомъ, выводитъ на дворъ къ жениху, женихъ беретъ невѣсту за руку, другую подаетъ дядѣ, и тотъ вводитъ молодыхъ въ хату. Здѣсь женихъ и невѣста должны стукнуться головами другъ о друга. Въ хатѣ начинаются танцы, но танцуютъ уже молодые бабы и мушны, прѣхавшіе съ женихомъ. Послѣ танцевъ поютъ:

Давай, мамачка, вячѣратъ,	Табѣ, мамачка, даёнка,
А павячѣраўши даятца:	А мнѣ, маладёнъкай, кароўка!
Табѣ, мамачка, што въ вуглѣ,	Табѣ, мамачка, семъ вяратѣнь,
А мнѣ, маладёнъкай, што ў кублѣ!	А мнѣ, маладёнъкай, семъ палатѣнь!

Невѣстина мать собираетъ ужинъ, вечеру. Вечеряютъ гости, которые поѣдутъ съ молодой. Дружокъ потчуетъ гостей жениховой водкой. Молодые не вечеряютъ здѣсь. Ихъ, вмѣстѣ съ дядей, дружками и свѣтилкой, невѣстина мать угощаетъ отдѣльно яичницей и другими лучшими яствами, а также виномъ. Послѣ ужина молодые входятъ въ хату. Всѣ садятся. Затѣмъ невѣстина родня становится въ рядъ по старшинству. Молодые кланяются каждому порознь и выходятъ изъ хаты. При этомъ поется пѣсня:

Заливай, matka, жаръ, жаръ, жаръ,
Будя табѣ дачкѣ жаль, жаль, жаль!
Клади у печь дровы, аставайся здарова!
Аглядйсься, мати, ти харапѣ ў хати:
Ти выматы лаўки бизъ дачкѣ каханки?

Стань, мая мамачка, ў парѣзи,	Пакланюсь табѣ низицька, 2
А ужэ твая дѣчка ў дарѣзи! 2	Кѣсками зямельку устаяю,
Прыступісь ка мнѣ близицька,	Слѣсками нѣжачки абальё! 2

При этомъ выносятъ невѣстину постель и кладутъ на возъ, а на постель садятъ молодыхъ. Невѣстина мать одѣваетъ вывороченный тулупъ и бѣгаетъ вокругъ воза, обсыпая молодыхъ житомъ. Дружокъ гоняется за ней съ кнутомъ. Молодые уѣзжаютъ. Въ дорогѣ поютъ пѣсни:

Што мы хатѣли	Да павязьли, да павязьли
Тѣя жъ мы зрабіли:	И къ чужой мати.
Съ тѣста паяніцу,	Што хатѣли, то рабіли
Зъ дѣўки маладїцу.	Чужому дитяти.
Пасадили, пасадили	За чужѣга дитяти
Ва новый вазѣчикъ,	Нѣкаму стаяти.

Въ воротахъ женихова дома горитъ огонь. Молодые переѣзжаютъ черезъ него, чтобы колдунъ не причинилъ имъ вреда и чтобы молодые горячо любили другъ друга. На дворѣ поются пѣсни.

Выйди, мамачка, пагляди,	Привязьли скрыню, пярину,
Што мы табѣ привязьли?	Маладую дѣвачку княгиню.

Женихова мать выносить хлѣбную дежу. Молодые, ставъ на нее съ телѣги, сходятъ на земь и входятъ въ хату. Здѣсь они садятся за столъ и угощаются. Въ это время друзьями и свѣтилкой для молодыхъ стелется гдѣ-нибудь въ клѣти постель. Послѣ ужина ихъ и уводятъ туда. Молодая снимаетъ съ жениха сапоги и вынимаетъ оттуда заранѣе приготовленные деньги. Дружокъ накрываетъ молодыхъ, всѣ уходятъ. Молодухи поютъ:

Катилася каласѣ съ клѣти,   Штобъ были у васъ дочка швачки,
..... харашѣ, дѣти,   А сыночки писарѣчки.

Въ хатѣ между тѣмъ веселятся до утра. Приѣзжаютъ „вечернія“—молодые бабы и мушны съ невестыной свадьбы. Приѣзжіе присоединяются къ веселью. Музыка, танцы и пѣсни продолжаются до самого утра. Утромъ бабы съ музыкой идутъ подымать молодыхъ и здѣсь удостовѣряются въ цѣломудренности молодой. Немного погодя, ѣдутъ „съ снѣданьямъ“ къ невестыной матери. Если невеста была честною, то лошадь и возокъ убираютъ красными платками и лентами, въ противномъ случаѣ все покрывается рогожей, только женихъ убирается лентами. Невѣста въ обоихъ случаяхъ остается дома. Приѣхавши къ невестыной матери, женихъ угощаетъ ее красной водкой, если невеста была цѣломудренна. Послѣ угощенія женихъ съ своими гостями уѣзжаетъ домой. Выправивъ жениха, невестины родители ѣдутъ „въ отводины“—везутъ жениху сундукъ—приданое невесты; съ ними ѣдутъ ихъ гости—молодые мушны и бабы. Въ дорогѣ поются пѣсни.

Ни жаласливый татка мой: За маей русою касой,
Ни самъ ка мнѣ ни ѣдя,   За дивѣцкою красой!
Ни прыданья ни шлетъ,

На дворѣ жениха приѣзжими гостями поется другая пѣсня:

Выйди, Кулинка, на дворъ: Узвисяли радѣначку;
Сабрауся твой увесъ родъ!   Вѣняси другую,
Вѣняси калѣначку,   Узвисяли чужую!

Невеста выходитъ, кланяется отцу съ матерью и всѣмъ приѣзжимъ. Братъ невесты садится на сундукъ и проситъ деньги за приданое. Ему предлагаютъ нѣсколько копѣекъ, но онъ не удовлетворяется и требуетъ большаго. Прибавятъ еще немного и такимъ образомъ кончатъ сдѣлку. На дворѣ приѣзжими распивается вынесенная родителями жениха красная водка, если невеста была честная, если же нѣтъ, то бѣлая. Иногда въ такомъ случаѣ еще на отца молодой надѣваютъ хомутъ. Это дѣлается кѣмъ-нибудь изъ жениховой семьи. Потомъ идутъ въ хату дѣлить каравай; молодые подносятъ на блюдѣ два ломтя караваевъ родителямъ. Невѣста подноситъ при этомъ подарки. Родители кладутъ на тарелку деньги и общаются дѣлиться съ молодыми всѣмъ своимъ добромъ, говоря: „што у насъ, то и

дѣтямъ нашимъ!“ Затѣмъ невеста даетъ подарки и всей жениховой роднѣ. Подарки состоятъ изъ платковъ. Родственники, принимая подарки, общаются отдарить невесту кто чѣмъ можетъ,—преимущественно животными домашними и птицей.

Свадебное торжество оканчивается перезвой или, какъ еще называется—банкетами. Участвующие въ свадебномъ торжествѣ поочередно собираются повеселиться то у сватовъ, то у дяди, у крестныхъ, и у другихъ лицъ, участвовавшихъ въ свадьбѣ. Пиръ продолжается около недѣли у богатыхъ и два-три дня у бѣдняковъ. У богатыхъ свадебные расходы простираются до ста рублей, а у бѣдныхъ до 40—50 рублей, не включая сюда приданого.

Свадебная дружина жениха и невесты у богатыхъ доходитъ человѣкъ до тридцати и больше, а у бѣдныхъ человѣкъ десять-пятнадцать. Свадьбы вдовыхъ совершаются безъ музыки и въ одинъ день. Послѣ вѣнца обѣдаютъ у невесты и выѣзжаютъ къ жениху.

Въ с. Старомъ Селѣ соблюдаются слѣдующіе обряды:

Дѣлятъ каравай и вьютъ елку только на свадьбахъ первобрачныхъ. Про второбрачныхъ говорятъ: „яна ужъ звилѣ сабѣ елку, якъ ишла за первага!“ Или: „ихный хлѣбъ ужъ падѣлянтъ!“ Елка завивается наканунѣ свадьбы, дѣвушками сверетницами, съ которыми невеста проводила свое дѣвичество. Для елки отыскивается или вѣтка ели, которая въ Гомельскомъ уѣздѣ составляетъ рѣдкость, или молодая вишня. Вѣтки ихъ украшаются цвѣтами изъ разноцвѣтной крашеной бумаги; при этомъ устраиваются и трубочки для вставки восковыхъ свѣчей, которыя зажигаются при подниманіи хлѣба съ елкой. Благодаря близости Гомеля и Вѣтки, каравай здѣсь не пекутъ дома, а покупаютъ на вѣсѣ булку въ булочныхъ или заказываютъ тамъ каравай специально. По внѣшнему виду это большая круглая булка въ видѣ полушара.

Въ тотъ день, когда назначено вѣнчаніе, обыкновенно—воскресенье, женихъ вмѣстѣ съ дядею и дружкой рано утромъ, еще до заутрени, отправляется въ домъ невесты и несетъ съ собою бутылку водки. Тамъ дружокъ выливаетъ водку въ какой-нибудь сосудъ, потомъ беретъ за руку жениха, а женихъ беретъ невесту, невеста свою старшую дружку, а дружка дядьку, и всѣ вмѣстѣ три раза обходятъ вокругъ стола, на которомъ лежитъ хлѣбъ, соль и принесенная водка. Послѣ этого женихъ и невеста кланяются въ ноги всѣмъ находящимся въ избѣ родственникамъ невесты и отправляются въ церковь. Послѣ заутрени невеста продолжаетъ обходить родныхъ и знакомыхъ и кланяется всѣмъ въ ноги. Тѣ желаютъ ей, чтобы Богъ далъ „щасья, долю и вѣкъ доугій!“ Вѣнчаніе происходитъ по окончаніи обѣдни. Отъ вѣнца молодые отправляются въ домъ невесты, въ сопровожденіи дѣвушекъ. Мать невесты встрѣчаетъ молодыхъ съ хлѣбомъ-солью; молодые ей кланяются и входятъ въ избу,

а дѣвушки расходятся по домамъ. Послѣ небольшой закуски молодые уходятъ: женихъ идетъ къ дядькѣ, а неvěста къ старшей дружкѣ, и тамъ „гостятся“. Тѣмъ временемъ въ домъ жениха является музыка и собирается молодежь, преимущественно мужская, и гуляетъ до вечера. Къ вечеру она расходится, а въ домъ жениха приходятъ замужнія женщины. Вмѣстѣ съ женихомъ, дядькою и съ музыкой онѣ отправляются въ домъ неvěсты, гдѣ тоже уже собрались старые люди. Женихъ приноситъ неvěстѣ „гостинцы“—лакомства, а та въ соседнемъ домѣ раздаетъ ихъ своимъ подружкамъ. Теща уводитъ зятя въ отдѣльную комнату или въ клѣть и тамъ угощаетъ, остальные угощаются за общимъ столомъ. Послѣ угощенія женихъ съ своими гостями возвращается домой, и пиршество идетъ въ обоихъ домахъ.

Позже женихъ собирается ѣхать за молодой. Ему запрягаютъ коня. Онъ садится на сани или въ телѣгу, а мать его одѣвается въ вывернутую шубу, беретъ въ передникъ овса или ячменя и обходитъ изи, вѣрнѣе, обѣгаетъ три раза вокругъ запряженной лошади, такъ какъ дядька гоняется за нею съ кнутомъ. Обѣжавъ три раза, мать кланяется коню и отдаетъ ему овесъ, который былъ въ передникѣ. Послѣ этого къ жениху присаживаются родные и ѣдутъ въ домъ неvěсты.

Теща встрѣчаетъ зятя на дворѣ и подаетъ ему на телѣгу четыре рюмки воды; зять обязанъ вылить воду на всѣ четыре стороны двора и тогда уже слѣзаетъ съ телѣги. Здѣсь теща подаетъ ему рюмку водки, которую онъ выпиваетъ, стоя у лошади. Въ это время братъ выводитъ неvěсту съ хлѣбомъ и ставитъ рядомъ съ женихомъ. Послѣ этого дружки жениха и неvěсты берутъ по вѣнку отъ квашни и, застлавъ ихъ скатертями, обносятъ три раза вокругъ новобрачныхъ, а затѣмъ подымаютъ надъ головами. Каждый старается поднять, какъ можно выше. „Мой выйшай!“—Нѣ, мой выйшай!.. Споръ кончается тѣмъ, что вѣно жениха кладутъ поверхъ вѣка неvěсты, и тогда всѣ уходятъ въ избу. Женихъ и неvěста во все это время должны быть такъ близко другъ къ другу, чтобы никто не смогъ протиснуться между ними. Въ хатѣ молодыхъ обводятъ вокругъ стола и усаживаютъ съ краю стола. Черезъ нѣкоторое время молодыхъ ведутъ въ клѣть и угощаютъ, а по возвращеніи надѣваютъ на голову молодой чепецъ—„зборникъ“ и завязываютъ поверхъ платкомъ такъ, чтобы концы завязывались сзади. Невѣста обязана два раза сорвать съ головы зборникъ и бросить къ печи. Послѣ второго раза чепчикомъ обводятъ вокругъ правой ноги жениха и лѣвой—невѣсты. Тогда неvěста уже не можетъ сбросить зборника и его надѣваютъ ей безпрепятственно.

Послѣ этого начинаются сборы къ отѣзду молодыхъ. Опять запрягаютъ лошадь, укладываютъ на телѣгу постель молодой и т. д. Отецъ неvěсты беретъ икону, а мать хлѣбъ-соль и становятся у печи. Молодые кланяются имъ въ ноги, женихъ цѣлуетъ икону и бе-

реть ее у отца, а неvěста цѣлуетъ хлѣбъ и беретъ его у матери. Держа это благословеніе въ рукахъ, они усаживаются на тотъ возъ, гдѣ постель—женихъ справа, а неvěста слѣва, и отправляются въ домъ жениха. Здѣсь родители встрѣчаютъ ихъ на дворѣ, также съ иконой и съ хлѣбомъ-солью. Молодые кланяются, принимаютъ образъ и хлѣбъ, и всѣ идутъ въ избу. Тамъ молодыхъ обводятъ вокругъ стола и усаживаютъ на куть. Спустя немного времени, молодыхъ ведутъ спать въ клѣть. На другой день, если неvěста оказалась цѣломудренной, навязываютъ на шесты красные платки и съ ними женихъ съ дружиной отправляется къ родителямъ неvěсты и угощаетъ ихъ красной наливкой или виномъ. Отсюда гости обѣихъ сторонъ идутъ къ жениху. Туда же везутъ и сундукъ съ приданнымъ молодой. Послѣ этого происходитъ дѣлежъ каравая у жениха и неvěсты и одариваніе молодыхъ. Кончается свадьба „банкетами“ у лицъ, участвовавшихъ въ свадебномъ пиру съ обѣихъ сторонъ.

Сообщилъ П. П. Буднецкій.

Рогачевскій уѣздъ.

Въ м. Городцѣ брачные переговоры ведутся родителями безъ участія молодежи: родители выбираютъ и неvěсту для сына и зятя-примака для дочери.

Свать, съ отцомъ жениха, берутъ съ собой въ кошель бутылку водки, кусокъ хлѣба фунтовъ въ пять и кусокъ сала въ два фунта. Придя въ домъ, они здороваются, но отецъ неvěсты не подаетъ имъ руки. Сваты вступаютъ въ разговоръ: „мы купцы заморскія, ищемъ товару ни лижачага, а хадячага. Кали у васъ ѣсть, пакажѣтя лицомъ, а мы пахваѣстуямъ сваймъ таварцамъ!“ Отецъ неvěсты старается тѣмъ временемъ переговорить съ женою и съ дочерью. Если онѣ не противъ предложенія, то подводятъ къ отцу жениха какую-нибудь дѣвушку изъ подругъ неvěсты. Тотъ говоритъ: „нѣ, минѣ гѣтый товаръ ни наравѣтца!“ Тогда подводятъ другую, третью и наконецъ уже неvěсту. Свать тогда говоритъ: „Вѣ, товаръ харѣшъ, и намъ прыгѣтъ!“ Родители подаютъ другъ другу руки черезъ полу и распиваютъ принесенную водку. Рюмку водки свать даетъ выпить и неvěстѣ, причемъ опускаетъ туда рубль. Дѣвушка выпиваетъ водку, деньги беретъ себѣ и кланяется будущему свекру въ ноги, и въ свою очередь посылаетъ жениху узелокъ съ гостинцами—баранками, орѣхами, конфетками и т. п.

Наканунъ свадьбы у неvěсты происходитъ такъ называемый дѣвишникъ, куда прѣзжаетъ и женихъ съ музыкой.

Свадебный каравай печется здѣсь не въ опредѣленное время, хотя стараются приурочить эту работу къ дню свадьбы. Въ печеніи

каравая участвуют не только женщины, но и дѣвушки. При началѣ работы старшая каравайница поетъ:

Стаўта джѹ тисѡвую,
Нясѣта вадѹ крынѣшную,
Сыпѣта муку пшанѣшную!

и растворяетъ тѣсто. Когда оно подойдетъ и его надо мѣсить, приходятъ гости и приносятъ „подарки на каравай“: муку, масло, яйца, деньги. Снимаютъ квашню съ печи, гдѣ подходило тѣсто, и ставятъ на столъ. Старшая каравайница трижды проситъ благословенія: „Есть тутъ атецъ и мати, близкія и дальнія сусѣди,—благославить каравай замѣситъ!“ Присутствующіе также трижды отвѣчаютъ ей: „Богъ благославить!“ Тогда каравайницы поютъ:

Благославѣта, люди, Гѣтаму дѣтѣти Ручками бѣлинъками,
Близкія сусѣди, Каравай замѣситъ Пѣснями вясѣлинъками!

Тѣсто выкладывается на столъ, старшая каравайница мѣситъ главную булку, а прочія—украшенія къ ней, въ видѣ птичекъ, шишекъ и другихъ фигуръ, при этомъ играетъ музыка и коровайницы поютъ:

Гарадѣцкія жоны, гдѣ у Бога бывали,
Харашѡ каравай сабгали,
Кабъ нашъ каравай ѣсинъ быў,
А маладый Иванька красинъ быў.

Каравай стараются дѣлать возможно большимъ, чтобы его едва можно было вынуть изъ печи, когда онъ испечется. Посадивши тѣсто въ печь, бьютъ три раза лопатой въ одно мѣсто, и стараются, чтобы за третьимъ ударомъ лопата сломалась. Коровайницы поютъ:

Расѣтѣ, расѣтѣ, каравай, Стану я у печи каравай глядѣти,
Вѣшы печи мѣдяной, Кабъ ѣнъ ни апиѣся,
Вѣшы стѡби залатой (потолка), Кабъ ѣнъ ни абжѡся,
Вѣшы Татяны маладой! Кабъ намъ сѡрамъ ня быў
Атѣ чужѣхъ людей.

Все это время, пока испечется каравай, каравайницы танцуютъ и поютъ пѣсни-пригѣвки. Когда каравай испечется, на столъ кладутъ вѣко отъ квашни и застилаютъ его чистой скатертью. Потомъ вынимаютъ изъ печи каравай при пѣніи пѣсни:

А ѣдѣ жѣ тыя кавалѣи, кавалѣи,
А што ету печку кавалѣи, кавалѣи?
Нихай идуць, раскубѣть, раскубѣть:
Каравай съ печки ня лѣзѣтъ,
А зятѣ къ тѣщи ня ѣдѣтъ!

Вынувши каравай, торжественно несутъ его на столъ, кладутъ на вѣко и поютъ:

Палажѣли каравай на столъ— Гбспадѹ Богу на хвалѹ,
Сталѡвыя ножки зѣблѹтца, Добрымъ людямъ на славу!
Уси люди дѣвѹтца, Вы, добрыя люди, глядѣта,
Што удаўся нашъ каравай И грѡшыки намъ кладѣта!

Затѣмъ съ музыкой и съ пѣснями переносятъ каравай въ клѣть. Впереди идетъ самъ хозяинъ, за нимъ сватъ съ короваемъ, въ сопровожденіи каравайницъ и гостей. Каравайницы поютъ:

Пытаўся каравай у пиралѣчи: *) Вазьмѣ пѣражѡкъ ды папѣраѣся!
А куды сѣтѣжка да клѣтѣ? Часта у клѣтѣ бываѣишь—
— А ты, каравай, ни пытаѣся: Сѣтежки-дарѡжки пытаѣишь!

Послѣ этого коровайницамъ и гостямъ предлагается угощеніе.

Въ день свадьбы женихъ и невѣста встаютъ очень рано. Отъ имени ихъ родителей утромъ посылается мальчикъ приглашать родныхъ, знакомыхъ и сосѣдей на свадьбу. Войдя въ хату и поздоровавшись, онъ говоритъ скороговоркою: „Прасѣѹ батѣка—матка, и я прашѹ ласкавами быць, къ намъ на вясѣльѣя прыбыць!“ И бѣжитъ дальше. Дружки же, сваты и свахи занимаются убранствомъ молодыхъ къ вѣнцу. У невѣсты расчесываютъ волосы, заплетаютъ косу и надѣваютъ на голову вѣнокъ въ видѣ широкаго обруча изъ тонкаго картона, на который очень пестро нашиты лоскутки разноцвѣтныхъ тканей, бахромки изъ золоченой и цвѣтной бумаги, ленты и т. п. Особенно много лентъ должно быть сзади: онѣ закрываютъ всю спину невѣсты. Женихъ тоже одѣвается въ новое платье. Одѣвшись, они отправляются каждый къ своимъ ближайшимъ роднымъ и уважаемымъ сосѣдямъ и лично просятъ ихъ на веселье. Вѣнчаніе происходитъ послѣ обѣдни. Предъ отправленіемъ къ вѣнцу молодыхъ—каждаго въ своемъ домѣ—обводятъ три раза вокругъ стола, на которомъ положены хлѣбъ и соль. Послѣ этого молодые кладутъ земной поклонъ предъ иконами, кланяются отцу и матери и цѣлуютъ у нихъ руки; со всеми присутствующими цѣлуются. Когда женихъ сядетъ на телегу, мать жениха беретъ въ коробку жита п, обѣгая кругомъ весь поѣздъ, осыпаетъ житомъ каждую подводу. Сватъ бѣгаетъ вслѣдъ за ней, стараясь догнать ее и ударить кнутомъ.

Изъ-подъ вѣнца молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Мать встрѣчаетъ ихъ въ вывороченной шубѣ, съ полной чаркой водки въ одной рукѣ и съ хлѣбомъ-солью въ другой, и проситъ ихъ въ хату. Вѣнчающіеся обязательно натошакъ, молодые закусываютъ и затѣмъ расстаются: невѣста уѣзжаетъ къ себѣ домой.

На второй день женихъ съ боярами ѣдетъ къ невѣстѣ. Мать невѣсты встрѣчаетъ его во дворѣ въ вывороченной шубѣ, беретъ въ

*) См. выше, стр. 33: сковородникъ.

фартухъ жита и наливаетъ зятю одну за другой двѣ рюмки воды. Тотъ выливаетъ эти рюмки. Тогда теща наливаетъ ему рюмку водки. Когда онъ выпьетъ водку, теща беретъ его за руку и три раза обводитъ вокругъ себя, потомъ подпоясываетъ поясомъ и подъ поясъ закладываетъ полотенце. Послѣ этого жениха съ дружиною просятъ въ хату. Тамъ они покупаютъ у невестиной дружины для себя мѣсто за столомъ и сажаютъ молодыхъ рядомъ. Послѣ угощенія боярки берутъ молодыхъ подъ руки и ведутъ въ особую хату; здѣсь молодежь танцуетъ, пока старики угощаются и ходятъ по перѣзвямъ.

Вечеромъ у невесты дѣлать каравай. Сватъ кладетъ на застланную тарелку кусокъ каравай, ставитъ рюмку водки, кладетъ нѣсколько монетъ и вызываетъ присутствующихъ въ порядкѣ старшинства: „Питро Иванавичъ! Пробыть васъ маладый князь и маладая княгиня на каравай!“ Вызванный подходитъ, выпиваетъ водку, беретъ каравай и говоритъ: „Дарую жъ я маладымъ тѣлѣнка (ягнѣнка, поросенка, гусочку, курочку...)!“ Родители дарятъ корову, овцу, свинью и т. д. По раздѣлѣ каравай у невесты, ѣдутъ дѣлать его у жениха. Мать жениха продѣлываетъ съ невесткой то же, что теща дѣлала съ зятемъ. Послѣ дѣлажа каравай, молодыхъ кладутъ спать.

На третій день родителямъ невесты даютъ знать, какою она оказалась. Приданные оттуда везутъ кубель невесты. Этимъ днемъ кончается свадебный пиръ.

Въ с. Озеранахъ, какъ только сватовство закончится, такъ дѣвушки расплетаютъ невестѣ волосы и завязываютъ ей на голову платокъ поженски. Когда ее въ такомъ видѣ введутъ въ хату, она кланяется до земли родителямъ и своимъ роднымъ, а потомъ сватамъ. Сватъ наливаетъ ей рюмки водки, и когда она выпьетъ, опускаетъ въ рюмку рубль. Невѣста отдариваетъ сватовъ полотенцами.

Въ день заручинъ приглашаемые гости приносятъ невестѣ въ подарокъ хлѣбъ-соль, баранки, а нѣкоторые сало. Утромъ въ день вѣнца сватъ приносить къ невестѣ гарнецъ водки „на благословеніе“. Когда молодые одѣнутся къ вѣнцу, родители ихъ благословляютъ, каждого отдѣльно въ своихъ домахъ. Въ церковь молодые отправляются также поодиначкѣ, а послѣ вѣнца отправляются вмѣстѣ въ домъ жениха, но закусивши тамъ, снова разлучаются. Вечеромъ невеста отправляется къ роднымъ и сосѣдямъ и проситъ ихъ: „просили тата и мама, и я прошу васъ на каравай!“ Бабы идутъ на каравай и несутъ по мискѣ муки. Здѣсь онѣ мѣсятъ каравай и поютъ:

А баранчикъ чорнянкій,
На тобѣ воўначка кърчитца,
А намъ горѣлочка хъчѣтца.

Густа пшаница на новинѣ,
Высоки стогы у гумнѣ:
Вышай князя мулодого,
Вышай стуўна зулотого.

Нихто ни ўгадае,
Хто у насъ коровай бѣгае:
Зъ Мыгылѣва мыгылѣвачка,

А зъ Быхова быховая,
А съ Озеранъ войтовая, —
Тая у насъ коровай бѣгае!

Предъ посадкой каравай въ печь, старшая каравайница говоритъ: „юсь отецъ и мати, богословите коровай своему дитяти у печь саджати!“ Родители отвѣчаютъ: „Богъ богословитъ!“ Сажаящая должна сказать: „ня буде по нашый кѣзцы, буде по Божый ласцы! Якій Бугъ народиў, такий и богословиў!“ При этомъ поютъ:

Ой, печка рагѣча,
Коровайиньку хѣча,

А прыпичикъ свѣща,
Коровайиньку йща!

Пюкса коровай, перэпюкса,
Вѣнте коровай, ды несѣте до столу.
Нихто ня ўгадае, што ў нашымъ короваѣ:
Съ сѣми крыницъ вода, съ сѣми пшаницъ мука,
А дравичае масло, — дай Боже мулодымъ щасѣте.

Вынувши каравай изъ печи, кладутъ его на вѣкъ на столъ и поютъ:

А хто у насъ коровай выкупить?
Татачка роднинькій коровай выкупить,
Юнъ намъ бочку вина выкатить!

Послѣ этого относятъ каравай въ клѣть.

Когда въ обоихъ домахъ каравай изготовлены, тогда женихъ съ бояриномъ и крестной матерью ѣдетъ къ молодой, а вслѣдъ за ними отправляются и сваты жениха. Хлопцы запираютъ ворота невесты и никого не пускаютъ на дворъ. Сваты должны откупиться отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ стороны даже вели перестрѣлку, холостыми зарядами. На дворѣ невесты ставятъ застланный столъ, ставятъ на него ведро воды и кладутъ булку хлѣба съ солью. Когда женихъ вѣдетъ на дворъ, теща встрѣчаетъ его въ вывернутой шубѣ и подаетъ ему на телѣгу три рюмки воды. Первую рюмку онъ выливаетъ черезъ свою голову назадъ, другую въ правую сторону и третью въ лѣвую. Тогда теща даетъ ему рюмку водки. Выпивъ водку, зять слѣзаетъ съ телѣги, кланяется тещѣ и цѣлуетъ у нея руку. Тогда дружки молодой выводятъ ее на дворъ къ молодому и ведутъ обоихъ вмѣстѣ въ избу. Здѣсь ихъ усаживаютъ на „пѣль“; съ ними же садятся и дружки; онѣ пришиваютъ къ шапкѣ жениха цвѣтокъ, послѣ чего онъ выходитъ на дворъ, а съ невестой остаются его сваты. Братъ невесты распускаетъ ей волосы, а сватъ зажигаетъ три восковые свѣчи и три раза слегка поджигаетъ ими волосы молодой. Тогда крестная ее мать завиваетъ ихъ въ женскую прическу и надѣваетъ на голову чепецъ, и къ нему тоже пришиваютъ „квѣтку“. Невѣста кланяется роднымъ и также выходитъ изъ хаты. Мать ведетъ

молодыхъ съ друзьями въ клѣтъ и тамъ угощаетъ, остальные же прѣзжіе угощаются въ избѣ. Послѣ угощенія выносятъ постель молодой на телѣгу; одинъ изъ сватовъ выводитъ молодую изъ клѣты, обводитъ ее вокругъ себя и усаживаетъ на ту же телѣгу поверхъ постели. Къ ней садится и женихъ. Тогда теща выходитъ въ вывернутомъ тулупѣ и съ овсомъ въ фартухѣ, и бѣгаетъ три раза вокругъ повозки, осыпая ее овсомъ, и потомъ даетъ молодой въ руки икону. Поѣздъ трогается, но, отъѣхавъ шаговъ двадцать, останавливается. Одинъ изъ сватовъ слѣзаетъ съ телѣги и возвращается въ домъ невѣсты съ баклагою водки, которую выливаетъ въ миску на столѣ. Мать невѣсты даритъ свату полотенце или платокъ. Миску же съ водкой и съ ложкой относятъ къ молодымъ на телѣгу и отдаютъ имъ. По пути поется пѣсня:

Хуть мы ночки ня спали,
Хоробшэй чылядѣны дождали,
А хуть другой ни доспѣмъ,
А гѣтуй чылядѣны назадъ ни 'ддадимъ!
Чылядѣнъ, матка, чылядѣнъ,
Пузавѣдуе намъ ни одинъ!

Когда поѣздъ подъѣзжаетъ къ воротамъ жениха, тамъ раскладывается и зажигается костеръ изъ соломы. Молодые должны переѣхать черезъ огонь. На дворѣ молодой прыгиваетъ съ телѣги и уходитъ, а молодая остается на возу. Мать жениха въ вывороченномъ тулупѣ подноситъ ей рюмку водки и, когда та выпьетъ, подстилаетъ ей около телѣги свой фартухъ и взивши за руку, снимаетъ ее съ воза, причемъ молодая обязательно должна стать на фартухъ. Въ избѣ свекровь угощаетъ невѣстку, а тѣмъ временемъ готовится для молодыхъ постель въ клѣтѣ. Тогда разыскиваютъ жениха и ведутъ молодыхъ спать, съ пѣсней:

Вадуть менѣ, мамочка, у клѣтъ спать,
Будуть у менѣ пробуды пытать, и т. д.

Когда черезъ два-три часа разбудятъ молодыхъ, женихъ тотчасъ же уходитъ изъ клѣты и остается одна молодая. Ея родственники ее переодѣваютъ, причемъ и убѣждаютъ въ ея честности или нечестности. Въ первомъ случаѣ брачную сорочку свертываютъ и кладутъ въ торбу жениха, потомъ берутъ пирогъ, обвязываютъ его краснымъ поясомъ и подаютъ жениху. Послѣ этого женихъ запрягаетъ лошадь и везетъ къ родителямъ невѣсты бутылку красной водки. Прѣхавши, поклонится имъ, поцѣлуется и приглашаетъ къ себѣ.

Въ остальномъ въ здѣшнемъ обрядѣ особенностей нѣтъ: слѣдуетъ перевезеніе приданого, дѣлежъ караевъ, перезвы.

Быховскій уѣздъ.

Когда родители задумываютъ женить сына, они спрашиваютъ у него, какая дѣвушка ему нравится, потомъ собираютъ о ней всѣ

необходимыя свѣдѣнія и тогда посылаютъ двухъ или трехъ мужчинъ изъ родныхъ въ сваты. Сваты берутъ съ собою водку въ баклагѣ, на веревочкѣ черезъ плечо, и краюху хлѣба съ тремя воткнутыми въ нее кусками соли. Хлѣбъ завертываютъ въ полотенце и несутъ запазухой или подъ-мышкой. Въ сваты идутъ всегда вечеромъ. Подойдя подъ окно невѣсты, сваты говорятъ: „Добрый вечеръ!“ Имъ отвѣчаютъ: „Добрая здароу!“—Пусьтѣя, пожалуста, на начъ!—„Да наша хата малая!“—Да гѣта ничога: ли падарбжныхъ людей хаты ни ставить! И идутъ въ избу. Тамъ хозяйка спрашиваютъ: „Ти гулять къ намъ?“—Гулять, ни гулять—тавару пытать! Ну, а пакѹль што—ти свать, ти ни свать, а добрый чалавѣкъ: вѣпымъ па чарцы гарэлки!—„Да у мяне и чарки нима! Да й вясѣлья гулять не съ чимъ!“—Ну, чимъ мѣжымъ, мы памѣжымъ! Если отецъ не противъ брака, онъ говоритъ: „Ды яно, звѣсна: свадьба сарѣчку знайдить! Ды я ня вѣдаю, якъ дачка“. Призываютъ невѣсту. Если и она согласна, то говоритъ: „Я щѣ ничога ня ўмѣю! Да я ще ни пираста-ракъ, хапѣтца некуды!“ Сваты уговариваютъ ее: „Ни кайся, якъ тѣй каить, рана устаўшы, а моладъ жанийўшысь! Ты мнѣ ни расказуй, а йдѣ-тку уняси чарку, да будимъ запивать!“ Дѣвушка приноситъ рюмку. Свать, не принимая ее изъ рукъ дѣвушки, наливаетъ туда водку съ словами: „будь здорова!“ Дѣвушка отдаетъ водку отцу, тотъ пьетъ, и дѣло считается рѣшеннымъ.

Дѣвушка начинаетъ плакать. Собираются подруги, ведутъ ее въ „истопку“, чешутъ косы и поютъ:

А заручѣнчка Хвеничка,	Мнѣ жъ гѣта вадѣца добрага:
Пирайдѣ сѣни и хату,	Даражѣй мѣду и вина!
А падаѣ татачку вадѣцы	Я жъ табѣ, татачка, ни слуга,
Ись сѣтюдѣныя крыницы!	А слуга буду свѣкарку,
—Ни падамъ, татачка, ни падамъ,	А жанѣ буду сѹжаньку!

Въ домъ невѣсты приходитъ и женихъ. Тогда въ истопку идетъ свать съ водкой, налитой въ миску, и съ тарелкой, завернутой въ платокъ. На тарелкѣ свать подноситъ невѣстѣ рюмку водки. Та беретъ рюмку, но выливаетъ водку въ уголь платка. Затѣмъ черпаетъ рюмкой водку изъ миски и подноситъ подругамъ. Послѣ этого свать беретъ за руку одну изъ дѣвушекъ и ведетъ въ избу; за нею идутъ остальные дѣвушки и позади всѣхъ невѣста. Подойдя съ дѣвушкой къ порогу, свать говоритъ: „Дабры-вечаръ!“—Здароу!—„Ти любѣтѣ насъ и товаръ нашъ?“—Любимъ васъ и товаръ вашъ!... Тогда свать вводитъ въ избу ту дѣвушку, которую велъ за руку, и спрашиваетъ: „Ти харобшъ таваръ?“ — Харобшъ, да ни нашъ! Тогда онъ вводитъ другую и тоже спрашиваетъ: „Ти харобшъ таваръ?“ Ему даютъ тотъ же отвѣтъ. Въ третій разъ свать приводитъ уже невѣсту и ему говорятъ: „Таваръ харобшъ и нашъ!“ Невѣста держитъ въ рукѣ ту та-

репку, которую принесъ свать въ истопку, и на ней она подноситъ жениху платокъ, сбрасывая его съ наклоненной тарелки „въ приполъ“ рубахи. Женихъ кладетъ на тарелку серебряныя деньги, пирогъ и ставитъ рюмку водки. Свать приговариваетъ: „абсылаить Тябѣ маладѣй князь!“ Водку невеста отдаетъ „большей дружкѣ“, деньги беретъ себѣ, а пирогъ раздастъ по кускамъ подругамъ.

Послѣ этого невеста дѣлаетъ земной поклонъ предъ иконою, потомъ кланяется родителямъ и своимъ роднымъ по старшинству, и наконецъ всѣмъ присутствующимъ. Дѣвушки поютъ:

У насъ сѣньни навина была: Ткацкій платочыкъ у ручку дала;
Тамъ Хвеничка ручку дала,   Бѣлъ мой платочыкъ пабялѣи,
Шаўкбоваю хўстачку пиранила,   Милъ мой сўжанька памилѣи!

Послѣ этого свать проситъ благословенія на заручины: „Якъ ёсь тутъ батька родный зъ маткай умѣсти, баславили пить, гулять, — баславить заручынки играть!“ Отецъ отвѣчаетъ: „Богъ баславить!“ Съ такою же просьбою свать обращается къ матери и къ родственникамъ невесты и получаетъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ онъ говоритъ: „Якъ ёсь тутъ госьти, прыѣжджыя, сусѣди прыхожыя, маладыя малайцы запѣлцы, дѣвачки-квѣтачки, баславить маладой княгини заручынки играть!“ Присутствующіе отвѣчаютъ: „Богъ баславить!“ — Спасибо за добрая слова! говоритъ свать.

Особой обрядности заручины здѣсь не имѣютъ: молодежь поетъ и танцуетъ, женатые и старики угощаются. Обрядовою считается пѣсня:

Ты жъ, маладѣнькій Питрачокъ:
Ти любишь ты нашу Хвеничку?
Кали любишь, дыкъ бяры за пирогъ,
А ня любишь, дыкъ дяры (удирай) за парогъ,
Па 'дной масыныцы съ хаты вонъ!
Ни кажы людѣмъ, што ў насъ быў,
Нашыя Хвенички ни злюбѣй, —
Кажы ты людѣмъ: коника пайў!

Предъ уходомъ домой поютъ:

Ой, прапѣю мой, прапѣю!
Прапѣю батька дачку
На салоднянкімъ мядкѣ,
А на гѣркай гарэлцы!
А ўпиўшыся, скача,
А праспаўшыся плача:
Куды маё дитя пашло:
Ти ў лугъ на калину,
Ти ў крыніцу па вадіцу,
Ти у клѣтъ па мучыцу?
Кали бѣ у лугъ на калину,
Дыкъ бы съ пасытлачкай,
Кали бѣ у крыніцу па вадіцу,
Дыкъ бы зъ вядѣркамі,
Кабъ у клѣтъ па мучыцу,
Дыкъ бы зъ начѣўкамі.

Вечеромъ наканунѣ свадьбы невеста устраиваетъ дѣвишникъ, на которомъ дѣвушки вьютъ вѣнокъ, какъ описано выше (тонкій

картонъ въ видѣ кокошника, на который пестро нашиваются бумажныя цвѣты, разноцвѣтные кусочки тканей, а сзади пучокъ длинныхъ разноцвѣтныхъ лентъ). Эту ночь невеста спитъ вмѣстѣ съ дѣвушками у себя дома.

Утромъ въ день вѣнца къ невестѣ прѣзжаетъ женихъ съ сватами и съ „подмолоденцемъ“. Войдя въ хату, онъ кланяется родителямъ невесты и ея роднымъ и даетъ по пирогу. Невѣсту въ это время дѣвушки садятъ въ истопкѣ на опрокинутую квашню, приче-сываютъ и одѣваютъ къ вѣнцу. „Большій свать“ приноситъ туда водку въ мискѣ и предлагаетъ невестѣ, а она угощаетъ ею подругъ. Когда она одѣнется, свать беретъ ее за руку и ведетъ въ избу, такимъ же порядкомъ, какъ вводилъ на заручины. Здѣсь невестѣ подаютъ и тѣ же подарки отъ жениха, а она также даритъ ему платокъ, подвязывая его уже подъ поясъ. Затѣмъ невеста садится рядомъ съ женихомъ. Подъ ноги ей подставляютъ коробку съ житомъ. Старшій свать спрашиваетъ вышенприведенной формулой благословенія родителей и присутствующихъ „русу косу расплести“, а потомъ и „до шлюбу ступить“. Въ церковь невеста ѣдетъ съ подневестницами, а женихъ съ подмолоденцемъ и съ дружкомъ. Вѣнчаются, стоя на кускѣ холста, на который положены и деньги. У невесты въ рукахъ, кромѣ обычной свѣчи, и булочка хлѣба въ платкѣ. Хлѣбъ этотъ она держитъ въ рукѣ въ продолженіе всего дня. Во время обхожденія аналоя невеста старается протащить ногою подостланный холстъ, чтобы ея подруги также скоро повыходили замужъ. Послѣ вѣнца молодые кланяются въ ноги всѣмъ встрѣчнымъ. Если они изъ разныхъ деревень, то закусываютъ въ селѣ въ чьемъ-либо домѣ (у причетника, въ кухнѣ священника и т. п.), а если изъ одной деревни, то ѣдутъ домой къ невестѣ. Молодые ѣдутъ вмѣстѣ посреди поѣзда. По дорогѣ поютъ:

А спасибо папѣмъ и дякѣмъ,
Што па́ру дѣтей зъвиньчали,
Да ня дѣрага пабра́ли:
За нашага малайца чырвонца,
За русу касу тысячу.

Звивайся, расада, ў качаньня,
Удайся, доля, зъ виньчаньня!

Бхала Хвеничка сы винца,
Сѣяла расаду зъ рукаўца;

Пыль, пыль па дарѣзі,
Дымъ, дымъ па дубѣві!
Хвеничка зъ винца ѣдя,
Касѣю напыліла, свячѣю нады-
[мила.

Прѣхавъ ко двору, слѣзаютъ съ телѣгъ, становятся у порога и поютъ:

Запали, матка, свѣчку,
Да выхѣдь на сустрѣчку:
Вўнъ тваё дитя ѣды:
Первая да ражѣная,
А другѣя сужѣная!

Ни ўгадала мати
Свайгѣ дитяти:
Што хўстачка ў рўчкахъ
И танѣнька, бялѣнька,
Атъ слѣзакъ макрѣнька!

Мать выходитъ къ молодымъ съ иконой, съ хлѣбомъ-солью, положенными на вѣко. Молодые кланяются ей въ ноги, цѣлуютъ икону и хлѣбъ и велѣдъ за матерью идутъ въ избу. Ихъ сажаютъ на кутѣ на разостланномъ вывернутомъ кожухѣ; молодой подъ ноги снова ставятъ жито. Дѣвушки поютъ:

А на рѣццы вада кѣтитца,
А дружкамъ гарѣлки хочитца.
А на рѣццы вадицы ни ўняти,
Дружкамъ гарѣлки трѣба дати!

А мамачка май,
Ўжо жъ я ни твай,
А тагѣ-сягѣ пана,
Съ кимъ я виньчана!

Мать невѣсты приноситъ подарки для жениха и его родни: холстъ, полотенца, платки и т. п., и въ каждомъ подаркѣ пироги. Подарки подносятся на вѣкѣ. Дѣвушки при этомъ поютъ:

А вѣка сакѣча,
Падарачкаў хѣча,
Хѣча яно залатога
Атѣ князя маладѣга!

А ў Питрачка радныни ни стаѣтъ!
Паѣдимъ на торгѣ таргавать,
Питраку радныни прикуплять.

Крамница наша Хвѣничка:
При крамахъ сядѣла,
Рѣзала падарки съ китайки,
А бялѣй бѣлыя папѣры,
Танѣй клянѣбага листочка.

Ни Дивитися, сваточки,
Што карѣткія платѣчки:
Наша ниўка ниўрадыла,
Яна намъ лянкѣ ни ўрадыла,
Я жъ вамъ платочки ўкаратыла.

Сватъ кладетъ на вѣко деньги за подарки. Тогда поютъ:

Бразнули денюжки абъ вѣка,
Пашлѣй дѣвачки улѣта!

Бразнули денюжки абъ загнѣтъ,
Пашлѣй дѣвачки у аблѣтъ!

То есть, въ теченіе цѣлаго года будутъ въ дѣвушкахъ.

По окончаніи раздачи подарковъ молодые съ дружинами уходятъ въ истопку и тамъ обѣдаютъ, а остальные обѣдаютъ въ избѣ. Женихъ съ невѣстой ѣдятъ одной ложкой. Пообѣдавши, дѣвушки бѣгутъ въ избу и на порогѣ поютъ:

А ѣли сваты, ѣли,
Цѣлага валѣ зѣбли:
На сталѣ ни крошачки,
Патѣ сталѣмъ ни кѣстачки.

А ѣли дружки, ѣли,
Вирабѣйки ня зѣбли:
А на сталѣ паўнѣсеинька,
А патѣ сталѣмъ раўнѣсеинька.

Потомъ молодежь невѣсты начинаетъ танцевать, а женихъ съ дружиной ѣзжаетъ домой. Танцы продолжаются до вечера. Затѣмъ дѣвушки ставятъ въ сѣняхъ квашню, усаживаютъ на нее невѣсту, ставятъ ей подъ ноги жито, и чешутъ ей косу съ пѣснями.

Ой, у садѣчку на крѣсьличку
Хвѣничка касѣ чѣша,
Да чешучы гаварила:

„Нѣйди я свайму батьку ня мила!
Милѣй батьку мѣдъ да гарѣлка,
Чимси я маладѣнка!“

Давѣдансся, мой татачка,
Бизъ мянѣ маладѣя:
Пѣйдишъ ты на токѣ,
На токѣ малатѣтъ;

Цапѣчкамъ махнѣшъ,
Тѣжынька ўздыхнѣшъ,
Слѣзками абальѣсся.

Потомъ въ избѣ ставится столъ противъ печи. За столъ сажаютъ молодую. Здѣсь же на условіи-скамейкѣ садится большій сватъ, на столъ подается водка въ мискѣ, а сватъ приглашаетъ родню невѣсты одарить ее: „Якъ тутъ ѣсь маладѣя княгини батька рѣдныи зъ маткай умѣсти! Чимъ дарѣиця вы маладѣю княгиню: ти валѣмъ, ти канѣмъ, ти добрымъ здарѣемъ? Мы й чарвѣнчыки бяромъ и здачи даѣмъ!“ Отецъ беретъ хлѣбъ-соль, кладетъ на тарелку и ставитъ на столъ, говоря: „Дарую щасъямъ-дѣляй, хлѣбамъ-солью и карѣйкай!“ Такимъ порядкомъ сватъ приглашаетъ къ подаркамъ всѣхъ присутствующихъ. Если кто даритъ корову, сваты мычатъ, если свинью—визжатъ и т. д. За каждый подарокъ угощаютъ дарителя водкой.

Затѣмъ дѣвушки танцуютъ, невѣста же продолжаетъ сидѣть противъ печи. Въ это время прѣзжаетъ женихъ съ своей дружиной. Невѣстина родня запираетъ предъ ними ворота и не пускаетъ во дворъ до тѣхъ поръ, пока не получить выкупа въ видѣ водки и пироговъ. Во дворѣ прѣхавшіе становятся у дверей избы. Къ нимъ выходитъ отецъ невѣсты съ вѣкомъ въ рукахъ. На вѣкѣ поставлена миска съ водкой, наложенъ нарѣзанный хлѣбъ и куски сала. Каждый изъ прѣхавшихъ пьетъ рюмку водки и закусываетъ хлѣбомъ съ саломъ. Послѣ этого идутъ въ хату. Жениховъ сватъ несетъ торбу пироговъ и баранковъ и двѣ баклаги горѣлки и говоритъ: „Дабры-вечаръ добрымъ людѣмъ, и мы къ вамъ идѣмъ!“ Дѣвушки отвѣчаютъ:

Дружкѣ ў хату лѣзѣтъ

Бы загадають таўчы!

И ў печь пазирайтъ:

А трѣтѣй спужаўся,

Ти вяликъ гарцѣкѣ калы,

Падъ лаўку схаваўся.

Ти будя падѣбѣсти ўсимъ на-

Тамъ дружки гуляли,

[шымъ?

Лаўку абламыли,

А другѣй кажа: маўчы,

Дружкѣ задавили!

Невѣстины родные садятся на кутѣ, и женихова дружина угощаетъ ихъ—„вѣтають“. Дѣвушки поютъ:

У нашага дружки

Изъ рукавицъ ня вымайтъ,

Карѣсьливия руки:

И дружачакъ ня вѣтайтъ!

Тогда большій сватъ даетъ имъ по рюмкѣ водки и по баранку. Большой дружкѣ даетъ пирогъ и нѣсколько копѣекъ. Но дѣвушки поютъ:

Ни на гѣта яѣ расѣтили,

Купи сабѣ мыла,

Кабъ за гѣта пусѣтили,

Памый сабѣ рѣла,

Ни на гѣта гадавали,

Кабъ жѣнка любила,

Кабъ за гѣта аддали!

Кабъ дѣти знали,

А за гѣтыя грѣшы

Ды бацькамъ звали!

Затѣмъ сватъ обычной формулой просить благословенія „абкрыть бараньный шубкай“. Невѣсту покрываютъ шубой и „падпираэують наметкай“. А дѣвушки поютъ:

Казаля: наметку купили! Падпираэали—парваўся,
Ажъ янѣ ёлачку злушили, Дружокъ совпеси набраўся!

Тогда сваты выводятъ невѣсту подъ руки на дворъ. Туда же идутъ и сваты молодого. Отецъ жениха выносить на дворъ каравай, а отецъ невѣсты выносить въ сѣни булку хлѣба, и начинаютъ „подвышать“: поднимая три раза вверхъ, говорятъ: „Наша вышы!“—Нѣ, наша вышы! И кладутъ хлѣбъ поверхъ каравай. Въ это же время „звѣдуютъ“ молодыхъ и кружатъ ихъ другъ около друга, а сваты поютъ:

Зьвиўся, зьвиўся хмель съ аўсѣмъ, Пирамѣгъ зятъ тисѣтѣ,
Зьлюбиўся, скахаўся зятъ са тьсѣтѣмъ! А ўзяў дачку зъ винца.

Послѣ этого возвращаются въ избу и начинаютъ вечерять. Молодые, взявшись за руки, идутъ на куть. Дѣвушки поютъ:

Бўдимъ мы, мамачка, вячѣраць, Шаўковая нитачка съ тѣянѣльнѣ,
А павячѣраўшы, дялѣтца: Наша Хвеничка чалѣмъ бѣе:
Табѣ, мамачка, карѣбки, Адбѣла чалѣмъ за сталѣмъ:
А миѣ, маладѣ, карѣўки! „Спасѣба, татачка, за хлѣбъ-соль,
Табѣ, мамачка, кўблички, Ни пайдў боли за твой столъ.
А миѣ, маладѣ, трўбачки! Хотъ жа я прыдў ў гасѣтѣну,
Табѣ, мамачка, вѣратѣнцы, Навизаўшы блиноў ў хусѣтѣну!
А миѣ, маладѣ, палатѣнцы За тѣя спасѣба!

Тогда отецъ невѣсты беретъ лыко, садится на печной „стоўпъ“ и начинаетъ плести лапти, а сваты запѣваютъ:

А бярѣшъ, Стахванка, Хвеничку Абъ парѣги нѣги пабѣла,
А ти купишъ тѣщы чабаты? Ина жъ табѣ Хвеничку расъ-
Тѣща бѣсая хадѣла, [тѣла.

Сватъ жениха кладетъ на тарелку рубль и пирогъ и подаетъ сидящему „на стаўпѣ“.

Начинается отъѣздъ молодыхъ. Дѣвушки поютъ:

Гѣта табѣ, Хвеничка, за тѣя — Сусѣднихъ дѣтѣй ни кармѣтъ.
Было нѣначки ни хадѣтъ, Сусѣднѣя дѣтки паѣтъ,
И крупъ, и сала ни насѣтъ, И тѣбѣ сюды ўѣтъ!

Карѣся, дѣвачка, карѣся, Такъ табѣ, маладѣ, гадѣтца
Татачку у ногѣ кланѣся! Радѣни у нѣжки кланѣтца!

Невѣста подъ эти пѣсни кланяется всѣмъ въ ногѣ и со всѣми прощается. На дворѣ она садится вмѣстѣ съ женихомъ на тотъ возъ, гдѣ ея постель. Ихъ связываютъ той наметкой, которой подпоясывали

на невѣстѣ шубу. Молодая беретъ себѣ въ приполъ баранки и житѣ. Сваты жениха поютъ:

А дали жъ намъ, дали, И пасѣтѣлку зъ лисѣтѣнку,
Укинули ў сани, И падўшку, дярўжку,
Ня вѣдаимъ сами: И Хвеничку якъ тѣлўшку!

Вамъ, дръжачкамъ, съ свинѣями спатъ,
А намъ, сватѣтѣйкамъ, пить, гулять,
Вашай Хвенички зъ нами ў радъ етатъ!

Дружки невѣсты отвѣчаютъ:

Дурни, сваты, дурни, Ажъ тѣ свинѣя бѣлка,
Заѣхали ў гўмны! Имъ бачытца—дръжачтачки,
Имъ бачытца—дѣўка, Ажъ тѣ свинѣй парасѣтачки!

Подъ эту пѣсню поѣздъ ўѣзжаетъ.

По пути сваты поютъ:

Аччынѣ, мамачка, новѣй дворъ, Аччынѣ, матка хѣжу,
Вязѣмъ нявѣхну на выбѣръ: А вязѣмъ у хату грыжу,
А ни нашыхъ барѣў ягѣдка, А хѣжу замѣчѣстаю,
Ни нашихъ палѣў квѣтка. А грыжу вяньчѣстаю!
А хѣжу замыкатъ бўдимъ,
А грыжу суниматъ бўдимъ.

Окончаніе свадьбы обычное.

Батунскій приходъ.
Сообщила А. П. Волочкова.

Свадебныя пѣсни Быховскаго уѣзда.

На заручинахъ.

Свадебныя.

А у насъ сѣгодня навѣна была:
Марѣичка Паўличку ручку дала,
Шаўковай хўстачкай пѣравила.
Бѣтъ мой платочыкъ пабѣлѣя,
Милъ мой Паўлютка памѣлѣя.

Зажыгай, матка, свѣчку,
Вѣйди на сустрѣчку!
Заливай, матка, жаръ, жаръ,
Будя табѣ дѣчки жалъ, жалъ!
Заливай, мати, пѣпилъ —
Мы тѣваю дѣчку схѣпимъ.

Ай, у садѣчку на крѣсѣличку
Марѣичка касу чѣпа.
Чѣсучы касу, да гаварила:
— Нѣйди я батьку ня мѣла,
А милѣй батьку мѣдъ и гарѣлка,
Чѣмъ я маладѣнка.

На рѣцѣ вадѣца кѣтитца,
Дръжачкамъ вѣстачки хочѣтца.
На рѣцѣ вадѣцы ни ўняти,
Дръжачкамъ вѣстачки нада дѣти.

А їсьтя, сватбуя, ужывайтя,
Тольки ў карманы ни хувайтя!
Бли сватбуя, ужывали,
Поўны карманы нахували!

Маладецъ, Сидарка, маладецъ,
Ня дорага заплаћу за вянецъ:
За сябе, малайца, чырванца,
За сваю Дбмначку шобу нима.

Щабятўшки, сватѣти, щабятўшки,
Прыѣхали на пасѣтѣ, на па-
[дўшки.

А наша малада ў клѣти сядіть,
Ў клѣти сядіть, каўбасы чыня.
Начыніла каўбасу—самъ другъ
ни ўнясу;

Начыніла другую—ищѣ такую;
Начыніла трѣтїю, ищѣ лѣпшую.

Што жъ мы набаялися,
Пакуля маладыя звиньчались!
А тыперъ уже ни баймся,
Якъ съ усими за столъ садімся!

Прылятьла сарбка: чы-чы-чы!
А сѣла ў Мярѣицы на плячы.
Падайтя, дружачки, трапкача,
А сagnaтъ сарбку са пліча.

С. Хоново.

Въ с. Городцѣ, Быховскаго уѣзда, сватать невѣсту идутъ двое: кто-либо изъ родителей и чужой человекъ. Придя къ невѣстѣ, сейчасъ же говорятъ о дѣлѣ. На вопросъ хозяевъ: „а ти гулять къ намъ прышли?“—Сваты говорятъ: нѣ, ни гулять, а прышли къ вамъ у сваты: ти аддасѣтѣ сваю дачку за нашага Василя?“ Если родители невѣсты имѣютъ въ виду отдать дочь, то спрашиваютъ о женихѣ у сватовъ, сосѣдей, и совѣтуются съ послѣдними, причемъ чаще слушаютъ людскихъ совѣтовъ и очень рѣдко поступаютъ по своему убѣжденію. Когда дѣло улаживается, тогда сваты подаютъ свою водку и свой хлѣбъ и дѣлаютъ *запоины*. Принесенная сватами кварта водки во всякомъ случаѣ ставится на окнѣ, а булка хлѣба кладется на кутъ, и если сваты не сразу встрѣчаютъ согласіе, то, поговоривши, оставляютъ свою водку на окнѣ и уходятъ домой, но на другой день опять идутъ, и такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ, пока кончатъ такъ или иначе. Если предложеніе принимается, распиваютъ эту водку, потомъ созываютъ родню невѣсты и близкихъ сосѣдей, ставятъ уже гарнецъ водки или даже ведро, смотря по состоянію жениха, и угощаютъ приглашенныхъ. Закуска подается при этомъ со стороны невѣсты. „Запивши дѣвку“, сваты спрашиваютъ, сколько ей дать „подарка“, и даютъ обыкновенно 3—5 рублей. На другой день сваты приходятъ „похмѣляться“, а потомъ идутъ „попа иднать“. Передъ вѣнцомъ и у жениха и у невѣсты собирается ихъ родня. У жениха производится выпивка и закуска, а потомъ дружокъ призываетъ „всю бесѣду“ благословить жениха ѣхать къ вѣнцу. Ставши около стола, дружокъ говоритъ три раза: „Батька рѣднй и matka рѣднй, баславітя маладога князя да шлюбу ступіть!“ На это отвѣчаютъ: Богъ баславіть! Затѣмъ, такая же просьба обращается къ крестнымъ,

а потомъ къ бесѣдѣ: „Дядьки, тѣтки, сусѣди прыхожья и госьти прыѣжжыя, и вы, жбначки билагаловачки, и вы, малѣнькія дѣтки и ўся круглая бясѣда, баславітя маладога князя да шлюбу ступіть!“ Тѣ отвѣчаютъ: „Богъ баславіть!“ Потомъ молятся Богу и отправляются къ невѣстѣ. Жениха сопровождаютъ: сватъ, дружокъ—главное дѣйствующее лицо во всю свадьбу, двѣ или три сватѣ, нѣсколько дружекъ и подженишники; дружокъ обязательно долженъ быть женатый.

Прыѣхавши къ невѣстѣ, сватъ ставитъ на столъ водку и здѣсь угощаются прыѣхавшіе и родня невѣсты. Эта бесѣда называется заручинами. Невѣста въ это время находится въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ дружки одѣваютъ ее къ вѣнцу, въ чистое бѣлье и лучшее платье, заплетаютъ волосы въ двѣ косы и связываютъ ихъ при началѣ, а на голову кладутъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Женихъ одѣвается въ бѣлую свиту и новую шапку, причемъ на шапкѣ пришивается красная ленточка. Гости, прыѣхавшіе съ женихомъ и бывшіе въ домѣ, садятся за столъ, а въ концѣ стола, на лавкѣ противъ дверей, садятся женихъ и невѣста, которую ея сватъ приводитъ по окончаніи одѣванья изъ сосѣдняго дома. Жениха и невѣсту садятъ на кожухъ во всю свадьбу. Садятся за столъ такъ, что по правую руку жениха садятся подженишники, дальше на кутъ сватѣ, на другой лавкѣ сваты; по лѣвую руку отъ молодыхъ дружки—подневѣстницы, а противъ молодыхъ садятся на услонѣ дружки. Послѣ угощенія, во время котораго женихъ и невѣста только передаютъ гостямъ водку, дружокъ вызываетъ бесѣду благословить молодыхъ ѣхать къ вѣнцу. „Батька рѣднй и matka рѣднй, баславітя маладога князя и маладую княгиню да шлюбу ступіть!“—Ему отвѣчаютъ: „Богъ баславіть!“ и т. д.

Послѣ этого зажигаютъ свѣчу передъ иконой и молятся Богу. Помолясь, женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери, цѣлуютъ руки и ѣдутъ къ вѣнцу.

Во время сборовъ къ вѣнцу въ домъ жениха и въ домъ невѣсты приглашенныя женщины учиняютъ каравай и поютъ при этомъ:

А нхто ни ўгадай,	Съ сямй карбу масла,
Што ў нашымъ караван!	И яецъ паўтараста,
Съ сямй крыницъ вада,	И Василькова шасця.
Съ сямй шпаницъ мука,	—

Когда мѣсятъ каравай, поютъ:

А ў нашыя каравайницы	Сы горада купцы ѣдутъ,
Шаўковыя рукаўцы,	Залатій абручъ вязуць,
Залатыя пярсѣтѣначки:	Ды на нашъ каравай кладуць,
Ня шкода ёй дати	А на нашы шпшычкі
Каравай мясіти.	Залатыя шпыличкі.

Когда садят каравай въ печь:

Кудравый печь мятё,
А халастый саджая —
Богъ яму намагая.

Когда каравай испечется, несутъ его въ клѣтъ и поютъ:

Ай, несѣти, панесѣти	А нихай радѣйтца
Каравай да клѣти!	Батькава сѣрдичка,
Ды паложымъ каравай	А нихай висялѣтца
Ды на батькавыи скрини:	Дли Василькова вясѣльійка.

Предъ тѣмъ, какъ стать подъ вѣнецъ, дружки расплетаютъ невѣстѣ косы и волосы распускаютъ по плечамъ. Сохранился обычай связывать руку жениха и невѣсты полотенцемъ во время обхожденія вокругъ аналой. Послѣ вѣнца сваты и молодые идутъ къ священнику. Сваты несутъ водку, которою священникъ угощаетъ ихъ, и отъ молодыхъ принимаетъ поклоны въ ноги. Молодые послѣ вѣнца вообще кланяются всѣмъ роднымъ и каждому встрѣчному. При возвращеніи изъ-подъ вѣнца поютъ:

Мы у папѣ бывали	Бхала Адарка ать винца,
Зъ бѣлыми сабалѣми,	Сѣяла расадку зъ рукаўца:
Съ черными галачками,	Віся, расада, ў качаньня,
Съ красными панначками.	Удавайся, долічка, зъ винь-
	[чанья]

Пріѣхавши на дворъ къ невѣстѣ, поютъ:

Зажыгай, мати, свѣчку,	Сустрѣнь сваё дитя,
Выйди на сустрѣчку!	Первая ражбная, а другбя сужбная!

Отецъ и мать невѣсты выходятъ на встрѣчу съ булкой хлѣба, свѣчой и выносятъ въ судиѣ рожь. Молодые кланяются отцу и матери и входятъ въ хату; здѣсь они садятся за столъ на той же лавкѣ, но уже занимаютъ мѣсто отъ кута. Когда молодые садутъ за столъ, женщина изъ родни невѣсты несетъ на вѣкъ холстъ на подарки отъ невѣсты роднѣ жениха и ставитъ вѣко на концѣ стола. Дружокъ невѣсты вѣтаетъ и проситъ у батьки и матки невѣсты благословенія подѣлить подарки. Получивъ благословеніе, дружокъ беретъ прежде платокъ и говоритъ: „абсылаіть маладая княгиня маладому князю падарокъ—платокъ!“ Женихъ беретъ платокъ и завязываетъ его на шею. Потомъ дружокъ беретъ наметку и говоритъ: „абсылаіть маладая княгиня батьку рбдному маладога князя наметку на штаны!“ Такимъ же порядкомъ продолжается раздача подарковъ и всей роднѣ жениха, исключая незамужнихъ сестеръ. Обязательно говорится, кому что дается и на что. За каждый подарокъ свать жениха кладетъ на крышку нѣсколько копѣекъ и отливаетъ чарку своей

водки въ миску, поставленную на столъ. При раздачѣ подарковъ дружки поютъ молодому:

Бярѣшъ падарки,	Сава вбчы драла,
А ти будуть тещы боты,	Чаму ты ў яго
А дѣўцы чыравікі?	Чыравікъ ни брата.
— Кабъ табѣ, дѣвачка,	

Послѣ раздачи подарковъ, идетъ обѣдъ. Послѣ обѣда дружки, взявъ за руки, сводятъ молодыхъ, причемъ невѣста старается наступить на ногу жениху, чтобы имѣть надъ нимъ потомъ первенство.

Во время обѣда играетъ музыка, а потомъ, когда уже обѣдъ конченъ и молодые сведены, происходитъ танцы. Погулявъ немного, женихъ уѣзжаетъ съ своими домой и до поздняго вечера гуляютъ порознь въ двухъ домахъ, а потомъ вечеромъ женихъ отправляется за невѣстой. Когда ѣдетъ молодой отъ невѣсты домой, сваты поютъ:

Якъ я мбладъ жаниўся,	И у матки морква,
Дыкъ морквы наўся:	Якъ морква, дыкъ морква!
И у тѣцы морква,	

Взѣхавъ на дворъ, поютъ:

Сызыи слязѣнька,	На кўпини насыдѣўся;
Ти быў ты на моры,	Ина отъ мянѣ у чаротъ пашла,
Ти бачыў вутучку?	Падъ ёй чаротъ гнѣтца,
— Чаму я ни бачыў:	На яѣ вада ильлѣтца.
И зъ ёю наплавыўся,	

Потомъ входятъ въ хату и садятся за столъ.

Женихъ находится въ сѣняхъ, и тамъ сваты поютъ:

Карыся Василька, карыся,	Низинька батюхну кланитца,
Ды й низинька кланіся!	Кўдрими зямѣлку усьтилаць,
Такъ табѣ, малатцў, гадітца	А слѣзками личка умываць!

Затѣмъ дружокъ вводитъ за руку жениха въ хату, ставитъ около стола и говоритъ:

„У нашага князя маладбга, и ў насъ дружоў—маршалкаў ёсь батька рбдный! Багаслави князю маладому на пасади сѣсьць у щасливамъ мѣсьти!“—Богъ баславіть князю маладому на пасади сѣсьць у щасливамъ мѣсьти!

И садятъ жениха за столъ на кожухѣ, подъ ноги ставятъ въ судиѣ жито, на столъ ставятъ тарелку, закрытую платкомъ и кладутъ шапку жениха.

Ставъ около тарелки, дружокъ зоветъ:

„Ёсь у нашага князя маладбга батька родный! Чымъ князя да-руишь: ти хлѣбамъ, ти солью, ти добрымъ слбвамъ?“

Батка беретъ хлѣбъ и соль, хлѣбъ обмакиваетъ въ соль и говоритъ:

„Дарю табѣ и щасѣя и долю, и хлѣба-соли и добрая здароўя!“ и кладетъ хлѣбъ на тарелку. Дружокъ подаетъ жениху и повторяетъ сказанныя слова батки. Женихъ беретъ хлѣбъ и соль и кладетъ въ шанку, при этомъ дѣлаетъ сидя поклонъ, а дружокъ наливаетъ рюмку водки и даетъ дарующему. Такъ вызывается и matka, которая даритъ то же. А сваты поютъ:

Ай, рѣдѣ, рѣдѣ багатый,	А вы, малайцы—чырвонцы,
А даруйтѣ статакѣ рагатый:	А вы, дѣвочки, персьнички!
А вы, дядьковѣ, па карбѣ,	

Родные и сосѣди дарятъ кто что можетъ: дарятъ деньги, скоть, пчелъ и т. п. Такой же посадъ дѣлается и у невесты, когда женихъ вечеромъ прїѣдетъ къ ней. Но онъ не входитъ въ это время въ хату, а остается на дворѣ, пока кончится посадъ.

Послѣ посада жениха дается ужинъ; предъ ужиномъ сваты поютъ:

Бразнули ложачки	Василькова чѣлидѣ
И цынавѣ тарѣлачки,	Садитца вячѣрытъ!

Послѣ ужина дружокъ зажигаетъ свѣчу, становится на лавкѣ позади жениха и говоритъ: „Дали напѣть и паѣсьть, и лавачки—сѣсьть, баславѣтѣ и ў высѣлую дарѣгу, съ краснымъ высѣлымъ павѣздамъ!“ Ему отвѣчаютъ: „Богъ баславѣтъ!“ Сваты поютъ:

Багаславѣ Божа,	Сваймѣ дитѣти
Прачистая Спѣжа,	Ў дарогу щасѣливую ступитѣ!
Атецѣ и мати	

Когда всѣ выйдутъ на дворъ и женихъ сидеть на телѣгу, мать его выходитъ на дворъ въ вывернутомъ тулупѣ и, обходя вокругъ телѣгу, осыпаетъ сына и лошадь овсомъ или житомъ.

Ворота невесты запираются предъ женихомъ, и дружокъ долженъ черезъ ворота подать на дворъ выкупъ, въ видѣ пирога и водки. А сваты поютъ:

А на дварѣ дожджыкѣ капля,	Ти ня любя ёнѣ кагѣ?
А ў Васильки шапка змякла;	— Любя рыбку сятрынку
Папытѣйтѣся у ягѣ,	И дѣўку чыриабрыўку!

Послѣ этого жениху отворяютъ ворота. Въѣхавши на дворъ, сваты поютъ:

Прыбралася тѣща въ ваўкѣ,	А зятѣ тещы ни байтца,
Ды й хѣчытъ зятѣ спужати,	Ды для тѣщы станавайтца.

Во время этой пѣсни теща выходитъ на встрѣчу жениху въ вывернутомъ кожухѣ, съ пирогомъ въ рукахъ и съ кружкой воды; кружку съ водою даетъ зятю, а тотъ, попробовавъ немного воды,

выливаетъ ее черезъ свою голову назадъ; потомъ слѣзаетъ съ телѣги и даетъ тещѣ пирогъ, а теща ему свой пирогъ. Эта встрѣча называется „витаньемъ“. Сваты поютъ:

А зятѣ тѣщу пащупаў,

И мяккій пирогъ пащупаў!

Сваты невесты выносятъ на дворъ столъ, ведро воды, водку и закуску, витать сватовъ жениха. Сваты жениха поютъ:

Пусьтѣ, пусьтѣ, сватѣйка, ў хату!

Мы табѣ ниякія шкѣды ня ўчынимъ:

Сы вѣчара шумная пива папѣмъ,

Сы побѣнычы тваѣ дитѣтка павязѣмъ,

Къ бѣлыму свѣту тваѣ дитѣтка мы заўѣмъ,

А къ сьниданійку табѣ вѣсьтѣйки прынясѣмъ!

Возвратившись въ хату, теща садится на припечекъ и плететъ лапти. Вслѣдъ за нею входитъ въ хату дружокъ жениха и, не отходя отъ порога, говоритъ: „Ёсьть у нашага князя маладѣга и княгини маладѣя батка; багаславѣў у дамоўку ўѣхатѣ и парѣгъ пираступѣтъ,—багаславѣ да стаўпа (до столба припечья) даступѣтца,—тѣщы кѣваныя боты аддаты!“ Ему отвѣчаютъ: „Богъ баславѣтъ!“ Дружокъ подноситъ тещѣ на тарелкѣ рюмку водки, нѣсколько денегъ и проситъ ее перестать лапти плести, а взять деньги на „боты“. Теща пьетъ водку и беретъ деньги, а дружокъ опять отходитъ къ порогу и говоритъ: „Багаславѣли кѣваныя боты тѣщы аддаты, багаславѣтѣ дружокъ павѣтатѣ!“ — Богъ баславѣтъ! Онъ подходитъ къ дружкамъ, которыя стоятъ у лавки противъ дверей, и подаетъ на тарелкѣ рюмку водки и одинъ баранокъ, и опять отходитъ къ порогу: „Багаславѣли тѣщы боты аддаты и дружокъ павѣтатѣ, багаславѣтѣ княгини маладой шубу апранутѣ и кѣванный пѣясъ!“ — Богъ баславѣтъ! (Говорятъ и—багаславѣтъ). Дружки поютъ:

Прыслаў свѣкаръ адиванья:

Ти конья (кунья) шуба, ти баранья?

Калѣ жѣ конья, дыкѣ кѣнишь:

А калѣ баранья, дыкѣ прымишь!

Женихова музыка въ это время играетъ на дворѣ. Сваты невесты выносятъ каравай на дворъ и поднимая его, кричатъ: „нашѣ вѣшы!“ Сваты же жениха поднимаютъ свой каравай и тоже кричатъ: „нашѣ вѣшы!“ Потомъ каравай жениха кладутъ на каравай невесты и ставятъ каравай въ клѣтъ, а сами входятъ въ хату, садятся за столъ, выпиваютъ и закусываютъ. Во время ужина сваты поютъ:

А ты Адѣрачка, ни хилѣйся,

Ды иди ў камору прыбѣрайся,

У чырвѣныя чыравѣчки абувайся,

А зѣ нами у дарѣгу сабѣрайся!

Послѣ ужина дружокъ невѣсты зажигаетъ свѣчу, обходитъ съ молодыми три раза вокругъ стола и говоритъ: „батъка родный и matka родная! Дали пить и ѣсть и лавочку—сѣсть,—багаславить у щасливую дарогу ѹступитъ?“—Богъ баславить! Тогда дружокъ обращается къ крестнымъ отцу и матери, къ родитѣ и всей круглой бесѣдѣ, съ такою же просьбой, и всѣ отвѣчаютъ: — „Богъ баславить!“ Сваты поютъ:

Баслави Божа,	Сваймѹ дитѣти
Прачѣстая Спожа,	У дарбѹгу щасливую стунити!
Атѣць и мати	

Мать даетъ невѣстѣ булку хлѣба, а невѣста черезъ свою голову подаетъ ее назадъ матери. Тогда мать даетъ ей низку баранковъ. Изъ этихъ баранковъ молодая должна при воротахъ жениха бросить два баранка назадъ и два впередъ и тогда вѣзжать во дворъ.

Проводивши молодую, сваты возвращаются назадъ къ тещѣ „дѣлать ялавичну“, то есть отдають свою водку изъ кошеля, какая еще осталась, а теща даетъ закуску и завязываетъ имъ черезъ плечо рушники. Съ этими рушниками они и отправляются вслѣдъ за молодыми. На дворѣ жениха на встрѣчу молодымъ выходитъ свекровь или кто другой изъ родни, только не вдова и не дѣвушка, и встрѣчаетъ ихъ въ вывернутомъ кожухѣ съ квашней. Квашня ставится около телѣги молодыхъ, и невѣста, слѣзая, должна стать на квашню, и осыпать ее изъ полы житомъ, которое беретъ изъ дому. Этимъ невѣста показываетъ, что она честна; въ противномъ же случаѣ невѣста слѣзаетъ не на квашню, а прямо на землю, или становится на колесо, потомъ подходитъ къ свекрови и кланяется ей въ ноги. Затѣмъ молодая входитъ въ домъ, вѣшаетъ на иконы и на двѣ стѣны рушники и садится за столъ. Давъ молодымъ немного посидѣть за столомъ, дружокъ ведетъ ихъ въ клѣтъ спать, гдѣ постель послана еще во время посада жениха. Молодыхъ сопровождаютъ двѣ сватки и крестная мать жениха. Въ клѣти невѣсту садятъ на дежу, если честная, а если не честная, то на постели, обвязываютъ ей голову наметкой, а затѣмъ сватка прикрываетъ ее полой. Женихъ даетъ сваткѣ нѣсколько копѣекъ и выкупаетъ невѣсту. При завиваніи невѣсты поютъ:

Завивала мянѣ Дядинка	Чѣпчыкъ узлажѣла,
Ды нижаласливая:	Слѣзки ни ўранила.

Когда постель стелятъ, поютъ:

Мы жъ были пасьтѣльныя,
Умѣли пасьтѣль слати:
Руту мяту клали й чырвѣныя квѣтки,
Кабъ любилися дѣтки.

Завивъ молодую и получивъ отъ жениха выкупъ, посторонніе уходять изъ клѣти, а молодыхъ оставляють однихъ часа на четыре, на пять. Потомъ сватка идетъ къ двери клѣти и спрашиваетъ: „Ти выспались?“ Ей отвѣтять, что выспались и впускають въ клѣтъ; сватка беретъ у молодой рубашку, въ которой она спала, и несетъ въ хату, а невѣста тѣмъ временемъ одѣвается въ другое бѣлье. Потомъ приходитъ дружокъ, забираетъ молодыхъ въ хату и садитъ ихъ за столъ. Сватки же связываютъ свернутую рубашку молодой красной лентой (если честная), ходять съ ней по лавкамъ кругомъ стола и, передавая другъ другу, поютъ:

Добрыя нашы марѣзы,	А чырвоную квѣтачку ѹ падалѣкъ.
Ни змарѣзли намъ рожи,	Бѣлую карѹну matka дала,
Пустьили квѣти па клѣти,	А чырвоную квѣтачку сама зда-
А клѣновыи листокъ падъ палѣкъ,	[была.

Послѣ этого женихъ и дружки берутъ сладкую водку, булку хлѣба и ѣдутъ въ домъ невѣсты, „отвезти вѣсти“. Рубашку везетъ женихъ. Сладкую водку даютъ батькѣ, маткѣ, роднымъ молодой и проч., а рубашку отдають матери. Съ рубашкой и у матери невѣсты происходитъ то же, что было у жениха: скачуть по лавкамъ и поютъ. Назадъ рубашку везутъ „придани“. Погулявъ немного въ домѣ тещи, отправляются назадъ въ домъ жениха. За ними ѣдутъ „придани“—кто-либо изъ родни невѣсты, везутъ кубель съ приданымъ. Вмѣстѣ съ ними ѣдутъ родные молодой къ жениху гулять. За кубель женихъ платитъ привезшему нѣсколько копѣекъ. Послѣ угощенія прѣхавшихъ, молодыхъ вводятъ изъ клѣти въ хату и въ присутствіи уже всѣхъ сватки опять скачуть по лавкамъ съ рубашкой молодой. Потомъ дѣлать „снѣданья“, которое привозять изъ дома молодой—сало или мясо, пироги и ложку. Снѣданье дѣлится безъ водки. Дружокъ зоветъ родителей жениха, братьевъ и проч. „на снѣданья“: Батька рѣдний, matka рѣдная! прѣся васъ маладѣя княгиня на снѣданья! Раздѣливъ снѣданья, дѣлать и каравай. Дружокъ зоветъ: „Батька рѣдний! Прѣся тябѣ князь маладый и княгиня маладѣя на каравай, на Божый даръ. Што даруишь: ти канѣ, ти карѣву?“ Батька кладетъ на столъ хлѣбъ-соль и говоритъ: „даруѹ табѣ хлѣба-соли, щасѣтя й долю и дѣбрая здарѣѹ!“ Такъ вызываються сватки и вся родня молодого. При этомъ дарять свиней, коровъ, пчелъ и т. п. Когда кто заявить, что даруетъ свинью, дружокъ объявляетъ жениху и визжитъ, какъ свинья; если корову, то мычитъ, если пчелъ, то жужжитъ и т. д., смотря по тому, что кто дарить.

Раздѣливъ каравай у жениха, обѣдаютъ, а потомъ берутъ отъ молодого снѣданье и ѣдутъ всѣ къ молодой дѣлать каравай. Тамъ дѣлать снѣданье жениха, а потомъ раздѣляется каравай невѣсты. При раздѣлѣ караваевъ дается каждому по рюмкѣ водки и куску

каравая. Раздѣливши каравай невѣсты, обѣдаютъ у ея родителей и уѣзжаютъ домой. Этимъ оканчивается свадьба.

Большинство жениховъ во время свадьбы носятъ въ пазухѣ ртуть. Ртуть эта предъ свадьбой ставится въ церкви подъ аналой около царскихъ вратъ, и здѣсь стоитъ „три маладика“—три мѣсяца, потомъ освящается и во время свадьбы служить предохранительнымъ средствомъ отъ всякихъ чаръ, такъ какъ на свадьбѣ особенно чаруютъ молодыхъ, и отъ этого зависитъ ихъ будущая жизнь. Ртуть эта хранится потомъ въ хлѣвѣ, гдѣ стоитъ скотъ, и употребляется въ различныхъ случаяхъ, гдѣ могутъ дѣйствовать чары.

Сообщилъ А. Е. Вержбицкій.

Мстиславскій уѣздъ.

Парни выбираютъ себѣ невѣсту преимущественно въ Коляды, на игрищахъ, гдѣ и „влюбляются“. Если же тамъ не выберутъ, то ѣздить въ Колядные праздники по церквамъ и тамъ высматриваютъ себѣ невѣсту. Особенно эти „выгляды“ практикуются на Ерданяхъ въ день Крещенія. Если какая дѣвушка понравится, то парень знакомится съ ея отцомъ и старается угостить его водкой. Потомъ проситъ своего отца ее сватать. Отецъ приглашаетъ съ собою ближайшаго родственника, одѣваются въ праздничную одежду, въ сапоги, берутъ въ кошель хлѣбъ-соль, сало и водку, надѣваютъ кошель черезъ плечо и вечеромъ, большею частью въ субботу, ѣдутъ въ сваты. Невѣста „должна стыдиться своихъ сватовъ“, и завидѣвъ ихъ, прячется такъ, чтобы ея не видѣли, или совсѣмъ уходитъ изъ дому къ сосѣдямъ. Сваты же, поздоровавшись съ хозяевами, снимаютъ кошель съ плечъ и садятся на лавку, закуриваютъ трубки и заводятъ обыденный разговоръ о постороннихъ предметахъ. Когда общія темы будутъ исчерпаны, сваты говорятъ хозяевамъ: „вы ў насъ ни патанія, чаго мы прышли, а мы вамъ ни каямы. Мы прышли къ вамъ ни гулять, а за дѣлымъ!“—„А зы якимъ дѣлымъ?“—„Ды прышли мы, карбчи гывырѣ, у сваты!“—„Э, дычка май ще мбѣда, ничѣга ни знайтъ, нѣ-смысиль. Нихай ще у мянѣ гадѣкъ набѣдѣть. Ще управитца! Была бѣ гылыва, а пѣтыя бѣдѣть. Кыли бѣдѣть дѣбра—нажывѣтца, а бѣдѣть гѣбра—ныплѣтитца. Кыли Богъ дасъ, ѣтыга ни минѣтъ!.. Въ концѣ концовъ, если родители согласны отдать дочь за парня, они говорятъ сватамъ: „Сяньни зюкыйтѣ, ня зюкыйтѣ—ничѣга ня бѣдѣть! Идѣти двѣру, а прыхѣдѣть заўтри. А мы тутъ паталкѣумъ!“ Сваты уходятъ. Этотъ вечеръ называется „сѣглыдами“.

На слѣдующій день родители даютъ согласіе, если дѣвущкѣ парень нравится. Сваты вынимаютъ изъ кошель хлѣбъ-соль, сало и водку и кладутъ на столъ, который къ этому времени застилается чистою скатертью. Мать невѣсты также кладетъ на столъ булку хлѣба

и ставить солонку съ солью. Приглашаются ближайшіе родственники и невѣстины крестные. Всѣ молятся Богу при зажженной свѣчѣ у образовъ и распиваютъ принесенную сватами водку. Это называется „запоины“.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней сваты идутъ „еднѣтъ папѣ“ и везутъ отца невѣсты въ свой домъ „пыглядѣть напыга хыдѣйства“. Здѣсь его угощаютъ колбасой и личницей и подчуютъ водкой. При этомъ назначается день для заручинъ.

На заручины созываются всѣ родственники невѣсты и всѣ дѣвушки той деревни, гдѣ живетъ молодая. Водку привозитъ свать, а закуску даетъ невѣста. Дѣвушки угощаются въ отдѣльной избѣ. Невѣста подноситъ свату на тарелкѣ платокъ для жениха, а свать кладетъ ей на тарелку деньги отъ имени жениха. Наканунѣ свадьбы женихъ и невѣста обязательно моются въ банѣ. Вечеромъ у невѣсты бываетъ дѣвешникъ, а у жениха мальчишникъ. Женихъ созываетъ всю родню, нанимаетъ „скомороха“—музыканта, выбираетъ двухъ дружковъ—распорядителей и подженишника. Когда всѣ соберутся, зажигаютъ предъ иконой свѣчу и молятся. Потомъ дружокъ беретъ за руку подженишника, а подженишникъ жениха и сажаютъ его за столъ на куть. Тутъ же садятся крестные и избранные родственники—свахи. Всѣ пьютъ и закусываютъ. Затѣмъ старшій дружокъ лѣзетъ на полъ, на которомъ спятъ, и становится у печного столба. Къ нему приходятъ мужчины и женщины, умѣющіе пѣть, хозяинъ подаетъ водку и закуску. Тогда дружокъ, опершись о столбъ, говоритъ: „Свать, сватюшка, радной батюшка! Быславѣтъ свайгѣ чада, а напыга князя мыладѣга за столъ сѣсѣти, вѣселья запѣти и зыграти!“ Отецъ отвѣчаетъ: „Богъ быславѣтъ!“—„У другій разъ!“—„Богъ быславѣтъ!“—„У третій!“—„Богъ быславѣтъ!“ Тогда дружокъ крестится три раза и говоритъ: „Зы ваша быславѣнья вамъ нѣзинькыя пыкланѣнья! Ягъ matka нырадѣла, на бѣлый свѣтъ пусѣтила, такъ Прячѣстыя быславѣла!“ Такимъ же образомъ онъ обращается къ матери жениха, къ крестнымъ, къ мужчинамъ, женщинамъ, дѣвушкамъ и ко всей „веселой бесѣдѣ“, и отъ всѣхъ получаетъ тотъ же отвѣтъ: „Богъ быславѣтъ!“ Тогда дружокъ со всѣми находящимися у столба пѣвцами запѣваетъ:

„А ў напыга свата зырадѣ, Бѣжа, жыта густа, кѣлысамъ кыласѣста, ядромъ ядрѣнѣста! Штобъ наша Марычка стѣичи жыта жала и сналѣчки визѣла! Быслави. Бѣжа, раду запѣти и вѣселья зайграти!“

Бѣжыя радѣхна, кудѣ пылѣтѣла?

— Чирязъ тынъ ды на вулицу,

Ды къ Ивану (имя отца) на дворъ!

Когда кончится пѣніе у столба, начинаютъ пѣть свахи, сидящія за столъ. Дружки подносятъ водку и тѣмъ и другимъ пѣвцамъ, а хозяинъ угощаетъ остальныхъ гостей. Все это время поются свадеб-

пья пѣсни. Когда кончится угощеніе, дружокъ беретъ за руку подженишника, а этотъ жениха и выводятъ его изъ-за стола. Дружокъ проситъ у родителей благословенія ѣхать къ невестѣ. Женихъ кланяется въ ноги родителямъ и всѣмъ присутствующимъ, каждому въ отдѣльности, и затѣмъ уѣзжаетъ съ друзьями и подженишникомъ къ невестѣ.

У невесты въ этотъ вечеръ дѣвушки вьютъ вѣнокъ, поютъ и танцуютъ. Невѣста угощаетъ ихъ виномъ и лакомствами. Какъ только дѣвушки слышатъ, что пріѣхалъ женихъ, онѣ поютъ:

Спазынѣся, Андрейка, спазынѣся,   Тваймѹ дитяти любѣникъ.
 Ти ты ѹ лѣзинки памѣѣся?   Ящѣ, тѣсхуна, пыбалѣю.
 Бялѣникъ, тѣсхуна, бялѣникъ,   Тваймѹ дитяти пылюбѣю!

По пріѣздѣ, женихъ не идетъ прямо въ хату, а дружокъ подходить подъ окно и проситъ переночевать или погрѣться. Хозяинъ отвѣчаетъ, что у него негдѣ почевать, своего народу много, „бы гуляньи йдѣть“. Но въ концѣ концовъ отпираетъ имъ ворота. Войдя въ хату, пріѣхавшіе становятся у порога около печи. Въ это время дѣвушки имъ поютъ:

Ахъ ты, тѣсхуна ды лукавыя,
 Вѣбрыла зытѣку ды ни ѹдалыга!
 Хотѣ выбрыла, ды машѣнничка:
 Пыдѣ заборѣ хѣдитѣ, ѣнѣ кѣнѣй вѣдитѣ,
 Въ аѹчѣрку лѣзитѣ, ѣнѣ авѣцѣ вѣжытѣ,
 Въ карѣуницу хѣдитѣ, ѣнѣ карѣѹ дѣбитѣ!

Пыджанишникъ варѣна,
 Падѣ имѣ конѣ карѣва!
 У пыджанишника нѣги карѣтки,
 Пыстаѹтѣ ямѹ падѣ нѣги калѣдку!
 Пыджанишничикъ нашѣ сакѣлѣ,
 На садѣся мижѣ вакѣнѣ:
 У насѣ пташычѣй пѣрялѣтъ, —
 Прылатѣтъ табѣ варѣна ѹ ротѣ!
 У пыджанишника вѣчи вялѣики,
 И ны грядки глѣдѣтъ,
 Хварѣбѣы хытѣтъ,
 И хварѣбѣычки, й пѣрялѣмычки!

На рѣчи дружку, на рѣчи,
 Кабѣ сѣла дружку семѣ скулѣ на плечи!
 Ны гавѣрку дружку, ны говѣрку,
 Кабѣ сѣла семѣ скулѣ ны галѣѹку!
 На мѣву дружку, на мѣву,
 Кабѣ сѣла семѣ скулѣ на брѣвы!

Дружокъ между тѣмъ выстунаетъ на средину хаты и говоритъ отцу невесты: „Пустьѣѹ ты насѣ у хату, дыкѣ ужѣ пустьѣ дѣ-нибудѣ притулѣтѣ!“ Тотъ отвѣчаетъ: „Кыли грѣбѣы ѣсѣтъ, то аткупѣ сабѣ мѣста!“ Дружокъ вынимаетъ изъ-за пазухи привезенную съ собою водку и угощаетъ гостей невесты. Тѣ очищаютъ для жениха со сви-

той мѣсто за столомъ. Дружокъ продолжаетъ угощать родню невесты, но вдругъ начинаетъ кашлять и кричитъ: „Ай, пыдавѣѣся! мяне кашылѣ замѣчиѹ! Ти нѣмѣ ѹ васѣ кагѣ даѣтъ вадѣ мѣѣ, атхадѣтъ мянѣ?“ Къ этому времени въ хату приносятъ ведро воды. Дѣвушки поочередно черпаютъ ее и подаютъ въ кружкѣ дружку. Дружокъ разматриваетъ воду и говоритъ: „Ты дѣѹка харѣбѣны, ды выдѣ твѣй нѣчѣстѣя! Нѣ буду яѣ пѣтъ, бы атѣ яѣ щѣ пахѣжытѣ!“ Когда поочередно всѣ дѣвушки, тогда является невеста и подаетъ дружку воду. Тотъ беретъ и говоритъ: „вотѣ ужѣ ѣта выдѣ, дыкѣ выдѣ! Атлѣшныя, крѣнѣшныя! Етѣкія вадѣ у сѣвѣти нѣмѣ!“ и выпиваетъ воду, а въ кружку кладетъ деньги, и перестаетъ кашлять. Тогда невеста подноситъ воду всѣмъ пріѣхавшимъ, а тѣ отдариваютъ ее деньгами.

Затѣмъ выходятъ всѣ изъ-за стола и молятся. Послѣ молитвы дружокъ говоритъ отцу невесты: „Пустьѣѹ ты насѣ у хату и пазвѣлиѹ зы сталѣмъ хлѣба-соли скушытѣ, тынѣрь быславѣ дѣтѣй да кѣчи звесѣтъ!“ Тотъ отвѣчаетъ: „Богѣ быславѣтъ!“ Тогда братъ невесты беретъ ее за руки и подводитъ къ жениху съ словами: „Нѣ табѣ маѣ сѣстрѹ, ни сѣнѣѹю, ни храмѣѹю! Жывѣтъ зѣмирна, другѣ друга пыважѣйтѣ и пычитѣйтѣ!“ И среди хаты кружитъ ихъ вмѣстѣ три раза. Дѣвушки поютъ:

Сучѣся, пѣрыйка, сучѣся,
 Марѣичка сѣ Андрейкуѹ злучѣся!

Невеста начинаетъ плакать. Братъ ведетъ ихъ за столъ и усаживаетъ рядомъ. Дѣвушки поютъ „Раду“ (см. выше), а затѣмъ и другія пѣсни. Мать въ это время приноситъ въ рѣшетѣ подарки для родни жениха: платки, куски холста, полотенца и т. п. Каждый подарокъ она кладетъ на тарелку и называетъ того, кому дается подарокъ. Одинъ изъ родни невесты беретъ у нея тарелку и передаетъ подарокъ по назначенію, со словами: „дарѣѹтъ тѣбѣ Марѣичка пыдаркѣмъ, краснымъ кѣтѣйкѣмъ! Ета прымѣтъ, на бѣльшыя ни дѣвѣтъ, а пыдарычикѣ пызылатѣтъ!“ Принявшій подарокъ кладетъ деньги на тарелку для невесты. Послѣ раздачи подарковъ, женихъ уѣзжаетъ домой.

Въ день свадьбы онѣ, получивъ отъ родителей благословеніе, пріѣзжаетъ къ невестѣ. Здѣсь родители невесты благословляютъ обоихъ и отправляютъ къ вѣнцу. По дорогѣ поютъ:

Шѣмнули калѣски, только кѣники зырзѣли,
 Мыладѣя свѣшки пѣсьни запѣли,
 Дружкѣй ѣдутѣ, гѣйкѣютѣ,
 Марѣички ѹ тѣримъ гѣлысѣ пыдаѹтъ.

Кѣники маѣ сѣвыя!   А ѹ тѣй цѣръкуѹки свѣтѣй Спасѣ,
 Ти пѣдвизѣтѣ княгинѹ   Шѣтобѣ пывинѣчаѹ дѣтычикѣ въ адѣнѣ
 Падѣ тѹю гарѹ крутѹю,   [часѣ!]
 Падѣ тѹю цѣръкуѹку свѣтѹю?

Послѣ вѣнца молодые идутъ въ домъ священника „аддавать паклоны“, а потомъ ѣдутъ въ домъ жениха. По дорогѣ дѣвушки поютъ:

Спасибо папѣ и папѣвичу,
Што скѣринька зъвиньчѣѣ,
Ды нямножка диржѣѣ.

Подѣзжая къ дому жениха, поютъ:

Ай, выйди, свякрова гырѣтѣя, Ай, выйди, свякрова сапльивѣя,
Бдѣть нявѣстка быгѣтѣя! Бдѣть нявѣстка щасльивѣя!

Мать жениха въ вывороченной шубѣ, съ образомъ и хлѣбомъ, выходитъ къ молодымъ на дворъ, обѣгаетъ три раза телѣгу ихъ подъ кнутомъ дружка и осыпаетъ овсомъ. Потомъ молодые кланяются родителямъ жениха и, взявшись за руки, идутъ въ хату.

Дѣвушки поютъ:

Ай, рай-раѣчикъ на рѣчки плывѣтъ,
Андрейка Марьичку за ручку вѣдѣтъ:
„Хадѣ, хадѣ, Марьичка, дому глядѣтъ:
Мой дамѣчикъ, якъ рай-раѣчикъ:
Абразѣ стѣятъ, яры свѣчи гырѣтъ!

Въ хатѣ садятся за столъ и обѣдаютъ. Между свитами жениха и невѣсты начинается перебранка. Дѣвушки невѣсты поютъ:

А ѣ напыга свата Ни клѣти, ни павѣти,
Тисѣвыя хата: Нѣйди кѣнѣй павѣти!

Сваты жениха отвѣчаютъ:

Ны нашѣй рѣчки ѣсѣ щѣчки! Пынаѣхыла гылытѣя!
Пынаѣхыли ѣсѣ сѣчки! На нашѣй рѣчки ѣсѣ кырасѣ,
На нашѣй рѣчки ѣсѣ плѣтѣя, Наши рѣбѣтки хырашѣ!

Дѣвушки:

Сватѣчикъ ты нашѣ дымавѣй! У чужымъ сайни лаѣки трѣшѣ,
Ти на ѣта жѣ ты насѣ зыпрасѣѣ, У чужыхъ бѣтикахъ танѣѣшѣ!

Бряхльивыхъ сѣчикъ ныпрасѣѣ?

Бряшѣтѣя, сѣчки, бряшѣтѣя,

Ны сабѣ карѣсту чашѣтѣя!

—

Ни чачѣнѣся, свѣтѣтѣя, ни чачѣнѣся,

Схадѣѣ у двѣру пѣрядѣнѣся:

Во время обѣда дружокъ при перемѣнѣ кушанѣй вызываетъ хозяйку: „Сватѣтѣя-сватѣтѣюшка! Идѣ бѣ ты ни былѣ, кабѣ сюды при-былѣ! Ти хвартухомъ трѣсѣ, Ти пѣрямѣну нѣсѣ!“ По окончанѣи обѣда хозяйка извиняется въ такихъ выраженѣяхъ: „дыратѣя гѣсѣтѣя! васѣ на ѣта прѣсѣйла, на хлѣбѣ, на солѣ! А тѣнѣрѣ прѣшѣѣ на хлѣбу-соли: ни прѣгнѣвайтѣся, якъ ужѣ былѣ!“

Потѣнцевѣвъ нѣкоторое время, невѣста и еѣ свѣта ѣзѣжаютъ домой и тамѣ тоже танѣцуютъ до вечера. Вечеромъ какъ жениха такъ и невѣсту дарѣютъ. Для этого ихъ садѣтъ на лавкахъ, на вывороченныхъ шубахъ. При постѣлкѣ ихъ, дружокъ говоритъ: „Сватѣ, сватѣшка! быславѣ свѣйгѣ чѣду дуруватѣ! На чѣмъ мыладѣму (или мыладѣй) сѣсѣтѣ: ти ны сыбѣлѣхъ, ти ны ясныхъ сыкылахъ, ай на прѣстѣй шубѣ!“ — На прѣстѣй шубѣ!... Посадѣвъ жениха съ подже-ипшникомъ (или невѣсту съ дружкой) дружокъ обращѣается къ отцу: „Сватѣ, сватѣшка, радной батѣюшка! чѣмъ будѣшѣ свѣйгѣ чѣду дуру-ватѣ: ти златымъ, ти сѣрѣбрымъ, ти хлѣбомъ-солѣю?“ Отецъ беретъ булку хлѣба, посыпаетъ на нее солѣ и на тарелкѣ подѣаетъ дружку. Тотъ говоритъ жениху (или невѣстѣ): „Дарѣѣтѣ васѣ вашѣ батѣюшка радѣй хлѣбомъ-солѣю, щасѣтѣмъ-дѣлѣй, добрымъ здарѣѣмъ! Ёта прѣмѣтѣя, а на бѣлѣшыя ни дѣвѣтѣя!“ Такимъ же образѣмъ одарѣютъ молодыхъ и матери. Изъ гостей одни даѣютъ денѣги, другѣя холѣстѣ, птицу, мелкихъ животныхъ.

По окончанѣи одарѣванѣя, женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ. Дружокъ выкупаѣтъ у дѣвушекъ мѣсто для жениха и садѣтъ его подлѣ невѣсты. Дѣвушки прощаѣются съ невѣстою и уходяѣтъ. Дружокъ снѣмаетъ съ невѣсты вѣнокъ и надѣваетъ его на себя. Послѣ закуски, молодые встаѣютъ изъ-за стола, кланяѣются родителямъ и выходятъ на дворъ, гдѣ уже запряжены лошади и вынесѣна постѣль невѣсты. Молодые садѣтся на эту постѣль и ѣзѣжаютъ. Въ домѣ жениха дружокъ несѣтъ постѣль въ клѣтѣ и тамѣ ее прѣготовляѣтъ для молодыхъ. Между прочѣмъ, подлѣ подушку здѣсь кладѣтся круглая палка. Молодыхъ оставѣляютъ наединѣ одинѣ часѣ, потомъ дружокъ уводѣтъ изъ клѣти жениха, а къ молодой идутъ женщины, берутъ брачную сорѣчку, на голову молодой повѣзываютъ наметку (въ 5 аршинѣ длины) и привѣзываютъ къ наметкѣ красную ленту, если молодая оказалѣся честной. Затѣмъ ее ведѣтъ въ хату и поѣтъ:

Спасѣба маткѣ за дѣчку, Ина такъ хадѣла,
Што насѣла дѣчку въ хвартѣчку. Якъ матѣ радѣла.

Потомъ пѣкутъ блины, и молодая подносѣтъ каждому гостѣю по блину. Дружокъ съ молодымъ ѣдутъ къ родителямъ невѣсты и вѣзѣтъ брачную сорѣчку. Если невѣста была честная, въ рукава ру-башки кладѣтъ прѣняники и конфѣкты, въ противномъ случаѣ туда кладѣтся лошадиный навозъ. При возвращѣнѣи, женихъ прѣгласѣаетъ къ себѣ тестѣя и тѣщу, и угощаѣтъ ихъ. Если же невѣста не соблюла невинности, то въ домѣ жениха на отца еѣ надѣваютъ хомѣтъ. Молодая плачѣтъ. Отецъ бранѣтъ и даже бѣетъ еѣ. Чрезъ нѣкоторое время молодые прѣѣзѣжаютъ въ гости къ родителямъ невѣсты, и этимъ свѣдебный ритуалъ кончѣается.

Въ томъ же уѣздѣ въ с. Ослинкѣ наблюдаются слѣдующія особенности:

Сваты, войдя съ позволенія хозяина въ хату „погрѣться“, говорятъ сначала о мѣстныхъ новостяхъ, затѣмъ незамѣтно переходятъ къ послѣднимъ свадьбамъ. Отецъ жениха замѣчаетъ при этомъ, что и онъ бы желалъ женить своего сына, но „ни майтъ дѣўки на увѣти“. Пришедшій съ нимъ сватъ придирается къ слову и говоритъ: „Нашто-жь табѣ, Иванывичъ, доўга думать ды шукать дѣўку: во ў Микѣлаивича (хозяина дома) ёсь Кытярина, ладныя дѣўка: кали бѣ сыгласся ягѣ, дыкѣ и бяри за Михалку!“ Вынимаютъ при этомъ изъ кошеля водку и ставятъ на столъ; затѣмъ просятъ у хозяина „мѣрачку, штобѣ гарѣлки выпить!“ Хозяинъ говоритъ, что у нихъ нѣтъ мѣрки. Тогда сваты вынимаютъ свою чарку изъ кошеля и пьютъ за здоровье хозяевъ, а затѣмъ подносятъ и имъ. Если они согласны выдать дочь, то пьютъ водку и говорятъ: „Мы та сыгласны, ды ня вѣдуимъ, якѣ на ета наша Кытяринка!“ А если не согласны, то говорятъ: „Нѣ, ни турбуйтись: щѣ сѣлита нилигѣ яѣ вѣдытъ замужъ!“ И сваты уходятъ. При согласіи же родителей, одинъ изъ сватовъ разыскиваетъ невѣсту гдѣ-нибудь у сосѣдей и упрасиваетъ идти домой, — у двѣру. Та обязана долго упрямиться, но потомъ соглашается, и ее ведутъ домой. Въ хатѣ она останавливается у порога. Сватъ наливаетъ ей рюмку водки и подаетъ низку баранковъ. Но она не принимаетъ угощенія до тѣхъ поръ, пока родители не скажутъ: „Ну, што жѣ, Кытяринка: выпи! А тады и вяселья згуляймъ!“ Тогда она идетъ къ столу, непременно подъ „курчиною“, на которой домашніе вѣшаютъ платье, и пьетъ водку отъ свата и беретъ баранки. Послѣ этого сваты условливаются о приданомъ и о томъ, „сколько чагѣ наѣда бѣдѣтъ къ вяселью“. Съ этою же цѣлью сваты еще нѣсколько разъ посѣщаютъ другъ друга до свадьбы.

Караванъ пекутъ здѣсь наканунѣ свадьбы. Вѣнокъ невѣстѣ вьютъ въ тотъ же день. При этомъ играетъ и скоморохъ. Когда коровай отнесутъ въ клѣтъ, собирается молодежь и танцуетъ. Вечеромъ прѣзжаетъ женихъ съ дружкой и сватами. Свита входитъ въ хату, а женихъ остается на дворѣ. Мать невѣсты въ вывороченной шубѣ выходитъ съ гостями встрѣчать его и несетъ хлѣбъ-соль и водку. Женихъ становится спиною къ своей лошади. Когда теща подноситъ ему водку, онъ первую и вторую чарку выливаетъ черезъ голову на лошадь; третью чарку онъ прикушываетъ и отдаетъ тецѣ, которая допиваетъ водку. Тогда всѣ идутъ въ хату. Тѣмъ временемъ дѣвушки окружаютъ невѣсту за столомъ и не пускаютъ жениха. Дружка долго торгуется съ ними, наконецъ угощаетъ ихъ водкою, пряниками, даритъ перстни, и т. д., и тогда ему уступаютъ мѣсто для жениха. Дружка разстилаетъ на лавкѣ, на кутѣ, тулупъ шерстью вверхъ и усаживаетъ на него невѣсту и подѣ нея жениха. Женихъ при этомъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ.

Во время угощенія дружка заявляетъ, что ему „дренно“, и проситъ воды. Одна изъ дѣвушекъ даетъ ему воды въ кружкѣ. Посмотрѣвъ на воду, дружка говоритъ: „Нѣ, ты панна слѣшная (сличная), ды вада твая ни крынишная. Ни хачу тваѣй вады пить!“ Тогда подаетъ воду другая дѣвушка. Ей онъ говоритъ: „Да, айдѣ плаття прала, тамъ и ваду брала! Ни буду тваѣй вады пить!“ Тогда подаетъ воду невѣста. Дружка пьетъ воду и опускаетъ въ кружку деньги. Другіе гости тоже просятъ воды у невѣсты и тоже дарятъ ей деньги. Послѣ всѣхъ она подноситъ воду жениху, который за это снова дѣлаетъ подарокъ невѣстѣ.

Утромъ молодые посѣщаютъ порознь своихъ родныхъ и приглашаютъ ихъ на свадьбу. Потомъ свахи и подруги убираютъ молодую къ вѣнцу, расчесываютъ волосы, плетутъ косу, надѣваютъ вѣнокъ. Считается обязательнымъ надѣть вчерашніе подарки жениха. Одѣвшись, невѣста уходитъ изъ дому къ сосѣдямъ, пока прѣдетъ женихъ. По прѣздѣ жениха приводятъ домой невѣсту, ставятъ передъ хаты столъ, кладутъ на него вѣко отъ квашни, покрываютъ его вывернутою шубою и на нее кладутъ хлѣбъ и соль. Молодые обходятъ вокругъ этого стола три раза, молятся передъ образомъ, потомъ кланяются родителямъ и просятъ благословенія. Къ вѣнцу ѣдутъ раздѣльно: на одну телѣгу садятся женихъ съ подженишникомъ и дружкой, на другую — невѣста съ подневѣстницей и старшей дружкой; прочіе сваты и сватья, а также скоморохъ, ѣдутъ позади на отдѣльныхъ телѣгахъ. Стараются щегольнуть лучшими лошадьми, возками и наборною упряжью; привязываютъ колокольчики. Когда поѣздъ устроится, мать невѣсты обходитъ его три раза съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью и осыпаетъ овсомъ. Дружка ходитъ вслѣдъ за нею и старается подогнать ее кнутомъ. Скоморохъ начинаетъ играть и поѣздъ трогается. По пути ему перѣдко „закидаютъ зайца“, то есть кладутъ поперекъ дороги жердь. Чтобы отъ зайца не вышло несчастья (см. выше, стр. 316), сватъ даетъ тѣмъ, кто его закидывалъ, по чаркѣ водки. Тогда заяцъ убирается и поѣздъ слѣдуетъ далѣе.

При вѣчаніи кладутъ подъ ноги молодымъ деньги на подвѣнчикъ. Послѣ вѣнца молодые въ церкви кланяются въ ноги священнику и всѣмъ присутствующимъ. Молодые теперь садятся вмѣстѣ, и поѣздъ ѣдетъ во дворъ священника. Тамъ молодые кланяются магушкѣ; дружка угощаетъ ихъ и присутствующихъ виномъ, скоморохъ играетъ какой-либо танецъ; молодежь немного потанцуетъ и потомъ, поблагодаривши батюшку, уѣзжаютъ къ невѣстѣ, а если молодые не изъ одной деревни, то каждый къ себѣ. При выѣздѣ со двора священника поютъ:

Мы у наѣа бывали,
Тамъ насѣ чиставали

Мѣдымъ салодинькимъ,
Виномъ зялѣнийкимъ!

Встрѣчаютъ молодыхъ—отецъ съ образомъ, мать съ хлѣбомъ-солю, въ вывороченныхъ шубахъ и осыпаютъ овсомъ.

Молодыхъ сажаютъ на кутъ и подаютъ обѣдъ, обыкновенно въ такомъ порядкѣ: капусту со свининой, картофельный супъ съ бараниной (бульбѣшникъ), мясное жаркое или птицу, кулешъ изъ пшеничной муки, кашу, яичницу. Молодые обязаны ѣсть одною ложкою: сперва беретъ ложку женихъ, съѣстъ ею кушанья и кладетъ ложку на столъ; тогда ее беретъ невѣста, тоже съѣстъ одну ложку кушанья и кладетъ на столъ; теперь ее снова беретъ женихъ, и т. д. Послѣ обѣда женихъ уѣзжаетъ домой и свадьбу играютъ въ обоихъ домахъ до вечера. Родные дѣлаютъ молодымъ подарки. Вечеромъ женихъ снова пріѣзжаетъ къ невѣстѣ и вскорѣ расплетаютъ ей косу. Предъ этимъ братъ невѣсты взбирается на лавку позади невѣсты и начинаетъ черкать по стѣнѣ лучинкою, подражая точенью ножа, и говорить: „въ каіи касу атрѣжу!“ Дружко спѣшитъ выкупить у него косу и послѣ долгаго торга выкупаеъ за рюмку водки и нѣсколько копѣекъ. Послѣ этого дружко подкрадывается къ невѣстѣ и схватываетъ у нея съ головы вѣнокъ, который надѣваетъ себѣ на голову, ей же старается надѣть на голову мужскую шапку. Дѣвушки два раза не допускаютъ его до этого, но въ третій разъ онъ надѣваетъ невѣстѣ шапку. Послѣ этого дружко долженъ еще опоясать невѣсту поясомъ, на которомъ нанизанъ „верчъ“—лосовый обручъ, запеченный въ тѣстѣ. Невѣста не дается, дѣвушки хватаютъ верчъ и ломаютъ его. Дружко прогоняетъ дѣвушекъ и опоясываетъ невѣсту. Дѣвушки однако же схватываютъ ее и тащатъ въ сѣни, тамъ ее прячутъ, прикрываютъ платками и т. д. Дружко гоняется за ними, находитъ невѣсту и подводитъ къ жениху. Потомъ, обойдя три раза вокругъ молодыхъ съ образомъ въ рукахъ, выводитъ невѣсту въ сѣни и садитъ на квашню, покрытую вывернутою шубою. Женихъ въ это время садится на телѣгу. Дружко поднимаетъ невѣсту съ квашни и несетъ къ жениху на телѣгу. Мать, ходя вокругъ телѣги, осыпаетъ молодыхъ овсомъ, а дружко идетъ въ хату къ отцу и говоритъ: „Ну, дау жа карбѣку, дай и вярѣуку!“ Отецъ подаетъ ему булку хлѣба. Дружко рѣжетъ булку пополамъ: часть кладетъ себѣ на голову, а потомъ за пазуху, а другую бросаетъ на печь. За этотъ хлѣбъ онъ обязанъ дать отцу невѣсты бутылку водки. Послѣ этого, съ хлѣбомъ за пазухой, онъ садится къ молодымъ и ѣдутъ въ домъ жениха. Тамъ, послѣ угощенія, молодыхъ ведутъ въ клѣтъ.

На другой день молодые, между прочимъ, идутъ за водою на колодезь. Ихъ сопровождаютъ сваты, дружко, сосѣди. У колодца сваты угощаютъ пришедшихъ водкою, а дружко, взявши ведра у невѣсты, обливаетъ зазѣвавшихся гостей водою; тѣ въ свою очередь дѣлаютъ это другъ съ другомъ. По возвращеніи отъ колодца, невѣста печетъ блины и угощаетъ ими гостей. Потомъ молодые ѣдутъ въ

домъ невѣсты. Въ этотъ же день къ молодой привозятъ приданое и пріѣзжаютъ ея родители. Женихъ кладетъ въ рѣшето каравай и горшокъ каши, закрываетъ платкомъ и ставитъ рѣшето на голову молодой. Та снимаетъ рѣшето съ головы, беретъ ложку и бросаетъ нѣсколько ложекъ каши на печь. Потомъ дѣлятъ каравай, а затѣмъ идутъ „по банкетамъ“.

Свадебныя пѣсни Мстиславскаго уѣзда.

Бѣлинькій кудрявиный Іванька,
Хто тибѣ бѣлы кудирки расчисаѣ?
Расчисала май маминька
У нидѣлку прѣти панидѣлку ранинька.

Падумый, гыдай, Марычка,
Ти ни жалъ тибѣ кагѣ?
— Учира думыла, сягоньни,
[гыдала,
Што ни жалъ мнѣ никѣга,
А тольки мнѣ жалъ русыя касы
Ды дивѣчкія красы.
Уси дѣвычки идутъ, косычки
[плятутъ,
А я сваю расплитаю.
Пынаѣхыли свѣтычки нимі-
[лысьливы,
Стали маю косыньку рвать,
[парывать,
Усе падѣргывать,
Шолкывы уплѣтычки выплѣты-
[вать.

Литѣли галычки ў чытыри ря-
[дѣчки,
А кукѣша напѣриди.
Галычки сѣли ўсѣ на лѣсьтикамъ,
А кукуша ны рябинки.
Галычки сѣли, затилыкыли,
А кукѣша закукавала.
Ишли дѣвычки чирисѣ сѣнички,
А Марья напѣриди.
Дѣвычки сѣли, пѣсени запѣли,
А Марья зыплакыла.

М. Монастырщина.

Бдучи къ вѣнцу.
Ай, вбраню мой чѣрнинькій,
Ни пирилитаі намъ дарѣги!
Падтѣпчимъ тябѣ падъ ногі,
Падъ чирвоныя чабѣты,
Падъ здарѣвыя жывѣты!
Чарѣбныя чабѣты—Матруна,
Здаровыя жывѣты—Іванька.
—
Па гарамъ сѣнца кѣтитца,
Івану къ вянцѣ хѣчитца!
А ни такъ Івану, якъ той
[Матрунцы...
Па гарамъ сѣнца кѣтитца,
Матруни къ вянцѣ хѣчитца!
А ни такъ Матруни, якъ тамѣ
[Іваньку...

Ай, выйду я ды на гѣнычки,
Якъ гляну я ды на красычки:
Ти ўси май краски играють?
Играйтя, красычки, играйтя,
Ды харашѣ рысцвитайтя!
Мнѣ васѣ, красычки, ни рвати
И ў вяночикъ ни ўвивати!
Я адинъ была звилѣ—и то ни
[знасила,
Ни знасила, у тѣрими пычапіла
Ны шаўковинькымъ шнурѣчку,
Ны зялѣзньинькымъ крѣчѣчку,—

А нѣхай сестра нбситъ,
Зы мянѣ Бога прбситъ!

Ды ня голубъ гудѣтъ у вадѣ,
Ни галубачка у гняздѣ,—
Архипка пирявозъ гукать:
„Пирявбзъчички вы маѣ,
Пиривязйтѣ вы мянѣ,
Ды я вамъ пирявозъ зыплачѣ:
За ѡвесъ пыяздбкъ сто рублѣй,
Зы сябѣ мылайца чирванца,
А зы сваю княгиню палтину,
А за рѣсу касѣ читьвиртакъ,
А бѣлая кичинька хотѣ и такъ.“

А ны дварѣ дожжѣ—вокны слизки,
Кланійся, Кытарѣнка, сваѣй
[радинки!
„Спасибо, татычка, ды за гы-
[даванья,
Што я ѡ тябѣ, татычка, гыда-
[валась,
У зялѣнымъ садѣку крысавалась,
Красьнинькыхъ вишынникъ ны-
[ципалась!“

„Чамѣ ты, дяўчонычка, ни
[плачинь:
Ты сваю касѣцу утратѣшь?“
— Хутѣ я касѣцу утрачу,
Дыкѣ я бѣла лѣбидѣ спыймаю!

Ай, знати, знати пы вясѣльїйку,
Што ня родная мати!
Кабѣ родная мати—зы варбты бѣ вышла,
Зы варбты бѣ вышла, дѣтя ѡстрѣла,
Пыдѣ пашки ѡзилѣ и ѡ хатычку ѡвила,
За столѣ пысадила бѣ, виномѣ учасѣтила.

Дурни, сваты, дурни,
Заѣхыли ѡ гѣмны,
Асѣти чалбмѣ били,
Дѣўку згубили.

Бѣлинькїй лѣбидѣ—Данѣлычка,
Бѣлинькыя лѣбѣдушка—Марь-
[ичка.

Кукувала зязюля, што лѣсѣ голѣ,
А плакыла Аксѣутычка, што
[жанѣхъ малѣ:

„А йдѣ жѣ мнѣ ягѣ падѣтъ?
Ти ѡ люлички калыхать,
Ти ѡ пѣлѣнки спывивать?
Пачбпки плбхи—парвѣтца,
А пѣлѣнки тбнки—пыдѣрѣтца,—
Ѣнѣ, мой маѣлинькїй, забѣтца!
Пайдѣ я, мылада, пы вадѣ,
И ягѣ за ручку пывядѣ,
Иду я, мылада, зѣ вадбю,
Ѣнѣ, мой маѣлинькїй, за мною!“

Послѣ вѣнца.

Спасибо папѣ и папбвичу,
Што скбринька зѣвиньчаѣ,
Нямнбжка дѣржаѣ.
А мы падманѣли:
Три дѣнижки дѣли,
Аксѣутку зѣвиньчаѣ!

Мысяѣуха нашѣ попѣ, Мысяѣуха,
Што ни зыняѣ у свата кажѣуха!
Кабѣ ищѣ трошку пыдѣржаѣ,
Дыкѣ бы кажуха изыняѣ.

Дружко на парогѣ лѣзѣтъ,
У печѣ пыглядѣтъ:
Ти гѣста капуستا,
Ти вяѣлкѣ гарщбкъ кашы,
Ти пайдѣють нашы?

— Гѣста, гѣста капуста,
Вяѣлкѣ гарщбкъ кашы,—
Надѣютца жываты вашы!

Ни нашыя старанѣ дружки,
Падѣ пбисымѣ кружки,
Падѣ пѣччу имѣ сѣсѣти,
Ды нявѣсѣти лапѣ плѣсѣти.

Д р у ж к у.

Ня рвѣся, дружкѣ, ня рвѣся!
Ни аткѣпишь ты мѣста—ни сѣдишь,
Ни паложышь на столѣ чирванцѣ,
Ни пасбдишь за столѣ мылайцѣ.

Нямѣтъка, дружкѣ, нямѣтъка!
Пымѣйтѣ ягѣ кисялѣмѣ,
Абатрѣтѣ ягѣ пымялбмѣ!
Ай, кабѣ мы знали, а йдѣ дружко сѣдѣтъ,
Мы бѣ тамѣ мѣсѣтичка ды ня ѡвѣкъ ня мѣли,
Гваздѣмѣ панабили,
Кабѣ дружку с.... прабили!

Ня треба намѣ ета,
Вазѣми сабѣ ета,
Купѣ сабѣ мыла,
Ды памѣй сабѣ рѣла,
Кабѣ жонка любѣла,
Кабѣ дѣти пазнаѣли,
Кабѣ бѣтѣкамѣ назваѣли!

Бычкѣ ѡ смычкѣ йграють,
А тѣлычкѣ ѡ сѣвѣсѣтѣлычкѣ,
А сѣвиньнѣ задѣвѣлыся,
Са сѣмѣху пыкатѣлыся,
А старѣя карбвица,
Ударѣла ѡ ладбнищи.

Асѣянцы старцы,
Чѣго вы спазнѣлыся:
Ти сѣмычкѣ шыѣли,
Ти хлѣба прасѣли?
— Мы сѣмычѣ ня шыѣли,

Хлѣба ни прасѣли:
Мы дббра зѣбѣраѣлись,
Кабѣ людѣ ни сѣмѣяѣлись,
Самѣ пѣшкбмѣ ишѣли,
Жанѣхѣ ѡ мяшкѣ нясѣли,
У мяшкѣ ды на пбвѣрку,
На дуббвымѣ кбѣлику.
Нашѣ дружкѣ быѣ дѣбѣлѣ,
Жанѣхѣ ѡ мяшкѣ дапѣрѣ.

Ай, дѣдѣ ны бабу крѣчѣтъ,
[крѣчѣтъ,—
Нашѣ пбзна мѣчкѣ мѣчѣтъ,
Дѣдѣ на бабу стаѣ варчѣтъ,
[варчѣтъ,—
Нашѣ пбзна блѣны пѣчѣтъ!
— Ай, стой, дѣдѣка, ни сѣрдѣсь,
Пастбѣй, блѣнбѣу ныясѣсь!
А дѣдѣ блѣнбѣу ня хбчѣтъ,
Кѣла бабы раббчѣтъ.

Радѣлися—ни любила, тяпѣря ня буду,
Хачу папытати, икава я буду:
Радѣлися ни любила, а тяпѣря буду.
Радѣлися—ни любила, а тяпѣря буду,
Хачу папытати, икава я буду:
Журилися, бранилися, а тяпѣрь ня буду.
Радѣлися—ни любила, я тяпѣря буду,
Прѣиди мужыкъ исъ салдатыѣ,—
Саухытца ўжэ буду.

На дѣвичникѣ.

А ў нядѣльку рана—паранѣньку,
Баславѣ, Божа, Прячѣстая Мати,
Пѣсинку запѣти, вяселья зайграѣти!
А ў нядѣльку рана—паранѣньку,
А ў нашыга свата запрытына лѣда,
Запрытына лѣда, засѣина жыта.
Радѣ, Божа, жыта кѣлысымъ кыласѣста,
Кѣлысымъ кыласѣста, зирномъ идрыниста!
А ў нядѣльку рана—пыранѣньку,
Наша Кытырѣнка (невѣста) мала
Кабъ стѣючи жала.
А ў нядѣльку рана—пыранѣньку,
А ў нашыга свата запрытына лѣда,
Запрытына лѣда, засѣина грѣчка.
Радѣ, Божа, грѣчку атъ стала да припѣчку!
А ў нядѣльку рана—пыранѣньку,
Нашъ Михалычка (женихъ) хвасѣлѣѣ,
Сѣдючи грѣчку касѣѣ.

Когда женихъ прѣѣзжаетъ за невѣстой.

Пыгладѣтика, люди,—	Мядвѣдѣ глядѣти:
Мядвѣдѣнички йдутъ,	Хутъ натѣкайтесѣ,
Мядвѣдѣ вядѣтъ!	Налѣкайтесѣ ны ягѣ.
Сыбирайтесѣ, дѣти,	С. Ослянка. Зап. П. Судиловскѣй.

Стѣненскаго ўѣзда.

Паѣхуѣ сѣжунька ў дарѣгу,	Ящѣ май дѣвунька далѣка!
Привязѣ коника къ бярозки,	Ступай, мой кѣсю, узинька,
Атламаѣ атъ бярозки три розки,	Ужѣ мая дѣвунька близинька!
Якъ тяѣ коника падъ нѣжки:	Ступай, мой кѣсю, ступѣю,
„Ступай, мой кѣсю, шырѣка,	Ужѣ май дѣвунька са мною!

А ўзышѣѣ мѣсѣчикъ надъ вадѣю,
А узвѣѣ зѣрычикъ за сабѣю.
Ай, ни знатъ мѣсѣца за зѣрками,
Тольки знатъ мѣсѣчикъ па кружкѣ.
А узѣхаѣ сѣжунька зѣ дружѣками на дворѣ.
Ай, ни знатъ сѣжуньку за дружѣками,
Тольки знатъ сѣжуньку па вянѣчку!

Ай, вѣйди, дѣвунька, пагляди,
Ти высѣкъ мѣсѣчикъ на нѣби,
Ти пригожъ сѣжунька на канѣ?
— На нѣби мѣсѣчикъ у кружѣчку,
На канѣ сѣжунька у вянѣчку.

С. Новая Бѣлица.
Зап. Е. И. Синякова.

Да дѣбу, зязѣюля, да дѣбу,
А ти ты салаѣю ня любѣ?
— Тады я салаѣю любѣ была,
Якъ на бярозѣ гняздѣ вила,—
Тяпѣрь я салаѣю ня любѣ!

Да шлюбу, Юличка, да шлюбу,
А ти ты жѣ матѣльцы ни любѣ?
— Тады я матѣльцы любѣ была,
Якъ у камѣры вянѣки вила,
Якъ паѣхала да шлюбу,
Тады я стала матѣльцы ня любѣ!
А шѣрая зязѣюля дѣбъ клѣѣтъ,
А наша Юличка шлюбъ бярѣтъ.
Шѣрая зязѣюля зѣ дѣбу далѣю,
Наша Юличка исъ шлюбу дамѣю.
Д. Дубовцы. Отъ кр. Ек. Симоновой
зап. мѣщ. К. Пашкевичѣ.

Въ Замѣчскай волѣсти ѣкатѣличнаго Стѣненскаго ўѣзда запи-
сана слѣдѣющая рѣчь „маршалка“.

„Звѣнка музыѣка, бясѣда вясѣла, прѣшу висѣлѣтца, ни смѣтѣтца,
а на гѣтый часъ прѣшу пѣрастѣтъ,—ни на вѣлькѣй часъ, на малѣ
гадѣну, на адну минуту. Ни я шѣ то упрѣшаю, пара людѣ гѣтыхъ
упрѣшаѣтъ; ни сами шѣ яны прѣсѣ сябѣ—празъ слугѣ сваѣ, празъ
имѣнья маѣ. Напярѣдъ Бога найвѣшшага, Марѣи Матѣки Ягѣ! Якъ
анѣлы да храму Бѣжжага прилѣтаѣтъ, такъ пару людѣ гѣтыхъ бѣла-
славѣнства упрѣшаѣтъ; ни сами шѣ яны прѣсѣ сябѣ—празъ слугѣ
сваѣ, празъ имѣнья маѣ: шѣтобъ рѣчили пабѣлагаславѣли пару людѣ
гѣтыхъ на щѣсливымъ мѣсѣти сѣсѣти!“

— Богъ баславѣтъ!

„Стѣятъ яны за тѣсовыми стѣлама, за тонѣкими абрусѣми, за
винными чѣрами, за Бѣжжыми дарѣми, упрѣшаѣтъ Тѣхимъ пахѣдамъ,
низѣкимъ уклѣнамъ, анѣльскимъ слѣвамъ бѣлагаславѣнства: шѣтобъ рѣ-
чили, пабѣлагаславѣли пары людѣмъ гѣтымъ на щѣсливымъ мѣсѣти
сѣсѣти!“

— Богъ баславѣтъ!

„Сѣольѣки у морѣ глѣбакѣсѣти, стѣольѣки да небѣ висѣакѣсѣти; якъ
у морѣ рыбка ни бизъ лусѣкѣ, такъ пара людѣ гѣтыхъ ни бизъ
радѣный. Ёсѣ у гѣтымъ пѣры вясѣлымъ, у доми свѣнѣѣнымъ, атѣцѣ
радѣѣный и матѣка радѣтилѣка! Кѣли ёсѣ, прѣшу аѣзѣтца и бѣлагасла-
вѣтъ пару людѣ гѣтыхъ на щѣсливымъ мѣсѣти сѣсѣти!“

Если же отца и матери нѣтъ, то маршалокъ говорить: „Ёсь— нѣтъ,—сивага каня ни сидлять, на той свѣтъ за айцѣмъ и маткай ни пасылатъ, жоўтага пяску ни раскапѣть, грабавѣй дѣшки ни пад- нять, айца-матки съ тагѣ свѣту ни зыскать! Ёсь жа у гѣтымъ доми свянцѣнымъ, у пиры вясѣлымъ дядуся, бабуся, каторыя съ сырыя зямельки узымали, брудъ жъ тѣла ачищали, татусю-матуси на рѣнцы здавали! Кали ёсь, прошу аказатца и благаславить пары людямъ гѣ- тымъ на щасливымъ мѣсѣти сѣсѣти!“

— Богъ баславить!

„Ёсь жа у гѣтымъ доми свянцѣнымъ и пиры вясѣлымъ татуси- матуси, каторыя падъ хростъ Божый наднасили, у Бога щасѣти и доли прасѣли! Кали ёсь, прошу аказатца и благаславить пары людямъ гѣтымъ на щасливымъ мѣсѣти сѣсѣти!“

— Богъ баславить!

„Ёсь жа у гѣтымъ доми свянцѣнымъ, у пиры вясѣлымъ тѣтки, дядьки, братцы, сястрыцы, братонцы, сястронцы, млѣды младѣнцы, дитючкй-паничкй, дѣвачки-панѣначки, малинькйя дѣтачки, сабраны, сазваны, прошу благаславить гѣтымъ пары людямъ на щасливымъ мѣсѣти сѣсѣти!“

— Богъ баславить!

„Сусѣди, сусѣдачки, малинькйя дѣтачки, и тѣя бабылкі, што ни маюць ни коника ни кабылки; на плечкахъ дрѣўцы нѣсютъ, у Бога доли и щасѣти просютъ. Штобъ рачили, паблагаславѣли пары людямъ гѣтымъ на щасливымъ мѣсѣти сѣсѣти!“

— Богъ баславить!

Чериковскаго ўзѣда.

Ахъ, ни matka была—мачиха:
Наўпрѣтѣночнѣнкі вонъ гѣнѣть,
И правѣднѣчка ни даѣть,
И дарѣжычкі ни ўкажыть!
Дайтѣ правадцѣ хутъ братца,
А за правѣднѣцу сястрицу!
А идѣ мы бѣдимъ нычивѣть:

Ти ў пѣли шатѣръ рыспнѣть.
Ти заборъ ирвѣть пасѣтель слѣть,
Ти зъ лѣка тяплѣ выскѣть,
Ти стрѣлку ламѣть, раскладѣть?
А зъ лука тяплѣ малѣя:
Чѣстыга пѣля ня 'свѣтитъ,
Варанѣхъ коникаў ня зглѣдитъ.

„Ти я табѣ ни казала: ни бяры мянѣ!
Ни рабѣла ў матульки, ня буду ў тябѣ!“
— А ни бѣдишь рабѣть—буду бѣть!
„А кали бѣдишь бѣть, ня буду любѣть!“
— Я шъ тябѣ ни прашу,—ни любѣ,
Толькѣ мнѣ работку прибярѣ!

„Ты, баравѣя зязѣля,
Ти у тябѣ дѣтачкѣ ни было?“
— Былѣ ў мянѣ дѣтачкі, — тя-

[пѣрь нѣтъ:

Прилятѣли два арлы су пѣлы,
Узѣли майхъ дѣтачкѣ съ сабѣю,
Пакинули зязѣлю удавѣю!

„Малѣднѣчка дѣвачка Татьяна,
Ти ў тябѣ татѣльки ни было?“

— Быў у мянѣ татѣлька, — тя-

[пѣрь нѣтъ:

Саслаў Богъ анѣлиў су нѣба,
Узѣли майгѣ татѣлька да сѣбя,
Пакинули дѣвачку сиратѣю,
Чужѣю вѣчну сиратѣю.

Лятѣли журавѣ, лятѣли,
Ды адѣнъ журавокъ ды напѣриду,
Ды назадъ крѣльлѣйкамъ махѣть,
Ёнъ свайхъ журавѣў здыржаѣть:

„Памѣлу, журавѣ, памѣлу:
Тѣтыцка рѣчки бѣстрыя,
Тѣтыцка лѣсѣчки тѣмныя:
Кабы перѣчка ни ўранѣть,
Кабы крѣльлѣйка ни зламѣть!“
Бѣхала дружина, бѣхала,
Адѣнъ нашъ Сяргѣйка ды па-

[пѣриду,

Ёнъ назадъ хѣстѣю махѣть,
Ёнъ свай дружинѣ здыржаѣть:
„Памѣлу, дружина, памѣлу;
Тѣтыцка вулычкі тѣсныя,
Тѣтыцка дѣвачкі ўтѣшныя,
Тѣтыцка вулычкі бѣйныя,
Тѣтыцка дѣвачкі убѣрныя!“

„Ай, чѣй то коникъ падъ бѣрамъ
На чѣтыри нагѣ укованъ,
Восѣмъ кывалѣў кувѣла,
Адвынанцѣ малайцѣў дѣржала?
Сяргѣйкаў конъ падъ бѣрамъ
На чѣтыри нагѣ укованъ,
Восѣмъ кывалѣў кувѣла,
Двынанцѣ малайцѣў дѣржала.

Укавѣли коника-варанцѣ,
Сяргѣйку бѣхѣть да винцѣ.

А ти конъ капѣтѣмъ зазванѣў,
Сяргѣйка па сянѣхъ пахѣдѣў,
Ды сваю матѣлька пубудѣў:
„Устанъ, май матѣлька, ачхнѣся,
На шъ табѣ вадѣцы, умѣйся,
На шъ табѣ рушнѣчѣкъ, уватрѣся,
На шъ табѣ яблѣчка, пахмѣлѣся,
Сабирай, матѣлька, дружинѣ,
Ды ўсѣ рѣднѣю радѣнѣ,
Ды двынѣнцѣ канѣй вѣрхавѣхъ,
Ды восѣмъ канѣй вѣзковѣхъ,
Ды два музыкѣ игрѣстѣхъ,
Ды два маршѣлки мавѣстѣхъ,
Ды три свѣтѣтѣйки пѣюнѣни:
Паѣдимъ, матѣлька, ў чужѣю

[сѣбранѣ,—

Кабъ намъ ни было сѣбранѣ!
Бѣхаў Сяргѣйка паўтарѣ мѣли,
Патамѣў коникаў падъ пѣрынами,
Прѣбѣхаў къ варѣтамъ, стѣкнуў
[бѣтамъ:

„Аччѣй мнѣ, матѣлька, варѣтики!
Ужѣ шъ маѣ конѣкѣ пѣрѣбѣглиси,
Ужѣ шъ я самъ маладѣй пѣрѣ-
[дѣмаўся,

Ужѣ шъ май дѣвачка пѣрипѣлака-
[лѣся,

Ужѣ шъ маѣ маршѣлки пѣримѣ-
[вѣлиси,

Ужѣ шъ маѣ музыкѣ пѣрийгрѣ-
[лиси,

Ужѣ шъ маѣ свѣтѣтѣйки пѣрѣпѣ-
[лиси.

Ой, пѣля, пѣля, пѣличка,
Ти маѣнѣ, Сяргѣйка, конѣчка?
— Я й маю канѣ, якѣ арлѣ,
Ни стѣднѣ бѣхѣть да каралѣ,
Ни сѣрамъ узѣть каралѣўнѣ,
Вѣлѣкага гѣбарѣ царѣўнѣ!

Хаділа лісанька па бору,
Гукала къ сабѣ саббю:
„А такій ты, сякій, саббю,
А вѣвидь мянѣ су бору!
Ужо миѣ ў барбчку даѣла:
Пясбчикъ лѣпаньки піряѣў,
Расійца вѣчиньки вѣила!“
Хаділа Аўдўлька па двору,
Гукала къ сабѣ Сяргѣйку:
„А такій ты, сякій Сяргѣйка,
А вѣвидь мянѣ атъ татўльки!
Ужо миѣ ў татўльки даѣла,
Па новыхъ гѣначкахъ хѣдючи,
Залатѣя ключики нѣсючи.

Чагѣ ты, Сяргѣйка, спазньўся,
Ти на сваѣ дѣвачку забыўся?
Ина тѣбѣ маладѣга даўнѣ жджѣть,

Па тѣбѣ маладѣга паслѣ шлѣть,
Написала бѣ листы—ня ўмѣить,
Паслала бѣ паслѣ—ня смѣить,
Пашла бѣ я сама—баўся,
Сѣ чѣстага пѣля вярнўся.
А ў чистымъ поли бярѣза,
Падъ тѣй бярѣзай дарѣга,
На той дарѣзи старѣжа,
Старѣжа, старѣжа, Сяргѣйка.
Тая мянѣ старѣжа паймаить,
Ды па рўси касѣ спазнаить!
Была гѣта кѣсынька падъ вин-
[цѣмъ,

А чѣсана инѣ грибянцѣмъ *).
Кинули грибянѣцъ падъ винѣцъ,—
Тутъ табѣ, грибянѣцъ, зиму зима-
[вати,

А намъ маладымъ вѣкъ викавѣти!

Ай, вумная, разўмная Хадѣрка!
Уставала у свѣтѣй дѣнѣкъ рѣнинька,
А малѣлася Госпаду Богу щиринька:
„А дай Божа—харапѣ было, йдѣ жыла,
А дай Божа палѣшшыла, куды зайшла!
А дай Божа, кабъ мой татўлька пунуваў,
А дай Божа, мой Зѣмитрулька купчуваў!
Кабъ у мянѣ дарагій таваръ купляли,
А мянѣ купчѣхай называли!

Ахъ, и чѣ то кѣники
Рана су вадѣ вѣдѣны,
А ўсѣ сивѣя, палавѣя,
А да шлюбу ѣхатъ варанѣя?
— Сўжынькавы кони
Рана су вадѣ вѣдѣны,
А ўсѣ сивѣя, палавѣя,
А да шлюбу ѣхатъ варанѣя!
Ахъ, и чѣ то сўканьки
Рана сѣ камѣры нясѣны?

— А дѣвачкины сўканьки
Рана сѣ камѣры нясѣны,
Да шлюбу ѣхатъ шаўкѣвы.

Нипраўдѣва калина:
Казала, сѣлита цвѣть ня бѣду,
Бѣлага цвѣту ни пущѣ,
Чирвѣны ѣгады ни ўрадѣў,—
Якъ пришла висна—зацвѣла,
Бѣлый цвѣтѣкъ пусѣтила,

Чирвѣну ѣгаду ўрадѣла!
А нипраўдѣва Марилька:
Казала, сѣлита замуѣжъ ни пайдѣў,
Я свайгѣ Григорки ни люблю,
Я ў ягѣ слядѣкъ ни ступлѣў,—
Якъ пришла пара, дыкъ пашла,
Ина свайгѣ Григорку зьлюбіла:
У ягѣ слядѣкъ ступлѣла.
Ти ня сырѣ у мѣсьли тапѣла:
Чимъ инѣ ягѣ прѣчѣла?
Смажыла либѣдѣ у мѣдѣ.
Прѣчѣла Григорку на бѣдѣ.

Предъ вѣнцѣмъ.

Вѣшынька Настулька, вѣшынька,
Кланѣлася татўльку нѣзинька,
Косками зимѣлку пакрѣла,
Слѣзками нѣжки умѣла,
Шаўкѣвай хўстай патѣрла,—
Тымъ инѣ мѣлада пакѣрна.

Затужѣлася Натѣлачка,
Што рана вѣсинѣ настала,
Сняшкѣмъ рѣтунька запала,
Нѣ сѣ чага маладѣй винѣкъ зѣвить!
Зачуў ба гѣта Василька:
„Ни тужѣ, ни бѣдѣў, Натѣлка,—
Я учѣра на тарѣу пабуваў,
Табѣ вѣнѣчикъ старгѣваў:
Хуть ня новѣй—пѣрлѣвый,
Хуть ни дарагій—залатѣй,
Вѣтры павѣють—лялѣить,
Дѣжджыки прѣйдутъ—идрянѣить.

Сѣ-падъ висѣбага тѣримѣ
Раслѣ травушка зѣлиня.
А на тѣй травѣ конѣ варанѣй,
А на тымъ канѣ князь маладѣй.
А князю, князю Иванька,
Расѣдай кѣника умѣвайть,
У кѣника прѣўдымѣки пытаить:
„Ой, кѣсю, кѣсю, пѣлѣснѣйвый,—
Ти будѣшь пада мной шѣсьлѣйвый?

А ти маѣнѣшь, кѣсю, у нѣшкахъ
мѣць:

Паѣду я на табѣ на ўсю ночь,
Падъ висѣкѣя тѣрамѣ,
Падъ далѣкѣя гарадѣ?“

Послѣ вѣнца.

Ишла Хадѣрка сѣ-падъ винѣца,
Сѣила расѣду зѣ рукаўца:
Удаѣся, капуста, качѣаньямъ,
Удаѣся, доличка, зѣ винѣчаньямъ!
Удѣсца капуста, якъ дожѣтъ дѣсь,
Удѣсца доличка, якъ Богѣ дѣсь!
Удалѣся, капуста, удалѣся,
Па пѣисѣ качѣаньямъ зѣвилѣся,
Удалѣся капуста качѣаньямъ,
Удалѣся доля зѣ винѣчаньямъ!

„А запалѣ, батѣька, сѣвѣчку,
Выйди на сустрѣчку,
Сустрѣнь пара людѣй,
Свайхъ рѣдныхъ дѣтѣй:
Адно рѣжѣная, а другѣя сужѣ-
[ная!“

Запалѣў батѣька сѣвѣчку,
Вѣшыў на сустрѣчку,
Сустрѣў пара людѣй,
Свайхъ рѣдныхъ дѣтѣй:
Адно рѣжѣная, другѣя сужѣная:
Рѣжѣная у нагѣхъ пала,
Сужѣная ли ягѣ стѣла.

А зѣвинѣчѣли маладѣхъ, зѣвинѣ-
[чѣли,
Шаўкѣвымъ шнурѣчкамъ зѣви-
[зѣли!

А ни ручками разѣзѣзѣть,
А ни пѣжыкамъ разѣзѣзѣть:
Такъ имѣ маладѣмъ вѣкъ ви-
[кавѣть!

А у пѣбли садѣкъ ни мѣтѣнь,
Рѣтую мѣгую утрѣсѣнь.

*) Вѣ Сѣнн. у. варѣантъ: Чѣсана, тѣпанѣа грибянцѣмъ. Звалнўся грибянѣцъ падъ винѣцѣ. „А падаѣй, Рѣгорка, грибянѣцъ!“—Я жѣ табѣ, дѣвунька, ни маладѣцъ: Ёсь у тѣбе падрѣжки-паслѣжки, пададѣтъ грабѣнѣчикъ у ручки!

Нихто ў тымъ сади ни бываў,
Только маладѣй Іванька
[ў скрипку йграў.
Тамъ яго Сахвѣйка гуляла,
Іна яму хустульку дарувала,
Накрухмэлила крухмаломъ,
Кабъ стаяла каласомъ
Падъ Іванькавымъ паясомъ!

Во время подарковъ.

Казали у мори вадѣ многа.
Якъ пашли па вадіцу—
Ідѣ шъ тая вадіца падивалася,
Па крутыхъ биригахъ разлива-
[лася!

Казали, у Ганначки радѣны многа.
Якъ стали Ганначку аддѣривать—
Ідѣ шъ тая радина падивалася,
Па тѣмныхъ кутбкахъ пуху-
[валася.

Мушѣнки-мужовики,
Кладѣть рублёвики!
Жбначки-лябѣдачки,
Кладѣть намѣтачки!
Мальчишки-малойчишки,
Кладѣть чирвоньчишки!
Дѣвачки—панѣначки,
Кладѣть капѣчички.

Зязюля атъ салаўѣ щибитанья ждѣть,
Аксѣнка атъ татўльки дараважня ждѣть.
„Даруй минѣ, татўлька, чимъ Богъ памогъ:
Ти хлѣбамъ, ти сольлю, ти добрымъ словамъ!“
— Дарую тябѣ, дачўшка, и хлѣбамъ и сольлю,
Сирябромъ и ўсимъ дабромъ!

Предъ отъѣздомъ молодой къ жениху.

Прасѣла Праскўка братўлькаў:
„Няѣдѣ, братўльки, ў паўначѣ,
А прѣдѣ, братўльки, чуть
[зблэкъ,
Привязитѣ тапарбў хуть собракъ,
Вѣсичѣ, вѣвальтѣ ширый боръ,
Кабъ я увидѣла таткаў дворъ!“
— Нипраўда твая, Праскўка:
Хуть мы вѣсичимъ ширый боръ,
Ни увидишь ты таткаў дворъ!

На раннэй расѣ у ваўсѣ,
На пѣзнэй расѣцы у пшаніцы,
А на сѣнімъ мори напобуть:
На мори вадіца ключомъ бѣть,
Тваймъ коникамъ ахвѣта будить
[пить!

Разгарѣлася калинка,
На зилѣнымъ лугу стобючи,
Дробная ѣскоря рѣнючи.
Тушыли вѣтрики, ни ўтушыли,
Дробная ѣскарѣя па полю раз-
[насіли,—
Ти ўтушыть, ня ўтушыть дроб-
[бинъ дожжъ.

Расплакалася Аринка,
У татўльки за сталомъ сѣдючи.
Унимала яѣ матулька, ни ўнила,
Тольки боли жаласѣти паддала,—
Ти ўнімить, ня ўнімить Гав-
[рѣлька.

Якъ зажурўўся Якаўка,
За сѣтѣвымъ сталомъ сѣдючи,
Што яго коники ни пьють, ни
[ядуть,
Только стобючи усѣ рзуть.
Зачўла тѣя Матрунка:
„А ни тужѣ, ни бядўѣ, Якаўка:
Ё у мянѣ братўльки мѣншы мянѣ,
Яны тваихъ коникаў напасўть,

Сядѣла лавунька на кўпниці,
Распусѣть крыльѣйка па побѣнцы.
Прилятѣў пувучѣкъ, сѣў ли яѣ:
„Падѣмай, лавунька, бѣйстра крыльѣйка,
Сабирай сваѣ дробна пѣрылька,
Палятѣмъ сѣ табѣй на сѣня мѣря,
Тамъ жа пташычкі злѣтѣлиси,
Насѣ сѣ табѣю, лавунька, дажыдалѣси!“
Сядѣла Домначка за стѣбликамъ,
Распусѣть русу косыньку на плечинькахъ,
Дробную слѣзаньку на лицу.
Прѣѣхаў Димѣйня, сѣў ли яѣ:
„Заплѣтай, Домначка, русу косыньку,
Утирай, Домначка, дробну слѣзаньку,
Наѣдимъ сѣ табѣй къ майму татўлку:
А тамъ жа гѣбѣтики зыжжалѣси,
Насѣ сѣ табѣю, Домначка, дажыдалѣси!“

Ишла Аўдулька су пѣля,
Нѣсла красачки ў припѣли.
Принѣшшы красачки, вѣнчикъ
[вила,
А зѣвѣўшы вѣнокъ, пакатѣла
Ўсѣ на тѣсѣвинькаму стѣблику.
„А падѣй, матулька, вѣнчичъ!“
— Ни падѣмъ, Аўдулька, ни па-
[дѣмъ:
За байрамі ни прайдѣ,
За музыками ня чую,
А за слѣзками ня вѣджу!

Упала зязюля, упала,
А у тѣя дѣдѣўя кѣлка,
У тую травіцу густую,
А па ей пташычкі щибѣчуть.
А ўпала Мѣрычка, упала,
А ў тыхъ дивярѣў у гордыхъ,
У тыхъ залѣвакъ—либѣдакъ!
— Дивярѣ-лѣбѣди—сасѣди,
А залѣўки-либѣди—гѣбѣти маѣ!

Запис. К. Т. Аникиевичъ.

В. Виленская губернія.

Свадебныя пѣсни Дисненскаго уѣзда.

Предъ вѣнцомъ.

Ай, боръ-пирабѣръ мѣсѣчагъ, Ай, браў-пирабраў дѣвачакъ,
Ай, браў-пирабраў звѣздачакъ, Да вѣбраў сабѣ Лѣзучку,
Вѣбраў сабѣ зарѣначку. Да вѣбраў сабѣ моладу.
Ай, боръ-пирабѣръ Микѣлка.

А ў мѣсицу два ражѣчки раўнѣнькихъ,
А ў Матѣйѣки два брѣтитѣки радѣнѣнькихъ.
А дѣнь брѣтитѣка яму конѣка сидѣаить,
А другѣй брѣтитѣка яго самага наўчааить:
„Якъ паѣдишь, мой брѣтитѣка, жанѣтѣка,

Будить табѣ два карагоды дѣвачакъ:
Адинъ карагодъ у зблатя,
Другій карагодъ у рбзумѣ.
Ды ни бяри шѣ ты, мой брѣтнка, ў зблатя,
Ды бяри шѣ ты, мой брѣтнка, ў рбзумѣ:
Мы на яѣ зблата сами налбжамъ,
А рбзуму мы ў галбўку ни ўлбжамъ!“

Свѣтъ свѣтаить, зарѣ займаить,
Ой, рана-рана, зара займаить!

(послѣ каждой строки).

Маладѣй Антонька канѣ сидлаить,
Канѣ сидлаить, сѣльннѣнка плачыть.
Прышбў татўлька (и: матулька), у ягѣ патаить:
„Чаго, дитѣтка, такъ сѣльна плачашъ?“
— Якъ мнѣ ни плакать, якъ ни тужыть:
Бярў крулѣну на сабѣ нярбўну,
Бярў паненку кѣ сабѣ ни раўнѣнку:
Сўкними шасьнить—дыкъ я зьякнўся,
Ключами бразнить—дыкъ я баўся,
А слбўца скажыть—сѣ канѣ звалюся!
„Ни плачь, Антонька, ни плачь, дитѣтка:
У насѣ пабўдить—гѣтага ня бўдить:
У яѣ сукѣнки пажычбныя,
У яѣ ключыки слисарбвыя,
Яѣ славѣчки ни ўлякнѣныя!“

Ой, рана-рана, ни ўлякнѣныя!

Лятўть пташычки на тры стадычки,
Зязюлька наўпѣрыдѣ. 2
Пташычки сѣли, захибѣтали,
Зязюлька закукавала. 2
Ишли дѣвачки тирасѣ сѣначки,
Праксѣтка наўпѣрыдѣ.
Дѣвачки сѣли, пѣсьню запѣли,
А Праксѣтка заплакала:
„Божа шѣ мой, Божа! што шѣ май за доля:
Изъ кимъ я хадѣла, зѣ кимъ гаварѣла,
Таго шѣ я угнявѣла,
А зѣ кимъ ни зналася, ни чыпалася,
Таму шѣ я засталася!
Шўбачка дабрѣ сѣ чорнага бабрѣ,
Я шѣ яѣ ни знасѣла.
Я шѣ у ѣй хадѣла, я красавѣла,
Накўль ни павинчѣлася!“

Послѣ вѣнца.

Маруська-а наша
Снаймала сабѣ п-а-таша,
Пташачку баравбга,

Микблку маладбга.
Пташачка лѣтѣть бўдить,
Микблка цалавѣть бўдить.

Хвалиўся Миколка сваѣй жанбю,
Што май жбначка рукадѣльница,
Да ткѣла крѣсянцы сѣ трыма ўзбрами:
А пѣршый узбракъ—яснѣ мѣсѣчакъ,
А другій узбракъ—дробны звѣздачки,
А трѣтій узбракъ—ясна збначка.
Ясна збначка—май жбначка,
Дробны звѣздачки—маѣ дѣтачки,
А ясны мѣсѣчакъ—я й самъ маладѣй.

Хвалилася калѣначка за ракбй:
Нѣхто мянѣ ня высѣчыть за вадбй!
Абабраўся на яѣ шѣрѣ салавей:
„Хуть я тябѣ ня выламлю, дакѣ сагну,
Ды я тваѣ ягадачки аклюю!“
Хвалилася Надѣчка за сталбмъ:
„Нѣхто мянѣ ня вѣвидѣть зѣ-за стала!“
Абабраўся Иванѣчка на яѣ:
„Ды я тябѣ зѣ-за стблика вѣвѣду,
Ды я тябѣ ать дѣвачакъ атлучў,
Ды я тябѣ да бабачакъ прылучў!“

Когда расплетаютъ косу.

Ни стѣй, калѣнка, мѣжы крушыны:
На тябѣ, крушыначка, тры прыгоды бўдить:
Бўдить адна прыгбда на твой лѣстбчакъ,
А другая прыгода на твой цвѣточакъ,
А трѣтѣя прыгода на тябѣ самую:
Твой лѣстбчакъ вѣтрыкѣ абабѣтъ,
А твой цвѣточакъ марбзѣ змарбзѣтъ,
А тябѣ самўю сѣсякўть—зрубѣють!
Ни сѣдѣ, Арѣнка, мѣжы байракъ:
На тябѣ, Арѣнка, тры прыгоды бўдить:
Адна прыгбда на тваю касѣцу,
Другая прыгода на твой вѣнбчакъ,
Трѣтѣя прыгода на тябѣ самўю:
Тваѣ касѣцу наткбсьнички разпѣтўть,
Твой вѣнбчакъ байрки саймбють,
А тябѣ самўю Иванька вбзѣмѣть!

На посадъ.

Съ субѣтки на нядѣлку
Ганулька сонъ видѣла,
Никѣму ни сказала,
Зъ матулькѣй размауляла:
„Матулька мая рѣднѣя!
Разгадай мой сонъ дѣуны:
Сакалкѣй пралѣтѣли,

Жоутый шѣуць патѣгали,
Зѣлата паклювали!“¹⁾
— Дитѣтка, ня сонъ жа твой,
Дитѣтка,—праўда т-а-вай,
Сакалы - сватѣ т-а-ваѣ,
Жоутый шѣуць—кѣска т-а-вай,
Зѣлата—слѣски т-а-ваѣ.

Ай, знатъ-пазнѣти па бясѣданца —
У Ганульки тѣт-а-кѣ нѣту:
Сталѣ засланѣ, гѣсѣти сабрѣны, —
Парѣдачку й нѣту!
Наймѣ, Ганулька, хоѣ салавѣйку —
Енѣ раннѣя п-а-тѣшка,
Сѣбра литѣнѣ, жалка ўсѣспивѣнѣ,
Татульку прабуджаѣнѣ:
„Устанѣ, татулька, кѣ свѣймѣ дитѣти
Парѣдачка дѣти!“
— Радѣ ба вѣстѣти кѣ свѣймѣ дитѣти
Парѣдачка дѣти —
Зялѣнѣ дярнѣчка зѣлѣгѣ насѣчка —
Ни дыхнѣ,
Дубовѣ гвѣзѣдѣ зѣбили галѣуку —
Ни кранѣ,
Саснѣвы дѣшки сѣтиснѣли нѣшки —
Ни ўстанѣ!

Съ субѣтки на нядѣлку
Шѣто на нѣба зѣвинѣла,
Шѣто на нѣба стучѣла?
Да сирѣтки матулька
Прѣсятѣца у Пана Бога:
„Бѣжухнѣа Збавитѣлю,
Пустьѣ мянѣ зѣ неба далѣу
Па идѣвѣнымѣ шнурѣчку,
Па зялѣзнымѣ прутѣчку,
Палядѣти дитѣти,
Якѣ ина прыбѣрѣна,
Якѣ ина пасаджѣна?
— Прыбѣрѣна панѣятѣчкай,
Пасаджѣна сирѣтачкай,

Сядѣти ина смутнѣосинѣка,
Плачыѣти ина силнѣосинѣка:
Хустѣчка бялѣосинѣка
Аѣтѣ слѣзѣкѣ макрѣусинѣка!..

Пѣстанѣтѣя, сусѣдцѣ, усѣ ѣ радѣ,
Ой, рана-ранѣнѣка, усѣ ѣ радѣ!
Тутѣ пѣйдѣти Марѣсѣка на
[пасадѣ,
Нѣзинѣка галѣуку клѣнѣуцѣ,
У Бога дѣлѣуцѣкѣ прѣсѣуцѣ!
А перѣвы паклѣнѣчка кѣ матульцѣ,
А другѣй паклѣнѣчка кѣ татульцѣ,
А трѣтѣй паклѣнѣчка кѣ брѣтѣтѣкѣ,

Чѣтѣвѣртѣй паклѣнѣчка сѣ-
[стрѣца!
Пакѣрна, Марѣсѣка, пакѣрна,
Рана-ранѣнѣка, паклѣнѣся!
Старѣга, малѣга ни минѣй,

Кѣжнѣму нѣзинѣкѣй паклѣнѣ дай,
У Бога дѣлѣуцѣкѣ дабѣвай,
На свѣдѣ рѣднѣцу ни забѣвай,
Рана-ранѣнѣка, ни забѣвай!

Нѣ стѣй, Бѣжа, падѣ агнѣмѣ, падѣ агнѣмѣ,
Дѣй иди, Бѣжа, у хѣтку, у хѣтку,
Дѣй и станѣ, Бѣжа, на кутѣ, на кутѣ,
Дѣй и даѣ долѣу сирѣтѣ, сирѣтѣ:
А ѣ сирѣтки мамкѣ нѣтѣ, мамкѣ нѣтѣ,
Дѣй нѣ нѣкаму багаславѣтѣ, багаславѣтѣ,
На пасадѣ пасадѣтѣ, на пасадѣ пасадѣтѣ,
Да шѣлѣбу вѣсправѣтѣ.

Якѣ запивѣли да заручѣли,
Кѣзали—карѣбу мѣлѣга,
Якѣ прышлося, умѣста сышлося—
Дѣкѣ аднѣ тѣлушѣчка.
Якѣ пашлѣ даѣтѣ—аднѣнѣ быкѣ стѣйтѣ,
Кѣбѣ ягѣ ваўкѣй зѣлѣли!

Бѣжа рѣда пирѣлѣныла
Тѣразѣ гѣтѣй дѣмѣчка сѣянѣнѣнѣнѣкѣй,
Тѣразѣ гѣту бясѣду вѣсѣлѣу.
Рѣдавайся сѣрдѣнѣка матульчѣна,
Пасадѣѣушѣ дитѣтка на пасадѣ!
— Таѣу нѣтѣ маѣ сѣрдѣнѣка раѣдавалѣся,
Якѣ пры мѣѣ дитѣтка раѣдавалѣся!
Тѣпѣрѣ маѣ сѣрдѣнѣка зѣташнѣлѣся,
Якѣ аѣтѣ мянѣ дитѣтка атлѣучѣлѣся!

Ой, знатѣ па бясѣдѣ, знатѣ па вѣсѣлѣй,
Шѣто у сирѣтки мамкѣ нѣту:
Сталѣ засланѣ, гѣсѣти сабрѣны,
А парѣдачку нѣту.
Ахѣ ты, сирѣтка, наймѣ салавѣйку,
Салавѣйка—лихѣкѣя пѣташка:
Енѣ шѣлѣка литѣнѣ, жалка спивѣнѣ,
Кѣ зямлѣ гѣласѣ паѣаѣтѣ:
„Устанѣ, матулька, кѣ свѣймѣ дитѣти
Парѣдачка дѣти!“
— Рѣда бѣла бѣ вѣстѣти кѣ свѣймѣ дитѣти
Парѣдачка дѣти, дѣй ни маѣу ўстѣти!

¹⁾ Вар. Золатамъ насыпали.

У чыстымъ полѣ яліначка стайла,
 А па магіла сиротачка хаділа,
 Яна сваё рбдну матульку буділа:
 „Устань, устань, май матулька, ни ляжы,
 Хутъ жа шь ты мнѣ гэту нбчычку паслужы!“
 — Рада бѣ устати кѣ сваймѣ дитятѣ—ни могу:
 Сасновы дошкі сѣйснулі нбжки—ни крану;
 Дубовы гвбзды збйлі галбѣку—ни ўзьняму;
 Жбўтый нясбчыгъ засыпаў вочки—ни ўзляну;
 Зялёны дярнбчакъ затйснуў грўдцы—ни дыхну!
 Ты шь паляды, якъ ясинь мѣснцъ высбка,
 А я шь ляжѣ закапана глыббка:
 Ня сьвѣтитъ мнѣ ни ясинь мѣснцъ, ни сонца,
 Ни прамбўлю, маё дитятка, ни слбўца!..

У молодой за столомъ.

А хто у насъ багаты быў, багаты быў?
 — Нашъ Микблка багаты быў, багаты быў,
 Па тры разы ў Рыгу хадіў, ў Рыгу хадіў,
 Па тры вбзы грбшы вазіў, грбшы вазіў!
 У ваднымъ вазѣ зблата, зблата,
 А ў другімъ вазѣ сирабрб, сирабрб,
 А ў трэтымъ вазѣ мідякѣ, мідякѣ.
 Зблата для сябѣ, для сябѣ,
 А сирабрб для жанѣ, для жанѣ,
 А мідякѣ для гасѣтѣй, для гасѣтѣй.

Величаемые даютъ подарки пѣвицамъ.

А хто шь у насъ палитыка, палитыка?
 Нашъ Юзбтка палитыка, палитыка:
 Усѣ ядѣть палычыкамі, палычыкамі,
 А Юзбтка видбльцамі, видбльцамі,
 У Юзбтки шапка бабрбва, бабрбва,
 У Юзбтки пбнѣ шаўкбвый, шаўкбвый,
 У Юзбтки рукавчыкѣ замшбвы, замшбвы,
 На назѣ ботикѣ казббый, казббый,
 Намалбсиньку ступанѣть, ступанѣть,
 На назѣ ббтыгѣ скрыпанѣть, скрыпанѣть.

Бѣла сватѣтя, бѣла,
 Якъ на мбры пѣна,—
 Идѣ шь ты бяйлася?
 — На мбры пѣну брала,
 У каморы вымавалася,
 Сватицай прыбиралася,

Антонька! ты хваляўся жанбю,
 Што твай жана зьдѣлуха:
 Шбўкамъ кросны снувала,
 А зблатамъ паткала,
 Табѣ кашульку пашыла,
 У чужы люди пусьтила!

Ти харашб у чужыхъ людяхъ

Пришлые, по сердцу:

[сядѣти, Юзбтка (женихъ) на кбнику,
 На прыбдинку¹⁾ глядѣти? Якъ жаба ў палбнику.
 На прыбдинца клийнбта, Фроначка (невѣста) на пасадѣ,
 Бала кашуира ўсѣ зблата! Якъ жаба ў расадѣ.

Нашъ Микблка маладѣнькѣй, маладѣнькѣй,
 Ў яго вусбкѣ залатѣнькѣй, залатѣнькѣй.
 Мы думали—пабиляннѣй, пабиляннѣй.—
 Ў яго вусбкѣ пазлацаннѣй, пазлацаннѣй!

У молодой за послѣднимъ столомъ.

Сядѣть галбѣ на пирарубѣ, бобѣ клбсть,
 Каля яго галбѣчка яго—пшанѣцу.
 „Якъ клбй, дакѣ клбй, май галбѣчка, для мянѣ,—
 Прылиганѣть маё пѣртыка да тябѣ!“
 — Лѣли табѣ, мой галбѣ, нячымъ мнѣ:
 А ты шь будишь у сваймъ гнязбдѣчку, а я нѣ!
 Сядѣть Антонька за сталбмъ, мядбкѣ пѣбѣть,
 А для яго Анѣтка—сытицу.
 „Якъ пи, дакѣ пи, май Анѣтка, да мянѣ,—
 Прылиганѣть маё сбрдынька да тябѣ!“
 — Лѣли табѣ, мой Антонька, нячымъ мнѣ:
 А ты шь будишь у сваѣй хатаньца, а я нѣ!
 Тябѣ пабўдѣють, мянѣ абсўдѣють, ахтя мнѣ!

Байрачки, спадманачки вы маѣ,
 Да спадманули маладѣнькую вы мянѣ:
 Казали—пбйдимъ у зялѣнъ садѣ гуляти,—
 Мнѣ шь маладѣнькай калысачку люляти!
 Байрачки, спадманачки вы маѣ,
 Спадманули маладѣнькую вы мянѣ:
 Казали—пбйдимъ у зялѣнъ садѣ вянкѣ вѣть,—
 Я шь маладѣнька за калысачкай слѣски лѣть!
 Байрачки, спадманачки вы маѣ,
 Да спадманули маладѣнькую вы мянѣ:
 Казали—пбйдимъ на ўдалыхъ малбйцаў глядѣти,—
 Я шь маладѣнька сѣ старымъ у дбма сядѣти!

Предъ отъѣздомъ молодой въ домъ мужа.

Братитка—зарўтачка (зорька), Намъ дбма лѣли бўдѣть:
 Бяры жану за рўчачку, Кбшикамъ аброкѣ-а бўдѣть,
 Братитка-сакбблику, Сватбчкамъ мядбкѣ-а бўдѣть,
 Бяры жану зѣ-за стбблику, Кбники стаять ббудѣть,
 Паѣдимъ дамбвачки: Сваточки гулять ббудѣть.

Сестра молодого.

¹⁾ Расшитая грудь въ рубахѣ.

Ды бывай, май матулька, здарова,—

Выпала съ Украины дарога!

Ды ти будишь, май матулька, бидавать,

Якъ я буду на Украина гаравать?

Ды й ти будишь, мая матулька, тужыти,

Якъ я буду на Украина служыти?

Дѣвочки пойдуть, сястрыцы пойдуть жыта жать,

Я шь буду маладёнская дити калыхать!

Дѣвочки найдуть, сястрыцы найдуть гуляти,

А я маладёнська дити люляти!

Дѣвочки пойдуть, сястрыцы пойдуть

Въ зялёный садъ вяпкй вѣть,

Я шь маладёнська за калысачкай слёски зпты!

Прыѣхашы дамоў,

Я шубачку дамю,

У скрыню палажыла,

Ой, ляжы, ляжы,

Хуть тябѣ апражы —

Мнѣ тябѣ ни пасейти,

На вулиця ни хадити,

Мальчыкаў ни звадити.

„Ды жалъ жа мнѣ, матулька, на тябѣ,

Што ни знасила танкой кашули у тябѣ!“

— Ды знасила, маѣ дитятка, знасила —

Са сваѣй злѣбѣти маѣ дабрѣбѣти забыла,

Што ты ў минѣ тонки кашульки насйла!

Татянка зъ двору зыжжала-а,

Вяршокъ бярозки сарвала-а:

Расейти, май бярозка, бизъ вирха,

Жыви, май матулька, бизъ мянѣ,—

Ти лѣни будить, чымъ пры мнѣ:

Пры мнѣ была вѣлачка мѣтна,

Пры мнѣ была сямѣйка вѣсила!

По пути къ жениху.

Вхали сваты калы етадоны—этадоу запаляли.

Наша сватѣца хотъ нивялѣчка, ды разумнѣшка:

Падпала пошку, ... трошку, ўсю этадоу загасйла.

При прѣздѣ къ жениху.

Аччый, матулька, новый дворъ, —

Вязѣмъ нивѣсту, якъ яворъ!

Аччый, матулька, акѣща,

Вязѣмъ табѣ нивѣтку, якъ слоцца!

Атвярий, матулька, карытца,

Прывязыли табѣ нивѣтку сварытца!

Калы сватѣнига двара —

Тамъ висѣкая гара —

Ни ўзыйсѣти, ни ўзѣхати,

Ни канѣмъ ня ўзѣхати,

Сакаломъ ня ўзвлѣтитъ.

Хуть дачъ—пирвѣдъ

Каначоў наймѣти,

Каначоў панаймѣти

Гару разкапѣти,

Гару разкапѣти,

Анѣтку сваю ўзятъ.

У жениха дружинѣ невѣсты, въ случаѣ ссоры.

Сидитѣ, глядитѣ,

Скўляля видѣти:

Съ-падъ етаўна съ чирапа

Котъ кишкѣ тѣгнитъ.

Котъ вурчытъ, хвостъ тарчытъ,

Кишка тѣгнитца,

У жениха, въ ожиданіи приданокъ.

Ды выйдимъ мы, ды паслѣхнемъ,

Ти ня ѣдутъ, ти ня гойкають,

На коникаў ты ня нѣкають?

— А ужѣ ѣдутъ, да ужѣ гойкають,

На коникаў да ужѣ й нѣкають.

А равѣтъ кони, равѣтъ,

Богатырачку вязѣтъ.

А ни такъ ба яны раўли,

Кабъ худобачку вязыли,

Съ скрынѣми, съ пярѣнами,

Дѣбрай гаспадыню!

При отправленіи приданокъ.

Аддали мянѣ, забыли мянѣ,

Думали—ни жалъ будѣти,

Аддали скрыню маливанаю

И дитятку каханаю!

Калы живы будимъ,

Скрыню набудимъ,

А дитѣти вѣкъ ни забудимъ.

При прѣздѣ приданокъ къ жениху.

Ды намѣрзали праданачки на двѣры,—

Выйди, выйди, наша сястрыца, съ камѣры,

Ды ипраймй праданачакъ на двѣры.

Калы любѣя—у хѣтачку напросей,

А ни любѣя—да матульки аташлай!

(Или: дакъ дарѣжку укажы!)

Пакраса наша дѣвачка,

Пакраса наша маладёнская,

Пакрасила два дварѣчки:

Адинъ дварѣчакъ, гдѣ расла,

А другій дварѣчакъ, гдѣ зайшла,

Адинъ дварѣчакъ татулькаў,

А другій дварѣчакъ свѣкаркаў!

Ды ўпала шѣра зязюля ў дядѣўя.

Стали па ёй усѣ пташачки щабитѣтъ.

— Ни щабичѣтъ, маѣ пташачки, вы па мнѣ,—

Нихай жа я хуть лѣтѣчка пажыву,

Якъ калы минѣ дядѣўшчакъ пасѣхнитъ,

Тадѣ я зъ вами, маѣ пташачки, палятѣ!

Ды ўпала маладѣ дѣвунька ў диварѣѣ.

Сестра молодого къ приданкамъ.

— Свѣтица галѹбца:
 Ти я ѹ людѣхъ ни бывала,
 Ти я загадакъ ни чувала:
 Вада бжжѣть бизъ повада,
 Каминь расѣтѣть бизъ корыня,
 Зара гарыть бизъ полама,
 А хмель растѣть вѣшы лѣсу,
 Чбырнѣ вѣранѣ ня чѣрнючы,
 Лебидь бѣлый ня бѣлѹчы!

Сваты жениха опоздавшимъ приданкамъ.

Чыё гэта прыданыя блудили,
Ў чыстымъ по́ли дарбжачку згубили,
Пата́ліся у ма́лінькага Василькà:
Ти далёка дарожачка да сямка?
А Василька імъ праўдачки ни сказа́ў,
Да ёнъ жа імъ дарбжачки ни ўказа́ў.

При отъѣздѣ приданныхъ отъ молодыхъ.

Ды братъ сѣстрыцу дамоў завѣтъ, дамоў завѣтъ,
Ды братъ сѣстрѣ рубля даѣтъ, рубля даѣтъ!
„Паѣдимъ, сѣстрыца, разамъ дамоў, разамъ дамоў!“
— Ды ѣдъ, братитка, адінъ дамоў, адінъ дамоў,
А миѣ, мачадѣ, и тутъ дабрѣ, и тутъ дабрѣ:
Хатку мила—талиръ (и—рубѣль) нашла, талиръ нашла,
Сѣнцы мила—и другій нашла, и другій нашла!

На двѣры собѣца низіюсінька, 2
Да ужэ шть мы разьѣдимся!
Да й стань, Маруська, паканца
[стѣлу, 2
Хуть жа мы наглѣдимся!
А тутъ вѣлачки нивядѣмоя, 2
Блудить жа ты бѣдишь,

А тутъ сусѣдцы низнаёмыя—2
Судитья тебѣ бѣдуть!
— А я вѣлачки ѣсъ развѣдаю—2
Блудити ня бѣду,
Съ сусѣдцами распознаюся—2
Судити ня бѣдуть.

При отъздѣ, сестра молодой сестрѣ молодого.

„Прашу́ тебе, май свѣтица, съ павѣги:
Капъ ни было маей сястры́цы зивѣги!
Капъ ни была павѣтачка за хатку,
Капъ ни была сусѣдачка за матку,
Капъ ни стаяла тѣмнишкай ночи падъ акномъ,
Капъ ни ўвивала бѣлинькихъ нѣжакъ падалкомъ,
Капъ ни ўтирала дробнинькихъ слѣзакъ рукаўкомъ!“
— А маўчы́тя, мае свѣтицы, маўчы́тя,
Ды вы шъ це патиху́синьку наўчы́тя:
Нихай инѣ рапѣсинька устае́ть,
Нихай инѣ сѣнцы й хатку падыатѣ́ть,
Нихай инѣ на вѣлку шѣмки ни пасе́ть,
Нихай инѣ падъ угѣльчикъ пасы́пить,
Нихай инѣ и нѣжками прыто́пчыть,
Нихай инѣ и слѣскамі паліе́ть,—
Нихто на не худой слѣвачки ни панясе́ть!

Заключительная, по возвращеніи приданокъ, когда ѣдятъ курицу, данную
у молодыхъ.

Бдѣтя, сваты: да до́му, да до́му,
Па́шли кони сало́му, сало́му,
Каля пло́тьтя крапиву, крапиву,
У эстарбнкахъ (въ гүмнѣ) мякѣну, мякѣну!
У насъ учора свадьба бала́, свадьба бала́,
А сягбнѣня хмель ды дудá, хмель ды дуда.
А хмель кáжыть: гой-гой-гой! гой-гой-гой!
Мамга кáжыть: Божа шѣ мой, Божа шѣ мой:
Пашнá у свѣринѣ—кúффра (сундукъ) нѣтъ, куффра нѣтъ!
Прышнá у хатку—дачкѣй нѣтъ, дачкѣй нѣтъ,
Толькѣ сѣна натрасѣна. дѣ дитѣтку павязѣна!

Д. Заулки. Прекрасныя пѣсни захолустныхъ Заулокъ записаны мѣстнымъ крестьяниномъ — самоучкой Степаномъ Филипенковымъ, 21 года, отъ кр-нокъ Ѳедосѣ Казиміровкой, 57 л., Магдалины Тимофеевой, 60 л. и Елисаветы Степановой, 63 л., и провѣрены и дополнены мною со словъ сестры Степана — Анны Филипенковой. См. Бѣл. Сб. VII, стр. IV. Не лишне сказать, что деревня эта населена бѣлоруссами, совращенными въ католичество.

III. Похоронный обрядъ.

Когда больной начинает умирать, въ домѣ водворяется полная тишина. Старшій изъ присутствующихъ зажигаетъ восковую свѣчу, по большей части Страстную, принесенную изъ церкви въ Страстной четвергъ, или Громничную, освященную 2 февраля, тамъ, гдѣ это дѣлается, и даетъ ее въ правую руку умирающему. Въ это время больной благословляетъ членовъ семьи и дѣлаетъ окончательныя распоряженія по имуществу. Въ Рогачевскомъ уѣздѣ, при трудной кончинѣ, больного подкуриваютъ освященной Духовской травой или вербой. Также кладутъ на тулупъ, но не на солому. Въ Гомельскомъ у. умирающаго снимаютъ съ подушекъ, набитыхъ перьями, — которые вообще затрудняютъ смерть — и кладутъ на сѣно или на солому. Какъ только послѣдуетъ кончина, всѣ крестятся и молятся за умершаго: „Вѣчный покой, царство небесное, рай свѣтлый!“ И тотчасъ же отправляются къ священнику съ просьбой приказать позвонить „по душѣ“. При этомъ берется вѣнчикъ и молитва, и вносится нѣсколько копѣекъ „на позовное“.

Дома тѣмъ временемъ готовятъ чистой теплой воды и моютъ ею посреди хаты, въ сидячемъ положеніи, тѣло умершаго. Затѣмъ одѣваютъ покойника въ чистое бѣлье, опоясываютъ поясомъ, за поясъ закладываютъ кусокъ холста въ видѣ утиральника, чтобы было чѣмъ утираться при всеобщемъ воскресеніи, на ноги надѣваютъ или наскоро сшитые изъ чернаго коленкора „бушмаки“, или обыкновенные легкіе лапти изъ липовыхъ лыкъ — „постолы“. На окія ставится стаканъ съ чистою водою и вѣшается полотенце, чтобы и душа умершаго имѣла возможность вымыться и чистою явиться на тотъ свѣтъ. Вода эта стоитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока умершаго похоронятъ. Во все это время также не подметають сора въ избѣ и не выбрасываютъ его на дворъ, „на смѣтѣннице“.

Ложѣ для покойниковъ готовятъ на правой лавкѣ подъ образами для мужчинъ и на лѣвой для женщинъ. Сюда кладутъ тотъ же сѣнникъ, на которомъ лежалъ больной и въ головѣ ту же подушку; покрываютъ все это простыней или „радѣмъ“. Покойника укладываютъ на ложѣ головою къ образамъ. Вѣки глазъ плотно закрываютъ, чтобы никого не высматривать брать съ собою; ноги протягиваютъ такъ, чтобы не было изгибовъ; руки складываютъ на груди крестообразно, для чего даже связываютъ ихъ въ кистяхъ; на головѣ на-

кладывается вѣнчикъ, въ правую руку снова втискиваютъ свѣчу, и накрываютъ всего покойника наметкою — полотномъ или сѣтчатою домашнею тканью, въ видѣ грубой марли.

Послѣ того, какъ покойникъ будетъ возложенъ на ложе, зажигаютъ предъ образами свѣчу или, гдѣ есть, лампадку, и сельскій грамотей начинаетъ медленно, съ растягиваніемъ словъ, читать псалтырь. Подъ книгу хозяева подстилаютъ кусокъ холста или ситцевый платокъ, который поступаетъ потомъ въ собственность чтеца. Читать псалтырь можно и сидя, но послѣ каждой „славы“ чтецъ обязанъ встать и крестясь прочесть поминальную молитву. Съ нимъ вмѣстѣ встаютъ и молятся всѣ присутствующіе.

Въ домѣ умершаго собираются родственники и знакомые, по религіознымъ побужденіямъ. Каждый пришедшій молится на образа и шепотомъ читаетъ: „Отче нашъ“. Молитва эта заканчивается пожеланіемъ: „Вѣшныи пакбѣи, царства нябесная, рай свѣтлый душѣ праставѣнай (преставившейся)!“

Домашними приглашаются опытные сосѣди дѣлать гробъ, копать яму. При этомъ и тѣ и другіе обильно угощаются водкой, по половицѣ: „Смерть да радѣны ни глядѣть добрыя гадѣны! И тыперака ни зъ гора жъ утапѣтца, — на чарцы трѣба выпить!“ И пьютъ, крестясь и съ пожеланіями вѣчнаго покоя и царства небеснаго.

Голошеніе по покойникѣ происходитъ нѣсколько разъ: тотчасъ, когда онъ умретъ, пока дѣлаются приготовленія къ обмыванію тѣла; когда тѣло обрядятъ на ложѣ; въ перерывы между чтеніемъ псалтыря; когда покойника кладутъ въ гробъ и выносятъ изъ хаты, и при опусканіи въ могилу. Если проводы отъ дома до кладбища совершаются почему-либо безъ причта, голошеніе обязательно.

Мужчины плачутъ весьма рѣдко. При видѣ сокрушенія семьи покойнаго у нихъ только навертываются слезы на глаза. Голосѣть же исключительно женщины. Голошеніе считается обязательнымъ, но если оно продолжается слишкомъ долго, присутствующіе останавливаютъ голосящую: „Гбѣя ўжѣ табѣ, Сахвѣя! Слизѣми мѣртвага ни паднѣмишь! Уси тамъ будимъ, только ни ў вадѣб ѳрѣмъ!“ Такъ же и мать удерживаетъ свою дочь, если она слишкомъ убивается по отцѣ: „Май дѣтка, гбѣя табѣ слѣзки лить: батьки съ тагѣ свѣта ни вѣрнишь!“

Гробъ дѣлается большею частью изъ сосновыхъ досокъ и имѣетъ обычную форму. Для взрослого длина его около 3 арш., ширина у головы до 1 арш., высота около 12 вершк. Ни снаружи, ни внутри гробъ ничѣмъ не обивается. Въ него кладутъ сѣно и стружки, а также травы, освященные „на Маковей“ 1 августа. Все это прикрывается холстомъ. Подъ головы кладется подушечка изъ стружекъ или изъ листьевъ вѣшниковъ, въ крайнемъ случаѣ — изъ сѣна.

Гробъ вносятъ въ избу и ставятъ подлѣ умершаго, а крышку оставляютъ въ сѣняхъ.

Мастерамъ, дѣлавшимъ гробъ, и рабочимъ, копавшимъ могилу, по окончаніи ими работъ, снова подносится водка и дается закуска. Погребеніе происходитъ обыкновенно на второй день послѣ смерти. Для погребенія обязательно приглашается причтъ, приносится изъ церкви крестъ и хоругви. Родственники и знакомые приходятъ по желанію. Предъ образами зажигаются свѣчи и лампады, присутствующимъ также даются свѣчи, при чемъ свѣча священника обертывается въ платокъ, а другія въ холстъ. Священникъ облачается въ траурную ризу и совершаетъ отпѣваніе; затѣмъ покойника кладутъ въ гробъ. Тогда всѣ прощаются съ умершимъ, цѣлуя его руку. Потомъ гробъ закрывается крышкой и сверху кускомъ холста и выносится. Вслѣдъ выносимому сыплютъ горстями рожь или ячмень, — „чтобы въ домѣ больше не было смерти“, потомъ убираютъ ложе, гдѣ лежалъ покойникъ, метутъ полъ и выносятъ накопившійся соръ. Убираютъ съ окна стаканъ съ водою и полотенце.

Зажиточныхъ покойниковъ приносятъ прежде въ церковь, гдѣ совершается панихида или литія, бѣдныхъ несутъ изъ дома прямо на кладбище, но противъ церкви, при выходѣ изъ селенія и на распутьяхъ дѣлаются остановки и читается евангеліе.

На кладбищѣ послѣ литіи крышка прибивается гвоздями и гробъ на длинныхъ полотенцахъ опускается въ могилу. На засыпанной могилѣ тотчасъ же ставится крестъ, хотя маленькій временной, пока будетъ сдѣланъ постоянный.

Съ кладбища причтъ, присутствующіе и приглашенные нищія отправляются въ домъ покойника и тамъ имъ предлагается „минальный обѣдъ“, или „гарачки“. Горячками обѣдъ называется потому, что къ нему обязательно подается горячій пшеничный хлѣбъ — паленицы, который не разрѣзывается ножомъ, а разламывается на куски руками, чтобы изъ него свободно выходилъ горячій паръ. Дѣлается это для того, чтобы душа умершаго этимъ паромъ подкрѣпилась при предстоящемъ ей далекомъ путешествіи на тотъ свѣтъ.

Священникъ совершаетъ въ домѣ литію съ провозглашеніемъ вѣчной памяти покойному, потомъ всѣ садятся за столъ. На столѣ заранее готовится „канунъ“ изъ разсыченной медомъ воды съ покрошенными баранками. Послѣ кануна желающимъ предлагается водка, а священнику вино или медъ. Выпивая эти напитки, присутствующіе крестятся и говорятъ: „дай же Божа нашему нябѣцику вѣшний пакой, царства нябѣснаго, рай свѣтлый! Нихай спачивая да насъ доуга даждыда!“ Кушанья подаютъ къ столу обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: борщъ изъ бураковъ или капусты, супъ изъ какой-либо крупы, лапшу, жареное мясо или рыбу, пирожки, кашу и узваръ. Количество блюдъ зависитъ отъ степени зажиточности.

Послѣ обѣда всѣ снова молятся, и поблагодаривши хозяевъ, уходятъ. Причту при этомъ дается условленное вознагражденіе, пять

паленицъ, холстъ, которымъ былъ покрытъ гробъ во время проводовъ, и платочки или холстинки, въ которыхъ были завернуты свѣчи при отпѣваніи. „Церковное“ — за хоругви, мары, вѣнчикъ и молитву и на позвоніе отдается церковному старостѣ.

Поминовенія умершихъ совершаются въ третій день по смерти — третіны, въ девятый день — девятины, въ сороковой день — сороки, въ день полугодія и въ годовщину. Въ три послѣдніе срока служатся въ церкви панихиды, а дома устраиваются „засдоровные столы“, такъ называемые потому, что причтомъ совершаются въ домѣ молебны о здравіи живущихъ. Порядокъ обѣдовъ тотъ же, что и въ день погребенія.

Въ остальные дни поминовеній панихидъ не служатъ, а поручаютъ молиться за умершаго нищимъ, которые поютъ обыкновенно слѣдующій стихъ:

Госпади, спамини!
Дяды ваши да бабѹси,
Атцѹи ваши да матѹси,
Дядьки ваши да тѣтки,
Братѹи ваши да сѣстры,
Дѣтатки ваши малѣнькіи,
Ангалы хрыщѹбныи,
Чада вазлюбѣныи!
Госпади Божа, спамини:
Да дивѣятага пакалѣнїи,
Да дисѣятага пачытанїи,
У вялѣкамъ рѹбѣти,

Катѹрыхъ мы ня знаѹмъ,
Самъ Богъ спазнѣа,
Па ймяни пачытаѣа!
Данїеї, Госпади,
Да царѣ Давѣда,
Да гѹрада Русалїма,
Да прѣдкага Адама,
Да пресвѣтлага царства!
Защипы, Госпади,
У книги духѹбныи,
У граматы царкѹбныи,
У псалтѣрь вѣшний!

Затѣмъ провозглашается вѣчная память: „Во блаженномъ успѣніи“ и т. д.

С. Красная Буда. С. Поповка, Гомельск. у.

Какъ только умереть кто-нибудь въ домѣ, родственники зовутъ сосѣдей для обмыванія умершаго. Послѣ обмыванія одѣваютъ его въ самую лучшую одежду, обуваютъ въ лапти и возлагаютъ подъ образами на лавкахъ: мужчину на правой, а женщину на лѣвой. Если постоянныя лавки узки, къ нимъ приставляются подвижныя скамейки. Затѣмъ приглашаютъ грамотея или дьячка читать псалтырь. Передъ этимъ зажигаютъ свѣчу предъ иконами и молятся. Послѣ молитвы хозяева приглашаютъ пришедшихъ сродниковъ и сосѣдей къ столу, угощаютъ ихъ водкой и закуской. Каждый, принимая водку, крестится и приговариваетъ: „Правидныи радѣтильки, прийїтя, хлѣба-соли зысылаїтя и на насъ ни зыбываїтя! А ты (имя покойника), сы свѣтлыми спычиваї, на насъ ни зыбываї! Хади къ намъ хлѣба-соли кѹшыть и гарѣлки пить!“

Послѣ угощенія один идутъ могилу копать, другіе дѣлають гробъ. Родственники плачутъ надъ покойникомъ, съ причитаніями, вмѣстѣ съ ними плачутъ втихомолку и всѣ присутствующіе. Потомъ бабы начинаютъ уговаривать плачущихъ: „Ширстанъ, Прасинька, плакать, гылавъ сваю раздѣрывать! Ты стымъ яго ни надѣмиши. Дѣмий-ка луччи, якъ бы яго схувать ды пымянутъ!“

Тѣло умершаго должно обязательно пребыть въ хатѣ одну ночь. При немъ безотлучно находятся и сосѣдки. Какъ только начинается разсвѣтъ, всѣ моются и моютъ *лицо мертвецу* и затѣмъ вытирають полотенцемъ. При этомъ разговариваютъ съ нимъ, какъ съ живымъ: „Нада тибѣ памыть, Григорка! Нѣшта ты сянъни зыспаўся: ня дѣмиши ни 'бъ чомъ! И пригожа прибраўся!“ и т. п.

Затѣмъ зажигаютъ свѣчу предъ иконою и молятся Богу. Предъ окончаніемъ молитвы, ближайшія родственницы умершаго выходятъ изъ избы на дворъ или даже на улицу—„чтобъ слышали сосѣди, „и начинаютъ громко причитать по покойникѣ. Этотъ обрядъ называется „гукань-емъ нябожика“. Главное содержаніе причитаній въ этомъ случаѣ состоитъ въ призывахъ покойника: „Пайду-тка я свайгѣ татку пагукую! Пайду-тка я яго пайцу! Ти ни найду я яго гдѣ-нибудь! Куды ёнъ ать мяне такъ скора улятъ?“

По окончаніи гуканья ночевавшимъ женщинамъ подносятся по рюмкѣ водки, и онѣ уходятъ. Семья начинаетъ готовить жалобный столъ.

Сопровождать покойника на кладбище, если оно въ той же деревнѣ, считают долгомъ всѣ родственники и сосѣди. Когда гробъ опустятъ въ могилу, присутствующіе, кромѣ родственниковъ, обязаны бросить на гробъ по три горсти земли. Родственникамъ это запрещено, потому что „покойнику будетъ отъ ихъ земли тяжело на томъ свѣтѣ“. По возвращеніи съ кладбища, бабы хватаются три раза за печку рукою—чтобъ не было больше въ хатѣ „ховтуръ“ (похоронъ, вѣроятно, отъ слова ховать—хоронить) и „канъ ни було клапоу, тараканы и прусоу“.

Первымъ блюдомъ подается кутья—по возможности, пшеничная каша, разсычанная медомъ. Къ ней прикрѣпляется восковая свѣча, которая зажигается предъ тѣмъ, какъ садиться за столъ. Старшій членъ семейства беретъ также глиняную кадилицу или простой черепокъ, кладетъ туда нѣсколько горячихъ углей и на нихъ бросаетъ нѣсколько зеренъ ладау. Покадивъ ладаномъ кутью и весь столъ, онъ ставитъ кадилицу на все время обѣда у образовъ, предъ которыми тоже зажигаются свѣчи.

Помывши руки, всѣ молятся Богу предъ иконами и уже тогда начинаютъ обѣдать.

Поминки совершаются по прошествіи трехъ недѣль, шести недѣль и года. Въ эти дни тоже готовится кутья, съ которою ближай-

шія родственницы отправляются утромъ на кладбище, застилають могилу скатертью, ставятъ на нее кутью и водку и, помолвившись, обнимають могилу руками и голосятъ, повторяя тѣ же причитанія, которыя говорились при погребеніи. Заканчиваются эти причитанія „гуканьемъ“ покойника на обѣдъ. Поплакавши, отвѣдываютъ принесенной кутьи и водки и возвращаются домой къ обѣду.

Въ эти дни приглашаются къ столу только родственники и лица, принимавшія участіе въ обмываніи покойника, устройствѣ гроба и могилы.

С. Любавичи, Мстисл. у.

Когда предвидится скорая кончина больного, къ нему собираются родственники и слѣдятъ за наступленіемъ смерти. При кончинѣ умирающему даютъ въ правую руку зажженную свѣчу отъ образовъ и держатъ тамъ, пока наступитъ смерть. Тогда свѣча вынимается изъ руки и горящая ставится къ образамъ.

Омывши тѣло, одѣваютъ покойника въ чистое бѣлье; мушкетъ надѣваютъ бѣлые полотняные рубаху и штаны, поясъ, на шею бѣлый платокъ, на голову бѣлую войлочную шапку, поновѣе; ноги обуваютъ въ лапти съ бѣлыми холщовыми онучами и черными суконными оборами. Только у бѣдняковъ употребляются при этомъ обычные веревочные оборы. Женщинѣ надѣваютъ бѣлая полотняныя рубаху и юбку, красный шерстяной андарахъ, кофту, на голову бѣлую наметку съ красными узорами по концамъ, а дѣвушкѣ бѣлый или цвѣтной ситцевой платокъ; на ноги лапти. Ложе для мужчины устраиваютъ на лавкѣ, идущей отъ полатей, а для женщины на той, которая идетъ отъ печи. Для чтенія псалтыря приглашается грамотный крестьянинъ. Въ то же время начинаютъ дѣлать „домовицу“ и копать „ямку“ „на кладовы“. Изъ церкви приносятъ руконосный крестъ и „протасёю“—траурную хоругвь, и устанавливаютъ ихъ у головы покойника.

Когда гробъ будетъ оконченъ, его приносятъ въ избу, обиваютъ изнутри бѣлымъ холстомъ и выстилають дно цвѣтами, свѣжими или сушеными, смотря по времени года, или же листьями вѣшниковъ. Подъ голову кладутъ нарочито сшитую подушку изъ тонкаго холста, также набитую цвѣтами или листьями вѣшниковъ. Затѣмъ гробъ ставится подлѣ покойника на скамейкѣ.

Причитаніямъ отводится большое мѣсто и каждое изъ нихъ приурочивается къ извѣстному моменту ховтуръ.

По приѣздѣ священника прежде всего окропляется гробъ и въ него полагается покойникъ. Затѣмъ происходитъ отпѣваніе.

Гробъ съ тѣломъ несутъ на кладбище мужчины, безъ различія къ полу умершаго. Если же кладбище далеко, тогда его везутъ на лошади, принадлежавшей покойному.

Послѣ погребенія всѣ возвращаются въ домъ. Священникъ совершаетъ литію и благословивъ „канунъ“, по большей части уѣзжаетъ домой. Остальные садятся за столы—мужчины „на кутъ“ подь образами, а женщины или на другомъ концѣ стола или за отдѣльнымъ столомъ—и начинаютъ обѣдать. Прежде всего обязательно ѣдятъ, по немногу каждый, „канунъ“, то есть пшеничную кашу, разведенную теплой водой съ медомъ. Потомъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и закусываютъ блинами; послѣ блиновъ подается борщъ съ мясомъ или саломъ, а въ постъ—съ рыбой или просто съ мучною затолокой и съ „олеемъ“—коноплянымъ масломъ. Затѣмъ въ скоромные дни подаются колбасы или яичница и въ заключение—галушки изъ гречневой или пшеничной муки. Галушки составляютъ обязательное блюдо для похороннаго обѣда. Водка подается предъ каждымъ кушаньемъ. Гость, принявъ отъ хозяина чарку, крестится и говоритъ: „Пашай жъ, Божа, ямѹ (покойнику) царства небесная, грѣхѹ анущенія, дущачки спасѣнія!“ И пьетъ. Водки выпивается много. Послѣ обѣда всѣ расходятся.

На третій день послѣ смерти справляются „третѣшны“ и на девятый день—„девятѣшны“. Къ нимъ приглашаются только лица, принимавшія участіе въ похоронахъ своимъ трудомъ, а также самые близкіе родственники. Столъ въ эти дни бываетъ обыкновенный, канунъ и галушки не готовятся; подаются же блины, борщъ, каша и какой-либо супъ изъ крупы. У богатыхъ, кромѣ того, угощаютъ яичницей и медомъ. Употребленіе водки такое же, какъ и въ день похоронъ.

Въ сороковой день отправляются „шастѣшны“—шесть недѣль. Хозяинъ беретъ бѣлую булку и стаканчикъ меду и отправляется съ ними въ церковь. Тамъ кладетъ ихъ на аналой, зажигаетъ свѣчу и проситъ священника отслужить панихиду. Затѣмъ возвращается домой съ булкой, крошитъ ее въ разсыченную воду и подаетъ на столъ. На шестинахъ бываютъ также только лица, прикосновенныя къ погребенію. Обѣдъ дѣлается обильный, изъ пяти-шести блюдъ, какъ и погребальный. На всѣхъ этихъ поминкахъ женщины поютъ такъ называемые „жалобные стихи“.

Этими тремя днями ограничиваются поминки покойника. Помимо ихъ поминовеніе совершается уже въ общіе поминальные дни: радовницу, дѣды.

М. Пропойскъ, Быхов. у.

Какъ только умереть кто-нибудь въ хатѣ, ближайшая родственница выходитъ на улицу и громко плачетъ съ причитаніями. Приходятъ люди, не изъ родныхъ, обмываютъ и одѣваютъ покойника въ чистое холщовое бѣлье, на ноги надѣваютъ чулки или просто обертываютъ ихъ въ чистыя холщевыя тряпки. Тѣло кладутъ на лавкѣ,

подостлавъ на ней ржаной соломой и прикрывъ ее холстиной. Мужчинъ на правой лавкѣ, а женщинъ на той, которая насупротивъ входной двери.

Глава семьи отправляется къ священнику, чтобы позвонили по покойникѣ и выдали крестъ и двѣ или четыре хоругви, а также вѣнчикъ и молитву. Принесенныя хоругви и крестъ ставятся до выноса на завалинкѣ у наружной стѣны, почему прохожіе узнаютъ, что въ домѣ покойникъ, и снявъ шапки, молятся.

Въ то же время приглашается кто-либо читать псалтырь. При этомъ обязательно должна горѣть лампадка предъ образомъ или свѣча восковая.

На столѣ ставится бутылка съ водкою, рюмка, и кладется хлѣбъ и соль, для угощенія приходящихъ. Рюмка должна стоять наполненною до погребенія тѣла. Послѣ же погребенія, въ теченіе шести недѣль, въ углу подъ иконами ставится стакацъ, наполненный водою, въ силу повѣрья, что до сорокового дня душа покойника находится въ домѣ и нуждается въ питѣи.

Гробъ дѣлается на дворѣ умершаго изъ сосновыхъ или словыхъ досокъ, безъ особой отдѣлки, нерѣдко даже нетесаныхъ. Дно гроба выстилается прутьями развязанныхъ вѣшниковъ; поверхъ прутьевъ кладется поперекъ гроба поясъ, на немъ гробъ устилается по дну длиннымъ кускомъ холста, а боковыя стѣны обиваются бѣлымъ коленкоромъ или тоже холстомъ. Вмѣстѣ съ гробомъ въ хату вносятъ пенки и стружки отъ него, постилаютъ ихъ на полу около дожа покойника и на нихъ ставятъ гробъ. Поясъ кладется въ гробъ въ силу повѣрья, что покойникъ при воскресеніи долженъ явиться на судъ непременно оюясаннымъ.

Тѣло кладется въ гробъ по отпѣваніи. Когда его вынесутъ на дворъ и положить на телѣгу или на сани, женщина обсыпаетъ зерновымъ хлѣбомъ вокругъ телѣги и нѣсколько впереди ея, по предстоящему пути. Дѣлается это въ знакъ того, что умершіе въ свое время воскреснутъ.

Къ кладбищу покойника сопровождаетъ большинство жителей селенія.

Женщина, обсыпавшая гробъ, остается дома и очищаетъ избу. Собранный соръ и соломѣ, служившую подстилкой на ложѣ, она выноситъ на улицу и сжигаетъ у угла дома,—чтобы въ немъ не было больше покойниковъ.

Когда возвратятся съ кладбища, хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ. Та же женщина, о которой говорилось выше, помолясь, беретъ кусокъ хлѣба, канунъ и рюмку водки и, ставши въ дверяхъ избы, приглашаетъ покойника на обѣдъ, называя его по имени¹⁾.

¹⁾ О роли женщины въ славянскомъ погребеніи см. Нибъ-Фецлана и друг. араб. писателей.

Послѣ этого хозяинъ, стоя у стола съ рюмкой водки въ рукахъ, говорить присутствующимъ:

— Нихай жа ўжо нашъ пакѡйничикъ Ригорка свѣтиникъ ляжѣть и ны насъ грѣшныхъ съ тагѡ свѣту ни зыбываѣть, ды хлѣба-соли зысылаѣть,—капъ намъ самимъ было што спыжываѣть и ягѡ правидную дѹшычку спыминаѣть! Чесныя жъ и правидныя радѣильки! Хадѣти къ нашуму сталѹ, гарѣлычки вѣпнѣть и зы батѣкывыю малитвыю хлѣба-соли пакѹшыть! Зы здраўя жъ васъ, гѡсѣтники!

— Пѣтя жъ ужѡ ны здарѡўнца! Дывай жа Гѡспыди, капъ на етымъ сталѣ ни папѣта, ни паѣдина булѡ!

Послѣ обѣда всѣ расходятся.

„Третины“ и „девятины“ совершаются семейнымъ порядкомъ. Изъ блюдъ готовятся: полівка, клѣцки, каша и блины. Помолясь предъ обѣдомъ Богу, старшій въ семьѣ говорить:

— Пымяни жъ, Гѡспыди, душычку Ригѡркыву! Хадѣ ты, Ригорка, къ нашуму сталѹ хлѣба-соли атѣушыть!

И послѣ этого обѣдаютъ.

Въ девятый день готовятъ еще канунъ, надъ которымъ священникъ совершаетъ у себя въ домѣ панихиду по покойникѣ.

Канунъ потребляется домашними въ началѣ обѣда.

„На шастѣны“, въ сороковой день послѣ смерти, въ церкви служится заупокойная литургія, а на кладбищѣ надъ могилою—панихида. Къ поминальному обѣду въ этотъ день приглашаются всѣ тѣ лица, которыя личнымъ трудомъ принимали участіе въ погребеніи покойника, то есть, мывшія его, дѣлавшія гробъ, рывшія могилу, несшія крестъ и хоругви и т. п.

Такое же поминовение совершается и въ день годовщины смерти.

М. Рудня, Оршан. у.

Умершаго старика обмываютъ старики, а умершую старуху—старыя женщины. Молодѣйшихъ моютъ болѣе молодые. Въ случаѣ нужды тѣла умершихъ мужчинъ обмываютъ женщины и наоборотъ. Покойниковъ одѣваютъ въ чистое бѣлье, на шею повязываютъ платокъ, ноги обуваютъ въ лапти. Кладутъ ихъ на лавкѣ, въ концѣ стола: мужчину кладутъ на мужской лавкѣ—противъ дверей, а женщину на женской лавкѣ—по лѣвую или по правую сторону отъ дверей, смотря по направленію хаты.

Гробъ выстилаютъ стружками и прутьями вѣшниковъ, подушку набиваютъ сѣномъ. Мужчинѣ въ гробъ кладутъ шапку подлѣ головы; женщинѣ, умершей отъ мучительныхъ родовъ до рожденія ребенка, кладутъ въ гробъ пеленки, поясъ-сповѣвичъ, рубашечку и платочекъ—сповить ребенка.

Когда умершаго понесутъ на кладбище, женщина, оставшаяся дома, спѣшитъ убрать ложе покойника, подмести полъ, вымыть столъ, скамейки, окна и двери.

Возвратившись съ кладбища, всѣ моютъ руки и тогда садятся за столъ. Обязательнымъ кушаньемъ считаются галушки. Выпивая водку, высказываютъ такое пожеланіе:

— Царства ямѹ тамъ нябѣсная! Пирѡмъ ямѹ зимля, а намъ на дѡбрая здарѡўя!

Послѣ обѣда зорко наблюдается, чтобы изъ хаты не вышелъ молодой раньше стараго: кто раньше выйдетъ, тотъ раньше и помретъ. Повѣрье это не касается членовъ причта, которые обыкновенно выходятъ раньше другихъ.

Поминки дѣлаются въ третій день, девятый, двадцать первый и сороковой. Приглашаются лица, дѣлавшія гробъ, копаншія могилу, мывшія покойника и т. д. Обѣдъ приготовляется изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и на похоронахъ.

С. Городецъ, Быховск. у.

Какъ только умретъ кто-либо изъ семьи, тотчасъ женщины, не снимая тѣла съ смертнаго одра, начинаютъ громко плакать съ причитываніями, или „выть съ причитаньемъ ны нябожнику“. Сначала онѣ плачутъ надъ умершимъ, а потомъ выходятъ на дворъ и плачутъ тамъ, чтобы оповѣстить о покойникѣ жителей деревни. Услышавъ плачь, сосѣди и родные умершаго приходятъ къ покойнику и начинаютъ утѣшать плачущихъ. Когда первое чувство горечи утихнетъ, домашніе сообщаютъ пришедшимъ всѣ мельчайшія подробности кончины, его слова, движенія, взгляды. А тѣмъ временемъ идутъ приготовленія къ омовенію тѣла. Для того, чтобы его омыть, снимаютъ покойника съ постели, на которой онъ умеръ, и усаживаютъ на скамѣю посреди хаты гдѣ и происходитъ омовеніе. Тутъ же покойника и одѣваютъ, а дѣвушекъ причесываютъ. Умершихъ мужчинъ моютъ мужчины, а женщинъ женщины. Никто не долженъ отказываться отъ этой работы: „И мы намрѣмъ, и насъ людички добрыя будутъ мыть!“ Моютъ тѣло не долго, но достаточно чисто: „чисьтинька, капъ душѣ нябожника на томъ свѣти булѡ затѣшнинька!“

Одѣваютъ покойниковъ въ бѣлое чистое бѣлье, опоясываютъ синимъ поясомъ; на голову мужчинѣ надѣваютъ шапку, а если священникъ протестуетъ противъ этого, прячутъ ее въ гробъ подъ подушку. Женщинѣ обвязываютъ голову бѣлой наметкой; дѣвушка хоронится съ непокрытой головой. На ноги мужчинамъ надѣваютъ бѣлыя онучи и новые лапти, а женщинамъ и дѣтямъ—чулки, „панчохи“.

Одѣвши, тѣло переносятъ на лавку, „на кутъ“, и кладутъ тамъ головою къ образамъ. Мужчинѣ кладутъ на „половую“ лавку, идущую

отъ пола (постели) къ куту, а женщину на „пороговую“ лавку, идущую отъ входныхъ дверей. На этомъ ложѣ тѣлу придаютъ надлежащее положеніе: связываютъ на груди крестообразно кисти рукъ, чтобы не сдвигались, подвязываютъ подбородокъ, чтобы не открывался ротъ, кладутъ на глаза мѣдныя монеты, чтобы плотно сомкнулись вѣки, и т. д.

Послѣ этого все обращается къ иконамъ и молятся. Каждый читаетъ про себя все молитвы, какія знаетъ, но обязательно прочесть „Отче нашъ“. Послѣ молитвы одинъ изъ присутствующихъ говоритъ: „Вѣшний покой, царства небесная, покойная мѣста! Промѣ ямѣ зямелька!“

И тогда снова начинаютъ оплакивать покойника. При этомъ считаютъ долгомъ поплакать и многія изъ пришедшихъ женщинъ, хотя бы изъ далекой родни. Если бы онѣ этого не сдѣлали, имъ быль бы „грѣхъ“. Мотивъ плачей у всехъ одинаковый, но текстъ причитаній различный.

Мужчины не плачутъ и стараются скрывать наворачивающіяся на глаза слезы, но держатъ себя сосредоточенно и печально.

О покойникѣ дается знать священнику въ самый день смерти. Изъ церкви тогда же приносятся вѣнчикъ, хоругвь и крестъ. Это называется „святлѣсть“. Святлѣсть ставится снаружи, у окна. Копать могилу и дѣлать гробъ приглашаются люди чужіе. Своимъ домашнимъ этого нельзя дѣлать подѣ страхомъ кары Божіей. Къ вечеру въ домъ приглашаются старики и старухи сидѣть ночью „надъ нябощикамъ“. Грамотен читаютъ псалтырь. На другой день рано утромъ близкая родственница умершаго снова выходитъ на дворъ и громко причитаетъ по покойникѣ, чтобы напомнить о немъ жителямъ деревни. Хоронятъ обыкновенно на второй день. Вызывается это во первыхъ тѣмъ, что обязательное угощеніе многочисленныхъ посѣтителей при долгомъ пребываніи покойника въ домѣ причинило бы хозяевамъ большіе расходы, а во вторыхъ и существующимъ убѣжденіемъ, что „нябощику дужа труднишка датѣль, пакуль ни зыкапѣють ягѣ у зямелічку“.

Отпѣваніе совершается обыкновенно въ полдень. Послѣ отпѣванія кладутъ тѣло въ гробъ и присутствующіе „прощаются съ нябощикомъ“.

Снова начинаются причитанія, которыя продолжаются до тѣхъ поръ, пока закроется могила.

Съ кладбища все присутствующіе приглашаются „на хаѣтурный абѣдъ“. Здѣсь прежде всего подается „кануи“—разведенный на водѣ медъ съ покрошенной булкой или баранками; потомъ подается водка и „кулешъ“, приготовляемый изъ пшеничной или гречневой муки, затѣмъ остальные кушанья—борщъ изъ капусты, супъ съ крупю—„крупеня“, каша, блины.

На третій день, утромъ, до восхода солнца, родственница умершаго снова выходитъ на дворъ и громко плачетъ, напоминая жителямъ, что въ домѣ былъ покойникъ.

Спустя три недѣли, по покойникѣ „поднимаютъ проскурѣ“. Родные несутъ въ церковь „рѣзники“, то есть треугольныя лепешки изъ пшеничнаго тѣста, стаканъ меда и пирогъ домашнего изготовленія. Священникъ совершаетъ панихиду и потомъ беретъ принесенный пирогъ и вмѣстѣ съ молящимися поднимаетъ три раза вверхъ. Этотъ обрядъ называется подніемъ проскуры.

Съ этой „проскурою“ идутъ домой и тамъ дѣлятъ ее между приглашенными родственниками и сосѣдями.

Въ сороковой день справляютъ „шестины“ (6 недѣль). Въ этотъ день священникъ приглашается въ домъ, гдѣ былъ покойникъ, и здѣсь совершаетъ панихиду. Затѣмъ слѣдуетъ обычный „хаѣтурный абѣдъ“—съ кануномъ, кулешомъ, блинами и т. д.

Мошков. вол., Орш. у.

Причитанія.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты рѣдьянѣйшій, а мой жа ты мѣлянѣйшій! А куды жъ ты сабрѣлся атъ насъ? Сабрѣлся ты у дѣльняю дарѣжку и ни вернисься ужѣ къ намъ! А на кагѣ жъ ты насъ кѣнаѣ аднѣхъ? А хто будя майхъ дѣтачакъ гадавать, а хто будя имъ хлѣбца дабывать? А ѣсть жа у насъ скатинка, а хто яѣ даглядѣть будя? А ѣсть у насъ пальцѣ, а хто жъ ягѣ намъ пахатъ будя? А хто жъ тяпѣрака будя рана уставати, да намъ рабѣту заказавати?

С. Недойка, Рогачев. у.

Дочь по отцѣ.

Тотчасъ послѣ смерти.

Татѣличка мой рѣдьянѣйшій! Нашто ты насъ пакидѣишь? Якъ намъ тяпѣрь пражѣтъ? Якъ намъ тяпѣрь прабѣтъ? Якъ намъ тябѣ забуватъ будя? Аткуль намъ тябе дажыдати, изъ якога вакѣнца тябе выгладѣть? Пакидѣишь насъ, татѣличка, атлитѣишь, галѣбчикъ-палѣсачка! Ты жъ нашъ гѣбѣтичикъ, нашъ мѣлянѣйшій: ямнога табѣ у насъ гасѣтиватъ,—навучи, татѣличка, якъ тябе забывати!..

Когда гробъ дѣлаютъ.

Татѣличка мой рѣдьянѣйшій! Нашто ты палѣбничкаѣ нанѣѣ? Сабраѣ ты рабѣтничкаѣ,—дѣлѣица ты хѣчишь, татѣличка! Чимъ мы табѣ ни ѣнаравѣли,—чаго ты пакидѣть насъ хѣчишь?

Когда гробъ готовъ.

Татуличка нашъ родыниый! Ты пабыччу табѣ дамавіну са-
стробили, ти па натуры гѣту хату издѣлали? (повторяется нѣсколько
разъ). Разгнѣваўся нашъ татуличка, разгнѣваўся нашъ родыниый!
Ничѣга зъ нами ни гаворышъ: хоть скѣльки съ табѣй ни гўкай, а ты
ничѣга ни твечишъ! Даў спакѣй сабѣ: ни прѣснѣшъ и ни прѣснѣся,
и ничѣга ни гаворышъ зъ нами....

Эти же причитанія говорятъ дочерью по матери, сестрою по братѣ и
по сестрѣ; при этомъ соотвѣтственно измѣняются обращенія: „матуличка“,
„матуличка“, „сястричка“, „братулинька“.

Сироты по матери.

Матуличка жъ наша родная, пакинула жъ ты насъ, дробныхъ
сирѣтакъ! Каму жъ ты насъ приказала? Будъ насъ тыперъ усѣдыхъ
поўна. Тыперъ жа у насъ и бѣтакъ и мѣтакъ будъ усѣдыхъ многа!
Находимся мы и голыя и босыя, и галѣдныя и халѣдныя! Якъ жа жъ
намъ тыперъ заставѣтца? У кагѣ жъ рубѣшачки намъ прасѣтъ? Кто жъ
насъ тыперъ абшываѣтъ будъ? Кто жъ насъ тыперъ будъ абмываѣтъ?
Кто жъ насъ будъ дагидать, матуличка жъ наша родная?...

Мать по ребенкѣ.

Маѣ дитѣтачка родыниыйка! Атытѣишъ жа ты далѣка атъ мя-
нѣ! Маѣ ягадка нѣдазрѣлая, бнѣсъ парѣ жъ ты атвалилася... Утрати-
ла жъ я сваѣ ягадку, а тыперѣка ни знайду я яѣ!

Весною:

А тыперѣка жъ успѣташачки зъ вырѣя лѣтять, а ты жъ, маѣ
дитѣтачка, палѣтѣу у вырѣ навѣки...

Осенью или зимою:

Ни байсѣся ты, маѣ праѣсачка, ни марѣзу, ни вѣтру, ни за-
мѣти! Кто жъ тамъ тыбѣ будъ дагидати, а хто тыбѣ будъ спавиваѣти,
къ каму ты тамъ прыхилѣсѣся, хто тыбѣ тамъ свазиѣя, хто тыбѣ
тамъ угадаѣя, дитѣтачка маѣ родыниыйка!...

А если дѣти мрутъ часто:

Маѣ дѣтачки, маѣ милыя, ня ўмѣю жъ я васъ гадаваѣтъ! Настаѣ-
лася я уже назаваратьѣю, напрасѣлася уже чужыхъ слугѣ! Чужыя
дѣтки на-ранки гоноуть, а свайхъ нѣдѣ ни ўгадаю, нѣдѣ ни спазнаю!
Дѣтачки маѣ милыя, ни хѣчѣты вы у мянѣ гадаваѣтца, ни ўмѣю я
васъ расѣтитѣ, гадаваѣтъ!...

Жена по мужѣ.

Мой гаспадарѣикъ, мой галубчикъ, нашто ты мянѣ пакинуу, на-
што ты мянѣ разарѣу? Каму жъ ты хадѣйства сваѣ отказау, каму
зъ дробными дѣтѣмъ мянѣ приказау? Якъ жа мнѣ зъ дробными дѣт-
ками тыперъ пражѣтъ? Якъ жа жъ мнѣ ихъ тыперъ гадаваѣтъ?...

Сестра по сестрѣ.

А маѣ жъ ты сястричка, маѣ мѣлинька, а якъ жа намъ съ та-
бою раставѣтца, нѣдѣ намъ съ табѣю сѣстракѣтца? Люди жъ—сѣстра
съ сѣстрѣй сайдѣтца, сѣстра съ сѣстрой пагавѣрютъ, а нѣсъ кимъ жа
мнѣ, сястричка маѣ родная?...

Если у покойной дѣти:

Сястричка маѣ мѣлинька, нашто жъ ты дѣтагѣ пакинула? На-
страждѣютца яны, па свѣту ходючи, а сваѣ матку шукаючи...

Внучки по бабѣ.

Бабѣличка наша родная, а нашто жъ ты насъ пакидаѣишъ? Ты жъ
насъ калыхала п гадала, наша тружѣдѣница, наша бабѣничка, а
тыперъ ты насъ аставѣишъ! Мы жъ тваѣ ручки па'тарвали,—насъ
нѣсѣючи, тваѣ нѣжки прѣтамили,—насъ калыхаючи, приказки намъ
усякѣя спѣваючи,—бабѣсичка наша родыниыйка!..

Пропойская вол. Быховск. у.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты гаспадарѣикъ, а якъ жа ты мянѣ пакидаѣишъ, а
зъ дробными дѣтачками? А хто жъ имъ будъ загадаваѣтъ, а хто жъ
ихъ пажалѣя, вумѣ-рѣзуму навѣча? А нѣ къ каму жъ имъ будъ га-
лѣвачки прыхинути!... А ў вялікаю жъ ты дарѣгу сабрауся, да ты жъ
ужѣ аттуля ни вернѣсѣся. А ти табѣ жъ надаѣла уже на етымъ свѣ-
ти?... И выбрау жа ты сабѣ хѣтачку дѣжа тѣмную, нѣма жъ у ей
ни вакѣнца, ни двѣрѣй!..

Мать по ребенкѣ.

А маѣ жъ ты ягадка нѣдазрѣлая, а чаго жъ ты такъ рана атеѣ-
паласѣ? Ти на тыбѣ жъ халѣдныя дождѣи ишли, а ти тыбѣ яркая
сблѣнушка спѣкаѣтъ?...

С. Городецъ, Быхов. у.

Дочь по отцѣ и по матери.

Мамачка (или—татачка) ты маѣ родная, а кудѣ ты атъ мянѣ
прыбрѣлася, а ў якую жъ дарѣжачку, а ў якую жъ старѣначку? А
кали жъ мнѣ тыбѣ ў гѣсѣти ждаѣтъ? Я бѣ вѣлѣчки павымѣтала бѣ,
дарѣжачки павысѣтѣтала бѣ, я бѣ мамачку (татачку) ў гѣсѣти ждала,
и столики бѣ назасѣтѣтала, и кѣбачки паналивала бѣ, мамачка маѣ
родыниыйка!..

Жена по мужѣ.

А дубочыкъ ты мой зѣлѣниый, а бѣрозка маѣ кудраваѣя, а ти
вѣтры жъ тыбѣ падвѣяли, а ти бѣры тыбѣ падламили? А супрѣжа-
чыкъ мой мѣлинький, а куды жъ ты гѣта прыбрауся, а нашто жъ ты

мнѣ накинѹ? А кѣ каму жѣ я тяпѣръ прыхинѹся: нимаѣшъ у мнѣ никагѣ раднѣга! Буду я хадѣть, якѣ заблѹдная авѣчка у лѣси, такѣ я биѣсь свайгѣ дружбѣчка буду жыть!...

Мать по ребенкѣ.

Яблѣчка маѣ садавѣя, чагѣ жѣ ты атѣ мнѣ аткатѣлася? А ти бѹры тябѣ атвѣяли, а ти вѣтры тябѣ аткатѣли? Усѣ пташѣчки зѣ вѣрыю вылитѣли, а ты, маѣ дитѣятѣчка, у вѣрыи залѣтѣла! Ти зязюлѣчка паткукавала, ти салавѣичѣчка патцибѣтаѹ? А ти, маѣ дитѣятѣчка, тудѣ тябѣ падгаварѣли? Усѣхъ пташѣчѣк зѣ вѣрыю даждѹся, а свайгѣ дитѣятѣчки ни вѣкѣ ни даждѹся... А ти я жѣ тябѣ ни гадавала, а ти я жѣ тябѣ харашѣ ни калыхѣла? А хто жѣ тябѣ тамѣ бизѣ мнѣ калыхѣть будѣ, а бизѣ сваѣ любѣчки, бизѣ сваѣ матѹличѣки?...

Крюковскій приходѣ, Могил. у.

Сестра по братѣ.

А брѣхнинѣчка шѣ ты мой рѣдѣнинѣкѣй! Чагѣ жѣ ты такѣ скѣрѣнѣчка атѣ насѣ утикѣишѣ? Ти ни жалѣ жа табѣ и тѣтѹхѣны и ма-мѹхѣны? А янѣ шѣ та тябѣ ускармѣли и ѹзгѹдували, а тяпѣрѣтъки пыть стѣрѣсьѣ аднѣ на гѣря зыстѣлися. А хто шѣ ихѣ тяпѣръ пычитѣть и пувѣжѣть бѹдѣть? Нѣ зы кимѣ жа имѣ старѣя кѣстѹхѣны прыбѣрѣчь, а мѣнѣ (мнѣ) шѣ дявѣцѣкѹ гылавѣю аднѣй ни зѣбѣгытѣца, брѣхнинѣчка мой рѣдѣнинѣкѣй!...

Мать по малолѣтней дочери.

Дитѣтѹхѣна шѣ ты маѣ рѣдѣнинѣкѣя, пташѣчка шѣ ты мѣй ни-ныгѣлѣдѣны, кудѣ шѣ ты далѣка атѣ мнѣ атлитѣишѣ? Чимѣ жа табѣ у тѣвѣй матѹхѣны ни спазрѣлыся? Яблѣчка шѣ ты маѣ сахѣрѣныя, чагѣ шѣ ты ни сазрѣѹшы аткатѣлыся?... Тяпѣръ жа ка мнѣ ни хтѣ ни прыхѣлитѣца, и ни прыгарѣнѣтѣца! А бѣвала шѣ ты, якѣ тѣя лѣста-вачѣка, ка мнѣ прыгарѣсьѣся и ѹсѣ мнѣ рысѣцабѣчинѣшѣ! А сѣѹнинѣчка шѣ ты маѣ крѣсныя, чагѣ шѣ ты биѣсь парѣ, такѣ рѣнинѣчка, зыкатѣлася? А тяпѣръ жа я кудѣ ни пайдѹ, тибѣ ни знайдѹ, аткулѣ ни прыдѹ, ты мнѣ ни стрѣнишѣ и лѣтѣшѣныга слѣвѣчка мнѣ ни прѣмѣлѣвишѣ!..

Это же и по сынѣ, но въ концѣ прибавляется слѣдующее причитаніе:

А я шѣ ны тябѣ, мой сынѹшѣчка, спыдѣвалѣся! Я шѣ дѹмыла, што ты мнѣ пры стѣрѣсьѣти лѣтъ бѹдишѣ хлѣбѣничѣкѹмѣ, а тяпѣрѣтъки шѣ я усѣ маѹ надѣичѣкѹ пытирѣла!..

Жена съ дѣтьми по мужѣ.

А мой жа ты гылѹбѣчѣкѣкѣ сызѣинѣкѣй! Сѣкѣблѣчѣкѣкѣ жа ты мой ѣсѣинѣкѣй! Кудѣ шѣ ты атѣ мнѣ далѣка атлитѣишѣ? Ны кагѣ шѣ ты мнѣ зѣ дрѣбѣныи дѣтѣкѣми пыкидѣишѣ? А ты шѣ у мнѣ бѣѹ усѣ рѣда и пырѣдычѣка! Чимѣ жа я тябѣ, маѣ падрѹжѣя дырагѣнѣ, прыгѣняѣла? А дѣтѹхѣны жѣ маѣ дрѣбѣнинѣкѣя, а кѣ камѹ жѣ мы тя-

пѣръ прыхинѣмѣся? А хто жѣ абѣ насѣ тяпѣръ падѹмыитѣ ды пыга-дѣитѣ? Усѣкѣй жа тяпѣръ ныдѣ нами нызрѹгѣитѣца и нысѣяѣтѣца,— якѣ зы насѣ тяпѣръ нѣкѣмѹ зыстѹпѣтѣца!...

Тоже, по мужѣ нехорошемѣ.

А мой жа ты гыспыдарѣчѣкѣкѣ, на што шѣ ты мнѣ зѣ дрѣбѣныи дѣтѣкѣми пыкидѣишѣ? Я шѣ ужѣ и такѣ зы табѣо пыгырѹвалѣся! Ни знала шѣ я ни бѹдѣныя дѣныя, ни прѣзѣнѣчѣка! Сѣ табѣо шѣ я а ни ѹ пѣръ, а ни ѹ бѣсѣдычѣкѣ! Бѣла шѣ я и зѣбѣта и жѣѹрына! А тяпѣръ жа мнѣ—бѣлѣ гѣря ды ѣ пагѣбрила: усѣо сѣлычѣкѹ я пытѣратѣла, и прѣцѹхѣны пыпрѣнимѣла, а ни чѣга шѣ я ни вѣжѣла, тѣльѣки ѹсѣ сваѣ дѣбѣринѣкѣя тѹтъ пытѣратѣла, а тяпѣръ адѣнѣшѣнычѣка зѣ дрѣбѣныи дѣтѣкѣми, и гѣлѣинѣкѣми и бѣсѣнѣкѣми, я зыстѣлыся! Нимѣ шѣ у мнѣ ни хлѣба ни крѣпѣнычѣки, ни мѹчѣнѣы ни щѣпѣтычѣки! Якѣ жѣ я тяпѣръ сваѣо гѣлѣѹкѹ прилѣжу, и дѣ шѣ я зѣ дрѣбѣныи дѣтѣкѣми па-дѣнѹся? Чимѣ жа тябѣ пѹхѹвѣю и пымянѹ?

М. Рѹдня, Оршѣнсѣкагѣ у.

Мать по ребенкѣ—сынѣ.

А мой жа ты сынѹлѣчѣка! А мой жа ты любѣдѣлѣчѣка! А чагѣ шѣ ты, мой сынѹлѣчѣка, атѣ мнѣ утикѣишѣ? А ти я шѣ табѣ надаѣла? А скажѣ шѣ, скажѣ, мой сынѹлѣчѣка, а кѣли ты ка мнѣ прѣдѣишѣ у гѣсѣтѣйѣки: а ти зѣ вѣсѣхѣѹду, а ти зѣ зѣхѣѹду? Капѣ я знала, мой ты любѣдѣчѣкѣкѣ, кѣли ты прѣдѣишѣ ка мнѣ, тадѣ пѣ я ни чѣга пѣ ни рабѣтыла! А ты шѣ паѣдѣишѣ, сынѹлѣчѣка, у хѣтычѣкѹ дѹжа тѣмѣныю, бизѣвѣкѣнѣныю. А тамѣ жѣ дѹжа тѣмѣна, мой сынѹлѣчѣка! А тѹтъ жѣ ты дѹжа бѣяѹся тѣмѣныга, а тяпѣръ жѣ ты идѣлѣць у хѣтычѣкѹ тѣмѣныю и бизѣвѣкѣнѣныю, и ни бѣяѣсьѣя!.. Гѣсѣтѣѹѹй, гѣсѣтѣѹѹй, мой ты сынѹлѣчѣка! Нѣмношѣка шѣ табѣ ужѣ у насѣ гѣсѣтѣѹѹвати. Прѣсѣй шѣ, прѣсѣй, сынѹлѣчѣка, свѣйхѣ тѣтѣнинѣкѣкѣ и дѣдѣинѣкѣкѣ, капѣ яны тябѣ прыбѣрали!.. Агарѣйѹ жа ты мнѣ, маѣ дитѣтѹхѣна! Знаѣть жѣ ты ны мнѣ дѹжа разгѣнѣѹѹся,—што ты сѣ мноѹ ни чѣга ни гѣвѣбѣрышѣ! Знаѣть жѣ ты, маѣ дитѣтѹхѣна, дѹжа Бѣгѹ утѣѣдинѣ, што ѣнѣ тябѣ атѣ насѣ атѣни-мѣитѣ,—кѣ сабѣ у вѣслѹжѣничѣки!.. Прышѣчай, прышѣчай мой сынѹлѣчѣка! Прыхѣѣдитѣца пѣсь табѣи рысѣстрѣйтѣца на вѣкѣ, мой ты сынѹлѣчѣка, мой ты любѣдѣлѣчѣка! Упруѹлѣимѣ жѣ мы тябѣ, маѣ дитѣтѣчѣка, прѣ-ти лѣтѣничѣка, прѣти тѣплѣыга! А ѹсѣи шѣ дѣтѣчѣки бѹдѹтъ на вѹлицѣ гулѣяти и крѣсѣычѣки прѣвати, а маѣго шѣ жѣ дитѣтѣчѣки ни бѹдѣть вѣдѣати!..

Тоже, когда грѣбъ выносятѣ.

Пытихѹсѣнѣчѣкѣкѣ вы, маѣ дѣдѣчѣки, ягѣ вы сынимѣитѣ! Ягѣ жѣ кѣ-стычѣки дѹжа бѣлѣныя!... Ти прѣсѣйѹ жа ты, мой сынѹлѣчѣка, свѣйгѣ тѣтѹлѣчѣкѹ, капѣ ѣнѣ запрѣхѣ табѣ свѣйгѣ кѣнѣчка зѣхѣхѣть у хѣтычѣкѹ, дѹжа тѣмѣныю, бизѣвѣкѣнѣныю? Зѣмѣнѹтъ жа тибѣ, маѣ дитѣтѣчѣка, трѣми

замбчыкми. Первый жы замбчык—граббвыя дбшчыккы, другей жы замбчык—жбўтый пясбчык, а трэтьтй замбчык—травычка-муравычка...

Тожэ, когда засыпають могилу.

А я шь кь табь, маё дитятычка, буду хадить каждый дянёчык! Я шь буду пы табь кукувати, тябё ў гэсьтйккы кь сабь звати... Якь жы мнѣ забытца ёткыга дитятычку, ёткыга лбббнйкага? Ёнъ жы висялйў усю нашу сямёичку... Мой ты дитятычка, мой ты лбббнйкй сыночык!...

С. Высокое, Орш. у. Мог. Стар. III, 73.

Жена по мужѣ.

А мой жа ты галуббчык, а сь кимъ жа ты мянѣ пакйнуў зь дробными дѣтками? Якь мнѣ зь ими пражыть тяперь, хто мнѣ насбббнть гадаватъ ихъ, кь каму мнѣ сваю галбвушку прыкхнўть? Мнбга найдитца и батикъ и матыкъ пабить и пажурйть, а кь путо привесети будить нёкому! Ни хатѣ ты самъ свайхъ дѣтыкъ жалѣть, расьтйть,—чужыя баткй—маткы жалѣють, да сь тваей халупинкы будуть вонкы гнать! А тяперь твае ручки-пожынкы лжжж спакбббнйка, и наработылись и нахадилыся!...

Мать по ребенкѣ.

Маё дитятычка малёнькыя, а маё нисмышлёнйкыя! А куды ты атъ мянѣ атлитайшъ? Ни байсьея ты ни голыду, ни хблыду! А выйду я тяперь на вулицу, а ўсеи дѣтки тамъ гуляють, только майгб нимашицккы!.. Абйдиу ты мянѣ, маё дитятычка, знать, я большы за ўсйхъ сыгршыла!

А ўсеи птушыкы зь вырѣя вылитайють, а ты атъ мянѣ атлитайшъ! Зыпусьтѣла май хатычка—нёкому мянѣ разбудить и развисялйть... Нбжыккы маё малинкыя, нбжыккы маё мйлинкыя, набѣгыльсь вы и нагулялыся... Труджжжнйчыкъ мой нивялйчынйкй, нитрудйўся ты и пыгуляўся, а тяперь ляжжш спакбббнйка... Свадббка май горькыя, свадббка май нивясёлѣя, бйза ўрѣмя падыпла ты! Кагб мнѣ на ету свадббку звати, дитятычка маё мйлинкыя?...

Дѣти по отцѣ.

А татѣличка нашъ роднынйкй, сь кимъ жа ты насъ пакйндайшъ? А хто жь насъ будить кармйть-пайть, а хто жь насъ расьтйть будить? Усѣкйй ны насъ будить тѣкыть ды лбкыть. Баткыны ды маткыны дѣти вину здѣлыють, а мы, спрбты, за ихъ отвйчать будимъ! Татѣличка ты нашъ роднынйкй, чймѣя насъ пыкйдаць, луччы бь ты насъ пухуваў!...

Когда внесутъ гробъ.

Ни хатѣ ты, нашъ татѣличка, зь нами ў раскбшнй хатй жыть—абабраў ты сабь хатку новую, ни вялйкыю и нивясёлѣю!

Новотухин. вол., Орш. у.

Дочь по отцѣ или матери.

Татуличка (или матуличка) ты мой роднынйкй, сь кимъ ты минѣ пыкйдайшъ—ни при рбзуму, ни при ўсёмъ дббрымъ? Хто шь мянѣ научить кь чаму дббраму, хто жь мянѣ дыгльдаць тяперь будить? А ты жь, бувала, ўсѣ приказышъ: „слўхйть мянѣ,—людмй будить!“ А тяперь я астанусь бйсь тябѣ якъ пенъ той,—зь мянѣ люди зругатца будуть, дббрыму учить ня будутъ! Чаму жь ты, мой татуличка, большы ни пажйў, чаму жь ты мянѣ большы ни пудгудуваў, адѣжынку бь якую мнѣ справйў, и кь толку бь мянѣ прйстрбйў! Я жь тяперь нахаджўся ббсая и гблая. Прйдйть святцб якбѣ—у людей и тоѣя и сѣл ѣсь, а я галбббнйкыя! Люди будутъ висялйтца зь роднынйкымй, а я буду одна—адйнѣхйнка! Татуличка мой роднынйкй, а я жь тябѣ большы ни увйджу, а я жь тябѣ большы ня ўстрѣчу, гыласбчка твайгб ни пачўю! А куды жь ты атъ мянѣ сыбраўся? А нхто жь тамъ табѣ ни пракукйть, только шѣрая зязбблѣка ў барбчку, а нхто жь тамъ табѣ ни прашабѣчыть, только адйнъ сылавѣйка ў кусточку!...

Жена по мужѣ.

Падружынка мой мйлинйкй, якъ жы мнѣ жыть тяперь бйсь тябѣ, якъ бйсь тябѣ пуць мнѣ ныхадйть и толкъ; што дянѣкъ прйдйть, усѣ буду думйть, якйй мнѣ сйньны толкъ ныхадйть? Лѣпйй бь ты мянѣ пухуваў, чймъ мнѣ бйсь тябѣ аставатйся! Я шь зы табой пукрусувалыся, а тяперь жы я гбря нытарплюся! А каму шь ты свайхъ дѣтычккы, дробныхъ, нйразумныхъ, нйрыгжжшшъ? А хто шь ихъ да толку, да рбзуму дывадйть будить? Тяперь жы яны горькымй сирбтычкымй астаббтца, усѣкйй жы ихъ абйждаць будить...

Невѣстка по свекрови.

А мамычка ты мый нйрбдныя! Нивялйкыя ка мнѣ твай жалысь була: ты мянѣ рана пыбуджала, а нашбўны ны сялб, абслаўлйла! Ня столькы ты мнѣ була памбшнйца, сколькы нйбблйнйца! Ты шь мнѣ була ни пырадйнйца, а только зрадйнйца: бувала, перва пырашйшъ, а посльи абславышъ! Ты шь мнѣ дыбратм дббрый ня мйсьлыла и ня мйсьлышъ! Ты ны мянѣ тады вбўкамъ лядѣла, а тяперь и саўсймъ ня хочйшъ,—мамычка мый нйрбдныя!

Мать по взрослому сынѣ.

А сыночыкъ ты мой мйлинйкй, лѣпйй бь я тябѣ царѣ аддала, чймѣя пухувала! Я шь бь тябѣ дыжыдала, я шь бь усѣ надбблысь

сь Тябѣ хлѣба! А я шѣ думыла тябѣ къ толку привѣсти, падружыньку табѣ выбирала.. А тыперь жы ўжо и падружынька ня трѣба! Лѣпій бы я Тябѣ сусымъ ни рыджала, нячмѣя я тябѣ гудувала и вялыкыга зыкычала... Я шѣ ныть табѣй хварѣла—балѣла, а карысьти нийкія ня мѣла. Я шѣ Тябѣ ниразѣ ни забуду, пакуль жыва буду, усе сьлядочки тваѣ прыплѣчу, вочаныи усе сваѣ пытрачу, пы табѣ, мой сыночыкѣ милинькій! Дыжыдала я пирямѣны-спомычи, а дыждала кручины-пѣмычи... А хто шѣ табѣ, мой сыночыкѣ, тыперь прыкукуйтѣ, прыщабѣчѣ? Ай, я шѣ пы табѣ мѣю-гарюю, а ты ляжышѣ висѣ-линнькій, спакойнинькій...

Мать по взрослой дочери.

Дачушычка ты моя рѣднынькая! Лѣпій бы я тябѣ у люди адала, чимъ на тѣй сьвѣтѣ прыбрала! Лѣпій бы ты, моя дачушка, красувалася и жыўшы висялылася, чмѣя ляжѣть бѣдишѣ у сырѣй зямѣлицы, на твѣрдый пасѣтѣлицы! Ягыдка моя нидарѣлая, бисѣ парѣ ты атвалілася, на ѣтымъ сьвѣтѣ ни пывисялылася... А ты шѣ у мянѣ адна была, якъ рѣжа у сади цвила! Хто шѣ маѣй тыперь старысьти прыгѣдѣть, а хто мнѣ пры старысьти ѣстыньки, питыньки пыдасѣ? Дачушычка моя милинькая, куды шѣ ты прыбралася, у доўгыю дарѣшкѣ сыбралася? Ниразу шѣ ты ка мнѣ ў гѣсьти ня прыдѣшѣ, а я шѣ Тябѣ буду ждѣть-ждѣть, и ни даждуся!...

Мать по ребенкѣ.

если умереть внѣ дома.

А дитѣтухна ты маѣ рѣдныя, ни чирызѣ мянѣ ты на тѣй сьвѣтѣ пашло: я шѣ Тябѣ вартѣла-хўхлила, кагѣ табѣ тѣплынька булѣ! Ажны шѣ я тыперь вартѣла Тябѣ пасьлѣдній разѣчыкѣ! Прыдѣть висѣа—усѣихъ дѣтычки бѣдѣть пы дварѣ гудѣть, аднаго только Тябѣ ня бѣдѣть, маѣ дитѣтухна! А штобѣ вѣдыла я етый дянѣчыкѣ нищасныи, я шѣ бы ня рѣлыся изѣ дому! Знатѣ жы табѣ батѣкывыя лѣўки ни булѣ, што ты пы чужѣй лѣўцы ляжышѣ, висѣлиннькая, даволнинькая, у чужѣй матѣлынкѣ глядѣшѣ ..

Мошковская волость, Орш. у.

Дочь по отцѣ или матери.

Сейчасъ по кончинѣ.

Што шѣ ты, радѣтыльница, рѣнная матушка (или—радѣтыль, рѣнный батюшка), аставила мянѣ горькаю нящаснаю сиратинушку! Кѣ каму шѣ мнѣ тыперь сваѣ буйнаю галбушку прихинутъ? У насѣ жа шѣ у цѣстымъ поли ни сады пасажаны, ни лугѣ пасѣяны, нищасныхъ, горькихъ сиратинушакѣ. Ты шѣ, радѣтыльница, рѣнная матушка, размахни сваѣ бѣлаи рѣцѣныи ать рѣтивѣга сярѣдѣцушка, ты шѣ устанѣ, радѣтыльница, рѣнная матушка, пагаварѣ сѣ намѣ,

горькимъ сирѣтушкамѣ, навуцѣ насѣ тяжѣлаю работкѣ рѣбитѣ! Ни атвяцѣишѣ, наша радѣтыльница, рѣнная матушка, ни ядѣнага славѣ-цушка сваимъ горькимъ нящаснымъ сирѣтушкамѣ!...

Когда тѣло выноутъ и одѣнуть.

Куды шѣ ты, радѣтыльница, рѣнная матушка, куды шѣ ты зна-рядѣлася ать насѣ горькихъ сирѣтушакѣ? Запустѣть жа твая тѣплая избѣушка, шырокая вулушка, гладкай дварѣцыкѣ! Ня услышымъ мы ать сваѣй радѣтыльницы, рѣнной матушки, никакѣга гулѣцкѣ, только услышымъ у цѣстымъ поли, дѣбныхъ итѣушакѣ, шѣрыхъ кукѣушакѣ. Буду шѣ я, горькая сиратинушка, примѣцѣть, дѣ будутъ кукѣушакѣ кукаватѣ, увиватѣ: ти ни радѣтыльница, рѣнная матушка, прылѣтитѣ къ намѣ, горькимъ сирѣтушкамѣ?...

На слѣдующее утро, когда навѣщаютъ тѣло въ холодной избѣ.

Атапрѣ, маѣ радѣтыльница, рѣнная матушка, атапрѣ ты намѣ дѣверцы! Хадѣ ты у тѣплаю избѣушку, абагрѣй сваѣ бѣлаи рѣцѣныи, сваѣ скѣранѣ ижаньки! Имѣ тамѣ знабѣшнынька, халадѣшнынька... Што шѣ ты расѣсарѣдилася, радѣтыльница, рѣнная матушка, ни атвяцѣишѣ намѣ, горькимъ сирѣтушкамѣ, ни ядѣнага славѣцушка? Катѣрай дянѣцыкѣ ня слышали мы ать тябѣ гулѣцкѣ!...

При выносѣ въ церковь.

Ни улятѣй, маѣ радѣтыльница, рѣнная матушка! Запустѣть твая тѣплая избѣушка, шырокая вулушка, гладкай дварѣцыкѣ! Паслухай ты насѣ, горькихъ сваѣхъ сирѣтушакѣ: мы шѣ, горькаи сирѣтушки, напашѣимся у цѣстымъ поли, бытта травинушки. Зазнабѣла наша сярѣдѣцушка знабѣханька, ня ўвидимъ мы, горькаи сирѣтушки, ни краснага дянѣцкѣ, ни висѣлага цѣсоцкѣ. Зарастѣть наши пути-дарѣжаньки цѣстымъ ѣльницкамѣ, густымъ бярѣзницкамѣ, а и горькимъ асѣинушкамѣ (тв. п. множ. ч.).

При опусканіи въ могилу.

Пасѣлѣдній разѣчыкѣ, пасѣлѣдній цѣсоцкѣ, свиданья, пра-данья, радѣтыльница, рѣнная матушка! Закатѣласѣ маѣ тѣплая красная соўнушка, ня стала янѣ насѣ сирѣтушакѣ грѣть, маѣ тѣплая багрѣица! Выйду шѣ я, горькая сирѣтушка, заўтра ранѣшанька на шырѣкаю вѣлушку, пагляжу шѣ я, горькая сирѣтушка, на цѣтыри старѣушки: ти ня ўвижу идѣ маѣй радѣтыльницы, рѣнной матушки? Ти ни разѣхаватѣ ина сваимъ бѣламъ рѣцѣныкамѣ, сваимъ ско-рамъ ножанькамѣ? (тв. п. множ. ч.).

Придя съ кладбища.

Упустила я сваѣ радѣтыльницу, рѣнную матушку,—ня ўвижу шѣ я ни краснага дянѣцкѣ, ни висѣлага цѣсоцкѣ! Зазнабѣла маѣ сярѣ-дѣцушка на цѣлый гадѣцыкѣ!

Въ концѣ обѣда, когда подадутъ кисель.

Пейти, ѣшти, люди добраи, усаминайѣти маю радѣтильницу, рѣнаю маѣтушку! Мой любимый брѣтицѣ, салавіюшка! Выйди на шы рѣкаю вулушку, падѣ касѣстая вакоѣацка, падѣ пярѣдняяй вугало-цакѣ,—ти ни стайтѣ маѣ радѣтильница, рѣнная маѣтушка? Скажѣти вы, добраи людцы: цѣю вы бяѣѣдушку бяѣѣдуити, цѣю вы пирушку пирѣѣити,—ти ни маѣй радѣтильницы, рѣннаи маѣтушки? Вы схаѣити, приваѣити нѣ у тѣплаю избоѣушку: ти пап्राѣитца ѣй смирѣнная бяѣѣдушка насѣ, горькихѣ сиротѣушакѣ?...

Мать по дѣтямъ.

Послѣ кончины.

Маё мiлая дитятка, што шъ ты сащанила сваё бѣлаи рѣцаньки къ ритѣву сярѣдѣушку, астави́ла мяне го́рькаю, нищаснаю? Я на-
дѣилась, гарѣуша, што бѣдѣть пады маё ско́раи по́жаньки, пады бѣ-
лаи рѣцаньки пады́на! Ско́рая пады́нушка, вѣ́рная слѣ́жанька, лёг-
кая пасѣлушка, куды шъ ты, куды улятаишъ, сваю радытильницу
кыдаишъ?

Когда выносятъ изъ дому.

Пустьила я свайгò мѣлага дятѣнацка, усю сѣдушку палажыла, сырую зямѣлюшку ни напбўнила. Прилятай жа гь, мой милый дятѣначакъ, у сваю тѣплаю избушку, развяди гь ты таскѹ-круцѣнушку сваей радитильницы, рбннаи матушки!...

При опусканіи въ могилу.

Упусьтила я сваю милаю дитятку-пташацку! Закадилася маё красная тёплая сбунушка! Ня будить жа шь янѣ грѣть мянѣ у старасці! Упусьтила я сваю милаю пташацку у сыру зямёлюшку, у жаўтѣ пясѣцкі! Прилятай, мая милая дробная пташацка, въ вячару пазнѣханька, па утрѣ ранѣханька, къ сваёй радітыльніцы, рѣннай матушки, абagrѣй жа шь сваѣ бѣлал руцаньки-ножаньки у тёплай избѣўшкі, у мягкай падушакі!...

На слѣдующій день послѣ погребенія.

Приляйми, мой милай дятёнацкы, мянѣ горькаю съ круцынушкой! Приляти у тёплау избашку, атагрѣй сваѣ бѣлаи руцаньки, сваѣ скораи нѣжаньки, пагаманй съ тваѣй радѣтильницай, рѣннай матушкѣй! Я шѣ сягнѣншнѣю тѣмнаю нѣцушку прислѣхаваласѣ: съ катѣрай старѣнушки падашѣ гулѣцкы сваѣй радѣтильницы, маѣ ѣсная соѣнушка! Прилятай, мая милая дробная пташацка, развиди маѣ таскѣ круцынушку! Я шѣ пайдѣ у цыстая пѣлюшка на тяжѣлау работнушку, нагляжу, маѣ рѣннаѣ дѣтѣтка, на ѣси цѣтыри старѣнушки: ти ни лѣтитѣ мая милая дромная пташацка, шѣрая кукушацка? Приляти, маѣ

милая дромная дѣтятка, у пыстая полюшка, на широкаю нивушку, на тяжблую работушку, къ своей ранней матушки, надмани маё слабаи ножаньки-ручаньки!...

Дер. Дѣино раkitинскаго прихода Невельск. у., на границѣ Псковской губерніи. Много старообрядцевъ.

Дочь по отцѣ.

А што шъ ты насъ, татка, пакинуу, татка нашъ кармилицъ, пакинуу ты насъ на горя малинькихъ, а цужыи шъ татки ни жалысливы. Мы шъ якъ пойдимъ, татка, ны работу, мы шъ усюдыхъ, татка, будимъ тябѣ сацытъ и прыгидать: ти ни ўзнаимъ тябѣ, татка, ти ны пахатки, ти ны работки! А нашто шъ ты пакинуу насъ, дробинькихъ и малинькихъ? Мы шъ тянеръ, татка, усимъ будимъ мишать, мы шъ тянеръ, татка, будимъ многа мѣсьтицка занимать, а у тябѣ шъ, татка, мы были ни знацны и ни видны. Уси шъ ныдъ нами, татка, падзрѹгуютна. А мышъ будимъ тянеръ, татка, лиха фѣс, лиха пить! А татка, нашъ кармилицъ! А ныстанитъ лѣтца тѣплая: птасѣцки зыпають, зязюлицки зыкукують,—а мы шъ тябѣ, татка, усюдыхъ будимъ сацытъ: ти надъ бѣлый бярѣзый, ти латъ крутымъ биригамъ (мн. ч.). А татка ты нашъ, кармилицъ, сылавѣйка ты нашъ!...

Дочь по матери.

Мамка зязюлька, мамка кукушка! Што шь ты насъ пакйнула на горя мапинькихъ? Пужьи шь матки ни жалысьливы и ня мйлысьтивы! Мамка зязюлька, мамка кармилица! Хто шь тыперь насъ будить ны рабѣтку снырижать, а хто шь тыперь будить рызбужать? Мамка-зязюлька, што шь насъ ни ўзрасьтила, уму-разуму ни дывила? Мамка, мы шь яцѣ глѣпы, мы шь яцѣ дѣрны! Пужьи шь матки насъ ня будутъ да разуму давадѣть, мамка! А ещѣ большы будутъ съ толку збивать, мамка! Пужьи шь мамы насъ няпрѣтна ны работу снырижаютъ, мамка, и съ работы няпрѣтна дыжыдають, мамка!

Д. Алышуты, Узковск. вол., Велижск. у., Витебск. губ.

Если послѣ умершей матери останутся малолѣтнія сироты, ихъ навѣщаютъ деревенскія старухи. Придя въ хату, старуха беретъ на колѣни сироту и поетъ эти пѣсни. Затѣмъ она чешетъ имъ головы, моетъ рубашонки и т. д.

О, круцынушка по двору ходить,
Зы сабой дробныхъ дѣтушекъ водить;
„Вы шь ни плацтя, дѣтки, ни тужытя!
Я куплю вамъ манисту зылатую,
Я й састрою вамъ горинку навую,
Привяду вамъ матку мыладую!“
— Охъ, расейся маниста зылатая,
Ой, згарй тая гбринка нывая.

Прыпадй тая матка мыладая,
 Вскрсянй шъ, наша матушка рыдная,
 Охъ, каторая насъ мати пырадыла,
 Тёмный нбцушки ни ўсыпала,
 Ина малинькихъ насъ гыдывала,
 Пырамѣнушки сабѣ дыжыдала!...

Якъ у пѣли, у пѣли при дарбжыньки,
 Тамъ стыйла, стыйла двѣ сиротыцки.
 Яны Богу молотца, Христу кланіютца:
 „Пыднимітй шъ, пыднимитй вы буйны вятрѣ,
 Вызгрябѣтй 2 вы жолтыи пяскѣ,
 Пыднимитй 2 грыбавую даскѣ:
 Пусъ устанитй 2 рѣдна матушка!
 Мы ёй усѣ 2 пыжаљимситка,
 Мы ёй усѣ 2 рыжаљимситка:
 Мы й дыривыхъ рубашыкъ нынасьљиситка,
 Мы и нисалёный капустки ныхљибаліситка,
 Мы й въ канцѣ стылѣ ныстыљиситка,
 Мы й праклѣнныхъ кусѣцкыѣ наидаліситка!“

Ильинская вол. Отъ кр. Евф. Θεоктистовой,
 зап. О. Т. Филипповъ.

Общія поминки.

Кромѣ отдѣльных поминальных дней по каждомъ умершемъ, въ Бѣлоруссіи имѣются и общіе поминальные дни, въ которые совершаются поминовения всѣхъ вообще умершихъ. Число такихъ дней въ различныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи не одинаково: въ однихъ ихъ только два, въ другихъ число ихъ доходитъ до пяти.

Ниже предлагаются краткія описанія такихъ поминокъ изъ различныхъ пунктовъ Могилевской губерніи.

Изъ поминальных дней крестьяне Мстиславскаго уѣзда особенно чествуютъ „Родительскую субботу“, что предъ 26 октября, и „Радуницу“—во вторникъ Ѳоминой недѣли.

Чествованіе Родительской субботы выражается въ томъ, что къ поминальному столу готовится непременно двѣнадцать „потравъ“—кушаній.

На Радуницу крестьяне работаютъ только до полудни. А потомъ одѣваются въ праздничное платье, приглашаютъ священника и отправляются на кладбище, неся съ собою крашенныя яйца, кушанья и водку. Послѣ того, какъ священникъ совершитъ панихиды надъ могилами и уѣдетъ, всѣ усаживаются на могильныхъ насыпяхъ и

прежде всего катаютъ по нимъ крашенныя яйца. Затѣмъ застилаютъ могилы скатертями и устанавливаютъ на нихъ принесенныя кушанья и напитки, которыми угощаются сами и приглашаютъ къ угощенію родныхъ и знакомыхъ. Про этотъ день существуетъ поговорка: „На Радуницу до обѣда пашутъ, въ обѣдъ плачутъ, а вечеромъ скачутъ“.

Ослянская вол., Мстисл. у.

Родительская суббота чаще называется „дѣды“. Подъ этимъ названіемъ разумѣются души предковъ. Дѣды чествуются вечеромъ. Къ этому времени обязательно слѣдуетъ вымыть и убрать хату и вычистить дворъ. Дѣлается это впервые для того, чтобы душамъ было чисто, а во вторыхъ, чтобы показать дѣдамъ, что дѣти продолжаютъ поддерживать въ надлежащемъ порядкѣ заведенное дѣдами хозяйство. Вообще, прихода дѣдовъ ждутъ съ трепетомъ, какъ ревизіи.

Вечеромъ на столѣ обязательно ставится „коливо“, по возможности не въ глиняной мискѣ, а въ деревянной, точеной, полированной чашкѣ. Коливо—это разсыченный въ теплой водѣ медъ, съ покрошенными баранками или булкою, или же съ пшеничной крутой кутьей. По краямъ чашки кладутся цѣвьями внизъ ложки, по числу ожидаемыхъ дѣдовъ или записанныхъ въ поминальницѣ умершихъ.

Съ наступленіемъ вечера надѣваютъ чистое бѣлье, зажигаютъ предъ образами лампадку и свѣчи, накуриваютъ ладаномъ и становятся на продолжительную молитву. Предъ молитвой глава семейства приглашаетъ покойныхъ: „Святые дядѣ, хадѣтй къ намъ, на што Богъ даѣ“.

Во время молитвы дѣды, какъ вѣрятъ, кушаютъ коливо. Другихъ кушаній, по взгляду населенія Гомельскаго уѣзда, дѣды не ѣдятъ.

По окончаніи молитвы, ужинъ семьи начинается также съ колива, которое ѣдятъ съ благоговѣніемъ „за душачки правоставшія“, и не болѣе, какъ по три ложки каждый членъ семьи. Напитки на столѣ не допускаются.

Н. Бѣлица, Гомельск. у.

Радуница бываетъ во вторникъ Ѳоминой недѣли. Въ этотъ день пекутъ блины, варятъ и жарятъ мясо, колбасы, готовятъ сыръ, пироги, красятъ яйца; все это укладываютъ въ лукошко и всей семьей отправляются на кладбище. Одну изъ могилъ родственниковъ застилаютъ бѣлой скатертью и на ней раскладываютъ принесенныя кушанья и ставятъ бутылку водки. По совершеніи на могилахъ панихидъ, нѣсколько пришедшихъ родственниковъ семей собираются вмѣстѣ и, поминая покойниковъ, пьютъ принесенную водку и закусываютъ, поютъ „жалобныя псалмы“ и ведутъ разговоръ преимущественно о покойникахъ. Если въ это время случится кому-либо проходить или пробѣжать мимо кладбища, его обязательно приглашаютъ принять участіе въ трапезѣ.

Если священникъ не прѣдетъ на кладбище, тогда зовутъ „старцовъ“, нищихъ, и они поютъ на могилахъ или свои поминальные стихи или заученныя наизусть панихиды. Ихъ за это надѣляютъ яйцами, хлѣбомъ, угощаютъ водкой, даютъ и деньги. Остатки трапезъ также раздаются нищимъ.

Кое-гдѣ сохранился еще обычай христосоваться съ покойниками: „Христосъ воскресъ, таточка!“ Цѣлуютъ крашеное яйцо и зарываютъ его въ могильную насыпь. Затѣмъ туда же вливаютъ и рюмку водки предъ началомъ трапезы. Наливъ рюмку, старшій въ семьѣ поднимаетъ ее и говоритъ: „Будь-ка жъ жыў, каму дадутъ! а табѣ, татуличка, царства небесная, свѣтлый рай!“ и выливаетъ рюмку въ изголовье могилы. „Нихай жа жъ и яму дастанѣцца чарачка!“

Пропойск. вол. Быхов. у.

Въ Оршанскомъ уѣздѣ „родителей“ поминаютъ въ седьмую субботу по Пасхѣ, субботу предъ 26 октября и въ субботу предъ масленицей. Вторая изъ указанныхъ субботъ называется „Змітрыўка—радители“, остальные—„дяды“. Въ эти дни въ церковь посылаются поминальницы и совершаются панихиды, а дома приготовляются обѣды изъ особо установленныхъ поминальныхъ кушаній: поливки, клѣцокъ, каши и блиновъ. Предъ обѣдомъ старшій въ семьѣ призываетъ покойниковъ къ столу: „Шымяни, Госпыди, душички Ивана, Марьи, Андрея (и т. д.)! Хаді́тя шъ вы къ на́шму сталу хлѣба-соли атку́шить!“

„Радыница“ празднуется во вторникъ послѣ недѣли пасхальной. Въ этотъ день съ утра работаютъ, въ полдень моются въ банѣ, потомъ обѣдаютъ. Обѣдъ дѣлается „луччи празьнишныга“ и непременно съ водкой. Послѣ обѣда отправляются на кладбище всѣ, кромѣ стариковъ, не могущихъ уже дойти до кладбища. Женщины забираютъ съ собою различныя кушанья, крашенныя яйца и водку. Когда священникъ, совершивъ на могилахъ панихиды, уѣдетъ, пришедшіе соединяются по нѣскольку семействъ и угощаютъ другъ друга. Мужская молодежь въ это время бьется на яйца, какъ на Пасху. Около шести часовъ вечера всѣ расходятся. Старшіе и дѣти идутъ по домамъ, а молодежь собирается въ какой-нибудь домъ (посидѣлочную хватуру), приглашаетъ мѣстную музыку и заканчиваетъ день игрищемъ.

М. Рудня, Оршан. у.

Въ Быховскомъ уѣздѣ дѣды справляются „Змітроўскія—осеньскія, у сыботу пирадъ маслиной и пирадъ Тройцай и ў панядѣлакъ пирадъ Радаўницай“. Дѣды масленичныя называются „снѣданьямъ“ (завтракомъ), радуницкіе—обѣдомъ, Троицкіе „поблуднемъ“, а Дмитровскіе—„вячѣрай“ (ужиномъ). Дмитровскіе дѣды называются еще „тоўстыми“, главными.

Дѣды справляются вечеромъ. Къ нимъ по возможности собираются всѣ члены семьи, кромѣ далеко отсутствующихъ. Готовятся къ

нимъ заблаговременно: припасаютъ муку на блины, подкармливаютъ кабанчика, готовятъ и всѣ другіе съѣстные припасы.

Въ самый день дѣдовъ кто-нибудь изъ членовъ семьи утромъ отправляется въ церковь съ поминальницами и тамъ поминаютъ на панихидѣ умершихъ. Въ церковь при этомъ приносятся нѣсколько блиновъ, густая яичница, широги или булочка хлѣба и стаканчикъ меду.

Вечеромъ готовится ужинъ, къ которому нерѣдко приглашаются и бѣдные сосѣди. Ужинать—„дѣдавать“, стараются попозже, чтобы послѣ ужина сейчасъ же лечь спать. Прежде, чѣмъ начать дѣдовать, зажигаютъ предъ иконою свѣчку и молятся Богу. Кушаній на дѣды, по крайней мѣрѣ—на Дмитровскіе, должно быть двѣнадцать. Во всѣ кушанья, кромѣ конечно молочныхъ, какъ и мучныхъ печеній, кладется по три куса мяса. Кушанья подаются приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Канунъ, съ баранками,	7) ладки, оладьи, для умершихъ
2) рассоль, свекла, съ мясомъ,	дѣтей.
3) крупеня, супъ съ крупю и картофелемъ,	8) юшка—уха съ лукомъ,
4) бульбѣшникъ, супъ съ картофелемъ,	9) морковь или пастернакъ на молокѣ,
5) галушки,	10) творогъ со сметаной,
6) мясо отваренное,	11) яичница и
	12) каша.

Порядокъ этотъ можетъ отчасти и измѣняться, но строго соблюдается, чтобы первымъ былъ канунъ, а послѣдними—яичница, каша.

Передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, старшій членъ семьи приглашаетъ умершихъ „родителей“:

„Правядныя раді́тяли! хаді́тя къ намъ вячѣратъ, и сами, и ваді́тя съ сабю малыхъ дѣтакъ, и тыхъ, кому нѣ къ каму ити!“

Послѣ ужина на концѣ стола ставятъ кружку воды, или льютъ воду въ уголь подъ куть и въ уголь, находящійся у порога противъ печи, и при этомъ говорятъ:

„Паѣли, раді́тяльки,—на́тя и вадіцы напíтысь!“

Къ ужину подается и водка, которую начинаютъ пить послѣ кануна.

С. Городецъ, Быховскаго уѣзда.

Въ Оршанскомъ уѣздѣ дѣды справляются въ тѣ же три субботы и „на проводниці великоднѣ“—Радуницу. Предъ вечеромъ „на дѣды“ моются въ банѣ и оставляютъ на полкѣ ведро чистой воды и два вѣшника, положенные крестъ-накрестъ X. Вечеромъ приходятъ покойнички мыться.

Точно также послѣ ужина оставляютъ на столѣ кутью въ чашкѣ, на края которой вокругъ кладутъ ложки, по числу дѣдовъ-покойниковъ.

Мошковская вол., Оршанск. у.

Въ рукописномъ „Описаніи Кричевскаго графства“ Мейера 1786 г. находимъ слѣдующія данныя о поминкахъ:

„Между прочими обрядными празднествами наблюдается еще въ Полевомъ и Милославичскомъ войтойствахъ (въ Чериковскомъ и Климовичскомъ уѣздахъ) отъ славянъ занятое воспоминовеніе своихъ мертвыхъ. Кромѣ прародительской субботы, въ которую на кладбищи выносятъ цѣлыя блюда испеченнаго разными подобіями, какъ-то: трапецидическими и треугольными видами хлѣба, ставятъ они чрезъ цѣлый годъ (?) на столы свои какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ лишний приборъ и не прежде за оныя садятся, какъ по громкогласномъ недавно умершаго своего сродственника къ онымъ приглашеніи.

На первой недѣлѣ послѣ Святой седмицы собираются всѣхъ войтовствъ крестьяне, и именнно каждая деревня особо на свое кладбище; и разныя на оныхъ дѣлая тризны, обкатываютъ кругомъ могилъ своихъ сродственниковъ разноцвѣтныя яйцы, а особливо окрашенныя березовымъ листомъ въ желтую краску, и потомъ оныя не употребляя въ пищу, раздають нищимъ. Уповательно, что они это дѣлають для изъявленія чаянія своего о воскресеніи мертвыхъ“. (Стран. 19).

Игры и забавы бѣлорусскихъ дѣтей.

Игры и забавы бѣлорусскихъ дѣтей.

Лицамъ, посвящавшимъ свои труды описанію дѣтскихъ игръ, не удалось выработать для нихъ опредѣленной системы. Происходить это потому, что большинство игръ сложны и могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ сторонъ, и слѣдовательно съ равнымъ правомъ относимы къ различнымъ отдѣламъ. Если же избрать какой-либо опредѣленный терминъ, напримѣръ, мѣсто, гдѣ совершается игра, или время, когда она совершается, орудія игры, тогда нельзя избѣжать повтореній, такъ какъ однѣ и тѣ же игры часто могутъ совершаться и въ различныхъ мѣстахъ и въ различное время, какъ въ различныхъ играхъ могутъ употребляться одни и тѣ же орудія. Мнѣ кажется, дѣтскія игры можно болѣе или менѣе строго раздѣлить на два большихъ отдѣла: однѣ изъ нихъ развиваютъ въ дѣтяхъ наблюдательность, сообразительность, вдумчивость, находчивость, выдержку, чувство справедливости и т. д. Это игры интеллектуальныя. Къ другому отдѣлу относятся игры физическія: развивающія силу, ловкость, проворство, остроту зрѣнія и слуха и т. п. Таковы игры, сопряженныя съ бѣгомъ, прыганьемъ, ловлей, перетягиваніемъ, метаньемъ, попаданіемъ въ цѣль и т. д. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ и орудій въ видѣ палокъ, шаровъ, мячей, деревяшекъ. Сюда же должны быть отнесены игры въ шляки—попаданіе въ цѣль, въ косточки и костяшки, развивающія ловкость и т. п. Приблизительно въ такомъ порядкѣ я и располагаю описанія игръ.

Долженъ оговориться, что большинство игръ мнѣ извѣстно съ дѣтства, какъ бывшему активному участнику въ нихъ; описаніе же тѣхъ, которыя за полвѣка улетучились изъ памяти, я просилъ сдѣлать самихъ дѣтей, учениковъ нѣкоторыхъ начальныхъ училищъ Могилевской и Витебской губерній. Къ ихъ записямъ присоединилъ свои и учитель Хоновскаго училища М. Онуфриевъ, записи котораго помѣщены мною въ „Мог. Стар.“ вып. III и въ сокращеніи приведены здѣсь.

Насколько извѣстно, описаніе бѣлорусскихъ игръ дано только Шейномъ (т. III, 191 и слѣд.—34 ММ). Въ виду этого и предлагаемый матеріалъ, при всей его ограниченности, составитъ нѣкоторый вкладъ въ эту область бѣлорусской этнографіи,—хотя, конечно, играмъ слѣдовало бы посвятить спеціальное изслѣдованіе. Еще одно замѣчаніе: слово *игра* бѣлоруссѣ примѣняетъ только къ музыкѣ: „пригожа екоморохъ игрань на скрипки!“ Въ сѣверовосточной

части Витебской губернии еще „играют пѣсни“, т. е. поютъ. По примѣненію же къ играмъ употребляется слово гулять: „гуляли у шляки, будемъ гулять у короля“ и т. д., и слово *игра* замѣняется словомъ *гульня*. Даже въ карты бѣлоруссы „гуляютъ“, хотя о проигрышѣ и выигрышѣ выражаются правильно: „проигравъ, выигравъ“. Сообразно съ этимъ и въ слова *игрушка*. Его замѣняетъ слово *цацка*.

Въ короля. Играющіе кладутъ на столъ одну на другую руки ладонями внизъ и считаются: разъ, два—булдава и т. д., или другимъ счетомъ, но въ концѣ ихъ непременно прибавляются слова: „кряля! король! Самъ панъ король!“ При каждомъ словѣ тотъ играющій, чья рука внизу, вынимаетъ ее снизу и кладетъ на верхъ. Такъ чередуются всѣ руки. Тотъ, на чью руку придется фраза: „Самъ панъ король!“ считается королемъ. Всѣ остальные, кромѣ крала и вице-короля, подходятъ поочередно къ королю и спрашиваютъ:

— Король, король! Што прикажешь дѣлать? ¹⁾

Отъ изобрѣтательности короля зависитъ дать каждому какую-нибудь интересную или смѣшную работу, напримѣръ:

— Иди ў порогъ и стой на одной ногѣ!

— Иди, поскачи (потанцуй)!

— Принеси въ зубахъ кружку воды!

— Въ одномъ углу помолись, въ другомъ поплачь, въ третьемъ посмѣйся, въ четвертомъ поскачи!

— Стань на головѣ!

¹⁾ Въ діалогахъ я не соблюдаю точности отдѣльныхъ говоровъ.

— Спѣй пѣсню!

— Стань на часы! При этомъ играющій беретъ кочергу на-караулъ.

— Плавай!

— Будь сапожникомъ! При этомъ играющій садится на стулъ, машетъ руками, какъ будто растягиваетъ дратву, стучитъ кулакомъ, будто прибиваетъ гвоздями каблукъ и т. д.

Въ короля. Играющихъ должно быть пятеро. Для игры берутся двѣ круглыя палочки съ корою, длиною въ полтора вершка, и расщепливаются вдоль на двѣ половинны каждая. Каждый изъ играющихъ подбрасываетъ поочередно расщепленные палочки вверхъ. Если при паденіи онѣ разсыплются такъ, что всѣ четыре лягутъ кверху разрѣзами, бѣлыми сторонами, то бросавшій ихъ дѣлается королемъ. Если всѣ лягутъ корою вверхъ, тому быть цыганомъ; если пополамъ—двѣ корою вверхъ, двѣ разрѣзами, тотъ будетъ мужикомъ; если три корою и одна бѣлая—будетъ жидомъ, и наконецъ, если три бѣлыхъ и одна корою—тотъ будетъ старостою. Король присуждаетъ цыгана и жиду къ наказанію, а староста наказываетъ ихъ жгутомъ по протянутой ладони. (Выхов. уѣздъ).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ для распредѣленія ролей пишутся записочки. На одной: „судья!“ На другой: „воръ!“ На третьей: „побѣдный человѣкъ!“ На четвертой: „каты!“ Записочки свертываются въ трубочки и кладутся въ чашку или въ шапку, а затѣмъ по одной вынимаются оттуда играющими. У кого окажется записка съ словомъ „судья“, тотъ принимаетъ важный видъ и спрашиваетъ:

— Кто побѣдный человѣкъ?

— Я побѣдный человѣкъ! отвѣчаетъ тотъ, у кого записка съ этими словами.

— Кто у тебе коровку ўкрасть?

Побѣдный человѣкъ долженъ угадать, у кого записка съ словомъ: „воръ“. Если угадаетъ, тогда судья кричитъ:

— А, такъ ты у побѣднаго человѣка послѣднюю коровку крадешь! Катъ! Дать ему теменькихъ пять штукъ!

Катъ беретъ жгутъ, побѣдный человѣкъ держитъ руку вора съ протянутой ладонью, и катъ даетъ по рукѣ пять легкихъ ударовъ. Если судья присудитъ пять „горячихъ“, удары будутъ сильнѣе; если же скажетъ:

— Дать ему пять изъ-подъ синяго камня!—тогда катъ размахивается и бьетъ изо всей силы, такъ-что у вора изъ глазъ слезы сыплются. Но къ такому наказанію прибѣгаютъ рѣдко, такъ какъ при слѣдующей жеребьевкѣ и судья можетъ стать воровомъ, и тогда и ему дадутъ „изъ-подъ синяго камня“.

Если же побѣдный человѣкъ не угадаетъ, кто у него коровку укралъ, то судья кричитъ на него:

— А, ты честныхъ людей порочить! Катъ! Дай ему двѣ горячихъ!

И наказанію подвергается побѣдный человѣкъ.

Потомъ жребіи опять свертываются и бросаются въ чашку, и игра начинается снова.

Въ блудню, въ сучку. Играющіе выбираютъ невысокій сучковатый стволъ какого-нибудь кустарника или сучокъ грушеваго дерева и обрѣзываютъ на немъ сучья такъ, чтобы остались шпеньки ихъ длиною до дюйма. Этотъ стволъ называется блудней или сучкой. Затѣмъ блудню втыкаютъ нижнимъ концомъ въ землю или въ щель пола, вырѣзываютъ круглую палочку вершка въ 1½ длиною и, не снимая коры, раскалываютъ ее вдоль на двѣ части; потомъ каждый изъ играющихъ запасается небольшимъ крючкомъ изъ прута.

Тогда играющіе поочередно подбрасываютъ расколотую палочку кверху на поларшина и смотрятъ, какъ упадутъ расколотыя половинки: если онѣ обѣ лягутъ корою кверху, это называется „цыганъ“, и подбрасывавшій получаетъ право повѣсить свой крюкъ на первый сучокъ. Точно также крючекъ вѣшается, если обѣ половинки лягутъ расщепомъ, то есть бѣлыми сторонами, кверху. Это называется „король“. Если же одна

половинка ляжетъ вверхъ расщепомъ, а другая корою, то это называется „козелька“, „баранька“, „лыска“, и не даетъ права на поднятіе крючка. Такъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока крючки доберутся до верхняго сучка, который называется кашею. Нижний же называется „коростою“; гдѣ сучья рѣдки—называется „полемъ“, гдѣ совсѣмъ ихъ нѣтъ—„моремъ“ и т. д.

Кто первый доберется до каши, тотъ по уговору наказываетъ остальныхъ или щелчками, или заставляетъ прыгать на одной ногѣ известное разстояние и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наказанію подвергается только наиболѣе отставшій, крючекъ котораго ниже всѣхъ. Ему завязываютъ глаза и затѣмъ вынимаютъ изъ земли блудню и бросаютъ ее на сколько можно дальше, не сходя съ мѣста. Проигравшій обязанъ ее разыскать. Если же не сумѣетъ этого сдѣлать, онъ долженъ сѣсть комъ земли. (Быховскій уѣздъ).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ игру называютъ „Въ Москву“. Сучкамъ даются географическія названія: первый сучокъ называется Гомель, второй Вѣлица, третій Климовскъ (станція), четвертый Черниговъ, Козельскъ, Бровары, Кіевъ и т. д. (путь отъ Гомеля къ Кіеву), но самый верхній—Москва. Игра сопровождается восклицаніями:

— Вотъ, слава Богу, въ Черниговъ пріѣхавъ!

— Вотъ скоро въ Кіевъ буду!

— Ахъ, когда бѣ давъ Богъ скорѣй у Москву прибыть! и т. п.

Наказаніе проигравшему дѣлается по предварительному уговору.

Въ копны, въ кучи. Играющіе мѣряются на палкѣ, и чья рука придется на верху палки, тотъ долженъ свой кулакъ поставить на столъ. Мѣряться продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока останется одинъ. Каждый постепенно накладываетъ свой кулакъ на кулакъ перваго мальчика такъ, что получается цѣлый столбикъ изъ кулаковъ. Тогда тотъ мальчикъ, чей кулакъ лежитъ вторымъ сверху, говоритъ:

— Чія копа (или куча) на моей копѣ?

— Моя, отвѣчаетъ верхній мальчикъ.

— Ну, скидай долоу да фды доу!

Тотъ снимаетъ кулакъ.

Тогда слѣдующій спрашиваетъ у оставшагося верхняго:

— Чія куча на моей кучѣ? и т. д.

Когда останется только кулакъ одного мальчика, его спрашиваютъ:

— Чія копа въ полѣ?

— Моя?

— А коли ты ее повезешь домоу?

— Завтра!

— А кого ты будешь звать въ толокѣ?

— Сучку, внучку и тебе дурачка!

Затѣмъ, влѣзши на печной столбъ, говоритъ.

— Я въ поле нагонялся, я и горя навидався, и за грядку сюда забрався, людей посмѣшить, дураковъ понабить!

И начинаетъ придумывать что-либо смѣшное, чтобы разсмѣшить остальныхъ играющихъ. Какъ только кто засмѣется, его берутъ за хохолъ и заставляютъ качать головой, а сами припѣваютъ:

— Качай тебе, Боже, въ темномъ лѣси, въ куролѣси. Ти лукъ, ти качанъ?

Если тотъ отвѣтитъ: „лукъ!“ то его бьютъ слегка по головѣ и говорятъ: „тебѣ въ голову стукъ!“

Если скажетъ: „качанъ!“ его опять берутъ за хохолъ и раскачиваютъ голову съ тѣмъ же припѣвомъ:

„Качай тебе, Боже, въ темномъ лѣси, въ куролѣси. Ти лукъ, ти качанъ? и т. д.

Въ колички. Играющихъ только двое. Они дѣлаютъ себѣ по три колышка, одинъ—бѣлые безъ коры, другой—съ корою, и накалываютъ ими въ землѣ девять дырочекъ, по три въ рядъ. Въ первыя три ставятъ свои палочки играющій бѣлыми, вторыя три ставятся черныя. Послѣднія три остаются свободными. Тогда первый мальчикъ переставляетъ одну свою палочку въ свободную дырочку, другой дѣлаетъ то же, но такъ, чтобы помѣшать товарищу поставить свои колышки въ рядъ

въ какомъ бы то ни было направленіи—горизонтальномъ, вертикальномъ или наклонномъ. Кто изъ играющихъ успѣетъ это сдѣлать, тотъ даетъ проигравшему условленное число щелчковъ. Та же игра, что у гимназистовъ въ крестики и нули при 16 прямыхъ углахъ. (Г. Сѣнно).

Въ конопли. Число играющихъ не ограничено. Мѣряются на палкѣ и выбираютъ „дѣдку“. Дѣдка беретъ чепелу, а всѣ остальные садятся. Съ чепелою дѣдка ходитъ вокругъ сидящихъ, стучитъ въ землю и говорить къ одному или къ одной изъ сидящихъ:

— Брала бѣ я конопли, брала бѣ ще боли, китки снопки невелички, да товаришей мало. Ты, Марьянка, пристань ко мнѣ! Коли не пристанешь, велю кіемъ дати, за вороты прогнати, собаками заскувати! Пойди, дѣвка, замужъ: не будешь ни толотъ, ни молотъ, ни су горь воду носить: су горь вода сама текла. Корбисель золотый, самъ князь молодой,—пойди, дѣвка, замужъ!.. Та встаетъ, подходитъ къ дѣдкѣ и держится за него сзади.

Дѣдка съ такимъ же обращеніемъ подходитъ къ другому, къ третьему, ко всѣмъ участникамъ игры. Всѣ они становятся позади дѣдки и составляютъ плетенку, держась другъ за друга.

Тогда дѣдка начинаетъ кашлять: „а-кхи! а-кхи!“

Самый задній въ плетенкѣ спрашиваетъ:

„Чего ты, дѣдка, кашляешь?“

— Какъ же мнѣ не кашлять, мое дитятко! Набравъ жонокъ молодыхъ: не хочуть ни толоть, ни молоть, ни су горь водѣ носить! Затѣмъ хочетъ бить самого задняго чепелой: „чего ты к-ва, ишла за менѣ замужъ!“ А когда тотъ убѣжитъ, дѣдка такимъ же образомъ прогоняетъ и слѣдующихъ. Остается только тотъ, котораго дѣдка выбралъ первымъ. Они вдвоемъ начинаютъ кружиться, танцевать, причемъ дѣдка поетъ:

„Мы съ тобой, бабка, вѣкъ вѣковали, съ адныѣ ложки крупки клювали!“ На этомъ игра кончается.

Въ шило. Играющіе садятся въ кругъ, поднимаютъ колѣни вверху, чтобы подъ ними можно было просовывать руки и затѣмъ накрываютъ ноги свитками или платками. Изъ соломы или полотноца скручиваютъ жгутъ. Одинъ мальчикъ садится внутри круга, а кто-нибудь изъ играющихъ незамѣтно бьетъ его жгутомъ, который тотчасъ же передаетъ подъ закрытыми колѣнями сосѣду, тотъ въ свою очередь слѣдующему и т. д. При этомъ говорится: „Бей, шей, пошивай, далѣй, далѣй посылай!“

Въ то время, когда мальчикъ, сидящій въ кругу, старается перенять жгутъ, тотъ, кому онъ переданъ, снова бьетъ мальчика и передаетъ жгутъ сосѣду и т. д. Если же мальчикъ, сидящій въ кругу, перехватитъ жгутъ у кого либо, тогда виновный идетъ въ кругъ, а тотъ занимаетъ его

мѣсто. Игра продолжается сколько угодно. (Сѣнин. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ причуть руки не подъ колѣнями, а за спиною и формула употребляется такая: „Шей, шей, пошивай да другому подавай!“ Въ остальномъ игры сходны.

Въ чорта и матку. Собранныя дѣти выбираютъ себѣ матку и чорта. Для этого обыкновенно „мѣряются“ на палку, обхватывая ее поочередно руками. Чья рука придется на верхній конецъ палки, тотъ матка, чья рука въ самомъ низу, тотъ чортъ. Затѣмъ остальные дѣти садятся другъ около друга въ рядъ и кладутъ руки на колѣни съ раскрытыми ладонями. Чортъ отходитъ въ сторону и становится спиной къ играющимъ. Матка беретъ уголь и, обходя рядъ, кладетъ его кому либо въ руки. Тогда всѣ играющіе закрываютъ ладони, а матка говоритъ чорту:

Чортъ, чортъ, ходи на диво,
На солѣдкое пиво!

Чортъ подходит и по физиономіямъ играющихъ и по положенію рукъ ихъ старается угадать, у кого уголь. Если не угадаетъ, то его прогоняютъ, и матка перепрыгиваетъ уголекъ. Если же угадаетъ, то обладатель уголька дѣлается „чертененкомъ“ и уходитъ изъ ряда. Потомъ чортъ снова отходитъ, а матка опять раздаетъ уголекъ и зоветъ чорта отгадывать. Такъ игра продолжается до тѣхъ поръ, пока чортъ не выберетъ себѣ половину дѣтей. Тогда берутъ палку,

и дѣти матки хватаются за нее съ одной стороны, а чертененки съ другой, и стараются другъ друга перетянуть. Если перетянетъ партія матки, то всѣ играющіе будутъ „маткины дѣти“, въ противномъ же случаѣ всѣ станутъ „чортовыми дѣтьми“.

Въ угольки. Матка раздаетъ уголекъ играющимъ, а чортъ угадываетъ, кому уголекъ отданъ. Если угадаетъ, беретъ себѣ державшаго уголекъ, въ противномъ случаѣ онъ остается маткинымъ. Когда сидѣть остается только одинъ, матка говоритъ: „угадай, ти у матки, ти у дитятки?“ А когда останется одна матка, она беретъ два угля: одинъ большой, который называется „маткою“, другой меньшій, называемый „дитяткомъ“. Матка беретъ одинъ изъ этихъ угольковъ въ правую руку, другой въ лѣвую и спрашиваютъ у чорта: „гдѣ матка, гдѣ дитятка?“

Послѣ этого чортъ и матка садятся на землю, упираясь ступнями другъ въ друга. И берутъ въ руки палку и перетягиваютъ одинъ другого до трехъ разъ. Часто въ этомъ перетягиваніи участвуютъ дѣти матки и чертенята. Побѣдитель ставитъ своихъ дѣтей въ два ряда; они берутъ въ руки какую-либо тряпку или полотенце, поясъ, шапку или веревку, а побѣжденные должны три раза пробѣжать между рядовъ побѣдителей, которые при этомъ бьютъ ихъ припасенными тряпками, поясами, шапками.

Въ угольки. Для этой игры выбираются чортъ и матка. Дѣти садятся въ рядъ, чортъ отходитъ и становится къ дѣтямъ спиной, а матка въ это время раздаетъ имъ уголекъ. Чортъ долженъ отгадать, кому она отдала уголекъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣти будутъ „отгаданы“. Тогда матка идетъ „лазнью“ топить. Насыпетъ съ дѣтьми небольшой курганчикъ изъ песку, поставитъ дѣтей въ очерченный кругъ и идетъ звать чорта „у лазню.“

— Чортъ, чортъ, ходи ў лазню париться!

— Не пойду я: я твоихъ собакъ боюсь!

— Моѣ собаки на замкахъ!

Чортъ идетъ смотрѣть „собакъ“, а они всѣ въ кругу.

Тогда онъ идетъ „у лазню“ и ложится на песчаный курганчикъ. Матка выпускаетъ „собакъ“ изъ круга; онъ стаей бросаются на чорта и прогоняютъ его „изъ лазни“.

Въ краски. Играющіе выбираютъ ангела, чорта и матку. Ангелъ и чортъ отходятъ, а матка сажитъ дѣтей въ рядъ и даетъ имъ названія разныхъ „красокъ“ (цвѣтовъ). Тогда подходитъ ангелъ и стучитъ:

— Стукъ! стукъ!

— Кто тамъ?

— Ангелъ!

— Чего ты?

— За краской!

— За якой?

— За ромашкой!

Если среди играющихъ есть такой цвѣтокъ, онъ встаетъ и уходитъ къ ангелу, а если нѣтъ, ангелъ уходитъ одинъ.

Тогда подходитъ чортъ.

Стукъ-стукъ!

— Кто тамъ?

— Чортъ!

— Чего?

— За краской!

— За якой?

— За розой!

Такъ играютъ, пока всѣ цвѣты будутъ узнаны.

Тогда matka кладетъ длинную палку и заставляетъ пройти въ длину ея чорта и ангела, а затѣмъ и всѣ „краски“. Которая пройдетъ палку, та ангелова, а которая свихнется, та чортова.

Иногда даются имена не только цвѣтовъ, но и животныхъ, насекомыхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣти ангела и чорта перетягиваются на палкѣ. И тогда слабѣйшаго гонятъ сквозь строй.

Въ село. Играющіе выбираютъ хозяина, ангела и чорта. Затѣмъ ангелъ и чортъ отходятъ, а хозяинъ даетъ всѣмъ играющимъ имена какихъ-нибудь сель или деревень. Подходитъ чортъ.

— Бумъ-бумъ!

— Кто идѣтъ?

— Самъ чортъ!

— За чимъ?

— За селомъ!

— За якимъ?

— За такимъ и такимъ!

Называетъ имя селенія.

Если среди играющихъ находится такое названіе, тотъ замѣняетъ чорта, а чортъ са-

дится на его мѣсто. Если же не угадается, тогда подходитъ ангелъ и звонитъ:

— Динь-динь!

— Кто идетъ?

— Ангелъ!

— За чимъ?

— За селомъ и т. д.

Въ жутку. Играющіе прежде всего выбираютъ себѣ бабу. Баба садится на скамейку и призываетъ къ себѣ одного изъ играющихъ. Тотъ нагибается лицомъ къ колѣнямъ бабы, а она накрываетъ чѣмъ либо его голову. Тогда играющіе подходятъ по одному и слегка бьютъ закрытаго товарища жгутомъ. Когда всѣ подойдутъ, баба открываетъ ему голову и спрашиваетъ, кто билъ первый. Если тотъ не узнаетъ и укажетъ на кого-либо другого, то ему кричатъ:

— Мышку зѣвъ! Мышку зѣвъ!

И опять накрываютъ ему голову, до тѣхъ поръ, пока угадаютъ, кто его ударилъ первымъ.

Тогда накрываютъ голову тому мальчику, который первымъ билъ, и игра продолжается.

Бить накрытаго имѣетъ право и баба, и если накрытый не узнаетъ, что это она била, то ему кричатъ:

— Старая баба на соль взяла!

Баба не перемѣняется до конца игры. Она выбирается изъ мальчиковъ посолондѣ и не должна утаивать того, кто билъ первымъ.

Игра эта въ наибольшемъ ходу въ Коляды и въ Масленицу.

Въ кулюкушки. Играющіе мѣряются на палкѣ и выбираютъ кулюкуванника. Онъ садится въ опредѣленномъ мѣстѣ и зажимаетъ глаза, или ему ихъ завязываютъ платкомъ. Остальные играющіе въ это время прячутся во дворѣ или въ овинѣ, въ сѣнѣ, соломѣ и т. д.

Посидѣвъ немного, кулюкуванникъ спрашиваетъ: „ти годъ?“ Если кто еще не успѣлъ спрятаться, то кричитъ: „еще нѣтъ!“ Въ противномъ же случаѣ всѣ молчатъ, чтобы не выдать, кто гдѣ спрятался.

Тогда кулюкуванникъ снимаетъ повязку съ глазъ и идетъ разыскивать спрятавшихся. Если кого найдетъ, то отводитъ на то мѣсто, гдѣ кулюкувалъ. Приведенный долженъ тамъ плюнуть и остаться. Онъ называется „забитымъ“. Кулюкуванникъ же ищетъ остальныхъ участниковъ игры и когда найдетъ, то кулюкувать остается тотъ, который найденъ первымъ, и игра продолжается. (Островенская волос., Сѣнненск. уѣзда).

Стрѣлецъ. Играющіе мѣряются и выбираютъ стрѣльца и двухъ или трехъ собакъ. Всѣ остальные дѣлаются зайцами. Зайцы прячутся по кустамъ, по ямамъ, въ лѣсу—смотря, гдѣ пасутся мальчуганами лошади. Тогда выходитъ стрѣлецъ и кричитъ: бахъ! бахъ! (стрѣляетъ). Собаки тогда бѣгутъ во всѣ стороны, находятъ зайцевъ и выгоняютъ ихъ на открытое мѣсто. На каждого изъ нихъ стрѣлецъ долженъ

крикнуть: бахъ! бахъ! Иначе зайцы опять скроются и его придется отыскивать вторично.

Въ слѣпца. Во время пастьбы лошадей конюшій собираются вмѣстѣ и считаются, кому быть слѣпцомъ. Тогда завязываютъ слѣпцу глаза, выводятъ его на чистое мѣсто и ставятъ „ракомъ“ — на четверенькахъ. Потомъ каждый изъ играющихъ подходитъ къ слѣпцу и бросаетъ изъ подъ него свою шапку, — всѣ въ одномъ направленіи. Когда всѣ шапки будутъ подброшены, тогда слѣпецъ долженъ ползкомъ разыскивать ихъ съ завязанными глазами. Какъ только ему попадется подъ руки чья-нибудь шапка, онъ тотчасъ вскакиваетъ, снимаетъ повязку съ глазъ и убѣгаетъ. Хозяинъ шапки гонится за нимъ и отнимаетъ свою шапку. Если же этого не сдѣлается, то самъ становится слѣпцомъ.

Въ транпыжа. Можно играть втроемъ. Дѣлаютъ два транпыжа, то есть небольшія мѣченныя палочки, и одинъ изъ играющихъ, по уговору, бросаетъ ихъ далеко въ сторону, въ то время, когда другіе играющіе ложатся на землю, чтобы не видѣть, куда упадутъ транпыжи. Когда палочки будутъ заброшены, бросающій кричитъ: „вставайте!“ и махнетъ рукой въ ту сторону, куда брошены палочки. Тѣ встаютъ и идутъ разыскивать ихъ. Кто найдетъ палочку раньше, тотъ ѣдетъ верхомъ на другомъ отъ мѣста находки до конца, то

есть до того мѣста, откуда тран-
пыжи бросались.

Въ палочку-булавочку. Со-
бирается нѣсколько мальчиковъ
и мѣряются на палкѣ: одинъ
обхватываетъ рукою палку на
нижнемъ концѣ, слѣдующій впло-
тную надъ нимъ и т. д. Когда
всѣ возьмутся за палку, а верх-
ний конецъ ея еще свободенъ,
тогда нижній мальчикъ снимаетъ
свою руку снизу и обхватываетъ
палку выше прочихъ мальчиковъ.
То же дѣлають и всѣ остальные,
пока достигнуть верхняго конца.
Тотъ, чья рука придется на
верхнемъ концѣ палки, долженъ
„идти въ поле“. Это значить,
что ему бросаютъ далеко по ули-
цѣ палку, и онъ долженъ бѣ-
жать за нею и принести „къ
огню“ — обыкновенно къ воро-
тамъ, къ тому мѣсту, откуда
бросалась палка. Пока полевой
бѣгаетъ за палкой, остальные
участники должны спрятаться
кто куда. Принеси палку къ во-
ротамъ, полевой „отстукивается“
и говоритъ:

„Палочка-булавочка домой
пришла, дома никого не нашла.
Кого перваго найдить, той за
палочкой пойдить!“ Оставивъ
здѣсь палку, полевой отправля-
ется отыскивать спрятавшихся
товарищей, а тѣ стараются вос-
пользоваться его отлучкой и, схва-
тивъ палку, „отстукиваются“. Если
имъ это удастся, полевому
вторично приходится идти въ
поле, а остальные снова пря-
чутся. Если же полевой вовремя
предупредитъ попытку спрятав-

шихся завладѣть его палкой и
самъ отстукается, тогда въ по-
ле идетъ первый обнаруженный
имъ мальчикъ изъ числа пря-
тавшихся.

Условіе игры иногда ослож-
няется тѣмъ, что полевого обя-
зываютъ отыскать или застукать
всѣхъ участниковъ. А это до-
вольно трудно, если играющіе
прячутся далеко отъ палки. Когда
мѣряются на палкѣ, нерѣдко бы-
ваетъ такъ, что остается свобод-
нымъ маленький кончикъ палки,
который можно охватить не всею
ладонью, а только однимъ-двумя
пальцами. Тогда верхній маль-
чикъ протестуетъ и устраи-
вается „судъ“. На судъ идутъ
верхній мальчикъ и его сосѣдъ
снизу. Этотъ послѣдній беретъ
въ руку оставшійся свободнымъ
кончикъ палки, а жалобщикъ
долженъ выбить у него изъ ру-
ки палку ударомъ своей шапки
или пояса. Если ему это удастся,
въ поле идетъ его сосѣдъ снизу,
въ противномъ же случаѣ, то
есть, если тотъ удержитъ палку
при ударѣ шапкою, въ поле идетъ
жалобщикъ. (Г. Сѣнно).

Татарская палочка. Игра-
ющіе считаются, чтобы выбрать
старосту. Счетъ этотъ обыкно-
венно такой:
Разъ, два—булдавъ,
Три, четыре—почепіли,
Пять, шесть—негдѣ сѣсть,
Семь, восемь—сѣно косимъ,
Девять, десять—деньги вѣсить.

Разъ, два, три, четыре,
Менѣ грамоти учили,

Ни читать, ни писать,
Только въ побѣасы играть.
Я пласала, я пласала,
Себѣ ножку я зломала.

—
Шапочка татарочка,
Князь, не печалься:
Твоя жана Марья
Спородила сына.
Якъ ему имя?
Царя Костинтина!
Бубень, бубень,
Отдай дочку
За мойго сына!
У мойго сына
Трое сѣней
Съ козырами,
Гвоздемъ биты,
Шолкомъ шиты!
Ключъ!

На кого приходится послѣд-
нее слово этихъ причетовъ, тотъ
и дѣлается старостой. Тогда на-
чинають считаться снова, чтобы
рѣшить, кому идти въ поле.
Тому, на кого падетъ этотъ жре-
бій, завязываютъ глаза платкомъ
или надвигаютъ на глаза шапку,
и потомъ забрасываютъ отсюда
палку—„татарскую палочку.“ За-
тѣмъ открываютъ полевому гла-
за и онъ долженъ шагомъ идти
разыскивать палку. Играющіе
въ это время прячутся. Найдя
палку, полевой возвращается съ
нею на то мѣсто, откуда ее бро-
сали и, постучавъ ею, отправ-
ляется отыскивать спрятавших-
ся. Увидя кого-нибудь изъ нихъ,
онъ называетъ его по имени и
бѣжитъ стучать палкою. — А,
Иванька, Иванька, выходи!
Иванька выходитъ. Тогда поле-
вой ищетъ такимъ же образомъ

и остальныхъ. Если кто изъ
спрятавшихся подкрадется неза-
мѣтно къ палкѣ и постучитъ ею,
полевому снова завязываютъ гла-
за и посылаютъ искать палку.
Если же онъ разыщетъ всѣхъ,
то въ поле идетъ тотъ, кого онъ
нашелъ первымъ.

Въ жмурки. Играющіе счи-
таются или мѣряются на палкѣ
и на кого падетъ послѣднее слово
счета или кто возьметъ верхъ
палки, тому завязываютъ глаза.
Предъ этимъ онъ загоняетъ всѣхъ
„подъ печь“, вслѣдствіе чего
всѣ играющіе собираются въ
опредѣленное мѣсто, а тотъ, кому
завязываютъ глаза, идетъ потомъ
туда ловить ихъ. Играющіе раз-
бѣгаются оттуда, и слѣпому при-
ходится ловить ихъ по всей хатѣ.
Первый, пойманный имъ, замѣ-
няетъ слѣплого и самъ начинаетъ
ловить играющихъ, а бывший
слѣпецъ становится въ число
прячущихся. (Чериков. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ эта
игра называется **въ котѣ**. Такъ
какъ эта игра комнатная, то дѣти
обыкновенно считаются, но не
мѣряются. Когда окажется котъ,
то ему завязываютъ глаза и ве-
дутъ, непременно всѣ, къ порогу
двери. Котъ берется за ручку
двери, а сопровождающіе пред-
лагаютъ слѣдующіе вопросы:

— Котъ, котъ, на чемъ сто-
ишь?

— На дубу!

— За што держишься?

— За сукъ!

— Што на суку?

— Улья!

— Што въ улыхъ?
 — Пчелы!
 — Што въ пчелахъ?
 — Медъ!
 — Кому да кому?
 — Пани да панѹ!
 — А намъ што?
 — Г. на лопатѣ!

Тогда играющіе бьютъ kota въ спину подѣ тактъ пѣсенки:

„Апанасъ, Апанасъ, твоя жонка у насъ увалилась у квасъ. Лови семь годъ насъ!“

И съ послѣдними словами опрометью бросаются отъ kota въ разныя стороны. „По закону“, въ церемоніи проводовъ kota до порога обязаны участвовать все играющіе, но обыкновенно трусы заранѣе прячутся, кто въ кочережникъ, кто подѣ столъ.

Смѣняетъ kota первый, кого онъ поймаетъ. Церемонія проводовъ повторяется надѣ каждымъ котомъ.

Въ жмурки. Въ жмурки играютъ на дворѣ, въ полѣ, въ лѣсу. Сначала считаются, кому жмуриться.

Цынцу-вольнцу;
 Пятому-ладому,
 Сикусь-брыкусь,
 Радивонъ, выйди вонъ!

Или:

Ходить кошка
 Коло вокошка,
 Манишь дѣтокъ,
 Коло клѣтокъ:
 „Ахъ вы, дѣтки,—
 Много васъ,
 Красна шапка,
 Прочь отъ насъ!“

Или:
 Иванъ, Иванъ,
 Подай стаканъ!
 Подай лимонъ,
 Выйди вонъ!

Тотъ, на кого придется послѣднее слово, выходитъ, а оставшіе послѣднимъ послѣ счета, жмурятся, ставши за какимъ-нибудь прикрытіемъ, чтобы никого не видѣть. Играющіе прячутся. Черезъ нѣсколько минутъ оставшіе спрашиваютъ: „ти уже?“ Ему отвѣчаютъ: „уже!“ А если кто нибудь еще не успѣлъ спрятаться, то кричитъ: нѣ ще! нѣ ще!

Когда все спрячутся, жмурка идетъ ихъ разыскивать. Какъ только онъ отойдетъ отъ того мѣста, гдѣ жмурился, все спрятавшіеся стараются занять безъ него это мѣсто и „заплеваются“, то есть плюнуть здѣсь. Жмурка старается въ это время поймать кого-нибудь и зачурить, то есть, схвативши или дотронувшись, сказать „чуръ!“ Тогда жмуркой дѣлается пойманный.

Въ лыки. Чтобы играть въ лыки, два мальчика садятся на землѣ, упираясь ступнями другъ въ друга. Прочіе мальчики должны переходить черезъ ихъ ноги. Ихъ спрашиваютъ:

— Куды идешь?
 — У лыки!
 — Ну, иди!

Когда все перейдутъ въ лыки, тогда начинаютъ перепрыгивать черезъ ноги обратно, идя „изъ лыкъ“. Сидящіе, не мѣняя позы, должны ихъ ловить. Чѣмъ

выше и проворнѣе мальчикъ прыгаетъ, тѣмъ труднѣе его поймать. Если же который будетъ пойманъ, онъ садится на мѣсто пойманнаго и самъ начинаетъ ловить другихъ. (Рогач. у.).

Въ южной Бѣлоруссіи эта игра называется игрою „въ соль“.

Играющіе, переходя черезъ ноги сидящихъ, поютъ хоромъ:

— Идѣть байдакъ бѣзъ соли, бѣзъ соли!

Пока все перейдутъ.

На обратномъ пути мальчики сильно разбѣгаются и, перепрыгивая черезъ ноги, каждый отдѣльно кричитъ:

— Идѣть байдакъ съ солью!

Въ остальномъ подробности игры тѣ же.

Въ перескочки. Играющіе снимаютъ шапки и складываютъ ихъ одна на другую столбикомъ. Потомъ въ томъ же порядкѣ, какъ сложены шапки, начинаютъ прыгать поверхъ столбика, такъ, чтобы не задѣть ногами шапокъ. Въ случаѣ кто-нибудь задѣнетъ шапки, его гонять „скрозъ строй“. Для этого становятся все одинъ за другимъ, разставивши въ стороны ноги, а задѣвший шапки ползетъ у нихъ подѣ ногами. Его въ это время бьютъ шапками

Пшено. Выбираютъ kota и мышку и становятся въ кругъ, взявшись за руки. Мышку пускаютъ въ середину круга, а kota оставляютъ внѣ. Котъ старается прорваться въ кругъ и схватить мышку. Играющіе же стараются его не пропустить; но если онъ

тѣмъ не менѣе прорвется, они быстро выпускаютъ мышку изъ круга, а kota, наоборотъ, задерживаютъ. При этомъ котъ кричитъ: „шкѣра въ пшено! шкѣра въ пшено!“

Если коту удастся поймать мышку, она дѣлается котомъ, а котъ мышкой, и игра продолжается. (Чаус. у.).

Въ kota и мышку. Дѣти выбираютъ kota и мышку, и становятся въ кругъ, взявшись за руки. Мышку пускаютъ въ кругъ, а kota задерживаютъ внѣ круга. Если же котъ ворвется въ кругъ, играющіе тотчасъ выпускаютъ мышку изъ круга, а kota задерживаютъ въ кругу. Если онъ снова вырвется изъ круга, туда пускаютъ мышку и т. д. Играютъ до тѣхъ поръ, пока котъ все-таки изловитъ зазѣвавшуюся мышку. (Гом. у.).

Звонъ. Играющіе берутся за руки и составляютъ кругъ. Одинъ изъ нихъ входитъ въ кругъ и потомъ старается оттуда вырваться, но его не пускаютъ. Когда же онъ наконецъ вырвется и бросится бѣжать, играющіе стараются его поймать. Тотъ, кто поймаетъ, самъ дѣлается звономъ и идетъ въ кругъ. Игра продолжается снова.

Въ рагодана. Желаящіе играть становятся въ кругъ и одинъ изъ нихъ „загадываетъ“, говоря: „Рагоданъ, рагоданъ, на четыре загаданъ. Катерининъ носъ на пятнадцать верстъ. Шалдѣ-балдѣ, бушмакъ бобола!“

При каждом словѣ онъ указываетъ пальцемъ на каждаго изъ играющихъ поочередно и на кого падеть слово „борода“, тотъ начинаетъ ловить остальныхъ играющихъ, а тѣ отъ него убѣгаютъ. Поймавши кого-нибудь изъ убѣгающихъ, рагоданъ спрашиваетъ:

— Чій ты?

— Царѣвъ!

— Ну, поможи мнѣ коней
ловить! И начинаютъ ловить
вдвоемъ, потомъ втроемъ и т. д.
Д. Латыгово, Сѣнн. у.

Въ дѣтей. Половина играющихъ садится на землѣ въ видѣ круга—это дѣти, а другая—матки, становится позади каждаго изъ нихъ. Въ средину круга идетъ та, для которой не оказалось пары изъ числа играющихъ. Она называется яловка. Обходя стоящихъ, яловка спрашиваетъ у кого-нибудь:

— Кума, кума, продай дитя?

— Не продажное! Ступай
дальше!

Тогда къ другой, къ третьей.
Наконецъ какая-нибудь матка
спросить:

— А якая жъ твоя плата?

— На—бобу лопата!

И каждая бросается ъбжать въ противоположныя стороны вокругъ сидящихъ. Которая скорѣе добѣжитъ до оставленнаго дятяти, та становится маткой, а отставшая дѣлается яловкой, и игра продолжается.

Быховскій у.

Въ считки-бытки. Толпа дѣтей собирается въ кругъ, и вы-

бираетъ себѣ счита. Обязанность его считать играющихъ, указывая на каждого изъ нихъ по очереди. При этомъ употребляются такіе тексты:

СЧИТКИ-БЫТКИ, у воронки, у
кокошки; самъ воронѣцъ, выйди
вонъ, на конецъ!

Или:

— Соломина, еломина, бере-
стѣнь, посвистѣнь, Радивонъ, иди
вонъ!

Тотъ, на кого придется последнее слово, выходить, и счетъ продолжается далѣе, пока останется одинъ.

Ему надо переловить всѣхъ
играющихъ. Поймавши перваго,
онъ спрашиваетъ:

— Чій ты сынъ?

— Гаршевъ!

— Ну, ступай со мной въ товарищи.

И ловятъ уже вдвоемъ, потому, поймавши еще одного, втроемъ и т. д.

Въ здогонки. Играющіе становятся въ кругъ и начинаютъ „считаться“. Считаніе это состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ, ставши въ кругъ, указываетъ пальцемъ на каждого изъ играющихъ и говоритъ для каждого изъ нихъ по одному слову изъ принятой формулы. Такихъ формулъ много; нѣкоторыя приводятся:

„Цокъ-цыгирѣкъ,
Пана Фида футорѣкъ,
Прѣла-горѣла,
Замужъ летѣла,
Вусъ, бородусъ,

Кислый квасъ,
Лови насъ!“

„Агодінъ, тригодінъ,
Сосновый, еловый,
Тристель-коростель,
Супёка-куварёка,
Сапрёня-зязюля!“

„Соломина, елѣмина,
Тристѣль-свистѣль,
Конникъ жѣванъ,
Чимъ подкѣванъ?
Золотомъ битымъ,
Наводитымъ.
Эчѣ, прэчѣ!“

„Мужык-вѣжык,
Продаѹ нѣжык,
Купиѹ мыла,
Помыѹ рѣла“.

БЫХОВ. у.

А чи-чи, сарока,
Куды лятішь далёка?
Сьла-пала ны такú
У чурвочнымъ кылпаку.
Ня бй мянэ пы бакú,
Буду табѣ гóтъ служыть,
Сахú на поля насыть.
Прышбóу ў поля—сахй нима,
Прышбóу у дворъ—жаны нима.
— А идѣ жана?—У мякíни!
— Што радíла?—А Якіма!
— Хто купáу?—Сыбака!
— Чимъ завúть?—Кылбáка!
— Идѣ ляжыть?—Пыдѣ лаўка!
— Чимъ накрýса?—Кыряўкый!
— Дѣ пыклáли?—Путѣ кутóмь!
— Чимъ накрýли?—Лускутóмь!
И припфúцы канéць,
А мнѣ мёду карóць!

— 567 —

Питушбѣ, питушбѣ,
Зылатѣй грыбнянѣк!
Ны саломцы спаў,
Ёнъ рана устаў,
Пу вадічку пашбѣ,
Мыладічку нашбѣ.
Мыладічка дыбра
Ямѣ штобніки дыла.
Ёнъ и тѣя ни знасіў
И другія пупрасіў.

Мати сына радѣла,
На коника садила,
Шауко́выя пувады,
Вядѣ кынѣ ды вады.
Арѣхува карыта
Пбѣна вады налита.
Тамъ мальчи́ки но́ги мыли,
А дѣвчы́чки ваду́ пили.
А дѣвчы́чки ча́тыры,
Капѣ ихъ черви ста́чили.
А ма́льчикуу́ пять, пять,
У збѣлы́ти сы́пать, сы́пать!

С. Высокое, Оршан. у.

Малатила я гарбохъ,
На чужомъ тачкú
На прыбúдничку.
Ка мнѣ куры лятятъ,
Литатúры лятятъ,
А я кúрыцу цапóмъ,
А варóну малатóмъ.
Палятъла йна
Да на Йванау дворъ.
А Иванъ Баркоу
Заганяу ваукóу
На баярскій дворъ,
Гдѣ шапки шьóтъ,
Прыгаваривають:
Блоха баню тапíла,
А вошь па́рылася,
Сь палкú ўдарылася:
„Вбхи-вбхи, ни магú,—
Патянíта за нагú!“

Таранѣ, таранѣ,
Купиу батька баранѣ,
Да ни скоблянага,
Да ни добинага.
Матка дайла,
Даёнку пабила!

А ты, котикъ, ни гуляй,
Начѣвачки прыбирай!
Начѣвачки склізки,
Видѣрачки близки.
Кружъ обарваўся,
А ты такъ астаўся. Гомельск. у.

Латки, латки,
Дяковы рыбятки
Гарѣхъ мылатили,
Цапъ пулумали,
За винъ закидали,
Дячку ни скызали.
Дякъ зыбраніўся,
Ись пылатъ зваліўся,
Дячиха съ печи,
Пабила плечи,
Пятухъ зъ ямки—
Пабиу клямки,
Курица съ паліцы,
Пабила шкваліныцы.

Оршан. у.

На кого упадаетъ послѣднее слово „счета“, тотъ выходитъ изъ круга: счетъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ повыходятъ, останется только одинъ. Онъ обязанъ ловить играющихъ. Въ этомъ случаѣ игра варьируется: въ однихъ мѣстахъ оставшійся въ кругу обязанъ изловить одинъ всѣхъ играющихъ; въ другихъ на помощь ему приходятъ всѣ, кого онъ раньше поймаетъ: когда поймаетъ одного, начинаютъ ловить вдвоемъ; когда они поймаютъ по одному, ловятъ

вчетверомъ и т. д. Для отдыха уходящихъ отъ погони устраивается особое „горячее мѣсто“, гдѣ нельзя ловить играющихъ.
Окол. Клишинъ, Сѣнн. у.

Въ жидѣ. Играющіе становятся въ рядъ и считаются:
Ахъ ты, уточка шарѣй,
Поступай скорѣй домой:
Въ тебѣ семеро дѣтей,
Восьмій селезень,
Девятая утка.
Десятая клѣтка
За моремъ пала,
Въ церкви стала.
Вѣську дубинку,
Положу на полку.
Хто взявъ?—Я взявъ!
Радивонъ, выйди вонъ!

На кого придется слово „вонъ!“ тотъ и жидѣ. Всѣ убѣгаютъ отъ него, а онъ догоняетъ ихъ и ловитъ. Но пойманнымъ считается только тотъ, кого жидѣ „зарѣжетъ“, то есть проведетъ рукою по горлу. Первый, кого онъ такимъ образомъ зарѣжетъ, становится жидомъ на его мѣсто.

Въ козу. Въ козу играютъ главнымъ образомъ въ полѣ, во время пастбы лошадей—„коло кѣней“. Прежде всего играющіе выбираютъ пастуха. Для этого они разставляютъ широко ноги и согнувшись, бросаютъ черезъ отверстіе между ногами шапки назадъ отъ себя. Чья шапка упадетъ ближе другихъ, тотъ и долженъ пасти козъ. Тогда играющіе вбиваютъ въ землю колышекъ, привязываютъ къ нему оборъ съ поводомъ и даютъ пастуху конецъ повода въ руки.

На такомъ разстояніи пастухъ долженъ находиться отъ колышка. Потомъ играющіе складываютъ у колышка свои шапки, которыя называются козами.

Пастухъ беретъ въ руки хвостину или кнутъ и пасетъ козъ, то есть старается не допустить играющихъ подбѣгать къ колышку и ухватить свою шапку такъ, чтобы пастухъ не ударилъ ихъ кнутомъ. Если же пастухъ допуститъ, что у него будетъ схвачено три козы (шапки), то его гонять сквозъ строй. Для этого играющіе опять широко разставляютъ ноги, а провинившійся пастухъ долженъ на четверенькахъ бѣгать между ними. При этомъ его бьютъ шапками.

Въ горѣлыша. Играющіе становятся попарно, пара за парой, а впереди спиною къ парамъ, становится горѣлышъ. Онъ долженъ стоять прямо и ни въ какомъ случаѣ не смотрѣть по сторонамъ.

Когда всѣ установятся, горѣлышъ говоритъ: „горю!“ Ему отвѣчаютъ: „Гори, гори ясно, чтобы не погасло. Пыхъ!“ Тогда задняя пара, раздѣлившись, оббѣгаетъ играющихъ и горѣлыша и старается снова соединиться. Горѣлышъ долженъ по слуху узнать, что они бѣгутъ, и поймать одного изъ бѣгущихъ. Если поймаетъ, то становится парой впереди прочихъ, а горѣлышемъ дѣлается тотъ, кто отбился отъ своей пары. Тогда такъ же бѣжитъ слѣдующая пара и т. д. Иногда передняя пара старается заглушить

шумъ бѣгущей задней пары или, наоборотъ, кричатъ ему: „бѣгутъ! бѣгутъ!“ Тотъ срывается съ мѣста, когда задняя пара еще не тронулась, чѣмъ возбуждаетъ всеобщій смѣхъ.

Играютъ тогда, когда можно бѣгать безъ обуви, „потому-что босикомъ легче бѣгать“. (Повсемѣстно).

Въ горлачики. Дѣти выбираютъ матку и кота. Затѣмъ всѣ остальные садятся на землю, а матка говоритъ коту: „Пляди жъ, котъ: я пойду въ поле на работу, а ты стереги тутъ горлачиковъ, чтобы, Боже сохрани, никто ихъ не опрокинулъ!“ Матка отходитъ въ сторону, а котъ обходитъ сидящихъ дѣтей и говоритъ на одного: „Это сметанка!“ На другого: „Это сырѣвodka!“ На третьего: „Это творожокъ!“ и т. д. И начинаетъ ихъ опрокидывать. Въ это время приходитъ матка, видитъ лежащіе горлачики и ловитъ кота. Когда поймаетъ, называетъ его: „Не трогай сметанки! не бей горлачей!“ Котъ старается вырваться и убѣжать.

Въ макъ. Играющіе мѣряются на палкѣ, и кто придется на верху, того ставятъ въ кругъ, а остальные, взявшись за руки, ходятъ вокругъ него и поютъ:
А посею я макъ да на долинѣ.
А вы жъ моѣ макѣвочки,
Золотыя головочки,
Станьте въ радъ (рядъ),
Якъ бывъ макъ!

Послѣ этого останавливаются и спрашиваютъ у того, который стоитъ въ кругу:

— Ти оравъ на макъ?

— Оравъ!

Тогда снова начинают ходить вокруг него и пѣть. Пропѣвши, спрашиваютъ:

— Ти скородивъ на макъ?

— Скородивъ!

Затѣмъ, послѣ каждаго пѣнія, последовательно спрашиваютъ:

— Ти взошовъ макъ?

— Взошовъ!

— А ти пвитѣвъ макъ?

— Цвитѣвъ!

— А ти поспѣвъ макъ?

— Поспѣвъ!

Какъ только онъ скажетъ: „поспѣвъ!“ Такъ всѣ изъ круга бросаются къ нему и стараются схватить „за хохолъ“. При этомъ кричатъ:

— Трасіте макъ! Трасіте макъ. Бывшій въ кругѣ убѣгаетъ. (Д. Гончарово, Сѣнн. у.).

Дикари и русскіе. Отмѣриваютъ двѣ черты на разстояніи десяти сажень одна отъ другой: за одной чертой становится матка—дикарь, за другой русскіе; пространство между линиями называется полемъ.

Русскіе, постоявъ нѣкоторое время за чертою, идутъ на поле и наругаются дикарю:

— Сѣро, бѣло, ти не ты?

Сѣро, бѣло, ти не ты?

Выведенный изъ терпѣнія, дикарь бросается на русскихъ и старается кого-нибудь изъ нихъ поймать, но только на полѣ, за черту же переступать онъ не смѣетъ. Если никого не поймаетъ, то возвращается обратно за черту, а русскіе снова выхо-

дятъ на поле и начинаютъ дразнить дикаря:

— Сѣро, бѣло, ти не ты?

Сѣро, бѣло, ти не ты?

Дикарь опять бросается на русскихъ и если кого-либо поймаетъ, то уводитъ за свою черту; пойманный дѣлается уже дикаремъ и помогаетъ маткѣ ловить русскихъ. Когда останется только одинъ русскій, тогда всѣ дикари, сыны и дочери матки, ложатся спать. Около нихъ ложится и матка. Въ это время подкрадывается русскій и схватываетъ кого-нибудь изъ уведенныхъ раньше дикаремъ русскихъ и убѣгаетъ съ нимъ къ себѣ за черту. Матка вскакиваетъ и гонится за ними, не догоняетъ и возвращается назадъ, громко причитая, что украли у нея сына или дочку. Потомъ она ложится снова подлѣ дѣтей. Русскіе подкрадываются уже вдвоемъ и схватываютъ еще двухъ плѣнниковъ. Матка снова гонится за ними и т. д., пока будутъ выкрадены всѣ плѣнные. Тогда всей толпой идутъ они къ оставшемуся дикарю, берутъ его кто за ногу, кто за голову и несутъ на русскую землю. Потомъ выбираютъ новаго дикаря и игра начинается съ начала. (Г. Сѣнно).

Въ шуку. Играющіе считаются и выбираютъ шуку и матку. Шука отходитъ въ сторону, а играющіе становятся позади матки и крѣпко держатся за нее и другъ за друга. Шука, бросаясь то въ одну сторону, то въ другую, старается схватить

самаго задняго изъ играющихъ. Тѣ длиннымъ хвостомъ стараются увильнуть отъ нея. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока будутъ схвачены всѣ, стоящіе позади матки.

Въ коршуна. Играющіе выбираютъ коршуна и матку, потомъ становятся позади матки въ рядъ, „въ плетенку“, крѣпко держась за матку и другъ за друга. Коршунъ садится на землю и ковыряетъ щепкой ямку, а плетенка ходитъ вокругъ коршуна. Матка, идущая впереди „плетенки“, обращается къ коршуну съ словами:

— Коршунъ, коршунъ, што ты дѣлаешь?

— Ямочку копаю!

— На што тебѣ ямочка?

— Каменьчики шукаю!

— На што тебѣ каменьчики?

— Иголочки истрить.

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшочки шить.

— На што тебѣ мѣшочки?

— Каменьчики собирать.

— На што тебѣ каменьчики?

— Твоимъ дѣткамъ зубки выбивать.

— За што, про што?

— За то, што яны мою бручку, моркву поѣли, капусту поломали, потоптали

— А ти закладавъ ты жельзной ступой?

— Закладавъ!

— Тебѣ надо было загородить!

— Да я городивъ!

— А якая твоя горожа?

Коршунъ поднимаетъ одну ногу и изъ-подъ нея бросаетъ вверхъ палочку.

„Вотъ якая моя горожа!“

Матка тоже поднимаетъ одну ногу и изъ-подъ нея бросаетъ камень выше коршуна.

„А тебѣ надо было вотъ якъ загородить! Который же его тебѣ надѣлавъ?“

— Да яны всѣ!

— Ну, лови!

Коршунъ начинаетъ ловить послѣдняго въ плетенкѣ. Плетенка подается въ сторону. Матка съ распростертыми руками и съ криками: „кышъ! кышъ!“ не подпускаетъ коршуна къ концу плетенки. Ухватить же другого дѣтенка, не послѣдняго, коршунъ не имѣетъ права. Наконецъ отъ долгой бѣготни въ разныя стороны, плетенка гдѣ-нибудь разрывается и тогда коршунъ легко ловитъ свою добычу.

Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока отъ матки будутъ оторваны всѣ дѣти. (Сѣнн. у.).

Въ Гомельскомъ уѣздѣ послѣ этого для коршуна еще топятъ баню. Всѣ участвующіе дружно носятъ подолами и шапками песокъ и насыпаютъ изъ него большую кучу. Тогда матка посылаетъ двоихъ дѣтей звать коршуна въ баню.

— Коршикъ, коршикъ, ходи ў баню!

— Не пойду, нехай старшіе прійдутъ!

Идутъ двое другихъ.

— Коршикъ, коршикъ, ходи ў баню!

— А якая ваша баня?

— Деревянная!

— Пошлите вы вонъ! Я не пойду въ деревянную!

Такия посольства продолжаются долго. Третья пара пословъ говоритъ, что баня у нихъ каменная, и также изгоняется. Наконецъ, четвертая говоритъ, что баня золотая. Тогда коршунъ начинаетъ придирается къ полку, къ печи, къ дровамъ, къ водѣ, къ вѣнику, къ духу,—пока выработается такая формула: баня золотая, полоть серебряный (или стеклянный), печка мѣдная, духъ легкій, или — малиновый, вода ключевая, дрова желѣзные, вѣникъ шелковый (или дубовый). Коршунъ удовлетворенъ. Но и тутъ объявляетъ, что онъ не пойдетъ пѣшкомъ, а требуетъ, чтобы его несли въ баню. Всѣ играющіе, съ маткою во главѣ, берутъ коршуна за руки и за ноги и общими усилиями несутъ его въ баню. Положивъ на приготовленную кучу песку, начинаютъ коршуна мыть: тѣмъ же пескомъ обсыпаютъ ему руки, ноги, голову, засыпаютъ песокъ за рубашку... Чуть-чуть бѣдный коршунъ вырвется изъ такой бани!

Въ крука. Игра въ крука та же, что и въ коршуна. Крукъ сидитъ и ковыряетъ землю щепочкой. Матка спрашиваетъ:

— Крукъ, крукъ! Што ты дѣлаешь?

— Ямочки копаю!

— На што тебѣ ямочки?

— Иголочки собирать!

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшечки шить.

— На што тебѣ мѣшечки?

— Камушки собирать.

— На што тебѣ камушки собирать?

— Твоимъ дѣтѣмъ зубы выбивать.

— За што?

— За то, штобъ не ходили въ моч, ни въ вишни, ни въ груши, ни въ бобъ, ни въ горохъ, ни въ макъ, ни въ яблоки, ни въ бульбу, ни въ моркву, ни въ брюкву, ни въ рѣпу.

Когда крукъ начинаетъ ловить дѣтей, они кричатъ ему:

— Крукъ, крукъ, сыръ ѣшь!

А онъ отвѣчаетъ: мяса хочу!

— Крукъ, крукъ, сыръ ѣшь!

— Мяса хочу!

Когда онъ переловитъ всѣхъ, тогда матка и крукъ садятся на землю и „перетягиваются“ на палкѣ. Побѣжденному приходится плохо: всѣ играющіе становятся въ два ряда лицами другъ къ другу и держатъ въ рукахъ пояски или жгуты (большею частью соломенные). Побѣжденный долженъ пробѣжать „скрозь строй“ три раза впередъ и назадъ; при этомъ играющіе бьютъ его жгутами.

На этомъ гульня и кончается. (Д. Коровичи Замочек. волости Сѣвн. у.).

Въ ворона. Предъ игрою выбираютъ, кому быть ворономъ и кому гусакомъ. Потомъ играющіе становятся одинъ за другимъ позади гусака и крѣпко держатся другъ за друга. Всѣ стоятъ. Воронъ же, отошедши отъ гусака на шагъ, на два, беретъ щепку и начинаетъ копать ямочку. Гусакъ спрашиваетъ у ворона:

— Воронъ, воронъ, што ты дѣлаешь?

— Ямочки копаю!

— На што тебѣ ямочки?

— Камѣнійка собирать!

— На што тебѣ камѣнійка?

— Иголочки истрѣить!

— На што тебѣ иголочки?

— Мѣшечки шить!

— На што тебѣ мѣшечки?

— Камѣнійка собирать!

— На што тебѣ камѣнійка?

— Твоимъ дѣткамъ зубки выбивать!

— За што, про што?

— За то, што яны мою капусту поѣли!

— Было горедить!

— Я городивъ камѣнемъ, полѣнемъ, корчѣвьями, баранками, пирогами, кѹхонами, цукѣрками.

— Ай, воронъ, воронъ: твоя лазня горитъ!

— Нехай горить, будемъ пиво варить!

И бросается на гусенка, который стоитъ въ концѣ плетенки. Гусакъ не пускаетъ ворона, плетенка отбѣгаетъ въ сторону.

Когда же воронъ поймаетъ гусенка, то надеретъ его, надеретъ, и броситъ. Гусенокъ долженъ лежать на землѣ, будто задранный ворономъ. Воронъ же ловитъ такимъ образомъ и другихъ.

Когда будутъ переловлены всѣ, тогда гусенята поднимаются и начинаютъ ловить гусака и наказываютъ его:

— Зачѣмъ ты отдавалъ насъ ворону! Зачѣмъ отдавалъ?

Въ гуси. Играющіе выбираютъ матку и волка, потомъ становятся попарно въ рядъ, одна

пара позади другой, и изображаютъ собою гусей. Волкъ прячется, а матка идетъ впереди гусей и кричитъ:

— А вы гусочки, а вы шѣрыя, Гыгы-гыгы!

Гдѣ жъ вы бывали?

Гыгы-гыгы!

Што жъ вы видали?

Гыгы-гыгы!

Гуси отвѣчаютъ:

— За горою въ овеѣ,

Гыгы-гыгы!

А тамъ за горою,

Гыгы-гыгы!

Вовкъ зъ бороною,

Гыгы-гыгы!

Матка потомъ кричитъ:

— А коли ты вовча,

Гыгы-гыгы!

Бери гуску мовча,

Гыгы-гыгы!

Волкъ выбѣгаетъ, хватается заднюю пару и убѣгаетъ съ нею. Матка снова начинаетъ съ начала:

— А вы гусочки, а вы шѣрыя и т. д., пока волкъ перетаскаетъ всѣхъ гусей.

Тогда матка беретъ кій въ руки и идетъ отыскивать гусей. Опираясь на палку, она говоритъ сама съ собой:

— Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусинный слѣдъ! Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусинный слѣдъ!

И приходитъ къ волку.

— Добрыдень табѣ!

— На здоровья!

— Хозяинъ, ти ня видѣвъ ты тутъ моихъ гусей?

— А якія¹⁾ твоѣ гуси?

¹⁾ У бѣлоруссовъ гусь жен. рода.

— Шэрыя!

— Э! пошли шэ яны по шэ-рой дорбзи.

Матка уходит и потомъ снова, опираясь на кій, идетъ за гусями.

— Тутъ вовчій слѣдъ, тутъ гусиный слѣдъ и т. д. Теперь она называетъ гусей бѣлявыми, и получаетъ въ отвѣтъ, что гуси пошли по бѣлявой дорогѣ. Въ третій разъ матка говоритъ волку, что ея гуси бѣлобокія. Волкъ отвѣчаетъ, что онѣ пошли по бѣлобокой дорогѣ.

Но въ это время похищенныя гуси начинаютъ шипѣть по гусиному. Матка спрашиваетъ:

— А што это у тебе шипитъ?

— Капуста ў котлѣ!

Тогда матка хватается горстями песокъ и засыпаетъ имъ гусей; гуси съ шипѣньемъ бросаются на нее и начинаютъ ее щипать. И мало помалу убѣгаютъ всѣ отъ волка.

Скукуйда. Играющіе выбираютъ двухъ батекъ; одинъ изъ нихъ отходитъ въ сторону, а другой усаживаетъ играющихъ въ рядъ, беретъ щепочку или уголь и, ходя около сидящихъ, протягиваетъ въ ихъ подола руку съ щепочкою. Такъ обходитъ онъ играющихъ нѣсколько разъ и при этомъ незамѣтно даетъ щепочку кому либо изъ играющихъ. Потомъ этотъ батка становится въ сторонѣ, а подходитъ другой и начинаетъ угадывать, у кого спрятана щепочка.

Сидящіе же мальчики въ это время стараются поплотнѣе сжать кулаки, чтобы ввести въ заблуж-

деніе чужого батку. Пройдя нѣсколько разъ по ряду, этотъ батка открываетъ у какого-нибудь мальчика руку, надѣясь найти у него щепочку. Если щепочка найдется, онъ беретъ себѣ половину дѣтей, и игра продолжается съ остальными; если же не найдется, то первый батка снова хоронитъ щепочку. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока щепочка будетъ найдена у каждого изъ играющихъ. Тогда дѣти становятся одинъ за другимъ позади своего батки и крѣпко держатся другъ за друга. Чужой батка начинаетъ ихъ ловить, стараясь оторвать послѣдняго мальчика. Родной батка спрашиваетъ при этомъ чужого:

— Зашто ты ихъ ловишь?

— Яны у мене масло покрали!

— А зачѣмъ ты его не накрывъ?

— Я накрывъ желѣзной ступой, а яны ступу отвернули и масло покрали.

— А чему ты не сдѣлавъ забора?

Чужой батка подбрасываетъ вверхъ палочку и говоритъ:

— Я сдѣлавъ заборъ во якій, да яны перелѣзли и масло покрали.

И послѣ этого бросается на дѣтей, и кричитъ: „Грукъ, грукъ ѣсти хочитъ!“

Тѣ убѣгаютъ за своего батку, крѣпко держась другъ за друга, и кричатъ въ отвѣтъ:

— Зъѣжъ жабу ў болѣти!

Игра прекращается тогда, когда всѣ дѣти будутъ оторваны отъ своего батки.

Отдѣлываться. Это игра съ мячикомъ. Играющихъ можетъ быть нѣсколько. Число фигуръ въ игрѣ произвольное, но обыкновенно ихъ бываетъ пять. Каждая фигура „отдѣлывается“ по три раза.

1. Стѣнка. Играющій бьетъ мячикомъ въ стѣнку и ловитъ его, не давая упасть на землю. Это стѣнка. Та же стѣнка опускаемая, то есть, съ опущеніемъ мячика на землю; но когда онъ отъ земли подпрыгнетъ вверхъ, играющій обязанъ поймать его. Та же опускаемая стѣнка — прибиваемая, когда мячикъ, ударившись о землю, подпрыгнетъ, играющій вновь бьетъ его ладонью внизъ и ловитъ уже тогда, когда онъ подпрыгнетъ вторично.

2. Подъ ручку. Играющій упирается лѣвой рукой въ стѣну и подбрасываетъ изъ подъ нея правой рукой мячикъ вверхъ, гдѣ и ловитъ его правою же рукой. Та же фигура опускаемая: мячикъ ловится правой рукой тогда, когда, ударившись о землю, подпрыгнетъ вверхъ.

3. Подъ ножку. Играющій упирается въ стѣнку лѣвой ногой, подбрасываетъ изъ подъ нея мячикъ вверхъ правой рукой и налету ловитъ. Та же фигура опускаемая, въ которой мячикъ ловится тогда, когда, ударившись о землю, подпрыгнетъ вверхъ.

4. Играющій становится спиной къ стѣнѣ и упершись въ нее теменемъ, бьетъ мячикъ о стѣнку и ловитъ, не отнимая головы отъ стѣны.

5. Свѣча. Мячикъ подбрасываютъ вверхъ и ловятъ налету. Та же фигура опускаемая: мячику даютъ упасть на землю и ловятъ его тогда, когда онъ, ударившись, подпрыгнетъ вверхъ. Опускаемая свѣча съ отдачей. Когда мячикъ, ударившись о землю, подпрыгнетъ, его снова бьютъ рукою книзу. Чѣмъ больше разъ повторится такая отдача, тѣмъ вѣрнѣе выиграешь. Проигравшимъ считается тотъ, кто „отдѣлается“ послѣ другихъ. А если всѣ отдѣлаются сразу, такъ тотъ, у кого меньше будетъ отдачи въ опускаемой свѣчѣ. Проигравшій становится у стѣнки и протягиваетъ руку съ раскрытою ладонью. Выигравшіе съ разстоянія въ 5—6 шаговъ стараются ударить по ладони мячикомъ столько разъ, на сколько условятся при началѣ игры. Если побѣдитель промахнется, ударъ все равно считается. Если побѣжденный сумѣетъ схватить мячикъ ладонью во время удара, ему предоставляется право послѣ отбѣгя наказанія поставить къ стѣнкѣ побѣдителя и ударить его по ладони мячикомъ столько разъ, сколько имъ былъ схваченъ мячикъ.

Изъ другихъ игръ въ мячика въ городахъ Бѣлоруссіи употребляется еще „мѣта“. Но она занесена туда учениками городскихъ школъ и не можетъ быть отнесена къ числу народныхъ игръ.

Въ соловья. Играющіе дѣлятся на двѣ партіи и каждая выбираетъ себѣ матку. Матки

„перебиваются“ на мячикъ палками и кто больше разъ ударить по мячику снизу, не допуская его упасть на землю, того партія остается въ городѣ, а противная идетъ въ поле. Между партіями проводится двѣ черты на разстояніи 30—40 шаговъ и у первой черты проводится еще одна, на разстояніи 3—5 шаговъ отъ нея. Пространство между ними и называется городомъ.

Матка городской партіи подбрасываетъ своимъ дѣтямъ мячикъ, а тѣ должны поочередно бить по немъ палкой такъ, чтобы онъ поднялся вверхъ и залетѣлъ въ поле. Полевая партія старается схватить мячикъ налету. Тогда она идетъ въ городъ, а городская отправляется въ поле. Если же мячикъ не будетъ пойманъ налету, то полевая партія хватается его съ земли и бѣжитъ къ своей чертѣ, куда долженъ прибѣжать тотъ, кто билъ мячикъ. Если онъ рѣшится бѣжать отъ черты назадъ въ городъ, его стараются „подсѣчь“ мячикомъ, и тогда въ поле идетъ городская партія. Но если ударъ придется уже въ городѣ, то есть въ очерченномъ для города пространствѣ, то онъ не засчитывается, и игра продолжается попрежнему.

Каждый мальчикъ городской партіи имѣетъ право ударить по мячику только одинъ разъ. Если онъ промахнется, то отходить къ сторонѣ и ждать, пока слѣдующій ударить, и тогда бѣгуть вмѣстѣ. Если же всѣ промахнутся, тогда поддаетъ мячикъ

сама себѣ матка до трехъ разъ. Если и она промахнется, то городская партія уходитъ въ поле и ея мѣсто занимаетъ полевая партія. Если ударъ будетъ слабымъ, и мячикъ не долетитъ до полевой черты, ударъ считается проиграннымъ. Если мячикъ отъ удара залетитъ слишкомъ далеко, его постепенно перебрасываютъ къ полевой маткѣ, которая стоитъ обыкновенно у черты, и она уже подсѣкаетъ имъ городскую партію.

Игра увлекательная, и многіе мальчики дѣлаютъ для нея спеціальныя палки съ круглою рукояткою и плоскимъ концомъ для болѣе вѣрнаго удара по мячику. Часто ихъ и окрашиваютъ болотной рудой, черникой, крушиной, ежевикой и т. п. Если условіе смѣны партій за пойманный налету мячикъ отмѣняется (что собственно и называется соловьемъ), то игра получаетъ названіе илки. Илкою же называется и палка, которою бьютъ мячикъ.

Въ ярки. Для игры рассчитываютъ гладкую площадку и на ней дѣлаютъ пятками небольшія ямочки, которыя и носятъ названіе ярокъ. Ярki располагаются въ одинъ рядъ: О О О О О, и число ихъ зависитъ отъ числа играющихъ. Въ трехъ шагахъ отъ ярокъ проводится „огонь“, черта. Затѣмъ каждый по очереди медленно катаетъ по яркамъ мячикъ. Какъ только мячикъ упадетъ въ чью-нибудь ярку, всѣ опростомѣю бросаются бѣжать отъ нихъ. Хозяинъ же ярки хва-

таетъ изъ нея мячикъ, подбѣгаетъ къ огню и старается „засѣчь“ кого-нибудь изъ бѣгущихъ мячикомъ.

Если засѣчетъ, на томъ засчитывается ярка; въ противномъ же случаѣ ярка считается на томъ, кто бросалъ мячикъ. Когда такихъ штрафовъ соберется столько, сколько ярокъ въ ряду, тогда штрафного становятся лицомъ къ стѣнкѣ и наказываютъ его ударами по спинѣ кулаками (конечно легкими) подь тактъ пѣсенки:

Яр-ка пал-ка!

Ко-ро-лѣ-ва жон-ка!

Лѣзь на па-ла-ти,

Стань ко-зы-ря-ти,

Бу-демъ въ кар-ты гра-ти,

И (скороговоркой) вечера дожи-
дати.

Бьютъ посильнѣе и разбѣгаются.

Когда проигравшій кого-нибудь поймаетъ, игра начинается снова съ начала. (Гом. у.).

Въ Быховскомъ уѣздѣ мячикъ „гонять“ въ ярки палками.

Въ кистеня. Играющіе дѣлятся на двѣ партіи: одна идетъ въ конь, другая беретъ мячикъ. Кономъ называется большой кругъ, саженой пять въ діаметрѣ.

Партія, у которой мячикъ, считается, кому бить. Потомъ она подходитъ къ одному краю круга, а партія, находящаяся въ кругѣ, уходитъ къ другому краю. Тотъ мальчикъ, кому пришелся мячикъ, долженъ попасть въ кого-либо изъ коновыхъ. Тогда эта партія снова считается и

вторично бьетъ въ коновыхъ. Если же бьющій промахнется, то эта партія идетъ въ конь, а бывшая тамъ „дѣлитъ мячикъ“.

Въ крѣглы. Дѣлаются два квадратные городка на разстояніи шаговъ 20—30, а между ними выкапывается ямочка — масло. Крѣглы въ городкахъ или становятся въ рядъ на чертѣ или изъ нихъ дѣлается городокъ.

Для устройства городка двѣ крѣглы кладутся плашмя поперекъ передней линіи квадрата, на нихъ кладутся другія двѣ вдоль линіи, а поверхъ ихъ ставится вертикально пятая. Въ каждомъ квадратѣ бываетъ по пяти крѣглы. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и бросаютъ жребій, какой партіи первой начинать „бить крѣглы“. Для этого берется щепочка съ корою и каждая партія выбираетъ себѣ какую-либо сторону: или гладкую, или покрытую корою. Потомъ подбрасываютъ щепку вверхъ и чьею стороною она ляжетъверху, тому и начинать сбивать крѣглы.

Сбивать ихъ начинаютъ отъ противоположнаго городка, но какъ только будетъ выбита изъ городка хоть одна крѣгла, играющіе переходятъ къ маслу и уже отсюда выбиваютъ остальные. Если не выбьютъ, тогда другая партія начинаетъ выбивать крѣглы изъ второго городка. Кто раньше выбьетъ, тѣхъ невыбившая партія носитъ на плечахъ отъ одного городка къ другому столько разъ, сколько осталось невыбитыхъ крѣглы.

Въ крегли. Играющихъ четверо. На разстояніи десяти „сигней“ (большихъ шаговъ, какъ можно ноги разставить) рисуются квадратные „круги“. Въ нихъ по угламъ и въ центрѣ, ставится по пяти креглей (короткихъ цилиндрическихъ столбиковъ). Тогда двое играющихъ отходятъ къ чужому городку и оттуда начинаютъ бросать палки въ свой городокъ, чтобы выбить оттуда крегли. При этомъ поваленная, но оставшаяся въ городкѣ или даже на чертѣ его крегля, не считается выбитою. Когда первая партія проброситъ свои палки, къ ея городку подходитъ вторая партія и отсюда начинаетъ сбивать свои крегли. Такое поочередное сбиваніе, по условію, производится въ два, въ три приема. Если послѣ этого у какой либо партіи останутся не выбитыя крегли, она должна перенести побѣдителей отъ городка до городка столько разъ, сколько у нея осталось невыбитыхъ креглей. (Витеб. у.).

Въ перегона. Проводится двѣ черты на разстояніи 30—40 шаговъ одна отъ другой. Затѣмъ играющіе выбираютъ двухъ матокъ и раздѣляются на двѣ партіи. Одна изъ нихъ становится съ палками у первой черты, другая, также съ палками, у второй. Первая партія дѣлаетъ у своей черты чучело бабы изъ одежды и беретъ перегонъ. Перегономъ можетъ быть мячикъ или деревянный небольшой шарикъ или обрубокъ. Вторая партія идетъ въ поле, ко второй чертѣ. Тогда

первая партія бьетъ палкой перегонъ и старается, чтобы онъ отлетѣлъ какъ можно дальше. Противная партія налету отбиваетъ перегонъ назадъ. Если же это не удастся, тогда поднимаютъ перегонъ съ земли, подходятъ къ своей чертѣ и стараются попасть имъ въ чучело бабы. Первая партія должна отбивать перегонъ палками, чтобы онъ не попалъ въ бабу. Если же не защитятъ бабы и шаръ попадетъ въ нее, партія считается проигравшей и идетъ въ поле, а ея мѣсто занимаетъ полевая партія.

Въ пыжа. Играющихъ двое. На землѣ рисуется четырехугольный городокъ. На разстояніи трехъ сигней отъ него проводится черта, которая называется „огонь“. Въ десяти шагахъ отъ городка проводится другая такая же черта „конь“, у которой становятся играющіе и начинаютъ „перебиваться“. Для этого они поочередно берутъ пыжь (та же крегля) въ одну руку и слегка подбросивъ его, другою рукою ловятъ налету палкою, не допуская упасть на землю. Кто больше разъ подброситъ пыжь палкою, тотъ остается у коня, а кто меньше, тотъ идетъ „въ поле“. Здѣсь онъ ставитъ въ городкѣ пыжь и становится вблизи городка сторожить; тотъ же который у коня, старается оттуда выбить пыжь изъ городка какъ можно дальше.

Стерегиущій бросается за пыжомъ, схватываетъ его, ставитъ снова въ городокъ и перебивается черезъ огонь. Въ то же время

и сбившій пыжа бѣжитъ за своею палкою и, схвативъ ее, тоже перебивается черезъ огонь. Кто сдѣлаетъ это раньше, тотъ идетъ на коня, а другой въ поле. Если при этомъ стерегиущій поставитъ пыжь непрочо и онъ повалится, то это считается проигрышемъ, и онъ снова идетъ въ поле. Если тотъ, кто сбиваетъ пыжь, промахнется или такъ задѣнетъ его, что онъ свалившись, останется въ чертѣ городка, тогда полевой беретъ пыжь и отбѣривъ три шага по направленію къ палкѣ коночного, старается попасть въ нее пыжомъ. Если попадетъ, коночный становится полевымъ, а тотъ идетъ на коня; въ противномъ случаѣ, все остается по-прежнему. (Гомельск. у.).

Въ масло. По числу играющихъ копаются небольшія ямки въ круговую линію, а посреди ихъ въ центрѣ выкапывается большая ямка, называемая масломъ. Потомъ мѣняются на палкѣ, кому быть маткой и кому идти въ поле насти свинью. Дѣти для матки насыпаютъ небольшой курганъ и ставятъ на него свинью, — нѣкоторое подобіе деревяннаго шара. Матка изъ всѣхъ силъ бьетъ своею палкою по шару, чтобы онъ залетѣлъ какъ можно дальше. Полевой находитъ его въ полѣ и гонитъ къ маслу. Дѣти и матка стерегутъ масло, стоя упершись своими палками въ ямки. Какъ только полевой подгонитъ свинью близко, кто нибудь изъ дѣтей или матка отбиваютъ его палкою. Но если во

время этого удара полевой займетъ своею палкою опустѣвшую ямку, хозяйнъ ея дѣлается полевымъ, а полевой занимаетъ его мѣсто въ средѣ играющихъ.

Если же полевому, не смотря на дозоръ играющихъ, удастся загнать свинью въ масло, то въ поле идетъ матка, или игра начинается съ начала. (Гомельск. у.).

Въ цурки. Играющихъ двое. Они берутъ по палкѣ и цурку, то есть короткую, въ 4—6 вершк. длины, палочку, и перебиваются: кто больше разъ подброситъ своей палкой цурку, на воздухъ, не допуская ее упасть на землю, тотъ остается въ городѣ, а другой идетъ въ поле. Оставшійся въ городѣ очерчиваетъ палкой вокругъ себя окружность и ставитъ въ центрѣ ея, бьетъ по цуркѣ палкой, стараясь, чтобы она залетѣла какъ можно дальше. Тотъ, который въ полѣ, поднимаетъ залетѣвшую къ нему цурку и сдѣлавъ на три шага „приступъ“ къ городу, бросаетъ туда цурку, чтобы она очутилась внутри круга. Если это ему удастся, онъ входитъ въ городъ, а городской идетъ въ поле; если нѣтъ, оба остаются на мѣстахъ и цурку снова бьютъ въ поле. Если брошенная изъ поля цурка ляжетъ на линію окружности, тогда городской бьетъ ее палкой по одному концу, чтобы она подбросилась вверхъ. Если при паденіи она очутится внутри круга, въ городъ вступаетъ полевой. Въ противномъ случаѣ онъ снова уходитъ въ поле.

Въ чижики. Играющихъ двое, оба съ палками, которые называются лаптою. Кромѣ того изготовляютъ еще коротенькую палочку, въ четверть аршина, и заостриваютъ у нея оба конца. Эта палочка зовется чижикомъ. Затѣмъ на землѣ очерчивается кругъ или квадратъ и одинъ изъ играющихъ, кому придется верхъ на палкѣ, становится съ чижикомъ „въ черту“, а другой идетъ въ поле. Въ чертѣ чижики кладется на землю; играющій бьетъ лаптою по острому концу его и чижики подскакиваетъ кверху. Въ это время играющій долженъ налету ударить его такъ, чтобы онъ полетѣлъ далеко въ поле. Если играющій заставитъ чижики подпрыгнуть три раза и не съумѣетъ загнать его въ поле, онъ считается проигравшимъ и уходитъ изъ „черты“ въ поле, а на его мѣсто становится полевою. Если же играющій выгонитъ чижики въ поле, полевою долженъ перенять его налету своей лаптою. Тогда онъ идетъ въ черту. Если же это ему не удастся, и чижики упадутъ на землю, тогда онъ поднимаетъ его съ земли и бросаетъ въ „черту“. Если попадетъ, самъ идетъ въ черту и такъ же выбиваетъ чижики въ поле.

Условливаются обыкновенно на 50 ударовъ. Кто первый выполнитъ условленное число, тотъ имѣетъ право заставить проигравшаго проскакать на одной ногѣ пространство отъ поля до черты столько разъ, сколько не выполнено имъ ударовъ.

(Быховск. у.).

Транпыжъ. Играющихъ двое, съ палками. Игра состоитъ въ томъ, что каждый изъ играющихъ бросаетъ поочередно свою палку вертикально такъ, чтобы она, упираясь концомъ въ землю, подпрыгивала, снова упиралась и снова подпрыгивала. Въ то время, когда одинъ бросаетъ такъ свою палку, другой играющій долженъ подбѣчь ее своею палкою. Если ему удастся это, палку бросаетъ онъ, а товарищъ уже подбѣкаетъ ее. Если же онъ не задѣнетъ прыгающей палки своею палкою, то оба остаются въ прежнихъ роляхъ. (Быховск. у.)

Въ козиный рогъ. Играть можно партіями и вдвоемъ. Отыскиваютъ круглую или кубическую чурку или подобіе шара — „кулю“, и берутъ каждый себѣ палку, называемую „падцуромъ“. Отмѣривши извѣстное разстояние между партіями, одна изъ нихъ начинаетъ катить или просто бросаетъ къ другой шаръ, а та отбиваетъ его назадъ или ловитъ на своей чертѣ, и возвращаетъ первой партіи. Если шаръ прорвется сквозь черту, проигравшая партія отступаетъ къ тому мѣсту, куда закатился шаръ. Тогда про нее говорятъ: „загнали въ козиный рогъ!“ и игра считается проигранною.

Въ булу. Була по преимуществу зимняя игра, увлекательная особенно на голомъ льду рѣки или озера, пока онъ не прикрытъ еще снѣгомъ.

Играющіе отыскиваютъ деревянный шаръ или сами дѣлаютъ

нѣкое подобіе его и называютъ его булю. Взявши булу и особые палки съ загнутымъ нижнимъ концомъ, которые называются кочерѣжками, играющіе большою толпою отправляются на ледъ, тамъ выбираютъ матку и потомъ подходятъ къ ней парно подъ вымышленными именами.

— Мати, мати! што тебѣ дати: ти снѣгу, ти лёду?

— Лёду!

Тотъ, который назвался льдомъ, остается съ маткой, а снѣгъ уходитъ въ другую партію.

— Мати, мати! што тебѣ дати: ти гороху, ти бобу? Ти день, ти ночь? Ти зиму, ти лѣто? Ти сосну, ти березу? Ти розу, ти гвоздику? и т. д. пока все перебываютъ.

Когда такимъ образомъ раздѣлятся на двѣ партіи, партія матки остается на мѣстѣ, гдѣ проводится черта города, а другая уходитъ въ поле. Матка изъ всехъ силъ бьетъ по булѣ кочережкой и гонитъ ее въ поле; ея дѣти подхватываютъ ее по дорогѣ и гонятъ еще дальше, а противная партія старается задержать шаръ и вернуть его обратно въ городокъ. При этомъ происходятъ настоящіе сраженія. Къ шару обыкновенно подбѣгаютъ двое, по одному изъ каждой партіи. Одинъ размахивается кочережкой, чтобы ударить шаръ и погнать его въ свою сторону; другой ловко парируетъ этотъ размахъ, подставляя подъ ударъ свою кочережку, и самъ бьетъ шаръ; дальше его подхватываетъ другая пара и т. д. Простран-

ство, захватываемое булою, иногда очень велико, и игра продолжается нерѣдко все послѣобѣденное время до сумерокъ, — конечно, въ праздничные дни. Въ игрѣ принимаютъ участіе и взрослые парни.

Въ дѣда и бабу. Играющіе выбираютъ дѣда и бабу. Дѣдъ садится верхомъ на палку, а бабу съ своими дѣтьми усаживается на полу такимъ образомъ, что бабу позади, а дѣти впереди въ одинъ рядъ, и все крѣпко держатъ одинъ другого подъ мышками. Дѣдъ начинаетъ объѣзжать сидящихъ съ пѣсенкой:

— Ъду, ъду коло дѣда,

Ъду, ъду коло бабы,

Коло бабы, коло старенькой!

Захвативъ напередъ, останавливается и, стуча своей палкой, спрашиваетъ:

— Ти ёсть хозяинъ у дворѣ?

— А што табѣ?

— Свины въ горбѣ!

— Ну, выгонь, кумокъ!

— А ти позволите тамъ рѣпинку вырвать?

— Да ты сабѣ! только выгонь!

Тогда дѣдъ бьетъ тихонько палкой по головѣ сидящаго первымъ и говоритъ:

— Юсь вонъ! юсь вонъ! Мнѣ оставьте хоть одну!

Потомъ бросаетъ палку, схватываетъ перваго сидящаго за руки и тащитъ къ себѣ. Другіе его не пускаютъ. Если дѣдъ вырветъ все-таки эту „рѣпинку“, онъ садитъ ее отдѣльно, а самъ опять начинаетъ объѣзжать сидящихъ съ той же пѣсней. Его

посылаютъ выгнать свиней изъ огорода.

— А ти позволите тамъ рѣпинку вырвать?

— А гдѣ жъ ты тую подѣлывъ?

— А вотъ, якъ ѣхавъ я черезъ мостокъ, чортъ ухвативъ мою кобылку за хвостокъ, тогда я ему рѣпинку и кинувъ!

— Ну, вырви сабѣ!

Дѣдъ начинаетъ тянуть второго мальчика и если не сможетъ, то зоветъ на помощь того, котораго вырвалъ раньше и вмѣстѣ вырываютъ вторую „рѣпинку“. Такъ продолжается игра не только до тѣхъ поръ, пока дѣдъ перетаскаетъ всѣхъ сидящихъ, но и пока всѣ играющіе перебиваются въ роляхъ дѣда и бабы. (Витебскій у.).

Въ рѣдку. Играющіе садятся рядомъ попарно и крѣпко держатся другъ за друга. Матка, объѣхавши на пруткѣ сидящихъ, кричитъ:

— Стуку-грукъ подѣ вокно!

— Кто тамъ?

— Самъ панъ!

— Зачимъ?

— Паня сына родила, на стовпѣ посадила, сама захворѣла, рѣдки захотѣла. Ти пора рѣдку рвать?

— Нѣ, ще только посѣяли.

Въ слѣдующій разъ отвѣчаютъ, что рѣдка съ палчикъ, потомъ съ толкачъ. За третьимъ разомъ говорятъ:

— Пора врать, — уже по ступѣ!

Матка начинаетъ пробовать, какова рѣдка: на одну пару говорить, что рѣдка гнилая, на

другую — что червивая и т. д. Среди такого разговора хватается неожиданно одного изъ пары и вырываетъ. Тогда начинаетъ рѣдку отряхивать отъ земли, то есть бить пруткомъ вырваннаго мальчика. Потомъ игра продолжается. Матка снова бракуетъ рѣдку и когда какая-нибудь пара зазѣвается, снова вырываетъ одного изъ играющихъ и т. д. (Ряснян. вол. Сѣян. у.)

Въ рѣдку. Для этой игры чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше. Можетъ участвовать и до тридцати человекъ. Прежде всего изъ участниковъ избирается матка. Потомъ одинъ мальчикъ садится на землю и раздвигаетъ ноги, другой садится у него между коленъ, у этого слѣдующій и такъ далѣе, и всѣ обхватываютъ другъ друга руками подѣ мышками. Матка, взявши палку, бѣгаетъ на ней верхомъ вокругъ этого ряда дѣтей — стана и говоритъ:

— Дилинь-дилинь! Просила паня рѣдки!

А тѣ отвѣчаютъ ей:

— А щѣ только посадили!

Тогда матка опять спрашиваетъ:

— Дилинь-дилинь! Просила паня рѣдки!

Дѣти отвѣчаютъ:

— Ще только взымы!

Потомъ на повторяющіеся просьбы матки говорятъ:

— Только еще поскородили!

— Еще не поспѣла!

Наконецъ, на пятую просьбу говорятъ:

— Вырви сабѣ одну!

Тогда матка начинаетъ вырывать изъ ряда крайняго мальчика, того, который садился послѣднимъ. Товарищи крѣпко держатся другъ за друга, и маткѣ стоитъ не мало труда вырвать себѣ рѣдку изъ цѣпкаго стана. Вырвавъ кое-какъ рѣдку, матка отводитъ ее въ сторону и опять приѣзжаетъ къ стану.

— Дилинь-дилинь! Просила паня рѣдки!

— А гдѣ тую подѣла?

— А ѣхала черезъ мостице, еустрѣла вовчице, узила да й кинула!

— Ну, вырви сабѣ одну.

Такъ игра повторяется до тѣхъ поръ, пока на стану остается одинъ мальчикъ, тотъ, который садился первымъ.

Въ рѣдку. Собирается много дѣтей и прежде всего выбираютъ матку. Потомъ всѣ садятся въ рядъ другъ другу на ноги и обхватываютъ одинъ другого руками. Когда всѣ усядутся, матка беретъ чепелу или кѣекъ и объѣзжаетъ на немъ три раза вокругъ сидящихъ, потомъ стучитъ въ землю и кричитъ:

— Стуку-грукъ подѣ вокно!

— Кто тамъ?

— Самъ панъ.

— Чего?

— Паня сына родила, на стовпѣ посадила. Сынъ звалился, на борону пробився. Сама здыхать, рѣдки жадаить! *) Ти велика ваша рѣдка?

— Еще только поорали!

*) Или: „Звалилася паня съ печи, побѣла сабѣ плечи, родила сына Максима, дочку Катерину, зажадала рѣдки!“

Объѣхавъ еще три раза вокругъ сидящихъ, матка опять кричитъ:

— Стуку-грукъ подѣ вокно и т. д.

Ей отвѣчаютъ, что рѣдку только поскородили. Въ третій разъ: рѣдку посѣяли. Потомъ рѣдка взошла. Рѣдка по куриной головѣ. По козиной головѣ. — По конеской головѣ *).

По толкачу. По ступѣ.

— Стуку-грукъ подѣ вокно!

— Кто тамъ?

— Самъ панъ?

— Чего?

— Паня сына родила, на стовпѣ посадила. Сынъ звалился, на борону пробився. Сама здыхать, рѣдки жадаить. Ти велика ваша рѣдка?

— А инѣ уже поспѣла!

— Кума, кума, свиньни у горбди!

— Выгонъ, кумокъ!

А-юсъ! а-юсъ! А ти можно мнѣ рѣдчину поспытѣть?

— Можно, кумокъ!

Матка подходитъ къ каждому изъ сидящихъ и зубами грызетъ за голову. Потомъ спрашиваетъ:

— А ти можно мнѣ трохи рѣдки вырвать?

— Вырви, кумокъ!

Матка начинаетъ вырывать изъ рукъ того играющаго, который сидитъ послѣднимъ, затѣмъ слѣдующаго и т. д. Когда повываетъ всѣхъ, то сама убѣгаетъ. За ней гонятся и наказываютъ. (Сѣненск. у.).

*) Или: По куриному яйцу. По гусяному яйцу. По квартирѣ. По толкачу и т. д. (Д. Латыгово).

Въ рѣпу. Выбираются матка и панъ. Матка садится на землю, передъ нею садится одинъ изъ играющихъ, предъ нимъ слѣдующій, и такъ далѣе, до послѣдняго. Всѣ они крѣпко держатъ другъ друга, обхвативъ руками подъ мышками. Тогда приходитъ панъ и говоритъ:

— Матка, матка, свиный ѣрѣш!

— Иди выгонь!

— А позволишь рѣпку вырвать?

— Вырви, только съ корешкомъ!

Панъ беретъ за руки передняго мальчика и старается его вырвать изъ рукъ слѣдующаго. Вырвавши, онъ опять идетъ къ маткѣ и говоритъ, что свины въ рѣпѣ и т. д.

Такъ онъ вырываетъ всѣхъ. Когда останется одна матка, ее поднимаютъ на руки всѣ играющіе и несутъ.

Въ чекерду. Слабыя и болѣзненные дѣти къ участию въ этой игрѣ не допускаются. Прежде всего считаются или мѣрятся на палкѣ, потомъ одинъ идетъ къ стѣнкѣ „за кобылу“ и становится тамъ въ полусогнутомъ положеніи. Одинъ изъ играющихъ прыгаетъ ему на плечи и если не вспрыгнуть или не удержится, то становится при немъ тоже въ полусогнутомъ положеніи. Остальные прыгаютъ уже на нихъ. Не вспрыгнувшие или свалившіеся примыкаютъ къ кобылѣ все болѣе и болѣе удлиняя ее. Когда прыжки будутъ выполнены всѣми играющими,

тогда „кобыла“ везетъ тѣхъ, которые съумѣли вспрыгнуть на спину кобылы. Если же кобыла при этомъ отъ тяжести свалится, тогда играющіе ложатся на свалившіеся съ крикомъ:

— Мала куча, невелика! Мала куча, невелика!

Когда упавшіе высвободятся, игра начинается снова. (Гом. у.).

Въ шляки. Шлякъ—это бабка изъ ноги коровы.

Шляками играютъ въ кона, въ плоца, въ стѣнку и на деньги. При игрѣ въ кона, каждый изъ играющихъ ставитъ по сомкнутой парѣ шляковъ на конъ въ рядъ, слѣва направо, или спереди къзади, на разстояніи 1—1½ в. пара отъ пары. Затѣмъ проводятъ черту въ 3—5 шагахъ отъ кона и загоняютъ битки.

Битками могутъ быть камни, удобные для бросанія, а также имѣющіе форму плитки, чугуныя ядра, стеклянные шары и даже осколки нижней печной вьюшки. Загонять битку, значить бросить ее на такое разстояніе отъ кона, чтобы можно было сбить стоящіе на кону шляки. Чья битка ляжетъ дальше, тотъ бьетъ шляки первымъ, чья ближе къ кону—тотъ послѣднимъ. Ближе черты загонять битку нельзя. Приступъ дозволяется только въ одинъ шагъ. Если битка попадетъ въ конъ, играющій беретъ столько шляковъ, сколько собьетъ его битка. Хотя это зависитъ отъ взаимнаго условія. Если же онъ промахнется, то приставляетъ къ кону еще пару.

Въ плоца конъ устраивается такой же, но шляки могутъ ставиться и поодионочѣ. Битками служатъ исключительно шляки же, хотя бы и налитые свинцомъ—свинчатки, или литые изъ чугуна. Проводится также и черта на разстояніи 2—3 шаговъ. Бьетъ первымъ не тотъ, чья битка ляжетъ дальше, а тотъ, чья ляжетъ плоскимъ бокомъ—плбцемъ. Послѣ плоца бьетъ жогъ, то есть чей шлякъ ляжетъ спинкой кверху, а послѣ всѣхъ бьетъ дала—тотъ, чей шлякъ ляжетъ спинкой книзу. Попавшій въ конъ беретъ сколько выбьетъ, промахнувшійся удваиваетъ ставку.

Въ стѣнку играютъ вдвоемъ. Одинъ бьетъ объ стѣнку шлякомъ, чаще двумя, такъ, чтобы они дальше отлетѣли. Другой бьетъ вслѣдъ за нимъ, стараясь, чтобы его шляки легли къ первымъ возможно ближе—не далѣе одной четверти аршина. Тогда онъ ихъ выигрываетъ. Въ противномъ случаѣ поднимаетъ свои шляки первый игрокъ и старается, чтобы при ударѣ объ стѣнку они упали къ шлякамъ второго, и т. д.

На деньги въ шляки играютъ взрослые. Обыкновенно они берутъ пару шляковъ и бросаютъ ихъ на землю. Если оба шляка легли въ одной позѣ плоцѣми, жбгами или далами, остальные участники ему платятъ по копѣйкѣ; если же въ различныхъ позахъ, то выигрыша нѣтъ и играть начинаетъ слѣдующій участникъ.

Въ камушки. Въ камушки играютъ преимущественно дѣвочки, вдвоемъ, втроемъ. Берется пять камушковъ и каждая изъ играющихъ продѣлываетъ съ ними 5—6 фигуръ. Если она на какой-нибудь фигурѣ ошибется, играть начинаетъ слѣдующая. Игра эта заимствована отъ еврейскихъ дѣвочекъ, которые вмѣсто камушковъ употребляютъ овечьи или козьи колѣнные косточки, и играютъ съ азартомъ, болѣею частью на волошскіе орѣхи.

Фигуры игры слѣдующія:

1. Одиноки. Одинъ камушекъ берется въ руку, а остальные четыре раскладываются поодионочѣ на землѣ въ видѣ квадрата. Находящійся въ рукѣ камушекъ подбрасывается кверху, и играющая должна подобрать съ земли одинъ камушекъ и подхватить тотъ, который подбрасывала. Такъ подбираются всѣ четыре камушка.

2. Двоики. Четыре камушка разлагаются на землѣ попарно и попарно же потомъ подбираются.

3. Тронки. Камушки кладутся въ двѣ кучки: три въ одну и одинъ въ другую, и въ такомъ же количествѣ подбираются при подбрасываніи пятого камушка.

4. Ступа. Всѣ четыре камушка кладутся вмѣстѣ и сразу подбираются.

5. Когда, послѣ этого въ рукѣ окажется пять камушковъ, ихъ подбрасываютъ кверху и ловятъ обратной стороной руки слегка разставивши пальцы.

6. Сейчасъ же затѣмъ снова подбрасываютъ всѣ камушки

кверху и ловить ихъ уже ладонью. Последнія двѣ фигуры называются конами. (Повсемѣстно).

Въ костяшки. Костяшками называются плоскія пуговицы безъ ушекъ, съ отверстиями для пришиванія. Играютъ въ нихъ на фуражкахъ, которымъ придается горизонтальное положеніе. Играющіе садятся другъ противъ друга и кладутъ по пуговицѣ каждый на своей сторонѣ. Затѣмъ легкими щелчками подгоняютъ пуговицы къ центру фуражки и стараются такъ подтолкнуть ихъ, чтобы одна пуговица упала на другую. Чья пуговица окажется наверху, тотъ забираетъ себѣ и нижнюю пуговицу.

Гуси летятъ. Когда маленькія дѣти остаются дома съ подросткомъ, ихъ забавляютъ слѣдующею игрою: всѣ ставятъ указательные пальцы на столъ въ одно мѣсто. Тогда старшій говорить:

— Гуси летятъ! и поднимаютъ руку кверху, показывая наглядно, какъ гуси летятъ.

Дѣти отвѣчаютъ:

— Летятъ! и тоже поднимаютъ руки.

— Утки летятъ!

— Летятъ!

— Воробьи летятъ!

— Летятъ!

— Мухи летятъ!

— Летятъ!

— Щуки летятъ!

Увлечшіяся дѣти часто отвѣчаютъ:

— Летятъ! и поднимаютъ руки.

Старшій бьетъ ихъ по рукамъ и кричить:

— Не летать, не летать!

Потомъ опять сначала:

— Гуси летятъ! Вороны летятъ! Сороки летятъ! Коровы летятъ!

Но наученныя опытомъ дѣти уже не поднимаютъ на корову рукъ и молчатъ. Тогда опять:

— Гуси летятъ! Лебеди летятъ! Соловьи летятъ! Дубы летятъ и т. д.

Этотъ своеобразный урокъ естественной исторіи кончается тогда, когда вниманіе малышей утомится и они начинаютъ невпопадъ поднимать и не поднимать руки.

Сорока. Если ребенокъ одинъ, его занимаютъ такимъ образомъ. Семилѣтняя нянька плюетъ для вида ребенку на ладонь лѣвой руки, беретъ указательный пальчикъ другой руки и, плеская имъ по ладони, поетъ:

Сорока, сорока,
Прилетѣла здалѣка,
Сѣла-пала на току
Да въ червономъ колпаку,
Кашу варила,
Дѣтокъ кормила!

Затѣмъ, перебирая пальчики, начиная съ большого, продолжаетъ:

— Етому дала, етому дала!
Дойдя до мизинца, говорить:
— А етому не дала!
А ты, малъ,
Крупъ не дравъ,
Воды не носивъ,
Дежи не мѣсивъ,

Тебѣ кашка на полѣчки,
У маленькой черепишки.
Шу-гу! полетѣли!

И машетъ ручками, подражая движеніямъ птичьихъ крыльевъ. Потомъ беретъ обыкновенно обнаженную ручку дитяти и показывая на различныя части ея, отъ кисти до плеча, говоритъ:

А ты, мальчикъ,

Сходи по водичку

Въ студѣну крыничку.

— Тутъ пень, тутъ колода,

— Тутъ крыница,

Тутъ холодная водица,

Водица!

И щекочетъ ребенка подъ мышками или подъ подбородкомъ. Тотъ хохочетъ.

Кую, кую ножку. Та же нянька беретъ одной рукой ножку ребенка, а другой слегка бьетъ по подошвѣ ступни и поетъ:

Кую, кую ножку,
Поѣду въ дорожку,
Куплю черевички,
Ножки невелички.

Треба коня подковать,
Штобъ далеко ночевать.
Тутъ пень, тутъ колода,
Тутъ студѣная крыница,
Тутъ холодная водица,
Водица!

И щекочетъ ножку.

Игрушки.

Волчокъ, кружолка. Волчокъ дѣлается большей частью изъ деревяннаго кружочка, въ центрѣ котораго просверливается дырочка. Въ эту дырочку продѣвается круглый стержень съ острой пяткой, такъ, чтобы ниже

кружка стержень выдавался на полвершка, а выше кружка на два вершка. Чтобы пустить волчокъ, кладутъ верхній стержень между двухъ ладоней и быстрымъ вращательнымъ движеніемъ пускаютъ его.

Волчки шарообразные изъ картофеля, рѣпы, луковицы и т. п. встрѣчаются рѣдко за трудностію изготовить ключъ для ихъ пусканія. Ихъ пускаютъ также, какъ и кружолку.

Котѣлка Деревянный кружокъ, дно отъ ведра, обручъ и т. п. Палкою играющіе подгоняютъ котелку другъ къ другу.

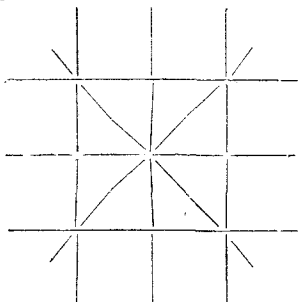
Мячикъ. Мячикъ, или мячикъ, дѣлается изъ тряпокъ или обрѣзковъ кожи. Въ хорошій же мячикъ непременно долженъ быть вложенъ клубокъ изъ резиновыхъ полосокъ отъ старой калоши. Обматывается онъ нитками и обшивается тряпкой же или кожей.

Коровки. Для маленькихъ дѣтей дѣлаютъ коровокъ. Для этого берутъ продолговатую картофелину, маленькую молодую тыкву, огурецъ и т. п. Снизу въ нее втыкаютъ пару палочекъ спереди и пару сзади. Это ноги. Надъ передними ногами сверху втыкаютъ двѣ короткія палочки—рога, а за задними ногами втыкаютъ длинную палочку—хвостъ. Такихъ коровокъ гонять въ поле, пасутъ, кормятъ травой и т. д.

Жужалка. Въ ключицѣ просверливаютъ двѣ дырочки и продѣваютъ сквозь нихъ два шнур-

ка съ длинными концами. Взявъ за концы, быстро вращаютъ косточкой при ослабленныхъ шнурахъ, а потомъ также быстро ихъ натягиваютъ. Отъ сильнаго вращенія кость жужитъ.

Кресты. Берутъ восемь тонкихъ лучинокъ произвольной, но по возможности одинаковой длины. Изъ нихъ складывается сначала фигура въ видѣ буквы Ж, затѣмъ вверху и внизу ея кладется по лучинкѣ горизонтально. Онѣ поддерживаются упругостью средней вертикальной лучинки. Послѣ этого двѣ лучинки всовываются по сторонамъ фигуры вертикально и одна въ срединѣ въ горизонтальномъ положеніи. Получается фигура такая:

Это называется крестомъ. Надѣлавъ такихъ и, по желанію, болѣе сложныхъ крестовъ нѣсколько, дѣти начинаютъ пѣть: Господи помилуй! и т. п. и устраиваютъ съ ними шествіе по хатѣ.

Но большею частью кресты дѣлаются на печкѣ, гдѣ сушится лучина и гдѣ дѣти проводятъ зиму.

Конь. Конемъ бываетъ обыкновенная палка. Но непременною принадлежностью къ ней—кнутъ, или въ крайнемъ случаѣ

прутъ. Мальчикъ садится верхомъ на такого коня и гарцуетъ, похлестывая его по боимъ бокамъ.

Конь съ кучеромъ изображается двумя мальчиками. Одинъ впереди съ протянутой подъ мышками веревкой, другой сзади держать концы этой веревки и дергая то правый конецъ, то лѣвый, управляетъ конемъ.

Кнутъ здѣсь употребляется для хлопанья. Вышимъ шикомъ считается, если конь держитъ веревку во рту.

Изъ другихъ игрушекъ дѣлаются еще лодки изъ бересты и сосновой коры, корыта изъ коры же, корзинки, коробочки изъ прутьевъ, лучинокъ и соломы, вѣнки изъ цвѣтовъ и колосьевъ. Часто дѣлаются мельницы—вѣтраки. Для этого двѣ широкія лучинки связываются питкою крестъ-на-крестъ, въ центрѣ соединенія ихъ пробивается дырочка, которою лучинки надѣваются на тонкій гвоздь, вбитый сбоку въ длинную палку. Палка эта нижнимъ концомъ прибавляется къ высокому копынку крыши. При дуновеніи вѣтра, лучинки вертятся на гвоздѣ, какъ мельничныя крылья.

Какъ рѣдкая игрушка, встрѣчается въ деревнѣ **пильщикъ**. Это кусокъ толстой доски съ вырѣзаннымъ подобіемъ головы, рукъ и ногъ. Ноги отдѣляются одна отъ другой вырѣзомъ, сквозь который продѣвается плоская палочка. Внизу ея ноги соединяются деревяннымъ гвоздикомъ, который не позволяетъ фигурѣ

упасть. Когда качнуть пильщика впередъ, онъ дотронется внизу ногами до особаго выступа и по силѣ инерціи откатнется назадъ. Приткнувшись и до находящагося здѣсь выступа, онъ снова отклоняется впередъ и т. д. Этими движеніями онъ напоминаетъ пильщиковъ, распиливающихъ вдвоемъ бревно,—отсюда и названіе игрушки.

Пищелки чаще всего дѣлаются изъ гусиного пера. Вычистивъ внутренность полой части стержня, дѣлаютъ у конца продольный надрѣзъ въ 1 дюймъ длины. Получается родъ язычка. Эту надрѣзанную часть берутъ въ ротъ и дуютъ. Получается рѣзкій звукъ въ родѣ густого писка.

Если сложить обѣ ладони вмѣстѣ и между большихъ пальцевъ вложить длинный листокъ травы плоскуни, то тоже получится пищелка, если дуть между этими пальцами.

Если же листокъ вынуть и сложить ладони въ видѣ кулака, то получится **свистелка**, когда дуть въ отверстіе между большими пальцами. Но свистелки чаще покупаются на базарахъ. Это глиняные коньки, пѣтушки и т. п. Дома же ихъ дѣлаютъ еще изъ лозовой коры или изъ пустыхъ стволовъ бузины. Весною, когда деревья согрѣются и подъ корою ихъ пойдетъ сокъ кверху, дѣти срѣзываютъ у лозы гладкій сучекъ и „крутятъ“ кору, стараясь не разорвать ее. Когда она свободно вращается по стволу, отрѣзываютъ нижній

конецъ сучка, дѣлаютъ вверху отверстіе въ видѣ полукруга и снимаютъ кору. Затѣмъ на томъ мѣстѣ обнаженнаго ствола, гдѣ вырѣзывалось отверстіе, срѣзываютъ кусокъ ствола—шпунтъ и дѣлаютъ одну сторону его плоскою. Если шпунтъ вставить выше вырѣзаннаго въ корѣ отверстія, получится дудка, свистѣль; если же подвинуть шпунтъ ниже отверстія и закрыть верхній конецъ дудки пальцемъ или забить круглымъ шпунтомъ, то получится рѣзкая свистѣлка. При тонкомъ стволѣ получается „соловей“, совершенно схожій съ соловьинымъ свистомъ; при толстомъ—густой, почти паровозный, свистъ. Свистелка дѣлается еще изъ жести. Найдя крышку или дно отъ коробки ваксы, или другой кусокъ жести даютъ ему правильную форму круга или прямоугольника и пробиваютъ круглое отверстіе въ центральной части. Затѣмъ сгибаютъ пластинку вдвое такъ, чтобы отверстіе пришлось на сгибѣ. Если вложить эту свистелку въ ротъ, сгибомъ внутрь, и дуть, она издастъ пронзительный свистъ.

Трубу дѣти дѣлаютъ себѣ изъ листьевъ гарбузника—огородной тыквы. Срѣзавъ листъ у самаго основанія и соскобливъ съ его ножки колючки, срѣзываютъ зеленую лопасть листа такъ, что остается только его стержень. Тогда у самой верхушки стержня прорѣзываютъ вдоль небольшую узкую щель.

Если взять эту верхушку съ щелью въ ротъ и дуть, полу-

чится довольно чистый трубный звукъ, тѣмъ сильнѣйшій, чѣмъ длиннѣе и толще стержень листа.

Трещотки бываютъ трехъ видовъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ обыкновенную коробочку изъ лучины, въ которую насыпано нѣсколь камешковъ. Къ коробочкѣ привязываютъ ручку, и получается трещотка. Другой видъ представляетъ доску съ продѣтой сквозь нее рукояткой, которая чуть-чуть выдается поверхъ доски. Къ этой рукояткѣ привязывается, поверхъ доски, колотушка изъ плоской дубовой пластинки. Если часто махать такой трещоткой сверху внизъ и обратно, отъ нея получается сильная трескотня.

Третій видъ, самый любимый дѣтьми, но который не все изъ нихъ могутъ сдѣлать. Берется толстая палка въ 4—6 в. длины. Концы ея стесываются и утончаются, а на толстой серединѣ вырѣзываются глубокіе рубцы, числомъ 6 или 8, смотря по толщинѣ палки. Затѣмъ изъ лучинокъ дѣлается прочная лѣсенка, которая привязывается свободно прутьями къ верхнему и нижнему концамъ палки такимъ образомъ, чтобы лучинки концами прикрывали верхній изъ вырѣзанныхъ рубцовъ. Если придать палкѣ вращательное движеніе, лѣсенка вертится вокругъ нея, и лучинки, соскакивая съ одного рубца на другой, производятъ оглушительный трескъ.

Куклы. Для основы куклы взрослые часто вырѣзываютъ дѣ-

тямъ изъ палки фигуру человека съ головою, шеей и туловищемъ. На головѣ дѣлается подобіе лица: глаза, носъ, ротъ, подбородокъ. На эту основу дѣти шьютъ одежду: шапочку, платокъ, кофточку и юбку. Такъ-какъ нижній конецъ палки — основы плоскій, то такая кукла свободно стоитъ.

Но чаще фигуру куклы дѣти дѣлаютъ сами. Для этого они сшиваютъ узенькій мѣшочекъ, набиваютъ его льяными хлопьями, перетягиваютъ мѣсто шеи ниткою и кукла готова. Надо только одѣть ее. Платье дѣти тоже шьютъ сами изъ разныхъ локутьевъ.

Для угощенія куколъ устраиваются такъ называемые *обѣдки*. Какой-нибудь разбитой чаркой или черепочкомъ, или прямо руками, дѣвочки дѣлаютъ пироги изъ песку или изъ глины и ставятъ ихъ рядами на дощечкѣ; сюда же приносятъ крошенныя яблоки, хлѣбъ и деревенскія лакомства — горохъ, бобъ, макъ и т. п. Берутъ ихъ заостренными спицами, а макъ ложечками изъ маковыхъ головокъ, и подносятъ сначала кукламъ, а потомъ съѣдаютъ сами.

Для куколъ устраиваются и особыя колыски — люльки, болшею частью изъ бересты.

Изъ другихъ забавъ дѣтей можно указать на **уборку сѣна**. Дѣти рвутъ руками или при помощи самодѣльной косы траву, разстилаютъ ее рядами для просушки, потомъ сгребаютъ и скла-

дываютъ въ копны, а изъ копенъ дѣлаютъ крошечные стога.

Иногда дѣти, собравшись большою толпою, изображаютъ изъ себя стадо домашнихъ животныхъ; двое изъ нихъ дѣлаются пастухами: берутъ кнуты и гонять стадо „на пашу“, къ водопою и т. д.

Нерѣдко нѣсколько человекъ изображаютъ изъ себя евреевъ, а остальные собакъ. Собаки съ лаемъ яростно нападаютъ на евреевъ и загоняютъ ихъ на плетни, на заборы.

Затѣмъ, дѣти катаются по льду на ногахъ, стоя и въ присядку, или съ горки на санкахъ, обледенѣлыхъ доскахъ, или круглыхъ „ледешахъ“, вырубленныхъ на рѣкѣ или озерѣ и обдѣланныхъ для болѣе удобнаго и устойчиваго сидѣнья. На льду же дѣлается и такъ называемый **катокъ**¹⁾.

Для этого въ ледъ вмораживается круглый колъ, на него надѣвается колесо, къ которому крѣпко привязывается длинная жердь; къ концу жерди прикрѣпляются санки. Между спицъ колеса вставляются колья и съ ихъ помощью нѣсколько человекъ вертятъ колесо. Вслѣдствіе этого санки очень быстро описываютъ круговую линію. На нихъ катаются любители сильныхъ ощущений. Въ этой забавѣ участвуютъ болѣе взрослые дѣти и парни.

Вмѣсто катка въ Быховскомъ уѣздѣ устраивается **кру́торга**.

¹⁾ Катокъ — бѣлорусское названіе колеса.

На тотъ же самый колъ зимою или на срубленный пень лѣтомъ кладется тонкое бревно такъ, чтобы концы его не перевѣшивали другъ друга. Потомъ на каждый конецъ садится по мальчику, а остальные, ходя вокругъ кола или пня, приводятъ бревно въ круговое движеніе. Мѣняясь, качаются на круторгѣ все играющіе.

Игра опасная, такъ какъ бревно часто соскакиваетъ съ своего стержня и бьетъ дѣтей.

Чаще изъ бревна или изъ доски дѣлаются **качели**. Для этого бревно кладутъ на толстую колоду, впоперекъ, такъ, чтобы концы не перевѣшивали другъ друга. На каждый конецъ садится верхомъ по мальчику. Упираясь ногами въ землю, они заставляютъ бревно попеременно подниматься и опускаться концами. Это и есть „качели“.

Ритуальное значеніе имѣютъ качели — рѣли, орѣли, — устраиваемыя на Сорокѣ — 9 марта, въ день сорока мучениковъ и астрономическаго наступленія весны. Качели въ этотъ день устраиваются не только для дѣтей, но и для взрослыхъ парней и дѣвушекъ. Для дѣтей — чтобы выше росли, для парней и дѣвушекъ, — чтобы легка была работа.

Для дѣтей качели устраиваются обыкновенно на верхней перекладинѣ воротъ, ведущихъ во дворъ, въ сарай, въ гумно. Черезъ эту перекладину два раза перебрасывается сложенная вдвое веревка и расширяется такъ, чтобы можно было вета-

вить доску или ночевки, къ которымъ и привязывается внизу веревка. Въ ночевки сажаютъ дѣтей и качаютъ. Размахъ такой качели незначительный.

Взрослые устраиваютъ себѣ качели въ гумнахъ. Веревку они забрасываютъ за то бревно, которое на сохахъ поддерживаетъ крышу всего гумна. Нѣсколько человѣкъ садится на доску, прикрѣпленную внизу къ веревкамъ, а двое становятся по концамъ доски и „поддаютъ“, то есть, присѣдая, раскачиваютъ доску. Такъ какъ высота сохъ очень большая, то и размахъ этихъ качелей довольно сильный.

Въ виду того, что качанье это имѣетъ ритуальное значеніе, и происходитъ во время великаго поста, то пѣсни не поются, и качели эти висятъ не долго.

Въ Гомельскомъ уѣздѣ качели устраиваются ко дню Пасхи и стоятъ до Троицына дня. Для устройства ихъ нужно семь тонкихъ бревенъ, въ родѣ телеграфныхъ столбовъ. Шесть изъ нихъ связываются по три вмѣстѣ съ одного конца, а другими концами вкапываются въ землю въ разставленномъ видѣ, образуя козлы, трехстороннія пирамиды, такимъ образомъ, что одна изъ плоскихъ сторонъ пирамидъ обращена внутрь. Между пирамидами, козлами, оставляется пространство, соответствующее длинѣ бревенъ, но не менѣе двухъ саженей. Установивши козлы, встаскиваютъ на нихъ седьмое бревно и укладываютъ на вилкахъ, образованныхъ тамъ отъ трехъ

связанныхъ вмѣстѣ бревенъ. Такія качели и называются козлами. Веревка, или вѣрифе канатъ, на нихъ вѣшается только тогда, когда соберутся желающіе покататься (по бѣлорусски, на качеляхъ „катаются“, а по землѣ „качаются“, бѣлье также „качаютъ“), а затѣмъ она снова снимается. Обыкновенно, это бываетъ по праздникамъ послѣ обѣда. Для того, чтобы повѣсить канатъ, его связываютъ концами и посредствомъ особой тонкой веревки встаскиваютъ на поперечное бревно. Перевиваютъ бревно канатомъ два раза, чтобы онъ не скользилъ. Разстояніе между канатами на этомъ бревнѣ обыкновенно оставляется въ одинъ аршинъ. Тогда приносятъ прочную широкую доску и обертываютъ ее по концамъ нѣсколько разъ висящимъ канатомъ на высотѣ 1 арш. отъ земли. Качаются на козлахъ обыкновенно стоя. Двое становятся по концамъ доски „поддавать“, а остальные внутри канатовъ, лицами къ поддающимъ. Всѣ держатся за канаты. Лучшимъ „катаньемъ“ считается такое, когда при размахѣ доски кверху канаты принимаютъ горизонтальное положеніе. Если качаются сидя, то доски сильно не раскачиваютъ. Сидящіе обыкновенно поютъ пѣсни.

Всѣ матеріалы для козловъ покупаются дѣвушками вкладчину. Канатъ хранится въ многолюдной семьѣ нѣсколько лѣтъ, а лѣсной матеріалъ берется на прокатъ изъ тѣхъ дворовъ, гдѣ имѣются подходящія бревна.

Въ деревняхъ качели устраиваются проще. Ихъ дѣлаютъ, какъ на Сорокѣ, въ гумнѣ, или на верхней перекладинѣ воротъ; а тамъ, гдѣ есть растущія деревья, перекладину кладутъ на сучья двухъ сосѣднихъ деревьевъ и вѣшаютъ или веревку или привязываютъ сучьями двѣ небольшихъ жерди, къ которымъ внизу прикрѣпляется доска.

Въ Быховскомъ уѣздѣ качели устраиваются къ Русальной недѣлѣ и висятъ отъ Троицына дня до Петра. Въ Русальную недѣлю, какъ извѣстно, русалки качаются въ лѣсахъ на древесныхъ вѣткахъ и громко припѣваютъ:

Гутатъ, гуляй!

Гутатъ, гуляй!

На качеляхъ дѣвушки поютъ весеннія или Петровскія пѣсни. Заканчивается этотъ сезонъ игри-

щемъ въ день Петра и Павла, которое носить еще названіе „кумовства“, но уже потеряло обрядовыя черты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Могилевской губерніи сохранился еще приуроченный къ этому періоду (отъ Русальной недѣли до 29 іюня) пережитокъ старины, въ которомъ въ настоящее время уже трудно отыскать обрядовое значеніе. Прокачавшись съ пѣснями на качеляхъ вечеръ, дѣвушки встаютъ на зарѣ и гонять „съ собою“ коровъ въ поле „на ранки“. Пасутъ ихъ тамъ до 10—11 часовъ и потомъ гонять домой. Послѣ полудня тѣхъ же коровъ уже прогоняютъ „въ пастухъ“.

Древній обычай этотъ съ каждымъ годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже.

Указатель мѣстностей, гдѣ записаны матеріалы.

Могилевская губ. Гор. Могилевъ,
стр. 76, 96—103.

Могилевскій уѣздъ.

С. Браково, стр. 345.
Д. Казимировка, стр. 340.
Крюковскій приходъ, стр. 538.
Княжицкая вол., стр. 302, 345.

Быховскій уѣздъ.

Быховскій уѣздъ, стр. 241, 309, 554,
556, 566, 567, 577, 580, 591, 593.
С. Бычь, стр. 73, 92—96.
С. Хоново, стр. 106, 113, 122, 126,
128, 214, 232, 238, 239, 345, 486.
Д. Коцни, стр. 213.
С. Кутня, стр. 341.
С. Батунь, стр. 210, 485.
С. Чигиринка, стр. 152, 168, 183, 193,
214.
Д. Левковичи, стр. 210.
М. Пропойскъ и волость, стр. 530,
537, 548.
Д. Казимирово, стр. 325.
С. Городецъ, стр. 241, 263, 325, 329,
486, 533, 537, 549.

Гомельскій уѣздъ.

Гомельскій уѣздъ, стр. 120, 122, 127,
130, 146, 157, 177, 181, 189, 203,
229, 263, 264, 274, 275, 277, 279,
293, 309, 314, 555, 556, 558, 563,
565, 568, 570, 577, 579, 584, 592.
Г. Н.-Бѣлица, стр. 141, 547.
Д. Титенки, стр. 315.
Д. Маковье, стр. 301.
Носовичская вол., стр. 137, 145, 157,
205, 230, 237, 453.
С. Нивки, стр. 163.
С. Старое Село, стр. 303, 311, 471.
Поповская вол., стр. 109, 208, 265,
527.
Вѣтковская вол., стр. 287, 300, 308,
313, 461.
Д. Дубровка, стр. 70, 118, 120, 146,
207, 238, 275, 461.

С. Жгунь, стр. 105.
С. Завидовка, стр. 206.
С. Бобовичи, стр. 105.
С. Ст. Юрковичи, стр. 107, 109, 144, 157,
179, 206.
С. Красная Буда и вол., стр. 107, 137,
150, 204, 245, 326, 527.
С. Чеботовичи, стр. 108.
С. Новоселки, стр. 112.
Д. Ивановка, стр. 210.
С. Столбунъ, стр. 166.
Горецкій у., с. Пугляи, стр. 162.

Мстиславльскій уѣздъ.

Г. Мстиславль и уѣздъ, стр. 150, 240,
244.
М. Монастырщина, стр. 162, 231, 244.
С. Любавичи, стр. 336, 499, 529.
С. Соино, стр. 231.
С. Осянка и вол., 232, 244, 324, 328,
337, 500, 506, 547.

Оршанскій уѣздъ.

Оршанскій ч., стр. 298, 309, 312, 568.
С. Высокое, стр. 349, 540, 567.
М. Рудня, стр. 532, 539, 548.
Мошковская вол., стр. 535, 542, 549
Новотухинская вол., стр. 541.

Рогачевскій уѣздъ.

Рогачевскій уѣздъ, стр. 122, 136, 147,
240, 280, 299, 344, 565.
С. Солоное, стр. 172.
С. Озераны, стр. 154, 209, 476.
С. Недойка, стр. 535.
С. Старая Рудня, стр. 298.
М. Городецъ, стр. 242, 316, 473.
М. Жлобинъ, стр. 107, 113, 114, 116,
117.
М. Корма и вол., стр. 163, 230.
Д. Сырскъ, стр. 214.
Д. Кураковщина, стр. 105, 163.
Д. Новоселки, стр. 107.
С. Кошелево, стр. 104, 107, 113, 147.
С. Заболотье, стр. 104, 325, 334.

Сънненскій уѣздъ.

Сънненскій у., стр. 208, 210, 291, 292, 298, 347, 558, 570, 583.
Г. Сънно, 557, 562, 570.
С. Замочекъ и вол., стр. 201, 507.
Ок. Клишинъ, стр. 568.
М. Черя, стр. 305.
Островенская вол., стр. 561.
Рянянская вол., 308, 313, 342, 582.
Д. Коровичи, стр. 572.
Д. Чудьки, стр. 209.
Д. Дубовцы, стр. 507.
Д. Латыгово, стр. 566.
С. Новая Бѣлица, 507.
Д. Гончарово, 570.

Чериковскій уѣздъ.

Чериковскій у., стр. 139, 153, 197, 210, 215, 229, 241, 243, 513, 550, 563.
С. Братковичи, стр. 134.
С. Новая Ельня, стр. 162.
М. Забычанье, стр. 244.
Климовичскій у., стр. 550.
Чаусскій у., стр. 565.

Витебская губ., стр. 127, 211, 229, 241, 275.

Витебскій уѣздъ.

Витебскій у., стр. 128, 229, 578, 582.
Г. Суражъ, стр. 74—91.
Королевская вол., стр. 367.
Д. Синицы, стр. 217, 218, 252.
Д. Дервяги, стр. 218, 348.
Д. Черняты, стр. 367.
Щербинская вол., стр. 135, 174, 236, 251, 266, 331, 361.
Куринская вол., стр. 370.
Бабиничская вол., стр. 148, 162, 171, 201, 220, 252, 267, 378.
С. Старое, стр. 363.
С. Лѣсковичи, стр. 266.
Мишковская вол., стр. 366.

Велижскій уѣздъ.

Велижскій у., стр. 180, 182, 298, 299, 314.
С. Будница, стр. 131, 141, 221.
Ильинская вол., стр. 546.
Вязьменская вол., стр. 439.
С. Узкое, стр. 140, 152, 183, 222, 271, 430.
Д. Альшуты, стр. 545.
С. Казаково, стр. 174, 221, 271, 435.
С. Маклокъ, стр. 182, 271.

Невельскій уѣздъ.

Чупровская вол., стр. 451.
Сокольниковская вол., стр. 451.
Д. Дѣино, стр. 545.
Городокскій уѣздъ.
Городокскій у., стр. 241.
С. Тѣсто, стр. 428.
Езерищенская вол., стр. 405.
Владиміров. вол., стр. 114, 115, 403.
С. Мишневицы, стр. 148, 223, 254, 428.
С. Козьяны, стр. 256, 426.
Д. Волотова, стр. 403.
С. Болецкъ, стр. 194, 269, 348, 349, 419.
С. Вировля, стр. 269.
Горковская вол., стр. 141.
С. Хвошно, стр. 130, 224, 423.

Дриссенскій уѣздъ.

Д. Валейково, стр. 149, 203, 258.
Д. Шлыки, стр. 149, 198.
Д. Гирдюки (Гердики), стр. 195, 268.
С. Тоболки, стр. 259.
Сушковская вол., стр. 392.

Лепельскій уѣздъ.

Лепельскій у., стр. 134, 149, 192, 198, 227, 241, 250, 251, 268, 300.
Усайская вол., стр. 382.
С. Несино и вол., стр. 126, 251, 381.
Ф. Изабеллино, стр. 194.

Полоцкій уѣздъ, стр. 115, 116.

Себежскій уѣздъ.

Себежскій у., стр. 226, 240, 259, 268.
С. Долосцы, стр. 224, 260, 269.
Д. Ильино, стр. 225.
Виленская губ., *Дисненскій у.*, стр. 123.
Д. Заулки, Дисн. у., стр. 125, 129, 158—161, 173, 188, 200, 216, 236, 246, 272, 355, 523.

Вилейскій уѣздъ.

Вилейскій у., стр. 129, 186, 187.
М. Красное, стр. 187, 217.
Ошмянск. у., с. Дубины, стр. 129, 139, 177, 188, 239, 248.

Минская губ., м. Заславль, стр. 216, 241, 262.

Новенская губ., м. Браславль, стр. 151, 200, 202, 229, 247, 248, 272.

Смоленская губ., Смолен. у., стр. 307.

Портьскій уѣздъ, стр. 175.

МОИ СОТРУДНИКИ.

Аникиевичъ, К. Т., изъ кр-нѣ Съннен. у.; мой ученикъ по Сънненскому уѣздн. уч., потомъ сельскій учитель. Мой спутникъ въ экскурсіяхъ. Записи его напеч. въ вып. III, IV, V, VI „Бѣл. Сб.“ Въ наст. вып. помѣщены пѣсни его записи, стран. 134, 139, 153, 197, 215, 513.

Барановскій, І., уч-ль. Сказки его записи въ VI вып. Здѣсь рѣчь столбового и пѣсни, стр. 405, 426.
Буднецкій, П. П., изъ кр-нѣ Гом. у.; мой ученикъ по Гомельск. нар. уч., потомъ сельскій учитель. Мой спутникъ въ экскурсіяхъ. Записи его напеч. въ вып. IV, V, VI. Въ наст. вып. приведены его сообщ. по внѣшн. и сем. быту, вѣрованія, примѣты и нѣскольк. пѣсень, стр. 145, 473.

Бѣлинская, Е. А., дочь свящ. с. Хвошна и мѣстная уч-ца. Ея записи помѣщ. въ вып. V и VI. Здѣсь ея пѣсни, стр. 130, 224.

Василевъ, П. В., уч-ль с. Мишневицы, сотрудникъ по V и VI вып. „Бѣл. Сб.“. Здѣсь помѣщены пѣсни въ его записи, стр. 148, 223, 254.

Вержибицкій, А. Е., б. уч-ль с. Городца. По моимъ указ. описалъ мѣстн. сем. бытъ, стр. 325, 329, 494, 533.
Зайцъ, Ю. С., уч-ца Езерищен. учил. Городокск. у., дала свѣдѣнія о мѣстн. свадебн. обрядѣ.

Кулешовъ, Ф. О., мой дѣят. сотрудникъ по „Мог. Губ. Вѣдом.“ б. сельск. уч-ль и вол. пис. Здѣсь его описаніе вертепн. дѣйств. въ с. Бычи и матер. по словарю условн. яз.

Онуфриевъ, М. О., б. сельск. уч-ль, мой сотрудникъ по „Мог. Губ. Вѣд.“. Въ наст. вып. помѣщ. его весьма цѣнныя свѣд. по внѣшн. быту, опис. игръ и нѣск. пѣсень.

Пашкевичъ, К., мой учен. по Сънненск. у. Сотрудн. въ III вып. Въ VIII в. его пѣсня, стр. 507.

Попретинскій, С. В., сынъ вол. пис., б. сельск. уч-ль, сотрудникъ по VI вып. Въ VIII в. помѣщ. его свѣдѣнія по народн. календарю.

Пороменская, О., б. уч-ца Щербинскаго уч., по моимъ указ. запис. мѣстный свадеб. обрядъ и нѣск. пѣсень, стр. 135, 236, 251, 361.

Пилипенко, С. В., кр. д. Заулково, самоучка; по моимъ указаніямъ записалъ годовой кругъ пѣсень, въ прекрасной редакціи, стр. 173, 188, 200, 236, 355, 523.

Пясковская, Н. В., дочь священ. Невельск. у., б. уч-ца Сушков. учил., Дриссен. у., описала свадебный обрядъ обоихъ этихъ уѣздовъ и записала причитанія, стр. 392, 451, 545.

Русакова, Л. О., дочь священ., сельская уч-ца, описала свад. обрядъ Владиміровск. вол., Городокск. у. и доставила нѣсколько пѣсень, стр. 115, 403. Записи ея помѣщены въ V вып. „Бѣл. Сб.“.

Ткаченко, Л. М., старикъ кр. д. Дубровки, Гом. у. самоучка, поэтъ, идеалистъ, авторъ распространеннаго въ спискахъ „Акаѳиста волостному старшинѣ“, съ припѣвомъ: „Радуйся, волостный начальникъ, великій винопѣйче!“ Былъ учит. ц.-прих. школы, сельскимъ писаремъ, помощникомъ вол. писаря. Далъ мнѣ весьма цѣнныя свѣдѣнія по народному календарю, народн. вѣрованіямъ, семейному быту. Матеріалы, отмѣченные дер. Дубровкой, всѣ принадлежать ему.

Филипповъ, О. Т., б. уч-ль Городокск., Витебск. и Велиж. у. Записи его помѣщены и въ V вып. Въ настоящій вып. вошло нѣск. пѣсенъ его записи, но большая часть осталась ненапечатанною.

Судиловскій, П. С., волостн. писарь с. Осянки, доставилъ нѣск. пѣсенъ и далъ свѣдѣнія по семейному быту, стр. 232, 324, 328, 506.

Всѣ эти лица мнѣ лично извѣстны и при записяхъ руководствовались моими указаніями. Кромѣ нихъ, для настоящаго выпуска доставили тѣ или другія свѣдѣнія по быту и вѣрованіямъ, или записали пѣсни слѣдующія лица:

Алхимовичъ, Пр. О., зем. нач., изъ дух. среды Витеб. губ., доставилъ много своихъ наблюденій, но къ сожалѣнію придалъ имъ полубеллетристическую форму, при которой трудно отличить нар. произведенія отъ псевдонародныхъ. Здѣсь же много произведеній искусственныхъ, которыя надѣюсь издать впослѣдствіи. Пѣсни въ записи г. Алхимовича, стр. 116, 226, 259, 269.

Свящ. о. П. Волочковъ, о. И. Давидовичъ дали цѣнные матеріалы по внѣшнему быту быховскихъ крестьянъ.

Свящ. о. В. Романовъ сообщилъ данія по нар. міросозерцанію.

Псаломщ. Барташевичъ, С., запис. нѣск. пѣсенъ. Сотрудн. въ „Мог. Губ. Вѣд.“ Стр. 244.

Воспитанки вилен. дух. сем. А. Станкевичъ и два его товарища (фам. мнѣ неизв.) запис. пѣсни въ ви-

ленск., ошмян, уу. и въ м. Бра-славѣ, стр. 129, 139, 151, 177, 187, 188, 200, 202, 217, 229, 239, 247, 248, 272.

Барковъ, Неплюковъ, Соколовскій, Гутовскій—воспит. Лепельск. гор. училища. Ихъ пѣсни, стр. 134, 194, 227, 250, 381.

Петровъ, кр. с. Болецка, запис. нѣскольк. пѣсенъ, стр. 258.

Киприановъ, Никитинъ, Моисеевъ, Орловъ, Скороходовъ—кр-не долосчан. вол., Себеж. у. Ихъ пѣсни, стр. 224, 225, 260.

Кондратьевъ, И., кр. бабинич. вол., Витеб. у. запис. много пѣсенъ, часть которыхъ вошла въ настоящ. вып., стр. 220, 253, 267, 378.

Дочери сельскихъ священ.—Синякова, Е. И., Модзалевская, Т., Волочкова, А. П., Матіасевичъ, А., передали описанія свадебн. обрядовъ и тексты пѣсенъ и причитаній, стр. 507, 140, 222, 271, 545, 485, 262.

Уч-цы и уч-ля сельск. учил.—Соколовская А., Страмковская М., Нездачины Н. О. и О. О., Давиденко А. С., Коптѣловъ, Орловъ Д., Эсьманъ П., Цыбулькинь А. Т. доставили по нѣск. пѣс. и кратк. опис. свад. обр., стр. 218, 252, 367, 430, 195, 259, 268, 269, 237, 271, 435, 149, 198, 203, 370, 166.

Останковичъ пом. вол. пис. записалъ одну пѣсню, стр. 244.

Всѣ они мнѣ также лично извѣстны, кромѣ крестьянъ долосчанской вол., Петрова и Кондратьева, воспит. Лепельск. городск. учил. и Виленск. дух. сем. и уч-цы Матіасевичъ.

Оглавленіе.

Предисловіе, стр. V—VIII.

Внѣшній бытъ. Введеніе, стр. 3. *Жилище.* Постройка хаты; устройство печи; обстановка избы, утварь, стр. 5—17. Хозяйственные постройки: дворъ, овинъ, баня, амбаръ, хлѣвъ, повѣть, изгороди, и т. д. стр. 17—23.

Одежда: новорожденныхъ, дѣтей, взрослыхъ, обувь, головные уборы, украшенія, стр. 23—28.

Средства передвиженія, сухопутныя, водяныя, стр. 28—30.

Пища: сырье, печенья, мясо, рыба, яйца, молоко; пища праздничная, обрядовая, постная; напитки, стр. 31—40.

Занятія: рыболовство, пчеловодство, скотоводство, сѣнокосъ, земледѣліе, стр. 40—63.

Народный календарь. Опредѣленіе времени праздниковъ, стр. 67—68.

Коляды: кутья, звѣзда, вертепъ трехъ типовъ, стр. 69—103. Ряженье: коза, кобыла, медвѣдь, журавель, стр. 103—112.

Щодрая кутья: Щодра, щедрованье, гаданья, ряженье, игрище; Терешка, Ящуръ, Королевичъ, стр. 112—126.

Новый годъ, Постная кутья, Крещенье, стр. 126—128.

Колядныя пѣсни, стр. 128—135.

Остальные дни января: 8, 18, 30, стр. 135.

Февраль, дни: 2, 11, 14, 17, 24; масленица, великій постъ, стр. 136—141.

Мартъ, дни: 1, 9, 17; Благовѣщеніе; гуканье весны; веснянки; Вербная недѣля, Страстная, стр. 142—154.

Апрѣль, дни: 1, 17; Пасха; христовицы, игрище, припѣвы къ танцамъ; волочобники, ихъ пѣсни; Навскій Великій день; карагоды; радуница, стр. 154—179. Юрьевъ день; выгонъ скота; пиръ пастуховъ; Юрьевскія пѣсни, стр. 179—188.

Май: второе мая, водяныя отправки; Николинъ день, оброчные обѣды, конюшки, стрижка овецъ; дни 10, 11, 21 мая. Вознесеніе. Конецъ веснянокъ, стр. 188—192. Толоки, толочныя пѣсни, стр. 192—203. Троицынъ день; Сухой четвергъ; Русальная недѣля, 203—207.

Іюнь, дни: 12, 13. Купала, Купальныя пѣсни, стр. 207—229. День Петра и Павла, кумованье, кумовскія (Петровскія, Духовскія) пѣсни, стр. 229—237. 30 іюня—сѣнокосъ; пѣсни сѣнокосныя, стр. 237—239.

Іюль. Казанская Б. М. Жниво; пѣсни зажиночныя и жнивныя, стр. 239—260. Дожинки; пѣсни дожиночныя, стр. 260—272. Ильинъ день; 24, 27 и 30 іюля, стр. 272—274.

Августъ, дни: 1, 6, 15; свѣча; 16, 18 28, 29 августа; по-
сѣвъ озимей, стр. 274—276.

Сентябрь, дни: 1, 4, 6, 8, 14, 26, стр. 277—278.

Октябрь, дни: 1, 16, 18, 26, 28, стр. 278—279.

Ноябрь, дни: 1, 8, 14, 26, 30, стр. 279—280.

Декабрь, дни: 1, 4—6, 9, 18, 24, стр. 280—281.

Народныя вѣрованія. Нечистая сила; небесныя явленія; земля;
растенія; неразбѣнный рубль; какъ сдѣлаться невидимымъ; кол-
дуны, вѣдьмы, стр. 285—295; *примѣты* о погодѣ, урожаѣ, до-
машнихъ животныхъ, стр. 295—302; отношеніе къ предметамъ
религій; *суевѣрія* при родахъ, вѣчаніи, кончинѣ, житейскомъ
обиходѣ, стр. 302—317; суевѣрія при лѣченіи болѣзней, стр. 317—
319.

Семейный бытъ. *Родины и крестины*, стр. 323—336; пѣсни ро-
динныя и крестинныя, стр. 336—355.

Свадебный обрядъ, въ уѣздахъ: Витебскомъ, 356—378;
Лепельскомъ, 378—382; Дриссенскомъ, 382—392; Городокскомъ,
392—428; Велижскомъ, 428—439; Невельскомъ, 439—451; въ
Гомельскомъ, 452—473; Рогачевскомъ, 473—478; Быховскомъ,
478—494; Мстиславскомъ, 494—506. Свадебныя пѣсни Сѣнен-
скаго у. 506—508; Чериковскаго, 508—513; Дисненскаго, 513—
523. (Всѣхъ пѣсень въ выпускѣ 1232 №№).

Похоронный обрядъ, стр. 524—535. Причитанія, 535—546.
Общія поминки, 546—550.

Игры и забавы, стр. 553. Въ короля—554; въ судью, блудню—555;
въ Москву, конны, кучи—556; въ коляски, конопли—557; въ
шило, чорта и матку—558; въ угольки, краски—559; въ села,
жутку—560; въ кулюкушки, стрѣльца, слѣнца, транпыжа—561;
въ палочку-булавочку, татарскую палочку—562; въ жмурки, въ
въ кота—563; въ жмурки, въ лыки—564; въ пересколки, въ
пшено, въ кота и мышку, звонъ, въ рагодана—565; въ дѣтей,
считки-бытки, здогонки—566, въ жида, въ козу—568; въ горѣ-
лыша, горлачики, макъ—569; въ дикари и русскіе, въ щуку—
570; въ коршуна—571; въ крука, ворона—572; въ гуси—573;
въ скукуйду—574; отдѣлываться, въ соловья—575; въ ярки—
576; въ кистеня, креглы—577; креглы, въ перегона, пыжа—578;
въ масло, въ цурки—579; въ чижики, въ транпыжа, въ ко-
зиный рогъ, въ булу—580; въ дѣда и бабу—581; въ рѣдку—
582; въ рѣпу, въ чекерду, въ шляки—584; въ камушки—585;
въ костяшки, гуси летятъ, сорока—586; кую-кую ножку, игруш-
ки—587, катокъ, качели—591.

Указатель мѣстностей, гдѣ собраны матеріалы—595.

Списокъ сотрудниковъ—597.

Б. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ.

Опытъ словаря условныхъ языковъ
БѢлоруссіи.

Съ параллелями великорусскими, малорусскими и польскими.

1978

В И Л Ъ Н А .

1912.

СЛОВНИКЪ ТАЙНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

Условные и тайные языки, какъ извѣстно, имѣютъ большое распространеніе и вызвали цѣлую литературу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Употребленіе ихъ возникло въ глубокой древности и они были извѣстны уже Геродоту.

Возникновеніемъ своимъ условные тайные языки обязаны желанію извѣстныхъ группъ, кастъ, кружковъ, цеховъ, сохранить въ тайнѣ свои профессиональныя свѣдѣнія.

Такъ возникли подобные языки у врачей (остающійся доселѣ латинскій), у купцовъ, ремесленниковъ, нищихъ, воровъ и т. д.

Не задаваясь цѣлю разсмотрѣть способы тайнописи, я намѣренъ сдѣлать лишь сводъ имѣющихся уже и вновь собранныхъ мною словарныхъ матеріаловъ по устнымъ условнымъ языкамъ, находящимся въ обращеніи въ предѣлахъ Бѣлоруссіи.

Первый, кто обратилъ вниманіе на условные бѣлорусскіе (въ смыслѣ топографическомъ) языки, былъ Андрей Мейеръ, авторъ „Описанія Кричевскаго графства или бывшаго староства“ 1786 года, которое напечатано мною въ сборникѣ „Могилевская Старина“ ¹⁾.

„Я думаю, говоритъ авторъ этого интереснаго труда, что не противно будетъ, если я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчій, которыми всѣ кричевскіе мѣщане—портные, сапожники и другихъ мастертвъ люди, а особливо живущіе около польской границы ²⁾ *корелы* (не отъ кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяна) между собою изъясняются“.

„Сіе нарѣчіе, подобно многимъ російскимъ, а особливо суздальскому ³⁾, введено въ употребленіе праздно-шатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеровыми, которые, привыкнувъ уже къ лѣности и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное *выдумать* и сплести, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли. Оно (нарѣчіе) не основано ни на какихъ правилахъ и кромѣ множества произвольно-вымышленныхъ состоитъ еще изъ переломанныхъ *нѣмецкихъ* и *латинскихъ* словъ ⁴⁾. Употребляемая между ими таковая

¹⁾ Вып. II, стр. 86—137. Могилевъ, 1901.

²⁾ Польская граница въ Могилевской губерніи въ то время шла по р. Други, въ Свиненскомъ, Оршанскомъ, Выховскомъ и Рогачевскомъ уѣздахъ.

³⁾ Слѣдовательно, условный языкъ офеней имѣлъ широкое распространеніе уже въ XVIII вѣкѣ.

⁴⁾ Такимъ образомъ, авторъ здѣсь противорѣчитъ себѣ: кричевскіе крестьяне не могли *выдумать* нарѣчія, въ составъ котораго входятъ неизвѣстныя имъ нѣмецкія и латинскія слова.

рѣчь называется здѣсь *отвернишкою*, или *отвращенною*¹⁾, и я для любопытства прилагаю здѣсь нѣсколько изъ употребительнѣйшихъ какъ рѣчей такъ словъ и глаголовъ ихъ“.

Далѣе авторъ приводитъ 6 реченій, 35 существительныхъ и 5 глаголовъ изъ этой „отвернишковой говорки“. Они приведены далѣе.

Затѣмъ о бѣлорусскихъ условныхъ языкахъ упоминаютъ: извѣстный *Микицкій*, въ „Матеріалахъ для сравнительнаго словаря“²⁾, *Максимовъ* въ очеркѣ „Кубраки“ въ „Бродячей Руси“ и *Ставровичъ* въ „Опытѣ историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій о Сѣверо-западномъ краѣ“³⁾. Священникъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи *Ф. Сцѣпуро* уже составилъ „Русско-нищенскій словарь м. Семенова Слуцкаго уѣзда“, напечатанный въ „Сборникѣ Отдѣленія русск. языка и словесн. Импер. Академіи Наукъ“⁴⁾ и заключающій въ себѣ 243 слова.

Слѣдующій трудъ, посвященный условному языку нищихъ и ремесленниковъ, между прочимъ—бѣлорусскихъ, принадлежитъ П. Н. Тиханову⁵⁾. Въ немъ авторъ приводитъ шесть небольшихъ словариковъ, всего 846 словъ, языка нищихъ Гомельскаго уѣзда и со-сѣднихъ съ нимъ—Черниговскаго, Мглинскаго и Брянскаго, а также языка портныхъ Жиздринскаго уѣзда и шерстобитовъ Пензенской губерніи.

Мнѣ приходилось обращаться къ условнымъ языкамъ нѣсколько разъ. Первоначально мною составленъ словарь въ 370 словъ условнаго языка Дрибинскихъ шаповаловъ въ 1889 году и напечатанъ въ „Живой Старинѣ“⁶⁾ подъ названіемъ „Катрушницкій лемезень“. Въ слѣдующемъ 1890 году собраны матеріалы для словаря условнаго языка нищихъ Могилевской губерніи, которые помѣщены въ „Этнографич. Обзорѣ“⁷⁾ подъ названіемъ „Любецкій элементъ“. Сюда вошло 1015 словъ. Десять лѣтъ спустя, мнѣ снова пришлось возвратиться къ условнымъ языкамъ. Воспользовавшись пребываніемъ въ Дрибинѣ интеллигентнаго волостного писаря Ф. О. Кулешова, которому крестьяне свободно сообщали слова своего тайнаго языка, я при его помощи значительно пополнилъ собранные раньше лексическіе матеріалы и издалъ ихъ въ „Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ и „Могилевской Старинѣ“⁸⁾, откуда они были перепечатаны въ „Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ“⁹⁾.

¹⁾ Такое толкованіе автора невѣрно. На самомъ дѣлѣ нарѣчіе называется *отвернишкою* потому, что прототипомъ его здѣсь былъ обыкновенный языкъ, но „съ отворачиваніемъ“ слоговъ, т. е. съ перестановкою слоговъ или вставкою между ними частицъ: *ку, хѣр, шаце* и др.

²⁾ СПб. 1854. Изд. Акад. Наукъ. ³⁾ Вильна, 1870, стр. 19.

⁴⁾ Т. XXI, СПб. 1881. ⁵⁾ Труды Чернигов. архивн. ком. вып. II, Черниговъ, 1900, стр. 65—168. ⁶⁾ Т. I. СПб. 1890. Стр. 9—16. ⁷⁾ Кн. II. Москва, 1891. Стр. 118—145. ⁸⁾ Вып. II. Могилевъ, 1901. Стр. 45—68. ⁹⁾ Т. LXXI, СПб. 1901.

Въ этомъ трудѣ былъ сдѣланъ сводъ данныхъ по условнымъ языкамъ, находящихся въ указанныхъ выше источникахъ, кромѣ „Матеріаловъ“ Микицкаго, которыхъ въ провинціи отыскать не было возможности.

Впослѣдствіи, въ 1904 году, мнѣ представилась возможность ознакомиться съ условнымъ языкомъ портныхъ и шаповаловъ извѣстнаго мѣстечка Шклова, Могилевскаго уѣзда—съ па́рушницкимъ лемезомъ, и въ 1910 году съ языкомъ профессиональных сборщиковъ на постройку храмовъ—лаборей м. Иванова Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи—вытирняцкимъ гаври́дникомъ, онъ же гаври́дникъ либерскій и гаври́дникъ афинскій (конечно, искаженное—офенскій).

Это обстоятельство обязываетъ меня еще разъ остановиться на условныхъ языкахъ Бѣлоруссіи и сдѣлать новый сводъ всѣхъ добытыхъ матеріаловъ въ видѣ опыта словаря.

Разсматривая эти лемезы, элементы и гаври́дники со стороны ихъ образованія, слѣдуетъ признать, что происхожденіе значительнаго числа словъ ихъ опредѣлить пока невозможно. Затѣмъ, въ составъ ихъ входятъ, сравнительно въ небольшомъ количествѣ, слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ. Такъ, напримѣръ: Ах-весь-Богъ, хирка-рука, кресо-мясо, петрусь-камень, ставерь-крестъ, хлюса-церковь, мелюсь-медъ, микрый-малый, тэсарь-четыре и нѣкоторые другіе—несомнѣнно *греческія*, заимствованныя по всей вѣроятности отъ греческихъ и афонскихъ монаховъ, которые съ паденіемъ Византіи стали наводнять Россію для сбора пожертвованій на храмы и монастыри, и были первыми виновниками появленія у насъ *куб-раковъ* и *лаборей* съ такими же цѣлями и съ такимъ же непонятнымъ для массы языкомъ. Имѣются слова, заимствованныя изъ *латинскаго* языка, напримѣръ: цѣрья—земля, деусъ—солнце, деушница—воскресенье, вохтымирь—восемь; изъ *нѣмецкаго* или еврейскаго жаргона взяты: штэкъ—палка, махерь—ножъ, геренька—селедка, цигаль—коза, хазъ—домъ, шихта—дѣвушка, шнейдеръ—портной; *шведскаго*: стодь—богатый; *чешскаго*: карфилъ—священникъ; *польскаго*: свяно—праздникъ, дюкаты—деньги, лобусъ—парень, ёдный—одинъ, девентъ—девять; изъ *татарскаго*: басать—рѣзать; *латышскаго*: чибла—коза. Довольно много вошло въ словарь *областныхъ словъ*, провинциализмовъ, употребляющихся только въ одной какой-либо области и не извѣстныхъ въ другой, напр. сиворка—зима, лохъ—мужикъ, ряха—молодица, суразный—красивый и т. п.

Имѣются слова искаженные черезъ перестановку слоговъ и измѣненіе окончаній, какъ напримѣръ: лосома—солома, ластырь—пастухъ, пастырь, липусъ—липовикъ, ланоть и т. д.

Большинство прилагательныхъ образуется изъ общерусскихъ, при помощи вставныхъ суффиксовъ: *имн, омн*: тонкимный, солодимный, худимный, кисломный, низкомный и т. п.

Очень много въ словарь вошло словъ изъ такъ называемой „отвернической говорки“. Говорка эта состоитъ въ томъ, что каждое слово „разворачивается“ на слоги и при произношеніи предъ каждымъ слогомъ дѣлается вставка извѣстныхъ условныхъ частицъ, болѣею частью: *ку, шу, хѣр, ша-це, куй-му* и др. Получается такой жаргонъ: кубакутька—батька, хѣрбрахѣртъ—братъ, шамаетка—матка, шухашута—хата, куйсѣмустра—сестра и т. д.

Въ бѣлорусскихъ профессиональныхъ условныхъ языкахъ почему то въ наибольшемъ употребленіи частица *ку*, причемъ приставляется она не предъ каждымъ изъ слоговъ слова, а только впереди перваго слова: кувесна, купогода и т. д. вмѣсто: кувѣкусна, купобкуда и т. д. Разгадать такую „говорку“ не трудно, какъ показываетъ слѣдующій анекдотъ, приведенный въ „Бѣлор. Сборникъ“:— „Хѣръ—братъ!“—Хѣръ—што?— „Хѣръ—ходи!“—Хѣръ—куды?— „Хѣръ къ дѣвкамъ!“—А хѣръ—кнутъ, скурвы сыны!...— „А братъ! И батька по хѣрамъ умѣя говорить!..“

Въ этомъ случаѣ говорящему на условномъ языкѣ много помогаетъ быстрота произношенія словъ и то обстоятельство, что въ такихъ сложныхъ словахъ удареніе всегда переносится на приставку: кұранья—ранья, утро; кұгора—гора, кұлѣто и т. д. Иногда употребляется и пріемъ смягченія или подъема согласныхъ по общимъ законамъ нашей фонетики; напримѣръ, говорятъ: кұхередній—середній.

Во всѣхъ измѣненіяхъ словъ и въ сочетаніи ихъ бѣлорусскіе условные языки подчиняются законамъ языка русскаго и ни собственной этимологіи, ни синтаксиса они не имѣютъ. Нѣтъ у нихъ также своихъ союзовъ, предлоговъ и междометій.

Имѣющіяся слова условныхъ языковъ я раздѣляю въ „Опытѣ словаря“ на три категоріи. Къ *первой* мною отнесенъ языкъ ремесленниковъ: Дрибинскихъ шаповаловъ; Шкловскихъ портныхъ, Кричевскихъ ремесленниковъ по Мейеру (1786), а также Новозыбковскихъ шаповаловъ по сборнику Николайчика ¹⁾ и Жиздринскихъ портныхъ, такъ какъ уѣздъ Новозыбковскій отчасти, а Жиздринскій весь, по Карскому, входятъ въ число бѣлорусскихъ ²⁾.

Параллельно съ ними, во *второй* категоріи, приводятся языки *нищихъ* Могилевской губерніи, собранные мною въ Метиславскомъ, Климовичскомъ, Чериковскомъ и Чаусскомъ уу., и г. Тихановымъ—въ Гомельскомъ; нищихъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи; Черниговскаго и Мглинскаго уѣздовъ по сборнику Тиханова и Брянскаго уѣзда Орловской губерніи по тому же сборнику,—такъ какъ эти уѣзды входятъ въ область бѣлорусскихъ, а Черниговскій примыкаетъ

къ ней съ сѣвера и запада ¹⁾. Для параллели, здѣсь приведенъ и словарь нищихъ Подольской губерніи Боржиковскаго ²⁾.

Къ *третьей* категоріи отнесенъ значительно развитой языкъ *лаборей* м. Иванова Кобринскаго уѣзда Гродненской губерніи ³⁾.

Изъ сборника Тиханова я привожу и словарь языка Пензенскихъ шерстобитовъ, составленный г. Шульгинымъ, но долженъ сказать, что онъ принадлежитъ къ числу весьма сомнительныхъ. Повидимому, шерстобиты, нравственность которыхъ изображена г. Шульгинымъ въ весьма мрачномъ видѣ, опасались передавать ему тайны своего языка и сообщали слова фантастическія.

Наконецъ, для большей полноты, я присоединяю и параллели изъ словаря польскихъ арестантовъ Эстрейхера ⁴⁾, близость котораго къ бѣлорусскимъ словарямъ видна съ перваго взгляда.

Лексическій матеріалъ я располагаю по слѣдующимъ группамъ:

- I. Явленія и предметы природы.
- II. Предметы духовные.
- III. Человѣкъ.
- IV. Пища.
- V. Одежда.
- VI. Жилище, утварь, орудія.
- VII. Животныя.
- VIII. Растенія.
- IX. Дѣйствія.
- X. Свойства и качества.
- XI. Числа и мѣры.
- XII. Употребительнѣйшія мѣстоименія.
- XIII. Главнѣйшія нарѣчія.
- XIV. Фразы на условномъ языкѣ.

¹⁾ Ibid., стр. 12—15, 20, карта. ²⁾ Киев. Стар. 1889 г. сентябрь. ³⁾ Свѣдѣнія о Дрибинскихъ шаповалахъ читатели найдутъ въ моей „Могил. Старинѣ“, вып. II, стр. 39—44, а объ Ивановскихъ лаборахъ у Ставровича, въ „Опытѣ изслѣдованій“, стр. 1—35. ⁴⁾ „Szwargot więzenny“, Краковъ, 1903.

УСЛОВНЫЙ ЯЗЫКЪ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ.

Списокъ словъ.	УСЛОВНЫЙ ЯЗЫКЪ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ.					
	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
1. Явленія и предметы при- роды.						
Міръ, свѣтъ . .	кѹсвѣтъ	—	—	—	—	—
Земля . .	цяръ, цирь	тюрә	—	атіра	—	масторъ
Вода . .	суга	суга	дѣлька	суга	леньга	дробнй
Огонь . .	дулясь, дѹ- лясь, дуль	дульмѹ	—	—	шабѹнъ	дѹликъ
Спички . .	дуляска	длымѣска	—	—	—	—
Дымъ . .	курдѹмъ	дымѹнъ	—	—	—	качамъ
Жаръ, го- рячій уголь	шѹголь	дулясь, уголѣмъ	—	—	—	сѣтка
Небо . .	шѹнебо	—	—	—	—	—
Солнце . .	свѣянка	дѹусъ	—	—	—	сѣянь
Луна . .	шѹлуна	луноша	—	—	—	—
Звѣзда . .	кѹзвѣзда, кѹзорька	звѣздоша	—	—	—	—
Погода . .	шагѹда, кѹ- погода	—	—	—	—	—
Вѣтеръ . .	шѹвѣтеръ	шугѹвѣй	—	—	—	вармасъ
Туча . .	кѹтуча, кѹхмара	—	—	—	—	—
Громъ . .	шѹгромъ	—	—	—	—	—
Дождь . .	трухлѣй, трухнѣй	парахѹнъ	—	марахѹнъ- ка	—	—
Снѣгъ . .	сивѹръ	сивѹръ	—	—	—	пѣршка
Ледъ . .	шѹледъ	сивѹръ	—	—	—	яй

УСЛОВНЕЙ ЯЗЫКЪ НИЩИХЪ.

УСЛОВНЕЙ ЯЗЫКЪ НИЩИХЪ.					Лаборскій.	Польскій.
Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.		
—	сянь	—	—	свѣтомка	сѣверъ	—
церь, царя, цырѹга	цѣра	сырѣя, церьѣ, тирьѣ	сырѹха	терѣга	тырьга	—
дѣльга, дѣльга	дѣлька	дѣльга	ленѹга	дѣлька	дѣлька	delka
дѹлесъ, ду- лясь	—	дѹлесъ, дѹ- лисъ, дуль	дѹлинъ	дулясникъ	дѹлясь	dulc
дулясь, ду- лясница	—	духавка	вѣтерочка	—	задуля- никъ, заду- лянокъ	—
кѹдумъ	—	—	—	—	дымѹш- никъ	—
дѹлецъ, дѹ- лесъ	—	—	—	—	дѹлясь	—
сѣянка, сѣбика	сѣяко	—	—	сѣяко	сѣянна, сѣя- не	sianko
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	кѹзорка	—
кѹпогода	—	—	—	—	—	—
кѹвѣтеръ	—	—	—	—	шѹтеръ, шѹтаръ	—
трухвѣй	—	—	—	—	—	—
Яхвесъ по- рѹтится (Богъ бра- нится)	—	—	—	—	Охвесъ по- рѹтится Охвѣсъ ло- бѹнытця	—
трухлѣй, трусѣй	ракцѣй	трухтѣй	—	рахтѣй	рахта, рах- тѣй	—
бѣлюсь, си- ворникъ	плѣнникъ	—	—	сѣверъ	плахтѣй плахтѣй	—
сиворѣць	—	—	—	—	—	—
сивѹрникъ, сиворѣць	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Градъ . .	кѹградъ	сиворъ	—	—	—	—
Морозъ, холодъ . .	сиворъ	сиворъ	—	—	—	—
Мятедь . .	шатѣлица	сиворъ	—	—	—	—
Песокъ . .	цирь	тюра	—	—	—	—
Камень . .	пѣтрусъ, шѹкамень	петрагъ	—	пѣтрусъ	—	кевъ
Глина . .	шѹглина	глиноша, тюра	—	—	—	сѣвинъ
Мѣдь . .	шедь	шедь	—	—	—	—
Желѣзо . .	куѣзо	кувѣзо	—	—	—	—
Чугунъ . .	югѹнъ, кѹ- чугунъ, ку- гунъ	кугѹнъ	—	—	—	—
Золото . .	кѹзолото	кѹзолото	—	—	—	—
Серебро . .	кѹсеребро	кѹсеребро	—	—	—	—
Гора . .	кѹгора, шѹгора	кѹгора, шѹгора	—	—	—	губоръ
Ровъ, яма, оврагъ . .	кѹровъ, шѹйма (сокращ. шу-яма)	антипка	—	—	—	—
Поле . .	триполе	триполе	—	—	—	стяфанъ
Рѣка . .	шѹрѣка, суга хлить (вода те- четъ)	—	—	—	—	—
Озеро . .	кѹозеро, суга сты- чить (вода стоитъ)	кѹозеро	—	—	—	—

Могилевская губернія	Слуцк.	Черниговская губернія	Брянск.	Подольская губернія	Лабарскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	—	—
сиворникъ, сиворѣцъ, рахмазъ	сиворъ	—	—	—	сиверъ, сѣ- веръ	—
сиворникъ ихлѣть (снѣгъ идеть)	—	—	—	—	кѹдеса, плáхтѣй пандикае (снѣгъ идеть)	—
цырѹга	—	—	—	—	тырѣга	—
пѣтрусъ, шамень	пѣтрусъ	—	—	—	пѣтрусъ	—
жовтѣмная царь	—	—	—	—	тырѣга	—
шѣрхва	—	—	—	—	кувѣзо	—
—	—	—	—	—	куѣзо, ку- вѣзо	—
—	—	—	—	—	куѣзо	—
—	—	—	—	—	хобни (соб. деньги)	—
—	—	пленб	—	—	кѹребро, курѣбро	—
кѹгора	кѹгора	—	—	—	свиѣбра, сѣвиѣбра	—
курѣцъ, кѣрѣцъ	шмѹрка	—	—	—	куровъ, кѹ- яма, шмур- ка	—
шбле	триполе	—	шбле	стропѣля	митропѹль- ле, мытро- пѹлье	—
дѣльманъ големѣй (большой колодець)	склавѹта	—	—	—	дѣлька	—
ѣрзипо, дѣльманъ застыклѣн- ный (стоя- чий коло- дець)	—	—	—	—	дѣлька	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Колодезь .	молодижъ	конпобдезь	—	сужникъ	—	—
Болото .	шалото	куболото	—	—	—	начка, рдасть = грязь
Лѣсъ . .	воксимъ	аксюга	—	—	—	—
Лугъ . .	кулугъ	басъ	—	—	—	—
Зима . .	сиворка	сиворница	—	—	—	—
Весна . .	кувесна, шувесна	кувесна	—	—	—	пейшная киза
Лѣто . .	кулѣто, шулѣто	снопнота	—	—	—	—
Осень . .	кувосень, шусень (сокр. шу- осень)	куосень	—	—	—	—
День . .	кудень	кудень	—	—	—	пендюхъ
Ночь . .	кимка	кимочъ	—	—	—	неваришно
Утро . .	шурання	—	—	—	—	—
Вечеръ .	кувечеръ, шувечеръ	кувечеръ	—	—	—	—
Полночь .	лу(о)хто- вина ким- ки	повкимочъ	—	—	—	—
Часъ . .	кучасъ, ку- година	часонъ	—	—	—	шварганъ
Годъ . .	кугодъ, шу- годъ	кугодъ	—	—	—	круглякъ
Мѣсяцъ .	—	—	—	—	—	—
Недѣля .	дзушница	дзушница	—	—	—	—
Воскре- сенъе . .	дзушница	дзушница	—	—	—	стодольный пендюхъ
Понедѣль- никъ . .	купонедѣ- локъ	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
дольманъ, делишникъ дыльникъ	—	—	—	сивраныця	дѣльча- никъ, дѣл- чалникъ	—
куболото	шалото	—	—	шалото	шалото, шолото	—
—	—	воксимъ	воксимъ	—	оксимъ	—
вихрачь	—	—	—	—	шолотокъ. См. болото	—
сиворъ, си- ворка	сиворка	—	—	сиверныця	сиворка, сиворка	—
кувесна	снопка	—	—	—	снопка (соб. теплота)	—
кулѣто, снопка	снопка	—	—	—	снопка	—
кувосень, сиворка ихлѣть (зи- ма идетъ)	подсивор- ка	—	—	—	сиверка, си- верка	—
кудень	кудень	—	—	кудень	кудень, ку- дѣнь	—
кимочъ	кимасць	—	кимачъ	кемить	кимать	kima, kim- ka
куранья	шурано	—	—	—	курано	—
кувечеръ	кувечеръ	—	—	кувечеръ	кувечеръ	—
повкимочъ	посередки- мосць	—	—	—	повкимать лоптовина кимати	—
кучасъ	—	—	—	—	кугодина, кугодина	—
круглякъ, кѣндикъ, киндикъ	киндикъ	—	—	киндыкъ	киндикъ, киндыкъ	—
—	—	—	—	макохтій	—	—
мирюля, бирюля	—	—	—	моргуля	мирюля, мырюля	—
сино, сѣно	мирюля	—	—	—	мирюля, мырюля	—
—	—	—	—	—	—	—

[illegible]

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Церковь .	хлюса	дѣушница	хозбѣрница	Ахвѣсь	стода		хлюса, кли- южа	хлюса	хлюса	хлюга	хлюса	хлюса	kliusa
Костель .	—	—	—	—	—	—	—	шандзѣй	—	—	—	—	sendziol
Колоколь .	калаганъ	—	—	—	—	—	—	—	—	кутазы (мн. ч.)	кудѣвныкъ	кудонъ, ку- доръ	—
Колоколь ня . . .	калагальня	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кудонница, куданыца	—
Икона . .	Ахвѣсь	—	—	Ахвѣсь	—	—	—	—	—	—	—	кудонница, куданыца	—
Крестъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ахвѣсникъ	барай (мн. ч.)	багра	—
Набож- ность . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	хлюсныкъ	ставеръ	—
Обѣдня .	брайня	—	—	—	—	—	—	—	—	ахвѣсность	—	—	—
Молитва .	—	—	—	—	—	—	хвѣсу чи- ются могу мо- тсѣ)	—	—	—	—	—	—
Отпустъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	слугѣмка (собств. служба)	—
Акаѣистъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	шатѣрныця	—	—
Христѣа- нинъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	шатѣрныкъ	—	—
Милостыня	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	рѣпенныкъ	—	—
Духовный стихъ, псалма	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кувестѣя- нинъ	—	—
III. Человѣкъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Человѣкъ	кучело- вѣкъ	людмѣсь	—	—	лохъ	лемъ	—	—	—	псалка	—	—	—
Царь . .	куцарь	царѣнь	—	—	—	—	логъ	лохъ	—	—	мѣздиръ	хирьяни- ца, хирья- ныця	—
Мужчина	кужъ, жбанъ	людмѣсь	—	—	—	—	цырѣзникъ	царникъ	—	—	—	тырѣж- никъ	—
Женщина, баба . .	жбаха	шкрѣха	—	—	—	—	логъ	—	—	—	—	хирьяница	—
Семья . .	шульга, шевелъга	кусемья, сѣмьѣша	—	—	раха	кодѣня	баха, рѣха раха	раха	рѣха, рѣха, рѣхута	кобухвѣя	раха, цѣба	цѣба	zacha=же- на
	—	—	—	—	—	—	замѣръ	хвѣрьѣ	—	—	—	хвѣрьѣ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Мужикъ (крестья- нинъ) . .	кужь	лохъ	логъ	лохъ	лохъ	гирямъ
Мужикъ (грубиянъ)	—	—	—	—	—	—
Мужичка	кужовка	лоховка	—	—	—	—
Люди, на- родъ . .	кѹлюди	людмэей	—	хирани	—	—
Хлопецъ (мальчикъ)	микрѣць	микрѣць	микрѣць	—	котерёнокъ	—
Парень .	микрѣць	—	—	—	—	—
Дѣвица .	шѣхта	шухтѣкъ	шѣхта	—	лампѹхъ, лакрёнокъ (дѣвочка)	—
Дѣвка жирная, сильная, ксендзов- ская эконо- мка .	—	—	—	—	—	—
Дитя . .	хвѣдень, хвяднѣ- нокъ	микренѣ- нокъ	—	—	—	—
Дѣдъ . .	ярохъ, шкредъ	ярохъ, шкредъ	—	—	—	стодѣжный атѣй
Внукъ . .	—	—	—	—	—	стодѣжный котерёнокъ
Баба, ста- руха . .	ярѹха	шкрѣха	ярѹха	—	кодѣня	—
Отецъ . .	бакштѣй	ѣрокъ	—	—	—	алѣй
Мать . .	бакштѣйка	ѣрица	—	—	—	авѣй
Сынъ . .	звѣнчикъ	лабѹнъ	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій	Польскій
лохъ	—	лошкѣтъ	—	—	мѣтъ	loch, loch
—	—	—	—	—	мѣтъ ко- локъ	—
лоховка	—	—	—	—	мѣтѣха	loszka
хверяне	хвирѣне	хверба	хамѣръ	херѣне	хирѣяне	—
—	—	—	кобѣръ, ко- терёнокъ	—	бахтѣнъ	mikrus
лобозъ, лабзюкъ, тряпѣлый, лобузь	—	трапелюкъ лобѣзь, ло- бузь	—	терпелюкъ	лобузь, лобзюкъ	mikrus
карыга, шѣхта, шѣхточка, ряпѣлая	карибѣня	корыга	шѣхта, кривѣна	—	карыбѣна, карыбѣнка	karaona
—	—	—	—	—	карыбѣня	karabona
хвѣзень, хвѣсень	фиреня	хвѣзень, хвѣдня, хвѣдень курдѣмень	хвѣзень	хвѣдня	хвѣня, ох- вѣня	chilany= дѣти
ярыкъ, лохъ	шкрѣдъ	лохъ, шмѣдъ	ерѣкъ	лебѣй	ѣрый, шкрѣдъ	jagus
—	—	—	—	—	—	—
ярѹха бакштѣй	цѹба баштѣй	кѹба баштѣй, баштѣй, баштѣнь	— башкѣнъ	—	ѣрая, цѹба баштѣй	—
мѣкштарка манѣца	манѣца	манѣца	—	манѣца	манѣца, манѣца	—
вѣнузь, юнчикъ, юнчикъ	юнузь	уюнщыкъ	—	ѣнузь	ѣнузь	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Дочь . .	звѣнчица, шихта	лабунѡвка	—	—	—	—
Братъ . .	збранъ	—	—	—	—	сбранъ
Сестра . .	збранѡвка	збранѡвка	упхлыть	—	—	—
Мужъ . .	жбанъ	збанъ	—	—	—	гирянь
Жена . .	жбаха	збаха	—	—	—	рупанъ
Дядька . .	сьнядька	сьнядька	—	—	—	—
Тетка . .	кѹтетка	—	—	—	—	—
Племян- никъ . .	шѹплемен- никъ	кѹплемен- никъ	—	—	—	збраніж ка
Племянни- ца . . .	шѹплемен- ница	—	—	—	—	—
Тестъ . .	кѹтестъ	стѣнь	—	—	—	—
Теща . .	кѹтеща	—	—	—	—	—
Зять . .	кѹзять	зятѣнь	—	—	—	—
Сватъ . .	сванъ	сватѡнь	—	—	—	—
Сваха, сва- тя . . .	сваніха .	—	—	—	—	—
Кумъ . .	шѹкумъ, хриѡм- никъ	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
вѣнуска, юнчица, юнчица	іѡмуска	уѡнищца	—	ѣнуска	ѣнуска	—
ѡндрусъ, вѡндрусъ	ѡндрусъ	ѡндрусъ, ѡндрусъ	—	ѡндрусъ	ѡндрусъ	andrus= злѡдѣй, воръ
ѡндруска, вѡндруска, здѡшная	ѡндруска	ѡндруска, ѡндруска	—	ѡндруска	ѡндруска	andraska
мѹсень	мѹсень	—	—	—	мѡтъ	—
рѡндя, рѡнджа, рѡнджа, рѡмжа	рѡха	—	—	—	рѡха	rachla
кѹдядька	тѹхтѣй	—	—	курдѣмнѣ	—	—
кѹтетка	—	—	—	курдѣ- мнѣ	—	—
вѡндру- совъ, вѡнд- рускинь юнчицъ	—	—	—	—	—	—
вѡндросо- ва, вѡнд- рускина юнчица	—	—	—	—	—	—
бакштѣй	—	—	—	бахтѣй	баштѣй по раси (отецъ по женѣ)	—
манѣца	—	—	—	—	манѣца по раси (мать по женѣ)	—
кѹзять, прѣхте- никъ	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
хриѡм- никъ, стра- вѡшникъ	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Кума . .	шѹкума, христѡмни- ца	—	—	—	—	—
Молодуха	драпелѹха	драпѣлая	—	—	—	—
Женихъ .	драпелѹнъ	драпѣлый	—	—	—	кѡтеръ юмоватый
Невѣста .	драпелѹха	драпѣлая	—	—	—	—
Свадьба .	—	—	—	—	—	—
Русскій (велико- русь) .	кѹруській	рускіймный	—	—	—	—
Полякъ .	шѹполякъ	польскійм- ный	—	—	—	—
Шляхтичъ, однодво- рецъ . .	куяхтѹнъ	ланпѣка	—	—	—	—
Еврей . .	гудъ, куд- лаѣ	гудъ	будлѣй	кгудъ	гудъ, гуд- лѣй	—
Еврейка .	гудлаѣка, кудлаѣка	гудѡвка	—	—	—	—
Жиденокъ	гудлянокъ	—	—	—	—	—
Чужестра- нецъ . .	чужѣмскій	чужѣмный	—	—	—	—
Цыганъ .	юганъ	куганъ	—	кѹганъ	—	—
Цыганка .	юганка	куганка	—	—	—	—
Цыгане- нокъ . .	юганѣнокъ	—	—	—	—	—
Нищій . .	любѡкъ, любитеѣнъ	люхъ	—	—	—	—
Поводырь	шуводѣрь	поводы- рошъ	—	—	—	—
Докторъ .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
христѡмни- ца, стра- вошница	—	—	—	—	—	—
—	—	трепелица	—	—	трѣпѣлая, трипѣльга	—
тряпѣлый, вянѣхъ, лѡбусъ	—	—	—	—	трипѣлѹнъ, трѣпѣлюкъ	—
тряпѣлѹха, кѹвѣста	—	—	—	—	трипѣла, трѣпѣлюха	—
—	—	—	—	янѣга	—	—
ботай	—	—	—	шулинцѣй (мн. ч.)	кочигѣра, качибѣра	—
коврѣй	—	—	—	ланюсъ	ланькѡ, лѣнькѡ	—
ланпѣтъ	—	—	—	—	куйхтычъ, лѣнькѡ	—
кудлаѣ	—	гудлѣй, гудъ, куд- лаѣ	—	гудзъ	гузъ	ges, gudlaj
кудлаѣка	—	—	—	гудзивка	гузѣха, гу- зѣвка	gudlajka
кудлаѣнокъ	—	кудлаѣнѣ- нокъ	—	гудзеня	гузиня, кудлаѣнокъ	—
наспѡджѣй	—	—	—	—	сѣнѣхъ, хирьяница	—
куганъ	—	курганъ, куганъ	—	шандракъ	шандракъ	—
куганка	—	—	—	—	шандрачка	—
куганѣнокъ	—	—	—	—	шандрачи- нѣй	—
любѡкъ	любкѡ	любѡкъ	—	—	шкрѣдъ, шкрѣдъ	—
кѡтеръ, вандѣй	—	—	кѡтеръ, ко- терѣнокъ, микрѣнокъ	повандзѡр- ныкъ	вандѣй	—
—	лякѡбникъ	—	—	ликѡрныкъ	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Купецъ .	шўкупецъ	купцѣнь	—	—	—	—
Купчиха .	шўкупчиха	—	—	—	—	—
Приказчикъ . .	притїро- ванникъ	—	—	—	—	филазов- скій
Мѣщанинъ	шустяинъ	—	—	—	—	—
Мѣщанка	шустянка	—	—	—	—	—
Слуга . .	—	—	—	—	—	—
Служанка	—	—	—	—	—	—
Косарь .	—	—	—	—	—	—
Молотобить	—	—	—	—	—	—
Священ- никъ . .	косей	косей	кочеть	кѣчетъ	косей	—
Попадья .	косейха, косейка	косейха	—	—	—	—
Поповичъ	—	—	—	—	—	—
Монахъ .	косей	косей	—	—	—	—
Дьячокъ .	подкосе- евичъ	—	—	—	—	—
Пономарь звонарь	калаган- щикъ	—	—	—	—	—
Ксендзь .	—	—	—	—	—	—
Богачъ .	стодъ, сто- дырь	стодырь	—	—	—	—
Бѣднякъ .	кўхта	кўхта	—	—	—	—
Писарь .	кўписарь	писарѣшъ	—	махлован- никъ	—	—
Старшина	главда	лагда	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
пўльщикъ, упўльщикъ	алульщикъ	—	—	—	опўль- щикъ, сто- дыра (соб. богачъ)	—
пўльщица, упўльщица	—	—	—	—	опўльщица	—
—	—	—	—	—	—	—
шустяинъ	—	—	—	—	шустяинъ	—
шустянка	—	—	—	—	шустяница шустянка	—
—	слугѣм- никъ	—	—	—	—	—
—	слугѣмница	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	слугѣмны- ця	—
—	—	—	—	—	махлыч- никъ	—
—	—	—	—	—	лопѣтныкъ	—
графиль, кархвиль кархвила	кархвиль	кархвиль	кархвиль, корфиль	корхъ	корхъ	—
—	—	—	—	корхыня	кѣрха, кор- халыха	—
—	—	—	—	корхы- ныкъ	—	—
—	—	—	чунахъ	—	—	—
псалъникъ, лѣпсар- никъ	псалъникъ	лѣпсаръ	вѣтошникъ	псалныкъ	псалникъ	—
псалъникъ	—	—	—	—	ѣрусть	—
—	василѣхъ	—	—	—	—	wasielak
стодъ, сто- днякъ, сто- день	—	стѣдый	—	стѣтень]	каверъ, стѣдень	—
шкўтель	—	кухтыкъ	—	—	шўндеръ	—
лѣпсаръ	—	лѣпсур- никъ	—	—	рѣпсал- никъ	—
главда, главдўнь, гламызда, главызда, яршина	—	—	—	яршына	иришина, ѣршина	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Баринъ, панъ, по- мѣщикъ, чинов- никъ . .	коврѣй	коврѣка	—	каврѣй	—	—	коврѣй	—	коврѣй	коврѣй	коврѣй (мн. ч.)	—	gawer, kawrak
Барыня .	коврѣиха, ковраиха	коврѣчка	—	—	—	—	коврѣйка	—	—	—	—	коврѣйка	kawruczka gawruczka
Барышня	кувреѣвна, шихта кув- реѣвская	коврѣчка	—	—	—	филазиха	—	—	—	—	—	коврѣйка, коривѣнка	—
Бродяга .	ухливѣн- никъ	хѹсый люд- мѣсь	—	—	—	—	—	—	шалабѣнь	—	—	—	—
Становой	кѹстано- вый	сняитѹкъ	—	стыченый	—	—	стаклявый, стакляю- щій, ста- кляннѣй	—	постѣчнѣй пастѣш- нѣй	—	гальбѣмѣй накачѣ- тель	стѣчень	—
Полицей- скій чинъ	—	сняитѹкъ микрый (или шав- ный)	—	—	—	—	—	—	—	—	шулицѣй- скѣй	барбѣсь	—
Сотскій .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	накатѣр- скѣй	—	—
Стража, варта .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	шпарѹта	—	—
Жандармъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	трѣпочка	—
Урядникъ	шѹрядникъ	шкунѣт- никъ	—	—	—	—	макацѹръ	—	дикѣнѣ- щикъ, варнѣтый	—	скерѣтникъ	гишѹта	—
Староста .	ѣроста	сняроста	—	—	—	—	ѣроста	—	—	—	ѣруста	ѣроста, ѣроста	—
Старостиха	ѣростиха	—	—	—	—	—	ѣростиха	—	—	—	—	—	—
Исправ- никъ . .	кѹсправ- никъ	сняитѹкъ шавлѣй	—	—	—	—	справѣш- никъ	—	—	—	—	справѣч- никъ, спра- вѣшникъ	—
Началь- никъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	накачѣ- тель	—	—
Учитель, —ница .	укѣрникъ	—	—	—	—	—	наукѣр- никъ, са- сѣрникъ	укѣрникъ, —ца	—	—	наукѣр- никъ	укѣрникъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Сапожникъ	кушавецъ, шкброшникъ	лопушникъ	мощерникъ	—	—	—	шивборникъ, вобутникъ, вобутчикъ	—	—	—	—	опукарникъ	—
Десятекій	дѣканный	дѣканшій	—	—	—	—	—	—	дѣкульникъ	—	дѣкончыкъ	дѣконникъ	—
Преступникъ	—	—	—	—	—	—	—	крѣмникъ (соб. грѣшникъ)	—	—	—	—	—
Товарищъ	—	—	—	—	—	—	—	—	дербакъ	дербакъ	—	—	—
Лаборъ, сборщикъ пожертвованій на храмы	кубракъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Портной	шнейдеръ	шивборникъ	куманникъ	—	—	шнейдеръ	бодавщикъ, бодабчикъ	—	—	будачъ	—	витирнякъ, бодавникъ, одагморникъ	—
Кузнецъ	жуклѣйникъ	кувѣзникъ	—	—	—	—	жуклѣй, плескачъ	—	—	—	ковѣзникъ	жукляръ, кувѣзникъ	—
Плотникъ	кушлотникъ	—	—	—	—	—	клавотникъ, склавотникъ	—	—	—	—	маистрашикъ, клавотникъ (собств. работникъ)	—
Работникъ	клавотникъ	—	—	—	—	масторщикъ	клавотникъ	—	—	—	—	клавотникъ	—
Шаповаль	катрушникъ	парушникъ	—	катрушникъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Музыкантъ	кугранникъ	лабушникъ	—	—	—	—	куграчъ	куграчъ	—	—	курбшникъ	куграчъ, куграчъ	—
Гость	—	—	—	—	—	—	—	гостѣмникъ	—	—	—	—	—
Слѣпецъ	неульпка	незѣпующій	—	—	—	безульпный	калѣпъ, калѣпка, калѣпица	—	—	—	—	калипъ	—
Солдатъ	батузъ, катузъ	тузба	—	ботузъ	—	—	батузъ, батьвѣль	ботузъ	боцай (соб. москаль великорусъ)	балдохъ	бецакъ	бахвѣль, боцакъ	—
Солдатка	катузѣвка	тузѣвка	—	—	—	—	батьвѣлка, батьвѣлова рѣжа	—	—	—	—	бахвѣлка, бацашка	—
Пастухъ	лапестыръ	лапестыръ	—	—	—	—	лабздырь, лабстырь	лапестыръ	—	—	авлѣдныкъ	лапестырникъ	—

Список словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лабарскій.	Польскій.
Мельникъ	скрыгот- никъ	скрыгѣть	—	—	—	—	дергѣт- никъ, гра- мольщикъ	—	—	—	—	—	—
Хромой	—	—	—	—	—	безштуха- рый	—	—	—	—	—	—	—
Воръ	климъ, клись, ко- стусъ	зугурака	—	—	—	—	климъ, климазъ, климош- никъ	климъ	климан- щикъ, кли- мачъ, тисъ	—	климуш- никъ	климъ *)	—
Бродяга	—	—	—	—	—	—	—	—	шалабѣль	—	—	—	—
Конокрадъ	волотѣв- никъ	аргунный зугурака	—	—	—	—	—	—	—	—	—	волотѣв- никъ вѣлоты климае (ло- шадей кра- детъ)	—
Покрытка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	покрывѣт- ныця	—	—
Публичная женщина	дрылюха	шлеюха	—	—	—	—	—	—	—	—	кѣльба	шѣльха, бѣльха	szlaja, szlaj- ka=раз- вратница
Разврат- никъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Разбой- никъ . .	расчукан- никъ	растѣш- никъ	—	—	—	—	кулован- никъ, копсатель	раскулван- никъ	климачъ, раскопсан- никъ, рас- копсан- щикъ	—	—	раскуло- валникъ, раскопсан- никъ	—
Стрѣлокъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пьяница	акѣрусъ	акѣрусъ, курила	—	—	—	—	кѣра, кѣр- никъ, заке- ра, кѣрный	—	кѣрный	—	кулаш- никъ кырака	окѣрнигъ, окѣра	chirus
Шинкаръ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Хозяинъ	похаж- щикъ	похазникъ	—	похазникъ	—	лемъ	похажикъ	похазникъ	—	—	гертѣш- никъ похазникъ	похазникъ	—
Хозяйка	похажщи- ца	похазница	—	—	—	—	похажница, хозѣтка	—	—	—	похазныця	похазница	—
Половин- щикъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ставѣнь- чикъ	—	—

*) Ср. дикль бѣлорус. сказокъ. „Климка—злодій“.

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза	авилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Вѣдьма .	шкрѣдьма	шкрѣдьма	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дуракъ .	шмуракъ	шмурга́ла, багбѣль	—	—	шмуракъ	—	—	—	—	—	—	чмуре́нь, шмуре́нь	—
Хитрецъ .	юро́къ	хитри́мный	—	—	—	—	ю́бокъ	—	—	—	—	юри́якъ, ку́рзонный	—
Мертвецъ .	халио́нь	схи́митый	—	—	—	—	хали́е- никъ, уха- ботикъ	—	—	—	ха́ля	халио́нь, ха́ля	—
Погребеніе .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ха́ля	—	—
Голова .	гла́вда	ла́вда	ло́уда, не- разуми́ца	—	кочева́	каче́вка	гла́взда, гла́вузда	гла́узда	голо́вазда, гла́мота	—	ла́вда	гла́вда, гла́вда	—
Грудь (женская)	сусло́вка, сысла́вка	грудáвки	—	—	—	—	ви́хта, вих- алка, пу- хля́нка	вихта́лка	цѣ́верка, цѣ́мра	ви́слики	—	смухто́вий, смо́ковий	—
Животъ .	кирмо́	ке́рмуеъ	—	—	—	—	кирмо́, кимро́	химро́	кимро́	—	комри́й	ки́мро, кимро́	—
Рука . .	хи́рка	хи́рка	—	хи́рка	маху́ля	мучи́лка	хи́рка, хви́рка	фи́рка	хи́рка, хви́рка	хе́рка	рута́вка	хи́рка	—
Локоть .	—	—	—	—	—	—	—	кумѣ́рникъ	—	—	—	—	—
Нога . .	ходу́ха, хо- ду́ла	ходни́я	—	ходи́рка	ходáрка	—	ходи́рка, худорма́н- ка	ходи́рка	ходни́я, хо- ды́ла	ходáра	ходу́ха	ходни́я	chodyrka
Ухо . . .	слѣ́хта	слѣ́хта	—	—	—	—	слухто́нка	слѣ́хто	слѣ́хмѣть, слѣ́хто, слѣ́хто́мка	—	слухо́мка	слѣ́хто, слухто́вий	—
Носъ . .	мо́рщикъ	смо́рщикъ	—	—	курсе́й	ано́шка	мо́йхтикъ	чиха́сь	—	—	—	по́на, чи- хачъ	—
Глазъ . .	е́пка	ѣ́пка	—	лѣ́пки (мн. ч.)	вярша́лки	уле́бъ	уле́пка	уле́пка	уле́покъ, уле́пко	—	зика́ (мн. ч.)	ли́пко, вля́пко	lipka, lipo
Губы . .	ба́глы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	ба́ла́йка (ед. ч.)	—	—
Ротъ . .	трайло́	зѣ́вбокъ	—	—	тройа́нь	стреко́би- никъ	тре́йманъ	хвáiло	тре́йманъ, тре́йманъ	—	—	трайло́	troidko= ѣ́да, troja =лицо
Горло . .	ку́горло	пы́ня	—	—	—	—	трайло́	—	—	—	—	—	—
Языкъ . .	лѣ́мезень	лѣ́мозъ	—	—	—	зѣ́ха	лѣ́ментъ	лѣ́мехъ	гаври́дыш- никъ	—	—	гаври́д- никъ, гав- ри́дникъ, гаври́дыш- никъ	—
Лицо . .	ку́лицо	пы́са (соб. морда жи- вотнаго)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	pysk

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Зубъ . .	зѹбрикъ	зѹбарикъ	—	—	—	—
Кишки .	лабуски	лабуски	—	—	—	—
Бокъ . .	—	—	—	—	—	—
Волосъ, во- лосъ . .	чумасъ, чумасѣя	чумасъ	—	—	скѣтти	ксіосъ
Борода .	вирий, ве- рей	трапа	—	тропа	—	сакаль
Плечо . .	кѹплечо	плѣка	—	—	—	—
Палець .	—	—	—	—	—	швырганъ
Колѣно .	шѹколѣно	кальмѹ	—	—	—	штухаръ
Шея . .	кѹшея	пыня	—	—	—	—
Phallus .	макѣй	—	—	—	сафилъ	—
Vulva . .	скахвѣ	—	—	—	хирсѣ, гуз- лѣ	—
Нижняя часть спи- ны . . .	стыга	хѣська	—	стыга	—	—
Каль . .	хайлѹ, халь, халь- ки	хайло	—	—	—	—
Вередъ .	багровка	свѣкура	—	—	—	—
Лихорадка	кѹтрияца	транька	—	—	—	—
Сердце .	кѹсердце	кѹсердце	—	—	—	—
Кровь . .	—	—	—	—	—	—
IV. Пища и на- питки.						
Хлѣбъ . .	акрѹшъ, окрѹжъ	акрѹша	сумѣха	акрѹша	акрѣй	—
Пушной хлѣбъ .	шѣрха	шѣреха	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	мѹзкатень, триманъ	—	кусмѹр- ныкъ	мѹзкутень	—
—	—	—	—	—	—	—
—	бакулясъ	—	—	—	—	—
кѹволосъ, чумасы	чѣмесъ	чѣмесъ	—	бѹрванъ	кѹволосъ, чѣмесъ, чи- мѣса	—
кѹборода, вихра	мѹлеле	—	—	—	швѣхта, чвахта	—
кѹплечо	—	—	—	илихтѣ (ми. ч.)	—	—
—	шалець	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	хайлѹ	—
пеулъ, хвиль	—	пеулъ	пеулъ	пеулъ	пеулъ	—
скахвѣ, лыхта	—	кѹхти, лихта, лех- та, шкахвѣ, шайдѣ, хай- дѣ	ласта	тѹха	штѹха	—
стыга	—	стыга	варзѹха	стылъ, стызь халѹ	стыга	styja
—	—	—	—	—	халѹ, хали- мѹнъ	—
багровка, багрылка	—	—	—	—	—	—
хвинтя	—	—	—	трасѹмны- ця	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	крѣсинка	—	czerwonka
окрѹшъ, сумѣхъ, сумѣкъ, сумѣрикъ	супѣха	сумѣкъ, сумѣхъ	сымаръ	кѹнсо	кѹмса	sumer, summer, zumer
шѣрхва	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Булка, бѣ- лый хлѣбъ	кульманъ	кульманъ	—	—	—	—	булгѣй, вошнаръ, зошнаръ	—	ашпурка, плешый сумагъ, лашиурка	—	яштурка	кундй, плѣнная кумса	—
Пирогъ .	—	—	—	—	—	енидонтъ	лаврыкъ	—	—	—	пундй	—	—
Тѣсто .	кѹтѣсто	—	—	—	—	—	сумагъ	—	—	—	ковѣсто	—	—
Мука .	пирьхѣ, пирхѣ	пирьхѣ, пирхѣ	—	пѣрхѣ	пылка	—	трухѣ, трухлѣ	труснѣ	гѣлусть, гѣ- лестъ	гѣлестъ	—	труснѣ	—
Сухари .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сухмай	—	—
Соль .	гѣлостъ, го- лосъ	гѣлостъ	—	гѣласть	ѣвостъ	тузлѣ	гѣлестъ, гѣлостъ, гѣласть	гѣласть	гѣласть, гѣ- лусть, гѣ- лостъ	гѣлостъ	гѣлусть	гѣлусть	—
Обѣдъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	трѣйка	—	—
Каша .	шѣхѣ	крехтѣ	—	ашѣхѣ	—	лѹхтѣ	лѣкша	лѣкша	лѣкша	лѣкша (и лапша)	лѣкша	кѣкша	—
Крупа (по- бѣлор. крупы) .	крѹхты	—	—	—	—	—	крѹхты	крыхѣты	крѹхты	стрѣкосъ	—	крыхѣта, кирхѣта, крыхтѣ	—
Пшено .	—	—	—	—	—	лѹхтѣ	—	—	чесѣ	—	чесѣ	—	—
Супъ изъ крупы, крупеня	башарѹхѣ	башарѣхѣ	—	—	—	—	крухтѣня, крухтѣль- никъ	крыхѣт- никъ	—	—	—	крыхѣт- никъ, кыр- хѣтникъ	—
Щи съ ка- пустой	лапѹхѣ	лапѹхѣ	лапѹхѣ	чегула	лапѹхѣ	крошѹхѣ	лапѹхѣ, ло- пѹхѣ	—	бѣтѣнь	лопѹхѣ	—	—	—
Борщъ съ бураками	шмараки	чумаки	—	еморщъ	—	—	ботнигъ, бѣтѣнь	—	бѣтѣнь, шмураки	—	бѣтѣнь	бѣтѣнь, бѣ- тѣнь	—
Блины .	артимѣсъ	артимѣгъ	—	—	—	—	артимѣсъ, артимѹсъ, артишѹсъ, артишѣсъ	—	ахтишѹсъ, антиѣхъ	антиль	—	дергѹнь	—
Ломоть (ко- валокъ шматъ), кусокъ .	кумѣтъ	—	—	—	—	—	кумѣтъ, кувалѣкъ, крехтѣвка крухтѣлка	—	—	—	кумѣтокъ	кумѣтъ, ку- мѣтокъ	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Колбаса .	тартаса	верхѡвка	—	—	—	—
Баранокъ .	—	—	—	—	—	—
Сало . .	кресо	вершунѣна	—	кресо плѣн- ное	саблѹкъ	—
Мясо . .	кресо, крѣ- ся	кресо	—	кресо крѣ- сишное	клѣнда	кальсь
Баранина .	—	—	—	—	—	—
Ветчина .	кресо кир- шачче	киршунѡ- ское кресо	—	—	—	рѹхлений кальсь
Поросяти- на	—	—	—	—	—	—
Кость . .	костѡвка	костоломѡ- ха	—	—	—	—
Яйцо . .	яврѡ (мн. ч явры)	югрѡ	—	—	—	грямѡзка
Писацка .	—	—	—	—	—	—
Молоко .	гальмѡ, гальмѡ	гальмѡ, гальмѡ	лапта	гальмѡ	гальмѡ	гальмѡ
Масло . .	вислѡ	свислѡ	тсѣкунѹ	свислѡ	—	—
Сырѣ . .	галѡмникъ	отирѣшѹ	—	—	—	—
Олей (пост- ное масло)	мантѣй	канѡут- никъ	—	свислѡ	—	—
Конопля зерно . .	коноцѹды	—	—	—	—	—
Конопля растѣе	монацѹты	—	—	—	кунѡвка	—
Орѣхъ . .	—	—	—	—	—	—
Медъ . .	амѣлюкъ	амѣлька	—	гомерлясь	мельязѹ	имѣлька
Воскъ . .	—	—	—	гомерлясь	—	—

Могилевъ.	Слуцкѣ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
крутѹха, крутуса кривѡня, чаркаска	—	—	—	тартаса	тардаса, тырдаса	kręsica
—	—	шпѹрѣнь	махлянокъ	—	—	—
кресо, кресѹ	крѡсо	кресо	саблѹкъ	—	крѣсо	krysiwo
мѣрхля, мѣрхля	—	мерхлѡ	кресо	крѣсо	крѣсо	—
—	—	—	махлянина	—	—	—
—	—	—	—	—	крѣсо	—
—	—	—	скиршати- на	—	—	—
кѡставка, коймуда- ѣсть	кастѡмка	—	—	—	костямѡха, костюмѡха	—
яврѡ	явратко (уменьш.)	еврѡ	—	китѡ	китѡ	—
—	—	—	—	рѣпсане китѡ	—	—
гальмѡ, га- лямѡ, галь- вѡ	гальмѡ	гальвѡ	гальмѡ	альмѡ	гальмѡ	olemo
свѣсло, га- лемѡ	вислѡ	гамзѣй	—	—	гальмѡ, вѣсла	—
тарѡкъ	—	—	—	тырѣнь	тырѣй, ты- рѣнь	—
гамзѣй	—	гамзѣй	—	—	вѣсло, лоб- зѣй	—
коноцѹты, коноцѹдки	—	коноцѹты	—	—	—	—
—	—	—	канѡвли	—	коновли, коновли	—
—	лѡскотень солодким- никъ	—	—	—	—	—
мѣлюсь	амельясь, мерьясь	амельясь, мерьясь	мѣлясь	мѣлясь	омельясь, солодким- никъ	—
—	шудрѣй	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Сахаръ .	кѹсахаръ	солодком- никъ	—	—	сухарен- ный	—
Съмечки подоол- печный	кѹсѣмки	—	—	—	—	—
Съмечки арбузные	кѹсѣмки	арбузбичи- ки	—	—	—	—
Картофель.	—	—	—	луи́ха	лихвѣйка	—
Похлебка карто- фельная	—	—	—	—	—	—
Кулешъ .	шамплѣхъ	шуплѣй	—	—	—	—
Пампушка	—	—	—	—	—	—
Клецки .	шѣвни, шѣвни	шѣвни, шѣвни	—	—	—	—
Вареники	—	—	—	—	—	—
Кисель .	талялѣй	букясный шуплѣй	—	—	—	—
Кулага .	ламзы́ха	солодком- ный шуп- лей	—	—	—	—
Квасъ .	буклѣй	букѣсь	—	—	—	—
Чай . . .	кѹчай	спѣпникъ	—	—	катрѣсь	пейшная дробня
Водка . .	гáрдя, гар- дема́ха, га́рдь	полна́	—	га́рда, гар- дыма́нь	ка́вирза	гамза́
Вино . . .	шѹвино	—	альди́маха	—	ка́вирза	гамза́
Пиво . . .	кѣро бук- лѣй	кѣра	ми́мусъ	—	—	—
V. Одежда.						
Сорочка .	сорохвѣйка	сорофѣйка	—	—	ани́лѹха	—
Бѣлье . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
—	—	цѹкаръ, тискарь	—	омеляс- ныкъ	омелясь	—
—	—	—	—	—	лускавий	—
—	—	кербуня́т лавре́нни	—	—	лускавий	—
бялѹга	—	бѣлѹга	—	теры́ж- ныкъ	—	—
—	—	курля́ный бѣлѹжники́	громѣха	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	пухта́вка	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	ставре́- ныкъ	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
буклѣй	буклѣй	буклѣй	—	—	букя́сь, бѹ- кась	—
теплѹсь	—	—	дулѣй	—	чаѣшники́	—
га́рдя, гар- дема́ха га- ме́ра, га- ре́й, росѣй- ка	—	артѣ́ха, га́рдя	гамы́ра	герты́ха	гарцима́ арты́ха	hara, ha- ras, arty- cha, artyka
ваны́кеусъ	—	—	—	—	букши́д	—
—	—	—	—	вовча́къ	о́лыво, о́- лывокъ	kiro ołowek
сорохвѣйка мона́тка	мана́тка	мана́тка	воло́ха, воло́шка	мана́тка	мона́тка, мана́тка	maniatka, maniata
—	—	—	—	мана́тя	—	—

Спасокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Юбка . .	настѣжн- ца	настѣжка	—	—	—	—
Передникъ, фартукъ	наскѣхвен- никъ	—	—	—	—	—
Шалка .	катрѹха, катрѹшка	катрѹха камѣла	—	катрѹха	—	гампѹха
Шляпа, бриль .	кѣмель	илдѣкъ	—	кѣпель	—	—
Армякъ, свитка .	сипяга	армякѹнъ	—	—	—	—
Поддевка	—	—	—	—	подклѹшка	—
Платокъ, хустка .	хвилѣстка	плѣйтухъ	—	—	—	лахѹня
Жилетъ .	кѹжилетка	—	—	—	парусница	—
Штаны .	бурдасы •	кѹрды	—	бурдасы	ираки	—
Шуба, по- лушубокъ, тулукъ .	полѹщикъ, полѹин- чикъ	осѹщикъ, шубантѣя	—	немкинѣя	—	бурмѣ
Поясъ . .	пѹдруб- сень, пѹд- робсень	подпирѣзъ- никъ (обл.)	—	—	—	—
Башмакъ	шкѹренъ	лѹпухъ	—	—	—	полскре- бѹшка
Сапоги	шкѹрни (областное)	лѹпухи	—	лапухѣ	скрѹбѣ	скрѣбъ (ед. ч.)
Нитка . .	шваретка	шваретка	—	—	—	—
Дратва .	шваретка, кѹдратва	шваретка, лапѹшниц- кая	—	—	—	—
Пуговица	—	—	—	—	—	пѹне
Рукавица внутренняя	нахѣрница	нахѣрница хирѣя	—	—	махѹлички	кирилка

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
настѣж- никъ	—	—	—	—	настѣжн- ца	—
—	—	—	—	—	фардѣй	—
камила, надглазнич- ца	камѹха, камѣтя	акамѣла	кочевѣ, ко- чевѹха	—	камѹха, камѣся	kaniola
—	—	—	камлѹж- никъ	—	камѣся	—
сипяга, сипляга	сипяга	сѣпьяга, сѣпляга	шустѣнъ	сипяга	сѣпѹта, сѹпьяга	—
—	—	—	—	—	—	—
хвилѣста, хвилѣстка, хвилѹстка	хвилѹстка	хвилѹс- никъ	—	хвелѹстка	хлѹстка, хвилѹстка	felicha, fi- licha, filu- cha
—	—	—	—	—	—	—
стугѣлы, настѣжни- ки	настѣжни- ки	настѣги, настѣжни- ки	—	насяки	настѣги, настѣги	nastygi, ścigaje
бурмѹтъ, бѹрматка, бѹрматка	—	бѹрмутъ	бурмѣха	бѹрмустъ	бармѹтъ	barott, barzbok
звинѣрь, подбатѹ- щикъ	звинярь	звинярь, звинярь	—	—	звинярь, звинярь	—
вѹбутникъ	—	—	—	—	ѹпукъ	—
шкрѹбѣ, вѹбутки вѹботни, вѹбутъ	ѹпуки	ѹбутѹкъ, лопухѣ	скрѹбѣ	ѹбокѣ	ѹпуки	torcie, to- puchy, ebuchy, opuchy
бѹдавка	—	—	—	—	мотовнѣ	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
нахѹбни- ца	—	—	—	рутавнѣя	нахѣрница	—

Списокъ словъ.	Дрибнѣ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Перстень	кѹперстень	напалѹшникъ	—	—	—	—
Крали, бусы . . .	крухты	багровки	—	—	—	—
Карманъ .	—	—	—	—	—	романъ
Лапти .	верзюкѣ	верзукѣ	—	—	—	—
Опуча . .	обѹтка	обѹтка	—	—	—	—
Чулки . .	—	чулѹбны	теплухи	—	—	—
Обора у лаптя .	крутавка	куртавка	—	—	—	—
Сукно . .	юкнѹ, югнѹ	буснѹ, зерпѹ	—	—	—	—
Холстъ .	лоскатыра,	лоскатырь	—	—	—	—
Ленъ . .	кѹдеръ	ленѹнъ	—	—	—	—
Пенька .	канавѹшница	кѹдро	—	канавка	—	—
Подушка, перица .	подухвѣйка	пухавка	—	пухталка	—	лѹду (?)
Дыра, прорѣха . .	сѣпка	шмѹрка	—	—	—	варясъ
Шовъ, рубецъ . .	кѹшовъ	рубѹка	—	—	бурѣкъ	—
Постель .	кѹпостель	—	—	—	—	—
Дерюга .	шварюга	шапѹха	—	—	—	—

Мѣгилевъ	Слуцкѣ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
пахвѣрникъ	—	—	—	—	пахѣриникъ, пахѹбѹжникъ	—
пѣтерки	—	—	—	—	—	grochowi- ny, grocho- wianki, grochѹwki
—	—	—	—	—	—	—
постолы, шандалы, кувярзѹты, блюдка	вѣрзень	шандалы	лѣпусы	—	верзуны	—
—	—	—	—	—	—	—
крутомка, крутъя, боймудѣрка	—	—	мотѹлка, подмотѹлка	—	обляѹты	—
кѹсукуно, сипляжница	вихвѣ	—	—	—	чухнѹ	—
лускатырка, лѹс- кутъ, лѣн- ня, лѣпни- ца	лѹскасть	—	—	лѹскотырь	лѹскутъ, лѹскотъ	—
кѹдрусъ, кудрявецъ	—	—	—	—	кѹдеръ, кедрѣй	—
канавница, трускальница	—	лаханка	волоконница	—	кѹдеръ, ко- новли	—
пухавка	пухтовѣй	—	—	—	пухтовѣй	p(r)uchaw- ka, pu(r)- chawa
—	шмѹка	—	—	дермѹнка, дермѹмка	чмѹрка	—
—	—	—	—	—	—	—
шастель	—	—	—	поклѹжны- ця	постель- мѹнъ	—
—	—	—	—	—	кѹрадно	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Шилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Каморка .	хазѡвка	ка́мора	—	—	—	—	ты́га	—	куты́га	—	куты́га	—	kucicha
Сарай (бѣ- лор. пуня)	шўня	шўня	—	—	—	—	а́уня	—	вихра́т- никъ	—	кырхўш- никъ	кулиманъ хлѣвощ- никъ	—
Амбаръ, клѣтъ .	шўклѣтъ, шўхлѣтъ	шкүті́ха	—	—	—	—	—	—	калў́йка	—	—	—	—
Гумно, овинъ .	калў́йка	калў́йка	—	калў́зка	—	—	калў́жка, кала́й, ка- лума́нь, ка- лў́йка	—	—	—	лопо́тня	колима́нь	—
Кабакъ, винная лавка .	ка́ня	ка́ня	—	ка́ня	шамни́къ	—	ка́ня	—	—	—	—	ка́ня, ки́ршица, чва́рия	kapela-lnia kırnia
Почта . .	ў́чта	—	—	—	—	—	поймыде́ч- та, ле́псар- ница	—	—	—	—	волотя́жка	—
Перо . .	—	—	—	—	—	—	—	—	лашпў́ръ	—	—	—	—
Волость .	ў́волость, притў́сь	кў́волость	—	—	—	—	шѡ́лость, тѡ́лость расклавѡ́ха	—	—	—	—	волося́нка, ре́псалница	—
Полиція .	кў́полиція	шали́ца	—	—	—	—	шали́ца, ка- чати́ца	—	—	—	шули́ця	шули́цыя, шали́ца	—
Мельница	скругѡ́тъ	скругѡ́тъ	—	—	—	—	дергў́тни- ца	—	—	—	дергў́нны- ца	дергў́тни- ца	—
Винокурня	кў́хаводъ	—	—	—	—	—	гоме́рош- никъ, гар- дема́шникъ	—	—	—	—	—	—
Баня . .	плѣ́ха, плѣ- ха	траскѡ́вка	—	плехѡ́	лазы́на (бѣ- лор. ла́зья)	—	плѣ́нка	—	—	—	—	плѣ́нка, ба- нѣшница	—
Кузница .	жуклѣ́йни- ца	кувѣ́зница	—	—	—	—	жуклѣ́йни- ца, куйму- де́рня	—	—	—	ковѣ́зница	куѣ́зница, жукля́рня	—
Крыша .	шўкры́ша	—	—	—	—	—	накрываш- ница	—	—	—	—	накрывѡ́ш- ница	—
Крыльцо .	—	—	—	—	—	—	уси́бѡдки	—	—	—	—	—	—
Окно . .	закрѡ́	зекрѡ́	—	якрѡ́	яросла́къ	вальма́й	якрѡ́	зекрѡ́	зекрѡ́, якрѡ́	щегло (слу- ховое)	зикрѡ́	звѣ́кро, звикрѡ́	—
Двери . .	ры́шши	скрипў́ты	—	—	—	скрипу́ль (ед. ч.)	ры́шши, ри- пў́ты, скри́шши	скрыпў́ты	—	—	скрыпѡ́та	скрыпѡ́та, скрипү́та	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Комната .	хазъ	хазѡлка	—	скѣльницы (мн. ч.)	—	—
Столъ . .	трѣпизъ, трѣпезъ	трѣпизъ	—	трѣпезъ	накрѡй (?)	стрѡпецъ
Слуховое окно .	—	—	—	—	—	—
Скамья, лавка .	кулыга	кулыга	—	—	—	ялѡрка
Поль . .	—	—	—	—	—	—
Полка . .	шалица (бѣлор. по- лица)	шалига	—	—	—	—
Лавка (зда- нiе) . .	кулыга	кулыга	—	кулыга	—	—
Стулъ . .	кѹстулъ	—	—	—	—	—
Сундукъ .	—	—	—	—	—	—
Печь . .	стѣпра	крышѣта	—	стѣння	стебѡкъ	—
Зола . .	кѹнопель	—	—	—	—	—
Свѣча . .	—	—	—	—	—	—
Кирпичъ	кѹцѣгла	цаглоша	—	—	—	—
Палати .	хвилѡты, филѡты	хвилѡты, филѡты	—	—	—	—
Колыбель	—	—	—	—	—	—
Кровать .	шѹкровать, шѹнары	—	—	—	—	—
Гробъ . .	кѹгробъ, шѹтруна	—	—	—	—	—
Замокъ .	кѹзамокъ	захвѣсъ	—	—	—	—
Ключъ . .	—	ключѡнъ	—	—	—	—
Гвоздь .	кѹтвоздь	—	—	—	—	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
шакѡй, ша- кѡта	—	сѡмка	—	—	хазѡ	—
трѣпезъ, тряпезъ	трапезъ	трапез- никъ, тря- пезъ	—	—	трѣпезъ, трѣпезъ	—
—	—	—	щеглѡ	—	—	—
кулыга	трѣпезникъ	—	—	—	кулыга, ла- вѡшница	—
—	—	—	буклин- никъ	—	—	—
хѡры	—	—	—	—	—	—
кулыга, ку- лыга	—	кулыга, кулыга	—	—	кутыха, ку- тышка, ку- лыга	—
качашникъ	—	—	—	—	—	—
сѹймун- дукъ	—	—	—	—	—	—
стѣпля	стѣпра	—	стѣпѡкъ	закапѡн- ныця	стѣпра	styper
—	шудрѣйка	дѹлишница	—	—	—	—
стяпрѣн- никъ	—	—	—	—	пѣтрусъ	—
шалѡти, барыськи	—	—	—	—	—	—
—	колыхѡм- ка	—	—	—	—	—
припѡлъ, трипѡлъ	—	—	буклин- никъ	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
бѡклен- никъ, ма- капѹрникъ, замѡкѹю- ваньникъ	—	закапѡн- щикъ, ми- кѣта	—	закапѡн- ныкъ	закапѡнъ	—
бѡкленникъ	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	откапчи- никъ	klanich, klawich, klawis

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новосыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Ружье . .	кѹружье	пѣхтѣльни ца	—	—	—	—
Сабля . .	—	—	—	—	—	—
Ножъ . .	мѣхеръ	жухель	—	махиль	махаль	—
Роса . .	росѣити	—	—	—	—	—
Соха . .	—	—	—	—	—	—
Пгла . .	бодѹха	бодня	семйлка, „отъ того, что ихъ на денежку седмъ ку- пить мож- но“	—	швѣйка	—
Шило . .	бодѹха	бодѣль- никъ	—	—	—	—
Ножницы	бѣски	бѣски	—	—	мѣхумъ (?)	—
Пасѣка .	—	—	—	—	—	—
Улей . .	—	—	—	—	—	—
Сито, рѣ- шето . .	—	—	—	—	—	—
Напер- стокъ . .	кѹнапер- стокъ	напѣлюш- никъ	—	—	накурѣн- никъ	—
Молотокъ	кѹмоло- токъ	—	—	—	—	—
Щипцы, клещи . .	шѹклещи	—	—	—	—	—
Подкова .	шѹподкова	—	—	—	—	—
Колесо . .	кѹтень	кѹтень	—	—	—	катѹнь
Телѣга (бѣ- лор. колѣ- са, возъ)	кѹтни	—	—	—	—	—
Ось . . .	кѹвось	—	—	—	—	петъкѣ

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
куловѣнни- ца	—	—	—	кулашныця	пуковнѣ	—
—	—	—	—	—	трѣпачка	—
махаль, махлѣчь, лахмѣчь, рѣписанникъ	мѣхиръ	махлѣчь, мѣхиръ, мѣхоръ	мѣтырь	махлѣчь	мѣхеръ	majcher
махлѣчка, рѣписани- ца, двигѹн- ка	махлѣчка	—	—	—	махлѣчка	—
—	алѣзница	—	—	—	—	—
бодѣбка, бодѣвница	—	—	шурѣйка	—	голѣшница бодѣвнѣ	—
—	—	—	—	—	—	—
рѣписанники	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	миѣсныця	—
—	—	—	—	—	миѣсныкъ	—
—	трухлѣ	—	—	—	труснѣкъ	—
—	—	—	—	—	—	—
жуклѣй- никъ, кѹло- ванникъ	—	—	—	—	—	—
клеймудѣ- щи	—	—	—	—	—	—
подходѣр- ница	—	—	—	—	подклѣж- ница, под- кѹланка	—
кѹтень	катѣмка	—	—	крутылѣ	кѹтень	—
кѹтни	кѹцѣнь	кѹтень ершакѣ	—	кѹтинѣ	котовѣло	—
щѹвось	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Сани . .	мáзни	санкэсы	—	—	—	—
Буравъ .	кúсвер- дель	—	—	—	—	—
Топоръ .	мамúра	мамúра	—	—	—	—
Серпъ . .	кúсерпъ	—	—	—	—	—
Пила . .	шúпила	пилóбитя	—	—	—	—
Стаканъ .	кúстаканъ	глазóвка	—	—	бáкулъ	—
Рюмка . .	кучерáвка	глазóвка	—	—	—	—
Чашка, миска .	кúмиска	лапéнька	—	—	чахвírка	—
Чайникъ .	—	—	—	—	катрóсникъ	—
Тарелка .	шúталерка	талеркóнъ	—	—	—	—
Блюдо . .	кúблюдо	—	—	—	—	шавáнка
Горшокъ .	кóлтырь, кóлтырь	ковтэръ	—	кóвтырь	черногóрь	шáкша
Котелъ, чу- гунъ . .	кугúнъ	кóвтэръ	—	—	—	свергáузь
Сковорода	куэзыница	кувэзница	—	—	—	ялтóрка
Ложка . .	корýбка	шáвность	—	карáбка	—	сюрбáнка
Кувшинъ (горлачъ)	шúкув- шинъ	—	—	—	—	—
Бутылка (пляшка)	кúпляшка	шутýлка	—	—	—	—
Самоваръ	кúсамо- варъ	самова- рбнъ	—	дуляеникъ	хройтникъ	—
Ведро . .	—	—	—	—	—	целибáтъ
Бочка . .	кúбочка	—	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцъ.	Черниговская губернія	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
мáзни	—	—	—	—	мысéло, мэ- сéло	—
—	—	—	—	—	—	—
гáкъ, мах- лáкъ	мармúя	брúдош- никъ	—	—	мармúра, мармúла	hankel
рѣписанникъ	—	—	—	—	—	—
махлýчка	—	—	—	—	—	—
рѣписаница	—	—	—	—	пилóшница	—
рѣписарница	—	—	—	—	—	—
кучерáвка	жуклэйка	—	буклянь	—	жуклйка	—
кушкланка	—	—	—	—	—	—
кучерáвка	—	—	—	жоклй	жуклйка	—
чухáра	скитэля	скитля, скитля	—	скитэлья	шкитэра	—
—	—	—	—	—	—	—
скитэля	—	—	—	—	шкитёрка	—
—	—	—	—	—	шкэтирка	—
кóлтаръ, кóутаръ, кóфтаръ	кóвтуръ	кóвтуръ	—	кóвтуръ	кóвтуръ, кóутуръ	—
кугúнъ	—	—	—	—	кóвтуръ, кóутуръ	—
малихóн- ница, та- ратóнка	куэзыница	—	антильни- ца	—	шыхтыль- ница	—
корáбка	корáбля	корáбка, кáрабка	стербáлка, чумйчка (обл.)	—	корáбка	—
турлáчь, тарлáчь, тэрлáчь	—	—	калтынь	ковтúрны- ця	—	—
жуклэйка	пяхтáука	буклэйка	шутýлка	—	пйáхтука, пйáхтáвка	—
—	—	самогрýй, самогрáй (обл. шу- точное)	—	—	сношникъ, настыч- никъ	—
—	—	—	—	зиврò	—	—
—	—	—	—	—	боковня	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шняловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
Кнутъ . .	—	—	—	—	—	—	—	менчуга	сергѣй	лѣмтюгъ	—	—	—
Цѣпъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	цѣпѣшникъ	—
Стекло . .	кушко, ку- стекло	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лодка . .	шалѣдка	лодкѣнтя	—	—	байдакъ (бѣлор. ги- ляра, дубъ)	—	—	—	—	—	—	—	—
Паромъ . .	—	—	—	лащѣга	—	—	—	—	—	—	делѣш- никъ	—	—
Дорога . .	—	—	—	—	—	буйстръ	—	страка	строка, строкида	устрѣха	востѣрка	—	struga
VII. Животныя.													
Конь . .	вѣлотъ	аргѣша	—	вѣлотъ	грѣя	алѣанъ	вѣлотъ	вѣлыть	вѣлотъ	ловѣка	вѣлотъ	вѣлотъ	cholota, holota, wol- ta.
Кобылица	волѣтиха	швабѣла	—	—	—	—	волѣтиха	валѣцѣга	—	—	волѣтиця	волѣтига, волѣтиха	—
Жеребецъ	волѣтѣкъ	—	—	—	—	—	волѣтѣкъ	—	—	—	—	волѣтѣкъ	—
Жеребе- нокъ . .	волѣтѣнокъ	—	—	—	—	—	волѣтѣнокъ	—	—	—	—	волѣтѣ- чѣкъ, волѣ- тѣнокъ	—
Корова . .	явлѣда	явлѣда	алѣда	—	улѣда	—	явлѣда, явлѣда	явлѣтка	евлѣдка, евлѣдка, евлѣда	трубѣха	авлѣда	гѣметка	—
Быкъ . .	шѣбыкъ	—	—	артѣхъ	—	—	бѣдѣнъ	явлѣдѣкъ	евлѣдѣ, евлѣдѣ	трубѣха	явлѣдѣ	гѣметъ	—
Теленокъ	явлѣдѣ- нокъ	явлѣдѣ- нокъ	—	—	—	—	явлѣдѣ- нокъ, явлѣ- дѣнокъ	евлѣдѣнъ	евлѣдѣ- нокъ, евлѣдѣнъ	—	явлѣдѣнъ	гѣметинъ	—
Свинья . .	кѣрха	кѣршунѣха	—	кѣрха	скѣрша	—	кѣрха, кѣрхля	кѣрха	скѣрка, скѣрха, кѣрха	—	кѣрха	кѣрха	—
Кабанъ . .	кѣршѣкъ	кѣршѣнъ	—	—	—	—	кѣрхель, кѣрхягъ	—	—	—	—	кѣрхѣнъ	kierkot
Поросе- нокъ . .	кѣршѣнокъ	кѣршѣнѣ- нокъ	—	—	—	—	кѣрхлѣ- нокъ, кѣрх- лѣчѣкъ, кѣрхянѣ- нокъ	—	скѣрхенъ	—	кѣрхунъ	кѣрхенъ, кѣршенъ	—
Овца . .	кѣрхля	мерхля	перхѣтка	мѣрхля	бахмѣрка	—	перхѣтка	мѣрхля	мерхлѣдка	—	мѣхля	мѣрхля, мѣрхля	—

Списочъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Баранъ .	мярхлюкъ	—	—	—	—	маргүшъ
Ягненокъ .	мерхляне- нокъ	мерхлѣ- нокъ	—	—	—	—
Коза . .	свѣкша	лабза	—	—	—	—
Козель .	свѣкшүнъ	лабзѣль	—	—	—	—
Козленокъ .	свѣкшѣ- нокъ	лабзѣнокъ	—	—	—	—
Волкъ . .	лынь	бирь	—	—	лыкусь	виргѣзъ
Волчица .	лынѣха	—	—	—	—	—
Медвѣдь .	мармысь	мармысь	—	—	—	бѣта
Заяць . .	күзаяць	—	—	—	замчүкъ	—
Лисица .	—	—	—	—	—	кевѣсь
Мышь .	мышкѣнзя	мышантѣя	—	—	—	—
Котъ . .	мотѣнь	мохонъ	—	манѣкъ	—	—
Кошка . .	мотѣнь	мохонъ	—	—	—	матафня
Собака .	сѣкиль	сѣкиль	—	скиць	цунѣла	сюнгай
Сука . .	сѣкилѣха	сѣкиловка	—	—	—	—
Щенокъ .	сѣкилѣ- нокъ	—	—	—	—	—
Курица .	варна́тка варна́чка	—	—	варна́чка	—	—
Пѣтухъ .	варна́къ, варна́къ	варна́къ	—	—	шкарлүкъ	анякигъ (?)
Цыпленокъ .	варначѣ- нокъ	варна́къ микрый	—	—	—	—
Гусь . .	гѣрбатень, гѣрбатень	гарбѣуска	—	—	плагусъ	—
Утка . .	күутка	—	—	саповка	—	—

Могилевъ.	Слуцкѣ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
мярхлѣтъ	—	мерхлюдь	—	—	мерхлюкъ, мерхлюнь	piechur
мярхлѣтъ- нокъ, мярх- лѣтъничекъ	—	—	—	—	мерхлинъ, мерхлѣ- нокъ	—
свѣкша, лабза, лабѣла	—	лабза, цѣ- галь	—	—	чвахтѣйка	—
свѣкшүнъ, лабзүнъ	—	—	—	—	чвахтѣй	—
свѣкшѣ- нокъ	—	—	—	—	чвахтѣ- нокъ	—
лынь, лынь, лыгусъ	лыгачъ	лыкусь, лыкусь, лыгусъ, лынь	—	лыга	лыгусъ	—
—	лыгачѣха	—	—	—	лыгусѣха	—
мармызь, медѣясь	лукмѣй	—	—	—	лукмѣй	—
лукмень	—	—	—	—	—	—
подпры- щикъ	—	кривондѣй	—	—	заѣшникъ	—
кривондѣй	—	—	—	—	—	—
—	бацѣнка	—	—	—	—	—
мотѣнь	мотѣнь	мотѣнь	—	мотѣнь	мотѣнь	—
мотѣка, мотѣвка	—	мотѣниха	—	—	мотѣниха, мотѣнь	—
скиль, сѣкиль	скиць	скиль, скиль	скила	скиць, ски- цѣка	скиль, скиль	skila, skiel
скилѣлуть	—	—	—	—	—	—
скилѣха	—	—	—	скѣлыха	скилѣха	skiel
скилѣнокъ	—	—	—	—	скилѣнъ, скилѣнъ	—
варна́тка	варна́чка	варна́чка	варна́чка	варна́га	барна́тка	—
варна́къ, варна́тъ	—	варна́хъ	—	—	барна́тъ, барна́къ	—
варначѣ- нокъ	—	—	—	—	барначинъ	—
гѣрбуска, гѣрбутка	гѣрбутка	гѣргутка, дѣргутка	комисаръ	арбѣтка	гѣрдыкъ	—
сапка	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Аистъ . .	—	—	—	—	—	—	черногүзъ (областное)	—	—	—	—	—	—
Индюкъ .	шүиндыкъ	гаўдюлѣ- вичъ	—	—	—	—	—	—	—	—	плавутѣнь	—	—
Голубъ .	күголубъ, брукунъ	—	—	—	—	гуль	—	—	—	—	ббрутенъ	—	—
Гнѣздо .	күгняздо	—	—	—	—	пѣза	—	—	—	—	—	—	—
Перо . .	шүперо	—	—	—	—	мирѣжка	пухавка	—	лашпуръ	—	—	пухавка	—
Шереть, волна . .	—	пѣруха	—	—	—	мархля	худрявка	—	—	—	—	чѣшка	—
Шкура .	юржѣшка	шкуронтѣя	—	—	—	—	ббруматка	шкурбѣшка	—	—	—	шкурѣвка	—
Хвостъ .	хвилясть	хвостюкъ	—	—	—	—	хвилясть	—	—	—	—	шѣметъ	—
Рогъ . .	күрогъ	—	—	—	—	сюра	—	—	—	—	пикбѣша	—	—
Навозъ .	халимъ	халиоха	—	—	—	—	хайло, хый- лакъ, хай- лүшникъ	—	—	—	оснякъ	хайло, ха- лимъ	—
Рыба . .	псалуга	псалѣта	—	псалка	гамзѣ	—	псалуга, псалыга, псалуга	псалка	псалыга	псалыга	псалка	псалка	—
Селедка .	гѣластникъ	гѣлосѣ- никъ	—	—	—	—	гѣлощенная псалыга	гѣрусникъ	селѣжникъ гѣренъка	—	алюшникъ	гѣласникъ, гѣлусникъ	—
Пчела . .	бурчѣвка, бурхѣтня	гүдка	—	—	—	кару	буркасѣ, бурхѣтня, бурматка	бурхѣтня	дизмѣны (?) (мн. ч.)	—	—	—	—
Муха . .	күмуха	мухантѣя	—	—	—	—	бурматка, шүхмуца, полетѣха	—	—	—	—	—	—
Оса . . .	күвосва	—	—	—	—	сүскить	—	—	—	—	—	—	—
Червякъ .	мирмѣкъ	бабѣкъ (областн.)	—	—	—	—	дербѣкъ, повзунъ, шѣвель	—	—	—	—	червѣт- никъ	—
Змѣя . .	күзмѣя	—	—	—	—	—	шпѣца, въвергѣчка	хаўшнѣя	гайдамака	—	звертѣя	—	—
Ящерица	күйщерка	—	—	—	—	—	шмодѣ- щерка	—	—	—	—	—	—
Вошь . .	стишь	стишь	—	—	—	—	—	—	сѣзка; мн. ч. сѣзи, сѣзѣны	—	цѣза	цѣзка, сѣ- за	—
Блоха . .	күблоха	блохантѣя	—	—	—	—	—	—	—	—	—	блѣхѣшнѣ- ца	—
Клопъ . .	шуклопъ	клопѣнтѣя	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лягушка	—	—	—	—	—	ватараншѣ	—	дулѣска	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Ракъ . .	—	—	—	—	—	—	—	—	ползунъ	—	—	—	—
VIII. Растенія.													
Рожь . .	сѣтка, зѣд- ка	зѣдка	сума́къ	—	—	сума́къ	зѣтко, зѣт- ко	зѣтко	—	—	зѣтко	зѣтко, зѣт- ко	—
Ячмень . .	бурмѣль	бурмѣль	аклу́ша	—	—	—	бружмѣль	—	бурмѣль	вусачъ	бурбилъ	бурмій, бурминъ	burwień (овесъ)
Овесъ . .	щуглѣй, шублѣй	ощалопъ	халбу́ръ	шуплей	лахмачъ	шуплѣй	шуплѣй	—	—	—	—	щуплѣй	—
Пшеница	ашпорка	ашпорка	бѣлу́ха	—	—	—	ашпорта, вашпорни- ца, вош- порница	—	—	—	ашпурни- ца	ашпорка	—
Просо . .	—	—	цикаусъ	—	—	лѹхта	—	—	—	—	цесѳ	цесѳ, про- сімно	—
Гречиха .	суязка, су- вязка	калу́верни- ца	кудра́вка	—	—	—	сувязка, совязка, звязка	—	совязка	стрѣкища	сѣвиска	суязка, су- вязка	—
Чечевица	—	чечевко́нь	леску́шка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Картофель	шкуть	шудѣрка	—	—	лихвѣйка	—	катма, кат- мина, катѳ- мина, бялу́- га, свидѣр- ка	гренту́ля	бѣлу́га	громѳха	—	тырѣж- никъ, тѣ- рѣжникъ	—
Капуста .	лапу́ха	лапу́ха	—	—	лапу́ха	—	лапу́ха, ла- пу́хта	лапу́ха	лопу́ха	лопу́ха (?)	лепу́ха	лапу́ха, ло- пу́ха	—
Свекла, бу- раки . .	шмараки, шмураки	чумаки	—	—	—	—	бѳтни, бѳт- няки, буч- маки	батурѳѳ	шмураки	—	бѳтнякъ (ед. ч.)	бѳтни	—
Рѣпа . .	—	—	крута́лка	—	—	—	—	—	—	—	—	пеа́лка	—
Рѣдька .	товпыжица	горько́мни- ца	—	—	—	кушманъ	бялу́га	горчѣмна	—	—	—	—	—
Лукъ (цы- буля) . .	борздѹля	барзда	—	—	—	—	барздѹля, баздру́ля, бурду́лька, шумутнѣй	бардзѹля	—	гармѣй	морзѹля	борзѹля, морзѹля	—
Чеснокъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	морзѣнякъ	—	—
Горохъ . .	гаврѣзь	гаврѣсь	—	—	—	—	гаврѣй, гав- русь	гаврѣжъ	—	—	гаврѣшъ	гаврѣшъ, гаврѣш- никъ	—
Бобъ . .	бублѣй	багдѣсь	—	—	—	—	бокштѣй, бѹкусь, хѳ- ботъ	бѹкишъ	—	—	гаврѣш- ныкъ	букшѣй	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Фасоль .	—	—	—	—	—	—
Морковь .	товпѣжни- ца соло- дѣнная (сладкая рѣдка)	мѣркидѣнь	солодѣха	—	—	—
Огурецъ .	вѣхмарень мѣхмарень	шмуръ	—	—	—	—
Кукуруза .	—	—	—	—	—	—
Хрѣнь .	—	—	нѣхринъ	—	—	—
Арбузь, тыква .	кѣгарбузь	—	—	—	аканъ	—
Табакъ .	скѣлманъ	скѣлманъ	—	матлѣха	шамѣ	—
Конопля .	—	—	—	—	кунѣвка	—
Цвѣтъ .	кѣцвѣтъ	цвѣтѣша	—	—	—	—
Трава .	кѣтрава	—	—	—	—	—
Сѣно .	вихрѣ	вѣхрѣ	—	вихрѣ	шумѣкъ	хварѣга
Солома .	лосѣма	баслѣта	—	—	—	стѣдѣнка
Дерево, бревно .	воксѣмни- ца	кѣдрѣво	—	—	—	—
Лѣсъ .	вѣксѣмъ	аксѣгѣ	—	вѣксѣлъ	—	—
Кустъ .	шѣкустъ	кустѣнь	—	—	—	—
Дрова .	брѣдки	брѣдки	—	стрѣлье	—	пингалѣ
Полѣно .	ляпѣна	пальшѣ	—	—	—	—
Бревно .	—	—	—	—	—	гнѣчка

Могилевская губернія.	Слуцкѣ.	Черниговская губернія.	Брянскѣ.	Подольская губернія.	Лабарскій.	Польскій.
—	—	—	—	гаврѣшны- ця	—	—
стовпѣж- ница	солодѣм- ница	—	—	—	—	—
вѣхмурень, вѣхморѣкъ, лѣхманъ	ахмѣръ	лахмѣръ	—	—	бѣхмурень, бѣхмурень	—
—	—	—	—	рызѣвка	—	—
—	горчѣм- никъ	—	—	—	хрынѣш- никъ	—
дулѣнь	бѣлѣзникъ	клубнѣца, лагѣнь	—	—	лѣскавень	—
матлѣха абѣнишная (курит.) матлѣха пѣхтиль- ная (ню- хат.)	—	матлѣхъ, матлѣха	шамѣчка	мутлѣха баклѣнь	матлѣнь	—
—	—	коноцѣты	канѣвки	—	—	—
цвѣйму- дѣтъ	—	—	—	—	—	—
кѣтрава	вихрѣтни- ца	—	—	—	лѣпѣтъра	—
вихрѣ, вѣхрѣ	вихрѣ	вихрѣ	вихрѣ	вихрѣ	вихрѣ, вѣхрѣ	—
мосѣбла, мосѣлыга	—	вислѣгѣ	мазѣха	веслѣя	мыслѣгѣ	—
воксѣмни- ца	кѣдрѣво	—	—	—	брѣтѣ, брѣдѣ, брѣвѣшно	—
—	—	вѣксѣмъ	вѣксѣнъ	бѣксѣмъ	вѣксѣмъ, бѣксѣмъ	lokszyna
шѣсть	—	—	—	—	—	—
брѣдки	абрѣдѣ	брѣдки, бруньки	сбрѣдки	бѣрутѣ	брѣдка	—
брѣдина	—	—	—	—	брѣдѣ	—
—	—	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Палка, кій	ляпёна, би- куръ	палюга	—	—	—	шалганъ.
Дубъ . .	кѹдубъ	—	—	—	—	—
Кленъ . .	—	—	—	—	—	уштръ
Береза . .	кѹбереза	—	—	—	—	бѣлякъ
Осина . .	—	—	—	—	—	по
Садъ . .	вислят- никъ	садбнъ	—	—	—	—
Яблоня . .	вислянка	вишлячка	—	—	—	—
Груша . .	кѹйгруша	снюзель	—	—	—	—
Слива . .	—	—	—	—	—	—
Ель . .	кѹелка	—	—	—	—	—
Сосна . .	кѹсосна	—	—	—	—	—
Яблоко . .	вислякъ	вишлякъ	—	—	—	—
Листъ . .	кѹлистъ	—	—	—	—	—
Лыко . .	—	—	—	—	—	—
Жолудъ . .	кѹжалудъ	—	—	—	—	—
Ягода . .	красѣмня	багровка	—	—	—	—
Черника . .	кѹчерника	багровка калѹверная	—	—	—	—
Земляника	красѣмня	—	—	—	—	—
Вишня . .	—	—	—	—	—	—
Макъ . .	—	—	—	—	—	—
Малина . .	кѹмалина	багровка	—	—	—	—
Смородина	кѹеморода	—	—	—	—	—
Смородина красная	—	—	—	—	—	—
(порѣчка)	кѹпорѣчка	—	—	—	—	—
Грибъ . .	багблъ	багблъ	—	—	—	—
Орѣхъ . .	кѹрѣхъ	лузганъ	—	—	—	—
Вата . .	шѹвата	—	—	—	ловѣрка	—
IX. Дѣйствія.	—	—	—	—	—	—
Быть . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
бѣкуръ, бикѹта, кубитка кѹдубъ	биштѹръ	баштѹръ, баштѹра, бикѹръ	буклина	—	штѣкъ	bikoga
—	—	—	—	—	—	—
грябѣзка	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
вислят- никъ	садбмникъ	—	—	—	садбмникъ	—
вислятни- ца	—	—	—	весьлюшни- ца	—	—
—	грухтавнѣ	—	—	хруставка	грухтовнѣ	—
—	—	—	—	тернавка	—	—
—	—	—	—	—	—	—
вислятка	вислятка	вѣсля, вис- люкъ	стиблыко	вѣслюко	—	jasło
лииму- дѣсть	—	—	—	—	—	—
липѣзка	—	лонѣзка	—	—	—	—
кѹжалудъ	—	—	—	—	—	—
снопка	—	—	—	стеблюкъ	ягодбш- никъ	—
снопка чар- нѣмная	—	—	—	—	—	—
снопка кра- сѣмная	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	стеблютни- ца	—	—
—	гарна- снопъ	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
багблъ	баглай	—	—	—	баглай	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	ботлѣты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Есть . .	—	—	—	—	—	—
Стоять .	стычать	стычать	—	стычить	—	—
Вставать .	—	—	—	—	—	—
Лежать .	кляжѣть	кляжѣть	—	—	—	кимать
Ложиться	кляжитца, кляжитца	кляжатца	—	—	—	—
Сидѣть .	качать	кавдить	сѣждѣнить	—	—	—
Садиться	качитца	кавдитца	—	—	—	—
Ходить .	хондже- вать, пох- лѣть (соб. пойти)	хливать	—	—	снодить	—
Бѣгать .	бѣгурать	бѣгровать	ухлывать (собств. убѣгать)	—	—	—
Бхать . .	ѣрчать	якутить	—	ѣрчить	явшать	—
Спать . .	кимать	кимать	—	кимать	—	кимать
Ночевать	—	кимать	—	—	—	—
Смотрѣть	сѣпать	зѣпить	—	—	—	вершать
Вылѣзть	—	—	—	—	—	—
Хотѣть .	вѣлѣть	вѣлѣть	—	—	вонлѣть	—
Слушать .	слѣхтитъ	слѣхтитъ	—	—	—	—
Слышать .	—	—	—	—	—	—
Работать .	максать	машерить	—	—	—	—
Работа . .	мажджерка	машерка	—	—	—	—
Повѣсиль- ся	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
—	—	—	—	ѣпыть	—	—
стычить, стонѣть, стоклять, стеклявить	—	—	—	стычыты	стычить	—
—	—	—	—	встычува- ты	—	—
кляжѣть	кляжить	—	кляжѣть	—	кляжить	—
кляжитца	—	—	—	—	кляжитися кляжитца	—
качать	качить	—	—	качыты	качить	—
качитца, кѣчитца	—	—	—	—	качитца	—
снодить, снодѣть, ѣрчить, ѣрчить	—	ханыть	снадѣть, хлѣть (соб. идти)	—	ханджева- ти, пнати	—
бѣгравить	бѣгравъ	—	—	—	бѣгурать, моргомъ пнати (ско- ро идти)	—
ѣрчить	ѣрчить	—	—	гардуваты	ѣрчити	—
кимать	кимать	—	кимать	—	кимать, кй- мати	kimac
кимать	—	—	—	кемитаты	кимать, кй- мати	—
ульповать, ульпавъ	ульповать	ульпавъ	вершать	влипаты	улипавъ	—
—	вылѣксать	—	—	выляксаты	—	—
вѣлѣть	вѣлѣть	—	вѣлѣть	вѣлѣты	вѣлѣти	—
слухѣ- мъ, слух- ѣмъ	—	—	—	—	слыхать, слухити	sluchcié
—	—	—	—	слыхиты	—	—
клавѣтъ, клавѣтъ, рабѣтъ можджерѣтъ	склавѣтъ, склавѣтъ, склавѣтъ	склавѣтъ, склавѣтъ	—	клевѣты	клавѣти	—
клавѣта	склауѣта	—	—	—	клавѣта, клавѣта	—
—	—	—	—	забатузы- тысь	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шюловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Молчать .	кучать	кучмать	—	—	—	—
Говорить	говрѣдить, говрѣдить	тѣрить	—	говырѣать	—	зѣхать
Разговоръ	говрѣдка	растѣрова- нѣе	—	—	—	—
Кричать .	криксать, криксавить	куращѣтъ	—	—	—	—
Лѣчить .	—	—	—	—	—	—
Лѣкарство	—	—	—	—	—	—
Считать .	—	—	—	—	—	—
Запирать	—	—	—	—	—	—
Пѣть . .	—	—	—	—	—	муракаъ
Плакать .	плѣксить	плѣксить	—	—	—	варѣать
Смѣяться	лѣхтитца	лѣхтитца	—	—	—	—
Смѣхъ . .	лѣхта	лѣхтъ	—	—	—	—
Писать .	писѣрить	писѣрить	—	—	—	мирѣжить
Письмо .	шѣрка	писъмѣша	—	—	—	—
Читать .	лѣпсарить	—	—	—	—	—
Бумага .	шѣрка	швѣрка	—	махлованѣе	сихалка	—
Книжка .	шѣрка	шатланица	—	—	—	ремѣшка
Молиться	чѣнитца	дѣусатца	—	—	—	—
Молитва .	—	—	—	—	—	—
Просить .	зитать	прахтитъ	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
сѣхтитъ (1 л. сѣхчу), сѣпить	сапѣать	—	сапурѣать	—	сапѣать	—
говрѣдить, лементовѣать, кантовѣать, контувѣать	говрѣдить	—	—	—	гаврѣдѣти	gamrae, zitae
—	гаврѣдка	—	—	—	гаврѣдка, гаврѣдѣй	—
криксать, криксѣмѣть	—	—	—	крѣксаты	крѣксать	—
—	лѣкѣмѣть	—	—	ликѣрыты	—	—
—	лѣкѣбство	—	—	—	—	—
—	—	—	—	лѣтрыты	—	—
—	—	—	—	заканѣоны- ваты	—	—
—	—	—	—	—	—	—
плѣксить	плѣкшѣть	—	—	плѣксѣты	плѣксѣть, плѣксѣти	—
лѣхтитца, лѣхтитца, лабунѣтца	лѣхтѣтца	—	—	лохѣтысь	лѣхтѣтца, плѣхтитца	lachowae
лѣхта, лѣхта	лѣхтанѣе	—	—	—	лѣхта, плѣхта	—
лѣпсарить, лѣпсарнѣть	рѣпсѣть	—	—	—	рѣпсѣти	grupsae
лѣпсарка	рѣпсанка	—	—	—	рѣпсанѣе	grupsanka
лѣпсарить	—	—	—	рѣпсѣты	—	—
лѣпсарка	—	лѣпсурѣка	—	—	мамѣръ	—
лѣпсарка	—	—	—	рѣпсанѣя	лѣпсанка, рѣпсалка	—
учинѣтца	чунѣтца	ахвѣсѣтьсѣ	чунѣтьсѣ	зитѣты шѣ- терѣ	чѣнитца, учинѣвитца, зитѣтца	—
—	шѣцѣра (соб. патѣры)	—	—	—	—	—
зитѣть, зѣ- титъ, зѣ- титъ, зѣ- тѣть	—	—	зѣтѣть	зитѣты	зитѣть	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Забить . .	—	—	—	—	—	—
Брать . .	япѣрить	спѣрѣть	—	япѣрить	—	—
Взять . .	—	—	—	убѣрить (вм. упе- рить)	—	—
Давать . .	угурѣть	угурѣть	—	—	—	нѣрѣть
Дать . .	гурѣть	—	—	отгѣрѣть (отдать)	—	—
Жарить . .	—	—	—	—	—	—
Шить . .	шуварѣть	шварѣть	—	—	—	—
Солить . .	—	—	—	—	—	—
Мыть . .	плѣнить	плѣнить	—	плѣнить	рѣютить	—
Мыться . .	плѣнитца	—	—	—	рѣютиться	—
Купать . .	купѣнить	купѣнить	—	—	—	—
Купаться . .	купѣнитца	купѣнитца	—	—	—	—
Праздно- вать . .	—	—	—	—	—	стодѣльни- чать
Пить . .	чухѣть	тѣхѣть	—	чухѣть	—	босѣть
Водить . .	—	—	—	—	—	—
Кидать . .	кидѣрить	нѣшѣть	—	—	—	—
Бросить . .	—	—	—	—	—	—
Сбросить . .	—	—	—	—	—	—
Чесать . .	часмѣнить	чухрѣть	—	—	—	—
Чесаться . .	часмѣнит- ца	чухрѣтца (о чесоткѣ)	—	—	—	—
Холодѣть . .	сиворѣть	сиворѣть	—	—	—	—
Мерзнуть . .	—	сивѣрить	—	—	—	—
Одѣвать . .	чанѣть	очѣнѣвать	—	—	—	—
Конать . .	—	—	—	—	—	—
Имѣть . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій	Польскій
—	—	—	—	забетлѣты	—	—
япѣрить, зеперѣть	—	япѣрить	—	япѣрыты	япѣрить	—
—	вспѣрить	уяпѣрить	усяпать	зяпѣрыты	—	—
дикать, дѣкшить удякѣть, отгурѣть	—	дѣчить	—	дѣхныты	угурѣти	—
—	угѣрѣть	дѣчить	дѣкѣть	—	варѣть	—
—	сцепѣрѣть	—	—	—	—	—
шивѣрить, бодѣвчить	—	—	—	—	бодѣвити	—
гѣлощѣть	—	—	—	—	—	—
плѣнить	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	плѣнчѣты	плѣнчить, пнѣмчить	—
плѣнитца	—	плѣнчѣться	—	—	плѣнчитца	—
плѣнить	—	—	—	—	—	—
плѣнитца	—	плѣнчѣться	—	—	плѣнчить	—
—	—	—	—	—	плѣнчитца	—
—	—	—	—	—	—	—
копсѣть, кѣловѣть, кѣлѣвать	—	бѣксѣть	—	кѣлѣты, кѣпсѣти	кѣпсѣти	kobzas, kopsac
—	—	—	—	вандѣры- ты	—	—
кидѣшить, кидѣшить, кудѣвить	—	—	—	—	кутѣти	—
—	—	—	—	порѣтыты зрѣтыты	—	—
чѣсмѣрить	—	—	—	—	чухмѣрить	—
чѣсмѣрит- ца	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	сѣверѣти	—
—	—	—	—	сѣвѣрыты	—	—
наѣхчи- вать	—	—	—	—	оѣгмѣри- вать	—
—	—	—	—	махловѣты	—	—
—	ѣнить	—	—	мѣнѣчыты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Правиль .	—	—	—	—	—	—
Искать .	—	—	—	—	—	—
Одѣваться .	чанѣтца	очанѣватца	—	—	—	—
Обувать .	обаколовать	обатловать	—	—	—	—
Обуваться .	обаколоватца	обатловатца	—	—	—	—
Состанъ лабере .	багрѣтца	—	—	—	вахрѣтца	—
Ковать .	жуклѣить	—	—	—	—	—
Ткать .	ткѣшить, тукѣшить	—	—	—	—	—
Ткачь .	—	—	—	—	—	—
Жать, рѣзать, стричь .	басать	басать	—	басать	—	—
Косить .	басать	басать	—	—	—	—
Продавать .	пропулять	протаривать	кухторить	протаривать	—	пропулять
Покупать .	супулять	упулять	—	впулять	—	—
Мѣять .	минѣшить	шетлать	—	—	—	—
Ярмарка .	мѣрмалка	—	—	тѣсто	—	—
Жечь, колить .	—	дѣлать	—	—	—	—
Обманывать .	ошукѣривать	объюрѣшивать	—	—	—	—
Обмануть .	ошукѣрить	объюрѣсить	—	—	—	—

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лабарскій.	Польскій.
—	—	—	—	правѣтцы	—	—
—	—	—	—	нахѣтцы	—	—
нахѣтыватца	—	—	—	—	одягмѣриватца	—
прибатѣровать, подбуклѣть	—	—	—	—	обукѣривать	—
подбуклѣтца	—	—	—	—	обукѣриватца	—
якѣрить, дѣжить, тѣбѣить, хархалѣть	—	якѣрить, дѣжить, тѣбѣить, чѣбѣить	сентѣть	—	тѣбити	charchulić
жуклѣить, плескѣть, робѣсить, можджерить	—	—	—	—	жуклѣить, жуклѣити	—
—	ласкѣтникъ	—	—	—	—	—
рѣпсать	махлавѣть	—	—	махлѣчыты	махловѣти	majchrować
рѣпсать, мохлѣчить	—	—	—	—	махловѣть, мохлѣчить	—
пропулять	пропулять	пропулять	—	пропуляты	пропуляти	pulać przeopulać opalić
спѣливать, упулять	—	пулять, апѣлѣть	—	опуляты	опулять	—
мѣнчить	мѣнчить	—	—	—	минчить	—
—	—	кѣрмашъ (бѣлорусское)	—	ошарныкъ	бшаръ, ошѣръ	—
—	—	—	—	дулѣсыты	дѣлѣити	—
биндюгать	ошукѣривать	—	—	—	объюрѣвать, ошукѣривати	—
ошукѣрить	—	—	—	—	объюрѣить, ошукѣрѣить	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пенза.
Любить .	любжѣть	любжѣть	—	—	—	—
Богатѣть	стодчѣть	стодыриѣть	—	—	—	—
Сердиться	—	—	—	—	—	—
Ругать, бранить .	лайббнѣть	скудѣть	—	—	—	—
Ругаться	лайббнитца	скудѣтца	—	—	кубрѣться	—
Брань, ма- терицина	—	—	—	—	—	—
Отцѣпить	—	—	—	—	—	—
Играть .	—	—	—	—	—	—
Падать .	—	—	—	—	—	—
Божиться	ахвѣситца, клянбшитца	—	—	—	—	—
Глупѣть .	шмурѣть	баглѣть	—	—	—	—
Идти .	хлѣть	хлѣть	—	—	—	—
Отойти .	отхлѣть	отхлѣть	—	—	—	—
Пойти .	похлѣть	похлѣть	—	—	—	—
Находить	нахтѣть	нахтѣть	—	—	—	—
Найти .	—	—	—	—	—	—
Ходить .	хлѣть	хлѣть	—	—	—	—
Уходить .	ухливѣть	ухливѣть	—	—	—	—
Ѣсть .	трбѣть	дубѣть	трайтѣ	матрѣть	трбѣть	—
Пить, по- ить .	кѣритѣ, кирѣть	курѣть	бусѣть	керитѣ	бусѣть	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
скулюбѣть	скульба- нить	—	—	кульбѣты	скульбѣть, скулибати	—
стоднѣть	—	—	—	—	стоднѣть, стоднити	—
—	кувѣрдѣтца	—	—	—	—	—
порѣть	—	—	—	—	лобѣть, порѣтити	—
лабунѣть	—	—	—	—	лобѣтитца, порѣтитца	—
порѣтитца	—	—	—	—	—	—
лабунѣтца	—	—	—	—	—	—
маштѣбѣль	—	—	—	—	порѣта ма- ныци, тѣб- лю твою манѣцу	—
—	—	—	—	одчыбры- ты	—	—
—	—	—	—	кѣргаты (вм. кѣгра- ты)	—	—
—	—	—	—	пандикѣты	—	—
яхвѣситца, хвизѣтца	ахвѣситца	—	ахвѣситься	—	охвѣситца, присягѣб- вати	—
шмурѣть (област.)	—	—	—	шмурѣты (сойти съ ума)	чмѣрнити, чмурѣтити	—
хлѣть, их- лѣть	—	лѣкнѣть, ихнѣть	—	пнѣты	пнѣти	pnac, pnae
—	—	—	—	—	одопнѣти	—
похлѣть	—	—	—	—	попнѣти	—
нахтѣри- вать	знахтѣритѣ	—	—	—	нахтѣтити	—
нахтѣритѣ	—	—	—	нахтѣты	—	—
—	—	—	—	—	ханджувѣ- ты	—
ускитѣть, ускицѣть	—	укутѣть	ухливѣть	скѣтитѣ	ускитѣть, упнѣти	—
трбѣть, тройтѣ	трбѣть	трбѣть	тройтѣ	тройтѣ	трбѣть	troic
кѣритѣ	кѣритѣ	кѣрѣть	бусѣть	—	кѣритѣ	kierzye

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.	Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Течь . .	хлѣть	—	—	—	—	—	ихлѣть	чѣнить теклѣнить	—	—	—	хлѣть	—
Лить . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	чѣныты	—	—
Пахать .	рогѣвить	—	—	—	—	—	стафѣнить варлѣ- жить, цѣру рабѣсить	—	—	—	—	тырѣгу клѣвить, варалѣ- чить	—
Утонуть .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	вдѣльчы- тысь	—	—
Сѣять .	сѣворить	сѣещить	—	—	—	—	сѣворить	чѣнить	—	—	—	сѣнннннн	—
Возить .	вондзѣрить	бычить	—	вандзѣ- рить	—	юхтнть	вондзѣрить	—	—	—	—	виндзѣри- ти, вѣнд- зѣрыть	—
Рвать . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	дермѣны- ты	—	—
Носить .	тагѣнить	тахтнть	—	—	—	—	тагѣнить	тагѣннть	—	—	—	тагѣннть	—
Нести . .	—	тахтнть	—	тахтнть	—	—	тагтн	—	—	—	тагѣныты	тагѣннть	—
Ломать .	—	лѣмсаъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вязать .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вязать .	—	—	—	—	—	—	—	багѣзнтъ	—	—	—	—	—
Красть .	клѣмать	зугурать	—	клѣжнтъ	—	юхтнть	клѣмать	—	—	клѣмать	клѣматы	клѣмати	juchcić, jehcić, juchcian- ka=воров- ство
Воровство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	клѣмѣта	—	—
Чистить .	плѣнннть	—	—	—	—	—	плѣнннть	—	—	—	—	—	—
Пѣть . .	псѣлнтъ	хвѣснтъ	—	—	—	—	псѣлнтъ	псѣлнтъ	псѣлнтъ	псѣлнтъ	псѣлыты	псѣлнтн	—
Пѣсня . .	псѣлка	хвѣска	—	—	—	—	псѣлка	—	—	псѣлка	псѣльня	псѣлка, псѣльня	—
Уменьшать	умѣкрать	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Умень- шаться	мѣкрѣтъ	—	—	—	—	—	мѣкрѣтъ	—	—	—	—	мѣкрнтн	—
Умень- шить .	умѣкрнтъ	умѣкрнтъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	умѣкрнтъ	—
Увеличи- вать . .	ушѣвлн- вать	ушѣвлн- вать	—	—	—	—	—	упѣсывать	—	—	—	угалѣмнтъ	—
Увеличи- ваться .	ушѣвлѣтъ	—	—	—	—	—	голѣмѣтъ	—	—	—	—	галѣмнтца	—
Увеличить	—	ушѣвлнтъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	угалѣмнтъ	—
Увели- читься .	—	ушѣвлнтца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	угалѣмнт- ца	—

Списокъ словъ	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Старѣться	ѣритца	ярѣтца	—	—	—	—
Ждать . .	—	—	—	—	—	—
Постарѣть	—	поярѣть	—	—	—	—
Святить .	—	—	—	—	—	—
Святиться	—	—	—	—	—	—
Прыгать .	—	—	—	—	—	—
Плясать (бѣлор. скакать)	скабѣлить	скабѣщить	—	—	киштѣть	—
Класть .	клябѣжить	клябѣжить	—	—	—	—
Наклады- вать . .	наклябѣжи- вать	наклябѣжи- вать	—	—	—	—
Молотить	молотѣ- рить	пѣгать	—	—	—	—
Молоть .	крутѣвить	скрыбѣ- тить	—	—	—	—
Задавить	—	—	—	—	—	—
Гулять .	бугѣвить	кугѣть	—	—	—	—
Болѣть .	химѣть	химѣть	—	—	—	—
Болѣзнь .	—	химѣта	—	—	—	—
Пасти .	лабѣть- рить	пасѣщать	—	—	—	—
Учить . .	вукѣрить	укѣрить	—	—	—	—
Ученіе .	—	—	—	—	—	—
Благода- рить . .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
ѣритца	—	—	—	—	ѣритца	—
—	—	—	—	стекляты	—	—
—	—	—	—	—	поѣрити	—
—	—	—	—	—	сянѣть, ла- бунѣть	—
—	—	—	—	—	сянѣтца, лабунѣться	—
—	—	—	—	скабѣмыты	—	—
скакурлять	—	—	—	скаканты- ты (у Бар- жик. опеч. сказать)	скакѣрити	—
клябѣжить	—	—	—	клябѣжиты	клябѣжить	—
наклябѣжи- вать	—	—	—	—	наклябѣжи- вать	—
кѣловать, кѣпейтъ	лопѣтитъ	—	—	лопѣтиты	лопѣтитъ	—
дергулять, дергутѣть	—	—	—	—	крутѣвить, дергулять	—
—	—	—	—	утохмѣры- ты	—	—
гальбусѣть, гулѣмить, скугѣбли- вать	склавѣть	—	—	—	проханжо- вати (соб. прохажива- ться, со- вершать прогулку)	—
тронѣть	трунѣть	—	—	трунѣты	трунѣть	—
троня, тру- ня	—	—	—	—	труня	—
лабѣть- рить	—	—	—	пасѣбиты	лопѣть- рить, лаб- ѣтьрить	—
вукѣрить	укѣрить	—	—	наукѣры- тысь (на- учиться)	укѣрити	—
—	укѣра	—	—	—	—	—
—	шаковать (бѣлор. дя- ковать)	—	—	—	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбскъ.	Жиздра.	Пенза.
Горѣть .	дѣлитца	дѣлитца	—	—	—	—
Кормить .	кормусать	кормощить	—	—	—	—
Гнать . .	курбонить	кугбонить	—	—	—	—
Солить .	галастить	—	—	—	—	—
Жить . .	—	—	—	—	—	—
Умирать .	халить	—	—	—	—	—
Умереть .	схалить	схимать	—	—	ухапиться (вм. уха- литься)	—
Похороны	халица	—	—	—	—	—
Звонить .	—	—	—	—	—	—
Прятать, хоронить	хитрять	хитрять	—	—	—	—
Родить .	радбонить	родѣщать	—	—	—	—
Родиться	радбонитца	радѣщитца	—	—	—	—
Минуть	—	—	—	—	—	—
Принять .	—	—	—	—	—	—
Служить .	—	—	—	—	—	—
Служба .	—	—	—	—	—	—
Родины .	—	—	—	—	—	—
Крестить	хрястбонить	шетлать	—	—	—	—
Крестить- ся . . .	хрястбонит- ца	шетлатца	—	—	—	—
Крестины	хрястбони- ны	шетланье	—	ставрбхы	—	—
Куриль .	курдбонить	куравить	—	—	—	—
Кусать .	кусмбонить	кусмбонить	—	—	—	—
Быть . .	корнуть (корну, корнемъ)	мйать	—	—	—	—
Есть . .	скенъ	скенъ	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
—	дѣлитца	—	—	—	дѣлитца	—
кормасать	кормасать	—	—	—	кормусать, натрбонить	—
курбонить	—	—	—	курбонить	курбонить	—
голбонить	—	—	—	—	галастить, галустить	—
—	—	—	—	зитбонить	—	—
холбъ	химбъ	—	—	халыты	халити, хал- ить	—
ухалбъ	—	—	—	—	ухалити, схалить	—
ухалица	похатраніе	—	—	—	халѣ, хал- лица	—
—	—	—	—	курбонить	—	—
хитрять	похатрять	—	—	катраты	хатрять, схавтрять	—
курдбонить	—	—	—	—	курдбони- тъ	—
курдбони- ца	—	—	—	—	курдбони- ца	—
—	—	—	—	поминчаты	—	—
—	—	—	—	прибхны- ты	—	—
—	—	—	—	слугбонить	—	—
—	—	—	—	слугбонка	—	—
курдбони- ны	—	—	—	—	курдбонны, стыголуби- ны	—
христб- онить	—	—	—	—	ставрбонити	—
христбони- ца	—	—	—	—	ставрбонит- ца	—
христбони- ны	—	—	—	—	ставрбони- ны	—
бонить, бон- ить	—	бонить, бонить	—	бонить	бонити, бон- ити	—
кусмбонить	кусмбонить	—	—	кусмбонить	кусмбонити	—
мйать (мй- авъ--быль, мйавъ--буду)	бѣтлать	—	—	бѣтлать	бѣтлать, бѣтити	—
бѣтити	—	—	бѣтити	бѣтити	бѣтити, бѣтити	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Нѣтъ . .	нескѣнь	нескѣнь	—	ненашкрѣ- бень	нѣскетъ	—
Жить . .	ругувать	ругувать	—	—	—	—
Житье . .	ругуванье	ругуванье	—	—	—	—
Танцевать	—	—	—	—	—	—
Вѣдать . .	сѣвритъ	кумѣнить	—	—	—	—
Знать, по- нимать, умѣть . .	скупать	кумѣнить	—	скупать	—	—
Лгать . .	юрить	юрасить	—	—	—	—
Сѣчь, ру- бить . .	басать	чукать	—	—	—	—
Сѣчь роз- гами . .	—	чукать	—	—	—	—
Вѣнчать . .	яничить	—	—	—	—	—
Вѣнчаться	яничитца	—	—	—	—	—
Вѣнецъ, женильба, свадьба (бѣлор. веселье)	янильба кувеселье	куртавле- нье	—	—	—	—
Цѣловать	цукровать	басловать	—	—	—	чаканить
Цѣловать- ся . . .	цукроват- ца	басловатца	—	—	—	—
Поцѣлуй . .	поцукруй	баслуй (по- вел. накл.)	—	—	—	—
Жениться	—	ныхтитца	—	—	—	—
Мочить . .	кучерать	мокорить	—	—	—	—
Мочиться	кучератца	кучуратца	—	—	—	—
Испраж- няться . .	фурсатца	хѣзить	—	—	варзатъ	—
Запрягать	заключать	замашеро-	—	—	—	напачи-

Могилевская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
—	—	—	нѣститъ	—	нѣмить, нѣмѣть	—
ругувать	рыговать	—	—	—	рыгувати, рыговать	—
ругуванъ- ня	—	—	—	—	рыгуванне, рыгованне	—
—	—	—	—	—	танцѣрити	—
сѣвритъ, севрейтъ	сѣвратъ	—	—	—	сиврати, сѣврати	—
—	—	—	—	скупиты	сиврати, сѣврати	кушаѣ
кутѣтитъ	юрить	—	—	аврыдыты	юрить	—
чукѣнить	—	—	—	—	махловать	—
—	—	—	—	—	—	—
вяничить	—	яничить, батѣжить	—	яничытысь (свататься)	онѣчити	—
вяничитца	—	яничиться, батѣжить- ся, вянѣ- читься	—	—	онѣчитца	—
вяничень- ня, кѣве- селье, янильба	вѣнѣйко	—	—	штавѣра	онѣка, онѣ- ка	—
пахвилять	—	—	—	халюстѣ- ты	хвиляти, хвалять	—
пахвилят- ца	—	—	—	—	хвилятца	—
—	—	—	—	—	похвиляй	—
—	—	—	—	—	—	—
кусюратца	—	—	—	—	кусюрати кусюратца	—
—	—	хизать	хѣзить	хѣзыты	хѣзити	—
—	—	—	—	—	заклюжи-	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Затворятъ	закуплани- вать	закуплани- вать	—	закаплуни- вать	—	напачи- вать
Нюхать .	—	—	—	—	—	—
Случать .	—	—	—	—	—	—
Сушить .	—	—	—	—	—	—
Затворить	закупла- нить	закупла- нить	—	—	—	—
Запереть	—	—	—	—	—	—
Мириться	мирошница	мирошниц- ца	—	—	фиресить- ся	—
Бояться .	скайтца	скайтца	—	—	—	пилянъ (?)
Шалить, баловаться	бусаць	—	—	—	—	муракаць, кировать
Драка . .	—	—	—	—	—	—
Драгься .	чукатца, дербужит- ца	чукатца	—	—	кохлырять- ся	босагься
Убивать .	учуковать	утоховать	—	—	—	—
Убить . .	учукать	утохать	—	—	—	убосаць босагься
Воевать .	чукать	—	—	—	—	—
Война . .	—	—	—	—	—	—
Схватить	схапшить	схапмо- рить	—	—	серипаць	—
Хватать .	хапшить	хапморить	—	—	—	—
Опроки- нуть . .	перекидо- рить	перекуво- ротить	—	—	—	—
Остере- гаться	стерегмо- нитца	—	—	—	—	—
Дѣлать .	—	—	—	—	—	мастакаць мастакаць
Помогать	помощить	посубб- рить	—	—	—	—
Печь, жа- рить . .	—	—	—	—	—	—
Варить .	курлять	кухтитъ	—	—	—	спидить
Трясти .	—	—	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
—	—	—	—	—	закапчива- ти	—
—	—	—	—	пыхтыты	—	—
—	—	—	—	шлягаты	—	—
—	—	—	—	сухморяты	—	—
—	—	—	—	—	закапчить	—
—	—	—	забѣллить	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
—	шкудратца	скудатца	—	шкутьтысь	шкудйтца, шкутьти	gudrać się
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	копсая	—	—
—	—	—	—	—	копсатся	—
—	—	—	—	—	укопсовати	kobzać, kópsac
—	—	—	—	—	укопсать	zakopsać
—	кулатца	—	—	—	кунатся	—
—	кулапка	—	—	—	—	—
—	—	—	скубнѣть	—	уяперить, схоборити	—
—	—	—	—	—	яперить, хоборити	—
—	—	—	вертѣть	—	перерѣти- ти	—
—	—	—	—	—	шкѣдити, страхмо- ритися	—
—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—
степурѣть	—	—	—	—	—	—
—	курлять	—	—	курляты	курлять, куротить	—
—	—	—	—	трясбыты	—	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Веселиться	—	—	—	—	—	грѣхаться
Х. Свойства и качества.						
Малый	мѣкрый	мѣкрый	—	—	—	—
Маленькій	—	—	—	—	—	—
Большой	шавлый	шавлый	—	—	—	вѣчій
Большій	шавлющій шавлый	шавлѣйшій	—	—	—	—
Средній	кѣсредній кѣхередній	кѣсредній	—	—	—	—
Молодой	драпѣлый	драпѣлый	—	ламѣный	—	юмоватый
Старый	ѣрый	ѣрый	—	ѣрый	—	—
Безсмерт- ный	—	—	—	—	—	—
Святой	—	—	—	—	—	—
Высокій	кѣвысокій, шавлый	высоком- ный	—	—	—	—
Низкій	кѣнизкій, мѣкрый	низкомный	—	—	—	—
Глубокій	кѣглубокій	глубоком- ный	—	—	—	—
Мелкій	кѣдробный	—	—	—	—	—
Тяжелый, тяжкій	кѣтяжкій	курѣзный (собств. желѣзный)	—	—	—	—
Легкій	кѣлегкій	легкомный	—	—	—	—
Толстый	шатѣрный	шатѣрный	—	—	—	—

Могилевъ.	Слуцъ.	Черниговъ.	Брянскъ	Подолье.	Лабарскій	Польскій
—	—	—	—	—	—	—
мѣкрый	мѣкрый	—	мѣкрый	мѣкрій	мѣкрый, мѣкрій	mikry
—	—	—	—	мекрѣнькій	—	—
галѣмый, голютный	голѣмый	галютый	галютый	гальбый	галѣмый, галѣмій	—
големѣй- шій, голют- нѣйшій	—	—	—	—	галѣмшій, галѣмійшій	—
кѣсредній	—	—	—	—	лоптовѣна, ны галѣ- мый, ны мѣкрый (буквально: на полови- ну: ни большой, ни малый)	—
тряпѣлый	трапѣлый	—	трепѣлый	—	трапѣлый, трипѣлый	—
ѣрый	ѣрый	—	ерѣй	ѣрый	ѣрый	jaru
—	безхалем- ный	—	—	—	—	—
—	сѣнный	—	—	—	—	—
кѣвысокій, високім- ный	—	—	—	—	кѣвысокій галѣтый	—
низком- ный	—	—	—	—	кѣнизкій, мѣкрый	—
кѣглубокій	—	—	—	—	—	—
кѣмелкій	—	—	—	—	—	—
кѣтяжкій, тижалѣм- ный	—	—	—	—	кувѣзный	—
легкимный	—	—	—	—	—	—
тлѣмедзѣ- устый, тлѣ- медзѣустый	—	—	—	—	некувѣз- ный товѣтимый, товѣтим- ный	—

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пенза.
Тонкій .	та́вый	ла́сый	—	—	—	—
Жидкій .	ку́жидкій	жидко́м- ный	—	—	—	—
Густой .	ку́густый	густи́мный	—	—	—	—
Прѣсный .	ку́прѣсный	—	—	—	—	—
Сладкій .	солоди́м- ный	—	—	—	—	—
Медовый .	—	—	—	—	—	—
Горькій .	горки́м- ный	горко́мный	—	—	—	—
Кислый .	кисли́мный	букя́сный	—	—	—	—
Соленый .	гала́стный	гало́сный	—	—	—	—
Громкій .	ку́громкій	—	—	—	—	—
Тихій . .	тихмо́рный	—	—	—	—	—
Хорошій .	шиме́скій	шбве́скій	—	шпини́скій	—	—
Худой . .	худі́мный	худі́мный	—	—	—	—
Плохой .	ху́сый	ху́сый	—	ху́сый	—	—
Дрянной, нехорошій	ю́рый, не- шиме́скій	ху́сый	—	—	—	—
Злой, сер- дитый .	ку́серди- тый, ку́хер- дитый	ге́рдый	—	—	—	—
Добрый .	сне́брый, шиме́скій	кле́вый	—	—	чббосъ	—
Скупой .	скупі́мный	—	—	—	—	—
Богатый .	сто́дный, сто́дь	сто́дырный	—	сто́дный	—	субай
Набожный	—	—	—	—	—	—
Грѣшный	—	—	—	—	—	—
Босой . .	—	—	—	—	—	—
Бѣдный .	кухто́мный	кухарѣя (собств. бѣднякъ)	—	кухте́ча	—	—

Могилевъ	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
ку́жидкій	тонки́мный	—	—	—	тонки́мный	—
ку́жидкій	—	—	—	—	негусти́м- ный	—
густи́мный	—	—	—	—	густи́мный	—
прѣси́мный	—	—	—	—	—	—
солоди́м- ный	сладки́м- ный	—	—	—	омеля́сный	—
—	—	мерля́сный	—	—	—	—
горко́мный	—	—	—	—	горки́мный	—
кисло́мный	—	—	—	—	бу́касный, кисли́мный	—
гало́щенный	—	—	—	—	—	—
гроймы- де́мкій	—	—	—	—	крыкса́тый	—
ти́муді́хій	тихмо́рный	—	—	—	тихи́мный	—
ти́муди- хенькі́й	—	—	—	—	—	—
кле́вый, кле́вый кле́вый	кле́вый	—	кле́вый	кле́вый	кле́вый, су- ра́зный	—
—	—	—	—	—	худі́мный	—
—	—	—	—	—	неху́хій	—
ку́дренный, некле́вый	некле́вый	неклепа́н- ный	—	—	неху́хій	—
ку́серди- тый	ку́верди- тый	—	—	некле́вый	порудля́- вый, неху́- хій	niklawy
шббрый, кле́вый	—	—	—	кле́вый, трепе́лый	кле́вый	klawy
скупі́мный	—	—	—	—	скупі́мный	—
скупо́рный	—	—	—	—	—	—
сто́дь, сто́- дый	сто́дырный	сто́дый	—	—	сто́дый, сто́дный	—
—	—	—	ахвѣ́сный	—	—	—
—	—	—	—	крими́ш- ный	—	—
—	—	—	—	босі́вный	—	—
кухте́ль- ный, хиль- пу́жный, шкуть	—	кухтя́къ	—	кухті́й	шунде́ль, шунде́ръ	—

	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шлювъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пелюсская губернія.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Т.	Хитрый .	хитробный	хитрым- ный	—	—	—	бм-	—	—	—	—	хитрым- ный	—
Ж.	Глупый (бѣлор. дурный) .	шмурный	багблъ	—	шмурный	—	рнэй, рнѣй	шмѹрный	—	—	шмурный	шмѹрный чмѹрный	—
Гу.	Разумный	кѹразум- ный	кѹразум- ный	—	—	—	зум- ма- ный	—	—	—	—	кѹразум- ный, кѹра- зумный	—
Сл.	Теплый .	снопный	снопный	—	—	—	ный	снопный	сноплый	—	дулясный	снопный	—
Ме.	Горячій .	дулясный, дулясный	дулясный дулясный	—	—	—	рачій, шпій	духмбр- ный	—	—	—	дулясный	—
Го.	Холодный	сивбрный	сивбрный	—	—	—	рный	сивбрный	сивбрный	сивбрный	сйводный (вм. сивор- ный)	сиворный, сйварный	—
Ки.	Мягкій .	кѹмягкій	мяктбрный	—	—	—	йм-	мягкѣм- ный	—	—	—	мягкѣм- ный, мяг- чѣмный	—
Сол.	Твердый .	кѹтвердый	твердѣм- ный	—	—	—	дѣм-	—	—	—	—	твердѣмнѣй	—
Грс.	Черствый	кѹчерст- вый	твердѣм- ный	—	—	—	твѣм-	—	—	—	—	черствѣм- ный	—
Тих.	Сухой .	сухмбрный	сухтбрный	—	—	—	кбсьм	—	—	—	—	сухѣмный	—
Хор.	Мокрый	сувѣный	мокрѣм- ный	—	—	—	—	—	—	—	—	мокрѣм- ный	—
Худ.	Острый .	кѹвострый	острѣмный	—	—	—	острый	—	—	—	—	острѣмный	—
Плод.	Тупой .	тупѣмный	—	—	—	—	вост-	—	—	—	—	тупѣмный	—
Дри.	Бѣлый .	плѣнный	плѣнный	—	плѣный	—	ашка	—	бѣлѣмный	—	плѣный	плѣнный, плѣмный	—
нех.	Чистый .	плѣнный	чистѣмный	—	—	—	ный	—	—	—	—	чистѣмный	—
Злой,	Черный .	калѹрный	калѹвер- ный	—	калѹвер- ный	—	ражнѣм-	чарнѣмный	—	—	—	—	—
дети	Синій .	синѣмный	—	—	—	—	мный	—	—	—	—	—	—
Добры	Зеленый .	кѹзеленый	—	—	—	—	плѣный	—	—	—	—	—	—
Скупс	Желтый .	кѹжовтый	жовтѣм- ный	—	—	—	пѣже тѹжѣ	жовтый	желтѣмный	—	—	—	—
Богат	Красный .	красѣмный	багровый	—	—	—	удѣс-	—	краснѣмный	—	—	красѣмный	—
Набож	Сѣрый .	сярѣмный	сивѣмный	—	—	—	удѣ-	—	—	—	—	—	—
Грѣшн	Бурый .	кѹбурый	—	—	—	—	удѣ-	—	—	—	—	—	—

С	С	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пегелевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборекий	Польскій
Тон	Жи	Пушной (хлѣбъ)	шархут-ный	шѣреха	—	—	—	хут-	—	—	—	—	—	—
Гус	Прѣ	Мохнатый	чумастый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сла	Сла	Соломен-ный	ласомен-ный	баслѣтный	—	—	—	ыж-ма-канный	—	—	—	—	мысляж-ный, мѣ-слажный	—
Мед	Гор	Деревян-ный	кудревян-ный, кудревянный	—	—	—	—	йм-куде-нный	кудревян-ный	—	—	—	вокейм-ный, бруд-чанный	—
Кисл														
Соле	Гром	Каменный	пѣтрусный	—	—	—	—	усо-шѣ-ый	—	—	—	—	пѣтрусный	—
Тихи		Мѣдный	шѣдный	—	—	—	—	вен-	—	—	—	—	кувѣзный	—
Хоро		Серебря-ный	кусереб-рянный, плѣнный	кусереб-ряный	—	—	—	бры-плѣн-	—	плѣнный	—	—	курибры-ный, кур-рыбный	—
Худо	Плох	Холщевый	лоскатыр-ный	лоскатыр-ный	—	—	—	тыр-	—	—	—	—	лоскутный, лоскутив-ный	—
Дрян	нехо	Глиняный	пѣтрусный	—	—	—	—	автѣм-цѣри-ив-	—	—	—	—	тырыжный	—
Злой,	диты	Голодный	нѣтрѣив-шій (соб. не ѣвшій)	—	—	—	—	ив-	—	—	—	—	нѣтрѣив-шій	—
Добры		Жирный	кужирный	—	—	—	—	йм-	—	—	—	—	тлустѣм-ный, гла-дѣмный	—
Скупо		Полный	—	—	—	—	—	й	—	—	—	—	—	—
Богаты		Скорый	мугрый	моргом-ный	—	—	—	ш-	—	—	—	—	моргом-ный	—
Набож		Хромой, безногий	безходур-ный	безходный	—	—	—	безш-ыр-ный	—	—	—	—	безходный	—
Грѣши		Слѣпой	нѣуслѣпый	слѣпѣм-ный, нѣ-пущій, нѣ-зѣпающій	—	—	—	безуслѣп-ный нѣу-	калѣпный	—	безуслѣпый	калѣпный	калѣпновѣ-тый	—
Босо	Бѣдны													
		Зрячій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	влинѣнный	—	—

С	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Песчаная рига.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Тон	Нѣмой .	безлѣмез- ный	безлѣмиз- ный, нѣ- мимный	—	—	—	мент-	нѣманескій	—	—	—	—	—
Жи	Одногла- зый . .	ѣназѣпкій	ѣннозѣпу- щій	—	—	—	ое	—	—	—	—	калиповъ- тый	—
Гус	Безрогий .	—	—	—	—	—	еть	—	—	—	—	—	—
Прі	Цѣлый .	цалѣивный	цалѣимный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сла	Пьяный .	—	—	—	—	—	—	—	кѣрный	—	—	—	—
Мед	Веселый .	кѣвеселый	—	—	—	—	елый	—	—	—	—	кѣвеселый	—
Гор	Серьезный, строгий .	—	—	—	—	—	дѣз-	—	—	—	—	строгий- ный	—
Кис.	Больной, слабый .	химѣущій	химѣотный	—	—	—	щій	трупѣщій (?)	—	—	—	трупѣщій	—
Соле	Здоровый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гром	Голый . .	голімный	голімный	—	—	—	—	—	—	—	—	голімный, также безъ манѣтки (безъ ру- башки)	—
Тихі	Виноватый	—	—	—	—	—	—	склѣвный	—	—	—	—	—
Хоро	Связанный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	забѣгузѣ- ный	—	—
Худо	Мертвый .	—	схѣмитый	—	—	—	щій	халѣущій	—	—	—	ухѣлив- ный, хѣ- лѣущій	—
Плох	Набожный	ахвѣсный	дѣусный	—	—	—	—	—	—	ахвѣсный	—	охвѣсный, ахвѣсный	—
Дрян	Сильный, крѣпкій	кѣвткій	кѣздоро- вый	—	—	—	рѣвый	—	—	—	—	здоровнѣм- ный	—
нехо	Красивый	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сурѣсьскый	сурѣзный	—
Злой,	Стоящій .	застаклѣ- ный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
диты	Чужой . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	чужѣивный	—	—

Списокъ словъ	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Песчаная ручья.	Слуцкъ.	Черниговская губернія.	Брянскъ.	Подольская губернія.	Лаборскій.	Польскій.
Ласковый	куласко- вый	клёвый	—	—	—	дй- й	—	—	—	—	клёвый, клэвый	—
ХІ. Числа и мѣры.												
Разъ . .	связъ	—	—	—	—	ёд-	ёдзинъ	ёный	ёный	ёнъ	ёнъ, ёный	—
Одинъ . .	ёный	ённый	—	сковдйнъ	—	ёный	—	—	—	—	ёнъ, ёный	—
Два . . .	бáкрыхъ	бáкрыхъ	—	бáкрыхъ	дючённихъ	жула	двиня	двиня, двеня	здю	двеня	двиня	—
Три . .	стромакъ	стромáкъ	—	стро́мухъ	—	страй	скирья	керья, кирья, скерья	керья	скера	скирья, скиря	—
Четыре .	буты́ра	кятúрэхъ	—	буты́рихъ	четимёр- нихъ	бúты	сэсаръ	тэсаръ, тјэсаръ, тэсуръ	цýцеръ	сýсара	цýсаръ, цэсара	—
Пять . .	повдékана	повдэ	—	повдékана	—	уфя	пýнджа	пýнджъ, а	пéньжа	пéнтза	пýнджъ, пýнджа	—
Шесть . .	бушёнъ	шендра	—	букшёнъ	шенду	бúлжа	шáндра	шáндра	шóхманъ	шáндра	шáндра	—
Семь . .	семжа, сэ́нжа	семжа	—	семжа	сéндедь	сйсе	семты́нъ	сýнжа, сéн- тирь, сен- ты́рь	сентимиръ	т́мара	сентиня, сэмты́ня	—
Восемь .	восемжа, вóсемжа	восемжа	восемжа	восемжа	всéндедь	осв	ахты́неръ	вóхымеръ, лахты́- миръ, вóх- теремъ	вóмеръ	вити́мара, висимты́ня	окты́мра, охты́мэра	—
Девять .	девенжа, дэвенжа	девенжа	—	девянжа	дэвень	дэжа	девенджа	дэвентъ, дэваръ	девянт́- миръ	д́вора	дивэра, д́- веръ	—
Десять .	дэканъ	дэканъ	—	дэканъ	дэкунь, дэконъ	кё	дэканъ	дэканъ, дэ- конъ, дэ- кунъ	дэкунь	д́кона	д́кона, д́- конъ	—
Одиннад- цать . .	кúдинад- цать, ёный зъ дэка- номъ	—	—	—	—	—	—	дэканъ и ёный	ёный на дэкунь	д́кона и ёнъ	од́на ди- кóнта, оди- кóннáнцать	—
Двѣнадц- ать .	кúдвинад- цать бáкрыхъ зъ дэка- номъ	дэканъ бáкрыхъ и т. д. дэ- канъ стро- мáкъ, дэ- канъ пятý- рехъ, дэ- канъ пов- дэ: 13, 14, 15. до два-	—	—	—	—	—	дэканъ и двэня и т. д.	здю на дэ- кунъ и т. д.	д́кона и двеня и т. д.	двaнaнáс- ти, двѣна- насте	—

Гу.
Пр.
Сл.Мед.
Гор.

Кис.

Сол.
Гро.

Тих.

Хор.

Худ.
Плох.
Дрян.
нехоЗлой,
диты

Добры

Скупой

Богат

Набож.
ГрѣшиБосой
Бѣдны

С с	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилъвъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарекій.	Польскій.
Тон	Двадцать	бáкрыхъ дéкановъ	бáкрыхъ дéкановъ	—	бáкрыхъ дéкановъ	—	й дé- канъ	двинй дé- канъ	двинй дé- канъ	здю дéкунъ	двенй дй- канъ	два дйкона	—
Жи.	Тридцать	стрóмахъ дéкановъ	стрóмакъ дéкановъ	—	—	—	й дé-	—	кирьй дé- канъ	—	скерá дй- канъ	скйра дй- кона	—
Гус	Сорокъ	буты́ра дéкановъ	стрóмакъ дéкановъ	—	—	—	рь дé- въ	—	—	—	сйсара дй- канъ	цйцаръ дйкона, цéсаръ дй- кона	—
Прѣ Сла,													
Мед	Сто . . .	кúсотня	кúсотня	—	—	—	нъ дé- въ, са- ка	дéканъ ку- разбъ по дéканъ	савбснй	савбсто	—	оксйвосъ, оксйвусъ	—
Горѣ													
Кисл	Двѣсти	бáкрыхъ кúсотъ	бáкрыхъ кúсотней и т. д.	—	—	—	й са- ки	—	—	—	—	двинй ок- сйвосовъ	—
Соле													
Гром	Тысяча	кúтысяча	кúтысяча	—	—	—	вйчъ кастокъ	—	—	—	—	тысь- мóнцъ, тысьмóны- ца	—
Тихи													
Хоро	Первый	ёный	—	—	—	—	—	—	—	—	ёный, ют- ный	—	—
	Второй	бáкрышнйй, бáкрышнйй	бáкрйшнйй	—	—	—	бмный	—	—	—	двенёшнйй	ю́тнйй	—
Худоі													
Плохо	Третій . .	стрóмаш- нйй	стрóмшйй	—	—	—	ьюш-	—	—	—	скерётнйй	скирúтнйй	—
Дрянн	Четвертый	буты́рный, буты́ршйй	кляту́ршйй	—	—	—	онйй	—	—	—	цйцернйй	цэсарúт- нйй	—
нехоѣ													
Злой, диты	Пятый . .	повдéкан- шйй	повдйшйй	—	—	—	джа-	—	—	—	—	пянджút- нйй	—
	Шестой	бушёнъшйй бушёнъскйй	шендрйй- шйй	—	—	—	ранйй	—	—	—	—	шандрúт- нйй	—
Добры	Седьмой	сеижа́тнйй	семжйшйй	—	—	—	капйй	—	—	—	—	семтйннйй самтйннйй	—
Скупой	Восьмой	восемжа́ш- нйй, восем- жа́шнйй	восемжйй- шйй	—	—	—	ымпр-	—	—	—	—	охтймер- нйй	—
Богаты	Девятый	девенжа́ш- нйй, девен- жйшйй	девенжйй- шйй	—	—	—	онйй	—	—	—	—	дйвэрнйй	—
Набожн													
Грѣшнѣ	Десятый	дéканшйй	дéканшйй	—	—	—	инйй	—	—	—	—	дйконнйй	—
	Половина	духтовйна	лахтовйна	—	—	—	вйна, овйна	—	—	—	шоловйна	лоптовйна	—
Босой													
Бѣдный	Деньги	хавбй	хавбй	кривцй	ховбй	дюкаты	юсь юкаты	хавнй	хабурй (областное- взятки)	—	хобнй	хобнй	шоркй, хору

С	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пензевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Тотъ	Деньги зо-	хавбы клѣ-	хавбы кѹ-	—	—	—	клѣ-	—	—	—	—	хобнй	—
Жи	лотыя .	вья	золотныя	—	—	—	—	—	—	—	—	хобнй—кѹ-	—
Гус	Деньги се-	хавбы	хавбы кѹ-	—	—	—	—	—	—	—	—	ребро, хоб-	—
Прі	ребрянныя	плѣнныя	серебря-	—	—	—	—	—	—	—	—	нй курѣб-	—
Сла			ныя									ныя	
Мед	Деньги	хавбы шед-	хавбы	—	—	—	раужна	—	—	—	—	кувизнякѹ,	—
Гор.	мѣдныя .	ныя	шѣдныя	—	—	—	юсы	—	—	—	—	кувѣзны	—
Кис.												хобнй	
Соле	Деньги бу-	шѣрки	хавбы	—	—	—	вѣтры	—	—	—	—	хобнй, бѣ-	—
Гром	мажныя,		швырѣш-	—	—	—	—	—	—	—	—	сы	—
	кредитки		ныя										
Тихі	Копейка .	ламѣха	ламѣха	—	—	дѹкѣтка	—	—	бѣтѹга, бѣ-	трохвѣлка	двѣнѣ хоб-	ламѣха,	—
Хоро									тѣга, тро-		нй	два хобнй	—
									хѣлка			(два гроша)	
Худо.	Грошъ,												
Плох	полкопей-	бѣкрѣш-	шагѣнѣ	—	—	—	—	—	шѣвень	—	хобѣнѣ	хобѣнѣ	—
Дрян	ки (бѣлор.	ниѣ		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
нехо	шагъ) .												
Злой,	Пятакъ,	шапѣрѣ	шапѣрѣбѣ	—	—	дѣляжѣбѣ	—	—	спинаѣкѣ,	лохмѣнѣ	—	дѣконка	szafir==
дитѣ	пяточекѣ			—	—	—	бѣкѣ	—	спинаѣбѣ	—	—	—	рубль
	Гривен-	русѣвниѣкѣ	русѣвниѣкѣ	—	—	дѣкунниѣкѣ	—	—	—	марѹшниѣкѣ	—	два дѣкона	rusony==
	ниѣкѣ . .			—	—	—	—	—	—	—	—	—	серебро
Добры													
Скупѣ	Пятиал-	тулѣина	кутухѣвѣзѣ	—	—	шѣтелѣтѣн-	—	кѣ русѣанѣвка	—	—	русѣнѣ	два дѣкон-	гѹз
	тыпнѣнѣнѣ,			—	—	нѣнѣ	—	—	—	—	плѣнѣнѣнѣ	ка	—
	15 коп. .												
Богатѣ	Двугри-	семжѣаш-	бѣкрѣхѣ	—	—	дѣдѣкон-	—	рѣ	лахѣтѣмер-	здѹмарѹш-	сѣсарка,	цѣсарѣ дѣ-	—
Набожн	веннѣнѣнѣ	нѣнѣ	русѣвниѣ-	—	—	нѣнѣ	—	рѣ	нѣнѣ	нѣнѣ	сѣсара дѣ-	конка	—
Грѣшн			ковѣ								конѣ хѣб-	—	
											нѣнѣ		
Босой	Четвер-	марѹш-	марѹш-	—	—	сапѹнниѣкѣ	—	кѣ,	—	—	—	цѣнджа дѣ-	—
Бѣднѣнѣ	такѣ . .	ниѣкѣ	ниѣкѣ	—	—	—	—	кѣ	—	—	—	конка	—

Сл	С	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шяловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	П	левъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Тон	Жи	Полтин- никъ . .	шултин- никъ, пов- пленный	повплен- ный	—	—	лампыкъ	ин- , лап- икъ	—	—	—	—	—	повхруща	—
Гус	Прѣ	Троякъ, 75 коп. .	стромаш- никъ	трисапун- никъ	—	—	трисапун- никъ	якъ, ин-	—	—	—	—	—	пѣнджа русювъ (5 зло- тыхъ)	—
Мед	Гори	Рубль . .	плѣнный	плѣнныйкъ, плѣнный	круглякъ	плѣнный	косуль	ый, ь, ца- икъ	хрущъ	—	—	цѣлимый (цалимый)	скитѣль- ныкъ	хрущъ	chlust, chrust
Кисл		Два рубля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	двеня ски- телѣвъ	—	—
Соле	Гром	Десятка, 10 рублей	дѣканка	дѣканъ плѣнныхъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	дѣкона хрущѣвъ	—
Тихи		Четверт- ная, 25 р.	марѹха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	два дѣко- на, пѣнджа хрущѣвъ	marchiew ka=золо
Хоро		Пудъ . .	шѹпудъ	чудъ	—	—	—	ь, й	—	—	—	—	—	кувезъ, пу- дѣшникъ	—
Худой	Плох	Полпуда .	—	повчѹда	—	—	—	вѣза	—	—	—	—	—	повпудѣш- никъ	—
Дрян	нехо	Фунтъ . .	вихтъ	вихтъ	—	—	—	никъ, ръ, р-	—	—	—	—	—	кувѣзникъ	—
Злой, диты		Полфунта	поввѣхта	поввѣхта	—	—	—	хтѣ-	—	—	—	—	—	повкувѣз- ника	—
Добры		Верста .	кѹверста	кѹверста	—	—	—	ста, ница	—	—	—	—	—	—	—
Скупой		Сажень .	кѹсажень	—	—	—	—	ень	—	—	—	—	—	—	—
Богатъ		Аршинъ .	кѹршинъ	помѣрусь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кумѣрникъ	—
Набож	Грѣшн	Четверть	кѹчетверть	—	—	—	—	ка	—	—	—	—	—	—	—
Босой	Бѣдны	Четверикъ	кѹчете- рикъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Гарнецъ .	ставракъ	стѣврыкъ	—	—	—	ь, къ	кѣвтуръ	—	—	—	—	кѣвтуръ	—
		Полгарнца	поветавра- ка	повстѣвры- ка	—	—	—	вра	—	—	—	—	—	повкѣвту- ра	—

С	С	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбновъ.	Жиздра.	Пелюлевъ.	Случивъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Тон	Жи	Кварта . .	—	цехавѣя	—	—	—	ока	—	—	—	—	ставра	—
		Ведро . .	кудро	куведро	—	—	—	о, кѹ-	—	—	—	—	кудро	—
Гус	Прѣ	Сотка . .	кѹсотка, кучеравка	сотконтя	—	—	—	тка, етка	—	—	—	—	ставѣрка	—
Слад		ХП. Мѣстоимѣ- нiя.												
Медс	Горь	Я	мань	чужь	—	—	масъ	и, масъ, манько	мань, ма- нѣкъ	—	—	манько	манько	—
Кисл		Ты . . .	бальва	табусъ	—	—	—	къ, скій	—	—	—	—	—	—
Солен	Гром	Онъ, она, оно . .	снѣнъ, снѣ- на, снѣно	снѣнъ, снѣ- на, снѣно	—	—	—	и, то-табко	—	—	—	бѣты	табанъ, табко, дап- ко	—
Тихи		Они, онѣ	снянѣ	снянѣ	—	—	—	и, бѣп-бѣнъ	—	—	—	бѣвинъ	биѣнъ, бѣ- ѣна, бѣно	—
Хоро		Мы . . .	маньки	чужь	—	—	—	и, бѣно	—	—	—	бѣвонѣ	биѣны	—
								и, ма- и	—	—	—	бѣмы	маньки	—
Худо	Плохо	Вы . . .	бальвы	—	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	бальвы, тобкѣ	—
Дрянн	нехор	Себя . .	манька	снебѣ (бѣл. себѣ)	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	манька	—
Злой, диты		Мой . . .	маньковъ, манѣскій	чужовскій	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	маньковъ, манѣскій	—
		Твой . .	бальвинъ, бальвѣскій, бальвен- скій	твойбѣцкій	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	бѣтвѣ	тобковъ, тобѣскій	—
Добры		Свой . .	собѣскій	снебѣскій	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	собѣскій, совѣскій	—
Скупой		Его . . .	бѣяго	снегѣ	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	бѣяго	—
Богаты		Ея . . .	бѣяе	сней	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	бѣяе	—
Набожн	Грѣшн	Нашъ . .	манѣскій	чужовскій	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	манѣскій	маньковъ, скій, ма- нѣскій	—
Босой	Бѣдны	Ничего . .	—	—	—	никого	—	и, тоб-	—	—	—	—	—	—
		Вашъ . .	бальвинъ	твойбѣцкій	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	тобковскій, тобѣскій	—
		Тотъ . .	тѣнтый	тѣнтый	—	—	—	и, тоб-	—	—	—	—	битой	—

Сл с.	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Певъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Тонъ	Этотъ, сей												
Жид	(бѣлор. етый, ге- тый) . .	снѣчій	гѣтій	—	—	бѣтый	бѣсія	бѣенъ	—	—	бѣцей	бѣсій	—
Гусь	Кто . . .	тѣнты	якѣншій	—	—	—	бѣх-	кѣнты	—	—	—	кѣнто, кѣн- тый	—
Прѣ	Никто, ни- что . .	—	—	—	—	—	—	никѣнты	—	—	—	—	—
Слад	Нѣкто . .	—	—	—	—	—	ый	—	—	—	—	нѣкѣнто	—
Медъ	Что . . .	кѣро, икѣ- ро	кѣбра	—	—	—	—	кѣнто	—	—	—	кѣнто	—
Горь	Какой (бѣл. якій) . .	снякій	якѣмшій	—	—	—	—	бѣекій	—	—	бѣшо	кѣнтый	—
Кисл	Такой . .	—	такѣмшій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Солъ	Который .	кѣтѣсый	—	—	—	—	—	дѣтный	—	—	—	кѣнтый	—
Громъ	Чей . . .	—	—	—	—	—	чѣй-	—	—	—	—	—	—
Тихій	Самъ . .	сѣбасный	снямъ	—	—	—	ый	сѣбасный	—	—	—	сѣбасный	—
Хоро	Каждый, всякій .	вшацкій	—	—	—	—	ий	—	—	—	всѣській	вшацкій	—
Худой	Весь .	вшацкій	вшацкій	—	—	—	ий	—	—	—	—	—	—
Плохой	Хш. Нарвчя.												
Дрянный	Много . .	пѣсо, сой- пѣ	сойпо	—	—	—	галѣ-	пѣсо	пѣсо	—	пѣсо	пѣсо	—
Нехот	Больше .	шавлѣй	шавлѣй	—	—	—	ий	—	—	—	—	пѣкшѣй, големѣй	—
Злой, диты	Мало . .	мѣкро	мѣкро	—	—	—	—	мѣкро	—	—	—	мѣкро	—
Добры	Меньше .	мѣкрѣй	—	—	—	—	ий	—	—	—	—	мѣкрѣй, мѣкрѣй	—
Скупой	Скоро . .	мурѣомъ	мурѣомъ	—	—	—	тъ	мурѣомъ	—	—	—	мурѣомъ, мурѣомъ	—
Богатъ	Скорѣй .	мурѣжѣй	спѣржѣй	—	—	—	ѣй	—	—	—	—	мурѣжѣй, мурѣомъ	—
Набожн	Холодно .	сивѣрно	сивѣрно	—	—	—	ро	—	сивѣрно	сивѣрно	сивѣдно (вм. сивѣр- но)	сивѣрно, сивѣрно	—
Грѣшн	Жарко .	дулѣсно	дулѣсно	—	—	—	ро	духмѣрно	—	—	—	дулѣсно	—
Босой	Тепло . .	снопно	снопно	—	—	—	ро	снопно	снопно	—	—	снопно	—
Бѣдный	Богато .	стѣдно	стѣдѣрно	—	—	—	ро	—	—	—	—	стѣдно, стѣдневатѣ	—
	Богаче .	стѣднѣй	стѣдырнѣй	—	—	—	ро	—	—	—	—	стѣднѣй	—

Сл с	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шкловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Свская рнѣя.	Слуцъ.	Черниговская губернѣя.	Брянскъ.	Подольская губернѣя.	Лабарскій.	Польскій.
Тон	Бѣдно . .	кѹхто	кѹхто	—	—	—	ужно	—	—	—	—	шундеро- вато	—
Жи.	Бѣднѣе .	кухтѣй	кухтѣй	—	—	—	й, уж-	—	—	—	—	шундеро- ватѣй	—
Гусь	Ясно . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	лѣпно	—	—
Прѣ	Вмѣстѣ .	—	—	—	—	—	омъ	—	—	—	—	—	—
Слад	Хорошо .	шѣмско	шѣовско, клѣво	—	—	—	—	—	клѣво	—	клѣво	клѣво	—
Медь	Нехорошо	—	—	—	—	—	—	—	неклепано	—	—	—	—
Горь	Лучше . .	шѣмчѣй	шумѣй, клеватѣй	—	—	—	й	—	—	—	—	клѣватѣй	—
Кисл	Легко . .	кѹлегко	легкомно	—	—	—	ко	—	—	—	—	некѹвизно	—
Соле	Легче . .	кѹлегче	легкомнѣй	—	—	—	че	—	—	—	—	—	—
Гром	Тяжело .	—	—	—	кѹвезно	—	—	кѹтяжко	—	—	—	—	—
Тихи	Низко . .	кѹнизко	низкомно	—	—	—	дѣско	—	—	—	—	—	—
	Ниже . .	кѹнизче	низкомнѣй	—	—	—	дѣже	—	—	—	—	—	—
	Пышкомъ	кѹпѣш- комъ	—	—	—	—	удѣш- ѣйму- омъ ѣ их-	—	—	—	—	юркомъ	—
Хоро													
Худой	Бѣгомъ .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	мургомъ	—	—
Плохо	Близко, не- далеко .	нешалѣко	низкомно	—	—	—	мно	нешалѣко	—	—	—	нешалѣко	—
Дрянн	Далеко .	шалѣко, шалѣко	шалѣко, шалѣко	—	—	—	ко	—	—	—	шалѣко	шалѣко	—
нехор													
Злой,	Такъ . .	шѣкто	—	—	—	—	ѣ	бѣтакъ	—	—	—	бѣтакъ	—
диты	Какъ . .	снѣкъ	снѣкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	бѣякъ	—
	Никакъ .	ниснѣкъ	—	—	—	—	къ	—	—	—	—	—	—
Добры	Когда (бѣл. коли) .	коли	—	—	—	—	и	—	—	—	—	—	—
Скупой	Никогда, ниразу .	нисвѣзу	нисвѣзу	—	—	—	разу	—	—	—	—	—	—
Богатъ	Однажды, разъ . .	связъ	связъ	—	—	—	—	ѣдинъ кѹ- разъ	—	—	—	—	—
Набожи													
Грѣшн	Нарочно .	кѹнарошно	—	—	—	—	хъ	—	—	—	—	—	—
Босой	Гдѣ . . .	скрандѣ	скандѣ	—	—	—	—	кандѣ	—	—	—	кандѣ	—
Бѣдны	Нигдѣ . .	нискрандѣ	нискандѣ	—	—	—	дѣ	—	—	—	—	—	—
	Куда . .	шуды	кудѣсь (бѣлор. ку- да то)	—	—	долякѹсь (изврац. докуля)	ы	кандѣ	—	—	—	кандѣ	—

	С	Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шилевъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пелювль.	Слуцкь.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лабарскій.	Польскій.
Тое	Жи	Откуда (бѣлор откуль) .	—	откулясь	—	—	—	уль	азбѣкуль	—	—	—	збѣкуль	—
Гус	Прі	Здѣсь, туть . .	снюдь	туба	—	—	—	ь,	—	—	бездѣсь	—	бѣтутъ	—
Сла		Тамъ . .	снямъ	шамто	—	—	—	ть	тонтувъ	—	—	бѣтамъ	бѣтамъ	—
Мед		Вездѣ . .	кувездѣ	—	—	—	—	яц-	—	—	—	—	—	—
Гор.		Всюду . .	вшуду	вшяцкомъ	—	—	—	яц-	—	—	—	—	—	—
Кис.		Отсюда . .	отснѣчь	отгѣтуль	—	—	—	олю	отбѣтуль	—	—	—	збѣсюль	—
Соле		Сюда . .	снечъ	сюдысь	—	—	—	ы	—	—	—	—	бѣсюда	—
Гроз		Можно . .	скуможно, скумобжно	скуможно, скумобжно	—	—	—	ожно	подробяще	—	—	—	можимно (морживно)	—
Тихі		Нельзя . .	кунельзя	нескумоб- но	—	—	—	мож- унель-	—	—	—	—	неможимно	—
Хорс		Нѣтъ . .	няскенъ	ниськенъ	—	—	нѣскетъ	нь, идъ, ть, (бѣл.)	—	—	нѣститъ	нѣмитъ	нѣмитъ, нѣмытъ	—
Худо		Вотъ . .	шотъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Плох		Уже . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	бѣвже	—	—
Дрян		Сколько . .	кусолькои	—	—	—	—	льки	бѣкулько	—	—	—	посо	—
нехо		Вчера . .	—	снѣра	—	—	—	ера	—	—	—	кучѣрба	кучѣрбахъ	—
Злой,		Сегодня . .	кусенья	кусяни	—	—	—	ья	—	—	—	—	—	—
диты		Завтра . .	кузавтра	бавтра	—	—	—	тра	кузавтра	—	—	кузавтра	—	—
		Нужно . .	наскребенъ	наскобно	—	—	—	ба	потребяще	—	—	—	требошно	—
Добры		Плохо, дурно . .	хасъно	хусо ронъ- ко	—	—	—	—	—	—	хило	неклево	нехухо	—
Скуп.		Направо . .	—	—	—	—	—	—	—	—	накуправо	—	—	—
Богат		Налѣво . .	—	—	—	—	—	—	—	—	нашевалѣ- то	—	—	—
Набож		XIV. Фразы на условномъ язы- къ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Грѣшн		Будемъ Бо- гу молить- ся . . .	Корнемъ Ахвесу ча- нитца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Будемъ Ах- веса зитѣ- ти	—

[illegible]

Списокъ словъ.	Дрибинъ.	Шиловъ.	1786 г.	Новозыбковъ.	Жиздра.	Пилевъ.	Слуцкъ.	Черниговъ.	Брянскъ.	Подолье.	Лаборскій.	Польскій.
Хорошо поетъ .	—	клѣво (или шовско) хвѣситъ	клѣво кур-гаеть (соб. куграеть — играетъ)	—	—	—	—	—	—	—	клѣво пса-лить	—
Мой братъ хвораеть	—	чужбвскій збранъ хи-маеть	манѣкъ хильшаеть (собств. я хвораю)	—	—	—	—	—	—	—	манькоъ андруечъ труниѣ	—
Ударъ его по головѣ	—	учукнй снегѣ по лавдѣ	клѣви ка-пѣни по лаудѣ (не точно)	—	—	—	—	—	—	—	кѣпсай би-его по главдѣ	—
Ейбогу .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Хвесь ма-нѣйскый	—	—

Изъ пословицъ, загадокъ и поговорокъ нѣкоторыя, весьма не-мало переводятся на условные языки, напримѣръ: хавбы кущотъ любжать—деньги счетъ любжать и т. п. Но пѣсенъ и сказокъ не такъ много.

З

Д

Сл

Бс

На

Гл

Бо

Бѣ

Алфавитный указатель.

Адъ, 14.	Босой, 92.	Винокурня, 48.	Глазь, 32.	Дворъ, 46.	Ждать, 82.	Испражниться, 86.	Кормить, 84.
Аистъ, 62.	Бочка, 54.	Вишня, 68.	Глина, 10.	День, 12.	Желтый, 94.	Кабакъ, 48.	Коробка, 56.
Акаеистъ, 16.	Бояться, 88.	Вмѣстѣ, 112.	Глиняный, 96.	Двугривенный, 106.	Желѣзо, 10.	Кабачъ, 58.	Корова, 58.
Амбаръ, 48.	Бранить, 78.	Внукъ, 18.	Глубокій, 90.	Двѣнадцать, 102.	Жена, 20.	Каждый, 110.	Коса, 52.
Ангель, 14.	Брань, 78.	Вода, 8.	Глупый, 94.	Двѣсти, 102.	Женитьба, 86.	Какой, 110.	Косарь, 24.
Арбузь, 66.	Брать, 20.	Водить, 74.	Глупѣть, 78.	Десятый, 104.	Жениться, 86.	Какъ, 112.	Косить, 76.
Армякъ, 42.	Брать, 74.	Водка, 40.	Гнать, 84.	Десять, 100.	Женихъ, 29.	Калита, 56.	Костель, 16.
Аршинъ, 108.	Бревно, 66.	Воевать, 88.	Гнѣздо, 62.	Дежа, 56.	Женщина, 16.	Каль, 34.	Кость, 38.
Баба, 16, 18.	Бродяга, 26, 30.	Возжи, 56.	Говорить, 72.	Деньги, 104.	Жеребенокъ, 58.	Каменный, 96.	Котель, 54.
Баловаться, 88.	Бросить, 74.	Возить, 80.	Годъ, 12.	Деревня, 46.	Жеребецъ, 58.	Камень, 10.	Который, 110.
Бандура, 56.	Бумага, 72.	Войлокъ, 56.	Голова, 32.	Дерево, 66.	Жечь, 76.	Каморка, 48.	Котъ, 60.
Баня, 48.	Буравъ, 54.	Война, 88.	Голодный, 96.	Деревянный, 96.	Животъ, 32.	Капуста, 64.	Кошелекъ, 56.
Баранина, 38.	Бураки, 64.	Волкъ, 60.	Голубъ, 62.	Дерюга, 44.	Жиденокъ, 22.	Карманъ, 44.	Кошка, 60.
Баранокъ, 38.	Бурый, 94.	Волна, шерсть, 46, 62.	Голый, 98.	Десятка, 106.	Жидкий, 92.	Картофель, 40, 64.	Крапи, 44.
Баранъ, 60.	Бусы, 44.		Гора, 10.	Десятый, 28.	Жилеть, 42.	Картузъ, 46.	Красивый, 98.
Баринъ, 26.	Бутылка, 54.	Волость, 48.	Горло, 32.	Десятый, 104.	Жирный, 96.	Каша, 36.	Красный, 94.
Барыня, 26.	Быкъ, 58.	Волось, са, 34.	Городъ, 46.	Десять, 100.	Жить, 84, 86.	Кварта, 108.	Красть, 80.
Барышня, 26.	Быть, 68, 84.	Волчица, 60.	Горохъ, 64.	Дитя, 18.	Житье, 86.	Квась, 40.	Крестины, 84.
Башмакъ, 42.	Бѣгать, 70.	Воровство, 80.	Горшокъ, 54.	Добрый, 92.	Жолудъ, 68.	Квашня, 56.	Крестить, ся, 84.
Береза, 68.	Бѣгомъ, 112.	Ворота, 46.	Горькій, 92.	Дождь, 8.	Завтра, 116.	Кидать, 74.	Крестъ, 16.
Безногий, 96.	Бѣдно, 112.	Вортъ, 30.	Горѣть, 84.	Докторъ, 22.	Задавить, 82.	Кирпичъ, 50.	Кричать, 72.
Безрогий, 98.	Бѣдный, 92.	Восемь, 100.	Горчичъ, 94.	Домъ, 46.	Замокъ, 50.	Кисель, 40.	Кровать, 50.
Безсмертный, 90.	Бѣднѣе, 112.	Воскресенье, 12.	Гостъ, 28.	Дорога, 58.	Запереть, 88.	Кислый, 92.	Кровь, 34.
Благодарить, 82.	Бѣднякъ, 24.	Воскъ, 38.	Градъ, 10.	Дочь, 20.	Запирать, 72.	Кишки, 34.	Крупа, 36.
Близко, 112.	Бѣлый, 94.	Восьмой, 104.	Гречиха, 64.	Драка, 88.	Запирать, 86.	Класть, 82.	Крыльцо, 48.
Блинь, 36.	Бѣлье, 40.	Вотъ, 114.	Грибъ, 68.	Дратва, 42.	Заворить-рать, 88.	Кленъ, 68.	Крыша, 48.
Блоха, 62.	Бѣсъ, 14.	Вошь, 62.	Гривенникъ, 104.	Драться, 88.	Заяцъ, 60.	Клепки, 40.	Кръвкй, 98.
Блюдо, 54.	Валенки, 46.	Вставать, 70.	Гробъ, 50.	Дрова, 66.	Забывать, 74.	Клещи, 52.	Ксендзь, 24.
Бобъ, 64.	Вареники, 40.	Всюду, 114.	Громъ, 8.	Дрянной, 92.	Звонарь, 24.	Клопъ, 62.	Кто, 110.
Богато, 112.	Варить, 88.	Всякій, 110.	Громкй, 92.	Дубъ, 68.	Звонить, 84.	Клѣть, 48.	Кувшинъ, 54.
Богатый, 92.	Вата, 68.	Вторникъ, 14.	Грошъ, 104.	Дуракъ, 32.	Звѣзда, 8.	Ключъ, 50.	Куда, 112.
Богатѣть, 78.	Вашъ, 110.	Второй, 102.	Грудъ, 32.	Дурно, 116.	Здоровый, 98.	Книжка, 72.	Кузнецъ, 28.
Богаче, 112.	Ведро, 54, 108.	Vulva, 34.	Груша, 68.	Духовный, стихъ, 16.	Здѣсь, 114.	Кнутъ, 58.	Кузница, 48.
Богачъ, 24.	Вездѣ, 114.	Вчера, 114.	Грѣхъ, 14.	Душа, 14.	Зеленый, 94.	Кобылица, 58.	Кукуруза, 66.
Богъ, 14.	Веревка, 56.	Вы, 108.	Грѣшный, 92.	Дымъ, 8.	Земля, 8.	Ковать, 76.	Кулага, 40.
Божиться, 78.	Вередъ, 34.	Вылѣзть, 70.	Губы, 32.	Дыра, 44.	Земляника, 68.	Когда, 112.	Кулешъ, 40.
Бокъ, 34.	Верста, 106.	Высокій, 90.	Гулять, 82.	Дьячокъ, 24.	Зима, 12.	Коза, 60.	Кума, 22.
Болото, 12.	Веселиться, 90.	Вѣдать, 86.	Гумно, 48.	Дѣвица, 18.	Злой, 92.	Козель, 60.	Кумъ, 20.
Больной, 98.	Веселый, 98.	Вѣдма, 32.	Густой, 92.	Дѣвка, 18.	Знать, 86.	Козленокъ, 60.	Купать, ся, 74.
Больше, 110.	Весна, 12.	Вѣнецъ, 86.	Гусь, 60.	Дѣдъ, 18.	Золотъ, 10.	Соитum habere, 76.	Купецъ, 24.
Большій, 90.	Весь, 110.	Вѣнчать, ся, 86.	Давать, 74.	Дѣлать, 88.	Зрячй, 96.	Колбаса, 38.	Купчиха, 24.
Большой, 90.	Вечина, 38.	Вѣтеръ, 8.	Далеко, 112.	Дядька, 20.	Зубъ, 34.	Колесо, 52.	Куриль, 84.
Болѣзнь, 82.	Вечеръ, 12.	Визать, 80.	Дать, 74.	Еврей, 22.	Зять, 20.	Колодезь, 12.	Курипа, 60.
Болѣть, 82.	Взять, 74.	Гарнецъ, 108.	Два, 100.	Еврейка, 22.	Игла, 52.	Колоколь, 16.	Кусать, 84.
Борода, 34.	Вино, 40.	Гвоздь, 50.	Двадцать, 102.	Его, ея, 110.	Играть, 78.	Колокольня, 16.	Кусокъ, 36.
Борщъ, 36.	Виноватый, 98.	Гдѣ, 112.	Дверя, 48.	Ель, 68.	Идти, 78.	Колыбель, 50.	Кустъ, 66.
				Есть, 70, 84.	Икона, 16.	Комбѣно, 34.	Лаборъ, 28.
				Жандармъ, 26.	Имѣть, 74.	Комната, 50.	Лавка, 50.
				Жарить, 74, 88.	Индюкъ, 62.	Конокрадъ, 30.	Лавка винная, 48.
				Жарко, 112.	Искать, 76.	Конопля, 38, 66.	Лапти, 44.
				Жаръ, 8.	Исправникъ, 26.	Конь, 58.	Ласковый, 100.
				Жать, 76.		Еопать, 74.	Лгать, 86.
						Копѣйка, 104, 1	Легкій, 90.

Легко, 112.
 Легче, 112.
 Ледъ, 8.
 Лежать, 70.
 Лень, 44.
 Лира, 56.
 Лисица, 60.
 Листъ, 68.
 Литъ, 80.
 Лихорадка, 24.
 Лицо, 32.
 Лодка, 58.
 Ложиться, 70.
 Ложка, 54.
 Локоть, 32.
 Ломать, 80.
 Ломоть, 36.
 Лугъ, 12.
 Лукъ, 64.
 Луна, 8.
 Лучше, 112.
 Лыко, 68.
 Лѣкарство, 72.
 Лѣсъ, 12, 66.
 Лѣто, 12.
 Лѣчить, 72.
 Любить, 78.
 Люди, 18.
 Лагушка, 62.
 Лямецъ, 56.
 Шакъ, 68.
 Маленькій, 90.
 Малина, 68.
 Мало, 110.
 Малый, 90.
 Масло, 38.
 Мать, 18.
 Медвѣдь, 60.
 Медовый, 92.
 Медъ, 38.
 Мелкій, 90.
 Мельникъ, 30.
 Мельница, 48.
 Меньше, 110.
 Мерзнуть, 74.
 Мертвецъ, 32.
 Мертвый, 98.
 Милостыня, 16.
 Минуть, 84.
 Мириться, 88.
 Миска, 54.
 Миръ, 8.
 Много, 110.
 Можно, 114.
 Мой, 108.
 Мокрый, 94.
 Молитва, 16, 72.
 Молиться, 72.
 Молодой, 90.
 Молодуха, 22.
 Молоко, 38.
 Молотбить, 24.
 Молотить, 82.
 Молотокъ, 52.
 Молоть, 82.
 Молчать, 72.
 Монахъ, 24.
 Морковь, 66.
 Морозъ, 10.
 Мохнатый, 96.
 Мочить, ся, 86.
 Мужикъ, 18.
 Мужичка, 18.
 Мужчина, 16.
 Мужъ, 20.
 Музыкантъ, 28.
 Мука, 36.
 Муха, 62.
 Мы, 108.
 Мыть, ся, 74.
 Мышь, 60.
 Мѣдный, 96.
 Мѣдь, 10.
 Мѣнять, 76.
 Мѣстечко, 46.
 Мѣсяцъ, 12.
 Мѣхъ, 56.
 Мѣшокъ, 56.
 Мѣщанинъ, 24.
 Мѣщанка, 24.
 Мягкій, 94.
 Мясо, 38.
 Мятель, 10.
 Набожность, 16.
 Набожный, 92, 98.
 Навозъ, 62.
 Найти, 78.
 Накладывать, 82.
 Налѣво, 114.
 Наперстокъ, 52.
 Направо, 114.
 Народъ, 18.
 Нарочно, 112.
 Находить, 78.
 Начальникъ, 26.
 Нашъ, 110.
 Небо, 8.
 Невѣста, 22.
 Недѣля, 12.
 Нелзя, 114.
 Нести, 80.
 Нехорошо, 112.
 Нигдѣ, 112.
 Ниже, 112.
 Нижняя часть сии-
 ны, 34.
 Низкій, 90.
 Низко, 112.
 Никакъ, 112.
 Никогда, 114.
 Никольщина, 14.
 Никто, ничто, 110.
 Ниразу, 112.
 Нитка, 42.
 Ничего, 110.
 Нищій, 22.
 Нищина, 16.
 Мужъ, 20.
 Ножъ, 52.
 Носить, 80.
 Носъ, 32.
 Ночевать, 70.
 Ночь, 12.
 Нужно, 114.
 Нѣкто, 110.
 Нѣмой, 98.
 Нѣтъ, 84, 114.
 Нюхать, 88.
 Обмануть, 76.
 Обманывать, 76.
 Обора, 44.
 Обувать, ся, 76.
 Обѣдня, 16.
 Обѣдь, 36.
 Овесъ, 64.
 Овинъ, 48.
 Оврагъ, 10.
 Овца, 58.
 Овчина, 46.
 Огонь, 8.
 Огурецъ, 66.
 Одинъ, 100.
 Одиннадцать, 100.
 Однажды, 112.
 Одноглазый, 98.
 Одѣвать, 74.
 Одѣваться, 76.
 Озеро, 10.
 Озно, 48.
 Окно слуховое, 50.
 Олей, 38.
 Онуча, 44.
 Онъ, она, оно, они,
 онѣ, 108.
 Опрокинуть, 88.
 Орѣхъ, 38, 68.
 Оса, 62.
 Осень, 12.
 Осина, 68.
 Остерегаться, 88.
 Острый, 94.
 Ось, 52.
 Отецъ, 18.
 Откуда, 114.
 Отойти, 78.
 Отпустъ, 16.
 Отсюда, 114.
 Отцѣпить, 78.
 Падать, 78.
 Палець, 34.
 Палить, 76.
 Палка, 68.
 Пампушка, 40.
 Панъ, 26.
 Папироза, 56.
 Парень, 18.
 Паромъ, 58.
 Пасты, 82.
 Пастухъ, 28.
 Пасха, 14.
 Пасѣка, 52.
 Пахать, 80.
 Пекло, 14.
 Пенка, 44.
 Первый, 102.
 Передникъ, 42.
 Перина, 44.
 Перо, 4, 62.
 Перстень, 44.
 Песокъ, 10.
 Печь, 50.
 Печь (глаг.), 88.
 Пиво, 40.
 Пила, 54.
 Пирогъ, 36.
 Писанка, 38.
 Писаръ, 24.
 Писать, 72.
 Письмо, 72.
 Пить, 74, 78.
 Плакать, 72.
 Платокъ, 42.

Племянникъ, 20.
 Племянница, 20.
 Плечо, 34.
 Плотникъ, 28.
 Плохо, 114.
 Плохой, 92.
 Плясать, 82.
 Поводырь, 22.
 Повѣситься, 70.
 Погода, 8.
 Погребеніе, 32.
 Поддевка, 42.
 Подкова, 52.
 Подушка, 44.
 Пойти, 78.
 Поить, 78.
 Покрытка, 30.
 Покупать, 76.
 Полати, 50.
 Полгарница, 108.
 Поле, 10.
 Полицейскій чинъ,
 26.
 Полиція, 48.
 Пѣла, 50.
 Полночь, 12.
 Полный, 96.
 Половина, 104.
 Половинчикъ, 30.
 Полотенце, 46.
 Полпуда, 106.
 Полтинникъ, 106.
 Полфунта, 106.
 Поль, 50.
 Поляно, 66.
 Полякъ, 22.
 Помогать, 88.
 Помѣщикъ, 26.
 Понедѣльникъ, 12.
 Понимать, 86.
 Пономаръ, 24.
 Попадня, 24.
 Поповичъ, 24.
 Поросянокъ, 58.
 Поросятина, 38.
 Портной, 28.
 Постарѣть, 82.
 Постель, 44.
 Похлебка, 40.
 Похороны, 84.
 Подѣлать, 86.
 Почта, 48.
 Поясъ, 42.
 Править, 76.
 Праздникъ, 14.
 Праздновать, 74.
 Преступникъ, 28.
 Приказчикъ, 24.
 Принять, 84.
 Продавать, 76.
 Просить, 72.
 Просо, 64.
 Простыня, 46.
 Прыгать, 82.
 Прѣсный, 92.
 Прятать, 84.
 Псальма, 16.
 Публичная женщи-
 на, 30.
 Пуговица, 42.
 Пудъ, 106.
 Пушной хлѣбъ, 34,
 96.
 Пчела, 62.
 Пшеница, 64.
 Пшено, 36.
 Пьяница, 30.
 Пьяный, 98.
 Пѣсня, 80.
 Пѣтухъ, 60.
 Пѣть, 72, 80.
 Пѣшкомъ, 112.
 Пятакъ, 104.
 Пятиалтынный, 106.
 Пятница, 14.
 Пятый, 102.
 Пять, 100.
 Работа, 70.
 Работать, 70.
 Работникъ, 28.
 Разбойникъ, 30.
 Развратникъ, 30.
 Разговоръ, 72.
 Разумный, 94.
 Разъ, 100.
 Рай, 14.
 Ракъ, 64.
 Рвать, 80.
 Ровъ, 10.
 Рогъ, 62.
 Родины, 84.
 Родить, ся, 84.
 Рожь, 64.
 Рогъ, 32.
 Рубецъ, 44.
 Рубить, 86.
 Рубль, 106.
 Ругать, ся, 78.
 Ружье, 52.
 Рука, 32.
 Рукавица, 42.
 Русскій, 22.
 Рыба, 62.
 Рѣдка, 64.
 Рѣзать, 76.
 Рѣка, 10.
 Рѣпа, 64.
 Рѣшето, 52.
 Рюмка, 54.
 Сабля, 52.
 Садиться, 70.
 Садъ, 68.
 Сажень, 106.
 Сало, 38.
 Самоваръ, 54.
 Самъ, 110.
 Сани, 54.
 Сапоги, 42.
 Сапожникъ, 28.
 Сарай, 48.
 Сахаръ, 40.
 Сбросить, 74.
 Свадьба, 22, 86.
 Свать, 20.
 Сваха, 20.
 Свекла, 64.
 Свинья, 58.
 Свирѣль, 56.
 Свитка, 42.
 Свой, 108.
 Свѣтъ, 8.
 Свѣча, 50.
 Свѣча восковая, 14.
 Связанный, 98.
 Святить, ся, 82.
 Святой, 90.
 Священникъ, 24.
 Себя, 108.
 Сегодня, 114.
 Седьмой, 102.
 Сей, 110.
 Селедка, 62.
 Село, 46.
 Семь, 100.
 Семья, 16.
 Сердитый, 92.
 Сердиться, 78.
 Рубецъ, 44.
 Рубить, 86.
 Серебряный, 96.
 Серпъ, 54.
 Серьезный, 98.
 Сестра, 20.
 Сидѣть, 70.
 Сильный, 98.
 Синій, 94.
 Сито, 52.
 Скамья, 50.
 Скатерть, 46.
 Скворода, 54.
 Сколько, 114.
 Скоро, 110.
 Скорый, 96.
 Скорѣй, 112.
 Скрипка, 56.
 Скупой, 92.
 Слабый, 98.
 Сладкій, 92.
 Слива, 68.
 Слуга, 24.
 Служба, 84.
 Служанка, 24.
 Служить, 84.
 Случать, 88.
 Слушать, 70.
 Слышать, 70.
 Слѣпецъ, 28.
 Слѣпой, 96.
 Смерть, 14.
 Смородина, 68.
 Смотрѣть, 70.
 Смѣхъ, 72.
 Смѣяться, 72.
 Снѣгъ, 8.
 Собака, 60.
 Солдатка, 28.
 Солдаты, 28.
 Соленый, 92.
 Солить, 74, 84.
 Солнце, 8.
 Солома, 66.
 Соломенный, 96.
 Соль, 36.
 Сорокъ, 112.
 Сорочка, 40.
 Сосна, 68.
 Сотка, 108.
 Сотскій, 26.
 Соха, 52.
 Спать, 70.
 Спички, 8.
 Среда, 14.

Легко	Средній, 90.	Течь, 80.	Фунтъ, 106.	Четверикъ, 108.
Легче	Стаканъ, 54.	Теща, 20.	Хата, 46.	Четвертакъ, 106.
Ледъ,	Становой, 26.	Тихій, 92.	Хватать, 88.	Четвертная, 106.
Лежа	Староста, 26.	Ткать, 76.	Хвостъ, 62.	Четвертый, 102.
Ленъ,	Старостиха, 26.	Ткачъ, 76.	Хитрецъ, 32.	Четверть, 108.
Лира,	Старуха, 18.	Товарищъ, 28.	Хитрый, 94.	Четыре, 100.
Лиси	Старшина, 24.	Толстый, 90.	Хлопецъ, 18.	Чечевича, 64.
Лист	Старый, 90.	Тонкій, 92.	Хлѣбъ, 34, хл. пуш-	Чиновникъ, 26.
Лить,	Старѣться, 82.	Топоръ, 54.	ной, 34, хл. бѣ-	Чистить, 80.
Лихо	Стекло, 58.	Горба, 56.	лый, 36.	Чистый, 94.
Лицо,	Сто, 102.	Тотъ, 110.	Ходить, 70, 78.	Читать, 72.
Лодка	Столъ, 50.	Трава, 66.	Хозяйка, 30.	Что, 110.
Ложи	Стоять, 70.	Третій, 102.	Хозяинъ, 30.	Чугунъ, 10, 54.
Ложк	Стоячий, 98.	Три, 100.	Холодно, 112.	Чужестранецъ, 22.
Локоз	Стража, 26.	Тридцать, 102.	Холодный, 94.	Чужой, 98.
Ломъ	Стричь, 76.	Тронъ, 106.	Холодъ, 10.	Чулки, 44.
Ломо	Строгий, 98.	Труба пастушеская,	Холодѣть, 74.	Шалить, 88.
Лугъ,	Струна, 56.	56.	Холстъ, 44.	Шанка 42.
Лукъ,	Стрѣлокъ, 30.	Трубка таб., 56	Холщевый, 96.	Шаповаль, 28.
Луна,	Стулъ, 50.	Тряпка, 46.	Хомутъ, 56.	Шерсть, 62.
Лучш	Суббота, 14.	Трясти, 88.	Хоронить, 84.	Шестой, 102.
Лыко	Сука, 60.	Тулупъ, 42.	Хорошій, 92.	Шесть, 100.
Лѣка	Сукно, 44.	Тупой, 94.	Хорошо, 112.	Шея, 34.
Лѣсь,	Сумка, 56.	Тутъ, 114.	Хотѣть, 70.	Шило, 52.
Лѣто,	Сундукъ, 50.	Туча, 8.	Христианинъ, 16.	Шинкаръ, 30.
Лѣчи	Супъ, 36.	Ты, 108.	Христосъ, 14.	Шить, 74.
Люби	Сухари, 36.	Тыква, 66.	Хромой, 30, 96.	Шкура, 62.
Люди.	Сухой, 94.	Тысяча, 102.	Хрѣнъ, 66.	Шляпа, 42.
Лягуш	Сушить, 88.	Тѣсто, 36.	Худой, 92.	Шляхтичъ, 22.
Ляме	Схватить, 88.	Тюфякъ, 46.	Царь, 16.	Шовъ, 44.
Макъ,	Считать, 72.	Тяжело 112.	Цѣтъ, 66.	Штаны, 42.
Мале	Сынъ, 18.	Тяжелый, тяжкій, 96.	Церковь, 16.	Шуба, 42.
Мали	Сыръ, 38.	Убивать, 88.	Цыбуля, 64.	Щенокъ, 60.
Мало,	Сѣмечки, 40.	Убить, 88.	Цыганенокъ, 22.	Щи, 36.
Малы	Сѣни, 46.	Увеличивать, ся, 80.	Цыганка, 22.	Щипцы, 52.
Масл	Сѣно, 66.	Увеличить, ся, 80.	Цыганъ, 22.	Ъхать, 70.
Мать,	Сѣрый, 94.	Уже, 114.	Цыпленокъ, 60.	Ъсть, 78.
Медв	Сѣчь, 86.	Улей, 52.	Цѣловать, ся, 86.	Экономка ксендзов-
Медо	Сѣять, 80.	Уменьшать, ся, 80.	Цѣлый, 98.	ская, 18.
Медъ.	Сюда, 114.	Уменьшить, 80.	Цѣль, 58.	Этотъ, 110.
Мелк	Табакъ, 66.	Умереть, 84.	Чай, 40.	Юбка 42.
Мелы	Такъ, 112.	Умирать, 84.	Чайникъ, 54.	Я, 108.
Мелы	Такой, 110.	Умѣть, 86.	Часть, 12.	Яблоко, 68.
Мены	Тамъ, 114.	Урядникъ, 26.	Чашка, 54.	Яблоны, 68.
Мерз	Танцевать, 86.	Утка, 60.	Чей, 110.	Ягненокъ, 60.
Мерт	Тарелка, 54.	Утонуть, 80.	Человѣкъ, 16.	Ягода, 68.
Мерт	Твердый, 94.	Утро, 12.	Червякъ, 62.	Языкъ, 32.
Мило	Твой, 108.	Ухо, 32.	Черника, 68.	Яйцо, 38.
Мину.	Теленокъ, 58.	Уходить, 78.	Черный, 94.	Яма, 10.
Мир	Телѣга, 52.	Ученіе, 82.	Черствый, 94.	Ярмарка, 76.
Миск	Тепло, 112.	Учитель, ница, 26.	Чертъ, 14.	Ясно, 112.
Міръ,	Теплый, 94.	Учить, 82.	Чесать, ся, 74.	Ячмень, 64.
Мног	Тестъ, 20.	Phallus, 34.	Чеснокъ, 64.	Ядерица, 62.
	Тетка, 20.	Фасоль, 66.	Четвергъ, 14.	

16.558

Изданія Е. Р. Романова.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 1 и 2. Пѣсни, пословицы и загадки. Кіевъ, 1886.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 3. Сказки. Витебскъ, 1887.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 4. Сказки космогоническія и культурныя. Витебскъ, 1891.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 5. Заговоры, апокрифы, духовные стихи. Витебскъ 1891. (Выпуски эти распроданы.)

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 6. Сказки. Могилевъ, 1901. Ц. 2 р.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 7. Бѣлорусскія народныя мелодіи. СПб. 910. Ц. 1 р.

Бѣлорусскій Сборникъ, вып. 8. Бытъ бѣлорусса. Вып. 9. Опытъ словаря условныхъ языковъ Бѣлоруссіи. Вильна, 1912. Ц. 3 р. 50 к.

Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи. Могилевъ, 1898. (Распродано).

Могилевская Старина, вып. 1—3. Могилевъ, 1900—1903. (Распродано).

Старина доисторическая въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вильна, 1908. Ц. 20 к.

Краткія указанія для совершенія археологическихъ экскурсій. Вильна, 1909. Ц. 20 к.

Варколабовская лѣтопись. Вильна, 1910. Ц. 50 к.

Археологическій очеркъ Гомельскаго уѣзда. Вильна, 1910. Ц. 50 к.

Къ археологіи Сѣверо-Западнаго края. Вильна, 1911. Ц. 20 к.

Древнія русскія пословицы, по сборнику Романова. Вильна, 1912. Ц. 40 к.

Борисовъ камень въ с. Высокомъ Городцѣ. Вильна, 1912. Ц. 20 к.

Археологическія развѣдки въ Могилевской губерніи. Вильна, 1912. Ц. 50 к.

Складъ въ г. Вильнѣ, у Е. Р. Романова.